This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,085,756

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

192 т.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ IV.

БИБЛІОТЕКА
КОНСТАНТИНА ЖИТГОФАНОВИЧА ЖИЖЧИНА
18____г. цѣна ,, ,,

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.
1862.

891.706
L722
v.4-5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 23 мая 1862 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

G1-107918

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стр.

Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія. Двѣ лекціи изъ курса исторіи русской литературы *Ѳ. И. Буслаева*. 3

II. МАТЕРІЯЛЫ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя въ саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой* и *Н. И. Костомаровымъ*. . . . 3

Повѣсти о царѣ Соломонѣ. Съ приложеніемъ шести хромолитографированныхъ снимковъ съ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину. 112

Рождественская драма 154

III. СМѢСЬ.

Нѣкоторыя черты о обществѣ духоборцевъ. (Писано въ 1805 году) 3

О народахъ на страшномъ судѣ, по одному лицевому сборнику XVII вѣка Новгородской Софійской Библіотеки. *Ѳ. И. Буслаева*. 16

Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ. Сообщена *Н. Л.* 19

Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрійскаго. Сообщенъ *А. Е. Викторовымъ* 28

Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова къ Г. В. Козицкому. 29

Донесеніе о масонахъ 49

стр.

Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Сочиненіе *Ивана Алексѣева* († 1755) 53

Письмо М. Н. Муравьева къ Г. Карманову 69

Записка дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны, исправленная рукою Н. М. Карамзина. 70

Нѣсколько народныхъ заговоровъ. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 72

Выписка изъ письма дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны къ А. И. Тургеневу 81

Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова*. . 82

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

И тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на эти мѣстныя черты общей русской національности, что, вошедши въ основу народной жизни, онѣ на время потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ, потому что литература новая, т. е. съ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка до нашихъ временъ, стремится уже стать выше всякаго мѣстнаго стѣсненія. Это уже не кіевская литература, не новгородская, муромская или владимірская, даже не московская или петербургская, но вообще литература *русская* или, точнѣе сказать, *великорусская*. Даже въ самомъ внѣшнемъ выраженіи, новая литература ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе; она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитія литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполнѣ простить новой литературѣ, что она заглушила своей дѣятельностію все провинціальное, если бы она была дѣйствительно русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ русское государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того, отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влачилась по слѣдамъ литературъ западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. И такъ надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни.

Монументальные остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и безполезныя для практическаго употребленія развалины, имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: онѣ говорятъ о старинѣ и преданіи и наглядно поучаютъ каждаго, точно также какъ и стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миніатюры въ народныхъ книгахъ предназначались нѣкогда для назиданія неграмотныхъ. Неистощимое богатство и разнообразіе этихъ монументальныхъ слѣдовъ на Западѣ и необыкновенная бѣдность и однообразіе у насъ—на

первомъ же шагу при вступленіи въ обозрѣніе національныхъ преданій по разнымъ мѣстностямъ нашего отечества—должны бы, кажется, остановить насъ.

И дѣйствительно, разнообразіе древнихъ зданій, сооруженій и вообще осязаемыхъ остатковъ прошедшаго сильнѣе вкореняетъ въ народѣ его поэтическія и бытовыя преданія; народъ крѣпче и надежнѣе усаживается на мѣстности, которая уже сама говоритъ ему о его прошедшемъ, о его родѣ и племени, о его вѣковыхъ привычкахъ и симпатіяхъ. У насъ же на Руси при великомъ недостаткѣ въ мастерахъ и въ техническихъ средствахъ, самый матеріалъ, изъ котораго городили города и сооружали храмы, препятствовалъ долговѣчности: это не камень, а дерево, которое легко исчезало и отъ перемѣнъ суроваго климата и отъ огня. Сравнивая это, по видимому, противоположное отношеніе къ родной старинѣ и на западѣ и у насъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ приходили къ тому убѣжденію, что русскій народъ не привыкъ дорожить своею исторической жизнію, не умѣетъ и не можетъ дорожить ею; будто, за отсутствіемъ прочныхъ національныхъ преданій, русскій народъ, не будучи прикрѣпленъ къ родной мѣстности никакими историческими воспоминаніями, можетъ только, или безсмысленно коснѣть въ суевѣріяхъ раскола, или же—безо всякаго сожалѣнія промѣнять свой получеловѣческій бытъ на всякій другой, по новымъ требованіямъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Этотъ взглядъ, поселяющій презрѣніе къ русскому народу, могъ образоваться только по крайнему невѣдѣнію исторіи русскаго быта и литературы.

Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстныя преданья не только отъ временъ Іоанна Грознаго, отъ временъ Татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи миѳической. Извѣстны древнѣйшія поэтическія и литературныя преданія Новагорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы то къ какому-нибудь собственному имени монастыря, какъ, напр., *Перюнскій Скитъ*, въ новгородскихъ сказаніяхъ, то къ урочищу, какъ *Кожемяки* въ Кіевѣ и т. п.

Теперь переходя въ сѣверовосточную глушь древней Руси XII и XIII в., въ Залѣсье, въ дикую страну суздальской области, увидимъ, что изъ нея доносятся до насъ самыя раннія преданія о городѣ Владимірѣ, объ этомъ центрѣ новаго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Москвѣ. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ литературныхъ и народныхъ сказаніяхъ начало Москвы связывается съ учрежденіемъ велико-княжеской власти въ Владимірѣ. Дѣйствительно и въ политическомъ отношеніи Владиміръ составляетъ естественный переходъ отъ Кіева къ Москвѣ.

Намъ уже извѣстны основныя нити преданія, сохранявшагося въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго, фамильнаго преданія, которыми съ кіевскою святынею связывалась земля ростовская и суздальская, то есть наслѣдственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Мы уже знаемъ, какъ было дорого этому княжескому роду кіево-печерское преданіе о Варягѣ Шимонѣ, знаемъ, что варяжскія святыни прославлены были чудесами, особенно въ фамиліи Всеволода, и что сынъ его Владиміръ Мономахъ взявъ мѣру кіево-печерской церкви Успенія Богородицы, мѣру, опредѣленную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь во всемъ сходную съ кіево-печерскою и въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; и что, наконецъ, сынъ его Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ, своего отца о чудесахъ печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи въ городѣ Суздалѣ. Андрей Боголюбскій, по внушенію фамильныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору на Клязьмѣ.

Это родовое кіево-печерское преданіе соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ иконой Богоматери Пирогощей, была принесена изъ Царяграда [1]) въ даръ Юрію Долгорукому въ Кіевъ другая икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою. Она была постановлена въ Вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и

[1]) Имя—слѣдуя преданіямъ—отъ купца, *Пирогоща*, который вывезъ икону, или вѣрнѣе отъ мѣста, гдѣ она была поставлена, на *Пирогощѣ*. И доселѣ около Кіева есть селеніе Пирогово.

скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца великими чудесами. «Крилошаны входятъ въ церковь—говоритъ кіевскій лѣтописецъ—а та чудная икона, съ мѣста своего вышедъ, стоитъ особѣ среди церкви своей. И молился князь Андрей (т. е. Боголюбскій) той иконѣ, и взялъ ночью святую икону безъ отчаго повелѣнія и поѣхалъ на русскую землю съ своею княгинею и съ своимъ *дворомъ* и взялъ съ собою крилошанъ Вышегородскихъ, попа Микулу и зятя его, Нестора дьякона. И много чудесъ было имъ идущимъ до Владиміра отъ чудной иконы; и поставилъ ей храмъ на рѣкѣ на Клязьмѣ и двѣ церкви каменныя.»

Благочестивый и воинственный князь Андрей Юрьевичъ, во всѣхъ своихъ походахъ постоянно имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону, привезенную изъ Вышегородскаго монастыря, и мечъ св. Бориса, который былъ нѣкогда княземъ въ землѣ ростовской, въ дѣдинѣ и отчинѣ князя Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь при содѣйствіи святочтимой иконы, побѣдивъ 1-го января 1164 г. Болгаръ, въ одинъ день съ побѣдою греческаго императора Мануила надъ Сарацинами, установилъ праздновать въ этотъ день память той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона получила *имя* Владимірской [1]). Къ этому надобно присовокупить, что 26 августа 1395 г., по желанію великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна, эта икона была перенесена въ Москву, спасла ее отъ наше-

[1]) Съ Владимірской иконою не должно смѣшивать Боголюбскую, которая отличается отъ нея изображеніемъ, и, которая представляя видѣніе, бывшее Андрею Боголюбскому, по его заказу была писана *иностранными изографами* (т. е. живописцами).—Отправившись изъ Вышеграда съ иконою, писанною евангелистомъ Лукою, Андрей Юрьевичъ черезъ Владиміръ хотѣлъ ѣхать въ Ростовъ. Но икона остановилась и ничѣмъ не могли ее сдвинуть съ мѣста. Велѣно было пѣть молебны. Къ ночи князь вошелъ въ свой шатеръ и долго со слезами молился; тогда «въ полуночи,—какъ сказано въ житіи этого князя,—явилась сама Пресвятая Богородица *очевидно* въ наметѣ стоящая, держа въ одной рукѣ хартію, и сказала ему: не хощу, да образъ мой несеши въ Ростовъ, но постави его во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ, во имя моего Рождества церковь каменную воздвигни и обиталище инокомъ состави.»—Такимъ образомъ и былъ основанъ городъ Боголюбовъ, и монастырь Боголюбскій. И такъ подъ напіеемъ высшихъ божественныхъ силъ, надобно было оставить старые города, бѣжать изъ Кіева, даже тайно—какъ говоритъ преданіе о князѣ Андреѣ, и, не доходя до стараго Ростова, основаться на новомъ, дотолѣ необитаемомъ мѣстѣ. Таковъ историческій смыслъ этихъ священныхъ преданій.

ствія Тамерлана, и постановлена въ Успенскомъ Соборѣ, которымъ Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ.—Встрѣчена была иконавъ Москвѣ на *Кучковомъ* полѣ, гдѣ тогда же былъ построенъ Срѣтенскій монастырь.

Для насъ въ литературномъ отношеніи особенно важно это *Кучково* Поле, напоминающее родственниковъ и убійцъ Андрея Юрьевича, т. е. фамилію *Кучковыхъ*, о которыхъ сказанія принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ владиміро-московскимъ.

Теперь перейдемъ собственно къ поэтическимъ мѣстнымъ сказаньямъ и преданьямъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что христіанскіе просвѣтители водружали крестъ и ставили храмъ истинному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ. Построеніе городовъ нашими князьями было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ сѣверовосточной Руси. Судя по урочищамъ, и доселѣ удержавшимъ языческія названія, надобно полагать, что около города Владиміра издавна было какое-то средоточіе мѣстныхъ жителей-язычниковъ. Долина находящаяся между Владиміромъ и Боголюбовымъ, и доселѣ именуется *Яриловой*. *Ярило* (отъ *ярый*—свѣтлый и горячій и *ярь*—весна, оттуда *яровой* хлѣбъ) было божество плодоносящее, божество свѣта и тепла весенняго времени. Потому и доселѣ на Яриловой долинѣ, между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ, ежегодно *весною*, въ день Сошествія Св. Духа бываетъ простонародное гулянье съ хороводами, въ которыхъ особенно въ этотъ день поется языческая пѣсня:

А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой, *Дидъ Ладо*! сѣяли.

По Яриловой долинѣ протекаетъ рѣчка *Почайна* — южное имя, вывезенное, вѣроятно, изъ Кіева дружинами Мономаховичей. Почайна орошаетъ такъ называемый *Княжій Лугъ*.

Во владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о другомъ языческомъ божествѣ, *о Волосѣ*, въ наименованіи Волосова

Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиміра). По преданію, сохранившемуся въ народѣ, Николаевскій монастырь стоялъ на возвышенности, надъ рѣкою Каличкою, на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу, и церковь и монастырскія строенія были деревянныя. Но потомъ образъ Св. Николая угодника съ этого мѣста сходилъ туда, гдѣ впослѣдствіи была построена каменная церковь — уже подъ горою, — и являлся на деревѣ висящимъ на *волосахъ*, почему будто бы и монастырь получилъ названіе *Волосова:* это уже этимологія позднѣйшихъ временъ, когда уже стало забываться миѳологическое значеніе Волоса.

Теперь переходимъ къ сказаніямъ, связывающимъ начало Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго. Исторически извѣстно, что Москва какъ маленькое мѣстечко отдаленной суздальской области, существовала уже въ 1147 г., когда марта 28 угощалъ въ ней Георгій Долгорукій Святослава Ольговича и бояръ его. Разсказываютъ позднѣйшія лѣтописи, будто Георгій же и построилъ этотъ городъ. Къ этому присовокупляютъ, будто бы этотъ князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ село богатаго боярина *Степана Ивановича Кучки*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, а сына его Андрея, княжившаго тогда во Владимірѣ суздальскомъ, женилъ на прекрасной дочери казненнаго боярина [1]). По сказаніямъ, эта супруга Андрея называлась Улитою. Какъ бы то ни было, но исторически извѣстно, что братья ея Кучковичи ночью въ расплохъ умертвили князя Андрея въ Боголюбовѣ, мстя за то, что онъ казнилъ за какое-то преступленіе одного изъ ихъ братьевъ. Можетъ быть, въ этомъ убійствѣ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ грабежѣ, слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворявшейся въ центрѣ ихъ новой силы. Но для насъ важна именно эта семейная драма, которая оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ.

---

[1]) Карамзина, Истор. Госуд. Рос. Т. 2, стр. 217. примѣч. 301 по второму изданію.

Въ народѣ доселѣ живутъ преданія о мѣстѣ казни убійцъ Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ семи отъ города Владиміра, не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ называемое *Пловучее Озеро* [1]), съ одной стороны окруженное густымъ сосновымъ боромъ, а съ другой мелкимъ кустарникомъ. Болотистые заросшіе мхомъ берега его, обильные ягодами, привлекаютъ сюда горожанъ и поселянъ. Но лишь только начинаетъ смеркаться, всѣ спѣшатъ удалиться отъ этого озера, въ черной водѣ котораго будто бы и доселѣ плаваютъ колоды съ тѣлами казненныхъ убійцъ князя Андрея Боголюбскаго. Мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега озера къ другому, преданіе обратило въ могильныя колоды, не сгнившія будто бы въ теченіе многихъ столѣтій. Тѣла Кучковичей, которыхъ,—какъ говоритъ преданіе,—вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятками, стали неподвержены тлѣнію для вѣчныхъ томительныхъ мученій. Ночь на 29 іюня, когда въ 1175 г. было совершено убіеніе князя Андрея—по мѣстнымъ разсказамъ—бываетъ самая мучительная для Кучковичей и самая страшная для запоздалаго путника. Будто бы слышится тогда унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, колоды ихъ потрясаются и озеро волнуется.—Фантазія народная, отдавая такимъ образомъ по своему отчетъ объ историческихъ дѣятеляхъ отдаленной эпохи, не пощадила въ своихъ преданіяхъ и супруги Андреевой, Улиты, которая будто бы волею или неволею была соучастницею въ злодѣяніи.

Тоже въ верстахъ въ семи отъ Владиміра, по большой муромской дорогѣ, есть другое озеро, называемое *Поганымъ* или *Поганцомъ*. Въ народѣ разсказывается, будто по повелѣнію брата Андреева, Михаила за свое преступленіе княгиня Улита, дочь Кучки, брошена въ это озеро съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и будто бы съ тѣхъ поръ получило оно названіе *Поганаго*.

Та же самая семейная драма, съ измѣною, убійствами и местью вносится въ сказанія о началѣ Москвы, съ грубыми анахронизмами, но, очевидно по стариннымъ народнымъ пре-

---

[1]) Древній Боголюбовъ городъ и монастырь. Доброхотова 1852 г. стр. 116—118.

даніямъ. Кучковичи и Улита также играютъ главные роли, но стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, и вмѣсто Андрея Боголюбскаго является какой-то, Данило Ивановичъ, иначе Александровичъ [1]). Самое уже начало одного изъ этихъ сказаній, по рукописи XVII вѣка, своимъ размѣромъ напоминаетъ народные стихи и сказки. «Почему было бы *на* Москвѣ царству быти, и кто зналъ, что Москвѣ царствомъ слыти? Были на семъ мѣстѣ по Москвѣ-рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки Степана Ивановича. Боярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данила Александровичъ Невскаго и пача просити у Кучки боярина дву сыновъ его къ себѣ во дворъ, а если не отдастъ, то князь Даніилъ суздальскій грозилъ ему войною; Кучка устрашился князя и отдалъ ему обоихъ сыновей. Даніилъ одного изъ нихъ пожаловалъ въ стольники, другаго въ чашники. Были они оба прекрасны и супругу князя Даніила, княгиню Улиту Юрьевну (?) — какъ сказано въ подлинникѣ *уязви враг:* возлюбила она «красоту лица ихъ» и вмѣстѣ съ ними составила преступный планъ, какъ бы погубить князя, и рѣшено было привести его въ исполненіе на охотѣ. Кучковичи позвали князя Даніила *въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрскаго уловленія зайцевъ*. Во время охоты напали они на князя и его ранили. Раненный князь ускакалъ отъ нихъ на конѣ въ лѣсъ, потомъ бросивъ коня, дошелъ до Оки-рѣки, и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на ту сторону. У князя въ ту пору денегъ съ собой не было, заплатить за перевозъ нечѣмъ и перевощикъ не узнавъ князя, подплывая къ нему съ другой стороны, говорилъ: «лихи-де вы люди обманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку (по древнему вмѣсто: черезъ рѣку), и вы не давъ ничего такъ и уходите.» Несчастный Даніилъ предлагаетъ перевощику свой перстень.—Перевощикъ не довѣряя обѣщанію, требуетъ, чтобъ перстень былъ ему отданъ впередъ. Протянулъ изъ лодки весло, и князь положилъ на него свой перстень. Но коварный лодошникъ, взявъ плату, отчалилъ лодку и оставилъ князя на берегу. Тогда князь, боясь сво-

---

[1]) Временникъ 1851 г. № 11. Сказаніе о началѣ Москвы. Слич. тоже у Карамзина Т. 2 Пр. 301.

ихъ гонителей, влѣзъ въ маленькій срубъ, гдѣ былъ погребенъ какой-то мертвецъ. Между тѣмъ Кучковичи вездѣ искали его и не находили. Они очень безпокоились, чтобъ князь Данила не отправился во Владиміръ къ своему брату Андрею Александровичу и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ не отомстилъ имъ за измѣну. Тогда княгиня Улита говорила братьямъ Кучковичамъ, повѣдая имъ всѣ тайны своего мужа: «есть де у мужа моего песъ *выжлецъ*, и какъ де онъ, князь Даніилъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побоище, на Татаръ или крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ, поѣзжая: егда де я отъ Татаръ или крымскихъ людей убіенъ буду, или инымъ какимъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ человѣческихъ сыскати или познати мя немощно; и ты пошли на взысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити того пса передъ собою просто, а самимъ ѣхати за псомъ, и той песъ взыщетъ мя не ложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно.» И дала княгиня Улита Кучковичамъ того пса. Онъ бросился по слѣдамъ своего любимаго господина, и нашедши его *нача шіею вертѣти и махати, радуясь ему*. Застигнувъ такимъ образомъ князя, Кучковичи убили его, похоронивъ его тѣло въ томъ самомъ срубѣ. Потомъ пріѣхали въ городъ Суздаль и привезли княгинѣ Улитѣ кровавую ризу ея убитаго супруга.

Но скоро дошла вѣсть объ этомъ злодѣяніи во Владиміръ городъ ко князю Андрею Александровичу. Отъ князя Данила остался юный сынъ Иванъ Даниловичъ. Вѣрный слуга по имени Давидъ, сжалившись надъ нимъ, увезъ его во Владиміръ и разсказалъ тамъ о случившемся.

Составитель сказанія сравниваетъ въ этомъ мѣстѣ убіеннаго Даніила съ Борисомъ и Глѣбомъ, а Кучковичей съ Святополкомъ, *рекомымъ Поганополкомъ*, Андрея же Александровича, какъ мстителя за своего брата, сравниваетъ съ Ярославомъ. Это риторическое отступленіе имѣетъ для насъ ту цѣну, что, по Владимірскому сказанію, Андрей Боголюбскій также сближается съ св. Борисомъ: при немъ всегда былъ мечъ этого князя мученика.

Князь Андрей собралъ во Владимірѣ войско и пошелъ на Суздаль. Кучковичи пришли въ ужасъ, не будучи въ силахъ

отразить нападеніе, а Суздальцы, нисколько не сопротивляясь Андрею, говорили: «Мы не совѣтники на смерть государя своего и не участники въ убіеніи твоего брата» — и выдали княгиню Улиту, которая тогда же была казнена. Потомъ, взявъ съ собой и суздальское ополченіе, Андрей отправился на Степана Ивановича Кучку, а около его красныхъ селъ не было тогда *ограды каменной* и *острога деревяннаго;* потому князь легко взялъ приступомъ тѣ *села и слободы красивыя*, и плѣнивъ Кучку съ его обоими сыновьями, всѣхъ ихъ казнилъ смертію. Однако, селъ и слободъ тѣхъ по обычаю времени не пожогъ; но остался тамъ отдохнуть, а на утро осмотрѣлъ всѣ села и слободы. — И вложилъ ему Богъ въ сердце поставить тамъ городъ, и молился князь Андрей со слезами: «Боже Вседержителю, Творче всѣмъ и создателю! Прослави, Господи, мѣсто сіе, и подаждь, Господи, помощь желанію моему устроити градъ и создати св. церкви.» И съ тѣхъ поръ князь Андрей сталъ тамъ жить. Построилъ деревянную церковь во имя Благовѣщенія, и основалъ городъ около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ-рѣкѣ, и назвалъ тотъ городъ Москвою. «Пособствоваша Суждальцы, Владимірцы и Ростовцы и вси окрестніи»—говоритъ сказаніе, указывая на связь Москвы съ владимірскимъ княженіемъ.

И такъ родомъ Кучковыхъ и ихъ фамильною катастрофою связываются преданія владимірскія съ московскими. Съ основаніемъ Москвы, также какъ и съ возвышеніемъ Владиміра соединяется въ сказаніяхъ память о какомъ-то великомъ преступленіи, о кровавой драмѣ. Еще Карамзинъ (т. 2, стр. 217) приводитъ слѣдующія слова одного стариннаго повѣствователя: «Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: *Москва, также, на крови основана* и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.» Согласно съ этимъ и доселѣ слыветъ въ народѣ пословица, что *Москва на крови стоитъ*.

2.

Къ сказаніямъ о связи основанія Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго присовокупимъ нѣсколько позднѣйшихъ по-

вѣствованій тоже объ основаніи этого города, повѣствованій нелѣпыхъ, но имѣющихъ отношеніе къ русской народной поэзіи.

Подобно полянской сказкѣ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, повѣствованія эти основаны на этимологіи собственныхъ именъ урочищъ. Въ XVII в. разказывали [1]), будто сынъ Афетовъ *Мосохъ* первый обитая съ родомъ своимъ въ московской области, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я* и дочь *Взу* или *Узу*, будто ихъ четырьмя именами названы рѣки: *Москва* (*Мосохъ* и *Ква*) и Яуза (*Я* и *Уза* или *Вза*), и будто Мосохъ, первый князь и патріархъ Россіи, основалъ городъ Москву на устьѣ Яузы. Какъ ни наивна эта дѣтская сказка, въ ней видна однако та мысль, что величіе московскаго царства должно опираться на мастистой давности библейскихъ преданій.

Другіе, болѣе скромные разсказы заставляютъ принимать участіе въ основаніи Москвы только Грековъ и Римлянъ.

Въ XVII же в. разсказывали будто какой-то великій князь Данило *Ивановичъ*, послѣ Рюрика, короля римскаго, въ 14 лѣто пришелъ изъ Новгорода въ Суздаль, гдѣ родился ему сынъ Георгій, и во имя его создалъ князь городъ Юрьевъ Польскій. Потомъ поѣхалъ Данило изыскивать мѣсто, гдѣ бы ему создать престольный городъ своему великому княженію. И взялъ онъ съ собою нѣкоего *Гречина*, мудра зѣло, и вѣдающаго, чему и впредь быть; и въѣхалъ съ нимъ князь въ островъ темный и непроходимый, въ которомъ было болото великое и топкое, и посреди того острова и болота увидѣлъ великій князь, превеликаго звѣря, троегласна и красна зѣло (т. е. прекраснаго). Тогда Грекъ Василій сказалъ князю Даніилу: «Великій Княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ, и распространится царствіе *треугольное*, и въ немъ умножатся *разныхъ ордъ* люди.» Князь Даніилъ въ томъ острову посреди болота наѣхалъ островецъ, а на немъ хижину, а въ ней живетъ пустынникъ, а имя ему *Букалъ*, и хижина потому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ *царскій дворъ* и церковь *Спасъ на бору*. Послѣ того в. к. Данило

[1]) Карамзина. Исторія Госуд. Россійскаго 2, прим. 301.

Ивановичъ съ тѣмъ же Гречиномъ наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, а въ той хижинѣ человѣкъ *Римлянинъ*, имя ему *Подонъ*, исполненъ Св. Духа, и сказалъ, тотъ Римлянинъ: «Возлюби, княже великій, мѣсто сіе!» И князь на хижинѣ Букаловой черезъ шесть лѣтъ послѣ того заложилъ городъ Москву, а на хижинѣ Подоновой заложилъ церковь Спаса. Къ этимъ страннымъ разсказамъ присовокупляется одна подробность, важная для исторіи народной поэзіи: будто бы Москва-рѣка называлась прежде *Смородиною*, а имя Москвы получила уже потомъ отъ *Мостковъ* — этимологія, безъ сомнѣнія, ошибочная, потому что слово *Москва*, вѣроятно, финскаго происхожденія. Но въ народной поэзіи рѣка-Москва дѣйствительно называется Смородиною, и описывается рѣкою глубокою, непроѣздною, черезъ которую очень опасны броды и переправы. Сверхъ того, какъ рѣка эпохи миѳической, изображается Смородина въ видѣ красной дѣвицы, соотвѣтственно тому, какъ рѣка Лыбедь была сестрою Кія, Щека и Хорива, и какъ Дунай, Донъ и Волховъ представляются въ народной фантазіи то витязями и богатырями, то полубогами и чародѣями.

Въ одной старинной пѣснѣ изображается печальная участь одного злосчастнаго добра молодца:

Скатилась ягодка съ сахарнаго деревца,
Отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони —
Отстаетъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери:
А нынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь Богъ прогнѣвался, государь царь гнѣвъ возложилъ.
Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ,
А и родъ племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Про службу царскую и про службу воинскую.

И съ той кручины и печали великой, садился тотъ безсчастный добрый молодецъ на своего коня и поѣхалъ на чужую, дальную сторону.

Какъ же будетъ молодецъ у рѣки *Смородины*,
А и взмолится молодецъ:

«А и ты мать быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные,
Про мосточки калиновы, перевозы частые.»
Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ голосомъ,
Да и душей красной дѣвицей:
«Я скажу тѣ (т. е. тебѣ) быстра рѣка, добрый молодецъ,
Я про броды конные, про мосточки калиновы, перевозы частые:
Съ броду коннаго я беру по добру коню,
Съ перевозу частому по сѣделичку черкасскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебя безвремяннаго молодца
Я и такъ пропущу.»

И дѣйствительно, добрый молодецъ переѣхалъ безпрепятственно, и отъѣхавши съ версту, сталъ въ своемъ глупомъ разумѣ похваляться, что сказывали про быструю рѣку Смородину: «Ни пройти, ни проѣхать по ней ни пѣшему, ни конному», а она хуже той лужи дождевой!»

Тогда вскричала быстрая рѣка Смородина, будто въ погонь за молодцемъ гонится:

Безвремянный молодецъ! Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные, два остра ножа булатные, —
На чужой дальней сторонѣ оборона великая.

Воротился молодецъ за рѣку Смородину, но потерялъ бродъ, попалъ на глубокіе омуты и сталъ тонуть, громко жалуясь на быструю рѣку, что она его топитъ. Тогда провѣщала рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей:

Безвремянный молодецъ! не я тебя топлю,
Безвремяннаго молодца: топитъ тебя молодецъ
Похвальба твоя—пагуба.»
Утонулъ добрый молодецъ *въ Москвѣ-рѣкѣ—Смородинѣ.*

Согласно владиміро-московскому преданію о семейной драмѣ, основанной на мщеніи и убійствѣ, и народныя пѣсни съ именемъ Москвы-рѣки—Смородины соединяютъ, кромѣ гибели этого безвремяннаго добра молодца, воспоминаніе, столь же мрачное, трагическое, о томъ, какъ нѣкоторый *князь Романъ жену теряль* [1]).

[1]) Древ. Рос. Стихотв. стр. 367—371.

Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во *Смородину*.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубраные;
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Взыскалась своей матери молодая княжна Анна Романовна, спрашиваетъ князя Романа: «Государь мой батюшка! куда ты дѣвалъ мою матушку.» Отецъ отвѣчаетъ, «что княгиня ушла въ высокіе теремы — мытися и бѣлитися, въ цвѣтно платье наряжатися.» Отправилась княжна съ няньками и мамками въ терема, и, не нашедши тамъ своей матери, возвращается къ отцу, и опять его спрашиваетъ: «а и гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?» Князь отвѣчаетъ, что она пошла гулять во зеленый садъ, въ вишенье, въ орѣшенье. Отправилась любящая дочь искать свою мать въ зеленый садъ, съ няньками, мамками: весь садъ повыгуляли, никого не нашли. Только въ зеленомъ саду увидѣли новую диковину:

Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Уронилъ орелъ бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Въ тотъ ли зеленый садъ.

Подхватили ту руку нянюшки-мамушки, подавали своей княжнѣ:

А втапоры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки.
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
Закричала тутъ молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,

На быстру рѣку Смородину!
А что тамо птицы слетаются,
Дубровные звѣри сбѣгаются.»

Только самая суровая эпическая старина могла внушить народной фантазіи такую грубую, ужасную сцену. Дикіе звѣри и хищныя птицы дѣлятъ между собою остатки несчастной супруги князя Романа. Но чѣмъ суровѣе эта кровавая картина, тѣмъ разительнѣе нѣжное чувство любящей дочери, безутѣшно оплакивающей потерю своей матери:

А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ...

Безвинно ли пострадала несчастная княгиня, или совершила какое преступленіе — пѣсня не помнитъ; ей этого даже не нужно: она воспѣваетъ только трагическое событіе, совершившееся нѣкогда на быстрой Москвѣ-рѣкѣ—Смородинѣ.

Таковы мрачныя преданія литературы и народной поэзіи, доносящіяся до насъ изъ темной, варварской эпохи съ береговъ Клязьмы и Москвы рѣки. Сколько ни старались украсить эти воспоминанія услужливые повѣствователи XVII в. различными риторическими выдумками, все же изображали мѣстность московскую въ темной глуши, съ дебрями и топкими болотами, а вмѣсто красныхъ селъ и слободъ боярина Кучки, видѣли бѣдныя хижины отшельниковъ, которыхъ даже лестное предсказаніе о Москвѣ облекало въ суровыя фразы, намекавшія на татарщину: «въ Москвѣ умножатся *разныхъ ордъ* люди» говорило оно князю Даніилу Ивановичу.

Отъ поэтическихъ гаданій народной фантазіи перейдемъ опять на болѣе твердую почву историческихъ сказаній. Нами разсмотрѣны еще не всѣ національныя преданія, относящіяся ко времени Андрея Боголюбскаго. Мы уже знаемъ, въ какія отношенія ставятъ они возникающее владимірское княженіе къ кіевской святынѣ и къ зарождающейся Москвѣ. Остается сказать о Новгородѣ. Ко времени Андрея Боголюбскаго, именно къ 1170 г. (ноября 27 дня) относится мѣстное новгородское сказаніе о *Знаменіи* отъ иконы Пресвятой Богоро-

дицы, сказаніе, сдѣлавшееся въ послѣдствіи священнымъ достояніемъ всей земли русской. Извѣстно, что вслѣдствіе разныхъ неудовольствій Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ сына своего Мстислава. Въ этомъ походѣ противъ Новгорода участвовали князья смоленскій, рязанскій, муромскій, полоцкій. Въ Новгородѣ княжилъ тогда Романъ Мстиславичъ, сынъ кіевскаго в. к. Мстислава Изяславича, у котораго войною отнялъ Кіевъ Андрей Боголюбскій въ 1169 г.

Въ новгородскомъ Трефологіонѣ или Патерикѣ предлагается слѣдующее повѣствованіе объ осадѣ Новгорода и о Знаменіи отъ иконы Богородицы.

Какъ одно изъ самыхъ основныхъ мѣстныхъ сказаній, начинается оно издалека, объемля всю предъидущую исторію Новгорода въ общемъ обозрѣніи.

Когда Ярославъ Владиміровичъ Великій, отомстивъ Святополку за убіеніе св. Бориса и Глѣба, оставилъ Новгородъ и сталъ княжить въ Кіевѣ; тогда «Новгородцы отъ него за великое ихъ исправленіе къ нему и за премногую ихъ добродѣтель и помощь, юже показаша противъ враговъ его, почтени быша самовластіемъ, еже и по немъ имѣти имъ у себя начальствующаго князя по волѣ ихъ, егоже возлюбятъ они отъ сыновъ ярославлихъ и отъ внучатъ его и отъ всего корени ихъ въ роды и роды. И данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не приходити предѣлъ, прежде уставленныхъ. И тако граждане они многа лѣта начальствуеми бяху отъ великихъ князей россійскихъ, ихъже сами себѣ избираху; урокъ же послушанію и данемъ княжимъ никогда же приступаемъ бываше, иже *и въ зависть многіе грады сподвиже.* Потомъ же навѣтомъ человѣкоубійцы дьявола по малу граждане *самовластіе на ся взяша и гордынею побѣдишася*, и ко княземъ ихъ многажды, аще и миръ содѣвающе и честнымъ крестомъ утверждахуся, но по мало правды удерживахуся; *и многажды мирное завѣщаніе преступаху, и тако отъ обоихъ* (т. е. и отъ Новгородцевъ и отъ князей) *преступленію бывающу, потомъ отъ установленнаго урока:* овогда Новгородцамъ преслушаніе показующимъ и сопротивленіе къ державнымъ; овогда же и княземъ уставленный урокъ

преступающимъ: *но наипаче убо граждане многажды безлѣпотно волнующеся и крамолящу.*»

Затѣмъ разсказывается о знаменіи отъ иконы Богородицы, какъ о событіи, ниспосланномъ отъ Господа въ наказаніе и исправленіе Новгородцамъ.

Было въ лѣто державы в. к. Андрея Георгіевича, рекомаго Боголюбскаго, внука Владиміру Мономаху,—явилось знаменіе дивное: отъ трехъ святыхъ иконъ Пречистой Богородицы слезы текли; и таковымъ слезнымъ видѣніемъ увѣряла Владычица въ непреложныхъ своихъ молитвахъ къ Сыну своему и Богу нашему о родѣ человѣческомъ, да не искоренитъ его до конца, но помилуетъ; потому что Новгородцы колебались своимъ нестроеніемъ и посрамляя князей своихъ, отъ себе изгоняли и между собою много крови проливали. Того ради преславныя эти знаменія преобразовали бѣды и напасти, не только Новугороду, но и тѣмъ, которые собирались противъ него ратовать.

Сказаніе объясняетъ походъ на Новгородъ тѣмъ, что Андрей Боголюбскій разгнѣвался на Новгородцевъ за то, что они отразили его войска пришедшія брать съ Двинянъ дань. Собравши ополченіе съ различныхъ странъ, Андрей самъ хотѣлъ имъ предводительствовать: «Богъ же хотя удержати начинающееся кровопролитіе, болѣзнь наведе князю оному, яко да престанетъ отъ начинанія своего, и не ратуетъ Богомъ покрываемаго града онаго: но ума не наказаннаго ничтоже возможетъ исцѣлити. Якоже и лютый онъ Фараонъ, многими ранами отъ Бога Моисеомъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинанія, дондеже богоотступнымъ гнѣвомъ потопленъ бысть: такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ суждальскія земли и т. п.» Въ то время, какъ новгородское мѣстное сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы изображаетъ Андрея Боголюбскаго лютымъ Фараономъ,—мѣстныя преданія владимірскія называютъ этого князя святымъ и вносятъ житіе его въ мѣстный владимірскій патерикъ. Подобныя столкновенія мѣстныхъ интересовъ и симпатій неоднократно замѣчаются въ исторіи древне-русской литературы. Между тѣмъ, какъ Боголюбскій герой побѣдоносно

идетъ съ своей Вышегородской святынею въ сѣверовосточную Русь и во имя покровительствующей ему иконы Богоматери одерживаетъ въ 1164 г. побѣду надъ Болгарами—Новгородцы вооружаются на того же самаго *боголюбиваго* героя подъ покровительствомъ своей мѣстно чтимой святыни и вслѣдствіе чудесной отъ нея защиты прогоняютъ союзныя войска владимірскаго ополченія въ 1170 г. Говоря о союзномъ ополченіи князей на Новгородъ, съ негодованіемъ продолжаетъ сказаніе, что князья эти—«забыша единокровнаго племени и по духу сродства св. крещенія, понеже вси единъ родъ суть россійскій; и тако исполнися конникъ и пѣшецъ земля, якоже глаголютъ нѣцыи собращася тогда вящше (т. е. больше) седмидесяти князей, свои съ своими, и до толика, яко мало не вся русская земля совокупися на разореніе единаго града онаго. Вси завистію взимающеся, понеже тогда бѣша Новгородцы словуще богатствомъ наче всѣхъ градовъ россійскихъ зане самовластіемъ управляющеся и ни единому изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попущающе, но уставленая и умѣреная дающе имъ.»

Если враги Новгорода изображаются въ сказаніи о знаменіи завистливыми и несправедливыми, то сами Новгородцы благочестивыми: «ни откуда же помощи надѣющеся, но точію всю надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу возлагающе: бѣша бо зѣло благочестиви отъ отецъ, и церквамъ божіимъ прилежаще нелѣностно и къ нищимъ податливи и милостиви.» Великое утѣшеніе и помощь получили тогда Новгородцы отъ своего чудотворнаго архіепископа Іоанна († 1186). Въ то время, какъ граждане изнемогали, отражая отъ стѣнъ своего города великія союзныя силы, архіепископъ Іоаннъ однажды ночью молился передъ образомъ Спасителя и со слезами просилъ объ избавленіи города. И былъ ему отъ иконы гласъ: «Епископе! услышана молитва твоя. Иди въ въ церковь Всемилостиваго Спаса на Ильинку улицу, и возьми иконы Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала града противу супостатъ, и узришь спасеніе отъ Господа.» По этому случаю сказаніе, благословляя Новгородцевъ, гремитъ проклятіями противъ враговъ ихъ: Господь Богъ, говоритъ сказаніе, такъ прославилъ пречистый образъ матери своея; «да посра-

мятся проклятіи иконоборцы, утвердятся же большею вѣрою правовѣрніи иконопоклонницы, и да имѣютъ града сего жители въ вѣчніе роди сію яко стѣну необориму и твердую надежду града; противнымъ же въ большій студъ и посрамленіе, гражданамъ же въ похваленіе, яко таковое защищеніе имѣютъ.» И такъ взята была икона Богоматери и перенесена на городскія стѣны; но осаждающіе не убоялись и не устыдились при видѣ иконы; разъярились пуще прежняго и въ гордости своей думали уже, что тотчасъ же и весь городъ будетъ въ рукахъ и уже улицы городскія дѣлили между собой по городамъ, хвалясь не только дома, но и церкви божія разорити; и до того дошли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы, стрѣлы пускали. Тогда дивная та икона сама собою отворотилась отъ враговъ, и своимъ лицомъ повернулась къ городу, и изъ очей своихъ испустила слезы, которыя тотчасъ же архіепископъ Іоаннъ принялъ въ фелонь свой. И этимъ великимъ знаменіемъ своимъ отняла она у враговъ силу и навела на нихъ слѣпоту: «*вѣрнымъ же своимъ рабамъ дерзновеніе дарова: по своемъ бо градѣ* Богородица поборающе безъ крови побѣду показа.» Пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги слѣпли и поражали другъ друга, или же въ страхѣ и трепетѣ бѣжали. И тяжекъ былъ имъ обратный путь: многіе отъ голода и мороза перемерли; иные отъ великаго голода во св. великій постъ ѣли конину.

Таково новгородское сказаніе о Знаменіи проникнутое самымъ исключительнымъ мѣстнымъ характеромъ. Этотъ новгородскій колоритъ выступитъ для насъ еще разительнѣе, когда мы прочтемъ о томъ же событіи краткія и простыя слова суздальскаго лѣтописца, можетъ быть, также не чуждыя мѣстныхъ симпатій и нѣкотораго пристрастія къ князю владимірскому.

Союзныя войска русскихъ князей, по словамъ этого лѣтописца — подошли къ Новгороду, а Новгородцы затворились въ городѣ съ княземъ своимъ Романомъ и бились крѣпко изъ города, и многихъ избили *отъ нашихъ*. Осаждающіе ничего не успѣли сдѣлать и пошли назадъ; многіе едва воротились домой пѣши, а другіе едва померли съ голода, и никогда не

было болѣе тяжкаго пути людямъ: иные даже конину ѣли въ великій постъ. И было это за грѣхи наши. Слышали мы, что за три года передъ тѣмъ было въ Новгородѣ *знаменіе*, которое всѣ видѣли. Въ трехъ церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица Божія Матерь, провидѣвши пагубу, грозящую Новгороду и его волости, молила Сына своего со слезами, дабы Новгородцевъ отнюдь не искоренилъ, но помиловалъ. Такъ и было. Богъ и Божія Матерь очевидно избавили ихъ милостію своею, потому что они христіяне. «Наказуя, накажи мя, Господи, а смерти не предаждь мене»—сказалъ Давидъ. Такъ и людей новгородскихъ наказалъ Богъ и крѣпко смирилъ, *за преступленіе крестное* и за гордость, но милостію своею избавилъ ихъ городъ. *Мы не скажемъ: правы Новгородцы*, что издавна освобождены прадѣдами князей нашихъ. Но если бы и такъ было, то велѣли имъ прежніе князья крестъ преступать, или внуковъ и правнуковъ срамить, и, цѣлуя честный крестъ, ко внукомъ ихъ и правнукамъ преступать крестное цѣлованіе? Доколѣ Богу терпѣть надъ ними? *За грѣхи навелъ и наказалъ по достоянью, рукою благовѣрнаго князя Андрея* [1]).

Послѣднія слова явно выражаютъ ненависть Суздальца къ Новгородцамъ и тщетное желаніе во что быто ни стало хотя бы противорѣча самому себѣ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ подвиги боголюбиваго князя Андрея.

Сопоставленіе этихъ словъ суздальскаго лѣтописца новгородскому сказанію о Знаменіи, какъ кажется, лучше всѣхъ разсужденій убѣдятъ насъ въ той мысли, что древне-русская литература развивалась и видоизмѣнялась по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества; она выражала мѣстные интересы, иногда наивно и пристрастно, но всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, подъ вліяніемъ страстей, которыми волновались цѣлые города.

Но въ теченіе послѣдующаго историческаго развитія русской жизни время сгладило всѣ эти мѣстныя симпатіи и антипатіи; и, какъ всѣ города и области слились въ одно вели-

---

[1]) Собр. Рус. Лѣт. I стр. 154.

кое государство русское: такъ и мѣстныя сказанія владимірское и новгородское, нѣкогда проникнутыя духомъ удѣльной исключительности, впослѣдствіи миролюбиво были приняты въ прологи и вмѣстѣ со многими другими, нѣкогда столь же исключительно мѣстными сказаніями, составили одно національное цѣлое, въ которомъ содержится завѣтное преданіе нашей родной старины.

Ѳ. Буслаевъ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

собранныя въ саратовской губерніи А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ.

I.

Лукоянъ Берендѣевичъ.

Изъ лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ дубровушки изъ зеленыя,
То не младъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Не по чистымъ полямъ перепархивалъ,
Молодыя крылья расправляючи:
То изъ Кѣева, изъ стольнаго города,
Выѣзжалъ добрый молодецъ на лихомъ конѣ.
Какъ гулялъ онъ добрый молодецъ, все разгуливалъ,
По степямъ по широкимъ черноморскіимъ,
Какъ гулялъ онъ, удаленькой, не годъ не два,
Какъ гулялъ онъ, молоденькій, ровно три года;
Пригульнулся, примотнулся въ землю дальную,
Въ чужедальную землю во абезскую.
Какъ увидѣлъ его, добра молодца,
Князь-абезскій съ свово терема,
Съ свово терема, со высокаго,
Со крыльца свово, со параднаго,
Со параднаго, со наряднаго,
Какъ возгаркнетъ князь-абезскій зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы гой есте мои слуги вѣрные,
Ужъ и что это въ полѣ за дѣтинушка,
Ужъ и что это въ чистомъ за незнаемый?
Не спросясь, разъѣзжаетъ онъ на лихомъ конѣ
По лугамъ ли моимъ княженецкіимъ.
Вы берите, ребята, копья длинныя,

Окружите вы, поимайте незнакомаго,
Приведите его на рѣчи распросныя».
Какъ и слуги-то молодца подхватывали,
За узду его добра коня прихватывали,
Подъ бѣлы руки удалаго приваживали.
Что возговоритъ молодцу абезскій-князь:
«Ты скажи мнѣ, скажи дѣтинушка,
Изъ которой пришелъ ты сторонушки,
Отъ какого царя, чьего царствія?
Сирота ли горемычная слоняешься,
Или врагъ лихой пришелъ на высмотры?»
Что возговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Не подумай ты, князь, чтобъ отдался я,
Чтобъ отдался я тебѣ, убоямшися;
Не боюсь я ничего на бѣломъ свѣтѣ, —
Ни во темныхъ лѣсахъ звѣря прыскучаго,
Ни во чистыхъ поляхъ свиста богатырскаго,
Ни въ синемъ небѣ змѣя летучаго;
А боюсь я, князь-абезской, твоей немилости.
Ужъ не я ли то, государь, добрый молодецъ,
Не слоняюсь сиротой горемычною;
Не лихой я врагъ пришелъ на высмотры;—
Какъ и я ли то, государь, роду русскаго,
Изъ земли пришелъ святорусскія,
Изъ того ли стольна города изъ Кѣева,
Государя я князя-Володиміра,
Я по имени Лукояномъ называюся,
По изотчеству Берендѣичь прозываюся,
А крещенъ я попомъ, Пантелеемъ званъ».
Какъ возговоритъ молодцу абезской-князь:
«Ужъ ты гой еси дѣтинушка,
Коли правду ты молвилъ мнѣ, истину,
Покажи-ка мнѣ грамотку отъ князя Володиміра;
А живемъ вѣдь всѣ съ нимъ не въ разбратіи,
Не въ разбратіи, а въ согласіи,
Въ сватовствѣ живемъ, въ братствѣ названомъ.
Кабы зналъ онъ, что поѣхалъ ты въ землю абезскую,
Ужъ и далъ бы онъ тебѣ свою грамотку
Ко мнѣ ли брату названому».—
«Не привезъ я государь, тебѣ грамотки,
А за тѣмъ не привезъ—самъ собой пошелъ,

Безъ его государева дозволенія».
Что возговоритъ тутъ абезскій-князь,
Какъ возгаркнулъ, воскрикнулъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, вы слуги вѣрные!
Не добра гостя намъ въ руки Богъ послалъ,
Лиходѣя злого непріятеля,
Что пріѣхалъ онъ къ намъ да на высмотры!
Вы сокуйте ему руки, руки бѣлыя,
Руки бѣлыя, ноги его скорыя,
Наложите на лихого цѣпь желѣзную,
Цѣпь желѣзную въ тридцать три пуда,
Вы забросьте его во темницу темную!»
Оковали добра молодца слуги княжіе
И забросили во темницу темную.
Какъ сидитъ добрый молодецъ не годъ, не два,
Какъ сидитъ удаленькій ровно три года,
Какъ не знатъ удаленькій часу-времени;
Онъ не знатъ, бѣдняжечка, что зима холодная,
Онъ не знатъ, горемычный, что лѣто красное!
Потому только знатъ онъ, что зима холодная,
Что играли ребятушки подъ темницею
Да швырнули глыбу снѣгу въ окошечко;
Потому только знать онъ что лѣто красное,
Что ходили красны дѣвушки въ лѣсъ по ягодки
Да швырнули свѣту алаго въ окошечко!
На четвертый годъ стало поворачивать.
Приходила къ нему красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь князя абезскаго,
Приходила молодая, поклонилася,
Отъ сердечности молодая слово молвила:
«Ужъ ты гой еси удалой русской молодецъ!
Ужъ не хочешь ли гуляти да по волюшкѣ?
У меня ли, у княжны, есть разрывъ-трава:
Разорветъ она твои цѣпи желѣзныя,
Мы уйдемъ съ тобою, молодецъ, въ землю русскую,
Ты возьмешь меня, дѣвушку, за хозяюшку,
За хозяюшку, за вѣрную за любушку».
Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ,
Залился онъ слезами глубокими,
Закрывалъ онъ руками лицо бѣлое,
Проговаривалъ слово непривѣтливо:

«Ахъ ты дѣвка, ты дѣвчонка-потаскушечка!
Потаскалась, знать, ты со ребятами;
Надоѣли, знать, тебѣ полюбовники,
Что ты хочешь бѣжать отъ отца матери,
Въ чужедальную сторонушку во русскую.
Ужъ и лучше мнѣ гнить во сырой тюрьмѣ,
Чѣмъ принять тебя за хозяюшку,
За хозяюшку, за вѣрную любушку:
У меня ли, удалаго, добра молодца,
Во отечествіи, во стольномъ во Кѣевѣ
Есть невѣстушка—обрученная дѣвица,
Обрученная красавица, сговоренная;
Какъ она меня молодца поджидаетъ,
День и ночь слезами обливается,
Все по мнѣ, по своемъ миломъ дружкѣ!»
Что возговоритъ красная дѣвина,
Красная дѣвица, дочь князя абезскаго:
«Коли есть у тебя душа красна дѣвица,
Крясна дѣвица обрученная невѣстушка,
Обрученная красавица, сговоренная,—
Такъ ступай себѣ къ ней, удалъ молодецъ,
А меня, княжну, не кори непривѣтливо.
Коли вправду ждетъ тебя дѣвица—позабудь меня;
Коли замужъ пошла красная—вспомяни меня;
Хоть вспомянешь, не воротишь добрый молодецъ!»
Вотъ вымаля она разрывъ-траву изъ карманчика,
Вотъ притронуласъ разрывомъ ко желѣзушкамъ:
Распадалась цѣпь желѣзная тяжелая;
Выводила изъ конюшни коня сѣраго,
Даровала молодцу сѣдло бранное;
Полетѣлъ въ чисто поле добрый молодецъ.
Утиралася княжна въ слѣдъ рукавчикомъ!
Какъ во городѣ было въ стольномъ Кѣевѣ,
Во дворѣ-то было княженецкіимъ,
Пировалъ Володиміръ со боярами,
И увидѣлъ Володиміръ добра молодца,
Добра молодца на лихомъ сѣромъ конѣ.
Что возговоритъ Володиміръ князь:
«Ужъ и что это за молодецъ къ намъ на дворъ идетъ?»
Пріѣзжалъ Лукоянъ онъ ко терему,
Привязалъ онъ коня у рѣшеточки,

Онъ снималъ съ головы шапку бобровую,
И входилъ онъ въ горницы во расписаны,
Поклонился онъ въ поясъ князю ласкову,
А боярамъ богатырямъ по поклончику.
Что возговоритъ Володиміръ князь ласковый:
«Здравствуй, здравствуй, Лукоянъ Берендѣевичь!
Ужъ и гдѣ то тѣ Богъ носилъ разудалаго?
Знать шатался ты по чужимъ землямъ,
Знать видалъ ты много дива дивнаго?
Воротулся ты къ намъ въ добрый часъ,
Да не въ добрый часъ отъ насъ выѣхалъ:
Твоя матушка Богу душу отдала,
А молода невѣстушка за мужъ пошла.»
Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ
Залился онъ слезами горючими:
«Кабы зналъ я эвто, добрый молодецъ,
Не корилъ бы я, не клялъ княжны абезскія».

II.

Добрыня.

1.

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:
«Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
Не садися ты на добра коня,
Не ѣзди гулять въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
Не подъѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
Не смахивай рубашечку миткалиновую,
Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»—
Добрынюшка матушки не послушался;
Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища;
Подъѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
Бросался купаться во быстру рѣку.
Онъ половину рѣки переплылъ,
А другую половину пер'нырнулъ,
Очутился Добрынюшка на той сторонѣ

И сталъ Добрынюшка шуточки шутить—
Во круту гору камушки бросать.
Увидѣла же змѣища Горынища
И бросилась на Добрынюшку,
Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,—
Поймалъ же Добрынюшка змѣищу за жабрища,
Ударилъ же змѣищу объ сыру землю.
Тутъ-то змѣища возмолилася,
Добрынюшкѣ покорилася
И въ ноги ему поклонилася.

2.

Тамъ далече, тамъ далече во чистомъ полѣ
Да еще того подалѣй—во раздольицѣ,
Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая въ полѣ травка разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ своей матери:
«Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Ты пожалуй мнѣ свое благословеньице:
Я поѣду, погуляю, во чисто поле,
Поищу я тамъ свого брата названаго,
Что старого казака Илью Муромца.»
—«Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь сбираешься:
На кого ты покидаешь свою матушку,
На кого ты оставляешь молоду жену,
Молоду жену Настасью Гурьешну?»
«Что давно моей Настасьѣ было сказано,
За недѣлюшку было Гурьешнѣ повѣдано,—
Что вдовѣть моей Настасьѣ ровно девять лѣтъ,
На десятымъ годочкѣ ей своя воля:
Хоть во вдовахъ она сиди, хоть за мужъ поди,—
Хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за сильнаго могучаго богатыря,—
Не ходи только за Олёшку за Поповича:
Что Олёшка-то Поповичъ онъ насмѣшникъ былъ,
Онъ любилъ, любилъ смѣяться на чужіихъ женъ,
На чужіихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ.»
Не видали, какъ Добрынюшка коня сѣдлалъ;
Только видѣли, какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ.
Ужъ какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ,
На десятымъ годочкѣ ей своя воля:

Выходила она замужъ за Олёшку за Поповича,
А и сватомъ-то былъ самъ Володимеръ князь.
Что не ясные два сокола солеталися,
Два сильные могучіе богатыря соѣзжалися:
Соѣзжался Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,—
И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечъ.

III.

Алеша Поповичь.

Какъ по морю, морю, морю синему,
Здунинай по синему,
Ужъ какъ плаваетъ Соколъ-корабль ровно тридцать лѣтъ,
Что на якорѣ Соколъ-корабль не ставалъ,
Ко крутому бережку не причаливалъ,
Онъ желтаго песочку и въ глаза не видалъ:
Онъ носомъ состроенъ по змѣиному
А кормою онъ содѣланъ по звѣриному.
Какъ напали на Соколъ-корабль разбойнички,
Хотѣли Соколъ-корабль разбить, разграбить.
По кораблику гуляетъ свѣтъ Олёша Поповъ,
Что возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы гой есте ребята, удалые матросы,
Вы беритеся за сабли и копья острыя,
Вѣдь напали на насъ злы разбойнички
И хотятъ нашъ кораблик разбить-разграбить».
Вдругъ матросы всѣ вскочили съ саблями, съ копьями
И стали разбойниковъ рубить и крошить,
Самого же атамана въ полонъ взяли
И, сковавши руки-ноги, въ городъ отвезли.—

IV.

Илья Муромецъ.

1.

Ужъ какъ по морю, по морю синему,
Здунинай Дунай морю синему,
По синему морю было хвалынскому
Тутъ плыветъ Соколъ-корабль по тридцать лѣтъ:
По тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не ставалъ,

Къ крутому бережку не причаливалъ
И онъ желтаго песку въ глаза не видалъ,
А бока-то сведены по турикому,
А носъ да корма по змѣиному,
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ.
А на Муромцѣ кафтанъ — рудожелтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой пуговкѣ по лютому льву.
И напали на Соколъ-корабль разбойнички,
Ужъ какъ злые-то Татары со Калмыками
И хотятъ они корабль разбить-разгромить,
Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки злаченыя разгорѣлися,
Его лютые львы да разревѣлися,
Ужъ какъ злые-то Татары испугалися,
Въ сине море Татары побросалися.

Варіантъ.

Какъ по морю, морю синему,
По синю морю по каспійскому,
Тутъ и плаваетъ-гуляетъ Соколъ-корабль,
А онъ плаваетъ-гуляетъ ровно тридцать лѣтъ:
Онъ на якорѣ Соколъ-корабль не ставивалъ,
У крутыхъ зелёныхъ бережковъ не бывывалъ,
Онъ церквей, монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звону онъ не слыхивалъ.
Хорошо добрé Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
Выгнутъ носъ со кормой по звѣриному,
А и киль сдѣланъ по змѣиному,
Парусъ вѣялъ, что орлиное крыло.
Атаманомъ на немъ былъ Святогоръ-богатырь,
Есауломъ былъ—Илья Муромецъ:
На немъ шуба была во пять сотъ рублёвъ,
На немъ шапочка—во сотенку,
А пуговки на шубѣ чи́ста золота.
По кораблику Илья Муромецъ похаживаетъ;
Его пуговки разгремѣлися,—
Всѣ товарищи подымалися,
Наступали они на турецкій флотъ:

Агаряне ихъ испужалися
Во сине море кидалися.—

Примѣчаніе. Иные прибавляютъ еще слѣд. 2 строки:
А богатство свое оставили
На добычу добрымъ молодцамъ.—

2.

Какъ далече далече во чистомъ полѣ [1])
Не ковыль-трава въ полѣ шатается— [2])
Зашаталъ, загулялъ старъ-матёръ человѣкъ,
Старъ-матёръ человѣкъ—Илья Муромецъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажнымъ,
На сѣдельцѣ на черкасскимъ; [3])
У старого денегъ не водилося, [4])
Только было при немъ сорокъ тысячей,
А коню подъ нимъ—цѣны не было;
Конь-то былъ подъ нимъ—что лютый звѣрь,
А самъ онъ на конѣ—что̀ ясёнъ соколъ.
Какъ наѣхали на него станишнички, [5])
По русскому сказать—воры разбойнички,
Хотятъ они старого ограбити, [6])
Хотятъ его добра молодца убить-срубить,
Убить-срубить—душу погубить.
Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ: [7])
«Ужъ вы братцы мои станишнички!
Убить вамъ меня, старого, не за что, [8])
А взять-то вамъ у меня нечево:
Только есть на мнѣ безсермяжечка,
Безсермяжечка—она въ сто рублёвъ, [9])

---

[1]) *Варіантъ.* Первой строки нѣтъ.
[2]) Вм. *ковыль* — «былина».
[3]) Слѣдуетъ послѣ этой строки: *Стремена усѣдла булатныя.*
[4]) Пяти строкъ недостаетъ.
[5]) Вмѣсто какъ *наѣхали*—«набѣжали».
[6]) Этой строки нѣтъ и въ слѣд. строкѣ опущено слово: *его.*
[7]) Вм. этой строки: «Возмолился имъ добрый молодецъ».
[8]) Слово *стараго* опущено и въ слѣд. строкѣ вм. *на мнѣ*—«у меня».—
[9]) Опущ. слово *она* и въ слѣд. строкѣ вм. *да*—«и».—

Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
Шапочка моя—во всю тысячу,
А добру мому́ коню и цѣны нѣту: [10])—
Оттого мому коню цѣны нѣту,
Что онъ броду не спрашиватъ,
А котóра рѣка—и цѣла верста—
Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»—
Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
Накладалъ онъ калену́ стрѣлу—
Онъ стрѣляетъ по сыру дубу,—
Угодила стрѣла въ краковистый дубъ,
Исщепала дубъ въ черепья въ ножевыя.
А станишнички испужалися
Что того ли грому богатырскаго,
Всѣ съ добрыхъ коней попадали,—
Безъ ума часовъ пять лежатъ.
А и стали станишники пробужатися:
Встаётъ Сёма—пересёмываетъ,
Встаётъ Спиря—поспириваетъ,
Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:
«Ты старòй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ—свѣтъ Ивановичь!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Станемъ тебѣ служить вѣрой-правдою
Отнынѣ и до вѣку.»—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
—«Ужъ вы гой есте братцы станишнички!
Вы ступайте во чисто поле,
Вы скажите Олёшкѣ Поповичу,—
Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»—

V.

Суровецъ.

Въ старые вѣки прежніе,
Не въ нынѣшнія времена послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь онъ Суроженинъ,
По роду города Суздаля,

---

[10]) На этой строкѣ варіантъ кончается.—

Сынъ отца-гостя богатаго;
Охочъ онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми за утицами.
Ѣздитъ онъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего.
Какъ поѣхалъ Суровецъ во чисто поле,
Какъ наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ на сырый дубъ,
Не простой дубъ—колокольчетый;
Что на томъ на дубу сидитъ черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая.
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкій лукъ,
Крѣпкій лукъ и калену стрѣлу,
Онъ накладываетъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковую,
Онъ и хочетъ стрѣлить поверхъ дерева,
Онъ и хочетъ убить черна ворона,
Черна ворона, птицу вѣщую.
Что возговоритъ ему черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая:
«Ой ты гой еси, Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь да Суроженинъ!
Тебѣ меня убить—не корысть получить,
Мясомъ моимъ не накушаться,
Кровью моей не напитися,
Перьёмъ моимъ не натѣшитися;
А скажу я тебѣ вѣсточку,
Скажу вѣсточку я радостну:
Что далече, далече—во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ—въ зеленыхъ лугахъ,
Что стоитъ тамъ Курбанъ царь,
Курбанъ царь да и Курбановичь,
Со своей силой могучею,
Что со всею поланицею удалою;
Стоитъ онъ, широкими рвами окопавшися,
Землянымъ валомъ оградившися.»—
Молодецкое сердечко неутерпчивое;
Разгоралася кровь богатырская,—
И онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Подымается его добрый конь
Выше лѣсу стоячаго,

Ниже облака ходячаго,
Горы-долы межъ ногъ пропускаетъ,
Быстры рѣки перепрыгиваетъ,
Широки раздолья хвостомъ устилаетъ;
По землѣ бѣжитъ—земля дрожитъ,
Мимо лѣсу—въ лѣсу стонъ стонитъ,
Въ лугахъ раздается, на нивахъ чуть.—
И онъ взялъ поскакалъ во чисто поле,
Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Первый ровъ—его Богъ перенесъ,
Другой ровъ—его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ—онъ обрушился,
Его добрый конь набрюшился.
Анъ тутъ взяли наскочили удалые молодцы,
Подъ лѣвую руку взяли—его двадцать человѣкъ,
Подъ правую руку взяли—его сорокъ человѣкъ,
Поперёкъ его схватили—что и смѣты нѣтъ;
Взяли повели его къ Курбану царю,
Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Молодецкое тутъ сердце разъярилося,
Богатырская кровь разыгралася,—
Какъ схватилъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ началъ Татариномъ помахивати:
Какъ куда побѣжитъ—тамо улица лежитъ,
Гдѣ повернется—тамо площадью.
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
До бѣлаго шатра—до Курбана царя.
Какъ возговоритъ ему Курбанъ-царь
Курбанъ-царь да и Курбановичь:
«Ой ты гой еси Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь да Суроженинъ!
Погляди ты, что въ книгѣ написано:
Что не велѣно вамъ князей казнить,
Князей казнить и царей убивать.»—

Прим. Къ этому нѣтъ варіанта, ибо списана отъ холщевника—верховаго мужика, а не отъ здѣшнихъ.

VI.

Иванъ Грозный.

1.

Казань.

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго царя Ивана Васильевича? [1])
Какъ онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичь
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Скоплёмши свою силушку воевать пошелъ
Онъ подъ славное царство казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣданныхъ,
Какъ онъ Грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону—подъ Булатъ-рѣку [2])
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова,
Зажжёмши свѣчи, сами прочь отошли,
А злые Татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подражниваютъ:
—«Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать [3]).»
На то Грозный царь Иванъ Васильевичъ осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшати!»
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
«Не изволь, государь, насъ вѣшать-казнить,
Дай ты намъ, государь, рѣчи сговорить:
Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельѣ свѣчи не скоро теплятся.»—
Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,
Стало бочки рвать—землю на-розно метать
Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку [4])
И побило всѣхъ всѣхъ татаръ каменничкомъ.

---

[1]) *Варіантъ*. Вм. начальныхъ 3 строкъ—три слѣд.:
«Вы молодые ребята послушайте,
Что мы стáри старики будемъ сказывать
Про Грознаго царя Ивана Васильевича.

[2]) Вм. *Булатъ*—«Сулай».

[3]) Вм. *тылъ*—непечатное слово.

[4]) Вм. *Булатъ*—«Сулай».—

Варіантъ 2-й.

Вы молодые ребята послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывати
Про Грознаго царя Ивана про Васильевича,
Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань-городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А Татарченки по городу похаживаютъ,
Всяко грубіянство оказываютъ,
Они Грозному царю насмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!»
Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь прогнѣвался,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
Что отъ нихъ измѣна учинилась,—
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.
А и тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился:
«Прикажи, государь-царь, слово молвить,
Не вели, государь, насъ казнити:
Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,
Подъ землей-то свѣча идетъ тишѣе.»—
Не успѣлъ пушкарь слово выговорить,
Подъ землею свѣча догорала,—
И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку,
Забросало палаты бѣлокаменны:
Всѣ Татары тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому царю покорилися.—

2.

Мамстрюкъ.

Ой вы люди, лю́дюшки мои,
Ужъ вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что́ встарь было,

Что встарь было, на Руси слыло,
Какъ женился православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату,—серебру—мѣры не было,
Бѣлу жемчугу—вѣсу не было.[1])
Вотъ и гости къ царю съѣхалися:
Всѣ князья, бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ людей четыреста;
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
Удальца-бойца, славна витязя,—[2])
Самого ли князя Черкасскаго,
Мамстрюка ли Мамстрюковича[3]).
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость—
Князь Черкасскій Мамстрюкъ Мамстрюковичь,[4])
Со храброю своею со дружиною,
Со своею молодою княгинею.[5])
Какъ пріѣхалъ-то князь опослѣ всѣхъ,
А садится онъ повыше всѣхъ;
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на князей, бояръ,[6])
Царску гридницу златомъ убранну,—
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулешничка;
Да изъ этихъ изъ князей, бояръ[7])

---

[1]) Приб.: «На прибавку молоду жену.»—
[2]) Пропущ.: «Удальца, бойца, славна витязя.»—
[3]) Вн. *Мамстрюковича*—«Ермоланча.»—
[4]) Вн. *Мамстрюковичь*—«Ермоланчь.»—
[5]) Вн. *Со храброю своею со дружиною,*
Со своею молодою княгинею:—
«Со своею молодою княгинею,
Еще съ братцомъ ея роднымъ,
Удальцомъ, бойцомъ, славнымъ витяземъ,
И со храброю своею дружиною.»—
[6]) Вн *князей, бояръ*—«бояръ, дворянъ.»—
[7]) Вн. *князей, бояръ*—«дворянъ, бояръ.»—

Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка-супротивничка.
Какъ возговоритъ Черкасскій князь: [1])
«Ой вы гой есте, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дармà ѣдите хлѣбъ,
Зеленò вино распиваете,
На боку лежа, дары получаете.»—
Всѣ князья-бояре призадумались,
Со стыда носы повѣсили,
Отколь взялся тутъ крестьянской сынъ,—
Съ ноги на ногу прихрамываетъ;
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепетываетъ: [2])
— «Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ сéребромъ украсился,—
Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди—рано не радуйся. [3])
На бѣду я слово вымолвлю:
Не пытай силу съ крестьяниномъ!»
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
Во гнѣвý изъ-за стола выскочилъ,
На бѣгý за столъ зацѣпилъ, [4])
Девяносто скамей повалилъ,
Полтораста гостей подавилъ,—
И схватилъ крестьянина зà воротъ, [5])
Одолѣлъ князя крестьянской сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечь
И ударилъ объ сыру землю:
Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися, [6])
Сапòжки сафьянные съ ногъ свалилися,—
Растянулся князь Черкасскій зà-мертво,
Что князья-бояре разъахалися, [7])

---

[1]) Вн. *возговорить*—«возгóворилъ.»—
[2]) Приб.: «Какъ возговоритъ крестьянской сынъ.»—
[3]) Приб.: «Я хотя и крестьянской сынъ.»
[4]) Пропущ.: *На бѣгу за столъ зацѣпилъ.*
[5]) Приб.: «Долго съ нимъ они возилися
По широку двору государеву.»—
[6]) Вн. *перстни*—«кольца.»—
[7]) Вн. *Что князья, бояре*—«бояре, дворяне.»—

Молодая княгиня расплакалася [1])
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— «Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
Вы убейте вора безъименнаго,
Разорвите его тѣло на мелки части [2])
Да и бросьте псамъ на съѣденіе.»— [3])
Какъ возговоритъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь:
— «Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія!» [4]).—

3.

Малюта.

Въ старые годы прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичь;
А втапоры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскіихъ.

---

[1]) Приб. «его.»—
[2]) Пропущ. *тѣло.*
[3]) Проп. *Да и*, и приб «тѣло.»—
[4]) Прибав. слѣд окончаніе:
«Пусть другой съ нимъ кто попробуетъ
Попытать силу богатырскую.»
Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
— «Ой ты гой еси, крестьянской сынъ!
Выходи скорѣй на борьбу со мной,
На борьбу со мной послѣднюю,
На послѣднюю драку смертную.»—
И сцѣпилися они за воротъ,
И возилися вплоть до вечера,—
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
Разорвалъ его тѣло синее,
Разбросалъ, разметалъ по широку двору,
По широку двору—псамъ на съѣденіе.»—

А и столъ былъ во полустолѣ,
А и пиръ былъ во полупирѣ,
Гости царскіе навéселѣ,—
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица возъигрывала—
Возговорилъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичь:
— «Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
Что и взялъ я казанское царство,
Рязань городъ, славну Астрахань;
Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.»—
Какъ возговоритъ младой царевичь:
— «Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичь!
Что и взялъ ты царство казанское,
Рязань городъ еще Астрахань,
Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода,—
Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное.»—
Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичь догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
— «А и кто есть у меня слуги вѣрные!
Берите царевича за бѣлы руки,
Ведите царевича за Москву-рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.»—
Какъ тутъ всѣ князья, бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися,—
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву-рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,

Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои. -
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честнóй Никита свѣтъ Романычъ;
Онъ садится на добрà коня,
На добрà коня неѣзжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву-рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной;
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, народъ православный разступися,
Люди добрые, сторонитеся,
Давайте мнѣ, боярину, дорогу!»
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ взрадовàлся,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
Ты бери у меня чтó вздумаешь:
Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
Золотой ли казны сколько надобно.»—
Какъ возговоритъ честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
«Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны:
Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
Повели мнѣ его, сударь, казнити.»—

4.

Смерть Ивана Грознаго.

Ужъ ты батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому не по прежнему,
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучею закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана было у великаго,
У собора у Успенскаго [1])
Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ [2]),
Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь. [3])
Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебреный,
Во ногахъ его корона царская,
Вокругъ гроба стоятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ попы, патріархи,
Они служатъ и читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ памятъ царю православному,
Православному царю Ивану Васильевичу.

VII.

Тушинскій воръ.

Изъ-за шведскія изъ литовскія изъ земелюшки,
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ во чисто поле.

---

[1]) Вм. *у собора у Успенскаго*—
«У Михайлы у Архангела»,

[2]) Вм. этой строки—
«Тутъ стоялъ *новъ* кипарисовъ гробъ.

[3]) Вм. этой строки:
Православный царь Иванъ *грозный* Васильевичъ.»—
И за тѣмъ продолжается такъ:
«Въ головахъ у него животворящій крестъ,
У креста лежитъ его корона царская,
Во ногахъ у него вострый мечъ.—
Животворящему кресту всякъ молится,
Золотой царской коронѣ всякой кланяется,
На грозёнъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.»

Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ,
Онъ разставливатъ бѣлъ-тонкой шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ.
Садился воръ-собачушка на добра коня,
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто поле,
Изъ чиста поля во царевъ дворецъ;
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня,
Онъ своево коня не привязыватъ,
Не привязыватъ, никому не приказыватъ.
Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
Онъ самимъ боярамъ не кланятся
И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
А съ самою царицею обвѣнчаюся.

VIII.

Михайло Скопинъ.

1.

У насъ было въ каменной Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое; [1])
Кстили дитя княженецкое. [2])
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кумою была дочь Скурлатова.

---

[1]) Вм. *великое*—«почетное.»
[2]) Приб. «Ой, кто кумъ-то былъ, кто кума была?»—

Много было тутъ князей, бояръ, [1])
Князей, бояръ, гостей званыихъ,
Они ѣли, пили прохлажалися.
Напивалися ґости до̀-пьяна,
Выходили на красёнъ крылецъ,
И у́чали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богачествомъ;
Одинъ скажетъ: «у меня много чи́ста се́ребра»,
Другой скажетъ: «у меня больше кра̀сна золота.»—
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
Онъ и не пилъ зелена́ вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго,
Только пилъ одни меды сладкіе,
А и съ мёду князь захмѣлѣлъ,
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались,—
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?—
А ужъ я ли могу похвалитися: [2])
Я очистилъ царство Московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую,—
И за то мнѣ князю слава до̀-вѣку.» [3])
И то слово кумѣ не полюбилося,—
То слово крестовой не показалося.
Вта́поры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена̀ вина, [4])
Подсыпа̀ла въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому,
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь—она выпила,

---

[1]) Эта и слѣд. 2 строки опущены, а прибавлена:
«Промежду себя похвалялися.»—и продолжается.
«Одинъ скажетъ—и проч.

[2]) Предыд. 9 ст. опущены; вм. нихъ:
«Ахъ что возговоритъ князь Михайло Скопинъ,
«Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ»—и пр.

[3]) Эта строка опущена.

[4]) Вм. *зелена́ вина*—«водки крѣпкія:»—

А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпа́ла въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому. [1])
Отъ мёду князь не отказывается—
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;—
Какъ его тутъ рѣ́звы ноженьки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися,
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки,
Увозили князя къ себѣ домой.—
Какъ встрѣчала его матушка:
— «Дитя ты мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ.»—
— «Охъ ты гой еси, матушка моя родимая,
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова.»—

Варіантъ 2-й.

«У князя было у Владиміра,
«Было пированье—почетный пиръ,
«Было столованье—почетный столъ,—
«А и кстили дитя княженецкое».

За тѣмъ, какъ въ 1-мъ варіантѣ, только послѣ «похвалялися» — слѣдуетъ:

«Выходили на крылечко на красное,
Ужъ какъ учали похвальбу чинить князья, бояре:
Одинъ скажетъ... и пр.—

Опять какъ въ 1-мъ варіантѣ, до «христіанскую.» — Послѣ:

«То слово кумѣ не показалося,
То слово крестовой не понравилось» —
И какъ въ пѣснѣ до «крестовому.»—За тѣмъ:
«Самъ же не пилъ, а ее почтилъ,

---

[1]) Послѣ: *подносила куму крестовому*—
«Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ
Рѣзвы ноженьки его подломилися»—
и до конца.

Ему мнилося—она выпила,
А она въ рукавъ вылила,—
Наливала еще куму крестовому,
Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ,
Его рѣзвы ноги подломилися
Бѣлы ручушки опустилися,
Ввечеру князь переставился.»—

Этимъ пѣсня оканчивается.

2.

У насъ было во кремлѣ во городѣ
У того у собора у Успенскаго
Соѣзжалися князья и бояре,
Всѣ сильные воеводы московскіе.
Ужъ какъ царь говоритъ, что въ трубу трубитъ:
«Ой вы гой есте князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти?
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпи́ стоитъ,—
Нельза къ нему подойти ни подъѣхати.»
Какъ тутъ же бояре испужалися,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Что возговорилъ Михайло Скопинъ:
— «Охъ ты гой еси, грозный царь!
Благослови мнѣ слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорить:
Дѣлайте тележки бурмицкія,
Убивайте тележки кунами, со́болями,
Сукнами багрецовыми и гвоздьми полужеными,
Сажайте въ тележки по пяти человѣкъ:
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ во единый часъ.»—
Пріѣхали они къ синему морю,
Кричитъ онъ перевозчикамъ:
«Перьвезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати.
— «Ахъ, вы гой есте, бурмистры и головы!
Погодите вы до утрія,—

Дамъ вамъ по таксѣ полную.»—
Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ синё море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость азовскую
И донесъ царю о возможности.

IX.

Алексѣй Михайловичъ.

1.

Рига.

А.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
Что на той ли было, братцы, красной площади,
Хорошо добре солдаты во строю стоятъ,
Они огненныя ружья предъ собой держатъ,
Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
Кремлемъ городомъ прошли, братцы, поплавнехоньку,
Во соборъ пришли солдаты Богу молитися,
Ко святымъ мощамъ солдатушки приложитися;
Государю-царю солдатушки поклонилися:
— «И ты здравствуй, многолѣтствуй, православный царь!
Благослови ты намъ солдатушкамъ во походъ идти,
Что подъ славный ли подъ городъ подъ Ригу». —
Ужъ какъ взговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Вы подите мои дѣтушки потихохоньку,
А подъ Ригу пришедши, становитеся,
Вы меня ли, мои дѣти, дожидайтеся,
А фельдмаршала во всемъ слушайтесь!»

Прим. Отнесена эта пѣсня къ Алексѣю Михайловичу, потому что нѣкоторыя поютъ, послѣ «православный царь»—

«Бывшій царь Алексѣй Михайловичъ»—

В.

Подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою,
Что стоялъ тутъ православный царь,
Православный царь Алексѣй-сударь Михайловичъ;
Какъ стоялъ онъ ровно три года,
Да и сталъ нашъ царь снаряжатися:
Снаряжается онъ въ каменну Москву.—

На зарѣ-то было на утренней
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси,—не лебеди воскрикнули,
Что возговорили солдаты новобраные:
«Ой ты гой еси православный царь,
Ласковый нашъ Алексѣй-сударь Михайловичъ!
Снаряжаешься ты въ каменну Москву,
Не оставь насъ ты бѣдныхъ подъ Ригою;
Ужъ и такъ-то намъ Рига наскучила:
Натерпѣлися мы холоду и голоду,
Наготы-босоты́ вдвое того.»—
Не золотая трубонька вострубила,—
Прогласилъ государь православный царь,
Что и ласковый Алексѣй Михайловичъ:
«Ужъ вы гой есте, мои дѣтушки-солдаты,
Вы солдатушки новобраные!
Какъ и мнѣ ли самому царю Рига-то наскучила,
Что наскучила она мнѣ Рига напроскучила!
Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву—
Мы забудемъ бѣдность—нужду великую,—
Я и выставлю вамъ погреба мои царскіе,
Я съ виномъ и пивомъ и съ медами сладкими.»—

3.

Рожденіе Петра.

Ужъ какъ свѣтелъ радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй-сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича—Петра Алексѣевича.
Какъ и всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички—сами мастеры,
Они ночку не спали—колыбель-люльку дѣлали,
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,—
Онѣ ночку не спали—ширинoчку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
А втаперы затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись:
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому съѣзжалися,

Весь народъ божій на пиру—пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются;
Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
Все для младшаго царевича—Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.—

X.

Петръ.

1.

Азовъ.

Охъ, бѣдныя головушки солдатскія!
Какъ ни днемъ ни ночью вамъ покою нѣтъ.
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
Что не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна сиповочка возъиграла,—
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ой вы гой есте всѣ князья и бояре!
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Какъ князи и бояре промолчали;
А и самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ой вы гой есте солдаты и драгуны!
Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?»
Что не ярыя пчелушки зашумѣли—
Какъ возговорятъ солдаты и драгуны:
— «Взять ли намъ не взять ли—бѣлой грудью!»—
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славный подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Что подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ ли бѣлы камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися—
Забѣлѣлися бѣлы груди бусурманскія;
Что не съ дождичка ручьи разливалися—
Разливалася тутъ кровь нечестивая.

2.

Стокгольмъ.

Не пыль въ полѣ запылилася,
Не туманъ съ моря подымается,—
Подымалися съ моря гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки сѣрыя;
Гуси-лебеди летятъ со гусятами,
Сѣры у́тушки плывутъ со утятами.
Гуси-лебеди съ моря подымалися,
Все синё море всколыхалося,
Бѣла-рыбица вся на низъ ушла,
Вся на низъ ушла—въ ти́хи за́води,
Въ тихи заводи—въ омута̀ глубокіе,
Въ омута̀ глубокіе—во мѣста у́добныя.
А и по морю-то, морю синему,
По синему морю, по хвалынскому,
Тутъ плывутъ-то восплываютъ ровно тридцать кораблей,
Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжитъ,
Напередъ бѣжитъ корабликъ, что соколъ летитъ.
Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ:
На корабликѣ-то па́русы все тафтяные,
Тетивочки у кораблика все шелковыя,
А подзоры у кораблика—рытаго бархата.
Какъ на этомъ на корабликѣ православный царь сидитъ,
Со своими онъ со славными генералами,
Со своими храбрыми офицерами.
Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь—Петръ Алексѣевичъ:
«Ой вы гой еси, матросы мои легкіе!
Вы мечитеся на мачты корабельныя,
Вы глядите-ка во трубочки подзорныя:
Далеко ли до города до Стекольнова?»—

Прим. Нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:
—Мы въ Стекольновъ городочекъ квечеру́ придемъ,
Мы Стекольновъ городочекъ поутру возьмемъ!»
Также вм. *по хвалынскому*, однажды пѣли *по балтійскому*.—

Варіантъ.

Вступленія нѣтъ: прочее почти тоже, исключая нѣкоторыхъ словъ, и безъ окончательныхъ двухъ строкъ; равно—царь не зовется по имени.—

3.

Побѣда Шереметева надъ Шлиппенбахомъ.

Не грозная туча возставала,
Не частъ крупёнъ дождикъ выпадаетъ,— [1])
Изъ славнаго изъ города изо Пскова
Подымался царевъ большой бояринъ
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ
Онъ со конницею и со драгуны,
Со всею московскою пѣхотой, [2])
Не дошедъ онъ красной мызы становился, [3])
Хорошо добре полками приполчился,
Онъ пушки и мортиры всѣ уставилъ. [4])
Не ясёнъ соко́лъ по поднебесью летаетъ,—
То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
Что не золотая трубушка вострубила,—
Тутъ возговоритъ царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ:
«Ой вы, дѣтушки-драгуны и солдаты!
Мнѣ льзя ли на васъ надежду положити, [5])
Супротивъ непріятеля постояти?»— [6])
Тутъ возговорятъ драгуны и солдаты:
— «Мы рады государю послужити,—
И одинъ за одного умерети.»— [7])
Тутъ скоро бояринъ подымался
Со конницею и со пѣхотой.
Нашли они на шведскіе караулы, [8])
Они шведскіе караулы сами скрали,
И маіора во полонъ къ себѣ взяли.
Привели они маіора къ генералу,
Ко полевому кавалеру;
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты маіоръ земли шведской,

---

[1]) Начал. 2 строкъ нѣтъ.
[2]) «Съ пѣхотными солдатскими полками.»
[3]) «Недошедши».
[4]) Этой строки нѣтъ.
[5]) «Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться»?
[6]) «Устояти».
[7]) «Единъ за единаго».
[8]) «Краулы».

Скажи намъ всю истинную правду,
Не моги ты у царя утаити:
Далече ли стоитъ ваша сила,
И много ли силы съ генераломъ,
Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ?»—
Что возговоритъ маіоръ земли шведской:
«Ужъ ты гой еси, царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ!
Не могу я у царя утаити,
Скажу я всю истинную правду:
Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
За тѣми ли за мхами, за болоты,
За тою за великой переправой,
Покрай близъ Варяжскаго моря;
А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
Съ любимымъ генераломъ Шлиппенбахомъ.»
Бояринъ тѣхъ словъ не испугался, [1])
Онъ скоро со полками подымался.
Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили—
Сражалися два войска тутъ большія—
Московское войско со шведскимъ.
Запалила Шереметева пѣхота [2])
Изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ [3]):
Что не страшный громъ изъ тучи грянулъ,
Не звонкая пушка разродилась—
У боярина тутъ сердце разъярилось.
Не сырая мать-земля разступилась,
Не синее море всколебалось—
Примыкали тутъ штыки на мушкеты, [4])
Бросали всѣ ружья на погоны, [5])
Вынимали тутъ острыя сабли,
Приклоняли тутъ булатныя копья [6])
Гналися за шведскимъ генераломъ,
До самого до города до Дерпта.

---

[1]) «И тутъ бояринъ не устрашился».
[2]) «Запалила тутъ»...
[3]) «И изъ мортировъ».
[4]) «Какъ не громъ предъ тучей грянулъ,
Громъ—пушка разродилась»— и «*тутъ*»—нѣтъ.
[5]) *Всѣ*—нѣтъ.
[6]) *Тутъ*—нѣтъ нигдѣ.

Какъ расплачутся тутъ шведскіе солдаты,
Во слезахъ они чуть слово промолвятъ:
«Лихая-де Московская пѣхота,—
На вылазку часто выступаетъ
И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ.»—
Тутъ много мы Шведовъ порубили,
А втрое того въ полонъ ихъ взяли,—
Тѣмъ прибыль государю учинили. [1])

4.

Шлиссельбургъ.

А.

Во славномъ городѣ во Орѣшкѣ,
Но нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегала тутъ широкая дорожка,
По той ли по широкой по дорожкѣ
Идетъ тутъ царевъ большой бояринъ,
Графъ [2]) Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли они во Красную Мызу;
Промежду тѣми высокими горами,
Промежду тѣми широкими долами,—
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичь
Въ объѣздъ онъ донскихъ казаковъ посылаетъ,
Донскихъ, гребенскихъ да яицкихъ.—
Какъ сняли они шведскіе караулы,
Мајора себѣ въ полóнъ полонили,
Привезли его въ лагери царскіе.
Не злата труба въ полѣ протрубила [3])
Прогласилъ государь, слово молвилъ,—
Государь московскій—первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичь!
Изволь ты мајора допросити,

---

[1]) «Государю тѣмъ прибыль учинили».—
Варіанты: [2]) «Князь» вм. *графъ*.
[3]) «Злата» вм. *не злата*.

Тихонько, по маленьку:[1])
А сколько-де силы въ Орѣшкѣ
У вашего короля шведскаго?»—
Говоритъ тутъ мајоръ не съ утайкою[2])
А сталъ онъ силу разсказывать:
«Съ генераломъ въ полѣ нашихъ[3]) сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.»—
А втапоры царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
«Что много-де въ полѣ силы той шведской:
Съ генераломъ стоитъ силы 40 тысячей,
Съ королемъ въ полѣ силы—смѣты нѣтъ».—
Не злата труба въ полѣ въ лагерѣ протрубила,—
Прогласилъ первый императоръ:
«А и гой еси Борисъ Петровичь!
Не устрашися мајора допросити,
Не корми мајора цѣлы сутки;
Его вы его допросите, — [4])
Другіе вы сутки не кормите,
И тогда онъ разскажетъ,
Сколько у нихъ силы шведскія.»—
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ
На то-то больно догадливъ—
А двое-де сутки мајора не кормили,
Въ третьи винца ему подносили,—
А втапоры мајоръ разсказалъ,
Правду истинну разсказалъ:
«Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.»—
И тутъ государь взвеселился,—
Велѣлъ мајору голову отляпать[5]).

---

[1]) «Потихоньку по маленьку».

[2]) «Не съ упадкою» вм. *не съ утайкою*.

[3]) «Нашимъ» вм. *нашихъ*.

[4]) «Поторите» вм. *допросите*.

[5]) «*Оттяпать*» вм. *отляпать;* а въ другомъ варіантѣ этой строки нѣтъ совсѣмъ и пропущена передача Шереметевымъ допроса; вмѣсто же «допросите» и «поторите»—*поторите*, а вм. *нашихъ* и *нашимъ*—«силы.»—

В.

Ты злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!
Къ чему ты ныло, занывало?
Ты бѣду мнѣ молодцу предвѣщало.
Предвѣщало ты, а не сказало,
Что быть ли мнѣ молодцу во рекрýтахъ,
Что въ рекрýтахъ быть и во солдатахъ,
А въ солдатахъ быть и во походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ.
Ужъ и скоро Шведы догадались,
Они ударили тотчасъ въ барабаны,
Наши русскіе солдаты во литавры.
Да что возгóворитъ нашъ батюшка императоръ:
«Ахъ, вы любимые мои генералы!
Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ,
Иль не лучше ли намъ отъ него отступити?»—
Что возговорятъ всѣ генералы:
«Ахъ, ты нашъ батюшка государь царь!
Еще сила намъ будетъ нада,—
Что не лучшель намъ отсюда отступити?»
Что возговоритъ надёжа-государь царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои солдаты!
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»—
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ россійскіе солдаты:
— Ахъ, ты нашъ батюшка-государь царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ идти—не досягнути;
А что брать или не брать ли—бѣлой грудью!»—
Тронулось войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворилися ворота непродѣланны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами:
Побѣдили силу шведскую,
Полонили городъ надобной.—

Варіантъ.

Злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
Что ты ныло ретивое, занывало,
Ничего ты мнѣ сердечко не сказало,
Да что быть молодцу въ рекрутахъ,
Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
А по нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ?
Что заслышавъ воры-шведы догадались,
Что ударили они въ барабаны,
Наши русскіе солдатушки въ литавры.
Да что взговоритъ нашъ государь царь:
«Ахъ вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мнѣ, братцы, пригадайте:
Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»—
— Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка государь царь!
Что не лучшель намъ отъ города отступити?
Что возговоритъ государь-царь ко солдатамъ:
«Ахъ вы гой еси мои дѣтушки солдаты:
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще брать ли намъ иль нѣтъ Орѣхъ-городъ?»—
Что не ярыя пчелушки въ ульѣ зашумѣли,
Да что взговорятъ россійскіе солдаты:
— «Ахъ ты гой еси нашъ батюшка государь-царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ итти—не досягнути;
Мы не будемъ отъ города отступати,—
А будемъ мы его бѣлою грудью брати.»—

Въ другомъ варіантѣ нѣтъ обращенія царя къ солдатамъ, а они говорятъ вслѣдъ за генералами; вмѣсто *предвѣщало*—«вѣщевало»;— и пропущена строка:

«Наши русскіе солдатушки въ литавры.»—

С.

Какъ на славной матушкѣ Невѣ-рѣкѣ,
Подлѣ устьица ея широкаго,
Что при самомъ ли истокѣ быстрыимъ,
Какъ плавали гуляли три легкіе стружка.
На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,

А на третьемъ стружкѣ все солдатушки—
Преображенскіе и семеновскіе.
По рѣкѣ они бѣжали къ круту красну бережку,
Къ круту красну бережку—къ шлюссельбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна все олонецкаго,
Они якори метали все булатныя,
Что того ли булата сибирскаго,
Приставали къ круту красну бережку,
Они лѣсенки метали все дубовыя,
Выходили на желты пески сыпучіе,
Начинали рыть подкопы глубокіе,
Накатали бочки съ лютымъ зеліемъ,
Съ лютымъ зеліемъ - съ чернымъ порохомъ,
Становили свѣчи воску яраго,
Зажигали тѣ подкопы глубокіе.
Оттого ли красный берегъ взорвало,
Развалило стѣну бѣлокаменну,
Потрясло всю крѣпость шведскую,
Устрашило храбрыхъ непріятелей.—

Въ варіантѣ послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ.

D.

Какъ по крутому по красному бережку,
Какъ по желтому сыпучему песочку,
Тутъ ходилъ гулялъ батюшка православный царь,
Онъ садился государь-царь на легòкъ стружòкъ;
Размахнули, разгребнули вверхъ Невы-рѣки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
Какъ на встрѣчу государю донскіе казаки,
Что донскіе, гребенскіе, запорожскіе.
Что казаки государя не опознали,—
Имъ подумалось—король земли шведскія:
Заряжали свои ружья огневыя,
Приготовились стрѣлять по своемъ царѣ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Что промолвилъ ли нашъ батюшка православный царь,—
Казаки голосъ услышали,
Что кидались бросались на легòкъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:

«Ты прости, прости, нашъ батюшка православный царь,
Еще мы тебя государь-царь не опознали,
Намъ подумалось король земли шведскія.»—
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Вамъ спасибо ли ребята, казаки донски,
Что донскіе гребенскіе, запорожскіе!
Съ осторожностью вы по Невѣ-рѣкѣ гуляете,
Своего царя вы защищаете».

5.

Полтава.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
Наканунѣ было свѣтла воскресенья
Заунывно въ царь-колоколъ звонили,
Съѣзжалися князья и всѣ бояре
Во Успенской во соборъ Богу молиться.
Молились они Господу со слезами;
Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
Почастёхоньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
Къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми слезами обливался,
Миткалиннымъ онъ платочкомъ утирался:
«Ужъ тошно мнѣ боярину, тошненько,—
Никогда-то мнѣ таковò тошно не бывало;
Что болитъ-болитъ у боярина головка,
Щемитъ, щемитъ ретиво сердечко;
Что сказана боярину царска служба,
Указанъ путь—широкая дорожка,
Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву:
Какъ быть-то мнѣ боярину убиту
Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой,
На чистомъ полѣ лебединомъ!»

6.

Запорожцы послѣ Полтавской битвы.

Похвалились славны запорожцы
Платавъ-городъ взяти

Э-ххе!

Поутру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали;

Э-ххе!

А къ вечеру славны запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши мѣтки ружья?

Э-ххе!

«Наши ружья заряжены,
А мы въ острогъ посажены».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?

Э-ххе!

«Наши кони на пригонѣ,
А мы казаченьки во неволѣ».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши острыя копья?

Э-ххе!

«Наши копья отобрали,
Въ Дунай-рѣку побросали».

Э-ххе!

7.

Выборгъ.

Ахъ ты ночь ли, ты ноченька осенняя!
Надоѣла ты мнѣ молодцу наскучила,
Стоючи братцы на караулѣ государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выборгомъ,
Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокою подъ башнею подъ проѣзжею.
Не звѣринушка изъ башенки возрыкнула,
Что возрыкнула тутъ пушечка боевая,
Боевая, полковая, шведская,
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли полковника, какъ пить дала.
Какъ растужатся, расплачутся солдатушки:
«Охъ ты свѣтъ нашъ батюшка полковничекъ,
Что кому насъ сиротъ будетъ поить, кормить,

Кому насъ солдатъ содержать будетъ?»—
А что взгóворятъ маіоры съ подполковникомъ:
«И вы глупые солдаты, неразумные,
Какъ поить будетъ кормить православный царь,
Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.»

8.

Колывань.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты,
Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
Какъ стояли тутъ столы дубовые,
За столомъ сидитъ шведская королева,
Передъ ней стояли шведскіе генералы.
Что возговорятъ шведскіе генералы:
«Ахъ ты гой еси наша шведская королева,
Ты за чѣмъ къ королю-брату не пишешь,
Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
Что за силою прислалъ бы провіанту?»
Что возговоритъ тутъ шведская королева:
«Ахъ вы гой еси, мои шведскіе генералы!
Ужъ я и такъ къ королю-брату писала
И нарочныхъ курьеровъ посылала,
Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
Онъ за силою прислалъ бы провіанту:
Ужъ какъ бѣлый царь къ городу подступаетъ,
И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,
Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городъ армію свою впускаетъ,
И онъ шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
Онъ россійскіе караулы разставляетъ.

9.

Какъ по морю, морю синему, по синю морю, по балтійскому,
Тутъ и плыли восплывали три военныхъ корабля:
На первыимъ на корабликѣ императоръ-царь сидитъ,
На другимъ корабликѣ князья-бояре сидятъ,
А на третіимъ корабликѣ—все солдатушки,
Сидѣли солдаты полку семеновскаго,
Той же первой роты бомбандирскія.

Парусы они роняли бѣлы полотняные,
Того ли полотенца—все голландскаго,
Якори они бросали все булатные,
Того ли булату—все сибирскаго,
Мосты они намостили все дубовые,
Подкопы они копали все глубокіе,
Глубокіе подкопы—на двѣнадцать верстъ,
Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
Свѣчки зажигали воску яраго.
Свѣчки догорали—бочки розорвало,—
Что взрывало стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали государя-царя поздравляти:
«Ужъ ты здравствуй, государь нашъ, православный царь,—
Поздравляемъ тебя съ крѣпкіимъ городомъ,
Съ крѣпкимъ городомъ—со Ригою!»—

10.

Смерть Петра.

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,—
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера—не до полночи,
Со полуночи—не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?—
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашенаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ,
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Ужъ и слезы льютъ, что ручьи текутъ,
Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ,
Возрыдаючи онъ возговорилъ:
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные

Разнесите вы снѣжки бѣлые!
Разступися ты, мать-сыра земля,
Ты на всѣ четыре стороны,
Развались-ка ты бѣлъ-горючъ камень,
Расколись-ка ты, гробова доска,
Развернись-ка ты, золота парча,
Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкой саванъ,—
Ужъ ты встань-проснись православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь;
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку,
На свою матерь—Россіюшку,
Посмотри, сударь, на свою гвардію, [1])
Посмотри на всю армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами, [2])
А прапорщики—подъ знаменами:
Дожидаютъ они полковничка,
Что Полковничка преображенскаго, [3])
Капитана бомбандерскаго».

1-й варіантъ. Все также, кромѣ конца. Послѣ: *посмотри на всю армеюшку,*—

Твоя армія во строю стоитъ,
Въ строю стоитъ—не шелохнется,
По военному она обучается,
На войну она отлучается.

2-й вар. Начинается прямо: у насъ было на святой Руси; потомъ пропущено: у крыльца было воскрашенаго; потомъ послѣ словъ:

Призадумавшись слезно плакать сталъ,

слѣдуетъ —

Во слезахъ онъ слово вымолвилъ:
Вы подуйте вѣтры буйные,
Разступися мать-сыра земля и пр.

---

[1]) Вм. *свою*, говоритъ *сву*.
[2]) Вм. *взводами*—зводами.
[3]) Вм. преображенскаго—преображеннаго.

Пропущено: разверниися золота парча, распахнись бѣлъ тонкой саванъ.—

Кончается также какъ 1-й варіантъ, исключая пропущенныхъ 2-хъ строкъ—

«Посмотри на свою силушку.
На свою матерь Росіюшку.»

3-й варіантъ. Сокращенъ, какъ второй, кромѣ начала, которое оставлено до словъ: не во всю землю свято-русскую.—

4-й варіантъ. Сохранено все вступленіе, кромѣ словъ:

Что со вечера не до полночи
Со полуночи—до бѣла свѣта,—а послѣднія

двѣ строки измѣнены такъ:

Все за облачко закатаешься,
Черной тучкою закрываешься;—и конецъ, какъ въ *3-мъ вар.*

5-й варіантъ. Вступленіе—тоже, кромѣ послѣднихъ трехъ строкъ:

Со полуночи—не до бѣлой зари,
Все за облаки ты прячешься,
Темной тученькой закрываешься»; далѣе—

Кромѣ неважныхъ измѣненій, перестановки словъ, почти все также до—*посмотри на всю армеюшку*, потомъ вставка:

Посмотри на свою армію
Твоя армія во строю стоитъ
По военному она обучается,
На войну она собирается,

и продолжается:

Хорошо твоя армеюшка обряжена,

пропущено только: «Офицеры передъ взводами.»—

Есть и другіе варіанты, о которыхъ уже не стоитъ говорить.

Но слѣдующій варіантъ, какъ разнящійся отъ 1-й пѣсни на столько, что можетъ считаться другою, самобытною пѣснью,—мы записываемъ вполнѣ.

11.

Ахъ, ты ягодка-сомородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла,
Ахъ, ты ягодка сомородинка,
Распрекрасное мое деревцо!

Ты почто рано позаломана,
Во пучечики перевязана,
По дикòй степѣ поразбросана,
До того ли села Шереметева,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашёнаго?
У дворца-то было государева
У крыльца было воскрашёнаго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призновилъ онъ рѣзвы ноженьки,
Что по самые по сапоженьки,
Бѣлы ручушки —по самыя кистыньки;
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ и слезы льютъ, что ключи текутъ,
Воздыхаетъ—словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговорилъ,
Жалобнёхонько слово вымолвилъ:
«Вы подуйте съ горъ вѣтры-вихори,
Разнесите съ полей снѣги бѣлые, [1])
Растолкните, вѣтры, бѣлъ горючъ-камень,
Расшатайте-ка вы мать-сыру землю,
Вы на всѣ на четыре сторонушки; [2])
Расколите вы, вѣтры-вихори, гробову-доску, [3])
Разверните-ка вы, вѣтры, золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ тонкòй саванъ!
Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри ты на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоитъ,
Во строю стоитъ—не шелòхнется,—
На войну она снаряжается,
Что тебя она дожидается! [4])

---

[1]) *Варіанты.* Вмѣсто—*полей*—*поля*, и *небесв.*

[2]) Вм. сторонушки—*стороны.*

[3]) Опущ.—*вѣтры*—*вихори.*

[4]) Въ другихъ приб. строчка—«на пруцкова короля нѣтъ подмоги безъ тебя.»

12.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго
Ударили въ большой колоколъ:
Раздается звонъ по матушкѣ, по сырой землѣ.
Померъ, померъ у насъ, братцы, бѣлый царь,
Бѣлый царь—Петръ Первый.
Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
Генералушки, чиновны господа:
«Состроимъ мы свому царю бѣлому гробницу кипарисову,
Увьемъ мы ее гробницу плисомъ-бархатомъ,
Унесемъ мы свово царя бѣлаго за Неву-рѣку,
Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ».

1.

Калинку съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала.
За мужъ отдала за неровнюшку,
За неровнюшку въ чужу сторону,
Во чужу сторонушку—во лиху семью.
Чужая сторонушка—безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ латерью—безъ дѣла бранятъ;
Посылаютъ меня молоду—во полночь по воду;—
Зябнутъ, зябнутъ ноженьки, у ключа стоя,

Пѣсня о *Суворовѣ* начинается точно также—до словъ:

По дикой степѣ поразбросана.

А потомъ слѣдуетъ: молодой сержантъ и т. д. до словъ:

Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка *Суворовъ князь*,

и кончается, какъ эта.—Иные же поютъ безъ вступленія, прямо со словъ: Молодой сержантъ на часахъ стоялъ; другіе прибавляютъ вступленіе такого содержанія:

Что за рѣчинькой да за быстрою
Не огонь горитъ не полыня,
Что горитъ, болитъ ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое
Молодецкое, солдатское,
Молодой сержантъ на часахъ стоитъ и пр.

Прищипало рученьки къ коромыслицу,
Текутъ, текутъ слезоньки по бѣлу лицу,
Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три года;—
На четвертомъ годикѣ—пташкой полечу,
Горькою я пташечкой—кукушечкою,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
На любиму яблоньку—на матушкину:
Горькими слезами я весь садъ потоплю,
Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
Закукую въ садикѣ жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Любезныхъ невѣстушекъ побуживаетъ:
«Вставайте, невѣстушки—голубки мои!
Что это за чудо у насъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дождя, безъ сильнаго, садикъ потонулъ?
Что у насъ во садикѣ за пташка поетъ,
Жалобною пѣсенкой сердечушко рветъ,
Ретиву сердечушку назолу даетъ?»
Большая невѣстушка возговорила:
«Что это за пташечка—пойдемъ поглядимъ!»
Середня невѣстушка: «пойдемъ, изловимъ!»
А малый-то братецъ: «пойдемъ, застрѣлимъ!»
Жена ему молвила: «пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка сестрица твоя,
Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
Со чужой сторонушки изъ лихой семьи!»
—««Али ты безумная! сестрица моя,
Бѣлая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, худа и блѣдна»».
— «Отъ того худа-блѣдна—въ чужой сторонѣ,
На чужой сторонушкѣ, плохое житье».

2.

Свѣтитъ мѣсяцъ вдоль по рѣчкѣ,
Хочу милаго видать,
Я видала, пріузнала,
Садилася къ бережку.
Я сидѣла, сѣвши, глядѣла,—

Бѣжитъ рѣчка, точно слеза.
Со пескомъ слеза смѣшалась,—
Стала травушка горька,
Что горька она, горька,
Полынушкой налита,
Полынушкой названа,
Полынушкой названа
Для измѣнщика-дружка!
Ты измѣнщикъ-лицемѣрщикъ,
Измѣнилъ ты дѣвушку съ бѣлаго лица!
Измѣнимши, злодѣй-варваръ,
Ты покинулъ, позабылъ!
Позабымши горьку-несчастную,
Однимъ вздохомъ наградилъ!
Я у батюшки разъединая
Доченька была—
У родимой у матушки
Пребольшая госпожа;
Я носила цвѣтно-платьице,—
Я считала ни во-что;
Коленкорову рубашечку
По буднямъ изношу;
Одно было золото колечко:
За тобою, мой миленькій, пошло!

3.

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полынья;
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ,—по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы-руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
«Ты встрѣчай меня, молода жена,

Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку—полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльце—ковры вышивать,
Другое дѣльце—гусей стеречи,
А третіе—дѣтей качати».
— «Я руками—ковры вышила,
Я глазами—гусей стерегла,
Я ногами—дитю качала;
Ты качу-баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
Ты не крещеной, не молитвенный,
А по-матушкѣ—мой боярченокъ,—
Мой боярченокъ—русска косточка!»—
Услыхала молода княжна:
«Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по-батюшкѣ—злой татарченокъ!
А по-матушкѣ—боярченокъ?»
— «Какъ мнѣ не знать, моя доченька;
Ты семи лѣтъ во полонъ взята!»—

4.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до воеваньица,
Становился королевичъ середи пути,
Середь пути-дороженьки, близь крутой горы;
Какъ самъ пошелъ королевичъ на круту гору,
Пустилъ свово добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ.
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«Въ твоемъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
«Пойду, пойду къ старушечкѣ—къ своей ворожеѣ»!
Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,—
На встрѣчу королевичу старушка идетъ.

Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
«Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ.
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»
««Королюшка, мой батюшка! Какой же твой сонъ?»»
— «Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
— Въ твоемъ дому королевичъ, несчастье случилось?—»
««Королюшка-мой батюшка! не хорошъ твой сонъ:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.»»
Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:
Въ саду его всѣ пташечки пріунывъ сидятъ,
Слуги его вѣрные—всѣ въ черномъ траурѣ,
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Вся въ златѣ убрана—и въ гробъ положена!—
«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня!
За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
За убраны за столики—не посадила,
Сахарными конфетами не подчивала!»

Варіантовъ этой пѣсни въ Саратовской губерніи чрезвычайное множество, но измѣненій въ нихъ мало; есть только сокращенія. Въ нѣкоторыхъ *королевичъ* замѣненъ *казаченькой*, а Марьяшечка Марусенькой. Въ Югозападной Россіи эту пѣсню поютъ въ слѣдующемъ видѣ:

Поихавъ казакъ на полюваньня,
Зоставывъ жону свою на горюваньня;
Пустывъ коныченька на попасаньня;
А самъ прилигъ къ сырій земли на спочиваньня.
Присныуся козакови дивнесенькій сонъ:
Зъ пидъ рученьки вылынувъ ясненькій соколъ,
Зъ пидъ другои билои сира утинка.
Поихавъ козаченько до вороженьки:
«Вороженько! голубонько! одгадай мій сонъ,
Шчо вынувъ зъ пидъ рученьки ясненькій соколъ—
Зъ пидъ другои билои сира утинка».
— ««Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи;
Авже твой милинькои не застаючи.
Учора изъ вечира сына привела,

Сама молоденька до гробу лягла»».
Приизжае козаченько къ новымъ воротамъ:
Ажъ выходить, выбигае найменьшая свисть
И выносыть козакови недобрую висть:
«Чоломъ, чоломъ пане-зятю, чужый та не нашъ!
А уже твоеи мыленькои на свити не машъ.
А учора изъ вечира сына привела,
Сама молоденька до гробу лягла».
Пріизжае козаченько на новенькій двиръ:
Ударили по мыленькій у голосный дзвинъ;
Увиходыть козаченько у нову свитлыцю;
Лежить его мыленькая на усю скамницю.
Няньки, мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дыти его коханое на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящіи! Чомъ не ходыте?
Ручки мои роботящіи! чомъ не робыте?
Уста мои сахарныи! чомъ не мовыте?
Очки мои чорненькыи! чомъ не глянете?»
Не той же, козаченько, теперь свитъ наставъ,
Шчобъ умершый еще зъ навы вставъ,
А не тая, козаче, теперъ година,
Шчобъ умертая еще говорила.

5.

Далеко было, далече, въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ—въ славной Митревской,
Что у князя было у Волконскаго
Солучилася пиръ — бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радошна.
Соѣзжалися къ нему князья, бояре,
Пили, ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богачествомъ,
Бѣдный хвалится своей бѣдностью,
Сильный хвалится своей силою,
А Волконскій князь своей княгинею.
«У меня княгиня умная,
Она умная-разумная,
Она тихая-смиренная,
До рабовъ она милостлива,
Передо мной она очестлива».—

У дверей стоитъ слуга вѣрная,—
Слуга вѣрная—дѣвушка сѣнная.
Какъ возговоритъ сѣнна дѣвушка:
«Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій князь!
Не приказывай меня казнить, вѣшати,
Прикажи ты мнѣ слово молвити.»
««Говори ты мнѣ, слуга вѣрная;
Ты скажи мнѣ правду истину»».—
«Похвалился ты своей княгинею:
Твоя-ли княгинюшка нечестная,
Твоя-ли княгинюшка невѣрная,
Что живетъ она съ младымъ клюшникомъ,
Со твоимъ ли со ларечникомъ,
Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
Что живетъ она не теперича,
А не много, немало ровно девять лѣтъ.»
На десятомъ-то году князь довѣдался.
Посылаетъ онъ за ключникомъ
Своего-ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
Ты скажи: хочетъ тебя-дарить, жаловать».—
Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до-долу;
Шуба лисья—словно лѣсъ шумитъ,
И золотъ перстень—ровно жаръ горитъ;
На немъ шапочка рытаго бархата;
Во правой рукѣ—тонка тросточка,
А во тросточкѣ—ала ленточка;
Идетъ ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ князю низкой поклонъ:
«Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
Ты почто меня скоро требовалъ,
Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?»
— ««Подарю я тебя хоромами-высокими,
Немощенными, несвершенными!
Ты скажи мнѣ только правду-истину,
Ты который годъ живешь со княгинею?»»—
«Ужь ты батюшка нашъ Волконскій князь!

Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
Много было попито, поѣдено,
На пуховыхъ перинахъ полежано».—
Какъ Волхонскій прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
Вы берите лопатки желѣзныя,
Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
Вы постройте рельюшки высокія,
Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
Перекладины положите вы кленовыя,
Вы колечки вверните позлащенныя,
А петелки повѣсьте вы шелковыя,
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повѣсьте на рельи высокія,
Да пускай же онъ воръ покачается,
Молодая-то княгиня на него показнится».
Подхватили ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя,
На петелькахъ виситъ ключникъ, мотается,
А впереди-то лежитъ княгинюшка, кончается.
Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубовый столъ:
«Ужь ты гой-еси дѣвушка сѣнная,
Ты моя-ли слуга вѣрная!
Погубила ты младаго ключника,
Умертвила ты молоду мою княгинюшку!»

6.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
На десятомъ году самъ король довѣдался,
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки.
«Вы слуги-ли мои—слуги вѣрные!
Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку».
Въ перву петельку повѣсили—петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили—и эта оборвалася;
Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка;
Она плакала, какъ рѣка лилась,
Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася—что погоды бьютъ.

7.

У лѣсика, у лѣсика у дремучаго,
У ключика, у ключика у текучаго,
Удалой донской казакъ свелъ коня поить;
Напоемши онъ добра коня сталъ выглаживать,
Сталъ выглаживать, охорашивать,
Свому добру-коню сталъ наказывать:
«Ужь ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры—до бѣлой зари,
До бѣлой зари вплоть до солнышка,
Когда красно солнышко высоко взойдетъ,—
Молодая шельма вдовушка платье мыть пойдетъ,
Разлапушка красна дѣвушка за водой придетъ».
Какъ душа-ли красна дѣвица за водой пошла;
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почерпнула голубенькими глубокохонько,
Почерпнумши, ведерочки прочь отставила,
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ рѣчи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
«Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту;
Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго;
Не любить тебѣ, дѣвушка, парня браваго!»
Черезъ силушку дѣвушка ведры подняла:
Родимая ее матушка вышла встрѣтила:
«Милое мое дитятко! Или гдѣ была,
Или гдѣ была, или что пила?»—
««Родимая моя матушка! нигдѣ не была,
Нигдѣ не была—ничего не пила,
Съ молодою только вдовушкой поразсорилась.»»
Со вечера красна дѣвушка разгоралася,
Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилась;
За обѣденку красну дѣвушку хоронить несутъ:
Напередъ красной дѣвушки идетъ попъ со дьякономъ,
Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
По правую сторонушку подружки идутъ,

По лѣвую сторонушку добрый молодецъ.
Идетъ добрый молодецъ-спотыкается,
Горючими слезами обливается.
Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
«Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру-землю!»

8.

У насъ было во новомъ городѣ,
Во новомъ городѣ—во Саратовѣ;
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца, у богатова,
У богатова, у Шахматова,
Несчастьице въ домѣ сдѣлалось,
Несчастьице немалое,
Какъ жена-то мужа потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу,
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко,
Сама плачетъ какъ рѣка льется.
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныхъ,
Деверья ея любезные:
«Здравствуй, сноха-невѣстушка,
Сноха, бѣлая-лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»
««Вашъ братецъ увелъ коня поить.»»—
«Ты сноха наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Его добрый конь въ конюшенкѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ.
Ты сноха ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?»
««Бѣлу-рыбицу я пластала;
Бѣла-рыбица больно билася.»»

«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»
««Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!
Вашего братца я потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала!»»—

9.

Ужь и чей это дѣтинушка,
Чей удалой молодецъ?
Ужь не тотъ ли добрый молодецъ
Изъ Астрахани?
Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбивши красну дѣвку,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
Не шей новый положекъ!
Ужь и мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу:
Какъ и спать мнѣ, молодцу,
На лодочкѣ на носу;
Мнѣ грести-то весломъ
Волгу-матушку!»
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходячи,
Ко милому ходячи.
«Не смѣяться, воръ-мальчишка,
Надъ несчастной надо мной:
Ты не думай, воръ-мальчишка,
Что я вовсе сирота.
Ужь и я, красна дѣвушка,
Не круглая сирота:
У меня ли, у дѣвчонки,

Есть отецъ, есть и мать, (2)
Есть два брата соколы.
Я велю тебя поймать,
Душу съ тѣломъ потерять, (2)
Разбестію растерзать.
Какъ изъ рукъ твоихъ изъ ногъ
Себѣ стульчикъ я собью,
Изъ широкіихъ костей
Я кроватушку смощу,
Я изъ буйной головы
Ендовину сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей
Пару рюмокъ выточу,
А изъ алой твоей крови
Брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твово сала
Себѣ свѣчь я налью,
Изъ русыихъ изъ кудрей
Фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твово тѣла
Пироговъ я напеку,
А изъ пальчиковъ-суставчиковъ
Похлебочку сварю.
Созову я, красна дѣвушка,
Всѣхъ подруженекъ;
Какъ и первую подруженьку—
Сестрицу твою.
Посажаю я подруженекъ
На лавочку,
А любимую подружку
На скамеечку;—
Сама сяду молода,
На кроватушку.
Загадаю вамъ, подруженьки,
Я загадочку,
А загадочку, подружки,
Неотгадливую:
Я на миломъ сижу,
Я на милаго гляжу;
Стоитъ милый предо мной
Бѣлой сальною свѣчей;

Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ печкѣ сидитъ;
Я изъ мила наливаю,
Во миломъ я подношу,—
Дружкомъ подчиваю!
Какъ и всѣ мои подружки
Призадумалися;
Какъ и первая подруженька
Догадлива была,
Догадалася она:
«Не загадочку, подруженька,
Ты загадываешь:
Погубила молодца—
Моего братца!»
Вотъ любимая подружка
Приосердилася.
Выскочила на крыльцо
Простудить свое лицо;
«Ужь и я ли, красна дѣвушка,
Говаривала:
Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не сносити тебѣ братецъ,
Буйну голову свою!»

10.

Одна была пѣсня,
Поблюду ее къ веснѣ:
Поѣду весной пахати—
Стану сѣять засѣвати,
Эвту пѣсню распѣвати.
При широкой, при большой дорожкѣ,
Жилъ былъ мужикъ Марко,
У Марка сынъ Ѳедоръ,
У Ѳедора жена Марѳа.
Просилася Марѳа въ гости,
Ко своей матери не на долго,
Не на долго—на три недѣльки;
Гостила Марѳа недѣлю, гостила другую,
На третьей Марѳа стосковалась;
«Охъ матушка, тошно,

Мнѣ родимая грустно!»
««Ты залѣзь, Мареа, на печку,
Погляди съ печи въ окошко,
Не ѣдетъ ли Ѳедоръ?»»
«Охти матушка, ѣдетъ!»
Подъѣзжалъ Ѳедоръ къ воротамъ,
Сталъ стукать подъ окошко,
Сталъ стукать подъ другое,
На дворъ Мареу вызываетъ:
«Ты поѣдешь Мареа домой—
У насъ въ дому нездорово!
Родной батюшка хвораетъ,
Родна матушка часуетъ;
У сестрицы три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.»
Проводила мати Мареу,
Проводила черезъ поле,
Проводила чрезъ другое,
На третьемъ стала распрощаться,
Возговоритъ Ѳедоръ:
«Проводи, теща, подалѣ,
Не знай, увидишь, не знай—нѣтъ!»—
Подъѣзжаетъ къ воротамъ:
Лютой свекоръ дрова рубитъ,
Люта свекровь избу топитъ,
У золовки три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.
«Ты поди-ка, Мареа, топи баню!»
««Постой, Ѳедоръ, разряжуся—»»
«Ты топи во всемъ нарядѣ!—
А куда тебѣ нарядъ дѣвати?
Развѣ дуба наряжати!»
Пошла Мареа топить баню;
Истопила Мареа баню,
Приходитъ домой:
«Ступай, Ѳедоръ, въ баню!»
««Иди, иди сей часъ за мною!»»
«Ступай, Ѳедоръ, сей часъ иду за тобою!—
Подошла Мареа къ банѣ,

Отворила Мареа баню:—
Сидитъ Ѳедоръ—ножикъ точитъ;
Рѣзвы ноги подкосились,
Бѣлы руки опустились....
Головушка съ плечь скатилась!...
Зарѣзалъ Ѳедоръ Мареу,
Схоронилъ ее въ банѣ подъ полочкомъ,
Приходитъ онъ изъ бани.
Дочь у нихъ была невеличка,
Невеличка пяти годочковъ;
Расплакалась, разнѣжилась:
«Охъ ты, тятенька, тятенька!
Что нейдетъ долго матушка?»
««Что это за мать,
Что за стара не хороша.
Я тебѣ возьму мать молодую:
Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку,
Либо Безсоновску Танюшку!»»
«Ты умри-ка Дарюшка и Марюшка,
И Безсоновска Танюшка!
Прійди, моя мамонька,
Приди, родная, изъ жаркой бани!» —

11.

Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ,
Напишу я письмецо къ любушкѣ-сударушкѣ:
Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся;
Самъ я по тебѣ стосковался;
Послѣ батюшки манехонькій остался;
Не батюшка меня вскормилъ—вспоилъ,
И не матушка меня возлелѣяла;
Вскормилъ да воспоилъ меня Ярославъ городъ,
Возлелѣяла меня Волга матушка,
Раскачала меня легка лодочка.
Не бѣла заря въ окошечко взошла:
Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи и забавы принесла,
Въ окошечко праву руку подала:
«Чернобровый мальчикъ мой!
Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой,
Поколь холостъ, не женатъ,

Нѣтъ заботы никакой;
Только есть одна забота—
Поутру рано вставать,
Расчесочку въ руку взять,
Русы кудри разчесать!»
— Разчесамши я кудерки,
Вдоль по улицѣ пошелъ,
Къ душѣ къ Машѣ зашелъ;
Маша вышла—встрѣтила меня;
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
За дубовый столъ сажала,—
Стаканъ водки поднесла.
Маша по лугу гуляла,
Злы коренья копала,
Накопамши злы коренья,
На Дунай-рѣчку пошла,
Злы коренья полоскала,
Бѣлехонько до бѣла;
А вымывши злы коренья,
Сухохонько изсушу,
Изсушимши злы коренья,
Мелкохонько истолку;
Частымъ ситомъ просѣвала,
Сладкой водкой настояла,
Дубовъ столикъ убирала,—
А убрамши дубовъ столикъ,
Коней пару закладала,
За милымъ дружкомъ послала:
Я посламши за милымъ,
Сладкой водкой угощу,
Угостимши, распрошу:
Скажи, скажи, мой миленькой,
— Что на сердцѣ у тебя?—
У меня ли на сердечкѣ,
Бѣлъ-горючъ камень лежитъ!
«Ты разбестія-мерзавка,
Уморила ты меня;
Ты умѣла уморить,—
Умѣй меня схоронить.
Схорони ты меня, размерзавка,

Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большой,
И поставь ты, размерзавка,
Кипарисный черный крестъ.»

12.

На степи-то, степи, на Саратовской,
На другой-то степи, на Камышинской,
У лѣсика было, у дремучаго,
У ключа-то было, у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ донской казакъ коня поилъ,
Коня чорнаго, возбочёнаго;
Не коня-то онъ поилъ,—онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ—погубить хотѣлъ!
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужь ты мужъ мой, младъ донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягуться,
Шабры ближніе припокоются!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣвалася наша матушка?»
««Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платье наряжается,
Въ Божью церковь собирается.»»
Пошли дѣтушки во Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
«Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
««Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки!»»
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,

Ихней матушки все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка,
Наша мататушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, подъ колодою,
Подъ колодою, подъ дубовою.
Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»
— ««Вы не плачьте, малые дѣтушки,
Я сострою вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собью вамъ дубовую дверь,
Я собью вамъ золотую цѣпь,
Я возьму вамъ молодую мать!»»—
«Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!
Расколись, расколись, дубовая дверь!
Растопись, растопись, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матушка!»

13.

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ;
Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ—слезну грамотку.
Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
Родному батюшкѣ на заботище,
На заботище, на работище,
Молодой женѣ на загульбище.
Добрый молодецъ коня поилъ,
Напоемши коня во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
«Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,

Когда дѣтушки спать полягутся,
Всѣ народушки приугомонятся».—

14.

Князь Демьянъ жену терялъ:
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
Кидалъ-бросалъ во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,—
Унесъ, укралъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
Хватилася молода княжна:
— А папонька! гдѣ же мамонька?—
«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице наряжается.»
Пошла княжна, въ нову горницу,
Цвѣтно платье въ шкапу виситъ.
Пошла княжна, заплакала:
— Папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь;
Божья церковь пустымъ пуста,
Пошла княжна заплакала:
— А папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Твоя мамонька во чистомъ поле,
Во чистомъ полѣ гулять пошла.»
— Заложите мнѣ легки дрожечки,
— Поѣду я во чисто-полѣ,
— Погляжу, посмотрю свою мамоньку.—
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,
Подаетъ княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька! все обманывалъ!»
— ««Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Я сострою тебѣ новъ-высокъ теремъ,
Я со красными, со оконцами,

Со хрустальными, со стекольцами,
Я возьму тебѣ молодую мать!»»—
«Возстань, возстань моя мамонька!»

15.

Гостила у насъ гостья дальняя, чужестранная,
Не сгостивши гостья встосковалася,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
По своемъ горѣ, по великіимъ:
Не съумѣлъ меня батюшка вспоить-вскормить,
Не съумѣла меня матушка за мужъ отдать;
Отдала меня матушка—за мужъ за море,
Не за князя, не за барина—за того-ли вора, за разбойника!
Со вечера—воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи—со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту-воръ со добромъ на дворъ.
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка съ меня шубу лисію,
Убирай-ка ты коня добраго,
Коня добраго, притомленнаго,
Убирай-ка ты платья цвѣтное,
Платье цвѣтное, прикровленное?
Угадай-ка ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисію,
Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»—
Закричала жена громкіимъ голосомъ:
«Ужь и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной,
Разорилъ ты мою буйную головушку!
Погубилъ ты мово отца съ матерью,
Погубилъ ты мово братца роднаго!
Шуба лисія-то мово батюшки,
Платье цвѣтное-то моей матушки,
Добрый конь—мово братца родимаго!»
Какъ и вынулъ воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буйну голову.
Въ зыбочкѣ дитя надсѣлося ревя,
А воръ-отъ сидитъ прибаукиваетъ:
«Ты бау-бау мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милое!

Не я твою матушку губилъ-терялъ:
Погубили, потеряли злы товарищи!»

16.

Возлѣ рѣченьки я хожу молода,
Меня водоньки потопить хотятъ,
А немилый мужъ все журитъ-бранитъ,
Все журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
За посхименья дамъ тебѣ тысячу;
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобью ее чернымъ бархатомъ.
Ты въ ней будешь жить, да спасатися,
Что спасатися—Богу молитися!»
Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька и новехонька,
Ужь и кто же въ ней спасается,
«Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька,
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонимшися слово молвила.
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя,
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолится тутъ немилый мужъ:
«Разстригися ты, жена моя милая;
За растриженье дамъ тебѣ тысячу,
За разсхименье—все имѣньице;
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными, со оконцами,
Со хрустальными, со стекольцами.
Будешь жить въ немъ прохлаждатися,
Во цвѣтно платье наряжатися!

Какъ возговоритъ молода старочка,
«Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всево твово имѣньица,
Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ;
Я останусь въ этой келейкѣ:
Ужь я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися».—

17.

Ужь ты веснушка-весна,
Весна красная моя!
Что не въ радости прошла,
Не въ радости, не въ гульбѣ,
Во великой сухотѣ?
Ужь ты садъ ли ты мой, садъ,
Садъ зеленый виноградъ!
Отчего садикъ посохъ,
Отчего садикъ повялъ?
Въ саду Ванюшка гулялъ—
Красну дѣвицу терялъ;—
Самъ въ побѣдушку попалъ,
Во бѣду, во нужду—
Въ бѣлокаменну тюрьму;
Въ тюрьмѣ Ванюшка сидитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
На свово добра коня,
Коня воронаго;
На коня Ваня глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужь ты конь-ли мой, конекъ,
Конь добра лошадь моя!
Что не выведешь меня
Что не выведешь меня
Изъ неволи молодца,
Изъ неволи, изъ нужды—
Бѣлокаменной тюрьмы.»
Идетъ солнце на восходъ—
Ведутъ Ванюшку на сходъ;
Напередъ его идетъ
Палачъ Митька со плетьми,
Позади его идетъ

Жена съ малыми дѣтьми—
Заливается слезьми.
Положили Ваню сѣчь,
Рубашечку сняли съ плечь;
Ударили по спинѣ,—
Возмолился мужъ женѣ:
— Ужь ты женушка, жена,
— Ты умильная моя!
— Чѣмъ дарила палача.—
«Я дарила палача
Что не лучшіимъ конемъ,
Персидскіимъ кушакомъ,
Со головушки платкомъ,
Съ руки перстнемъ золотымъ».
Красно солнце—на закатъ;
Ведутъ Ванюшу назадъ.

18.

Во лѣсахъ-то во лѣсахъ, во дремучіихъ,
Во горахъ-то во горахъ во пещорыихъ,
Стоитъ корчма польская, корчма королевская;
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ,
Шинкуетъ шинкарочка пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ, сладкіимъ медомъ.
У той у шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалые:
Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
Полякъ, солдатъ пьютъ—монеты кладутъ,
Казаченька пьетъ—денегъ не даетъ,
Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
«Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ:
У насъ на Дону не по вашему,
Не ткутъ, не прядутъ—все въ шелку ходятъ,
Пашенку не пашутъ—калачи ѣдятъ.»
Польстилась дѣвушка на его слова,
Пошла, пошла красная съ нимъ на тихій Донъ.
Завелъ козакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
«Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный, тихій Донъ,
Вотъ тутъ не тки, не пряди во шелку ходи,
Пашенку не паши—да сосенку гложи!»

19.

Какъ не бѣлая лебедушка черезъ степь летитъ,
Красная дѣвушка съ полону бѣжитъ.
Она ружьицы, красна дѣвушка, за плечьми несетъ,
Вострой саблей въ землю упирается;
Вотъ и гонятъ же за дѣвушкой три погонюшки;
Какъ и первая погонюшка—злые татары,
Другая погонюшка—злые калмыки,
Третья погонюшка—злые корсаки;
Не догнавши красну дѣвицу похваляются:
«Мы догонимъ красну дѣвицу среди степи,
Мы вскроемъ же красной дѣвицѣ груди бѣлыя,
Мы вырѣжемъ у красной дѣвицы сердце съ печенью:
На ножѣ ея ретиво сердце встрепенется».
Подбѣгаетъ красна дѣвица къ Яикъ рѣкѣ,
Вскричитъ-то, вскричитъ красна дѣвица громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, перевозчики!
Перевезите меня на ту сторону,
На ту сторону—къ отцу къ матери,
Къ отцу къ матери, къ роду-племени,
Вы возьмите съ меня злата-серебра сколько хочется!»

20.

Во Симбирскомъ городкѣ солучилася бѣда,
Солучалася бѣда не малая, не больша;
Не-сто рублей пропало и не тысяча,
А убили, погубили Алешеньку-молодца,
Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу
Убили, погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
За сѣрый сертучо́къ, за аленькій кушачокъ.
Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому,
Встрѣнулся, домекнулся одинъ дядюшка родной;
Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
На первой на части у Дуняши во дому,
У Дуняши во дому—въ шитомъ браномъ пологу!

21.

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена, ладо-скороспѣйка;
Моя-то змѣя изъ норъ ползетъ, озирается,

По песку ползетъ, извивается,
По травѣ-ли ползетъ, всю траву сушитъ;
Изсушила моя лада травушку,
Да что травушку муравушку!
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
Довела ты его до погибели,
Что до той-ли темной темницы.
Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того-ли приказа государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, повѣсити:
Его бѣлы руки и ноги скованы,
По праву руку идетъ страшный палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная,
Позади идетъ красна дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

21.

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое.
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебѣ, моя долинушка, только садикъ зеленъ
Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала та дороженька не широкая;
Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ.
Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ воръ Гаврюшка
Онъ на трехъ на своихъ троичкахъ разношерстныихъ;
Перва троичка у него коней вороныхъ,
Другая троичка у него-то коней гнѣдыихъ,
Третья троичка коней соловыихъ,
Что гнались то за воромъ Гаврюшенькой три погони,
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья погонюшка — все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Пріѣзжаетъ воръ Гаврюшенька во городъ Воронежъ;
Онъ отласу и бархату закупаетъ.
Никто-то вора Гаврюшку не признаетъ,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитаютъ.

Случилось итти вору Гаврюшенькѣ мимо темницы,
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья:
— Ужь ты, батюшка нашъ Гаврюшенька, разбей ты темницу,
— Ужь ты выпусти насъ всѣхъ молодчиковъ на волю,
— На ту-ли на волюшку—на матушку на Волгу.
«Ужь вы братцы мои товарищи, мнѣ теперь не время.
За мной гонятъ же, за Гаврюшенькой, три погони:
Первой-то я погонюшки не боюся,
Второй-то я погонюшкѣ непоклонюся,
Третьей-то я погонюшкѣ—покорюся!»

23.

Вечоръ-то, вечоръ воръ Копѣйкинъ, вечоръ загулялся,
Со дѣвушкой-молодушкой, со сударушкой долго застоялся;
Во второмъ часу ноченьки спать ложился,
На новенькой на тесовенькой короваткѣ,
На мягкинькой, на пуховенькой на перинкѣ;
Поутру-то ранымъ-ранехонько пробуждался,
Ключевой-то водицей умывался,
Тонкимъ бѣлыимъ полотенцемъ утирался,
На восходъ онъ краснаго солнышка Богу помолился,
На всѣ четыре сторонушки поклонился,
Онъ всѣмъ-то своимъ братцамъ товарищамъ по поклону.
«Вы здоровы-ли, братцы, товарищи, спали-ночевали?
А мнѣ-то доброму молодцу мало ночи спалося,
Мнѣ малымъ-мало спалося, много видѣлось:
Будто я иду, добрый молодецъ, по край синя моря,
По краюшку синяго моречка, по крутымъ бережечкамъ,
Я правой-то ногой, разудаленькій, въ воду оступился,
За крутинушку я добрый молодецъ ухватился:
Что не крутинушка меня добраго молодца сокрушила,
Сокрушила меня, добраго молодца, чужая сторонка.

24.

Вы солдатики уланы,
У васъ лошади буланы!
Ужь и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были побывали?
Подъ Можайскимъ воевали,
Мы Москвою проѣзжали,
Калинъ мостикъ перъѣзжали,

Во слободку заѣзжали,
У вдовушки становились,
Просилися ночевати:
«Ты вдова, вдова Аксинья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Насъ немножко, немаленько,
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ».
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,
Солдатушкамъ отвѣчала:
«У меня дворикъ-маленекъ,
А горенка невеличка
А дѣтушекъ четверичко!
И горенка не топлена,
И щи съ кашей не варены.»
А мы силой ворвалися,
Въ горенку вобралися,
Разсѣлися всѣ порядкомъ:
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ,
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Ко ретивому сердечку.
Стоитъ она слезно плачетъ,
А большой гость унимаетъ:
«Не плачъ, вдова молодая,
Ты давноль, вдова, вдовѣешь,
Давноль, горька, сиротѣешь?»
— Я живучи въ горѣ забыла.—
«Ужь и многоль, вдова, дѣтокъ?—
У меня дѣтокъ четверичко:
— Три сыночка, одна дочка.—
«Ужь и многоль, вдова, хлѣба?»
— У меня хлѣба осьмина.—
«Ужь и многоль, вдова денегъ?»
— У меня денегъ полтина.—

«Подойди, вдова, поближе.
Поклонися мнѣ пониже.
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ,
Во киверѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Не твово ли обрученья?»
Какъ вдовушка догадалась,
И на шеюшку бросалась,
Горючьми слезьми заливалась,
Во новы сѣни выходила,
Малыхъ дѣтушекъ будила,
Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ—
Пришелъ батюшка родимый.
А большой гость отвѣчаетъ:
«Не буди ты малыхъ дѣточекъ;
Я пришелъ къ вамъ на часочикъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,
Одну ночку простояти,
Съ бѣлой зарей выступати!»

24.

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ, искалъ мѣсто доброе,
Не нашелъ-то добрый молодецъ мѣста добраго,
А нашелъ-то добрый молодецъ море синее,
О-край-моря, о-край-синяго — камыши высокіе,
Камыши высокіе, лопухи широкіе;
Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая.
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка,
Во этой во горенкѣ стоятъ столы новые,
Стоятъ столы новые, калиновые,
На этихъ на столикахъ, разостланы скатертки,
Разосланы скатертки вороные, шелковые,
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые,
На стулахъ сидитъ добрый молодецъ съ душой красной дѣвицей,
Играютъ во игры серебреныя.
Проигралъ же добрый молодецъ три кораблика;

Первый корабликъ — со чистымъ золотомъ,
Другой корабликъ — со чистымъ серебромъ,
Третій корабликъ — съ разными товарами,
Послѣ добрый молодецъ сидитъ — припечалился,
Припечалился добрый молодецъ, призадумался:
Ужь вы свѣтъ мои кораблики запропали,
И со златомъ и со серебромъ и съ разными товарами! —
Уговариватъ добраго молодца красна дѣвица:
Не плачъ, не тужи, добрый молодецъ, объ своихъ корабликахъ,
Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами;
Возьми меня, добрый молодецъ, за себя за мужъ!

25.

Ерема со Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали;—
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ торпищѣ;
У нихъ бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты;
Они вздумали бородушки на торгъ везти:
Ерема взялъ полтину, Ѳома восемь алтынъ,
Ерема купилъ мерина, Ѳома жеребца,
Еремипъ-то не тянетъ, Ѳоминъ-то не везетъ,—
Ерема въ бокъ неможемъ Ѳома шкуру на рожонъ.
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать,
А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться.
Ерема-то въ церковь, а Ѳома-то въ алтарь,
Ерема-то за ризу, а Ѳома-то за стихарь,
Ерема-то кадитъ, Ѳома кланяется,
Ѳома кланяется—величается.
Какъ Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли,
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ—не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется;
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться;
А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать.
Ерема-то въ клѣть, а Ѳома-то въ подклѣть,
Ерема-то за коробъ, а Ѳома-то за сундукъ,
Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли.
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ не оглянется,

А Ѳома-то за нимъ лупитъ — не останется.
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломить,
А наше съ тобой дѣло, братъ, рыбку ловить.
Ерема-то въ лодку, а Ѳома-то въ ботикъ,
Ерема упалъ въ воду, а Ѳома-то на дно,
Ерема-то на дно, а Ѳома-то тамъ давно.

26.

Что по-ниже города Нижняго,
Что по-выше села Лыскова,
Въ луговой-то было во сторонушкѣ
Протекаетъ рѣка быстрая,
И широкая и глубокая,
По прозваньицу рѣка Терженка.
Она пала устьемъ въ Волгу-матушку
Что сверху-то было Волги-матушки
Выплывала-то легка лодочка;
Ужь и всѣмъ лодка изукрашена,
Парусами она изувѣшана,
Ружьецами изуставлена,
У ней носъ-корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Середи лодки бѣлъ тонкой шатеръ;
Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ
Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Эсаулова сестра родная,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся!
Ужь какъ бы у меня, красной дѣвицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,

Расплеталась моя коса русая
Выплеталась лента алая,
Лента алая, Ярославская.
Атаману быть застрѣлену,
Эсаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ срубятъ головы,
А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть.»

27.

Разыгралась, разбушевалась Сура рѣка,
Она устьицемъ упала въ Волгу матушку,
На устьицѣ выросъ частъ ракитовъ кустъ;
У кустика лежитъ бѣлъ-горючь камень,
А у камышка сидятъ все разбойнички,
Сидятъ-то они дуванъ дуванятъ;
Да кому-то изъ нихъ что достанется?
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золотъ перстень.
Одному добру молодцу ничего не досталося,
Доставалась ему одна красна дѣвушка.
Какъ растужится, разгорюется удалъ добрый молодецъ:
«Во разбоѣ-то я у васъ первый былъ,
Во дуванѣ-то я у васъ послѣдній сталъ.»
Какъ возговоритъ ему красна дѣвушка:
«Ты не плачь, удалъ добрый молодецъ!
У меня, у красной дѣвицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоитъ восемь сотъ рублей;
Еще есть у меня, у дѣвушки, золотой перстень:
Золотъ перстень стоитъ девять сотъ рублей.»
Какъ возрадуется удалъ добрый молодецъ,
Что бросился ей на бѣлую грудь,
Цѣловалъ ея бѣлы рученьки.

28.

Не былина трава въ полѣ шатается,
Зашаталъ, загулялъ старъ-матеръ человѣкъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажныимъ,
На сѣдельцѣ на черкасскіимъ,
Стремена у сѣдла булатныя.
Набѣжали на него станичники,

По русскому сказать — воры, разбойнички,
Хотятъ они добра молодца убить, сгубить,
Возмолился имъ добрый молодецъ:
Убить-то вамъ меня не за что,
Взять то вамъ на мнѣ нечего:
Только есть на мнѣ безсермяжечка,
Безсермяжечка во сто рублей,
Кушакъ и штаны — пять сотъ даны,
Шапочка на мнѣ — во всю тысячу,
А добру коню моему — и цѣны нѣту!

29.

— Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
— Сиротинушка ты горькая, горемышная!
— Запой-ка ты, сиротка, съ горя пѣсенку.
«Хорошо вамъ, братцы, пѣть—вы пообѣдали,
А я, сирота, легъ не ужинавши,
Легъ не ужинавши, всталъ не завтракавши.
У меня ли, у сироты, нѣтъ ни хлѣба, ни соли,
Нѣтъ ни хлѣба, ни соли, нѣтъ ни кислыхъ щей:
Одна корочка засушенка и та лѣтошняя.»
— Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородилъ?
«Воспородила меня, сиротку, родна матушка,
Воспоила, воскормила меня Волга матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляненька,
Возлелѣяли меня няньки-мамки—волны быстрыя,
Возрастила меня чужа дальняя сторона Астраханская;
Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ.»
— Ты скажи, скажи, сиротка, съ кѣмъ разбой держалъ?
«Не одинъ я разбой держалъ, съ тремя товарищами:
Первый мой товарищъ—ночь темная,
Другой мой товарищъ—конь добра лошадь,
Третій мой товарищъ—стально ружье.»

30.

Я гулялъ-то, гулялъ добрый молодецъ, гулялъ долго ночью,
Не одинъ-то я гулялъ я добрый молодецъ—гулялъ съ красной дѣвкой,
Красну дѣвушку люблю, разудаленькій люблю по любови,
А худую-то жену, жену разнегодную, люблю по закону.
Какъ худая-то жена, жена разнегодная вознесла худу славу.
Я худой-то славушки, разудаленькій, славы я не боюся.

Я боюсь-то боюсь, разудаленькій, боюсь отца съ матерью,
А еще-то я боюсь, боюсь, разудаленькій, своево господина,
Я отца-то съ матерью боюсь, разудаленькій — будутъ плакать,
Господина-то боюсь, разудаленькій, боюсь — отдастъ во солдаты.
Я разбилъ-то, разбилъ, разудаленькій, разбилъ три обоза:
Какъ и первый-то обозъ разбилъ, разудаленькій—съ золотой казной,
Я другой-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ мелкими товарами,
Я и третій-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ бѣлой рыбицей.

31.

Какъ бывало мнѣ ясну соколу да времечко:
Я леталъ младъ-ясенъ соколъ по поднебесью,
Я билъ побивалъ гусей-лебедей
Еще билъ, побивалъ мелку пташечку,
Какъ бывало мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ;
А нонѣча мнѣ, ясну соколу, время нѣтъ:
Сижу я, младъ ясенъ соколъ, во поиманѣ,
Я во той-ли, въ золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ — на жестенной нашесточкѣ;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженькахъ путечки шелковыя,
Занавѣсочки на глазынькахъ жемчужныя!
Какъ бывало мнѣ добру молодцу да времечко,
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужь я билъ, разбивалъ суда, корабли,
Я татарскіе, армянскіе, бусурманскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки;
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ,
А нонѣча мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ.
Сижу я, добрый молодецъ, во поиманѣ,
Я во той-ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца—замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца—рогатки желѣзныя.

32.

Вы туманы мои туманушки, разосенніе вы туманы мои!
Ты печаль ли моя кручинушка, зла мучительна тоска!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой;

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива-сердца прочь.
Мнѣ ноче-сь-то, ноче-сь добру молодцу малымъ мало спалось;
Мнѣ малымъ-мало спалось—много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степѣ:
Мнѣ постелюшка, доброму молодцу, ковылъ-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому, бѣлъ горючь камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу, темна ночка надо мной.
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки,
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены,
Кудри мои русые—буйнымъ вѣтромъ разнесло,
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны,
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ,
Сквозь моихъ частыхъ реберъ—трава мурава растетъ,
Ретивое мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ.

33.

Ой вы грязи мои, грязи черныя, разосеннія,
Ой вы осеннія грязи, самыя послѣднія,
Ой вы горы мои, горы крутыя, высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили:
Нѣтъ ни травыньки въ горахъ, ни муравыньки,
Ни муравыньки, ни злыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ,
Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовска;
Подъ горами бѣжитъ быстра рѣчушка,
По прозваньицу Волга-матушка:
Широко-то Волга разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася,
Затопила-то Волга берега высокіе,
Оставался одинъ частъ ракитовъ кустъ:
На кусту-то сидитъ младъ сизой орелъ,
Во кохтяхъ-то держитъ черна ворона,
Онъ бьетъ-то, не бьетъ — все выспрашиваетъ:
— Ужь и гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ,
— Ужь что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?
«Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской.
Я видалъ-то, видалъ—диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое—молодецкое;
Не убито лежитъ, не зарѣзано,
Вострымъ копьецомъ все исколото,
Никто-то къ тѣлу не подступится,
Не подступится, не подшатнется,
Прилетали къ тѣлу три ластушки,
Перва ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка—молода жена.
Какъ отецъ-то плачетъ—что рѣка льется,
Какъ мать-то плачетъ—что волна бьется,
Молода жена плачетъ—что роса падетъ,
Что роса падетъ, роса утренняя;
Красно солнышко взошло—роса высохла;—
Молода жена забывать стала,
Забывать стала—за гульбой пошла.

34.

Охъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздольице мое широкое!
Ничего ты, поле, не породило:
Породило поле частъ ракитовъ кустъ:
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Во кохтяхъ держитъ черна ворона,
Черна ворона—брата роднова;
Онъ и бьетъ не бьетъ, только спрашиватъ,
Изъ ума его вывѣдыватъ:
— Скажи гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?
«Я леталъ-то леталъ во дикую степь,
Я видалъ-то видалъ—чудо чудное,
Чудо чудное—диво дивное;
На степи лежитъ тѣло молодецкое,
Постель у него—мать сыра-земля,
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
На груди у него—шашка быстрая,
Во ногахъ у него стоитъ добрый конь.
Добрый молодецъ коню рѣчь возговорилъ:
Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
Въ нашу сторону — къ отцу къ матери,
Скажи батюшкѣ моему низкой поклонъ,

Родной матушкѣ — до сырой земли,
Молодой женѣ — на двѣ волюшки:
Хочетъ во вдовахъ сидитъ, хочетъ за мужъ идетъ,
А я, добрый молодецъ, зарученъ лежу:
Обручилъ-то меня батюшка бѣлый царь,
Благословила меня — мать сыра земля,
Повѣнчала меня — шашка быстрая,
Обрученная жена — гробова доска.

35.

Какъ по Питерской, по широкой по дорожкѣ,
Тутъ ѣхали все купцы, бояре,
Московскіе трое сенаторы,
Сенаторушки — большое начальство.
Подъ начальствомъ-то кони вороные,
А извощички у нихъ парни молодые,
На коняхъ-то узды золотыя,
Повода-то у нихъ шелковые,
Ѣхали они въ гору — торопились,
Вороные ихъ кони притомились,
Во сыромъ бору кони становились,
Во сыромъ бору по правую сторону
Тутъ стояло несчастное древо,
Тонкое-высокое по прозваньицу матушка елина,
Со корешку древо — ненарядно,
Со середы древо свилевато,
Со вершинушки — древо кудревато,
На этомъ на древѣ сидѣла вольна пташка,
По прозваньицу горькая кукушка,
Кукушечка громко вскуковала,
Подъ елинушку она заглядала,
Какъ и вдругъ кони вся тройка метнулась:
Назадѣ-то стоитъ матушка елина,
Подъ елинушкой лежитъ тѣло бѣлое
Строевымъ ружьемъ прострѣленное,
Во кровѣ-то оно лежитъ во кумачной,
Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ;
Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
«Ужь ты́ матушка моя елинка!
Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,

Пріодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—безодежное,
Чтобы тѣло мое не горѣло,
Ужь чтобъ еще больше оно не горѣло.
Когда Богъ меня подыметъ,
Государь царь меня отыщетъ,
Ужь я самъ-то тебя не забуду!
Ужь я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

36.

У отца, у матери
Былъ одинъ сынокъ,
Собрали, срядили,
Въ школу отдали;
Обучимши школьному,
Въ войско собрали,
Большая сестрица
Сѣдлала коня,
Меньшая сестрица
Прощалась съ нимъ:
«Прощай, прощай братецъ,
Прощай мой родной:
Да что же твой, братецъ,
Не веселъ стоитъ конь?
Да знать тебѣ, братецъ,
Вѣкъ у насъ не быть».
«Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька;
Выходи, сестрица,
На Дунай рѣку,
Съ ведромъ по воду,
Увидишь тамъ, сестрица,
Силу войскую,
Спроси тамъ, сестрица,
Про братца свово». —
Выходила дѣвица
На Дунай рѣку,
На Дунай на рѣчку,
Съ ведромъ по воду,
Увидѣла дѣвица

Силу войскую,
Спросила сестрица
Про братца свово:
«Да гдѣ же мой братецъ,
Да гдѣ-жь мой родной?»
— «Не твово ли братца
Воронъ конь стоитъ?
Да и твой-то братецъ
Сильный воинъ былъ,
Три роты побилъ,
На четвертой ротѣ
Головку сложилъ;
А вонъ твово братца
Во гробѣ несутъ,
По правую сторонку
Соколикъ летитъ,
По лѣвую сторонку
Воронъ конь идетъ». —

Пѣсни казацкія.

1.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ забѣлѣлися;
Забѣлѣлись во полѣ каменны палаты,
Какъ за тѣми за палатами сады зеленые,
Во садахъ-то шатры шелковые,
Во шатрахъ стоятъ столы дубовые,
За столами стоятъ двѣ скамеечки, скамьи кленовыя,
На скамьяхъ-то сидятъ два молодца молодые,
Передъ ними стоятъ двѣ чернильницы золотыя,
Во чернильницахъ торчатъ перья лебедины;
Какъ и пишутъ молодцы по бумажкѣ по гербовой,
Не перомъ пишутъ, не чернилами, горючьми слезами.
По-конецъ-то стола дубоваго стоитъ тутъ дѣвица,
Да и плачетъ красная дѣвушка, какъ рѣка льется.
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвушка, не плачь не печалься;
Не быть-то твому дружку милому, не быть во солдатахъ,
Еще быть-то быть доброму молодцу во Донскихъ во казакахъ».

2.

Со восточной было со сторонки,
Не студенъ-то холоденъ вѣтеръ поносить,

Поноситъ вѣтерокъ по чисту полю,
По чисту полю, на лѣсъ, на дубраву,
На дубровушку, на зелену рощу.
Во той-ли рощѣ листья разшумѣлись,
Во шуму-то, во грому, ничего не слышно,
Только слышно во шуму одинъ голосъ человѣчій,
Человѣка голосъ не простаго — казаченька Донскаго.
Донской казакъ пашеньки не пашетъ,
Пашеньки не пашетъ, шелковой травы не коситъ,
Онъ по рощѣ казачекъ гуляетъ,
И во скрипочку казачекъ играетъ,
Полевыхъ-то молодыхъ солдатъ забавляетъ:
«Вы не плачьте-ка молоды солдаты!»
Вотъ и какъ-то намъ, казачекъ, не плакать?
Отцы, матери наши устарѣли,
Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли,

3.

Ахъ степь моя, степинушка,
Ничего въ тебѣ, степь, не обозначилось,
Ни травыньки, ни муравыньки, ни цвѣточка лазорева,
Только и есть въ тебѣ, степинушка, большая дороженька,
По этой дороженькѣ никто не ѣздитъ и не ходитъ,
Только шли по этой дороженькѣ—казаченьки черноморцы.
Ничего мы на дикой степи не видали,
Только видѣли мы ракитовый кустикъ;
Изъ-подъ этого кустика протекала быстрая рѣка,
По прозваньицу быстрая рѣка Конторка;
По той рѣкѣ, по Конторушкѣ, прорастала камышъ-трава,
Потихохоньку мы по-смирнехоньку по камышъ-травкѣ гуляли;
Мы просилися, казаченьки, у камышъ-травки ночевати:
«Пусти насъ, камышъ-травынька, ночевати!
Намъ не годъ-то у тебя, камышъ-травынька, годовати,
Одну темную ноченьку, камышъ-травынька, ночевати,
Государевыхъ добрыхъ коней намъ покормити,
Казенную сбрую ратную намъ перебрати,
Провіантскую кашицу намъ похлебати».

4.

Вотъ не все горе приплакать,
Не все его притужить,

Вы давайте-ка, ребята,
Съ горя пѣсню запоемъ!
На разсвѣтѣ бѣла дня,
Сила войская прошла,
Насъ немного проходило, —
Девяносто-семь полковъ,
Сорокъ тысячъ казаковъ.
Какъ и шли-прошли казаки
Словно тученька черна,
Вострыжъ пики подняты
Словно звѣздыньки часты,
Становились казаки
Казаченьки въ два ряда:
Вотъ которы на горѣ—
Стоятъ по поясъ въ кровѣ,
А которы подъ горой—
Тѣ засыпаны землей.

5.

Ужь ты горе мое, горе, горе казаково!
Уродился казакъ-горе, что былинка въ полѣ:
Нѣту, нѣту коню мому сѣна, казаченькѣ нѣтъ квартеры;
Отвели ему квартеру во Турецку землю,
Въ Турецкой во земелькѣ—долы, горы развысоки;
Черезъ эти горы, долы горынъ-казакъ воду носитъ,
Дѣвушка-паненочка по бережку гулять ходитъ,
Раздонскаго козаченьку къ себѣ въ гости проситъ, —
Во такіе во гостички — на пиръ вечереньку,
На вечеръ вечереньку — на медъ на горѣлку,
На медъ, на горѣлку — на рыбушку линейку.
Со вечера донской казакъ — со вечера пьетъ, гуляетъ,
Ко полуночи донской казакъ умираетъ.

6.

Стояли казаченьки при крутой горѣ,
Изъ этихъ казаченьковъ одинъ былъ лихой:
Одинъ годъ проживши съ женой молодой,
Сказано казаченькѣ на службу идтить,
Жаль ему разстаться съ женой молодой;
Сталъ съ женой прощаться — женѣ говоритъ:
«Будь ты мнѣ, жена, до могилы вѣрна,

«До могилы вѣрна — до гроба честна.
Поѣхалъ казаченька враговъ побѣждать;
Побѣждалъ онъ враженьковъ копьемъ и мечемъ.
Побѣдивши враженьковъ, воротился назадъ.
На встрѣчу казаченькѣ начальство большо,
Шляпы на немъ со перами, кресты на груди:
Казакъ имъ ни слова — такъ молча прошелъ.
Поѣхалъ казаченька въ родительскій домъ;
На встрѣчу казаченькѣ родитель идетъ.
Здорово, родимый, здорова-ль семья?
Мы, сынокъ, здоровы: несчастье твое—
Молода твоя хозяюшка сына родила.
Мы, сынокъ, простили—прости ужь и ты.
Беретъ же казаченька шелковую плеть,
Ударилъ хозяюшку промежъ бѣлыхъ плечь,
Пошелъ же казаченька изъ дому вонъ.
«Пропади ты безмозглая-пуста голова,
Когда ты забыла, казаченьку, меня!»

7.

Ужь ты роща-ль моя, роща зеленая!
Ужь и чѣмъ ты, роща, изукрашена?
Изукрашена роща калиной, малиной:
На калинушкѣ сидитъ соловей-пташка,
На малинушкѣ сидитъ канареюшка.
Ты дороженька моя широкая, столбовая,
Да никто по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ,
Только шелъ тутъ прошелъ Донской казакъ,
За Донскимъ казакомъ лошадей косякъ,
Лошадей-то косякъ государскихъ коней.
Государскіе-то кони крѣпко ранены,
Напередъ-то бѣжитъ сивъ-чубарый конь,
На конѣ-то сидитъ младъ казаченекъ,
Младъ казаченекъ—генеральскій сынъ,
Генеральскій сынъ—капитанскій чинъ,
А подъ нимъ-то конекъ призадумался;
Генеральскій сынъ съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ужь ты конь мой, конь добра лошадь моя!
Ты травой, конь, идешь—ты травы не мнешь,
Ты водой, конь, идешь—ты воды не пьешь,

«Или я на тебѣ, конь, тяжелъ больно сижу?»
Не тяжелъ ты сидишь, добрый молодецъ:
Тяжела твоя шуба лисія,
Тяжелѣе того — сабля вострая,
. . . . . .

8.

Сторона́-ль моя сторонушка,
Сторона-ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ квартерушка,
На квартерушкѣ — зазнобушка,
Зазнобушка красна дѣвица,
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая,
Ужь не ты-ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу, безъ студенаго?
Высоко звѣзда восходила
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго,
Пролегала тутъ дороженька:
Шириною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ.
На дорожкѣ нова улица,
Нова улица — Московская,
Московская — посадская.
Какъ построена тутъ тюрьма темная,
Въ ней дубовая дверь тяжелая,
Запертая замкомъ крѣпкіимъ,
Замкомъ крѣпкіимъ — нѣмецкіимъ.
Въ тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ—добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—Донской казакъ:
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклепаны;
Сидитъ молодецъ задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись,—
Ужь какъ тужитъ онъ о своей сторонушкѣ,
О своей сторонѣ—молодой женѣ!

9.

Запоемте-ка, ребятушки, да мы пѣсню новую,—
Мы не сами про себя—про Донскаго козака;
Какъ Донской казаченька онъ убитъ лежитъ,
Онъ убитъ лежитъ, казаченька, онъ застрѣленный:
Его буйная головушка да съ плечь срублена,
Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля,
Во рѣзвыхъ его ноженькахъ стоитъ чубарый конь,
Онъ бьетъ-то пробиваетъ, конь, копыточкомъ,
Онъ бьетъ-пробиваетъ до сырой земли,
Онъ будитъ, побуживаетъ своего хозяинушку:
«Ужь и встань-ка, проснись, мой хозяинушка,
Мой хозяинушка, младъ Донской казакъ!
Поѣзжай-ка домой къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ».
Какъ возговоритъ тутъ младъ Донской казакъ:
«Ахъ ты конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты ступай одинъ въ нашу сторону,
Скажи-ка ты мому батюшкѣ низкой поклонъ,
Сударынѣ моей матушкѣ челобитьице,
Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой моей хозяюшкѣ—на двѣ волюшки,
Хочетъ за мужъ идетъ, хочетъ во вдовахъ сидитъ,
А мнѣ-то, доброму молодцу, знать такъ Богъ велѣлъ,
Знать такъ Богъ велѣлъ — быть прострѣлену!»

10.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Постелюшку мягку,
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковника въ гости;
Не могла его дождаться —
Ложилася спати.
Поутру рано вставала,
Вѣсти услыхала,
Она вѣсти услыхала —

Полковничекъ умеръ;
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой скорой смертью.
Оставалась полковница
Вдова молодая,
Оставались малы дѣти
Горькія сиротки;
Оставался вороной конь
Со парадной сбруей,
Откажу я царску сбрую,
Коня — атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку генералу.
Молодые мушкетеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,
Елинушку тешутъ,
Молодому полковничку
Домовину строютъ;
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь головку клонитъ;
Клонитъ, клонитъ головушку
На мать-сыру землю,
На мать-сыру-землю,
На шелкову травку,
Мимо моего окошка
Дорожка лежала;
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

11.

Ой ты нашъ батюшка, тихій-Донъ!
Ой что же ты, тихій-Донъ, мутнехонекъ течешь!
Ахъ какъ мнѣ, тихому-Дону, не мутному течи:
Со дна меня, тиха-Дона, студены ключи бьютъ,
Посередь меня, тиха-Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
Другая рота шла—то знамена пронесли,
А третья рота шла—то дѣвица съ молодцемъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
«Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь, красная моя,

Что выдамъ тебя, дѣвица, за вѣрнаго слугу,
Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постель стлать, со мной вмѣстѣ спать.»
Что возговоритъ дѣвица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постель стлать—со слугой буду спать!»
Вынимаетъ молодецъ саблю вострую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

1.

Ой вы долы мои долы, долы подкошеные,
Ой вы горы мои горы, горы свершеныя!
На горахъ-то долахъ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
Изъ-подъ камушка бѣжитъ рѣчушка,
Бѣжитъ рѣчушка, бѣжитъ быстрая,
Пала устьицемъ въ Волгу-матушку:
Широко Волга-матушка разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася!
Изошелъ я Волгу-матушку изъ конца въ конецъ,
Не нашелъ нигдѣ отца съ матерью,
Отца съ матерью—молодой жены,
Лишь нашелъ я одну степь широкую;
На широкой степи одинъ зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду три деревца:
Перво деревцо кипарисово,
Друго деревцо—сладка яблонька,
Третье деревцо—зелена груша;
Кипарисъ-то—родной батюшка,
Сладка яблонька—родна матушка,
Зелена груша—молода жена.

2.

Былъ я подъ Дарьей рѣкой,
Надъ Дарьей рѣкой въ крутыхъ бережкахъ;
Тамъ лежитъ бѣлъ горючъ камень:
Изъ-подъ камушка растетъ частъ ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Держитъ соколъ въ кохтяхъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
Полетѣлъ соколъ чрезъ Дарью рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Садился соколъ на крутой бережокъ,
Закричалъ соколъ выговаривалъ:
«Подуй, подуй погодушка со восточныхъ горъ,
Выкачай ты волной руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ,
Ты прибей ее къ круту бережку,
Къ круту бережку, ко желту песку».

3.

Ой ты горе мое горе, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня бѣдную навязалося!
Я не знаю какъ быть, не достало, какъ мнѣ горе избыть,—
Ужь я отъ горя въ чисто поле;
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
А найду я сыщу тебя, горькую!»
Ой ты горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужь я отъ горя — горе за мной идетъ,
За мной идетъ — во слѣдъ грозитъ,
«Порублю я посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»
Ой ты горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужь я отъ горя—въ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ—горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой!..

4.

Соловей ты мой, соловеюшка,
Соловеюшка, вольна пташечка!
Вольна пташечка, горькая кукушечка!
Не летайте вы въ мой зеленый садъ,
Не садитесь вы на примѣтно деревцо,
На примѣтно деревцо, на сладкую яблоньку!
Ты воспой-ка, горькая кукушечка, пѣсню горемычную:
«Ты таланъ ли мой, таланъ худой,
Ты звѣзда моя злосчастная,
Участынька моя горькая!
Ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, счастья нѣтъ,
Ни въ батюшкѣ, ни въ матушкѣ, ни въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ,
Только мнѣ счастьице въ несчастной долюшкѣ,
Что въ несчастной долюшкѣ, въ худой славушкѣ.»

5.

Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле;
И тутъ горе,—сизымъ голубемъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во темны лѣса,
И тутъ горе соловьемъ летитъ!
Охти горе, тоска печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя на сине море,
И тутъ горе—сѣрой утицей!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя—во сыру землю,
Вотъ тутъ горе миновалося.

6.

Не будите меня молоду,
Ранымъ-рано по утру!
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда красное проглянетъ,

Роса утрення прованетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ —
Заиграетъ во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
«Вставай, дѣвки, вставай, бабы,
Вставай малые ребяты:
Выгоняйте, вы, скотину
На широкую долину,
На широкую долину,
На зелену луговину».
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребяты,
Гонятъ стары старики,
Міроѣды-мужики.
Гонятъ дѣвки впереди,
Молодушки позади,
А и малы-то ребяты
Обтоптали бабамъ пяты.
Согоняли на лужокъ,
Становились во кружокъ:
Одна дѣвка весела —
Во кругу плясать пошла;
Она пляшетъ, рукой машетъ,
Пастуха къ себѣ манитъ:
«Сюда, сюда пастушокъ,
Сюда миленькій дружокъ».
Пастухъ часикъ поплясалъ —
Коровушку потерялъ,
Онъ другой-то поплясалъ —
Три-четыре потерялъ,
Онъ и третій поплясалъ —
И все стадо растерялъ.
Потерялъ мою овечку
Со ярочкою.
«Мнѣ не жаль, не жаль овцы —
Мнѣ жаль ярочку.
Какъ на ярочкѣ поярочки
Поярки хороши,
Что поярки хороши —
Больно курчатые;

Я блюла, блюла овечку
На кумачный сарафанъ,
На парчевы рукава,
На двуличневый платокъ,
На шелковый поясокъ».
Какъ не курочка по сѣничкамъ
Похаживала,
Похаживала, покудактывала:
Еще какъ да кудакъ,
Не бывало у насъ такъ—
Никогда наша хозяюшка
Не гуливала,
Ужь какъ нынче хозяйка
Загуляла, запила,
Какъ ушла наша хозяйка
Во ближніе шабры,
Во ближніе во шабры
Во десятый дворъ,
А кума-та кумѣ
Насмѣялася въ глаза:
Ужь и чай у тѣ, кума,
Истопилася изба;
Перелетовы дровечки
Переуглили;
Да всѣ кашнички-горшечки
Надсѣлися кипучи,
Въ колыбели-то дитя
Надсѣлося вопя!—

7.

Вы молодчики, дружки мои!
Ваша ласка да привѣтливы слова
Безъ огня-то мое сердце разожгла,
Разнесли-то мои мысли по всѣмъ чистымъ полямъ,
По всѣмъ чистымъ полямъ, по зеленымъ лугамъ,
По зеленымъ лугамъ, по шелковымъ травамъ.
Ахъ и кто бы моему горю помогъ,
Ужь и кто бы великому пособилъ,
Со пути бы со дороженьки милаго воротилъ!
Воротися мой размиленькій, воротися назадъ!
Наглядитесь мои очи на милого во запасъ,

Я сидѣла, молода, въ новой горницѣ одна,
Я лежала, молода, бѣлой грудью на окнѣ
Я глядѣла, молода, въ чисто поле далеко,
Я роняла, молода, горючи слезы изъ глазъ,
Проклинала, молода, чужу-дальню сторону:
«Ты злодѣйка, ты злодѣйка, чужа-дальня сторона!
Разлучила сторона съ отцомъ, съ матерью меня!
Да еще-ли развела съ молодымъ мужемъ меня!»

8.

Ой ты молодость, моя молодость,
Моя буйная, разудалая!
Красота ли моя молодецкая!
Ты когда прошла, когда прокатилася?
Не въ корысти прошла, молодость, не въ радости,—
Со худой мнѣ женой вѣкомъ живучи,
На чужую-то жену вѣкомъ глядючи;
Чужая-то жена ровно барыня,
А моя-то жена — не корыстная,
Не корыстлива, лихомысленна.
На рукѣ-то лежитъ — въ глаза глядитъ,
Въ глаза глядитъ — цѣловать велитъ;
Цѣловать-то ее мнѣ не хочется,
Ретиво сердце не воротится.
Я скрѣплю-то свое ретиво сердце,
Крѣпче камена горючаго:
Поцалую я свою жену немилую,
Немилую жену — распостылую!
Поцалую я чужу жену, —
Я чужой женѣ куплю котики;
Я своей женѣ сплету лапотки,
Сплету лапотки — простоплеточки:
Я оборки совью — простовивочки,
Простовивочки—безъ новивочки.

9.

Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва, черноглаза—парня высушила:
Присушила русы кудри ко буйвой головѣ,
Заставила шататися по чужой сторонѣ,
Приневолила любити чужемужнихъ женъ.

Какъ чужая-то жена лебедушка бѣлая,
А моя шельма-жена—полынь горькая трава,
Полынь горькая трава на межѣ въ полѣ растетъ,
На раздольѣ, на межѣ, на широкомъ столбнячкѣ.
Я со эвтой-ли тоски расчешу кудри-виски,
Расчешу кудри-виски—пойду въ темные лѣски,
Изъ-за-лѣсу, изъ-за-горъ—подымалась туча-громъ,
Подымалась туча-громъ со сильнымъ со дождемъ,
Какъ со этого дождя стала улица грязна,
Стала улица грязна, въ переулочкахъ вода;
Ко сударушкѣ пройти добру молодцу нельзя.
Размальчишка молодой воръ догадливый такой—
Сталъ канавки прорывать, сталъ онъ воду выпущать;
Стала улица просыхать, стала дѣвушка ходить,
Стала дѣвушка ходить, хороводы заводить;
А я мостикъ намощу—ко сударушкѣ пройду!

10.

Бѣлая березонька преклонясь къ землѣ растетъ;
На эту березоньку слетѣлися пташечки,
Пташечки, пичужечки, горькія кукушечки.
Кукуетъ кукушечка во своемъ тепломъ гнѣздѣ:
«Свѣтъ ты мое гнѣздышко, совитое, теплое!
Совитое, теплое, гнѣздо разореное!»
Подъ этой березонькой собралися молодушки,
Одна-то молодушка призадумавшись стоитъ,
Призадумывшись стоитъ, при печали говоритъ:
«У меня, молодушки, четыре заботушки:
Первая заботушка — чужа дальняя сторонушка,
Другая заботушка — свекоръ да свекровушка,
Третія заботушка — деверь да золовушка,
Четверта заботушка — мужъ удалая головушка.
Мужъ удала голова — чёшетъ кудри завсегда,
Онъ гуляетъ отъ меня по всѣмъ селамъ, деревнямъ,
По всѣмъ селамъ, деревнямъ, по господскіимъ дворамъ,
По господскіимъ дворамъ, по солдатскимъ по вдовамъ,
По солдатскимъ по вдовамъ, по дѣвчонкамъ-сиротамъ,
По дѣвчонкамъ-сиротамъ, по чужемужніимъ женамъ».
Дѣвчоночка-сиротинка звала его ночевать:
— Приди, приди, Ванюшка, ночуй ночку у меня!
«Боюсь, боюсь, дѣвушка, просплю долго у тебя.»

— Не бойсь, не бойсь, Ванюшка, я на зорькѣ разбужу,
По утру ранымъ-ранехонько за ворота провожу,
За ворота провожу, три словечушка скажу:
Первое словечушко — хотятъ Ванюшку поймать,
Другое словечушко — во желѣзушки сковать,
Третіе словечушко — во солдатушки отдать.
Подуй, подуй, погодушка, занеси Ванины слѣды! —

11.

Подуй, батюшка верховый вѣтерокъ;
Услышь, дѣвушка, молодецкій голосокъ!
Какъ у нашихъ у мирскихъ воротъ,
Не одна дѣвка стояла съ молодцемъ.
Молодецъ дѣвкѣ таки рѣчи говорилъ:
«Полно, дѣвушка, въ конторушку ходить,
Полно, дѣвушка, конторщичковъ любить.
Всѣ конторщики смѣются надъ тобой!»
Какъ за матушкой за Волгой за рѣкой,
Коситъ Ванюшка шелковую траву,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросалъ;
«Пропадай моя укладная коса;
Ты умри, умри, угрюмая жена!
Ужь я взялъ бы красну дѣвку за себя,
Урядилъ бы, украсилъ для себя!»

12.

Ходилъ Ваня по базару,
Онъ искалъ себѣ товару,
Не нашелъ себѣ товару—
Купилъ себѣ косу.
Онъ чужое сѣно коситъ,
А свое-то сохнетъ;
Онъ чужую жену любитъ,
Своя стоитъ плачетъ;
Стоитъ плачетъ и рыдаетъ,
Своего мужа ругаетъ,
Что съ другой гуляетъ,
Жену забываетъ:
Не по промыслу, Ванюша,
Заводы заводишь,
Ты заводушки заводишь—

Трехъ дѣвушекъ любишь:
Онъ Груняшу да Дуняшу,
Любушку-Уляшу;
Онъ Груняшѣ купилъ ленту,
Дунѣ голубую,
Своей любушкѣ-Уляшѣ
Шалевый платочикъ.
Ты носи, моя Уляша,
Носи не хвалися!
Если жь будешь хвалитися,
Не буду любити,
Я любить тебя не стану,
Сходиться не стану,
Сходиться не стану —
Отъ тебя отстану.

13.

Сказали про милого — милый не живъ, не здоровъ,
Вечоръ, вечоръ миленькій вдоль по улицѣ прошелъ,
Любимую свою пѣсенку на свистахъ просвисталъ,
Сударушкѣ дѣвушкѣ въ теремъ голосъ подавалъ;
Услышала дѣвушка молодецкій голосокъ,
Распахнула дѣвушка шитый браный положекъ,
Растворила дѣвушка широкія ворота,
Принимала дѣвушка за бѣлы руки дружка.
«Что же ты, миленькій, вечоръ ко мнѣ не бывалъ?»
— «Сударыня-дѣвушка! мнѣ не времечко было.
Не время, не времечко — все несчастьице мое!
Со угрюмой женочкой побраночка случилась;
Тебя ругатъ, дѣвушка: ты шельма — сука;
Меня ругатъ, дѣвушка: я сукинъ сынъ, дуракъ».—
«Давно я тебѣ, миленькій, говаривала:
Поѣзжай, поѣзжай, миленькій, въ Саратовъ-городокъ,
Купи, купи, миленькій, шелковую плеть;
Ты бей, учи, миленькій, угрюмую свою жену».
— «Сударыня, дѣвушка, все не рѣчь ты говоришь;
Со угрюмой женочкой мнѣ вѣкъ вѣковать.
А съ тобой, красна дѣвушка, одинъ часокъ часовать».

14.

Никогда со мной горя не бывало,
Сегоднишній денекъ тоска, скука обуяла,

Распостылая моя женочка захворала,
Ты хворай-ка, моя хозяюшка, по больнѣе,
Ты умри-ка, моя хозяюшка, поскорѣе!
Отпусти ты меня, добра молодца, на волю,
Что на волюшку, добра молодца, на легку работу.
Я пойду ли съ горя во чисто поле,
А съ чистаго поля зайду въ рощицу зелену
Я срублю-то сосенку кудряву,
Я найму себѣ плотничка верьхова,
Я построю себѣ, добрый молодецъ, горенку нову,
Я возьму себѣ, добрый молодецъ, жену молодую,
Малымъ дѣтушкамъ возьму мачиху лихую.
«Ты сгори-ка, сгори, горенка новая,
Ты умри-ка, умри, мачиха лихая!
Ты возстань-ка, возстань, матушка роднаи!»

15.

Мальчикъ моложеватый,
Бѣлый, кудреватый,
Что ты рано женатъ?
Не хочу я съ женой жить,
Хочу дѣвушекъ любить,
Имъ гостинчики носить,
А жену свою сушить.
Ужь я высушу жену
Суше вѣтру—вихорю,
Суше травы-ковылю.
Ужь ты дѣвушка сударушка!
Не ходи ты въ лѣсъ одна:
Изъ лѣсочку, изъ куста
Распрестрашна смерть пришла;
Ужь я, мальчикъ молодой,
Этой смерти не боюсь,
Въ поясъ смерти поклонюсь:
Воротися, смерть, назадъ,
Умори мою жену!
Не успѣлъ слова сказать—
Подъѣзжаю ко двору;
Впереди жена лежитъ,
Подъ передніимъ окномъ.
Подъ хрустальнымъ стекломъ,
Подъ бѣлымъ полотномъ.

16.

Ужь я пашеньку пашу,
Самъ на солнышко гляжу:
Высоко ли мое солнце,
Красно солнышко взошло.
Какъ чужія-то жены
Мужьямъ ѣсть принесли,
А моя шельма жена
Долго хлѣба не несла;
Знать не устряпалася,
Не уварахталася.
Ужь я выпрягу лошадку,
Дугу объ землю хвачу,
Ужь я вырѣжу лозу
На мою шельму-жену.
Подъѣзжаю ко двору—
Жена ходитъ по двору,
Набѣленая, нарумяненая,
Набѣлена—бѣло,
Нарумянена—ало,
Въ кокошничкѣ рогачкѣ,
Въ коноватной фаточкѣ,
Во парчевыхъ рукавахъ;
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во бумажныихъ чулкахъ,
Въ переплетахъ башмаки.
Ужь я брошу лозу—
Поцѣлую жену,
Поцѣлую, обойму,
Разлапушкой назову.

17.

Куда ни пойду гулять—ноженьки мои нейдутъ;
Куда ни гляжу съ горя—глаза мои не глядятъ;
Только я лѣсочкомъ шла—дружка своево не нашла,
Я слышала въ темнымъ лѣсу листики шумятъ,
Шумятъ-гремятъ листики осиновыя,
Бѣлая березонька, преклонясь къ землѣ, стоитъ,
На этой березонькѣ двѣ пташечки сидятъ,
Двѣ пташечки—горькія кукушечки,

Кукуютъ кукушечки и день и ночь,
Журятъ-бранятъ пташечки чужу сторону;
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ-крушитъ;
Чужой отецъ-батюшка безъ вины журитъ-бранитъ.

18.

Ужь вы кумушки, голубушки мои!
Вы придите-посидите у меня!
Поглядите на мое житье-бытье;
У меня у молодой злая мачиха лиха,
Посылаетъ меня и туда и сюда,
Во чисто поле гулять, зелено просо полоть.
Я полю, полю, пополываю—
Да на солнышко поглядываю.
Высоко ли мое красно солнце взошло?
Взошло оно—за облачко зашло,
А мнѣ молодой не видно ничего:
Только видно одинъ зеленый садъ;
Мимо садика дороженька лежитъ,
По дороженькѣ колясочка бѣжитъ,
Во колясочкѣ дворянскій сынъ сидитъ,
Онъ сидитъ-то да покрикиваетъ,
Добрыхъ коней своихъ прихлыстываетъ.

19.

Какъ и батюшкинъ теремъ
Распечатанъ, растворенъ;
Комарики, комары,
Злоосенніе мои!
Не летайте, комары,
Въ мой зеленый садокъ,
На тесовую кровать,
Подъ шитъ браный положокъ,
Не кусайте, комарики,
Мое бѣлое лицо;
Мое бѣлое лицо
Разгорѣлось горячо.
Разгорѣлось, разболѣлось
Словно розовый цвѣтокъ, —
Далеко въ полѣ растетъ.
Я пойду-ли молода,

Въ зеленъ садикъ погулять,
Во зеленомъ во саду
Разгоню я грусть-тоску!

20.

Соловей мой соловеюшка,
Соловеюшка, вольна пташечка!
Полетай, мой соловеюшка,
На мою ли на сторонушку;
На моей-ли на сторонушкѣ
Есть привольное житье,
Есть привольице хорошее,
Да раздольице широкое.
Ты провѣдай, соловеюшко,
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Только воля краснымъ дѣвушкамъ;
Была воля и молодушкамъ:
Ныньче воля миновалася,
Съ черной грязью перемѣшалася,
Съ черной грязью съ придорожнею,
Со дорожнею, со колесною.
У меня ли молодешенькой
Кривошлыкая свекровушка,
Посылаетъ меня и туда и сюда;
Посылаетъ меня во темный погребъ
Я во темномъ погребѣ призамѣшкалась,
Сладкой водочки натрескалась,
Зелена вина налопалась;
Я иду, иду мирскимъ дворомъ,
Кривошлыкая свекровушка
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Чеботой стѣны проламываетъ,
Только дай Боже до вечера дожить —
Накучу я, намучу своему сыну
На нелюбую невѣстушку.

21.

Размывала туча грозная,
А другая полуденная:
Дочь у матери въ гостяхъ была,
Въ гостяхъ была—разбранилася.

Поѣхала—не простилася,
Среди пути становилася,
Середь пути—лѣсу темнаго,
Супротивъ садика зеленаго,
Супротивъ гнѣзда соловьинаго:
«Соловушекъ, вольна пташечка,
Горемычная кукушечка!
Ты возвейся высокохонько,
Полети-ка далеконько,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
А матушкѣ жалобнѣй того:
А мнѣ, горькой, жить тошнехонько,
На чужой дальней сторонушкѣ,
У свекора, у свекровушки,
У деверя, у золовушки;
Посылаютъ меня по воду
И холодную и голодную,
И разутую и раздѣтую.
На той рѣчкѣ гуси-лебеди
Возмутили воду свѣжую,
А я молода, дожидалася,
Когда вода устоялася—
Размахнула широкохонько,
Почерпнула глубокохонько.»

22.

Изъ-за лѣсу изъ-за темнаго
Изъ-за частаго изъ березничка,
Изъ-за мелкаго изъ орѣшничка,
Выбѣгалъ конь, добра лошадь,
Поводочикъ въ ногахъ топчетъ,
Сѣдельцо на боку несетъ.
За нимъ бѣжитъ добрый молодецъ.
«Ты стой, постой, конь—добра лошадь!
Ты не ходи, мой конь, на Дунай-рѣку,
Ты не пей, мой конь, изъ ручья воды;
Изъ ручья красна дѣвица умывалася,
Она бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Она алыми румянами румянилася,
Она черными сурмилами сурмилася,
Она въ цвѣтное платье наряжалася,

Во хрустально чисто зеркало глядѣлася,
Красотѣ своей дѣвичей дивовалася,
Глядючись она слово молвила:
«Красота ли моя, красота дѣвичья!
Ты кому-то, красота, достанешься?»
Какъ досталась красота моя мужу старому
Я могу же, красота, тебя убавити,
Да что краснова золота увѣсити,
Да что крупнова жемчугу развѣсити.
Ужь вы люди, люди добрые!
Не видали-ль вы какъ туча шла,
Не слыхали-ль вы какъ громъ гремѣлъ,
Моего стараго мужа молоньей сожгло?»

23.

Охъ ты Дуня, Дуняшечка,
Дуня бѣлая, румяная,
Не слушала Дунюшка
Ни матери, ни отца,
Не любила красавица
Холостыхъ парней дряней;
Полюбила красавица
Женатаго бравова.
У женатаго бравова
Зла-сердитая жена:
Гдѣ посвидится—косится,
Гдѣ ни сойдется—бранится,
Все разлучницей зоветъ:
«Ты разлучница моя,
Разлучила ты меня,
Разлучила, развела
Съ молодымъ мужемъ меня!»
Я во стыдъ, млада, взойду,
При народѣ пристыжу,
При народѣ, въ хороводѣ,
При матери, при отцѣ,
При братѣ, при сестрѣ,
При братниной женѣ:
Сыму съ дѣвушки платокъ,
Словно аленькій цвѣтокъ,

Я со шеюшки другой—
Лазоревой-голубой!

24.

Поляна моя, полянушка, полянушка луговая,
На полянушкѣ растетъ травка шелковая!
На травынькѣ тропинушка пролегала,
На тропинушкѣ калинушка выростала;
На калинушкѣ кукушечка куковала
Не полно-ли тебѣ, кукушечка, куковати,
Не пора-ли тебѣ, залетная, перестати?
Молодушка молодая не полно-ль тебѣ тужить, плакать?
Не наполнить тебѣ синя моря слезами;
Не утѣшить тебѣ мила дружка словесами?

25.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу,
Не люблю я, матушка,
Не люблю сударыня,
Своево мужа-дурака,
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака.
Казачекъ молоденькой,
Казачекъ хорошенькой,
Удалъ добрый молодецъ.
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку.
Онъ чешетъ кудерюшки;
Расчесываетъ русые,
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ,
Расчесамши русые,
Казакъ шапочку надѣлъ;
Надѣмши онъ шапочку,
Надѣмши высоконьку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдемши онъ улицу,
Пройдемши широкую,

Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударушка-любушка
Душа красна дѣвушка,
Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная;
Ты обманывашъ меня!
У твоихъ воротечекъ,
У твоихъ широкіихъ,
Бѣлъ горючь-камень лежитъ;
Изъ-подъ того камышка
Изъ-подъ бѣлъ-горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежитъ,
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Перломилась жердочка,
Перломилась тонкая, —
Мой миленькій потонулъ!

26.

Ахъ вы кумушки, голубушки-подружки!
Вы которому святителю молились,
Вы которымъ чудотворцамъ обѣщались?
Что у васъ мужья молодые,
У меня ли, молоденькой, старичище;
Не пущаетъ старичище на игрище.
Я отъ стараго уходомъ уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
За вереюшкой одѣвалась,
И я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончикѣ младешенька садилась,
И я всѣхъ прежде съ бесѣды торопилась.

27.

Охъ ты дѣвушка незамужняя:
Какъ за-мужъ не шла — горя не было,
Какъ за-мужъ вышла — горя прибыло:

Какъ отецъ и мать — далеко живутъ,
Какъ и братъ съ сестрой — за быстрой рѣкой,
Одинъ-то со мной постылый мужъ;
Онъ постылъ, не милъ, разсукинъ сынъ:
Онъ со вечера кудри чешетъ,
Ко полуночи — гулять ушелъ,
На бѣлой зарѣ — домой пришелъ.
Онъ ложится спать на кроватушкѣ,
На край лицомъ, ко мнѣ спиной —
Въ головахъ-то у насъ—чугунъ жару,
Во ногахъ-то унасъ—сугробъ снѣгу,
Промежду-ли насъ змѣя лютая
Люта змѣя—гнѣздо свила,
Гнѣздо свила—дѣтей вывела.

28.

Я полосу
Переполозу—
Со милымъ дружкомъ
Повидаюся.
Давно съ дружкомъ
Не видалася,
Со той поры
Какъ разругалася;
Мы свидимся
У батюшки, у матушки;
У батюшкѣ—
Во бесѣдушкѣ,
У матушки—
Въ почестномъ пиру,
Постылый мужъ
Впереди сидитъ,
Размилый другъ—
На скамеечкѣ,
А я, млада,
Супротивъ его.
Кивнемъ, моргнемъ,—
Сами вонъ пойдемъ.
Постылый мужъ
Догадается,
Изъ бесѣдушки

Подымается,
Меня, младу,
За рукавъ тащитъ,
За рукавъ тащитъ—
Анъ рукавъ трещитъ,
Вдоль улицы—
Мимо кузницы.
Изъ кузницы
Молодой кузнецъ,
Куетъ, куетъ,
Приколачиваетъ,
Меня, младу,
Приговариваетъ;
Сулитъ, сулитъ,
Мнѣ ключъ съ замкомъ,
А мнѣ, младой;
Его не хотѣлося,
Мнѣ хотѣлося
Пистолетъ съ ружьемъ;
Ружьемъ-то я
Постылаго мужа застрѣлю,
Пистолетомъ я
Мила дружка подарю.—

29.

Нынѣ будни, завтра праздникъ,
Бѣлися, румянься,
Приходи моя надежа,
Къ сосѣду въ бесѣду;
У сосѣда во бесѣдѣ
Сидятъ холосты ребята,
У холоста глаза пусты,
Очень завидущи.
Онъ глазами-то поводитъ,
Изъ ума выводитъ;
Чорны брови подымаетъ,
На дворъ вызываетъ.
Выдь-ка, выдь-ка, сударушка,
На красенъ крылечекъ,
Промолви-ка, сударушка,
Тайное словечко.

Мой муженишка-негодяй,
Никуда негоденъ
Только годенъ мой мужнишка
По печи валяться,
Съ тараканами бороться,
Со сверчками драться.
Поведу я недоростка
Во лѣсъ по малину,
Привяжу я недоростка
Ко горькой осинѣ.
Я не буду къ недоростку
Ровно три недѣли
На четвертую недѣлю
Схожу, побываю.
Стоитъ недоростокъ
У горькой осины,
Сучечки-крючечки
Бока ободрали,
Дождевыя капельки
Всю башку пробили,
Комарики-сударики
Всѣ ляшки объѣли.
Каково тѣ, недоростокъ,
У горькой осины:
Таково то, недоростокъ,
Мнѣ жить за тобою!

30.

Я пойду-ли, молода, съ горы на гору гулять,
Я пойду-ли, молода,—гусей лебедей гонять,
Тига-гуси, тига-гуси,
Тига сѣрые съ двора!
Мои гуси-то разлетѣлися,
Разлетѣлися по крутенькимъ бережкамъ,
По крутенькимъ бережкамъ, по желтымъ по пескамъ.—
Я по бережку похаживала,
Гусей, лебедей поганивала,
Тига-гуси, тига-гуси,
Тига сѣрые съ песку!
Аль вы, гуси, нанырялися,
Я-ль, молода, не нагулялася?

Аль вы, лебеди наплавались?
Я-ль, молода, расплакалась,
Отцу съ матерью разжаловалась:
Отжила я свои добрые годы,
Прожила я своево милаго дружка,
Нажила я себѣ мужа-дурака!
Онъ дуракъ, дуракъ, дурачья его стать,
Съ дураками дуракъ водится,
Съ дураками забавляется;
Не умѣетъ дуракъ голову чесать,
Не умѣетъ надъ кудрями холь держать,
Не умѣетъ съ молодой женой жить,
Не пущаетъ старъ на улицу гулять;
Хоть и пуститъ — самъ въ окошечко глядитъ
Не стоитъ ли молодая жена съ кѣмъ,
Не баитъ ли про стараго дурака?
А я съ молоду гулливая была,
По Невѣ-рѣкѣ погуливала,
Гусей-лебедей попуживала:

Тига-гуси, тига-гуси
Тига сѣрые съ воды!

Мои гуси понаплавались,
А я, млада, понаплакалась.
Я пошла, млада, со рѣчушки домой,
Мнѣ навстрѣчу маіоръ ѣдетъ молодой,
Подъ маіоромъ душой — конь вороной
Идучи конь спотыкается,
Маіоръ-шельма улыбается.
Не шути ты, маіоръ, шуточки со мной,
Ты не бей меня по бѣлому лицу!
У меня, младой, личенько загарливое,
У меня, младой, сердечушко забольчивое,
У меня, младой, не любый старый мужъ,
Узнаетъ меня по бѣлому лицу,
По бѣлому лицу, по румяной по щекѣ.
«Ужь я знаю отъ чего лице горитъ,
Ужь я знаю отъ чего сердце болитъ:
Горитъ лицо — отъ маіоровой руки,
Болитъ сердце — по маіорѣ молодомъ».

31.

Бѣленькій, кудреватый,
Холостъ дѣтина неженатый!
Самъ гулять не ходитъ и меня не пущатъ,
Пуститъ ли, не пуститъ онъ при вечерѣ,
При вечерѣ, при вечерней при зарѣ.
Я ли, молода, заигрива была,
Проиграла ночку до бѣлаго дня.
Кочета поютъ — я домой нейду,
Другіе поютъ — я ухомъ не веду;
Третіе-то спѣли — я поиграла да пошла,
Иду ко двору — деверь ходитъ по двору;
— Деверь, деверьюшка, ладинъ братъ!
— Проводи меня, деверьюшка, къ мужу спать.
«Поди, поди, невѣстка не бойся ничего;
Не бойся ничего — твой мужъ крѣпко спитъ;
Отвори дверку тихохонько,
Пройди горенку плавнехонько,
Лягъ къ нему, невѣстушка, на кроватушку,
Ребрышкомъ къ стѣнѣ, лицомъ отъ мужа!»
— Что ты, ты, жена не теперь-ли пришла? —
«Что ты, старъ, не съума-ли сходить сталъ?
Я ли, молода, всее ночку проспала!»

32.

Вѣтры мои, вѣтры, вы буйные вѣтры!
Не можете ли вѣтры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатыя гусли!
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины да пятое горе,
Да пятое горе—что нѣтъ его болѣ!
Первая кручина—нѣтъ ни дровъ, ни лучины,
Другая кручина—нѣтъ хлѣба, ни соли,
Третія кручина—молода овдовѣла,
Четверта кручина—малыхъ дѣтушекъ много,
А пятое горе—нѣтъ хозяина въ домѣ.
Я посѣю горе во чистыимъ полѣ:
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью.
Черной чернобылью—горькою полынью.

33.

Какъ по лугу, лугу зеленому,
Ходила гуляла вдова молодая;
Вдова молодая плакала, рыдала,
Плакала, рыдала, слезно причитала:
— Хоромы мои, хоромы, развысокіе теремы!
— Отчего вы, мои хоромушки, раскрыты стойте?
— Али вамъ, мои хоромушки, хозяина нѣту,
— А вамъ, мои дѣтушки, нѣту батюшки роднаго,
— А мнѣ, молодешенькѣ, нѣту мужа никакого!
Навстрѣчу-ль мнѣ, горемычной, два купчика молодые:
«Здраствуй лапушка вдовая, воротись, радость домой!
Я твоимъ буду хоромамъ коренной хозяинъ,
Твоимъ малымъ дѣтушкамъ батюшка родимый;
Тебѣ, молодой вдовушкѣ, буду миленькимъ дружкомъ!
— Не бывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, въ зеленомъ саду,
— Не срывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, горькой ягодки-калинки,
— Не ѣдать тебѣ, дѣтинкѣ, сладкой ягодки малинки;
— Не быть тебѣ во моемъ дому кореннымъ хозяиномъ,
— Не быть тебѣ моимъ дѣтушкамъ батюшкой родимымъ,
— Не быть тебѣ мнѣ, молодой вдовѣ, миленькимъ дружкомъ [1]).

---

[1]) Большая часть этихъ пѣсенъ напечатана была въ Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ. *Ред.*

ПОВѢСТИ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

I.

Повѣсть царя Давида и сына его царя Соломона премудраго [1]).

Бысть у царя Давида три дѣвицы, а не было ни единаго сына. И нача царица Веставія божіимъ повелѣніемъ, не вѣмъ сына, не вѣмъ дщерь; и приспѣ время рожденію и роди сына и нарекоша имя ему Соломономъ. И какъ будетъ седми лѣтъ, и даша его на соблюдѣніе доброму своему слуги, дядки именемъ Чкалъ. Дятка учалъ любити и блюсти съ великою радостію, единаго никуда не пущая. А мати Соломонова Верставія пошла съ дѣвицами на потѣху, и Соломонъ почалъ по сѣнямъ ходити и говорити со своими отроки, почалъ въ деревцѣ вѣсочки дѣлать и въ вѣсочкахъ вѣсить песье г...о съ женскимъ умомъ. А царица мати его пришла въ тѣ сѣни на потѣху, рече: «Что ты дѣлаешь?» И Соломонъ рече: «Вѣшу песье г...о съ женскимъ умомъ». И царица мати его удивися и рече дядки Чкалу: «Чкалъ! пойди съ Соломономъ къ морю и выми сердце изъ Соломона, да принеси ко мнѣ, живо испеки: сердьце его съѣмъ, а тѣло его въ море кинь». И Чкалъ дятька рече: «Господине, чадо Соломоне! пойдемъ къ морю». И Соломонъ пошелъ къ морю. Дятка Чкалъ почалъ говорити: «Днесь, Соломонъ, мати твоя Верставія тебя велѣла потеряти». И Соломонъ рече: «Дядька Чкалъ! поди да вынь сердце изо пса и то сердце аки человѣческое; а меня продай гостямъ заморянамъ на корабль». И дядька Чкалъ вынялъ сердце изо пса и сердце аки человѣческое и принесъ къ царицы,—спекше сердце съѣла; а Соломона продалъ на корабль

[1]) По рукописи половины прошлаго вѣка, принадлежащей Е. Д. Филимонову. *Ред.*

гостямъ. Гости же заставили Соломона каши варить и ходить по заморскимъ гостямъ. И пришли къ царю Давиду, принялъ даръ съ честію съ великою и противъ великихъ даровъ и гостинцовъ воздалъ гостямъ великою честію. И молвилъ царь Давидъ гостямъ: «Гости заморяня! Есть въ моемъ царствѣ колымага [1]) добрѣ и добра, а цѣны той колымаги никто не отгадаетъ». И поставили колымагу предъ царя и рече царь: «Гости заморяна! естьли такой человѣкъ, отгадалъ бы той колымаги цѣну?» И гости предъ царемъ промолчали. И рече царь: «Отгадайте той колымаги цѣну, а не отгадаете колымаги цѣну и я съ васъ велю головы поснимати и дорогіе товары за себя взяти; а буди отгадаете той колымаги цѣну, и я вамъ велю торговати безданно и безъ пошлины и всѣмъ вамъ воздамъ честь великую и съ дары великими и проводники велю проводить». И гости тому отвѣту не могутъ дать и цѣны той колымаги не вѣдаютъ и пошли со царева двора невеселы и вельми печальни. И вышелъ противъ гостей Соломонъ кашеваръ и рече гостямъ: «Гости заморяня! что вы за столъ и за скатерти сажатися не идете»? Гости и въ велицѣй печали, и думу думаютъ, и за столъ не идутъ. И во вторый рече имъ Соломонъ: «Гости заморяни! что вы невеселы и думу думали, со царева двора шедше? отъ царя кое зло прилучилось вамъ»? И гости рекутъ къ Соломону: «Тежела есть царева загадка, и намъ не отгануть; а сказалъ намъ царь Давидъ: «только не отгадаете той колымаги цѣну и я съ васъ велю головы снять и товары ваши велю за себя взять; а будетъ отганемъ, и онъ намъ во царствѣ велитъ торговать безданно и безпошлинно, и онъ проводитъ насъ со дары и проводники съ великою честію». И Соломонъ гостямъ сказалъ: «Гости корабелшики! возверзите печаль на радость: васъ отъ смерти избавлю и ту царску загадку отгадаю, воздадите мнѣ великій даръ». И гости ему поклонилися до земли и принесли ему даръ, и рече Соломонъ: «Гости заморяна! дайте мнѣ еще драгія портища, съ чѣмъ мнѣ къ царю итить за столъ, и за скатерти садиться и загадку цареву отгануть». И гости заморяна пойдутъ во царе-

[1]) За тѣмъ одно слово пропущене.

ву двору и съ Соломономъ. Царь Давидъ почалъ говорить: «Гости корабелшики! отгадайте той колымаги цѣну». И Соломонъ емлетъ со стола хлѣба кромуху и пришелъ ко царю Давиду и рече: «Государь царь Давидъ! хлѣбъ дороже злата и сребра». И поиде со царева двора въ велицѣй чести: гостей отъ смерти избавилъ и животъ имъ далъ. Гости Соломону поклонилися до земли и пошли на корабли и Соломонъ пойде жъ съ ними и пришли на корабль и имали великіе дары нести царю Давиду и принесли. И царь Давидъ гостинцы принялъ и гостямъ заморянамъ честь великую воздалъ и тѣшился на своей потѣхи и рече гостямъ: «Азъ вамъ загадку великую загану и вы отгадаетель? Конецъ моего царства стоитъ древо во златомъ вѣтьѣ и у того древа самоцвѣтной камень, а сверху того древа мѣсяцъ сіяетъ, а около того древа у корени вкругъ по земли бѣлая пшеница и нива ржаная сильна. Аще не отганете тому древу цѣну и я съ васъ велю головы поснимати, а товары ваши велю за себя взять, а отганете тому древу цѣну и вы въ моемъ царствѣ торгуйте безданно и безпошлинно и всѣмъ вамъ воздамъ честь великую». И гости изумѣлися, не могутъ тому отвѣту дать и пошли ко своимъ кораблямъ. И вышелъ противъ гостей Соломонъ кашеваръ и рече имъ: «Гости заморяна! пора вамъ за столъ и за скатерти сажаться: И гости рекли: «Не до стола намъ пришло, царская кручина на насъ и загадка тежела». И думаютъ, стоячи на корабли, думу великую о всѣхъ головахъ; и рече Соломонъ: «Гости заморяна! что мнѣ дадите, азъ васъ избавлю и царскую загадку отгадаю и вамъ царь животъ дастъ»? И гостямъ слово то полюбилось, слышачи у кашевара, бьютъ челомъ своимъ головамъ и принесли ему даръ великъ. И рече Соломонъ гостямъ: «Дайте мнѣ дорогія парчи, съ чѣмъ ко царю иттить за столъ, и за скатерти сажатися и загадку его отгануть». И пошли къ царю и послѣ стола царь загадку заганулъ, и Соломонъ рече за столомъ: «Конецъ царства твоего древо въ златомъ вѣтьѣ—то твое царство; а у того древа самоцвѣтной камень, то твои ближніе пріятели и стольные многіе князи и боляра: а сверхъ того древа сіяетъ мѣсяцъ, то ты государь царь Давидъ; а около того древа вкругъ у кореня пшеница бѣлоярая, то твои бояра

околничныя, столники, стряпчи и дворяня; а вкругъ нива ржаная, то твое сильное православное воинство». И царь Давидъ взглянулъ на Соломона и рече: «Кто еси ты»? Соломонъ рече: «Азъ есмь изъ заморья дѣтище». И гости пошли со царева двора въ велицѣй чести и царь Давыдъ отпустилъ и рече: «Былъ еси у меня сынъ Соломонъ»; царица рече: «мертвъ бысть» и царь рече: «живъ есть у гостей и живетъ—великъ даръ емлетъ». А Соломонъ пошелъ за море и говоритъ так: «еще насина степень»,—и торговати пошелъ за море. И пріиде во царство ко царю Давыду за гостьми въ велицѣй славѣ, и высокъ и младъ есть. И пришедъ ко царю Давыду съ великими дарми и гостинцы, царь принялъ дары съ великою радостію и противъ даровъ воздалъ великую честь. И пріиде Соломонъ на свой корабль. Въ то время пришли отъ царицы еѣ дѣвицы, заморскаго товару смотрѣть. И Соломонъ на кораблѣ сталъ дѣвицъ виноградомъ кормить и медомъ поить и показалъ на корабляхъ три каменя самоцвѣтные, которые сіяютъ за свѣчи мѣсто во дни и въ нощи. И изумилися, смотрѣчи на самоцвѣтные камени и на Соломонову красоту и мудрости, и сказали царицѣ про самоцвѣтные камени и про его красоту, и царица велѣла предъ себя взять: «Пойди, Соломонъ, къ царицы, тебя зоветъ къ себѣ». И пойде Соломонъ къ царицѣ на дворъ, подноситъ даръ и царица спросила: «Есть ли у тебя самоцвѣтный камень?» И Соломонъ рече: «Есть, государыня царица, три самоцвѣтные камени: отъ нихъ свѣтитъ во дни и въ нощи». И царица рече: «Принеси ко мнѣ самоцвѣтной камень.» И Соломонъ рече: «Царица! Мнѣ тотъ камень несть ко царю Давыду въ подарокъ, а другій камень держать у себя на кораблѣ, да свѣтитъ». И царица рече: «Что говоришь въ приданые дать?» И Соломонъ рече: «Кто со мной пребудетъ ночь, тому и камень дамъ». И царица рече: «Азъ съ тобою пребуду». И Соломонъ рече: «Царица! дай мнѣ сроку царю Давыду камень отдать, и къ тебѣ принесу и съ тобою пребуду ночь». И пошелъ ко царю на дворъ, и царь Давыдъ за столомъ сидитъ и рече: «Гости заморяна! Есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье? предъ царемъ котъ свѣтитъ: стоячи, держитъ свѣчу и съ виномъ скляницу держитъ предъ царемъ?» И Соломонъ рече: «Государь царь Давыдъ! дай сроку: буде не отгадаю загадки, вели мнѣ го-

лову снять острымъ мечемъ по могучія плеча». И царь далъ сроку въ таковъ день пріити. И пріиде Соломонъ ко царю Давыду и принесъ вещь. Царь Давидъ рече гостямъ: «Гости заморяна! есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье?» И Соломонъ пустилъ изъ рукава мышь: по столу пробѣжала, котъ свѣчу погасилъ и потѣху цареву учинилъ, скляницу котъ съ виномъ разбилъ. И Соломонъ премудрый ухватилъ своего звѣря мышь, да опять за рукавъ пустилъ. Сталъ премудръ Соломонъ и бьетъ челомъ царю: «Государь царь Давыдъ есть виноватъ предъ тобою: тебѣ, царю, доспѣхъ учинилъ». И поиде со царева двора въ велицѣй чести и узрѣ его царица, посла по него: «Скоро буди ко мнѣ и камень принеси». Соломонъ пойде къ царицы и принесъ камень къ царицы, подалъ царицы вскорѣ, и царица рече Соломону: «Поди ко кровати царской и лягъ со мною, со царицею, и подъ царевымъ одѣяломъ на царевой постели». И царица рече: «Что ты не говоришь? для чего ты не подвигнешься ко мнѣ?» Соломонъ рече: «Страшуся царевы постели». И царица одѣла его и взяла руку его и положила на свою шею и подвигнула его руку на свои груди и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «Тѣмъ есть скороменъ». И подвигнула его руку по своему чреву и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «То мой камень изъ полаты». И подвигнула его руку ко своему сраму и рече: «Что то?» И Соломонъ рече: «Оттуду есми вышелъ и увидѣлъ свѣтъ и по царству пробѣжалъ». Царица рече: «Кто ты еси мудръ?» И скочилъ со царевы постели, и палъ предъ нею и заплакалъ предъ нею: «Государыня, мати моя! азъ есть сынъ твой Соломонъ. Государыня! Я вѣсилъ: и умъ твой съ песьимъ г...омъ равно; и у всякія женщины волосы долги, а умъ коротокъ». И пошелъ ко царю Давыду, бьетъ челомъ царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! ты мой батюшко, а я твой сынъ Соломонъ.» И бысть въ велицѣй радости и со своею царицею; на свое царство сожаетъ. И царь Соломонъ поиде по многимъ городамъ и поклонишася ему многи цари и князи и подаютъ ему выходъ честный и даръ. И ходилъ царь Соломонъ много время, и цари и князи подъ его руку помогали. И царь Давыдъ пропустихъ лѣта и говоритъ тако: «Сынъ мой, Соломонъ! пора тебѣ женитися». Царь Соломонъ по отцову слову, царя Давыда по велѣнію, изо многихъ царствъ

выбираетъ себѣ дѣвицу прекрасную и мудрую, и посла посланіе ко царству ко царю Пору и отписалъ тако: «Въ прошлое лѣто былъ есми я въ твоемъ царствѣ и со царицею твоею пребылъ ночь и снялъ съ правыя руки перстень златой». И послалъ Соломонъ тотъ перстень златой ко царю Пору въ дарѣхъ. И царь Поръ сталъ печаленъ, что перстень его и подписано царство его на перстнѣ томъ. А самъ царь Соломонъ привелъ жену свою къ отцу своему. Царь рече: «Сынъ мой, Соломонъ! жена твоя, а моя сноха красна: смерть тебѣ будетъ нѣ въ кое время.» Свѣдалъ же царь Поръ, что царь Соломонъ не женатъ и посла по своему царству кличь кликать великъ, чтобъ Соломона увѣдать, женатъ ли или нѣтъ И вышелъ княженецкой слуга и рече: «Государь царь Поръ! я тебѣ отвѣдаю, что Соломонъ женатъ ли или нѣтъ и тебѣ приведу царя Соломона и царицу жену его». И смѣяся ему, рече царь Поръ: «Можешь ли взять?» И рече слуга: «Царь! повели сдѣлать рукавицы золотыя, самоцвѣтнымъ каменемъ и жемчюгомъ». И потелъ княженецкой слуга до царя Соломона въ царство его и показа гостю рукавицы золотыя съ жемчюгомъ. И гость рече: «Нецѣнныя рукавицы, царю или царицы носить; иди на царской дворъ». И скажутъ царицы про рукавицы, и царица велѣла предъ себя взять. И пришелъ посланникъ царевъ Поровъ ко царицѣ, и рече ему царица: «Сказали мнѣ, что есть у тебя рукавицы съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ?» И онъ ей показалъ. Царица рече: «Что тѣмъ рукавицамъ дѣлать?» И посланникъ рече: «Государыня царица! отъ неволи продаетъ:—на проходъ нужнаго на чюжомъ парствѣ нѣсть и я есми души своей дѣвки водоноски, а у насъ тому не жадны». И царицы полюбились тѣ рукавицы и рече цареву посланнику: «Есть ли у вашего царя Пора царица?» И посланникъ рече: «Пытаетъ еще имъ царь Поръ царицу себѣ и мѣсто уготованно». И царица рече: «Азъ иду за вашего царя Пора премудраго». Посланникъ рече: «Аль и я для того посланъ, царь Поръ для тебя». И царица рече: «Не можно намъ уйтить отъ царя Соломона, понеже онъ премудръ». И посланникъ рече: «Твоя бъ охота была бъ, а я могу тебя увезти». И царица рече: «Итить тебѣ со мною по земли: царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ; а у меня будь хоть орлиныя крылья, и Соломонъ яснымъ соколомъ, а моремъ щукою догонитъ». И по-

сланникъ рече: «Дамъ тебѣ забудущаго зелія и тебя доспѣю мертву и унесу на корабль». Царица велѣла ключи придѣлати у ложницы своей. «И тебя мертвую взнесу». И по совѣту, дастъ посланникъ царицы зеліе, и царица мертва бысть. И пришли царевы люди и увидѣли царицу мертву и рекли царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! у царя Соломона жена умерла, а твоя сноха». Царь Соломонъ рече: «Отца моего слово сбылось мнѣ». И пойде царь Соломонъ къ мертвой царицѣ и узрѣлъ мертвую свою царицу: лежитъ на одрѣ, и царь Соломонъ велѣлъ сковать гвозди желѣзные и велитъ горячей нажечь гвоздь и желѣзо кипячее и мертвую жещи. Соломонъ рече: «Не мертва буде, пробужу; а мертва, и схороню еѣ съ великою честію». И у гробницы поставилъ стражей крѣпкихъ. Посланникъ, пустилъ на стражей сонъ мертвой: заснули стражи. Посланникъ, выня гробницу со царицею, и принесъ на иной корабль и побѣжа на кораблѣ по морю и прибѣжалъ къ Порову царству и оживилъ царицу, и ко царю Пору живу привелъ. Царь Поръ посланнику честь великую воздалъ, а царицу взялъ.

И послѣ того стражіе пробудились, а царица увезена. И царю Соломону сказали: «Государь царь Соломонъ! царица твоя увезена и съ гробницею». Царь Соломонъ растужился и падъ на землю, и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и пойде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море и не нашелъ. И бысть печаленъ. И пришелъ посланникъ отъ царя Пора и рече царю Соломону: «Царь Поръ послалъ къ тебѣ: нѣ въ кое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и перстень златой въ дарѣхъ и съ царицею моею пребылъ и въ моемъ царствѣ; а нынѣ я съ твоею царицею пребываю: твоя царица у меня нынѣ, увезена, у царя Пора во царствѣ». И царь Соломонъ печаленъ бысть и скоро посла своего во царство ко царю Пору: «Вели отвѣдать, есть ли моя царица у царя Пора». И далъ послу великъ закладъ. И посланникъ рече: «Государь царь Соломонъ! дай мнѣ великъ царскій закладъ съ самоцвѣтнымъ каменіемъ». И поиде Соломоновъ посланникъ въ дальную страну и показалъ гостю вѣнокъ царской златый съ самоцвѣтнымъ каменіемъ, и гость посмотрѣлъ и рече гость: «Не мойской вѣнокъ; подобаетъ

тотъ вѣнокъ царю или царицы носить: иди на царской дворъ и скажутъ царицѣ про вѣнокъ царскій златый съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ». И царица велѣла предъ себя взять тотчасъ и рече царица: «Съ котораго ты царства и съ коей земли?» — «Азъ есмь отъ царя Соломона изъ ево царства». И рече царица: «Есть ли у тебя вѣнокъ царскій златый?» И посланникъ рече: «Есть, государыня!» И покажетъ ей вѣнокъ царскій златой, и царица великую честь и даръ сподобаетъ посланнику и учала съ нимъ говорить про Соломоново житіе и царство. И какъ посланникъ Соломоновъ великую цѣну емлетъ за вѣнокъ и подписала царица, какъ у царя Соломона ушла. И царь Соломонъ учалъ сбирать и собра войска своего 40,000 и пошелъ на царя Пора со всѣми силами многими. И пріиде ко царю Пору во царство и поставилъ своихъ крѣпкихъ воеводъ и силу и рече своимъ богатыремъ и уланамъ и князьямъ крѣпкимъ: «Стойте вы съ силами, а меня цари и князи и крѣпкіе воеводы, отпущайте ко царю Пору во царство и увижу своимъ яснымъ окомъ; а вы, сильные воеводы, ждите двоеннаго гласа къ себѣ отъ меня. Буду во царствѣ Поровѣ, то труба вострубитъ и вы борзо сѣдлайте своихъ добрыхъ коней; а въ другой часъ труба вострубитъ и вы поспѣшайте на добрыхъ своихъ коняхъ, не жалѣйте; а въ третей часъ труба вострубитъ, и вы напущайте сѣките и топчите, живота не давайте. А буде троеннаго гласа не услышите, и подите въ свою землю въ мое царство, а меня не ждите и въ животѣ меня не будетъ и великую по мнѣ память творите, а меня простите и благословите». А самъ царь Соломонъ пошелъ въ царство Порово въ нищецкомъ платьѣ и пошелъ ко цареву двору. И узрѣла его царица и она пошла и учала въ велицѣй тоски пребывать и думу думать: приступи страхъ великъ. И пошелъ Соломонъ и не знаетъ никто; едина узрѣла его царица. И пойде Соломонъ ко царицѣ въ цареву палату и рече Соломонъ: «Что ты страхъ великъ держишь, понеже я пришелъ?» И царица не знаетъ, что промолвить, предъ нимъ стоячи. И Соломонъ рече: «Али ты меня знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и за дорогимъ умомъ и смысломъ?» И царь Поръ изъ за стола вышелъ и царица пошлетъ царя Соломона въ палату и прикры

его ковромъ. Въ тотъ часъ пришелъ царь Поръ ко царицѣ въ палату, и любуетъ ее и ложится на царскую постелю. И царица рече царю Пору: «Что ты меня любуешь? Пришелъ царь Соломонъ ко мнѣ». И царь Поръ рече: «Моему брату, царю Соломону гнѣватца онъ, саблею и мурзавецкимъ копьемъ досталъ есми яко тебя, ты есми пришла ко мнѣ». И царица рече: «Соломонъ: выди». И Соломонъ вышелъ и емлетъ царицу за руку и говоритъ: «Моя жена». И царь Поръ рече: «Кабы твоя была, и она бы у тебя была во царствѣ: мудръ еси Соломонъ, два медвѣдя въ одной коморѣ не уживутся, а два мужа съ одною женою не могутъ ужиться. Коей ты смерти хочешь?» И царь Соломонъ рече: «Государь царь Поръ! твоя воля царская у тебя въ рукахъ». И царь Поръ рече: «И пошлю тебя и велю тебѣ голову снять острымъ мечемъ или по улицамъ размыкать или красныя смерти». И царь Соломонъ рече: «Дай мнѣ красныя смерти — повѣшену быть». И царь даетъ его пилату и пилатъ поставилъ на рѣли три оселка 1 шелковой, 2 серебряной, 3 золотой. И пилатъ рече: «Государь царь Поръ! твоя страшная и грозная смерть поставлена на царя Соломона». И царь Поръ рече: «Поведите его на страшную смерть». И въѣхалъ царь Поръ со царицею и весь миръ смерти, что царь Поръ хощетъ царя Соломона. Рече: «Брате пилате! молви царю Пору, что царь Соломонъ проситъ ворона меду пити, чтобъ не страшна смерть царева была Соломонова; и проси у нево злаченыя трубы:» «смалу есми бывалъ охотникъ въ трубу играть ратную»». И пилатъ принесъ ворона меду и трубу злаченую. И царь Соломонъ испиваетъ кубецъ ворона меду, играетъ въ злаченую трубу. А какъ трубитъ, и земля воздвигнется отъ трубнаго гласу; тѣмъ затруби и молвилъ: «Сѣдлайте добрыхъ коней, поспѣшите, цари и князи, пріидите ко царю самому». И пилатъ рече: «Дѣлай скоро, стоитъ страшная смерть твоя предъ тобою и предъ твоими очми». И постоялъ царь Соломонъ и рече: «Брате пилате! не сойду я отселѣ даромъ»; а другую рѣчь речетъ: «Не торопись, будетъ повѣшенъ, видишь, въ коемъ мѣстѣ смерть моя будетъ». И возшелъ на второй оселокъ серебряной и ратнымъ гласомъ въ трубу вострубилъ также: «Поспѣшайте, мои милые друзи, не жалѣйте добрыхъ своихъ коней». И

земля дрожитъ,—«и царь Поръ стоитъ со царицею у моей страшныя смерти, и вы цари и князи и уланные воеводы поспѣшайте скоро ко мнѣ». А самъ царь Соломонъ идетъ на третій восходъ, узрѣлъ своихъ сильныхъ воеводъ и вострубилъ ратнымъ гласомъ, а труба злачена говоритъ, что плачетъ: «Наѣзжайте, сѣките, топчите, живота не давайте и милости не кажите». И царь Соломонъ въ велицѣй радости исходитъ къ земли, на нижной сходъ; сего цари и князи и уланные воеводы падаютъ предъ царемъ Соломономъ на царскія колѣни, и Соломонъ ко царю Пору говоритъ: «Глупая твоя царица и неразумная! погубить человѣка хотѣла и велѣла еси три оселка сдѣлать: оселокъ шелковой, а другой серебряной, а третій золотой; удавила бы веревкою лышною: хотя бъ лыко отъ лаптя и оторвала и тѣмъ бы удавила, таково бы и смерть принялъ». И царь Соломонъ скоро опалися и велитъ повести во златой оселокъ, а царицу въ серебряной, а пилата велѣлъ въ шелковой оселокъ, а дворовыхъ людей велѣлъ поимати за себя, съ товары и животы во свое царство взять. И начаша жить и Бога хвалить, что его Богъ избавилъ отъ смерти, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II [1]).

Бысть во градѣ Іерусалимѣ царь великій именемъ Давидъ, сынъ пророка Іосія; по древнему закону имѣлъ женъ много, 30 царицъ, 70 наложницъ дѣвицъ красныхъ и чадородія у него—ни сына, ни дщери не было. И нача молитися царь Давыдъ Господу Богу Саваоѳу, чтобъ Богъ ему подаровалъ дѣтище, сына въ наслѣдіе послѣ его царствія граду Іерусалиму

[1]) По рукописи начала XVIII вѣка, съ картинами, принадлежащей И. Е. Забѣлину. Въ этой рукописи утрачены листы 51 и 53 и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырвано по нѣскольку строкъ. Текстъ утраченныхъ листовъ и испорченныхъ страницъ рукописи мы предлагаемъ по современному ей списку повѣсти, принадлежащему также И. Е. Забѣлину. Этотъ послѣдній списокъ почти буквально сходенъ съ печатаемою рукописью; для картинъ въ немъ оставлены пустыя мѣста. Но и этотъ списокъ неполонъ: въ немъ утрачено десять первыхъ листовъ (до словъ: *И скажи ей, что де сказалъ* сына твоего) и нѣсколько листовъ въ концѣ Онъ прерывается словами: *сосѣдова сына украде дѣтище и принесе въ домъ свой.* *Ред.*

царемъ. И бысть у царя Давида царица Вирсавія именемъ и услыша Богъ молитву ихъ и зача въ чревѣ царица ево Вирсавія сына; и бысть совершеніе чреву ея и царица роди сына и нарекоша имя ему Соломонъ, бѣ бо красенъ лицемъ и премудръ зѣло. И како дѣтище будетъ трехъ недѣль и нача ходити въ полатѣ: и бысть у царя радость велія. И какъ будетъ Соломонъ девяти недѣль, и нача глаголати отцу своему, царю Давиду отъ своей мудрости: «Великій государь мой батюшка царь Давидъ Іесневичь! что есть сіе гаданіе мое? въ нѣкоемъ градѣ бысть царь вельми славенъ зѣло и бысть у него въ полатѣ 30 птицъ павлиновъ златоперыхъ: изъ тѣхъ павлиновъ по одной бралъ и съ ними потѣшался у себя въ палатѣ своей; изъ тѣхъ птицъ едина птица зѣло царю полубилась и мила, и та птица златоперая пава не восхотѣ съ павлиномъ совокупитися и потопталася съ невѣжливою мякиною птицею з гусемъ». И рече ему царь Давидъ: «повѣсть сію азъ, сыне мой, разумѣю, что съ гусемъ потопталася». И виде царь Давидъ вельми мудро свое дѣтище, что божіимъ повелѣніемъ мудро глаголетъ, и потомъ даде царь Давидъ сына своего Соломона на сбереженіе нѣкоему своему вѣрному болярину Ачкилу. И во едино время бысть дѣтищу Соломону въ полатѣ, спящу ему въ колыбели, и ту нощь пріиде къ матери его, Вирсавіи царицѣ, посацкой человѣкъ Евреинъ и нача еа цаловати, глаголюще: «Госпоже, благородная царица Вирсавія! вельми ты мнѣ люба и мила, токмо боюся сего царевича Соломона: не престаетъ онъ мнѣ видѣться во ... И рече ему царица Вирсавія: «Господине! мой любезный, аще ты сего отрока сына моего боящися и не хощеши со мною любовь творити, и азъ его сегоже часу погублю, дамъ ему отраву смертную». И какъ царица нача блудное дѣло съ тѣмъ мужикомъ творити, и царевичь Соломонъ изъ колыбели выскочилъ вонъ и закричалъ великимъ гласомъ: «О несытый посацкій мужикъ! не по себѣ еси ты виноградъ щиплешь и садъ батюшкинъ царской крадешь и чужую ниву орешь и на краденой кобылѣ ѣздишь». И прибѣже къ боярину своему Ачкилу и ляже подлѣ его спати и плача неутѣшно и рыдая. И бояринъ его збережатой Ачкилъ былъ во ужасѣ велицѣмъ и рече ему: «Благородный государь, царевичь Соломонъ! повѣждь мнѣ (почто) борзо утекъ еси?

али тебя государя во снѣ страхъ нѣкій объятъ привидѣніемъ или тебя государя мамы и няньки чимъ прогнѣвали?» И рече ему царевичь Соломонъ, боярину своему Ачкилу: «Господине Ачкилъ! нынѣ азъ во снѣ видѣлъ привидѣніе страшное и азъ къ тебѣ отъ того привидѣнія утекохъ въ полату, а видѣлъ азъ привидѣніе и слышахъ: кабы въ полату въиде звѣрь лютый и учалъ матушку мою ясти; азъ въ привидѣніи воздрогнулся и еще больше сего видѣхъ: кабы лѣсный звѣрь медвѣдь пріиде въ конюшню и сѣлъ на любимаго коня отца моего и учалъ по всей конюшнѣ ѣздить; и того азъ не могъ стерпѣти и побѣже сѣмо». И вставъ царевичь Соломонъ и поиде ко отцу своему царю Давиду и поклонися ему и рече: «Отче мой, государь царь Давиде! что сіе бысть тому винограду, зѣло цвѣтущу всякими цвѣти различными? всѣ древеса цвѣтоша винограда того, а плода отъ нихъ никогда не было; въ томъ же садѣ бысть древо вельми украшенно паче всѣхъ тѣхъ виноградныхъ древъ, и берегъ его царь вельми; и то древо принесе ему плодъ — едино червленно яблоко и царь положи его на златое блюдо и зритъ на него и тѣмъ себя утѣшалъ, и единымъ днемъ царь тѣшился самъ яблокомъ и положи въ златый ларецъ до утра; и во едино время учинися въ винограде томъ и, стражемъ винограда того уснувшимъ, и внезапу вскочи въ виноградъ той смердящій скотъ козелъ и погрызе у винограда любимое древо и оскверни его слинами вонучими?» И рече царь Давидъ сыну своему Соломону: «Мудра вельми твоя рѣчь, сыне мой Соломоне: вся ея разумѣю, токмо древа сего единаго не могу разумѣти». И рече царевичь Соломонъ: «Государь мой батюшка Давидъ! се моя премудрость (рече) буду тебѣ толковати въ предъидущія лѣта возраста моего». И бысть Соломонъ возраста своего трехъ лѣтъ: играющу ему со отроки, боярскими дѣтьми, и нача изъ древа вѣски дѣлати и положи во единъ вѣсокъ на блюдѣ серебряномъ злато, а на другой вѣсокъ на блюдѣ калъ пѣсій. И въ то время случися матери его Вирсавіи, царицѣ, съ дѣвицами итти къ царю Давиду къ столу; и виде Вирсавія сына своего, царевича Соломона, въ полатахъ игры творяща со отроки боярскими: вѣсиша на блюдѣ злато да съ нимъ песей калъ, и перетянулъ калъ тремя златники тяжеле злата. И вопросила его мати его: «Почто, сыне мой Со-

лонение, тако твориши?» И рече ей царевичь Соломонъ: «Азъ есть сіе тако творю: что на блюдѣ злато, то есть всякія жены разумъ таковъ легокъ, что худже и песія калу, у всякія жены власъ долгъ, а умъ коротокъ». И мать ему противъ тѣхъ рѣчей ничего не отповѣдала, только аки звѣрь лютый скрыхнула зубы своими и понде ко царю въ полату. И бысть нощи, призва царица вѣрнаго своего боярина и посла его по всему граду Іерусалиму всякаго чину изобрати тайно дѣтище во образѣ царевича Соломона. И наиде бояринъ дѣтище у нѣкоего человѣка кузнецова сына во образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царицѣ Вирсавіи. И потомъ царица Вирсавія повелѣ призвати боярина того, которому царевичь данъ на сбереженіе, именемъ Ачкилу, и глагола ему тайно: «Господине Ачкило! послушай мене и моихъ словесъ: возьми сына моего царевича Соломона и иди съ нимъ на теплое море и заколи его на берегѣ моря и вынъ изъ него сердце и испеки и принеси ко мнѣ, а тѣло ево брось въ море». И бояринъ Ачкило рече къ ней: «Государыня, благородная царица Вирсавія! помилуй сына своего, царевича Соломона, и меня раба своего не дай напрасной смерти. Аще сіе провѣдаетъ царь Давидъ, велитъ меня казнити горькою смертію, а жену и чадъ моихъ и весь родъ мой погубитъ». А самъ стоя плакашеся горько. Рече ему царица: «Аще сего не сотвориши, и азъ наведу на та царю и пріимеши горькою смерть». И рече ему (sic!) бояринъ Ачкило: «Государыня, благородная царица Вирсавія! послушай меня раба своего. Слышалъ я въ богодухновенныхъ книгахъ, въ бытіи: «аще кто подыметъ рабъ руку на владыку, а именно на господина своего, достоино тому рабу рука отъять и голова отсѣщи; а ты, государыня, имѣешь у себя единороднаго сына и того велишь предати напрасной смерти». Рече ему царица: «Не сынъ есть мнѣ сей, но супостатъ ми нынѣ есть при старости моей, не поминокъ душѣ будетъ; есть у меня сынъ избранный, имѣю его у себя владѣти ми: будетъ при старости моей питатель и по смерти моей поминокъ»—и показа ему дѣтище, кузнецова сына въ образъ царевича Соломона,—«аще сего не сотвориши, смертію умреши; иди борзо и сотвориши по глаголу моему: аще сего не сотвориши, то нынѣ избери себѣ смерть или животъ». И бояринъ плакаше горько и поклонися царицѣ и рече: «Госуда-

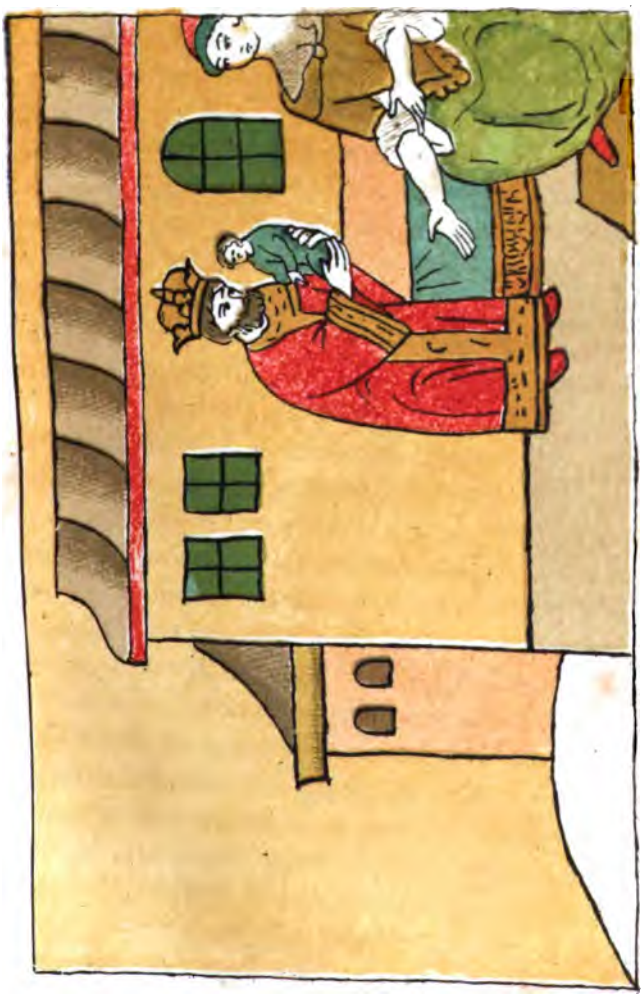
рыня, благородная царица Вирсавія! слышалъ я во уложеньѣ, въ судебной книзѣ, писано: «не рожденъ—не сынъ, не окупленъ не холопъ, а вспоя вскормя ворога не видать». И поклонився царицѣ, и поиде отъ нея изъ полаты.

И пріиде въ полату къ царевичу Соломону, плача и рыдая вельми. А царевичь Соломонъ въ полатѣ играетъ со отроки боярскими и того ничего не вѣдаетъ И увидѣ боярина своего Ачкилу, пришедшаго къ нему, зѣло плачуща горько, и отложи царевичь Соломонъ игру свою и приступи къ боярину своему Ачкилу, вопрошая ево: «Про что ты, збережатой мой бояринъ, плачеши вельми и сѣтуеши? Изыде нездорово изъ полаты отъ матери моей?» И рече ему бояринъ Ачкило: «Какъ мнѣ не плакати? вельми плачу, государь, и сѣтую, а повѣдати тебѣ государю, не смѣю здѣ, развѣ на единѣ скажу». И царевичь Соломонъ повелѣ всѣмъ отрокомъ отступити и нача бояринъ наединѣ сказывати царевичу Соломону: «Государь, царевичь Соломонъ! повелѣ матушка твоя, царица Вирсавія: претила мнѣ горькою смертію, велѣла мнѣ изобрать нынѣ смерть или животъ; велѣла тебя, государь, свести на теплое море и на берегу морскомъ заклати тя, а сердце твое изъ тебя вынять и испещи и принести къ себѣ, а тѣло твое, государь, велѣла кинуть въ море». И рече ему царевичь Соломонъ боярину своему: «Не плачь, господине мой збережатой! возложи на Господа печаль твою и Той насъ препитаетъ и соблюдетъ отъ напрасныя смерти сея и будемъ жити во вѣки; воля матушкина: что хощетъ, то и творитъ». Въ то число прилучися царю Давиду отъѣхати изъ дому въ весь ради потѣшенія; и пришедшей нощи, помолися царевичь Господу Богу о соблюденіи своемъ и поиде Соломонъ съ бояриномъ своимъ Ачкилою на теплое море и обрѣтоша на пути пса съ сукою играющихъ, и рече царевичь Соломонъ боярину своему Ачкилу: «Поиди, бояринъ! возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и и вынь изъ него сердце и испеки и принеси матери моей и даждь ей, да ястъ. Азъ поѣду въ дальныя незнаемыя грады, веси питатися Бога ради и какъ буду въ возрастѣ божіимъ повелѣніемъ, надѣяся на Господа Бога своего, а либо возвращуся вспять либо къ отцу своему и матери, а ты нынѣ будеши живъ; токмо тебѣ заповѣдаю: какъ ты сердце псово ис-

печешь и принесешь къ матери моей Вирсавіи царицы и скажи ей, что де заклалъ сына твоего на тепломъ морѣ при брезѣ, а сердце его вынялъ, испекъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинулъ въ море и поклонися матери моей, чтобы она меня поминала». И бояринъ Ачкило обѣщася сказати все матери его и потомъ царевичь Соломонъ и бояринъ Ачкило плакася на многъ часъ и цѣловастася другъ съ другомъ и пойде Соломонъ по брегу моря въ дальныя страны, грады и веси, идѣже путь его предлежитъ. На предлежащее да возвратимся.

О бояринѣ Ачкилѣ. И какъ бояринъ Ачкило плакася горько по царевичѣ Соломонѣ, испекше сердце псово и принесе его царицѣ Вирсавіи и сказа ей, что «повелѣнное сотворихъ: заклалъ царевича Соломона при брезѣ морстѣмъ, а сердце его вынялъ, испекохъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинухъ въ море». Царица же взя сердце псово и нача ясти и снѣде сердце псово все и рече: «О люто и зло, яко сердце его смердитъ зѣло лихостію».

И царю Давиду пріѣхавшу изъ веси тоя въ домъ свой, и внѣдъ въ полату свою и вопроси сына своего царевича Соломона,— по обычаю своему восхотѣ отъ него утѣшатися имъ и призва боярина своего Ачкилу и повелѣ ему царевича Соломона принести къ себѣ въ полату. И бояринъ Ачкило поиде ко царицѣ въ полату и рече: «Государыня, благородная царице Вирсавія! Какъ изволишь? царь Давидъ сына своего царевича Соломона повелѣ мнѣ принести». И рече ему царица: «Поди, бояринъ; скажи царю Давиду: сынъ де твой милый немощствуетъ зѣло люто нѣчто во умѣ своемъ мудромъ, испусти ума и бысть безгласенъ». И бояринъ пріиде и сказа царю все о царевичѣ Соломонѣ, какъ ему царица сказала. Скочи царь Давидъ со престола своего и побѣже къ царицѣ своей въ полату и узрѣ кузнецова сына на одрѣ лежаща чая сына своего царевича Соломона, и взя его на перси своя и облобыза его и рече со слезами: «О милый мой сыне, любезнѣйшій свѣте очію моею и жезле старости моея преломися и мудрыя твоя словеса помутилися, языкъ веселоглаголавый заградися, лице зрака твоего премѣнися, очи его исчезосте и не могу азъ видѣти радости и упованія моего царствія! погиблъ,



ихъ
комъ

нынѣ пріиде на мя печаль». И рыдая горько, и облечеся царь Давидъ въ черныя ризы, возложи [1]) на ся постъ велій и милостыни много творяше нищимъ довольно. И постяся три лѣта и мѣсяцъ 7.

И какъ царевичь Соломонъ, шествуя по брегу моря теплаго, и пріиде въ весь нѣкую и обрѣте крестьянина, рожь молотяща на гумнѣ съ трема сыны своими. И сяде царевичь Соломонъ на ометѣ ржаномъ. И какъ крестьянинъ отмолотилъ хлѣбъ, и есть бо у него много хлѣба, что не можетъ во что сыпать, и рече крестьянинъ сынамъ своимъ: «Чада моя возлюбленная! азъ есть старъ, а мати ваша при смерти лежаше; и азъ житіе свое вамъ хощу раздѣлити, чтобы вы по смерти моей межь вами злобы не было». У того крестьянина три сына и три дочери. И раздѣли крестьянинъ то имѣніе свое на три части: злато и сребро положилъ—едина доля, скотъ и кони положи—вторая доля, третія доля—хлѣбъ всякой. И рече отецъ сынамъ своимъ: «Чада моя милая! послушайте мене и моихъ словесъ. Аще кто повѣдаетъ мнѣ злату и сребру цѣну, отъ чего сотворено и чимъ сіе взято, тому злато и сребро; а который мнѣ отвѣщаетъ отъ коней, который конь всѣхъ честнѣе и которая скотина человѣка богатѣетъ и еще скажите мнѣ: съ которою скотиною человѣкъ г[illegible]ъ и въ которой скотинѣ человѣкъ опочиваетъ:—тому и[illegible]а вся; и еще кто отповѣдаетъ мнѣ: сколько въ кото[illegible]бѣ зеренъ, тому и хлѣбъ весь». И тутъ дѣти отцу своему не могли ничего отповѣдать. И единъ сынъ иде ко омету печаленъ зѣло, гдѣ царевичь сѣдитъ Соломонъ и рече ему царевичь Соломонъ: «Брате! что скорбиши и чемъ сѣтуеши?» И крестьянской сынъ рече ему: «Отецъ нашъ раздѣлилъ намъ имѣніе свое, кони и скотину и хлѣбъ всякой и рекъ намъ мудростію веліею и повелѣ намъ мудрымъ своимъ рѣчамъ отвѣтъ дати и намъ немогущимъ отвѣщати противъ его рѣчей». И рече царевичь Соломонъ: «Брате! не мудрость отца вашего, но глупость; азъ все слышалъ. Азъ младъ лѣты и малъ, сію рѣчь и мудрость его всю разумѣю: имамъ отвѣтъ дати; можете ли вы меня большимъ братомъ назвать»? И рече крестьян-

---

[1]) Въ рукописи: *возложиши.*

ской сынъ: «Государь дѣтище младый! помилуй насъ трехъ братьевъ; дай отвѣтъ отцу нашему и раздѣли намъ житіе отца нашего». И взя его въ домъ свой. И увидѣ крестьянинъ младое дѣтище въ дому своемъ, вопроси его: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: откуду еси пришелъ и кто есть отецъ твой и мати? и почто сѣмо обитаеши здѣ? и есть ли у тебя отецъ и мать? и какъ твое имя?» И рече царевичь Соломонъ крестьянину: «Азъ есмь града божія Іерусалиму, отца праведна, отецъ мой пѣвецъ, мати моя блудница; отецъ мой по горло сидитъ въ водѣ, проситъ пити, а напитися не можетъ». И крестьянинъ удивися Соломоновѣ премудрости и назва его сыномъ и радъ бысть ему вельми. И вопроси его Соломонъ крестьянина и рече ему: «Что, отче, чадомъ своимъ рекъ еси мудрая словеса о животѣ своемъ и имъ не возмогоша отповѣдати тебѣ, азъ сію мудрость твою могу отповѣдати». И рече царевичь Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Киньте жребій: кому будетъ скотина и кони, и кому будетъ хлѣбное имѣніе?» И кинуша они три брата жребій. Большему сыну достался хлѣбъ, среднему сыну досталось злато и сребро, меньшему сыну достались кони и скотина. И бысть вечеру сущу, и рече царевичь Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Послушайте братія моя! Отецъ вашъ умрутъ и мати, и послѣ [illegible] будете въ разномъ чину: большій братъ будетъ во отечес[illegible] чину,—счастливъ будетъ, средній братъ будетъ купецъ, меньшій братъ воинъ будетъ и пріиметъ боярство у царя; вси вы богати будете». И рече крестьянинъ: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: «Ест[illegible] три дочери, кому которая дочь моя будетъ жена?» И ре[illegible]вичь Соломонъ: «Вѣдомо тебѣ буди: большая дочь будетъ попадья; средняя дочь будетъ бояриня». И рече крестьянинъ царевичу Соломону: «Вижу тя отроча вельми разумна и мудрость въ устѣхъ твоихъ. Скажи мой отвѣтъ словесемъ моимъ: что есть, отъ чего злато и сребро сотворено?» И рече Соломонъ: «Злато сотворено отъ царскихъ очей: всему богатству царь злато украшеніе, всякаго человѣка честь; а сребро отъ неправды и мзда есть: единаго человѣка богатитъ, а другаго разоряетъ; сія есть,— разбой и татьбу подымаетъ, тѣло веселитъ, а душу его во адъ сводитъ, въ муку вѣчную». И крестьянинъ зѣло подивися

скорому и мудрому его отвѣту, и бысть крестьянинъ въ ужасѣ велицѣмъ. И потомъ царевичь Соломонъ повелѣ злато и сребро отдати среднему сыну и повелѣ отцу сына наказати вельми, чтобы держалъ имѣніе свое праведно, а не лихоимствомъ. И паки рече крестьянинъ царевичю Соломону: «Скажи мнѣ, чадо богоданное, вторый отвѣтъ: съ которымъ конемъ человѣкъ говоритъ и въ которой скотинѣ человѣкъ опочиваетъ?» И рече царевичь Соломонъ: «Человѣкъ говоритъ со скотомъ съ конемъ, онъ какъ ржетъ; возникъ всякое число работаетъ на немъ или ино что творитъ, а покаряются кони коню ослятѣ, что онъ всѣмъ конемъ глава. А въ скотину человѣкъ живъ входитъ и паки исходитъ, то есть скотъ овенъ: сего людіе всякого заколаютъ, а мясо снѣдаютъ, а въ кожу весь облачается и главу, и руцѣ и нозѣ, потомъ человѣкъ въ нея входитъ и паки исходитъ, когда на опочивъ разоблачится; потомъ человѣкъ опочиваетъ на скотинѣ: крылатыхъ гусей человѣцы убиваютъ, мясо снѣдаютъ, а перія употребляютъ, — перины дѣлаютъ и на нихъ опочиваютъ». И потомъ царевичь Соломонъ повелѣ отцу коней и скотину всю сыну меньшему отдати и повелѣ ему сына своего наказати, чтобы жилъ не гордостію и не величаніемъ, чтобы имѣлъ ко всѣмъ православнымъ христіяномъ любовь и милость. И тутъ крестьянинъ началъ отъ страха трепетати и не могъ сидѣти. И потомъ возста крестьянинъ съ женою своею и съ дѣтьми противу его, видя отрока вельми мудра и нача его крестьянинъ о третіемъ отвѣтѣ вопрошати: «Скажи мнѣ, чадо мое богоданое, третій отвѣтъ: что счету въ моемъ всякомъ хлѣбѣ и что именуется тѣло христово и безъ которого хлѣба человѣкъ не умираетъ?» И рече царевичь Соломонъ: «Счетъ хлѣбу твоему у человѣка зубы во ртѣ: сколько человѣкъ зубами откуситъ хлѣба, — сколько было зеренъ въ кускѣ, по стольку и пожуетъ: много укуситъ, много и жуетъ, только безъ хлѣба ниже; тѣло именуется господне, хлѣбъ отъ рая пшеница: когда іерей божественную литоргію служитъ надъ хлѣбами пшеничными, причащается, и явится тѣло христово и безъ него никоторой человѣкъ вѣрой не живетъ; но причащается и не умретъ». И потомъ повелѣ хлѣбное имѣніе отдати большему сыну и повелѣ его наказать, чтобъ жилъ

смиреніемъ, а не воровствомъ и не татьбою и не клеветникомъ, жилъ бы вѣрою и правдою и милостынею; милостыню бы творилъ почасту нищимъ. И потомъ крестьянинъ, падъ на ногу Соломону царевичу и съ женою своею и съ дѣтьми, и вопроси его о имени, и рече Соломонъ: «Имя мое—Разумникъ нарицаюся». И нарече его крестьянинъ въ дому своемъ быти наставникомъ, и бысть радость велія въ дому крестьянскомъ о царевичѣ Соломонѣ. И потомъ царевичь Соломонъ учалъ у крестьянина въ дому жити и поживе у крестьянина въ дому три года.

И началъ царевичь Соломонъ суды творити: собравъ крестьянскихъ дѣтей множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть; а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще, а иныхъ въ судіи; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро и посылаше тоя веси жители многія и начальники и помѣстники; и узрѣвше людіе Соломонову мудрость, како младъ да вельми мудръ и како градъ сотвори и во градѣ постави начальники чиномъ, по человѣку зря,—удивишася зѣло и рекоша, яко во всей вселенной такова отрока не обрѣтается. И начаша къ нему приводити дѣтей своихъ въ наученіе витежскому дѣлу и собрашася къ нему всякихъ дѣтей многое множество. И потомъ крестьянинъ поживе при Соломонѣ 5 лѣтъ въ дому своемъ и умре и съ женою своею и дѣтей своихъ приказалъ царевичу Соломону, чтобы у нихъ онъ былъ имъ наставникъ и учитель, Соломонъ царевичь у тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, черныя работы не зналъ и работать не хочетъ. И рече Соломонъ крестьянскимъ дѣтямъ: «Братія моя милая! послушайте мене: отецъ мой, Богомъ данной, и мати наша умре и велѣли мнѣ васъ не покинуть; и азъ младъ, нынѣ девяти лѣтъ и мнѣ вашей работати [1]) — не мощь: стану азъ вамъ скотину вашу и кони пасти: сила моя и разумъ таковъ». И рекоша братія его: «Государь нашъ, братецъ Разумникъ! Хотя бы ты былъ великаго возраста двадцати лѣтъ и больше, и мы бы на тебя никакія работы не спрашивали. А нынѣ ты, государь нашъ братецъ Разумникъ, лѣты младъ, а умомъ паче

---

[1]) Въ сп. № 2: *вашей работы дѣлать.*

всѣхъ старыхъ людей превзыде; мы тебя имѣемъ паче родного отца, нежели брата: ты нашъ наставникъ и учитель».— «Миръ вамъ, братіе! да будетъ съ вами. Божественное писаніе пишетъ: аще кто въ дому своемъ не дѣлаетъ, той и не ястъ; лѣнивымъ человѣкомъ въ дому своемъ горши больнаго человѣка: больной лежитъ да не ястъ, а лѣнивый лежитъ да ястъ». Взя скотину и кони и погна въ поле. И бысть вещь предивная, яко кони и скотину пасти день, а къ вечеру суды судить войску своему и со отроки крестьянскими игры творяще. И бысть сему три годы творяще царевичь Соломонъ по вся дни. Давиду царю пріѣхавшу изъ веси тоя въ другой разъ и узрѣ кузнецова сына со отроки болярскими игры творяща: постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревянны и нача на стулѣ ковати, и видѣ царь Давидъ, смутися умомъ и нача помышляти, яко не Соломонъ сей отрокъ есть; наипаче въ постъ вниде и сѣтуя о томъ. И во едину нощь молящуся царю Давиду Господеви Богу, прилежно вопія псаломъ сей: «Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ!» и протчая. *И абіе бысть ему молящуся* [1]), и абіе пріиде къ нему съ небеси гласъ: «Давиде! Давиде, царю! что вопіеши ко мнѣ?» И рече царь Давидъ: «Господи! яко благоволилъ еси плодъ чрева моего и роди мнѣ жена сына и внезапу что есть сіе отроча? дряхлю, испусти умъ свой царской, приложися ковачемъ!» И рече ему ангелъ господень: «Давиде! Давиде! не твой сынъ, но градского кузнеца именемъ Ѳлиады, а отрокъ, твой сынъ, царевичь Соломонъ, въ замори, Египетской веси у крестьянина живетъ пастухомъ: кони и скотину пасетъ». И потомъ невидимъ бысть ангелъ господень.

И бысть утро; призва царь Давидъ боярина своего Ачкилу и рече ему: «Скажи ми, бояринъ вѣрный: чіе есть сіе отроча, нареченя Соломонъ царевичь? гдѣ взялъ еси его и куды моего сына царевича Соломона истерялъ? Аще мнѣ не повѣси ту правду, то будеши моимъ мечемъ пораженъ». И рече бояринъ: «Великій царь Давиде! Азъ, рабъ твой, согрѣшихъ предъ тобою; достоинъ есть, по глаголу твоему сего [2]) смертію казненъ быти». И падъ

[1]) Въ спискѣ № 2 словъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ.

[2]) За этимъ пропущено находящееся въ спискѣ № 2 слово: *часу*.

на землю, аки мертвъ. И рече ему царь Давидъ: «Буди живъ отъ сего часа, токмо повѣдай мнѣ истинну». И бояринъ Ачкило нача царю Давиду сказывати всю истинну, какъ царица Вирсавія сына своего царевича Соломона велѣла погубити *и какъ* [1]) его стращала мнѣ горькою смертію: «и посла меня съ нимъ къ теплому морю и повелѣ на брезѣ морстѣмъ заклати его, и сердце его выняти и на углѣхъ испещи и принести къ себѣ ясть, а тѣло его повелѣ повергнути въ море», и какъ имъ попалися на пути песъ съ сукою играющихъ, «и царевичь Соломонъ повелѣ мнѣ онаго пса потребити, а сердце его изъ него вынять и на углѣхъ испещи и принести къ царицѣ матери своей Вирсавіи, да ястъ вмѣсто царевича Соломона; и како царевичь Соломонъ поиде живъ по брегу моря теплаго и гдѣ нынѣ онъ, не вѣмъ, пребываетъ: живъ ли или нѣтъ, того не знаю; а какъ царица прибрала сына себѣ вмѣсто царевича Соломона, азъ того не знаю». И *сказа* [2]) бояринъ Ачкило царю Давиду все подробну. Царь же Давидъ посла онаго боярина Ачкилу царевича Соломона искати и съ нимъ златую карету, отъ самаго царя, искуснаго злата. И рече ему: «Аще который человѣкъ пастухъ въ замори, и сей да сядетъ въ сію мою корету и пріѣдетъ ко мнѣ, аще ли не сыщется сего, то скорою смертію умреши». И даде ему войско много людей съ нимъ ѣхати. И услыша то его царица Вирсавія, что царевичь Соломонъ живъ и посланъ отъ царя Давида бояринъ его Ачкило царевича Соломона искати, и бысть царица во ужасѣ велицѣмъ, умыслихъ, како бы ей кузнецова сына уморити смертію. «Дамъ ему, отроку, смертную казнь, и онъ воскорѣ умретъ». Тако и сотвори и погребѣ его будто царевича Соломона, а мужикъ тотъ посацкой, Евреинъ, которой съ нею царицею живе, и услыша, что царь Давидъ царевича Соломона посла искати, и пріиде въ домъ свой и удавися.

Отсланный бояринъ Ачкило въ замори теплаго моря царевича Соломона во градѣхъ и весѣхъ, въ пустыняхъ искалъ и не нашелъ, возвратися вспять ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду, и прилучися ему ѣхати мимо нѣкакой вѣси,

---

[1]) Эти два слова внесены на прорванное мѣсто печатаемой рукописи изъ списка № 2, гдѣ вся фраза читается такъ: «*и какъ его страшила смертію напрасною*».

[2]) Въ спискѣ № 2; въ печатаемомъ вырвано.

гдѣ царевичь Соломонъ обитаетъ, пасетъ кони и скотину. И видѣ посолъ пастуха млада, пасуща и невѣжливо творяща противъ посла: самъ хлѣбъ ясть, и сяде к..ъ пущати, испустивши к..ъ, нача вши бити. Ему же послу зрящу на него, и не позна его. Царевичь же Соломонъ узна боярина своего Ачкилу и смутися сердцемъ своимъ зѣло; и рече посолъ къ царевичу Соломону: «Почто ты, пастухъ, невѣжливо творишь, увидя насъ, такихъ честныхъ людей»? И рече ему царевичь Соломонъ: «Не тотъ невѣжа, кто *тако творитъ*; *тотъ невѣжа, кто насъ*[1]) тако осуждаетъ: времени проходъ не изжидаетъ. Море стоитъ, въ море рѣки и источники текутъ, и потому море столько же изъ себя выпуститъ. Не азъ сіе сотворилъ, но Богъ создалъ тако перваго человѣка Адама и по Адамѣ мы такожь творимъ; то есть, и азъ творю не худое, но доброе: новаго прибавилъ, а старины изъ себя убавилъ. А съ недруги своими управляюся». И тутъ посолъ подивися мудрому его отвѣту и показа ему посолъ карету златокованную, вопроси о царстѣй каретѣ: «что цѣна ей»? Онъ же, вынялъ изъ пазухи хлѣбъ, и рече имъ: «Господа мои, царскія бояра! Скажите царю своему Давиду: каретѣ ево *цѣны нѣсть*, *потому что карета сія не искискусна; а сему укругу хлѣба всего паче*[2]) тысящъ злата и сребра: аще въ его царствѣ злата и сребра не будетъ да хлѣба много будетъ, живы будете во вѣки; аще сего хлѣба не будетъ, то живъ человѣкъ не будетъ: хлѣбъ есть тѣло, а злато камень; отъ хлѣба человѣкъ спасется, отъ злата и сребра никогда человѣкъ спасенъ не бываетъ, токмо погибель и мзда». Посолъ же въ велицѣмъ ужасѣ бысть и потомъ поѣде посолъ ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду.

И какъ онъ пріѣде ко царю Давиду и сказа ему, что царевича Соломона нигдѣ нѣту: «не обрѣтохомъ, токмо въ нѣкоей вѣси младое дѣтище пасетъ кони и скотину и сказа намъ такія мудрыя словеса», все царю подробну розсказа. И какъ Давидъ царь услыша отъ нихъ пастуховы мудрыя

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

[2]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемой рукописи это мѣсто оторвано.

словеса, яже отъ него, и радостенъ бысть царь Давидъ вельми: «во истинну сынъ мой есть царевичь Соломонъ! почто вы его не взяли»? И посла царь Давидъ вторицею по царевича Соломона двухъ своихъ вѣрныхъ бояръ онѣхъ же и съ ними тоюжъ карету златую и уряди войско свое на сбереженіе царевича Соломона и посла оныхъ бояръ съ войскомъ въ туже весь, идѣже царевичь Соломонъ.

И какъ пріѣхавши въ ту весь, ко царевичу Соломону, а ему пасущу кони и скотину. И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ древяны и по стѣнамъ такожде пушки древяныя и бердыши древяныя и копія все древяное; и самъ сидитъ во градѣ, аки царь. И бысть у него судебный престолъ и сяде на него и взя жезлъ въ руку свою. Послы же подъѣхали тайно подъ градъ, восхотѣша мудрости его Соломоновой видѣти. И бысть божіимъ повелѣніемъ, учинися въ тоже время во стадѣ его: восхотѣ конь поняти себѣ кобылицу и понялся съ нею и приживе жребя; и еще кобылицѣ носящей во чревѣ жребя, и прискочи иный жребецъ и отня у того жеребца кобылицу и нача съ нею жити. И прискочи той жеребецъ во градъ къ царевичу Соломону, который прежде съ кобылицею понялся, и паде предъ царевичемъ Соломономъ на колѣни своя, вельми ржуща. Царевичь Соломонъ, аки человѣка его вопрошая, и жеребецъ ему со слезами отвѣща [1]). Возставъ царевичь Соломонъ и нача коней кликать по имени и жеребца сильного, и кобылицу. И прискакаша кони вси во градъ и стояша вси со страхомъ предъ нимъ. Царевичь же Соломонъ сяде на престолѣ своемъ и нача судити ихъ, вопрошая ихъ аки человѣки праведно и разумно. И прежде жеребецъ противу его проржаху единъ по единому и кобылица паде на ногу свою, умильно ржуще, и потомъ вси кони громко закричаша и падоша вси предъ нимъ на колѣни своя. И царевичь Соломонъ возста, взя узду и нача жеребца сильного вознуздати; онъ же аки немощенъ, главу свою повѣсилъ и яко человѣкъ повинуяся

---

[1]) За тѣмъ порядокъ двухъ листовъ въ рукописи перепутанъ. Возстановляемъ его по списку № 2.

судіи своему. И привяза его къ столбу, во градѣ на то учиненному, и сяде на престолѣ своемъ, взя жезлъ свой, аки судія истинный. И посломъ же зрящимъ тайно и ужасающимся, а немогущимъ терпѣти царевича Соломона, и рече царевичь Соломонъ конемъ: «Послушайте, кони, суда божія. Блуднику и прелюбодѣю судитъ Богъ: аще кто у жива мужа жену отъиметъ, и тотъ достоинъ суду, а по суду казни градскія». И повелѣ двумъ жеребцамъ съ одну сторону стати и еще двоимъ жеребцамъ съ другую сторону, и повелѣ бити немилостивно конямъ задними ногами. И начаша кони бити жеребца немилостивно задними ногами и прибиша его, что насилу дышуща, и потомъ простиша его. Жеребецъ же едва возста отъ земли и падоша ему на колѣни своя вси кони и побѣгоша въ поле.

Тогда пріиде корова ревуща зѣло ко царевичу Соломону. Рыча во стадѣ быкъ зѣло великъ и силенъ и совокупися съ нею и зачала *отъ него теленка* и пришедъ той же быкъ *восхотѣ съ нею* еще пребыти; она же *отбиваяся отъ него и не восхотѣ* [1]) съ нимъ во вторый; и тотъ быкъ, ударя корову во бокъ, и вышибъ теля изъ коровы недоношенова времени. И царевичь Соломонъ нача звати воловъ и коровъ по имени, и прибѣгоша къ нему вси волы и коровы и падоша вси на колѣни своя царевичу Соломону. И рече царевичь Соломонъ: «Послушайте, волове, суда моего: аще который мужъ жену обременившую біетъ жезломъ, полехку учитъ, и той законъ божій исполняетъ; аще ли мужъ жены своей не бережетъ и біетъ беременную смертно и дитя изъ нея вышибаетъ, и тотъ мужъ достоинъ убійцы и по винѣ своей достоинъ суду духовному и казни». Взя вола за рога и повелѣ съ обоихъ сторонъ двумъ воламъ бити немилостивно; привязавше его къ столбу и кожу на немъ всю изодраша и едва жива оставиша его, и потомъ простиша вола и отпусти ихъ *въ поле* [2]). Послы же, видѣвше чудо сіе и премудрость царевича Соломона, и не возмогоша *терпѣти* [3]), и бо-

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемомъ это мѣсто прорвано.

[2]) Изъ списка № 2.

[3]) Это слово, вставленное изъ списка № 2, въ печатаемой рукописи пропущено.

яринъ Ачкило прискочи къ царевичу Соломону во градъ и поклонися ему до земли, и рече ему царевичь: «Брате посолъ! Не гораздо дѣлаешь, не посольски творишь: не вѣжливо во градъ входишь, аки къ деревенскому мужику въ пустую избу. А у меня здѣсь градъ, а во градѣ сидитъ судія воевода, а за то невѣжство несмысленные люди въ борзѣ погибаютъ. Аще бы ты посолъ отъ царя своего пришелъ ко граду, и ты бы гонца предъ себя прислалъ: подобаетъ послу, не доѣзжа за три поприща, гонца во градъ прислать, чтобъ царь града того на стрѣтеніе къ послу чиномъ воинскихъ людей изготовилъ. Азъ есмь младъ во градѣ единъ токмо божіе повелѣніе створю и царскій чинъ исполню». И посолъ, бояринъ Ачкило поклонися ему до земли: «Прости мя, господине! Виновенъ есть предъ тобою». Вда же ему посолъ царя Давида грамоту. Царь же Соломонъ, грамоту цареву пріимъ, и прочте ея. Во грамотѣ царевѣ пишетъ сице: «Въ теплое море, на брегу, веси крестьянской въ чистомъ полѣ, пастуху премудрому и благородному, царевичу Соломону. Азъ, царь Давидъ Еврейскій, пишу къ тебѣ. Во ушію моею вниде о тебѣ, о премудромъ отвѣтѣ твоемъ. Бысть у меня, во градѣ Іерусалимѣ, родися отъ царицы моей Вирсавіи царевичь именемъ Соломонъ, зѣло прекрасенъ; а грѣхъ моихъ ради великихъ, то мое чадо безвѣстно погибе, и бысть ко мнѣ гласъ божій о тебѣ, что ты еси сынъ мой возлюбленный, царевичь Соломонъ. Аще ты еси сынъ мой возлюбленный, и ты дай отвѣтъ моей премудрости: что есть въ моемъ государствѣ, среди моего града Іерусалима стоитъ древо златолиственное; на томъ древѣ было яблоко, златомъ украшенно; а верхъ у того древа, аки солнце сіяетъ; а по сучьямъ цвѣты и каменіе самоцвѣтное; кругомъ древа выросла пшеница бѣлоярая, а кругъ того града Іерусалима выросла рожь въ полѣ сильна? И ты о той моей повѣсти съ посломъ моимъ дай отвѣтъ». И рече царевичь Соломонъ царевымъ посламъ: «Послушайте, послы, и скажите отвѣтъ моему царю Давиду. Во градѣ Іерусалимѣ стоитъ древо златолиственное: то есть, отъ града Іерусалима [1]); а верхъ у него

[1]) Въ спискѣ № 2: *о градѣ Іерусалимѣ.*

сіяетъ паче солнца,—то есть, самъ царь праведнымъ судомъ сіяетъ; а что у того древа подъ сучьемъ каменіе самоцвѣтное, то есть его бояра вѣрныя; а что у коренія пшеница бѣлоярая, то есть градскіе жители; а что есть кругомъ града зернами посѣяна рожь сильна, — то есть православное христіанство. И скажите царю Давиду сію рѣчь отъ меня: что сынъ твой Соломонъ въ третіе лѣто будетъ предъ тобою и явится тебѣ въ тайнѣ; а сегодне азъ не ѣду къ нему».

И послы поѣхаша ко царю Давиду и сказаша все подробну тѣ его мудрыя рѣчи и отвѣтствованія царя Давида. Царь же Давидъ вельми печаленъ бысть о сынѣ своемъ, царевичѣ Соломонѣ, и плакалъ на долгъ часъ.

И какъ царевичь Соломонъ отпусти пословъ царевыхъ и погна всю скотину ко двору своему и призва крестьянскихъ дѣтей и поучивъ ихъ всякой премудрости и утвердилъ ихъ крѣпко, чтобы они жили вмѣстѣ совокупленно со своими сестрами, до своего указу имъ и росходиться не велѣлъ. А самъ сталъ царевичь Соломонъ срежатися на отъѣздъ. Они жъ рекоша ему съ плачемъ великимъ: «Куды, братецъ нашъ Разумникъ, отъѣзжаешь отъ насъ и покидаешь насъ сирыхъ»? Онъ же рече имъ: «Путь мой токмо Богъ единъ вѣдаетъ: алибо Богъ велитъ, возвращуся къ вамъ». Потомъ же царевичь Соломонъ сѣлъ на коня своего и всѣхъ цѣлова ихъ и поѣхалъ во Индію богатую къ Пору царю. И какъ пріѣхалъ во Индію богатую къ царю Пору индѣйскому, и царь его вопросилъ о родѣ и отечествѣ, и онъ царю сказалъ, «что де азъ изъ теплаго моря крестьянскія вѣси сынъ дворянскій, а имя мое — Разумникъ нарицаюся». И царь Поръ, видя красоту лица его и мудрость, и повелѣ ему быти у царицы своей въ кравчихъ. И царица, видя соломонову мудрость и красоту лица его, и нача его любити во егда же . . . . . [1]) разжизатися. Въ нѣкое время, бывшу царевичу Соломону у стола предъ царицею стояти, и царица рече: «Безстыдникъ [2]), итти за тебя въ мужество, хощу съ тобою любовь творити». И даде ему перстень златой мужа своего, Пора царя. Взя Соломонъ пер-

---

[1]) Здѣсь одно слово вырвано; а въ сп. № 2 оно пропущено.

[2]) Въ спискѣ № 2: *истинно.*

стень у царицы, сотвори съ нею грѣхъ и живяше по своей воли. И еще дала ему царица три камеия царскія самоцвѣтныя: въ нощи аки свѣщи горятъ, въ день аки отъ солнца сіяетъ. Взя у царицы казны царскія, злата и сребра всякихъ вещей многое множество, всякихъ парчей *драгихъ* [1]), устрои корабль [2]) тайно и поѣде *кораблемъ* на теплое море, а царицѣ велѣлъ *ожидать* себя вскорѣ.

И какъ отъѣхалъ отъ Индіи богатыя и пріѣде ко граду Іерусалиму кораблемъ и ста предъ градомъ. И прилучися тутъ быти на брезѣ морстѣмъ человѣку царя Давида и рече ему царевичь Соломонъ: «Брате! поиди, возвѣсти царю Давиду, что пріѣхалъ де кораблемъ изъ-за моря, изъ индѣйскія богатыя веси заморянинъ [3]), а имя мое Разумникъ, и приказалъ бы царь Давидъ поставити меня предъ себя, и азъ ему великіе дары принесу и челомъ ему ударю». Вѣстникъ же ко царю Давиду пріиде, возвѣсти ему о царевичѣ Соломонѣ, что де пріѣхалъ кораблемъ гость заморянинъ, а велѣлъ предъ тобою царемъ *поставити. И рече ему* [4]) царь Давидъ и повелѣлъ его поставити предъ себя въ палаты свои. Отрокъ ста передъ царемъ Давидомъ и рече ему Давидъ: «Откуды ты еси отроча? и которой веси гость? и какъ твое имя»? И рече царевичь Соломонъ: «Азъ, великій царю, дѣтище индійскія веси богатыя, а имя мое Разумникъ нарицаюся, прибрелъ въ твою царскую державу товары свои продати, а здѣшнія товары закупити». И царь Давидъ повелѣлъ ему въ своей державѣ торговати и велѣлъ ему царь быти въ полату къ царю.

Пріиде во уши Вирсавіи царицы о немъ, что гость изъ Индіи богатыя прибылъ кораблемъ съ товары дивными и со узорочьи. И царица Вирсавія посла къ нему на корабль своихъ сѣнныхъ боярынь выбирать, товаровъ драгихъ смотрѣти и царевичь Соломонъ показа боярынямъ сѣннымъ три камня самоцвѣтныя и дивишася. И пришедше боярыни и дѣ-

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченныя мѣста печатаемой рукописи.

[2]) Въ спискѣ № 2: *и три корабля.*

[3]) Въ рукописи: *Самарянинъ.*

[4]) Изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

вицы ко царицѣ и сказаша ей про каменія, что есть у того заморскаго гостя три каменя самоцвѣтныя: во дни аки отъ солнца сіяетъ, а въ нощи аки свѣщи горятъ; «и мы, государыня, зѣло удивились тѣмъ каменямъ; мнимъ, что у царя такихъ каменіевъ нѣтъ». И царица Вирсавія велѣла гостя онаго предъ себя поставити и поиде царевичь Соломонъ ко царю Давиду къ столу, взя великія дары и принесе ему. Царь Давидъ дары у него принялъ и честь ему велію воздаде.

И какъ столъ отшелъ, и потомъ царевичь Соломонъ взя тѣ каменіи и поиде ко царицѣ матери своей Вирсавіи и поклонися ей честно. И царица Вирсавія спросила его: «Котораго ты града веси и какъ твое имя»? И рече царевичь Соломонъ: «Азъ есть града Индіи богатыя изъ замори, а имя мое Разумникъ, прибрелъ, государыня, вашей державы съ товаришкомъ своимъ, чтобъ мнѣ продать, а здѣшнія товары закупить». И рече ему царица Вирсавія: «Прошу тя, гость заморянинъ: сказали мнѣ сѣнныя мои боярыни дѣвицы, что есть у тебя тѣ каменія *самоцвѣтныя, — во дни, аки отъ солнца сіяютъ, а въ нощи аки свѣщи горятъ». И рече ей Соломонъ: «Есть, государыня, благородная царица, у меня три каменія: единъ* [1]) камень поднести царю Давиду, а другі камень отдать за нимъ въ приданыя, а третій камень про себя держать въ кораблѣ для свѣту». И рече ему царица Вирсавія: «Гость заморянинъ! продай мнѣ единъ камень». И речь царевичь Соломонъ: «Аще кто со мною переспитъ нощь сію, тому и камень отдамъ». И положи предъ царицею единъ камень, и той камень освѣти всю полату царицыну и немощно на него человѣку зрѣти. И царица рече Соломону: «Гость заморянинъ! ляжь ты со мною въ нощь сію». Взя его за руку и приведе къ одру царскому и царевичь Соломонъ *убояся суда божія и ста предъ одромъ, изумѣся, како бы матери своей изобличитися безгрѣшно. И рече царица Соломону: «Гость заморянинъ! поиди смѣло ко одру моему. Чего боишися? Или тебя скупость объяла, каменя ради, что неидешь сѣмо?» И рече ей царевичь Соломонъ:*

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемой рукописи эти мѣста оторваны.

«Государыня, благородная царице Вирсавіе! Ты меня зовеши на свою постелю да одѣяло царское страшитъ мя.»

И царица его ухвати за шею и поцѣлова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила его на перси своемъ и рекла ему: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Симъ воскормленъ, то есть мое сахарное кушанье». И царица подвигнула соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ; въ томъ есть теремѣ азъ опочивалъ.» И царица подвигнула соломонову руку подъ свое рамо и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ, и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ.» И царица, изждая отъ него времени похотнаго и рече ему: «Како ты премудръ и скупъ еси и не хощешь воли моей сотворити, каменя ради.»

И вскочи Соломонъ со одра своего и падъ на землю и лежа на земли, аки мертвъ на долгъ часъ. И царица, зря на него, ужасеся вельми и царевичь Соломонъ возста отъ земли и вопія горько со слезами: «О господже моя, благородная царице Вирсавіе! воззри нынѣ на мя, на любезное на чадо свое; ты мнѣ родившая мати истиннаго своего сына: азъ есмь не купецъ заморянинъ, но сынъ твой царевичь Соломонъ, которой посланъ бысть тобою на погубленіе съ бояриномъ Ачкиломъ на теплое море, чтобъ меня ему заклати. И меня Господь Богъ соблюлъ отъ тоя напрасныя смерти и жива мя предъ вами постави, и тебя, мати моя, избави отъ грѣха сего напраснаго. Во истину ты мати моя, родившия моя, родившая мя; и напредь глаголахъ тебе: «у всякія жены волосы доли да умъ коротокъ». И услышавъ сіе царица Вирсавія глаголы царевича Соломона, и бысть аки мертва, зря на него и не могуща отнюдь провѣщати. И охапи Соломонъ матерь свою и нача ея любезно цѣловати и умильно отвѣщати и сяде съ нею на царскомъ одрѣ бесѣдовати.

И послышали сѣнныя боярыни дѣвицы радость велію у царицы въ полатѣ и глаголъ великъ нощію и пріидоша ко царицѣ въ полату и, зрѣвше въ полатѣ царицу едину съ купцомъ оха-

пивши на одрѣ царскомъ сѣдящихъ, и устрашишася вси и побѣгоша изъ палаты.

И бысть шумъ великъ и послыша тотъ шумъ царевы ближніе боляря, что у царицы въ палатѣ нощію радости и шумъ велій, возвѣстиша царю Давиду о семъ. И вскочи царь Давидъ съ постели своея борзо и взя мечь свой царской, и иде и вниде ко царицѣ въ полату съ яростію. И узрѣвъ царицу за столомъ съ купцомъ заморяникомъ сѣдящихъ, охапившихся, умильно цѣлующихся, и царь Давидъ устрашися вельми, просто взя мечь свой царской и хотя царицу и купца напрасной смерти предати.

И вскочи царевичь Соломонъ и паде на ногу отцу своему царю Давиду, вопія: «Государь мой батюшко, царь Давидъ Есеевичь! Азъ не купецъ заморянинъ, но сынъ твой прелюбезный, Соломонъ царевичь; ты мя роди самъ. И бысть отъ рожденія своего трехъ лѣтъ у тебя государя въ дому и внезапу что бысть въ полунощи, — и наиде на мя безвѣстная смерть, и Господь Богъ до сего часу жива мя сотвори и постави мя предъ лицемъ твоимъ». И царь Давидъ отъ радости не могъ сына своего охапити и паде на столъ и нача вопити къ Богу: «Господе Боже Саваоѳе отецъ нашихъ, авраамовъ, исааковъ, іяковль, создавый перваго человѣка Адама! такожъ и потомъ соблюде сына моего Соломона и до сего часа жива». И лежа на столѣ на долгъ часъ, творя достойныя молитвы и поя псалмы. И потомъ ухвати сына своего царевича Соломона и нача его любезно цѣловати и миловати и вопрошая его: «Повѣждь ми, сыне мой драги, жезле и подпора старости моей и царствію моему: како тя Богъ соблюлъ отъ напрасныя смерти, и нощію изгибе и гдѣ пребылъ еси до сего времени?» И царевичь Соломонъ все сказа подробну отцу своему похожденіе свое. И царь Давидъ бысть въ великой радости. И потомъ повелѣ царь Давидъ по всему граду Іерусалиму проповѣдникомъ вопити, чтобъ стекалися князи и бояра и августилины, вси людіе евреи на дворъ ко царю Давиду на великую радость и на поклонъ ко царевичу Соломону. Тогда услышавше граждане и вси князи и бояра, вси Евреи снидошася ко царю Давиду на дворъ, и поклонишася царевичу Соломону и принесоша ему великія

дары. И посади царь Давидъ сына своего Соломона на свой царски престолъ, и даде ему въ руку свой царски скипетръ царства Іерусалима; и вси князи, и бояра и Евреи поклонишася царю Соломону съ радостію великою и поздравили ему. И бысть радость велія по всему граду Іерусалиму о царѣ Соломонѣ. И проиде слова о премудрости его во вся окрестныя страны и грады.

И потомъ рече царь Давидъ сыну своему, царю Соломону: «Чадо мое, царю Соломоне! Вижу тя вельми мудра; азъ старъ во царстви моемъ во градѣ Іерусалимѣ и ты, чадо мое, царю Соломоне, разсуди судъ сей. Бысть у нѣкоего Евреина народися дѣтище въ дому и прилучися сосѣдовой женѣ въ томъ дому бити; чадъ у нея не бысть; и быша рожденію младенцову, уснувше матере и всѣмъ въ домѣ, и прибѣжа нощію сосѣдова жена и украде дѣтище и принесе въ домъ свой и учини дѣтищу краденному рожденіе, и ляже на одрѣ своемъ и повелѣ мужу своему заколоти овцу и кровію помаза срамъ свой и призва бабу и повелѣ іерею съ потребою быти и какъ изготовити младенца крестити; и наутріе возташа вси въ дому того жители, гдѣ прежде младенецъ родися въ колыбели, младенца не обрѣтоша». Въ тоже утро нача краденнаго сосѣдъ младенца крестити и пріиде въ церковь Евреинъ, отецъ младенцевъ, и опозна его сына своего, бѣже ко царю Давиду и бьетъ челомъ о дѣтищѣ. И повелѣ царь Давидъ Евреина того украдшаго младенца предъ себя поставити и матерь со младенцемъ. И повелѣ царь Давидъ [illegible] царю Соломону ихъ судити. И сяде царь Соломонъ [illegible] вопроси ихъ матерь родившую и укравшую и не [illegible] нихъ его знати. И повелѣ младенца пополамъ пресѣщи и родившая мать поклонися царю Соломону, чтобы младенца не рубити, а украдшая мать бьетъ челомъ царю Соломону, чтобъ младенца пресѣщи пополамъ. Видя царь Соломонъ мать родившую и отдаде младенца той, которая не повелѣ казнити. И по нѣкоемъ времени рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: пора тебѣ, сынъ мой Соломонъ, женитися на премудрой царицѣ цареградскаго царя Вотоломона на дщери его именемъ Соломонихѣ». И повелѣ царь Соломонъ отцу своему послати по царевну Соломониху

и послы поѣхали въ Царьградъ и привезоша къ нему царевну Соломониху и царь Соломонъ вѣнчася со оной во святѣй божіей церкви и бысть бракъ честенъ и радость во градѣ Іерусалимѣ. И на утріе пріиде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломонихою ко отцу своему царю Давиду поклонитися и рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: «Чадо мое! мудръ бо еси и по нѣколицѣмъ времени будеши у нея подъ г.з..мъ сидѣти и потомъ отъ нея смерть свою узриши, токмо на силу премудростію своею тое смерть одолѣеши; не въ нынѣ времени сіе совершится». И царь Соломонъ поклонися ему до земли. И потомъ поиде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломонидою отъ отца своего въ своя особныя палаты, гдѣ бы имъ жить и царствовати со царицею Соломонихою и живяше царь Соломонъ съ женою своею царицею Соломонидою не долгое время.

И по нѣкоемъ времени, пріѣхавше во градъ Іерусалимъ послы отъ царя нѣкоего кораблемъ ко царицѣ Соломонихѣ, чтобы ей втай обманомъ согласившись купно съ ною увезти къ царю своему, за котораго она желала прежде замужъ, когда ей бывшей дѣвицѣ сущей. И въ нѣкое время случися царю Соломону отъѣхати некуды изъ дому своего ради потѣшенія; тогда же пріидоша къ ней послы оны отъ царя своего и поклонишася честно; и царица Соломонида много съ ними говорила, како бы имъ увезти ея и ей бы уѣхати отъ царя Соломона и умысливше сице: сдѣлати ключи къ церкве оныя и напоити ея зеліемъ, чтобы ей до трехъ дней быти аки мертвой. И повелѣ царица Соломонида сдѣлати ключи; взявши церковные ключи и повелѣ кузнецу сдѣлати съ нихъ равны таковыяжъ, чтобы имъ втай нощію отверати и увезти ее къ себѣ на корабль. Они же шедше тако и сотворяша по глаголу ея, взяша церковные ключи по повелѣнію ея и повелѣша сдѣлати кузнецу ключи таковыежъ, какіе церковные ключи къ церкве и принесоша ей въ полату въ тай. И повелѣ царица напоити себя спящимъ зеліемъ, что до трехъ дней будетъ аки мертва; и напоиша ю и отъидоша абіе, а ключи взяша съ собою. И пріиде Соломонъ и узри мертву царицу свою Соломониду и ужасеся въ себѣ. И царь Соломонъ сему не повѣрилъ и прежегъ ей желѣзомъ рукъ-

деженнымъ руку и постави ее въ церковь и хождаше къ ней Соломонъ по вся дни до тріехъ дней. И во едино время нощію пріидоша тыи посланники отъ царя, вѣдуще, яко не умерла, но жива есть царица Соломонида, и отверзше двери и взяша ю къ себѣ на корабль. И потомъ пріиде Соломонъ по обычаю своему ко царицѣ своей въ церковь и не обрѣте ея во гробѣ и уразумѣ, яко въ правду жива есть и не умерла. И потомъ повелѣ царь Соломонъ сдѣлати перчатки многія самымъ искуснымъ мастерамъ и устроити ихъ златомъ и сребромъ хитро, понеже бо вѣдаетъ Соломонъ, что она великая охотница до тѣхъ перчатокъ и разосла своихъ пословъ во всѣ окрестныя грады и страны государству съ перчатками. И единыя божіимъ изволеніемъ пріѣхавше въ той градъ, гдѣ живетъ царица Соломонида; и возвѣщено ей бысть о семъ, что де пріѣхали послы изъ нѣкоего царства съ перчатками драгими и узорочіе на нихъ златомъ и сребромъ сотворено хитро и царица повелѣ ихъ привести во скорѣ къ себѣ въ полаты. И по повелѣнію ея пріидоша оныя во скорѣ, несуще на блюдѣ перчатки, и царица нача тѣ перчатки смотрѣти и увиде посолъ на рукѣ у царицы знакъ прозженный царя Соломона; и нача царица тѣ перчатки торговать и рекла: что симъ перчаткамъ цѣна?» И рече: «Изволь великая, государыня царица Соломонида принять въ подарокъ отъ насъ». И поклонишася ей и поидоша изъ полаты вонъ и возвратишася во градъ Іерусалимъ ко царю Соломону. И какъ пріѣхаша ко царю Соломону и возвѣстиша ему, что обрѣтоша въ нѣкоемъ царствѣ царицу Соломониду и видѣша знакъ на рукѣ ея: «и опознавши и возвратишася къ тебѣ, царю Соломону, во градъ Іерусалимъ, истину глаголемъ»—и разсказаша ему, въ которомъ царствѣ живетъ царица Соломонида. И потомъ Соломонъ, собравъ войска своего много, и уряди единъ полкъ въ бѣлыхъ, а другій въ красныхъ, а третій въ черныхъ и поѣде съ ними въ то царство, гдѣ живетъ царица его Соломонида. И пріѣхалъ въ ту землю и, не доѣхавъ, постави ихъ въ нѣкоемъ удолнемъ мѣстѣ тайно, чтобы никто не видалъ ихъ и нача имъ наказывати рече: «Аще азъ затрублю въ рогъ въ первой разъ и вы кони сѣдлайте, а въ други разъ затрублю и вы на кони садитеся, а въ третій затрублю, чтобы вы были близь меня». И наказа

имъ крѣпко, а самъ, снемъ съ себя одѣяніе царское, и возложи на ся иную хуждшую одежду и поиде во градъ. И пріиде на царск[illegible].

царица: [illegible]
чтобъ ты надъ нимъ сдѣлалъ?» И рече [illegible]
надъ нимъ сдѣлати, не вѣмъ: онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ».

И царица рече: «Онъ у меня подъ г.з..мъ сидитъ ..... сундука». И повелѣ ей царь вскрыти сундукъ; царица вскры сундукъ и рече ему: «Царь! какъ ты премудръ, а у жены своей подъ г.з..мъ сидѣлъ еси?» И хотѣ его царя казнити вскорѣ. И рече ему царь Соломонъ: «Какъ ты меня хощеши аки свинію въ хлѣвѣ убити? не вѣси ли, яко азъ царь славный и богатый: и ты сдѣлай на семъ мѣстѣ лобномъ шибелицу и повѣси на ней три петли: едину злату, другую сребряну, а третію шелкову, и азъ въ которую пожелаю, въ тое и поиду». И царь повелѣ вскорѣ тако сотворити и сотвориша по глаголу его, и поѣде самъ царь и со царицею своею Соломонидою и съ дѣтищемъ своимъ, и повели его вѣшати. Идущимъ же имъ путемъ, и абіе озрѣся Соломонъ вспять и видѣ царицу съ царемъ и рече: «Переднія колеса лошадь везетъ, а заднія весили ихъ несутъ». И царь не разумѣ въ глаголѣхъ его силы. И абіе второе узрѣся Соломонъ вспять, разсмѣяся, видѣ царицу съ дѣтищемъ и рече: «Кобыла идетъ, и жеребенка почто за собою влечетъ?» И царь не разумѣ, что Соломонъ говоритъ. И привели его къ шибелицѣ и обстали кругомъ народъ многое множество, зряще чудеса бываемая. И Соломонъ взыде на третій степень лѣствицы и рече царю: «Прикажи, царю, дати мнѣ рогъ трубити: велики бывалъ азъ охотникъ трубить». И царь повелѣ ему дати рогъ. И Соломонъ затруби громко, и войска его зашевелились, стали кони сѣдлати и Соломонъ влѣзе по лѣствицѣ еще выше и затруби громко и потомъ войско его начало на кони садитися и Соломонъ (влѣзе) еще выше къ самой петлѣ. И царица Соломонида рече царю: «Обманетъ насъ, повели ему скорѣе и ти въ петлю». И царь Соломонъ затруби въ рогъ и труби долго и громко и выѣхали въ бѣлыхъ и кони бѣлые. И царь оглянулся вспять и рече Соломону: «Что сіе?» И рече ему царь Соломонъ: «То есть, ангели идутъ по душу мою». И вторицею озрѣся царь и видѣ всѣхъ выѣхали въ красныхъ и рече царь: «Что сіе». Рече Соломонъ: то есть идутъ ангели по тѣло мое. И третицею озрѣсяцарь вспять и выѣхали всѣ въ черныхъ и кони черные. И рече царь: «Что сіе?» Рече Соломонъ: то есть идутъ діаволи по душу твою. И труби Соломонъ долго и громко, и бросилъ рогъ на землю и засмѣялся и рече царь: «что Соломонъ смѣешися, видя смерть свою?» И рече Соломонъ: то есть—

мои голуби твою пшеницу клюютъ». И царь оглянулся: одно войско Соломоново близь и прочихъ порубиша и приступиша ко царю. И Соломонъ сниде и взя царя, повелѣ его повѣсити въ златую петлю, а жену свою царицу въ сребряну, а дѣтище ихъ въ шелковую: тако скончася. И потомъ поѣде Соломонъ ко граду Іерусалиму со всѣмъ воинствомъ своимъ. И пріѣхавши, нача царствовати и суды судити по прежнему. Тогда жена нѣкая шла путемъ несла въ рукахъ своихъ чашку муки и разнесе у нея вѣтеръ муку и приде она жена къ царю Соломону; и пришла ко царю Соломону, бьетъ челомъ на вѣтеръ. И царь Соломонъ повелѣ призвати корабленниковъ гостей, и вскорѣ пріидоша къ нему и рече имъ Соломонъ: «Просили вы у Бога о вѣтрѣ въ той часъ, когда жена сія шла путемъ». Они же рекоша: «Просили, чтобъ намъ Богъ далъ погоду ѣхати кораблями». И рече Соломонъ: «Заплатите сей женѣ за муку, потому что у нея вѣтръ разнесъ по вашему прошенію муку, вы просили о погодѣ». Тогда же они наметали ей полну чашу злата и жена она поклонися царю Соломону до земли и отъиде въ домъ свой въ радости.

И тако сія повѣсть иметъ конецъ.

III.

Повѣсть о прекрасномъ и наличномъ царѣ и о Соломонѣ. [1])

Бысть въ нѣкоемъ царьствѣ царь славенъ зѣло, величаше себе славою, называя себе красный и наличный царь. И сотвори пиръ великъ зѣло на боляръ своихъ. Егда же бысть веселъ, глагола болярамъ своимъ: «Милыя мои князи и бояре! изыщите мнѣ невѣсту красну и добру, якоже азъ красный наличный царь». Они же молчаша, ничтоже царю отвѣщаша; токмо единъ другъ царевъ глагола: «О царю! кто можетъ изыскати тебѣ жену такову красну, якоже ты, красный наличный царь?» И выступи нѣкій гость, именемъ Паша, и глагола царю: «Добро молчати и добро говорити. Азъ былъ за моремъ въ царствѣ Соломона царя и видѣхъ царицу его зѣло красну, подобну тебе царю красотою». И рече ему царь: «О милый

[1]) По рукописи XVII вѣка, принадлежащей С. Б. *Ред.*

мой Паша гость: кто ли можетъ у жива мужа жену отнять? а царь Соломонъ мудръ есть.» И выступи другъ царевъ бояринъ и глагола ему: «Красный наличный царь! даждь мнѣ таковъ корабль злата и сребра и каменія драгаго и того гостя Пашу въ товарыщи і ѣду за море въ царство соломоне по смышленію моему и привезу тебѣ царицу ту.» Глагола ему царь: «Друже милый! пожалованъ будешь.» И снаряди бояринъ корабль всякою красотою и сотвори бояринъ въ кормѣ чердакъ зѣло красенъ, а въ немъ написа образъ царя своего краснаго и наличнаго, въ корабли же написа всякимъ умысломъ, сотвори небо подъ верхомъ корабля, и сотвори мѣсецъ и звѣзды и противу ихъ постави стекла хрусталныя и бысть свѣтлость велія: и дивляхуся люди красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло. И доиде слухъ до палаты царевы. Царица же, слыша, захотѣ ити смотрить корабля; Соломонъ же не бысть во Іеросалимѣ, но въ Хевронѣ. Царица же его дерска суть, поиде на корабль и видѣ украшеніе его и дивляшеся добротѣ его. И, падъ предъ нею бояринъ зъ гостемъ Пашею, глагола ей: «Великая царица! Мы раби нищіи краснаго наличнаго царя.» И глагола ему царица: «Како нарицаеши его красна и налична?» Рече же бояринъ: «Аще не бы красенъ былъ, то бы азъ не возилъ образа его съ собою.» И глагола ему царица: «Покажи ми образъ царя своего.» Глагола ей бояринъ: «Не возможно мнѣ на земли чюжей образа царьска казати.» Она же рече: «Покажи ми, яко царица азъ есмь, но боярынямъ моимъ да не покажеши.» И глагола бояринъ Паши гостю: «Отвори мнѣ комару на кормѣ корабля.» І иде царица тамо и видѣ образъ царя краснаго и наличнаго и дивися ему велми. И принесе ей бояринъ дары честны зѣло и рече царица: «Хотѣла быхъ і азъ видѣти царя краснаго и наличнаго; но не вѣмъ, како да вижу его.» Глагола ей бояринъ: «Аще восхощеши видѣти его, дай намъ слово крѣпкое и поставимъ тя предъ царемъ краснымъ и наличнымъ смышленіемъ своимъ.» И глагола имъ царица: «Како смышленіе ваше? царь Соломонъ мудръ зѣло.» И глаголаша ей: «Егда пріидетъ отъ Хеврона града, и ты глаголи ему: ««царю Соломоне! скорбна есмь азъ, зѣло жалею по тебѣ»»;—и дадимъ тебѣ по смышленію зелія і изнеможеши и глаголи къ Соло-

мону: ««не могу, царю»» и моли Соломона: ««аще умру, погреби тѣло мое близь пути корабелнаго, зѣло возжелахъ ту погрестися.»» А мы тебѣ дадимъ иного зелія, і объумреши, послѣди же оживимъ тя.» Она же сотвори тако, якоже ей повелѣша. Соломонъ же не позна ея льсти і иде ко отцу своему Давыду и глагола ему: «Отче! царица скорбитъ моя зѣло.» И глагола ему отецъ его: «Чадо! что не родится, то и не скорбитъ.» Царица же потреся зеліемъ вторымъ і объумре тѣло ея, душа же бѣ въ ней. Соломонъ же возвѣсти отцу своему: «Царица моя умре.» Глагола ему отецъ его: «Чадо! отъ скота и до человѣка что не родится, то и не умретъ. Возми клещи желѣзныя и розожги въ огни и прожги у нея десную руку: аще умре, и погреби ю ту.» Соломонъ же сотвори тако и глагола отцу своему: «Согрѣшихъ, отче, послушахъ тебѣ: умре царица моя.» И глагола ему Давыдъ: «Чадо! послушай мене: что старыя люди молвятъ, збудется.» И погребе Соломонъ царицу свою ту. Бояринъ же прежереченный той зъ гостемъ Пашею, заплатя пошлину Соломону, и воздвигнуша вѣтрила своя, пойде вонъ изъ Еросалима, и взя тѣло царицыно на корабль и сотвори смышленіе о ней: и помаза ю зеліемъ и бысть жива. Точію скорбь ея—прозжже Соломонъ длань ея десную, и то изживи у нея бояринъ и поиде въ путь свой радуясь, желая пріяти дары и честь отъ краснаго наличнаго царя и пріиде въ царство его. Царь же дастъ обѣщаніе свое, дары и честь велику и порадовася о смышленіи ихъ безумномъ царь красный наличный, яко у жива мужа Соломона жену отъятъ; а не вѣдый, хваля себя. Царь же Соломонъ мудръ зѣло, хотя видѣти гробъ царицы своея и шедъ, не обрѣте ю ту и глагола отцу своему Давыду: «Прости мя, отче: не послушахъ тебе; глаголалъ ты мнѣ: что старыя люди рекутъ, то збудется;—по истинѣ глаголъ твой праведенъ: прелсти мя царица моя и прелстися на краснаго наличнаго царя; спусти мя тамо, да иду.» И глагола ему отецъ: «Не ходи, чадо, да не посрамлена будетъ мудрость твоя.» Рече же Соломонъ: «Молю ти ся, отче: дай мнѣ благословеніе; ничтоже бо постражу тамо и мудрость моя со мною къ тебѣ да ся обратитъ.» И собра Соломонъ множество кораблей и вой своихъ и зъ коньми и поѣха по морю

къ царю красному и наличному. И призва боярина своего, именемъ Авеса и брата его Іова и дѣти Саруевы и глагола имъ: «Милыя мои! потщитеся нынѣ, идемъ въ царьство чюжее; аще жива мя хощете видѣти и сами живы быти: азъ иду къ царю красному наличному самъ третей; а вы стойте близь моря, да егда услышите рогъ трубящь, скоро кони сѣдлайте; егда же услышите во вторый рогъ трубящь, то всядите на нихъ; аще услышите въ третій рогъ трубящь, то скоро поспѣшите пріити, аще хощете видѣти мя жива; аще ли не поспѣете, то не узрите жива.» И сня съ себе одежду царьскую и положи на себя одежду худу и раздранну и пойде въ царьство краснаго наличнаго царя.

Его же не прилучися въ царьствѣ своемъ: поѣхалъ ловити звѣри. Соломонъ же пріиде на дворъ царевъ, крикну громко гласомъ и назва царицу свою именемъ: «Даждь мнѣ милостину ради краснаго наличнаго царя!» И позна царица царя Соломона и глагола боярину, другу цареву, еяже увезе изъ Еросалима: «Приведи ми нищаго сего въ палату.» Бояринъ же не позна, еже Соломонъ есть и введе его въ палату; самъ же изыде исъ полаты. И глагола ему царица: «Царю Соломоне! почто ходиши зде?» И глагола ей царь: «Почто прельщаешися на краснаго наличнаго царя?» Рече же царица: «Царю Соломоне! не будеши живъ ты здѣ.» Соломонъ же посмѣяся ей и глагола: «О несмысленая! неудержимаго не удержиши: Соломонъ мудръ есть и мудрости его не возметъ никтоже.» Она же, яко звѣрь, рыкаше на него, и окова его руцѣ и нозѣ, и посади его въ сундукъ или въ комарку малу. И пріѣха красный наличный царь съ лову, начятъ ясти и пити и веселитися и глагола ему царица: «Аще здѣ будетъ царь Соломонъ, что учиниши ему?» Глагола ей царь: «И воронъ кости не занесетъ здѣ соломоновы.» Глагола царица: «Не глаголи того; сіеже глаголи, что сотвориши ему?» Отвѣща ей: «Умретъ Соломонъ казнію.» Она же рада бысть о смерти соломоновѣ і изгна исъ полаты всѣхъ и показа ему царя Соломона. Онъ же не позна его, яко Соломонъ есть и глагола ему: «Кто ты еси, человѣче?» И рече ему: «Азъ Соломонъ царь.» Рече же ему: «Почто ходиши здѣ?» И глагола ему царица: «Не дай ему говорить трехъ словъ, убей его,

да не умудритъ тя.» И глагола царь Соломонъ: «Не слушай, царю, безумныхъ женъ: власы у нихъ долги, а умы скудны. Азъ есмь царь Соломонъ, а ты въ полатѣ хощешъ убити мя; сотвори себѣ славу велику: постави мнѣ виселицу близъ моря и повѣси мя ту; да здѣлай мнѣ петлю златую, а боярину моему сребреную, а второму шелковую.» Царь же красный наличный послуша его, повелѣ бояромъ своимъ въ рогъ трубити и готовымъ быти казнити Соломона. И посади его на колесницу скована съ бояры его и повезе его на повелѣнное мѣсто. Егда быть на полу пути, Соломонъ же рече: «Красный наличный царь! что Соломонѣ вопрошу тебе? Поведай мнѣ: что передныи колеса кони везутъ, а задныи камо спешатъ.» Царь же красный наличный посмѣяся Соломону, рече: «Сказали про тебя: мудръ еси; а мнѣ мнится ни во чтоже мудрость твоя.» Соломонъ же посмѣяся, глагола ему: «Наличный царь! Чему ся смееши? Къ смерти ідеши.» І умолче Соломонъ глаголати; довезе его до мѣста нареченнаго и приступи спикулатарь къ царю Соломону. Соломонъ же возопи къ царю красному наличному: «Царь! принеси ми рогъ булавъ меду, да ся напію.» Царь же наличный принесе ему рогъ меду изъ своихъ рукъ. Царь же Соломонъ на лѣствицу на ступенъ первую и вторую выпи рогъ съ медомъ и вострубн веліимъ гласомъ. І услыша сила царя Соломона, седлаша кони. Царь же красный наличный не разумѣ войска соломонова и глагола Соломонъ: «Даждь мнѣ еще рогъ меду, да пію.» И даде ему вторый рогъ и выпи и вострубн: и сяде сила соломонова на кони и распусти хоругви свои. Царь же красный наличный: «Что се, Соломонѣ, зриши близъ моря, яко хоругви царскія трепещутъ?» Глагола ему Соломонъ: «Красный наличный царь! Я на четвертой ступени лѣствицы стою, ничтоже вижу; аще ты видиши, то Богъ шлетъ на мою смерть херувими, серафими; зѣло убояся душа моя: дай мнѣ пити третицею.» Даде ему царь рогъ меду. Онъ же воступи 6 ступеней, выпи рогъ съ медомъ и вострубн веліимъ гласомъ. И глагола красный наличный царь: «Что се твориши, царю? Ізраилевы не творятъ сего цари.» І обыдоша вои соломоновы краснаго наличнаго царя и нача сещи, посѣкоша множество вой краснаго наличнаго царя, а бояръ его живыхъ поимаше и краснаго

наличнаго царя и боярина его, которой бѣ привезъ изъ Ерусалима цариду соломонову и гостя Пашу. Соломонъ же стоя на виселницы, тогда пріяхъ бояра его Іова і Авеса, дѣти соруевы, выскочи на виселницу и снятъ оттуда Соломона, падъ, поклонишася ему до земли: «Здравствуй, царю Соломонѣ!» И глаголя: «Будѣте здравы и вы!» И посмотри на побитое войско многое множество и глаголя имъ: «Потщилися, друзи мои милыи! низложили врага моего на землю: Іова бо избиваетъ единъ сто мужъ, і Авеса, братъ его, триста мужъ побитъ.» И приведоша предъ Соломона краснаго наличнаго царя скована. Тогда, видя его наличный царь, и прослезися, глаголя: «Прельсти мя еси, Соломонѣ, мудростію своею; поистиннѣ говорила мнѣ царица: ««не дай ему трехъ словъ молвити, убей его,»» і азъ не послушахъ ея: нынѣ самъ смерти достоинъ.» И повелѣ его Соломонъ росковати и сняти съ него діадиму царьску: положи ю Соломонъ на себе; на царя же наличнаго роздранную свою одежду положи. Приведоша боярина того, еже кой уведе царицу изъ Ерусалима и гостя Пашу; повелѣ ихъ всѣхъ троихъ связати, посади ихъ на колесницу ту, на ней же бѣ Соломонъ сидѣлъ, повезе ихъ въ царство. Царица же веселяшеся о смерти соломоновѣ, дожидая краснаго наличнаго царя своего; пойде во стрѣтеніе ему. Соломонъ же въеха во градъ и поби люди оставшія и взя царицу свою, и все злато и сребро и всякую вещь и каменіе драгое и разори царьство краснаго наличнаго царя и поеха вонъ и взя съ собою наличнаго царя и царицу свою. Егда же [1]) бысть на мѣстѣ томъ, еже глагола красному наличному царю: «Помниши ли, царь, я тебѣ загадку заганулъ: предныи колеса кони везутъ, а задніи куды спѣшатъ? а ты мнѣ сказалъ: дивлюся тебѣ, царю Соломонѣ: сказали тебя мудра, а ты ничего не знаеши; яже умолча, нынѣ ты разумѣй; тебѣ глаголъ сей: предныи колеса кони везутъ, а задныи привязяны—тебя привязала ко мнѣ на смерть.» И глагола ему наличный царь: «Нынѣ разумѣхъ всю мудрость твою.» Привезе его къ виселницы; онъ же видѣ и воздохнувъ и рече: «Горка ми смерть.» И глагола ему царь Соломонъ: «Не прель-

[1]) Въ рукописи: *Егоже.*

щайся, уловятъ тя: что глаголетъ мудрость моя? Не познай жены чюжей, да не уловитъ тя доброта ея.» И повеси его ту: «Се тебѣ петля златая згодилася » И глагола боярину, другу его: «Ты скоро не выслуживыйся!» Онъ же, стое, воздохнувъ горько: «Братія молча і азъ похвалихся предъ царемъ наличнымъ.» И глагола Соломонъ: «Повесите его лышною петлею.» И повесиша его. И приведоша гостя Пашу и глагола Соломонъ: «Мужикъ страдникъ! добро бы тебѣ молчати на чюжей земли. Что видиши? Повесите его мочалною петлею: достойны того всѣ вы троя.» И глагола къ царицы своей: «Милая моя! не прельщайся на краснаго мужа.» И снятъ съ нея дидиму царску и постави ю въ одной срацычи. И приведоша жребца неученаго и привязаша ю по персемъ [1]) ея и пусти его; онъ же сокруши плоть ея и кости. Царь же Соломонъ мудръ есть: даде указъ по достоянію всѣмъ и возвратися во Іеросалимъ.

---

[1]) Въ рукописи: *пелсемъ*.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА [1])

Антипрологъ.

Натура людская

Натура людска, въ образъ Бога есмь созданна,
Разумъ, память и воля суть мнѣ дарованна,
Не дарованна: паче данна, не отъята
Отъ преслушавшой Бога чрезъ зміа треклята.
Занеже ми есть отъята мудрость и святыня,
Безсмертіе, нетлѣнность, житія простыня,
Разумѣ разумомъ, яко зломъ объяхся;
Знаетъ и память, яже въ раѣ наслаждахся;
Воля ми безвольная оковася узомъ,
Съ нею разумъ и память единымъ союзомъ:
Дерзнетъ воля на радость, память памятаетъ,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаетъ.
Егда хощетъ простерти въ самовольство руки,
Разумъ речетъ: пямятай діавола штуки,
Како тя безсмертную въ раи уловиша
За дерзость сѣтьми смерти и тѣми сокрыша,
Тымъ ся ми разумъ. Память воля упражняетъ,
Вѣсти же ни отъ кого отмѣнныя чаетъ.

Омылная надежда [2]).

Что, натуро людская, сѣтуешь созданна,
Надъ все вданіе лучій Богу подобанна?
Имущой образъ Бога что ти не довлѣетъ,—

---

[1]) По рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библіотеки XIV, Q, 28 (въ Описан. рукоп. гр. Толстова отд. II, № 423), ex bibliotheca Arcangelina. Имя сочинителя драмы въ рукописи не названо. Можетъ быть, она принадлежитъ Димитрію Ростовскому. Многія мѣста испорченны переписчикомъ и возстановить ихъ трудно. *Ред.*

[2]) Въ рукописи: *омыванная.*

Красота и лѣпота ѐгда ти свѣтлѣетъ?
Имашъ ты покоренна вся, яже суть въ мірѣ:
Лѣтвующіи, ходящіи [1]) и пловущіи звѣри,
Вся сія покоренна суть подъ твоя нозѣ.
Убо не сѣтуй, паче радуйся по Бозѣ.

Натура.

Вся ми суть покоренна, но и азъ подданна
Смерти, егда согрѣшихъ въ раи, первозданна!

Надежда.

Не отчайся, Натуро: имѣй мя, Надежду;
Возведъ очи, посмотри: зостаешъ между
Коими вѣщми: се ти вѣкъ златый послужитъ.
Миръ въ брань не претворится, луна не натужитъ;
Любовь, кротость, незлобіа съ тобою пребудутъ;
Фортуна, вѣчна радость неотступны будутъ.

Натура.

Аще тако есть, добрѣ: се скорбь отлагаю,
Радостна веселюся, скачу и играю.
Златъ вѣкъ, миръ, счастье, радость мене окружаютъ,
Убо сердцу моему скорби не стужаютъ.

Вѣкъ златый.

Счисляй, о Натуро людска, внѣ златыя часы:—
Златый ти вѣкъ вѣщаю нехитрыми гласы.

Покой.

Смотри, Натуро людска, на сію маслину:
О ней мира, не вбрани чрезъ мене чай выну.

Любовь.

Азъ Любовь симъ союзомъ къ тебѣ привязанна:
Понеже мя имѣешь, вся тебѣ суть данна.

Кротость.

Всегда въ Кротости сердце ти да веселится,
Тому злобная язва никогда случится.

Незлобіе.

Чрезъ Незлобіе на тя гнѣвъ никто воздвигнетъ,
Радуйся: злоба бо тя никогда постигнетъ.

[1]) Въ рукописи: *хотящіи*.

Радость.

Внимай сладкогласному сему инструменту;
Сего слыша, никогда дознавай ляменту.

Фортуна.

Дотоль, Натуро людска, пребывай весело,
Донележе фортунно не станетъ ми коло.

Натура.

Благополучныи нынѣ приспѣша ми часы,
Егда радостотворны слышу отъ васъ гласы.
Такъ есть, якось Надеждо прежде возвѣщала —
Съ златымъ мнѣ вѣкомъ радость истѣ обѣщала,
Радость на златомъ вѣцѣ и въ нѣдрехъ фортуны.
Радости! весели мя, исправь своя струны.

Строить и Разсужденіе приходить.

Разсужденіе.

Тако ся уловила чрезъ вѣсть неистову!
Се радости измѣну имаши готову.
Смотри, како измѣна вещи преплетаетъ
И благополучіе бѣды сообщаетъ.
Уловила Надежда тебя нечаянно,
Егда Разсужденіе бѣхъ отъ тя попранно!
Гдѣ Надежда омылна, яже тя прельстила,
Яже ти словесъ сѣтьми лѣстнѣ уловила?
Слыши, что Вѣкъ желѣзный будетъ глаголати,
Егда златый Вѣкъ можетъ ему постояти.
Зри и что противная противнымъ сотворятъ;
Увидишь, яко радость на плачь ти претворятъ.

Желѣзный вѣкъ.

Что при натурѣ людской себе водворяешь?
Или мене крѣпчайша на себѣ не знаешь?
Удержиши ли прелесть, въ десницѣ ти сущу,
Егда моя желѣзну кулю испущу?
Зри: злато и желѣзо катится еднако,
Не можешь быти лучшимъ надъ мя, вѣруй всяко,
Златыми си часами людей уловляешь
Въ своя сѣти, а моихъ желѣзныхъ не знаешь.
Азъ убо совокуплю со желѣзомъ злато,
Да вѣсть Натуро, яко есть не злато, блато.

Не будешь отъ союза сего разплетенный,
Но во вѣкъ со мною будеши слученный.

Брань.

Ты чрезъ увядаему льстиши ю маслину.
Зри: мечь брани ту сѣчетъ и такъ будетъ выну.
Да не речеши: «миренъ въ вѣкъ миръ пребываю»,
Въ самый корень маслины мечь свой угружаю.

Ненависть къ любвѣ зубы.

Ты, Любве, что вѣщаешь пожити сугубы
Симъ союзомъ, сія вся претрутъ мои зубы.

Ярость стрѣла къ кротости.

Ты речешь, яко Кротость язвы не достигнетъ;
Се чрезъ стрѣлу Ярости язва ту постигнетъ.

Злоба.

Ты незлобіе знакомъ что натуру взводишь?
Рцы, како ту отъ уза злоба освободишь.
Се жало въ неповинномъ агнцѣ углебаетъ,
Ниже съ него изыти когда помышляетъ.

Къ радости плачь; плачъ.

Радости! своя струны ты устроеваешь,
А змоченну слезами плату не внимаешь.
Радость, сладость, плачь платомъ тебѣ воспящаю,
Омоченнымъ слезами, струны отягчаю.

Зависть къ фортунѣ; сирѣчь Коли.

Престани, Коло, точитися всуе,
Въ котромъ Натура заводится буе
Прежде ти въ адъ: не стерся крюкъ мой, препинаетъ,
Да натура фортуну, какова есть, знаетъ
Въ точащомся фортунѣ силы не познаетъ;
Неудержанно Коло зря, да разсуждаетъ.

Натура.

О люто окаянство въ суетномъ семъ міри!
Почто лестной надеждѣ азъ бѣдна яхъ вѣры?
Веселыми помыслы впредь мя исполнила?
Нынѣ туюжде радость на плачь претворила,
Егда злата желѣзный вѣка побѣждаетъ,
Брань покоя маслину мечемъ посѣкаетъ.

Во всемъ полно измѣны и непостоянства,
Горе въ житіи моемъ всего окаянства,
Ничто истиннѣйшаго паче смерти чаю,
Жду гроба, а красоты вѣнецъ мой слагаю,
Иду окруженная печальми и бѣды.

Всѣ.

Мы твоими, Натуро, купно поидемъ слѣды.

Смерть.

Го! го! го! радуюся, Смерти, отъ Адама,
Царствующая даже и до Авраама,
По Авраамѣ дотоль свободно царствую
Человѣческимъ родомъ сильна властенствую,
Царей и князей подъ моя покоряю нози,
Сильны вои падаютъ предо мною мнози.
Всѣ боятся: всѣхъ бо азъ отъ сею косою
Препинаю якъ цвѣты полныя з росою.
Едина сильна, славна есмь смерть во вся вѣки,
Безъ останка потреблю азъ всѣ человѣки.
Сама Натура людска добрѣ то познала:
Прозрѣвши мою силу, съ фрону сего встала,
Вѣнецъ красоты съ главы своея сложила,
Мя боящися, власти та моей вручила.
Сяду на престолъ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всѣ видятъ у смерти безсмертную славу.

Жизнь.

Стой и не прикасайся трону человѣка,
Иже ти не подлежитъ во вся вѣки вѣка.
Азъ есмь Жизнь, яже придохъ того оживити,
Живота безконечна въ вѣки сподобити;
Ты же властелинствовать не дерзай безъ суда,
Изыйди оттоль скоро, иди полна студа:
Азъ власть имамъ живити, азъ и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.

Прологъ.

Маловременна лестна міра сего слава,
Ищущимъ себѣ въ сладкихъ смертна есть отрава.
Яко бо въ себѣ жало медъ утаеваетъ
И, уста наслаждающъ, внутренность уязвляетъ:

Сице и сего міра сладость въ себѣ маетъ,
Сладкую жизнь множае желчію кончаетъ.
Образъ сего въ Иродѣ есть треокаянномъ,
Зѣло въ суетныхъ мира сластѣхъ окованномъ.
Уже за временную, гиблющую славу
Противъ самого Бога гордую си главу
Вознесъ: Того чрезъ зависть искаше убити,
Дабы маловременной чести не згубити.
Ищуще же, невинныхъ множество отроковъ
Изби за агнцевъ сущихъ безъ пороковъ,
За что и самъ воскорѣ, истымъ судомъ Бога,
Претерпѣ; днесь во адѣ терпитъ зла премнога.
Се не токмо словомъ и дѣломъ изъявимъ,
Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославимъ,
Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь.

КОМЕДІЯ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Явленіе 1-е.

Земля.

Аще не отъ естества есмь земли стенати,
Яко вещи бездушной слезы проливати,
За сладко пловущія водныя потоки,
Шумящія съ внутрности твердѣйшой опоки;
Обаче не держу, повторяя: горе!
Точу слезъ прегорчайшихъ пространное море.
Увы, увы! проклята за грѣхъ есмь Адама
И Еввы, яже яблко урве си рукáма—
Въ раи заповѣданно. Азъ за красныи цвѣты
Волчецъ родити буду мерскій во вся лѣты.
Красна бѣхъ, доброплодна, раждахъ не оранна;
Нынѣ тща аще и есмь, потомъ поліанна,
Никогда же на перво буду возвращенна,
Ниже по проклятіи паки освященна.

Небо.

Не сѣтуй, Земле скорбна, паче веселися:
Честь ти болша прежднія нынѣ устроися,
Не клятіе, но большу улучишь святыню
Чрезъ Бога воплощенна вѣчну благостыню,

Той мя, Небо, преклонивъ на тя, земле, сниде
Человѣкъ бысть, человѣкъ да на небо изыиде.
Отъ твоея созданны трости сообщися.
Божеству убо тебѣ не лѣть есть пещися
Будешь мнѣ, неклятому небу, пріобщенна;
Азъ земля, ты же небомъ будешь нареченна,
Яко же Богъ нареченый есть человѣкомъ,
Смертенъ человѣкъ Богомъ живымъ во вѣки вѣкомъ

Земля.

Небо! роса словесъ ти мя не орошаетъ,
Но паче вздыханіемъ тяжкимъ изсушаетъ:
То глаголетъ, емуже быти не возможно,
Азъ же божія знаю словеса неложна,
Ими же есмь проклята; ты же мя случаешь
Со собой бо съ водою огнь то сообщаешь.
Можетъ ли тьма тамъ быти, гдѣ свѣтлость сіяетъ?
Гонитъ отъ себя тьму свѣтъ, а не сообщаетъ.

Небо.

Земле! не печалися; скоро ся утѣшишь.
Миръ на тебѣ вѣщающъ скоро гласъ услышишь
Миръ мірови даруяй пріиде къ тебѣ миренъ
Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, агнецъ кротокъ, смиренъ.
Той тя милосердіемъ на перво претворитъ,
Той тя быти другиню мнѣ, Небу, сотворитъ.

Земля.

Пріидетъ? аще и пріидетъ, огнь вовреши пріидетъ;
Не благословеніе, мечь изъ устъ его изыидетъ.

Небо.

Ни, земле! речетъ: азъ есмь на землю пришеды,
Да жизнь имать и лишенъ всякъ земли прошеды.

Земля.

Побѣдихся, о Небо, для твоей порады;
Жду отъ Бога реченной чрезъ тебѣ отрады.
Пѣніе: Христосъ раждается славите и прочая.

Милость Божія.

Неизреченна Милость Бога, необъята,
За преступство Адама мірови отъята:

Егда тотъ запрещенну прикоснуся плоду,
Наведе проклятіе общему си роду,
Заключи дверь златую небеснаго града,
Отверзе тьму кромѣшну лютѣйшаго ада.
Но не прогнѣваяйся въ вѣкъ Богъ, не враждуяй
Пріиде подлѣ ты, милость мірови дарствуяй.
Человѣкомъ бываетъ чрезъ милость премногу,
Да бренна человѣка уподобитъ Богу,
Нынѣ небо земля бысть, земля небомъ убо.
Земля, небу причтена, радуйся сугубо!
Ликуй, небо! мѣсто бо ангела гордыни
Человѣкомъ наполнить Бога благостыни.
Да сорадуются ти ангельскіе лики,
Егда сожительствуютъ има человѣки!
Земле, ва змія вражду иногда проклята!
Радуйся, яко богомъ нынѣ есть свята!
Уже не къ тому волчецъ имаши родити,
Но будешь украшенна различными цвѣты.
Первый Адамъ сподоби клятвы тя руками,
Вторый Адамъ, ходящи по тебѣ ногами
Пресвятыми, освятитъ тя въ вѣчные роды
И вожделѣнными тя ублажитъ плоды.

Земля.

О Милости божія неизглаголанна!
Азъ, Земля, грѣхомъ Еввы весьма окаянна,
Подъ твои пречистыя скланяюся нозѣ,
Чту тя, славлю и хвалю во вѣки о Бозѣ:
Понеже мя грѣшную дотоль сохраняла,
Нынѣ же красотою неба увѣнчала.
Сама облакомъ легкимъ съ небеси находишь,
Тягость же мою бренну на небо возводишь.
Буди благословенный во вѣкъ вѣковъ Боже,
Яко твоя милость мнѣ грѣшной поможе!

Небо.

О милости всещедра! подъ прекрасныи нозѣ
Преклоняюся, Небо, волею по Бозѣ.
Молю: идѣже еси, да буду съ тобою,
Совокупи мя, земле, во вѣкъ со собою.

Милосердіе.

Земле! чрезъ милость Бога небу приближися,
Небо! чрезъ милость Бога земли примирися:
Се васъ союзомъ златымъ на вѣки спрягаю,
Миръ, единство и любовь на васъ полагаю.

Небо.

Слава во вышнихъ Богу днесь о семъ да буди!

Земля.

Миръ земли благовольны да воспоютъ люди.

Пѣніе: Слава въ вышнихъ Богу и прочая.

Явленіе 2-е.

Вражда или зависть.

Горе ахъ Люцеперу и цѣлому аду!
Такъ то намъ Милость божа сотвори отраду.
За единъ токмо помыслъ всѣхъ съ неба свергаетъ,
Человѣка за дѣло въ небо исправляетъ.
Лучшели есть браніе, нежели духъ чистый?
Ахъ человѣкъ сталъ Богомъ, азъ же духъ нечистый
Отъ всѣхъ есмь нареченна,—азъ прежде созданна,
Азъ архіерейскимъ ликомъ вѣнцомъ увѣнченна;
А человѣкъ прахъ, пепелъ, персть едина бренна,
Мнѣ на поруганіе тако вознесенна.
Егда Люцеперъ мнѣлся равенъ Богу быти,
А человѣкъ врагъ дерзнулъ дѣломъ совершити;
На время намъ сообщенъ, имѣетъ отраду,
Мы же на вѣки вѣковъ вдадохомся аду.
Горе! горе! снѣдаетъ ядъ мою утробу;
Персть, вѣчному имуща предатися гробу,
Въ нашихъ прежнихъ жилищахъ себе водворяетъ.
Горе! горе! сердце ми зависть растерзаетъ
Зря горести услаждаюсь снѣденіемъ сердца
Горькій въ міра сладостяхъ буди ти мордерца.
Дондеже Богъ есть Богомъ, адъ безсмертный адомъ,
Смертнымъ ада сѣяти буду на тя ядомъ.
Процвѣтутъ моя плоды, убійство и вражда,
Тѣмъ плодомъ утолится кровавымъ ми жажда.
Вулкане, о Вулкане, тя молю усильнѣ,

Остра ми оружія надобно есть зѣльнѣ.
Поспѣшете на помощь, охотны Цыкліопы!
Возжигайте огнь, бронты, бійте въ млатъ, стеропы!
Мечи, копія, узы, остры куйте стрѣлы:
Сія въ Іудейскіе разсѣю предѣлы,
Сотворю пролитіе крове, аки море, (*ярится*)
Не единому сотворитъ мечь горькое горе,
Упіется копіе не въ едну утробу,
Поплыветъ крове токомъ не единъ ко гробу.
Будетъ здѣ и невинный мечемъ погибати,
Будетъ себе самого мечемъ побивати,
Тако чрезъ сѣть смертную пойдетъ въ ада узы
Исцѣлитъ растерзанну утробу Медузы,
Цыкліопы всѣ вместе говорятъ.
Се огнь возжигаемъ, въ млаты ударяемъ,
Копіа и узы для тебѣ, медузы и мечи
И стрѣлы въ іудейски предѣлы готуемъ,
Готуемъ тебѣ, подметуемъ. Примайся,
Цыклмопе; бій крѣпко, стеропе, бронте.
Не лѣнися, Враждѣ прислужися.

Пастыріе.

Два будто пошли въ городъ для покупки, а третій при овцахъ быхъ, наступившой же нощи пошолъ тѣхъ искати и прочее.

Пастырь 1. Борисъ.

Сударі мои свѣты! здорово ли живете?
Вы въ семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдите.
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Афоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ для хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранити.
Замѣшкали; а уже нощь темна приходитъ,
А на менѣ едного страхъ великъ находитъ.
Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искати.
Въ городъ далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати,
Сядетъ.

Ой Аврамъ, Аврамъ! тоже зайшолъ на кружало!
Когда ему какое тамъ лихо не стало!

Пастырь 2. Аврамъ.

Борисе! чего ты здѣсь, а овци покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
Пришелъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду;
А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не покручинься, братецъ: зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ.

Отъ вѣть я догадался! а мнѣ то не купивъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣть не купить?
Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишли испить?

Борисъ.

Нутко сядьтежъ и сами пораз напьемся
Хлѣба купили ли? *(Афоня говоритъ: есть)* гораздо подкрѣпѣмся.

Афоня.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичокъ здоровъ, а насъ не ворчи.

Аврамъ.

Да кушайможъ поскоряя, пора итти къ стаду,
Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

(Запоютъ ангели, а они забудутся кусы въ ротахъ. Думаютъ долго одинъ на одного смотритъ, нескоро въ небо).

Аврамъ.

Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

Афоня.

Я вже слышу и вижду еи птички высоко.
Смотрѣте. Едбакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите.

Борисъ и Авраамъ.

Е! е! е! видимъ, видимъ..

Афоня.

А што правда птички.

Авраамъ.

Братъ, кажется, робятка стоятъ не велички?

Афоня.

Сударь! и хто видалъ робята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошенько робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

Лететѣжъ здоровенько, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Авраамъ.

Когдабъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли,
Тобъ мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Афоня! ты учися на дутки играти,
Штобы мы не хотѣли да и ты дремати.

Явленіе 3-е.

Ангелъ къ пастырямъ.

Убоятся.

Радость, о пастыріе, отъ мене пріимѣте
И не ужасайтеся; но словамъ внемлете.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду родися
Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы.
Близь града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами ввитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый.
Такъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! кто ты таковъ? ты княжего рода?
Чаю, что князь твой или воевода.

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный;
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю тебе, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ нищимъ пастухамъ. Что ты заблудилъ
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти встай положенный,
Нищету возлюбивый, васъ нищихъ взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей чаетъ.

Борисъ.

Осударь! надобноли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
Не хощетъ себѣ даровъ, но онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце за дары тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азъ буду не видимъ, вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо худѣмъ? украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдемъ, приберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино;
Да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Виѳлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ отъ дѣвы Маріи.

Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Отроча въ яслѣхъ знашли,
Матерь со Іосифомъ.
То дивное рождество
Не изречетъ вѣтѣйство:
Зачала дѣво сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

Явленіе 4-е.

Пастыріе пришли къ вертепу.

Борисъ.

Постойте же вы здѣся, я посмотрю пойду,
Естьли въ яслѣхъ реченный, и знова къ вамъ приду.
Есть братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангели поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: здравствуй; ты рцѣ: милость пошли;
А ты скажи: прости намъ, что ни съ чимъ здѣ пришли.

Аврамъ.

Тихонько же отопри. Не спитъ ли рожденный?
Не замай спитъ, чтобъ не былъ нами возбужденный.

Пѣніе въ вертепѣ.

Нынѣ весь міръ да играетъ:
Дѣва Христа рождаетъ,
Младенца первенца,
Небеснаго облюбенца.
Во вертепѣ днесь рождаетъ
И во яслѣхъ полагаетъ
Іисуса Христа Бога иста,
Повиваетъ Бога чиста.

Борисъ *поклоняется.*

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самовольно въ яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебе нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе полатъ много;

А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи скоты,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ деревенскимъ здѣ лежать прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.
Но понеже извольнѣ такъ себя смиряешь,
Царь царемъ сый нищету толику примаешь:
Буди благословенный Боже во вѣки вѣковъ,
Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
И паки реку: буди Богъ благословенный,
На спасеніе міру всему нарожденный!
И ты, того рождшая, будь благословенна,
Мати Бога и Дѣва во вѣкъ прославленна!
Ты, кормилецъ старенькій, буди же хвалимый,
Отъ него же отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшое привѣтство на насъ не дивѣте,
Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

Аврамъ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!
Плачеши, здѣ лежащій за грѣхи Адама;
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама.
Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ стадо!
Спаси и домы наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
Помилуй и насъ нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
Мы тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
Да хвалятъ тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
Къ тебѣ, Бога мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святый Осипе, челомъ ударяю:
Помолитеся за насъ къ воплощенному Богу,
Да подастъ намъ во своясн щастливу дорогу.

Аѳоня.

Напослѣдокъ и я нищъ къ тебѣ припадаю,
Боже намъ нарожденный, и Тя величаю:
Буди благословенный Боже нашъ во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя полаты,
Изволилъ еси пожить здѣ между бытляты.
На одномъ сѣницы лежишь, якъ какой сирота;

Всѣхъ одѣваешь, а Ти окрывается нагота.
Подобало бъ, дабы мы чимъ Ти подарили,
Послали бъ что мяконько или чимъ покрыли;
Но прости: нищи есмы, имамы ничтоже.
Прости ны, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо во свояси: насъ благословѣте:

Всѣ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте.

Пастыріе людямъ возвѣщаютъ.

Радуйтеся людіе: родися Спаситель,
Истинный всего міра Богъ и откупитель.
Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
При градѣ Виѳлеемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
Лежитъ въ яслѣхъ на сѣнѣ отрочокъ маленькій,
Тамъ и матушка его и Осипъ старенькій.
Мы имъ поклонилися да домой ступаемъ;
А что тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

Явленіе 5-е.

Любопытство звѣздочетское

Что въ теченіи круговъ вышнихъ ся являетъ
Новаго, яко умъ мой недоумѣваетъ?
Вѣмъ о моемъ искусствѣ, имъже не хвалюся:
Мѣсто зодій, звѣздъ рещи не мало сумнюся,
Полудня кругъ на мѣстѣ, зовомъ анстаритосъ,
Блюдетъ своего мѣста полунощный вритосъ;
Овенъ станетъ на востокъ, солнце вонь вселится
И теченіе начнетъ, Юнецъ удалится.
Близнята, Ракъ, Левъ, Дѣва полудня обнимутъ;
Вѣсъ, скорпій, стрѣлецъ, козлищъ полунощи пріимутъ,
Скудель, воду ліющи, къ нимъ же прилучится;
Двойство рыбъ водолюбныхъ при немъ ся явится.
Поллюксъ стоитъ, Кастору свѣтла одѣляющь;
Блещитъ отъ него Касторъ свѣтло занимающь,

Звѣзда морска, навклѣромъ являющи пути,
Цѣнозура не можетъ съ мѣста ся двигнути.
Вижду же въ своемъ чину дождевные пады
Являющіи сушу, такожде плеяды,
Сихъ быти неразличныхъ азъ да созерцаю,
Имена ихъ подробну сице нарицаю:
Сія подъ седми на два раздѣленныи чины,
Являющіи сушу и дожда пучины:
Пасиѳо, Пиѳо, Тихе, Еѵдоръ, Амвросія,
Коронисъ, Иплоксаврисъ, дождевны суть сія;
Електра, Алкіона, Мая, Астеропе,
Келена танесета, Инеиста, Меропе
Сія вторы седмица сушу изъявляетъ.
Въ семъ звѣздъ мой умъ теченіи чинъ и силу знаетъ;
Но не вѣмъ, что за звѣзду нынѣ вижду нову
Не на обычномъ мѣстѣ. Мню ю неистову:
Всяка звѣзда на твердѣ небесномъ сіяетъ,
Сія между облаки себя водворяетъ,
Блещитъ несравненно надъ всѣхъ звѣздъ свѣтила;
Не можетъ умъ поняти, что есть въ ней за сила,
Что болѣе полунощъ всѣ звѣзды змѣряетъ,
Ея луча въ полудне себе исправляютъ.
О кто бы ми повѣдалъ, что есть въ ней за сила.
Иду, гдѣ Валаама мудраго могила.
Воскресни, Валааме, гробъ ти открываю.
Что се звѣзда нова, повѣждь ми, желаю.
Ты аще тѣломъ сложенъ въ гробѣ почиваешь,
Но между звѣздочетцы искусствомъ сіяешь.

Валаамъ.

Что умъ свой любопытствомъ всуе утруждаешь,
Валаама же словесъ не воспоминаешь?
Не вѣси, яко, еще во Арави сущи,
Прорекохъ о сей звѣздѣ, сице глаголющи:
«Егда всѣхъ послѣднѣйшо вѣковъ время придетъ,
Тогда отъ Іакова нова звѣзда взыдетъ.»

Любопытство.

Что же есть въ ней за сила? Нѣтъ въ ней звѣздна чина,
Ниже когда явится звѣзда такъ едина—
Ближае всѣхъ отъ земли, навыше облакъ ходитъ
И не къ западу себе, но къ югу приводитъ.

Валаамъ.

Создатель всѣхъ звѣздъ, луны и свѣтлаго Ѳеба,
Строитель всемощнѣйшій пространнаго неба,
Иже прежде денница и отца родися,
Въ часъ здѣ рожденъ, сею звѣздою явися.
На полуденну страну звѣзда та простуетъ;
Хотящъ правду увѣдать, ей да послѣдуетъ:
Обрящетъ Іакова сѣмя тамъ блаженно,
Отъ негоже родися слово воплощенно.
Той будетъ мѣти область надъ всю подсолнечну,
Распростретъ свою славу во вѣкъ безконечну.

Любопытство.

Вѣрую, Валааме, словесамъ ти истинъ;
Но хощу еще окомъ зрѣть ми прозорчистымъ:
Сице мене мнѣніе увѣщаетъ духа,
Яко зрѣніе лучше вѣритъ паче слуха.
Иду; волхвовъ за тою звѣздою исправлю,
Да увидятъ истинну, тамо ихъ поставлю;
Тебе же за искусство азъ честь воздаваю,
Почивай съ миромъ; гробъ ти честно затворяю.

Явленіе 6-е.

Иродъ съ вельможи.

Иродъ на престолѣ сѣдяй глаголетъ.

Непреодолѣнныи мужіе и мудри,
Въ бранѣхъ, совѣтехъ, словѣхъ вашихъ богомудри,
Державы моей столпы непоколебимы,
Дражайшіе бисеры моей діадимы!
Четверовластный скипетръ подъ солнцемъ сіяетъ,
Егоже ваша храбрость въ морѣ распространяетъ.
Десница ваша мою умножаетъ славу,
Яко никогда кому преклоняю главу;
Сердца ваша моему сердцу сопряженны;
Сего ради сердце ми радуется зѣло,
Яко васъ единодушныхъ себѣ пріобрѣло.
Но яко любвѣ вашей возблагодарствую?
Кіимъ васъ саномъ и издою за то ударствую?
На коемъ кедрѣ вашу начертаю славу?
Коимъ Дафномъ премудру вѣнчаю вамъ главу?

Кто сановъ, кто богатства отъ меня желаетъ,
Обогащу и почту, токмо да вѣщаетъ.

Сенаторъ 1.

Четверовластный земле Іюдской господине!
Свѣтило очесъ нашихъ ты еси едине;
Мзда наша и богатство, наша то и слава,
Егда благополучна видимъ тя и здрава.
Довлѣетъ намъ любовь та, иже насъ нижайшихъ
Насыщаешь монаршихъ словесъ ти сладчайшихъ.

Сенаторъ 2.

Добрѣ нѣкто отъ мудрецовъ сице повѣдаетъ:
Яко кротость то творитъ, что сила не знаетъ.
Влагаешь на насъ узы сладкіа, монархо!
Владѣй убо, здравствуй, крѣпчайшій тетрархо!
Торжествуй надъ врагами, мы же неотступно
Вѣрно пособствовати будемъ тебѣ купно.

Сенаторъ 3.

Радуйся, о преславный царю, во вся роды!
Прославляйся во вѣки вѣковъ и вся годы!
Не подаждь дреманія мечу изощренну,
Да имѣешь вселенну тебѣ покоренну.

Сенаторъ 4.

Спряглъ еси любовію намъ сердца къ своему;
Златымъ узомъ фортуна престола твоему
Да припряжется. Буди ты побѣдоносный!
Долголѣтно носищи вѣнецъ свѣтоносный!

Иродъ.

Благодаренъ привѣтства и любви вашой;
Не отпадутъ отъ мысли долго сія нашой.
Радость нынѣ къ радости моей приложися.
Веселися, Ироде, нынѣ, веселися!
Пѣвцы! сладкіа гласы въ устахъ растворѣте,
Господина своего пѣсними веселите!
Вели, да медоточнѣ поютъ немедленно.

Отрокъ 1.

Воскорѣ господина творю повелѣнно.

Пѣніе.

Аполліо, музы! сѣмо воспѣшѣте,
Сладкіа пѣсни съ нами воскликнѣте!
Да веселится велегласный Иродъ,
Да торжествуетъ отселѣ въ родъ и родъ.

Иродъ.

Гряди, вели что ино воспѣти любезно.

Отрокъ 2.

Вскорѣ ушесамъ вашимъ воспоютъ полезно.

Пѣніе.

Іо! іо! восклицайте,
Ирода увеселяйте,
Воскликнѣте сладки гласы,
Златые бо имать часы.
Аіоне! бій у струны
Направо коло фортуны,
Направо точится пилно
И будетъ такъ неомылно.

Посланникъ отъ тріехъ царей.

Поклоненна Восточна тебѣ далъ трое царь:
Мелхіоръ стара, Гаспаръ, третьяя Валтасаръ.
Волилъ царь новый Іюды въ земля твой родити;
Они схотѣли ему дары понести:
Ливанъ одна, друга смирнъ, а третяя злато.
Просимъ тебѣ: ты не зволь оскорбити за то,—
Твою землю Виѳлеемъ пошолъ поклонился
Нову царю Іюдейску да домъ воротился.
То моя господина у тебе желае,
Да твоя путешество имъ волно дае.

Иродъ.

Что новаго посланникъ сей наю приноситъ?
Мира ли, или брани, или чего проситъ?

Сенаторъ 1.

Сего послаша сѣмо восточны три цары,
Дабы мѣли путь вольный, со драгими дары,
Чрезъ землю ти идуще со многими труды
Поклонъ дати, коему не вѣмъ, царю Юды.

Иродъ.

И кто есть царь Іюдейскій, еще мнѣ живущу?
И кто скипетръ обыйметъ, ту въ десницѣ сущу?
Азъ есмь царь и властелинъ, кромѣ мя никтоже.
Кто ми треокаянный соцарствовать може?
Ты же, глупче, приносишь вѣсть о царю Іюды
Кую? се тя, извлекъ мечь, разсѣку на уды.

Посланникъ.

Воля твой царю Юда голова рубати.
Я невинна; мой царь здѣ схотѣлъ мя послати.

Сенаторъ 2.

Не изволь умертвити, монархо, посланна:
Не отъ его бо воли сія содѣянна.
Господіе послаша того къ твоей власти,
Да имъ бы путь былъ миренъ и кромѣ напасти.

Иродъ.

Како путь миренъ дамъ имъ? Не будетъ безъ борьбы,
Иже ми нанесоша нечаянной скорби.

Сенаторъ 2.

Скорбь сія кая есть скорбь? Пусти его въ мири,
Да и тыхъ увѣщаетъ въ истомъ къ тебѣ вѣры.
Рцы, да царя новаго честно привитаютъ;
Привитствовавшы, тебѣ о немъ возвѣщаютъ,
Или, тамо идуще, здѣ изволятъ быти:
Вѣмъ, яко и самъ хощешь отъ нихъ вопросити,
Гдѣ рождайся; потомъ самъ схощешь привитати.
О привѣтствіи же не лѣть теперь глаголати.

Иродъ.

Встань [1]) и гряди къ господамъ, глаголи же тако:
Яко о нихъ шествіи радуюся всяко;
Да изволятъ идуще мене посѣтити,
Молю: радъ и что отъ нихъ вопросити;
Гдѣ узнали рожденна, и азъ хощу знати,—
Яко они, подобный тому поклонъ дати.

Посланникъ.

Добро. Моя рада, что здорово ходила,
Больше того не буду, кому говорила.

---

[1]) Въ рукописи: *Въ сань.*

Иродъ.

Вѣрные ми вельможи! предлежитъ намъ дѣло,
Еже ми нынѣ радость на скорбь претворѣло.
Подобаетъ увѣдать, кій то нарожденный
Новый царь на престолъ мой будетъ посажденный, —
Отъ моея ли крове или прежде бывшихъ
Монаршихъ наслѣдниковъ, себе утаившихъ.
Но ближайшій наслѣдникъ Ирканъ ѳрону бывый
Не встанетъ, мечемъ моимъ главу положивый.
Такожде Аристовулъ, внукъ его любимый,
Не возстанетъ, на престолъ праотцемъ садимый.
И кто оста..... ѳронъ мой наслѣдствуяй,
Усмотрѣте разсудитѣ, всякъ гадательствуяй.

Сенаторъ 1.

Превеликій монархо! всуе умъ смущати
Не требѣ, ниже пословъ въ страны посылати:
О немъ ти восточные принесутъ вѣсть цары,
Гдѣ обрящутъ и дадутъ нову царю дары.

Сенаторъ 2.

О семъ дѣло настоитъ, егда волсви пріидутъ:
Безъ согласія отъ тя всѣ да не изыйдутъ.
Рцы, да тебѣ возвѣстятъ о царѣ рожденномъ,
Отъ нихъ привѣтствованномъ и дарми почтенномъ.
Тоже и ты обѣщай ему дары дати,
А въ тайнѣ оружія вели готовати.
Поклонимъ ти подъ нозѣ его выю горду.
Вели быти готову мечу и оскорду.

Иродъ.

Аще не восхощутъ о немъ дати вѣсти,
Кто намъ можетъ о цари рожденномъ повѣсти?

Сенаторъ 3.

И какъ не изволятъ, въ рукахъ твоихъ суще?
Не могутъ мя минути, вѣсти не несуще.

Сенаторъ 4.

Да мысль ти, о монархо, свободна пребудетъ,
Вели, да на ихъ пути крѣпкая стражь будетъ,
Аще къ царю тещи имутъ, вели удержати,
Аще же воспять пойдутъ, вели здѣ предстати.

Иродъ.

Добри вои! на стражи будете не спящи,
Всѣхъ путемъ шествующихъ, опасно хранящи,
Наипаче егда цари пойдутъ отъ Востока
Рожденнаго на царство почтити отрока:
Тѣмъ безъ сумнѣнія ихъ скоро удержѣте
И къ престолу моему сѣмо приведѣте.
Мы же на мало время въ свояси отъидемъ,
Тоже въ время обычно паки сѣмо придемъ.

Вои.

Съ охотою, монархо, творимъ повелѣнна.
На время та завѣса буди закровенна.
Стойможь и сохраняймо намъ заповѣданна:
Не хотѣмъ царя нашего быти поруганна.

Явленіе 7-е.

Царей, идущихъ по срединѣ, стража удержатъ.

Стражъ 1.

Господіе! молимъ васъ, звольте мало стати,
Царю Ироду о васъ требѣ докладати:
Въ нынѣшнее бо время Іудея смутися,
Аки бо царь си новый народися.

Царь 1.

Творимъ царя вашего наю повелѣнно.
Извольте доложити, молимъ, немедленно.

Стражъ 2.

Се иду и возвѣщу монарсѣ воскорѣ;
Извольте помедлити мало при семъ дворѣ.

Сенаторъ 1.

Господинъ нашъ, царь Иродъ любезно желаетъ,
У престола своего васъ до созерцаетъ.

Сенаторъ 2.

Гости вожделѣнныя! Звольте, посѣтите
Монарху лицемъ вашимъ и увеселите;
Зъ охотою чекаетъ и радостно пріиметъ,
Яко друговъ любезныхъ любовно обыметъ.

Царь 1.

Зъ охотою на дворъ царскъ рады поспѣшаемъ,
Лице его пресвѣтло узрѣти желаемъ.

Царь 1 *къ Ироду глаголетъ.*

Преславнѣйшій монархъ Іюдейскія страны,
Саномъ царства почтенный надъ всѣхъ царей саны!
Здравствуй благополученъ лѣта безчисленна!
Всякаго супостата имѣй покоренна!

Царь 2.

Доколѣ Фебъ не станетъ, въ бѣгу златополучный,
Дотоль царю Юдейскій будетъ благополучный.

Царь 3.

Четеровластный скипетръ четыре міра части
Скоро твоей господской да покоритъ власти!
Се и мы главы наша тебѣ покоряемъ,
Единыя свободы точію желаемъ,
Да даси намъ путь миренъ безъ всякаго порока,
Посѣтити новаго рожденна отрока.

Иродъ.

Радуюся, яко васъ здравыхъ созерцаю,
За привѣтство равныя слова воздаваю.
По трудѣхъ путешествія извольте почити.
Хощу нѣчто ко любве вашой предложити:
Коимъ случаемъ всѣ три, не зъ едныя страны,
Въ едно намѣреніе и путь сей собранны? [1]

Царь 1.

Мы трое равны есмы въ ученіи значномъ,
Въ звѣздочетствѣ. Но егда на небѣ презрачномъ
Увидимъ что нова и не можетъ поняти
Всякъ своимъ умомъ, звыкли въ едино сбирати.
Предъ деветия мѣсецами узрѣхомъ на небѣ
Нову звѣзду,—о томъ намъ сбратися было требѣ, —
Яже не на небесѣхъ была утверждена,
Но въ облацѣхъ надъ небо пречудно явленна
И, якъ звѣздамъ обычно, не въ западъ течаше,
Но противъ естества на Югъ та идяше.
Ту звѣзду разсуждая, на долзѣ пребыхомъ.

[1] Въ рукописи: *собранный.*

Многихъ волхвовъ искусныхъ въ память приводихомъ,
Егдаже помянухомъ славна Валаама,
Имъ же та звѣзда пророчеся еще здавна:
«Отъ Іякова,—рече,—звѣзда возсіяетъ.»
Ериерея Сивилла тоже провѣщаетъ:
Тоже отъ Израиля возстанетъ человѣкъ
Славенъ, честенъ и премудръ, вожделѣнный отъ вѣкъ,
Тому вся земля имать быти покоренна,
Того царя познаетъ надъ всѣхъ прославленна.
Къ тому, звѣздѣ ведущой, и мы путшествуемъ,
Да поклономъ и дарми того почествуемъ.

Иродъ.

И гдѣ есть она звѣзда, по нейже идостѣ?
Дадите ми ю зрѣти, о ней же рекостѣ.

Царь 2.

По той звѣздѣ идуще, егда здѣ приспѣхомъ,
Абіе бысть, аки бы никогда видѣхомъ:
Скрыся и оттолѣ наю не есть зрима;
Не вѣмы, или будетъ паки намъ видима.

Иродъ.

Кіи дары хощете тому дарю дати,
Молю возвѣстите ми: и азъ хощу знати.

Царь 1, царь 2, царь 3.

Азъ злато. Азъ же ливанъ. Азъ приношу смирну;
Сія дары прилична суть царю всемірну.

Иродъ.

По премногу, о друзи, мнѣ ся возлюбисте
За честь, юже толику царю сотвористе.
Хотѣлъ быхъ привѣтствовать съ вами царя нова,
Но дарствія моя ту еще не готова.
Молю: гдѣ обрящете и мнѣ возвѣстите,
Вѣстію мене о немъ, молю, ввеселите.
Мѣю сребра и злата, камене добуду;
Витати царя нова, сколь мнѣ мощно, буду.

Царь 1.

Благослови ны, царю, во путь намиренный.
Ты же здравъ живи сѣмо, миренъ, надаренный

Иродъ.

За посѣщеніе вамъ благодарю зѣло.
Землю ми Іюдейску проходите смѣло,
Его же желаете царя посѣтите.
Азъ паки желаю мнѣ о немъ возвѣстите.

Царь 1 *къ рожденному глаголетъ.*

Отъ чиста злата въ небѣ имѣя полаты
И градъ святый, емуже блещутъ стѣны златы,
На драгихъ каменіяхъ красно основанны,
Тобѣ въ вѣчно жилище Боже зготованны:—
Ты же почто оставилъ красоту толику
И воспріялъ еси ты нищету велику?
Надъ всѣхъ царей честнѣйшій такъ себе смиряешь,
Егда между скотами тебѣ водворяешь?
Порфиры и мягкія одежды дарствуешь,
Людемъ, а на твердѣйшемъ самъ сѣнѣ бѣдствуешь?
Солнца огня теплоту даешь твоей твари,
Грѣешь землю бездушну воздушными пары;
Самъ въ глубокомъ вертепѣ себѣ на хладъ давый,
Аки надъ всего міра нищихъ обнищавый.
Пріими убо малую отъ меня часть злата,
Пріими, дражайшій злата, злато отъ мя блато!
Не придохъ, не могу бо, тя обогатити,
Вся въ руку имущаго, но токмо вручити.
Пріими, а мя помилуй, Боже милосердый.

Царь 2.

Азъ предъ тобою, Боже, тощъ да не явлюся,
Ливанъ отъ мене пріими, смиренно молюся.
Вѣмъ, яко ты Богъ еси безсмертный, нетлѣнный,
Безбоязненный, во вѣки сущій неизмѣнный.
Человѣка, чрезъ змія въ раи поврежденна,
Пришелъ еси цѣлити и живить мертвенна;
Но не инакъ, точію чрезъ смерти и раны,
Цѣльба, жизнь человѣку паки будутъ даны.
Врачу душамъ и тѣламъ! ливанъ ти приличенъ:
Плотію смертенъ сущій, божествомъ же вѣченъ.
Пріими, врачеванія знакъ, ливанъ: молюся
Ино что болшо нѣсть ми; тѣмъ да умилюся
Твоимъ даромъ никаковъ даръ будетъ сравненный

За великъ отъ мя пріими сей даръ умаленный,
Пребогатый, преславный надъ всѣ человѣки,
Буди благословенный Боже во вся вѣки!

Царь 3.

Вѣчный Боже, на земли нынѣ воплощенный
Отъ вѣка Богъ, подъ лѣты человѣкъ рожденный!
Кую ти азъ дамъ титлу, яко человѣку,
Иже царемъ и кназемъ даешь титлы зъ вѣку?
Царь, иже тебѣ злато за даръ приношаше,
Царя тя быти міру прообразоваше;
Вторый, иже принесе тебѣ ароматы,
Врачемъ душъ и тѣлъ дерзнулъ тебе нарицати;
Азъ тя архіереемъ, Боже, нарицаю,—
Яко архіерею смирну предлагаю.
. . . . . [1]) повелишь пасити
Но со кадиломъ смирну тебѣ приносити,
Проженешь сѣнь ветхую, егда тя на жертву
Богу отцу принесешь за тварь твою мертву.
Архіерею, за весь міръ молящъ Бога!
Да будетъ твоя милость и на насъ премнога!
Благослови отъити во страны своя здравымъ
Путемъ благополучнымъ, веселымъ и правымъ.

Вси три.

Удаляемся тѣломъ, духомъ же съ тобою
Хощемъ быти, Ты насъ имѣй съ собою.
Подобаетъ намъ инымъ путемъ шествовати,
Да не зволимъ Ироду о семъ возвѣщати,
Да коваренъ сый царя не убіетъ,
Крови невинной всуе да не изліетъ.

Пѣніе.

Весь міръ нынѣ веселися
Христосъ Спаситель родися. *2-жды*
Пришли къ нему три цары, трое цары,
Поклонъ даютъ, кладутъ дары; *2-жд.*
Ливанъ, смирну, купно злато, купно злато;
Зъ различныхъ странъ даръ той взято *2-жд.*
Мы же ему сердце даймо, сердце даймо,
Чистымъ сердцемъ величаймо.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

Явленіе 8-е.

Иродъ.

Есть ли возвѣщеніе о царѣхъ прешедшихъ?
Что ми не есть вѣдомо о ихъ мимошедшихъ?

Сенаторъ 1.

Изволишь, о монархо, стражемъ здѣ предстати;
Аще прешли или ни, изволь вопрошати.

Сенаторъ 4.

Стражіе монаршему лицу предстанете,
О чесомъ васъ вопроситъ, отвѣты дадѣте.

Сенаторъ 3.

Царей прешедшихъ аще вспять шедшихъ видѣсте,
Почто неудержанныхъ наю не повѣсте?

Стражъ 1.

Никако не явися ни единъ идущій,
Азъ бо бѣхъ неусыпно стражбу ми стрегущій.

Стражъ 2.

Како бы не дерзнули мы ихъ удержати?
И какъ быхомъ не дерзнули вамъ возвѣщати?

Сенаторъ 2.

Измѣна есть, о царю: инъ путь возлюбили,
Дабы о нарожденномъ ти не возвѣстили;
Прелестники сущіе тя, царю, прельстиша,
Слово свое царское волшебно сломиша.

Иродъ.

И тако царми званныи царско хранятъ слово!
Сердце ихъ царьми звати мое не готово.
Не мудрецы,—глупцы; и всякъ не братъ, но измѣнникъ;
Не хотѣлъ ми быть другомъ, всякъ будетъ же плѣнникъ.
Но прежде настоящо дѣло совершемо:
Гдѣ есть новый царь рождейся, поищемо.

Сенаторъ 1.

Четверовластный царю! Азъ мыслихъ на долзѣ
Кромѣ иныхъ замысловъ, чтобы къ твоей пользѣ;
Но не успѣли того: бо не увѣдали мѣста,
Кая того царя нова гдѣ роди невѣста.

Вели убо рабиномъ пріити премудрѣйшимъ,
Отъ книжниковъ еврейскихъ много искуснѣйшимъ:
Негли кое въ книгахъ чтуще здѣ пророцтво,
Обрящутъ того царя новаго намъ сродство.

Сенаторъ 4.

Не противу глаголю словеси твоему;
Но аще и младому умови моему
Тако мнится, яко, мечь во Іюдѣй спорѣ
Простерши, изыщемо нова царя вскорѣ.

Сенаторъ 2.

Добръ твой совѣтъ, обаче мощно испросити
Отъ книжниковъ, потомъ же сіе сотворити.

Иродъ.

Добрѣ. Два ми воскорѣ пригласи рабина
Здѣ съ книгами; именемъ вели господина.

Парень.

З охотою, монархо, иду по нихъ скоро,
Лицу ти пречестному здѣ представлю скоро.

Иродъ.

Мы же чрезъ сіе времяна да не празднословимъ,
Помысльмо, како того наступцу уловимъ.

(*Пришедшимъ рабиномъ.*)

Добрѣ здѣ пришли есте, друзи возлюбленны,
Изрядно въ писаніи всякомъ изученны!

Равинъ 1.

Здравствуеши! Что слышно добраго, монархо?
Что тя видимъ прискорбна, великій тетрархо?

Иродъ.

Сего ради васъ призвахъ, да устъ вашихъ сладость
Горьку ми скорбь претворитъ на сладкую радость.
Егда нѣкій царь новый въ Іюдеи родися,
И уже во вселенной вездѣ сый прослыся?
Нѣцы отъ Востока шедше тріе цари,
Мой престолъ поругавше, тому даша дары.
О немъ ми возвѣстите: гдѣ и естьли тако
Или ни; да скорбь мою отъимите всяко.

Рабинъ 1.

Монархо! аще мене послушать возможно,
Азъ тебѣ отъ Талмутовъ исповѣмъ неложно.
О рожденномъ отроку глаголать начну ти,
Токмо не прогнѣвайся, смирно ся молю ти.
Написалъ Исайя пророкъ у Талмуты,
Яко мѣлъ родитися отъ колѣна Іюды
Зъ дому Давида; въ главѣ такъ седьмой вѣщаше,
Егда царю Ахазу собесѣдоваше:
«Се дѣва во чревѣ пріиметъ, родитъ сына,
Еммануилъ наречетъ; тая того вина:
Престолъ Давида [1]) отца его престолъ будетъ,
Царству же его конца во вѣки не будетъ.»
И Соломонъ премудрый тоже глаголаше,
Яко то въ сіе время быти имѣяше.
Написалъ: «Родится мужь въ іюдейстѣй странѣ,
Иже праотцевъ спасетъ зъ пекелной отхлани.»
Іеремія въ главѣ третей его чаетъ,
Отъ сѣмени Іаковля изыти вѣщаетъ:
На землѣ явися и живетъ съ человѣки.
Невидимы знакъ будетъ между человѣки.
Еще Валаамъ мудрый, аще жилъ безбожно,
О немъ силою Бога прореченеложно:
«Отъ сѣмени Іаковля пріидетъ мужъ великій
И будетъ обладати надъ всѣми языки.»

Иродъ.

Добрѣ. Еще же маю, аще убо вѣста,
Гдѣ рожденъ есть. Въ писаніи поищѣте мѣста.

Рабинъ 2.

Монархо! Отъ мене ты слушай того мѣста,
Гдѣ такого отрока родила невѣста.
Мѣсто его Михея пророкъ изъявляетъ,
Иже во главѣ пятой сице повѣдаетъ:
«Ты, Виѳліемъ, не меньши во владыкахъ Іюды:
Съ тебе изыдетъ пасый Израиля люди.»
Отколь дается знати, яко зъ Виѳліема
Собышася Михеемъ сія глаголема;
Въ Виѳліемѣ родися; а въ коемъ же мѣстѣ,

[1]) Въ рук: *дѣвица*.

Втайнѣ о немъ Аввакумъ сице даетъ вѣсти;
Тако отъ Аввакума бѣ прорекованный:
«Посреди двохъ животныхъ будешь познанный.»

Иродъ.

И тако ми ушеса славы насладисте!
Лучше бы, дабы тако здѣ не приходисте!
Мнѣхъ, яко въ моемъ радость сотвористе сердцы,
Вы въ слезахъ, яки люты топите мордерцы.
Не хощу васъ. Идѣте зъ очесъ моихъ вскорѣ,
Да не зрю васъ никогда на монаршемъ дворѣ. [1])

Иродъ.

Егда ли обрящется власть гдѣ превысока,
Бы по малой радости слезнаго потока
Не вкусила. Ахъ! слеза такъ виссонъ омочаетъ!
Зрящу на скипетръ, болѣзнь сердце ми пронзаетъ:
Коликимъ величествомъ отвнѣ увѣнчанный,
Толикимъ внутрь жалости узомъ окованный!
Тридесять седмь лѣтъ саномъ царства бѣхъ почтенный,
Нынѣ же внезапну буду извлеченный!
Извлеку прежде мечь мой на завистну выю,
Иже хощетъ отъяти діадиму сію.
Будешь, будешь первѣе въ подземенномъ долѣ,
Нежели на Іюдейстѣмъ сѣдящи престолѣ.
Восхощешь избѣгнути?.. но не будетъ время;
На злату діадиму узъ понесешь бремя;
Хотящъ въ благихъ оплывать на Ирода ѳронѣ,
Поплывешь и утонешь въ крови своей тонѣ.

Сенаторъ 1.

Престани, о монархо, о семъ сѣтовати.
Хощу нѣчто полезно ти совѣтовати:
Вели вождя призвати со сильными вои,
Со всякимъ оружіемъ и крѣпкими зброи.
Тыхъ въ виѳліемску зволишь землю отпустити,
Поволишь всѣхъ отрочатъ на главу избити:
Между тѣми наступцу твоего убіютъ,
Твоя же мысль и сердце въ радости почіютъ.

---

[1]) Не пропускъ ли здѣсь?

Иродъ.

Добрѣ глаголешь. Гряди, пригласи ми воя,
Да придутъ въоруженныи ко мнѣ не безъ строя.

Парень.

Господина моего творю повелѣнно:
Шедши, воя приведу сѣмо немедленно.

Сенаторъ 1.

Двоюлѣтныхъ повелѣ бить отрокъ нещадно,
Хотящу наслѣдити не будетъ отрадно.

Вождь 1.

На повелѣніе ти пріидохъ готовый,
Имамы творить дѣломъ, еже речеши словы.

Вождь 2.

Что повелиши, царю, тое будетъ дѣломъ;
Желаемъ ти работать душею и тѣломъ.

Иродъ.

Хощу, да будутъ ваши мечи обнаженны
И серца ко моему сердцу сопряженны.
Мечи, въ купу сложивше, да всякъ лобызаетъ;
Аще ми будетъ вѣренъ, симъ да освѣщаетъ;
Еще же крове нашой смѣшавше вкусѣмо.
Юнче! гряди воскорѣ, чашу подаждь сѣмо.
Се азъ въ первыхъ источу, ты же твори тако,
И ты, да и во бранѣхъ будетъ вамъ еднако.

Вождь 1.

Готово; зри не токмо з рукъ кровь источити,
Но и главъ не пощадѣмъ за тя положити.

Иродъ.

Пимо, се глаголюще: Буди въ храбрость нашу,
Новъ же царь да испіетъ о насъ смертну чашу.

Вождь 1.

Благополученъ всегда да долгоденствуешь!

Вождь 2.

И надо царемъ новымъ здравъ да долгоденствуешь!

(Піютъ).

Иродъ.

Нынѣ убо десницу крѣпко вооружите;
Въ Виѳліема предѣлы скорѣе бѣжете;
Будите безъ милости, будите жестоки:
Избите двоюлѣтны и вящше отроки,
Да между тыми новый царь убіенъ будетъ,
Моя же вѣчна слава въ цѣлости пребудетъ.

Вождь.

Готовы дѣломъ сія исполнити;
Ты же, монархо, зволь благословити.

Пѣніе.

Гласъ слышавъ—въ Рамѣ Рахили рыдаше,
Яко любезныхъ чадъ си не видяше,
вопль испускаше.
О чада моя, чада прелюбезна,
Очесемъ моимъ красотою полезна!
плачу васъ слезна.
Никогда плача азъ не утолюся;
Дондеже лицемъ васъ не наслаждуся,
сама убьюся

Явленіе 9-е Убіеніе отрочатъ неслышимое, но зримое.
Явленіе 10-е Плачь и рыданіе о убіенныхъ отрочатъ подобіемъ плачевной Рахили.

Глаголати ли имамъ или молчати буду,
Егда мя вопросите, кто есмь и откуду?
Глаголати пространно плачь ми препинаетъ,
А хлипаніе часто рѣчь ми присецаетъ.
Молчати невозможно сердцу болѣзненну,
Имущему печальми душу уязвленну.
Мощно ли утайти огнь, въ нѣдрехъ скровенный?
Иный не утайть болѣзни духъ опечаленный,
Но отъ болѣзненныя души провѣщаетъ
Внутрь сущую всѣмъ; «я въ горѣ есть»—возвѣщаетъ.
Возвѣщу убо и азъ на мене смотрящимъ
И яже о мнѣ знати извѣстно хотящимъ.
Азъ есмь плачь, рыданіе скорбные Рахили,
Еже сердце многи скорби уязвили,

Вѣстели о людіе, кто та Рахиль бяше?
Та, яже Іякову сожительствоваше; —
Іякову супруга мужу святу, честну,
Видѣвшему иногда лѣствицу небесну,
По нейже восхождаху, нисхождаху ноги
Ангеловъ, сказующихъ спящу тайны многи.
Того мужа та жена, о ней написано:
«Гласъ въ Рамѣ Рахилинъ слышано:
Рахиль плакаше своихъ чадъ прелюбезнѣйшихъ,
Погубляемыхъ отъ рукъ немилостивѣйшихъ,
И утѣшити себе отнюдь не хотяше,
Понеже дѣтей своихъ истребленныхъ зряще».
Но речетъ кто, яко та двоихъ токмо мѣла
Сыновъ, ихъже по долгомъ неплодствѣ родила:
Іосифа прекрасна и Веніамина,
По первородному чадѣ послѣдняго сына;
Обаче тыи цѣлы, а живыи пребываше
И въ народъ ся премного тыи расплодиша;
О комъ убо печется та слезная мати?
О комъ тужитъ, сѣтуетъ? о коемъ дитяти?
Таковая глаголющь не вѣсть тайны Бога,
Егоже постижныи судьбы бездна много.
Да увѣсть убо тайну ту, не всѣмъ вѣдому,
Яже дѣема бяше въ Яковлѣ дому:
Безчадна Рахиль долго духомъ си тужаше,
Яко супружескаго плода не рождаше.
Егдаже разрѣшилъ Богъ оноя неплодство,
Услышавъ мольбу теплу, даде чадородство,
Даде ей купно и даръ зъ своей благостыни—
Пророческаго духа быть ей пророкини,
Еже будущая то умнѣ предсмотрѣти
И вѣдати, каковы будутъ ея дѣти,
Дѣти, внуки, правнуки въ послѣдняя роды,
Счастье ихъ и несчастье, плѣны и свободы.
Во первыхъ убо, егда родила первенца
И еще не вскормила своего младенца,
А уже въ ночномъ сонномъ видѣніи зряше
То, еже Іосифу быти имѣяше:
Зряше того ведома, егоже связаша,
Яко плѣнна раба отъ братій продиша,
Плачуща и рыдающа, къ рождьшей вопіюща;

«Рахили! О Рахили!» слезнѣ глаголюща:
«Рахили, мати моя! почто мя остави,
О мати! чадо твое? отъ злыхъ рукъ избави!»
Того Рахиль въ видѣніи соннѣмъ часте зрящи,
Обаче со ужасомъ воспряну, стенящи,
И, объемши младенца матерски руками,
Слезы отъ очію си точаше рѣками.
Таже, егда зачала и Веніамина,
Прежде рождества того послѣдняго сына,
Еще во утробѣ своей младенца имущи,
Уже пророческій вѣкъ предъузрѣ будущій:
Племя Веніамина како имѣ быти,
Въ бѣдахъ, скорбѣхъ, печалѣхъ гинути, не жити,—
Ово отъ своихъ, ово отъ чуждыхъ гонимый,
Отъ всѣхъ убиваемый, весьма нещадимый.
Предзряше пророчица она всю подробну
Имѣвшую брань быти междусобну,
Въ неже Веніамина отъ сподствѣтлаго солнца
Истребится отъ своихъ пеленъ до конца,
А за едино токмо скверна грѣха дѣло,
Егоже и помысломъ вспомяну не мало.
Предзряше и другое злое время мати,
Яко мечь Ассиріевъ имѣ поядати
Останокъ Веніаминь, а неизбіенныхъ
Зряше въ плѣнъ вавилонскій скованныхъ веденныхъ.
То Рахиль пророчески егда зряше убо,
Прегорькимъ рыданіемъ рыдаше сугубо
Ово о избіенныхъ, ово о плѣненныхъ
Чадъ своихъ прелюбезныхъ, въ конецъ разоренныхъ.
Иныхъ всѣхъ и о нѣхъ рыдаше не толма
Якоже о семъ часѣ возрыдая больма,
Егда узрѣ мечь острый скоро обнаживша
Виеліемскія дѣти избити имѣвша.
Ратуеми внуки себе защищаху,
Плѣненны свободы себѣ желаху;
А иже пелѣнами повиты дѣти—
Како мощно имъ бише себе защитити?
То предзрѣніе слезы Рахили точаше
И отъ горькаго плача престать не даяше
Даже до скончанія. А егда плачася
Роди Веніамина и вскорѣ скончася,

Тѣло ея честное камо погребенно,
Рахилею оное мѣсто нареченно;—
Мѣсто, идѣже потомъ Виѳлеемъ создася,
Отъ гроба Рахилина Рахиль градъ прозвася.
И егда въ Виѳлеемѣ лютость сотворися,
Рыданіе Рахили и плачь обновися:
Аще бо и мертвая тамо почиваетъ,
Обаче ея душа на все то смотряетъ.
И яко бывши жива, отъ имѣвшихъ быти
Рыдаше, такожде и преставшиі жити
Особь быти вещи, горчая рыдаетъ,
Яко же еваньилистъ то воспоминаетъ:
«Слышится въ Рамѣ гласъ, горцѣ стенящій,
Отъ Виѳлеема града съ плачемъ исходящій,
Гласъ Рахилиі плачущей, но несравненно
Паче перваго плача много болѣзненно:
Тогда бо единою гортанію кричаше
И отъ единыхъ очесъ слезы испущаше;
А нынѣ, елико есть дѣтей, кровь ліющихъ,
Толико есть матерей, плачевнѣ ревущихъ».
Того плача азъ есмь гласъ и вѣстникъ повсюду,
Отъ Рахили дошедши даже и досюду,
Возвѣщающь слышащимъ печаль вельми смутну,
Младенцовъ избіенныхъ смерть зѣло укрутну.
Кто во васъ сердоболенъ духомъ умиленнымъ,
Поне мало поболи сердцемъ сокрушеннымъ;
Споболи рахилинымъ болѣзнемъ сердечнымъ,
Соплачи тоя теплымъ слезамъ безконечнымъ:
Иродъ, лютъ властолюбецъ, добра ненавистникъ,
Самаго діавола истинный намѣстникъ,
Новорожденна царя хотя погубити,
Посла неповинные младенцы избити;
Посла вооруженныи, аки на рать, воя,
Аки не на дающихъ супостатъ покоя.
Но, о прелюбезнѣйшій мучителю! слыши:
Егда ся незлобивыхъ младенцевъ біеши,
Егда ли тыя на тя полки собираютъ?
Егда ли на царство ти брани возставляютъ?
Котріе отъ матернихъ сосцевъ отрываютъ,
Неповинныхъ мечами лютѣ убиваютъ.
Еже азъ умнымъ окомъ егда созерцаю,

А моему плачевнѣ вѣщаю:
Сердце, твердѣйши опоки!
Жиши слезныя потоки?
Отъ жалости, аки воскъ не таешь,
Слезъ не истощаешь?
Зри, коль жалостныи и скорбные часы!
Сквозѣ пронзаютъ утробу ми гласы,
Слезныхъ матерей, плачущихъ о чадѣхъ
Въ весѣхъ и градѣхъ.
Чада любезна! въ кровь сіи углебаютъ,
Матери въ слезахъ горькихъ утопаютъ.
Егда біютъ вои чадъ немилосердны,
Неблагосердны.
Лютѣйшіи звѣри изъ рукъ похищаютъ,
Отъ сладкихъ сосцевъ обще отрываютъ,
Всѣхъ закалаютъ, агнецевъ незлобивыхъ
Не творятъ живыхъ.
Вся Виѳлеемска земля превращенна,
Въ кровь неповинныхъ дѣтокъ обагренна,
Въ полахъ и стогнахъ течетъ крове море.
Горе! Ахъ! горе!
Четырнадесять тысящь положили
И еще крове тыхъ ся не напили,
Не напоили звѣрообразнаго,
Ирода злаго.
Впойтъ невинность, въ небо вопіющи,
Утолишь жажду всѣрчистой пловущи
Рѣцѣ, егда самъ пойдешь въ ада руцѣ
Къ вѣчной муцѣ.
Плачу и плакать непрестанно буду,
Печали сея во вѣкъ не забуду,
Буду рыдати на злаго Ирода
Въ роды отъ рода.

Пѣніе: "Гласъ слышенъ въ Рамѣ" и прочая.

Вождь вой приноситъ главы отрочатъ и Иродъ радуется и вѣнчаетъ и отпускаетъ.

Явленіе 12.

Вождь.

Торжествуй, славый монархо, оттолѣ,
Мирно сѣдящій на твоемъ престолѣ!

Четыренадесятъ тысящь отрочатъ избихомъ,
Таможе и наступцу твоего уловихомъ;
Се въ знамя принесохомъ дѣти иные главы,
Да дѣтище твоея не терзаетъ славы:
Еяже ти живущи не хотѣли склонити,
Торжественнѣ на мертву изволь наступити.
Кидаютъ.

Иродъ.

Радость объятъ мя нынѣ толь велія зѣло,
Сколь великую прежде сердце жалость мѣло.
Вамъ же благодарствую за толики труды,
Вѣнецъ побѣдоносный отъ мене вамъ буди.
Не замедлю великимъ саномъ васъ почтити,
Нынѣ же помозите мнѣ ся веселити [1]).
Пѣвцы! торжественныя пѣсни воскликните;
Поюще же, во длани весело плещите,
Да мало утѣшимся по счастливомъ бою,
Потомъ будетъ склонитися время къ упокою.

Пѣніе.

Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшете, *и прочая.*

Иродъ.

Довольно ликовъ! Пѣвцы! нынѣ престанете.
Вельможи и вы вои! въ свояси идѣте.
Хощу мало уснути, сѣдяще на еронѣ,
На пресладкомъ почити Мореєуша лонѣ.
Аще случай явится, скоро здѣ придѣте,
Въ царскомъ управлени словы пособѣте.
Юнцы! вѣнецъ, скипетръ, мечь отъ мене возьмѣте:
Гдѣ ми есть сокровище, тамо понесете;
Сами же паки вскорѣ ко мнѣ приходите,
Здравія ми опасно и вѣрно блюдите,
Велѣте что инаго еще воскликнути,
Донелиже пресладцѣ возмогу уснути.

Пѣніе.

Спишь, окаянне, сномъ обремененный!
Гласъ невинности въ небо возведенный,
За кровь рыдаетъ, отмщеніе проситъ
О нечаянну смерть тебѣ голоситъ.

(Отроки отбѣгутъ Иродовы.)

---

[1]) Въ рукописи: *веселите.*

Явленіе 13 е.

Невинность.

Внимай, о небо, невинности гласу!
Не презри крови пролитой въ семъ часу
Насъ немовятнокъ, злобы не творившихъ,
жизнь оставшихъ!
Ничто же въ жизни злаго содѣяхомъ,
Не токмо злыхъ дѣлъ и словесъ не знахомъ,
Кромѣ любезнѣ матерь нарицати,
сосца вкушати.
Даждь отмщеніе отъ суда ти свята
На кровопивцу Ирода проклята:
Пролилъ еси кровь жизни отчаянне
ти окаянне!
Отвори гортань несыту змінну,
Пій, юже излилъ еси, кровь невинну;
Ея жаждалъ, нынѣ утолися,
возьми напися.
Простри утробу жадну несыту,
Лій въ ню кровь сію, лій чрезъ ти прилиту,
Пій и матерей пролитыя слезы,
Встосны и стезы.
Пій истекшія отъ скорбну зѣницу
Смотрящихъ воевъ на люту десницу,
Бьющу насъ; агнецевъ для твоей трапезы
Пій кровь и слезы.
Отъ крове нашой намъ порфиру сшилесь,
Бисерами слезъ матернихъ спестрилесь,
Увѣнчались намъ вѣчнымъ вѣнцемъ главы
вѣчныя славы.
По малой жизни мы вѣчне царствуемъ,
Тебѣ же вѣчну смерть ходатайствуемъ
Не злобы нашой, но Бога судьбами,
мстяща законами.

Истинна и два ангела.

Ангели! сѣмо невинность да придетъ,
Гласъ твой предъ Бога престолъ уже взыде
Еще слезы да зритъ и кровь вашу чисту!
Юже пролисте неповинну исту.
Даждь я ангеломъ и вѣнецъ на главу

Пріими и гряди во вѣчную славу;
Пріими маслину, то есть знакъ побѣды
За Иродовы на васъ всѣхъ обиды,
Егоже Отмщеніе безъ всяка откладу
На безконечны муки вѣчну предастъ аду.
Азъ, истая Истинна, вѣщаю ти исто,
Яко ему готово во адѣ уже мѣсто,—
Въ Цербера всегда будетъ гортани сидѣти,
Будетъ огнемъ серчистымъ объятый горѣти.
Ты же иди въ жизнь вѣчну. Ангели! пріимите,
Между ангеловъ лики сію водворѣте;
Со торжествующею въ небѣ торжествуйте.
Се азъ вама предъиду, вы мнѣ послѣдствуйте.

Явленіе 13-е.

Почнувся Иродъ стонетъ и немощнымъ гласомъ отрочатъ зоветъ.

Юноши! ахъ юноши! камо отъидосте?

Юноши.

Се есмы господине. [1])

Иродъ.

Чесо ради мя спяща здѣ пренебрегосте?

Парень 1.

Господине! великимъ быхомъ яты страхомъ
И того ради отъ тя спяща отбѣжахомъ.

Иродъ.

Кій страхъ?

Парень 2.

Исходило нѣкое лицо все бѣло,
Двѣ чаши носящее дерзновенно смѣло;
Мы недоумѣхомся, чтобы было тако,
Ужасны не могохомъ при тебѣ стать всяко.

Иродъ.

Горе ми окаянну! Азъ се видахъ спящій,
Еже ми прорицало смерть въ часъ настоящій;
Невинность то ко Богу за кровь си взывала,

---

[1]) Написано съ боку.

Юже излихъ, и тою мене напавала,
Слезы скорбны матерей пити ми даяше,
Отмщеніе въ небо и смерть ми взываше.
Горе! смерть ми настоитъ: все тѣло не може.
Юноши! молю, вскорѣ устройте ми ложе.

(Строятъ)

Здравствуй всякій, сѣдящій на моемъ престолѣ!
Азъ бо на немъ сидѣти не буду оттолѣ.
Побѣжите, да сѣмо пріидутъ вельможи.
Рците, яко царь лежитъ на смертельномъ ложи.

Парень 1.

Ты иди! Господина азъ буду хранити;
Но не изволь долгаго времени медлити.

Пѣніе.

О прелестнаго міра! Лютѣйшаго звѣря
Нынѣ вѣнчаетъ, а утро пожираетъ;
Дарствуетъ нынѣ злато, утро мещетъ въ блато;
Сидитъ на престолѣ, потомъ въ низкомъ долѣ.
О лукавствія міра! Лукавства не мало:
Въ пресладчайшомъ меду смертно имать жало;
Гдѣ сахаромъ лестныя слова посыпаетъ,
Пелунную горесть тамъ утаваетъ.

Явленіе 14-е.

Парень 2.

Великій господине! Вельможи пріидоша.
Смотри скорбныхъ, яко тя больна обрѣтоша.

Иродъ.

Умилосердитесь! Дайте ми пораду!
Не дайте ми умерти: подайте отраду.

Сенаторъ 1.

Бѣжи, юнче, по врача, да будетъ здѣ вскорѣ,
Егоже обрящеши на моемъ подворьѣ.

(Отрокъ пошелъ)

Сенаторъ 2.

Друзи! Азъ неслыханный смрадъ въ немъ ощущаю:
Не живуща, но смертна весьма его чаю.

Сенаторъ 3.

Рцы намъ слово, о царю! Что тебѣ болѣетъ?

Иродъ *(немощнымъ гласомъ)*.

Ахъ! увесь изнемогохъ; все тѣло дряхлѣетъ.

Сенаторъ 4.

Уступѣмо подалѣ: азъ не могу стати
Близко смрадна: ноздри бо требѣ затыкати.

Врачь.

Здравствуйте, первѣйшіи Ирода вельможи!
Что се вашего царя сложило на ложи?

Сенаторъ 1.

Тя вѣмъ врача искусна осмотрити болѣзни;
Можетъ ли аще съ нами пожити въ сей жизни?

Лѣкарь *осматриваетъ*.

Не гнѣвайтеся на мя: царь вашъ болѣнъ зѣло.
Не вѣмъ, аще му кое сопоспѣшитъ дѣло.
Смотрите: по всему тѣлѣ множится огница,
Всю утробу повреди лютая чревница;
Се уды всѣ сорвенныи, всѣ весьма согниша,
Ноздри ощущеніе свое заградиша,
Увесь въ болѣзнехъ смертныхъ и жити не може.
Извольте готовити ему гробно ложе
И сами, аще кто з васъ хощетъ здравъ быти,
Изволите опасно всякъ себе хранити.
Смертенъ есть и всякаго онъ смертна сотворитъ,
Аще обонянія кто здѣ не затворитъ.
Азъ большъ стоять не могу; господа, простѣте!
И сами, совѣтую, долго не медлѣте.

Иродъ.

Что вамъ врачь глаголаше, да азъ вѣмъ недужный;
Повѣсте, что ми будетъ въ сей часъ горькій нужный.

Сенаторъ 2.

Смертенъ ти часъ настоитъ. Изволь ожидати;
Намъ же здѣ ради смрада немощно стояти.

Явленіе 15-е.

Иродъ.

Ахъ вельможи и вои! что остависте мя?
Стоите, дондеже тѣла азъ низложу бремя.
(Голосъ) Уже не время.
Ахъ горе! Кій гласъ уши страшный проникаетъ?
Болѣзненно ми сердце смертію страшаетъ?
Въ гробъ посылаетъ.
Тако ли то, еортуно, измѣняти знаешь?
Вчера на престолъ, нынѣ въ гробъ мя посылаешь?
Вскорѣ дознаешь.
Не давно вельможъ, воевъ чина окружали;
А нынѣ окаянна всѣ мя отбѣжали.
Время дознали.
Ахъ! съ мірскими благами тяжко ся разстати;
Тяжше въ рѣцѣ гегеенской вѣчно утопати,
Не изринати.

Шепчучи говоритъ.

Ей! дай кто помощь и руку,
Ей кто добръ! утоли муку.
Ахъ! страшная вижду,
А, а! терплю страхъ.
Ахъ! душу устрашаютъ,
Ахъ! тѣло удручаютъ
Ахъ, ахъ, ахъ! *И упадетъ надъ пропасть.*

Отмщеніе.

Толико, окаянне, творити дерзнулесь:
Противъ Бога ярость, глупче, воздвигнулесь.
Се ти азъ, Отмщеніе, то сотворю вскорѣ,
Яко струпомъ си будешь скоро въ ада мори.
Коль смертныхъ язвъ невинныхъ сотворилесъ,
Толь тебѣ во адъ вѣчный дверей отворилесь!
Смертію отрочатъ всѣхъ животъ изгубити
Тщался еси; самъ въ смерти вѣчно будешь гнити.
Мирно съ Богомъ на земли не хотѣлесь жити:
Съ смертію будешь, или смерть тобою владѣти.
Не помогутъ вельможи, ни вои избранны.
Иди во адъ на вѣки, иди, окаянный!
Блесни, молнія, съ неба! Разби, перунъ, тѣло!

Земле! пожри. Во вѣки тамъ будетъ се дѣло.
Такъ будетъ всяку грѣшну, кто Бога убиваетъ,
Различными грѣхами мучитъ, распинаетъ.
Се гегенну готову зря, всякъ да боится,
Да Ироду гордому здѣ не собразится.

Пѣніе.

О гордость міра! Что се сотворила?
Сама себѣ во адъ двери отворила,
Отъ Люцыпера завистію злою
Для непокою.

Явленіе 16-е.

Иродъ *въ узахъ ада.*

Горе! горе! Ахъ, горе! Нестерпимой муки!
Въ гортань достахся ада, не точію въ руки!
Горе! Палитъ мя пламень, палитъ мое тѣло;
Изъ утробы дышущу, горе! палитъ зѣло;
Внутрь мене огнь пекельный душу сожигаетъ;
Змій въ сердцѣ и утробѣ жало угрызаетъ;
Грызетъ мою утробу мука нестерпима.
О муки! Ахъ огня, въ вѣкъ неугасима!
Горю! горю! Мучуся, мучуся во вѣки!
Не воскресну отъ смерти между человѣки!
Ахъ! почто азъ родихся? Ахъ! почто родихся?
По малой жизни во смерть въ вѣчную вселихся.
Проклятъ родитель, мати проклята ми буди!
Почто мене родили, почто между люди?
Проклятъ тотъ день буди, буди часъ проклятый,
Воньже рожденъ есмь, иже муками объятый!
Всѣ дни, часы, минуты, прокляты вся годы,
Яже изжихъ суетно, проклятый во вся роды!
Проклята гордость! Та мя во вѣкъ погубила,
Та мя противу Бога брань творить учила.
Прокляты и вельможи за своя совѣты,
Наустившіе мя бить [1]) невинные дѣти!
Прокляты и всѣ вои, что не пощадѣша!
Почто число толмко беззлобныхъ избиша?

---

[1]) Въ рукописи: быть.

Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку!
Проклятъ самъ себе давый въ Люцпыера руку:
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка.!
Смотря на мя, гордяйся гордиться престани,
Да некогда со мною въ сей будешь гортани.

Пѣніе.

О гордость міра! *и прочая*

Явленіе 17-е.

Смерть.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егожъ желала,
Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
Кровію виѳіемску землю напоила.
Чьтырнадесять тысящь, отъ сею косою,
Покосила отрочатъ, якъ траву зъ росою.
А што лучшее—царя Ирода убила
И въ Цербера гортани того посадила:
Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
Тымъ сильна обладати буду во вся вѣка,
Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

Жизнь.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, жизни, не чуешь?
Не умре натура людска, но ввѣкъ жива будетъ,
Твоей области данна никогда не будетъ.
Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды,
Ты, яже еси нынѣ отселѣ изгнанна,
Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна.
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И содить со собою моя человѣки.
Вы натуру людску сѣмо приведѣте,
Близь меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.

Сяди, натура людска, сѣмо на престолѣ
Азъ тя жизнь, оставляти не имамъ оттолѣ.

Натура.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, натура бренна,
Яко человѣчество тако возлюбилось: —
Съ тобою пребывати всегда сподобилось.

Жизнь.

Пріими вѣнецъ пречестный первый ти на главу
Вѣчну буди, имуща всегда о мнѣ славу;
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь вѣчну хощу взяти.

Явленіе 18-е.

Крѣпость Божія.

Разными дарованьми человѣкъ почтенный
Отъ Бога, Егоже есть дланью сотворенный:
На что на памятаяй суетѣ вдадеся?
Противъ самаго Бога града вознесеся?
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный.
Но, ахъ! кротость низвергохъ съ небеснаго града
И предай того лютой во вѣкъ муцѣ ада
Сиде и человѣка, гордо вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыперомъ быти посажденна, —
Ирода, проклятаго, иже суетою
Уловленъ, соплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Хртста Бога рожденна убити:
Мнѣлъ бо себе большаго, неже Бога быти.
Кто есть велій, яко Богъ, Ироде проклятый?
Сѣди нынѣ умаленъ, ада узы ятый.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами сиі и на крестѣ распинаетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешь.
Азъ есмь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги
Гордый ти за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агнчее сердце уготуетъ,
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такими пожируетъ.

Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку!
Проклятъ самъ себе давый въ Люцпыера руку:
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка.!
Смотря на мя, гордяйся гордиться престани,
Да некогда со мною въ сей будешь гортани.

Пѣніе.

О гордость міра! *и прочая*

Явленіе 17-е.

Смерть.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егожъ желала,
Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
Кровію виѳлеемску землю напоила.
Чьтырнадесять тысящь, отъ сею косою,
Покосила отрочатъ, якъ траву зъ росою.
А што лучшее—царя Ирода убила
И въ Цербера гортани того посадила:
Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
Тымъ сильна обладати буду во вся вѣка,
Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

Жизнь.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, жизни, не чуешь?
Не умре натура людска, но ввѣкъ жива будетъ,
Твоей области данна никогда не будетъ.
Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды,
Ты, яже еси нынѣ отселѣ изгнанна,
Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна.
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И содить со собою моя человѣки.
Вы натуру людску сѣмо приведѣте,
Близь меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.

Сяди, натура людска, сѣмо на престолѣ
Азъ тя жизнь, оставляти не имамъ оттолѣ.

Натура.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, натура бренна,
Яко человѣчество тако возлюбилось: —
Съ тобою пребывати всегда сподобилось.

Жизнь.

Пріими вѣнецъ пречестный первый ти на главу
Вѣчну буди, имуща всегда о мнѣ славу;
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь вѣчну хощу взяти.

Явленіе 18-е.

Крѣпость Божія.

Разными дарованьми человѣкъ почтенный
Отъ Бога, Егоже есть дланью сотворенный:
На что на памятаяй суетѣ вдадеся?
Противъ самаго Бога града вознесеся?
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный.
Но, ахъ! кротость низвергохъ съ небеснаго града
И предай того лютой во вѣкъ муцѣ ада
Сиде и человѣка, гордо вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыперомъ быти посажденна, —
Ирода, проклятаго, иже суетою
Уловленъ, соплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Хртста Бога рожденна убити:
Мнѣлъ бо себе большаго, неже Бога быти.
Кто есть велій, яко Богъ, Ироде проклятый?
Сѣди нынѣ умаленъ, ада узы ятый.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами сні и на крестѣ распинаетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешь.
Азъ есмь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги
Гордый ти за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агнчее сердце уготуетъ,
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такими пожируетъ.

Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку!
Проклятъ самъ себе давый въ Люцпыера руку:
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка.!
Смотря на мя, гордяйся гордиться престани,
Да некогда со мною въ сей будешь гортани.

Пѣніе.

О гордость міра! *и прочая*

Явленіе 17-е.

Смерть.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егожъ желала,
Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
Кровію виѳлеемску землю напоила.
Чьтырнадесять тысящь, отъ сею косою,
Покосила отрочатъ, якъ траву зъ росою.
А што лучшее—царя Ирода убила
И въ Цербера гортани того посадила:
Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
Тымъ сильна обладати буду во вся вѣка,
Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

Жизнь.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, жизни, не чуешь?
Не умре натура людска, но ввѣкъ жива будетъ,
Твоей области данна никогда не будетъ.
Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды,
Ты, яже еси нынѣ отселѣ изгнанна,
Вѣждь, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна.
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И содить со собою моя человѣки.
Вы натуру людску сѣмо приведѣте,
Близь меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.

Сяди, натура людска, сѣмо на престолѣ
Азъ тя жизнь, оставляти не имамъ оттолѣ.

Натура.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, натура бренна,
Яко человѣчество тако возлюбилось: —
Съ тобою пребывати всегда сподобилось.

Жизнь.

Пріими вѣнецъ пречестный первый ти на главу
Вѣчну буди, имуща всегда о мнѣ славу;
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь вѣчну хощу взяти.

Явленіе 18-е.

Крѣпость Божія.

Разными дарованьми человѣкъ почтенный
Отъ Бога, Егоже есть дланью сотворенный:
На что на памятаяй суетѣ вдадеся?
Противъ самаго Бога града вознесеся?
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный.
Но, ахъ! кротость низвергохъ съ небеснаго града
И предай того лютой во вѣкъ муцѣ ада
Сиде и человѣка, гордо вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыперомъ быти посажденна, —
Ирода, проклятаго, иже суетою
Уловленъ, соплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Хртста Бога рожденна убити:
Мнѣлъ бо себе большаго, неже Бога быти.
Кто есть велій, яко Богъ, Ироде проклятый?
Сѣди нынѣ умаленъ, ада узы ятый.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами сиі и на крестѣ распинаетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешь.
Азъ есмь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги
Гордый ти за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агничее сердце уготуетъ,
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такими пожируетъ.

Агнцу, иже за тебѣ закланъ быть родися
Не якъ лвовый Иродъ, кротокъ поклонися.

Эпилогъ.

Показавши измѣну міра сего лестну
Тебѣ, слышателеви нашему пречестну,
За любовные слухи всѣмъ благодарствуемъ,
Такожде нарожденнымъ Христомъ привѣтствуемъ!
Здравъ и благополученъ да долгоденствуешь,
Потомъ вѣчно на небѣ съ нимъ же да царствуешь
Всѣ едиными усты и сердцы желаемъ,
Простѣте согрѣшившихъ въ дѣйствѣ, умоляемъ.

III.

СМѢСЬ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ О ОБЩЕСТВѢ ДУХОБОРЦЕВЪ.

(Писано въ 1805 году).

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего въ семъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ. Среди простаго народа, народа по большой части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи безъ познанія духа оной, вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія грекороссійской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови христовой подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію таковые люди не могли оставаться покойными какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самаго правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отвсюду терпѣли почти безпрестанныя гоненія: каждая встрѣча съ священникомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствія и, въ заключеніе, каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождаема была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждой ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило объ нихъ большею частію по донесеніямъ нижняго начальства и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственные преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончиться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I-го.— Въ 1801 году находившіеся въ слободско-украинской губерніи для обревизованія оной сенаторы Лопухинъ и Нелединской—Мелецкій первые открыли передъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и по представленіямъ сихъ ревизоровъ Его Величество, желая отдѣлить духоборцевъ какъ въ слободско-украинской, такъ и въ новороссійскихъ губерніяхъ живущихъ, Высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя Воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находящіеся въ тамбовской и воронежской губерніяхъ духоборцы, и имъ сіе переселеніе такъ же дозволено.

I. Происхожденіе духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1788 году и, вѣроятно, бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ Амвросіемъ. Симъ названіемъ конечно хотѣли означить тогда ересь, — содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ названо иконоборческою ересью; но духоборцы сами, производя названіе сіе отъ духа, къ объясненію онаго говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. И такъ по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духободрцами. — Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ ученіе иконоборческою ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочимъ и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами; молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное, а слово фармазонъ есть испорченное и значитъ тоже, что — масонъ. — Что касается до нихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имъ вовсе неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе такъ же не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорятъ только, что они происхожденія трехъ отроковъ: Ананіи, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страждутъ и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ донынѣ было общество разсѣянное. Они нигдѣ не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣскольку семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній; братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ такъ же, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи, но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаямъ, когда напримѣръ кому нибудь изъ ихъ собратіи случится быть въ тѣхъ

мѣстахъ за своими нуждами или по торговымъ оборотамъ: въ случаѣ жь нужды посылаютъ иногда и нарочныхъ.

II. Образъ или жизнь духоборцевъ.

Если не касаться до правилъ исповѣдыванія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни. Въ 1792 году екатеринославскій губернаторъ Каховскій въ донесеніи своемъ къ бывшему тогда генералъ-прокурору Вяземскому между прочимъ представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ и суть благонравны. Государственныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. — Лѣность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное несходство и даже противуположность ихъ въ сравненіи съ прочими крестьянами. Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не покланяются иконамъ, во время молитвы не дѣлаютъ на себѣ рукою крестнаго знаменія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ веселостяхъ мірскихъ людей. Вотъ уже столькожъ причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновеннаго общества крестьянъ и такъ же служившихъ всегдашнимъ поводомъ и къ безпрестанному ихъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе безполезна и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признаютъ церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ. Въ семъ увѣреніи они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій, однакожь не имѣютъ для того особо назначеннаго какого либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ какихъ либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякой день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія.

Впрочемъ собранія сіи большею частію бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ; потому, что если бы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязанію въ пренебреженіи государственныхъ установленій.

Такимъ образомъ всякой изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ свою собратію. Если же таковое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу или иногда приносятъ оную съ собою; ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ. — Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга,—мущины мущинъ и женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно, при чемъ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Тріипостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отгнанія гордости: рука за руки берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутрь себя.

Въ продолженіи собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другаго, какія кто знаетъ, поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову божію. А какъ они всѣ почти не умѣютъ читать, а потому и не имѣютъ у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніяхъ изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ, они признаютъ священника единаго, праведнаго, нелживаго, нескверпаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ,—Христа; Онъ же единъ и учитель ихъ. И такъ въ собраніяхъ поучаются они слову божію другъ отъ друга. Всякой можетъ говорить, что знаетъ къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не исключаются; ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ,—*а свѣтъ въ разумѣ.*—Молятся стоя или сидя, какъ случится.

По окончаніи собранія такъ же бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго, и послѣ того вся братія расходится по своимъ домамъ.

Все сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ духоборческихъ собраній относится къ тѣмъ только духоборцамъ, кои жили, или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что жъ касается до поселившихся на Молочныхъ Водахъ, то они дѣлаютъ собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ,—кругѣ мущинъ и кругѣ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый

имѣніе свое почитаетъ общимъ. — По переселеніи ихъ на Молочныя Воды они доказали сіе и на самомъ дѣлѣ: ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ, что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазейна; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится.

Страннопріимство такъ же не послѣдняя между ими добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ничего ни за постой, ни за пищу. Впрочемъ дабы братія ихъ не могли со временемъ развратиться отъ пристающихъ у нихъ стороннихъ людей, то для сего построенъ на Молочныхъ Водахъ особой общественный домъ, гдѣ должны останавливаться всѣ таковые проѣзжающіе. Здѣсь такъ же пристаютъ и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны: самыя мѣстныя начальства при всѣхъ взводимыхъ на нихъ клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту: ибо никогда почти не бьютъ онаго.

Строго такъ же наблюдается между ими почтеніе дѣтей къ плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и сіе исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключаемомъ потерянъ уже духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ и другимъ братіямъ. Но прежде таковаго исключенія, каждый изъ братіи, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобной поступокъ, по точному смыслу священнаго писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; если проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщеваетъ при двухъ или трехъ братьяхъ; если не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи, но если и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однако же примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братіи, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ оное безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякого принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ

притомъ по возможности и имуществомъ. Впрочемъ исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившіеся могутъ и опять приняты быть въ оное, если совершенно раскаются предъ нимъ въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь; чему такъ же не рѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ и земледѣлецъ земледѣліемъ, но какъ большая часть изъ нихъ суть земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣліе; нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣтъ никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ; письменныхъ постановленій и правилъ такъ же нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы кажется быть разногласіе и безпорядокъ; однакожь таковаго безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ Водахъ до трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управленія семействъ въ частности взятыхъ, то слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ еще въ возрастъ дѣтей конечно требуютъ уже другаго порядка. Въ каждомъ семействѣ натурально долженъ быть старшій и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону божію. — Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго въ управленіе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія дѣтей у духоборцевъ самой простой и единственной. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ; пересказываютъ имъ что нибудь изъ священнаго писанія и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ; когда же дѣти выучатъ уже нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы.

Впрочемъ и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержать отъ зла, если то въ немъ замѣтитъ.

При таковомъ воспитаніи духъ родителей мало по малу переходитъ и въ ихъ дѣтей, образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется, и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ и очень естественно, что между множества дѣтей каждой безошибочно отличить можетъ всѣхъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, такъ какъ колосье пшеницы между овсомъ.

III. Ученіе духоборцевъ.

1. Главнѣйшій догматъ исповѣдыванія духоборцевъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2. Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, — что они закона божія, вѣры Іисусовой. Извѣстный въ нашей церкви символъ вѣры они читаютъ и все содержащееся въ ономъ признаютъ за истину, но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3. Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго, неисповѣдимаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу Отцу, разумомъ Богу Сыну, волею Богу Духу Святому, такъ же: первое лице, свѣтъ — Отецъ Богъ нашъ; второе лице, животъ—Сынъ Богъ нашъ; и третье лице, упокой—Святъ Духъ Богъ нашъ; изображеніе Тріипостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ высота, Сынъ широта, Духъ Святый глубина. Сіе же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ и никто не можетъ выше его возглаголить; Сынъ широкъ разумомъ, глубины никто не можетъ испроповѣдать.

4. Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ ученіи; они признаютъ пришествіе Его во плоти, дѣянія, ученіе и страданія; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что ни содержится въ Евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насъ зачаться, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семъ-то полагаютъ они процессъ новаго рожденія, или обновленія человѣка. Они говорятъ, что самъ Іисусъ былъ и есть Евангеліе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5. Вѣруютъ, что кромѣ Бога и Христа Его нигдѣ нѣтъ спасенія; но если Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и онъ самъ спасти человѣка не можетъ.

6. Ко спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ какъ и дѣла безъ вѣры; вѣра живая одна, и есть сердечное принятіе Евангелія.—

7. Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: «Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.»

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его и онъ уже думаетъ только о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и тоже. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго, или крещеннаго свыше суть дѣла новаго человѣка.

Въ протчемъ крещеніе сіе имѣетъ по ихъ мнѣнію 7-мь состояній, или степеней: *первое* крещеніе есть оставленіе грѣховъ; *второе* помазаніе мура, то-есть познаніе міра или разумѣнія пути господня; *третіе* рѣченіе слова господня, или глаголъ божій; *четвертое* елеосвященіе, или освященіе молитвы; *пятое* исповѣдываніе духовное; *шестое*, причащеніе духовное; *седьмое* кровемученіе, или смиреніе. Кровь означаетъ покрываніе слова божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Естьли кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ они полагаютъ седьмую степень духовнаго крещенія, или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ и таковый духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ безполезнымъ и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8. Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи соотвѣтственно его дѣламъ. Сіе послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9. Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему всѣ наши согрѣшенія молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоборцевъ великимъ преступленіемъ: есть ли по троекратномъ увѣщаніи таковый не усовѣстится, то они его отвергаютъ изъ общества.

Они сильно охуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвальбы и ложнаго смиренія и какъ

бы извиняя тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10. Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ христовымъ тайнамъ, во оставленіе грѣховъ, духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова божія, которое есть Христосъ и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проницаетъ человѣческій разумъ сквозь костей и мозговъ. Таинство причащенія тѣла и крови христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, не пріемлютъ; говоря, что хлѣбъ и вино входятъ во уста — какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11. Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости, и смиреніи духа.—Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

12. Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя; мы должны только имъ подражать, что и называютъ они «призывать ихъ дѣло», впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ всѣ безъ разбора святыми.

13. Бракъ у нихъ не почитаютъ таинствомъ и совершается — по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣтъ между духоборцами никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамиліи, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ, довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Иногда однакожь случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ какъ скоро мущина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ уже отказаться, имѣть ее и своей женою; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергнутся и прелюбодѣи, естьли бы случились оные.

Разводъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ; ибо сіе было бы такъ же прелюбодѣйство. Но естьли бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе конечно зависитъ отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены, и жена по смерти мужа, могутъ паки вступать въ бракъ даже до трехъ разъ, чему однакожь почти не бываетъ при-

мѣровъ; они говорятъ: «христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать».

14. Усопшихъ поминаютъ они добрыми дѣлами, и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ въ царствіи Своемъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти безполезнымъ. Впрочемъ кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; такъ же никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается сіе одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда сдѣлались они явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15. Сотвореніе перваго человѣка исповѣдаютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть: что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. По душѣ до паденія онъ былъ чистъ и непороченъ и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или по ихъ выраженію, онъ былъ въ смиренномъ тѣлѣ. Паденіе перваго человѣка полагаютъ они въ преступленіи заповѣди божеской. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила; — сила въ Богѣ,—а Богъ въ человѣкѣ.

16. Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію родятся злыя и дѣти; но притомъ утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

17. Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси, и что души праведныхъ въ руцѣ божіей, а потому не прикоснется къ нимъ мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада, что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себѣ скорой погибели, и что адъ состоитъ на злобѣ. О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погибнетъ, что дѣло каждаго приводитъ въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

18. Что жъ касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшныхъ на судъ съ ихъ тѣлами, то духоборцы въ сужденія о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19. Вообще они неохотно или и вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченіи Спасителя, сказавшаго: не мещите бисера предъ свиньями. Они говорятъ, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ. Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія христова отвѣчали, что, судя по дѣламъ въ мірѣ творящимся,надобно ему быть скоро.

20. Дабы человѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ; они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь господень и исполнять его.

21. Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволъ присутствуетъ.—Плясуны какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весною съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но всѣ остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

22. Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опрятно, чѣмъ они и сами по ихъ увѣренію отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ; нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ симъ убранствамъ. Тоже думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины и образа служатъ украшеніемъ дома и пріятны для глазъ, но покланяться имъ отнюдь не должно и есть грѣхъ смертельный.

23. О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку, они говорятъ, что поелику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ ни въ другомъ не полагаютъ ни малѣйшей важности. Естьли бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились бы себѣ оныя выбрить.

24. Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость конечно заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды и установленіе грекороссійской церкви; но поелику внутренно они ихъ ни мало не уважали, то, дабы не обнаружить об-

раза своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали особыя свои назначенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ; напримѣръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что *первая* просфора есть согласіе православной вѣры; *вторая*—любовь нелицемѣрная; *третія*—поученіе въ правомъ достоинствѣ; *четвертая*—принятіе святыхъ таинъ; *пятая*—просвѣтитель.

Пріобыкнувъ къ такому гіероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственныя значенія и ко многимъ другимъ предметамъ. Такъ напримѣръ: къ каждому дню седьмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ наставленій.

Понедѣльникъ — Вся дѣла господня повѣдай.
Вторникъ — Второе рожденіе человѣка.
Среда — Зоветъ Господь людей ко спасенію.
Четвергъ — Чтите Господа во Святыхъ Его.
Пятница — Пой, прославляй имя Его.
Суббота — Бойся суда господня дабы не погубить душу свою въ неправдѣ.
Воскресенье — Воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и пріиди къ царствію небесному.

Седьмь небесъ означаютъ у нихъ седьмь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ; *первое* небо есть смиреніе, *второе*—разумѣніе, *третье*—воздержаніе, *четвертое*—братолюбіе, *пятое*—милосердіе, *шестое*—совѣтъ, *седьмое*—любовь; тамъ живетъ и Богъ. Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей.—Сіи друзья суть:

1. *Правда*. . . Она человѣка отъ смерти избавляетъ.
2. *Чистота*. . Она человѣка къ Богу приводитъ.
3. *Любовь*. . . Идѣ же любовь, тамъ и Богъ.
4. *Труды*. . . . Тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
5. *Послушаніе*. Скорой путь ко спасенію.
6. *Неосужденіе*. Безъ труда человѣку спасеніе.
7. *Разсужденіе*. Всей добродѣтели свыше.
8. *Милосердіе*.. Отъ того человѣка самъ сатана трепещетъ.
9. *Покореніе*. . Самаго Христа Бога нашего дѣла.
10. *Молитва съ постомъ*. Они человѣка съ Богомъ соединяютъ.
11. *Покаяніе*. . Нѣтъ такого закона и заповѣди свыше.
12. *Благодареніе*. Радостно Богу и ангеломъ Его.

Кто пойметъ сихъ дванадесяти друзей, за того человѣка заступятъ дванадесятъ ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.—

Для образца предлагаются здѣсь и двѣ молитвы, изъ тѣхъ какія читаютъ у нихъ въ собраніяхъ.

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, Ты тамо еси; аще возьму крылѣ мои рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрящу вѣчный животъ, аще не въ Тебѣ, Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрящу инаго утѣшенія, радость, пристанище, покой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебе, Господи Боже мой? Ты бо глаголы вѣчнаго живота имаши въ себѣ. Ты еси источникъ живота, подателя всѣхъ благъ твоихъ. Возжада къ Тебѣ душа моя, возжада къ Тебѣ мое сердце, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имяни, преслаткаго Господа моего Іисуса. Да уранена имъ будетъ душа моя, да уязвенно будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйшее во всемъ житіи моемъ паче Твоего Пресвятаго Духа, будутъ сладки словеса Твоя гортани моему и устомъ моимъ паче меда, оправданія Твоя вожделенны мнѣ будутъ, Господи, паче злата, каменія честна, много слаще паче меда и сота.

2.

Како Тебе мы имемъ любити, Господа своего? Ты бо еси животъ мой; Ты бо еси спасеніе мое, слава и похвала; Ты бо еси мое богатство, вѣчное сокровище, Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радованіе, вѣчной покой. Лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безъизвѣстную, превратную, или вещь погибельную, ложную, нежели Тебе, истиннаго живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе, сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя, вся воздыханія моя къ Тебѣ единому полагаю; Тебе, Господи, взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имамъ вся внутренняя, членови мнози; къ Тебѣ единому изліюсь, весь буду въ тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣмъ и познаю Тебе во истинномъ во единомъ истиннаго Бога Господа, Егоже послалъ Іисуса Христа, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго духа.

25. Духоборцы, пріѣзжавшіе въ прошломъ 1804 году въ С.-Петербургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселе-

нію на Молочныя Воды, при обратномъ ихъ отъѣздѣ въ свои мѣста предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы: не лучше ли имъ провесть праздникъ въ С.-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: «для насъ все равно потому, что праздникъ съ нами внутрь насъ».

Когда же увѣщеваемы были, чтобы поселясь на Молочныхъ Водахъ жили они тихо и скромно и никого бы не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно, что сѣять для того они больше не будутъ, и что теперь наступило время жатвы, а не посѣва.

О НАРОДАХЪ НА СТРАШНОМЪ СУДѢ

ПО ОДНОМУ ЛИЦЕВОМУ СБОРНИКУ XVII ВѢКА, НОВГОРОДСКОЙ СОФІЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Эпизодъ о народахъ, собравшихся на послѣднее судище передъ Небеснымъ Судіею, едва ли не самый характеристическій и замѣчательный въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда и въ описаніяхъ этого сюжета въ толковыхъ подлинникахъ [1]). Въ дополненіе къ общеизвѣстнымъ подробностямъ этого эпизода предлагаю любопытнѣйшій варіантъ по одному сборнику конца XVII вѣка, принадлежащему новгородской софійской библіотекѣ, подъ № 1430, въ листъ, на 57 листахъ (нынѣ въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи).

Этотъ сборникъ, весь въ лицахъ съ объяснительнымъ текстомъ, безъ начала и безъ конца, вѣроятно, составлялъ часть Синодика съ повѣстями [2]). Описаніе страшнаго суда въ лицахъ помѣщено въ этомъ сборникѣ между повѣстями и другими назидательными статьями, изъ нихъ иныя взяты изъ русскихъ источниковъ, что придаетъ особенную цѣну Софійскому сборнику сравнительно съ другими того же рода.

Чтобы познакомить читателей съ любопытнымъ содержаніемъ этой рукописи, предлагаю общее обозрѣніе всѣхъ статей ея въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ, а въ описаніи страшнаго суда войду въ бо́льшія подробности.

---

[1]) См. мои Историч. Очерки, II, стр. 133 и слѣд.

[2]) Слич. тамъ же, I, стр. 622 и слѣд.

1) Чудо св. Варлаама о пономарѣ, о моровомъ повѣтріи и о пожарѣ въ Новгородѣ. Слич. въ моихъ Историческихъ Очеркахъ II, стр. 271 и слѣд.

2) Въ лѣто 6961, о взятіи Царяграда.

3) Маргаритъ. Слово 7, листъ 472. *Всякъ человѣкъ суета есть.*

4) Св. отца Еулогія *о томъ же* (?).

5) Слово отъ Старчества. Извѣстная повѣсть о томъ, какъ душа не выходила изъ мертваго тѣла одного праведнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока не была вызвана оттуда самимъ царемъ Давидомъ помощію звуковъ псалтыри. Надъ этою сценою изображены мытарства, по обычаю, въ кругахъ, привѣшенныхъ къ извивающейся линіи, а не составляющихъ звенья адской змѣи, какъ вообще было принято у насъ въ старину изображать этотъ предметъ.

6) Страшный судъ, начиная съ оборота 11-го листа. Этотъ предметъ изображенъ не цѣликомъ, въ одной картинѣ, но раздѣленъ на слѣдующіе эпизоды, отдѣльно одинъ отъ другаго:

— Іоаннъ Предтеча и другія священныя лица молятъ Небеснаго Судію о христіанахъ.

— Горній Іерусалимъ.

— Престолъ Господень съ мѣриломъ праведнымъ.

— Ангелъ трубитъ въ трубу надъ гробами умершихъ.

— Праведники и грѣшники проходятъ рѣку огненную.

— Вострубилъ Михаилъ Архангелъ, и земля и море въ видѣ символическихъ женщинъ отдаютъ мертвецовъ. Слич. въ моихъ Историч. Очеркахъ, II, стр. 137—138.

— Народы, сошедшіеся на страшное судище, рисованы на 14-мъ листѣ, раздѣленномъ на четвероугольники въ четыре ряда, по три въ рядъ. Всего 12. Въ каждомъ четвероугольникѣ особый народъ, писанъ въ видѣ толпы.

Первый рядъ: *Русь.—Жиды*, съ подписью: «Св. Моисей пророкъ взя Пилата и указаше ему Христа, крестъ и копіе». Слич. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 141—142.—*Ляхи.*

Второй рядъ: *Литва.* — *Крымляна*, съ бритыми лбами. — *Турки*, съ обритыми бородами и безъ усовъ.

Третій рядъ: *Еліны:* въ нѣмецкихъ короткихъ кафтанахъ, съ разрѣзами на полахъ, въ голландскихъ пышныхъ борнахъ, въ шляпахъ съ полями, въ штанахъ и въ башмакахъ съ чулками по колѣно. — *Агаряне.—Колмыки*, съ усами.

Четвертый рядъ: *Лопляня.—Жмойденя.—Кезелбашене.*

Въ подлинникахъ приводятся на страшный судъ слѣдующіе десять народовъ: 1) Жиды, 2) Литва, 3) Арапы синіе, 4) Индіяне, 5) Из-

маильтяне, *Песьи Главы*, 6) Турки, 7) Срацины, 8) Нѣмцы, 9) Ляхи, 10) Русь. См. Истор. Очерки, II, стр. 134. Это, какъ кажется, древнѣйшая редакція. Ее подновляетъ Новгородскій Софійскій сборникъ присовокупленьемъ народовъ, съ которыми входила Русь въ сношеніе въ теченіе своей исторической жизни. Эти народы: *Крилляна*, *Колмыки*, *Лопляни*, *Жмойденя*, *Кезелбашене*; что же касается до *Еллинъ*, то, судя по костюмамъ, надобно полагать, что ими замѣнены *Нѣмцы*, то-есть, вообще *нехристь*, *басурманы*; потому что все языческое и иновѣрное наши предки называли то нѣмецкимъ и басурманскимъ, то еллинскимъ.

За листомъ съ изображеніемъ народовъ слѣдуетъ:

— Ангелъ ведетъ праведныхъ въ рай.

— Ангелъ напущаетъ на грѣшниковъ бурю, то-есть, вѣтеръ съ громомъ и молніею. Вѣтръ изображенъ, согласно преданіямъ древнехристіанскаго искусства, въ видѣ мальчика, съ сіяніемъ вокругъ головы, дующаго въ трубу. Этого символическаго мальчика держитъ на рукахъ ангелъ. Слич. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 205. Точно такъ же изображаются вѣтры въ видѣ мальчиковъ, несомыхъ ангелами, въ лицевыхъ апокалипсисахъ, XVI—XVIII вѣка.

— Муки грѣшникамъ, въ отдѣльныхъ четвероугольникахъ. Между прочими встрѣчается и *Милостивый блудникъ*, привязанный къ столбу. Около него ангелъ. См. Историч. Очерки, II, стр. 140—141.

— Мытарства, въ видѣ круговъ, соединенныхъ другъ съ другомъ двумя черточками, означающими тянущійся хвостъ змія.

— Праведниковъ несутъ ангелы въ рай, а грѣшниковъ низвергаютъ въ вѣчныя муки.

— Адъ въ огнѣ.

За эпизодомъ о страшномъ судѣ продолжается рядъ повѣстей и назидательныхъ статей, а именно:

7) Повѣсть священноинока Симеона Суждальца, како римскій папа Евгеній составилъ осмый соборъ съ своими единомышленники.

8) Житіе св. Антонія Римлянина.

9) Св. Андрея Юродиваго. О невѣстѣ. — Како Ѳеодора мучитъ 15 лѣтъ епархъ.

10) Книга о вѣрѣ. О взятіи Царяграда отъ Римлянъ. Начало: «Въ лѣто 1204-е Французове и Латинницы, а инянно Балдве Фляндеръ со иными» и т. д.

11) Книга Андрея Цареградскаго Христа ради юродиваго. О кончинѣ и о Антихристѣ. — Опять идетъ рядъ изображеній загробной жизни страшнаго суда.

Ѳ. Буслаевъ.

ПОВѢСТЬ О ЧУДОТВОРНОМЪ ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ, НАХОДИВШЕМСЯ ВЪ ВЫДРОПУСКѢ.

(Сообщена Н. Л.)

—

Предлагаемая здѣсь повѣсть заимствована мною изъ сборника XVII вѣка, принадлежащаго Публичной Библіотекѣ (Отд. I. Q. № 239; Толс. II. 277). Кому случалось пересматривать наши старинные сборники, тому извѣстно, какъ много заключается въ нихъ повѣстей и сказаній этого рода. Едва ли не каждый образъ, не только чтимый цѣлымъ народомъ, но и какою нибудь отдѣльною областью, имѣетъ свое сказаніе, которое усердно переписывалось благочестивыми предками и служило любимымъ предметомъ чтенія. Какъ смотрѣть на нихъ тому, кто въ памятникахъ старинной письменности ищетъ прежде всего живаго отношенія ихъ къ дѣйствительности? какое мѣсто занимаютъ они въ ряду послѣднихъ и въ чемъ состоитъ ихъ литературное значеніе?

Въ непосредственномъ отношеніи ихъ къ дѣйствительной жизни сомнѣваться нельзя, потому что въ своей совокупности они выражаютъ собою характеръ народнаго вѣрованія, того религіознаго настроенія, которое было господствующимъ въ старину, которое и теперь сохраняетъ свою силу тамъ, гдѣ старина крѣпко держится преданія. Здѣсь вопросъ не въ оцѣнкѣ, съ современной точки зрѣнія, характера этого общаго въ старину религіознаго настроенія, а въ томъ, что̀ оно значило для своего времени, для своей жизни. Если мы будемъ оцѣнивать значеніе литературныхъ памятниковъ по степени и характеру выраженія въ нихъ общаго сочувствія народа къ ихъ содержанію, того, къ чему направлялись и около чего сосредоточивались народныя симпатіи, по выраженію духовныхъ интересовъ, духовной пищи, которыми въ ту или другую эпоху народъ воспитывался и возбуждался къ дѣятельности; то безъ сомнѣнія не откажемъ въ литературномъ значеніи повѣстямъ и сказаніямъ о чудотворныхъ иконахъ, даже независимо отъ заключающихся въ нихъ нерѣдко элементовъ народной поэзіи. Въ этомъ смыслѣ самыя чудотворныя иконы представятся намъ памятниками, къ которымъ, такъ сказать, тянуло религіозное чувство народа, которые собирали въ себя весьма значительную долю его религіознаго сознанія и изъ которыхъ народъ въ свою очередь черпалъ силу и воодушевленіе, нерѣдко рѣшавшія успѣхъ его истори-

ческихъ подвиговъ. Не будемъ здѣсь упоминать объ историческихъ событіяхъ, относящихся и къ внутреннему устройству жизни народа и къ внѣшней его дѣятельности, въ которыхъ эти памятники принимали живое и непосредственное участіе. Повѣсти же и сказанія объ этихъ памятникахъ въ этомъ смыслѣ представятся намъ, повторяю, выраженіемъ сосредоточеннаго около нихъ религіознаго чувства народа. Уваженіе къ нимъ и благоговѣйное перечитыванье ихъ должно было обратно дѣйствовать на поддержаніе и возбужденіе того же религіознаго чувства. Чудесное, въ большей или меньшей степени заключающееся во всѣхъ сказаніяхъ этого рода, не могло не дѣйствовать на фантазію народа, и должно согласиться, что это дѣйствіе, какъ бы мы ни смотрѣли на содержаніе самыхъ сказаній, было для него благодѣтельно въ томъ смыслѣ, что оно вполнѣ доступнымъ для него способомъ отрывало его отъ подавлявшей его иногда дѣйствительности, переносило его въ другой міръ, указывало ему на присутствіе подлѣ него, въ видимомъ ему предметѣ, божественной силы и тѣмъ укрѣпляло его и ободряло на борьбу съ жизнью. Въ этомъ заключается вліяніе поэтической стороны сказаній, которое также должно оцѣнивать не по современнымъ намъ эстетическимъ воззрѣніямъ, а потому, чего искалъ и что̀ находилъ въ нихъ для себя народъ въ старину.

Литературная обработка, въ какой обыкновенно встрѣчаются въ старинныхъ сборникахъ эти сказанія, получена ими наибольшею частью въ XVI или XVII вѣкахъ, а потому отличается всѣми пріемами господствовавшаго тогда направленія: витіеватостью, искусственностью, реторизмомъ, подборомъ готовыхъ фразъ и оборотовъ, книжнымъ языкомъ, что̀ въ совокупности сообщало особый складъ, особую литературную форму всѣмъ произведеніямъ религіознаго содержанія этого времени. Такая литературная форма, со всѣми своими готовыми и общеусвоенными пріемами, естественно должна была стѣснять свободу и въ самостоятельномъ изложеніи мысли и въ искреннемъ выраженіи чувства, а потому весьма трудно было изъ этихъ пріемовъ выбраться и свѣжей мысли и искреннему чувству. Если и можно указать на немногія сказанія этого рода, въ которыхъ сильное и искреннее воодушевленіе предметомъ иногда преодолѣвало затрудненія со стороны формы и находило для себя соотвѣтствующее выраженіе, то къ нимъ относятся развѣ тѣ изъ нихъ, для авторовъ которыхъ принятый ими на себя добровольно трудъ не былъ урочнымъ и постояннымъ занятіемъ, особенно тѣ, въ которыхъ авторомъ является лице мірское, не принадлежавшее къ расплодившемуся тогда классу писателей.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что судьба по крайней мѣрѣ существенной части содержанія этихъ сказаній сходна съ судьбою произведеній народной поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что главное содержаніе каждаго изъ нихъ, еще задолго до полученія окончательной литературной обработки, постоянно обращалось въ народѣ, постоянно пересказывалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно дополнялось и распространялось, пока не являлось уже болѣе или менѣе приготовленнымъ для опредѣленной литературной формы. Факты для послѣдней были уже давно готовы, обставились болѣе или менѣе распространенными въ народномъ духѣ подробностями, такъ что списателю оставалось только сообщить всему видъ цѣльнаго и связнаго сказанія съ приличными распространеніями уже во вкусѣ господствовавшихъ тогда книжно-литературныхъ пріемовъ.

Въ частности предлагаемая повѣсть замѣчательна и какъ образецъ литературной обработки произведеній этого рода, и по личности списателя, принадлежавшаго къ княжескому роду. Мы не знаемъ подробностей о жизни и образованіи автора кромѣ того, что предлагаетъ наша повѣсть. Князья Звѣнигородскіе, потомки Рюрика, имѣли своимъ родоначальникомъ князя Андреяна Мстиславича, внука Михаила Всеволодовича Черниговскаго († 1246). Такъ какъ авторъ составилъ свою повѣсть по разсказамъ Ѳеодора корчемника, навыкшаго добродѣтели отъ Соловецкаго игумена Филиппа (поставл. въ митрополиты 25 іюля 1566 г.), то отнести время его жизни ко второй половинѣ XVI вѣка [1]). Въ повѣсти онъ является человѣкомъ вполнѣ усвоившимъ господствовавшую тогда литературную форму и притомъ проникнутымъ искреннимъ благочестіемъ. Замѣчательна повѣсть и по чертѣ, характеризующей походъ Іоанна III противъ Новгорода: «послѣ воянства того иерею не сущу ту у церкви, но без пѣния бывшу» (Сравн. Карамз. VI. 38 и слѣд.).

Что касается до образа, находившагося въ Выдропускѣ во время составленія повѣсти, то извѣстно, что теперь тамъ только списокъ съ нея, а самый подлинникъ давно уже перенесенъ въ Торжекъ и находится въ Новоторжскомъ Преображенскомъ соборѣ. Старожилы Выдропуска не помнятъ времени этого перенесенія и питаютъ глубокое уваженіе къ списку. Въ описаніи города Торжка находится слѣдующее любопытное извѣстіе объ этомъ древнемъ образѣ: «большой крестный ходъ 18 числа іюня установленъ съ незапамятныхъ временъ

---

[1]) Прозваніе автора *Токматонъ* есть испорченное *Токмаковъ* и авторомъ повѣсти былъ Юрій Ивановичъ Токмаковъ, находившійся у наряду въ войскѣ Грознаго во время похода его противъ Нѣмцевъ (Карамз. IX. пр. 412. Сравн. Акты Арх. Эксп. I. 353).

въ честь чудотворнаго образа Божіей Матери, именуемой Одигитріи Выдропусской или Муромской. Когда этотъ чудотворный образъ Божіей Матери стоялъ въ церкви села Выдропуска, то въ XVI столѣтіи, 18 числа іюня, каждый годъ носимъ былъ въ городъ Торжекъ съ крестнымъ ходомъ и обратно чрезъ нѣсколько дней былъ относимъ. Въ бытность сего чудотворнаго образа въ городѣ Торжкѣ, въ Преображенскомъ соборѣ отправлялась непрестанная въ честь его служба, и самый образъ былъ носимъ по домамъ усердствующими гражданами. Со временемъ этотъ чудотворный образъ по какому-то случаю остался навсегда въ городѣ Торжкѣ въ Преображенскомъ соборѣ» [1]). Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о другомъ образѣ — Умиленія Божіей Матери, который, какъ говорится въ повѣсти, сопровождалъ образъ Одигитріи въ его обратномъ пути изъ Мурома въ Выдропускъ, находился нѣкоторое время въ Выдропускомъ храмѣ, а потомъ «не обрѣтеся в церкви, но обрѣтеся паки в муром'стѣи области, в храмѣ великаго чюдотворца Николы, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ». Не есть ли это обстоятельство позднѣйшая поэтическая амплификація сказанія и не былъ ли этотъ образъ вмѣстѣ съ образомъ Одигитріи перенесенъ въ г. Торжекъ? По крайней мѣрѣ въ этомъ же описаніи города Торжка находится слѣд. извѣстіе: «въ Срѣтенской церкви имѣется образъ Божіей Матери съ предвѣчнымъ на рукахъ младенцемъ, иконнаго писанія, мѣстный въ иконостасѣ, именуемый Умиленіе Божіей Матери, не въ давнія времена обложенный серебреною позолоченою ризою, по устному и всеобщему преданію старожилыхъ прихожанъ и гражданъ, древній и чудотворный. Къ сему образу всѣ граждане и прихожане имѣютъ великую вѣру, какъ къ древнему и чудотворному; почему бываемыя отъ сего образа чудесныя исцѣленія многія и нынѣ передаются устно. Ему празднество совершается въ сей церкви въ первое воскресенье послѣ праздника первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. На поляхъ при семъ образѣ написано, что сей образъ принесенъ былъ изъ Двинской земли въ Черную гору, въ царствованіе ц. и в. к. Ѳеодора Іоанновича; а въ Торжекъ онъ былъ перенесенъ изъ села Выдропуска. Болѣе ничего достовѣрнаго о семъ образѣ неизвѣстно» (стр. 129 — 130).

Л.

—

Повѣсть душеполезна о чюдотворномъ образѣ пресвятыя богородицы, иже в новгородской области в веси нарицаемей выд-

[1]) Историческо-статическое описаніе города Торжка, составленое іеромонахомъ Иліодоромъ. Тверь. 1860. стр. 103 — 104.

ропуске [1]). *в храме святаго великаго мученика христова Георгия* [2]), *списано благовѣрнымъ княземъ Егоргіемъ звенигородскимъ, иже именуется токматонъ. благослови отче.*

Страшна повѣсть и дивно чюдо, недоумѣнно сказание и неизреченнъ глаголъ и непостижимъ хощу вамъ, боголюбцемъ, повѣдати. Но ты, владычице, помраченную душу мою, еюже омрачихъ страстными своими дѣлы свѣтлаго солнца, иже славѣ мати, просвѣти свѣтомъ, иже просвѣщаетъ сынъ твой христосъ, свѣтъ истинный, и духомъ пресвятымъ разшири уста моя и наполни премудрости и разума, да твоею помощию, царице, возмогу повѣсть сию чюдную писанию предати.

Бысть убо в лѣта царства благовѣрнаго и христолюбиваго царя государя і великаго князя иоанна василиевича, всея россіи самодержца; и ходившу ему нѣкогда ратию на великий новъградъ, подъ свою державу взяти,—понеже великий новъградъ в то время бысть въ своей воли. Во области же великаго новаграда на пути есть село зовомо выдропускъ, еже нынѣ многими знаемо; в томъ селѣ храмъ бысть во имя святаго великаго страстотерпца и мученика славнаго чюдотворца георгия, иже отъ каппаддокии; в томъ же преславномъ и чюдномъ храмѣ стояше икона у царскихъ вратъ, образъ пречистыя богородицы и приснодѣвы марії честнаго и славнаго ея одигитрия, сирѣчь крѣпкия заступницы. Благочестивому же государю царю и великому князю иоанну василиевичу всеа русиі вся воя ему и хотѣния добрѣ управившу, і все ему желание свершившу, і великий новъградъ во область свою приявшу, и съ великою честию и с побѣдою і с плѣномъ и со многимъ богатствомъ ему к царствующему славному великому граду москвѣ возвратившуся, такоже і всему воинству его идущу вспять комуждо во свояси, нѣкий же воинъ царева полку, области града мурома, дерзнувъ взяти из церкви великаго мученика христова георгия на выдропуске образъ пречистыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея одигитрия, стояше ту

---

[1]) Село Выдропускъ находится на Петербургско-Московскомъ шоссейномъ трактѣ, на половинѣ дороги между городами Торжкомъ и Вышнимъ Волочкомъ, на р. Тверцѣ. Настоящее названіе есть испорченное изъ весьма замѣчательнаго древняго названія — *Выдыбожскъ* (выдыбай боже), сохранившагося въ древнихъ памятникахъ и въ описаніи пятинъ Новгородскихъ, и свидѣтельствующаго о глубокой древности этого села.

[2]) На мѣстѣ этого храма, на лѣвомъ берегу Тверцы, теперь стоитъ часовня съ образомъ св. Георгія и съ источникомъ прекрасной воды. Нынѣшняя же церковь, построенная въ прошломъ вѣкѣ, находится нѣсколько ниже по Тверцѣ, на правомъ ея берегу.

у царскихъ вратъ, о нейже нынѣ повѣсть предлежитъ; и принесе ея в вотчину свою, во область муромскую, идѣже бѣ житие его, і поставиі ю в селѣ своемъ во храмѣ великаго чюдотворца николы. І мало нѣкое время прейде, случися в суботу, что предъ недѣлею святыхъ и равноапостольныхъ женъ мироносицъ, послѣ утренняго пѣния, повелѣ той воинъ иерею пѣти канонъ и молебенъ пренепорочнѣй владычицѣ пресвятѣй богородицѣ, еже есть акаѳистъ наричется, с кондаки и икосы ея; по отпѣтіи же сего благодарнаго великого канона акаѳиста, повелѣ воинъ иерею приложити другій молебенъ и рече: пой ми канонъ полонянке, еже пречистѣй богородицѣ одигитрию, юже полонихъ в новгород'ской области [1]). Иерей же повелѣнное имъ сотвори, и начаша пѣти канонъ, и прочтоша евангелие, пѣвцы же рекоша: слава тебѣ господи. О великое чюдо! внезапу трусъ бысть в храмѣ томъ, и приниде вихрь і громъ великъ, і потрясеся мѣсто і храмъ весь, и разступися покровъ церковный, и невидимою силою подъяся образъ отъ мѣста, і изыде отъ мѣста верхомъ церковнымъ. Воинъ же той, иерей и вси людие отъ страха падоша і лежаша на многъ часъ яко мертви; егда же возбнувъ и поискавъ на многъ часъ образа пречистыя богородицы і не обрѣтоша. И нача воинъ плакати и рыдати, и рече: охъ увы мнѣ! согрѣшихъ злѣ: како нарекохъ плѣнницею свободну сущу и свободившаго отъ вѣка рождествомъ своимъ отъ плѣнения диявола и отъ адовыхъ нѣдръ весь миръ? І плачася грѣховъ своихъ на многъ часъ, і отложивъ воин'скиі санъ и вземъ на ся смирения образъ, полагаетъ обѣтъ еже ити пѣшу с великимъ трудомъ в постѣ і в покаяниі в новъгородскую область, в село нарицаемое выдропускъ, до церкви святаго великаго мученика христова георгия, идѣже онъ взя чюдотворный образъ, да тамо плачется грѣховъ своихъ. В той же день и часъ, в первый часъ дне, солнцу восходящу, и утру бывшу свѣтлу и тиху, нѣкто селянинъ села выдропуска, именемъ флоръ, изыде на ниву сѣяти лну, и яко сѣющу ему, и се внезапу бысть мимо его шумъ, яко носиму дыханию бурну в церкви святаго великаго мученика христова георгия; онъже отъ страха того стояше усумнѣв'ся, дивяся преславному чюдеси. нѣкій же человѣкъ села выдропуска понамарскую службу имѣяше и живяше близь церкви тоя, праведенъ сый і боящся бога: обычай бо бѣ ему по вся дни входити в церковь святаго георгия і кадити в' церкви стоящыя иконы, понеже послѣ воинства того иерею не сущу ту у церкви, но без пѣния бывшу; і вниде в церковь по обычаю пока-

[1]) Нѣкоторіе старожилы села Выдропуска еще помнятъ объ этомъ названіи иконы полонянкою, но причины названія не знаютъ.

дити оставшия отъ воинства святыя иконы, и зритъ дивное чюдо и радости исполнено, образъ пренепорочной и пречистой богородицы, честнаго и славнаго ея одигитрия, на престолѣ во олтари ницъ лежащъ, *юже* ис церкви взялъ воинъ и снесе в вотчину свою муромскую, і другий образъ с нею пришедшъ пречистыя жъ умиленія. Человѣкъ же онъ, покадивъ в церкви святыя иконы и видѣвъ тѣ святыя иконы, недоумѣниемъ объятъ бысть, радости же и веселия исполнися и рече в себѣ: вѣмъ во истинну, яко сий чюдотворный образъ ратніі плѣниша, и поколико дний вхождахъ в церковь сию покадити святыя иконы и никакоже не *видѣ* чюдотворнаго сего образа. Человѣкъ же той, отъ очию слезы испущая, душею радуяся, тѣломъ же трепеща и умомъ дивяся бывшему чюдеси преславному, и в радости, шедъ, повѣда мужемъ живущимъ *о* мѣстѣ томъ, глагола: приідите со мною і видите преславное чюдо божиі матере, *еже быхъ* исперва в церкви чюдотворца георгия, чюдотворный образъ пресвятыя богородицы одигитрия, иже всѣми вами знаемъ и чюдеса многая точащ*а* приходящимъ с вѣрою, о *нейже* азъ вамъ нынѣ повѣдаю*ти*. Бысть в лѣта отецъ нашихъ за грѣхи наша пожаръ великъ на мѣстѣ семъ, храмъ же великаго мученика христова георгия до основанія згорѣ со всѣмъ зданиемъ церковнымъ, послѣ же того великаго пожара начаша росчищати церковное мѣсто и обрѣтоша образъ сей в пепелѣ к земли ницъ лежащъ, благодатию божиею сохраненъ, ничимже вреженъ бысть отъ огня, но токмо мало с тылу дска посмяде. послѣжде же плѣнѣния сего не обрѣтеся чюдотворный сей образъ в храмѣ нашемъ, но восхищенъ воины; днесь же азъ многогрѣшный приидохъ в'церковь съ ѳимияномъ покадити святыя иконы и обрѣтохъ чюдотворный той образъ во олтари на престолѣ, ницъ лежащъ к престолу: невидимо приде в весь нашу, в храмъ святаго георгия, и нынѣ азъ видѣхъ очима своима. Селяне же, слышав'ше, и скоро текоша во храмъ видѣти чюдо божиі матере, с женами и з дѣтьми и со младенцы, с великимъ тщаниемъ, и обрѣтоша по словеси *понамаревѣ*; и бысть радость велика в веси той о чюдеси заступницы богородицы, еще же отъ радости и слезамъ пролитию бывшу многу. Сѣяный же на поли ленъ человѣкъ онъ повѣда невидимый бывший мимо его шумъ; слышавше же людие, наипаче дивишася о чюдеси. Жены же принесоша малыя дѣтища пеленами повиты, и из нѣдръ своихъ помѣтающе предъ образомъ на помостѣ церковномъ, плачюще и вопиюще: о всемилостивая еси богородице! не прогнѣвайся на ны грѣшныя до конца. И плачюще великимъ воплемъ, другъ друга утѣсняюще и другъ друга приемлюще: Умилосердися теплая заступнице на рабы своя, не насъ ради грѣшныхъ, но сихъ

ради младенцевъ, *еже* не имутъ грѣха, пощади и ны, владычице!
Слышавше же окрестныя люди, иереи и дияконы, и вси людие, сте-
кошася на великое то чюдо; отпѣвше же вечерню и утреню, и освя-
тиша воду, и о молебныхъ литоргию отпѣвше, воздавше благодаре-
ние всемилостивому богу и пречистѣй богородицы, и рѣша иереи и
старѣйшины веси тоя: благодаримъ бога и пречистую богородицу,
яко еще не оставили мѣста сего и не забыли *еси* насъ в скорбѣхъ
нашихъ. И приняша утѣшение велико и, воздавша благодарныя мо-
литвы, отъидоша в домы своя с радостию великою. И оттолѣ в веси
той, прочее же и во всей новъгородской области, начаша людие
богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами,
вся земля обилиемъ кипя в сѣменныхъ приплодѣхъ и в скотсиихъ
родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сие богъ дарова и пречистая богоро-
дица. Азъ же мню, еже ницъ лежащу икону ко престолу, яко лю-
бовь имущу к мѣсту тому и изволи быти в храмѣ великаго муче-
ника георгия; не точию же той, но и другий образъ с нею при-
шедшъ пресвятыя богородицы умиления, мѣрою яко лакти единаго.
Той же образъ умиления пречистыя прииде из муромa и пребысть
ту на выдропуске в'храмѣ томъ, и паки не обрѣтеся в церкви, но
обрѣтеся паки в муром'стѣй области, в'храмѣ великаго чюдотворца
николы, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ. Той же воинъ муро-
мецъ, слыша отъ иерея и отъ стража церковнаго, яко образъ пре-
чистыя богородицы умиления обрѣтеся в церкви на своемъ мѣстѣ,
и притекъ в церковь чюдотворца николы, нача плакати и молитися,
припадая, помостъ церковный слезами поливая и умиленными сло-
весы моля господа бога и пречистую его богоматерь, и рече: о пре-
чистая госпоже богородице! гдѣ бы и како еси сѣмо возвратися?
како азъ грѣшный явлюся предъ лицемъ твоимъ владычице, а повин-
ненъ сый? охъ увы мнѣ, како заступницу всему миру назвахъ поло-
винкою? И плакася на многъ часъ предъ образомъ пречистыя бого
родицы, и пѣвъ молебная; и тако разгорѣвся божественнымъ рве-
нием, воинъ той рече в себѣ: мню по истиннѣ, яко изыде чюдо-
творный образъ пречистыя богородицы во своя ся, идѣже бѣ и преж-
де, занеже азъ грѣшный злѣ согрѣшихъ, яко плѣнницею назвахъ. И
в той часъ не возвратися в домъ свой, и вземъ благословение у
ерея, понеже бѣ ему отецъ духовный, и отлагаетъ санъ воинскій и
лѣпотныя ризы, и, восприимъ смирения образъ, касашеся пути пѣшъ.
Жена же и дѣти плакашеся, *моляше* его, дабы послушалъ ихъ и
отложилъ обѣщание свое; онъ же никакоже внимаше глаголомъ ихъ,
но, взявъ с собою единаго раба, и пойде с нимъ в' путь, и в ве-
лицѣ трудѣ и постѣ и молитвѣ и слезахъ прейде путь, и достиже

на уреченное мѣсто новгородския области, села выдропуска, церкви великаго мученика георгия. И узрѣвъ образъ пречистыя богородицы одигитрия стоящъ на своемъ мѣстѣ, яко солнце свѣтящеся, он'же отъ страха паде и лежа на многъ часъ яко мертвъ; наипаче ста битися главою своею о помостъ церковный и умилнѣ плакати, милости прося, и каятися грѣховъ своихъ, и рече: о всемилостивая еси владычице богородице, крѣпкая помощнице и всему християнскому роду стѣна и прибѣжище и заступление! утоли свой праведный гнѣвъ и не отврати лица своего отъ мене, неключимаго раба своего! аще недостоинъ есмь не токмо милости просити, или на образъ твой зрѣти, но и входа церковнаго сего недостоинъ *суще*; но надѣяся на милость благоутробия твоего, молю тя, помилуй мя многогрѣшнаго и непотребнаго раба твоего! о пресвятая дѣво! како не пожьже мя огнь, и како не пожре мя земля? о великое чюдо, како не обрѣтеся камень во устѣхъ моихъ, и како не увязе языкъ мой, еже дерзнухъ взяти образъ твой пречистый? не азъ бо тебе везохъ в домъ свой, но ты, госпоже моя, мене отнесе *мя*. И стоя плача три дни и три нощи в велицѣ умилении и пищи никакоже вкушаше, и толико отъ труда изнеможе, яко и обмирати нача. Людие же стекошася отъ многихъ странъ веси тоя и видѣша толикий его трудъ и дивишася, и повелѣша пѣти божественную литургию. По отпѣтии же божественныя службы восия радость в сердце воина, и обрадовася душею и мало удержася отъ слезъ, и причастися к просвирѣ, и приемъ пищу укрѣпися. И начаша людие вопрошати его, коея страны еси и что *суть* пришествие твое, и что есть вина плача твоего, видѣхомъ бо тя в велицѣй печали. Онже имъ вся случьшаяся повѣда, и вопрошаше селянъ тѣхъ о пришествии пречистыя богородицы чюдотворнаго образа; они же ему повѣдаше чюдо, како божиею благодатию избавленъ чюдотворный той образъ отъ пожара и како приде отъ плѣнения. Воинъ же той и ту живуши людие воздаша хвалу господу богу и пречистѣй его матери, и быть радость велия на мѣстѣ томъ в человѣцѣхъ.

Азъ же сие великое и предивное и неизреченное чюдо слышахъ отъ нѣкоего богобоязниваго и благоговѣйнаго мужа, именемъ ѳеодора, нарицаемаго корчемника, во иночествѣ же нареченъ бысть Ѳеодосій и удивихся и прославихъ богаи пречистую его богоматерь, и писанию предахъ, да никако забвения глубиною покрыется, и без писания и без памяти будетъ. Сейже Ѳеодоръ много лѣтъ житие имѣяше в веси той близъ храма святаго георгия, и притекая к церкви той и припадая ко пречистѣй богородицѣ чюдотворному ея образу в чистѣй совѣсти во вся дни живота своего, и в мирѣ живый держа правило черническое неиз-

менно по вся дни, и отъ рождения чюжему браку не прикоснувся, и отъ младен'ства имый совѣтъ духовный, и добродѣтели навыкъ отъ соловецкаго игумена Филиппа, именованиемъ колычева, иже послѣжде божиею благодатию былъ на москвѣ на велицѣмъ престолѣ митрополитомъ; он'же сие повѣда ми, еже извѣстно слыша отъ родителей своихъ и отъ многихъ свидѣтелей. Той же Ѳеодоръ помолився богу и в лѣто 7073 году понови образъ сей, и обложи сребромъ и златомъ и украси боголѣпно, и постави в церкви святаго великаго мученика георгия, идѣже и донынѣ стоитъ, божиею благодатию много исцѣления и милость подающи в различныхъ недузѣхъ с вѣрою приходящимъ. Мы же вѣрниі отцы и братие, стариі и юниі, мужие и жены и всякъ возрастъ, слышавше повѣсть сию, такожде потщимся с великимъ усердиемъ и тщаниемъ притекати к церкви, во смиреніі и в чистѣй совѣсти, со страхомъ и любовию, и припадая к чюдотворнымъ образомъ, якоже к самому христу и пречистѣй его матери и к великимъ угодникомъ его, и просити милости, о христѣ іисусѣ господѣ нашемъ, емуже слава со безначалнымъ его отцемъ и с пресвятымъ, благимъ и животворящимъ его духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. —

АПОЛОГЪ ОТЪ НРАВОУЧЕНІЯ КИРИЛЛА АЛЕКСАДРИСКАГО [1]).

Книга 4. Г. I.

(Сообщенъ А. Е. Викторовымъ.)

Сѣдящу коту в нѣкоемъ преизрядномъ вертоградѣ, облизующуся, да отъ прилипшаго к нему праха очистится,— противу ему тогожде времени в близъ бывшомъ тамо блатѣ свинія валяющаяся глаголаше к себѣ: «О коль преизящное мнѣ сіе ложе и мягкая постеля! О коль прелюбезнѣйшее мнѣ здѣ пребываніе, коль веліе плоти моей угожденіе, коль пресладкое в тинѣ сей увеселеніе! Честнѣе есть горъ ливанскихъ и источниковъ дамосковыхъ и парномитскихъ (?) банѣй здравѣе».

Котъ же, сіе слышавъ, вознегодова и рече ко свинія: «Что̀ се есть, идѣже лежиши?» Отвѣща ему свинія: «блато и калъ». Тогда котъ ру-

---

[1]) Предлагаемый апологъ найденъ нами въ одной рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Апологъ написанъ на переплетномъ листѣ, современнымъ рукописи почерковъ; самая же рукопись писана въ 1758 году. *А. Е.*

гаяся, к ней рече: «Воистинну свинія еси, понеже смрадными и скверными утѣшаешися и веселишися вещами». Свинія же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты удити мыши твоя! Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «во правду, якоже вижду, добрѣ Соломонъ глаголетъ: не обличай безумна, да не ненавидитъ тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроеніемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣютъ человѣкомъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣеши, отъ того же естества учиненъ есть исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе такожде учу очищатися отъ всякой нечистоты, аще внемлеши словесемъ моимъ. Суждуже творящыя людемъ пакости мыши, егда ногтми моими уловляю я и козню, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благопріятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ: Онъ бо ю себѣ во пребываніе вѣчное созда, ибо пречистѣйшее и (пречистѣйшій?) миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производитъ и плоть младенца, зачеснашагося во утробѣ матернѣй, чисту возращаетъ, пречудными цвѣты землю украшаетъ и дражайшія бисеры отъ глубины моря, злато же и сребро отъ нѣдръ земныхъ производитъ. Почто убо ты свинія в нечистотахъ услаждаешися? Не вѣси ли яко и во иномъ естествѣ, еже отъ Бога разумомъ почтено, погибаетъ, аще плоть нечистотами оскверняется. Совѣтую убо тебѣ, аще хощеши чисто жити: бѣгай кала и смрада, и, шедъ въ чистую воду, абіе умыйся.» То рекъ котъ ко свиніи и умолча; а свинія пребысть в калѣ тинномъ, не слушая полезнаго его совѣта.

ПИСЬМА СУМАРОКОВА, ЩЕРБАТОВА И НОВИКОВА КЪ Г. В. КОЗИЦКОМУ.

I.

Изъ представленій Козицкаго Императрицѣ.

Дѣвица Ирина *Крашенинникова* представляетъ, что послѣ смерти отца ихъ профессора Крашенинникова осталось шестеро дѣтей и мать въ крайней бѣдности. Мать скоро потомъ скончалась, оставя ихъ безъ всякаго призрѣнія и пропитанія. Она уже осмой годъ служа по людямъ работою рукъ своихъ съ великою нуждою питается, но нынѣ достигнувъ до совершенныхъ въ замужство лѣтъ и желая тѣмъ отчасти свобождена быть отъ своей бѣдности, проситъ вашего Императорскаго Величества, дабы взирая на такое ея состояніе и на

усердныя отца ея заслуги, извѣстную пользу отечеству учинившаго, соблаговолили снабдить ее высочайшею милостію на исправку для приданаго.

—

Ея Императорское Величество изволила указать выдать изъ кабинета, освѣдомившись о ея состояніи столько, сколько дѣвицамъ отъ двора замужъ выдаваемымъ, обыкновенно дается. О чемъ и писано къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, 1769 года, Февраля 1 дня.

II.

Милостивый мой Государь Григорій Васильевичь!

Приложенное при семъ къ Государынѣ письмо, въ которомъ писано о театрѣ здѣшнемъ прошу всепокорно Ея Величеству вручить и изходательствовать рѣшеніе, а я скоро поѣду въ деревню. Въ письмѣ семъ моево интереса нѣтъ, а есть публики интересъ. — Н. Н. мой нижайшій поклонъ. Любите меня столько, сколько я васъ люблю, а сколько я васъ люблю, вы ето знаете.

Вашего высокородія
вѣрный другъ и покорнѣйшій слуга.
А. Сумароковъ.

4 іюня 1769 Москва.

(Получено 16 іюня; *рукою Козицкаго.*)

III.

Всемилостивѣйшая государыня.

Зная(ю), что Вашему Величеству исправленіе нравовъ Вашего подданнаго народа всегда присутственно. Театръ есть училище бродягамъ по жизни человѣческой. Мое стремленіе съ тридцать лѣтъ ко театру, въ чемъ я и неожидаемый въ наши времена показалъ успѣхъ. Театръ я давно хотѣлъ оставить ради множества препятствій. Покойной Волковъ тому свидѣтель, что Ваше Императорское Величество возвратили мнѣ Мельпомену и Талію въ Россію при возвращеніи общенароднаго спокойства. Я въ прошедшій годъ много трудился въ сочиненіяхъ, отъ чево началъ очки употреблять и понынѣ стражду зрѣніемъ. Старость ко мнѣ приступаетъ, бѣдность меня окружаетъ, злодѣй мой Арк. Бутурлинъ душу мою тревожитъ и день отъ дня мать мою отъ меня отводитъ и дѣлаетъ мнѣ безпокойства безконечныя день и ночь, не памятуя божественнаго монарша повелѣнія, дабы подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва безчеловѣчныхъ поступковъ воздержаться, хотя я и всѣми мѣрами уклоняюся отъ варварскихъ его нападеній; но при всѣхъ безпокойствахъ о театрѣ, дабы онъ въ Москвѣ не разрушился, ежели не дается антрепренерамъ привилегія, а имъ разглашено, что оная имъ не дастся, ибо де

театръ не фабрика. Фабрика театръ, но еще и самая полезнѣйшая, да и Нѣмецкій театръ имѣлъ привиллегію. Мнѣ чается, Государыня, что Семира и Синавъ и Труворъ больше привилегіи достойны, нежели Gespräch im Reiche der Todten, да мои же драмы у насъ національныя. — Сказываютъ то, будто отъ Г. Елагина антрепренерамъ то объявлено во отомщеніе, что Титовъ не правитъ театромъ. Титовъ огорчилъ и публику и актеровъ худымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ. Русскимъ маскарадовъ не ...., а театра безъ сея помощи уставить не можно. Мнѣ маскарады ничто, но безъ нихъ театра содержать нельзя, а Бельмонти даетъ народу утѣшенія очень хорошія и не такія, какъ обманщикъ Локателли. Гр. Петръ Семеновичь такъ изъяснился мнѣ, что и онъ и вся Москва благодарны будутъ, когда Бельмонтію надлежащая привиллегія дастся, а мой интересъ, что я не имѣя надъ театромъ помощи и не желая оныя, ежели Елагинъ не вмѣшается, помощію Гр. Петра Семеновича привесть театръ въ самое лутшее состояніе, а его сіят. Гр. Салтыковъ моихъ совѣтовъ опровергать не будетъ. И такъ я помощію ево, только бъ Елагинъ не мѣшался, получу успѣхъ. Актеры здѣшнія по письму Елагина, безвременно высланы изъ дома, хотя имъ въ ономъ жить велѣно и по именному Вашего Величества указу. Они въ отчаяніи и только я ихъ удерживаю, чтобы они не отчаявались и надѣялись на материнскую милость обладательницы. Иныя поѣхали въ Петербургъ, будучи подговорены, будто изъ чужова государства, а здѣсь театръ надобнѣе, нежели въ Петербургѣ, ибо и народа и глупостей здѣсь больше. Ста Моліеровъ требуетъ Москва, а я при другихъ дѣлахъ по моимъ упражненіямъ одинъ только. Времени кладу я себѣ еще три года на сочиненія; но естьли сіе послѣднее мое къ театру усердіе останется суетно, то я принужденъ буду по долгомъ отъ Мельпомены и отъ Таліи терпѣніи по театру замолчать вѣчно.— Исполните, Государыня, всей Москвы, Гр. П. Семеновича и мое, яко основателя, рачителя и автора драммъ, желаніе къ пользѣ и чести нашего вѣка, а сей театръ ущерба коронной казнѣ не..... Вольтеръ во своемъ ко мнѣ письмѣ говоритъ тако: il faut alsolument des souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent les climats, ils font naître les roses au milieu des neiges.—C'est ce que fait votre incomparable Souveraine. Je croirois que les lettres qu'Elle m'honore me viennent de Versailles et que la Vôtre est d'un de mes confrères de l'Academie Française. — Я не ласкаю себя удостоиться, какъ Вольтеръ, поцѣловать въ письмѣ ту дражайшую руку, которую онъ имѣлъ щастіе часто цѣловать, хотя и никогда не видалъ Вашихъ очей, но почитая себя человѣкомъ той же степени,

нижайше прошу указать кому нибудь на сіе мое предложеніе. Удостойте меня Вашего Величество благоволѣніемъ, дабы я хотя чрезъ послѣдняго Вашего раба могъ получить отвѣтствіе, а я въ моемъ предложеніи своего прибытка не имѣю, а умноженія себѣ славы не требую, будучи ею уже довольно насыщенъ. Желаю единыя пользы моему отечеству, а быть адвокатомъ не только Мельпомены и Таліи въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ, такъ моя дерзость простительна, а въ какомъ состояніи актеры и чево хочетъ Бельмонти, я при семъ прилагаю изображенія полныя ясностію. — Прошу Вашего Величества о милостивомъ и полезномъ рѣшеніи не для себя и не за себя и желалъ бы, чтобы возставить театръ до отъѣзда моево въ семъ лѣтѣ ради поправки моего ослабшаго здоровья въ деревню, отъкуда, не знаю еще, возвращуся ли я живъ; ибо вѣкъ мой окончевается, а безъ меня никто театра не воставитъ во скорое время, но доколѣ я живъ, а особливо, доколѣ не сѣкла меня смерть косою Арк. Бутурлина, преодолѣвающаго всѣ силы мои и на котораго отъ Бога и отъ вашего величества прошу праведныя обороны, буду всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Іюля 4 дня 1769
Москва.

IV.

Письмо Елагина къ Козицкому.

Государь мой Григорій Васильевичь.

Въ отвѣтъ на ваше письмо сообщаю. Актеры Московскіе по прошенію г. полковника Титова жили съ полученнаго мною отъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшаго дозволенія въ Лафертовскомъ домѣ. Позволено имъ было жить только до тѣхъ поръ, пока г. Титовъ сыщетъ или построитъ для нихъ домъ; флигель, въ которомъ они жили, отданъ былъ на руки ему г. Титову. А какъ онъ далъ мнѣ писменно знать, что въ разсужденіи недостатковъ ево содержать онъ театра не можетъ, и домъ ему для житья комедіантовъ не надобенъ, то и приказано отъ меня принять его живущему въ немъ надзирателю, по той описи, по которой ему г. Титову отданъ былъ. Ибо никто ко мнѣ до сихъ поръ не отозвался, кому бы онъ надобенъ былъ, и кому бъ препоручить его можно было, дабы въ томъ же состояніи принять его впредь для надобностей казенныхъ, въ какомъ онъ стдается. А хотя бы кто его и требовалъ, то и тогда бы безъ особливаго Ея Императорскаго

Величества повелѣнія отдать его для комедіантовъ было не можно; ибо онъ данъ былъ г. Титову для исправленія его состоянія, а не для комедіантовъ, которые на иждивеніи антрепренера жить обязываются. Я съ должнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Государь мой
вашего высокородія
покорный слуга Иванъ Елагинъ.

Іюня 7 дня, 1769 г.

V.

Милостивой мой Государь!

За письмо покорно благодарствую. — Я болѣнъ и въ деревнѣ теперь. — Письмо мое покорнѣйше прошу вручить, какъ и прежнее, за которое нижайше приношу благодареніе. — И. И. Мотонису мое почтеніе, а я едва вижу, итакъ мои глаза испорчены и думаю, что и я скоро буду Омиромъ въ разсужденіи глазъ, какъ нѣкой Вас. Петровъ въ разсужденіи высокаго склада къ чести нашего вѣка, а я въ честь себѣ то почитаю, что меня любитъ и почитаетъ Гр. Вас. Козицкій, котораго есмь

покорнѣйшій слуга и вѣрный другъ
А Сумароковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда
іюля 24. 769.

(Отм. Коз. «Получено авг. 2. ч. Обвертъ ея Величеству поднесенъ авг. 3 дня, отвѣтъ же по высоч. повелѣнію посланъ 4 авг.»)

Всемилостивѣйшая Государыня!

На всенижайшее мое Вашему Императорскому Величеству о установленіи здѣшняго театра предложеніе, я нѣкоторое отвѣтствіе чрезъ Г. В. Козицкаго получилъ. Писанное рукою Вашего Величества ко Гр. П. Семеновичу Салтыкову письмо я видѣлъ. Гр. П. Семеновичь, по оному совѣтуя со мной, сколько было можно, нѣчто ко приступу установленія театра учредилъ. Съ оберполицеймейстеромъ здѣшнимъ я многое къ хорошему порядку расположилъ, и по согласію съ Гр. П. Семеновичемъ я сіе дѣло основалъ бы совершенно, ежели бы только побочныхъ препятствій тому не было, а особливо въ разсужденіи сихъ слѣдующихъ вещей, которыхъ кромѣ Вашего Величества рѣшить никто не можетъ. — 1. Г. Вырубовъ, котораго я въ лицо по сіе время еще не знаю, требуетъ четвертой части дохода на воспитательной домъ, хотя доходы театральныя понынѣ еще менше, нежели расходы. Здѣсь же не Парижъ. Тамъ и много авторовъ театральныхъ

и много любителей театра, между которыми много и знатоковъ, народа тамъ больше, а Москва всево тово лишена, и только люди еще во вкусъ приводятся, да и дворъ обыкновенно въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, а Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Моліеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать; ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревской късовершенству театра еще не достаточны, et le reste des acteurs est une chose très petite; donc il faut créer et les auteurs et les acteurs. А и Дмитревскій, не имѣя основанія отъ моево наставленія, тщетно бы въ Парижѣ видѣлъ Лекена; ибо языкъ Француской съ нашимъ въ декламаціи, какъ снѣгъ съ огнемъ или хотя немного и поменше.—Зборъ на воспитательной домъ странно учреждается здѣшними онаго надзирателями, ибо присланной унтеръ-офицеръ стоялъ во время представленія Вышеслава между кулисовъ, переходя съ мѣста на мѣсто, а каково ето бѣдному автору, прилагающему всѣ силы къ театру, и каково мнѣ ето тяжко было, ето можно вообразить: театръ не Парнасскимъ мѣстомъ, но нѣкою таможнею казался и отнималъ у меня охоту о драмахъ и помышлять, а я досадывалъ на тѣ часы, которыя меня къ Мельпоменѣ послали и вмѣсто разгоряченія своей Музы я чувствовалъ охлажденіе и омерзеніе и раскаяніе, что я о Россійскомъ Парнассѣ толико старался, не щадя своево здоровья и глазъ, которыми я отъ прошлаго года едва вижу и будучи крайне болѣнъ ими въ моей деревнѣ, отколѣ я мысленно взираю ко брегамъ Невы и вижу и Россійскую Монархиню, и Россійскую Палладу, къ которой огорченная моя взываетъ Муза. Антрепренеры и актеры, Гр. П. Семеновичь, Мельпомена и Талія со мною согласны, но нѣтъ театра, о чемъ будетъ сія статья. 2. Вышеславъ и Лихоимецъ представлены здѣсь были. Публика была довольна весьма, актеры мною научены были и уже не такъ играли піесы, какъ прежде, будучи научаемы Титовымъ или паче имъ во всемъ порчены, а первая актриса столько во своемъ поведеніи испорчена, сколько она ко декламаціи способности имѣетъ. — Театра безъ вашего указа не даютъ кромѣ двухъ разовъ, когда піесы мои играны, и то П. Семеновичь ради моево прошенія исполнилъ, а новой театръ поспѣетъ не скоро. — Дивно ето, что безъ меня театръ былъ отданъ Россійскимъ актерамъ и Титову, а отъ того новое препятствіе. — 3. Актеръ Базилевичь еще до моево знакомства съ ними изъ Москвы почти збѣжалъ, и слышно, что Елагинъ ево или принялъ уже или принять хочетъ, а отъ того здѣсь новыхъ комедій быть не можетъ, ибо некому роли слуги играть, а въ Петербургѣ довольно и Шумскова. — Ежели все

сіе будетъ рѣшено, такъ я, къ сентябрю возвратяся изъ моей деревни, потружуся о театрѣ, а по театру собственно все исправно быть можетъ, ибо, какъ я уже нѣсколько изобразилъ, Музы, намѣстникъ здѣшній, полицеймейстеръ, антрепренеры и актеры со мною въ крайнемъ согласіи. Ежели и повелѣніе Вашего Величества тому соотвѣчать будетъ, такъ я уповаю, что Вы, Государыня, увидѣвъ здѣшній театръ, скажете про меня спасибо ему, а сіе слово весьма лестно моему любочестію, ибо мое любочестіе единственно въ томъ состоитъ угождать Вамъ, отечеству и себѣ. Въ протчемъ моево прибытка нѣтъ, хотя театръ будетъ, хоть нѣтъ. Мое о словесныхъ наукахъ стремленіе велико. Ахъ! если бы много не было препятствій, да еще сильное вспоможеніе! котораго желая, вручаю себя Вашего Императорскаго Величества всевысочайшей милости и щедрому священныя Вашея особы покровительству

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда
1769 іюля 24.

VI.

Милостивый государь мой
Александръ Петровичь!

Получилъ я вчерашняго дня отъ Вашего Превосходительства обвертъ къ Ея Величеству и имѣлъ счастіе сего дня вручить оный. По прочтеніи изволила мнѣ приказать Всемилостивѣйшая Государыня написать къ вамъ 1. что касается до сбора четвертой части ѳеатральнаго дохода о томъ поговоритъ сама съ И. И. Бецкимъ. 2. Тамошній ѳеатръ состоитъ во власти Гр. П. С., онъ можетъ съ онымъ учрежденіе сдѣлать по своему разсужденію. 3. Какъ всѣ актеры вольны обязательства дѣлать съ кѣмъ и гдѣ похотятъ, то у нихъ сего и отнимать не должно. За благопріятное ваше ко мнѣ письмо покорно благодарствую. Сожалѣю о вашей глазной болѣзни и желаю вамъ скоро отъ оныя избавиться для вашей и для общей пользы. Николай Николаевичь свидѣтельствуетъ не какъ прежде холостой, но уже женатый. Деревенскую жизнь вкушая, продолжайте любовь вашу дружбу къ городскому, который навсегда пребудетъ

Милостивый Государь мой
вашего превосходительства
покорный и вѣрный слуга Г. Козицкій.

С.-Петербургъ
1769 г. Августа 4 дня

VII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичь!

Я, зная къ себѣ Вашего Высокородія благосклонность, пріемлю смѣлость васъ просить, дабы приложенное при семъ письмо, адрессированное на имя Ея Императорскаго Величества вручить въ собственныя Ея руки; въ чемъ полагаю надежду на васъ, яко на человѣка, желающаго благодѣянія каждому дѣлать; пребываю съ искреннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой
Вашего высокородія
всепокорный слуга князь Михайло Щербатовъ.

Спб.
Маія 22 дня 1773 года.

VIII.

Копія.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Никогдабы я не дерзнулъ собственною моею прозьбою утруждать Ваше Императорское Величество, есть ли бы къ самому сему побужденъ не былъ, не столь желаніемъ моего благосостоянія, сколь искреннимъ усердіемъ быть въ состояніи съ вящшею способностію службу мою продолжать. Я осмѣливаюсь предъ Монархинею, соединяющею качества великаго Государя съ качествами человѣколюбиваго философа, состояніе мое объяснить. Родители мои и жены моей, которая его имѣнію есть единая наслѣдница, съ посредственнымъ достаткомъ оставили намъ въ наслѣдіе примѣръ во всякомъ случаѣ — пользу отечества и усердіе къ своимъ Государямъ за первѣйшій долгъ почитать; они, служа до конца жизни своея, не обогатились и хотя соединенныя ихъ части и могли бы нѣкоимъ образомъ благосостояніе мое сдѣлать, но долгъ, который я заплатилъ за тестя моего, нажитой имъ въ Англіи, неустроенные какъ его, такъ и отца моего деревни, въ которыхъ, препроводя всю свою жизнь въ службѣ своихъ Государей, никогда не бывали, не токмо въ началѣ могли меня содержать, но требовали еще отъ меня денегъ на поправленіе свое, такожъ неимѣніе собственнаго дому завели меня во многія издержки. Не скажу я, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ сіи приключенныя мнѣ убытки не могъ я возвратить со временемъ, ежели бы неотлучное мое пребываніе въ моихъ деревняхъ не отвратило меня отъ послѣдованія моихъ намѣреній; но усердіе къ службѣ такой Государынѣ, которая толико тщится учинить народъ свой совершенно счастливымъ, привели мнѣ въ забвеніе собственное мое состояніе, дабы токмо помышлять о томъ, не могу ли и я великимъ намѣреніямъ Вашего

Величества въ чемъ споспѣшествовать, и есть ли сила разума моего до чего не достигала, по крайней мѣрѣ до сего часу совѣстію моею оправданъ есмь, что во мнѣ все нужное усердіе безпрерывно было къ прославленію имени и пользѣ Вашего Императорскаго Величества и отечества моего. Между же тѣмъ временемъ умножившаяся моя фамилія, ибо девять человѣкъ дѣтей имѣю я: по желанію моему учинить дѣтей моихъ достойными служить съ пользою отечеству и времени, въ которое они имѣютъ счастіе быть рождены, также и желаніе исполнить во всемъ тѣ должности, которыя отъ Вашего Величества на меня наложены, къ новымъ меня издержкамъ и долгамъ обязывали. Все сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, учинило, что наконецъ я болѣе сорока тысячь долгу нажилъ на себя, которой не вижу теперь уже способу инако сплатить, какъ токмо развѣ сократя себя и дѣтей своихъ на такое житіе, которое несовмѣстно съ моимъ состояніемъ, но зная состояніе человѣческое и не бывъ любитель роскоши, не отрекся бы, Всемилостивѣйшая Государыня, я и самое сіе исполнить, есть ли бы не опасался, что сіе можетъ воспретить мнѣ дѣтямъ своимъ нужное воспитаніе дать и отвлечи отъ службы Вашего Императорскаго Величества; не допустить меня вступающаго еще на степень донынѣ не довольно явное мое усердіе показать. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, по долгомъ колебаніи между справедливымъ страхомъ обезпокоить Вашу Августѣйшую Особу и страхомъ отнять у себя способы быть толико полезнымъ, колико бы можетъ статься я быть могъ и не оказать усердіемъ моимъ къ Августѣйшей Вашей особѣ всю ту благодарность, которую я чувствую,—наконецъ пріемлю смѣлость, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на состояніе единаго изъ усерднѣйшихъ Вашихъ подданныхъ, воззри на сію многочисленную фамилію, пылающую тѣмъ же жаромъ усердія къ Вашей особѣ, каковой родившіе ихъ ощущаютъ и, помогши нашему состоянію, учини насъ болѣе способными быть оказать наши услуги и ревность къ отечеству. Прилично одной столь великой Государынѣ самолично безъ всякихъ упрежденій внимать прозьбы своихъ подданныхъ; прилично Вамъ единымъ, считающей часы жизни своея благодѣяніями и великими дѣлами, обновить состояніе упадающаго роду и не заслуги, которыхъ я иль за неимѣніемъ случая, иль паче за малою моею способностію не учинилъ, но искреннее и пылающее усердіе милосердіемъ своимъ ободрить, въ которомъ, взирая на ваши великія дѣла, всегда утверждаюсь. И пребывая съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего

Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Михайло Щербатовъ.

С.-Петербургъ
Мая 22 дня 1773 года.

IX.

Милостивый государь мой
Князь Михайло Михайловичь!

Письмо ваше имѣлъ я счастіе поднести Ея Императорскому Величеству. Всемилостивѣйшая государыня изволила оное принять милостиво, и мнѣ дано высочайшее повелѣніе написать къ вамъ, чтобъ вы сами сюда пріѣхали; Самодержица наша желаетъ съ вами по оному въ разсужденіи состоянія вашего тамъ прописаннаго изъясниться; и изволила сказать, что помочь вамъ всячески будетъ стараться. Я же со всегдашнимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ есмь

Милостивый государь мой
Вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою Григорій Козицкой.

Царское село
1773 года Маія 22 дня.

X.

Всемилостивѣйшая государыня.

Подносимаго всеподданнѣйше Вашему Величеству сего Церковнаго Словаря произведеніемъ было Высочайшее Ваше о надобности истолкованія церковныхъ реченій напоминаніе, учиненное словесно по снисхожденію нѣкогда мнѣ еще какъ бывшему Вашему всеподданнѣйшему Оберъ-Прокурору Сѵнода. Сохраняя въ незабвенной памяти Вашего Величества слова, которымъ не меньше какъ и дѣламъ Вашимъ вѣчность долженствуется, предложилъ я сіе Высочайшее Ваше желаніе потрудившемуся въ семъ предпріятіи собранію, которое въ сходственность и въ поревнованіе Высочайшей Вашей къ Россійскому слову любви, общественно со мною изданіе сея книжки приняло за первой къ пользѣ Отечества трудъ. Исправленіе Россійскаго языка есть главный предметъ трудящагося общества и на какомъ основаніи оное при Императорскомъ Вашемъ Московскомъ Университетѣ учреждается, о томъ краткое извѣстіе купно съ приносимою книгою повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Счастливъ я буду несказанно и сіе вновь учреждающееся собраніе, естьли сіе первое посильнаго труда его приношеніе удостоится Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благопріятія и Всеми-

лостивѣйшаго покровительства, которому оное и себя всеподданнѣйше препоручая, остаюсь

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Мелиссино.

Въ Москвѣ
Ноября 11 дня 1773 года.

Краткое извѣстіе
о учрежденіи и состояніи вольнаго Россійскаго собранія въ Москвѣ, со 2 августа 1771 по 10-е ноября 1773 года.

Побудитель къ заведенію сего собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ есть Его Превосходительство Тайный Совѣтникъ и онаго Университета Кураторъ Иванъ Ивановичь Мелиссино и о намѣреніи сего заведенія объявлено было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1771 года печатными, каковой при семъ прилагается, листами. Почему сверхъ университетскихъ членовъ многіе изъ обрѣтающихся въ Москвѣ знатныхъ особъ и другихъ любителей Россійскаго слова объявили желаніе свое быть участниками сего предпріятія. Августа 2 дня, тото же года учинено открытіе Россійскаго собранія прочтеніемъ рѣчи учредителя онаго Ивана Ивановича Мелиссино о самомъ семъ учрежденіи, и разсуждаемо было о распоряженіяхъ сего вновь начинающагося заведенія; вслѣдствіе чего между прочимъ опредѣлено: 1) засѣданіямъ онаго собранія быть каждую недѣлю по субботамъ отъ 4 до 7 часовъ пополудни, 2) всѣмъ имѣющимъ участіе въ университетской конференціи имѣть также участіе и въ семъ собраніи, 3) начальствовать въ ономъ яко предсѣдателю одному изъ гг. Кураторовъ Университетскихъ, а намѣстнику быть г. Директору онаго Университета. Почему и объявлены Предсѣдателемъ Иванъ Ивановичь Мелиссино, а намѣстникомъ Михайло Васильевичь Приклонской, яко единственныя и наиспособнѣйшія особы къ доставленію необходимой всякаго рода помощи сему собранію отъ Университета; 4) секретаремъ быть одному безсмѣнному и при немъ двумъ погоднымъ, къ чему въ первые и избранъ краснорѣчія профессоръ Г. Барсовъ; 5) дѣйствительныхъ или присутствующихъ членовъ быть до 51 особы, а почетныхъ или отсутствующихъ числу неопредѣленному, и всѣмъ онымъ давать печатные патенты съ приличными украшеніями, а принимать ихъ вновь по представленію отъ кого нибудь изъ присутствующихъ членовъ, или по письму ихъ самихъ къ собранію или къ предсѣдателю, или по представленію ихъ трудовъ; 6) при раз-

личныхъ мнѣніяхъ всѣ дѣла рѣшить баллотированіемъ, 7) сочиненія и переводы свои членамъ читать самимъ, или чрезъ годовыхъ секретарей, при разсужденіи жъ объ оныхъ сочиненіяхъ и переводахъ сочинителямъ не присутствовать, развѣ потребуется отъ него коликое либо изъясненіе, 8) отсутствующимъ особамъ присылать свои сочиненія съ девизомъ и подписывать на имя вольнаго Россійскаго собранія, 9) въ память сего учрежденія быть ежегодно августа 2 дня торжественному засѣданію, 10) быть казначею избираемому отъ собранія, отъ котораго и должное наставленіе ему быть имѣетъ дано, 11) о всѣхъ разсужденіяхъ и опредѣленіяхъ собранія секретарю вести дневную записку, которую сверхъ его подписывать предсѣдателю и намѣстнику.—Но бывшимъ въ Москвѣ несчастіемъ отъ заразительной болѣзни вскорѣ пресѣклось исполненіе сихъ распоряженій на долгое время; а по совершенномъ прекращеніи всѣхъ опасностей дѣланы разные опыты къ сочиненію общаго Россійскаго словаря; разсматриваемъ былъ словарь церковный, который уже и напечатанъ, и писаны письма почти ко всѣмъ Преосвященнымъ Архіереямъ и къ другимъ духовнымъ особамъ о сообщеніи собранію рѣдкихъ словъ въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ мало извѣстныхъ, такожъ лѣтописей и извѣстій историческихъ, каковыя сообщенія отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и получены, которыя, такъ какъ и другія сочиненія и книги отъ нѣкоторыхъ членовъ собранія и отъ другихъ доброжелателей полученныя хранятся при этомъ, для употребленія въ способномъ случаѣ.

XI.

Оглавленіе:

Древняя Рос. Вивліоѳика,
издаваемая помѣсячно
Николаемъ Новиковымъ.
Часть 1.
Мѣсяцъ Январь.
Въ Спетерб. 1773 года.

На другой страницѣ:

Ея Величеству
Екатеринѣ великой,
Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской:

(истинной матери Отечества, законодательницѣ премудрой, побѣдительницѣ враговъ Имперіи Россійскія на землѣ и на морѣ, распространительницѣ славы Россійскія, воскресительницѣ Мусъ, покро-

вительницѣ Наукъ и Художествъ, защитницѣ Правосудія и Истины и содѣтельницѣ блаженства Россійскаго,)

Сіе изданіе со всеглубочайшимъ почтеніемъ посвящаетъ въ новый 1773 годъ всеподданнѣйшій рабъ Николай Новиковъ.

Рукою Козицкаго:

Издатель сея книги, которой заглавіе здѣсь приложено, проситъ всеподданнѣйше высочайшаго дозволенія на посвященія оныя всеавгустѣйшему Вашего Императорскаго Величества имени.

Рукою Императрицы Екатерины:

Мой совѣтъ есть, естьли Авторъ мнѣ приписатъ хочетъ свое изданье то вымарать изъ тителя все то, что свѣту показатся можетъ ласкательство, я подчеркнула на титуля все излишество.

XII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ!

Издавая древности Россійскія о обрядахъ, у предковъ нашихъ въ употребленіи бывшихъ, полюбилось мнѣ болѣ прочаго, что именинники въ день своего Ангела приносили даръ государямъ, и я захотѣлъ оному обыкновенію послѣдовать. Они въ день именинъ своихъ хаживали къ государямъ съ пирогами, называвшимися *именинными*: и сами государи, уважая сіе обыкновеніе, хаживали съ пирогами же къ патріархамъ; и сіе, мнится мнѣ, введено было въ употребленіе для означенія, что человѣку при рожденіи его хлѣбъ есть самонужнѣйшая вещь, и что всякій человѣкъ наиболѣе всего долженъ имѣть попеченіе о хлѣбопашествѣ, а дворяне еще и наиболѣе прочихъ, потому что они ни что иное, какъ люди, которымъ государь ввѣрилъ нѣкоторую часть людей же, во всемъ имъ подобныхъ, въ ихъ надзираніе. Далъ бы Богъ, чтобы почтенныя мои собратія сему повѣрили! Посему именинникъ хлѣбъ или пирогъ, яко наилучшій и необходимѣйшій для продолженія человѣческія жизни даръ, Ангеломъ его въ тотъ день низпосланный, приносилъ къ государю и, подавая оный, какъ будто говорилъ: «Государь, вотъ нужнѣйшая вещь для продолженія человѣческія жизни, вотъ истинное твое и всего государства богатство, я приношу тебѣ въ даръ хлѣбъ въ знакъ моего изобилія и трудовъ, употребленныхъ мною во весь минувшій годъ для приведенія въ цвѣтущее состояніе земледѣлія». А сами Государи, подавая патріарху пирогъ, означали тѣмъ, что они хлѣбопашество въ своемъ имѣютъ покровительствѣ. Я не могу слѣдовать сему похвальному обыкновенію въ принесеніи Ея Императорскому величеству, знаменитѣйшей изъ всѣхъ Россійскихъ государей покровительницѣ земледѣлія и хлѣбопашества, хлѣба или пирога, какъ дворянинъ, отдаленный

отъ деревни своей и слѣдовательно отъ надзиранія за хлѣбопашествомъ, но какъ издатель рѣдкихъ рукописей, осмѣливаюся въ день моего Ангела, посредствомъ вашимъ поднести Ея Императорскому величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающею вниманія. Посредствомъ вашимъ снабденъ я отъ Ея Императорскаго Величества, рѣдкими рукописями для продолженія моего журнала, и тѣмъ самымъ ободренъ въ трудахъ моихъ; посредствомъ вашимъ хочу я изъявить и всеподданнѣйшую мою къ Ея Величеству благодарность. Я совершенно буду обрадованъ въ нынѣшній день, если вы пріимѣте на себя сей трудъ и если это угодно будетъ Ея Величеству.

Впрочемъ я пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь мой

вашъ вѣрный слуга

Н. Новиковъ.

Въ Санктпербургѣ

1773 года. Маія 9 дня.

(На обложкѣ этого письма рукою Козицкаго: «Въ именины свои всеподданнѣйше подноситъ Вашему Величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающую вниманіе»).

XIII.

Собственноручная другая записка Новикова: «Записка для припамятованія для написанія въ письмѣ къ г. Миллеру.

1. Копіи съ грамотъ.
2. — съ трактатовъ.
3. — съ посольскихъ наказовъ и описаній посольствъ.
4. — съ церемоніаловъ въ Архивѣ находящихся и другихъ достопамятныхъ вещей, по разсмотренію Г. Миллера, къ печатанію годныхъ.»

XIV.

Копія рукою Козицкаго:

Господинъ Коллежскій Совѣтникъ Миллеръ.

По разсмотренію вашему изъ Архивы, которую вы разбираете для удовольствія публики къ изданію въ печать можете сообщать г. Новикову копіи съ описаній посольствъ, съ разныхъ обрядовъ или чиновъ и другихъ достопамятныхъ вещей не меньше какъ и любопытныхъ, о чемъ онъ насъ просилъ.

К.

С.-Петербургъ

1773 года Окт. 26 дня.

XV.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Болѣзнь моя препятствуетъ самолично принести прозьбу мою, почему принужденъ объяснить оную чрезъ сіе: 1) подать Ея Величеству посланную при семъ книгу *Золотыхъ Часовъ* 1-ю часть, отъ имени нашего общества; 2) приложенное при семъ объявленіе о подпискѣ на *Виеліовику* для будущаго года разсмотрѣть и сообщить ваше мнѣніе, и 3) если возможно будетъ, испросить одобрѣніе Ея Величества въ разсужденіи изданія извѣстій о родахъ княжескихъ и дворянскихъ, ибо безъ сего я не осмѣлюсь приступить къ сему, не вѣдая, угодно ли то будетъ Ея Величеству. Впрочемъ для меня кажется сіе весма важнымъ и полѣзнымъ предметомъ, потому особливо, что ничемъ такъ преуспѣть не возможно къ собранію полной книги родословной, какъ симъ изданіемъ. Многіе дворяне въ Москвѣ о семъ просили меня и обѣщались присылать книги родословныя, чего въ другое время и получить не возможно.

Обыкновенная ваша ко мнѣ благосклонность и вспоможеніе въ семъ предпріятіи заставляетъ меня ласкаться, что вы и сію прозбу мою не оставите тщетною, почему прекратя сіе пребываю

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и искреннимъ слугою Н. Новиковъ.

Октября 30 дня 1773 года.

XVI.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго В-а отъ 26 окт. повелѣніе о сообщеніи г. Новикову копій съ посольствъ, разныхъ обрядовъ и другихъ достопамятныхъ и любопытныхъ вещей сего 4 ч. имѣлъ я счастіе со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ получить. Къ исполненію сего указа тѣмъ ревностнѣе, всемилостивѣйшая Монархиня, приступлю чемъ вящшее пріемлете Ваше Величество попеченіе о удовольствіи публики изданіемъ на свѣтъ такихъ вещей, кои для любителей и творцовъ Россійской исторіи сколь пріятны, столь и полезны быть долженствуютъ. Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Герардъ Фридрихъ Миллеръ.

Изъ Москвы,
7 ноября 1773 года.

XVII.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Приложенный ексемпляръ ноября мѣсяца покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, переплетенныя въ атласъ еще не готовы; я

весма торопился выходомъ изъ печати сего мѣсяца, но типографія Академическая пересилила мои старанія.

Я осмѣливаюсь просить васъ о увѣдомленіи меня чрезъ почту о времени возвращенія вашего въ Петербургъ, ибо въ разсужденіи Вивліоѳики на будущій годъ я имѣю прозьбу мою вамъ принести. Впрочемъ поруча себя обыкновенной вашей ко мнѣ милости пребываю

Милостивый государь
вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Новиковъ.

Ноября 17 дня
1773 года.

Рукою Козицкаго «Ноябрь поднесенъ и отвѣтствовано, что въ началѣ будущей недѣлѣ думаю быть въ городѣ и что сдѣлается неизвѣстно».

Копія съ письма Козицк. къ Адаму Вас, Олсуфьеву въ коемъ проситъ выдать ему изъ кабинета по высоч. приказ. 1000 р.— не сказано за что.

Все рукою Новикова: «1773 года Ноября 3 дня всемилостивейше пожалованныя мнѣ Ея Императорскимъ Величествомъ тысячу рублей получилъ отъ его высокород. Григорья Васильевича Козицкаго.

Порутчикъ Николай Новиковъ.

XVIII.

Росписка Новикова.

1774 г. января 1 дня Всемилостивѣйше пожалованныя мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества двѣсте червонцовъ Голандскихъ принялъ я отъ его высокоблагородія Григорія Васильевича Козицкаго и сію росписку далъ Порутчикъ Николай Новиковъ.

XIX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ.

Сообщаю при семъ два ексемпляра Юлія мѣсяца, который только что вчерась отпечатался, и причиною тому пьянство наборщиковъ. Изъ сихъ двухъ ексемпляровъ покорнѣйше прошу одинъ поднести Ея Императорскому Величеству; другій же для васъ.

Сообщаю я еще новую изъ Москвы полученную мною оду, которая въ разсужденіи рѣдкости своей достойна имѣть мѣсто въ книгохранительницѣ, ибо какъ меня увѣряли, что ихъ печатано только нѣсколько десятковъ.

Наконецъ сообща сіе, пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь
вашимъ вѣрнымъ слугою Николай Новиковъ.

Юлія 6 дня 1774 года.

XX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Сообщаю къ вамъ два ексемпляра 1 листа Еженедѣльнаго сочиненія вновь выходящаго; изъ которыхъ если изволите счесть за надобное прошу покорнѣйше поднести Ея Императорскому Величеству; другой же ексемпляръ для вашей книгохранительницы.

Впрочемъ я имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ слугою Н. Новиковъ.

Юлія 8 дня 1774 года.

(Козицкій писалъ отъ 10 іюля С. М. Козмину и просилъ представить Императрицѣ Древнюю Россс. Вивл. іюль и 1 л. Еженед. соч.).

XXI.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

При семъ сообщаю третьяго листа *Кошелька* два ексемпляра, одинъ, если первые изволили поднести, то и сей покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, другій же для васъ: впрочемъ если имѣете свободное время, то осмѣливаюсь просить о увѣдомленіи меня, угодны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно и есть моею цѣлію, что бы всегда дѣлать ей угодное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ ободреніемъ къ продолженію оныхъ.

Книги: офицерскія упражненія и Путешествія Белевы на сей нѣдѣлѣ переплетутся, которыя какъ скоро изготовятся къ вамъ сообщу, пребывая всегда

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Николай Новиковъ.

Іюля 22 дня 1774 года.

XXII.

Милостивый государь Григорей Васильевичъ.

Не сочтите долгое молчаніе неблагодарностію ко всѣмъ милостямъ оказаннымъ мнѣ въ бытность вашу въ Петербургѣ; они крѣпко впечатлены въ мое сердце и благодарность моя къ вамъ вмѣстѣ съ жизнію моею прервется; причина же сему болѣзнь моя: болѣе двухъ мѣсяцовъ страдалъ я отъ груди и глазъ, но нынѣ благодаря Бога чувствую великое облегченіе отъ оной.

Сообщаю при семъ два екземпляра VIII части вивліоѳики для васъ, третій же покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству.

Новостей здѣшнихъ никакихъ сообщить вамъ не могу кромѣ того, что отъѣздъ Двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство,

что я не знаю, какъ могу окончить вивліоѳику на нынѣшній годъ, ибо не толко что не прибавляются подпищики, но и другихъ книгъ почти совсемъ не покупаютъ.

Приложенное здѣсь объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей* покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству и употребя стараніе ваше въ пользу моихъ изданій, оказать еще новый опытъ вашихъ ко мнѣ милостей. Безъ сея же помощи я нахожусь въ крайнемъ принужденіи бросить всѣ *мои* дѣла неоконченными. Что дѣлать, когда усердіе мое во оказаніи услугъ моему отечеству согражданами моими такъ худо пріемлется!

При семъ прилагаю еще напечатанной мною книжки одинъ екземпляръ для васъ, и три на простой бумагѣ для Ивана Семеновича; такъ же сообщаю и чистыя листы съ портретомъ, принадлежащія *до Сокровища Россійскихъ Древностей.*

Впротчемъ прося о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей и благосклонности, такъ же и о удостоиваніи меня отвѣтами, пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію

Милостивый государь

(Новик. рука) вашъ всеусерднѣйшій и вѣрный слуга

Николай Новиковъ.

Марта 26 дня.
1775 году.

Его приписка: «Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Объявленіе.

Издатель древнія Россійскія вивліоѳики предпріялъ сообщить во свѣтъ новое изданіе подъ именемъ Сокровища Россійскихъ древностей. Во ономъ печататься будутъ:

1-е Описанія о построеніи всѣхъ въ Россіи соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей, когда и кѣмъ оныя построены, что въ нихъ достойное примѣчанія и такъ же собраны будутъ всѣ надписи надгробныя и прочія достопамятности.

2-е При каждой части сего изданія будетъ портретъ одного изъ Россійскихъ Государей въ медальномъ видѣ, съ пріобщеніемъ краткаго описанія жизни того Государя.

3-е Сообщаемы будутъ гербы Россійскихъ царствъ, княжествъ и прочихъ городовъ съ ихъ описаніями.

4-е Естьли обстоятельствы допустятъ, то сообщены будутъ древнія Россійскія монеты, съ описаніями.

5-е При каждой части сообщаемы будутъ извѣстія о выданныхъ на Россійскомъ языкѣ книгахъ, касающихся до Исторіи и Географіи Россійскія.

Всѣ сіи части снабдены будутъ по возможности историческими и географическими примѣчаніями.

Подписка дѣлается на 8 частей, каждая часть состоять будетъ изъ 15 листовъ и выходить въ свѣтъ будетъ чрезъ два мѣсяца. Которыя особы подпишутся и заплатятъ напередъ деньги, тѣмъ уступаемы будутъ всѣ 8 частей за 6 рублей; то есть каждая часть по 75 копѣекъ; продаваться же будетъ каждая часть по рублю.

По окончаніи же сихъ первыхъ осьми частей, если сіе изданіе будетъ принято благосклонно, тогда оное и еще продолжаться можетъ.

Подписка на сіе изданіе начнется съ сего объявленія, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Миллера, живущаго въ Луговой Милліонной улицѣ, а въ Москвѣ у книгопродавца Ридигера въ Академической книжной лавкѣ у Коммисара Барисюкова и у переплетчика Никиты Дмитріева, живущаго близь Кузнецкаго моста.

Цѣна какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ будетъ одинакая.

XXIII.

Отпускъ письма Козицкаго къ Козмину (докладчику Екатерины II.)

Милостивый государь мой

Сергей Матвеевичь.

Прошу покорнѣйше вашего превосходительства представить Ея Императорскому Величеству нововышедшія переводныя отъ собранія книги: 1) Діодоровой библіотеки IV-тую часть. 2) Цицероново сочиненіе о утѣшеніи. 3 и 4) Двѣ Геллертовы комедіи. 5) Егожъ басенъ и сказокъ часть 1-вую: а сверхъ сихъ отъ госп. Новикова VIII-мую часть древней Россійской вивліоѳики и прилагаемое здѣсь отъ него жъ объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей*. И не соблаговолитъ ли повелѣть Всемилостивѣйшая Государыня подписаться на нѣсколько екземпляровъ сей послѣдней книги и на сколько? прошу покорно меня увѣдомить. Еще утруждаю васъ и симъ прошеніемъ, чтобъ доложить Ея Величеству, какъ находятся у меня нѣкоторыя апелляціонныя челобитныя, не будетъ ли Высочайшаго благоволенія на то, чтобъ оныя повелено было мнѣ было отослать къ Его превосходи-

тельству генералу рекетмейстеру. Я же съ достодолжнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ симъ всегда

Милостивый государь мой
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва. 1775 г.
Маія 4 дня.

—

XXIV.

Отпускъ письма Козицкаго Новикову.

Государь мой

Николай Ивановичь.

При письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 26 марта сего года полученныя мною VIII ч. древн. Рос. вивліоѳики и объявленіе о подпискѣ на книгу: Сокровище Россійскихъ Древностей не могъ я самъ за болѣзніею моею имѣть сщастіе Ея Имераторскому Величеству представить, а по прошенію моему поднесена первая и второе представлено Ея Велич. чрезъ его превосх. Серг. Матв. Козмина. Всемил. государыня высочайше изволила указать мнѣ подписаться для Ея Величества на шесть екземпляровъ означенной въ вышеупомянутомъ объявленіи книги, также Сергей Матвѣевичь просилъ меня чтобъ и ему подписать на одинъ екземпляръ да для меня одинъ, за кои восемь екземпляровъ щитая по 6 рублей за каждой изволите при семъ получить 50 рублей ассигнаціи при семъ прилагаемой. За присланные же отъ васъ мнѣ два екземпляра VIII ч. вивліоѳ., чистые листы съ портретомъ, принадлежащіе до Сокров. Рос. Древн. и 1 екземпляръ напечатанный вами книги да 3 екземпляра сей послѣдней батюшкѣ Ивану Семеновичу [1]) какъ я, такъ и онъ вамъ покорно благодаренъ, въ прочемъ я и понынѣ все еще боленъ и желаю вамъ въ трудахъ вашихъ лучшихъ успѣховъ пребывая на всегда

вашимъ покорнымъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва.
1775 г.
Маія 11 дня.

---

[1]) Тесть Козицкаго.

ДОНЕСЕНІЕ О МАСОНАХЪ.

Вашему Императорскому Величеству
всепремилосерднѣйшей матери Отечества.

Въ силу Именнаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества объявленнаго мнѣ нижайшему, чрезъ Его Сіятельство графа Александра Ивановича Шувалова, дабы объявленной мною находящейся секте Массонской обстоятельное доказательство, на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества,—того ради храня свято ваше Монаршее повелѣніе, прилагая присемъ именной списокъ съ прописаніемъ оной секты, со всеглубочайшею моею рабскою подданностію

доношу:

Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ вышереченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключь дружелюбія и братства (въ подл. *туа*), которое безсмертно вовѣки пребыть имѣетъ, и тако нашетшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ.

1.

Ложа, которая для посвѣщенія принятымъ, имѣетъ быть въ полномъ собраніи, имѣя къ тому особливо пріуготовленную палату, въ которой учрежденія нижеслѣдующія.

2.

Палата обита чернымъ сукномъ и по оному сукну на стенахъ раскинуты цвѣты бѣлыя, во образѣ звездамъ и посреди оной палаты поставленъ столъ подъ чернымъ сукномъ, и на ономъ столѣ лежитъ мертвая голова и обнаженная шпага съ заряженнымъ пистолетомъ; то во оную приведутъ и огонь вынести должно, и оной пришедшій сидитъ противъ онаго стола; а оная мертвая голова вдѣланная на пружинахъ имѣетъ движеніе, и такъ до онаго касается.

3.

Потомъ изъ оной выведя вонъ, снявъ платья и обобравъ всякаго званія металъ и разувъ правую ногу и снявъ рукавъ рубахи съ лѣвой руки и завязавъ глаза, поставя за двѣ палаты передъ ложею, потомъ отъ ложи чрезъ присланнаго метра съ двумя компаніонами спрашиваютъ: сколько лѣтъ и гдѣ въ службѣ, и когда оное отобравъ, то обнажа шпаги введутъ во оную ложу, въ которой присутствуетъ Гранметръ, имѣя главное свое мѣсто прямо отъ входа, противъ дверей за столомъ сидя въ креслахъ, и оной столъ покрытъ бархатомъ пунцовымъ, на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется престолъ; отъ онаго жъ стола до самыхъ дверей на полу послана клеёнка, на которой начертаны мѣломъ храмъ Саламоновъ и вкругъ оной предстоятъ находящіяся во ономъ сектѣ масоны, и тогда гранметръ онаго приведящаго вновь для посвященія велитъ предать тремъ мытарствамъ, по повелѣнію котораго съ обнаженными шпагами принявъ подъ руки трое кругъ всѣхъ предстоящихъ масоновъ и обведя два раза съ возженными свѣчами, съ употребленіемъ при томъ силномъ вѣтрѣ и въ воздухѣ огня, и потомъ взведя на особливую къ тому приготовленную гору, имѣя повелѣнія отъ гранметра, дабы онаго скинуть съ горы по поисполненію сему оной представляется предъ гранметра и присягаетъ оному ни инаго какъ Создателю нашему Христу съ прилежаніемъ къ тому печати Салимоновой, которая кладется на лѣвомъ плечѣ и потомъ циркулемъ проколовъ грудь стираетъ самъ текущую кровь платкомъ и развязавъ глаза повелѣваютъ у гранметра цѣловать лѣвую ногу три раза, по окончаніи же сего доказывая, увѣряютъ, что храмъ Саламоновъ не инако есть какъ святое таинство, и защитникъ онаго силою своею есть гранметръ, что же касается о величествѣ сея ложи, то симъ послѣдняя доканчиваю, оная содержитъ въ себѣ три светила, первое свѣтило гранметръ, второе небо, третіе светило звезды; и у онаго жъ гранметра въ подножіе луна, на которой стоитъ правой ногой, украшеніе жъ оной ложи разумъ и просвѣщеніе самаго гранметра, что жъ касается особо о гранметре при собраніи ложи, о его власти, то не инако, какъ за совершеннаго законодателя и храма Саломонова защитника и святителя признаваютъ.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего Императорскаго величества особливо премного милосерднѣйшей матери и защитницѣ ко мнѣ предъ всѣми бѣдному

всеподданнѣйшій и послѣдній рабъ

Михайла Алсуфьевъ.

Реэстръ.

Гранметрамъ и Масонамъ.
а именно:

Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ.
Бригадиръ Александра Сумароковъ.
Кадетскаго корпуса капитанъ Милисино.
Остервальдъ.
Свистуновъ.
Перфильевъ.
Преображенскаго полку: князь Михайло Дашковъ.
Сержантъ Сергей Пушкинъ.
Семеновскаго полку: Николай Карташовъ, Федоръ Мамоновъ князь Михайло Щербатовъ, Князь Владиміръ Галицынъ, князь Алексѣй Галицынъ, Петръ Тапильской, Иванъ Кропатовъ, капитана Волкова двои дѣтей.
Конной гвардіи: князь Сергей Трубецкой, Иванъ Ребендеръ Иванъ Пустошкинъ, Григорій Куляпка, Иванъ Балтинъ, князь Федоръ Галицынъ, Николай Апраксинъ.
Ингерманландскаго полку: поручикъ Матвѣй Кожевниковъ, поручикъ Петръ Посниковъ, генералъ-вагенъ-мейстеръ, князь Семенъ Мещерскій.
Петръ Александровичь Бутурлинъ.
Камеръ-пажъ Петерсонъ.
Изъ музыкантовъ: Мадонисъ, Вилда, Шнурфельдъ, Вакари италіанецъ.
Кадетскаго корпуса: танцмейстеръ Пеле.
Купецъ Миллеръ.

И тако по недавнему моему объ ономъ сектѣ знаніи болѣе числа людей оказать не могу, а изъ вышеписанныхъ всякой можетъ наиболѣе особо показать Вашему Императорскому величеству по ихъ давности въ ономъ, кто имъ извѣстны со всѣми обстоятельствы.

Примѣчаніе.

Года нѣтъ, но суда по почерку, должно отнести къ первымъ годамъ царств. Елисаветы Петровны до 50 г., вѣроятнѣе всего 1746 г., ибо записка Олсуфьева находится въ одномъ дѣлѣ съ зап. и допрос. графу Николаю Головину, который по возвращеніи своемъ изъ за границы, былъ призванъ къ А. И. Шувалову. Ему было объявлено отъ Им-

ператрицы: «хотя она довольныя причины имѣетъ о поступкахъ вашихъ совершенно сумнѣваться, однакожь по природному своему матернему великодушію, въ разсужденіи вашихъ молодыхъ лѣтъ милосердствуя и не желая, чтобъ вы Ея Императорскаго величества всевысочайшей милости вовсе лишились, всемилостивѣйше уповаетъ, что вы впредь себя исправите и сущимъ вѣрнымъ подданнымъ Ея Имп. вел. рабомъ по прилежной своей должности, во всякихъ случаяхъ оказывать станете. И того для имѣете вы отсюда далѣе въ Москву въ домъ вашъ ѣхать такъ, какъ бы вы, по полученіи на то позволенія, прямо изъ чужихъ краевъ туда ѣхали, не заѣзжая въ Петербургъ, куда и служителей своихъ отсюда не пускать и никому о томъ туда ни письменнымъ, ниже другимъ какимъ образомъ подъ лишеніемъ живота знать не давать». Н. Головина подозрѣвали въ сношеніи съ прусск. королемъ; пріѣхавшій съ ними полковникъ Остенъ показалъ на него, что онъ везетъ письмо Прусск. королю къ его секрет. Варендоря, имѣетъ отъ него и другія важныя коммиссіи. Между прочимъ ему былъ заданъ слѣдующій вопросъ: «Здѣсь заподлинно извѣстно, что вы во Фрамасонскомъ орденѣ вступили и такъ вамъ о семъ безъ утайки объявить надлежитъ, также и о тѣхъ всѣхъ показать, которыя здѣсь во ономъ находится, не выключая никого, да и то открыть какія уставы или законы въ ономъ наблюдаются».

На этотъ вопросъ Голов. отвѣчалъ — «Я признаюсь, жилъ въ этомъ орденѣ и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ ономъ же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано. Графъ Николай Головинъ».

Головину было сдѣлано два допроса; второй неизвѣстно когда, а первый 25 февр. 1747 г.

На особомъ листкѣ:

Гранъметра, орденъ голубая лента, у нея троякая красная съ зелеными каймами, на оныхъ лентахъ полуцырькуль и тріугольникъ, а надеваютъ чрезъ плечо, а Александровъскую на камсолъ.

ИСТОРІЯ О БѢГСТВУЮЩЕМЪ СВЯЩЕНСТВѢ.

Сочиненіе Ивана Алексѣева (1755).

Не малъ убо воистинну сей божественный человѣческому роду даръ на исправленіе дадеся — исторіи о древнихъ вещѣхъ и дѣлахъ полагати, въ безсмертную тѣхъ память и въ пользу многихъ. Коликія бы дражайшія пользы хотѣли погибнути отъ насъ, аще бы преславныя дѣла честныхъ мужей исторіами не подтвердилися! Нынѣ же не тако; но благія ревности и предивная дѣла боголюбивыхъ мужей, аки свѣщи возсіявшія въ мірѣ, писанію предаватися обыкоша, даже, сія разгибающе, ревностніи преуспѣваютъ въ силѣ, немощніи исправляются и къ лучшему преуспѣваютъ, а лѣнивіи чувство своего небреженія воспріемлютъ. Дерзнуже глаголати: исторіи древнихъ дѣлъ, паче же нравоучительныхъ и правильныхъ, вѣсть человѣческіе нравы исправляти и къ Богу приводити внимающихъ. Тѣмъ же Павелъ и глаголетъ: *Помните наставники ваши.* Но како ихъ мощно помнити, аще исторій о нихъ не возъимамы? Сего ради азъ многое и неусыпное тщаніе возъимѣхъ—исторію сію о бѣгствующемъ іерействѣ обрѣсти, вины ради сицевы: понеже частое вопрошеніе ко іерейству сему отъ насъ бываше, почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ. На сіе отъ нихъ скорое и удобное всякому во отвѣтъ слово: отци наши первѣйшіи іереи сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословеніемъ дѣйствуемъ. Тѣмъ же нужда ми бысть исторію сію начати отъ первыхъ временъ премѣненія и, повѣсть сію описуючи, коегождо отъ священныхъ чиновъ даже до нашихъ временъ и показуючи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста, во еже отъ древнихъ признати настоящихъ. Но понеже всѣмъ небрежно бяше о семъ (чтобы описати самѣхъ тѣхъ и дѣла ихъ), аще и мнози во устѣхъ ихъ имутъ, обаче память о нихъ аки искра въ пепелѣ погибати хотяше. И намъ убо поздно на се взысканіе случися пріити, яко совершенно вѣдущихъ едва обрѣсти: не малъ трудъ на се воспріяхъ, испытуя нѣкія

отъ инокъ и бѣльцевъ искусныхъ, како кто отъ древнихъ священниковъ съ новодогматствующими поступаше и отъ тѣхъ какъ кого пріимаше и коимъ образомъ сіи новорукоположенцы введошася. И елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, нынѣ во единъ сотъ сеи исторіи связахъ и предъ очи всѣхъ предложити намѣренъ есмь. Аще ли кто болѣе сего вѣсть, да приложитъ; аще ли ни, то за благо сія да пріиметъ, о чемъ здѣ предлагаемъ.

И первѣе реку о отцѣхъ соловецкихъ, благочестія ради изрядныхъ страдальцевъ. Посылаемъ бо бысть исперва къ нимъ по царскому указу и по совѣту Никона патріарха новорукоположенный архимандритъ Іосифъ, отъ собора духовныхъ, на мѣсто Никанора, бывшаго въ нихъ архимандрита, съ новыми догматы. Отци же соловецстіи не токмо догматовъ тѣхъ не пріяша, но и архимандрита бездѣльна вспять отслаша. Оному же прибывшу къ Москвѣ, на гнѣвъ велій царя подвиже. Сего ради царь нѣкоего воеводу Игнатія со онымъ архимандритомъ въ соловецкую обитель ко отцемъ паки посла, придавъ ему сто человѣкъ воиновъ, повелѣвая, да въ степень оную пріимутъ архимандрита отци, аще ли ни, то силою да сотворитъ воевода. Видѣвше же отци таковое бѣдство, на нихъ нашедшее, положишася вси на подвигъ мученичества. О чемъ особливо пространная исторія написана.

По сихъ воспріимемъ повѣствованіе о Іовѣ попѣ, благочестія ради по многимъ странамъ скитающемся. Сей убо Іевъ исперва бяше литовскія земли, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ, отца имяше именемъ Тимоѳеа. И внегда посланъ бысть Филаретъ, митрополитъ ростовскій, по совѣту духовнаго и мирскаго чина, отъ Москвы къ королю въ Литву, лѣта 7119, для прошенія сына его на россійское царство (въ коемъ прошеніи за слово крещенія сына его прогнѣванъ король, удержа сего митрополита въ неволи на много время). И тѣмъ временемъ Филаретъ преосвященный пріобрѣте сего Іева. И егда свобожденъ бысть отъ короля, взя съ собою сего Іева, еще въ юности суща. И прибывъ съ нимъ въ россійское государство, при келіи его державъ время, (и смиренныя его ради поступи) облече его во иноческій образъ. И бысть сей Іевъ искусенъ инокъ, проходя иноческое дѣло, живя во всякихъ добродѣтелѣхъ и послушаніи изрядно. Видѣвъ же его Филаретъ (уже патріаршескій престолъ имѣя) такими добродѣтели и разумомъ Іева украшенна, посвяти его во іерея. И въ сицевомъ чину Іевъ твердъ умъ стяжа и сердце боголюбиво, чесо ради по просьбѣ его отпусти его на собственное жительство, давъ ему благословеніе, да, идѣже можетъ, соберетъ себѣ духовныя чада и научитъ иноческой философіи. Отшедшу же сему Іеву, прежде жи-

тельство возъимѣ въ тверскомъ уѣздѣ къ Новуграду, при градѣ Старици, проходя тамо безмолвное житіе, духомъ горя Господеви, егоже тамо тверскій митрополитъ довольно знаяше, якоже услышимъ по сихъ. Видяще же людіе сіе его добродѣтельное житіе, мнози начаша къ нему собиратися на жительство. И сицевыя ради вины нужда бяше ему поставити монастырь, иже и донынѣ той нарицается монастырь Раковъ. Нѣцыи же глаголютъ, яко, отходящу ему отъ Москвы, научи себѣ нѣкое дѣтище, именемъ Іоасафа, и имяше его въ послуженіе свое, о немъ же будетъ послѣди слово. Но яко сей Іевъ зѣло любя безмолвное житіе, того ради въ новосодѣланномъ монастыри устрои братства начальника, а самъ отъиде оттуду, и поселися не зѣло далеко, (въ томъ же уѣздѣ тверскомъ) на утишіи. Но како мощно свѣщи, свѣтло горящей свѣтомъ добродѣтелей, во тьмѣ утаитися? И тамо единъ по единому, увѣдавъ его пребываніе, притекаху къ нему, требующе его разума на путь спасенія наставлятися. И сице ту мнози въ жительство собрашася, коего ради множества нужда ему бысть другій монастырь состроити, иже и донынѣ наричется монастырь Никольскій; и въ семъ монастырѣ сей Іевъ поживе до Никона патріарха. Внегда же настати новымъ догматомъ въ Россіи и сихъ ради староцерковное преданіе держащимъ утѣснятися, дойде и до сего монастыря іевлева нужда пряневоленія къ новымъ догматомъ: тогда немогій ту Іевъ пребывати, отъиде въ рыльскій уѣздъ и живяше при городеньствѣ. Но помалу и малу и тамо, аки древу стоящу ему на высотѣ добродѣтелей, мнози подъ сѣнію его птицы словесніи желающе обитати, ихъ же ради и третій монастырь, нарицаемый Льговъ, лѣта 7177 содѣла. И сіе бысть во дни царя Алексія Михайловича и патріарха Іоакима. Сія же вся ему содѣя и споспѣши, во еже наздати толикія ограды и въ нихъ собрати словесныя овцы, и толикой иноческой философіи преданіямъ обучи, не что ино, токмо оное святѣйшаго Филарета благословеніе и изрядный его разумъ, чрезъ неже Всевышняго поспѣшство въ томъ ему бысть. Но понеже широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюду належащу, тѣсно бысть сему Іеву въ томъ монастыри пребывати, изыде изъ тоя обители, преходя крыяся по мѣстомъ, пріиде къ Дону и поселися тамо при Чирѣ рѣцѣ. И видѣ братство къ нему собирающеся, построи и тамо четвертый монастырь и въ немъ постави церковь. И тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ, остави ю неосвященну, живъ вяще ста лѣтъ. Старецъ опасный бяше благочестія хранитель и отецъ чадъ духовныхъ изрядный и любовный сихъ питатель млекомъ ученія, отъиде отъ сего свѣта временна въ вѣчный, во мзду трудовъ своего странствія, печаль и плачь остави послѣдующимъ ему.

По смерти же сего Іева, нѣкій бяше на Тихвинѣ игуменъ, именемъ Досифей, и той, новыхъ ради догматовъ и належащаго принужденія, остави свой монастырь и пространство житія поиде тѣснымъ путемъ, укрываяся по различнымъ мѣстамъ, въ нѣдрахъ своихъ храня древнія церкве разумъ, въ нейже бяше крещенъ и рукоположенъ истинно. И тако пріиде на Донъ къ мѣсту оному новосодѣланнаго монастыря Іевомъ. Людіе же, по Іевѣ оставшіися, видѣвше таковаго отца приходъ къ нимъ, не меньша суща добродѣтелію и разумомъ Іева, радостное ему привѣтство творяще, пріемлюще его и приходъ его облобызающе, вторыя радости виновный, вмѣняюще пришествіе его іевлево быти воскресеніе,—и аки живописаненъ Іеви образъ поставляющъ явленъ быти имъ Досифей. Внегда же вселитися ему во іевлевъ монастырь, видѣ ту церковь новосодѣланную, еще не посвященну; (по прошенію же ту живущихъ), посвяти ю съ присутствіемъ нѣкоего діакона Герасима, живша во Льговѣ при Іевѣ ономъ. И въ той новопросвѣщенной церкви служилъ пять лѣтъ, принося безкровныя жертвы. Но яко не можетъ градъ укрытися, верху горы стоящъ: во многимъ странамъ вѣдома та церковь и дѣйство ихъ сотворися. Убояся сего сей Досифей, тѣмъ и не дожидаючися отъ архіерея каковыхъ посылокъ, потщася гонзнути мучительскихъ рукъ: оставя церковь и монастырь, прейде оттуду за Астрахань, къ хвалынскому морю, и поселися тамо близъ Кумы рѣки, живъ во ономъ мѣстѣ лѣта нѣкая богоугодно, сохраняя древнее благочестіе непреклонно къ противному разуму, общества всякаго со иновѣрными удаляяся, не по угодію плоти презирая настоящаго вѣка вещи, весь Богови приложися, тѣсными пути ходя, образъ показуя небеснаго званія, прейде отъ сея скорбныя жизни въ вѣчный покой. Но о коликихъ плачь и рыданіе послѣдующимъ себѣ остави! паче неже іевлева плача въ толикомъ оземствованіи, въ толикомъ удаленномъ странствіи, сирыхъ, бѣдныхъ и непризорныхъ толикій отецъ чадолюбивый, толикій пастырь изрядный и руководецъ истиннаго пути, на таковой пустыни ихъ остави, еликаго уже надѣятися не можаху! Плакаху надъ нимъ мужи, рыдаху боголюбныя жены, юноши слезяху, и всѣмъ отъ очію слезные источники исхождаху о бѣдствіи своемъ. И тако предаша тѣло его гробу честно: кое тѣло погребенное въ нетлѣніи прославленно бысть, скорбящимъ во утѣшеніе и во извѣстіе его спасенія. По времени же нѣкоемъ, оставшіися дѣти его духовныя, не могуще ту жити о себѣ, пойдоша оттуду на Кубань, взявше съ собою тѣло досифеево, якоже иногда израильтяне кости іосифовы. Но яко неподобательно взяша оно, — подсыпавше бо подъ тѣло его множество сребра, коего отецъ живъ сый отвращашеся,—того ради божій судъ лиши его отъ нихъ.

Идущимъ бо имъ путемъ онымъ, нападше на нихъ Татарове, обозъ ихъ разбиша, а при тѣлѣ томъ, обрѣтше сребро, взяша, и тѣло оно на части разсѣкоша и по полю на снѣдѣніе звѣремъ и птицамъ разметаша, кои части послѣди донскіе казаки, собравше, къ своимъ мѣстамъ приложьше, погребоша. И тако таковыхъ іереовъ тамо преста быти.

Но грядемъ нынѣ ко инымъ странамъ глаголати. Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуду всякъ священнодѣйствуяй и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ бяше. Сего ради небреженія нѣкто бывый въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ стародубскіе предѣлы, (бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичь, егоже въ нѣкоихъ напастехъ укрываше). И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставльше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ ко атаману куркускому Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; коихъ страшныхъ прещеній не могуще носити, многіе народы оставляюще свои природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуду населися Бѣлый Колодезь и Синей, Замишево, Шеломы, слободы. И по сихъ пріиде еще нѣкій попъ изъ Бѣлева, именемъ Стефанъ, такожде, якоже и Козма, имѣя на себѣ крещеніе и поставленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, взыскуя себѣ тихаго и безмолвнаго житія, всякаго покоя тѣлеснаго и славы бѣгая. Тѣмъ (времени зовущу) службу по обычаю простыхъ для собранія творише, литургіи же никакоже касаяся и ниже прочихъ таинъ дѣйствоваше, овая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ креста, на общеніе не пріимаше. Новорукоположенцовъ за освященныя не вмѣняше и дѣтемъ о нихъ впредь запрещаше. Исперва

сей Стефанъ въ Замишевѣ живяше, и потомъ, въ заселенную съ сыномъ его Димитріемъ, въ слободу Митьковку на жительство прейде. И сія вся поселенія въ стародубскомъ полку, въ царство царя Алексія Михайловича бяше. Живущу же Стефану въ Митьковкѣ, прінде указъ о новорожденномъ сему царю сынѣ Петрѣ Алексіевичѣ въ Стародубъ, идѣже быти на той часъ сыну стефанову случися, и слыша чтомый сей указъ, умершу царю Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь его Софья Алексіевна прінмши скипетръ царства великороссійскаго. И сія слышавше таковыхъ слободъ стародубскихъ населеніе, повелѣ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ, (на кой часъ уже не оный Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ бяше), въ коемъ указѣ повелѣвая, дабы такіе забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматомъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшіи же, не хотяще стяжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія, и бысть тишина; паки собрашася гонимім. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающу, обще вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъити въ Польшу. И тако усовѣтовавше поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ. Стефанъ насельникъ бысть ту, идѣже послѣди монастырь и церковь бѣ, а Козма на край слободы къ Халцу. И сице уселившися, на молитву кійждо со своими въ храмѣхъ простыхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ, нниже населися Косецкая, Романово, Леонтіево. Нѣціи же глаголютъ, яко по населеніи Косецкія слободы отлучися Козма отъ Стефана и живяше на Косецкой. Понеже Козма іерей бяше сынъ нѣкоего утѣшенія, и человѣкъ бяше свободныя мысли, града Москвы изволи на позываніе народное къ службѣ пріобрѣсти колокола, и устави звонъ. Стефанъ же попъ бяше прикрутъ и твердъ вѣрою, памятуючи россійское себѣ гоненіе, зѣло сокрывая себе, любя подъ нѣкимъ спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло сваряшеся въ ономъ

звонѣ на Козму попа, глаголя: Мы (рече) не славитися сѣмо забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытися, и въ тайныхъ сокровищахъ сихъ цѣло и непорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издаетъ, чтобы призвати на ся паки гоненіе. Но сицевое между ими раздѣленіе ревности единой оставляется, благовѣрія же ничто касаемо. Якоже и Козма иногда съ Доміаномъ посваришася о яйцѣ, обаче обои быша небеснаго званія, а не раздорницы святыя церкви. Времени же нѣкоему минувшу, отъиде Стефанъ отъ Вѣтки въ Лоевъ, ревнитель сый велій староцерковныхъ преданій, и живяше въ слободѣ Карповкѣ на утишіи, славы человѣческія бѣгая, духомъ горя, присно взыскуяй горняго, и въ той слободѣ жизнь свою скончa. При смерти дѣтемъ своимъ духовнымъ ни о чемъ тако наказоваше, точію о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно да соблюдутъ. И глагола, да всячески отъ новаго рукоположенія сохранятъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти и въ томъ наказаніи отъиде на вѣчную жизнь, о чемъ мнози свидѣтели и до днесь обрѣтаются.

Въ десятое убо лѣто, по настатіи заграничныхъ слободъ, нача мѣсто Былевъ, рѣки и пути, людьми населятися, кое мѣсто отъ Вѣтки 20 верстъ къ границѣ. Во второе же лѣто населенія Былева, пріиде къ нимъ черный попъ Іоасафъ, (о немже прежде рѣхъ, быти ему келейникомъ у священноинока Іева вышепомянутаго) и поставивъ низъ по пути при рѣцѣ келію, отстояніемъ отъ былевскія слободы пять верстъ, и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе. Бяше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ, и злословіе на него мещуще, нарицаху его не Іоасафомъ, но Асапомъ, вины ради сея, яко сей попъ аще и стараго бяше крещенія, обаче о рукоположеніи подзоръ имяше, о немъже сказати ми лепо есть. Пребываюту бо Іеву въ монастырѣ Льговѣ, (о немъ же выше) при немъ же и сей Іоасафъ живяше, уже иноческимъ одѣяніемъ облеченъ. Имяше же сей Іевъ съ тверскимъ архіереемъ веліе дружество, кой архіерей, аще и имяше крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія, однако же по новымъ книгамъ служеніе совершая. Къ нему посла Іевъ сего служителя своего Іоасафа, прося да посвятитъ его по старымъ книгамъ. Но яко еще не весьма новое въ нихъ бяше укоренено, посвяти Іоасафа тверскій архіерей по чину древнему, о немъ же проси Іевъ. И тако Іоасафъ воспріяя рукоположеніе, пріиде паки ко Іеву. Егда же Іеву отъити на Донъ, осташася въ монастырѣ Льговѣ сей Іоасафъ и іеродіаконъ Герасимъ. Но яко тѣсно бяше ту житіе отъ новодогматствованія, разыдошася: Іоасафъ отъиде на Амону рѣку въ пасеку, и по инымъ мѣстамъ крыяся пріиде на Былевъ, его

же рукоположеніе оно, (стоящіи при Стефанѣ людіе) слышавше, яко аще и по старымъ ставленъ, но отступника, гнушахуся рукоположеніемъ того, и тако ругательно его поношаху и злословяху. Видѣвше Іоасафъ тако отъ народа себе хулима и презираема, путя ятся къ оному помянутому Досиѳею на Донъ, (еще ему тогда въ животѣ бывшу, и отецъ его духовный сей Досифей бяше, негли камо пребывая съ ними по отлученіи Тихвина тако ему бысть). И пришедъ на Донъ Іоасафъ, проси отца своего Досифеа да онаго ради народнаго соблажненія въ того рукоположеніи не повелитъ ему священнодѣйствовать. Что же той на его прошеніе сотвори? не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іосафа священнодѣйствовать. И тако извѣщенъ бысть о себѣ Іоасафъ, отъиде отъ Дону, и пріиде паки въ рыльскій предѣлъ, и живяше на рѣцѣ Амони при деревенькахъ, и оттуду въ пограничный городъ Трубчевскъ отшедъ, и потомъ въ Сумы малороссійскій городъ, къ полковнику въ пасеку, а изъ сего во Обояншину въ шигальскую буду, а изъ сея паки на Былевъ пріиде и поселися уже отъ Былева въ низъ по пути 7 верстъ. Во времени же семъ не малая бяше былевскимъ въ священнодѣйствѣ нужда; того ради пришедше къ оному Іоасафу, просяху его, да преселится близь слободы ихъ. Іоасафъ же бише благонравенъ и легокъ во обычаи, не помяну ихъ первыя досады, преклонися на прошеніе ихъ, пріиде, и поставиша ему келію при слободѣ Былевѣ. Къ нему же мнози на пѣніе собирающеся, духовнѣ себѣ наслаждаху. Подъ сіе время умре Козма попъ живый на Косецкой, о немъ же нѣціи сказуютъ, яко погребе сего Козму Іоасафъ попъ. И тако Вѣтка опустѣ отъ іерейства. Приспѣвающу нѣкогда дню свѣтоноснаго воскресенія, но отъ неимѣнія іерея, не малое вѣтковскому народу наступаше сѣтованіе. И положьшеся общимъ совѣтомъ, на таковый день праздника владычня, призвати отъ Былева сего Іоасафа. Того ради пришедши къ нему лучшіе люди, просиша его, да пріидетъ онъ къ нимъ на Вѣтку, во общую радость, въ день толикаго торжества службы совершити. Той же, яко благопріятенъ сый къ людемъ, не презрѣ толикаго ихъ дальнаго труда и усерднаго прошенія, пойде съ ними къ Вѣткѣ, и обычными пѣніи почтивъ торжество, хотя паки возвратитися къ Былеву. Народи же вси собравшеся падающе къ ногамъ его и просяще со умиленіемъ, извѣщающе толикія и таковыя своя нужды въ немъ, да не отъидетъ отъ нихъ, ниже да сирыхъ тѣхъ оставитъ, аки овецъ непризорне ходящихъ. Видѣвъ же Іоасафъ, яко тіи бяху смятени душами и оставленіи аки овцы не имущіи пастыря, милосердовавъ о нихъ, оставя Былевъ, преселися на Вѣтку жити, въ мѣстѣ онаго

предреченнаго Стефана. И на Вѣткѣ сей Іоасафъ живя, видѣвъ елико далѣе временемъ, толико множашеся народъ, а таинству святыя евхаристіи оскудѣвающу, собравъ стадо свое словесное, предложи имъ нужду святаго причащенія, и глагола, яко подобаетъ сего ради церкви быти. Людіе, се слово услышавше, благословиша предложеніе се, и вси даша обѣты на трудъ созиданія церкви. И по разшествіи въ радости сердецъ яшася вси дѣла, кійждо древо на строеніе тоя представляше. И тако множество древъ на показанно мѣсто навезоша. И состроися сія церковь при Іоасафѣ. И тако пребывъ Іоасафъ на Вѣтку пришедъ 5 лѣтъ, умре, остави сію новосодѣланную церковь непосвященну, старости глубокія достигъ, иноческаго житія добрѣ изученъ. Похваляютъ его нѣціи нравы, яко бяше тихъ, благоувѣтенъ, разсужденія изряднаго, возраста мѣрнаго, благолѣпно сѣдиною украшенъ, всѣхъ отъ образа могій благочинію научити, ревнитель сый и подражатель во всемъ первымъ отцемъ умершимъ, токмо едине порокъ въ ставленіи пріи, староцерковнаго же ради преданія много преселеній имѣ, и много странствуя о томъ прейде отъ здѣшнихъ.

Вѣстно же буди о сихъ, любезный читателю, яко пять сихъ іереевъ, Козма, Стефанъ, Іевъ, Досифей и сей Іоасафъ, приходяще отъ Великороссіи, кромѣ Досифеа, службы простыя пояху, не требующе отъ иныхъ іереевъ на священнодѣйство благословеній, тѣхъ архіереевъ удовляющеся пребываху, отъ нихъ рукоположени быша, а воздательныя благодати во іереехъ не исповѣдающе. Приходящихъ убо отъ Великороссіи новокрещеныхъ повторяху своимъ крещеніемъ: новорукоположенныхъ же никако пріемлюще іереевъ, но и заповѣдающе всѣмъ по нихъ наставшымъ не пріимати таковыхъ. О чемъ свидѣтельствуютъ вси, якоже иноческаго чина, тако и мірскаго людіе древніи, а наипаче подтверждаетъ сіе наше слово, отвѣтовъ діаконовыхъ вопросъ 48, и книжица діаконовыхъ о сравненіи согласіе 11.

Но грядемъ къ сказанію о Ѳеодосіи іереи. Кой Ѳеодосій бяше крещенія и поставленія древняго: рукоположенъ бо бысть Іосифомъ патріархомъ московскимъ, во градъ Рыльскій въ церковь Василія неокесарійскаго, никольскаго монастыря. Утѣсненъ же бывъ тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедъ оттуду, пріиде на Донецъ рѣку, и живяше тамо въ пустыни. Нѣкогда же ему ѣхавшу съ трудникомъ своимъ по Донцу, впаде въ руки бѣлогородскаго архіерея рассылнымъ. Они же, емше его, представиша архіерею. И той много мудрася привести его къ новопреданіямъ, но не возможе. Посла его на Москвѣ къ патріарху Іоакиму, идѣже отданъ бысть въ градскій судъ. И тамо тоннмъ муками и принуждаемъ, не покорився, посланъ бысть

въ ссылку подъ началъ въ монастырь кириловъ. И тамо сидѣвъ седмь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней, отъ унынія писаше книги, которыя тѣсноты не стерпѣвъ, склонися къ новотворнымъ догматомъ, [на кой присяги еще не бяше] и приставиша его ко чтенію синодика. Малому же времени въ томъ минувшу, тайно подъѣхавше нѣціи, увезоша его въ поморье, а оттуду въ Керженецъ на бѣльмашъ. И сущіи ту отъ иноческаго чина молиша, да не оставитъ ихъ при духовной нуждѣ. Онъ же отрицаяся сего дѣла, предлагая имъ оно къ новотворнымъ пристатіе. Тіи же припадающе къ ногамъ его, просяще его со слезами, обще вопіюще къ нему: на насъ буди грѣхъ сего паденія, о отче! Видѣвъ же онъ всеусердное тѣхъ моленіе и слезы, преклонися на прошеніе ихъ и въ нуждахъ крещенія, исповѣданія и постриганія не оставляше ихъ. И по нѣкоемъ времени съѣхавъ отъ нихъ въ Калугу, и тамо въ праздной церкви въ день великаго четвертка, нощію литургію совершивъ и ко удовленію причастія агнецъ запасный сотвори. Увѣдано убо бысть о семъ Ѳеодосіи на Вѣткѣ, яко въ Калугѣ пребываетъ, нужды ради своея великія; отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего инока искуснаго Нифонта въ Калугу просити сего Ѳеодосія граматами, да пріидетъ на Вѣтку, предлагающе ему народное собраніе и великія своя нужды во іерействѣ. Нифонтъ съ посланными граматами достигъ града Калуги, подаде Ѳеодосію сія, къ нимъже и просительная своя словеса приложи. Соизволи прошенію ихъ Ѳеодосій, прейде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящеся, на вступленія того вси увядшіи печалію, весело хождаху. Пришедъ убо на Вѣтку сей Ѳеодосій, видѣвъ многъ народъ стекающся на общую молитву, и толико, яко оной новостроенной церкви не вмѣщати ихъ, приложи радѣніе и повелѣ оную церковь Іоасафомъ содѣланную, въ длину и въ ширину подъ крыльями распространити. И тако разширенѣ ей бывши, проси Ѳеодосій калужанъ да обрѣтающіися церковный канастасъ и со олтарными дверми купивъ, отъ построенныя церкве царя Іоанна Васильевича оставшійся, въ новосодѣланную церковь на Вѣтку пришлютъ. Они же по просьбѣ его присланнымъ отъ Ѳеодосіа вся сія вдаша, имиже Ѳеодосій изряднѣ украси церковь. И еще украшеннѣй церкви бывши, призва Ѳеодосій отъ Рыльска брата своего, попа бѣлаго Александра новоставленна, его же послѣди во иноческій облече образъ, и еще другаго попа бѣлаго же новое поставленіе имуща, именемъ Григорія, отъ Москвы призва. И съ сими двома, безъ діакона, Ѳеодосій освяти церковь, во имя По-

крова пресвятыя богородицы, въ нюже антиминсъ положенъ бяше оный, кой Меланія старица Бѣлевска, привезла еще ко Іоасафу попу. Нѣціи о семъ антиминсѣ глаголютъ яко на ономъ антиминсѣ не бяше еще написанія, внегда Ѳеодосій храмъ освящаше, тогда и подписанъ бысть, а подписалъ его, сказуютъ, Аѳанасій уставшикъ сице: Освятися олтарь священноинокомъ Ѳеодосіемъ, и прочая. На толикую убо славу новоосвященныя церкве, вси народи во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на нюже отвсюду приходяще людіе, видѣти толикій храмъ церкве желающе, егоже ради и паче людіе, оставляюще домы, въ толикій путь труды воспріимаху. Господіе честніи о зданіихъ своихъ вознерадѣша, и госпожи честныя течаху на оное жительство, дѣвы отхождаху родителей своихъ, на вѣчную чистоту вдающеся, иноческимъ одѣяніемъ покрывахуся. Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися.

Но яко толику множеству стекшуся народу, мирское житіе проходящимъ, велія наста нужда въ тайнѣ брака. Чесо ради отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего старца въ Калугу, и оттуду привезоша Бориса, бѣлаго попа, такожде крещеніе имуща старое, а рукоположеніе новое. И сего священноинокъ Ѳеодосій благослови церковныя тайны по древнему совершати. Кой попъ въ Вѣтки многое время поживъ, прейде оттуду въ Воронокъ слободу. По семъ умре священноинокъ Ѳеодосій, старости достигъ глубокой. Похваляютъ его нѣціи нравы, яко бяше смиренъ, и благопріятенъ, простъ, зависти лишенъ, мира церковнаго хранитель, единъ порокъ имѣя, во еже отъ немощи долговременныя темницы, для слободы, къ новымъ догматомъ пристати, присемъ же и новорукоположеннымъ дверь отверсти и начало подати онымъ священнодѣйствотави, откуду поступающіи по немъ, уже и новокрещеныхъ и новорукоположеныхъ поповъ пріемлютъ, и даютъ власть священная дѣяти, не яко прежни іереи. Обаче сей Ѳеодосій, яко же и прежніи, новотворныхъ крещеніе повторяше своимъ крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Настоящіи же по немъ, въ пріемѣ хиротоніи новыхъ согласутъ Ѳеодосію, а въ крещеніи новотворныхъ иначе поступаютъ. По Ѳеодосіи оста Александръ, и друзіи новорукоположеннiи, и по сихъ преста древняго рукоположенія іерейство. Показуется же отъ граматы Александра діякона, яко во дни Ѳеодосія и мѵро древнее окончася, о чемъ пространное имѣется посланіе.

И таковой убо нуждѣ новорукоположенными іереи на многая лѣта простирающейся, восхотѣша народы изъ сего новопріятія извинути въ древнія рукоположенныхъ обычаи. Иначе же не возмого-

ша извинутися, токмо да посвященъ имъ будетъ како либо отъ новыхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ.

Что же о томъ и сотвориша? вдавшеся обще радѣтельствомъ во исканіе се, и не обрѣтоша къ нему удобства, точію въ волохской земли, въ ней же удобоприступна себѣ ясскаго митрополита Антонія обрѣтоша. Къ нему же тамо живущіи старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ изъ нихъ человѣка во епископа. Онъ же на се соизволи, и повелѣ подати доношеніе. Кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и прочимъ совѣтникомъ его. И вси радостно соизволяху на то и обѣщавше церковь каменную имъ дати.

По семъ еще въ лѣто господне 1731 вѣтковскаго монастыря игуменъ іеромонахъ Власій, отъ всего собора, о томъ же къ господарю волховскому грамату писа сице: Благородному и высокопочтенному во благочестіи сіятельнѣйшу и прочая; ниже: Въ прошломъ 1730 годѣ, преосвященному всея Молдавіи и прочихъ странъ куръ господину Антонію подали доношеніе, и прочая,—въ коемъ посланіи просиша, да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго человѣка посвятити. Временемъ же сего належанія и патріархъ цареградскій въ Яссы прибысть, мужъ высокаго ученія. И сему явлено бысть доношеніе и граматы, и персональное отъ старовѣрцовъ [обоего согласія вѣтковскаго и діаконова] прошеніе. Патріархъ убо пріятствова ихъ сія вся, обаче отвѣтствова имъ, яко азъ единъ безъ прочихъ вселенскихъ патріарховъ совѣта не могу сотворити. И обѣща имъ на то скорый отвѣтъ изъ Царяграда прислати. По малѣ же времени отшествія патріарха, присланы быша изъ Царяграда 12 пунктовъ въ Яссы, гречески писаны. Но яко словенски учившимся не возможно читати, просиша, да преведены будутъ на славенскій языкъ. Сему же сотворьшуся, единъ вѣтковскаго согласія похити оныя, къ Вѣткѣ вдася. Діаконова же согласія невѣдуще о томъ преводѣ, просиша митрополита, да повелитъ превести пункты на славенскій языкъ. Видѣвъ то митрополитъ, возмнѣ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе. Они же, познавше лукавый вѣтковскихъ подлогъ, скрышася отъ лица митрополита, да не бѣдне ихъ животъ погибнетъ. И на томъ преста взысканіе то.

Пункты же оныя присланныя 12, бяху въ таковомъ разумѣ. Да хотяй ставитися исповѣданіе дастъ, новотворные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити.

Не по многихъ сего случая, бяше нѣкій чернецъ въ Кіевѣ, имѣяй отъ митрополита кіевскаго не малую милость, почему (вмѣсто игуменства) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію. И

увѣрився укралъ изъ секрета съ письма архіерейскаго печать львовскаго и галицкаго. И сочинившу воровскія писма, будто по прошенію ихъ поѣхавъ тайно до Яссъ на посвященіе архіерейское. И въ Яссы пріѣхавъ, привезъ великія подарунки господарю Михайлѣ и митрополиту Георгію, и объявивъ листъ за руками, аки бы града Чигирина людіе просятъ его на епископію. И господарь велѣлъ митрополиту его поставить. Пріявши же сей Епифаній архіерейства чинъ, поѣхалъ отъ Яссъ аки въ Чигиринъ, но объявился на Украйнѣ въ Польшѣ. И тамо испроси у поѣздаго офиціала львовскаго епископа, чтобъ ему на Украйнѣ жить, и сорокъ церквей поповъ ставить. И егда отъ архііерея велѣно яти его, онъ убѣгъ за Днѣпръ, и въ Кіевѣ ятъ, вданъ былъ подъ караулъ. И по отпискѣ въ синодъ, а изъ синода въ Яссы, повелѣно сего Епифанія отъ чина епископскаго обнажить: и обнаженъ бысть въ Кіевѣ и растриженъ и плетьми наказанъ, посланъ бысть въ ссылку, въ поморскія страны. И преѣхавше Ярославль, на лѣсу отбитъ и за границу въ нѣкія пустынки привезенъ, и тамо пребысть недѣль съ десять, и на день преображенія господня въ Вѣтку взятъ и безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство опредѣленъ, лѣта 7242. И тако на ономъ возведеніи бывъ, многихъ въ діаконы и въ попы поставилъ. По малѣже возсвидѣтельствованъ и обрѣтенъ сей быти новыхъ догматовъ человѣкъ. Откуду Вѣтковцы, чувство пріявше, за епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ грамматы начаша отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ грамматами въ разная мѣста, и донынѣ въ великой чести священная дѣйствуютъ. А Епифаній (мнимый епископъ) въ вѣтковское разореніе въ Кіевъ скорбенъ взятъ и тамо умре и безъ пѣнія.

По семъ въ лѣто 7258 явися въ подольскихъ странахъ нѣкій человѣкъ отъ Великороссіи, именемъ Анфиногенъ: бывъ иногда діаконъ, нарицаше себе епископа. И по старовѣрцамъ грамматы своя разсылаше, велика себе нѣкоего именуя, и весьма хитро пиша, призывая къ себѣ забѣглыхъ поповъ и прочихъ знатныхъ (вѣтковскаго и діаконовскаго согласія), обѣщаваяся имъ поставити или діаконовъ или поповъ, или самаго епископа. И сія слышавше, потрясошася мнози, удивляющеся внезапному его появленію, притекающе на вѣдѣніе его. И тамо оному архіерейская дѣйствующу, нѣкихъ во діаконы и въ попы рукоположи. Нѣкто же бяше чернецъ Анфимъ, мужъ забѣглаго ума, и удивленъ въ томъ многимъ, но своенравенъ и безсовѣтенъ. Сей иногда за древняя въ Москвѣ много пострада, но и веліе безуміе отъ любоначальства на себѣ показа, имъже ослѣпе нача себе глаголати попа, о чемъ до того вѣдущіи его отнюдь ни въ мысли имяху.

И тако нарицая себе, притече къ нему, нарицающемуся епископу Анѳиногену и отъ него во архимандрита поставися; возвращься оттуду, воспрія жительство между Гоміею и Вѣткою, при Сожѣ рѣцѣ въ пустынки, и тамо обитель собираше. Послѣ же и во епископа заочно сей Анфимъ отъ Анфиногена, (возглядъ имѣя на Федима, епископа поставльшаго Григоріа неокесарійскаго), поставися; но прельстися. Ибо въ тое мнимое его поставленіе уже Анфиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися. Обаче нѣкоимъ слѣпымъ Анѳимъ за епископа вмѣнися и дѣйствова епископьская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы имяху не малыя подзоры; ихъже онъ постави, и до нынѣ священная дѣйствуютъ.

Тѣмъ же не вѣмъ, кому здѣ дивитися: народному ли нечювствію, или толикой страшной дерзости Анѳимовѣ? яко толикій мужъ вѣдущій и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ тако паде, и многимъ смѣхъ на себе привлаче, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себѣ обязательство оному даде, во вся дни почитати и покарятися тому и прочая. Велію науку собою показа внимающымъ, что дѣетъ любоначальство, и коимъ концемъ любящія мирскія чести овѣнчеваютъ. Послѣ бо сего дерзновенія Анфимъ отшедъ, и тамо по нѣкоимъ странамъ преходя апостольствуя рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ. И той остриже ему главу и браду въ темницу затворити повелѣ. И тако прокаженъ, едва оттуду утече, и въ нѣкоихъ мѣстахъ скрыся. Не минемъ же и сіе здѣ глаголати, что въ нынѣшнее настоящее лѣто 7263 содѣяся. Гомельскіе и вѣтковскіе по заграничью жители, къ нимъже приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіися въ слободахъ, написаша бо тіи челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа имъ человѣкъ, на совершенства антимиса, мѵра и на произведеніе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители. И той же по сей челобитной еще извѣстнаго нѣсть, ибо на семъ престаемъ глаголати.

Окончаніе.

Доселѣ убо сію исторію о бѣгствующемъ іерействѣ, наченъ отъ первѣйшихъ лѣтъ, въ няже староцерковная премѣненія показашася, произведохъ предлагая, како соловецстіи храняхуся отъ новшествъ рукоположенныхъ, не пріимше онаго присланнаго къ нимъ архимандрита, и каковъ бяше оный Стефанъ великія ревности и Козма, попы: иже

всячески новшествъ охраняхуся, ни крещенія, ни рукоположенія тѣхъ пріимаху. И не токмо сія сами не пріимаху, но и послѣдующимъ себѣ во исходѣ души своея наказоваху, да никто же ни по какой нуждѣ отъ новшествъ рукоположенныхъ пріиметъ. И сице творяху не токмо сіи, но и прочіи. Свидѣтельствоваша сіи приказанія оставшіяся тѣхъ іереевъ дѣти духовныя, въ коемъ приказаніи и скончашася. Свидѣтельствуютъ сія и днесь живіи, слышавше и видѣвше тѣхъ дѣтей, дѣломъ и словомъ приказанія сохраньшихъ и въ томъ отъ сего вѣка отшедшихъ. Аще ли Іоасафу и повелѣно бысть Іевомъ отъ тверскаго архіереа поставитися во іереа, но въ семъ нѣсть разгласія съ соловецкими отцы: ибо они подъ исповѣданіемъ новыхъ догматъ ставленаго не пріиша; сей же Іоасафъ во исповѣданіи и поставленіи древняго обычая рукоположенъ и пріятъ бысть въ дѣйства. И ниже оное іоасафово поставленіе на образецъ можетъ быти нынѣшнихъ взыскателей, сихъ ради винъ. Первая вина: яко той архіерей тверскій имяше на себѣ крещеніе и рукоположеніе древнее. Вторая вина: яко и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше. Что свидѣтельствоваша и новгородскіи Савѣ: Аще (рече) и новымъ касаюся, но весьма въ сомнѣніи. Третія вина: яко всѣхъ согласій разсудительніи таковыхъ съ новшествы рукоположенными не сравняютъ и не абіе сихъ отвергаютъ. Четвертая вина: яко сицевыхъ и каноны не лишаютъ еще благодати. Глаголетъ бо Никонъ на первое правило великаго Василія: яко первіи отступльшіи имутъ благодать рукоположенія. И сихъ ради винъ къ новостемъ приставшіи, а наипаче искру любве еще древнихъ имущіи, не подлежатъ всеконечному отверженію. Тѣмъ и дѣйствуяй что въ любви древнихъ, благодатно содѣваетъ, для пріемлющія той персоны. Аще же первыхъ поповъ дѣти духовныя за оное поставленіе Іоасафа и гаждаху, убо и недостойніи суть кары.

Тѣмъже вся сія исторически о отцѣхъ древнихъ предложивше, и словомъ ихъ дѣла видѣвше, повратимъ очи свои на нынѣшнее іерейство и видимъ, сообразны ли суть тѣмъ, на нихъже они уповаютъ? ни. Реку же о семъ сице: Аще бо оныя отецъ соловецкихъ и тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земнаго Господь Богъ зѣницы ихъ отрѣшивъ ихъ ревности благовѣрія возставилъ бы, и между сихъ настоящихъ ереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посредѣ глины возблещали, и аки ангели посредѣ плотскихъ человѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подъ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ колико уже безобразіе и нелѣпотство настоящее іерейство пріиде! Оніи іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи чествованія мірскаго. Оніи утѣшающеся въ дусѣ; сіи же въ брюсѣ. Оніи упованіе

свое имуще на Бога; сіи же на злато и откупники свои. Оніи прилежаще бесѣдамъ духовнымъ; сіи же бесѣдамъ мірскимъ. Оніи вѣру праву и догматы истинны соблюдаху: сіи же трапезамъ вѣру непреложну имутъ. И что о сихъ реку? оніи іереи истиннiи бяху; сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Оніи аки пчелныя матки быша; сіи же шершни жалы своими на поготовѣ имуще, да како любо противныхъ себѣ уязвятъ, уранятъ, изгонятъ. О іерейства сего чюдеименнаго и своевольнаго, всуе хвалятся отцами, всуе во устѣхъ имя носятъ! И сія убо слышавъ, православный читателю, аще чювство доброе имаши, отъ древняго слышанія, не мало настоящимъ удивишися, въ коликое небреженіе, въ коликое своевольство и безобразіе пріиде познати можеши. Кое уже снисхожденіе ихъ видимъ, не далече дверей отступленія, яко не велико уже посредство содѣвается. И сему что виновно есть, не обрѣтаю. Токмо въ широкія врата единому другаго предваренія, яко бы рещи: единъ законы плотскими не воздержно ходя слѣпоту налучи, въ блатѣ страстей погрязе. А инъ мняся свѣтомъ разума ходя, той же вавилонской чаши желая, законы мамонныя подставляетъ, и вѣру столовую снабдѣваетъ. Тѣмъже и купно единъ другаго въ злобѣ и надежды благія не вѣмъ откуду обрѣсти, яко всѣмъ врата широкая любезна и многія усердствуютъ въ ня входити, тѣсная же дверь благовѣрія презирается. И како кто можетъ добре законъ Божій церковный хранити? ни како. Читаемъ бо во исторіи стрѣлецкой, яко въ лѣто 7195 восхотѣша стрѣльцы древлецерковная возвратити и за то душы своя обѣщающе положити, о чемъ мнози не малыя труды показаша. Но егда сіи стрѣльцы съ нѣкоими посадскими разумнѣйшими, по царскому повелѣнію, съ Хованскимъ княземъ, на разговоръ ко Іоакиму патріарху посланы; тогда кія отъ нихъ на патріаршія напитки вергошася, тіи вси подъ руку патріаршу пойдоша кромѣ любящихъ трезвость. И студъ воздержнымъ сотвориша, а наипаче егда тако о древностехъ старающымся стрѣльцамъ, присланъ бысть отъ двора царска человѣкъ, возвѣщающъ имъ милость царску, на всякой десятокъ по ушату пива простова и поддѣлнаго и по мѣрѣ меда и вина. И се слышавше оніи, оставиша той совѣтъ и по напитки побѣгоша, и въ томъ питіи мудрость ихъ поглощена бысть. И забывше обѣты свои ради покоя тѣлеснаго отпадоша истины. Не вѣмъ же воистинну, что хощетъ быти и въ насъ, яко всяко раченіе преста, а плотскій покой верхъ воспріемлетъ. Къ коему еще злѣйше явися: во всѣхъ слободахъ кабацкихъ домовъ умножися, на совершенное отгнаніе добраго разума, а исправляющаго о томъ нѣсть. Мнимiи бо духовнiи вмѣсто законовъ церков-

ныхъ, сами сребролюбію и тѣлеснымъ прибыткомъ раби быша, желающе въ семъ вѣцѣ покоя и славы и суще враги креста христова сотворишася. Тѣмъ и аки пси объюродѣша, не могуще на всяко беззаконіе лаяти, отъ коего молчанія людскую выгоду себѣ пріобрѣтаютъ, и въ единомъ множествѣ закона похвалу имутъ. Отъ чего не малая есть боязнь, да не оныхъ стрѣльцовъ мракъ и насъ покрыетъ: ибо не новое то гонящимъ во слѣдъ плотскаго мудрованія отпадати Божія правды. Пишетъ Бароній, яко въ гоненія древняя мнози Христа отвергошася, а первыхъ сіи, иже пространно живяху и благая мира любляху. Отъ чего Боже сохрани насъ и помилуй, и даруй намъ по стопамъ твоимъ ходити, и церкве твоея святыя слушати, и со святыми избранными твоими угодити, и Тебѣ славу возсылати во вѣки, аминь.

ПИСЬМО М. Н. МУРАВЬЕВА КЪ КАРМАНОВУ [1]

Государь мой!

Чтобъ увѣрить Васъ, что я друзей моихъ и въ Петербургѣ помню, чѣмъ могу я лучше начать маленькую нашу переписку какъ не бесѣдованіемъ о такой матеріи, которую Вы лучше другихъ слушать любите? Вы догадаетесь, что я говорю здѣсь объ исторіи. Я почту себѣ за великое удовольствіе, ежели напоминаніями моими (онѣ не будутъ рѣдки) буду столько щастливъ, что иногда возбужду вашу склонность къ оной, когда паче чаянія затрудненія должности здѣлаютъ вамъ къ ней отвычку. Простите, что я сужу по себѣ: я лѣнивъ, однакожъ для поощреній друзей моихъ иногда тружуся. Такъ думается, что и вы для своего пріятеля (вить Вы не отречетеся отъ этого) иногда примите перо поздно вечеромъ, чтобы написать какія нибудь приключенія Тверскія. Видите какое я пріемлю участіе во всемъ томъ, что касается Твери: сверхъ того, что у меня остались въ немъ залоги, которые меня часто заставляютъ ее вспоминать, не

[1] По черновому подлиннику, находящемуся въ бумагахъ М. Н. Муравьева, которыя поступили изъ древлехранилища Погодина въ Императорскую Публичную Библіотеку. Письмо относится къ 1776 году. *Ред.*

былобъ ли это неблагодарно, чтобы, проживши въ ней цѣлыя десять мѣсяцовъ столь безполезнымъ гражданиномъ, еще и изъ памяти ее истребить? Знакомство ваше, Г. М., которымъ я ей обязанъ, отнюдь не забыто мною въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мнѣ дѣлаютъ Тверь пріятною. Видите, что оно приключаетъ мнѣ удовольствіе и въ Петербургѣ. Я ничего больше не требую, ежели Вы столькожъ охотно вспомните вашего петербургскаго пріятеля. Я имѣю здѣсь щастіе обращаться со многими изъ тѣхъ, которые наиболѣе дѣлаютъ чести писменамъ нашего отечества. Не подумайте, чтобъ привычка ихъ обхожденія могла увеличить въ глазахъ моихъ мое собственное достоинство; напротивъ того она мнѣ показываетъ всечасно, сколько далекъ я отъ нихъ. Извѣстной вамъ издатель Россійской древней библіофики пригласилъ меня къ изданію одного ежемѣсячнаго сочиненія, которое будетъ по большой части изъ переводовъ, касающихся вобще до нравоученія и исторіи и котораго первый мѣсяцъ будетъ печататься въ Сентябрѣ. Вы можете себѣ представить, что я говорилъ съ нимъ и объ васъ. Онъ просилъ у меня рукописи вашей Тверской исторіи и она теперь у него. Мы съ нимъ разсуждали о необходимости имѣть людей способныхъ замѣчать всѣ примѣчанія достойныя вещи и приключенія въ городахъ. Родъ новаго сочиненія, которое его теперь занимаетъ, очевиднымъ тому доказательствомъ. Заглавіе онаго есть: Сокровище Россійскихъ древностей. Первая часть, которая почти вся отпечатана, заключаетъ въ себѣ описаніе трехъ первѣйшихъ Московскихъ соборовъ, зачиная съ Архангельскаго. Вы бы сдѣлали ему великое удовольствіе, еслибы также сообщили какія нибудь . . . . .

ЗАПИСКА ДОЧЕРИ Н. И. НОВИКОВА ВѢРЫ НИКОЛАЕВНЫ, ИСПРАВЛЕННАЯ РУКОЮ КАРАМЗИНА.

Оставшіяся сироты послѣ порутчика Николая Новикова въ горестнѣйшемъ состояніи осмѣливаются пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Всемилостивѣйшаго вспоможенія. Родитель нашъ въ 1792 году по секретному повелѣнію взятъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость: бывшее въ управленіи

его имѣніе Типографической Компаніи, при учрежденіи которой употребленъ былъ имъ собственный не малый капиталъ, взято было въ вѣдомство Московскаго приказа общественнаго призрѣнія. На оставшуюся родовую деревню положено запрещеніе, которою управлялъ родной дядя нашъ, по причинѣ нашего малолѣтства.

Въ 1796 году блаженныя памяти Государь Императоръ по вступленіи на престолъ Всемилостивѣйшимъ указомъ ноября 6-го повелѣлъ освободить его и все отобранное имѣніе возвратить; но оно по поданному отъ него прошенію отдано было главному кредитору надворному совѣтнику Походяшину для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ. По возвращеніи своемъ родитель нашъ увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ почти способовъ къ содержанію себя съ семействомъ одними доходами съ оставшейся небольшой подмосковной деревни. Употребляя различныя средства къ поправленію состоянія своего, принужденъ былъ заложить упомянутую деревню, въ 150 душахъ состоящую, въ Московскій Опекунскій Совѣтъ въ 10000 рублей серебромъ. Часть сей суммы употреблена на поправленіе домашней экономіи, а остальныя деньги издержаны на покупку хлѣба для прокормленія людей по случаю бывшаго здѣсь хлѣбнаго неурожая.

Между тѣмъ возвысившаяся цѣна серебра принудила его дѣлать новыя займы для уплаты въ Опекунской Совѣтъ. Въ 1815 и 16 годахъ хлѣбные неурожаи и прежде бывшія здѣсь военныя безпокойства довели его до послѣдней крайности.

По кончинѣ его остались я съ старшимъ братомъ и сестрою, которыя тяжело больны эпилепсіею и такъ разстроены оною, что не могутъ ни въ какія дѣла входить. Къ умноженію горестнаго положенія нашего въ Бронницкомъ Уѣздномъ Судѣ находятся два векселя, поступившіе ко взысканію, по одному изъ оныхъ угрожаютъ уже намъ описью деревни. Приближающійся срокъ платежа въ Опекунской Совѣтъ за два года устрашаетъ насъ также лишеніемъ послѣдняго убѣжища. Въ таномъ бѣдственномъ состояніи, гдѣ могу обрѣсти покровителя и защитника, кромѣ свыше благословеннаго отца своихъ подданныхъ, великодушнѣйшаго во всей вселенной моего Всемилостивѣйшаго Государя? Возсылая моленія къ Подателю всѣхъ благъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь повергнуть предъ милосердымъ Монархомъ горестное прошеніе злополучныхъ сиротъ, слезами сердецъ ихъ преисполненное.

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ.

(Сообщено А. Н. Аѳанасьевымъ.)

Печатаемые здѣсь заговоры заимствованы мною изъ одной рукописи, заключающей въ себѣ *травникъ* (или *цвѣтникъ*, какъ названо въ другомъ мѣстѣ) и *лѣчебникъ*. Рукопись эта писана разными почерками позднѣйшаго времени и, судя по сдѣланнымъ на ней надписямъ, по частымъ грамматическимъ ошибкамъ и по самому содержанію, она несомнѣнно возникла и обращалась въ нашемъ грамотномъ простонародьи. Такъ на одной страницѣ означено: «выписано города Юрьева Польскаго въ селѣ Симѣ 1838 года», на другой: «писала сей заговоръ муромская мѣщанская дочь» и проч.

Народные *травники*, сколько ни случалось намъ ихъ пересматривать, всѣ болѣе или менѣе сходны: это перечень названій различныхъ цѣлебныхъ, по мнѣнію знахарей, травъ, съ весьма сбивчивымъ и неточнымъ описаніемъ ихъ наружнаго вида и мѣстностей, гдѣ онѣ ростутъ, съ указаніемъ, какъ ихъ добывать и каковы ихъ врачебныя свойства, и съ значительною примѣсью суевѣрій. Г. Харитоновъ въ статьѣ своей о «врачеваніяхъ, забавахъ и повѣрьяхъ крестьянъ архангельской губерніи» (Отечеств. Зап. 1848 г., № 5, Смѣсь) привелъ нѣсколько любопытныхъ выписокъ, которыя достаточно знакомятъ съ характеромъ и составомъ подобныхъ тетрадокъ. Мы съ своей стороны приводимъ слѣдующее сказаніе о таинственномъ цвѣткѣ папоротника: «Есть трава *черная папороть;* ростетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, какъ у простаго но(не?)чернаго папороти, а съиспода большіе листы; около стебля земля, а на стеблѣ шишка черная, какъ кочетокъ или крюкъ, а въ ней пухъ, и она вся черная; а шишка треугольная, а цвѣтъ на ней что̀ серебро — ночью видно его хотя въ какую писанную (sic) ночь. А цвѣтетъ она наканунѣ Иванова дни въ полночь — однимъ часомъ отцвѣтаетъ, а цвѣтетъ, точно какъ огонь горитъ или пылаетъ. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ

не просто—съ надобностьми: а именно: взять на Васильевъ вечеръ, т. е. наканунѣ новаго года вечер(ом)ъ, перволучины огарокъ, чтобы онъ съ обоихъ концовъ обозженъ былъ, да на свѣтлое Воскресенье воску огарокъ отъ тоё свѣчи, которую попъ въ рукахъ со крестомъ носитъ и кадитъ людей, да отъ запрестольной Божіей Матери образа воску или огарокъ отъ свѣчи.» Въ Иванову ночь идти къ тому мѣсту, гдѣ ростетъ трава папороть, «а надо очертиться онымъ огаркомъ (лучины), а подъ траву наслать бумаги чистой или полотна бѣлаго чистаго; а очертясь кругомъ, говорить: Таланъ божій, судъ твой—да воскреснетъ Богъ... Бываютъ тогда великіе страхи, что уму человѣческому непостижимо; въ то время приходятъ множество демоновъ и великіе страхи творятъ, (хотитъ) ее взяти, понеже она очень имъ противна. Если кто ее возметъ, то никакой діаволъ и ворожея и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и ни съ какой своей пакостію отъ него не укроется: все будетъ видѣть и знать... Цвѣтъ ея, когда отцвѣтетъ, осыплется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи вышеписаннымъ воскомъ въ перѣ: тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не залѣпишь, то (нечистые) унесутъ у тебя—для того людямъ не даютъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ... Тотъ цвѣтъ носи на лбѣ: узнаешь и увидишь—гдѣ какая поклажа лежитъ и какъ что положено и сколь глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки, для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ нимъ тебя жестоко бояться станутъ, и когда ты куда ни поѣдешь на какое мѣсто, если (нечистые) тутъ на мѣстѣ есть, то они отходить съ того мѣста станутъ, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить—не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ или дѣлается, и какъ, куда и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать—все будешь знать, хотя и въ чужіе города и иныя государства дороги и пропуски: тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куды хошь: никто тебя не увидитъ, что̀ хошь—дѣлай! (Когда) въ путь ѣхать, то возьми той травы корень и положи въ воду, и мойся той водою, испей её, да поставь судно на землю. Если спать станешь, то въ головы поставь; то никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ—никакой воръ и разбойникъ; понеже кругомъ около тебя великая вода будетъ что̀ озеро, а ты на островѣ будешь. Тотъ-же цвѣтъ носить на головѣ—все видѣть и знать станешь, и вельми счастливъ будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой чести будешь. Станутъ тотъ цвѣтъ нечистые духи у тебя торговать, и ты имъ скажи: не продаю! а если продашь, то проси у нихъ съ начальнѣйшего князя колпакъ,

въ которомъ камни драгоцѣнные; и если они его ядутъ, вельми славенъ, и хитръ и храбръ, и богатъ, и знатенъ будешь чрезъ тѣ камни..... А когда цвѣтъ брать станешь, тогда увидишь воду [1]) и всякіе страхи—не кричи и назадъ не гляди и не говори имъ, только молитву твори: Да воскреснетъ Богъ! и прочія молитвы; а если противъ ихъ молвишь, то несносною пагубою—злою смертью пострадешь. И изъ черты не выступай и руки не подавай. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ цвѣтами—трава папороть.»

Любопытно бъ было во 1-хъ точнѣе опредѣлить происхожденіе травниковъ, во 2-хъ указать, на сколько народная наблюдательность уловила дѣйствительныя врачебныя свойства травъ и цвѣтовъ; но для рѣшенія этихъ вопросовъ наука почти ничего не сдѣлала. Въ недавнее время г. Тарачковъ (см. Воронежскую Бесѣду) заинтересовался собраніемъ свѣдѣній, издавна живущихъ въ нашемъ простонародьи, и постарался объяснить народныя названія различныхъ травъ, употребляемыхъ знахарями; но и онъ, къ сожалѣнію, на травники не обратилъ вниманія. Вѣроятно, тетрадки эти, такъ дорого цѣнимыя между грамотными поселянами, не попадались ему въ руки.

Лѣчебникъ, занесенный въ описываемую нами рукопись вмѣстѣ съ наставленіями: какъ лѣчить ту или другую болѣзнь, предлагаетъ разные совѣты, полезные въ домашнемъ быту (*напр.*, какъ склеить разбитую посуду, какъ истреблять клоповъ и блохъ, какъ успѣшнѣе разводить пчелъ и проч.), объясняетъ фокусы (какъ пропустить въ бутылку яйцо, какъ ухитриться, чтобы яблоко само каталось по столу и т. п.) и указываетъ симпатическія средства (какъ увѣдать женскую тайну, какъ сдѣлать, чтобы воръ не могъ уйдти изъ дому и пр.) [2]). Тутъ много заимствованнаго изъ печатныхъ источниковъ, но много внесено и изъ повѣрій, обращающихся въ народѣ. Между прочимъ читаемъ о *змѣѣ*: «Весной убить змѣю и разрѣзать ей брюхо, и положить въ брюхо три горошины и зарыть въ землю. Когда выроститъ цвѣтъ, то сорви его въ полночь или въ полдень и положи въ ротъ—и будешь знать что у человѣка на умѣ; а цвѣтъ закатать въ воскъ въ чистотѣ».—«Змѣиная голова: зубами ея наколоть на рукѣ и будутъ отъ того шишки—*не годенъ будешь въ солдаты*; а послѣ потереть канфарой, то (шишекъ) не будетъ.»

---

[1]) Т. е. наводненіе.

[2]) Подобный лѣчебникъ уже былъ описанъ во 2-й части Пермскаго Сборника подъ неправильнымъ заглавіемъ: «Домашній обиходъ, рукописный сборникъ XVII вѣка.»

Наряду съ разными лѣчебными средствами предлагаются и *заговоры*; изъ нихъ нѣкоторые писаны тайною азбукою. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этой азбуки, мы успѣли добраться до ея ключа и прочитать загадочныя строки.

Извлекаемъ изъ нашей рукописи всѣ вошедшіе въ нее заговоры:

1. *На собираніе Адамъ-травы.*

На утро сице глаголи:

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; Боже, очисти грѣхи моя, безъ числа согрѣшихъ—Господи, прости сія.

Достойно есть; псаломъ 50-й—Помилуй мя, Боже! Вѣрую во единаго Бога; Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ Пречистыя твоея матери и всѣхъ святыхъ помилуй!

Благослови сію траву копати, а земля-мати благослови своего мнѣ плоду взяти, а ты, трава-Адамъ, на что я тебя копаю—и ты буди къ тому пригодна во вѣки. Аминь.

2. *Какъ приворотить дѣвку.*

a. *Истопи баню жарко и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:*

На морѣ на-кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣси и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужь ты, худъ бѣсъ! и кланяюсь я тебѣ и покланяюсь,—сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце *(имрекъ)* по мнѣ (*имрекъ*) и зажги всѣ печеньи и легкое и всѣ суставы по мнѣ (*имрекъ*). Будь мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки!

Вели пряникъ съѣсть.

b. *Взойди въ баню и глаголи трижды со вниманіемъ на пряникъ:*

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. На морѣ-на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стояла гробница; во той гробницѣ лежала дѣвица. Раба божія *(имрекъ)!* встань-пробудись, въ цвѣтное платье нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабѣ божіемъ (*имрекъ*), и такъ зажигай крѣпко и дайся по мнѣ рабѣ божіемъ (*имрекъ*) въ тоскуръ печаль; какъ удавшему (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ

божіей *(имрекъ)* было тошно по рабѣ божіемъ *(имрекъ)*; какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ божіей (*имрекъ*) было тошно по рабѣ божіемъ *(имрекъ)*—какъ душа съ тѣломъ разстается, во вѣки—аминь. Утвержаю Ісусомъ Христомъ и Пресвятою госпожею Богородицею и всею небесною силою во вѣки, аминь. Всегда и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь, Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь.

Дай пряникъ съѣсть ей.

с. Лягу я рабъ божій *(имрекъ)* помолясь, и встану благословясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты—въ чистое полѣ, подъ частыя звѣзды, подъ лунь(луну?) Господень. И лежатъ три дороги и не пойду ни направо, ни налѣво; пойду по середней дорогѣ, и та дорога лежитъ въ темной лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится). И посылаю я тоску въ рабу божію (*имрекъ*): взойди въ ея въ бѣлое тѣло, и въ ретивое сердце, и въ русы власы, въ кровь горячую—въ руду кипячую, чтобы она по рабѣ божіемъ *(имрекъ)* тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питьѣ бы она не запивала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы не засыпала, а завсегда бы она меня раба божія на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и мо(е)му наговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

3. *Въ защиту отъ нечистой силы.*

Наговори на воскъ и прилѣпи на крестъ, отъ враговъ своихъ.

Знаменуйся рабъ божій *(имрекъ)* крестомъ животворящимъ—одесную и ошую, спереди и созади; крестъ на мнѣ рабѣ божіемъ *(имрекъ)*, крестъ надо мною, крестъ предо мною, крестъ за мною, крестъ діявола и вся враги побѣждаша. Да бѣжатъ бѣсове, вся сила вражія, отъ меня раба божія *(имрекъ)*, видюще яко молнію—кресную силу опаляющую. Близь мене Христосъ и вся сила небесная: Михайла и Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ—архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, господни силы, и нерушимы страшные серафимы, и святые ангелы-хранители, преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ мене діяволъ съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣмъ человѣки прогнанъ бысть, третью стали и шестидесятью ангелы стали божіи (sic). Молитвъ ради пречистыя твоея матери, Господи Ісусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя грѣшнаго раба твоего *(имрекъ)*—всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

4. *Отъ зубной боли.*

a. Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня храмина, тебѣ не гарывать, у раба божія *(имрекъ)* зубамъ не балѣвать—отнынѣ до вѣку, во вѣки, аминь. Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена—прійди и откавырь щепочку и положи на зубы; какъ разъ проговоришь—избѣ поклонись.

b. Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ божій *(имрекъ)*, есть у него въ зубахъ черви, и ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу.

И проговоривши, крапиву привязать книзу, и отвязать въ третій день.

c. *Въ полночь, какъ станутъ бить часы двѣнадцать, въ то время сходи къ церкви и укуси трижды коренную паперть, и три раза скажи:*

Какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаменѣй и мои зубы—крѣпче камня!

И три раза плюнь, и поди прочь не оглядывайся, и прочти три раза: Вѣрую.

d. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоитъ мать пресвятая Богородица и преподный Антипій, зубной изцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ божіихъ о рабѣ божіемъ *(имрекъ)*: какъ у васъ угодники божіи зубы не болѣли, такъ бы у раба божія *(имрекъ)* зубы не болѣли — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

Наговори на соль или рѣдьку и на сучекъ ели.

e. Каинъ, Каинъ, Каинъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ—такъ бы у раба божія *(имрекъ)*—нѣтъ. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь, аминь. аминь.

Наговори на соль и клади на зубы.

f. *Если пойдешь ненарочно улицей или дворомъ и найдешь кость съ зубами—баранью щеку, то перекрестись три раза и проговори трижды:* Отче нашъ; *потомъ говори еще три раза:*

Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни; а я тебя избавлю отъ мокроты.

И возьми эту кость и подоткни ее въ горницѣ гдѣ въ сухое мѣсто, и будешь здоровъ.

5. *Отъ жабы въ горлѣ.*

Въ городѣ Ерусалимѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стоитъ древо кипарисъ; на томъ древѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и теребитъ когтями и ногтями и подъ щеками, и подъ жебрами у раба божія *(имрекъ)* жабу. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь. Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ жабы когда станешь говорить, тогда тычь среднимъ пальцемъ на правой рукѣ въ жабу; проговори трижды.

6. *На удачную охоту.*

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго; аминь. Ложусь я рабъ божій (*имрекъ*) ввечеру поздно-напоздно, благословясь и перекстясь; встаю рабъ божій (*имрекъ*) поутру рано-нарано, и умываюсь тредённой водой, и утираюсь шитымъ бранымъ тонкимъ полотенцемъ; пойду рабъ божій (*имрекъ*) изъ избы дверьми, изъ воротъ (двора?) воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану и эту збрую ставить на бѣлыхъ на ярыхъ зайцевъ. Какъ-же катятся ключи, протоки во единой ключь, такъ же бы катились и бѣжали всякие мои драгоцѣнные звѣри; сѣрые, ушастые и долгохвостые волки, и черные медвѣди, и красныя брунастыя (?) лисицы, и бѣлые ярые зайцы и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались и по сторонамъ бы не обѣгали. Позади носитъ Михайла арханьелъ и Гавріилъ арханьелъ со всею небесною (силою). Во вѣки вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе.

Сей заговоръ глаголи трижды.

7. *Какъ заговаривать кровь.*

a. На морѣ на окіянѣ лежитъ камень Алатырь; на томъ камнѣ Алатырѣ есть два орла орловича, два брата родные — они рубятся, сѣкутся вострыми саблями; промежду ихъ ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Такъ бы у рабы *(имрекъ)* не было ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Аминь, аминь, аминь.

b. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла избушка; въ этой избушкѣ двѣ дѣвицы: одна плела шелкомъ, а другая льномъ. Ты, шелкъ, не рвися и ты, ленъ, не рвися; а ты, кровь, перейдися у раба божія *(имрекъ)*. Аминь, аминь, аминь.

c. На морѣ на окіянѣ, на святой рѣкѣ на Ерданѣ, бѣлъ горючь камень выплываетъ; а на томъ камнѣ сидятъ три дѣвицы, прекрасныя мастерицы, въ рукахъ держатъ пяльцы, вся рѣки, вся источники, вся

ручныя раны зашиваютъ. Тѣло нѣмо, кость отъ камня, жилы отъ древа шелковника. Порвися (не рвися?) горючь (камень), кровь уймися и запекися аки у мертваго. Аминь, аминь, аминь.

И дунь три раза на то мѣсто, откуда кровь идетъ.

8. *Заговоръ противъ пищалей, стрѣлъ и всякаго оружія.*

Есть море желѣзно, на томъ морѣ желѣзномъ былъ-камень Алатырь; на томъ камнѣ сидитъ мужъ желѣзенъ царь — высота его отъ земли и до небеси, заповѣдаетъ своимъ желѣзнымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, стоитъ подпершись (?), заказываетъ своимъ дѣтямъ: укладу .... [1]) красному и желѣзному, каменному и простому, и проволокѣ—желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и сребру и ядрамъ (подите вы), ядра каменныя и желѣзныя въ матерь свою землю мимо меня раба божія (*имрекъ*), а стрѣлы строганыя въ древо-въ березу, и въ сосну, и въ яблонь, и въ рябину, и въ черное древо и въ перье, а перья во птицу-въ свою матерь, а изъ нея въ рыбу, а рыба въ море [2]).

9. *Чтобы власти и судьи были милостивы.*

Господи, благослови отче! одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препояшуся поясомъ Пресвятыя Богородицы. Милостивая заступница! свяжи уста и языкъ и гортань у князей и у боярей, и у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей.

10. *Отъ трясавицы (лихорадки).*

а. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами всепресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами святаго арханьела Рафаила и преподобнаго отца Изосимы соловецкаго и молитвами святыхъ девяти мучениковъ, иже въ Кизицѣ чудо сосрѣтоша — двою-надесять [3]), и рече имъ святый арханьелъ Рафаилъ: что вы окаяннѣйши и како имена ваши? И онѣ окаяннія отвѣчаста ему: мы единаго отца дщери-царя Ирода, и егда отецъ нашъ Иродъ отсѣче главу Іоанна Предтечи — и тогда земля пожре насъ живыхъ и пріятъ насъ къ себѣ сатана; по умертвіи же отца нашего Ирода посла насъ въ миръ, людей вашихъ мучить рода человѣческаго. И посемъ намъ всѣмъ имена суть: 1-я Зябуха, 2-я

---

[1]) Неразобрано.

[2]) Сравни съ 18-мъ заговоромъ во 1 т. Сказаній русскаго народа, Сахарова стр. 22.

[3]) Трясавицъ.

Гнѣтница, 3-я Плѣтѣя, 4-я Мѣсора, 5-я Шашая, 6-я Чорная, 7-я Тѣнная, 8-я Дида, 9-я Ладо, 10-я Омуга, 11-я Утѣха, 12-я Переанда. И посемъ арханьелъ Рафаилъ биша ихъ жѣзломъ немилостивно и даша имъ по тысящи ударовъ; и онѣ окаянніи рѣкоша ему: аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому человѣку не прикоснемся. Имя рабу божію *такому-то*, *такихъ (-то)* годовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

b. Кресту твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ, Спаси, Господи, и помилуй раба божія *(имрекъ)* отъ трясавичной болѣзни—во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь. Яко съ нами Богъ—съ рабомъ божіемъ *(имрекъ)*, буди на мнѣ крѣпкая и крестная сила заперта и заключена крестною силой (sic) и животворящимъ крестомъ Господнимъ, и святыми аньелами: арханьеломъ Михаиломъ и Гавріиломъ, и молитвами пресвятыя матери, и молитвами святаго славнаго пророка Предтечи, Крестителя Іоанна, и молитвами Артемія Веркольскаго чудотворца, и молитвами святаго Мирона-чудотворца. Отыдите отъ меня раба божія *(имрекъ)* проклятыи дванадесять Иродовы дщери: Трясавища, Огневица, Знобѣя, Пералея, Горькуша, Крикуша, Черькѣтъ (?), Пухлѣя, Желтѣя, Дрехлѣя, Дремлѣя [1]), и не приходите ко мнѣ рабу божію *(имрекъ)* дванадесять дщерей Иродовыхъ ни по утрамъ, ни въ полдень, ни къ вечеру, ни въ ночь, ни въ полуночь, ни въ..... [2]), и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Имрекъ* дома нѣту—я Василій буду отписывать (*послѣдняя фраза трижды*).

Писать натощакъ.

11. *Чтобы сдѣлать (свекровь, мачиху или друг.) милостивою.*

Взять съ трехъ могилъ земли и говорить:

Будь раба божья такъ, какъ маломощная овца (*или*: такъ, какъ мертвецъ лежитъ во гробѣ — безотвѣтна и бездыханна), и такъ бы она раба божія не думала, не говорила и не отвѣчала предо мной (*или*: предъ ними) ни во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Обойди кругомъ ея и сыпь (землю) или подъ порогъ посыпь.

Будь рука рѣпяная, кожа воловья, мясо коневья(е)—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Сей заговоръ служитъ для иглы—въ руку запускать.

---

[1]) Двѣнадцатой не упомянуто.

[2]) Неразобрано.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ДОЧЕРИ Н. И. НОВИКОВА ВѢРЫ НИКОЛАЕВНЫ КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Къ сожалѣнію моему не могу представить достаточнаго объясненія на предлагаемые вами вопросы. Будучи въ малолѣтствѣ во время несчастія покойнаго родителя моего (о! ежели бы я тогда была въ совершенныхъ лѣтахъ, безъ всякаго сомнѣнія пала бы къ стопамъ Императрицы, дабы мнѣ дозволено было раздѣлить заточеніе его) не могу обстоятельно знать о причинахъ онаго. Извѣстно только, что дѣло сіе производилось по Тайной Экспедиціи. Въ оставшихся бумагахъ нахожу нѣсколько копій съ писемъ къ разнымъ лицамъ и прошеній, подаваемыхъ въ разныя времена. Въ одномъ изъ оныхъ, къ князю Куракину, собственною его рукою писанномъ, помѣщены слова блаженныя памяти Государя императора Павла I, сказанныя въ 1796 году, когда родитель мой по освобожденіи своемъ удостоился быть предъ лицемъ Его Импер. Величества и между прочими Всемилостивѣйшими выраженіями услышать и слѣдующее: *„Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ,—дай только мнѣ время и вѣрь моему слову!“* Но рановременная кончина его оставила сіе Всемилостивѣйшее обѣщаніе и надежды родителя моего неисполненными. Неоднократныя подавалъ прошенія Ея Величеству, вдовствующей Государынѣ, въ одномъ изъ коихъ доносилъ сими словами: «Да будетъ единственнымъ моимъ ходатаемъ у Вашего Императорскаго Величества священное сердцу моему воспоминаніе имяни блаженной и вѣчной славы достойнаго Государя императора Павла Петровича, Вашего дражайшаго супруга, моего же Всемилостивѣйшаго Государя, отца и избавителя, котораго рука нѣкогда отверзла двери темницы моей. Его правосудіе и прозорливость проникло сквозь завѣсу клеветы и признало невинность; Его истинно отеческое милосердіе обѣщало полное удовлетвореніе всего раззоренія моего» и проч.

Позвольте мнѣ прибавить къ сему, что я прошу помощи единственно изъ Высочайшаго милосердія, а не по заслугамъ родитель-

скимъ, о чемъ и думать не могу,—и моимъ ли слабымъ способностямъ описывать оныя? Горестныя обстоятельства принудили меня искать пособія у монаршаго престола. Имѣя на попеченіи своемъ больныхъ брата и сестру священнѣйшею обязанностію поставляю употребить всѣ средства къ доставленію имъ спокойной жизни. Вамъ не безъизвѣстно также въ теченіи многихъ лѣтъ продолжавшаяся дружба покойнаго родителя моего съ истиннымъ благодѣтелемъ нашимъ, почтеннѣйшимъ Семеномъ Ивановичемъ Гамалеемъ и супругою покойнаго профессора Московскаго университета Ивана Егоровича Шаарца, которая всегда заступала у насъ мѣсто матери и которая въ бывшее несчастіе съ батюшкою потерпѣла совершенное раззореніе и теперь не имѣетъ никакого состоянія для содержанія себя. По одному векселю, находящемуся въ уѣздномъ судѣ, уже угрожаютъ намъ описью деревни. Не должна ли я оправдать полную довѣренность къ себѣ незабвеннаго родителя моего употребивъ всѣ силы къ сохраненію убѣжища, симъ священнымъ предметамъ долголѣтняго попеченія его? Но что человѣческія силы безъ помощи Всевышняго? На Него единаго возлагаю упованіе свое.

СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ.

Предисловіе.

Печатая нѣсколько собранныхъ нами словъ и поученій, касающихся языческихъ вѣрованій и обрядовъ, почитаемъ не лишнимъ указать тѣ рукописи, изъ которыхъ предлагаемыя поученія заимствованы.

Въ числѣ этихъ рукописей важнѣйшее мѣсто занимаетъ Паисіевъ сборникъ, писанный въ концѣ XIV вѣка, прекраснымъ уставомъ. На эту рукопись обратилъ вниманіе ученыхъ профессоръ Шевыревъ, просматривавшій ее въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, которому она принадлежала. Въ настоящее время этотъ сборникъ, вмѣстѣ со многими другими рукописями Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря принадлежитъ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи и значится подъ № 34. Первые семь листовъ давно были утрачены; но рукою XVI вѣка вписаны и потомъ вплетены въ рукопись. Утраченное начало первой статьи Паисіева сборника писецъ XVI вѣка умѣстилъ на 6 листахъ, захвативши только полъстраницы седьмаго листа, такъ что остальныя полторы страницы остались бѣлыми. Рукопись начинается словами: Книга сѫборникъ починаемъ о господи поучениа ѿцы оць, ꙗкы-ѿче. Начиная съ восьмаго листа, идетъ внизу слѣдующая подпись: „Князь Стефана Василькича Комрина 6920 года.“ слѣд. уже въ 1412 году въ рукописи недоставало первыхъ семи листовъ. Но подпись эта, по подчерку и чернилам, кажется мнѣ подозрительною: едва ли она не произведеніе позднѣйшаго времени. Какъ бы то ни было, палеографическіе признаки заставляютъ отнести рукопись къ XIV вѣку, хотя она писана не на пергаменѣ, а на бумагѣ. Рукопись на 202 листахъ; въ ней утрачены многіе листы и между ними послѣдніе. Важнѣйшія особенности язы-

ка въ статьяхъ Паисіева сборника указаны профессоромъ Буслаевымъ въ его «Исторической хрестоматіи древнерусскаго языка». Изъ Паисіева сборника мы печатаемъ здѣсь: 1) *Слово мѣкоего христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ*, занимающее въ рукописи об. 28 листа—35 л. и 2) *Слово святаго Григорья изобрѣтено въ толцѣхъ о томъ, како первое поганы суще языцѣ кланялися идоломъ и требы имъ клали*, занимающее въ рукописи л. 40—42 об. Эти же статьи мы печатаемъ по новымъ и болѣе обширнымъ спискамъ замѣчательнаго сборника, принадлежавшаго прежде библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора № 1285, а теперь находящагося въ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи. Сборникъ относится къ концу XV вѣка, писанъ въ листъ, въ два столбца, полууставомъ; всѣхъ листовъ 168. Въ немъ находится нѣсколько статей одинаковыхъ съ Паисіевымъ сборникомъ и, между ними, *слово христолюбца* и *слово св. Григорья*. Варіанты этихъ статей, представляемые Новгородскимъ спискомъ, такъ важны для изученія славянской старины, что мы печатаемъ ихъ вполнѣ рядомъ съ текстомъ ихъ по Паисіеву сборнику. Открытіемъ этихъ варіантовъ наши ученые обязаны профессору С. Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовичу, который указалъ мнѣ на нихъ. Печатаемъ ихъ подъ №№ II и IV.

Слово Григорія Богослова по этому новгородскому списку обильнѣе, чѣмъ другіе до сихъ поръ извѣстные списки его, указаніями на языческіе вѣрованія и обряды Славянъ. Кромѣ того окончаніе *слова* по этому списку представляетъ слѣдующее любопытное указаніе на его литературное происхожденіе: «досюдѣ могохъ написати даже несоша ны цесарю граду, а мы высѣдше исъ корабля идохомъ въ святую гору. иъ то бяше велико слово. иъ дотоудѣ написахъ.» И такъ наша статья есть только выписка изъ большаго слова Григорія Богослова и при томъ слова, сопрождавшагося толкованіемъ (изобрѣтено въ тълцѣхъ его», какъ говоритъ заглавіе). Въ самомъ дѣлѣ наиболѣе чистая изъ русско-славянскихъ редакцій статьи представляетъ довольно близкій переводъ *Слова Св. Григорія Богослова на богоявленіе господне*. Для сравненія славянскаго *слова* съ греческимъ прототипомъ мы печатаемъ ихъ рядомъ, подъ № V [1]). Но статья наша выписана на пути въ святую гору и слѣд. изъ какого-нибудь югославянскаго перевода словъ св. Григорія Богослова съ толкованіями. Въ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки,

---

[1]) Греческій текстъ предлагаемъ по изданію Миньи въ Cursus patrologiae completus, series graeca, tom. 36 p. 335 sqq.

1423 года, № 307, содержащемъ въ себѣ Сербскій требникъ и номоканонъ находится на л. 417 об.—421 Сказаніе о скрьбнымъ кнзѣ еллінскыхъ сѫтже имена тѣхъ къ прькомь слшкѣ григорїа богослова, на богоявленїе. ѥмоуже зачело. пакы іе мои пакы таинство.»

Въ пергаменномъ XIV вѣка спискѣ славянскаго перевода словъ св. Григорія [1]) первое слово на богоявленіе читается почти тѣми же словами, какъ и наша русская передѣлка. Для сравненія нашей статьи съ древнеславянскимъ переводомъ Григорія Богослова предлагаемъ подъ №IV рядомъ съ нею выдержки изъ послѣдняго, означая точками мѣста Слова, не находящіяся въ русской передѣлкѣ и потому опущенныя нами. Толкованія Никиты Ираклійскаго, сопровождающія слово Григорія, мы также не считаемъ за нужное печатать здѣсь, потому что они не имѣли никакого вліянія на русскую передѣлку *Слова*. Прибавимъ, что отдѣльныя толкованія Никиты Ираклійскаго на каждую главу слова въ указанной сербской редакціи значительно сокращены и измѣнены. Сербская редакція толкованій кромѣ того ограничивается только тѣмъ отрывкомъ «обширной бесѣды» Григорія, въ которомъ указываются языческія суевѣрія и въ этомъ отношеніи совершенно совпадаетъ съ объемомъ русской передѣлки *Слова*. Сербская редакція толкованій оканчивается словами; «а за иные богы кто можеть изрещи. всякыи бо чакъ своего бога имаше. или почитаихѫ зкѣри, окиже зьміе. гады. ли лкоке. же и инаѧ различиаѧ.» Этимъ замѣчаніемъ уже давался поводъ къ пополненію толкованій указаніями на славянскія суевѣрія, указаніями, которыми дорога намъ русская передѣлка и изъ которыхъ нѣкоторыя могли явиться уже у южныхъ Славянъ.

Въ той же рукописи помѣщены и слѣдующія двѣ краткія статьи, находящіяся въ связи съ печатаемыми нами памятниками: 1) на оборотѣ 33-го листа.

Въпро что є требокладенье идольское. еже ре стыи василии не приимаи приношенья ѿ требокладеля идольска.

Не поганымъ глть нъ кртьяномъ. Иноци бо ѿ хртьянъ. трапезы ставать идоломъ. и напоиваютъ черпала бѣсомъ. кто соуть идоли, Се пер-

[1]) Рукопись Московской Синодальной Библіотеки, № 954.

кыи идолъ рожаницѣ. ѿ нихже великыи пророкъ исаиа глѣть велегласно копиеть
рекъ. ѿ горе ставящимъ трапезоу рожаницамъ. и исполняющие черпаныя
дѣмоно. се вси вы яко хворостъ въ ѡгни изъгоритє. и паче ре не мо-
жєте ясти трапезы сотонины. и трапезы хтовы. и пакы не можєте пити
чашѣ сотонины. и чашѣ гни. таже ре да не разгнѣваимъ га. А се вто-
рое виламъ. и мокошѣ и да ищє ся не на ѩкѣ молять да ѡтаи призыка-
юче идоломольцѣ бабы. тоже творя не токмо хоудии люе. нъ и богаты
моужии жєны. се же єсть велми злѣіе иже єсть прикладати тврь стыя
бца. къ идольстѣи трапезѣ.....

2) На об. л. 34. Даѡдикинскаго сбора.

Єже имъ побѣда англъ. церкви Доѡдикинскыя. творимое дѣло злыми
чл҃вѣкы и глше англъ. Горе. горе чл҃вѣкомъ тако творящемъ. иже єсть не-
навистъ бгоу. и на гнѣвъ бци. иже ѿ неразоумыя дѣющє. неподобное и
непотрєбное. мнящеся чть творящє гжи бци. ставящє трапезоу крупичь-
ными глѣбы. и сыры. и чєрпала наполняющє вина доброконьнаго. и творя-
щє тврь ржьствоу. и подавающє дроугъ дроугоу надять и пьють. и мнят-
ся добро творящє. и хвалоу тѣмъ вѣздающє влчци чистии єиже єсть бечь-
стиє и хоула. виною рекше ржьства. Нѣ чєсть се дбци гжи бци. не бо
єсть сд творимое въ слвоу бгоу. и въ похвалоу бци.....

Слово Григорія Богословуя напечатано кромѣ того по рукописи XVII вѣка полууставной, въ листъ, принадлежавшей Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, теперь же находящейся въ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи, № 43/1120. Въ этомъ сборникѣ найденъ мною новый списокъ *Слова о Даніилѣ Заточникѣ* (См. III томъ «Лѣтописей»).

Слова, напечатанныя подъ №№ VI, VII, VIII, заимствованы изъ рукописи, принадлежавшей библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, № 1262, теперь находящейся въ Петербургской Духовной Академіи. Рукопись эта въ листъ, относится къ XIV вѣку, писана въ два столбца, небрежнымъ уставомъ, то на пергаменѣ, то на бумагѣ: случается, что одна статья начата на пергаменѣ и кончена на бумагѣ и наоборотъ, тѣмъ же почеркомъ. Сбор-

никъ отъ начала до конца писанъ одною рукою. Нѣкоторыя статьи вписаны два раза и притомъ не всегда въ одинаковомъ видѣ; писецъ, можетъ быть, писалъ съ разныхъ списковъ. Такъ напр., напечатанное у насъ подъ № VI *Слово о томъ, како пьрвое поганьии вѣровали въ идоли и требы имъ клали* и приписанное въ сборникѣ Іоанну Златоусту, повторяется въ томъ же сборникѣ на л. 93—94, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и безъ заглавія. Важнѣйшіе варіанты этой послѣдней редакціи (В) мы подвели въ выноскахъ къ № VI. Здѣсь вся первая половина *Слова* опущена и по послѣдней редакціи оно начинается словами: Послушаите гл҃мыхъ моля хощю вы оуказати изкѣсто ѿ ст҃хъ книгъ. Ѥгда бо ис кси гл҃мии кр҃тьяни. крестьяни суть. Но точью имѣниемъ наричютсѧ кр҃тьяни. но льстать сѧ нагымъ народомъ. Конецъ статьи въ послѣдней редакціи уходитъ, какъ и начало въ другое слово, *о знаменіяхъ втораго пришествія*. Послѣ словъ: бъ мира да будѣть с вами читаемъ: Но да и ѿ си сло сдѣ ѿдамъ. Мало побесѣдовахъ. ѿ знамѣниихъ сконцаниѧ и оустану. Ссылка слова на Іоанна Златоустаго не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы отвергнуть принадлежность изложенныхъ въ словѣ суевѣрій Славянамъ: съ одной стороны подобныя ссылки были въ нашей древней литературѣ обычнымъ пріемомъ освятить важность сочиненія; съ другой, если въ произведеніяхъ Іоанна Златоуста и есть слово такого же содержанія; то наша статья представляетъ его въ видѣ совершенно измѣненномъ и приноровленномъ къ вѣрованіямъ и обрядамъ славянскимъ. Для сравненія этой статьи съ подлиннымъ словомъ Златоуста печатаемъ подъ № VII послѣднее въ славянскомъ переводѣ (по той же рукописи Софійской библіотеки № 1262). *Слово отъ св. Евангелія*, напечатанное нами подъ № VIII и помѣщенное въ описываемомъ сборникѣ на об. 29—30 л., есть очевидно русское сочиненіе. На это прежде всего указываетъ неопредѣленность и невѣрность его заглавія, потомъ то обстоятельство, что оно помѣщено вслѣдъ за статьей русскаго сочиненія, именно за извѣстнымъ поученіемъ, приписываемымъ Лукѣ Жидятѣ и напечатаннымъ въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (I, 16) Р. Тимковскимъ. Въ Новгородскомъ сборникѣ это поученіе озаглавлено: Слово поучения ѥрмлѣское и начинается словами: Се братіе сию заповѣдь пьрвѣѥ изкѣсто должни всмы. кси крьстьяни дьржати. кѣровати къ

единъ бъ. И такъ древнѣйшій списокъ извѣстнаго поученія, попавшійся намъ въ этомъ сборникѣ, не имѣетъ въ надписаніи имени Луки Жидяты. Но оно названо поученіемъ *іерусалимскимъ*, можетъ быть, потому что писецъ нашелъ въ его заглавіи имя Луки *Жидяты*. Возвращаясь отъ этого эпизодическаго замѣчанія къ *Слову отъ св. Евангелія*, замѣтимъ, что послѣднее извѣстно намъ по полууставному списку XVI вѣка въ сборникѣ Троицко-Сергіевой Лавры, въ 4-ку, № 784, принадлежавшемъ какому-то игумену Сильвестру. *Слово* занимаетъ здѣсь листъ 14-й и первую страницу 8-го листа (листы переплетены въ этомъ мѣстѣ ошибочно) и озаглавлено: ѡ разсуженіи грѣхѡвъ тѣлесны. и душевны и ѡ постѣ. Оно помѣщено здѣсь между словами, очевидно, русскихъ сочинителей. Варіанты Троицкаго списка указаны въ выноскахъ къ № VI.

Съ вышеприведенною выпискою о рожаничной трапезѣ слѣдуетъ сравнить слѣдующую замѣтку, находящуюся въ описываемомъ Новгородскомъ сборникѣ, № 1262, на листѣ 47: Се буди всѣмъ вѣдомо яко несторіи іеретикъ. наоучи трапѣзу класти рожацную. мьна бцю чакородицю. Стиже ѡци лаодикийскаго скора. слышавше о англа. Заиа бу неиюботоримоіе то. и стѣи бци. Писаниемь повѣлѣша не творити того. Да кто послоушая заповѣдии стхъ ѡцъ спиъ боудеть ащели кто не послушаеть ѿлученъ да боудеть.

Н. Тихонравовъ.

I.

(По рукописи Паисіева Сборника XIV вѣка.)

Сло҃ нѣкое хо҃лювца. ребнителѧ по правої вѣре гн҃ и бл҃.

Ꙗко ї҃лья фезвитанинъ. ꙁаклавый ерѣи жерца. ї҃дольскиꙗ числомъ. т҃. ї ре҃ ревиꙋ порекиовꙗ по гѣ҃ вседержители та҃ и сеї не мога терпѣти крт҃ьнъ. во двоевѣрно живꙋщи҃. ї вѣрꙋють к перꙋна. ї в хорса. ї к мокошь. ї в сныа. ї ве рьгла ї въ вилы. їхже число҃. г҃. ф҃. сестрѣ-инць. гать невѣгла҃. ї мна҃ бнамн. ї та҃ покладывахꙋть имъ теребы. ї кꙋры їмъ рѣжю. ї ѡгневѣ молать҃. ꙁовꙋще его сварожиꙋемъ. ї чесновито҃. бг҃ъ же его твора҃ егдаже оꙋ кого буде҃ пиръ. тогда же кладꙋ҃ въ дра҃ ї в чаши. и пью҃ ѡ ї҃долѣхъ своїхъ. веселащи҃ не хꙋжьши сꙋ҃ еретиковъ. ни жидовъ. їже в вѣре ї во крщ҃ньї та҃ твора҃. не токмо невѣжи но ї вѣжи. попове ї книжинци. аще҃ не твора҃ того вѣжи да пьють ї нда҃. моленое то брашно. аще҃ не пьють ни нда҃ да нда҃ дѣанинъ їхъ ꙁала. аще҃ не видать да слышать. ї не хотать ихъ поочꙋити. ѡ таковы҃ бо прр҃къ ре҃ть. ѡкаменѣ срце людні сихъ. оꙋшима тажко слыша҃. ѡчи свои сомжиша. павелъ к римлано҃ ре҃. ѡткрыеть҃ гнѣвъ бжи҃ с нбс҃ на все бещестье. ї на неправдꙋ чл҃вчю. скрывающихъ. їстинꙋ к неправдѣ. самъ гь҃ ре҃ многи пастꙋси погꙋбиша винограда мой. пастꙋси сꙋ҃ книжинци. и винограда вѣра. чл҃вци в вѣре погибаю. лихими пастꙋхи. оꙋчители безꙋмы҃. аще не [1] лишать҃ проклатаго моленьа. и службы дьавола. то достоїни ѡгню исгасномꙋ. сиже оꙋчители будꙋ҃ їмъ подъгнѣта. аще їхъ не ѡбратать ѡ дѣла того сотоминиа. гать бо прр҃къ ѡ лица невѣрны҃. людні приходащи҃ во крщ҃ньє. ї оꙋчеью добрыхъ дѣ҃. да ѡбратать ны. боящи҃ тобе. ї вѣдꙋщи свидѣньи твоа. се же молви҃ книжинко҃. павелъ ре҃ горе чл҃вку тому. їже

[1] Не приписано сверху позднѣйшею рукою.

соблазнить миръ. рече бо Іже добрѣ млоучи хто. то великъ нарецца (sic!) во царствіи небесѣмъ. навелъ рече к рыламо. аще многи настанники імате ѿ хе. но не многи ѿщѣ ѿ хе бо іесѣ азъ вы роднхъ. еуваньемъ. молюже вы са. побинци ми буди. і попове книжници будите. вы побинци павлу великому оучителю. оучите люди на добро. і ѿбращаите іхъ ѿ лести дьяволя. к вѣре істѣнѣі. служити истинному бу. да і вы рете пре бъ пророкомъ. глмъ. се азъ и дѣти моя яже ми далъ еси ги. и азъ на роднхъ оучеиьемъ. того ра пьете масте і даръі емлете ѿ инхъ. аще ли не хощете оучи іхъ. то не приимѣшаіте імъ по еуньскому слову. аще імаши ѿко свое лукаво. то истъкни е конъ. ащели руку то ѿсѣци ю. лучше бо ѿдинъ оудъ погибне. нежели все тѣло. не можетбо погибну праведни. про безѣзаконника. кое причастье хрту [1] с бесомъ. тако і служащихъ бу. кое причастье къ служащимъ бесомъ. і оугодьи дьяволя творящимъ. навелъ бо коренфѣемъ ре. брати писахъ ва посланьи не приимѣшаіте. къ блудникомъ. ни к рѣзоімцемъ. ни грабителемъ. ни корчьмитомъ. і къ служащимъ. кумиро. но долъжни есте ѿ мира сего іхъти. рекше оумрс. ныне же писахъ ва с таковымъ ни пити ни масти. но іхверзите такова. таковиі бо чтка бим не наслѣди. ѿкаменѣ бо срце іхъ к неістово пьяньствѣ. і быша слуги кумиро. якож бо пише седоша бо люе пити і масти. не в законъ но во оупоі и быша пьяни. і въсташа іграти и соблудиша со ближники своими [2] і того дни погибе іхъ. к. і. х. за свое неістовое пьяньство. того ра не подобае кртьяномъ игръ бесовьски іграти. еже есть пласаньe. гуденьe. пѣсни мирьскна. і жертвы идольскна. еже молятъ ѿгневѣ побинномъ. і кила. і мокоши. і симу. і ригу. і перуну. і роду. і рожаницѣ. і всѣмъ тѣмъ иже су тѣмъ побин. сеже оучеиьe ныне вписаса на конець вѣка да не во лжю буде рекли. крещающе ѿрицаемъ сотоны и всѣхъ дѣлъ его. и всѣхъ [3] англъ его і всего студа его. да ѿбѣщахомъ хви. да аще са ѿбѣщахом хви. то чему ему не служнмъ. но бесомъ служни. і вса оугодьи імъ творнмъ. на пагубу дшамъ своімъ. не тако зло твори просто но і мѣшаемъ мѣнии чистыи матвы. со проклатымъ. молеиьe. ідольски. іже стака лише кутьа. и ны трапезы. законнаго ѿбѣда. іже марицаетъ безаконная трапеза. мѣнимая роду і рожаница. и въ прогнѣваньe бу. сам бо гъ рс не всякъ кие во цтвие моe. рекъ ми ги ги по творяі волю

---

[1] Писано по оскобленному: хрту. [2] Нѣкоторыя буквы поставлены по догадкѣ на истлѣвшихъ мѣстахъ. [3] Въ рукописи ошибкою: вѣхъ.

ѡца моего. навелъ ре. видѣхъ ѡбла. кровавъ распростертъ на всѣмъ миро. І коспросихъ гла гн что се ѥсть. І ре ми се ѥсть матка чаючаіа. смѣшена с безаконьемъ. того ра ре гь не можетъ рабъ работа. к. ма гна. ѡдиного возлюби а другаго возненави. тако І мы брати возненавидимъ дьяво. а ха возлюби. конво хртиховъ. его хлѣбъ ямы. І чашю его пье. оумираемъ здрави быває ѡ немъ. ре слава тобѣ ѡ все даныимъ намъ. тобою. не токмо здѣ но и в будуще вѣце. ре же навелъ что оубо требы кладу страны бѣсомъ. а не бу. не велю вамъ ѡбѣщиимъ быти бѣсомъ. І не можете бо пити чаши гна. І не можете бо причастити трапезѣ гни. да не розъгнѣваемъ ба. аще кто повѣсть ва. яко се требно кумиро не ядите то. аще пьете їли ядете то все къ славу бу творите. гна бо ѥсть земля І конци ея. все ми лець ѥсть но не все на ползу. аще чре брашно. І брашно чреву то бъ празни. ре же рабе брати ѡчистимъ собе ѿ всякыя скверны. плотьскыя І дшевныя. но творящи стию къ страсѣ биї. всѣм бо намъ подобаеть стати пре судищемъ хвъмъ. да приіемемъ кождо по своїмъ дѣло. якоже ѥсмы створи. їли добро їли зло. вѣдуще оубо страхъ гнь. ноуто оубо не коспрнимаемъ разумна глаща мы во спсньѥ. оумнымъ оучень. видѣ бо яко ѡбрѣтеньѥ хоще быти моего спсньа І вашего. аще быхомъ ѡсужали. не быхомъ ѡсудими ѿ га были. брати не велю же вамъ не вѣда бесѣды сеа. но І имѣмъ будите на ползу хотящимъ спстися. истерьгните ѿ сѣти дьяволя. да приде къ прутому свѣту га нашего їса ха. безаконнымъ непокорнымъ. противящимъ здравому оучеью. неутѣшимъ хулящимъ [1] ѡца І мтрь. славы бжиа не наслѣда. въ утотѣ биеї а не в мудрости плотиеї. молю вы имянем ба нашего їса ха. хвалю ба моего І васъ ѡ блати биеї да не І ва яко скидѣньѥ хво їзвѣстися в васъ. яко вамъ не лиховати никоегоже дара. чающе пришествия га нашего їса ха. їже посадить вы во дворѣхъ жизни вѣчныя. со всѣми служащи ему. всегда І мы.

---

[1] Это слово въ рукописи повторено два раза.

II.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки конца XV вѣка, № 1285.)

Сеже ꙗзложенно ѿ многословесны книгъ. нѣкымъ христолюбцемъ. ревнителемъ по правѣй вѣрѣ. на разроушенїе льсти непрꙗзнинѣ. на оукоръ творꙗщимъ таковаꙗ. на пооученїе правовѣрнымъ. и на прꙗчастїе боудоущаго вѣка. послоушающимъ книгъ сихъ. стыхъ. и творꙗщихъ дѣломъ повелѣнїꙗ. въ ѡставленїе грѣховъ.

Ꙗкоже ꙗлнꙗ фезитѣнинъ. заклавъ ꙗсрѣꙗ и жерьцѣ ꙗдольскыꙗ. числомъ ꙗко до трисотъ. и рѣ ревноуꙗ порекновахъ по гдѣ бзѣ моемъ вседержители. тако и сынꙗ не мога тьрпѣти. хрьстьꙗнъ двоверно живоущꙗ. ꙗже соуще хрьстьꙗне. и вѣроуютъ въ пероуꙗ. и въ хърса. и въ сꙗма. и въ рьгла. и въ мокошь. и въ вилы. ꙗхже числомъ тридесате сестреинць. глꙗють ѡканьинꙗ невѣгласи. и то все творать богы. и богынами. и тако кладоуть ꙗмъ требы. и коровали ꙗмъ молать. коуры рѣжють. и ѡгнеки молать же са. зовоуще его скарожнуьмь. и чесновитокъ. бгомъ же творать и егда боудеть оу кого пиръ. тогда кладѣть въ вѣдра. и въ чашѣ. и пьютъ веселящеса. ѡ ꙗдолѣхъ своꙗхъ и егда же оу кого ꙗхъ боудеть бракъ и творать съ боубьны. и съ сопѣльми. и съ многыми чюдесы бесовьскыми и ꙗиноже сего горѣе есть. оустроивьше срамоту моужьскоую. и въкрадывающе въ вѣдра. и въ чашѣ и пьють. и выиемьше ѡсморкывають. и ѡблизывають. и цѣлоують. не хоужьше соуть жидовъ. и ерестинъ. и болгаръ. ꙗже въ вѣрѣ и въ хрьщенїи соуще. а тако творать. не

токможе то творать некѣжѣ. нъ и кѣжѣ. и книжници. ащели не творать того кѣжѣ. да пьють и ждать моленое то брашно. аще ли ни пьють не ждать. да видать дѣвицы та ихъ злаи. аще ли не видать да слышать. и не хотать ихъ поочити. ѿ таковыхъ бо прркъ рече ѿкамеиѣ срце людий сихъ. и очиныма тажко слышаша. и ѿци свои съмѣжиша. и пакелъ. къ римляномъ. рече. ѿкрыется гнѣвъ бжїи с небесе. на все бещестьѥ. и на неправдоу ублюю. съкрывающимъ истиноу въ неправьдѣ. имьже разоумѣние бжїе. якѣ ѥсть въ нихъ бгъ бо имъ яки. нъ си не хотать оучити. и самъ гь рече. мнозѣ пастоуси погоубиша винограда мои. пастоуси соуть оучтли попове. а виноградъ вѣра. а соушее въ винограде въ вѣрѣ ублюци. и погыбають лихыми оучтли. безоумными невѣгласы. да аще тако творащий. и не ѿшибоутся. проклятаго того молений. и слоужбы тоѣ дьяволѣ. то достоини боудоуть ѿгню негасимомоу. и смолѣ присвобрющий. си же оучители подиныи боудоут. аще ихъ не ѿбратать. ѿ дѣлъ тѣхъ сотоинъ. прркъ бо гласть. ѿ лица невѣжьственыхъ любий приходящихъ въ хрьщение. да ѿбратать ны бошиися тебе. и вѣдоущий свѣдѣнья твоя. сеже молить попомъ. ти бо вѣдать свѣдѣниа бжїа. а не вѣдающимъ свѣдѣнья. недостоить попомъ быти. тако бо и въ законѣдехъ гласть. аще невѣжа боудеть поставленъ попомъ. да извѣржется. пакелъ бо рече горе томоу имьже съблазна приидеть. нъ се ѥ пришла. и расплодилася всюдоу. и пакы рече. иже кто добрѣ иаоучить. тъ великъ нарецется. аще бы кто хотѣлъ иаоучити. да проуни невѣгласи не дадать. законсти ради. и на оубинство попоущаются. яко же на исоуса. жидовьстий архиереи. и книжьници. и пакы пакелъ рече къ римляномъ. аще и многы наставникы имаѣте ѿ хѣ. нъ немногы ѿ оцѣ. ѿ хѣ бо Іс҃ѣ еуаигельемь азъ вы родихъ. молю же вы са подобьници ми боудете. то семъ вамъ попомъ молить пакелъ мола. боудете же вы попове подобьници пакловy. великомоу оучтлю. оучите же люди на добро. и ѿвращайте ѿ льсти тоѣ дьяволѣ къ вѣрѣ истиньнѣй. слоужити ѥдиномоу бгоу. да и вы речете прѣ бгмъ. прроуьскымь гласомъ. се азъ и дѣти и азъ родихъ оучеиьемь. аще ли ни то что имаши ѿвѣщати. а слышиши. смоуже боуде дано много. много ѿ него и истажють. "И пакы рече. сказаше ѥмоу роуцѣ и ногѣ. въвержѣте лѣниваго раба. въ тьмоу кромѣшнюю. скрывшаго таланть. таланть есть оучеиье. а проуеѥ и нѣтьс. и пьѣте. и ѥсте. и дары емлете оу нихъ. а неоучити ихъ не хоуете. и аще тако дѣющи ѥсте. да не примѣшаитеся къ инымъ.

IV.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки № 1295.)

Слоⷭ҇ сⷭ҇то гонгорꙗ богословца. изѡбрѣтено въ тѣлцѣ. ѡ то̾ ꙗко пьрвое поганї суще ꙗзыци служили идолоⷭ҇ и иже и нинѣ мнози творѧть.

Видите ли ѡканьноую сию и скверьноую слоужьбоу ствараемоую ѿ скверьныхъ ꙗзыкъ. елини ѡканьнии. бладѣвыи жьртвы. оученьемь дьꙗволемь. изъѡбрѣтеко потвореньемь тьмьнаго бѣса. и кощоуниамъ злымъ кладомы требы. зловѣрнии. мнаще соуетоу истиною. слоужаще кланаюшеса идоломъ. нѣкое оухыщеннѣ бѣсовьско твораще. мы же сихъ чада ѿмьщемса. неутнвыи жьртвы. дьꙗвола служении и кладении требъ. критьскаго ѡканьнаго оучителя. моамеда проклятаго срачиньскаго жерца. и елиньскыи любке. боубеньнаго плесканиї. свирилиниї звоуци. пласаниї. сотонина. фражьскыи слоньница. и гоусли. моусникиї. и замара. иже бѣсатса жроуще. мтри бѣсовьстеи. афродитѣ богини. короуне.

(По Синодальной рукописи XIV вѣка, № 954.)

Слово сⷭ҇то оца наго грнгорꙗ бо̾слова. еппа бывша нанзнанзѣ. на сⷭ҇тое крⷭ҇ниье.

Г. Едагда идѣ чⷭ҇тота. законна же истѣнька. малогодкыми покропы ползующи. и попеломи телеумымъ посѣвающи осквернаюшаися. еда на сию тайку приходать елини. ихже блади мнѣса жертвы и таины бѣсовьско изобрѣтенье темно. и мысленый потворъ зла бѣса. лѣтомь помогаемо и кощюною крадомо. имъ же бо акы истиннымъ покланаютса. аки кощюны покрыкаю. . . . . .

Д. Не дыева се семена. и крадемыи критьскаго мⷭ҇тла. аще и елиниї негодую. ни кирнѣтьстии звуци и плесци. и пласаньи въ ѡружьи бⷭ҇ плачюшюса. . . . .

Є. Ни фригинскаꙗ кроемыи и свѣрнаи. и корубантиї елико же о ирѣ чⷭ҇вци бѣсатса. жруще мⷭ҇три бⷭ҇ьстеи. . . ни дѣа на̾ въсхытасса. . . . . .

нехою трьстый бѫдь. съ рожаницами. къ прогнѣваніе бгоу. самъ бо гь реуе. не всякъ кѣнить къ цртвіе. река ми гн гн. къ творай волю ѡца моего и пакелъ реуе видѣхъ ѡблакъ простьрть надо всѣмъ миромъ. и въпросихъ гда. гн уто есть. и рѣ ми. се есть матка уаꙗуьска. съмѣшено съ безаконьѣ. того ради рѣ гь. не можеть рабъ ѡдикъ работати двѣма господиноима. единаго възнемаждить. а дроугаго возлюбить. тако и мы брае. дьяволу възненавидимъ. а христоса възлюби. конь бо хрьстиѧномьса. и его хлѣбъ ꙗмы. и его уашю пьемь и оумираемь и зраки выкаемь ѡ немь. рекуще. слава тобѣ гн ѡ всѣмь даннѣмъ намъ тобою. не токмо въ сесь вѣкъ. нъ и къ боудоущий пауе. И пакы рѣ пакелъ. уто оубо требы кладоуть стракы бѣсомъ. не желю же вамъ ѡбѣщникомъ быти бѣсомъ. не можете бо пити уашѣ гнѣ и уашѣ бѣсъ. не можете бо причаститися трапезѣ гни и трапезѣ бѣсъ. да не разъгнѣвнымъ бга. таже реуе. аще кто повѣсть вамъ. яко се требьно коумиромъ. не ѣдите того дѣла повѣдавъшаго. аще кто повѣсть вамъ. яко се требьно коумиромъ не ѣдите того дѣла повѣдавъшаго. аще бо пьете. и аще ѣсте. все къ славоу бжию творите. гнѧ бо есть земла. и кокци ей. таже рѣ. всеми лѣть есть. нъ не все на пользоу. аще уреко брашноу. и брашьно уреко. и тъ бъ да оупразни. и пакы пакелъ рѣ. братие ѡчистимъ собе ѿ всякыи скверны плътьный. и дшевный. творяще стыню въ страсѣ бжий. всѣмь бо намь подобаеть стати. пре соудищомъ христосовымъ. да приимемь кождо насъ. противоу дѣломь. яко же есмы створили. ли добро. ли зло. вѣдоуще оубо страхъ гнь. поуто въспираемь разоумно глющай. и ведоущаи ны бгооумьнымъ оучеиьемь. въ спсеньѣ. надѣюжеся на наше спсеніе. и на свѣдѣньѣ. яко не вътще глю. вѣдѣ. бо яко приобрѣтеньѣ хощеть быти. нашего же и моего спсеньи. аще бо быхомъ сами са ѡсоужали. не быхомъ ѡсужени были. соудими же ѿ гда наказани есмы. да не с неказаными осоужени боудемь. братее не желю вамъ не вѣдѣти бесѣды сеи. нъ и нѣмь боудете на пользоу. хотящимъ пооучитися въ спсеніе да бысте многы исторгше. ѿ сѣтии дьяволь. приклони къ пристомоу свѣтоу. га нашего іса хса. и приняли мть. неже ти ѡни. нъ и вы. и к тимофею реуе. вѣмь. яко добръ законъ. аще кто законь не творить. яко правьдикоу законъ не лежить. беззаконьнымь же. и непокорнымъ. и противящимся здравомоу оучению. и неуьтнымъ хоулящимъ стаи писаньи. и раздроушающимъ заповѣди стыхъ ѡць. славы бжіи не наслѣдити. хвала си есть съвѣдѣніи на-

шего. въ простыни и въ чистотѣ бжнй. а не въ моудрости плътнѣй. молю же вы имеемь гдⷭ нашего Іисъ хⷭ. да то же гдⷭте вси да не боудоуть въ васъ которы, да боудѣте свѣршени въ томъ же оумѣ. и в томже разумѣ. возвѣсти бо ми са ѿ васъ. и предъ вами. благть и миръ ѿ бга ѿца. гдⷭ нашего Іисъ хⷭ. хвалю бⷭ моего ѿ васъ. и ѿ благти бжнй даньи вамъ. ꙗко вамъ не лиховати никоего же дара. ꙗко свѣдѣмнѣ хⷭ и҆зъвѣстися въ васъ. чающе пришьствий гдⷭ нашего Іисъ хⷭ. иже посадить вы в дворѣхъ жизни вѣчный. со всѣми соужащими смоу ѿ хⷭ.

III.

(Изъ Паисіева Сборника.)

Сло стⷭ. григорьꙗ. Ізобрѣтено в толъцѣ ѿ толѣ. ꙗко первое погани суще ꙗзъци. кланꙗлисꙗ Ідоломъ. І требы им клали. то І ны творꙗ.

Видите ѐкли́мую сию скверненую службу стараему ѿ скверныхъ ꙗзы. ѐлсии ѡкаꙗнии. бладныхъ жертвы оученьемъ дьволимъ. Ізоѡбрѣтено поткорсньемъ темнаго бѣса І кощюннаг. злымъ кладомъ. злокѣрниї мнаще суѣту истинную. служаще І клꙗнающе Ідоло. и҆ꙗкое оухищреньѐ творꙗ. мыже сихъ ꙗ҆ ѿмѣтаемъ неутнѣхъ жертвъ. І дьѐвꙗ служенꙗ. І кладенꙗ требъ. критьскꙗ ѡканнаго оучитѐ. І мамедꙗ проклатꙗ. срацниьскꙗ жерца. ѐленьскꙗ любви. бубенного плесканꙗ. скврѣлнаго звука. плаканꙗ сотонниꙗ. фружьскꙗ слоѝница. І гуслеї. мусикѣйскиꙗ. Іжї самара. є бѣсать. жруще мтри бѣсовьстеї афродитѣ бгинѣ. І корунѣ. и҆ артемидѣ. проклатеї деѡ-

мнссѣ. і недоношенъій породъ. і финѣіское безумное пьяньство почитаю. ꙗко ба. и семелимо. требокладенье грому. і моламьмъ. і вилу. іже есть былъ идолъ. нарицаемъій вилъ. егоже погуби даниилъ прокъ в вавилоне. фалнкацниже іфюфули. утуть срамнъіа оуды. і кланяють имъ. и требы имъ кладу. ѿ них болгаре мацункше. ѿ срамнъіхъ оудъ истекшюю скверну. вкушають рекуще снмъ вкушеньемъ ѿщещають греси. такерьскіа дѣторезаньа. ідоло ѿ перкенець. лаконьскіа требищьнаи кро. просажаемаа ранлии ежоже мажю. екадью бгнню снюже деву вмѣнаю. і мокашь уту. і малакию велми почитаю. рекуши бумкини пелепеловое темное масо. імъ насыщаю бн. делфичьскаа ворожа. іли кастелино злоіство. і волшебнаи пропокѣ. малоузи сырадний. халдѣіскаа астрономъіа. і родопочитаньѣ і іеврачьскиа сиы. і чары. ізвыкше. ефроноцы скверныа басни і кощюны. митрофа мука. нарицаемаа праведиа. проклата же ѿсирада рожсинъ. мти бо его ражающи і того скорнша бмъ собѣ. і требы ему сианы твораху ѡкаанні. ѿ тѣхъ извыкоша халдеі. мачаша требы имъ творити великиа. роду і рожеиица. пороженью проклатаго ба ѿсира. сего же ѿсирида. скажю книги сорочиньскиа. ꙗко не лѣпъі проходомъ проіде. но смердащи. того ра сорочини мыю ѿходъ. і болгаре. і терпаний холмы. ѿкуду ізвыкоша еленн класти требы. атремиду. і артемидѣ. рекше роду і рожениицѣ. таннїже іегиптане. тако і доловѣнъ доіде се слок. і ти мачаша требы класти роду і рожаиица. прежс перуна ба іхѣ. а переже того клали требу. оупирс і берегиня. по стмъ крщеный перуна ѿрнщуша. а по ха ба кша но і мене по оукраіаамъ молать ему проклатому бу перуну. і хорсу. і мокоши. і вилу. і то твора ѿтаі. сего не могуть лишити. проклатаго стакленьа. к. ꙗ трапезъі кареченъіа роду і рожаиица. велику прелесть вѣрнъі кртьяном. і на хулу стму крщнью. и на гнѣвъ бу. а се египтане чуть и требы кладу. инлу і ѿгневѣ. рекуще инлъ плодавець. і раститель класо. ѿгнь твори спорынию сушить. і зрѣеть того ра ѡклаині. полудень утуть. і кланяють на полудень. ѡбратившеся. сиже повѣсть велика есть. но мъі лѣности ра. ѿ многа мало избрахо. [1]

---

[1] За этимъ словомъ въ рукописи нѣтъ ни абзаца, ни заглавія, хотя начинается новая статья.

IV.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки № 1295.)

Сло҃ ст҃го гонго́рнꙗ бго-
словца. нꙁъѡ́брѣтено въ
тълцѣ. ѡ то́ ꙗко пьр-
вое́ поганї сущіе ꙗзыцн
служнлн ндоло҃ н ѩже ѩ
ннѣ мнозн творѧть.

Видите ли ѡ́каньноую сию́ и
скверньноую слоужьбоу стварѧе́-
моую ѿ скверньныхъ ꙗ́зыкъ. е́лни-
ни ѡ́каньнии. бладѣкыи жьртвы.
оученьемь дьꙗволемь. ꙗ́зъѡ́брѣ-
тено потворенье́мь тѣмьнаго бѣ-
са. и кощоуиамъ ꙁлымъ кладомы
требы. ꙁловѣрнии. мнаще соуетоу
ꙗстиною́. слоужаще кланаюшеся
ꙗдоломъ. нѣкое́ оухыщенне́ бѣ-
совьско творяще. мы же сихъ ꙋда
ѿмьщемся. неутнныи жьртвы.
дьꙗвола служеннии и кладенниꙗ
требъ. критьскаго ѡ́каньнаго оучи-
тела. моамеда проклатаго срацѣ-
ньскаго жерца. и е́ликьскыи
любке. боубеньнаго плесканнии.
скирнлнии ꙁвоуцн. пласании. сото-
нина. фражьскыи слоньница. и
гоусан. моусикии. и ꙁамара. ѩже
бѣсатся жроуще. мт҃ри бѣсовьстеи.
афродитѣ богыни. короуиѣ.

(По Синодальной рукописи XIV вѣка, № 954.)

Слово ст҃го оц҃а на҃го
грнгорьи бо҃слова. епп҃а
бывша нанзнанзѣ. на
ст҃ое кр҃щнье.

г҃. Едагда идѣ ут҃ота. ꙁакомнаꙗ
же и́стѣньнаꙗ. малогодиными покро-
ны полꙁующи. и попеломь телеу-
мымъ посѣкающи о҃скерна́ющаꙗся.
еда ма сицю тайку приходать е́лни-
ни. ихже блади мнѣкса жертвы и
тайны бѣсовьско ꙁобрѣтенье тем-
но. и мысленый поткоръ ꙁла бѣ-
са. лѣтомь помогаемо и кощю-
мою крадомо. и́мъ же бо а́кы
и́стиннымъ покланаютса. акы ко-
щюны покрыкаю҃. . . . . .

д҃. Не дыкна се семена. и
краденый критьскаго мт҃ла. а́ще
и е́ликї негодую҃. ни кирнмѣтьстии
ꙁвуцн и плесцн. и пласаньи въ
ѡружьи бу҃ плачющюся. . . . .

є҃. Ни фригинскаꙗ кроеньи и
скверняи. и коруканитии е́лико же
о́ ирѣ ꙋ҃ацн бѣсатся. жруще мт҃ри
бж҃ьстеи. . . ни дѣ҃а ма҃ въскы-
тасса. . . . . .

Хороуша же боудеть и актихрсца
мти. и артемидъ. проклатѣи. диѡ-
миссѣ. стегиоражаниию. и недокоше-
ный породъ. и бгъ моужеженъ.
и фивѣйское безоумное пьяньство.
почитають яко бга. и семелиино
трѣбокладенье. громъ. и молъньи.
и вилоу. бгоу вавилоньскомоу. его
же разби данило прокъ. тѣмъ же
бгмъ требоу кладоуть и творать. и
словеньский языкъ. виламъ. и мо-
кошьи. дикѣ. нероуноу. хърсоу. ро-
доу. и рожаницы. оупирем. и бере-
гынамъ. и переплутоу. и вертаусе
пьютъ емоу въ розѣхъ. и ѡгневи
скарожнцю молатся. и ивьмь. мъвь
творать. и въ тѣстѣ мосты дѣла-
ють. и колодазѣ. и ина многаи
же оутѣхъ. фаликады. и въ ѡбразъ
створены. и кланаютса имъ. и
требы имъ кладоуть. словѣне же.
на свадьбахъ въкладываюе срамо-
тоу. и чесновитокъ въ вѣдра. пьють.
ѿ фюфильскихъ же. и ѿ аравитъ-
скыхъ писаніи. наоучьшеса болг-
аре. ѿтъ срамныхъ оудъ. истѣ-
кающюю скверноу въкоушають. и
соуть всѣхъ языкъ скверитѣйше и
проклатѣйше. тавьрьскаи. дѣто-
рѣзаньи. иже ѿ ньрвенець. ла-
коньскаи. трьбищнаи кровь. про-
сашаемаи раманы то ихъ епи-
темьи. и тою мажютъ екатию. бо-
гыню. сию же двоу творать. и
мокошь чтоуть. и вилоу. и малаки
иже есть роучьный блоудъ.
пелопово. тѣмное масотворье иже
масыщае бгы твора е алъчьны.

г. Диокис стегиоражаниию не-
сношеный породъ. аи иногда гла-
вѣ перкеие. и бъ моужженъ. и ликъ
пьяны. и кои. ослабѣвшеї. фи-
вѣйско безоумьство сего чта. и
семелиино трѣсновенье клакаемо.

з. И афродиты блудныи оудъ
таиныи. пѣна иже скверньнѣ. яко
же ти глю. и бывшии чтомъ ни
фаліканы. ни ифуфаи срамниии об-
разъ и дѣлы.

и. Ни тавьрьскаи чюжегублены.
и лаконьскы брадѣющи. требищ-
наи кровь. проусаемаи раманы. ти
се точью злѣ кропашмыса, имь
же чтется бгыни. и сиже. два.
тиже бо и малакию чтоша. и бу-
есть поутоша.

ѳ. Кдѣ ли положиши пелопово
масотворенье. алчьны бгы ма-

ли трипода. дѣлфиуьскаго. корожа. и розгометаминѣ писалиѧ въ кингахъ. ли калоуиѣстово ѕапонстко. уьтоуть ꙗко бг҃а. и ѥлиньское волхвованиѣ и волшебноую проповѣдь. и ꙗ оуѕи сырадьмии. ѿ нихъ же никыиже ꙗзыкъ гоньѕноуалъ. и халдѣйскаѧ астромоимиѧ. и родопоучитаниѣ. иже ѥсть мартолои. и фражьскыѧ сиы. и ѵары и оусраѵѣ. и къшь. ѥѳрѣмовы. скверьмыиы басни иже и всюда соуть. и кощюмы. митрофа. моука иарицаѣмаѧ праведнаѧ. проклатаго же ѿсирида. рожениѣ. мати бо ѥго ражающи ѿказиса. и того створиша бг҃ъ. и требы ѥмоу силмы творахоу ѿканьмии. и ѿ тѣхъ изыкоша древле халдѣи. и мѵаша требы творити своиꙗ бг҃оꙗ. родоу. и рожаницы. по того рожениюю. проклатаго. и скверьмьмаго ба҃ ихъ. ѿсирида того же ѿсирида скажеть книга лъживаѧ и скверьмьмаѧ. срацинъскаго жьрца. моамеда. и бохмита проклатаго. ꙗко мелѣпымъ проходомъ проиде. рожаисѧ. того ради и бг҃ъ ѥго марекоша. ѿтолѣ мѵаша мыти гоуѕицѣ. срацини. и болгаре. и тьркмени. и ѿлико ихъ ѥсть въ вѣрѣ тои. и ѿмытьѥ то къливають въ ръть. ѿтоуда же мѵаша ѥлини. ставити трапезоу. родоу и рожаницамъ. тажє ѥгюптаме. тажє римламе. дажє и до словенъ доиде. се же словенѣ мѵали трапезоу ставити. родоу. и рожасыщающе. . . . . и колхованьѥ. ꙗли трипода дѣлфиуьскаго прелуд-раньѥ ꙗли касталиино кражемоѥ питьѥ. . . . . .

аі҃. Ни волшьскаѧ требаѧ проповѣдь пропорна и халдѣйскаѧ астромоимиѧ. и родоутемьѥ. ибсьскы шествиѣ клюуаимо нашє. . . . .

ві҃. И ефрауьскыꙗ мнимыꙗ таинъ утъꙗ. . . . ни орфѣевъ требъ и таинъ. . . . .

гі҃. Ни мифрова моука праведнаѧ. . . . . ни осиридово драньѥ другаѧ напасть. . . .

инцамъ. переже пероуна бга йхъ. а преже того клали требы оупиремь й берегынамъ. по стѣмь крщенийи. пероуна ѿринуша. а по хх гх бга кшаса. нъ й мына по оукрайнамъ йхъ. молатса проклатомоу богоу йхъ пероуноу хърсоу. й мокоши. й киламъ. нъ то творать акы ѿтай. сего же не могоутса лишити. мауеніе къ поганьстве. дажс й доселѣ. проклатаго того ставленийи. вторыи трапезы родоу й рожаницамъ. на прѣльсть вѣрнымъ хртьяномъ. й на хоулоу стомоу крщению. й на гнѣвъ богоу по стѣмь крщенїи черекоу работни попоке оуставиша трепарь прикладати. ржтва бци. къ рожаницьнѣ трапезѣ ѿклады дѣюуе. таковнй нарицаютса карногоузьци а не раби бжьй. й недѣли дни й кланяютса написавше женоу. къ уклауьскъ ѿбразъ тварь. пакы же й се и еще єгюптане требы кладоуть. милоу. рѣцѣ. й ѿгневи. рекоуще. милъ плододавецъ бгъ. й раститель класомъ. а ѿгнь бгъ єгда съхне жито. тогда спорынию творить. того ради ѿканьнийи. полоудньє утоуть. й кланяются на полъдне ѿбративше. досюда бесѣда си бысть. досюдѣ могохъ написати. даже несоша мы крю гу. а мы высѣдше йсъ корабля. йдохомъ въ стоую гороу. нъ то баше велико слово нъ дотоудѣ написахъ.

дї. Ни єликожс мила утьян кудать плододаюца. ꙗко же хвала ї ти и доброкласна.

V.

(Изъ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Петербургской Духовной Академіи. № 12/1120)

Сло҃ ст҃го григорїа бг҃ослова. ѡбрѣтено в то҃ци его. о то҃ како первое поганїи ꙗзыци кланѧлисѧ идоло҃ и требы и приносили. х҃ и нн҃ѣ то творѧтъ мнозї.

Вн҃тели ока́нноую сию и скверноую слоуѣоу. ст҃воремоу ѿ скверны ꙗзыкъ. еллини ока́нніи. блѧдивыа жертвы. оученїе дїаволи ѡбрѣтено потворенїемъ темнаго вѣсл. и кощуна злы кладомы требы. злоѣрнїи мнѧще соуѣтоу истиною. слоуще и кланѧющесѧ идоло҃. нѣкое оухищренїе бѣсовское торѧще. мы си҃ чада ѿмещемсѧ нечтивы жертвъ. дневна слоунна и кладенїа требъ. христіскаго оучтлѧ ока́ннаго. и мамеда проклѧтаго срачїскаго жрца. еллинскїа любви. боубенїнаго плесканїа скѣрѣлнїи

ΛΟΓΟΣ ΙΖ'.

Εἰς τὰ ἅγια Φῶτα.

Γ'. Μή τις τοιαύτη κάθαρσις νομική καὶ σκιώδης, προσκαίροις ῥαντίσμασιν ὠφελοῦσα, καὶ σποδῷ δαμάλεως ῥαντίζουσα τοὺν κεκοινωμένους; μή τι τοιοῦτο μυσταγωγοῦσιν Ἕλληνες; ὧν λῆρος ἐμοὶ πᾶσα τελετὴ καὶ μυστήριον, δαιμόνων εὕρημα σκοτεινὸν, καὶ διανοίας ἀνάπλασμα κανοδαίμονος, χρόνῳ βοηθούμενον, καὶ μύθῳ κλεπτόμενον. Ἃ γὰρ ὡς ἀληθῆ προσκυνοῦσιν, ὡς μυθικὰ συγκαλύπτουσιν....

Δ'. Οὐ Διὸς ταῦτα γοναὶ καὶ κλοπαὶ, τοῦ Κρητῶν τυράννου, κἂν Ἕλληνες ἀπαρέσκωνται. οὐδὲ Κουρήτων ἠχοι, καὶ κρότοι, καὶ ὀρχήσεις ἔνοπλοι, Θεοῦ κλαίοντος ἠχὴν συγκαλύπτουσαι, ἵνα πατέρα λάθῃ μισότεκτον. —

звоуци. плѧсаніꙗ сатаниина. фрѧскіꙗ
глоумница. и гоусли моусикіꙗ. и
замара. иже вѣсѧтсѧ жроуще матери
небесовстѣи афроситѣ. и богини ко-
роуне и артемидѣ и проклятѣи
діѡмисіꙗ. стегноражению. и недоно-
шеныи породъ. и богомоужьнъ, и
фикѣйское безоумїе пїанственое почи-
таю ꙗко ба. и сьмелино требокла-
деніе громоу и молніꙗ и виламъ.
и ѥ вы идолъ билъ нарицаѥ. ѥгоже
погуби даниилъ прокъ в вавилонѣ.
фаликациже ифаѧоули чтоу срамныꙗ
оуды и кланѧютсѧ и. и требы и
кладоуть. ѿ нижѥ писаніи болгаре
наоучїшесѧ. ѿ срамны оудъ истекшую
скверноу вкоушаютъ. рекоуще ꙗко
тѣ вкоушеніемь очищаютсѧ грѣсн.
тлеберскаꙗ дѣчорѣзаніа идоло. иже
ѿ первенець. лаконскаꙗ требищнаꙗ
кровь просажаема ранами. ею ма-
жоуть ѥкадню богиню. сию двоу
мѣнѧ. и мокошь чтоу и малакию.
и килоу велми почитаютъ, рекоуще
вѣакини. пелепово темное мѧготво-
реніе. имже насыщаꙗ идолы творѧ
и боги. ли триподы. дѣлическаго
борожа. ли кастальино запоиство.
и колѣбованіе и бошевнаꙗ пропо-
вѣдь. и наоузи сумраднїи и хал-
деискаꙗ остромонїꙗ. и родопочитаніꙗ.

οὐδὲ Φρυγῶν ἐκτομαί, καὶ αὐλοί,
καὶ Κορύβαντες, καὶ ὅσα περὶ
τὴν Ῥέαν ἄνθρωποι μαίνονται,
τελοῦντες τῇ μητρὶ τῶν θεῶν,
καὶ τελούμενοι, ὅσα τῇ μητρὶ
τῶν τοιούτων εἰκὸς οὐδὲ κόρη
τις ἡμῖν ἁρπάζεται, καὶ Δημή-
τηρ πλανᾶται.

Οὐδὲ Διονυσος ταῦτα καὶ μη-
ρὸς ὠδίνων ἀτελὲς κύημα, ὥσ-
περ ἄλλο τι κεφαλὴ πρότερον.
καὶ Θεὸς ἀνδρόγονος, καὶ χορὸς
μεθυόντων, καὶ στρατὸν ἔκλυ-
τος, καὶ Θηβαίων ἄνοια τοῦτον
τιμῶσα, καὶ Σεμέλης κεραυνὸς
προσκυνούμενος. Οὐδὲ Ἀφροδί-
της πορνικὰ μυστήρια, τῆς αἰσ-
χρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγουσι καὶ γεν-
νωμένης καὶ πρωμένης. Οὐδὲ
Φαλλοί τινες καὶ Ἰθυφαλλοι,
αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ
τοῖς πράγμασιν. οὐδὲ Ταύρων
ξενοκτονίαι, καὶ λακωνικῶν ἐφή-
βων ἐπιβώμιον αἷμα, ξαινομένων
ταῖς μάστιξι, καὶ τοῦτο μόνον
κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶ-
ται θεὰ, καὶ ταῦτα παρθένος.
Ὡι γὰρ αὐτοὶ καὶ μαλακίαν
ἐτίμησαν καὶ θρασύτητα ἐσε-
βάσθησαν.

Ἐ. Ποῦ δὲ θήσεις τὴν Πέ-

и фрачскыѧ сны, и чары и оустрача и къшь, ефрѣновы скверныа басни, и кощоуны. митрофа мѹка. нарицаемаа праведна. проклѧтаго осирида роженїе. мѹти бо его ражающи и оказисѧ. и того сотвориша богомъ. и требы емоу силны творѧхѹ оканнїи. ѿ тѣже дреколе избыкше халдѣи. начаша требы творити белики родоу и рожениця. по роженїю проклѧтаго и скверного ва осирида. того осирида скажеть книга грацискаѧ. ꙗко нелѣпы проходо пройде смердѧчи. того рад грацини мыютъ ходъ и болгаре и тѣркмени. и комли. ѿноудоу избыкоша еллини класти требы. родѹ и роница. таче египтѧне даже и до словенъ доиде. се словени начаша требы класти, родоу и рожениця, пре перѹна бога нихъ. и преже то требы клали оупире и берегиня. по стоѡже крщенїи пероуна ѡриноуша. а по хва бо ѧшесѧ. но и нѣ по оукраина молѧтсѧ емоу. проклѧтомоу богѹ перѹноу. херѹ мокоши. вило и то творѧ отаи. сего не могоут сѧ лишити. проклѧтаго ставленїа вторыа трапезы. наречныа родѹ и роницамъ. на белкоу прелесть вѣрны хрстїаномъ. и на хоулоу стмоу крщенїю

λοπος χρεουργίαν, πεινῶντας θεοὺς ἑστιῶσαν, καὶ φιλοξενίαν πικρὰν καὶ ἀπάνθρωπον; ποῦ δὲ Ἑκάτης τὰ φοβερὰ καὶ σκοτεινὰ φάσματα.... ἢ τρίποδος Δελφικοῦ σοφίσματα, ἢ Κασταλίας μαντικὸν πῦμα.

Τοῦτο μόνον οὐ μαντευσάμενα, τὴν ἑαυτῶν σιωπήν. οὐδὲ Μάγον θυτικὴ καὶ πρόγνωσις ἔντομος· καὶ Χαλδαίων ἀστρονομία καὶ γενεθλιαλογία, τῇ τῶν οὐρανίων κινήσει συμφέρουσα τά ἡμέτερα, τῶν μηδὲ ἑαυτοὺς ὅ τί ποτε εἰσίν, ἢ ἔσονται, γνῶναι δυναμένων. οὐδὲ Θρακῶν ὄργια ταῦτα, παρ' ὧν καὶ τὸ θρησκευειν, ὡς λόγος. οὐδὲ Ὀρφέως τελεταὶ καὶ μυστήρια.... οὐδὲ Μίθρον κόλασις ἔνδικος, κατὰ τῶν μνεῖσθαι τὰ τοιαῦτα ἀνεχομένων. οὐδὲ Ὀσίριδος σπαραγμοὶ, ἄλλη συμφορὰ τιμωμένη παρ' Αἰγυπτίοις.

и на гнѣвъ бо҃у. Пакы и еще и се египтѧне чтѣ и требы кладоу. нили рѣцѣ и огневи. рекоуще нилъ плододавець. и раститель класо. а огнь творѧ рекоуще. спорынѣ сущиега зрѣе. того ради оканнїи чтоу полоунїе и кланѧютсѧ на пнь обратившесѧ. Оеи повѣ велика е. мы лѣности рад мало написаво.

.... οὐδ' ὅσα τὸν Νεῖλον ταῖς τιμαῖς καθυβρίζουσι, τὸν καρποδότην, ὡς ἀνυμνοῦσιν αὐτοι καὶ εὔσταχυν, καὶ μετροῦντα τὴν εὐδαιμονίαν τοῖς πήχεσιν.

VI.

Слово отъ ст҃го евангелиѧ.

И пакы реуь г҃ь. Аще хощеши помолитисѧ о҃ю твоему въ таинѣ. И ощь твои вида та в таинѣ молѧщасѧ въздасть тобѣ ꙗвѣ предъ анѣгелы свои и предъ всеми ст҃ми. Утоже есть в таинѣ. Иже кто каетсѧ дш҃евныхъ грѣховъ и телесныхъ. И епитемью. дьржить. поститься не исхода не поста. до исхода дш҃а своеѧ. и мт҃ву ємлють. егда дш҃а не телеси исходити научѣть. Телесини бо грѣси инаци и дш҃евини инаци. такоже и постъ инакъ дш҃ьныи. а инакъ телесныи. телесныи бо грѣхъ телесьскы. а дш҃евныи дш҃ьскъ. Телесныи постъ постившеса таже [1] асти. а дш҃ьнаго поста николиже [2] престати. Но оли въ будущемь вѣче о҃поучиути. Телесниже суть грѣси. оубииства. блуди. чародѣиства. Потвори. волшьба [3]. наоужи [4]. идоло-

---

[1] да. [2] николи́же не. [3] [4] Этихъ словъ нѣтъ.

служение [1]. требы идоломъ бесомъ. по мьзде [2] лихоимание. еже есть всему злу [3] пиньство. и всего [4] нужно писати. А се дш҃ни грѣси. хула. злии помышлн. ереси. злопомнинание. зависть клевета ненависть [5]. прозорьство оумьние ѿъимание. неоупование еже къ бу҃. иновѣрье еже чюжю вѣру хвалити. и примѣшатися къ инои вѣрѣ [6] и лгати. не право глати. росокы дѣяти ѡблъгоѣати правыа и клатися. и нилго клатвы догонити и ротѣ водити. и къ инои вѣрѣ погамои [7] приступати. и по крнкѣмь прю дѣяти. и оучитися ѿстро-номии [8]. и вѣровати в метание [9]. и въ лживаа писания. и въ еллиньскыа книгы [10] въ баснотворьа. и въ оустрацю [11] и в мокошь [12]. и въ сносудець [13]. птицин чарове. Въ громникъ. и в коладникъ. и въ ясь мартолои проклятыи. и иже творятъ злы дни и часы. да будеть пьрсть [14] и нужа велика писати. Да тихъ грѣховъ не вси каются. ни за то епитемиа приимуть [15]. тѣмьже не вси спсутьса но избрании. Кое то суть избрании. Покорливии. послушливии. ти бо волю бж҃ю дѣють. а своихъ воль ѿтмѣтавшеся и бж҃ю дѣють. Ти суть рабы бж҃ии. Гь҃ бо рече иже суть дх҃мь [16] водими. то суть сн҃ове бж҃ии. Се же мало написахомъ. ѡ тѣлесныхъ грѣсѣхъ и ѡ дш҃евныхъ. нужа бо есть много писати да сами паки расъсмотрите.

---

[1] ѝдоломоленіе. [2] І потомъ великое злое. [3] ѝже є всему злоу ма҃. а дражаѧ матица всему злꙋ піньство. [4] всего того. [5] Этого слова нѣтъ. [6] ко ѝновѣрнꙋ [7] и́ к оно́й вѣ́ре ко́погамо́й. [8] ѡстроло́гы. [9] Ошибочно в̀ мсꙋтаніѧ̀. [10] кощѧ́ны и баснотворе́ніе. въ стрѣ́чю І ꙋе́х [11] Этого слова нѣтъ. [12] и́ въ сновидѣ́ніе и́ въ гро́мникъ и́ в коля́дникъ и́ въ пти́чь гра́й и́ ве́сь мартолои́ проклѧ́тый. [13] да бж҃дѧ проклати. [14] дръжатъ І пріемлю҃. [15] За тѣмъ прибавлено: бж҃ꙋмъ.

VII.

(По рукописи Новгородскаго Софійскаго собора, N 1262.)

Сло сѵтго оца нашего. Іѡ Златооустаго. Архиеппа Костантина града. О томь како пьрвое погании вѣровали въ идолы. И требы имъ клали. И имена имъ нарекали. Аже и нынѣ мнози тако творать. И въ крьтьаньстве. Суще. А не вѣдають что есть крьтьаньство.

Аплъ Павелъ рѣ имьже разумѣкше бā. а не акы гā прославися. и похвалиша и истощиша к помышлѣхъ своихъ. и ѿтемне несмышленое срдце ихъ. и поутоша и служиша твари паче творца. сего ради предасть а бъ въ срти неутна. Жены бо ихъ все премениша. вѣщное требование не въ вѣщное. Такоже и мужи ихъ разгордевшеся. на блудъ похотеннемъ своимъ. Мужи с мужи студъ сдѣлающе. злаа дѣла твораще. Яко тако дѣюще достойни суть смрти. Не точию то творать сами. Но и волю дають творящимъ. тако рекше попоке дѣють. повинующеся имъ. и не хотаще ихъ поучити. Молчаниемь заградиша оуста своа. На пагубу малоумнымъ. угодиа имъ творать. чреву работають а не бōу. якоже и аплъ гāть. имже бъ чрово и слава. въ студѣ лица ихъ. Како станете оу пртла бнѧ дрождгами копающе и трасущеся аки камнъ. и гь рече. Горе вамъ вожевѣ слепии. яко ѡбходите море и землю. И творити и единого пришьлца сна дьбри ѡгнѣнѣи сугубѣиша васъ. Горе вамъ вожевѣ слѣпии. ни сами входите ко и хотящимъ внити не дасте. члвци забывше страха бнѧ небреженнемь и крщиа ѡвергоша. и приступиша къ идоломъ. и начаша жрести молнии и грому. и слнцю и луне. А другии перену. хоур-

тели изгыбели. и еще оумножитися имуть. Но блюдитеся яко дїье зли соуть. и время слуги си избирають. Но не поуюдися аще и пастуши колци боудуть. Къ єпїмъ бо и попо̑ кесѣдуа апл̑ъ пакелъ гаше. Яко ѿ самѣхъ васъ въстати имуть мужи гаще развращеная. тѣмже да не льстить васъ никтоже. изкиу имыи ѡбразъ англ̑ъи. А изнутрь диаволъскии. Тѣмже и гь гаше блюдитеся да никтоже васъ не прельстить. И азъ тоже гаю да никтоже васъ не прельстить. ни ѿ кнѣшнихъ ни ѿ оутрьнихъ. ни єпїпъ ни попъ. и ни дьяко̑ ни дьа̑. ни малгностанинъ [1] ни инъ. аще кто боудеть гаан развращенаа. Ниже приходать к вамъ въ ѡдѣжахъ ѡвцахъ. Изъ оутрнже суть колци грабители. иже имуть ѡбразъ благоутьа а силы и его ѿмѣщютса. да вы любимии не прельститеся. Но якоже и приасте га нашего іс̑ хса. к томьже и ходите и бъ мира да будеть с вами. амн̑ [2].

VIII.

(Изъ той же рукописи.)

Ѡло̑ стго оца̑ наше̑ іѡ̑ злаустаа̑.

Слышите оубо многи суть слытьемь кр̑тьии. А ѡбычаемъ и делы аны поганни невѣрнии. Навыкоша бо елиньскы дѣати. Ѡна̑ бо скоицаса прр̑тво. Како есте вѣрнии. Ѡбыкше кощюны и елиньскыа басни жидовьскыа. и оуродословьа и глумленне на оулицахъ. и на кесѣдахъ рада. Удары же и колхвованне и снове и кровнадение и даклесиниъ. Нина неподобная многа дѣюще. Како кр̑тьани есте аще си творите. и яко ст̑ыа таниы смѣете принимати. А горша будуще елинъ. Покыкосте бо поганьскаа дѣла творити. пласание плесканне. руку со-

---

[1] ни на агнѡсъ. [2] Амн̑ нѣтъ.

тоннину. пѣсни. пианьство. Блудна. гнѣвъ. зависть. и инда же нѣ хже ни гати ихъ здѣ. творяи бо сиа како кртьяни есте. А горее невѣрныхъ. Ѿ братие аще верни есте. то не смѣшаитеся с таво дѣющими. Апльъ бо павелъ в посланиихъ своихъ тако написа. съ тацеми ни ясти ни пити. да не прибѣщници имъ будете. Мнози бо суть оучаще злу. еще боле са оумножать. Но блюдитеся яко дньє зли суть. и врема слуги си избираеть. Но не чюдися аще и пастуши волци боудуть. Къ стаемъ бо апльъ павелъ глаше. Яко ѿ самѣхъ васъ будуть мечии на погыбель оучаще. И гь гла блюдитеся да никтоже ва да не прельстить не въследуите злымъ. Многи бо вѣрини творятся а не вѣдають что есть кртьянство. како есть въ вѣрѣ и въ законѣ взаконено. Но инжю оубо не оумыа токмо женстовы что и не разумны но и старыа. Ѿ инхже велми тужю. Егда на бесѣдахъ и на оулицахъ града. Инжю мужа ѿ седнинъ чтна. а зляа и неподобнаа вѣстующа. Или на позоры или въ пиръ дѣти съ собою влекуща. Ѿ верини како са на погыбель деете. Скверѣмо бо се и зло. Ѿць свои чада ведеть на зло дѣло. А кртьяномъ бы подобно закону бню свои дѣти оучити. а не пагубѣ. Аще же кто въспросить бесъстудныхъ тѣхъ стареуь. Како прови и апли пожили. и колико апльъ и прокъ. Не вѣдать оубо и не оумѣють ѻ томь что рещи. Аще ли ѻ конѣхъ или о птицахъ. Или ѻ иномъ ѿ чемь. То философи хитреци. Еще же и се гать. Въ глумлении нѣ греха. Ѿ чаѣче далъ ти бъ пожити врема. да емоу оугодиши и волю его створиши и правду дѣли. А ты же на пиньство и на блудню. и на кол зляа вдався. Яже в ненависти. бу. Ѿ верини како са погыбель дньмъ деете. Рветь бо к вамъ бъ. Почто в пустошь врема свое ижьжиша. Но чтение не вимаете сто. Но не се ли есть въ ва. Аще гдѣ чтение слово продолжать. то мнози аки оу некоего зла с мужею предъстоять. Або будеть на беседѣ града. или на оулици или на игрищи. то ту пребудете и дале. А будеть пити то и нощи не спать. пагубная дѣли. Како въ кртьяни есте. а се творяще. А горее погаиыхъ. Сотонино бо замышление. тои бо и позоры наоучилъ есть. смѣхотворца. и кощюньники. и игрьца. Да тыхъ злыми дѣлы и зрящаи ихъ погоубить. Како бо позорующаи не тоеже ли творять. Аще пустошникъ глумаса что изоруеть. Тогда сии боле насмѣються. Егоже бы дѣла злословнаго кощюньника бнюще ѿгнати. Но сии зряще чюдятся. ти оучаться злу. Другии же мѣзды игреемъ дають. Да тѣмъ болии ѻгнь на свою главоу вжагають. Но аще бы ни зрели ни дивиаиса имъ. То ѿставили бы тиї пустованиа. Но не токмо

дикатся зрящє. Но и слокеси ихъ изкыкли. Да егда зберутся к иру или иде гдѣ. То подобно бы крьтьяномъ гати было. Ю прьуьстве о оучении стыхъ. то сии в того мѣсто вѣщають. Се гать ѡнсии скоморохъ. Или ѡнъ игреуо. Да тѣмь многы собе пути готовать. Вѣдущѣ к муку вѣчную. Се бо нѣ крьтьяньско. Аще игръ и бесѣды дѣемъ. и кощюнъ и злы грѣхы смѣхы и блудъ творимъ. А неправды не ѡстанемся. И проучихъ злобъ. Но се есть тѣхъ дѣло иже диаволи суть оугодники. имже нѣ чаяниа жизни. но с бесы ѡсужени будуть в неугашимыи ѡгнь. богу же наше.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ V.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1863.

Дозволено цензурой. Москва. Октября 24 дня, 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

—

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стран.

Сравнительная миѳологія *Макса Мюллера*. Переводъ съ англійскаго *И. М. Живаго* 3

II. МАТЕРІЯЛЫ.

Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ Компаніи типографической. Сообщены *Д. И. Иловайскимъ*. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова* 3

Записка И. Г. Шварца объ отношеніяхъ къ нему И. И. Мелиссино 96

Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ Саввы Романова. 111

Плачь городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви. Сообщено *А. С. Павловымъ* . . . 149

Обличеніе на Никона патріарха, написанное для царя Алексѣя Михайловича. 153

III. СМѢСЬ.

Матеріялы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены *К. П. Побѣдоносцевымъ* 3

Элегія Ѳеофана Прокоповича и отвѣтъ на нее А. Д. Кантемира. 37

Раскольничья сатира прошлаго вѣка 42

Извѣстіе о профессорѣ Мельманѣ. Сообщено *Д. И. Иловайскимъ* 44

Два стихотворенія Марина. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 45

Опись библіотеки іеромонаха Евѳимія. Сообщена *А. Е. Викторовымъ* 50

стран.
Опись библіотеки графа Андрея Артамоновича Матвѣева и графини Матвѣевой 57
Духовные стихи раскольниковъ. Сообщены *А. С. Павловымъ*. 80
Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ *Ѳ. И. Буслаева*. . . 84
Повѣсти о мудрыхъ женахъ. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 86
Повѣсть о скверномъ бѣсѣ. Сообщена *А. С. Павловымъ*. . 89
Пять древнерусскихъ поученій. 90
Путешествіе инока Михаила во св. мѣста. Сообщено *А. С. Павловымъ* 103
Заговоръ отъ укушенія змѣи. Сообщенъ *П. И. Барсовымъ*. 105
Два раскольничьи стиха. Сообщены *Н. И. С-нымъ*. . . . 106
Нѣсколько народныхъ заговоровъ. 111
О напаствованіи протопопа Аввакума. 113
О заточеніи діякона Ѳеодора 117
Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣдева. *И. Е. Забѣлина* 120
Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени. *Н. И. С-на* 126
Замѣтка для исторіи Стоглава. *Н. С. Тихонравова* . . . 137
Слово о злыхъ женахъ 145

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИѲОЛОГІЯ.

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Изъ Oxford Essays, 1856.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. М. ЖИВАГО.

Федръ. Видишь ли ты этотъ высокій платанъ?

Сократъ. А что?

Федръ. Подъ нимъ есть и тѣнь съ умѣренной прохладой, есть и трава, чтобы сѣсть или прилечь, если захотимъ.

Сократъ. Такъ веди туда.

Федръ Скажи, Сократъ, не здѣсь ли гдѣ-то, на берегахъ Илисса, Оритія, какъ говорятъ, была похищена Бореемъ?

Сократъ. Да, говорятъ.

Федръ. Не съ этого ли именно мѣста? здѣсь, кажется, воды такъ чисты и прозрачны, и все такъ удобно для дѣвичьихъ игръ.

Сократъ. Нѣтъ, на двѣ или на три стадія ниже, тамъ, гдѣ переходъ къ храму Агры; тамъ еще гдѣ-то есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Я этого не зналъ; но скажи, Сократъ, ради Зевса, вѣришь ли ты въ истину этого сказанія?

Сократъ. Неудивительно было бы, если бы и я, заодно со всѣми мудрыми людьми, сталъ отвергать это сказаніе; тогда бы и я сталъ мудрствовать и говорить, что Оритію унесло порывомъ сѣвернаго вѣтра съ одной изъ близ лежащихъ скалъ, гдѣ она играла съ своей подругой Фармакеей; а потомъ, когда она такимъ образомъ погибла, стали говорить, что она была похищена Бореемъ отсюда или съ холма Ареса: потому что существуетъ еще другое сказаніе, будто похищеніе совершилось съ того холма, а не отсюда. Но, Федръ, хотя я и признаю всю заманчивость подобныхъ объясненій, я думаю однако, что они требуютъ человѣка съ особенной энергіей мысли и

способностью къ усиленному труду, и притомъ едва ли участь такого человѣка была бы завидна, потому уже, что, покончивъ съ этимъ миѳомъ, онъ бы долженъ былъ тѣмъ же самымъ путемъ возстановлять первоначальный смыслъ Иппокентавровъ, потомъ Химеры, а тамъ нахлынетъ цѣлый сонмъ всѣхъ этихъ Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необъяснимыхъ и по большей части нелѣпо-баснословныхъ существъ. Много нужно досуга тому, кто, не вѣря въ дѣйствительное бытіе всѣхъ этихъ существъ, захотѣлъ бы путемъ не очень тонкихъ умствованій, пріискать для каждаго изъ нихъ правдоподобное объясненіе. Что до меня касается, то у меня совсѣмъ нѣтъ на это времени; по, той причинѣ, другой, что до сихъ поръ я не успѣлъ еще, по изреченію дельфійскаго оракула, узнать самого себя: вотъ почему, мнѣ кажется, было бы странно, еслибы, не узнавъ прежде этого, я занялся за другое постороннее. Потому, устраняя отъ себя всѣ такіе вопросы, я слѣдую на этотъ счетъ общепринятымъ вѣрованіямъ, а самъ, какъ сейчасъ сказалъ, размышляю не объ этомъ, а о самомъ себѣ: что я такое? звѣрь ли какой, быть можетъ, сложнѣе и неукротимѣе самаго Тифона? или же существо болѣе кроткое и простое, которому природа назначила благородный и спокойный удѣлъ? Но, другъ, не это ли то самое дерево, къ которому лежалъ нашъ путь?

Федръ. То самое.

Это мѣсто изъ вступленія къ *Федру* Платона было не разъ приводимо для того, чтобы показать, какъ мудрѣйшій изъ Грековъ думалъ о раціоналистахъ своей эпохи. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ вездѣ и во всѣ времена, были люди, которые, утративъ вѣру въ чудесное и сверхъестественное, не имѣли достаточно нравственнаго мужества, чтобы безусловно отрицать то, вѣрить чему они не могли себя заставить, и потому старались найдти объясненіе, которымъ бы легенды, дошедшія по преданію и освященныя религіозными обрядами и авторитетомъ закона, примирялись съ требованіями разума и съ законами природы. Что Сократъ, хотя и самъ приговоренный къ смерти за невѣріе, имѣлъ не очень высокое мнѣніе о такихъ мыслителяхъ, что онъ считалъ ихъ объясненія нелѣпыми и невѣроятными болѣе самыхъ невѣроятныхъ вымысловъ греческой миѳологіи, и даже въ извѣстную пору своей жизни смотрѣлъ на эти попытки истолкованія миѳовъ, какъ на профанацію святыни — это ясно какъ изъ приведеннаго отрывка, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ, встрѣчающихся у Ксенофонта и у самого Платона. Но когда Гротъ въ своей классической „Исторіи Греціи“ пользуется этимъ мѣстомъ и другими сходнаго содержа-

нія, какъ бы для того, чтобы приравнять Сократа къ историкамъ и критикамъ нашего времени, когда онъ свидѣтельствомъ Сократа хочетъ доказать всю безполезность „доискиваться въ миѳахъ греческаго міра небывалой въ нихъ реальной, истинной основы;“ то нѣтъ сомнѣнія, что знаменитый историкъ хочетъ видѣть въ словахъ греческаго философа болѣе того, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Цѣль, которую мы имѣемъ при изученіи миѳовъ какъ Грековъ, такъ и всякаго другаго народа древняго міра, такъ далека отъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Сократъ, что едва ли сказанное имъ въ укоръ современнымъ ему аѳинскимъ раціоналистамъ можетъ быть примѣнено къ намъ. Напротивъ, мы думаемъ, можно доказать, что съ нашей точки зрѣнія изученіе миѳовъ составляетъ часть той самой задачи, въ разрѣшеніи которой Сократъ полагалъ единственную достойную цѣль философіи. Ибо что̀ въ настоящее время заставляетъ насъ задавать себѣ вопросъ о происхожденіи греческихъ миѳовъ? Зачѣмъ люди изучаютъ древнюю исторію, мертвые языки, зачѣмъ разбираютъ загадочныя надписи? Что заставляетъ ученыхъ интересоваться литературными памятниками не только Греціи и Рима, но и древней Индіи, Персіи, Египта и Вавилона? Отчего младенческія и часто весьма неизящныя преданія дикихъ племенъ привлекаютъ вниманіе ученаго и занимаютъ его мысль? Развѣ мало было говорено, что въ одномъ номерѣ Теймса болѣе мудрости, чѣмъ въ цѣломъ Ѳукидидѣ? Развѣ романы Вальтеръ-Скотта не занимательнѣе Аполлодора? И сочиненія Бэкона не поучительнѣе ли космогоніи индійскихъ Пуранъ? Что же даетъ жизнь изученію древняго міра? Что же въ нашъ дѣловой, практическій вѣкъ заставляетъ людей жертвовать своимъ досугомъ для занятій, которыя, повидимому, такъ непривлекательны и безполезны,—что иное, какъ не убѣжденіе, что, если мы, по совѣту дельфійскаго оракула, хотимъ узнать, что такое человѣкъ *есть*, мы должны напередъ узнать, *чѣмъ онъ былъ?* Отъ такого воззрѣнія Сократъ былъ такъ же далекъ, какъ и отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, съ помощію которыхъ люди подобные Колумбу, Леонардо-да-Винчи, Копернику, Кеплеру, Бэкону и Галилею, возродили и утвердили умственную жизнь новой Европы. Соглашаясь вмѣстѣ съ Сократомъ, что главная цѣль философіи есть самопознаніе, мы едва ли можемъ признать средства, предлагаемыя Сократомъ для достиженія этого познанія, вполнѣ соотвѣтствующими столь возвышенной цѣли. Сократъ видѣлъ въ человѣкѣ по преимуществу инди-

видуумъ, человѣческую душу саму по себѣ (an sich), не принимая въ соображеніе того, что каждый человѣкъ есть отдѣльное проявленіе одной общей силы, или, какъ бы выразился Сократъ, единой идеи, которая осуществляется въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ душъ. Сократъ пытается разгадать тайну человѣческой природы, постоянно углубляясь въ собственный духъ, наблюдая таинственныя движенія души, анализируя познавательныя способности, стараясь опредѣлить точныя границы, въ которыхъ совершается дѣятельность каждой изъ нихъ: такимъ путемъ окончательный выводъ, къ которому философія приводила Сократа, былъ тотъ, что онъ знаетъ только, что ничего не знаетъ. Для насъ человѣкъ уже не есть болѣе это изолированное, законченное и находящее удовлетвореніе въ самомъ себѣ существо; для насъ человѣкъ — братъ въ семьѣ братьевъ, членъ цѣлой расы и потому можетъ быть постигнутъ только въ совокупности всѣхъ ему подобныхъ. Для древнихъ самая земля наша была загадкой, потому что они видѣли въ ней нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто, не имѣющее ничего подобнаго себѣ во всемъ мірозданіи; но эта самая земля получила настоящее и новое значеніе, какъ скоро человѣкъ научился видѣть въ ней одну изъ множества планетъ, которыя всѣ управляются общими законами и обращаются вокругъ одного общаго центра. То же самое и относительно духовной природы человѣка: она представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознавать и чувствовать себя членомъ единой великой семьи — какъ бы одну изъ миріадъ подвижныхъ звѣздъ, которыя всѣ повинуются однимъ общимъ законамъ, обращаются вокругъ одного общаго центра и заимствуютъ свѣтъ изъ одного общаго источника. Всемірная или, какъ ее обыкновенно называютъ, „всеобщая“ исторія проложила новые пути для мысли, обогативъ нашу рѣчь новымъ словомъ, котораго не произносили уста Сократа, Платона и Аристотеля. Это слово: человѣчество. Гдѣ Грекъ видѣлъ варваровъ, мы видимъ братьевъ; гдѣ Грекъ видѣлъ героевъ и полубоговъ, мы видимъ родичей и предковъ; гдѣ Грекъ видѣлъ отдѣльныя народности (ἐθνή), тамъ мы видимъ одно человѣчество, которое живетъ, борется и страдаетъ, разлученное океанами, раздѣленное языкомъ и народными распрями, но тѣмъ не менѣе неуклонно, подъ Божественнымъ верховодствомъ, стремящееся къ осуществленію тѣхъ неисповѣ-

[illegible] для которыхъ созданъ міръ и среди [illegible] человѣкъ, носящій на себѣ образъ и подобіе божіе. Потому что великая книга исторіи, съ ея листами, покрытыми пылью и плесенью вѣковъ, священна для насъ такъ же, какъ и книга природы. Мы читаемъ ея по крайней мѣрѣ пытаемся читать въ ней отраженіе вѣчныхъ законовъ. Какъ въ природѣ мы не признаемъ чудесныхъ дѣйствій демоническихъ силъ или присутствія какого начала, такъ и въ исторіи мы отвергаемъ безсмысленное стеченіе случайностей или произволъ какого рода. Мы убѣждены, что въ исторіи и въ природѣ нѣтъ ничего неразумнаго и что въ обѣихъ человѣкъ призванъ познавать и чтить проявленія Божественной Силы. Вотъ почему самыя ветхія и побѣлѣлыя страницы преданій такъ дороги намъ, быть можетъ, дороже наиболѣе обильныхъ содержаніемъ главъ въ исторіи новаго времени. Исторія этихъ отдаленныхъ вѣковъ и людей, столь чуждыхъ, по видимому, нашимъ современнымъ интересамъ, носитъ высокую прелесть при мысли, что она открываетъ намъ исторію нашего собственнаго рода, нашей родной семьи, скажемъ болѣе — исторію насъ самихъ. Такъ иной разъ, — когда намъ случится, заглянувъ въ ящикъ письменнаго стола, который мы не открывали въ теченіи многихъ лѣтъ, перечитать письма, которыхъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ не брали въ руки, — мы начинаемъ читать равнодушно, хотя узнаемъ свой собственный почеркъ, хотя и встрѣчаемъ имена, когда-то близкія нашему сердцу; однако трудно вѣрится намъ, что мы писали эти строки, мы чувствовали эти страданія, мы раздѣляли эти радости... Но вотъ мало по малу прошедшее какъ будто приближается къ намъ, мы сами какъ будто идемъ на встрѣчу этому прошедшему, сердце наше начинаетъ согрѣваться, и мы снова переживаемъ то, что чувствовали когда-то, давно, и вѣримъ, что эти письма дѣйствительно наши. Нѣчто подобное испытывается нами при чтеніи древней исторіи: сперва она кажется намъ какъ будто чуждой и странной; но чѣмъ пристальнѣе мы вчитываемся, тѣмъ болѣе увлекаемся, и исторія этихъ древнихъ, такъ давно отжившихъ поколѣній становится какъ бы исторіею нашего собственнаго прошедшаго — ихъ страданія нашими страданіями, ихъ радости нашими радостями. Безъ этого сочувствія къ прошедшему исторія — мертвая буква, и не жаль

было бы сдѣлать и забыть летопись; но, оживленная этимъ чувствомъ симпатіи, исторія становится дорога не только для археолога, но и для всякаго живаго человѣка. Мы видимъ себя на сценѣ, на которой до нашего появленія уже сыграно нѣсколько дѣйствій, и на которой мы въ свою очередь призваны играть. Чтобы узнать эту доставшуюся на нашу долю роль, мы должны предварительно познакомиться съ тѣми, кого намъ суждено замѣнить на сценѣ исторіи. Мы видимъ, что одна общая идея должна проходить чрезъ всю великую драму человѣчества. Потому естественно оглянуться назадъ, на тѣ явленія, на которыя уже опустилась завѣса прошедшаго. Тутъ приходитъ на помощь историческая наука и вручаетъ намъ путеводную нить, соединяющую прошедшее съ настоящимъ. Многія явленія прошедшаго исчезли безвозвратно, и самыя любопытныя изъ нихъ, тѣ, которыми открывается младенчество человѣческаго рода, извѣстны намъ только въ скудныхъ обломкахъ. Вотъ почему, когда археологу удается открыть какой-нибудь новый остатокъ этой отдаленной поры, онъ хватается за него съ жадностью біографа, которому нечаянно попались въ руки клочки, исписанныя его героемъ еще въ дѣтствѣ — когда онъ былъ еще вполнѣ самимъ собою, когда жизнь еще не успѣла наложить на его челѣ свою тѣнь. Вотъ отчего каждое слово, каждая строка на какомъ бы ни было языкѣ, такъ дороги намъ, если онѣ несутъ отпечатокъ ранняго дня человѣчества. Вотъ отчего мы такъ тщательно собираемъ въ нашихъ музеяхъ безцѣнныя игрушки, занимавшія младенчество нашего рода, стараемся въ ихъ колоссальныхъ чертахъ угадать тѣ думы, символомъ которыхъ онѣ нѣкогда служили. Многое до сихъ поръ остается необъясненнымъ и іероглифическій языкъ древности только вполовину выдаетъ первоначальныя безсознательныя стремленія человѣческаго духа. Не смотря на то, подъ какимъ то ни бомъ мы ни встрѣчали человѣка, мы убѣждаемся болѣе и болѣе, что испони его нравственный образъ былъ благороденъ и свѣтелъ; самыя его ошибки и сновидѣнія получаютъ смыслъ въ нашихъ глазахъ. На всемъ пространствѣ, на какомъ мы можемъ прослѣдить путь человѣчества въ глубину прошедшаго, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ исторіи, мы видимъ, что божественный лучъ разума былъ искони присущъ человѣку,

и въ настоящее время невозможно болѣе мысль, что человѣчество, для того, чтобы достигнуть своей настоящей высоты, должно было медленно и постепенно подниматься изъ состоянія грубой животности. Языкъ, первое созданіе творческаго духа человѣка, не только превосходящее древностью самые раннія памятники письменности, но предшествующее даже первый лепетъ преданія, составляетъ непрерывную цѣпь, которая тянется отъ перваго разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Мы говоримъ языкомъ, которымъ говорили первые родоначальники нашего племени, и этотъ языкъ съ его дивнымъ строеніемъ представляетъ неопровержимое свидѣтельство противъ такой грубой клеветы. Происхожденіе языка, образованіе корней, постепенное опредѣленіе значенія словъ, систематическая выработка грамматическихъ формъ, весь этотъ процессъ, который мы еще можемъ прослѣдить подъ поверхностью нашего слова, свидѣтельствуютъ, что въ человѣкѣ искони жила и дѣйствовала разумная душа: по достоинству творенія мы судимъ о самомъ художникѣ.

Періодъ, въ продолженіе котораго, такъ сказать, отчеканивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни — періодъ, къ которому должны быть отнесены первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной, (еще незапечатлѣвшей народныя и индивидуальныя особенности, но уже заключавшей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и семитическихъ формъ языка): — это есть первый періодъ въ исторіи человѣчества, первый по крайней мѣрѣ, до котораго можетъ проникнуть самый зоркій глазъ антикварія и философа — мы назовемъ его періодомъ образованія словъ (thematic period).

За этимъ періодомъ необходимо предположить второй, въ теченіе котораго по крайней мѣрѣ двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ семитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохранили въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаетъ невозможной или по крайней мѣрѣ зна-

чительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики. Потому въ туранскихъ языкахъ, разсѣянныхъ отъ Китая до Пиренеи, отъ мыса Коморина чрезъ кавказскія горы до Лапландіи, мы не находимъ этого семейнаго родства, на основаніи котораго мы признаемъ языки нѣмецкій, славянскій, кельтскій, италійскій, греческій, иранскій и индусскій съ одной, и языки: арабскій, арамейскій и еврейскій съ другой стороны— за видоизмѣненія двухъ главныхъ основныхъ формъ языка, въ которыхъ очень рано и подъ вліяніемъ чисто-политическихъ, если даже не индивидуальныхъ личныхъ условій, колеблющіеся грамматическіе элементы установились и приняли характеръ амальгамы вмѣсто прежней агглютинаціи. Этотъ второй періодъ можно назвать періодомъ образованія діалектовъ, нарѣчій (dialectical period).

После этихъ двухъ періодовъ, но еще до появленія первыхъ памятниковъ народной литературы, идетъ еще періодъ, вездѣ ознаменованный одними общими характеристическими чертами: этотъ періодъ называютъ миѳологическимъ или періодомъ происхожденія миѳовъ. Этотъ періодъ, который всего труднѣе объяснить себѣ въ исторіи человѣчества, всего болѣе способенъ потрясти вѣру въ правильный прогрессъ человѣческаго разума.

Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о происхожденіи языка, о постепенномъ образованіи грамматики, о неизбѣжномъ раздѣленіи языковъ и нарѣчій. Мы можемъ объяснить себѣ первоначальное происхожденіе политическихъ обществъ, установленіе законовъ и обычаевъ, происхожденіе религіи и поэзіи. Но между этими двумя періодами лежитъ бездна, наполнить которую, кажется, не въ состояніи никакая философія. Этотъ періодъ называютъ миѳическимъ, и мы не можемъ привыкнуть къ мысли, что напримѣръ тѣмъ Грекамъ, какихъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера,—Грекамъ, такъ много успѣвшимъ въ изящныхъ искусствахъ, уже знакомымъ съ тѣми удобствами жизни, какія мы находимъ напримѣръ въ дворцахъ Алкиноя и Менелая, съ народными собраніями и гражданскимъ краснорѣчіемъ, съ зрѣлой мудростью Нестора и предпріимчивой хитростью Одиссея, съ такими идеалами женственной прелести, какъ Елена и Навсикая,—могло предшествовать поколѣніе людей,

находившихъ удовольствіе въ изобрѣтеніи нелѣпыхъ басень о богахъ и другихъ невѣроятныхъ существахъ, — поколѣніе людей, на могилѣ которыхъ эпиграмма о Биттонѣ и Фаэнидѣ была бы самой умѣстной надписью, какую бы только могъ начертать историкъ. Хотя бы позднѣйшіе поэты могли нѣкоторымъ изъ этихъ басень придать прелесть поэзіи и заставить насъ видѣть въ нихъ не болѣе какъ вымыслъ творческой фантазіи, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что, взятые сами по себѣ, въ своемъ буквальномъ значеніи, эти древніе миѳы оказываются большею частію крайне нелѣпыми и очень часто находятся въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми основными началами разума, религіи и нравственности, которыя признавались Греками уже въ самую раннюю пору, какъ только они появляются на зарѣ миѳическаго періода исторіи. Кѣмъ же изобрѣтены эти сказанія, сказанія — замѣтимъ это разъ навсегда — отмѣченныя общими чертами и по формѣ и по характеру вездѣ, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали — на индусской, персидской, греческой, римской, славянской или германской почвѣ? Неужели можно допустить въ исторіи человѣчества періодъ временнаго умопомѣшательства и притомъ такого, которое представляется въ тѣхъ же самыхъ существенныхъ чертахъ на югѣ Индіи и на отдаленномъ сѣверѣ Исландіи? Какъ повѣрить, чтобы народъ, изъ котораго уже въ періодъ младенчества мысли вышли такіе люди, какъ Ѳалесъ, Гераклитъ, Пиѳагоръ, едва за нѣсколько столѣтій до этихъ философовъ состоялъ изъ празднословныхъ мечтателей? Если даже взять только тотъ отдѣлъ миѳологіи, который относится собственно къ религіи, въ нашемъ смыслѣ этого слова, если взять напримѣръ миѳы, связанные съ высшими проблеммами философіи, каковы происхожденіе міра, отношеніе человѣка къ Божеству, жизнь и смерть, добро и зло — миѳы вообще позднѣйшаго происхожденія; то увидимъ, что даже эта малая доля, въ которой бы можно было предположить нѣсколько здравыхъ понятій, нѣсколько чистыхъ и возвышенныхъ идей, даже эта доля оказывается недостойною поколѣній, которыя были предками гомерическихъ пѣвцовъ или іонійскихъ философовъ. Читая, какъ говоритъ о божествѣ свинопасъ Эвмей, быть можетъ, непосвященный во всѣ подробности многосложной системы олимпійской миѳологіи, мы чувствуемъ,

что такъ могъ бы говорить каждый изъ насъ, „вкусивъ“ говорятъ онъ Одиссею „и насладясь тѣмъ, что предложено; Богъ одно даетъ, другаго лишаетъ, какъ ему угодно, ибо все въ его власти“ [1]). Таковы, можно думать, были понятія простыхъ людей и во времена Гомера — понятія чистыя и возвышенныя, въ сравненіи съ тѣмъ, что долгое время считалось однимъ изъ самыхъ величавыхъ образовъ греческой миѳологіи. Я разумѣю то мѣсто Иліады, гдѣ Зевсъ, чтобы въ полномъ блескѣ изобразить свое всемогущество, обращаясь къ остальнымъ богамъ и богинямъ, говоритъ:

Или дерзайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:
Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились.

Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе сказанія о томъ, какъ Девкаліонъ и Пирра сотворили родъ человѣческій, кидая за себя камни (миѳъ, своимъ происхожденіемъ обязанный единственно смѣшенію двухъ понятій: λάος — народъ и λᾶας — камень); между тѣмъ съ другой стороны трудно вообразить для язычниковъ болѣе глубокомысленное представленіе объ отношеніи человѣка къ божеству, какъ то, которое выражено въ изреченіи Гераклита: „люди — смертные боги, боги — безсмертные люди“.

Вспомнимъ о времени, которое произвело на свѣтъ Ликурга и Солона, которое основало ареопагъ и олимпійскія игры: какъ согласить съ этимъ, что за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ высшія представленія Грековъ о божествѣ нашли выраженіе въ миѳѣ о томъ, какъ Кронъ изуродовалъ Урана, или пожиралъ своихъ собственныхъ дѣтей, проглотилъ камень, подсунутый ему Реей и наконецъ живьемъ извергнулъ свое собственное, поглощенное имъ потомство?!

---

[1]) Od. X. 443.

Ἔσθιε, δαίμονιε ξείνων, καὶ πέρπεο τοῖσδε
Οἷα πάρεστι; θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει τὸ δ' ἐάσει,
Ὅσσ' κεν ὁ θυμῷ ἐθέλῃ· δύναται γὰρ ἅπαντα.

Безобразнѣе и отвратительнѣе этого едва ли найдется что-нибудь даже у племенъ Африки и Америки, находящихся на самой низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія! Утверждать съ Гротомъ, что вся эта миѳологія „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“, значитъ сознательно отвращать глаза отъ затрудненій, которыя глядятъ намъ въ лицо. Видѣть въ этихъ миѳахъ язычества непонятые и искаженные отрывки дарованнаго нѣкогда цѣлому человѣчеству божественнаго откровенія — кажется намъ богохульствомъ, хотя такой взглядъ можно очень часто встрѣтить въ теологическихъ сочиненіяхъ. Эти миѳы созданы человѣкомъ въ извѣстный періодъ его исторіи. Была эпоха, которая произвела на свѣтъ эти миѳы, эпоха, составляющая переходъ отъ *періода діалектическаго*, въ которомъ совершался процессъ постепеннаго раздѣленія человѣчества на различные народы и языки, къ „*періоду народностей*“, который представляетъ намъ самыя раннія черты народности въ языкѣ и литературѣ Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Итальянцевъ и Германцевъ.

Фактъ на лицо и мы должны или объяснить его или допустить въ исторіи человѣческаго духа, внезапные переворотъ подобные тѣмъ, которые участвовали въ образованіи земной коры—перевороты, нарушавшіе правильную постепенность въ развитіи человѣчества и производившіе въ его духовной жизни судорожные перерывы и колебанія.

Мы много выиграемъ, если, не прибѣгая къ такой насильственной теоріи, будемъ въ состояніи объяснить происхожденіе миѳовъ путемъ болѣе естественнымъ. Распространеніе и существованіе миѳовъ въ позднѣйшее время, хотя во многихъ отношеніяхъ странное, объясняется гораздо легче. Человѣку врождено уваженіе къ прошедшему; благоговѣніе къ религіознымъ преданіямъ въ человѣкѣ взрослымъ исходитъ изъ того же самаго естественнаго источника, изъ какого въ ребенкѣ почтеніе къ родителямъ. Какъ бы ни казались странными, дикими, иногда даже безнравственными или нелѣпыми преданія старины, тѣмъ не менѣе каждое новое поколѣніе принимаетъ ихъ снова, только измѣняя и приспособляя ихъ къ степени своего развитія, на столько, что они могутъ продолжать свое существованіе и даже, въ этомъ измѣненномъ видѣ, получаютъ болѣе чистый и

глубокій смыслъ. Найдется много природныхъ Индусовъ, которыя не смотря на основательное знакомство съ европейской наукой и съ началами чистаго естественнаго богопознанія, продолжаютъ однако преклонять колѣна предъ изображеніями Вишну и Шивы. Они знаютъ, что эти изображенія бездушный камень; они не скрываютъ, что ихъ нравственное чувство возмущается противъ всего нечистаго, что приписывается ихъ богамъ тѣми самыми книгами, которыя они привыкли называть своимъ священнымъ писаніемъ; между тѣмъ есть честные брамины, совершенно искренне готовые утверждать, что въ этихъ сказаніяхъ заключается болѣе глубокое значеніе; что такъ какъ ничто безнравственное несогласимо съ понятіемъ о божествѣ, то въ этихъ освященныхъ временемъ сказаніяхъ *необходимо* предположить сокровенный таинственный смыслъ, въ который можетъ проникнуть духъ, благоговѣйно испытующій. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ увѣнчивалась успѣхомъ, когда чистое христіанское ученіе одерживало побѣду надъ сердцемъ язычника и дѣлало для него невыносимыми нелѣпыя бредни Пуранъ, даже тогда вѣра дѣтства продолжаетъ въ обращенномъ таиться, въ глубинѣ его души, и при случаѣ, въ минуту увлеченія, всплываетъ на поверхность, подобно тѣмъ миѳамъ языческой древности, которые закрались въ священныя легенды римской церкви [1]. Въ древней исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, что нѣкоторыя изъ греческихъ сказаній о богахъ смущали самихъ Грековъ, но такъ какъ даже въ наше время вѣра большей части людей основана не на сознаніи, а на авторитетѣ другихъ, то намъ становится понятно, отъ чего даже люди подобные Сократу, не охотно разставались съ вѣрою въ то, чему вѣрили ихъ отцы. По мѣрѣ того, какъ ихъ представленія о божествѣ очищались, они чувствовали, что идеалъ совершенства, нераздѣльный съ представленіемъ о высшемъ существѣ, исключаетъ возможность боговъ безнравственныхъ. Пиндаръ, какъ указалъ Отфридъ Мюллеръ [2], измѣняетъ многіе

[1]) См. введеніе къ Deutsche Mythologie Гримма.

[2]) См. превосходное сочиненіе Отфр. Мюллера Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie 1825, стр. 87.

миѳы, которые, какъ не соотвѣтствующіе его собственнымъ, болѣе чистымъ представленіямъ о нравственномъ достоинствѣ боговъ и героевъ, по его мнѣнію, непремѣнно *должны* быть ложны. Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Платонъ, разбирая различные варіанты миѳа объ Эротѣ, а въ „Пирѣ" мы видимъ, что каждый изъ собесѣдниковъ признаетъ истиннымъ единственно то сказаніе объ Эротѣ, которое всего болѣе подходитъ къ его собственнымъ представленіямъ о существѣ этого бога: такъ Федръ называетъ его древнѣйшимъ, Агатонъ напротивъ младшимъ изъ боговъ, и между тѣмъ оба ссылаются на авторитетъ древняго сказанія [1]). Такъ люди, имѣвшіе самое ясное понятіе о всемогуществѣ и вездѣсущіи верховнаго божества, какое только можетъ открыть естественная религія, не переставали называть его Зевсомъ, забывая въ немъ развратнаго волокиту и отцеубійцу.

Ζεὺς ἀρχή, Ζεὺς μέσσα, Διός δ' ἐκ πάντα τέτυκται

„Зевсъ начало, Зевсъ средина, отъ Зевса все произошло"— изреченіе орфическое, но весьма древнее, если, какъ полагаетъ Гротъ, намекъ на него встрѣчается еще у Платона [2]). Поэты въ минуты истинно-молитвеннаго настроенія, когда въ сердцѣ чувствовалась потребность въ божественной помощи, обращались къ Зевсу, забывая, что этотъ самый Зевсъ былъ нѣкогда побѣжденъ Титаномъ и своимъ освобожденіемъ обязанъ помощи Гермеса [3]). Такъ Эсхилъ говоритъ: „Кто бы ни былъ Зевсъ, этимъ именемъ я призываю его, если только угодно ему, когда его зовутъ этимъ именемъ! Взвѣсивъ все, никого я съ Зевсомъ не могу поставить наравнѣ (т. е. я не знаю никого, къ кому бы можно было прибѣгнуть съ такимъ успѣхомъ), когда заботъ напрасныхъ бремя съ души желаешь скинуть" [4]).

---

[1]) Symp. 178. C. οὕτως πολλαχόθεν ὁμολογεῖται ὁ Ἔρως ἐν τοῖς πρεσβυτάτοις εἶναι. πρεσβύτατος δὲ ὢν μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἴτιός ἐστιν. 195 A. ἔστι δὲ κάλλιστος ὢν τοιόσδε. πρῶτον μὲν νεώτατος θεῶν, ὦ Φαῖδρε.

[2]) Lobeck, Aglaoph. p. 523.

Ζεὺς κεφαλή, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυκται.

См. Преллера греч. миѳолог. 1854, стр. 99.

[3]) Apollod. I, 6, 3. Grote, H. G. p. 4.

[4]) Предлагаемъ подлинный текстъ, такъ какъ онъ переводится столь различно:

Нѣтъ, не въ сохраненіи этихъ миѳическихъ именъ, не въ долговѣчной жизни этихъ вымысловъ, не въ томъ, что они удовлетворяли религіознымъ, поэтическимъ и нравственнымъ потребностямъ цѣлаго ряда поколѣній, заключается трудность объясненія миѳовъ. Прошедшее имѣетъ свое обаяніе; а преданіе встрѣчаетъ могущественнаго союзника въ языкѣ. Мы до сихъ поръ говоримъ, что солнце *восходитъ* и *заходитъ*, *встаетъ* и *садится*, говоримъ о громовыхъ *стрѣлахъ* и т. п., потому только, что эти выраженія освящены употребленіемъ въ языкѣ. Мы употребляемъ ихъ, хотя и не вѣримъ въ ихъ буквальное значеніе. Весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ въ духѣ человѣка могли родиться такіе вымыслы, какъ возникли эти имена и представленія, и до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить этого вопроса, мы должны отказаться, какъ отъ ложной теоріи, отъ вѣры въ правильное и послѣдовательное развитіе человѣческаго разума всегда и вездѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы были въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ періодѣ, въ продолженіе коего еще нераздѣленные арійскіе народы, которыхъ мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, создавали свои религіозные миѳы. Если обратимъ вниманіе на глубокій мракъ, который лежитъ на духѣ Грековъ въ самомъ началѣ ихъ политической и литературной исторіи, то мы можемъ отсюда сдѣлать заключеніе о дѣйствительномъ характерѣ того вѣка, который долженъ былъ предшествовать первому разсвѣту народной литературы въ Греціи. Отфридъ Мюллеръ [1]), хотя ему былъ неизвѣстенъ новый свѣтъ, который сравнительная филологія проливаетъ на этотъ первоначальный арійскій періодъ, говоритъ: „Миѳическій способъ представленія, превращающій всѣ существа въ личности, всѣ отношенія въ дѣйствія, заключаетъ въ себѣ такъ много особаго и отличнаго, что мы его происхожденіе и развитіе должны отнести къ осо-

---

«Ζεύς, ὅστις πότ' ἐστιν, εἰ τόδ' αὐ —
τῷ φίλον κεκλημένῳ,
τοῦτό νιν προσεννέπω.
οὐκ ἔχω προσεικάσαι,
πάντ' ἐπισταδμώμενος
πλὴν Διός, εἰ τὸ μάταν ἀπὸ φρεντίδος ἄχθος
χρὴ βαλεῖν ἐτητύμως.»

[1]) Prol. Myth. 78

бому періоду въ цивилизаціи каждаго народа". Съ тѣхъ поръ сравнительная филологія успѣла цѣлый этотъ періодъ сдѣлать доступнымъ достовѣрному историческому знанію. Она дала намъ въ руки такой телескопъ, съ помощію котораго тамъ, гдѣ прежде намъ видѣлись одни туманные облака, мы теперь открываемъ опредѣленные образы и очертанія; мало того она указала намъ какъ бы современные памятники—свидѣтели этой отдаленной, доисторической поры, открывъ намъ состояніе мысли, языка, религіи и цивилизаціи въ періодъ, когда санскритскій языкъ еще не былъ санскритскимъ, греческій греческимъ, но когда и тотъ и другой вмѣстѣ съ латинскимъ, германскимъ и другими арійскими языками составляли одинъ нераздѣльный языкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что языки французскій, италіянскій и испанскій составляли нѣкогда одинъ нераздѣльный языкъ латинскій.

Сказанное нами требуетъ краткаго объясненія. Если бы мы ничего не знали о существованіи латинскаго языка, если бы всѣ историческіе памятники, ранѣе XV столѣтія, были утрачены, если бы самое преданіе умолчало о существованіи римской имперіи: то одно простое сравненіе шести романскихъ нарѣчій между собою указало бы намъ, что нѣкогда долженъ былъ существовать языкъ, который былъ общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ нарѣчій; ибо только съ помощью такого предположенія могутъ быть объяснены явленія, представляемыя этими нарѣчіями. Взглянемъ для примѣра на спряженіе вспомогательнаго глагола. Мы находимъ слѣдующее:

	Итальян.	Валлашс.	Ретійс.	Испан.	Португ.	Французск.
я есмь	sono	sum(sunt)	sunt	soy	sou	suis
ты еси	sei	es	eis	eres	es	es
онъ есть	e	é (este)	ei	es	he	est
мы есмы	siamo	sùntemu	essen	somos	somos	sommes
вы есте	siete	sùnteti	esses	sois	sois	êtes (estes)
они суть	sono	sùnt	eân (sun)	son	são	sont

Самый бѣглый обзоръ этихъ формъ показываетъ во-первыхъ что всѣ они суть видоизмѣненія одного общаго типа; во-вторыхъ, что ни одну изъ этихъ формъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго бы можно было произвести всѣ остальныя. Къ этому можно прибавить въ третьихъ, что ни въ одномъ

изъ нарѣчій, которымъ принадлежатъ эти глагольныя формы, мы не находимъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ эти формы сложились. Элементы, изъ которыхъ образовалось напримѣръ французское: j'ai aimé, до сихъ поръ существуютъ во французскомъ языкѣ; то же самое можно сказать о такихъ грамматическихъ соединеніяхъ, какъ: j'aimerai, т. е. je-aimer-ai и т. п. Но переходъ отъ je suis къ tu es средствами одной только французской грамматики объяснить нельзя. Эти формы не могли, такъ сказать, возникнуть на французской почвѣ; онѣ были перенесены на нее, какъ останки періода болѣе древняго — онѣ должны были образоваться въ языкѣ, который существовалъ въ пору, когда еще не было ни одного изъ романскихъ нарѣчій. Въ этомъ случаѣ мы къ счастію опираемся не на одни умозрѣнія, но, зная латинскій глаголъ, можемъ доказать, что каждая изъ приведенныхъ нами формъ есть мѣстное видоизмѣненіе основной латинской формы, образовавшееся путемъ звуковыхъ искаженій и невѣрныхъ аналогій.

Возьмемъ новый рядъ примѣровъ:

	Санскр.	Литов.	Зенд.	Дорич.	Церк. слав.	Латин.	Готск.	Армянск.
я есмь	ásmi	esmi	ahmi	ἐμμι	ѥсмь	sum	im	em
ты еси	ási	essi	ahi	ἐσσὶ	ѥси	es	is	es
онъ есть	ásti	esti	asti	ἐστί	ѥсть	est	ist	ê
мы(двое)есмы	'svás	esva	. .	. . . .	ѥска	. .	siju	. . .
вы(двое)есте	'sthás	esta	stho?	ἐστόν	ѥста	. .	sijuts	. . .
они(двое)суть	'stás	(esti)	sto?	ἐστόν	ѥста	. .	. . .	. . .
мы есми	'smás	esmi	hmahi	ἐσμές	ѥсмы	sumus	sijum	emq
вы есте	'sthá	este	stha	ἐστέ	ѥсте	estis	sijudh	êq
они суть	sánti	(esti)	hĕnti	ἐντί	сѫть	sunt	sind	en.

Тщательный анализъ этихъ формъ приводитъ насъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ: а именно во 1-хъ, всѣ онѣ суть видоизмѣненія одного общаго типа; во 2-хъ, ни одну изъ нихъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальныя; въ 3-хъ, и въ этомъ случаѣ элементы, изъ которыхъ образовались эти глагольныя формы, не находятся ни въ одномъ изъ языковъ, которымъ эти формы принадлежатъ. Что санскритъ не можетъ быть признанъ за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные языки (какъ въ былое время думали нѣкоторые ученые): это ясно изъ того, что

греческій въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ болѣе первобытныя или, какъ принято говорить, болѣе органическія формы, чѣмъ санскритъ. Εσ-μές не можетъ быть произведено отъ санскритскаго smas, потому что smas утратило коренной звукъ *a*, уцѣлѣвшій въ греческомъ, ибо корень здѣсь as, mas окончаніе—мы. Равнымъ образомъ и греческій не можетъ быть признанъ за первоначальный языкъ, отъ котораго произошли другіе, ибо даже латинскій не можетъ быть названъ отраслью греческаго, на томъ основаніи, что языкъ Рима сохранилъ нѣкоторыя формы, которыя превосходятъ древностью соотвѣтствующія имъ формы греческаго языка; напримѣръ: sunt вм. ἐντί или ἐνσί. Здѣсь греческій языкъ совершенно утратилъ коренной слогъ, *as*, ибо ἐντί замѣняетъ ἐσεντι, между тѣмъ какъ латинскій, подобно санскриту, въ формѣ: sunt=santi, сохранилъ хотя коренной звукъ *s*.

Такимъ образомъ всѣ эти діалекты указываютъ на языкъ древнѣйшій, который былъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для романскихъ нарѣчій былъ языкъ латинскій, — съ тою только разницею, что въ тотъ отдаленный періодъ не было еще литературы, для того, чтобы сохранить намъ какіе-нибудь остатки этого праязыка, который угасъ, породивъ новѣйшіе арійскіе языки, каковы: санскритъ, зендъ, греческій, латинскій, готскій, славянскіе и кельтскій. Если признать и въ этомъ случаѣ вѣрность заключенія по наведенію, то языкъ этотъ былъ нѣкогда живымъ нарѣчіемъ, которымъ говорило въ Азіи небольшое племя или еще прежде небольшая семья, жившая подъ одной кровлей подобно тому, какъ и языкомъ Камоэнса, Сервантеса, Вольтера и Данта нѣкогда говорили немногочисленные поселяне, построившіе свои хижины на семи холмахъ у береговъ Тибра. Изъ сравненія двухъ приведенныхъ нами таблицъ оказывается, что между языкомъ Ведъ и нарѣчіемъ, которымъ теперь говоритъ литовскій рекрутъ въ Берлинѣ, гораздо больше сходства, чѣмъ между французскимъ и итальянскимъ. Теперь, когда Боппова „Сравнительная Грамматика“ доведена до надлежащей степени полноты, нельзя не убѣдиться, что всѣ существенныя формы грамматики успѣли вполнѣ выработаться и установиться прежде, чѣмъ совершилось первое раздѣленіе арійской семьи народовъ.

Но гораздо болѣе узнаемъ мы объ умственной жизни первобытной и еще нераздѣленной семьи арійскихъ народовъ, благодаря матеріаламъ, доставляемымъ намъ сравнительною филологіею; и здѣсь опять романскія нарѣчія укажутъ намъ путь къ архивамъ древнѣйшей эпохи арійскаго племени. Встрѣчая во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ слово подобное французскому pont, въ итальянскомъ ponte, въ испанскомъ puente, въ валлашскомъ pod, слово общее всѣмъ нарѣчіямъ, и, принимая въ соображеніе особыя измѣненія, которыя это слово испытало у различныхъ народовъ, мы въ правѣ сказать, что слово, обозначающее *мостъ* было извѣстно *до* раздѣленія этихъ языковъ, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что въ ту эпоху было уже извѣстно и самое искусство строить мосты. На этомъ же основаніи, даже ничего не зная о латинскомъ языкѣ и о Римѣ, мы могли бы утверждать, что по крайней мѣрѣ уже ранѣе X-го столѣтія книги, хлѣбъ, вино, дома, села, города, башни, ворота и т. п. были извѣстны тѣмъ народамъ, — какіе бы они впрочемъ ни были, — отъ которыхъ ведутъ свое начало новѣйшія нарѣчія южной Европы. Правда, мы не могли бы представить полной картины умственнаго состоянія римскаго народа, если бы пришлось строить его исторію при помощи такихъ скудныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе это дало бы намъ по крайней мѣрѣ возможность доказать, что такой народъ дѣйствительно существовалъ и, при отсутствіи всякихъ другихъ свѣдѣній, даже такія случайныя указанія были бы не безполезны. Но, съ полнымъ успѣхомъ пользуясь этимъ методомъ въ смыслѣ положительномъ, мы должны сознаться въ его неприложимости въ смыслѣ отрицательномъ. Изъ того, что каждое изъ романскихъ нарѣчій имѣетъ для нѣкоторыхъ предметовъ особое названіе, не повторяющееся въ другихъ, еще не слѣдуетъ, чтобы самые предметы не были извѣстны родоначальникамъ романскихъ племенъ. Бумага была извѣстна въ Римѣ, между тѣмъ поиталіянски она называется *carta*, а по-французски *papier*.

Такъ какъ мы ничего не знаемъ объ арійскомъ племени до его раздробленія на различныя народности: индѣйскую, германскую, греческую, римскую, славянскую, тевтонскую и кельтскую, то этотъ методъ извлекать исторію древнѣйшей эпохи изъ самаго языка получаетъ великую цѣну, вводя въ область

исторической дѣйствительности тотъ періодъ въ исторіи человѣческаго рода, самое существованіе котораго было подвержено сомнѣнію, — тотъ самый періодъ, въ которомъ хотѣли видѣть „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ". Мы не должны ожидать полной исторіи цивилизаціи, представляющей во всей подробности картину той эпохи, когда еще не существовалъ языкъ Гомера и Ведъ. Однако нѣкоторыя мелкія, но тѣмъ не менѣе многозначительныя черты свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что въ исторіи человѣческаго духа дѣйствительно былъ такой ранній періодъ, который по нѣкоторымъ соображеніямъ (объ этомъ рѣчь впереди) мы считаемъ тождественнымъ съ періодомъ *миѳопеическимъ* или періодомъ образованія миѳовъ.

	Санскр.	Зендъ	Греческ.	Латинск.	Готск.	Слав.	Ирландск.
отецъ	pitár	patar	πατήρ	pater	fadar	. . . .	athair
мать	mâtár	mâtar	μήτηρ	mater	. . . .	мати	mathair
братъ	bhrâtar	brâta	(φρατήρ)	frater	brôdhar	братъ	brathair
сестра	svásar	khanha	. . . . .	soror	svistar	сестра	siur
дочь	dubitar	dughdhar	θυγάτηρ	. . . .	dauhtar	дъштерь	dear

Тотъ фактъ, что названія *отца*, *матери*, *брата*, *сестры* и *дочери* одинаковы въ большей части арійскихъ нарѣчій, можетъ съ перваго раза показаться лишеннымъ всякаго значенія; между тѣмъ, эти названія очень важны. То обстоятельство, что названіе отца явилось уже въ эту раннюю пору, показываетъ, что отецъ сознавалъ свои права и обязанности въ отношеніи къ дѣтищу, рожденному его женой; признавалъ его своимъ, ибо только въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право на имя отца. Слова: pitár, patar, πατήρ и др. происходятъ отъ корня, который значитъ не *рождать*, но *охранять* и *питать*. Отецъ, въ значеніи *родителя*, имѣлъ въ санскритѣ другое названіе džanitar, называясь pitár въ смыслѣ покровителя и питателя своихъ дѣтей. Потому въ Ведахъ эти два названія употребляются вмѣстѣ, когда нужно выразить полную идею отца. Такъ поэтъ говоритъ (I, 164, 33):

Dyaús me pitâ' džanitâ' *)
Jovis mei pater genitor.
Ζεὺς ἐμοῦ πατὴρ γενετὴρ.

*) Въ транскрипціи санскритскихъ словъ мы, руководствуясь указаніями профес. П. Я. Петрова, отступили отъ Макса Мюллера въ передачѣ слѣдующихъ сан. буквъ: Мюллерово *k* у насъ передается посредствомъ *tsch* (русск. *ч*); *kh* посредствомъ tschh (рус чъ); *s*=sh (рус. *ш*); sh=sch (рус. *ш*); *g*=dž (рус. *дж*).

Точно также къ названію матери: mâtar присоединяется другое: džanitrî, genitrix, т. е. *родительница*. Это показываетъ, что слово mâtar скоро утратило свой первоначальный этимологическій смыслъ, ставъ выраженіемъ почтенія и нѣжности. У древнѣйшихъ аріевъ, mâtar имѣло значеніе *производительницы* отъ корня *Ma*—творить, и въ этомъ смыслѣ и съ тѣмъ же самымъ удареніемъ, какъ въ греческомъ: μήτηρ, слово mâtar, еще не принявшее болѣе опредѣленнаго женскаго аффикса, употребляется въ Ведахъ, въ мужской формѣ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: (Ригъ В. VIII, 41, 4): Sáh mâ' tâ pûrvyám padám, т. е. „Онъ, Варуна (Uranos), творецъ древняго мѣста".

Должно замѣтить, что mâtar, также какъ и pitar, есть только одно изъ многихъ названій, которыми можетъ быть выражена идея *отца* и *матери*. Если бы даже мы захотѣли ограничиться корнемъ *Pa* и приняли охраненіе дѣтей за самую характеристическую принадлежность *отца*, то могло бы быть,—и дѣйствительно есть,—много словъ, которыя одинаково могли бы выражать понятіе объ отцѣ. Въ санскритѣ понятіе о *покровитель* можетъ быть выражено корнемъ Pâ, въ соединеніи не съ однимъ только суффиксомъ *tar*, но и съ другими *суффиксами*, напр. *pâ-la*, *pâ-laka*, *pâ-yú*, три слова, которыя всѣ одинаково значатъ: *покровитель*. Это обстоятельство, что изъ многихъ возможныхъ формъ одна только эта вошла въ словари всѣхъ арійскихъ народовъ, доказываетъ существованіе въ языкѣ чего-то въ родѣ установившагося преданія задолго до раздѣленія арійской семьи. Кромѣ того были другіе корни, отъ которыхъ могло бы быть произведено названіе отца, какъ на примѣръ: *džan*, отъ котораго произошли слова: džanitar, genitor, γεννητήρ; или Tak, откуда греческое τοκεύς; или Par, откуда латинское parens, не говоря о многихъ другихъ названіяхъ, равно способныхъ выразить ту или другую особенно выдающуюся черту въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Если бы каждое изъ арійскихъ нарѣчій образовало свое особое названіе *отца* отъ одного изъ многихъ корней, принадлежащихъ всѣмъ арійскимъ нарѣчіямъ вообще, то изъ этого слѣдовало бы только, что между всѣми этими языками существовало коренное родственное сходство; но этимъ бы еще не доказывалось,—что гораздо важнѣе,—ихъ историческое общеніе или происхожденіе отъ одного языка, уже выработавшаго *опредѣленный самостоятельный характеръ*.

Не смотря на то, даже ограничиваясь этими наиболѣе необходимыми терминами зачинающейся цивилизаціи, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ арійскихъ нарѣчій утратили древнѣйшее выраженіе и замѣнили его новымъ. Обще-арійскихъ названій *брата* и *сестры* напримѣръ, нѣтъ въ греческомъ, гдѣ *братъ* и *сестра* называются: ἀδελφός и ἀδελφή. Было бы ошибочно заключать изъ этого, что въ то время, когда Греки покинули свою арійскую прародину, названія *брата* и *сестры* еще не успѣли выработаться Также нѣтъ причины предполагать, что Греки выселились первые, и если мы находимъ, что другія племена, какъ тевтонское или кельтское, не имѣвшія никакихъ соприкосновеній съ населеніемъ Индіи, послѣ того какъ совершилось первое раздѣленіе, имѣютъ однако для брата и сестры названія, общія съ санскритомъ: то можно быть увѣреннымъ, что это названіе существовало уже въ древнѣйшемъ арійскомъ языкѣ. Точно такъ же существованіе одного и того же слова въ валашскомъ и португальскомъ свидѣтельствовало бы объ его латинскомъ происхожденіи, не смотря на отсутствіе его въ остальныхъ романскихъ нарѣчіяхъ. Безъ сомнѣнія развитіе языка совершается по неизмѣннымъ законамъ, но въ тоже время вліяніе случая здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо области естественныхъ наукъ; и хотя въ этомъ случаѣ можно открыть законъ, отъ котораго зависитъ случайная утрата *) въ греческомъ древнѣйшихъ названій брата и сестры; но это бываетъ возможно не во всякомъ данномъ случаѣ, и мы часто видимъ, что въ томъ или другомъ изъ арійскихъ нарѣчій нѣтъ какого-либо выраженія, которое между тѣмъ на основаніи принятой нами теоріи мы имѣемъ полное право отнести къ древнѣйшему періоду арійскаго языка.

Взаимныя отношенія между братомъ и сестрою въ жизни опредѣлились уже въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ и были освящены названіями, которыя успѣли *совершенно установиться*, прежде чѣмъ семья Аріевъ распалась на отдѣльныя колоніи. Первоначально слово bhrâtar, кажется, значило: *носящій* или *помогающій*, svâsar—означало ту, которая *нравится* или *утѣшаетъ*, потому что Svasti въ санскритѣ значитъ: *радость* или *счастіе*. Слово duhitar опять одно изъ тѣхъ, которыя должны были установиться

*) См. Edinburgh Review, Oct. 1851, p. 320.

задолго до раздѣленія. Это — имя общее всѣмъ нарѣчіямъ, кромѣ латинскаго, и между тѣмъ только въ санскритѣ сохранилось сознаніе нарицательнаго значенія этого слова. Duhitar, какъ доказалъ профессоръ Лассенъ, происходитъ отъ корня Duh, который значитъ въ санскритскомъ *доить*. Быть можетъ, отсюда же происходитъ латинское duco и переходъ значенія тотъ же самый, какъ отъ trahere *нести* къ французскому traire, *доить*. Названіе дочери *доильницей* раскрываетъ предъ нашими глазами цѣлую идиллію изъ поэтической и пастушеской жизни древнихъ Аріевъ. Къ немногому, чѣмъ дочь до замужества могла быть полезна въ кочевомъ хозяйствѣ, относилось доеніе коровъ и если представить себѣ, что отецъ звалъ свою дочь duhitar чаще, нежели sutâ, т. е. *рожденная* или filia, т. е. *питающаяся грудью*, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть проблеска нѣжности и юмора, озаряющаго даже самое первобытное состояніе общества. Но это значеніе было вѣроятно забыто задолго до раздѣленія Аріевъ. Duhitar перестало быть ласкательнымъ эпитетомъ и сдѣлалось условнымъ терминомъ. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что многія другія слова образовались тѣмъ же самымъ путемъ и имѣли смыслъ только въ кочевомъ бытѣ. Но такъ какъ переходъ словъ отъ такого спеціальнаго значенія въ общіе термины, лишенные живаго этимологическаго смысла, можетъ показаться страннымъ; то мы представимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ основѣ самыхъ обыкновенныхъ и общеупотребительныхъ выраженій можно открыть, при помощи этимологическаго анализа, понятія изъ древней кочевой жизни арійскихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра англійское слово „peculiar". „Peculiar" теперь значитъ *отдѣльный*, *особый*, *чрезвычайный*, но первоначально имъ означалась *частная*, *личная* собственность въ противоположность *общей*; оно произведено отъ peculium. Латинское peculium замѣнило pecudium (какъ consilium вмѣсто considium) и будучи произведено отъ pecus, pecudis первоначально значило: рогатый скотъ. У народа земледѣльческаго рогатый скотъ составляетъ главный видъ личной собственности; отсюда понятно, какимъ образомъ слово peculiar, выражая первоначально понятіе о личной собственности, стало потомъ значить: *не общій*, и наконецъ въ нашей современной рѣчи получило значеніе: *необыкновенный*, *особый*. Едва ли нужно напоминать общеизвѣстное производство латинскаго pecunia, которое, происходя отъ того же

самаго слова pecu и потому означая стада, въ послѣдствіи получило значеніе *денегъ*, совершенно такъ же, какъ англо-саксонское feoh, нѣмецкое Vieh, т. е. *скотъ* (по производству Гримма, тождественное съ латинскимъ pecu), съ теченіемъ времени получило значеніе *денежной награды* (англійское fee). Явленія, совершающіяся во очію въ новѣйшихъ языкахъ, не должны удивлять насъ въ эпоху болѣе отдаленную. Быкъ и корова были самыми полезными животными изъ породы рогатаго скота, и, кажется, составляли у арійскихъ народовъ главное богатство и самыя важныя средства къ жизни. Быкъ и корова въ санскритѣ называются gô, множ. gâvas, то же самое что и древне-верхне-нѣмецкое chuo множ. chuowi, а съ перемѣной гортанной въ губную греческое βοῦς, βόες и латинское bôs — bôves. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ также сохранились слѣды этого древняго названія; напримѣръ: леттское gohws, славянское говадо, сербское говедар, т. е. *пастухъ*. Отъ βοῦς въ греческомъ происходитъ βουκόλος, что первоначально значило: *коровій пастухъ*, но въ глаголѣ βουκολέω понятіе объ уходѣ за коровами потерялось въ общемъ понятіи объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и даже стало употребляться въ переносномъ смыслѣ, какъ наприм. Ἐλπίσι βουκολοῦμαι, т. е. я питаюсь пустыми надеждами. Тоже самое слово прилагается къ лошадямъ и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слово ἱππο-βούκολος, т. е. собственно „коровій пастухъ лошадей", — выраженіе, которое можно сравнить развѣ съ санскритскимъ goyuga, что значитъ собственно *пара воловъ*, а употребляется для означенія всякой *пары* вообще, такъ что, желая сказать: *пара воловъ* прибавляютъ еще разъ go и такимъ образомъ составляется слово: go-go-youga. Такъ въ санскритѣ go-pa первоначально значило: *стадо коровъ*; но, скоро утративъ это спеціальное значеніе, стало употребляться въ значеніи *пастыря* и наконецъ подобно греческому: „ποιμὴν λαῶν, пастырь народовъ", въ значеніи *царя*. Отъ слова go-pa образовался новый глаголъ gopayati, въ которомъ не осталось и слѣдовъ его первоначальнаго значенія: глаголъ этотъ значитъ просто *покровительствовать*. Какъ gopa значило *стадо коровъ*, такъ go-tra въ санскритѣ первоначально значило *коровій хлѣвъ*, т. е. ограда, которая защищала стадо отъ воровъ и мѣшала ему разбѣжаться. Въ позднѣйшемъ санскритѣ gotra почти совершенно утратило

свое коренное этимологическое значеніе, такъ что только въ женскомъ gotrâ уцѣлѣло значеніе коровьяго стада. Въ древнія времена, когда войны по большей части имѣли цѣлью не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошимъ пастбищемъ или большими стадами рогатаго скота [1]), въ эти древнія времена изгороди для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться gotra, т. е. семья, родъ, племя. Еще въ Ведахъ слово gotra употребляется въ смыслѣ загона; такъ мы читаемъ: Nákir êshâm ninditâ' mártyeshu Yé asmâ'kam pitárah góshu yodhâ'h I'ndrah eshâm drinhitâ' mâ'hinâvân Ut gotrâ'ni sasridže danśánâvân, т. е. нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ издѣваться надъ нашими отцами, сражавшимися среди коровъ. Могучій Индра — ихъ защитникъ; онъ всемогущій расширилъ ихъ загоны (т. е. ихъ владѣнія).

Слово goshuyúdh, т. е. „сражающійся среди коровъ или за коровъ" въ Ведахъ употребляется въ значеніи воина вообще (I, 112, 22), а одно изъ наиболѣе употребительныхъ словъ для названія битвы есть gáv-ischti, т. е. буквально „борьба за коровъ". Но въ позднѣйшемъ санскритѣ gaveschana значитъ уже *розыскъ*, *изслѣдованіе* (въ вещественномъ или отвлеченномъ смыслѣ), gavesch *изслѣдовать*. Далѣе goschtha собственно значитъ хлѣвъ или стойло (βούσθατμον), но съ теченіемъ времени и съ успѣхами цивилизаціи получило значеніе *собранія* и даже *бесѣды*, т. е. разговора, совершенно также, какъ англійское gossip первоначально значило *кумъ*, *кума*, а потомъ уже было перенесено на пустые разговоры, праздную болтовню.

Всѣ эти слова, составленныя съ корнемъ go, т. е. скотъ,—которыхъ мы могли бы привести гораздо болѣе, если бы не боялись подвергнуть слишкомъ тяжелому испытанію терпѣніе нашихъ читателей—всѣ эти слова свидѣтельствуютъ, что народъ, среди котораго они образовались, долженъ былъ вести полукочевую, пастушескую жизнь, и намъ становится ясно, какимъ образомъ тотъ же самый народъ могъ употреблять слово duhitar въ значеніи дочери. Говорятъ, что въ языкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается степень образованія и бытъ говорящаго этимъ язы-

---

[1]) Ὑπὲρ νομῆς ἢ λείας μαχόμεθα. Тоxar. 36. Гриммъ, Gesch. d. deutsch. Sprache, p. 17.

комъ народа, такъ что, разбирая языкъ народа приморскаго, мы нашли бы, вѣроятно, что вмѣсто рогатаго скота и пастбищъ, какъ у народовъ кочевыхъ и пастушескихъ, въ составъ многихъ словъ, въ послѣдствіи получившихъ болѣе общее значеніе, входятъ понятія о кораблѣ и водѣ. Будемъ разбирать другія выраженія, которыя заключаютъ въ себѣ намеки на состояніе общества, предшествовавшее раздѣленію арійскаго племени; мы увѣрены, что такой разборъ придастъ нашей картинѣ характеръ исторической истины, убѣдительный даже для того, кто никогда не видѣлъ подлинника.

Мы не останавливаемся на словахъ для названія сына, отчасти потому, что этимологія этихъ словъ не представляетъ ничего любопытнаго, такъ какъ всѣ онѣ значатъ: natus [1]), *рожденный*, отчасти же потому, что положеніе сына въ семьѣ, какъ преемника и наслѣдника отцовскаго богатства и власти, потребовало особаго названія гораздо ранѣе, чѣмъ положеніе дочери, сестры или брата. Кровныя отношенія, выражаемыя словами: *отецъ* и *мать*, *сынъ* и *дочь*, *братъ* и *сестра*, установлены, можно сказать, законами самой природы и ихъ существованіе въ языкѣ не можетъ доказать особыхъ успѣховъ цивилизаціи, какъ бы характеристично ни были выбраны самыя названія. Но есть другія отношенія болѣе поздняго происхожденія и съ болѣе условнымъ характеромъ, которыя освящаются законами общественными, но не даются самой природой, — отношенія, которыя совершенно вѣрно выражаются по-англійски прибавленіемъ слова in-law (по закону), какъ напримѣръ father-in-law, mother, son, daughter, brother и sister in-law т. е. тесть или свекоръ, теща или свекровь, невѣстка, зять и т. д. Если бы мы могли доказать существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ арійской цивилизаціи названій, выражающихъ эти степени свойства, мы этимъ выиграли бы очень много, потому что едва ли найдется въ Африкѣ или въ Австраліи нарѣчіе, въ которомъ бы не было словъ для выраженія понятій: *сынъ*, *дочь*,

---

[1]) Напр. скр. sûnú, готск sunus, лит. sunus, всѣ три отъ одного корня su, родить, откуда греч. υἱός, только съ инымъ суффиксомъ. Скр. putra, сынъ, сомнительнаго происхожденія, но, вѣроятно, значительной древности, такъ какъ оно встрѣчается и у кельтской вѣтви (бретон. paotr). Отъ того же корня производятъ латинское puer.

братъ и *сестра*, или племя, которому бы не были извѣстны эти естественные виды кровнаго родства; но есть языки, которымъ не достаетъ выраженій для дальнѣйшихъ степеней свойства, есть племена, которыя даже не имѣютъ понятія объ этихъ степеняхъ.

Санскрит.		Греческ.	Латинск.	Готск.	Славян.	Кельтск.
svâshura	свекоръ	ἑκυρός	socer	svaihra	свекръ	chwegrwn
svashrû	свекровь	ἑκυρά	socrus	svaihro	свекры	B. chwegyr
džâ'mâtar	зять	γαμβρός	gener	.....	....	.....
snuschâ	сноха	νυός	nurus	snûr	сноха	.....
dêvar (ανδράδελφος)	деверь	δαήρ	levir	tâcor	Л. deveris	.....
(nânandar)	золовка	γάλως (ἀνδραδέλφη)	glos	.....	.....	.....
yâtaras (жены братьевъ)		εἰνάτερες	janitrices	.....	П. jatrew	.....
shyâlâ (братъ жены)		ἀέλιοι и	.....	.....	.....	.....
shyâlî (сестра жены)		εἰλιόνες (мужья сестеръ)	.....	.....	.....	.....

Предложенная таблица показываетъ, что до раздѣленія арійскаго племени каждая изъ степеней свойства уже имѣла соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; ибо, хотя въ нѣкоторыхъ языкахъ мы должны были оставить пробѣлъ для той или другой степени, тѣмъ не менѣе совпаденіе названій въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, даетъ намъ право сдѣлать одно общее заключеніе. Когда мы встрѣчаемъ въ санскритѣ слово *putra* сынъ, а въ кельтскомъ paotr также сынъ, то тождество корней и суффиксовъ доказываетъ, что, хотя ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій это слово не сохранилось въ той же самой формѣ, однако тождество его въ кельтскомъ и санскритскомъ можетъ быть объяснено только съ помощію предположенія, что putra былъ обще-арійскій терминъ, образовавшійся прежде, чѣмъ какая-нибудь отрасль этой семьи успѣла отдѣлиться отъ общаго корня.

Въ языкахъ новѣйшихъ мы могли бы въ подобномъ случаѣ допустить позднѣйшее общеніе народовъ, но относительно древнихъ языковъ нельзя предположить такого общенія, послѣ того какъ южная вѣтвь арійской семьи уже перешла за Гималай, а сѣверная вступила въ предѣлы Европы. Другаго

рода вопросы возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ напр. въ словахъ: gâmatar и γαμβρός, первоначально означавшихъ жениха или супруга [1]), а потомъ уже зятя, мы можемъ только доказать, что въ основу ихъ былъ положенъ одинъ и тотъ же корень, а потому и основное понятіе въ греческомъ, какъ и въ санскритѣ, должно предположить одно и тоже, между тѣмъ какъ образованіе этихъ словъ въ обоихъ языкахъ иное. Здѣсь безъ сомнѣнія мы должны быть осторожнѣе въ заключеніяхъ, но вообще мы найдемъ, что эти различія формъ принадлежатъ къ числу такихъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіяхъ одного языка, и образуются вслѣдствіе того, что изъ многихъ возможныхъ формъ, употреблявшихся сначала безразлично, одинъ поэтъ выбиралъ одну, другой другую, а впослѣдствіи та или другая изъ этихъ формъ установилась навсегда въ народномъ употребленіи. Это во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что, желая выразить отношеніе, для выраженія котораго есть столько различныхъ способовъ, Грекъ выбралъ корень γαμ и образовалъ изъ него γαμρός, γαμβρός, между тѣмъ какъ Индусъ, взялъ для выраженія того же самого понятія тотъ же самый корень только въ падежной формѣ (какъ въ словѣ bhrâtar вм. bhartar) и привѣсилъ къ нему суффиксъ tar, откуда образовалось dżâ'-mâtar — вмѣсто dżamara или yamara. Далѣе, если случается, что одинъ изъ этихъ языковъ утратилъ общій терминъ, мы иногда можемъ отыскать его въ производныхъ. Въ греческомъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ литературномъ, нѣтъ слѣдовъ слова nepos внукъ, которому соотвѣтствуетъ санскритское nápât, германское nefo; также какъ нѣтъ и слова neptis, скр. napti, герм. nift. Но въ греческомъ есть ἀ-νεψιός, двоюродный братъ, т. е. тотъ, кто вмѣстѣ съ нами доводится кому нибудь внукомъ (такъ какъ и дядя зовется собственно *дѣдушкой*, *avunculus*, уменьшительнымъ отъ *avus*). Слово ἀνεψιός образовалось подобно латинскому consobrinus, т. е. consororinus (такъ называются дѣти сестеръ), далѣе новѣйшее франц. и англ. cousin, итал. cugino, почти не сохранившія слѣдовъ кореннаго существительнаго soror, отъ котораго они однако произведены. Слово: ἀ-νεψιός доказываетъ, что и въ греческомъ было

[1]) Γαμβρὸς καλεῖται ὁ γῆμας ὑπὸ τῶν οἰκείων τῆς γαμηθείσης.

слово νεπους въ значеніи сына или внука. Такимъ же образомъ можно доказать существованіе въ греческомъ языкѣ выраженія, соотвѣтствующаго санскритскому *shyâla*, т. е. шуринъ. Въ санскритѣ мужъ называетъ брата своей жены shyâla, сестру жены syâlî. Потому по-гречески Пелей—Амфитриту, а Посидонъ—Ѳетиду назвали бы своими shyâlî: такъ какъ они были женаты на сестрахъ, то у нихъ были общія shyâlî, а сами они между собою были бы ἀ-ἑλιοι, ибо въ греческомъ shy между двухъ гласныхъ обыкновенно выпускается, и единственное уклоненіе этого греч. слова отъ скр. заключается въ томъ, что краткое ε замѣнило санскритское долгое â.

До насъ дошло нѣсколько словъ, которыя проливаютъ тусклый свѣтъ на устройство арійской семейной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ напр., положеніе вдовы было признано языкомъ и закономъ, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этотъ ранній періодъ лишившаяся мужа осуждалась умереть вмѣстѣ съ нимъ. Еслибъ этотъ обычай уже существовалъ, то не было бы нужды и въ особомъ названіи для вдовы или по крайней мѣрѣ въ этомъ названіи долженъ былъ бы сказаться какой-нибудь намекъ на этотъ безчеловѣчный обычай. Мужъ въ санскритѣ называется dhava, слово, котораго, по видимому, нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій, развѣ за исключеніемъ кельтскаго, въ которомъ Пиктè находитъ сходную форму—dea, мужчина. Отъ dhava санскритъ образуетъ названіе вдовы, прибавляя предлогъ vi, т. е. безъ; отсюда vi-dhavâ безмужная, вдова. Это сложное слово сохранилось въ нарѣчіяхъ, утратившихъ коренное dhava, что доказываетъ высокую древность этого наименованія. Мы встрѣчаемъ его не только въ кельтскомъ feadbh, но и въ готскомъ viduvo, слав. вьдова, древне-прусск. widdewû и латинскомъ vidua. Если бы обычай сожиганія женъ существовалъ уже въ этомъ раннемъ періодѣ, то не было бы и вдовъ, т. е. безмужныхъ, ибо всѣ онѣ умирали бы вслѣдъ за своими умершими мужьями. Потому самое существованіе такого термина указываетъ на позднѣйшее происхожденіе индусскаго обычая сжигать женъ. Не смотря на то, когда англійское правительство рѣшилось запретить этотъ отвратительный обычай и когда вслѣдствіе этого въ Индіи готовилось вспыхнуть религіозное возстаніе, браманы ссылались на авторитетъ Ведъ,

освящающій, какъ они утверждали, этотъ древній обычай, и такъ какъ англійское правительство обѣщало не вмѣшиваться въ религіозныя дѣла Индусовъ, то, опираясь на это, браманы стояли за неприкосновенность и этого обычая. Они приводили главу и стихъ изъ Ригъ-Веды, и дѣйствительно, переводъ этого текста, сдѣланный Кольбрукомъ [1]), добросовѣстнѣйшимъ и ученѣйшимъ санскритологомъ, какой когда-нибудь былъ въ Англіи, вполнѣ подтверждаетъ притязанія брамановъ. Вотъ этотъ переводъ:

„Омъ! Пускай эти жены, добрыя жены, убранныя коллиріумомъ, съ очищеннымъ масломъ въ рукахъ, предаются огню, дабы не овдовѣть! безсмертныя, не бездѣтныя, не безмужныя, пускай украшенныя драгоцѣнностями идутъ онѣ въ огонь, первоначальная стихія котораго есть вода!“ (изъ *Ригъ-Веды*).

Это одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ того, до какой недобросовѣстности способенъ дойти фанатизмъ религіозной касты. Гибли тысячи и тысячи жизней, цѣлой странѣ угрожало фанатическое возстаніе, и все это на основаніи одного текста, искаженнаго, неправильно переведеннаго, неправильно истолкованнаго. Если бы въ то время кто-нибудь могъ повѣрить этотъ текстъ, то браманы были бы поражены собственнымъ оружіемъ и ихъ вліянію былъ бы нанесенъ чувствительный ударъ. Ригъ-Веда, которую теперь едва ли кто изъ ста брамановъ способенъ читать, не только не требуетъ сожиганія вдовъ, но напротивъ того неопровержимо свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай не былъ извѣстенъ въ древнѣйшемъ періодѣ индусской исторіи. Согласно съ гимнами Ригъ-Веды и обрядовыми установленіями (Grihya-sûtras) жена сопровождаетъ трупъ мужа до погребальнаго костра, но здѣсь къ ней обращается стихъ изъ *Ригъ-Веды*, которымъ внушается ей оставить мужа и возвратиться въ миръ живыхъ [2]). „Встань, женщина“, говорятъ ей: „воротись въ міръ жизни; ты лежишь подлѣ того, чья жизнь отлетѣла. Возвратись къ намъ.

---

[1]) См. его разсужд. «Объ обязанностяхъ вѣрной жены» въ Asiatic Researches, vol. IV, pp. 209, 219. Calcutta, 1795.

[2]) См. статью Гримма: Ueber Verbrennung d Todten; статью Рота: о погребеніи у Индусовъ; статью профессора Вильсона: On the supposed Vaidic authority for the burning of Hindu widows, и мой собственный переводъ всѣхъ относящихся сюда свидѣтельствъ въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, т. IX, вып. 4. Профес. Вильсонъ первый указалъ перемѣну словъ «yonim agre» въ «yonim agneh».

Ты исполнила долгъ жены въ отношеніи къ мужу, которому ты нѣкогда отдала свою руку и который сдѣлалъ тебя матерью".

Передъ этимъ стихомъ читается стихъ, искаженный позднѣйшими браманами и приводимый ими въ подтвержденіе своего кровожаднаго вѣроученія. Чтеніе этого текста не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, ибо для Ригъ-Веды нѣтъ разночтеній въ нашемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы имѣемъ комментаріи, собранія обрядовъ, и — нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія касательно чтенія или значенія этого текста. Слова его обращены къ другимъ, присутствующимъ при погребеніи женамъ, на которыхъ обрядъ возлагаетъ обязанность возливать на костеръ растительное и коровье масло:

„Пускай эти жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступятъ, неся елей и масло. Пускай тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыя приступятъ къ жертвеннику, безъ слезъ, безъ скорби, но покрытыя драгоцѣнными украшеніями".

Слова: „пускай женщины первыя подойдутъ къ алтарю", по-санскритски читаются такъ: «â rohantu džanayo yonim agre», и вотъ эти-то слова браманы передѣлали въ слѣдующія: «â rohantu džanayo yonim agneh»—перемѣна, по видимому ничтожная, въ одной буквѣ, но этой легкой перемѣны было достаточно, чтобы сдѣлать жертвою огня (agneh) тысячи несчастныхъ женщинъ [1]).

Послѣ этого отступленія мы возвращаемся къ тому древнѣйшему періоду исторіи, свѣдѣнія о которомъ можно найти только въ языкѣ. Къ этому періоду мы отнесли названіе вдовы или безмужной. Неудивительно, что названіе мужа до сего дня въ большей части арійскихъ нарѣчій удержалось тоже самое, которое возникло еще до раздѣленія Аріевъ. Въ санскритскомъ это слово pati, которое первоначально значитъ: *сильный*, *крѣпкій*, *могучій* подобно латинскому potis или potens. Въ литовскомъ—та же самая форма patis, которая по закону

---

[1]) Такимъ же образомъ обычай сожиганія вдовъ былъ внесенъ браманами въ одно мѣсто, вставленное въ индійскую драму о царѣ Судракѣ, которая была переведена проф. Вильсономъ и недавно сыграна въ Парижѣ. Le chariot d'enfant. Drame en vers en cinq actes et sept tableaux, traduction du drame indien du Roi Soudraka, par MM. Méry et Gerard de Nerval. Paris, 1850.

Гримма, въ готскомъ превращается въ faths. Въ греческомъ мы находимъ πόσις вмѣсто πότις. Женскій родъ отъ pati, въ санскритск. patnî, и безъ всякаго сомнѣнія древне-прусское pattin, въ винительномъ waispattin и греческое πότνια (и то и другое значитъ: *госпожа*), — ничто иное, какъ видоизмѣненія первоначальнаго pati.

Чѣмъ мужъ былъ въ своемъ домѣ, т. е. господиномъ, сильнымъ покровителемъ, тѣмъ самымъ былъ царь для цѣлаго народа. Общее названіе народа въ санскритѣ было vis, откуда названіе третьей касты домовладѣльцевъ—Ваисіи. Оно происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли санскритск. vesha *домъ*, греч. οἶκος, лат. vicus, готск. veihs, герм. wich, наконецъ новѣйшее англійское окончаніе wich въ названіяхъ многихъ мѣстностей. Потому въ санскритск. vishpati значило *царь*, т. е. владыка народа; это сложное слово было въ общемъ употребленіи у Аріевъ до ихъ раздѣленія, что страннымъ образомъ подтверждается литовскими формами: wiêsz-patis *господинъ*, wiesz—pałene *госпожа*, которыя прямо указываютъ на санскритское vish-patis и patnî. Стало быть, въ этотъ ранній періодъ была уже не только благоустроенная семейная жизнь, но даже семья начинала поглощаться государствомъ, вслѣдствіе чего явились приведенныя нами названія главы народа, которыя возникли и стали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію за 2000 лѣтъ прежде, чѣмъ явился титулъ кесаря.

Такъ какъ въ санскр. народъ называется еще dâsa или dasyu, то dâsa-pati, безъ сомнѣнія, было также одно изъ древнѣйшихъ названій царя. Но между vis и dâsa та огромная разница, что первое значитъ: народъ, а вторымъ означались подданные, т. е. покоренные, подвластные народы и первоначально даже — враги. Dasyu въ Ведахъ значитъ *враги*, а въ Зендавестѣ: *области* или *племена* (покоренныя—gentes) и самъ Дарій въ надписи на одной скалѣ называетъ себя „царемъ Персіи и областей» (Kshâyathîya Pârsaiya, Kschâyathîya dahyunâm). Потому едва ли можно сомнѣваться, что греческое δεσ-πότης соотвѣтствуетъ санскритскому dâsa-pati владыка народовъ; но нельзя допустить, чтобы слово, „господарь", какъ утверждаетъ Боппъ, было тождественно съ санскритскимъ vispati или dâsapati. Въ литовскомъ есть слово gaspadorus; въ цер. слав.

господь, господинъ и господарь, въ польскомъ gospodarz, въ чешскомъ hospodár. Славянскій звукъ: r не соотвѣтствуетъ санскритскому w или d, и t въ pati не могло перейти въ d [1]). Бенфей, производя слово **господь** отъ ведійскаго dżâspati, этимъ разрѣшаетъ первую трудность, но послѣдняя остается въ своей силѣ и, разумѣется, гораздо лучше признать эти трудности, чѣмъ посредствомъ натяжекъ пріискивать арійскіе корни вопреки основнымъ лингвистическимъ законамъ.

Третье общеарійское названіе для царя есть râdž, встрѣчающееся въ Ведахъ; въ лат. rex, regis, въ готск. reiks, существующее до сихъ поръ въ нѣмецкомъ въ формѣ reich, regnum, откуда Frankreich, т. е. царство франковъ, ирландское riogh, валійское ri.

Четвертое названіе царя и царицы просто: *отецъ и мать*. Dżanaka въ санскритѣ значитъ *родитель*, отъ dżan *родити*; оно встрѣчается также въ Ведахъ, какъ имя одного довольно извѣстнаго царя. Это древне-нѣмецкое chuning, англійское king. Мать въ санскритск. dżani, въ греческ. γυνή, въ готскомъ qinô, въ славянскомъ: жена, въ англійскомъ queen, королева. Итакъ слово queen первоначально значило: *мать*, новый примѣръ того, какъ языкъ семейный постепенно переходилъ въ государственный языкъ древнѣйшаго арійскаго государства, и семейное, кровное братство—въ государственную φρατρία.

Мы видѣли, что еще прежде, чѣмъ семья Аріевъ успѣла раздѣлиться на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна направилась на сѣверъ, другая на югъ, названіе *дома* было уже извѣстно. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, сравнимъ санскр. dama съ греч. δόμος, лат. domus, слав. домъ, кельт. daimh, гот. timrjan, *строить*, откуда англійское timber, хотя мы сомнѣваемся въ тождествѣ славянскаго градъ, русск. городъ, литовскаго grod съ готскимъ gards, лат. hort-us, греч. χόρτος, которыя всѣ означаютъ огороженный участокъ земли. Такъ какъ самая важная принадлежность дома въ древнѣйшую пору, была дверь, хорошо утвержденная и способная противостоять нападеніямъ непріятеля, то мы съ удовольствіемъ находимъ, что древнѣйшее названіе двери сохранилось въ санскритскомъ dvar, dvâras, готск. daur, лит. dur-

---

[1]) См. превосходныя замѣчанія Шлейхера въ его: Formenlehre der kirchenslawischen Sprache 1852, стр. 107.

rys, кельт. dor, греч. θύρα, лат. fores. Строитель или архитекторъ называется одинаково какъ въ греческомъ, такъ и въ санскритскомъ, ибо takschan есть греч. τέκτων. Греч. ἄστυ сравнивали съ санскр. vâstu, *домъ*; греч. κώμη съ готск. haims, *село* и англ. home. Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о раннемъ существованіи городовъ санскритское puri, сохранившееся въ греческомъ названіи города πόλις. Что пути сообщенія были также извѣстны, это видно изъ санскритскихъ словъ: path, pathi, panthan и pâthas, которыя всѣ имѣютъ одно общее значеніе *путь* и которымъ соотвѣтствуютъ греч. πάτος, готск. fad, которыя Боппъ считаетъ тождественными съ лат. pons, pontis и славянскимъ путь.

Пришлось бы наполнить цѣлый томъ, если бы мы стали разбирать всѣ остатки древнѣйшаго языка, хотя, безъ сомнѣнія, каждое новое слово давало бы новое подтвержденіе нашей основной мысли, прибавляя какъ бы новый камень для возсозданія древнихъ, почтенныхъ развалинъ духовной жизни Аріевъ. Не смотря на то, примѣры, приведенные нами, достаточно свидѣтельствуютъ, что племя, способное создать эти, уцѣлѣвшія до нашего времени, слова, не могло состоять изъ дикихъ, грубыхъ кочевниковъ или звѣролововъ. Мало того, слѣдуетъ замѣтить, что большая часть выраженій, связанныхъ со звѣриной ловлей и военнымъ ремесломъ, различны во всѣхъ арійскихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ слова, относящіяся къ занятіямъ болѣе мирнымъ, составляютъ общее наслѣдство этихъ языковъ. Толкованіе этого явленія, предложенное знаменитымъ Нибуромъ, который замѣтилъ его въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, не можетъ быть допущено при современномъ состояніи науки. Правильная оцѣнка этого явленія приводитъ къ тому заключенію, что всѣ арійскія племена до раздѣленія долгое время вели жизнь мирную, и что ихъ языкъ успѣлъ сложиться и выработать всѣ національныя особенности къ тому времени, когда отдѣлившіяся отъ него племена отправились искать новыхъ селищъ. Слѣдующія поколѣнія создали новыя слова, на которыхъ отразился воинственный и кочевой характеръ ихъ быта въ эпоху переселенія. Отсюда произошло, что не только греческій и латинскій, но и всѣ арійскіе языки имѣютъ общія слова для выраженія понятій мирной жизни и совершен-

но расходятся въ обозначеніи понятій относящихся къ войнѣ. Такимъ образомъ домашнія животныя въ Англіи называются тѣми же именами, какъ и въ Индіи, между тѣмъ какъ хищныя животныя носятъ разныя названія даже въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Мы позволимъ себѣ представить сравнительную таблицу, которая должна говорить сама за себя: какъ ни поучительно было бы вѣрное объясненіе кореннаго значенія этихъ словъ, которыя могутъ быть названы живыми свидѣтелями быта и духовной жизни арійскаго племени въ древнѣйшую эпоху его исторіи, — подробный этимологическій разборъ потребовалъ бы слишкомъ много времени.

	Санскр. и	Зендъ	Греч.	Итальян.	Тевтон.	Литов.	Славян.	Кельт.
рогатый скотъ	pashu	pasu	πῶυ	pecu	Н. faihu др-вер-н. fihu	Прус. pecku	. . . . .	. . . .
быкъ и корова	go (имен. gaus)	gâo	βοῦς	bos	др-вер-н. chuo	Латыш. gohw	. . . . .	. . . .
быкъ	ukschan	ukshan vakhsva	. . . .	vacca?	н. auhsan	. . . .	. . . . .	ych
волъ	sthûrá	stavra	ταῦρος	taurus	stuir	. . . .	тyръ	. . . .
телица	stari	. . . . .	στεῖρα	(sterilis)	stairo	. . . .	. . . . .	. . . .
лошадь	âshu, ashva	aspa	ἵππος	equus	н. aihus	aszwa	. . . . .	osw
курица	. . . . .	. . . . .	πῶλος	pullus	н. fula	. . . .	. . . . .	. . . .
собака:	shvan	spâ σπάκα	κύων	canis	др-в-н. hund	szu	русск. собака Болг. kuce	cu
овца	avi	. . . . .	ὄϊς	ovis	н. avi-str Е. ewe	awi	слав. овьца	. . . .
теленокъ	vatsa	. . . . .	ἰταλος	vitulus	. . . . .	. . . .	. . . . .	. . . .
козелъ	. . . . .	. . . . .	κάπρος	caper	Др-в-н. hafr	. . . .	. . . . .	. . . .
коза	adżâ	. . . . .	αἴξ	. . . . .	. . . . .	ozis	. . . . .	aighe
свинья (самка)	sû(kara)	. . . . .	ὗς	sus	Др-в-н. sû	. . . .	свинїа	. . . .
поросенокъ	prischat	. . . . .	πόρκος	porcus	др-в-н. farah	paraxas	Пол. prosię	. . . .
боровъ	grischvi	. . . . .	χοῖρος	. . . . .	Д-н. gris	. . . .	. . . . .	. . . .
оселъ	. . . . .	. . . . .	ὄνος	asinus	asilo	. . . .	. . . . .	. . . .
мышь	mûsch	. . . . .	μῦς	mus	Др-в-н. mûs	. . . .	Пол. mysz	. . . .
муха	makschikâ	. . . . .	μυῖα	musci	д-в-н. micco	musse	Рус. муха	. . . .
гусь	hansa	. . . . .	χήν	anser	Д-в-н. Kans	zasis	Чешск. hus	ganra

Изъ дикихъ звѣрей нѣкоторые были извѣстны Аріямъ прежде ихъ раздѣленія, и случайно это были два звѣря, и теперь еще живущіе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ: волкъ и медвѣдь.

	Санскрит.	Греческ.	Итальянск.	Нѣмецк.	Славянск.
медвѣдь:	rikscha	ἄρκτος	ursus		
волкъ:	vrika	λύκος	lupus (v)irpus	vulfs	влъкъ

Къ нимъ должно присоединить змѣю:

змѣя:	ahi sarpa	ἔχις (ἔγχελυς) ἕρπετον	anguis (anguilla) serpens	ungury	угорь рус. угорь

Не останавливаясь на различныхъ названіяхъ этихъ звѣрей,— изъ которыхъ нѣкоторые стали ручными и домашними, между тѣмъ какъ другіе до сихъ поръ остались естественными врагами пастыря и его стадъ—мы назовемъ нѣсколько словъ, которыя показываютъ, что и этой древнѣйшей пастушеской жизни не были чужды нѣкоторые виды искусствъ и ремеслъ, каковы напримѣръ землепашество, искусство молоть зерновой хлѣбъ, тканье и обдѣлка драгоцѣнныхъ или полезныхъ металловъ.

Древнѣйшее выраженіе для паханія есть Ar, которое повторяется въ лат. arare, въ греч. ἀροῦν, древне-верхне-нѣмецкомъ aran, въ слав. орати, въ лит. arti и гаэлическомъ ar. Отъ этого глагола происходитъ общее названіе плуга ἄροτρον, aratrum, древне-саксонск. erida, древ. скан. ardts, слав. орало и орадло, литов. arimnas и корнв. aradar. Отъ того же корня происходятъ, вѣроятно, греч. ἄρουρα и лат. arvum. Но болѣе общее названіе поля представляютъ санск. pada, греч. πέδον, умбр. perum, пол. pole, сакс. folda, др.-в.-н. feld, field; или ἀγρός, ager и готск. akrs.

Хлѣбныя растенія, родившіяся въ азійской прародинѣ Аріевъ, разумѣется, не могли быть тѣ же самыя, которыя имъ довелось воздѣлывать впослѣдствіи въ странахъ болѣе сѣверныхъ. Не смотря на то, нѣкоторыя изъ относящихся сюда названій сохранились и можно предполагать, что съ ними соединялось, если не совершенно тождественное, то по крайней мѣрѣ сходное ботаническое значеніе. Таковы санскритское yava, въ зенд.

yava, литовск. jawas, что въ греческомъ, должно измѣниться въ ζέα. Скр. shveta значитъ бѣлый и соотвѣтствуетъ готскому hveit, д-в-нѣм. huiz и wiz, англосакс. hvît, и литовск kwêtys.

Но названіе *цвѣта* перешло въ названіе *бѣлаго зерна* и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ готскомъ hvaitei, лит. kwec'io, анг. wheat; съ этими словами нѣкоторые ученые сближали слав. жито и греч. σῖτος. Названіе *зерно* значило первоначально раздавленное, смолотое. Такъ kûrna въ санскритѣ значитъ *смолотый*, и отъ этого самаго корня, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ производить русское *зерно*, готск. kaurn, лат. granum. Въ литовскомъ girna значитъ *жерновъ*, а множественнымъ girnôs называется *ручная мельница*. Въ русскомъ опять *жерновъ*, въ готск. мельница называется qvairnus (позднѣе quirn). Англійское названіе мельницы mill также довольно древняго происхожденія, ибо оно оказывается не только въ др.-верх.-нѣм. muli, но и въ литов. malunas, чешск. mlyn, валашск. melin, латин. mola и греч. μύλη.

Мы могли бы привести еще названія, относящіяся къ варенью и печенью, и рано установившееся различіе между сырымъ и вареным мясомъ, въ доказательство того, что отвращеніе, выраженное въ позднѣйшее время въ Ведахъ къ племенамъ, которыя употребляютъ въ пищу сырое мясо, чувствовалось уже въ древнѣйшемъ до-историческомъ періодѣ. Названія kravya-ad (κρέας-ἐδω) и âma-ad (ὠμός-ἐδω) прилагаются въ Индіи къ варварамъ и для Индуса съ ними соединяется тоже самое чувство отвращенія, какое для Грека соединялось съ словами ὠμοφάγοι и κρέωφάγοι. Но теперь мы можемъ только слегка коснуться этихъ пунктовъ, оставляя до другаго времени интересную задачу изобразить въ большей полнотѣ картину этой древнѣйшей эпохи въ жизни человѣчества.

Такъ какъ названія одежды у всѣхъ арійскихъ народовъ одинаковы,—въ санскр. vastra, въ готск. vasti, въ латин. vestis, въ греч. ἐσθής, въ кельтск. gwisk,—то мы въ правѣ предположить, что нашимъ арійскимъ предкамъ было извѣстно искусство тканья и шитья. Ткать по скр. *ve*, а въ причинной формѣ: *vap*. Съ первымъ (ve) совпадаютъ лат. vieo и коренной слогъ въ греч. Fή-τριον; со вторымъ (vap)—др.-верх.-нѣм. vab, англ. weave, греч. ὑφ-αίνω.

Шить по скр. siv, откуда sûtra, *нить*. Тотъ же самый корень сохранился въ лат. suo, въ готск. siuja, въ др.-вер.-нѣм. siwu, англ. to sew, литов. suwú, слав. шію, греч. κασσύω вм. κατασύω. Другой скр. корень съ весьма близкимъ значеніемъ *Nak*, который, вѣроятно, существовалъ въ формахъ *nabh* и *nadh*. Отъ nah происходитъ лат. neo и necto, греч. νέω, нѣм. nâhan, и nâvan, шить, отъ nadh, греч. νήθω; отъ nabh, скритск. nâbhi, и nâbha или ûrnanâbha, *паукъ*, въ буквальномъ переводѣ — *волну* или *шерсть прядущій*.

Есть четвертый корень, который, кажется, первоначально имѣлъ спеціальное значеніе: *шить* или *ткать;* но въ послѣдствіи въ санскритѣ получилъ болѣе общее значеніе *дѣлать*. Этотъ корень rak, который, быть можетъ, соотвѣтствуетъ греч. ῥάπτω — сшивать или ткать; этимъ корнемъ можно объяснить греческ. названіе паука ἀράχνη, въ латинск. araneа и классическое названіе тканой шерсти λάχνος или λάχνη, лат. lana.

Немного найдется словъ, свидѣтельствующихъ, что цѣнность и польза нѣкоторыхъ металловъ была извѣстна Аріямъ до раздѣленія на племена; названія для большей части металловъ различны у народовъ индо-европейской семьи. Не смотря на то, не можетъ быть сомнѣнія, что желѣзо и его употребленіе какъ для обороны, такъ и для нападенія было извѣстно. Какое бы ни было его древнее арійское названіе, ясно, что санскритское ayas, латинск. ahes, (въ aheneus,) и даже сокращенная форма aes, aeris, готск. ais, др.-вер.-нѣм. er, и англ. iron, суть названія, вылитыя по одной формѣ и испытавшія только нѣкоторыя легкія измѣненія въ теченіи столѣтій. Болѣе потерпѣли названія драгоцѣнныхъ металловъ, каковы золото и серебро. Но, не смотря на то, мы можемъ даже въ кельтскомъ airgiod открыть слѣды санскритскаго radžata, греч. ἄργυρος, лат. argentum даже въ готскомъ guld, gold открывается сходство съ слав. злато, русскимъ *золото*, греч. χρύσος и санскр. hiranyam, только въ окончаніяхъ значительная разница. Общій корень былъ, кажется, harat, откуда санскр. harit *цвѣтъ солнца* и *зари*, какъ и въ латинскомъ слова aurora и aurum также имѣютъ одинъ общій корень. Нѣкоторыя изъ желѣзныхъ орудій, служившихъ для мирныхъ или для воинственныхъ цѣлей, удержали свои первоначальныя названія. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ

представляетъ тождество санскритскаго paraśu съ греческимъ πέλεκυς, *сѣкира*, или санскр. asi, *мѣчь* съ латин. ensis.

Новыя понятія принимаются не вдругъ; въ духѣ человѣка есть наклонность противиться новымъ убѣжденіямъ до послѣдней возможности. Потому только рядомъ тщательно и систематически подобранныхъ фактовъ и путемъ строгихъ лингвистическихъ выводовъ можно надѣяться сдѣлать мало по малу очевиднымъ, что въ исторіи человѣчества былъ періодъ *до* появленія древнѣйшихъ между извѣстными арійскими нарѣчіями,— *до* происхожденія санскритскаго и греческаго языковъ, *до* того времени, когда первые Греки, прибывъ на берега Малой Азіи и обозрѣвая представлявшееся имъ на западъ и сѣверъ широкое раздолье водъ и материка, назвали новую часть свѣта *Европой*. Допросимъ другаго свидѣтеля, отрицательныя показанія котораго имѣютъ большой вѣсъ. Должно предполагать, что въ періодѣ, о которомъ мы говоримъ, родоначальники арійскаго племени жили въ центральной Азіи, откуда впослѣдствіи южныя отрасли двинулись къ Индіи, а сѣверныя потянули на сѣверозападъ, по направленію къ Малой Азіи и Европѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что до раздѣленія они не могли знать моря и, если допустить вѣрность принятой нами теоріи, названія моря должны были явиться у нихъ позднѣе, послѣ раздѣленія, а потому и не могутъ быть одинаковы въ различныхъ языкахъ арійской семьи. Такой выводъ блистательно оправдывается самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, названія моря, тождественныя въ греческомъ и латинскомъ, различны у сѣверныхъ и южныхъ отраслей арійской семьи, и даже у самыхъ Грековъ и Римлянъ— названія моря—выраженія очевидно переносныя, которыя первоначально, въ древнемъ языкѣ, имѣли иное значеніе и уже впослѣдствіи были перенесены на новое явленіе *моря*, до того времени неизвѣстное, и потому еще не имѣвшее въ языкѣ соотвѣтствующаго названія. Лат. pontus и греч. πόντος тоже самое, что гомеровское ὑγρὰ κέλευθα (т. е. влажный путь), ибо pontus происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли въ лат: pons, pontis и санскр. pantha (если даже не самое pâthas, путь). Не преградой казалось море родоначальникамъ Грековъ и Римлянъ, а пространнымъ, открытымъ путемъ, болѣе всякаго другаго пути удобнымъ для путешествій

и торговыхъ предпріятій. Потому профессоръ Курціусъ *) совершенно вѣрно въ греческихъ выраженіяхъ: πόντος ἁλὸς πολιῆς и θάλασσα πόντου видитъ доказательство того, что самые Греки сознавали еще первоначальное значеніе слова πόντος. Напрасно было бы заключать о знакомствѣ древнѣйшихъ Аріевъ съ моремъ изъ общихъ всѣмъ арійскимъ племенамъ названій соли, каковы: санскр. salila, лат. sal, и греч. ἅλς, ἁλός. Если эти слова и доказываютъ что-нибудь, то развѣ то только, что родоначальникамъ арійскаго племени было извѣстно употребленіе соли, ибо переносное значеніе моря всѣ эти слова получили уже въ позднѣйшее время. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о такихъ словахъ, какъ латин. aequor (первоначально вообще *равнина*, а потомъ уже *ровная* поверхность моря) или греч. πέλαγος.

Извѣстно, что θάλασσα есть діалектическое измѣненіе θάρασσα или τάρασσα, т. е. *возмущенная*, *взволнованная поверхность моря* (ἐτάραξε δὲ πόντον Ποσειδῶν) и если латинское mare тоже самое, что санскритское vâri, то не слѣдуетъ забывать, что vâri въ санскритѣ значитъ не *море*, а вообще *вода*, и потому служитъ только новымъ подтвержденіемъ того, что, какъ мы уже сказали, всѣ арійскія племена, когда настала потребность образовать названіе для моря, выбрали для этого какое-нибудь выраженіе изъ существовавшаго уже въ языкѣ запаса словъ съ общимъ значеніемъ. Названіе mare первоначально означало скорѣе мертвую или стоячую воду, ибо, подобно санскритскому maru, *пустыня*, оно происходитъ отъ mri *умирать* и, хотя mare тождественно съ готск. marei, славян. море, ирланд. muir, тѣмъ не менѣе вѣроятно, что всѣ эти слова первоначально не имѣли значенія океана, а получили его уже впослѣдствіи. Но, не зная моря, арійскія племена еще въ періодъ *до* развѣтвленія ихъ общаго языка на различныя нарѣчія, умѣли уже плавать на судахъ. Англійскія слова: oar и rudder (весло) можно прослѣдить въ различныхъ языкахъ до самаго санскрита, а названія *корабля* совершенно тождественны въ санскр. (naus, nâvas), лат. (navis), греч. (ναῦς) и германск. (др.-вер.-нѣм. nacho, англосакс. naca).

---

*) См. въ Zeitschr. für vergl. Sprachforschung Куна I, 34. Проф. Курціусъ предлагаетъ такое уравненіе: πόντος: πάτος=πένθος: πάθος=βένθος: βάθος.

Обозрѣвая собранныя нами данныя,—число которыхъ, если бы то дозволялъ объемъ нашей статьи, можно было бы значительно дополнить *), — нельзя не убѣдиться, что всѣ приведенныя нами слова — останки языка, которымъ говорило нѣкогда единое цѣлое племя, въ эпоху, самое существованіе которой еще до послѣдняго времени историкъ осмѣливался предполагать развѣ только на основаніи священныхъ преданій еврейскаго народа. Между тѣмъ теперь, благодаря сравнительной филологіи, у насъ въ рукахъ живые памятники этого отдаленнаго періода. Оказывается, что мы до сихъ поръ употребляемъ тѣ же самыя слова,—только нѣсколько измѣненныя подъ вліяніемъ фонетическихъ превратностей, — которыя употреблялись родоначальниками арійскаго племени. Оказывается, что ихъ мысль и слово также близки намъ, какъ Итальянцамъ и Французамъ близки мысль и слово древнихъ Римлянъ. Если бы потребовалось новое доказательство дѣйствительнаго историческаго существованія этого періода, который, какъ сказано, долженъ былъ предшествовать разселенію арійскаго племени, то арійскія числительныя могутъ представить неопровержимое свидѣтельство той умственной жизни, которою жило и *давно* жило въ этомъ періодѣ арійское племя. Несомнѣнно, что древніе Аріи имѣли уже десятичную систему счисленія, — одно изъ самыхъ изумительныхъ созданій человѣческаго духа, ибо эта система предполагаетъ въ своей основѣ отвлеченное понятіе о количествѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи способность умозрительной классификаціи: между тѣмъ эта система была задумана и успѣла окончательно опредѣлиться уже въ ту незапамятную пору, когда на европейской почвѣ еще не было ни Грековъ, ни Римлянъ, ни Славянъ, ни Германцевъ. Эта система могла выработаться только въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной общины, ибо болѣе, чѣмъ всякій другой элементъ языка, заставляетъ до-

---

*) Богатое собраніе обще-арійскихъ словъ можно найти въ Исторіи нѣмецкаго языка Я. Гримма. Первая попытка воспользоваться такими словами для историческихъ выводовъ принадлежитъ Эйхгофу; но съ тѣхъ поръ весьма полезныя дополненія въ этомъ отношеніи были сдѣланы Уиннингомъ (Winning) въ его Manual of Comparative Philology 1838, потомъ Куномъ, Курціусомъ и Фёрстеманомъ. Много новыхъ матеріаловъ можно найти въ *Глоссаріи* Боппа и въ Etymologische Forschungen Потта.

пустить условное соглашеніе между людьми, среди которыхъ впервые сложились арійскія названія числъ — отъ единицы до ста. Вообразимъ, на сколько это теперь возможно, — что насъ заставили бы вдругъ изобрѣсти новыя названія для единицы, двухъ, трехъ и т. д., и мы поймемъ, какую трудную задачу представляло первоначальное образованіе и установленіе именъ числительныхъ. Гораздо легче придумать названія для предметовъ міра вещественнаго, потому что каждый изъ такихъ предметовъ представляетъ извѣстные атрибуты, признаки, которые языкъ можетъ выразить описательно — и названія для этихъ предметовъ готовы. Такъ напримѣръ море можно назвать „соленой водой", дождь—„небесной влагой", рѣки—„чадами земли". Но числа по самому существу своему—понятія до такой степени отвлеченныя, что напрасно было бы искать въ нихъ какихъ либо конкретныхъ признаковъ, которые могли бы послужить основой для образованія числительныхъ именъ. Всего легче управиться съ первыми числами: *одинъ*, *два;* — потому эти два числа имѣютъ въ арійскихъ языкахъ по нѣскольку названій. Но самое это обиліе могло бы только повести къ новымъ затрудненіямъ. Положимъ, что для обозначенія одного и того же числа существуетъ нѣсколько названій: не затемняется ли самое значеніе этихъ названій? Положимъ для примѣра, что число *пять*, называясь словомъ, имѣющимъ значеніе „открытая ладонь", въ то же время могло бы выражаться еще словомъ *пальцы*: эти два синонима были бы совершенно неудобны для размѣна мыслей. Или положимъ, что одно и тоже слово, означающее „пальцы на рукахъ или на ногахъ", могло бы употребляться для выраженія числа *пяти* и числа *десяти:* не подало ли бы это повода къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ? Потому, чтобы образовать и установить рядъ словъ для выраженія чиселъ: единицы, двухъ, трехъ, четырехъ и проч., родоначальники Аріевъ необходимо должны были положительно условиться для обозначенія каждаго числа не употреблять болѣе одного термина, соединяя съ каждымъ изъ этихъ терминовъ не болѣе одного опредѣленнаго значенія. Относительно другихъ словъ такого соглашенія не требовалось и на самомъ дѣлѣ не было, что лучше всего доказывается множествомъ синонимическихъ и поліонимическихъ (многозначущихъ) выраженій, обиліе ко-

торыхъ составляетъ отличительную черту каждаго древняго языка. Этотъ избытокъ, свойственный языку въ раннемъ періодѣ его жизни, умѣряется только впослѣдствіи долговременнымъ обращеніемъ языка въ литературномъ и житейскомъ употребленіи: только въ такомъ долговременномъ обращеніи каждый предметъ получаетъ одно опредѣленное названіе и за каждымъ названіемъ утверждается одно спеціальное значеніе.

Относительно арійскихъ числительныхъ именъ весь этотъ процессъ долженъ былъ совершиться еще въ ту пору, когда Греки не были Греками, Германцы—Германцами и т. д., ибо этимъ только можно объяснить то совпаденіе въ названіяхъ чиселъ, которое представляется намъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Санскрит.	Греческ.	Латин.	Литовск.	Готск.
I	ekas	εἷς (οἴνη)	unus	wienas	ains
II	dvau	δύω	duo	du	tvai
III	trayas	τρεῖς	tres	trys	threis
IV	tschatvâras	τέτταρες (Эол. πισυρες)	quatuor (Оскс. petora)	keturi	fidvôr
V	pantschaa	πέντε	quinque (Оскс pomtis)	penki	fimf
VI	schasch	ἕξ	sex	szeszi	saihs
VII	sapta	ἑπτά	septem	septyni	sibun
VIII	aschtau	ὀκτώ	octo	aztûni	ahtau
IX	nava	ἐννέα	novem	dewyni	niun
X	dasha	δέκα	decem	deszimt	taihun
XI	ekâdasha	ἕνδεκα	undecim	wieno-lika	ain-lif
XII	dvâdasha	δώδεκα	duodecim	dwy-lika	tva-lif
XX	vinshati	εἴκοσι	viginti	dwi-deszimti	tvaitigjus
C	shatam	ἑκατόν	centum	szimtas	taihun taihund
M	sahasram	χίλιοι	mille	tukstantis	thusundi

Если нельзя объяснить сходства числительныхъ во французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ и валашскомъ языкахъ, не допустивъ, что всѣ они произошли отъ одного общаго латинскаго типа, то къ тому же самому заключенію приводитъ и сличеніе числительныхъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Названія числъ были готовы уже въ томъ языкѣ, которому одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ и санскритъ и языкъ валашскій, — *но не далѣе сотни*. Для „тысячи“ у древнихъ Аріевъ, очевидно, еще не было соотвѣтствующаго рѣченія, и вотъ почему названія *тысячи* въ разныхъ арійскихъ

языкахъ различны, хотя впрочемъ въ самомъ этомъ различіи заключаются нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу арійскаго племени. Такъ, находя въ санскритѣ и въ зендѣ общее названіе для *тысячи* (скр. sahasra, зенд. hazanra), мы заключаемъ, что уже послѣ отдѣленія южной вѣтви арійскаго племени отъ сѣверной, предки брамановъ и предки послѣдователей Зороастра въ теченіи нѣкотораго времени продолжали говорить однимъ языкомъ. Такое же заключеніе вытекаетъ изъ сходства готскаго thusundi съ древне-прусскимъ tûsimtons (винит.), литовск. tukstantis и славянск. тысѧшта, между тѣмъ какъ Греки и Римляне не сходятся въ этомъ случаѣ съ остальными соплеменными народами; потому можно полагать съ полной вѣроятностью, что греческій и римскій народъ образовали свои именованія для тысячи, каждый отдѣльно, внѣ общенія съ другими арійскими народами.

Этотъ-то древнѣйшій періодъ, предшествовавшій выдѣленію народностей, я и называю *миѳопеическимъ*, ибо каждое изъ этихъ обще-арійскихъ словъ есть въ извѣстномъ смыслѣ — *миѳъ*. Слова эти первоначально имѣли нарицательное значеніе, выражая какой-нибудь одинъ изъ многихъ характеристическихъ аттрибутовъ извѣстнаго предмета, и какъ въ выборѣ этихъ аттрибутовъ, такъ и въ самомъ выраженіи ихъ въ языкѣ, обнаруживается нѣкотораго рода безсознательная поэзія, совершенно утраченная новѣйшими языками.

Кто-то сказалъ, что языкъ — ископаемая поэзія. Но какъ художникъ не знаетъ, что въ гипсѣ, изъ котораго онъ лѣпитъ свою статую, заключены останки органической жизни, такъ современный Англичанинъ, Нѣмецъ или Французъ не знаетъ, что, произнося слова father, vater, père, онъ зоветъ своего отца покровителемъ. Такъ же точно Греки, употребляя слово δαήρ, т. е. деверь, не подозрѣвали, что это наименованіе первоначально относилось только къ младшимъ братьямъ мужа, остававшимся дома съ женою старшаго брата, когда этотъ послѣдній отправлялся на поле или въ лѣсъ. Санскритское devar первоначально значило: „товарищъ или участникъ игръ (play-mate)“: такъ въ самомъ словѣ сказывалась его исторія; слово было — миѳомъ (миѳъ собств. значитъ *повѣствованіе*, *разсказъ*); въ греческомъ оно вывѣтрилось въ простое названіе, въ

условный терминъ. Однако и въ греческомъ еще слово θυγάτηρ не допускаетъ женской формы, точно такъ же, какъ даже въ наше время никто не рѣшится произвести мужскую форму отъ слова „дочь", хотя его первоначальное значеніе уже давно забыто.

Этимологическое сознаніе скоро теряется въ языкахъ: такъ въ латинскомъ мы находимъ не только женскую форму vidua т. е. *безмужная* (Penelope tam diu vidua viro suo caruit), но мужскую форму: viduus, которая, если разобрать ее этимологически, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и русское: вдовецъ, нѣмецкое wittwer и т. д. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что древне-латинское viduus [1]), одно изъ именъ подземнаго бога (Orcus), которому былъ воздвигнутъ храмъ за стѣнами Рима, заставляетъ, не смотря на замѣчательное звуковое сходство, серіозно сомнѣваться въ тождествѣ латинскаго vidua съ санскритскимъ vidhavâ. Остается предположить, что отъ vidua образовался глаголъ viduare, отъ котораго уже потомъ было произведено новое прилагательное viduus съ болѣе общимъ значеніемъ: *лишенный*, *не имѣющій* (privatus).

Но, спросятъ, какимъ же образомъ существованіе во всѣхъ арійскихъ языкахъ этого древняго наслѣдія общихъ рѣченій, или открытіе, что всѣ эти рѣченія первоначально имѣли поэтическій изобразительный смыслъ, можетъ объяснить повторяющееся у всѣхъ народовъ этой семьи явленіе миѳологическаго языка? Какимъ образомъ объясняется этимъ тотъ особый фазисъ въ развитіи человѣческаго духа, то особое умонастроеніе, изъ котораго возникли эти небылицы о богахъ и герояхъ, о горгонахъ и химерахъ, о существахъ, однимъ словомъ, которыхъ не видѣлъ ни одинъ человѣческій глазъ и ни какой человѣческій разумъ въ нормальномъ состояніи не могъ выдумать?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній касательно образованія словъ. Какъ ни утомительно можетъ показаться это для нашихъ читателей, мы надѣемся, что соображенія, которыя мы имѣемъ предложить ихъ вниманію, помогутъ намъ разсѣять

---

[1]) Hartung, Die Religion der Römer, II, 90.

мало по малу густую мглу баснословія и за туманными облаками, которыя окружаютъ первую зорю человѣческой мысли и языка, — разгадать дѣйствительность, такъ долго ускользавшую отъ насъ въ смутныхъ призракахъ миѳологіи.

Всѣ обще-арійскія слова, какія мы до сихъ поръ разбирали, суть названія извѣстныхъ предметовъ. Всѣ эти слова — существительныя (substantives), ибо всѣ означаютъ нѣчто „вещественно-существующее“ (substantial), доступное чувственному познанію. Это очень естественно, потому что языкъ въ первую пору своего развитія и не могъ выражать ничего инаго, кромѣ предметовъ — посредствомъ именъ существительныхъ, и свойствъ — посредствомъ глаголовъ. Потому единственное опредѣленіе, какое можно дать языку въ эту раннюю пору, будетъ слѣдующее: языкъ есть сознательное выраженіе въ звукахъ впечатлѣній, воспринятыхъ различными чувствами человѣка.

Мы такъ свыклись съ употребленіемъ отвлеченныхъ рѣченій, что едва ли можемъ составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ медленно и трудно вырабатывались они первоначально. Мы теперь едва можемъ представить себѣ языкъ безъ отвлеченныхъ выраженій, а между тѣмъ до сихъ поръ существуютъ языки, которые совсѣмъ не имѣютъ ихъ и, чѣмъ далѣе мы углубляемся назадъ въ древнѣйшій періодъ исторіи языковъ, тѣмъ менѣе встрѣчается этихъ столь необходимыхъ для человѣческой мысли выраженій. По отношенію къ языку каждое отвлеченное выраженіе—ничто иное какъ прилагательное, возведенное на степень существительнаго; но дойти до того, чтобы мыслить качество, какъ субъектъ, какъ существо,—дѣло очень трудное и собственно, въ строго-логическомъ смыслѣ, даже невозможное. Говоря: „я люблю добродѣтель“, мы рѣдко соединяемъ опредѣленное понятіе съ послѣднимъ словомъ. Добродѣтель не имѣетъ конкретнаго, индивидуальнаго, дѣятельнаго, личнаго бытія, не есть нѣчто такое, что могло бы непосредственно самимъ собою вызвать въ насъ впечатлѣніе. Слово *добродѣтель* не болѣе, какъ употребляемый для краткости условный терминъ, и тотъ, кто въ первые сказалъ: „я люблю добродѣтель“, говоря это, разумѣлъ собственно: „я люблю все, что добродѣтельно“.

Но есть другія слова, которыя мы теперь едва ли отнесемъ къ разряду отвлеченныхъ, которыя между тѣмъ первоначально были и въ строгомъ смыслѣ до сихъ поръ остаются отвлеченными. Я имѣю въ виду такія слова, какъ: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*, *заря* и *сумерки*, *буря* и *громъ*. Что въ самомъ дѣлѣ мы разумѣемъ, говоря: *день* и *ночь*, *весна* и *зима?* Намъ отвѣтятъ: извѣстную пору года или вообще опредѣленный періодъ времени. Но самое время? какъ мы его себѣ представляемъ? Время тоже не имѣетъ вещественнаго (substantial), индивидуальнаго бытія;—это не болѣе, какъ свойство, которому языкъ далъ предикаты субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря: *день наступаетъ*, *ночь приближается*, мы придаемъ предикатъ *дѣйствія* тому, что, какъ мы очень хорошо знаемъ, дѣйствовать не можетъ; мы строимъ предложеніе, въ которомъ, если подвергнуть его логическому разбору, не окажется опредѣленнаго подлежащаго. (Этимъ объясняются всѣ безличные обороты рѣчи: *смеркается*, *разсвѣтаетъ* и т. п.)

Тоже самое относится ко всѣмъ словамъ собирательнымъ, каковы: *небо*, *земля*, *роса* и *дождь* — даже *рѣки* и *горы*. Вѣдь говоря: „земля питаетъ человѣка", мы разумѣемъ не какой-нибудь извѣстный, осязаемый участокъ земной поверхности, но землю *вообще*, какъ недѣлимое цѣлое. Такъ же точно *небомъ* мы называемъ не тотъ клочекъ горизонта, который можетъ обнять нашъ глазъ. Въ обоихъ случаяхъ мы представляемъ себѣ нѣчто, не подлежащее нашимъ чувствамъ; но, какъ бы мы ни понимали это „нѣчто" — какъ цѣлое, какъ силу, какъ идею,—во всякомъ случаѣ, переводя это „нѣчто" въ слово, мы, невольно и сами того не подозрѣвая, придаемъ ему аттрибуты личнаго, индивидуальнаго бытія. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ языкѣ каждое имя имѣло опредѣленное родовое окончаніе, которымъ естественно вызывалось опредѣленное представленіе о полѣ мужскомъ или женскомъ, такъ что эти имена имѣли не только индивидуальный, но и половой характеръ. Не было ни одного существительнаго, съ которымъ бы не соединялось понятіе о полѣ мужскомъ или женскомъ (имена существительныя среднія — позднѣйшаго происхожденія и отъ мужскихъ и женскихъ могутъ быть отличены большею частію только въ именительномъ). Что же отсюда должно было произойти?

Пока народъ относился къ языку сознательно, пока онъ мыслилъ въ языкѣ, нельзя было говорить объ утрѣ или вечерѣ, веснѣ или зимѣ, не придавая этимъ представленіямъ до извѣстной степени индивидуальнаго, дѣятельнаго, половаго и наконецъ личнаго характера. Одно изъ двухъ: или и въ древнѣйшую пору языка эти слова были условныя выраженія чего-то на самомъ дѣлѣ несуществующаго, какими стали они теперь для нашей безцвѣтной мысли, или за ними признавалось реальное содержаніе; въ послѣднемъ случаѣ съ ними соединялось представленіе не о силахъ, или свойствахъ, а о *существахъ*, съ извѣстными силами и свойствами. Даже теперь, представляя себѣ природу какъ силу, не разумѣемъ ли мы подъ словомъ *сила* — нѣчто сильное, обладающее совокупностью извѣстныхъ силъ? А въ древнѣйшемъ періодѣ языка *природа* разумѣлась какъ Natura (т. е. Natura — отглагольное прилагательное, обращенное въ имя существительное) въ буквальномъ переводѣ: *имѣющая родить*, *родительница* (мать-природа), *непрерывно производящая*, *рождающая*. Не было ли такое представленіе въ тысячу разъ опредѣленнѣе того, которое мы теперь соединяемъ съ словомъ: *природа*?! Обратимся къ поэтамъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живаго образа, которые относятся къ языку не безразлично и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы μυθόλογοι. Развѣ истинный поэтъ можетъ, не насилуя своего чувства, говорить о природѣ и тому подобномъ, какъ о безразличныхъ, бездушныхъ силахъ? Откроемъ Вордсворта, и мы едва ли найдемъ у него хотя одинъ отвлеченный терминъ, которому бы поэтъ не съумѣлъ дать сколько-нибудь, такъ сказать, живой плоти и крови. Подтвердимъ это примѣрами:

Зима. *)

Художники, чтобъ намекнуть слегка
На то, какъ старость губитъ наши силы, —

*) За переводъ приводимыхъ здѣсь стиховъ Вордсворта редакція приноситъ глубокую благодарность профессору Д. Е. Мину.

Рисуютъ Зиму въ видѣ старика:
На посохъ опираясь, странникъ хилый,
Больной, въ лохмотьяхъ, онъ бредетъ одинъ
Въ ненастный день средь снѣговыхъ равнинъ.
Иль для того, чтобъ выразить измѣну
И грозную могучесть зимнихъ вьюгъ,
Они влагаютъ скипетра въ замѣну
Сухую вѣтвь въ персты застывшихъ рукъ, —
Девизъ достойный старости унылой,
Но не Зимы съ ея могучей силой!
Зима! Не твой ли ужасъ сокрушилъ,
Опутавъ адской сѣтью фронтъ и тылъ,
Ту рать, что̀ въ бѣгствѣ изъ страны полярной
Разбила въ прахъ свой замыселъ коварный, —
Ту рать, что̀, дерзко перейдя за грань
Возможнаго, съ Творцомъ вступила въ брань.
Но какъ отецъ разитъ сыновъ крамолу,
Сразила ты цвѣтъ юношей-бойцовъ;
Ты призвала лихой морозъ — и долу
Поверглась мощь мужей среди снѣговъ. . . . .

Вотъ еще отрывокъ изъ стихотворенія *Старость и Часы*.

Вокругъ чела, о Старость, свей
Вѣнокъ душистый изъ лилей!
Зови подъ сѣнь густыхъ лѣсовъ
Толпу смѣющихся Часовъ!
Вели имъ пѣть, плясать весь годъ
И къ нимъ вмѣшайся въ хороводъ!

Клада на бумагу эти строки, Вордсвортъ едва ли думалъ о Горахъ (Часахъ) классической миѳологіи: этотъ свѣтлый, улыбающійся образъ возникъ въ его душѣ такъ же непосредственно, какъ нѣкогда въ душѣ греческаго поэта возникъ художественный образъ *Горъ*. Или вотъ еще отрывокъ изъ піэсы *Бури и Времена года*:

Владыкѣ вашему хвалу гласите, Бури!
Ты, Лѣто, ты, Весна, златая Осень, — тамъ,

Въ странахъ полуденныхъ, въ полудорогѣ къ намъ,
Гдѣ *Время*, вашъ отецъ, на васъ съ полей эѳира
Глядитъ съ улыбкою, — столпившись въ хороводъ,
Побѣдный пойте гимнъ въ честь зимнихъ непогодъ!

Мы привыкли называть такой способъ выраженія поэтическимъ стилемъ (poetical diction), въ которомъ снисходительно можно допустить то, въ чемъ мы видимъ не болѣе, какъ гиперболическое украшеніе языка. Но для поэта въ этихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего гиперболическаго, какъ не было его и для нашихъ праотцевъ, которые, создавая языкъ, были безсознательными поэтами. Поэзія древнѣе прозы и отвлеченная рѣчь дается человѣку труднѣе полнаго поэтическаго сочувствія природѣ. Нужно усиліе рефлексіи для того, чтобы отнять у природы ея живые образы и видѣть въ быстро несущихся облакахъ только водянистыя испаренія, въ грозно-нахмуренной скалѣ — только каменную массу, а въ блескѣ молній — электрическія искры. Вордсвортъ *чувствуетъ*, что̀ говоритъ, когда взываетъ „къ горамъ, долинамъ и волнамъ, призывая ихъ въ свидѣтели и участники праведнаго негодованія“ (собств. презрѣнія, disdain):

Mountains, and Vales, and Floods, I call on you
To share the passion of a just disdain.

Когда онъ говоритъ о томъ, какъ „послѣдній холмъ шлетъ прощальный привѣтъ заходящему солнцу“ (the last hill that parleys with the setting sun), то это выраженіе вылилось у него изъ души въ минуту живаго общенія съ природой; въ этомъ сказалась мысль, еще не переведенная на казенную прозу нашей будничной рѣчи — мысль, которую древніе не нашли бы неумѣстной и въ простомъ, ежедневномъ разговорѣ.

У Вордсворта, этого „античнаго“ поэта новыхъ временъ (*this modern ancient*), есть цѣлыя произведенія, въ которыхъ, можно сказать, все — миѳологія, отъ начала до конца. И такъ какъ намъ впослѣдствіи представится случай еще разъ сослаться на Вордсворта, то я позволю себѣ выписать еще отрывокъ, жи-

вой смыслъ котораго Индусу или древнему Греку былъ бы гораздо болѣе понятенъ, нежели намъ:

Солнце.

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!
Своею благостью, о первенецъ Творца!
Ты въ силахъ умягчить и грубыя сердца,
Когда пылаешь ты, обычный посѣтитель,
Въ чертогахъ роскоши, гдѣ властвуютъ цари,
Иль входишь къ пахарю въ смиренную обитель,
Какъ всѣмъ доступный гость, съ сіяніемъ зари! —
Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ,
Бѣгущихъ заслонить твой животворный лучъ, —
Лучъ, ослѣпляющій и средь зимы полярной
Отважный взоръ высокопарный,
Дерзнувшій испытать, сколь пламень твой могучъ! —
Ты сей великій день приводишь въ міръ со славой,
Съ какой дозволено тебѣ сіять зимой
На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколѣ не прейдутъ земля и небеса! —
Молчанье мертвое надъ этими лугами
Подъ легкимъ инеемъ и тихая краса
Въ эѳиръ ушедшихъ горъ, бѣлѣющихъ снѣгами,
Ихъ сонъ торжественный и дивный блескъ вершинъ,
Гласящій жителямъ долинъ
О минованьи бури дикой, —
Все возвѣщаетъ намъ, что день насталъ великій! —
О свѣтъ божественный, который лишь одинъ
Всего доступнѣй намъ, взводящимъ къ небу взоры!
Ты, льющій кроткій блескъ на эти снѣжны горы,
Не забывающій и мирныхъ сихъ долинъ!
О ты, чьимъ пламенемъ вся грудь земли согрѣта,
Чей огнь былъ въ древности, какъ нашъ источникъ свѣта
Боготворимъ не безъ причинъ!
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, о Солнце, радость міра!
Сіяй же цѣлый день сегодня намъ съ эѳира!

И такъ, если мы сами, говоря о солнцѣ или о буряхъ, о снѣ и смерти, о землѣ и зарѣ, или не соединяемъ съ этими словами никакого яснаго представленія (distinct idea), или смутно чувствуемъ въ нихъ вѣяніе поэзіи давно-минувшихъ дней; если мы, когда намъ случается говорить съ свойственной сердцу человѣка теплотой, взываемъ къ вѣтрамъ, къ солнцу, къ океану или къ облакамъ, какъ будто бы они могли внимать намъ; если привыкшая къ пластичнымъ образамъ мысль поэта не можетъ представить ни одного изъ этихъ явленій, ни одной изъ этихъ силъ, не придавъ имъ если не человѣческій образъ, то по крайней мѣрѣ бытіе и чувства человѣческія: — что же удивительнаго, если древніе, языкъ которыхъ кипѣлъ жизнью и обиліемъ красокъ, что удивительнаго, если вмѣсто блѣдныхъ очертаній нашей современной мысли, они представляли природу и ея явленія въ цѣломъ рядѣ живыхъ образовъ, одаренныхъ силами человѣческими, или, скорѣе — выше человѣческихъ, по скольку блескъ солнца превосходитъ блескъ человѣческаго глаза, или ревъ бури громче человѣческаго голоса? Мы, люди книжные, конечно можемъ объяснить наукообразно происхожденіе дождя и росы, бури и грома; но для огромнаго большинства человѣчества эти явленія остались тѣмъ же, чѣмъ были онѣ для Гомера, только, быть можетъ, въ современныхъ представленіяхъ менѣе красоты, менѣе поэзіи, менѣе реальности и жизни. Вотъ что мы считали нужнымъ сказать объ особой трудности, соединенной съ выраженіемъ понятій отвлеченныхъ или собирательныхъ: — эта трудность, какъ мы увидимъ, поможетъ намъ объяснить многіе затруднительные пункты миѳологіи.

Обратимся теперь къ другой однородной чертѣ древнѣйшихъ языковъ — къ глаголамъ вспомогательнымъ. Между глаголами они занимаютъ тоже самое мѣсто, какое наименованія отвлеченныхъ понятій — между существительными. Всѣ эти глаголы позднѣйшаго происхожденія и первоначально имѣли болѣе реальное, конкретное значеніе. Наши вспомогательные глаголы должны были испытать длинный рядъ всякихъ превратностей, прежде нежели окончательно приняли тотъ блѣдный и безжизненный характеръ, благодаря которому они такъ пригодны для разныхъ потребъ отвлеченной прозы. Такъ, напримѣръ самый глаголъ

habere, который теперь во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ служитъ просто для обозначенія прошедшаго времени: j'ai aimé, *я любилъ*, этотъ самый глаголъ первоначально имѣлъ конкретное значеніе: *держать*, *удерживать*, что доказывается производнымъ существительнымъ: habenae—*бразды*, *вожди* (собств. *то*, *чѣмъ держатъ*, *сдерживаютъ*). Глаголъ *tenere* держать, въ испанскомъ языкѣ сталъ точно такъ же вспомогательнымъ, и почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ *habere*. Греческое ἔχω, соотвѣтствующее санскритскому sah, первоначально значило: *быть сильнымъ*, *быть способнымъ*. Латинское *fui*, *я былъ* (санскритское bhû, *быть*) соотвѣтствуетъ греческому φύω, и въ этой послѣдней формѣ доселѣ сохранило свое первоначальное конкретное значеніе: *рости* и *ростить*, *возрощать*. As, общій корень санскритскаго as-mi, греческаго ἐμ-μί, литовскаго as-ma, слав. ѥсмь, вѣроятно состоитъ въ близкой связи съ другимъ корнемъ âs, *сидѣть*, который встрѣчается въ греческомъ ἧσ-ται и санскритскомъ âs-te. Stare, *стоять*, въ языкахъ романскихъ также нисходитъ на степень простаго вспомогательнаго, напр.: j'ai été, *я былъ*, соб. habeo statum, я *сталъ*; j'ai été convaincu *я былъ убѣжденъ*, собств. я *сталъ* убѣжденнымъ; звуковой переходъ statum въ été подтверждается переходомъ латинск. status въ французск. état. Нѣмецкое werden, которое служитъ для образованія будущаго времени и страдательнаго залога, въ готскомъ varth, указываетъ на санскритское vrit, латинское verto. Will, въ англійской формѣ будущаго: *he will go*, точно также утратило свое коренное значеніе: *желать*, *хотѣть*. А въ глаголѣ shall (нѣм. soll), которое употребляется также въ будущемъ, I shall go, даже для филолога трудно открыть первоначальное значеніе юридическаго или нравственнаго обязательства. Между тѣмъ нѣмецкое существительное Schuld значитъ *долгъ* или *вина*, и глаголъ soll до сихъ поръ имѣетъ еще не одно только исключительно служебное, вспомогательное значеніе (для образованія будущаго, какъ англ. shall), первые слѣды котораго однако можно открыть въ именахъ трехъ тевтонскихъ паркъ: *Vurdh*, *Vurdhandi* и *Skuld*,—*прошедшее*, *настоящее* и *будущее* [1]). Но какое же могло быть первоначальное значеніе глагола, который, какъ мы

[1]) Kuhn, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, III, 449.

сейчасъ видѣли, уже въ самомъ раннемъ примѣненіи своемъ имѣетъ отвлеченный смыслъ нравственнаго долга или юридическаго обязательства? Гдѣ могъ языкъ, который вѣдь изъ одного вещественнаго міра заимствуетъ матеріалъ для образованія именъ и глаголовъ, гдѣ, говорю я, языкъ могъ найти что-либо соотвѣтствующее отвлеченной идеѣ: *они должны* заплатить, или: онъ *бы долженъ былъ* уступить? Я. Гриммъ, который старался проникнуть въ самые сокровенные тайники германскаго языка, предлагаетъ для этого глагола такое толкованіе, которое имѣетъ полное право на серьезное вниманіе съ нашей стороны, какъ бы ни показалось оно намъ на первый разъ страннымъ и невѣроятнымъ.

Англ. *shall* (нѣм. soll) и его прошедшее *should* (sollte) въ готскомъ имѣютъ слѣдующія формы:

настоящ.	прошед.
skal	skulda
skalt	skuldês
skal	skulda
skulum	skuldedum
skuludh	skuldedudh
skulun	skuldedun

Въ готскомъ эта форма *skal*, которую съ перваго раза можно принять за настоящее, оказывается архаической, устарѣлой формой прошедшаго, въ родѣ греческихъ прошедшихъ съ значеніемъ настоящаго, какъ напр. *οἶδα*. Въ нѣмецкомъ также есть нѣсколько такихъ глаголовъ, а въ англійскомъ ихъ отличительнымъ признакомъ служитъ отсутствіе буквы *s* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени.

И такъ skal, по мнѣнію Гримма, значитъ: я долженъ, я обязанъ, но первоначально значило: я убилъ. Главное преступленіе, которое осуждалось древне-германскимъ правомъ было убійство, за которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась денежная пеня (вира, Wergeld). Потому skal буквально значило: *я виновенъ въ преступленіи* (ich bin schuldig, I am guilty); а впослѣдствіи, когда это конкретное выраженіе обратилось въ условный юридическій терминъ, тогда стали возможны новые обороты въ родѣ слѣдующихъ: вмѣсто того чтобы

сказать: „я убилъ свободнаго человѣка, раба», говорили: «я повиненъ въ свободномъ человѣкѣ, въ рабѣ», (т. е. въ его смерти) и наконецъ: «я въ долгу (т. е. долженъ уплатить пеню за убійство) за раба, за свободнаго человѣка». Тѣмъ же самымъ путемъ Гриммъ объясняетъ еще позднѣйшія и еще менѣе нормальныя выраженія, каковы: «he shall pay, er soll zahlen», онъ *долженъ* заплатить, т. е. собств. онъ *виновенъ*, *повиненъ* заплатить, er ist *shuldig* zu zahlen; he schall go, er soll gehen, т. е. онъ *долженъ* идти и наконецъ I schall withdraw т. е. я чувствую себя обязаннымъ, повиннымъ удалиться.

Такой рѣзкій переходъ значенія кажется, безъ сомнѣнія, насильственнымъ и произвольнымъ, но мы бы допустили его съ бо́льшимъ довѣріемъ, если бы только обратили вниманіе на то, что почти на каждомъ изъ нынѣ употребительныхъ словъ можно наблюдать рядъ точно такихъ же превращеній; стоитъ только подвергнуть какое-нибудь слово этимологическому анализу и прослѣдить его исторію. Когда мы говоримъ: я *обязанъ* идти, я *обязанъ* заплатить, мы забываемъ, что происхожденіе этихъ выраженій относится къ тѣмъ временамъ, когда людей дѣйствительно *вязали* для того, чтобы обязать ихъ идти или платить. Hoc me fallit значитъ по латыни: «это меня обманываетъ», «ускользаетъ отъ меня». Впослѣдствіи это выраженіе получило другой смыслъ: «это отдалено отъ меня», «я имѣю въ этомъ нужду», я долженъ, хочу имѣть это: отсюда, французское *il me faut*, я долженъ. Далѣе англійское *I may*, я могу, есть готское: mag, maht, mag, magum, magudh, magun, и первоначально значило: я *силенъ*. Mag (стало быть I may) первоначально было тоже прошедшимъ и происходило отъ корня, который значилъ *рождать*, откуда готское magus, сынъ — *т. е.* рожденный, шотландское *Mac*, и готское magaths, дочь, нѣмецкое и англійское maid — дѣва.

Въ языкѣ миѳологическомъ мы должны замѣтить разъ на всегда отсутствіе глаголовъ съ исключительно-вспомогательнымъ, служебнымъ значеніемъ. Въ періодъ миѳо-творенія каждое слово, глаголъ или существительное, сохраняло во всей силѣ свой первоначальный конкретный смыслъ. Слова были не податливы, не легко допускали новые оттѣнки въ своемъ значеніи. Они выражали болѣе, чѣмъ требовалось для простаго

выраженія мысли. Отсюда многія странности миѳологическаго языка, которыя мы можемъ объяснить, только имѣя въ виду естественное развитіе языка. Мы теперь говоримъ: *солнце всходитъ вслѣдъ за зарею*, а древніе говорили: *солнце любитъ зарю и преслѣдуетъ ее своими объятіями*. Въ томъ, что мы называемъ *солнечнымъ закатомъ*, имъ видѣлось *старѣющее*, *изнемогшее* или *умирающее* солнце. Когда *всходило* солнце, имъ представлялось, что *ночь родила лучезарнаго сына*. Съ весной они опять соединяли представленіе о солнцѣ или небѣ: имъ казалось, что оно *заключаетъ землю въ свои горячія объятія и сыплетъ свои дары въ нѣдра природы*. У Гесіода есть много миѳовъ позднѣйшаго происхожденія, въ которыхъ стоитъ только конкретный глаголъ замѣнить вспомогательнымъ, и языкъ миѳическій превратится въ обыкновенную логическую рѣчь. Гезіодъ называетъ ночь (Nyx) матерью Рока (Moros) и мрачную Керу (Разрушенье) — матерью смерти, сна и сонма сновѣдѣній (Oneiroi), — потомства, по преданію, порожденнаго ею безъ отца. Далѣе, она называется матерью Момуса (Порицаніе), скорбной Oizys (Горе) и Гесперидъ (вечернія звѣзды), стерегущихъ по ту сторону Океана прекрасныя золотыя яблоки и плодоносныя деревья. Отъ нея же родились: Немезида (Мщеніе), Apatê (Обманъ), Philotês (Наслажденіе) и губительная Geras (Старость) и суровая Eris (Соревнованіе, споръ, вражда, раздоръ). Возьмемъ теперь наши теперешнія, обыкновенныя выраженія, какъ напр. „звѣзды появляются при приближеніи ночи“, „мы спимъ“, „намъ видится во снѣ“, „мы умираемъ“, „мы подвергаемся опасности во время ночи“, „пированье по ночамъ ведетъ за собою раздоръ, ссоры, и горе“, „съ каждой ночью мы приближаемся къ старости и наконецъ къ смерти“, „преступленіе, хотя и совершенное во мракѣ ночи, рано или поздно открывается днемъ“, „сама ночь отмститъ за себя злодѣю“, поставимъ эти выраженія вмѣсто гезіодовскихъ, и мы перевели языкъ Гезіода, — языкъ большею частію совершенно ясный для народа, къ которому онъ обращался — въ формы нашей современной мысли и рѣчи [1]). Все это едва ли можетъ быть названо языкомъ

[1]) Шекспировская Джульетта навѣрно понимала, въ какомъ смыслѣ Philotes (наслажденіе любви) могла быть названа рожденьемъ Ночи. Вотъ, какъ обращается она къ Ночи:

миѳологическимъ, въ собственномъ смыслѣ; это не болѣе, какъ поэтическій иносказательный способъ выраженія, общій всѣмъ поэтамъ новаго и древняго времени, съ какимъ и теперь очень часто встрѣтишься въ языкѣ простаго народа. Уранъ, на языкѣ Гезіода, употребляется какъ названіе неба; онъ созданъ или рожденъ „быть твердью (твердымъ жилищемъ) для пребыванія блаженныхъ боговъ“ [1]). У Гезіода сказано дважды, что Уранъ покрываетъ все (ст. 127) и что, когда онъ приводитъ ночь, то распростертый повсюду, заключаетъ землю въ свои объятія. Это выраженіе почти заставляетъ думать, что въ греческомъ миѳѣ сохранилось воспоминаніе о первоначальномъ этимологическомъ значеніи слова Uranos. Уранъ есть санскритское Varuna отъ корня VAR, покрывать. Въ Ведахъ Varuna—хотя употребляется вообще какъ одно изъ названій небесной тверди, но преимущественно означаетъ ночное небо и потому противополагается Митрѣ, т. е. дню. Во всякомъ случаѣ въ словѣ Uranos Грекамъ слышался какой-то отголосокъ его первоначальнаго значенія; когда мы читаемъ, что ему придается эпитетъ, ἀστερόεις (звѣздное небо), никогда не соединявшійся съ именами Аполлона или Діониса, намъ вѣрится съ трудомъ, что „для Грека, какъ думаетъ Гротъ, съ именами Uranos, Nyx, Hypnos и Oneiros (Уранъ, ночь, сонъ и сновидѣніе) соединялись такія же личныя представленія, какъ съ именами Зевса и Аполлона“. Стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ далѣе у Гезіода, чтобы убѣдиться, что потомство Геи, въ которомъ Уранъ занимаетъ первое мѣсто, еще не достигло

О Ночь, прибѣжище любви, приди
И распусти свой занавѣсъ густой,
Чтобы затмился взоръ идущихъ мимо,
Чтобъ Ромео пришелъ въ мои объятья
Невидимый, никѣмъ не осужденный!
Любовникамъ довольно ужь свѣтло
Отъ блеска ихъ взаимной красоты!
Къ тому жь, какъ говорятъ, слѣпа Любовь —
Чтожь можетъ съ ней дружнѣе Ночи быть?
По переводу М. Н. Каткова.

[1]) Гезіод. Θεογ. 128 —

Γαῖα δέ τοι πρῶτον μὲν ἐγείνατο ἴσον ἑαυτῇ
Οὐρανὸν ἀστερόεντθ' ἵνα μιν περὶ πάντα καλύπτοι
ὄφρ' εἴη μακάρεσσι θεοῖς ἕδος ἀσφαλὲς αἰεί.

того полнаго миѳологическаго олицетворенія, той кристаллизаціи, которая дѣлаетъ столь загадочнымъ первоначальный характеръ большей части олимпійскихъ боговъ. Въ своемъ введеніи Гезіодъ обращается къ музамъ съ вопросомъ: какъ родились боги и земля, какъ произошли рѣки и безбрежный Океанъ, свѣтлыя звѣзды и необъятное небо простертое сверху. (οὐρανὸς εὐρὺς ὕπερθεν)? Вся *Θεογονία* составляетъ отвѣтъ на эти вопросы; и потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Греки нѣкоторыя изъ именъ, которыя приводятся затѣмъ у Гезіода, понимали просто какъ поэтическія представленія явленій вещественнаго міра, какъ напр. земли, рѣкъ, горъ. Уранъ, первенецъ Геи, впослѣдствіи былъ возведенъ на степень божества — съ человѣческими чувствами и аттрибутами; но слѣдующее затѣмъ порожденіе Геи Οὔρεα μακρά, — великія горы, даже въ языкѣ отмѣчены среднимъ родомъ и потому ихъ едва ли можно разсматривать, какъ личности, подобныя Зевсу и Аполлону.

Гротъ заходитъ слишкомъ далеко, настаивая на чисто-буквальномъ разумѣніи всей греческой миѳологіи. Нѣкоторыя миѳологическія иносказанія оставались въ греческомъ языкѣ до весьма поздняго времени и были совершенно понятны, т. е. нуждались также мало въ объясненіяхъ, какъ наши теперешнія выраженія: „солнце садится", или „солнце встаетъ". Гротъ чувствуетъ необходимость допустить это, но отказывается отъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые прямо вытекаютъ отсюда. „Хотя" говоритъ онъ, „нѣкоторые изъ аттрибутовъ и дѣйствій, приписываемыхъ этимъ лицамъ часто могутъ быть объяснены иносказательно, аллегорически, но рядъ ихъ, вся система не допускаетъ такого способа толкованія: допустивъ этотъ способъ объясненія миѳовъ, изслѣдователь сначала ступаетъ легко и свободно, но, сдѣлавъ два, три шага, скоро убѣждается, что путь, который сначала казался ему такимъ легкимъ и удобнымъ, вдругъ засорился, и ему приходится прокладывать дорогу посредствомъ произвольныхъ ухищреній и догадокъ". Такъ Гротъ допускаетъ, что въ миѳологію входитъ и аллегорія, какъ одинъ изъ ея составныхъ ингредіентовъ; но далѣе онъ не идетъ, оставляя всю миѳологію, какъ загадку, пытаться разрѣшать которую напрасно, да и не слѣдуетъ,

какъ нѣчто нераціональное — какъ прошедшее, которое никогда не было настоящимъ; онъ не хочетъ даже попытаться объяснить, хотя бы только въ частностяхъ, эту важную проблему въ исторіи греческаго духа. Развитіе сколькихъ системъ могло бы быть задержано такимъ недостаткомъ „ученой смѣлости“ (scientific courage) — системъ, которыя, не смотря на то, что ихъ первые шаги были робки и неувѣренны, съ теченіемъ времени достигли блестящихъ результатовъ! Въ наукахъ палеонтологическихъ нужно пріучить себя къ мысли, что мы многаго не знаемъ и никогда не узнаемъ, и сказанное Светоніемъ о грамматикахъ: „boni grammatici est nonnulla etiam nescire“, т. е. хорошему грамматику слѣдуетъ и не знать кое-чего, можетъ быть въ особенности примѣнено къ тому, кто занимается миѳологическими изысканіями. Напрасно было бы пытаться разгадать тайну каждаго имени, и никто не признавался въ этомъ съ большей скромностью, какъ тотъ, кто заложилъ самое прочное основаніе сравнительной миѳологіи — Я. Гриммъ. Въ своемъ введеніи къ „нѣмецкой миѳологіи“ онъ не обинуясь говоритъ: „хочу объяснить все, что могу, но не могу объяснить многаго, что̀ бы мнѣ хотѣлось“. Отфридъ Мюллеръ проложилъ путь въ причудливый лабиринтъ греческой миѳологіи: ученый съ дарованіями и свѣдѣніями Грота могъ бы слѣдовать по этому пути или по крайней мѣрѣ опредѣлить, на сколько этотъ путь вѣренъ или не вѣренъ. На миѳѣ о Киренѣ (см. въ Proleg. 65 стр.) О. Мюллеръ показалъ, какъ долго былъ въ ходу между Греками миѳологическій способъ выраженія. Кирена, греческая колонія, была основана въ Ливіи около 37 олимпіады; поколѣніе киринейскихъ царей вело свой родъ отъ Миніевъ, которые господствовали главнымъ образомъ въ Іолкосѣ, въ южной Ѳессаліи; главнымъ поводомъ къ основанію колоніи послужило изрѣченіе оракула Аполлона пиѳійскаго. Отсюда возникъ миѳъ: „Аполлонъ, полюбивъ Кирену, героическую дѣву, которая жила въ Ѳессаліи, похитилъ ее и перенесъ въ Ливію“, между тѣмъ какъ мы на нашемъ обыкновенномъ языкѣ, это событіе выразили бы такъ: „Ѳессалійскій городъ Кирена выселилъ колонію въ Ливію, подъ ауспиціями (under the auspices) Аполлона.“ Можно привести много другихъ примѣровъ, гдѣ простая замѣна одного глагола другимъ,

болѣе вещественнаго значенія, разомъ снимаетъ съ миѳа его чудесную оболочку *).

Кавнъ называется сыномъ Милета, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: критскіе колонисты изъ Милета основали городъ Кавнъ въ Ликіи. Далѣе миѳъ гласитъ, что Кавнъ бѣжалъ изъ Милета въ Ликію, а сестра его Библосъ, съ горя объ утратѣ брата, превратилась въ источникъ. Здѣсь по ошибкѣ, какъ пользовавшійся бо̀льшею извѣстностію, чѣмъ критскій Милетъ, попалъ Милетъ іонійскій, ибо Библосъ не болѣе, какъ незначительная рѣчка близь іонійскаго Милета. Еще примѣръ: Павзаній передаетъ за историческій фактъ, что Милетъ, прекрасный отрокъ, бѣжалъ изъ Крита въ Іонію, спасаясь отъ ревности Миноса,—между тѣмъ дѣло состоитъ просто въ томъ, что іонійскій Милетъ былъ колоніею критскаго Милета, а Миносъ славнѣйшимъ изъ критскихъ царей. Или, напримѣръ, Марпесса называется дочерью Эвена — и одинъ миѳъ разсказываетъ, что она была увезена Идой (Idas), — знаменитымъ героемъ изъ роднаго города Марпессы. Въ этомъ миѳѣ заключается тотъ подтверждаемый и другими несомнѣнными свидѣтельствами историческій фактъ, что колонія, вышедшая отъ береговъ рѣки Эвена, основала въ Мессинѣ городъ Марпессу. И здѣсь опять миѳъ не забылъ прибавить, что Эвенъ, послѣ тщетныхъ попытокъ отвоевать дочь у похитителя, съ горя объ утратѣ Марпессы, превратился въ рѣку, подобно сестрѣ Милета—Библосъ.

Когда Греки называютъ себя автохтонами (αὐτόχθονες), намъ кажется, что мы понимаемъ смыслъ этого выраженія. Но, когда преданіе говоритъ намъ, что древнѣйшее названіе Ѳессаліи было πύῤῥα и что Гелленъ былъ сынъ Пирры, Гротъ хочетъ видѣть въ этомъ миѳѣ и утверждаетъ, что сами Греки, по крайнѣй мѣрѣ, никогда не сомнѣвались въ существованіи исторической личности, которая называлась Гелленомъ и женщины, которую звали Пиррой. Быть можетъ, справедливо утверждать это въ отношеніи къ позднѣйшимъ Грекамъ, каковы Гомеръ и Гезіодъ; но понималось ли, могло ли это пониматься такимъ образомъ съ самаго начала? Языкъ всегда былъ тоже, что и теперь: слово всегда имѣло первоначально какое-нибудь зна-

*) См. Mythologie von Kanne § 10, p. XXXII.

ченіе, и тотъ, кто бы онъ впрочемъ ни былъ, кто первый, вмѣсто того, чтобы сказать, что Геллены родились отъ земли, говорилъ о какой-то Пиррѣ, матери Геллена, желалъ, говоря это, выразить какую-нибудь понятную и разумную мысль; не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разумѣть какого-нибудь Геллена изъ своихъ знакомыхъ и старуху, по имени Пирру; однимъ словомъ: онъ долженъ былъ разумѣть тоже самое, что разумѣемъ мы, когда называемъ Италію—матерью искусствъ.

Даже во времена болѣе близкія къ намъ, нежели тѣ, о которыхъ говоритъ Отфридъ Мюллеръ, мы находимъ, что „миѳологическій способъ выраженія" былъ въ ходу у поэтовъ и философовъ. Павзаній жалуется на тѣхъ, которые „всюду вносятъ генеалогію и дѣлаютъ Пиѳія сыномъ Дельфа". Исторія Эрота въ Платоновомъ Федрѣ тоже названа миѳомъ (μύθος, 254 D, λόγος 257 B), но это не мѣшаетъ Сократу замѣтить иронически — что эта исторія „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ можно вѣрить и невѣрить" (τούτοις δὴ ἔξεστι μὲν πείθεσθαι, ἔξεστι δὲ μή). Тамъ же, приводя сказаніе объ египетскомъ богѣ Тейтѣ, онъ выдаетъ его за „сказаніе древности" (ἀκοήν γ' ἔχω λέγειν τῶν προτέρων), но Федръ ни на минуту не сомнѣвается, что это — собственное изобрѣтеніе Сократа: „Сократъ", говоритъ Федръ своему учителю, „какъ легко изобрѣтаешь ты египетскія и всякія сказанія" (λόγοι). Когда Пиндаръ называетъ Апофазисъ (извиненіе, оправданіе, тоже что, апологія) дочерью Эпиметея, то каждый Грекъ понималъ это миѳологическое выраженіе не иначе, какъ если бы Пиндаръ говорилъ: „оглядка ведетъ къ извиненію", или: „одумавшись, человѣкъ извиняется" [1]). Даже у Гомера, когда онъ говоритъ, что хромыя Litae (Мольбы) слѣдуютъ за

---

[1]) Ἐπιμηθεύς—послѣ поступка обдумывающій отъ ἐπι-μηθεόμαι—обдумывать послѣ поступка противупол προμηθέομαι, откуда: Προμηθεύς. О Мюллеръ показалъ, что различные поэты придавали различныхъ родителей *Эринніямъ*, смотря по тому, съ какимъ характеромъ выводили послѣднихъ. «Очевидно» — говоритъ онъ въ своемъ «*Опытѣ объ Эвменидахъ*, стр. 184,— эта генеалогія лучше соотвѣтствовала поэтическимъ цѣлямъ и образамъ Эсхила, нежели какая-нибудь изъ ходячихъ генеалогій, производившихъ Эринній отъ Скотоса и Геи (Софоклъ), Кроноса и Эвриномы (въ одномъ произведеніи, приписываемомъ Эпименилу), отъ Форкиды (Эвфоріонъ), Геи Эвриноме (Истронъ), отъ Ахеронта и Ночи (Евдемъ), Гадеса и Персефоны (орфическіе гимны), Гадеса и Стикса (Аѳенодоръ и Миксеасъ). См., впрочемъ, H. D. Müller, *Ares*, p. 67.

Судьбою (Ατê), стараясь умилостивить ее, Грекъ разумѣлъ тоже самое, что разумѣемъ мы, когда говоримъ: „послѣ смерти покаянья не бываетъ“, или когда употребляемъ извѣстную французскую поговорку: „l'enfer est pavé de bonnes intentions“. Точно такъ же и выраженіе: „мольбы, суть дщери Зевса“, едва ли можетъ быть отнесено къ области собственно миѳологіи, ибо Зевсъ считался у Грековъ покровителемъ молящихся, Ζεὺς ἱκετέσιος — отсюда Мольбы называются его дщерями, какъ англичанинъ свободу называетъ дочерью Англіи, или какъ мы говоримъ: „Молитва раждается въ душѣ“.

Но не смотря на ихъ миѳическую окраску, всѣ эти выраженія еще нельзя признать миѳами. Существенный характеръ настоящаго миѳа состоитъ именно въ томъ, что для объясненія его оказываются недостаточными сближенія съ оборотами обыкновенной разговорной рѣчи. Одною пластической изобразительностью языка въ древнюю пору (смотри сказанное выше объ образованіи именъ и глаголовъ) нельзя объяснить, какимъ образомъ миѳъ можетъ утратить способность выражать первоначально заключавшійся въ немъ смыслъ, какимъ образомъ утрачивается самое сознаніе этого первоначальнаго смысла. Трудностью образованія именъ и глаголовъ съ отвлеченнымъ значеніемъ мы можемъ объяснить только присутствіе аллегорическаго элемента въ поэзіи древнихъ, но миѳологія остается по прежнему загадкой. Поэтому должно призвать на помощь другой могучій элементъ, участвовавшій въ образованіи древняго языка, элементъ, для котораго я не нахожу лучшаго названія, какъ: *поліонимизмъ* (polyonymy, многоименность) и *синонимизмъ* (synonymy, соименность). [1]) Большая часть названій, какъ мы это видѣли прежде, были первоначально нарицательными или эпитетами, въ которыхъ выражалось то свойство, которое въ данный моментъ представлялось наиболѣе выдающимся, наиболѣе характеристическимъ признакомъ какого-нибудь предмета. Но такъ какъ у каждаго предмета есть нѣсколько признаковъ и такъ какъ съ извѣстной точки зрѣнія каждый изъ этихъ признаковъ могъ послужить поводомъ для наименованія предмета, то естественно большая часть предметовъ въ эту раннюю

[1]) См. мое письмо къ Бунзену *О туранскихъ языкахъ* p. 35.

пору носили нѣсколько наименованій. Съ теченіемъ времени бо̀льшая часть изъ нихъ оказались лишними и въ литературномъ, классическомъ языкѣ были замѣнены какимъ-нибудь однимъ, которое стало какъ бы собственнымъ именемъ предмета. Чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче синонимами (соименными).

Постоянное употребленіе синонимовъ должно было съ другой стороны вызвать множество гомонимовъ. Положимъ, что у насъ будетъ пятьдесятъ различныхъ названій солнца, изъ которыхъ каждое выражаетъ какое-нибудь свойство этого свѣтила: между этими названіями непремѣнно должны оказаться нѣкоторыя, которыя будутъ приложимы къ другимъ предметамъ, имѣющимъ то или другое общее съ солнцемъ свойство. Всѣ эти предметы получатъ одно общее названіе, будутъ гомонимы (одноименныя).

Такъ, напр. въ Ведахъ земля называется: urvî (пространная), prithwî (широкая), mahî (великая), и кромѣ того имѣетъ множество другихъ наименованій, число коихъ, по показаніямъ Nighantu, въ совокупности доходитъ до двадцати одного. Всѣ эти двадцать одно слово — синонимы. Но словомъ urvî (пространная) называется не только земля, но и рѣка; Prithwî называютъ не только землю, но и небо и зорю. Эпитетъ mahî (великій, сильный) наравнѣ съ землею прилагается къ коровѣ и къ человѣческой рѣчи. Потому земля, рѣка, небо, заря, корова, рѣчь— гомонимы. Впрочемъ всѣ эти наименованія просты и понимаются сами собою. Но большая часть древнихъ наименованій, которыя языкъ создаетъ, находясь на первыхъ ступеняхъ своей жизни, такъ сказать, въ первомъ порывѣ поэтическаго одушевленія юности, основаны на смѣлыхъ метафорахъ. Какъ скоро забывались эти метафоры — всего чаще меркло и измѣнялось первоначальное значеніе корней, отъ которыхъ произошли эти слова. Многія изъ этихъ словъ, естественно, должны были утратить не только свой этимологическій, коренной, но и переносный, поэтическій смыслъ. Изъ поэтическихъ метафоръ они обращались въ простыя, условныя названія и уже безсознательно по преданію переходили отъ одного поколѣнія къ другому: вполнѣ понятныя, быть можетъ, дѣду, еще довольно вразумительныя для отца, они непремѣнно становились чуждыми для сына и бывали превратно перетолкованы внукомъ. Такія превратныя толкованія или недоразумѣнія могли возник-

нуть разными путями. Могло забыться коренное значеніе слова: тогда слово, первоначально бывшее нарицательнымъ (appellative) или *именемъ*—nomen, въ этимологическомъ значеніи этого слова (nomen вмѣсто gnomen, quo gnoscimus res, то, почему узнается предметъ, какъ natus отъ gnatus), обращается въ простой звукъ, становится *именемъ* въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. простымъ условнымъ названіемъ. Такъ Ζεύς, — первоначально одно изъ названій неба, подобно санскритскому *dyâus*, мало по малу обратилось въ собственное имя, нарицательное значеніе котораго просвѣчиваетъ только въ нѣкоторыхъ поговоркахъ, каковы: Ζεὺς ὕει (дождитъ, идетъ дождь) или «sub Jove frigido» (подъ открытымъ небомъ).

Часто случалось, что, забывъ настоящій этимологическій смыслъ какого-нибудь слова, навязывали ему новое значеніе, руководясь въ этомъ случаѣ какимъ-то этимологическимъ чутьемъ, которое не совершенно утратилось даже въ новыхъ языкахъ. Такъ Λυκηγενής, т. е. *свѣторожденный*, *сынъ свѣта*— Аполлонъ превратился въ сына Ликіи (*отъ Ликіи рожденный*); эпитетъ Δήλιος, т. е. свѣтлый — послужилъ поводомъ къ происхожденію миѳа о рожденіи Аполлона на островѣ Делосѣ.

Съ другой стороны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ языкѣ было два названія для одного предмета или явленія, изъ этихъ двухъ названій возникали двѣ отдѣльныя личности, и такъ какъ каждой изъ нихъ приписывалась таже самая судьба, о каждой разсказывались однѣ и тѣ же похожденія, то эти двѣ личности естественно представлялись или братомъ и сестрой, или отцемъ и сыномъ и т. д. Вотъ почему мы находимъ у Грековъ Selene *мѣсяцъ* рядомъ съ Mene, тоже *мѣсяцъ*, Helios, *солнце*, и Phoebos — тоже самое; въ большей части греческихъ героевъ можно открыть очеловѣченныя черты греческихъ боговъ, а въ именахъ этихъ героевъ—первоначальные эпитеты ихъ божественныхъ прототиповъ. Еще чаще случалось, что прилагательное, постоянно соединяемое съ извѣстнымъ именемъ для обозначенія какого-нибудь предмета, вмѣстѣ съ этимъ именемъ переносилось и на другой предметъ. Что говорилось напр. о морѣ, потомъ приписывалось и небу; или напримѣръ солнце, разъ будучи названо львомъ или волкомъ, скоро получало когти и гриву въ постоянный аттрибутъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

животная метафора совершенно не имѣлась въ виду. Такимъ образомъ солнце съ его золотыми лучами могло быть названо *златорукимъ*, потому только что слово *рука* значило въ то же время и *лучъ*. Но въ приложеніи къ Аполлону или къ Индрѣ, эпитетъ „златорукій" развивался въ цѣлый миѳъ, который мы встрѣчаемъ какъ въ германской, такъ и въ санскритской миѳологіи: и та и другая повѣствуютъ, что Индра лишился руки, которая потомъ была замѣнена *золотой*.

Такимъ образомъ мы уже имѣемъ нѣсколько ключей къ тайнамъ миѳологіи, но самому способу ихъ употребленія можно научиться только съ помощію сравнительной филологіи. Какъ во французскомъ языкѣ трудно бываетъ угадать коренное значеніе многихъ словъ, не прибѣгая къ сравненіямъ съ родственными словами въ языкахъ итальянскомъ, испанскомъ или провансальскомъ; такъ точно и происхожденія многихъ греческихъ словъ нельзя объяснить безъ сближеній съ болѣе или менѣе сохранившимися остатками родственныхъ словъ въ языкахъ: нѣмецкомъ, латинскомъ, славянскомъ и санскритскомъ. Къ сожалѣнію между этими древнѣйшими языками ни одинъ не имѣетъ такого значенія, какое для романскихъ языковъ имѣетъ языкъ латинскій, съ помощію котораго мы можемъ опредѣлить, въ какой степени первообразна форма каждаго слова въ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Санскритскій нельзя назвать отцемъ латинскаго и греческаго языка, какъ латинскій можно назвать отцемъ всѣхъ романскихъ нарѣчій. Но, хотя санскритъ только братъ между братьями, тѣмъ не менѣе братъ старшій, потому что его грамматическія формы дошли до насъ въ древнѣйшемъ, болѣе первобытномъ видѣ; вотъ почему, какъ скоро удастся прослѣдить видоизмѣненія какого-нибудь греческаго или латинскаго слова до соотвѣтствующей ему формы въ санскритѣ, это уже почти всегда дастъ намъ возможность объяснить его построеніе (formation) и опредѣлить его первоначальное значеніе. Какъ бы мы, напримѣръ, узнали первоначальное значеніе словъ: πατήρ, μήτηρ и θυγάτηρ *), если бы наши изысканія должны были

*) Вотъ образчикъ этимологическаго словотолкованія ученыхъ древней Греціи изъ Etymologicum Magnum: — Θυγάτηρ, παρὰ τὸ θύειν καὶ δρμᾶν κατὰ γαστρός. ἐκ τοῦ θύω καὶ τοῦ γαστήρ. λέγεται γὰρ τὰ θήλεα τάχιον κινεῖσθαι ἐν τῇ μήτρᾳ.

ограничиться однимъ греческимъ языкомъ? Но какъ скоро мы возводимъ эти слова къ санскриту, ихъ первоначальный смыслъ становится совершенно яснымъ. О. Миллеръ одинъ изъ первыхъ увидѣлъ и призналъ, что классическая филологія всѣ этимологическія изысканія должна предоставить филологіи сравнительной, и что происхожденіе греческихъ словъ средствами одного только греческаго языка объяснено быть не можетъ. Это имѣетъ особую силу въ примѣненіи къ именамъ миѳологическимъ. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило миѳологическій смыслъ, необходимо, чтобы въ языкѣ утратилось или затемнилось сознаніе первоначальнаго, собственнаго значенія этого слова. Такимъ образомъ слово, которое въ одномъ языкѣ является съ миѳологическимъ значеніемъ, очень часто въ другомъ имѣетъ совершенно простой и общепонятный смыслъ. Напримѣръ Англичане (такъ же какъ и Русскіе) говорятъ: „солнце садится" («the sun sets») и говорятъ это, конечно, безсознательно, по привычкѣ; а между тѣмъ въ германской миѳологіи солнцу дѣйствительно придается сѣдалище или престолъ, на которомъ оно возсѣдаетъ, подобно тому какъ у древнихъ Грековъ Эосъ (заря) также называлась „златотронной", „χρυσόθρονος", или какъ новые Греки о заходящемъ солнцѣ говорятъ: ἥλιος βασιλεύει. Мы не соединяемъ никакого представленія съ именемъ Гекаты, но понимаемъ съ перваго раза, что значитъ Ἕκατος и Ἑκατηβόλος (далеко-разящій, эпитетъ Аполлона). Мы не знаемъ, что такое Lucina, но ни мало не затрудняемся на счетъ слова Luna, которое между тѣмъ есть ничто иное, какъ сокращенное Lucna. Такъ называемая индусская миѳологія имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ значенія для сравнительныхъ изслѣдованій. Всѣ сказанія о Шивѣ, Вишну, Магадевѣ, Парвати, Кали, Кришнѣ и пр.— поздняго происхожденія; они возникли уже на индійской почвѣ, (т. е. уже послѣ выдѣленія Индусовъ изъ обще-арійской семьи) и исполнены странныхъ и фантастическихъ вымысловъ. Но между тѣмъ какъ позднѣйшая миѳологія Пуранъ и эпическихъ поэмъ не представляетъ почти никакого матеріала для занимающагося сравнительной миѳологіей, въ Ведахъ сохранился цѣлый міръ первобытной, естественной и удобопонятной миѳологіи. Миѳологія Ведъ для сравнительной миѳологіи имѣетъ тоже самое значеніе, какое санскритъ имѣетъ для сравнительной грамматики.

Къ счастію въ Ведахъ миѳологія не успѣла еще сложиться въ опредѣленную систему. Одни и тѣже рѣченія употребляются въ одномъ гимнѣ какъ нарицательныя, въ другомъ—какъ имена боговъ. Одно и тоже божество занимаетъ разныя мѣста, становится то выше, то ниже остальныхъ боговъ, то уравнивается съ ними. Все существо ведійскихъ боговъ, такъ сказать, еще прозрачно; первоначальныя представленія, изъ которыхъ возникли эти божественные типы, еще совершенно ясны. Родословныя и брачныя связи боговъ еще не установились: отецъ иногда оказывается сыномъ, братъ — мужемъ; богиня, которая въ одномъ миѳѣ является матерью, въ другомъ играетъ роль жены. Мѣнялись представленія поэтовъ — мѣнялись свойства и роли боговъ. Нигдѣ такъ рѣзко не чувствуется огромное разстояніе, отдѣляющее древнія поэмы Индіи отъ самыхъ раннихъ начатковъ греческой литературы, какъ при сравненіи еще неуспѣвшихъ установиться, находящихся еще въ процессѣ развитія ведійскихъ миѳовъ съ достигшими полнаго, окончательнаго развитія и уже разлагающимися миѳами, на которыхъ основана поэзія Гомера. Настоящая ѳеогонія арійскихъ племенъ—Веды, между тѣмъ какъ Ѳеогонія Гезіода не болѣе, какъ искаженная карикатура первоначальнаго образа. Чтобы убѣдиться, въ какой степени духъ человѣческій, хотя ему отъ природы присуще сознаніе высшей божественной силы, неизбѣжно подчиняется неотразимому вліянію языка во всемъ, что касается сверхъестественныхъ и отвлеченныхъ представленій, слѣдуетъ читать *Веды*. Если хотите объяснить Индусу, что боги, которымъ онъ покланяется—не болѣе, какъ названія явленій природы, — названія, которыя мало по малу утратили собственный, первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены,—чтобы объяснить это Индусу, заставьте его читать *Веды*. Едвали разсчетливо поступали древніе отцы церкви, признавая языческихъ боговъ [1]) за демоновъ, за злыхъ духовъ;

---

[1]) Аристотель высказалъ свое мнѣніе о греческихъ богахъ въ одномъ мѣстѣ своей *Метафизики*. Онъ нападаетъ на идеи Платона, старается показать заключающіяся въ нихъ противорѣчія, называетъ ихъ αἰσθητὰ ἀίδια, безсмертными смертными (eternal uneternals), т. е. не имѣющими дѣйствительнаго, реальнаго существованія, какое при-

будемъ остерегаться, чтобы не впасть въ ту же самую ошибку относительно боговъ индусскихъ. Эти боги имѣютъ не болѣе правъ на признаніе за ними реальнаго существованія (substantive existence), чѣмъ греческія Эосъ (заря) или Гемера (день), чѣмъ Ночь (Nyx) или Апатэ (обманъ). Это маски, за которыми никогда не было живыхъ актеровъ, — не создатели человѣка, а его собственныя созданія; nomina (имена, названія), а не numina (божества); имена безъ содержанія, а не существа, которымъ нѣтъ имени.

Безъ сомнѣнія, есть примѣры, что греческій, латинскій или германскій миѳъ можетъ быть объясненъ изъ элементовъ одного греческаго, латинскаго или германскаго языка, подобно тому, какъ въ греческомъ много словъ, этимологическій смыслъ которыхъ можетъ быть объясненъ безъ помощи санскрита или готскаго языка. Мы начнемъ съ миѳовъ этого послѣдняго разбора, какъ болѣе легкихъ, чтобы потомъ уже перейти къ болѣе труднымъ, для которыхъ приходится добывать свѣтъ издалека. отъ снѣжныхъ скалъ Исландіи, изъ пѣсней *Эдды* или съ береговъ „Седмирѣчія", изъ гимновъ Ведъ.

Роскошное воображеніе, быстрота постиженія, живость умственныхъ способностей и неистощимое разнообразіе фантазіи, отличавшія Грековъ, легко объясняютъ, почему послѣ раздѣленія арійскаго племени не было языка богаче греческаго, не было миѳологіи разнообразнѣе греческой миѳологіи Создаваясь съ изумительной легкостью, слова забывались также легко, съ той безпечностью, которую придаетъ геніальнымъ людямъ сознаніе въ себѣ неистощимыхъ творческихъ силъ. Первоначальное созданіе каждаго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ. Но, подобно народной поэзіи Грековъ, эти слова, будучи разъ усвоены преданіемъ и ужившись въ языкѣ семьи, города или цѣлаго племени, въ мѣстныхъ діалектахъ или во всенародной рѣчи Греціи, скоро, если такъ можно выразиться, забывали о

писывается имъ людьми, которые утверждаютъ, что боги существуютъ, но въ то же время придаютъ имъ человѣческій образъ, дѣлая изъ нихъ такимъ образомъ «безсмертныхъ смертныхъ» — противорѣчіе, само себя уничтожающее.

томъ, кто ихъ создалъ, о поэтѣ, которому они были обязаны своимъ происхожденіемъ. Ихъ родословная и первоначальный смыслъ были неизвѣстны самимъ Грекамъ; этимологическое значеніе ихъ затруднило бы самаго остроумнаго антикварія. Но Греки заботились объ этимологической генеалогіи словъ своего языка такъ же мало, какъ мало интересовались они знать имя каждаго пѣвца, который, первый, сложилъ пѣсню о подвигахъ какого-нибудь Менелая или Діомеда. Какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ любознательность удовлетворялась однимъ Гомеромъ, такъ точно они хватались за всякое этимологическое производство, объяснявшее хотя одну какую-нибудь сторону въ значеніи слова, тѣмъ болѣе, что остроумнымъ догадкамъ, не стѣсненнымъ никакими историческими соображеніями, открывалось обширное поле. Извѣстно, какъ Сократъ, подъ вліяніемъ минуты, превращаетъ Эрота въ бога крыльевъ; Гомеръ такъ же мало затрудняется на счетъ этимологическихъ производствъ, полезныхъ по стольку, по скольку они доказываютъ, что настоящее этимологическое значеніе именъ боговъ было утрачено и забыто еще задолго до Гомера.

Всего удобнѣе проникнуть въ первоначальный смыслъ греческаго миѳа, когда у нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ сохранились имена, смыслъ которыхъ понятенъ изъ греческаго языка. Такія имена, какъ Эосъ, Селена, Геліосъ, Герса даютъ свою собственную исторію, даютъ точку опоры (ποῦ στῶ) для истолкованія всего остальнаго содержанія миѳа. Возьмемъ прекрасный миѳъ о Селенѣ и Эндиміонѣ. Эндиміонъ — сынъ Зевса и Калики, но въ тоже время сынъ элидскаго царя Аэтлія, который въ свою очередь считается сыномъ Зевса и которому Эндиміонъ, по преданію, наслѣдовалъ на элидскомъ престолѣ. Это обстоятельство указываетъ на мѣстное значеніе нашего миѳа, свидѣтельствуя во всякомъ случаѣ, что мѣстомъ его происхожденія была Элида и что, по греческому обычаю, элидскіе цари вели свою родословную отъ Зевса. Тотъ же самый обычай господствовалъ въ Индіи; оттого произошли два великіе царственные рода древней Индіи, такъ называемый—*родъ солнца и родъ луны* (Solar and Lunar races). Пуруравасъ, о которомъ подробнѣе впослѣдствіи,

говоритъ о себѣ: „великій владыка дня и царь ночи—мои предки; я внукъ ихъ“....

Потому можно допустить существованіе въ Элидѣ царя Аэтлія; у него могъ быть сынъ Эндиміонъ; но съ царемъ элидскимъ не могло случиться того, что миѳъ повѣствуетъ объ Эндиміонѣ. Миѳъ переноситъ Эндиміона въ Карію, на гору Латмосъ, потому что въ пещерѣ этой горы Селена увидѣла спящаго красавца, здѣсь плѣнилась имъ и здѣсь же утратила своего возлюбленнаго. Значеніе Селены не подлежитъ никакому сомнѣнію; и, если бы даже въ преданіи сохранилось одно только другое ея имя, Asterodia, мы тѣмъ не менѣе не могли бы перевести этого синонима иначе, какъ словомъ: мѣсяцъ, потому что Asterodia значитъ: «Путникъ среди звѣздъ». Но кто же былъ Эндиміонъ? Это одно изъ многихъ именъ солнца, но въ особенности заходящаго или умирающаго солнца. Это слово происходитъ отъ глагола ἐν-δύω, который, въ классическомъ языкѣ Греціи, никогда не употребляется о солнцѣ въ смыслѣ захожденія, ибо это послѣднее значеніе утвердилось разъ навсегда за простымъ глаголомъ δύω. Выраженію Δυσμαὶ ἡλίου, захожденіе, противополагается ἀνατόλαι, восхожденію солнца. Δύω первоначально значило *погружаться*; и такія выраженія, какъ: ἥλιος δ'ἄρ ἔδυ, солнце погрузилось, предполагаютъ болѣе раннее представленіе: ἔδυ πόντον — погрузилось въ море. Припомнимъ слова, съ которыми Ѳетида обращается къ своимъ спутницамъ, Ил. XVIII, 140:

Ὑμεῖς μὲν νῦν δῦτε θαλάσσης εὐρέα κόλπον,
Сестры мои! Погрузитеся въ лоно пространное моря.

Тоже самое представленіе солнца, погружающагося въ морскія волны, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, преимущественно у народовъ приморскихъ; напримѣръ, въ латинскомъ: «Cur *mergat* seras aequore flammas» [1]). Въ древне-скандинавскомъ: «Sôl gengr i aegi». Нѣкоторыя изъ племенъ славянскихъ представляютъ солнце женщиной, которая предъ наступленіемъ ночи погружается въ купальню, а утромъ встаетъ освѣженная и омытая, или называютъ море матерью солнца, въ объятія которой оно опускается каждый вечеръ. Потому можно

[1]) Grimm's Mythologie p. 704.

предположить, что въ какомъ-нибудь греческомъ нарѣчіи ἐνδύω имѣло тоже самое значеніе и что отъ ἐνδύω произошло ἐνδύμα — захожденіе солнца. Отъ ἐνδύμα потомъ образовалось ἐνδυμίων, какъ отъ οὐρανός — οὐρανίων и какъ большая часть названій греческихъ мѣсяцевъ. Если бы ἐνδύμα вошло въ употребленіе, какъ общепринятый терминъ для означенія солнечнаго заката, то никогда не могло бы возникнуть миѳа объ Эндиміонѣ. Но какъ скоро первоначальное значеніе Эндиміона было забыто, осталось одно собственное имя, къ которому стали относить все, что первоначально относилось къ солнцу. Чтобы сохранить какой-нибудь смыслъ, это имя должно было олицетвориться въ образѣ бога или героя. *Прежде* говорили, что заходящее солнце спитъ въ Латмійской пещерѣ, т. е. въ пещерѣ ночи, ибо Латмосъ происходитъ отъ одного корня съ словами: Лето, Латона, ночь; *потомъ* пещера ночи была замѣнена опредѣленной географической мѣстностью, а именно горой Латмосъ въ Каріи. *Прежде* подъ этимъ Эндиміономъ, который погружается въ вѣчный сонъ послѣ однодневной жизни, разумѣлось заходящее солнце—сынъ Зевса, т. е. яснаго неба, и Калике — все покрывающей ночи (отъ καλύπτω), а по другому сказанію, сынъ Зевса и Протогенеи, т. е. перворожденной богини — Зари, которая постоянно представляется матерью, сестрой или покинутой супругой Солнца. *Потомъ* въ Эндиміонѣ стали видѣть элидскаго царевича: поводомъ къ этому, вѣроятно, послужило извѣстное обыкновеніе греческихъ царей выбирать для своихъ дѣтей имена съ добрымъ предзнаменованіемъ (of good omen), имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ солнцу, мѣсяцу или звѣздамъ. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ именемъ свѣтила на его смертнаго соименника переносился и самый миѳъ, съ этимъ именемъ связанный. На древнемъ поэтическомъ языкѣ Элиды существовало нѣсколько изрѣченій: „Селена любитъ Эндиміона и сторожитъ его", т. е. становится поздно, вечеряетъ; „Селена заключаетъ Эндиміона въ свои объятія", т. е. мѣсяцъ всходитъ, когда сядетъ солнце; „Селена

---

*) Лауеръ въ своемъ сочиненіи: System der griechischen Mythologie, переводитъ: Endymion словомъ Taucher т. е. погружающійся. Гергардъ (Gerhard) въ своей Griech. Mythologie утверждаетъ, что ἐνδυμίων значитъ: ὁ ἐν δύμῃ ὤν.

своими поцѣлуями погружаетъ въ сонъ Эндиміона", т. е. настаетъ ночь. Народъ давно пересталъ понимать первоначальный смыслъ этихъ изрѣченій, но самыя изрѣченія продолжали употребляться долгое время спустя, и такъ какъ человѣкъ стремится узнать причину каждаго явленія и готовъ выдумать какую-нибудь, когда настоящая причина неизвѣстна, то въ народѣ, какъ бы по общему соглашенію и независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ, сложилось представленіе, что этотъ Эндиміонъ былъ какой-то юноша, любимый юною дѣвой, по имени Селеной. И если дѣти, не довольствуясь такимъ объясненіемъ, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту любопытствомъ домогались узнать объ этомъ поподробнѣе, то всегда находилась какая-нибудь старушка-бабушка, готовая добавить, что этотъ юный Эндиміонъ былъ сынъ Протогеней (при чемъ сама разскащица развѣ смутно сознавала, что подъ этимъ именемъ первоначально разумѣлась Заря, изъ нѣдръ которой родится Солнце), или сынъ Калики, мрачной и все одѣвающей своимъ покровомъ Ночи. Сколько другихъ, новыхъ нитей затрогивалось въ связи съ именемъ Эндиміона! Такъ напримѣръ, можно было предположить три или четыре (какъ мы дѣйствительно и находимъ у древнихъ поэтовъ) различныхъ причины для объясненія этого непробуднаго сна, которымъ былъ объятъ Эндиміонъ, и стоило какому-нибудь народному пѣвцу намекнуть на одну изъ этихъ причинъ, чтобы она стала миѳологическимъ фактомъ, который потомъ повторялся позднѣйшими поэтами; и вотъ Эндиміонъ мало по малу сталъ типомъ, но уже не заходящаго солнца, а просто цвѣтущаго юноши, любимаго чистой дѣвой, и для какого-нибудь царевича нельзя было найдти болѣе приличнаго имени, чѣмъ Эндиміонъ. Много миѳовъ было такимъ образомъ, на основаніи одного только сходства въ имени, перенесено на дѣйствительныя личности, хотя, касательно Эндиміона, должно сознаться, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ доказательствъ, что въ Элидѣ дѣйствительно существовалъ когда-нибудь царевичъ этого имени.

Такъ растетъ и развивается сказаніе, первоначально — простое слово, μῦθος, вѣроятно, изъ многочисленнаго разряда словъ съ областнымъ значеніемъ, которыя ходятъ только въ извѣстной мѣстности, и внѣ оной теряютъ свою силу. Такія слова не

употребляются при ежедневномъ размѣнѣ мыслей, они—то же, что для массы - вышедшая изъ обращенія монета, которую не бросаютъ однако, а берегутъ, какъ любопытную рѣдкость, или какъ украшеніе, пока наконецъ черезъ нѣсколько столѣтій она попадетъ въ руки антикварія и этотъ послѣдній разгадаетъ ея надпись и настоящее значеніе. Къ сожалѣнію греческія сказанія не дошли до насъ въ томъ первобытномъ видѣ, въ какомъ онѣ переходили нѣкогда изъ устъ въ уста между сельскимъ или горнымъ населеніемъ древней Греціи (подобно тѣмъ преданіямъ, которыя Гриммъ собралъ въ своей Миѳологіи изъ устъ нѣмецкаго простонародья),—въ томъ видѣ, какъ ихъ передавали нѣкогда молодому, подростающему поколѣнію старшіе члены семьи, уже сами только въ половину понимая настоящій смыслъ передаваемаго, совершенно непонятный для молодыхъ, — въ томъ видѣ, какъ эти сказанія пѣлись нѣкогда среди возникающаго города какимъ-нибудь поэтомъ, который, соединяя ходившія въ околодкѣ сказанія въ стройную, связную поэму, тѣмъ самымъ сообщалъ этимъ сказаніямъ однажды навсегда постоянную, опредѣленную форму. У Гомера,—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ передаетъ какое-нибудь мѣстное сказаніе,—все уже приведено въ систему, начало которой составляетъ ѳеогонія, центръ—осада Трои, конецъ—возвращеніе героевъ. Но сколькихъ отдѣловъ греческой миѳологіи Гомеръ ни разу даже не коснулся! За Гомеромъ слѣдуетъ Гезіодъ — моралистъ и догматикъ; онъ также даетъ не болѣе, какъ только ничтожный отрывокъ миѳологическаго языка Греціи. Такимъ образомъ нашъ главный источникъ составляютъ древніе лѣтописцы (chroniclers), которые смотрѣли на миѳологію, какъ на исторію, и брали изъ нея лишь столько, сколько было нужно для ихъ цѣли. Но эти лѣтописцы также не дошли до насъ, и мы можемъ только предполагать, что они послужили источникомъ, изъ котораго заимствовали свои свѣдѣнія позднѣйшіе писатели, каковы Аполлодоръ и схоліасты. Потому первое дѣло всякаго, кто занимается миѳологическими изслѣдованіями, состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту сѣть, отдѣлить позднѣйшую наслойку, отдѣлить все систематизирующее, и возстановить каждый миѳъ въ его первоначальномъ видѣ, еще не подведенномъ подъ извѣстную систему. Много случайнаго и несущественнаго придется совсѣмъ

отмыть, и когда намъ удается снять слой ржавчины, нанесенный вѣками, тогда мы должны, какъ это дѣлаютъ съ старинной монетой, прежде всего опредѣлить,—такъ сказать по характеру чекана, — мѣстность и, если можно, вѣкъ каждаго миѳа; и какъ старинныя монеты, по металлу, изъ котораго онѣ вычеканены, сортируютъ на золотыя, серебряныя и мѣдныя, такъ и въ миѳахъ слѣдуетъ тщательно отдѣлить сказанія о богахъ отъ сказаній о герояхъ и сказаній о простыхъ смертныхъ. Тогда, если мы наконецъ успѣемъ разгадать древнія имена и сказанія греческой или какой бы то ни было другой миѳологіи, мы увидимъ, что прошедшее, которое намъ представляется въ греческой миѳологіи, когда-то было настоящимъ, что въ этихъ окаменѣлыхъ остаткахъ заключены слѣды органической мысли, и что эти окаменѣлости жили нѣкогда на поверхности греческаго языка. Такъ, сказаніе объ Эндиміонѣ было настоящимъ въ то время, когда жителю Элиды былъ понятенъ смыслъ древняго выраженія: *луна* (Селена) *поднимается подъ покровомъ ночи* (иначе: въ Латмійской пещерѣ), *и, въ безмолвномъ упоеніи, любуется красой заходящаго солнца* — спящаго Эндиміона, Зевсова сына, которому достался отъ отца двойной даръ: непрерывнаго сна и вѣчной юности.

Въ Эндиміонѣ не слѣдуетъ видѣть солнце, въ значеніи божества, какимъ оно является въ образѣ Феба-Аполлона; Эндиміонъ есть воплощеніе свѣтила въ его ежедневномъ теченіи; рано утромъ оно встаетъ изъ нѣдръ зари, и вечеромъ, свершивъ свой блестящій, но скоротечный путь, заходитъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться къ этому смертному бытію. Такія представленія очень обыкновенны въ арійской миѳологіи, и съ этой-то точки зрѣнія солнце представляется то божественнымъ, но непричастнымъ безсмертію, то — живымъ, но погруженнымъ въ сонъ, то — смертнымъ, осчастливленнымъ любовью богини, но обреченнымъ общей участи смертнаго человѣчества. Такъ *Тиѳонъ* (это имя происходитъ отъ того же корня, какъ и Титанъ [1]) первоначально также выражалъ идею солнца въ дневномъ или годичномъ значеніи свѣтила. Тиѳонъ, подобно Эндиміону, не обладаетъ полнымъ без-

[1]) Ἀφελῶς δ' ἔλαμψε Τίταν. — *Anakreontea*, 47.

смертіемъ Зевса или Аполлона. Онъ пребываетъ вѣчно-юнымъ, но въ то же время осужденъ на вѣчный сонъ. Тиѳону боги даровали безсмертіе, но Эосъ забыла испросить вѣчную юность для своего любимца, и вотъ онъ, дряхлый старикъ, осужденъ вѣчно томиться въ объятіяхъ своей вѣчно-юной супруги, которая любила его, когда онъ былъ цвѣтущимъ юношей, и не перестаетъ лелѣять, когда онъ состарѣлся. Другія сказанія, не задумываясь надъ противорѣчіями или готовыя разрѣшить ихъ иногда самымъ насильственнымъ способомъ, называютъ Тиѳона сыномъ Эосъ и Кефала, подобно тому, какъ Эндиміона называли сыномъ Протогенеи, т. е. Зари. Эта свобода въ обращеніи съ миѳомъ показываетъ, что въ первое время Грекъ сознавалъ очень хорошо, что̀ такое значили слова: *каждое утро Эосъ покидаетъ ложе Тиѳона.* Пока этотъ способъ выраженія былъ понятенъ, миѳъ, можно сказать, былъ настоящимъ; онъ обратился въ прошедшее, какъ скоро Тиѳонъ превратился въ юношу изъ рода троянскихъ царей, одного изъ сыновей Лаомедона, брата Пріамова. Тогда выраженіе: „Эосъ утромъ покидаетъ ложе Тиѳона" получило миѳическій характеръ и условный смыслъ. Далѣе, такъ какъ Тиѳонъ превратился въ троянскаго царевича, то сыну его, Эѳіопскому Мемнону должна была достаться роль въ Троянской войнѣ. И между тѣмъ—какъ странно!—даже въ эту пору, въ сознаніи поэта, казалось, еще смутно просвѣчивала древняя миѳическая основа! — ибо въ сказаніи о томъ, какъ Эосъ оплакиваетъ своего сына, прекраснаго Мемнона, слезы ея называются „утренней росой", такъ что въ этомъ случаѣ, прошедшее можно сказать, было еще въ половину настоящимъ.

Упомянувъ о Кефалѣ, какъ о возлюбленномъ Эосъ и отцѣ Тиѳона, мы можемъ прибавить, что Кефалъ, подобно Тиѳону и Эндиміону, было однимъ изъ многочисленныхъ именъ солнца. Кефалъ — восходящее солнце, глава свѣта — выраженіе, нерѣдко, въ различныхъ миѳологіяхъ, прилагаемое къ солнцу. Въ *Ведахъ*, гдѣ очень часто встрѣчаются обращенія къ солнцу подъ именемъ коня, главой коня всегда именуется восходящее солнце. Такъ, поэтъ говоритъ (Ригъ-В. I, 163, 6): „я позналъ тебя духомъ, когда ты былъ еще далеко, — тебя, птица, возносящаяся изъ-подъ облаковъ; я узрѣлъ окриленную гла-

ву, текущую путями ровными и чистыми отъ праха". Германскіе народы также иногда именуютъ солнце глазомъ (подобно тому, какъ Гезіодъ говоритъ о всевидящемъ и все обозрѣвающемъ окѣ Зевса: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας), или ликомъ Одина *). Въ Ведахъ солнце также называется (I, 115, 1) „ликомъ боговъ" или „ликомъ Aditi" (I. 113, 9): „вѣтры", читаемъ въ Ведахъ, „омрачаютъ око солнца потоками дождя" (V. 59, 5). Подобному же представленію у Грековъ соотвѣтствуетъ имя Кефала; и, если Кефалъ называется сыномъ Герсы — Росы, то на языкѣ миѳологіи это значило то самое, что мы выразили бы такъ: „солнце всходитъ надъ росистыми полями". О Кефалѣ повѣствуется, что онъ былъ сыномъ Прокрисы, любилъ ее и оба поклялись въ вѣчной вѣрности другъ другу. Эосъ, пылая любовью къ Кефалу, призналась ему въ своемъ чувствѣ, но Кефалъ, вѣрный обѣту, отвергъ любовь богини. Эосъ знала, кто ея соперница, и предложила Кефалу оставаться вѣрнымъ женѣ, пока Прокриса, первая, не нарушитъ обѣта вѣрности. Кефалъ принялъ вызовъ: переодѣтый путникомъ явился къ своей супругѣ, и, не узнанный ею, успѣлъ снискать ея любовь. Узнавъ свой позоръ, Прокриса скрылась на островъ Критъ. Здѣсь Діана подарила ей копье и собаку, которыя не знаютъ промаха, и съ этимъ даромъ Прокриса возвратилась къ мужу, переодѣвшись охотникомъ. Они отправились вмѣстѣ на охоту, и Кефалъ сталъ просить ее уступить ему чудесную собаку и копье. Прокриса согласилась, но въ замѣнъ потребовала его любви, и, когда онъ уступилъ ея желаніямъ, она открылась ему и была снова принята Кефаломъ. Но Прокриса не переставала трепетать прелестей Эосъ, и разъ, въ то время, когда она ревниво подглядывала за мужемъ, онъ ненамѣренно убилъ ее тѣмъ самымъ копьемъ, которое никогда не пролетало мимо цѣли.

Прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію этого миѳа, который, впрочемъ, имѣетъ множество варіантовъ у греческихъ и латинскихъ поэтовъ, мы предварительно должны разложить его на составные элементы.

---

*) Grimm, Mythologie, 666.

Вопервыхъ: „Кефалъ любитъ Прокрису". Для объясненія Прокрисы необходимо обратиться къ Санскриту, гдѣ слова: prusch и prisch имѣютъ значеніе *брызгать*, *кропить*, и употребляются главнымъ образомъ о дождевыхъ капляхъ. Напримѣръ Ригъ-В. I, 168, 8: „Молніи, улыбаясь землѣ, озаряютъ ее, а вѣтры кропятъ ее дождемъ".

Тотъ же самый корень въ германскихъ нарѣчіяхъ получилъ новое значеніе: „морозъ" (frost), и Боппъ сближаетъ prusch съ древне-верхне-нѣм. frus, frigere, *зябнуть*, *мерзнуть*. Къ тому же корню слѣдуетъ отнести: πρῶξ, πρωχός — капли росы, и Prócris — роса. Такимъ образомъ жена Кефала ничто иное, какъ повтореніе Герсы, ея матери, такъ какъ *Герса* — роса, происходитъ отъ санскритскаго vrisch — *брызгать*. И такъ первая половина нашего миѳа въ переводѣ на обыкновенную рѣчь значитъ просто: „солнце лобзаетъ утреннюю росу".

Второе выраженіе: „Эосъ любитъ Кефала" не нуждается въ объясненіи. Это старая исторія, повторяющаяся сто разъ въ арійской миѳологіи: „заря любитъ солнце".

Третій моментъ миѳа: „Прокриса нарушаетъ вѣрность супругу, но тотъ, для кого она измѣнила мужу, никто иной, какъ тотъ же самый Кефалъ, только принявшій на себя новый видъ". Это можно объяснить, какъ поэтическій образъ солнечныхъ лучей, которые принимаютъ разные цвѣта, преломляясь въ капляхъ росы: въ этомъ смыслѣ о Прокрисѣ можно сказать, что ея любовь достается многимъ; но эти многіе—одинъ и тотъ же Кефалъ, который измѣнилъ свой видъ, но напослѣдокъ былъ узнанъ.

Наконецъ послѣдній моментъ: „Прокриса гибнетъ отъ Кефала" значитъ: „роса поглощается лучами солнца". Прокриса гибнетъ жертвою любви къ Кефалу, которому суждено сдѣлаться убійцею любимой женщины. Въ этомъ мы видимъ постепенное и неизбѣжное поглощеніе росы палящими лучами солнца, — явленіе, выраженное съ такой поэтической истиной въ образѣ неотразимаго копья, которымъ Кефалъ ненамѣренно умертвилъ свою ревнивую супругу, въ то время, когда она притаилась въ лѣсной чащѣ [1]).

---

[1]) La rugiada
Pugna col sole. Dante, Purgatorio, I, 121.

Стоитъ только свести вмѣстѣ приведенныя нами четыре рѣченія, и на основаніи ихъ любой поэтъ создастъ поэму о Кефалѣ, Прокрисѣ и Эосъ, объ ихъ любви и ревности. Если бы понадобились новыя доказательства для того, чтобы подтвердить связь Кефала съ солнцемъ, мы могли бы указать на то обстоятельство, что первое свиданіе Кефала и Прокрисы происходитъ на горѣ Гиметтѣ и что Кефалъ, ставъ невольнымъ убійцей жены, въ отчаяніи свергается въ море съ высоты левкадскаго мыса. Припомнимъ далѣе, что весь этотъ миѳъ цѣликомъ принадлежитъ Аттикѣ, для жителей которой солнце, въ теченіи большей части года, поднимается, въ видѣ лучезарной главы, надъ вершиной Гиметта. Прямая линія, проведенная отъ этого крайняго пункта Греціи на востокѣ до ея крайней западной оконечности, приведетъ насъ къ левкадскому мысу: потому было весьма естественно сказать, что Кефалъ именно здѣсь въ волнахъ океана схоронилъ свою скорбь объ утратѣ нѣжно-любимой супруги.

Другую великолѣпную картину солнечнаго заката представляетъ миѳъ о смерти Геркулеса. Его двойственный характеръ, какъ бога и какъ героя, засвидѣтельствованъ даже Геродотомъ, — и достаточно знать нѣкоторые изъ его эпитетовъ, чтобы убѣдиться въ его связи именно съ солнцемъ, хотя ни съ однимъ именемъ не соединялось, быть можетъ, такого множества разнообразныхъ сказаній миѳологическаго, историческаго и этическаго характера, какъ съ именемъ Геркулеса. Съ Зевсомъ и Аполлономъ онъ раздѣляетъ слѣдующіе эпитеты: Δαφνηφόρος, Αλεξίκακος, Μάντις, Ἰδαῖος, Ὀλόμπιος, Παγγενέτωρ.

Въ своемъ послѣднемъ странствіи Геркулесъ, подобно Кефалу, направляется отъ востока къ западу. На кинейскомъ мысѣ острова Эвбеи онъ совершаетъ жертвоприношеніе Зевсу въ это же самое время получаетъ отъ Деяниры роковую одежду, и вслѣдъ за тѣмъ, въ бѣшенствѣ, свергаетъ въ море Лихаса, который превращается въ Лихадскіе острова. Отсюда герой переправляется въ Трахисъ, потомъ на гору Эту, воздвигаетъ здѣсь свой похоронный костеръ и сгараетъ, послѣ чего сквозь облака возносится въ небесные чертоги безсмертныхъ боговъ, самъ получаетъ безсмертіе и становится супругомъ богини юности, Гебы. Одежда, присланная герою Деянирой, есть

образъ, нерѣдко повторяющійся и въ другихъ миѳологіяхъ; это та самая одежда, которую въ Ведахъ „матери ткутъ для своего лучезарнаго сына", — это облака, поднимающіяся надъ водами и облегающія солнце, подобно мрачной одеждѣ. Геркулесъ силится сорвать роковую одежду: его могучій блескъ расторгаетъ густѣющую пелену мрака — но только на мгновенье: снова огнистыя испаренья, сливаясь съ послѣдними лучами солнца, охватываютъ его, и сквозь разсыпанные на закатѣ облака̀ человѣку съ миѳологически-настроенной душой видится умирающій герой, который рветъ въ клочья свое собственное тѣло, пока это свѣтлое тѣло не истлѣетъ наконецъ въ общемъ, отовсюду объемлющемъ его, пожарѣ. Замѣтимъ, что имя послѣдней возлюбленной Геркулеса — Iole (фіалка — быть можетъ, вечернія, фіолетоваго цвѣта, облака) напоминаетъ намъ греческое ἰός ядъ (хотя звукъ ι долгій) и потому весьма легко могло послужить поводомъ для происхожденія миѳа о напитанной ядомъ одеждѣ Деяниры.

Почти всѣ данныя для раціональнаго объясненія приведенныхъ нами сказаній есть въ греческомъ языкѣ, хотя позднѣйшіе Греки, — я разумѣю Гомера и Гезіода, — въ бо́льшей части случаевъ конечно не подозрѣвали первоначальнаго значенія передаваемыхъ ими сказаній. Но какъ есть греческія слова, которыя не могутъ быть объяснены изъ одного греческаго языка, и которыя безъ пособія санскрита и другихъ родственныхъ нарѣчій для филолога остались бы навсегда пустыми звуками съ условнымъ значеніемъ, такъ есть и имена боговъ и героевъ, необъяснимыя съ греческой точки зрѣнія, которыя, чтобы разгадать ихъ первоначальный смыслъ, необходимо поставить лицемъ къ лицу съ соотвѣтствующими имъ по времени данными индусской, персидской, итальянской или германской миѳологіи. Мы объяснимъ это всего лучше, если приведемъ еще одинъ миѳъ о зарѣ:

— Ahan по-санскритски значитъ — день и собственно замѣняетъ *dahan*, какъ *ashru* слеза вмѣсто dashru, греческ. δάκρυ. Слѣдуетъ ли допустить дѣйствительную утрату начальнаго звука *d* или считать это *d* приставнымъ звукомъ, съ помощію котораго корень *ah* обособился въ dah, это вопросъ, не касающійся насъ въ настоящемъ случаѣ. Въ санскритѣ есть корень *dah*, что значитъ

горѣть, откуда могло произойти названіе дня, какъ *дуи* день произошло отъ dyu блистать. Такъ же мало значенія имѣетъ для насъ и другой вопросъ: отъ того же ли самаго или отъ другаго корня происходитъ готское *dags*, день? По этимологическому закону Гримма санскритское *daha* въ готскомъ должно было бы обратиться въ *taga*, а не въ *daga*. Но законъ Гримма терпитъ исключенія въ нѣкоторыхъ древнихъ общеарійскихъ именахъ, и Боппъ, кажется, расположенъ допустить тождественное происхожденіе словъ: daha и daga. Несомнѣнно, что названіе зари образовалось отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли нѣмецкія названія дня. Нѣмцы говорятъ: „der Morgen tagt", а въ древнемъ англійскомъ вмѣсто современнаго day, день назывался dawe, новѣйшему же англійскому dawn (свѣтать) соотвѣтствовало англо-саксонское dagian (нѣм. tagen). Въ Ведахъ, въ числѣ другихъ названій зари, одинъ разъ встрѣчается Ahanâ, а именно, Ригъ-В. I, 123, 4:

Grihám griham Ahanâ 'yâti *atschtschhá*
Divédive ádhi nâ'ma dádhânâ
Sísâsanti Dyotanâ 'sháshvat â'agât
A'gram agram ít bhadžate vásûnâm, т. е.

„Ahanâ (заря) приближается къ каждому жилищу — она, знаменующая наступленіе каждаго дня.

„Dyotanâ (заря), быстрая (active) дѣва, возвращается снова — она всегда первая пользуется всѣми благами".

Мы уже имѣли случай видѣть зарю въ различныхъ отношеніяхъ къ солнцу; но еще не встрѣчали ее въ роли его возлюбленной, которая убѣгаетъ отъ него и гибнетъ отъ его прикосновенія. Между тѣмъ это было одно изъ выраженій, очень обыкновенныхъ въ миѳологическомъ языкѣ древнихъ Аріевъ. Заря умерла въ объятіяхъ солнца, заря убѣгаетъ отъ солнца или солнце ниспровергло колесницу зари — всѣ эти выраженія, значили просто: заря скрылась съ восходомъ солнца. Такъ въ одномъ гимнѣ Ригъ-Веды, гдѣ прославляются подвиги Индры, главнаго солнечнаго божества Ведъ, мы читаемъ:

„Еще одинъ мужественный и доблестный подвигъ совершилъ ты, о Индра, поразивъ дщерь Dyaus'a (зарю), жену, которую трудно было одолѣть.

„Да, даже превознесенную дщерь Dyaus, зарю, ты, о Индра, великій герой, сокрушилъ на части.

„Заря торопливо исчезла съ своей сокрушенной колесницы, страшась, чтобы Индра-быкъ, не поразилъ ее.

„Колесница ея лежала на мѣстѣ, сокрушенная на части, а сама она скрылась далеко".

Хотя въ этомъ случаѣ Индра обходится довольно нецеремонно съ дочерью неба, но въ другихъ мѣстахъ Ведъ она составляетъ предметъ любви и страстныхъ желаній для всѣхъ свѣтлыхъ боговъ неба, не исключая и ея собственнаго отца. Солнце, говорится въ Ригъ-В. I, 115, 2, слѣдуетъ за нею позади, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиной. „Ее, Зарю, колесницу которой везутъ бѣлые кони, уносятъ въ торжествѣ два Ашвина", подобно Левкиппидамъ, которыхъ похищаютъ Діоскуры.

Если перевести или, лучше сказать, переложить слово Dahanâ на греческій, передъ нами явится Дафна, и намъ будетъ понятна вся ея исторія. Дафна „молода и прекрасна — ея любви ищетъ Аполлонъ — она убѣгаетъ отъ него, и умираетъ отъ его лучезарныхъ объятій", или, какъ это выражено у Ведійскаго поэта (X, 189): „Заря приближается къ нему — она умираетъ, какъ скоро онъ начинаетъ дышать, какъ скоро могучій своими лучами озаряетъ небо". У кого есть глаза, открытые видѣть, у кого есть сердце, способное чувствовать заодно съ природой, подобно поэтамъ древности, тотъ можетъ и теперь еще ежедневно видѣть Дафну и Аполлона — видѣть, какъ робко и трепетно разливается на небѣ заря и какъ она исчезаетъ при внезапномъ появленіи свѣтоноснаго бога. Превращеніе Дафны въ лавръ составляетъ уже чисто-греческое продолженіе того же обще-арійскаго миѳа. Слово „Дафна" у Грековъ перестало означать зарю и обратилось въ названіе лавра. Отсюда дерево „Дафна" считалось посвященнымъ возлюбленному Дафны—зари, а о самой Дафнѣ сложилось сказаніе, что она превратилась въ дерево въ то время, когда умоляла свою мать укрыть ее отъ преслѣдованій Аполлона *).

Безъ пособія *Ведъ* имя Дафны и связанное съ нею сказаніе осталось бы непонятнымъ, ибо позднѣйшій санскритъ не даетъ ключа къ этому имени — новое доказательство высокаго

*) Ср. Rv. IV. 30.

значенія Ведъ въ дѣлѣ сравнительной миѳологіи, которая, безъ помощи Ведъ, осталась бы навсегда загадочной и лишенной опредѣленныхъ началъ и прочной основы.

Желая показать, сколько различныхъ ладовъ можетъ быть въ миѳологическомъ языкѣ для выраженія одной и той же идеи, я ограничился названіями Зари. Въ самомъ дѣлѣ заря—одна изъ самыхъ богатыхъ жилъ арійской миѳологіи; другой рядъ сказаній, которыя служатъ воплощеніемъ борьбы зимы съ лѣтомъ, возвращенія весны, воскресенія природы, въ бо́льшей части языковъ представляетъ не болѣе, какъ только отраженіе или дополненіе древнѣйшихъ сказаній о борьбѣ дня и ночи и возвратѣ утра, когда оживаетъ весь міръ. Далѣе, сказанія о герояхъ солнечной породы, которые, въ грозѣ, борятся съ враждебными силами мрака, вытекли изъ того же самаго источника; и эти коровы, такъ часто упоминаемыя въ Ведахъ, которыхъ уводитъ Вритра, а Индра возвращаетъ назадъ, въ сущности это тѣже свѣтлыя коровы, которыхъ заря каждое утро выводитъ на пажить — это облака, проливающія изъ своихъ тучныхъ сосцевъ освѣжительный и плодотворный дождь или росу на поверхность томимой жаждою земли. Даже для насъ, которые знаемъ изъ философіи, что „nil admirari“ есть высшая степень человѣческой мудрости — ни одно зрѣлище не можетъ сравниться въ величіи съ зарею. Но въ древности способность удивляться составляла высшее благо, данное въ удѣлъ человѣчеству; и когда же духъ человѣка могъ сильнѣе проникаться чувствомъ удивленія, когда же сердце его могло болѣе переполняться отрадой и восторгомъ, какъ не въ минуту приближенія

„Владыки свѣта,
Жизни, любви и радости?“

Мракъ ночи поселяетъ въ душѣ человѣка благоговѣйный трепетъ, тревожное чувство смущенія и страха и приводитъ въ содроганіе всѣ его нервы. И вотъ онъ стоитъ, какъ заблудившееся дитя, въ тоскливомъ ожиданіи устремивъ взоры на востокъ, мѣсто рожденія дня, гдѣ уже столько разъ на глазахъ его зажигалось свѣтило міра. Какъ отецъ ожидаетъ рожденія своего дѣтища, такъ поэтически-настроенный человѣкъ древняго міра сторожилъ то мгновеніе, когда ночь готовится родить свое лучезарное чадо,

свѣтило новаго дня. И вотъ какъ будто медленно разверзаются врата небесъ и высыпаютъ изъ своего мрачнаго заключенія свѣтлыя стада зари на свою ежедневную пажить. Кому не случалось слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого свѣтлаго шествія,— когда небо представляется отдаленнымъ моремъ, въ которомъ плещутъ и переливаются золотыя волны,—когда вырвутся первые лучи восходящаго солнца, точно лучезарные кони, готовые облетѣть все поприще горизонта,—когда облака на востокѣ загорятся разными цвѣтами, зажигая, каждое, своимъ румянымъ блескомъ другія облака, болѣе отдаленныя отъ источника свѣта? Вотъ ужь загорѣлся не одинъ востокъ: со всѣхъ сторонъ, съ запада, юга и сѣвера, озарился небесный сводъ, и какъ бы въ срѣтеніе небесному свѣту, благоговѣйный поклонникъ зажигаетъ свой скудный огонекъ на очагѣ, этомъ семейномъ жертвенникѣ, и лепечетъ слова — слабое выраженіе радости, наполняющей природу и сердце человѣка: „Пробудитесь! говоритъ онъ: жизнь наша, духъ нашъ возвратился! мракъ исчезъ, приближается свѣтъ!“.

Если народы древности называли эти вѣчныя свѣтила неба своими богами, т. е. свѣтлыми (deva), то Заря, перворожденная (Протогенея), въ семьѣ боговъ вѣчно юная, вѣчно свѣжая, была самымъ милымъ человѣку божествомъ. Но если бы ей не досталось въ удѣлъ безсмертія, если бы ей удивлялись только, какъ благому существу, которое рождается каждое утро какъ бы для того только, чтобы разбудить сыновъ человѣческихъ, то невольно явился бы вопросъ: отъ чего жь она такъ кратковѣчна? Такъ быстро гаснетъ и умираетъ она, едва лишь явится источникъ свѣта во всемъ своемъ лучезарномъ величіи и своимъ первымъ быстрымъ взоромъ окинетъ небесный сводъ! Мы не можемъ понять того чувства, съ которымъ взиралъ на эти явленія природы древній человѣкъ. Намъ во всемъ видится законъ, порядокъ, необходимость. Мы разочли силу преломленія атмосферы, измѣрили возможное продолженіе зари въ каждомъ поясѣ, и ежедневное появленіе солнца сдѣлалось для насъ столь же обыкновеннымъ, какъ извѣстная аксіома: дважды два—четыре. Но, если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли снова увѣровать, что въ солнцѣ обитаетъ живое существо, подобное намъ, что въ зарѣ есть живая душа, доступная

человѣческимъ чувствамъ—если бы мы хоть на одно мгновеніе могли представить себѣ эти силы существами, одаренными личностью, свободой, способными сдѣлаться предметомъ обожанія, о какъ различно было бы то чувство, съ которымъ бы мы встрѣчали тогда первый румянецъ дня! Эта титаническая увѣренность, съ которой мы теперь говоримъ: „солнце *должно* взойти", была неизвѣстна древнимъ въ періодъ поклоненія силамъ природы, или, если ихъ и начинала поражать вѣчно-неизмѣнная правильность, съ которою солнце и другія свѣтила совершаютъ свое дневное поприще, тѣмъ не менѣе они не переставали видѣть въ нихъ существа, которыя подпали только временному принужденію, только на время связанныя—утратили свою свободную волю и подчинились высшей власти, но которыхъ, подобно Геркулесу, когда совершится ихъ призваніе, ожидаетъ горняя слава. Намъ представляются дѣтскими встрѣчающіяся въ Ведахъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „взойдетъ ли солнце?" „возвратится ли заря, нашъ давнишній благодѣтель"? „восторжествуетъ ли божество свѣта надъ темными силами ночи"?! И когда наконецъ всходило солнце, дивились люди, какимъ образомъ, едва родясь, оно является такимъ могучимъ, что, подобно Геркулесу, какъ будто еще въ колыбели одерживаетъ побѣду надъ чудовищами ночи? Они задавали себѣ вопросъ: какимъ образомъ оно идетъ по небу? отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? отчего оно не скатится внизъ съ своего небеснаго пути? Рядъ этихъ размышленій они кончали тѣмъ, что привѣтствовали солнце, какъ привѣтствуетъ его и современный намъ поэтъ:

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!

Человѣкъ чувствовалъ, что взоръ его не въ состояніи вынести лучезарнаго величія Того, кто назывался „жизнью, дыханіемъ, лучезарнымъ владыкой и отцемъ".

Такъ восхожденіе солнца было откровеніемъ природы; оно вызывало въ душѣ человѣка то чувство зависимости, безсилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, радости и вѣры въ высшія силы, въ которомъ заключается источникъ всякаго знанія, живой родникъ всякой религіи. Но если восходъ солнца внушалъ первыя молитвы, зажигалъ первое жертвенное пламя, то захожденіе солнца составляло другой моментъ, когда снова потря-

салось все нравственное существо человѣка. Вотъ приближаются тѣни ночи, человѣкъ не въ состояніи противиться неодолимой силѣ сна, которая охватываетъ его среди самыхъ его наслажденій, друзья расходятся,—человѣкъ остается одинъ— и въ одиночествѣ мысль его снова обращается къвысшимъ силамъ. Когда умираетъ день, поэтъ оплакиваетъ преждевременную кончину своего свѣтлаго друга; — скажемъ болѣе: въ его кратковременномъ поприщѣ онъ видитъ подобіе своей собственной жизни. Кто знаетъ, и его очи, быть можетъ, навѣки смежатся сномъ, и для него, быть можетъ, никогда болѣе не взойдетъ солнце, и вотъ—то мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось солнце, представляется ему обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда „до него отошли его отцы" и гдѣ всѣ мудрые, всѣ праведники наслаждаются „новой жизнью вмѣстѣ съ Ямой и Варуной". Или онъ могъ видѣть въ солнцѣ уже не кратковѣчнаго героя, но существо вѣчно-юное, которое пребываетъ вѣчно-неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ поколѣнія смертныхъ, одно за другимъ, сходятъ съ лица земли. Отсюда, единственно въ силу контраста, возникала первая мысль о существахъ не увядающихъ и не гибнущихъ—о существахъ безсмертныхъ, о безсмертіи! Тогда поэтъ обращался къ безсмертному солнцу съ мольбой — возвратиться, даровать спящему новое утро. Богъ дня становился такимъ образомъ богомъ времени, жизни и смерти. Потомъ вечерняя заря, сестра зари утренней, повторяя, хотя съ нѣсколько мрачнымъ оттѣнкомъ, всѣ чудеса картины утра,—какъ много чувствъ должна была она пробуждать въ объятой думою душѣ поэта — сколько поэтическихъ аккордовъ она должна была вызывать на исполненномъ жизни языкѣ древнихъ временъ! Утренняя ли это заря выходитъ снова, чтобы въ послѣдній разъ обнять того, кто разстался съ нею утромъ? Безсмертная ли она, каждое утро неизмѣнно вновь являющаяся богиня, а онъ—смертное, каждый день умирающее солнце? Или она — смертная, которая въ послѣдній разъ прощается съ своимъ безсмертнымъ возлюбленнымъ, и какъ будто сгараетъ вмѣстѣ съ нимъ на одномъ кострѣ, изъ пепла котораго онъ возносится въ чертоги боговъ, между тѣмъ какъ она умираетъ?

Переложимъ эти ежедневныя явленія природы на языкъ древности, и мы увидимъ, что насъ со всѣхъ сторонъ охва-

тываетъ миѳологія, исполненная противорѣчій и несообразностей: тоже самое существо представляется въ одно и то же время смертнымъ и безсмертнымъ, мужчиной или женщиной, по мѣрѣ того какъ человѣкъ переставляетъ поэтическую точку зрѣнія и придаетъ таинственной игрѣ природныхъ силъ краски, заимствованныя отъ своей собственной, человѣческой природы. Одинъ изъ миѳовъ, въ которомъ Веды выражаютъ это соотношеніе зари и солнца, эту любовь между смертной и безсмертнымъ и тождество вечернихъ сумерекъ съ утренней зарею—есть миѳъ объ Урваши́ и Пуруравасѣ. Эти два имени, Урваши́ и Пуруравасъ, для Индуса — не болѣе какъ имена собственныя; даже въ Ведахъ сознаніе ихъ первоначальнаго значенія почти совершенно утратилось. Въ Ригъ-Ведѣ есть разговоръ между Урваши́ и Пуруравасомъ, въ которомъ оба являются въ тѣхъ же самыхъ олицетвореніяхъ, какъ и въ драмѣ *Калидасы*. И такъ прежде всего предстоитъ доказать, что Урваши́ было сначала именемъ нарицательнымъ и означало—зарю.

Этимологія имени Урваши́ представляетъ нѣкоторыя трудности. Оно не можетъ быть произведено отъ urva съ помощію суффикса *sha* *), какъ предлагаетъ д-ръ Кунъ, потому вопервыхъ, что слова *urva* не существуетъ въ санскритѣ, и во вторыхъ, потому что слова производныя съ окончаніемъ *sha*, какъ roma*sh*á, yuva*sh*á и пр. имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Потому я скорѣе готовъ допустить общее индусское толкованіе, по которому это имя происходитъ отъ *uru*, пространный (εὐρυ) и корня a*sh* (обтекать), сближая этимъ путемъ имя uru-asî съ другимъ весьма употребительнымъ эпитетомъ зари urû*tschî*, женской формой отъ uru-a*tsch* далеко-ходящій. Безъ сомнѣнія, наиболѣе поразительную черту, которою заря отличалась отъ остальныхъ небожителей, составляло то, что она въ одинъ мигъ разливается по всему необъятному пространству небесъ, и что ея кони, какъ бы съ быстротою мысли, обтекаютъ цѣлый горизонтъ. Потому мы видимъ, что имена на *uru* въ санскритѣ и на εὐρυ въ греческомъ составляютъ почти постоянно древнія миѳологическія названія зари утренней и вечерней. Земля, правда,

*) Pâṇ. V. 2, 100.

также носитъ этотъ эпитетъ, но не въ тѣхъ соединеніяхъ, въ какихъ онъ прилагается къ лучезарной богинѣ зари. Къ именамъ зари принадлежатъ: Эврифаэсса, мать Геліоса, Эврикида или Эврипила, дочь Эндиміона, Эвримеда, супруга Главка, Эвринома, мать Харитъ, и Эвридика, супруга Орфея, значеніе котораго, какъ древняго божества, мы разсмотримъ впослѣдствіи. Въ *Ведахъ* имя Uschas или Эосъ не встрѣчается почти ни разу безъ-какого нибудь намека на ея пространно—разливающійся блескъ; какъ напр. „urviyâ vibhâti", она широкая сіяетъ; „urviyâ vitschâksche", она широкая обозрѣваетъ; variyâsi—широкая или пространная *), между тѣмъ какъ солнце представляется не *въ широту* простирающимъ, а мещущимъ *въ даль* свои лучи.

Но кромѣ самаго имени Урваши́, мы имѣетъ другія указанія, заставляющія предполагать, что первоначально она была богиней зари. Слово Васишта (Vasisch*th*a), хотя наиболѣе извѣстное какъ имя одного изъ главныхъ творцевъ Ведъ, есть превосходная степень отъ vasu, свѣтлый и принадлежитъ также къ числу названій солнца. Такимъ образомъ названія, приложимыя собственно только къ солнцу, были перенесены на древняго поэта. Онъ называется сыномъ Митры и Варуны т. е. ночи и дня,—названіе, имѣющее смыслъ только по отношенію къ Васиштѣ, солнцу; и такъ какъ солнце часто называется рожденнымъ отъ зари, то и поэтъ Васишта считается сыномъ Урваши́ (Ригъ-В. VII, 31, 11). Обстоятельства его рожденія сильно напоминаютъ рожденіе Афродиты, какъ оно описано у Гезіода.

Далѣе мы находимъ, что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ Ригъ-Веда упоминаетъ имя Урваши́, этой послѣдней приписываются тѣже самыя свойства и дѣйствія, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность Uschâs, Зари.

---

*) Изъ именъ греческихъ къ Урваши̇̀, кажется, всего ближе *Европа*, ибо небному sh въ греческомъ иногда соотвѣтствуетъ π, какъ напр. *ashva*=ἵππος. Единственную трудность представляетъ долгое ω въ греческомъ, иначе Европа, которую уноситъ бѣлый быкъ (vrischâ, мужчина, быкъ, жеребецъ, въ Ведахъ одно изъ часто встрѣчающихся названій солнца, и *shveta*, бѣлый, эпитетъ, прилагаемый къ тому же божеству), уноситъ на своей спинѣ (заря часто представляется за спиной солнца, Эвридики), въ отдаленную пещеру (вечерній сумракъ), мать *Аполлона*, божества дневнаго свѣта, и *Миноса* (Ману, смертный Зевсъ)—всѣ эти черты представляютъ много общаго съ богиней зари.

Объ Uschâs часто говорится, что она продолжаетъ жизнь человѣческую, и то же самое разсказывается объ Урваши̇̀ (Рв. IV, 2, 18; V. 41, 19; X. 95, 10). Въ одномъ мѣстѣ Урваши̇́ принимается даже какъ множественное, въ томъ смыслѣ, что изъ многихъ зорь, иначе изъ многихъ дней составляется продолженіе человѣческой жизни; этимъ доказывается, что нарицательное значеніе этого имени не было еще совершенно забыто. Далѣе, она называется antarîkschaprâ, наполняющая воздухъ, — обычный эпитетъ солнца, brihaddivâ, широкая блескомъ: все это указываетъ на свѣтлое явленіе зари. Но самое убѣдительное доказательство того, что Урваши̇́ была заря, представляетъ сказаніе объ ея любви къ Пуруравасу, сказаніе, которое можетъ относиться только къ солнцу и зарѣ. Что *Пуруравасъ* (Purûravas) — самое приличное имя для солнечнаго героя, это едва ли требуетъ доказательствъ. Пуруравасъ значило тоже самое, что πολυδεύκης „одаренный великимъ свѣтомъ"; ибо хотя rava говорится собственно о звукѣ, но корень ru, который первоначально значитъ: кричать, прилагается также и къ цвѣту *), въ смыслѣ рѣзкаго, преимущественно краснаго цвѣта (rudhirâ, ἐρυθρός, ruber, rufus, лит. randa, др.-верх.-нѣм. rôt). Кромѣ того Пуруравасъ самъ себя называетъ Vasischtha, что, какъ мы видѣли, есть одно изъ именъ солнца; и, если онъ называется также Aira, сыномъ Иры (Irâ), то въ другомъ мѣстѣ (Ригъ-В. III. 29. 3) то же самое имя прилагается къ Agni, огню.

Миѳъ о связи Урваши̇́ и Пуруравасa въ его древнѣйшей, первобытной формѣ, мы находимъ въ Брахманѣ *Яджурв-Веды*. Тамъ мы читаемъ:

„Урваши̇́, изъ рода фей, полюбила Пуруравасa, сына Иры, и, встрѣтясь съ нимъ, сказала ему: — „три раза въ день ты можешь заключать меня въ свои объятія, но никогда противъ моей воли и никогда не давай мнѣ увидѣть себя безъ твоей царской одежды!" Такимъ образомъ она жила съ нимъ долгое время. Тогда Гандарвы, ея прежніе друзья, сказали: „долго жила Урваши̇́ между смертными: пускай возвратится она къ намъ". Къ ложу, на которомъ покоились Урваши̇́ и Пуруравасъ, была привязана овца съ двумя ягнятами. Гандарвы похитили одного изъ нихъ. Тогда Урваши̇́ сказала:

*) Такъ Рв. VI. 3, 6 сказано: огонь кричитъ свѣтомъ (shotschischâ) ратріі; двѣ спартанскія Харити называются Κλυτή и φαεσί, т. е. Слава, ясно-значащая и ясно-свѣтящаяся. О послѣднемъ солнцѣ въ Ведахъ говорится: одинъ кричитъ,

„они похищаютъ моего любимца, какъ-будто я живу въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни одного героя, ни одного мужа!“ Гандарвы похитили другаго ягненка, и она стала опять подстрекать своего мужа. Тогда Пуруравасъ взглянулъ и сказалъ: „Какъ можетъ не быть героевъ и мужей въ землѣ, гдѣ я живу“? И онъ вскочилъ нагой, подумавъ, что было бы слишкомъ долго надѣвать платье. Тогда Гандарвы послали молнію, и Урваши́ увидѣла своего мужа нагимъ, такъ ясно, какъ бы это было днемъ. Въ ту же минуту она скрылась; „я возвращусь“, сказала она — и исчезла. Тогда въ горькой скорби онъ сталъ оплакивать свою утраченную любовь и отправился въ окрестности Курукшетры. Тамъ есть озеро, по имени Anyataâplakhscha, наполненное цвѣтами лотоса. Между тѣмъ, какъ царь ходилъ по берегамъ его, феи играли въ водѣ, въ образѣ птицъ. Урваши́ узнала его и сказала: „вотъ человѣкъ, съ которымъ я жила такъ долго“. Подруги ея сказали: „покажемся ему“. Она согласилась, и онѣ предстали предъ нимъ. Тогда царь узналъ ее и воскликнулъ: „а! жена моя! остановись, жестокая сердцемъ! обмѣняемъ нѣсколько словъ! Наши тайны, если мы не выскажемъ ихъ другъ другу сегодня, не принесутъ намъ счастья никогда въ будущемъ“. Она возразила: „что мнѣ дѣлать съ твоею рѣчью? я исчезла, какъ исчезаетъ первая заря. Пуруравасъ! возвратись домой! Уловить меня такъ же трудно, какъ трудно уловить вѣтеръ“. Тогда, въ отчаяніи, онъ воскликнулъ: „такъ пускай же падетъ тотъ, кто прежде былъ твоимъ возлюбленнымъ, пускай падетъ онъ, чтобы никогда болѣе не вставать; пускай онъ скроется далеко, далеко! пускай онъ ляжетъ на порогѣ смерти, пускай растерзаютъ его хищные волки“!—„Не умирай! о, Пуруравасъ“! возразила она. „Не падай, и да не растерзаютъ тебя хищные волки! нѣтъ дружбы съ женщинами, ихъ сердца—сердца волковъ. Когда я въ другомъ образѣ обитала между смертными, когда я провела съ тобою много ночей въ теченіе четырехъ осеней, я вкушала однажды въ день по небольшому куску масла—и даже теперь, при мысли объ этомъ, я чувствую наслажденіе“. Такъ-то, наконецъ, ея сердце смягчилось, и она сказала: „приходи ко мнѣ на послѣднюю ночь въ году, ты проведешь со мною эту ночь и у тебя родится сынъ“. Въ послѣднюю ночь года онъ отправился къ золотымъ чертогамъ, и когда онъ стоялъ одинъ и дожидался, ему приказали взойти на верхъ, и прислали къ нему Урваши́. Она сказала ему: „завтра Гандарвы исполнятъ тебѣ одно желаніе; выбирай!“ Онъ сказалъ: „выбери за меня“! Она отвѣчала: „скажи имъ: пускай я буду однимъ изъ васъ“. Рано на слѣдующее утро, Гандарвы предложили ему выборъ; но, когда онъ сказалъ: „пускай я буду однимъ изъ васъ“, они возразили: „еще невѣдомъ человѣку тотъ видъ священнаго огня, посредствомъ котораго онъ могъ бы совершить жертвоприношеніе, чтобы стать однимъ изъ насъ“. Затѣмъ они открыли Пуруравасу тайну одного жертвоприношенія, и, когда онъ совершилъ его, онъ самъ сталъ однимъ изъ Гандарвовъ“.

Вотъ простой разсказъ, который приводится въ Брахманѣ съ цѣлію показать важное значеніе извѣстнаго священнаго обряда; обрядъ, съ помощію котораго Пуруравасъ достигъ безсмертія, заключался въ зажженіи огня посредствомъ тренія. Стихи, встрѣчающіеся въ разсказѣ, взяты изъ Ригъ-Веды, гдѣ, въ послѣдней книгѣ, между многими загадочными остатками

народной поэзіи, мы находимъ и разговоръ двухъ возлюбленныхъ. Онъ состоитъ изъ семнадцати стиховъ, изъ которыхъ авторъ Брахманы зналъ только пятнадцать. Но въ одномъ изъ приводимыхъ имъ стиховъ Урваши́ говоритъ: „Я скрылась навсегда, подобно первой изъ зорь". Это показываетъ, что въ душѣ поэта смутно мерцалъ древній миѳъ и напоминаетъ намъ слезы, которыя мать Мемнона проливала надъ тѣломъ своего сына, и которыя даже позднѣйшіе поэты называли утренней росой. Далѣе, въ четвертомъ стихѣ, Урваши́, обращаясь къ самой себѣ, говоритъ: „эта женщина (т. е. я сама), когда была его супругой, о заря! приходила къ нему въ домъ, и наслаждалась его объятіями днемъ и ночью". Далѣе, она разсказываетъ своему супругу, что онъ былъ созданъ богами для того, чтобы противустоять силамъ мрака (dasyuhatyâya): извѣстно, что это назначеніе приписывается постоянно Индрѣ и другимъ существамъ солнечнаго происхожденія. Даже самыя имена спутницъ Урваши́ указываютъ на зорю, и Пururavas говоритъ:

„Когда я, смертный, обнималъ мощными руками этихъ неуловимыхъ безсмертныхъ, они трепетно ускользали отъ меня, какъ трепетная голубица, какъ кони, которые бьются въ упряжи".

Ни одна богиня не называется такъ часто другомъ человѣка, какъ заря. „Она посѣщаетъ каждое жилище" (I. 123, 4); „она заботится о жилищѣ человѣка" (I. 123, 1); „она не пренебрегаетъ ни великимъ, ни малымъ" (I. 124, 6); „она приноситъ богатство" (I. 48, 1) „она всегда одинакова, безсмертная, божественная" (I. 124, 4; I. 123, 8); „она не старѣется" (I. 113, 15); „сама она—новая богиня, но старитъ человѣка" (I. 92, 11). Такъ Пururavas называлъ Урваши́ „безсмертною между смертными"; и въ послѣднемъ стихѣ обращался къ своей возлюбленной съ такими словами:

„Я, пресвѣтлое солнце, я держу Урваши́, ее, которая воздухъ наполняетъ (свѣтомъ), и разстилаетъ небо. Да будетъ на тебѣ благословеніе твоего благого дѣла! Воротись, сердце горитъ во мнѣ".

Затѣмъ поэтъ продолжаетъ:

„Такъ, о сынъ Иры, вѣщали тебѣ боги: чтобы тебѣ, обреченному смерти, стать таковымъ (безсмертнымъ), твоя порода должна чтить боговъ приношеніями! Тогда и ты удостоишься наслаждаться на небесахъ".

Разумѣется, необходимо допустить, что даже поэтамъ Ведъ также мало былъ извѣстенъ первоначальный смыслъ именъ Урваши и Пуруравасa, какъ мало Гомеръ зналъ первоначальный смыслъ имени Тиѳона, если не самой Эосъ. Для нихъ они были герои, существа неопредѣленныя, люди — не люди, боги — не боги. Но намъ, хотя и несравненно болѣе отдаленнымъ по времени, ясно ихъ первоначальное коренное значеніе. Какъ Вордсвортъ говоритъ:

Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ, —

такъ и древніе представляли себѣ солнце обнаженнымъ и говорили, что стыдливая заря скрываетъ лице свое при видѣ супруга. Не смотря на то, она обѣщаетъ возвратиться. И, дѣйствительно, когда солнце, совершивъ свое странствіе по бѣлому свѣту, въ напрасныхъ поискахъ по своей возлюбленной, приближается къ порогу смерти, готовясь кончить свое одинокое теченіе, она является снова, во всемъ подобная утренней зарѣ, — какъ и у Гомера день начинается и оканчивается явленіемъ розоперстой Эосъ, — и уводитъ его съ собою въ золотые чертоги безсмертныхъ боговъ *).

Я выбралъ этотъ миѳъ главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что древняя поэзія не болѣе, какъ слабый отголосокъ древняго языка, и въ примѣръ того, какъ простая драма явленій, совершающихся въ природѣ, вдохновляла древняго поэта, представляясь ему глубокимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ могъ видѣть отраженіе страстей своей собственной души. Ибо пока сердце человѣческое полно горькимъ чувствомъ одной только своей собственной, личной скорби, до тѣхъ поръ оно мрачно и безмолвно, до тѣхъ поръ оно не можетъ высказать своей любви и своихъ утратъ. Въ одинокой скорби, можетъ быть, есть своего рода безмолвная поэзія, но

*) Од. V 390. Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно-кудрявая Эосъ.

Мнемозина, задумчивая богиня воспоминаній, хотя и считается матерью музъ, сама не принадлежитъ къ ихъ числу. Только сочувствіе чужой скорби открываетъ уста нѣмаго отчаянія и даетъ поэту слова для выраженія собственной скорби. И если скорбь его была такъ глубока, такъ свята, что онъ не могъ найти для нея подобія въ мукахъ другаго человѣческаго сердца, у него оставалось общеніе съ природой, въ безмолвныхъ страданіяхъ которой ему представлялся величавый образъ того, что чувствовалъ и чѣмъ страдалъ онъ самъ, въ глубинѣ собственнаго духа. Когда, послѣ темной ночи, возвращался дневной свѣтъ, онъ думалъ о той, которая была свѣтомъ для его души и которую онъ утратилъ безвозвратно. Когда онъ видѣлъ, какъ солнце лобзаетъ зарю, онъ предавался мечтамъ о дняхъ и ночахъ, которымъ никогда болѣе не повториться. И когда заря трепетала въ небесахъ, блѣднѣла и гасла, а солнце, казалось, какъ будто озиралось, и искало своей подруги, теряя ее тѣмъ полнѣе, чѣмъ зорче глядѣло оно своимъ лучезарнымъ окомъ, — тогда въ душѣ поэта вставалъ дорогой образъ: онъ въ одно и тоже время и припоминалъ собственную судьбу, и находилъ усладу забвенія, разсказывая мѣрнымъ словомъ повѣсть любви и утраты, которую испытываетъ солнце. Таково было происхожденіе поэзіи. Вечеръ имѣлъ своего рода прелесть. Когда, подъ конецъ своего труднаго дневнаго поприща, солнце, казалось, замирало, медленно угасая на далекомъ западѣ, и не переставая искать взоромъ подругу, покинувшую его на востокѣ, и когда въ эту минуту какъ будто вдругъ растворялось небо, и снова появлялся образъ зари во всей ея красѣ, съ оттѣнкомъ грусти, который придавалъ ей новую прелесть — поэтъ не сводилъ глазъ съ дивнаго зрѣлища, пока не угасалъ послѣдній лучъ, и этотъ послѣдній угасающій лучъ, глубоко западая ему въ душу, зажигалъ въ ней надежду иной новой жизни, въ которой онъ найдетъ то, что любилъ и утратилъ на землѣ.

There is a radiant, though a short-lived flame,
That burns for poets in the dawning east;
And oft my soul has kindled at the same,
When the captivity of sleep had ceased,

говоритъ поэтъ (т. е. „зари румянецъ пламенный, но кратковѣчный, тая для призванныхъ поэзіи огонь святой, мнѣ часто душу вдохновеньемъ согрѣвалъ, когда, стряхнувъ оковы сна, я наблюдалъ явленье лучезарнаго свѣта“).

Въ природѣ много трагическаго, много страданій — нужны только глаза, способные видѣть нѣмое горе, и эта-то именно трагедія—трагедія природы—составляетъ живой источникъ всѣхъ трагедій древняго міра. Сказаніе о юномъ героѣ,—какъ бы онъ ни назывался: Бальдуромъ, Сигурдомъ, Сигфридомъ, Ахилломъ, Мелеагромъ или Кефаломъ,—умирающемъ въ цвѣтѣ юности, сказаніе, которое такъ часто пересказывалось, пріурочиваемое къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ, было внушено судьбою солнца, которое умираетъ во всемъ цвѣтѣ юношескихъ силъ, въ концѣ дня или въ концѣ лѣтней поры, уязвленное терномъ зимы. Далѣе этотъ приговоръ рока, которымъ всѣ эти герои обречены утратить свою первую возлюбленную, измѣнить ей или сами сдѣлаться жертвой измѣны—это черта, также заимствованная отъ природы. Трагическая судьба этихъ героевъ неизбѣжна: имъ суждено пасть отъ руки или отъ невольной измѣны своихъ ближайшихъ друзей или родственниковъ. Солнце измѣняетъ зарѣ и, по неумолимому приговору судьбы, умираетъ въ концѣ дня, оплакиваемое цѣлой природой. Или весеннее солнце вступаетъ въ брачный союзъ съ землею, потомъ отвергаетъ свою супругу, охладѣваетъ къ ней и наконецъ гибнетъ отъ терна зимы. Эта, говоря словами Гейне, „старая исторія“, принимаетъ вѣчно-новые образы въ миѳологіи и въ сказаніяхъ древняго міра. Такъ Бальдура скандинавской Эдды, этотъ божественный прототипъ Сигурда и Сигфрита, любитъ все твореніе. Боги и люди и вся природа, все, что живетъ и ростетъ, дали клятву его матери не наносить вреда свѣтлому герою. При этой общей клятвѣ забыли одну омелу, которая ростетъ не на землѣ, а на деревьяхъ, и вотъ стрѣлою, сдѣланною изъ этого-то самого растенія, былъ убитъ Бальдуръ въ пору зимняго солнцестоянія. „Гіодуръ, по наущенію Локи, взялъ вѣтку и бросилъ ее въ Бальдура. Полетѣла вѣтка и пронзила Бальдура, такъ что онъ палъ мертвый—такъ постигло боговъ величайшее бѣдствіе. Когда Бальдуръ палъ, всѣ Асы стояли какъ бы лишенные слова, имъ даже не приходило на

мысль поднять убитаго. Одинъ глядѣлъ на другаго; мысль ихъ была устремлена на того, кто совершилъ это злодѣяніе.... Когда же къ Асамъ возвратилось слово, они стали плакать такъ сильно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ словами передать другому своего горя".

Точно такъ же въ персидскомъ эпосѣ никакое оружіе не можетъ вредить Исфендіару, но ему суждено погибнуть отъ вѣтки терновника, которую Рустемъ пустилъ ему въ глазъ въ видѣ стрѣлы. Рустемъ, въ свою очередь, можетъ пасть только отъ руки своего брата; Геркулесъ умираетъ отъ несчастнаго подарка жены; Сигфридъ дѣлается жертвой нѣжной заботливости Кримгильды или ревности отвергнутой имъ Брунегильды. Подобно Ахиллу онъ уязвимъ только въ одномъ мѣстѣ, и сюда-то именно поражаетъ его Гагенъ (терновникъ). Все это отрывки солнечныхъ миѳовъ. Вся природа была раздѣлена на двѣ области: одна мрачная, холодная, зимняя область смерти; другая — область свѣта, тепла, весны и жизни. Сигурдъ — такъ называется солнечный герой въ Эддѣ,—потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фафнира и овладѣваетъ золотомъ, надъ которымъ карло Андвари изрекъ свое проклятіе. Это есть сокровище Нифлунговъ, сокровище земли, которое похитили туманныя силы зимы и мрака. Весеннее солнце возвращаетъ похищенное и земля, подобно греческой Церерѣ, которую дѣлаетъ богатой обладаніе возвращенной дочерью, снова обогащается драгоцѣнными дарами весны. Сигурдъ, повѣствуетъ Эдда, освобождаетъ Брингильду, которую Одинъ погрузилъ въ сонъ, уколовъ ее волшебнымъ терніемъ, и которую, подобно землѣ, пробуждающейся послѣ зимняго сна, возвратила къ новой жизни любовь Сигурда. Но его самого, обладателя сокровища (vasupati), неудержимо влечетъ судьба. Онъ заручаетъ себя Брингильдѣ и даетъ ей роковое кольцо, которое онъ взялъ изъ сокровища. Но онъ долженъ былъ покинуть ее; когда онъ прибылъ въ зàмокъ Гуннара, Кримгильда, жена Гуннара, чарами заставляетъ его забыть Брингильду, и онъ женится на ея дочери Гудрунѣ. Съ этихъ поръ судьба его начинаетъ склоняться къ закату. Онъ связанъ съ Гуннаромъ, и вынужденъ помогать ему при овладѣніи Брингильдой, съ которой онъ самъ обручился и которая теперь становится же-

ной Гуннара. Гуннаръ Гіукасонъ, кажется, значитъ мракъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что пробуждающаяся и начинающая оживляться весна пропала, похищенная Гуннаромъ, какъ Прозерпина была похищена Плутономъ, или Сита — Раваной. Гудруна, дочь Кримгильды, и сама называемая иногда Кримгильдой, — неизвѣстно, разумѣть ли подъ этимъ послѣднимъ именемъ лѣто (срав. gharma въ санскритѣ) или землю и природу въ послѣднее время года, — эта Кримгильда — сестра мрачнаго Гуннара, и, хотя она стала супругою свѣтлаго Сигурда, но по своему рожденію сама принадлежитъ къ туманному царству. Гуннаръ, заставившій Сигурда уступить ему Брингильду, задумалъ смерть своего зятя, потому что Брингильда узнала въ Сигурдѣ своего обрученника и требуетъ мести. Гёгни старается отклонить брата отъ убійства, но наконецъ третій братъ Гіодръ убиваетъ Сигурда во время сна, въ пору зимняго солнцестоянія. Брингильда всегда любила его, и, когда герой убитъ, она раздаетъ свои сокровища, и, подобно Наннѣ, сожигаетъ себя на одномъ кострѣ съ Сигурдомъ, отдѣленная отъ него мечемъ. Гудруна также оплакиваетъ смерть своего мужа, но потомъ скоро забываетъ его и выходитъ за Атли, брата Брингильды. Атли, основываясь на правахъ своей жены, требуетъ отъ Гуннара и Гёгни сокровищъ Сигурда, и когда они отказываются выдать сокровища, онъ, подъ видомъ родственной дружбы, приглашаетъ ихъ къ себѣ и заключаетъ въ оковы. Гуннаръ упорно отказывается открыть мѣсто, гдѣ схоронено сокровище, пока ему не принесутъ сердца его брата Гёгни. Ему приносятъ сердце, но оно дрожитъ на блюдѣ и Гуннаръ говоритъ: „Не братнино это сердце". Наконецъ принесли настоящее сердце Гёгни и Гуннаръ сказалъ: „теперь я одинъ знаю, гдѣ лежитъ сокровище, и скорѣе оно достанется Рейну, чѣмъ тебѣ!" Тогда Атли приказалъ его, связаннаго, бросить къ змѣямъ, но онъ укрощаетъ самыхъ змѣй, играя зубами на арфѣ, пока наконецъ одна ехидна подползла къ его сердцу и ужалила его до смерти.

Какъ измѣнился этотъ миѳъ въ пѣсни о Нибелунгахъ, въ томъ видѣ, какъ она была записана въ Германіи въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія! Всѣ герои — христіане и всѣ они слились съ историческими личностями четвертаго, пятаго и ше-

стаго столѣтій. Гунтеръ пріуроченъ къ Бургундіи, гдѣ, какъ извѣстно, въ 435 г. дѣйствительно жилъ король Гундихари или Гундахари, тотъ самый, который, по свидѣтельству Кассіодора, былъ побѣжденъ сначала Аэціемъ, а потомъ Гуннами Аттилы. Вслѣдствіе этого Атли, братъ Брингильды и второй мужъ Гудруны (или Кримгильды), превратился въ Аттилу, предводителя Гунновъ (453); мало того, даже братъ Аттилы, Бледа, былъ внесенъ въ пѣсню о Нибелунгахъ подъ именемъ Бледелина, который первый открылъ нападеніе на Бургундовъ и палъ отъ руки Данкварта. И другія историческія личности были увлечены въ круговоротъ народнаго сказанія, — личности, которыхъ мы бы напрасно стали искать въ пѣсняхъ Эдды. Такъ въ пѣсни о Нибелунгахъ мы встрѣчаемся съ Дитрихомъ бернскимъ, который есть никто иной, какъ Теодорихъ великій (455—525), тотъ самый, который разбилъ Одоакра въ битвѣ при Равеннѣ (знаменитой Rabenschlacht) и жилъ въ Веронѣ, по нѣмецки Бернъ. Далѣе, упоминаемый въ пѣсни о Нибелунгахъ Иренфридъ, ландграфъ тюрингскій, оказывается Германфридомъ, королемъ тюрингскимъ, который былъ женатъ на Амалабергѣ, племянницѣ Теодориха готскаго. Но наиболѣе странному отождествленію подвергся Сигурдъ, вѣроломный любовникъ Брингильды: позднѣйшая обработка сказанія смѣшала его съ Сигбертомъ, королемъ Австразіи (561—575), который дѣйствительно былъ мужемъ знаменитой Брунгильды (Brunehault), дѣйствительно разбилъ Гунновъ и дѣйствительно погибъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ отъ козней Фредегунды, любовницы брата его Хильперика. Это совпаденіе исторіи и миѳа простирается такъ далеко, что соблазнило нѣкоторыхъ критиковъ изъ школы евгемеристовъ все сказаніе о Нибелунгахъ выводить изъ австразійской исторіи и видѣть въ смерти Сигберта отъ Фредегунды основу сказанія объ убіеніи Сигфрида или Сигурда по наущенію Брингильды. Къ счастію эти германскіе послѣдователи Евгемера опровергаются несравненно легче, нежели греческіе, потому что изъ современныхъ историческихъ памятниковъ видно, что Іорнанду, писавшему свою исторію по крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ до смерти австразійскаго Сигберта, уже была извѣстна Свангильда, дочь миѳическаго Сигурда, рожденная, по свидѣ-

тельству Эдды, по смерти отца, та самая, которую впослѣдствіи умертвилъ Іермунрекръ, въ поэмѣ о Нибелунгахъ преобразившійся также въ историческую личность Германика, готскаго вождя четвертаго столѣтія.

Попробуемъ теперь приложить къ греческимъ миѳамъ результаты, къ которымъ мы успѣли прійти, прослѣдивъ постепенное развитіе германской саги. Очевидно, что въ основѣ миѳа о Геркулесѣ есть историческое зерно, около котораго кристаллизовались миѳическія сказанія, хотя, по неимѣнію современныхъ историческихъ свидѣтельствъ, мы не можемъ выдѣлить эти миѳическіе наросты такъ отчетливо, какъ въ миѳѣ о Нибелунгахъ. Но такъ какъ миѳъ производитъ Геркулеса, героя, изъ рода аргосскихъ царей, то можно допустить дѣйствительное существованіе какого-нибудь Геркулеса, который дѣйствительно могъ быть сыномъ царя, по имени Амфитріона, котораго потомки, послѣ временнаго изгнанія, снова завоевали область Греціи, прежде находившуюся подъ властію Геркулеса. Сказанія объ его чудесномъ рожденіи, о бо́льшей части его геройскихъ подвиговъ, о его смерти, такъ же мало принадлежатъ исторіи, какъ и сказанія о Зигфритѣ. Въ Геркулесѣ, убивающемъ Химеру и другія чудовища, мы видимъ отраженіе дельфійскаго Аполлона, который убиваетъ змѣя Пиѳона, или — самого Зевса, бога лучезарнаго неба, съ которымъ Геркулесъ раздѣляетъ общіе эпитеты идейскаго, олимпійскаго и Пангенетора. Подобно тому, какъ миѳъ о Сигурдѣ и Гуннарѣ послѣдними потухающими лучами озарилъ королей бургундскихъ и величавыя личности Аттилы и Теодориха, — миѳъ о солнечномъ Геркулесѣ получилъ историческій обликъ въ какомъ-нибудь полу-историческомъ князѣ Аргоса или Микенъ. Имя Геркулеса принадлежало, быть можетъ, какому-нибудь національному божеству Гераклидовъ, и этимъ достаточно объясняется вражда Геры, культъ которой до переселенія Дорянъ процвѣталъ въ Аргосѣ. То, что прежде относилось къ богу, впослѣдствіи перешло на Геркулеса или Геракла, предводителя Гераклидовъ, поклонниковъ или сыновей Геракла, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, многіе мѣстные и историческіе факты, связанные съ родомъ Гераклидовъ и ихъ вождей, были переплетены съ миѳомъ о божественномъ героѣ. Пред-

ставленіе о Геркулесѣ, который живетъ въ кабалѣ у Еврисѳея и совершаетъ для него чудесные подвиги, это представленіе носитъ на себѣ явные слѣды связи съ солнечнымъ миѳомъ: это—солнце, совершающее свой ежедневный подвигъ на пользу смертныхъ, которыхъ оно такъ несравненно превосходитъ по своему могуществу и божественнымъ совершенствамъ. Такъ Сигфритъ трудится для Гуннара; такъ наконецъ и самъ Аполлонъ въ продолженіе одного года служитъ Лаомедону—выраженія знаменательныя, вызванныя отсутствіемъ глаголовъ съ болѣе отвлеченнымъ значеніемъ и встрѣчающіяся даже у новѣйшихъ поэтовъ: —

На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколѣ не прейдутъ земля и небеса!

Дальнѣйшее развитіе эпической и трагической поэзіи могло совершаться на греческой, индусской или германской почвѣ; оно могло воспринимать въ себя оттѣнки различныхъ странъ, разнообразную температуру различныхъ климатовъ; оно могло наконецъ захватить и поглотить въ себя много случайнаго и историческаго. Но стоитъ коснуться этихъ сказаній острымъ ножемъ анализа, и мы убѣдимся, что одна и таже кровь течетъ въ жилахъ древнѣйшей поэзіи всѣхъ народовъ: это — одинъ и тотъ же миѳологическій эпосъ. Атмосфера, среди которой возникла древнѣйшая поэзія Аріевъ, была насквозь проникнута миѳологіей; въ этой атмосферѣ было что-то такое, чему не могли противустоять люди, дышавшіе ею. Это было обаяніе, подобное чарующей гармоніи новой рифмы, которая внушила такъ много обыкновенныхъ мыслей поэтамъ, писавшимъ обыкновеннымъ языкомъ.

Мы знаемъ, что́ сдѣлали изъ своихъ эпическихъ героевъ греческіе и германскіе поэты; посмотримъ теперь, удалось ли жителю тропиковъ—Индусу окружить такимъ же прекраснымъ поэтическимъ сіяніемъ имена своихъ миѳическихъ преданій.

Исторія любви Пуруравасa и Урваши́ не разъ пересказывалась индусскими поэтами. Мы находимъ ее въ ихъ эпическихъ поэмахъ, въ ихъ Пуранахъ и въ Бригатъ-Катѣ (Brihat-kathâ),

Великомъ сказаніи, сборникѣ народныхъ сказаній Индіи. Хотя она подверглась многимъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе въ самой драмѣ Калидасы [1]), изъ которой ниже я намѣренъ представить краткое извлеченіе, мы узнаемъ отдаленный миѳическій фонъ, и удивляемся искусству, съ которымъ поэтъ вдохнулъ новую жизнь и человѣческое чувство въ поблеклыя имена давно забытаго миѳическаго языка.

Первое дѣйствіе открывается сценой въ Гималайскихъ горахъ. Небесныя нимфы, возвращаясь изъ собранія боговъ, подверглись нападенію и оплакиваютъ утрату Урваши́, унесенной демономъ. Является на своей колесницѣ царь Пуруравасъ, и, узнавъ причину ихъ скорби, поспѣшаетъ для освобожденія нимфы. Онъ скоро возвращается, одолѣвъ похитителя, и возвращаетъ Урваши́ ея небеснымъ подругамъ. Но въ то время какъ онъ везъ Урваши́ на колесницѣ къ ея подругамъ, онъ полюбилъ прекрасную нимфу и успѣлъ внушить ей то же самое чувство. Онъ разсказываетъ, какъ она, на глазахъ его, постепенно оправлялась отъ испытаннаго страха:

„Она оправилась, но медленно. Такъ ночныя тѣни отступаютъ мало по малу предъ лучами восходящей луны; такъ пламя истребителя жертвъ,—огня не вдругъ пробивается сквозь дымящійся хворостъ: такъ Гангесъ постепенно проясняетъ свои возмущенныя струи, поглотивъ преграду, которою обрушившійся берегъ прерываетъ его стремительное теченіе, и снова течетъ яснымъ и величественнымъ потокомъ“.

Когда они разстались, Урваши́ хочетъ обернуться, чтобы еще разъ взглянуть на удаляющагося царя. Подъ предлогомъ, что цѣпкая лоза задѣла ея вѣнокъ и какъ будто стараясь освободиться отъ оной, она подзываетъ одну изъ своихъ подругъ и проситъ ея помощи. „Боюсь, отвѣчаетъ подруга: не такъ легко исполнить твою просьбу; ты, кажется, запуталась

---

[1] Профессоръ Вильсонъ представилъ первый и превосходный переводъ этой драмы въ своемъ изданіи: *Specimens of the Hindu Theatre*. Подлинникъ впервые вышелъ въ Калькуттѣ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ перепечатываемъ. Весьма полезное изданіе этого произведенія принадлежитъ, за послѣднее время, Профессору Вилльямсу.

Въ передачѣ отрывковъ изъ Урваши́ мы слѣдовали не Вильсону, но буквальному переводу съ подлинника, сдѣланному для настоящаго изданія профессоромъ П. Я Петровымъ, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность

Перев.

такъ крѣпко, что освободить тебя едва ли будетъ можно, но, что́ бы ни случилось, будь увѣрена въ моей дружбѣ".

Тогда взоръ царя встрѣтился со взоромъ Урваши́, и онъ воскликнулъ:

„Будь благословенна, лоза, удержавшая на одно лишнее мгновеніе ея уходъ, такъ что я могъ еще разъ увидѣть въ половину обращенный ко мнѣ ликъ моей красавицы (собств. при поворотѣ въ полъ-лица увидѣлъ эту длинноокую)!"

Во второмъ дѣйствіи мы видимъ царя въ его стольномъ городѣ Аллагабадѣ. Онъ гуляетъ въ саду въ обществѣ брахмана, который въ индусской драмѣ играетъ роль граціозо. Онъ сопровождаетъ царя, въ качествѣ конфидента, и ему-то царь повѣряетъ тайну своей любви. Брахманъ такъ боится выдать то, что должно остаться тайной для всего двора и особенно для царицы, что удаляется въ уединенный храмъ. Но и въ этомъ убѣжищѣ его отыскала одна изъ служанокъ царицы, и такъ какъ тайнѣ такъ же трудно удержаться въ груди брахмана, какъ трудно уцѣлѣть каплямъ утренней росы на травѣ, то она скоро успѣла выпытать у него, отчего царь такъ измѣнился со времени возвращенія изъ боя съ демономъ, и съ этой вѣстью поспѣшила къ царицѣ. Между тѣмъ царь въ отчаяніи и изливаетъ свою тоску —

подобно тому, кто, влекомый потокомъ, не въ силахъ одолѣть противной быстрины.

Но Урваши́ не менѣе вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, и мы вдругъ видимъ, какъ она въ сопровожденіи подруги, является по воздуху для свиданія съ царемъ. Сначала обѣ остаются невидимы для смертныхъ очей царя и, незримыя, выслушиваютъ исповѣдь его страсти. Урваши́, написавъ стихъ на листкѣ какого-то дерева, роняетъ его подлѣ бесѣдки, гдѣ тоскуетъ ея возлюбленный. Потомъ онѣ открываются его взорамъ: сначала подруга Урваши́, а наконецъ и сама она. Но едва прошло нѣсколько мгновеній, какъ является посланникъ боговъ, и призываетъ назадъ обѣихъ нимфъ, а Пуруравасъ остается снова одинъ съ своимъ шутомъ. Онъ ищетъ листокъ, которому Урваши́ повѣрила свою любовь, но увы! драгоцѣнный листокъ исчезъ, унесенный вѣтромъ.

„О южный вѣтръ, любви союзникъ, другъ весенней поры года! похищая благовонную пыль цвѣтовъ, ты разливаешь въ воздухѣ благоуханія, но,

скажи, зачѣмъ было лишать меня этихъ строкъ, начертанныхъ ея рукой въ залогъ ея любви? Зачѣмъ было лишать этой послѣдней услады безнадежно-томимаго огнемъ любви?"

Но случилось еще хуже: роковый листокъ былъ поднятъ царицей, въ то время какъ она шла садомъ, отыскивая царя. Слѣдуетъ семейная сцена довольно бурнаго характера, послѣ которой ея величество удаляется, взволнованная, подобно потоку, разлившемуся отъ дождей. Царь чувствуетъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, потому что, не смотря на свою новую страсть къ Урваши́, онъ не перестаетъ питать самое искреннее уваженіе къ царицѣ. Наконецъ и онъ уходитъ.

Ужь за полдень: павлинъ, томимый жаждою, погрузился въ водоемъ, омывающій корни одного изъ высокихъ деревьевъ сада; лѣниво дремлятъ пчелы (соб. шестиногія) подъ сѣнью ленестковъ въ раскрытыхъ чашечкахъ цвѣтка карникоры (лотоса); утки дикія, покинувъ отъ солнечныхъ лучей нагрѣвшуюся воду, ищутъ прохладнаго пріюта въ густой грядѣ прибрежныхъ лотосовъ, а въ бесѣдкѣ попугай, отъ жажды въ клѣткѣ изнывая, проситъ криками воды.

Въ началѣ третьяго дѣйствія мы прежде всего узнаемъ, что сталось съ Урваши́, послѣ того какъ она была отозвана на небо Индры. Ее призвали участвовать въ драматическомъ зрѣлищѣ, которое должно было совершиться въ присутствіи Индры, и на ея долю выпала роль богини красоты, избирающей въ супруги бога Вишну. Въ числѣ другихъ именъ Вишну носитъ имя: Пурушоттама, но бѣдная Урваши́, въ ту минуту, когда по ходу пьесы ей пришлось назвать имя, избраннаго ея сердцемъ, измѣнила роли, и вмѣсто того чтобы сказать: „я люблю Пурушоттаму", назвала Пурураваса. Эта обмолвка привела автора піесы въ негодованіе, столь сильное, что онъ проклялъ Урваши́, которая вслѣдствіе этого проклятія лишилась дара божественнаго вѣдѣнія. Но когда кончилось представленіе, Индра, замѣтивъ, что Урваши́ стоитъ въ сторонѣ, смущенная и неутѣшная, ласково подозвалъ ее къ себѣ и открылъ ей, что смертный, которымъ заняты ея мысли, доказалъ ему свою преданность въ минуты опасности; этотъ смертный помогалъ ему въ борьбѣ съ врагами боговъ и тѣмъ снискалъ себѣ право на его признательность. Въ воздаяніе за то Урваши́ получаетъ дозволеніе возвратиться къ царю и оста-

ваться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока царь „увидитъ въ первый разъ лице младенца, который ему родится отъ нея“.

Слѣдуетъ новое явленіе въ дворцовомъ саду. Покончивъ съ дѣлами правленія, при наступленіи вечера, царь удаляется на свою половину.

„Днемъ заботы государя не давали мѣста личной скорби, но какъ-то проведу я нескончаемыя стражи безъутѣшной ночи?“ (У Индусовъ ночь дѣлилась на три стражи, по три часа каждая.)

Приходитъ вѣстникъ отъ царицы: она проситъ свиданія съ супругомъ на террасѣ павильона. Царь повинуется — и всходитъ по хрустальнымъ ступенямъ къ назначенному мѣсту: это было передъ восхожденіемъ луны, когда востокъ подернулся пурпурнымъ свѣтомъ, —

Рѣдѣя отъ лучей луны, хотя еще невидимой за горизонтомъ на востокѣ, вечерняя мгла разступалась по обѣ стороны, а въ серединѣ алѣлъ востокъ (собств. страна пѣгоконнаго Индры), точно румяное лице (женщины), окаймленное темной рамкой назадъ откинутыхъ кудрей.

Въ то время, какъ онъ дожидался прихода царицы, въ душѣ его съ новой силой проснулась тоска объ Урваши́.

„Встрѣчая преграды на пути къ удовлетворенію, любовь моя, кажется, пріобрѣтаетъ все новыя силы, подобно потоку, который стремится тѣмъ неудержимѣй, чѣмъ у́же русло его, стѣсненное напоромъ скалъ.

Любовь моя растетъ съ приближеньемъ ночи, подобно лунѣ, которая, поднимаясь выше и выше, все шире кидаетъ свой свѣтъ.“

Въ эту минуту опускается небесная колесница и въ ней Урваши́, въ сопровожденіи той же подруги. По прежнему невидимыя для царя, онѣ еще разъ подслушиваютъ нѣжныя изліянія его сердечной тоски; но въ то мгновеніе, когда Урваши́ уже готова откинуть покрывало, чтобы предстать взорамъ царя, входитъ царица. Одѣтая въ бѣломъ, безъ всякихъ украшеній, она явилась произнести въ присутствіи царя торжественный обѣтъ. Цѣль этого обѣта — возвратить расположеніе отчужденнаго супруга.

Царь. Въ бѣломъ одѣянія, вмѣсто всякаго убранства — съ отпрысками пышной дурвы (священная трава) въ волосахъ, съ выраженьемъ покорной кротости въ лицѣ, смѣнившимъ прежній гнѣвный видъ (является она).

Царица. Нынѣ чувство долга моего предъ государемъ внушило мнѣ свершить обѣтъ священный. Такъ — умоляю! дозволь на краткій срокъ обременить тебя присутствіемъ моимъ!

Царь. Не бремя — милость для меня присутствіе твое! но что тебѣ внушило мысль — изнурять обѣтомъ твое тѣло, нѣжнѣйшее фибръ лотоса? Предъ тобою рабъ, готовый самъ о милости молить тебя: тебѣ ль заботиться о томъ, чтобы его на милость преклонить?

Царица. Такъ не напрасенъ, видно, мой обѣтъ, когда теперь ужь я снискать успѣла привѣтливое слово господина моего.

Затѣмъ царица торжественно произноситъ свой обѣтъ, призывая въ свидѣтели божество луны.

Царица. Внемлите, боги, священному обѣту, цѣль котораго — на милость моего супруга преклонить. Вотъ мой обѣтъ: отнынѣ женщина, которая любима государемъ, желанья полная съ нимъ раздѣлить союзъ любви, пускай живетъ съ нимъ, не встрѣчая ни единой преграды отъ меня.

Брахманъ (Повѣренный царя, въ сторону, обращаясь къ царю). Вотъ такъ преступникъ, успѣвшій казни избѣжать, зарокъ даетъ — никогда опасности подобной вновь не подвергать себя! (Громко). Вотъ какъ? неужели къ супругу такъ царица равнодушна?

Царица. Желая супруга осчастливить, я собственное счастье въ жертву приношу. Суди жь, онъ дорогъ мнѣ, иль нѣтъ?

Царь. Неблагосклонная! ты вольна отдать меня другой, иль удержать своимъ рабомъ. Подозрѣнія твои несправедливы (собственно: я не таковъ въ отношеніи къ тебѣ, какъ ты подозрѣваешь!)

Царица Умилостивленья обѣтъ свершился, какъ я предполагала. Дѣвы! удалимся!

Царь. Помедли! не должно такъ скоро покидать того, кого умилостивить желала ты!

Царица. Государь! обѣтъ свершенъ!

Не въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ представляется характеръ царя, когда вслѣдъ за этой трогательной сценой супружескаго примиренія является Урваши́. Она присутствовала, хотя и невидимо, въ продолженіе предшествующей бесѣды между имъ и царицей: теперь, по уходѣ этой послѣдней, она подкрадывается къ царю сзади и руками закрываетъ ему глаза.

Царь. То она, прекрасная, (собств. прекрасная чреслами), рожденная изъ лядвей Нараяны (т. е. Урваши́)! Какъ объяснить иначе этотъ сладкій трепетъ, объявшій мое тѣло! Такъ вѣдь красавицы ночей (цвѣтокъ, belle de nuit) лучъ солнца не разбудитъ Чтобы раскрыться, она ждетъ, пока взойдетъ луна.

Урваши́, какъ нельзя серьознѣе, приняла отреченіе царицы и заявляетъ свои права на обладаніе царемъ. Подруга улетаетъ, и она остается съ царемъ одна, его любимою супругой.

Урваши́. Предъ государемъ я виновна, что медлила такъ долго (его желаніе исполнить).

Царь. Нѣтъ, напрасно! Полнѣй блаженство, когда цѣной страданій куплено оно. Такъ истомленный зноемъ (путникъ) одинъ вполнѣ способенъ оцѣнить прохладной тѣни сладкую отраду!

Слѣдующее дѣйствіе можно назвать перломъ цѣлой драмы, хотя трудно представить себѣ, какимъ образомъ оно могло выполняться на сценѣ, требуя такой обстановки, которая была бы не подъ силу даже для нашихъ современныхъ театровъ. Это мело-драматическая интермедія, по стилю рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ частей пьесы. Относительно стихосложенія и ритма, стихи, которыми она написана, представляютъ верхъ художественнаго совершенства, отъ начала до конца. Кромѣ того языкъ, который мы встрѣчаемъ въ этой части драмы, не санскритъ, а пракритъ. Составляя lingua vulgaris Индіи и, уступая санскриту относительно богатства формъ, онъ несравненно превосходитъ этотъ послѣдній относительно благозвучія. Нѣкоторыя строфы составляютъ что-то въ родѣ арій, и, кажется, были назначены для исполненія хоромъ, но сценическія указанія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, заключаютъ такія техническія подробности, объясненіе которыхъ въ высшей степени затруднительно.

Дѣйствіе открывается хоромъ нимфъ, оплакивающихъ печальную судьбу, постигшую Урваши́. Нѣкоторое время она жила съ царемъ въ сѣни лѣса и наслаждалась невозмутимымъ счастьемъ, но вотъ —

однажды, на берегу Мандакини, царственный мудрецъ (царь) остановилъ свои взоры на одной изъ нимфъ, игравшихъ на пескѣ прибрежья. Вспыхнула гнѣвомъ Урваши́, милая подруга царя, и, не внемля нѣжнымъ мольбамъ супруга, съ сердцемъ, смятеннымъ отъ ревности, забывъ завѣтъ боговъ, вступила въ заповѣдный для женщинъ лѣсъ Кумāры (бога войны) — и вотъ! едва очутилась она за чертою лѣса, какъ внезапно преобразилась въ гибкую ліану!

Въ воздухѣ раздается грустное пѣніе нимфъ: улетая вмѣстѣ, онѣ оплакиваютъ скрывшуюся подругу.

Такъ иногда, тоскуя объ утратѣ милыхъ, томясь на пышныхъ волнахъ озера, льетъ слезы лебедей нѣжная чета.

Такъ лебедь одинокая груститъ въ разлукѣ съ милымъ, плавая по озеру, устланному роскошной пеленой цвѣтущихъ лилій.

Входитъ царь — на лицѣ его написано умственное разстройство, одежда въ безпорядкѣ. Сцена представляетъ глу-

хой лѣсъ, небо заволакиваютъ тучи, на землѣ видны группы разнаго рода животныхъ: слоны, павлины, лебеди и другія птицы. Декорація представляетъ скалы и водопады; сверкаютъ молніи и льется крупный дождь. Царь сперва, въ бѣшенствѣ, кидается въ погоню за облакомъ, которое онъ принялъ за демона, похитившаго его возлюбленную.

„Стой, злодѣй! Предатель-демонъ (Ра̂кшаса), стой! куда, похитивъ мою милую, ты мчишь ее? Что? Никакъ онъ съ горной выси къ небу поднялся и на меня оттуда сыплетъ градомъ стрѣлъ? (Хватаетъ глыбу земли и бѣжитъ поразить воображаемаго демона, потомъ, вглядѣвшись въ небо, продолжаетъ): Ахъ, нѣтъ! обманутъ я! то не гордый Ра̂кшаса, то туча, вооруженная громами, то не лукъ и стрѣлы (демона), то божій лукъ (собств. лукъ Индры т. е радуга), раскинутый въ пространствѣ дугою необъятной; не стрѣлы, а ливня крупнаго паденье (я ощутилъ). То не свѣтлый образъ нимфы, а молній блѣдное сіянье, сіянье нѣжное, какъ слѣдъ, золотомъ оставленный на камнѣ оселка.“

Эти порывы безумной скорби опять смѣняются хорами, которые поютъ о страданіяхъ разлученной четы; но чтобы дать понятіе о высокой прелести цѣлаго, намъ пришлось бы выписать гораздо болѣе, нежели сколько мы можемъ себѣ дозволить. Ограничимся слѣдующими мѣстами:

„Все, на что я ни взгляну, говоритъ мнѣ объ утраченной подругѣ! Такъ и эта молодая када̂ли (цвѣтокъ, съ красными полосками), на листкахъ которой дрожатъ капли росы, напоминаетъ мнѣ очи Урваши, когда на нихъ, бывало, въ минуту гнѣва выступаютъ слезы! О какъ найти мнѣ слѣдъ, который бы указалъ мнѣ путь моей негодующей подруги!“

Затѣмъ онъ начинаетъ обращаться къ различнымъ птицамъ, съ вопросомъ: не встрѣчались ли они въ своемъ воздушномъ странствіи съ его возлюбленной? Онъ обращается—къ павлину „красавцу съ темноголубой шеей и глазами изъ агата“, — къ кукушкѣ, „которую влюбленные зовутъ посланницей любви“, — къ лебедямъ „которые летятъ на сѣверъ: — ужь не встрѣтили ль они ее? ужь не у нея ли переняли грацію полета своего?“ — и къ какравакѣ, птицѣ, которая каждую ночь томится въ разлукѣ съ своей подругой. Но ни одна изъ пернатыхъ не дала ему отвѣта. Никто не видѣлъ исчезнувшей: ни пернатыя, ни пчелы, которыя жужжатъ среди лепестковъ лотоса, ни царственный слонъ, который покоится съ своей подругой подъ тѣнью дерева кадамбы.

Царь. Какъ онъ играетъ съ этимъ обломкомъ шаллэки, покрытымъ молодыми отпрысками, вкуснымъ и благоуханнымъ, какъ вино, который подала ему его подруга!

Гляди! вонъ прекрасная, съ вершиной плоскою, гора, любимое жилище водныхъ нимфъ, по имени Сурабъ-и-Ка́ндара! Ахъ, еслибы моя красавица (собств. прекрасная тѣломъ) нашлась гдѣ-нибудь здѣсь, въ тѣнистыхъ ущельяхъ горы! (входитъ, *по видимому*, въ пещеру) Какая тьма? Ужели молнія мой путь не освѣтитъ? Ужели такъ велико мое несчастье, что даже тучи не хотятъ ссудить мнѣ долю свѣта своего? (Буквально: отъ превратностей бѣдствій моихъ, даже и скопище тучъ сдѣлалось пусто отъ молній.) Однакожь нѣтъ! не осмотрѣвъ всѣхъ этихъ скалъ, я не уйду отсюда!

Арія. Такъ копытомъ жесткимъ роя землю, вепрь усталый, сквозь чащу пролагая путь, преслѣдуетъ упорно свою цѣль.

Царь. О гора, широкимъ скатомъ ограждающая лѣсъ! Стройная станомъ не искала ли пріюта подъ сѣнью рощъ твоихъ, гдѣ царитъ богъ любви? И на твоихъ ступеняхъ не склонялась ли для отдыха прекрасная? (Собственно: широкая чреслами женщина.)

Гора молчитъ? Боюсь, что отдаленіе мѣшаетъ мнѣ внимать ея отвѣту! Коль такъ, я подойду поближе и снова вопрошу!

О ты, сверкающая кристаллами (водопадовъ), увѣнчанная цвѣтами, оглашаемая дивной пѣснію киннаровъ (небесные пѣвцы), о земледержица (гора)! покажи мнѣ мою милую!

О царица земледержцевъ! подъ очарованною сѣнью твоихъ чащъ не видѣла ли ты утраченную мною, мою красавицу (собств. всѣми членами прекрасную), мою милую? Не видѣла?

Что? Она вѣщаетъ внятно: видѣла! О гдѣ жь она?—Увы! то отзвукъ моихъ словъ, пещеры сводомъ отраженный, долетаетъ до меня! Увы! какъ я усталъ! Дай, покуда отдохну на берегу этого горнаго потока и освѣжуся вѣющей отъ волнъ его прохладой. Но, странно! отчего жь мнѣ душу такой отрадой наполняетъ видъ этого потока, возмущеннаго отъ вновь прибывшихъ водъ?

Рябыя струйки волнъ, словно дугой нахмуренныя брови, и эти трепетныя стаи рѣчныхъ птицъ, точно поясъ пересѣкающія теченіе потока, и эта пѣна, несущаяся мимо бѣлой полосой, точно одежда женщины, которая влачится по землѣ! Какъ все это напоминаетъ мнѣ мою красавицу въ тотъ мигъ, когда, волнуемая гнѣвной думой о проступкѣ супруга, она порывисто ступала! Ужь не она ли это, Урваши́ моя, несется мимо, превращенная въ потокъ? Не попытаться ли склонить ее на милость? . . . . Пойду въ то мѣсто, гдѣ скрылись отъ меня ея прекрасные очи! (Собств гдѣ скрылась отъ меня эта прекрасноокая.) Спрошу у этого оленя: что дѣлаетъ моя милая? Но онъ не внемлетъ. Онъ не сводитъ глазъ съ своей подруги, которая къ нему подходитъ, медленно ступая: дѣтенышъ, грудь ея сосущій, ея походку замедляетъ!

Наконецъ царь находитъ драгоцѣнный камень, съ огнистымъ отливомъ; это камень единенія, могучій талисманъ, который долженъ возвратить ему Урваши́. Съ этимъ талисманомъ въ рукахъ, онъ обнимаетъ лозу и передъ нимъ—Урваши́, принявшая свой прежній видъ. Чудесный камень становится укра-

шеніемъ ея чела, и царь вмѣстѣ съ свой небесной супругой возвращается въ Аллагабадъ:

„Неси же насъ, крылатое облако! Ты намъ коней замѣнишь! Извивы молній пусть будутъ знамя нашей колесницы, а колесницей — горящій яркими цвѣтами, пышный Индры лукъ (радуга)!“ *(Улетаютъ. Музыка)*

Пятое и послѣднее дѣйствіе начинается несчастнымъ событіемъ. Рубинъ единенія похищенъ соколомъ. Царь отдалъ повелѣніе преслѣдовать хищника, и вскорѣ лѣсной стражъ приноситъ драгоцѣнный камень и стрѣлу, которая пронзила сокола. На древкѣ стрѣлы оказывается надпись, изъ которой видно, что эта стрѣла принадлежитъ 'Айусу, сыну Урваши́ и Пурураваса. Царь не зналъ, что Урваши́ родила ему сына; но, не успѣлъ онъ прійти въ себя отъ изумленія, какъ является пустынница и вводитъ отрока съ лукомъ въ рукахъ. Этотъ отрокъ Айусъ, сынъ Урваши́; она ввѣрила его благочестивой Кіаванѣ, которая воспитала его въ лѣсу и теперь возвращаетъ матери. Царь признаетъ въ немъ своего сына: подходитъ и Урваши́, чтобы обнять его.

Съ сына не сводитъ очей, и грудь ея волнуется, высоко поднимаясь, какъ матери одной лишь можетъ волноваться грудь!

Но зачѣмъ же такъ долго скрывала она рожденье сына? Зачѣмъ же и теперь, въ минуту свиданья, она вдругъ залилась слезами? Послушаемъ, какъ она сама объясняетъ причину своей скорби:

„Внемли, великій государь! Въ ту пору, когда великій государь мое похитилъ сердце, я, подъ бременемъ томясь лежавшаго на мнѣ тяжелаго проклятья, на срокъ была отпущена къ тебѣ великимъ Индрою. Какъ скоро— такъ вѣщалъ могучій Индра — царь, любимецъ мой, увидитъ въ первый разъ лице рожденнаго тобою сына, немедленно ты возвратишься ко мнѣ, въ небесные чертоги.

Вотъ сынъ нашъ! Онъ возраста достигнулъ, когда говорить передъ отцемъ и самъ онъ можетъ за себя! (собств.: когда онъ и самъ можетъ расположить къ себѣ отца), а мнѣ — не жить ужь долѣй съ государемъ!“

Царь Едва утѣшило меня свиданье съ сыномъ, какъ вотъ ужь новая грозитъ съ тобою, станомъ стройная, разлука! Такъ, иногда бываетъ, туча сначала дерево дождемъ отъ зноя исцѣлитъ, для того лишь, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ сразить его стрѣлой перуна безпощадно!

Урваши́. О горе мнѣ, несчастной! Покидая сына въ сладкій мигъ свиданья и съ землею разставаясь, я исполнию долгъ повиновенья, но—какъ знать?— государь увидѣть въ этомъ можетъ желанье съ нимъ разстаться поскорѣй. (Собственно: послѣ исполненія мною долга почтетъ меня имѣющею лице въ разлукѣ.)

Царь Не такъ, прекрасная! Влечетъ тебя покорность высшей волѣ, не собственная воля! Иди! Велѣньямъ Бога покориться должно! Я жь, сыну царство передавъ, удалюсь въ пустынные лѣса, гдѣ бродятъ лишь одни стада газелей (собств удалюсь въ лѣса, посѣщаемые стадами газелей)!

На сценѣ дѣлаются приготовленія къ торжественному провозглашенію царевича государемъ, какъ вдругъ является новый deus ex machina—то Нара́да, вѣстникъ Индры.

Нара́да Всевидецъ, могучій Магъйванъ (жертвенный эпитетъ Индры), вѣдая, что покинуть царство ты намѣренъ, шлетъ тебѣ свои велѣнья.

Царь. Что повелитъ онъ?

Нара́да. Волею боговъ (собств. волею созерцающихъ трехъ-міріе) готовится война боговъ съ титанами (асурами): потому, боговъ воинственный союзникъ, теперь оружія слагать не долженъ ты, а Урваши́ по смерть останется съ тобою, твоей подругою законной.

Затѣмъ дѣйствіе быстро идетъ къ счастливой развязкѣ. Съ неба являются нимфы, и приносятъ золотой сосудъ, съ водой изъ небеснаго Ганга, престолъ и другія принадлежности священнаго обряда; все это располагается на сценѣ: царевича провозглашаютъ соправителемъ царя-отца, и всѣ вмѣстѣ отправляются на поклоненіе царицѣ, которая такъ великодушно пожертвовала своими правами для небесной нимфы Урваши́.

И такъ, мы видѣли полный разцвѣтъ того цвѣтка, котораго постепенное развитіе и возрастаніе можно прослѣдить чрезъ Пураны и Магабгарату до Брагманъ и Ведъ, котораго первый зародышъ таится глубоко въ той плодоносной почвѣ первобытнаго языка, изъ которой пріемлютъ свою силу и питаніе всѣ арійскіе языки. Глубокое пониманіе миѳологіи, проникающее въ самое сердце ея, обнаружилъ Карлэйль, замѣтивъ, — „что сказаніе, подобно банану, отъ одного едва замѣтнаго ростка, разрастается въ цѣлый лабиринтъ деревьевъ“. Первоначальный корень всѣхъ сказаній о Пуруравасѣ и Урваши́ заключается въ краткихъ поговорочныхъ изрѣченіяхъ, къ которымъ обнаруживаютъ такую склонность всѣ древніе языки. Такъ—„Урваши́ любитъ Пуруравасa“ значило „встаетъ солнце“; „Урваши́ исчезаетъ, увидѣвъ обнаженнаго Пуруравасa“ значило „заря скрылась“; „Урваши возвращается къ своему возлюбленному“ значило „солнце заходитъ“. Имена: „Пуруравасъ и Урваши́“ индусскаго происхожденія, и должно отказаться отъ надежды — встрѣтить ихъ безъ измѣненія въ

другихъ арійскихъ нарѣчіяхъ. Но самыя представленія, соотвѣтствующія этимъ именамъ, мы находимъ и въ миѳологическомъ языкѣ Греціи. У Грековъ одно изъ многочисленныхъ названій зари было Эвридика. Имя ея мужа, подобно многимъ греческимъ словамъ, необъяснимо, но Орфей соотвѣтствуетъ санскритскому *R*ibhu или Arbhu, которое, хотя всего извѣстнѣе, какъ имя трехъ Рибу (*R*ibhu), встрѣчается въ Ведахъ, какъ эпитетъ Индры и одно изъ названій солнца. Вотъ что повѣствуетъ древнее преданіе: — „Эвридика, ужаленная змѣей (эта змѣя — ночь) умираетъ, и, послѣ смерти, нисходитъ въ область Аида. Орфей слѣдуетъ за нею въ царство тѣней, и тронутые его скорбью боги, дозволяютъ Эвридикѣ возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, если только на пути изъ подземнаго царства онъ ни разу не оглянется назадъ. Орфей обѣщаетъ и отправляется въ обратный путь изъ мрачнаго Аида въ міръ живыхъ; Эвридика слѣдуетъ за нимъ, но, увлеченный любовью или сомнѣніемъ, онъ оглянулся и Эвридика исчезла—такъ, какъ „при первомъ лучѣ" или „при первомъ взорѣ" солнца исчезаетъ заря. Быть можетъ, въ глубокой древности дѣйствительно существовалъ поэтъ, по имени Орфей, — древніе пѣвцы любили выбирать имена, заимствованныя отъ солнца;—но—былъ или не былъ такой поэтъ въ дѣйствительности — несомнѣнно одно, что сказаніе объ Орфеѣ и Эвридикѣ съ одной стороны не могло родиться изъ дѣйствительнаго событія, съ другой—необходимо предположить какой-нибудь поводъ для того, чтобы оно возникло. Въ Индіи, вслѣдствіе простаго созвучія именъ, миѳъ о Рибу (*R*ibhus) принялъ колоритъ мѣстный и историческій. Одно лице или цѣлое племя по имени Bribu (Ригъ-В. VI, 46, 29)*) было принято въ общину Брахмановъ. Люди этого племени были искусные строители, и очевидно успѣли оказать существенныя услуги Барадвáджѣ. Такъ какъ они не знали ведійскихъ боговъ, то ихъ передали подъ покровительство Рибу́, и этимъ богамъ было приписано многое, что первоначально относилось только къ племени ихъ смертныхъ соименниковъ (*B*ribu). Эти факты, относящіеся къ области исторической дѣйствительности, не поддаются миѳологическому

*) Этимъ объясняется мѣсто въ Ману X. 107 и показывается, какъ оно должно быть исправлено.

анализу, между тѣмъ какъ настоящіе миѳологическіе факты раскрываютъ свой смыслъ сами собою — надобно только умѣть обращаться съ ними. Чтобы перевести этотъ древній языкъ на обыкновенную рѣчь Аріевъ — нужна особая грамматика.

Я долженъ спѣшить заключеніемъ—какъ ни тяжело разставаться съ предметомъ, въ которомъ, какъ въ сводѣ, каждый отдѣльный камень, самъ по себѣ, грозитъ паденіемъ, между тѣмъ какъ цѣлый сводъ можетъ устоять противъ самыхъ сильныхъ потрясеній. Возьмемъ еще одинъ миѳъ. — Отношенія солнца и зари, какъ мы видѣли, послужили источникомъ для происхожденія столькихъ миѳовъ эротическаго характера, что возникаетъ вопросъ, извѣстенъ ли былъ Аріямъ, до ихъ разселенія, самый древній изъ боговъ, богъ Любви. Извѣстенъ ли былъ *Эротъ* въ этотъ отдаленный періодъ, на разсвѣтѣ исторіи, и что означало имя, которымъ называли его Аріи?

Имя Эрота принято производить отъ санскритскаго корня vṛi или var, т. е. избирать, отличать. Такое производство могло бы имѣть смыслъ, если бы имя Любви получило свое начало въ нашихъ современныхъ гостиныхъ; но можно ли сомнѣваться, что здоровое и наивное сердце первобытнаго человѣка не могло видѣть наиболѣе характеристичную черту любви въ осторожномъ, обдуманномъ взвѣшиваніи, сравненіи и выборѣ. Представимъ себѣ, насколько это возможно, здоровыя и сильныя ощущенія юношески-свѣжаго поколѣнія древнихъ людей, которое могло свободно отдаваться влеченіямъ сердца, не зная условныхъ законовъ и предразсудковъ утонченной цивилизаціи, и руководясь единственно тѣми законами, которые природа и естественное чувство изящнаго начертали въ сердцѣ каждаго человѣка. Представимъ себѣ, что такія сердца вдругъ озарила любовь—чувство, о которомъ они не знали, откуда оно пришло и куда оно можетъ повести, котораго они не умѣли ни опредѣлить, ни назвать. Когда имъ понадобилось назвать это чувство, куда же могли они обратиться за именемъ? Не должна ли была любовь представляться имъ пробужденіемъ отъ сна? Не казалась ли она имъ утромъ, которое озаряетъ душу божественнымъ сіяніемъ, наполняетъ сердце теплотою, своимъ свѣжимъ дыханіемъ очищаетъ все сущест-

во человѣка и проливаетъ новый свѣтъ на цѣлый міръ вокругъ него? Если это было такъ, то единственное соотвѣтствующее имя, которымъ они могли выразить чувство любви—единственное явленіе, которому они могли уподобить ея зарю — это румянецъ разсвѣта — восходъ солнца. „Солнышко взошло" говорили они, быть можетъ, когда мы говоримъ: „я люблю;" „закатилось солнце",—когда мы говоримъ объ утраченной любви.

Это предположеніе, которое должно было бы представиться намъ само собою, если бы мы только могли отрѣшиться отъ нашей современной рѣчи, совершенно подтверждается этимологическимъ анализомъ древняго языка. Санскритское названіе зари uschas, греческое Ἠως - оба женскаго рода. Но Веды знаютъ зарю и мужескаго рода, собственно—восходящее солнце (Agni auschasya, Ἕωος); отсюда можно предположить, что Uschas въ греческомъ приняло форму Ἕρως. *S* часто измѣняется въ *r*. Въ санскритѣ общее правило, что *s*, за которымъ слѣдуетъ средній звукъ, превращается въ *r*. Въ греческомъ (въ даконскомъ нарѣчіи) существуютъ формы на ορ вм. ος. (Ahrens D. D. § 8); въ латинскомъ *r*, между двухъ гласныхъ, въ древнихъ надписяхъ часто замѣняется болѣе первобытнымъ звукомъ *s* (asa=ara). Самое слово *uschas* въ латинскомъ превратилось въ *aurora*, которое произведено отъ посредствующаго auros, auroris, какъ flora отъ flos, oris.

Но, какъ бы ни казались заманчивыми подобныя аналогіи — доказывать этимъ путемъ переходъ санскритскаго *sch* въ греческой *r*, значило бы только — пускать пыль въ глаза. Нѣтъ, какія бы аналогіи ни представлялись въ другихъ нарѣчіяхъ, санскритское *sch* среди двухъ гласныхъ никогда еще не замѣнялось въ греческомъ звукомъ *r*. Потому Ἕρως не можетъ быть тоже самое, что *Uschas*.

Не смотря на то, Эротъ все-таки — восходящее солнце. Солнце въ Ведахъ часто называется бѣгуномъ, быстроногимъ или просто конемъ, между тѣмъ какъ въ болѣе проникнутой антропоморфизмомъ миѳологіи греческой, равно какъ и во многихъ отдѣлахъ Ведъ, солнце представляется въ образѣ человѣка, стоящаго на колесницѣ, которую въ Ведахъ влекутъ два, семь, или десять коней; въ греческой миѳологіи также— „колесница, везомая четырьмя конями";

Ἅρματα μὲν τάδε λαμπρὰ τεθρίππων
Ἥλιος ἤδη λάμπει κατὰ γῆν. т. е.

„Колесница лучезарная о четырехъ коняхъ и Геліосъ сіяетъ на землю„.

Эти кони также называются Haritas, и притомъ постоянно—женскаго рода. Кромѣ того ихъ называютъ: bhadrâs, т. е. *бодрые*, веселые (I,115,3); tschitrâ's—разноцвѣтные (I, 115,3); gh*r*itasnâs, купающіеся въ росѣ (IV. 6,9); sva*n*thschas—съ прекрасной поступью; vitap*r*isch*th*âs, съ прекрасными хребтами (V. 45,10.) Такъ мы читаемъ — Ригъ-В. IV, 63,9: „Солнце впрягло десять Харитъ для своего теченія".

Ригъ-В. I, 56,8. „Семь Харитъ да привлекутъ свѣтлое солнце на твоей колесницѣ".

Ригъ-В. IV, 13,3. „Семь Харитъ везутъ его, солнце, соглядатая всего міра".

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ онѣ принимаютъ болѣе человѣческій образъ, и подобно тому, какъ заря, иногда называемая просто ashvâ—кобылицей, извѣстна также подъ именемъ сестры, такъ и эти Хариты именуются семью сестрами (VII. 66,5); а въ одномъ мѣстѣ (IX. 86,37) онѣ названы „прекрасно-крылыми Харитами". Послѣ всего сказаннаго едвали нужно добавлять, что мы имѣемъ дѣло съ прототипомъ греческихъ *Харитъ*.

Какъ бы ни хотѣлось слѣдовать далѣе по пути, который открывается для сравнительной миѳологіи этимъ сближеніемъ греческихъ и санскритскихъ Харитъ, мы должны возвратиться къ Эроту, свиту котораго онѣ такъ часто составляютъ. Если, согласно съ законами, по которымъ совершаются превращенія обще-арійскихъ словъ въ греческомъ или въ санскритѣ, мы попробуемъ переложить Ἔρως на санскритскій, то окажется прежде всего, что производный суффиксъ ως, ωτος въ греческомъ — ничто иное, какъ окончаніе прошедшаго причастія, которому въ санскритѣ соотвѣтствуетъ окончаніе — *vant*; именит. *vâ* (вм. vân), род. *vatas*. Такъ какъ въ санскритѣ нѣтъ краткаго *e*, а греческій ρ соотвѣтствуетъ санскритскому *r*, то Ἔρως, ωτος, если бы только такое слово существовало вообще въ сан-

скритѣ, имѣло бы форму *A'rvân*, *árvatas*. Arvan въ позднѣйшемъ санскритѣ значитъ: *конь*, но въ Ведахъ оно удержало отчасти другое, болѣе близкое къ первоначальному, значеніе: быстрый, бѣгущій, стремительный. Оно часто прилагается какъ эпитетъ къ солнцу, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служитъ названіемъ солнца, между тѣмъ какъ въ другихъ употребляется какъ существительное, съ значеніемъ коня или всадника. Такъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ синонимическаго характера древняго языка, и безъ малѣйшаго старанія — выразиться фигурно, тотъ, кто называлъ солнце arvan, необходимо соединялъ съ этимъ словомъ представленіе о конѣ или всадникѣ. Слово arvan, хотя ему и не придавалось другаго значенія, какъ только: *быстрое солнце*, затрогивало и вызывало другія представленія, подъ вліяніемъ которыхъ солнце превратилось мало по малу въ коня или всадника. Arvan значитъ *конь* въ такихъ мѣстахъ, какъ напр. I, 91,20: —

„Богъ Сома даетъ намъ корову; Сома даетъ намъ быстраго коня; Сома даетъ сильнаго сына".

Тоже самое слово значитъ: всадникъ, Ригъ-В. I. 132,5: —

„Всадникъ родится безъ коня, безъ узды".

Здѣсь подъ всадникомъ разумѣется восходящее солнце, и существуетъ даже цѣлый гимнъ, обращенный къ нему, какъ коню. Мало того, развитіе языка и мысли совершается такъ быстро, что въ Ведахъ миѳъ обращается какъ бы вспять къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ (I. 163,21) прославляетъ свѣтлыхъ Васу, ибо „изъ нѣдръ солнца онѣ исторгли коня". Такимъ образомъ árvan, само по себѣ, безъ всякаго прилагательнаго или эпитета, становится однимъ изъ именъ солнца, наравнѣ съ другими изъ древнѣйшихъ именъ того же свѣтила, каковы sûrya, âditya и др. Въ Ригъ-В. I, 163,3 поэтъ, обращаясь къ солнцу, говоритъ: „Ты, о Арванъ (конь), ты — Адитья" (солнце); а (VI. 12.6) опять подъ тѣмъ же самымъ именемъ призывается Агни или солнце: „ты, о Арванъ, сохрани насъ отъ злаго нареканія! О Агни, блестящій всѣми огнями! ты подаешь сокровища, ты отгоняешь всякое зло; даруй намъ прожить въ счастіи сто зимъ; пошли намъ доброе потомство".

Прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи указать нити, посредствомъ которыхъ это имя солнца въ Индіи связано съ первоначальнымъ представленіемъ греческаго бога Любви, должно замѣтить, что иногда кони, т. е. лучи солнца называются не только Harítas, но rohítas и áruschis, напр. Ригъ-В. I. 14,12, „впряги Арушисъ (A'ruschîs) въ твою колесницу, о свѣтлый Агни, Харитъ, Рохитъ и на нихъ привези намъ боговъ!" Эти имена могли быть первоначально простыми прилагательными, которыя значили бѣлый, свѣтлый и темный *), но скоро они превратились въ названія извѣстныхъ животныхъ, принадлежащихъ богамъ, согласно съ ихъ различнымъ цвѣтомъ и характеромъ. Такъ мы читаемъ: —

Ригъ-В. II. 10,2.—„Внемли, лучезарный Агни, моей молитвѣ; два ли черныхъ (syâvâ), два ли гнѣдыхъ (róhítâ), или два бѣлыхъ (aruschâ) коня влекутъ твою колесницу".

И далѣе—Ригъ-В. VII. 42,2:—„Впряги Харитъ и Рохитъ, или Арушисъ, которыя находятся въ твоемъ стойлѣ".

Какъ árvat—въ значеніи коня, такъ áruschî употребляется въ значеніи коровы; напримѣръ, VIII. 55,3, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ получилъ четыреста коровъ (áruschînâm Kátuhtsch shatám). Эти áruschîs или свѣтлыя коровы болѣе исключительно принадлежатъ зарѣ, и вмѣсто того, чтобы сказать: „занимается заря" древніе поэты *Ведъ* часто говорятъ: „возвращаются свѣтлыя коровы" (Ригъ-В I. 92,1). Мы видѣли, что Хариты иногда превращались въ семь сестеръ; Аруши, первоначально свѣтлыя коровы, испытали ту же самую метаморфозу: —

Ригъ-В. X, 5, 5.—„Семь сестеръ, Аруши (свѣтлыя коровы) знали о солнцѣ"; или (X, 8, 3,)—„когда вознеслось солнце, Аруши освѣжили свое тѣло въ водѣ".

Ученымъ санскритологамъ едва ли нужно напоминать, что árûschî собственно женскій родъ отъ arvâ или arvân, хотя

---

*) Poi che l'altro mattin la bella Aurora
L'aer seren fe' bianco e rosso e giallo.
Ariosto, XXIII, 52.
Si che le bianche e le vermiglie guance,
Là dove io era, della bella Aurora
Per troppa etate divenivan rance.—
Dante, Purgatorio, II. 7.

существуетъ и другая форма женскаго рода árvati. Какъ vidvâ'n, вѣдущій, въ женскомъ родѣ имѣетъ viduschî (tschikitvâ'n, tschikitúschî), такъ árvâ(n) имѣетъ áruschî,—форма, вполнѣ объясняющая образованіе женскаго рода отъ прошедшаго причастія въ греческомъ языкѣ. Это можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: vidvâ'n: vidúschî=εἰδώς: εἰδυῖα. Переходъ árvâ въ áruschî имѣетъ для насъ очень важное значеніе, потому что бросаетъ новый свѣтъ на происхожденіе другаго слова, произведеннаго отъ arvat, солнце; это слово—aruschá, существительное мужескаго рода, опять составляющее въ Ведахъ одно изъ употребительнѣйшихъ наименованій солнца. Aruschá, род. —àsya слѣдуетъ слабому склоненію и образовалось точно такъ же, какъ въ греческомъ—διάκτορος, ου вмѣсто διάκτωρ, ορος, а въ латинскомъ vasum, i, вмѣсто vas, vasis, или въ пракритѣ tscharanteschu вмѣсто tscharatsu, или въ новогреческомъ ἡ νύκτα вмѣсто ἡ νύξ. Для санскритологовъ это всего лучше представить въ видѣ слѣдующаго уравненія:—árvâ (бѣгущій): árus: aruschá=párva (узелъ): párus: paruschá.

Это слово arushá, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ Ведахъ, подводитъ насъ какъ нельзя ближе къ греческому Эроту; ибо aruschá употребляется въ значеніи: свѣтлый —

Ригъ-В. VII. 75, 6.—„Видно, какъ свѣтлые, покрытые пятнами, кони влекутъ къ намъ блестящую зарю.“

Кони *) Индры, кони Агни и Бригаспати, быстрые какъ вѣтеръ и свѣтлые какъ солнце, которые лижутъ сосцы темной коровы, т. е. ночи, называются aruschá; паръ, который поднимается отъ палящихъ лучей солнца на разсвѣтѣ дня, члены, съ помощію которыхъ солнце взбирается на высоту небеснаго свода, громовая стрѣла Индры, огонь, видимый днемъ и ночью,—называются общимъ именемъ: aruschá.

„Наполняющій небо и землю свѣтомъ, сквозь мракъ пролагающій себѣ путь по небу, являющійся среди черныхъ коровъ ночи“ называется aruschá или свѣтлымъ быкомъ (aruschó vrischâ.)

*) Aruscha, si voisin d'Aruna (cocher du soleil) et d'Arus (le soleil), se retrouve en Zend sous la forme d'Aurusha (dont Anquetil fait Eorosh, l'oiseau), les chevaux qui traînent Serosh. — Burnouf, *Bhag. Pur.* LXXIX.

Но этотъ же самый *Aruscha* въ Ведахъ, также какъ и въ греческой миѳологіи представляется ребенкомъ:— Ригъ-В. III, 1, 4 — „Семь сестеръ вскормили его, радостнаго, бѣлаго, когда родился онъ, Aruscha, одаренный великимъ могуществомъ; какъ кони собираются къ народившемуся жеребенку, такъ боги воспитали солнце, когда оно родилось."

Въ Ведахъ Aruscha постоянно означаетъ юное солнце, солнце, прогоняющее мрачную ночь и посылающее свои первые лучи — воззвать отъ сна вселенную.

Ригъ-В. VII. 71, 1. „Ночь отходитъ отъ Зари, сестры своей; мрачная, открываетъ путь для Аруши."

Хотя въ нѣкоторыхъ изъ ведійскихъ названій солнца и заключается какъ бы неумышленный намекъ на его первоначально-животные аттрибуты, тѣмъ не менѣе оно скоро принимаетъ чисто-человѣческій образъ. Оно называется Nritschakschâs (III. 15, 3) „имѣющій человѣческія очи" и даже первые слѣды его крыльевъ, — обстоятельство, которому бы очень обрадовался Гриммъ [1]), — являются уже въ Ведахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ онъ называется „Aruschâh suparnás," „свѣтлое солнце съ прекрасными крыльями."

Τὸν δ' ἤτοι θνητοὶ μεν Ἔρωτα καλοῦσι ποτηνόν,
Ἀθάνατοι δε Πτέρωτα, διὰ πτεροφύτορ ἀνάγκην.

(Плат. Федръ 252, с: смертные еще Эрота крылатымъ называютъ, безсмертные жь его *окриляющимъ* зовутъ, ради (любви присущей) неудержимой, крылья придающей (влюбленнымъ), силы).

Какъ Эротъ—сынъ Зевса, такъ Аруша называется сыномъ Діауса (Diváh shíshus):

Ригъ-В. VII, 15, 6—„Его, бога Агни, они снаряжаютъ и очищаютъ ежедневно подобно коню, совершившему свой бѣгъ,— подобно Арушѣ, свѣтлому солнцу, юному чаду Діауса (неба)".

Ригъ-В. VI. 49, 2.—„Поклонимся Агни, чаду небесъ, сыну силы, Арушѣ, свѣтлому пламени жертвы."

---

[1]) Св Як. Гримма: Ueber den Liebesgott.

Этотъ сынъ—перворожденный изъ боговъ, ибо онъ является (V. 1, 5) „agre ahnâm“, на разсвѣтѣ дней; „uschasâm agre“ (X, 45, 7) въ началѣ зорь; но въ одномъ мѣстѣ ему приписываются двѣ дочери—различныя по внѣшнему виду—одна, усѣянная звѣздами, другая, озаренная свѣтомъ солнца — День и Ночь, которыя въ другомъ мѣстѣ называются дщерями солнца. Аруша не встрѣчается въ роли бога Любви, въ греческомъ значеніи этого бога; любовь, какъ чувство, не обоготворялось въ Ведахъ ни подъ какимъ именемъ. Кама, богъ любви въ позднѣйшемъ санскритѣ, въ Ведахъ никогда не имѣетъ личныхъ или божественныхъ аттрибутовъ, за исключеніемъ одного мѣста въ десятой книгѣ, и даже здѣсь любовь представляется скорѣе космогонической силой, чѣмъ личнымъ существомъ.

Но есть другое мѣсто въ Ведахъ, гдѣ Кама, любовь, ясно сближается съ восходящимъ солнцемъ. Цѣлый гимнъ (II. 38, 6) обращенъ къ Savitar,—солнцу. Здѣсь говорится: „оно поднимается, подобно сильному пламени,—простираетъ свои мощныя руки,—уподобляясь даже вѣтру! Когда онъ остановитъ своихъ коней, прекращается всякое движеніе и по стопамъ его слѣдуетъ ночь. Но прежде чѣмъ она успѣетъ до половины окончить свою ткань, солнце восходитъ снова. Тогда Агни является всѣмъ людямъ и проникаетъ во всѣ жилища; свѣтъ его могучъ, и его мать, заря, отдаетъ ему лучшую долю, первое поклоненіе людей“. Потомъ поэтъ продолжаетъ:—

„Онъ возвратился большими шагами, жаждущій побѣды; приблизился онъ, предметъ любви для всѣхъ людей (собств. любовь всѣхъ людей). Вѣчный приблизился, оставляя трудъ (Ночи) въ половину оконченнымъ; онъ послѣдовалъ велѣніямъ небеснаго Савитара.

„Любовь всѣхъ людей“ можетъ значить: тотъ, кто любимъ всѣми людьми, или кто исполняетъ желанія всѣхъ людей. Я не думаю однако, чтобы названіе: Кама, любовь, придавалась восходящему солнцу—совершенно случайно.

Первоначальный солнечный характеръ бога любви, возлюбленнаго зари, не былъ забытъ даже въ позднѣйшихъ преданіяхъ Пуранъ. Мы находимъ, что одно изъ названій, придава-

емыхъ сыну Камы, Анируддѣ, (неодолимый, ἀνίκατος μάχαν),— Uschâpati, владыка Зари.

Если мы соберемъ мысленно всѣ представленія и намеки, сложившіеся въ Ведахъ около именъ: Arvat и Aruscha, то разнообразные миѳы объ Эротѣ, которые съ перваго раза кажутся исполненными столькихъ противорѣчій, становятся совершенно понятными. У Гесіода Эротъ—древнѣйшій изъ боговъ, рожденный въ то время, когда существовали только Хаосъ и Земля. Не есть ли это ведійскій Аруша,—„рожденный въ началѣ всѣхъ дней"? Онъ—младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, любимецъ Харитъ, и въ то же время сынъ главной изъ нихъ, Афродиты, въ которой не трудно узнать женскаго Эрота (Uschâ вмѣсто Agni auschasya). Ключъ къ каждому изъ этихъ миѳовъ можно подъискать въ Ведахъ. Тамъ онъ „дитя, сынъ Діауса"; онъ впрягаетъ Харитъ, и оказывается, если не сыномъ *), то по крайней мѣрѣ „возлюбленнымъ Зари". Кромѣ того, въ греческой миѳологіи Эротъ точно такъ же имѣетъ многихъ отцовъ и матерей; родители, которыхъ приписываетъ ему Сафо,—Небо и Земля, тождественны съ его ведійскими родителями: Діаусомъ и Ирою (Jdâ). Тѣмъ не менѣе Индія—не Греція, и, хотя мы можемъ прослѣдить корни и зародыши греческихъ словъ и представленій вплоть до ихъ первоначальнаго источника въ богатой миѳами почвѣ Индіи, тѣмъ не менѣе полный расцвѣтъ арійскаго языка, арійской поэзіи и миѳологіи принадлежитъ Элладѣ, гдѣ Платонъ объяснилъ намъ значеніе Эрота, и гдѣ Софоклъ воспѣлъ его въ слѣдующихъ стихахъ:

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν,
Ἔρως, ὃς ἐν κτήμασι πίπτεις
ὃς ἐν μαλακαῖς παρειαῖς
νεάνιδος ἐννυχεύεις:
φοιτᾷς δ' ὑπερπόντιος, ἐν τ'
ἀγρονόμοις αὐλαῖς.
καί σ' οὔτ' ἀθανάτων φύξιμος οὐδείς

*) См. Maxim. Tyr XXIV. «τὸν Ἔρωτά φησιν ἡ Διοτίμα τῷ Σωκράτει οὐ παῖδα, ἀλλ' ἀκόλουθον τῆς Αφροδίτης καὶ θεράποντα εἶναι. См. Preller, Griech. Mythologie, p. 238.

οὐθ' ἁμερίων ἐπ' ἀν-
θρώπων. ὁ δ' ἔχων μέμηνεν. *)

Если открытіе общаго происхожденія языковъ греческаго и санскритскаго Гегель называетъ открытіемъ новаго міра, то тоже самое можно сказать относительно общаго происхожденія греческой и санскритской миѳологіи. Открытіе совершилось, и наука сравнительной миѳологіи скоро займетъ въ ряду наукъ не менѣе важное мѣсто, какъ и сравнительная филологія. Въ настоящемъ трудѣ я успѣлъ объяснить два, три миѳа, но всѣ они принадлежатъ одному небольшому циклу, и къ разобраннымъ мною миѳологическимъ именамъ можно было бы примкнуть много другихъ, родственныхъ.

Интересующихся „гелоогіей языка" я могу отослать къ „Журналу сравнительнаго языковѣдѣнія" (Zeitschrift für vergl. Sprachforschung), издаваемому въ Берлинѣ моимъ ученымъ другомъ, докторомъ Куномъ, который въ своемъ изданіи далъ мѣсто сравнительной миѳологіи, совершенно основательно видя въ ней одинъ изъ составныхъ отдѣловъ сравнительной филологіи, и въ собственныхъ изслѣдованіяхъ указалъ нѣкоторыя черты поразительнаго сходства между сказаніями Ведъ и миѳологическими именами другихъ арійскихъ племенъ. Самые „Иппокентавры, Химера, Горгоны, Пегасъ и другія чудовищныя созданія" объяснились удовлетворительномъ образомъ. Не раздѣляя во многомъ взглядовъ д-ра Куна и въ особенности расходясь съ нимъ во всемъ, что касается стихійнаго значенія боговъ (которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Лауэромъ, авторомъ „Системы греческой миѳологіи", ставитъ въ слишкомъ исключительную связь съ измѣнчивыми явленіями облаковъ, грозы и грома, тогда какъ, мнѣ кажется, ихъ первоначальнаго значенія почти всегда слѣдуетъ искать въ связи съ солнцемъ), я убѣжденъ однако, что какъ у Куна такъ и у Лауэра можно научиться весьма многому.

---

*) Эротъ непобѣдный въ бою,
Эротъ побѣдитель богатства,
На нѣжныхъ ланитахъ дѣвицы любишь покоиться ты,
Далеко за море идешь, въ пастушій вступаешь шалашъ.
Ни изъ вѣчныхъ боговъ, ни изъ смертныхъ людей,
Ни одинъ отъ тебя не бѣжитъ. (Антигона, 750, перев. С. Д. Шестакова).

Еще очень много, конечно, остается сдѣлать, и *вполнѣ* греческая миѳологія никогда не будетъ уяснена и истолкована — даже при пособіи Ведъ. Но должно ли это останавливать изслѣдователя? Въ греческомъ языкѣ много словъ, этимологическаго смысла которыхъ мы не можемъ объяснить себѣ даже при помощи санскрита. Слѣдуетъ ли изъ этого, что весь греческій языкъ чуждъ этимологической организаціи? Открывая извѣстныя разумныя начала въ образованіи хотя незначительной части греческихъ словъ, мы имѣемъ право заключить, что начала, проявляющіяся въ одной долѣ, легли въ основу развитія цѣлаго языка. Изъ того, что мы не въ силахъ выяснить этимологическій корень каждаго слова, еще не слѣдуетъ, что весь языкъ не имѣлъ этимологическаго начала, или что этимологія занимается „прошедшимъ, которое никогда не было настоящимъ". Я вполнѣ допускаю, что позднѣйшіе Греки, каковы Гомеръ и Гесіодъ, не знали значенія (λόγος) своихъ миѳовъ (μύθοι), но не болѣе было имъ извѣстно и настоящее начало (τὸ ἔτυμον) словъ ихъ роднаго языка. Что оказывается вѣрнымъ относительно этимологіи, то не менѣе вѣрно и въ отношеніи миѳологіи. Сравнительная филологія доказала, что въ языкѣ нѣтъ ничего случайнаго, неправильнаго, и тѣ явленія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя прежде считались неправильными, теперь признаны за наиболѣе правильныя и первообразныя грамматическія формы. Такихъ же точно результатовъ, я увѣренъ, можно достигнуть въ области миѳологіи, и вмѣсто того чтобы выводить миѳологію, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, ab ingenii humani imbecillitate et a dictionis egestate (т. е. изъ немощи человѣческаго разума и изъ скудости человѣческой рѣчи), можно, кажется, наоборотъ искать для нея болѣе вѣрнаго объясненія въ „ingenii humani sapientia и dictionis abundantia" (т. е. въ силѣ человѣческаго разума и богатствѣ человѣческой рѣчи). Миѳологія — ничто иное, какъ особая рѣчь, древнѣйшая оболочка языка. Миѳологія, обращаясь главнымъ образомъ къ природѣ и изъ явленій природы преимущественно къ тѣмъ, которыя носятъ отпечатокъ закона, порядка, силы и мудрости, въ тоже время простиралась на все. Въ миѳологіи все находило свое мѣсто и выраженіе: и начала нрав-

ственности, и философія, и исторія, и религія—словомъ, ничто не избѣжало обаянія этой древней сивиллы. Но въ тоже время не слѣдуетъ забывать, что миѳологія сама по себѣ не есть — ни философія, ни исторія, ни религія, ни этика въ отдѣльности. Миѳологія, если дозволено будетъ употребить схоластическій терминъ, есть *quale*, а не *quid*, *форма*, а не *содержаніе*, и подобно поэзіи, скульптурѣ, живописи, обнимаетъ все, что могло быть предметомъ удивленія или поклоненія въ древнемъ мірѣ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О Н. И. НОВИКОВѢ

И ЧЛЕНАХЪ КОМПАНІИ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ.

Сообщены Д. И. Иловайскимъ.

Предисловіе.

Печальная катастрофа 1792 года, которая въ конецъ разрушила литературную дѣятельность Новикова и его ученыхъ друзей и потрясла въ самыхъ основаніяхъ книжную торговлю въ Москвѣ, до сихъ поръ извѣстна была только въ общихъ и блѣдныхъ чертахъ. Документы, сообщаемые Д. И. Иловайскимъ, проливаютъ на нее яркій свѣтъ. Перечитывая эти криминальные памятники недалекаго отъ насъ прошедшаго, видимъ, какими громадными предпріятіями двигалъ Новиковъ и его ученые друзья и какихъ ничтожныхъ интригъ со стороны Прозоровскаго достаточно было, чтобы разрушить ихъ мгновенно.

Императрица давно съ неудовольствіемъ смотрѣла на дѣятельность Новикова. Недобрые замыслы предполагала Она въ этомъ вліятельномъ членѣ таинственнаго масонскаго кружка. Въ декабрѣ 1785 года, Екатерина II, «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги», повелѣла «испытать его въ законѣ нашемъ», книги, изданныя имъ, разсмотрѣть и наконецъ всѣ городскія школы и больницы отдать въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія. Въ исполненіе этихъ Высочайшихъ повелѣній тогдашній московскій гражданскій губернаторъ П. В. Лопухинъ представилъ Императрицѣ слѣдующее донесеніе: [1])

Всемилостивѣйшая Государыня!

Два высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа отъ 23 дня генваря имѣлъ счастіе получить: *первой* объ изъясненіи содер-

---

[1]) Въ Москвитянинѣ 1842, № 3 это донесеніе напечатано было съ большими пропусками. Мы помѣщаемъ его вполнѣ.

жателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его Новикова типографіи вышло не малое количество таковыхъ книгъ, то чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было; *второй* о вѣденіи Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣхъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привиллегіями или жалованными грамотами снабдѣны или повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведены какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности и о наблюденіи, чтобъ школы не инако учреждаемы были, какъ подъ начальствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, имѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ тутъ расколъ, праздность и обманъ не скрывалися.

Вслѣдствіе сихъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернское правленіе, гдѣ въ присутствіи, по изъясненіи ему, что типографіи учреждены для печатанія книгъ нужныхъ и полезныхъ, а не для того, чтобы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ, формально допрашиванъ: какъ изъ его типографіи вышло таковыхъ книгъ немалое число, то съ какимъ намѣреніемъ и по какимъ причинамъ оныя издавалъ? Который показалъ, что всѣ печатанныя книги въ его, Новикова, типографіи были представляемы имъ для разсматриванія опредѣленнымъ отъ правительства цензорамъ, по дозволенію коихъ и печаталъ, и почиталъ въ разсужденіи ихъ одобренія полезными, и при печатаніи книгъ другаго никакого намѣренія не имѣлъ, кромѣ пріобрѣтенія прибыли. Для легчайшаго жь усмотрѣнія его показаніевъ при семъ всеподданнѣйше подношу его Новикова подлинный допросъ.

Касательно жь до заведенія больницы и школъ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, то на сіе всеподданнѣйше имѣю счастіе донести, что онѣхъ совершенно теперь нѣтъ, а пользовались прежде въ домѣ содержателя Новикова находящіеся при его типографіи работники, постороннихъ же для пользованія никого принимаемо не было. Нынѣшняго жь году генвари съ 1 дня взято имъ

для случающихся при типографіи больныхъ работниковъ изъ Приказа Общественнаго призрѣнія четыре годовыя кровати, и съ того времени въ его домѣ никто болѣе не пользуется, а ежели и сверхъ онаго числа случатся больные, то отсылаются въ публичныя больницы.

Школы жь и пенсіоны всѣ, сколько ихъ въ городѣ имѣется, еще прежде сего вслѣдствіе полученнаго отъ Вашего Императорскаго Величества къ господину Главнокомандующему Высочайшаго повелѣнія, опредѣленными отъ Преосвященнаго Московскаго, отъ Университета и отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія членами осматриваны и неспособные къ обученію учители всѣ исключены, закону жь обучать въ оныхъ дозволено единственно только тѣмъ, кои отъ Преосвященнаго Московскаго къ тому удостоены.

Въ прошломъ 1782 году при открытіи въ Москвѣ, съ дозволенія бывшаго г. Главнокомандующаго, Дружескаго Общества положено было въ ономъ содержать на коштѣ того Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по нѣскольку студентовъ, коихъ и содержалось до 30 человѣкъ и изъ нихъ каждому производилось въ годъ по 100 руб. и жили въ домѣ, принадлежащемъ профессору Шварцу, который надъ оными и надзиралъ. Присланы же были сіи обучающіеся по прошенію Общества отъ епархіальныхъ архіереевъ. Теперь же оныхъ осталось только 15 человѣкъ. А какъ содержатель Новиковъ и его товарищи въ содержаніи оной состоятъ почти всѣ и въ Дружескомъ Обществѣ, то мною посыланъ былъ Исправляющій должность Оберъ-Полиціймейстера Полковникъ Толь для осмотрѣнія жилища сихъ содержащихся на коштѣ Общества, кои имъ распрашиваны и показали всѣ единогласно: что содержутся они единственно на счетъ Общества, а обучаются въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Академіи наукамъ и богословіи, болѣе жь нигдѣ и ничему не обучаются; на содержаніе жь деньги получаютъ отъ Титулярнаго Совѣтника, князя Енгалычева, который надъ ними и присмотръ имѣетъ. Университета жь Директоръ Господинъ Фонъ-Визинъ по призывѣ ко мнѣ объявилъ, что дѣйствительно оные воспитанники ходятъ обучаться въ Университетъ какъ по утру, такъ и по полудни, и что ему извѣстно, что отъ Общества Дружескаго препоручено имѣть смотрѣніе за оными профессору Университета Чеботареву. Впрочемъ симъ осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество удостовѣрить всеподданнѣйше, что въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ предуставленнымъ порядкомъ, ни больницъ кромѣ казенныхъ, ниже какихъ непозволенныхъ законами собраній не состоитъ. Предая жь все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Импе-

раторскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить на оное Вашего Высокомонаршаго повелѣнія

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ Петръ Лопухинъ.

Генваря 30 дня
1786 года.

Результатомъ этого осмотра было запрещеніе нѣсколькихъ масонскихъ книгъ.

Въ 1789 году долженъ былъ кончиться контрактъ Новикова съ Университетомъ относительно арендованія имъ университетской типографіи. Императрица не хотѣла оставить послѣдней въ рукахъ «мартиниста, хуже Радищева» и 17 октября 1788 года дала Московскому Военному Генералъ-Губернатору Еропкину слѣдующее повелѣніе:

«Петръ Дмитріевичь!

Подтверждаемъ и теперь прежнее Наше повелѣніе, чтобъ университетская типографія по истеченіи срока въ содержаніе Поручику Новикову не была отдана, о чемъ Вы Кураторамъ Университета Московскаго объявить. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина».

Дѣло 1792 года началось сомнѣніемъ, не была ли *Пращица* Питирима напечатана внѣ духовной типографіи и не имѣлось ли церковныхъ буквъ въ типографіи Новикова.

Сдѣлавши о томъ (22 апр. 1792 г.) запросъ начальнику Московской типографской конторы Петру Вас. Гурьеву, Московскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Прозоровскій предписалъ въ то же время князю Жевахову изготовиться «близь города Никитска взять подъ присмотръ одного нужнаго человѣка», а Московскому губернатору Петру Лопухину приказалъ предписать «освидѣтельствовать находящіяся здѣсь разныхъ хозяевъ книжныя лавки: нѣтъ ли въ оныхъ такихъ книгъ, кои въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія въ продажу производить запрещено». Почти во всѣхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ найдены были запрещенныя масонскія книги. Книгопродавческія связи Новикова обнимали всѣхъ московскихъ торговцевъ книгами какъ русскими, такъ и иностранными. Книгопродавецъ Переплетчиковъ «съ 1789 г. торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20%; въ 1790 году Новиковъ взялъ его коммиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ вся-

каго письменнаго условія». Прикащикъ Новикова Никита Кольчугинъ имѣлъ свою лавку въ Петербургѣ, гдѣ торговалъ Василій Степановичь Сопиковъ. Кромѣ того книгопродавцы Тимоѳей Полежаевъ, Никита Кольчугинъ, Матвѣй Глазуновъ и университетскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ около 1785 года составили съ Новиковымъ условіе, чтобъ брать у него «всякой вновь выходящей, печатанной въ его типографіи книги по 50 экземпляровъ», старыхъ сколько пожелаютъ, съ уступкою $^{30}/_{0}$ или $^{20}/_{0}$. Но это условіе осталось безъ дѣйствія. Въ 1789 году Кольчугинъ взялъ у Новикова для продажи разныхъ книгъ 80,000 экземпляровъ. Торговавшіе иностранными книгами въ Москвѣ также находились въ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Иностранныя книги послѣдній выписывалъ чрезъ книгопродавца Бибера; товарищъ Бибера и управлявшій продажею его книгъ Утовъ (Uthof?) получалъ отъ Новикова для продажи книги и, хотя до начала слѣдствія уѣхалъ за границу, возвративши Новикову непроданныя книги, но Биберъ все-таки былъ призванъ къ допросу.

Такимъ образомъ подъ слѣдствіе разомъ попали всѣ занимавшіеся книжною торговлею въ Москвѣ. «Утговъ, Биберъ, переплетчикъ Занд-Марка, Переплетчиковъ, Полежаевъ и прочіе производили продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею».

Самого Новикова держали въ его домѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Прозоровскій писалъ Жевахову: «Рецепты въ аптеку писать позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте прежде въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оныя въ аптеку». Въ свидѣтельствованныхъ книжныхъ лавкахъ слѣдователи нашли книги запрещенныя [1]) и книги, напечатанныя безъ указнаго дозволенія [2]). Многія изъ книгъ

---

[1]) Сюда принадлежали: a) Избранная библіотека; b) Избранная библіотека для бѣдныхъ; c) *О заблужденіяхъ и истинѣ*, d) Хризоанидеръ; e) Карманная книжка; f) Наука обращаться съ Богомъ; g) Правила христіанскаго воспитанія дѣтей; h) Толкованіе на одиннадцать утреннихъ евангелій (книга, запрещенная именнымъ указомъ 1788 года); i) Опытъ водяга въ благочестіи; k) Новая Киропедія; l) Мессіа, поема; m) Апологія и. к.; n) 3-я часть проповѣдей Миняѣвъ; o) Братскія увѣщанія; p) Образъ житія Енохова; q) Священная сатира на суету міра или эклиссіастъ; r) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ; s) Изслѣдованіе философическихъ проповѣдей; t) Седмидневникъ Евдокимовхаріонъ; u) Судьба религіи. Всего полныхъ и по частямъ 5569 экземпляровъ.

[2]) Сюда отнесены были: 1) Иліотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею божіею; 2) Священныя размышленія или бесѣды со Христомъ; 3) Священныя размышленія, ведущія къ исправленію христіанской жизни; 4) Наука благополучно умирать; 5) Разсужденіе о началѣ и концѣ и состояніи будущаго

показались слѣдователямъ подозрительными и отнесены въ число «напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія», по видимому, безъ всякой на то причины.

Конфисковавъ всѣ подозрительныя книги и запечатавъ книжныя лавки, Прозоровскій занялся разборомъ бумагъ, захваченныхъ въ деревнѣ Новикова, и результаты своихъ изслѣдованій постоянно сообщалъ Императрицѣ. По настоянію Прозоровскаго Новикова рѣшено было передать для дальнѣйшихъ допросовъ Шешковскому. Отправивши Новикова въ Шлиссельбургъ подъ сильнымъ конвоемъ и съ мельчайшими предосторожностями, Прозоровскій немедленно донесъ о томъ Императрицѣ и прибавилъ: «Позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, объяснить Вашему Императорскому Величеству, какъ нѣтъ ли иногда въ предыдущихъ моихъ всеподданническихъ донесеніяхъ описки о типографіяхъ Новикова или компаніи ихъ. Типографія въ 20 станахъ была учреждена въ бывшемъ домѣ графа Гендрикова, который купя, они сдѣлали великую пристройку да и прочія всѣ заведенія у нихъ были заведены въ томъ же домѣ и ложа, или по ихъ храмъ, тамъ же была. А Иванъ Лопухинъ, какъ изъ усердныхъ его компаньоновъ, имѣлъ небольшую въ особомъ домѣ типографію, какъ многія книги и означены печатью оной типографіи. А наконецъ онъ Лопухинъ присоединилъ свою типографію въ Гендрикова домъ къ

міра; 6) Надгробныя размышленія; 7) Житіе св. Григорія Назіанзина; 8) Бесѣды Василія Великаго; 9) Гарвоада радостныя мысли; 10) Драгоцѣнная меду капля изъ ванна Христа; 11) Увѣщаніе къ христіанскому жизни препровожденію; 12) Филонъ Іудеянинъ о субботѣ; 13) Натура и благодать; 14) Христіанское правоученіе; 15) Блаженнаго Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ; 16) Бесѣды избранныя Іоанна Златоустаго; 17) Почерпнутыя мысли изъ Екклесіаста; 18) Таинственное путешествіе въ островъ добродѣтели; 19) Райскіе цвѣты въ сельни цвѣтникахъ; 20) О дѣвствѣ св. Іоанина Златоустаго; 21) Бесѣды Макарія Египетскаго; 22) Вѣра, надежда, любовь. 23) Іоанна Масона познаніе самого себя; 24) Христіанская философія или руководство къ небесамъ; 25) Діонтра или пірозрительное зерцало; 26) Покоящійся Трудолюбецъ; 27) Сочиненія Іоанна Бюніана; 28) Драгоцѣнная книжка о внутренней гордости; 29) Лучи мудрости изъ тип. Гиппіуса; 30) Богословское ученіе о состояніи неповрежденнаго человѣка, т. Пономарева; 31) Ангола, индѣйская повѣсть, т. Пономарева; 32) Путешествія Кировы; 33) Смерть и страданіе Іисуса Христа, въ т. Гиппіуса; 34) Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, т. Гип.; 35) Христіанинъ—воинъ Христовъ; 36) Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ т. Гиппіуса; 37) Приключенія Теострика Изіебъ-розы, т. Пономарева; 38) Плоды трудовъ Галлера; 39) Щитъ противу боязни и смерти; 40) Златая книжица о прилѣпленіи къ Богу; 41) Лактанція Фирміана божественныя наставленія; 42) Утѣшительныя разсужденія; 43) Домъ молчанія; 44) Іоанна Мельхіора Гецена; 45) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Тула 1790 г; 46) Собранные полезные цвѣты; 47) Свойства счастія; 48) Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, 1781.

Новиковской или же къ компаніи. И такъ теперь существуетъ только одна, какъ вышеупомянулъ, въ бывшемъ домѣ гр. Гендрикова, который домъ весь запечатанъ и подробно пересматриванъ и нѣсколько нужныхъ къ свѣдѣнью оттуда взято бумагъ..... и въ которомъ находятся не малыя библіотеки. Типографія жь работой остановлена впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, а только аптека оставлена свободной въ продажѣ медикаментовъ, которая имѣетъ хорошее учрежденіе, какъ аптекарь у нихъ искусный въ дѣлѣ своемъ и сверхъ того надсматриваетъ надъ оной, докторъ, ими нанятой..... Съ симъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству знатную часть бумагъ, взятыхъ у Новикова въ деревнѣ и въ домѣ его, въ Москвѣ, что прежде былъ гр. Гендрикова: въ нихъ важно, что на генеральной конвенціи въ Вольфенбютелѣ, гдѣ и герцогъ Брауншвейгскій присутствовалъ, отъ всѣхъ ложъ орденъ тампліеръ запрещается возобновлять, а здѣсь они 5-ю степень называютъ тампліеръ». Съ слѣдующей реляціей Прозоровскій отправилъ Императрицѣ «нѣкоторыя знаки ихъ секты» и прибавилъ въ заключеніе письма: «Прежде доносилъ я Вашему Величеству, что нашелъ только степени розовыхъ и золотыхъ крестовъ до 6-ти, а послѣ нашелъ, до 8 степени, которую въ бумагахъ отправленныхъ найти изволите, равно и экстрактъ изъ секретной инструкціи».

16 мая Прозоровскій просилъ митрополита Платона «назначить изъ духовныхъ чиновъ двухъ персонъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныхъ», чтобы прочесть рукописныя сочиненія и переводы и «сдѣлать замѣчанія, въ чемъ они не согласуютъ православной вѣрѣ нашей или уставамъ церкви». Митрополитъ назначилъ Ректора Академіи Арх. Меѳодія и протопопа церкви Трехъ Святителей Василія Прокопіева.

Въ августѣ Прозоровскій по желанію Шешковскаго, сдѣлалъ допросъ И. В. Лопухину, кн. Трубецкому и И. П. Тургеневу, за которымъ 11 августа отправленъ былъ въ Симбирскъ подпоручикъ Іевлевъ. Въ томъ же мѣсяцѣ этимъ тремъ лицамъ объявлено было Высочайшее повелѣніе немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ дальнихъ своихъ имѣніяхъ. 29 августа Прозоровскій донесъ Императрицѣ объ отъѣздѣ изъ Москвы кн. Трубецкаго и Тургенева и съ этимъ донесеніемъ препроводилъ къ Ней статью «изъ бумагъ барона Шрейдера подъ литерою *А. о призывѣ духовъ*». Прозоровскій не упустилъ при этомъ случаѣ замѣтить, что люди, которые даютъ подобнымъ вещамъ «видъ вѣроятія» — «безумцы или мошенники».

Въ тоже время дѣятельно разсматривались особыми цензорами, — Брянцевымъ и Геймомъ отъ Университета, и другими со стороны духо-

вещества, книги во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ. Прозоровскій далъ цензорамъ строгую инструкцію. Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Гендриковскомъ домѣ была найдена новая палата съ книгами, которая при первомъ осмотрѣ не была отперта. Въ ордерѣ, данномъ по этому случаю цензорамъ, Прозоровскій говоритъ между прочимъ: «Но я при семъ случаѣ долгомъ поставляю напомнуть вамъ цензировать книги съ всеприлежнѣйшимъ вниманіемъ, какъ отъ каждаго требуетъ вѣрноподданническій долгъ. Изъ книгъ, вами непризнанныхъ за непозволенныя, трагедія *Смерть Кесарева* весьма недостойна существовать». Вслѣдъ за тѣмъ Прозоровскій предписалъ Курбатову (23 апр. 1794 г.) «чтобы въ число вредныхъ книгъ отложили Вы книгу подъ названіемъ *Размышленія о дѣлахъ божіихъ* также и двѣ трагедіи подъ названіемъ: первая *Смерть Цесарева* и вторая *Юлій Цесарь*». Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина — переводъ Шекспировой трагедіи *Юлій Цезарь*.

Результатомъ осмотра книжной собственности Новикова было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 книги отданы были въ Академію, 5194 въ Университетъ, 18,656 сожжены.

Донесеніемъ 24 августа Прозоровскій испрашивалъ соизволенія Императрицы «не отсылать книгопродавцевъ къ суду, а обязавъ ихъ подписками, зачта въ штрафъ четырехъ-мѣсячное запечатаніе книгъ, оныя повелѣть распечатать и имъ позволить производить продажу». Но вскорѣ Прозоровскій приказалъ Московскому Городскому Магистрату «въ самой скорости сдѣлать надъ книгопродавцами рѣшеніе по законамъ». Въ Магистратѣ нашлось одно лицо, (младшій членъ онаго Захаръ Горюшкинъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго Университета), которое на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ старалось доказать, что книгопродавцы за свою вину подлежатъ довольно легкому наказанію. Большинство членовъ Магистрата было другаго мнѣнія. Сдѣлавши строгій выговоръ смѣлому адвокату московскихъ книгопродавцовъ, Прозоровскій сталъ ожидать Высочайшаго рѣшенія по ихъ дѣлу. 27 октября 1795 года преемникъ Прозоровскаго Генералъ-Губернаторъ Измайловъ просилъ увѣдомить его о Высочайшей волѣ относительно виновныхъ. По случаю рожденія В. Кн. Николая Павловича имъ объявлено было помилованіе..... 11 ноября 1796 года императоръ Павелъ I повелѣлъ освободить Новикова изъ заключенія. Тургеневу, Лопухину, Трубецкому разрѣшенъ былъ въѣздъ въ столицы.

Новиковъ вышелъ изъ Шлюссельбургской крѣпости почти нищимъ. Долги его были неоплатны. На него со всѣхъ сторонъ посыпались взысканія. Относящіеся къ этому дѣлу документы будутъ напечатаны въ слѣдующемъ томѣ «Лѣтописей».

Н. Тихонравовъ.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Спѣшу Вашему Императорскому Величеству съ симъ нарочнымъ всеподданнѣйше донести, что Высочайшій Вашего Величества указъ отъ 13 сего апрѣля я удостоился получить 18 тогожъ теченія къ вечеру; но исполненіемъ пріостановился для 21 числа, дня дражайшаго для насъ рожденія Вашего Императорскаго Величества. А между тѣмъ скромно старался я развѣдать, нѣтъ ли означенной въ указѣ Вашего Величества книги въ продажѣ въ Москвѣ, въ лавкахъ. И такъ я поручилъ одному довѣренному мнѣ человѣку изъ благородныхъ людей,—не сказывая однако болѣе, что я слышалъ, что продается будто какая-то книга о раскольникахъ,—чтобы онъ съѣздилъ посмотрѣть и купить для меня по лавкамъ, который купилъ мнѣ о раскольникахъ книжку церковной печати, и я оную здѣсь на усмотрѣніе Вашего Величества прилагаю; но сія есть другая. Однако я просилъ Оберъ-Прокурора Конторы св. Синода Гурьева, чтобы сказалъ мнѣ, въ Синодской ли Типографіи оная печатана; но еще отвѣтствія не получилъ. А тутъ-же оной купилъ изъ числа запрещенныхъ Вашимъ Величествомъ книгъ *Новая Киропедія*, почему и заключилъ я, что Новиковъ, опять вновь напечатавъ ихъ, выпустилъ; а прежніе въ Синодальной Конторѣ поставлены за печатью. А 21 числа, далъ наставленье совѣтнику Уголовной Палаты Алсуфьеву, какъ надежнымъ я его почелъ ко исполненію сей коммисіи, а съ нимъ назначилъ людей надежныхъ же, губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Данилова и засѣдателя верхняго земскаго суда Писарева съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы по окончаніи осмотра и его, Николая Новикова, съ собою привезли ко мнѣ, которыя къ вечеру отправилися въ деревню Новикова верстахъ въ 60 отъ Москвы въ Никитскомъ уѣздѣ.

На другой день, созвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и полицеймеистера, которымъ поручилъ прямо отъ меня ѣхать осмотрѣть близь Сухаревой башни ихъ Типографію. Прокурору Колычеву съ однимъ частнымъ приставомъ Ивановымъ поручилъ осмотрѣть лавку и магазинъ книгъ евожъ, Новикова, и въ евожъ домѣ у Никольскихъ воротъ совѣтнику ка-

зенной палаты Буланину съ двумя частными приставами Семеновымъ и Пименовымъ осмотрѣть всѣ вольныя лавки книжныя, въ которыхъ во всѣхъ нашли всѣ запрещенныя Вашим Величествомъ книги; но только въ каталогахъ не означены а скрытно продавались. Равно въ лавкѣ у Никольскихъ воротъ, тожъ въ магазинѣ и въ домѣ бывшемъ графа Гендрикова оныя найдены. Я лавки всѣ вообще запечаталъ и книгопродавцовъ взялъ подъ стражу и иныхъ допрашивалъ; они сперва не хотѣли сказывать, что брали у Новикова, а потомъ признались, а особливо прикащикъ Новикова, племянникъ умершаго Никиты Павлова и съ нѣкоторымъ достаткомъ, во всемъ чистосердечно признался и показалъ, что у нихъ сіи книги есть еще на Гостинномъ дворѣ и за Москвою рѣкою, въ старомъ Монетномъ Кадашевскомъ дворѣ, что нынѣ суконная фабрика, гдѣ они всѣ и запечатаны. И по его показанію всѣхъ таковыхъ книгъ по ихъ цѣнѣ на 5000 рублей, но вновь ли они печатаны, онъ не знаетъ, какъ онъ третій только годъ у Новикова прикащикомъ при домѣ на Никольской улицѣ и отъ него ихъ получилъ изъ магазейну Типографіи. Но, кажется, нѣтъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сумнѣнья, чтобы они не были послѣ запечатанья вновь тиснены, или тогда полиція худо осмотръ имъ здѣлала. Съ негожь взято двѣ подписки во время главнокомандованія графа Брюса о другихъ еще книгахъ, которыя по указужь Вашего Величества запечатаны и оставлены въ лавкѣ его въ коробахъ, которыя и теперь находятся: что впредь таковыхъ книгъ въ тисненье не давать и не торговать. Потомъ предмѣстникъ мой Петръ Дмитріевичь Еропкинъ подобную той взялъ росписку съ него, гдѣ подписалися еще Гамалей и прочія члены, и объявленъ указъ Вашего Величества, что, впредь естьли противо онаго поступитъ, лишается права имѣть Типографію. Въ пополненіе и то вольные книгопродавцы объявили, что они ихъ и по ярманкамъ возили продавать. Примѣчанья и сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, достойно, что означенный прикащикъ Кольчугинъ объявилъ притомъ мнѣ, что онъ оставилъ расколъ и подалъ прошеніе здѣшнему митрополиту о пріобщеніи его къ нашей церкви. Какъ же всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ Вашего Величества жестокому наказанію и ссылкѣ,

а какъ ихъ будетъ болѣе десяти человѣкъ; для чего и удержался я ихъ отсылать къ суду, и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенныя книги отобрать. А не соизволители повелѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ? А только будутъ содержаны до окончанія дѣла прикащикъ и сидѣльцы книжной лавки Новикова.

Вчерась пополудни возвратился совѣтникъ Алсуфьевъ съ его товарищи и привезъ многія письмы и не мало напечатанныхъ книгъ; но какъ тамъ ниже малой Типографіи не нашлось такъ и буквъ церковныхъ, такъ равно и въ Типографіи его въ Москвѣ таковыхъ буквъ не отыскалось. Бумагъ же доставлено ко мнѣ не мало и я все, Государыня, не имѣлъ время разсмотрѣть, а только что въ вечеру по поверхности ихъ разсматривалъ. И тутъ все масонскія бумаги и кажется, что секты *розенкрейцъ*. А его съ собой за тѣмъ не взялъ совѣтникъ Алсуфьевъ, что онъ его нашелъ нездоровымъ, а его неожидаемый пріѣздъ сдѣлалъ въ немъ великую революцію, а особливо какъ начали письма пересматривать, то онъ падалъ почти въ обморокъ отъ чрезвычайныхъ спазмовъ. При немъ есть докторъ Багрянскій, который отъ нихъ былъ въ чужихъ краяхъ и прошлаго году пріѣхалъ и коллегіей медицинской признанъ докторомъ, и еще лѣкарь отставной отъ службы, то Алсуфьевъ поручилъ его городничему съ командой. Но какъ городничій не очень человѣкъ надежный, то я вчера съ вечера отправилъ туда маіора гусарскихъ ескадроновъ, князя Жевахова, офицера исправнаго и надежнаго, съ 12 гусарами, съ однимъ оберъ- и ундеръ-офицеромъ и капраломъ, который сего утра рано долженъ быть тамъ, приказалъ ему, какъ болѣзнь Новикова позволитъ, привезти его сюда. А тогда посажу его подъ карауломъ въ домѣ его на Никольской, какъ сей домъ близь самаго подворья, гдѣ Тайная Експедиція находится; да во ономъ домѣ и поставленъ уже караулъ при офицерѣ для стражи дому и книгъ. А въ видѣ томъ сіе я здѣлалъ, какъ ожидалъ прибытія Новикова. Но какъ несомнѣнно по бумагамъ масонскимъ должно будетъ быть слѣдствію не малому, то всенижайше прошу Вашего Величества, чтобы всемилостивѣйше изволили прислать къ сему слѣдствію

въ помощники мнѣ тайнаго совѣтника Шешковскаго, какъ къ таковымъ производствамъ пріобыкшаго. Секретарь же Тайной Експедиціи, хотя человѣкъ добрый и трудолюбивый, но не одаренъ натурой для таковыхъ изворотливыхъ слѣдствій, о чемъ и Шешковскій знаетъ. А я теперь осмѣлился къ разсмотрѣнію бумагъ присоединить къ себѣ губернатора Лопухина, ибо всѣ почти немалыя тетради, тожь и прочія исполненія по сей коммисіи ему поручены.

Между прочимъ близь Сухаревой башни въ домѣ Типографіи найдены двѣ библіотеки въ довольномъ числѣ книгъ на разныхъ діялектахъ, въ числѣ которомъ, сказываютъ, есть старинныхъ авторовъ: принадлежатъ оныя — одна умершему Шварцу, а другая Николаю Новикову или компаніи ихъ: то что со оными повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣлать? А права Типографіи они лишены быть должны, да и всѣ напечатанныя уже книги должно разобрать, на что требуется время немалое, и по отобраніи запрещенныхъ книгъ, что съ прочими повелите здѣлать? Компаніиль сей отдать или какъ преступившихъ Высочайшія Вашего Величества повелѣнія конфисковать и съ публичнаго торгу продать въ пользу Приказу общественнаго призрѣнія? Женажь Шварцова съ дѣтьми находится въ домѣ Типографіи, гдѣ и полковникъ Гамалей и братъ Новикова жительство имѣютъ. На что все буду всеподданнѣйше ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

24 апрѣля 1792 года.

2.

Секретно.

Порутчикъ Николай Новиковъ, изъ Никитска сего апрѣля 25 числа доставленный, въ домѣ главнокомандующаго о нижеслѣдующемъ показалъ.

Вопросъ. Какъ помянутый Новиковъ по общему объ немъ свѣдѣнію есть человѣкъ, не стяжавшій никакого имѣнія ни порожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами; а нынѣ почитается въ числѣ весма достаточныхъ людей, наипачеже знатными зданіями и заведеніями; то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ?

Отвѣтъ. Сначала когда принялъ Университетскую Типографію, было еще у него обще съ братомъ наслѣдственнаго послѣ отца имѣнія въ Мещовскомъ уѣздѣ двѣсти пятьдесятъ душъ, которую продали Тютчеву за осмьнадцать или за двадцать тысячь, не упомнитъ, которыя на принятіе Университетской Типографіи обращены. Отъ Типографіи получалъ первые годы доходъ онъ одинъ и черезъ четыре или пять лѣтъ имѣлъ онъ въ книгахъ капиталу до полутораста тысячь рублей. Вторыя онъ пять лѣтъ содержалъ съ компаніею, которою принято книгъ на восемьдесятъ тысячь за заплатою его долговъ изъ числа вытеписанной суммы.

Компанія состоитъ изъ 14 членовъ:

1. Князь Юрей Никитичь } Трубецкіе.
2. Князь Николай Никитичь } положили капиталъ около 10,000 рублей.
3. Князь Алексѣй Александровичь Черкасской — помнится, 5 или 6 тысячь положили;
4. Иванъ Петровичь Тургеневъ положилъ 5 тысячь;
5. Алексѣй Михайловичь Кутузовъ далъ 3 тысячи;
6. Баронъ Шрейдеръ Прусской націи служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку поручикомъ, а теперь въ чужихъ краяхъ — положилъ 3500 рублей.
7. Василей Васильевичь Чулковъ — 5 тысячь.
8. Семенъ Ивановичь Гамалея — безъ капиталу.
9. Князь Енгалычевъ — безъ капиталу.
10. Алексѣй Ѳедоровичь Ладыженской положилъ 5 тысячь рублей.
11. Петръ } Володимеровичи Лопухины больше всѣхъ поло-
12. Иванъ } жили въ капиталъ, около 20 тысячь.
13. Братъ Новикова.
14. Онъ Новиковъ.

Упомянуто выше, что книгъ на 80 тысячь отъ обоихъ.

На сей капиталъ съ получаемою на оный прибылью и съ кредитомъ построили строеніе и протчія завели заведенія.

Со ста двадцати душъ получаемый доходъ и занятыя двадцать тысячь употребилъ онъ на строеніе въ деревнѣ, имѣя въ своихъ дачахъ камень, лѣсъ и другой матеріалъ; деревня была заложена въ Воспитательный домъ, а потомъ выкупилъ

прошлаго года занявши у Походяшина безъ процентовъ и безъ закладу и безъ всякаго обязательства 50,000; Походяшинъ же ему знакомъ, но ничѣмъ обязанъ не былъ.

На Компаніи состоитъ долгу разнымъ людямъ, которымъ и долговыя обязательства нѣсколько лѣтъ переписываются, болѣе 300,000 рублей; часть долгу подъ закладъ имѣнія Черкасскаго, Кутузова, стапятидесяти душъ и оба дома, общей одинъ въ Воспитательномъ домѣ, а другой въ партикулярныхъ рукахъ, а протчіи долги по векселямъ.

Имѣніе все Компаніи состоитъ въ тѣхъ домахъ и книгахъ, а денегъ очень немного въ оборотѣ. Домъ, Типографія, аптека стали Компаніи около полутораста тысячь. А въ деревнѣ его строеніе стоитъ одного денежнаго платежа, тысячь двадцать или двадцати пяти; домъ на Никольской прежде принадлежалъ ему, а теперь Компаніи; оный стоилъ съ передѣлкою тысячь тридцать.

Вопросъ. Найдены мною въ лавкахъ вашихъ и въ другихъ мѣстахъзапрещенныя Ея Императорскимъ Величествомъ книги. Для чего вы продавали оныя въ противность Высочайшаго указа за данными вами подписками?

На что отвѣчалъ:

Что онъ тѣ книги изъ прежде напечатанныхъ отдалъ съ прочими книгами, прикащику своему Московскому купцу Колчугину съ тѣмъ, чтобы оныя продавать, въ чемъ и признаетъ свою вину.

Вопросъ. Какой предметъ былъ печатать книги, большою частію толкующія священное писаніе, которыя по Высочайшему указу печатать должно отъ Синода; а во оныхъ много противнаго богословіи толкуется: то съ какимъ намѣреніемъ книги сіи издавали? какъ и вновь переведенныя найдены книги всѣ духовныя?

Сначала печатали книги разныя, а послѣ примѣтя, что духовныя болѣе выходятъ, начали ихъ больше и печатать; а впротчемъ, когда онъ былъ содержатель Университетской Типографіи, тогда духовныя цензировали; когда же заведены вольныя Типографіи, тогда духовные чины не стали принимать цензировать, а онъ отдавалъ оберъ-полицыймейстеру и

университетскому цензору; прежде же цензоры не имѣли въ подписываніи на книгахъ нынѣшней формы, а отмѣчали только въ началѣ книги, что печатать дозволяется.

Къ сему показанію Порутчикъ Николай Ивановъ сынъ Новиковъ руку приложилъ.

3.

Секретно.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣ отправленія моего 24 сего апрѣля всеподданическаго къ Вашему Императорскому Величеству донесенія, посланнымъ отъ меня маіоромъ княземъ Жеваховымъ Новиковъ вчера въ вечеру ко мнѣ доставленъ, и я его вопрошалъ въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, гдѣ онъ пріобрѣлъ имѣнія, а къ тому открывшіяся обстоятельствы. И мучась съ нимъ болѣе трехъ часовъ, не могъ больше добиться, какъ что изъ прилагаемаго здѣсь въ копіи его допроса увидѣть соизволите. Таковаго коварнаго и лукаваго человѣка я, Всемилостивѣйшая Государыня, мало видалъ; а къ томужь человѣкъ натуры острой, догадливой и характеръ смѣлой и дерзкой: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобъ закрыть его преступленія. И съ великимъ трудомъ довести я его могъ, что онъ признался, что запрещенныя книги продавать велѣлъ и то тогда, когда я для улики прикащика его привесть хотѣлъ: притворяется такъ, что прежде посланный совѣтникъ Алсуфьевъ съ товарищи увѣрились, что онъ опасенъ въ жизни, и онъ просилъ ихъ, чтобъ его исповѣдать и причастить. Но на сіе Алсуфьевъ не согласился. А маіоръ Жеваховъ сказываетъ, что все падалъ въ обмороки, а у меня при распросѣ началъ такъ притворяться, что онъ будто въ изнеможеніе приходитъ. Но я ему сказалъ, что сіе излишне: хотя онъ можетъ нездоровъ, но не такъ слабъ, а позволилъ ему сѣсть и сказывать отвѣты свои секретарю. И я признаться долженъ предъ Вашимъ Величествомъ, что я одинъ его открыть не могу: надо съ нимъ сидѣть по цѣлому дню, а то онъ шепчетъ, слово скажетъ, другаго искать будетъ. Я и по масонству его которыя читалъ бумаги, спрашивалъ, но онъ все от-

вѣчалъ такъ, что недостойно и писать, то есть въ генеральномъ словѣ: все хочетъ закрыть. То осмѣлюсь сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, что кромѣ Тайнаго Совѣтника Шешковскаго правды изъ него ничего не свѣдаешь, да и ему надо довольно потрудиться. Севодни въ вечеру еще его въ пополненіе допрашивать буду. Съ нимъ пріѣхалъ докторъ, о которомъ я Вашему Величеству упоминалъ въ предъидущемъ донесеніи. А такъ какъ онъ боленъ или притворяется, посадилъ и съ докторомъ подъ стражу въ домѣ его и маіора князя Жевахова приставилъ главнымъ смотрителемъ. Да и паче потому въ Тайную Експедицію не послалъ, что Ваше Величество въ Высочайшемъ указѣ повелѣть изволили: естьли откроются буквы, то взять его подъ присмотръ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

26 апрѣля
1792 г.

4.

Московскій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровъ сынъ Кольчугинъ, прикащикъ Новикова, торгующій въ книжной лавкѣ въ домѣ Новикова, состоящемъ за Никольскими воротами, допросомъ показалъ: Что онъ находится въ числѣ старообрядцовъ; а нынѣ подалъ здѣшнему митрополиту просьбу, чтобъ его присоединить къ православной церкви россійской. Прежде онъ имѣлъ торгъ въ москотильномъ ряду, а потомъ тотъ торгъ, яко малоприбыточный, перемѣня, производилъ уже торгъ книгами, получая оныя изъ Санктпетербургской Академіи наукъ и изъ типографіи Новикова за деньги и на кредитъ. Для чего и имѣлъ здѣсь три лавки на Никольской улицѣ: въ одной самъ сидѣлъ и торгъ производилъ до 790 года, въ другихъ двухъ лавкахъ сидѣльцы. А какъ посредствомъ сего торга познакомился онъ съ Новиковымъ и, получа отъ него разныя выгоды, перешелъ къ нему въ домъ въ прикащики, а въ своей лавкѣ оставилъ сидѣльцовъ. Принявши прикащичью должность и взявъ въ свое вѣдомство книжныя лавки и книжной магазинъ, принималъ отъ Новикова книги въ продажу

изъего типографіи, что въ домѣ, бывшемъ гр. Гендрикова, въ числѣ которомъ и запрещенныя книги отданы были ему въ продажу. Отдаваныжь оныя ему были отъ прикащиковъ, тамо находящихся, по повелѣнію Новикова, въ чемъ онъ и росписку представилъ, данную ему отъ прикащика его Алимпія Иванова сына Панина, которыя онъ и продавалъ, а въ публичный каталогъ ихъ не вносилъ, для того, что онѣ были запрещенныя; а между прочимъ и во всѣ лавки сіи книги отпускалъ онъ торгующимъ за деньги и на кредитъ. А сколько числомъ оныхъ, не упомнитъ, а по собраніи тѣхъ книгъ можетъ онъ узнать и о ихъ количествѣ. И признавая вину свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ проступкѣ, откровенно объявилъ, что всѣ книги запрещенныя хранились кромѣ магазеина на Соляномъ дворѣ и въ Кадашевскомъ домѣ, гдѣ суконная фабрика, а всѣхъ запрещенныхъ книгъ въ пріемѣ у него было 3598; изъ лавкижь и изъ магазеина продано оныхъ, какъ примѣрно онъ считаетъ, третья часть; а всякаго званія книгъ распродавано было въ годъ, какъ онъ считаетъ, тысячь на 25 и болѣе; ежели на 25,000 продано, то, считаетъ онъ, было барыша 15,000. А по возвышенію продажи и барышъ соразмѣрно пріумножался. Въ разсужденіи долгу на бывшей Компаніи, котораго простирается за 300,000 р., не считаетъ онъ, чтобы книгопродажею было великое имъ подкрѣпленіе, какъ натурально, что они и за долги платятъ проценты. И сія Компанія была уже въ самомъ, такъ сказать, разстроенномъ положеніи; но нынѣ заводчикъ Походяшинъ, распродавъ свой заводъ, положилъ, какъ онъ слышалъ, до 300000 своихъ денегъ. Изъ прежней же Компаніи кто сколько клалъ въ капиталъ, онымъ даны векселя къ возврату имъ положенной суммы, и такъ оные нынѣ въ заведеніи семъ не участвуютъ, а принадлежитъ все оное, какъ и оба дома, бывшій гр. Гендрикова и другой, что на Никольской, Новикову и Походяшину. А каковъ уже между ними былъ разсчетъ въ книгахъ, того онъ подробно не знаетъ. Походяшинъ же побужденъ употреблять на все сіе свое имѣніе, яко онъ находится въ числѣ ихъ братства, и теперь живетъ въ Москвѣ. Его члены сей шайки не выпускаютъ почти изъ виду и обираютъ, сколько возможность позволяетъ. Хотя утвердительно

онъ сказать не можетъ, но однакожь не считаетъ, чтобъ запрещенныя книги были печатаны вновь послѣ запретительнаго Ея Императорскаго Величества указа; но они при осмотрѣ были скрыты, такъ какъ и нынѣ Новиковъ велѣлъ ему содержать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для того единственно, что естьли впредь будетъ осмотръ, то чтобы они опять могли быть сохранены: то онъ ихъ и положилъ, какъ выше значитъ, на Соляномъ дворѣ и на Кадашевскомъ дворѣ. Впрочемъ извѣстно ему, что и въ недавномъ времени были печатаны книги такогожь содержанія духовнаго и ихъ ордена, но какія именно, онъ не знаетъ. А сверхъ того Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго позволено было отъ правительства распродать, но впредь не печатать; однакожь они опять ее начали недавно печатать. Притомъ утверждаетъ онъ, что полковникъ Гамалѣй, хотя тамъ и живетъ, но онъ непосредственно тѣмъ не управляетъ заведеніемъ, а управляетъ ассессоръ Аничковъ и батырщикъ Ильинскій, аптекоюжь управляетъ живущій тамъ докторъ Френкель. Онъ же Кольчугинъ, примѣчая ихъ непозволенные обороты, хотѣлъ отойтить отъ нихъ и болѣе года просилъ, чтобы съ нимъ разочлися и оставался единственно, что не сдѣлали съ нимъ разсчету до сего времени. И въ семъ допросѣ показалъ самую сущую правду, какъ долгъ сущаго христіанина и вѣрноподданнаго Ея Императорскаго Величества обязываетъ.

5.

Наборщикъ Степанъ Ильинской показалъ:

1. Назадъ тому два года печатана была книга Метафизика въ 3-хъ частяхъ, которой напечатано триста ексемпляровъ и хранится оная нынѣ у типографщика Салькова въ домѣ Гендриковскомъ.

2. Моральной Катехизисъ печатанъ въ нынѣшнемъ году, а отданъ былъ въ типографію Иваномъ Владимеровичемъ Лопухинымъ, и хотя онъ, Ильинской, отговаривался отъ печатанія, но Лопухинъ сказалъ ему, что онъ долженъ печатать, что̀ велѣтъ; а притомъ далъ ему, противъ прочихъ печатаемыхъ книгъ, большую плату, и обѣщалъ исходатайствовать

офицерской чинъ, почему имъ той книги и отпечатано двѣсти экземпляровъ, которые и взяты имъ Лопухинымъ; и гдѣ онъ ихъ дѣвалъ, не знаетъ.

3. На Французскомъ языкѣ книга *Оригія* дана въ печать Новиковымъ и по отговоркѣ его, Ильинскаго, отъ печатанія оной Новиковъ платилъ ему за каждой листъ по два рубли; при печатаніи же, какъ онъ французскаго языка не знаетъ, корректуру правилъ находящійся въ домѣ Новикова докторъ Багрянской.

4. Назадъ тому года четыре печатана *Христіанская ручная книжка* 1-я часть. Гдѣжь оная находится, или отдана въ продажу,—не знаетъ. Сверхъ того сказывалъ ему, Ильинскому, наборщикъ Серебреницкой, что назадъ тому года два печатаема была имъ книга *Посланіе Иякова* и говорилъ, что очень хороша; однако онъ, Ильинской, ея не читалъ и, гдѣ оная находится, не знаетъ; а, какъ тогда типографщикомъ былъ Сальковъ, то онъ болѣе о семъ извѣстенъ.

Болѣе жь онъ, Ильинской, о книгахъ ничего не знаетъ.

6.

Дополненіе къ допросу Новикова.

По показанію вашему Компанія собрала деньгами 57,500 рублей; вашъ же капиталъ съ братомъ 80,000 р. былъ въ книгахъ; а заведенія ваши по показанію вашему стоятъ 180,000 рублей. Хотя сію сумму положили вы невелику, однакожь и тутъ превосходитъ оная капиталъ 122,500 рублями. Но отсылаете вы сіе на долги ваши слишкомъ 300,000 рублей. Положите 320,000 рублей; со оныхъ полагая по 6 процентовъ, сочиняетъ въ годъ заплаты 19,200 руб. Сверхъ того при ономъ заведеніи потребно на содержаніе смотрителей и работниковъ, тожь на заготовленіе матеріаловъ, слѣдственно примѣрно полагать должно, что вы годоваго доходу должны имѣть 40,000 рублей, а судя по множеству въ магазеинѣ книгъ и давно напечатанныхъ расходъ оныхъ великъ быть не долженъ, а аптека развѣ одна вамъ приноситъ доходъ? То сей пунктъ объясните.

Къ 1 пункту. Во объясненіе сего пункта, по причинѣ кажущагося малымъ капитала нашего къ производству заведеній, нами учиненныхъ, нижайше представляю слѣдующее: 1) Что домъ Никольской купленъ мною уже былъ прежде составленія компаніи, по покупкѣ же заложенъ былъ мною же, а равно и перестроенъ; въ компанію же вступилъ готовый и она на него капитала не употребляла. 2) Что расходъ на учиненныя заведенія употребленъ былъ нами не вдругъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, да и то по частямъ; а потому и была удобность къ оборотамъ и производству всего дѣла. 4) Вступившія отъ меня въ капиталъ компаніи книги, хотя и не составили тотчасъ капитала денежнаго; но однако и служили они великимъ пособіемъ въ производствѣ дѣла, потому что они отданы мною въ компанію не по продажной цѣнѣ, но за 25 коп. рубль; слѣдовательно и выручка денежная была не малая. 5) Наличныя деньги, приходившія вдругъ и по большей части прежде употребленія расхода вступившія, были великимъ пособіемъ къ производству дѣла. Они суть слѣдующія: 1) за московскія вѣдомости и журналы, при нихъ издаванныя, вступали всѣ съ начала года; 2) за напечатаніе разныхъ извѣстій при газетахъ; 3) за печатаніе постороннихъ книгъ, какъ то на щетъ кабинета Ея Императорскаго Величества, такъ и разныхъ партикулярныхъ людей, которыхъ бывало печатано у насъ много, и за которыя по напечатаніи тотчасъ получали всю сумму съ великою выгодою; 4) за печатаніе разныхъ особыхъ объявленій при газетахъ, также разныхъ же особыхъ мѣлкихъ піесъ, какъ то: объявленій театральныхъ, маскерадныхъ и другихъ, векселей для купеческихъ канторъ, питейныхъ контрактовъ, ярлыковъ, билетовъ и протчихъ мѣлкихъ извѣстій, которыя всѣ по причинѣ ихъ множества и малаго расхода въ матеріялахъ на нихъ употребляемаго, приносили прибыли весьма много; а такихъ напечатаній весьма бывало много въ нашей типографіи, по причинѣ довѣренности публики къ исправному, хорошему, наипаче же къ отмѣнно скорому исполненію поручаемыхъ намъ работъ. Такъ что можно сказать завѣрное, что нѣсколько лѣтъ типографія наша была почти единственною въ цѣломъ государствѣ для большей части типографскихъ работъ

изъ присутственныхъ мѣстъ и партикулярныхъ людей; и по такому то умноженію работъ и типографія наша по временамъ увеличивалась и дошла до совершенства, въ какомъ она прежде не была. 5) Книги, печатанныя нами по сускрипціи, доставляли знатныя наличныя суммы денегъ и коихъ у насъ ежегодно бывало много; 6) Продажа собственныхъ нашихъ книгъ, наипаче школьныхъ и учебныхъ, бывшихъ нѣсколько лѣтъ почти во всеобщемъ употребленіи, доставляла немалыя суммы; а наипаче по дѣланной нами уступкѣ и отдаванію въ сроки.

5) Сверхъ всего донесеннаго и слѣдующее дѣлало намъ немалыя выгоды и доставляло способность въ оборотахъ: 1) промѣнъ собственныхъ нашихъ книгъ на книги другихъ типографій; 2) платежи нашими книгами кредиторамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, за братья нами разныя матеріялы.

6) Что же касается до многаго числа книгъ, въ магазеинѣ лежащихъ, то осмѣлюсь представить, что мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольку разъ; для примѣра донесу объ одной: *юридической словарь* печатали, ежели не ошибусь, три или четыре раза, и помнится тысячи по три ексемпляровъ.

7) Годовыя доходы отъ всего донесеннаго, хотя были неравны, но кажется мнѣ, сколько могу упомнить, что гораздо превышали сумму 40,000 руб., а въ нѣкоторыя годы едвали не возвышались и слишкомъ въ двое.

8) Долги наши возрастали не вдругъ, но по нуждѣ и временамъ.

9) Что касается до аптекарскихъ доходовъ, то объ нихъ ничего сказать не могу, сколько они приносили выгоды для того, что аптека поручена въ особое смотрѣніе и о сихъ щетахъ весьма недостаточное имѣлъ свѣдѣніе, потому что по причинѣ ежегодныхъ моихъ, уже нѣсколько лѣтъ, продолжительныхъ болѣзней, не могъ я входить въ разсмотрѣніе сихъ счетовъ.

Показали вы мнѣ, что духовныя книги печатаны прежде Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа 786 года, а послѣ будто не печатали; но у васъ найдены въ деревнѣ въ противность того указа напечатанныя многія книги,

которымъ здѣсь реестръ прилагается; [1]) *а годъ ихъ тисненія не означенъ: то для чего ихъ печатали? по вашему ли повелѣнію или другихъ директоровъ вашей типографіи и на какой конецъ оныя въ деревню къ вамъ привезены были?*

Къ 2 пункту. Всенижайше доношу:

---

[1]) Реестръ книгамъ, взятымъ безъ переплету изъ деревни Г-на Новикова: 1) *Магазинъ свободно-каменщической*, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою. Москва, 1784 въ типографіи Лопухина съ указнаго дозволенія; 2) *Вольнокаменщическія рѣчи*, говоренныя въ собраніяхъ златаго розоваго креста древнія системы; 3) *Преложеніе соборнаго посланія св. апостола Іакова;* 4) *Духовный путеуказатель*, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей и къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Часть I. Москва. Въ тип. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1784. 5) *Колыбель камня мудрыхъ*, описанная неизвѣстнымъ шевалье на французскомъ языкѣ, а на нѣмецкій переведена 1. А. М. С. Москва. Въ той же типографіи 1783; 6) *Избранная библіотека* часть II, изданіе второе, или новое начертаніе истинныя теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено ко славѣ Бога и ко всеобщему назиданію съ письмомъ, приписаннымъ всѣмъ человѣкамъ; 7) *Начертаніе всеобщаго нравовъ исправленія чрезъ соединеніе всѣхъ вѣрующихъ* съ письмомъ посвященнымъ всѣмъ владыкамъ, теологическое и нравственное исправленіе часть 2-я; 8) *Избранная библіотека* часть I, нѣсколько сочиненій о тріединствѣ божіи и о примиреніи; 9) *Собраніе разныхъ пѣсней, ко умиленію души служащихъ*. Часть 1. Москва. Въ тип. И. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1785; 10) *Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его*; 11) *Новое химическое свѣтило, изъ источника натуры и ручнаго опыта почерпнутое* съ присовокупленіемъ философской притчи и разговора между алхимистомъ, Меркуріемъ и Натурою. Сочиненіе Михаила Сендивогія. Москва Въ т. И. Лопухина съ указнаго дозволенія 1785; 12) *Магическій драгоцѣнный камень;* 13) Часть первая *О рожданіи и рожденіи натуральныхъ вещей;* 14) *Духъ масонства*, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона; 15) *Соборное посланіе Св. ап. Іакова* съ толкованіями и примѣчаніями относительно ко внутренней жизни; 16) *Таинство креста Іисуса Христа и членовъ его*. 17) *Простосердечное наставленіе о молитвѣ;* 18) *Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе;* 19) *Іоанна Арндта О истинномъ христіанствѣ, шесть книгъ* съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда, переводъ съ нѣмецкаго. Часть 1. Печатаны въ Москвѣ въ вольной типографіи И. Лопухина съ указнаго дозволенія 1784; 20) *Библейскій и эмблематическій словарь;* 21) *Должности братьевъ З. р. к. древнія системы*, говоренныя Хризофрономъ въ собраніяхъ иніоратскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва. У Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784; 22) *Преложеніе псалмовъ Св. пр. и царя Давида*, по нѣмецкому переводу, 1785 г; 23) *Темный міръ*, книга первая; безъ начала съ 81 листа до 176, конца также нѣтъ.

1) Книги, означенныя въ реестрѣ, сколько могу упомнить, печатаны всѣ до состоянія Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа въ 1786 годѣ.

2) У которыхъ годъ ихъ тисненія не поставленъ, тѣ еще не совсѣмъ были допечатаны; а нѣкоторыя еще и въ половинѣ остановлены;

3) Печатаны были сіи книги по согласію всѣхъ членовъ, имѣвшихъ вліяніе въ дѣла; а въ которой типографіи именно которая книга печатана, не упомню.

4) Всѣхъ сихъ книгъ печатано было по малу: въ продажѣ никогда не было изъ нихъ ни одного екземпляра; но только весьма малое число сихъ книгъ разошлось между собою.

5) Почувствовавъ Монаршій гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, убоялись мы, и отъ страха свезены они были въ деревню, дабы сокрыть ихъ.

6) Совсѣмъ не было намѣренія ни у одного изъ насъ когда нибудь выпущать сіи книги въ публику; но печатали единственно съ тѣмъ, чтобы хранить у себя и давать оныя только тѣмъ изъ масоновъ, которые имѣли бы склонность къ познаніямъ сего рода.

Вообще же при намѣреніи печатать сіи книги, не было у насъ никакого злаго намѣренія, даже нималѣйше худаго; но единственно почитая ихъ полезными для собственнаго нравственнаго противъ вольнодумства исправленія и употребленія тѣхъ изъ масоновъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ.

Не дѣлая въ сокрытіи сихъ книгъ нималѣйшаго извиненія или оправданія, яко виновный, повергаю себя къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ, испрашивая Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

Книги запрещенныя вы продавать съ прочими позволили прикащику вашему, въ чемъ уже и извиненіе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ приносите; а только увѣряете, что вы послѣ указа Ея Величества ихъ вновь не печатали, то какже вы могли такое великое число сокрыть? Объясните въ точности: слабостію ли это было осмотрщиковъ или вашею тонкостію? и кто вамъ въ семъ непристойномъ изворотѣ были сообщники?

Къ 3 пункту. Всенижайше доношу:

1) Изъ сихъ книгъ: 1) Хризомандеръ, 2) Карманная книжка, 3) Апологія, 4) Братскія увѣщанія, 5) Крата Репоа, 6) Химическая псалтырь, 7) о древнихъ мистеріяхъ и ежели еще есть не помню, конфискованныя въ первый разъ, а въ которомъ годѣ не упомню же, были осматриваны и отобраны только въ университетской книжной лавкѣ; и которыя переписаны, покладены и запечатаны печатью Московской Управы Благочинія и отданы подъ мое сохраненіе, которыя и нынѣ въ томъ коробѣ находиться должны въ лавкѣ. По всѣмъ же другимъ лавкамъ купцовъ, торгующихъ книгами какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, сіи книги отбираемы не были. Даже и въ нашемъ магазинѣ осмотру не было; а потому нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ и осталось помногу. Сіи оставшія книги отданы были купцу Кольчугину на сохраненіе и лежали у него очень долго, гдѣ не вѣдаю, безъ всякаго употребленія, не производясь въ продажу. Но послѣ, когда въ другихъ, не нашихъ, лавкахъ сіи книги продолжаемы были продажею, то по слабости и необмышленности по прозьбѣ торгующихъ позволилъ и я съ прочими книгами: у насъ же въ лавкѣ сіи книги продавать отъ меня запрещено было.

2) Что же касается до запрещенныхъ въ другой разъ книгъ, то тѣхъ изъ нихъ, которыя печатаны были у насъ:

1) Драгоцѣнная капля; 2) Седмодневникъ; 3) Минятія третій томъ; 4) Предисловіе къ житію Енохову; 5) Златая книжица и еще какія не упомню: изъ сихъ книгъ ежели остались, то развѣ по скорости отбора и замѣшанности всего магазина, потому что разборъ дѣлали люди непривыкшіе и переносили изъ покоя въ покой безъ всякаго порядка, чѣмъ весь магазинъ смѣщанъ былъ и одна книга по нѣскольку разъ въ осмотръ приходила; послабленія же отъ осматривавшихъ не было никакого: ибо они отбирали по назначенному уже реестру. При семъ осмотрѣ, какъ магазинъ былъ въ разныхъ мѣстахъ съ лавкою, то нѣкоторыхъ изъ духовныхъ книгъ оставлено было для своего употребленія книгъ по 25 и по 50, а какихъ именно, не помню. Но сіи книги въ числѣ разрѣшенныхъ; кто же ихъ отбиралъ, не упомню. Всѣ сіи книги, какъ первыя, такъ и вторыя послѣ Высочайшаго запре-

щенія печатаны подлинно не были, ни одна книга. Не помня же вѣрно всѣхъ книгъ, и кто отбиралъ ихъ, не могу я никого назвать и сообщникомъ; но по сему пункту, гдѣ есть преступленіе себя одного, яко виновнаго, къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ повергаю, испрашивая Высочайшаго Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

7.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ дополненіе донесенія моего Вашему Императорскому Величеству по поводу преступленія Новикова, допрашивалъ я прикащика его книжной лавки и магазина въ домѣ его на Никольской, о которомъ я и въ предъидущемъ Вашему Императорскому Величеству донесеніи упоминалъ; который, давъ мнѣ обѣщанье все объявить, что знаетъ, по истиннѣ, я обнадежить его осмѣлился, Всемилостивѣйшая Государыня, Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію: что Ваше Императорское Величество, увидя его искреннее признаніе, по всегдашнему Вашего Императорскаго Величества къ подданнымъ милосердію, изволите уменьшить заслуженное имъ по законамъ наказаніе и, можетъ быть, и совсѣмъ простить преступленіе его соизволите. Равно допрашивалъ я одного сидѣльца и переплетчика той же лавки, о которомъ мнѣ сказалъ прикащикъ Кольчугинъ, что онъ давно у Новикова: то и сему таковую жь Высочайшую Вашего Величества милость обѣщать осмѣлился, дабы тѣмъ способомъ открыть скорѣе непозволенные поступки Новикова; и допросы ихъ въ копіяхъ здѣсь всенижайше Вашему Величеству пріобщаю; такожь копію и вторичнаго допроса Новикова, здѣланнаго мною чрезъ посланные къ нему пункты, здѣсь всенижайшежь Вашему Величеству подношу; пункты оные для того я къ нему посылалъ, что онъ сказывается нездоровымъ и чтобъ онъ своей рукой противъ оныхъ написалъ. Онъ долго сего не исполнялъ, но я обѣщалъ перевесть его въ Тайную Експедицію и ѣсть ему давать не велѣлъ, то оной и исполнилъ. Но онъ все вертится къ закрытію своихъ важныхъ преступленіевъ, какъ сіе изъ допросу его усмотрѣть соизволите. Желалъ я достичь, Все-

милостивѣйшая Государыня, печатались они вновь запрещенныя книги, по показанію упоминаемаго Кольчугина, что знь о томъ долженъ одинъ изъ церковнослужителей Степанъ Ивинской, какъ онъ наборщикъ при типографіи и смотритель одной части, и давно у него находится. Я велѣлъ привесть его къ себѣ третьяго дни; но тотчасъ увидѣлъ, что онъ в сообщество ихъ принятъ и не хотѣлъ ничего говорить. И такъ я ему сказалъ, что «я тебя принужу говорить правду» и отослалъ его при домѣ моемъ подъ стражу находящемуся караулу. А вчерашней день приказалъ директору моей канцеляріи и Тайной Експедиція секретарю его подробно допросить, которые его допрашивали и по допросѣ отослали въ караульню. Хотя прежде караульной унтеръ-офицеръ его осматривалъ, да, видно, худо: остался у него перочинной ножичекъ; онъ, выпросясь съ часовымъ на сторону, горло себѣ перерѣзалъ. Часовой бросился къ нему, онъ его оттолкнулъ и бросился въ н.....; но часовой его выхватилъ. Лѣкарь мой домовой зашилъ горло и надѣется, что будетъ живъ. Въ каковое зло, Всемилостивѣйшая Государыня, сей Новиковъ завелъ сихъ людей и наполнилъ ихъ вреднымъ фанатизмомъ! Но допросъ его здѣсь Вашему Величеству препровождаю. Показанной въ ономъ реэстръ о печатанныхъ книгахъ въ Типографіи при первомъ осмотрѣ оберъ-полицеймейстеромъ взятъ; но вновь сихъ запрещенныхъ книгъ въ печатаніи не видно, а многія безъ цензуры печатаны, тожь по показанію часто упоминаемаго Кольчугина Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго печатанной, однакожь означенъ въ особой черной запискѣ. Сколько время позволило, расматривалъ дѣла его Новикова, Всемилостивѣйшая Государыня; но тутъ много обстоятельствъ, по которымъ его должно спрашивать. Но ожидаю отъ Вашего Величества Высочайшаго на первое мое донесеніе указа и прибытія Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. А передъ тѣмъ здѣсь Вашему Величеству донесу: видно уже, что они со многими или со всѣми чужестранными ложами имѣли сношенія; а Регенсбургскую ложу называютъ матерью и видно по бумагамъ, что они оной Регенсбургской ложѣ или другому кому, называющемуся вышнимъ главнымъ директоромъ..... А въ нѣкоторыхъ бумагахъ видно, что у нихъ

главный есть начальникъ, о которомъ нижнихъ классовъ масоны не должны и спрашивать и что главные изъ нихъ утвердительно суть ордена розоваго и золотаго креста и чину духовнаго. Они называютъ подчиненныя ложи епархіей. Одна бумага означаетъ, гдѣ въ Россіи ложи, но думаю, не всѣ. Какъ у нихъ разные есть директоры, то я копію со оной здѣсь Вашему Величеству всенижайше подношу; оригинальнагожь за тѣмъ не доставляю, что естьли Ваше Величество прикажете произвесть въ семъ слѣдствіе, то они будутъ нужны здѣсь.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

28 Апрѣля 1792 г.
Москва.

8.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вслѣдствіе отправленныхъ отъ меня къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшихъ донесеній по матеріи секты розоваго и золотаго крестовъ ожидалъ я отъ Вашего Величества Высочайшаго рѣшенія; но, не удостоясь еще получить, разсудилъ съ симъ всенижайше къ Вашему Величеству сего курьера отправить. А между тѣмъ занимался я чтеніемъ великаго числа бумагъ по сей матеріи, и, что я изъ оныхъ могъ сообразить, всеподданнѣйше Вашему Величеству перечнемъ донесу: ибо сихъ бумагъ безъ поясненія Новиковымъ выполнить или точнаго свѣдѣнія взять невозможно. Въ печатныхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ бумагахъ видно, что въ 780-мъ и 781-мъ годахъ была переписка съ ложами французскими, италіанскими, австрійскими, швейцарскими и голланскими. И тогда они выбирали главнымъ директоромъ герцога Брауншвейгскаго и назначенъ отъ него былъ съѣздъ повѣреннымъ отъ оныхъ ложъ для положенія институтовъ и обрядовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на что и есть печатные листы герцогскихъ циркуляровъ и ихъ писемъ. Но циркуляры имъ не подписаны, а имя его только напечатано: *Фердинандъ Брауншвейгской и Люнебург-*

скій. Но однакожь въ Франкфуртѣ не было оной; а для чего, не видно; а была генеральная между всѣхъ ложъ конвенція въ Вильгельмсбадѣ въ 782-мъ году, и на оную отъ русскихъ ложъ былъ отправленъ Шварцъ, который въ томъ же году отъ генеральной конвенціи опредѣленъ здѣсь главнымъ, и отъ генеральной же конвеціи ложъ въ Москвѣ провинціальной назначено править ложами всей имперіи Вашего Величества. Но кто прежде Шварца былъ провинціаломъ, не видно. На упомянутой же конвенціи положенъ отъ герцога Брауншвейгскаго катехизисъ масонской и въ немъ между прочимъ 1-е правило повиноваться Богу, а второе — Государю; а равенство предписывается только въ ложахъ. Да и прочія письма сего герцога для правительства полезны, но сіе все прежнее. Когда здѣшнія ложи отдѣлилися отъ шведской, не видно; но всѣхъ бумагъ я еще не дочелъ. А называютъ они въ нѣкоторыхъ старыхъ бумагахъ Берлинскую ложу матерью. А въ 784 году здѣшнее собратство, по признанью генеральной конвенціи, сдѣлало актъ: отдѣлилися отъ власти постороннихъ ложъ, называя себя въ свѣтѣ 8-ю провинціей и сдѣлали здѣсь три матерь-ложи; но гдѣ, всѣль они здѣсь въ Москвѣ или и въ другихъ губерніяхъ есть, не видно; а одна отъ другой независима быть должна. А въ сей бумагѣ называютъ они себя масонами и рыцарями и тутъ признали они начальникомъ подъ названіемъ по сектѣ ихъ, какъ они въ 5-й степени, которую мѣстами называютъ *Тампліе*, даютъ каждому, въ нихъ принятому имя и гербъ; то неизвѣстно кто онъ таковъ. По упомянутомужь акту видно по чиновникамъ, яко то есть у нихъ пріоръ, деканъ, визитеръ, тезариръ, канцлеръ, прокуроръ, — что сочиняетъ цѣлую здѣсь капитулу. А въ теченіи времени отъ упомянутаго герцога даны на латинскомъ языкѣ патенты кавалерамъ розоваго креста.

Не успѣлъ я еще прочесть протоколу ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я слабо знаю, но могу оный съ помощію переводчика разсмотрѣть.

Начало ихъ вступленія въ масонство и въ нижнія степени, — въ ученики, въ товарищи и въ мастера. А называютъ они все вообще—масонство, дабы тѣмъ скрыть орденъ розоваго и золотаго креста. Хотя онъ соглашается въ нѣкоторыхъ

правилахъ съ масонствомъ, но они и сами первоначальные три градуса ни за что почитаютъ, полагая, что сей секретъ можно купить и въ книжныхъ лавкахъ; для чего и присяга онымъ отмѣнена, а берется только честное слово, что таковой будетъ молчать. Предметъ ихъ, кажется, въ томъ, что они ихъ набирали безъ дальняго разбору. . . . . .*) моему извѣстно, что много было купцовъ и нѣкоторое число духовныхъ особъ: тутъ собиралися деньги; а между тѣмъ замѣчали характеры людей и способности къ введенію въ вышнія степени, въ числѣ которомъ не малое было достоинство быть богатымъ. А за тѣмъ выбирали людей ученыхъ и рукомесленныхъ, какъ всѣ братья ихъ общества производили мастерствы даже и переводы безъ заплаты. Не меньшежь старались они пріобщать къ себѣ людей чиновныхъ и извѣстныхъ въ публикѣ и у двора Вашего Величества; отъ послѣднихъ могли они получать свѣдѣнія.

Но и по вступленіи въ масоны должны они были учить катехизисъ закону христіанскаго и библію и правила онаго наблюдать строго предписывалося, чему дѣлали во всякой ложѣ поученія или сказывали казаньи. Въ строгое правило входило, чтобы ни одинъ нижній степень не любопытствовалъ о верхнихъ степеняхъ, а оставалися бы не въ вѣдѣніи.

Сколько по бумагамъ видѣть можно, то изъ мастеровъ входили они въ шотландскіе мастера. Тутъ уже была присяга и въ рецепціи вводили ихъ во Святая святыхъ, называемаго ими олтаремъ, гдѣ клятву они приносили. Въ бумагахъ же рецепціи розоваго креста есть шести степеней и въ пятой степени респліендору предъ приводомъ въ ложу (или по ихъ названію, конвенцію) даютъ ему вино пить изъ чаши и хлѣбъ; но не говорится, въ какомъ это видѣ. При рецепціи помазыютъ его миромъ и надѣваютъ полудуховное платье и даютъ названье и гербъ, какъ выше упомянулъ. Всѣхъ степеней по одному листу, съ котораго списокъ на особой бумагѣ здѣсь всенижайше Вашему Величеству подношу, видно девять; но названье въ семъ листѣ 6-й степени разнствуетъ съ бумагою, въ которой положены регулы пріемовъ въ оную сте-

*) Не разобрано.

пень, ибо въ семъ листѣ именуются *маіоресъ*, а въ тетради 6-й степени они принимаются рыцарями и при входѣ въ рецепцію спрашиваютъ: не служитъ ли онъ гдѣ и не имѣетъ ли на себѣ профанскихъ орденовъ и причисляютъ себя къ малтійскимъ кавалерамъ и потому, кажется, называютъ они себя кавалерами золотаго креста и равняютъ себя съ ангелами. Въ упомянутой съ листа запискѣ [1]) означается и число, въ ко-

[1]) Выписано изъ главнаго чертежа для настоящаго десятилѣтія, постановленнаго по согласію братьевъ златаго розоваго креста при обычной ордена реформаціи въ лѣто 1777 года № 1.

Градусы по магическому расчисленію для всѣхъ.		Члены.	Число ихъ.
1	9	Маги	7
2	8	Магистры	77
3	7	Адепты Експекти	777
4	6	Маіоресъ	788
5	5	Миноресъ	779
6	4	Философы	822
7	3	Практики	833
8	2	Теоретики	844
9	1	Юніоры	909
			«5856»
Сіи суть каббалистическія и наивысшимъ только начальникамъ извѣстныя деценалія съ десятилѣтія.		Всѣ сіи члены суть и должны быть христіане, не смотря на различіе религіи.	Полное число собратства и собственное время, въ которое они должны всѣ тайны полные воеводы быть, и въ утѣшеніе всему христіанству чрезъ свѣтъ, бладать и натуры помоществовать, тмы міра побѣдить.

торомъ классѣ сколько членовъ быть должно. Слѣдственно должно заключать, что выше сихъ шести степеней суть уже настоящія духовныя: ибо жизнь опредѣляютъ себѣ монашескую съ тѣмъ, чтобъ удаляться отъ свѣту и не входить въ излишніе разговоры. И въ сихъ также степеняхъ не должны нижніе вышнихъ спрашивать, въ какой онъ степени; а есть-либъ это случилось, то вышній долженъ только отвѣчать, что онъ выше одной степенью вопрошателя.

Во всѣхъ степеняхъ съ самаго масонства обѣщать они должны, а въ розовомъ крестѣ и въ присягу вмѣщено, что повиноваться они безмолвно должны главному начальнику, но, кто онъ таковъ, объ немъ не спрашивать. Правило ихъ съ масонствомъ, что оное началось при построеніи храма Соломонова, а потомъ, какъ по бумагамъ розоваго креста видно, оное продолжалось, даже, что . . . . . .
. . . . . .
Оное терялось и опять возстановлялось. А розовые кресты начало свое берутъ отъ круасадъ или крестоходителей и, по завоеваніи Палестины возвратяся назадъ, впали они въ роскоши и распутную жизнь; а только нѣсколько (десять) человѣкъ осталося житія божественнаго, которые оное возобновили, пришедъ въ Шотландію. Въ сектѣ розоваго и золотаго креста повелѣвается научаться божественной премудрости и первымъ правиламъ обыкновенной химіи, которая употребляется непросвѣщенными; а потомъ учиться божественной химіи, которая въ открытіяхъ своихъ несравненна съ обыкновенною,
. . . . . .
. . . . . тутъ входитъ камень философскій и многія мистическія понятія. А многое по мнѣнію моему, Всемилостивѣйшая Государыня, и понятію неподверженно; а потому нѣкоторые изъ нихъ наружное свѣдѣніе въ химіи и подлинно взяли и выучили латынскій языкъ.

. . . . . разумѣютъ они Христа и своимъ начальникомъ и въ повелѣніяхъ, которыя идутъ отъ перваго начальника къ провинціалу и отъ онаго, именемъ всегда главнаго начальника приказываютъ, то-есть именемъ Христа или Бога, заключая такъ: что приказываетъ начальникъ, испол-

нять должно, какъ бы самъ Богъ приказывалъ: ибо безъ власти Его ничто дѣлаться не можетъ.

Сей пунктъ, по мнѣнію моему, наиважнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другаго правительства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ. И въ семъ видѣ кажется желаніе ихъ чрезъ книги приготовлять умы людскіе по ихъ правиламъ набожности и фанатизму, какъ они наружно себя показываютъ законниками и людьми добродѣтельными. А доказывается паче тѣмъ, что они въ университетѣ и въ прочихъ училищахъ сіе правило заводили. Ибо таковые люди, почтя ихъ законниками, къ нимъ пристанутъ, а они считали тѣмъ способомъ нечувствительно доитить всѣмъ управлять, а паче, тутъ же всѣ братья и равные. Немалой вредъ и въ настоящее время для всѣхъ людей: ибо которые вошли и привязалися къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія. А о государѣ и отечествѣ нигдѣ въ розовыхъ кавалерахъ не видно; да, кажется, отечества быть у нихъ и не можетъ, какъ они братья со всѣми въ свѣтѣ масонами и розовыми и золотыми крестами. Впрочемъ видно писалъ какой-то начальникъ, къ которому они жаловались, что ихъ притѣсняютъ, а особливо Новикова, который отъ ложи имя имѣетъ Коловіонъ; но начальникъ велѣлъ имъ брать смиренье и для Христа сносить, яко они почитаютъ, что они жить должны и тягости нести во образъ, когда Христосъ несъ крестъ при распятіи Его. Впрочемъ отступаютъ они совершенно отъ исповѣдыванія нашей церкви; одна библія — ихъ законъ, и пріемлютъ, кажется, два таинства духовныя; а церковь за ничто почитаютъ, а ложу свою почитаютъ храмомъ. Тожь видъ ихъ есть ввести единозаконіе въ свѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ видно: увѣдомляли они начальника, что много книгъ выпустили для просвѣщенія людей; онъ ихъ похваляетъ, а въ другомъ мѣстѣ удивляется, какъ они столько книгъ успѣли выпустить и не апробуетъ: какъ де таковое число можетъ ввести и самую матерію въ разнорѣчіе и замѣшательство.

И такъ, Всемилостивѣйшая Государыня, я нахожу, что много тутъ правилъ іезуитскихъ. Иллюминатовъ же они въ нѣкоторыхъ письмахъ не хвалятъ, называя ихъ атеистами; однако адепты розоваго креста называются иллюминатами. По многимъ же бумагамъ видно, что они имѣютъ секретную отъ начальника инструкцію; но оной между бумагами нѣтъ. Къ нему жь они посылаютъ вѣдомости о деньгахъ и списки, гдѣ между прочимъ помѣщается, какого кто изъ братьевъ карактеру, натуральной имѣетъ разумъ, какое воспитаніе и ученіе; то на все вышеписанное отъ Новикова неминуемо надо взять объясненіе. То я ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа и прибытія, если угодно будетъ Вашему Величеству прислать сюда, Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. Нужно также отъ Новикова свѣдать, во сколькихъ губерніяхъ у нихъ ложи заведены, и въ каждомъ мѣстѣ кто управляетъ. Да всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества уничтожить здѣсь гнѣздо сіе отобраніемъ у нихъ дома, бывшій графа Гендрикова, и чтобъ они книгъ больше печатать не могли, какъ они поводъ или, лутче сказать, смѣлость дали и прочимъ типографіямъ печатать непозволенныя книги, а у нихъ въ наставленіяхъ положено имѣть и секретныя типографіи. Осмѣлюсь доложить, Всемилостивѣйшая Государыня: естьли корень истребится, то сучья сами по себѣ погніютъ. Въ масонскихъ ложахъ, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человѣкъ; всѣ конечно отстанутъ и со временемъ отвыкнутъ, только по уничтоженіи корня сего зла частнымъ правительствамъ надо неослабно наблюдать, чтобъ они опять гдѣ не возобновились. А какъ въ бумагахъ много есть сочиненій Кутузова, находящагося въ Берлинѣ, и какъ по ремаркамъ въ сочиненіяхъ видно, что онъ больше всѣхъ учился и много читалъ: то я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, доложить, что полезно бъ было, естьлибы его приказали сюда прислать; а то переписка между ими навсегда останется, а только исполнять оную будутъ съ большею осторожностію.

Между бумагъ нашелъ я письменное сочиненіе о разныхъ родахъ государственныхъ правленій, подобно Монтескіеву сочиненію о разумѣ правительствъ, въ которомъ авторъ похваля-

етъ правленіе, гдѣ есть государственный сенатъ и выбранные почтенные мужи и отъ народа депутаты, послѣднее подобно римскому положенію. Затѣмъ въ сей тетради описывалъ авторъ по именамъ государствы и ихъ правленія, а о Россіи сказалъ коротко, что Ваше Императорское Величество самовластны и все зависитъ отъ Васъ. Больше жь о правительствѣ я ничего не видалъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

5 Мая.

9.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшій указъ Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го мая съ возвратившимся моимъ курьеромъ я удостоился получить. А какъ сей Высочайшій указъ на первое мое всеподданнѣйшее донесеніе, то въ разсужденіи послѣднихъ моихъ всеподданническихъ донесеній прошедшаго апрѣля отъ 26 и 28-го и сего мая отъ 5 числа, гдѣ уже я могъ обстоятельнѣе Вашему Величеству донести, то пріостановился я, Всемилостивѣйшая Государыня, исполнять онаго отдачею Новикова сужденію по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества учрежденію о губерніяхъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго иногда Высочайшаго повелѣнія. Я теперь имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его по законамъ сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться съ собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, естьли повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, по бумагамъ его спрашивать; почему за лутчее я почелъ о семъ Вашему Величеству чрезъ нарочнаго сего донести.

Въ пополненіе прежнихъ моихъ всеподданническихъ Вашему Величеству донесеній нужнымъ нахожу присовокупить. По книгамъ видно, что многія печатаны въ типографіи Ивана

Лопухина, которую теперь онъ уничтожа, присоединилъ къ Гендрикова дому.

Читая еще бумаги, взятыя у Новикова, нашелъ я, что главный здѣсь начальникъ князь Николай Трубецкой; но по ихъ институтамъ не должны они знать, кто начальникъ, какъ сіе изъ писемъ его къ Новикову видно.

Запомнилъ я донести Вашему Величеству въ отправленномъ вчера донесеніи, что между прочимъ въ присягѣ упоминается секты розовыхъ и золотыхъ крестовъ, чтобъ между ими ни въ чемъ и никакой тайности не было; а все, что каждый вѣдаетъ, обязанъ все сказывать: кажется, и въ государственныхъ дѣлахъ упражняющійся изъ нихъ человѣкъ долженъ уже все сказывать имъ, что ему ввѣрено.

Сколько видно по бумагамъ, то пріемлютъ они кабалистику и алхимію.

Многимъ книгамъ взята черная записка, когда ихъ печатали и гдѣ. Но осмѣливаюсь всенижайше доложить Вашему Величеству: лутче бъ было нарядить для сего слѣдствія особую коммиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе: то хотя я опредѣлю надзирателей надъ производствомъ; но они замѣшивать будутъ дѣло. Новиковужь надо будетъ дѣлать вновь допросы: ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ Вашему Величеству, препроводить въ судъ нельзя; какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говоритъ, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ будетъ спрашивать, что масоны; а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло. На что и буду ожидать Высочайшаго Вашего Величества указа.

6 Мая.

10.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣднія бумаги я просматривалъ и примѣчанія достойного Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесу, что они прежде были подъ начальствомъ въ Швеціи у герцога Сюндермаландскаго, и тутъ же видно, что есть сек-

татеры ихъ въ Могилевѣ и Полоцкѣ. Видно и то, что герцогъ Сюндермаланскій любилъ отъ нихъ получать деньги, какъ они въ Ивановъ день собираютъ оныя со всѣхъ братьевъ по червонцу съ человѣка,—и онъ входилъ въ подробное распоряженіе, назначалъ именно начальниковъ; то они, будучи недовольны, просили принять ихъ подъ начальство герцога Брауншвейгскаго. Болѣе жь въ сихъ бумагахъ ничего не видно. Теперь ожидаю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія вопросить на оныя бумаги объясненія у Новикова, такъ тогда все открыться должно и недостающія матеріи будутъ имѣть связь и надобную ясность. Въ сихъ же бумагахъ много хотя не такъ важныхъ матерій, но требуютъ поясненія. Есть тутъ хотя несодѣянные прожекты отъ нѣкоторыхъ членовъ, когда собирали они голоса для отправленія Шварца на генеральную конвенцію, чтобы въ Средиземномъ морѣ завести коммерцію. И прочіе подобные сему есть несодѣянные прожекты; но всѣ требуютъ отъ Новикова поясненій, на что и ожидаю Высочайшаго Вашего Величества указа.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

18 Мая.

11.

Ордеръ князю Жевахову.

Секретно для вашего толко сведенья.

Вчера объявилъ я Вамъ данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ содержащаго арестанта Новикова отправить въ Шлюссельбургъ крайне секретно: дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобъ никто не зналъ, куда его везутъ, то взять дорогу на Володимеръ, оттуда на Ярославль, оттуда на Тихвинъ, а оттуда на Шлюссельбургъ. То зная издавна Вашу усердность къ Высочайшей службѣ и исправность, и какъ и нынѣ Вы во всю бытность аресту сего Новикова, бывши при немъ подтвердили, то и препоручаю сіе доставленье Вамъ и къ Вамъ въ команду

и въ помощь опредѣляю эскадроннаго ротмистра Панфирова и прапорщика штата Управы Благочинія, находящагося при мнѣ на ординарцахъ, Яковлева. Впрочемъ же возьмите изъ эскадроновъ Вашихъ надобное число унтеръ-офицеровъ, двухъ или трехъ, и гусаръ шесть человѣкъ, которые бы всѣ были вооружены для всякаго случая. Но какъ при Новиковѣ есть докторъ и человѣкъ его, то вы всѣхъ возьмите съ собой; въ коляску, коя четверомѣстная, посадите Новикова, доктора, сядите Вы и одинъ офицеръ и надобное число гусаръ; въ кибиткѣ тройкой сядетъ офицеръ, человѣкъ Новикова и надобное число гусаръ. Всѣ вещи у нихъ отобрать, чѣмъ могутъ они себя умертвить. Въ другой тройкой кибиткѣ сядутъ гусары и унтеръ-офицеръ, а одну кибитку парой посылать съ унтеръ-офицеромъ напередъ для заготовленья лошадей. Подорожныхъ Вамъ даю четыре: первая до Володимера, вторая отъ Володимера до Ярославля, третья отъ Ярославля до Тихвина, 4-я отъ Тихвина до Шлюссельбурга: то вы. . . . . *) одну до назначеннаго мѣста, дабы тѣмъ лучше скрыть вашу дорогу и настоящее мѣсто, куда вы ѣдите. На прогоны и продовольствіе арестантовъ и команды даю Вамъ 500 руб. малыми ассигнаціями и часть мѣдной монетой. Повозки вы получите въ часъ пополуночи отъ губернатора съ прапорщикомъ Яковлевымъ и въ два часа пополуночи отсюда выѣхать непремѣнно должны. Естли Новиковъ спроситъ, куда его везете; скажите, что Ея Императорскаго Величества на то есть Высочайшее повелѣніе, а куда онъ пріѣдетъ, того объявить ему не можете, а онъ бы повиновался Ея Императорскаго Величества указу. Дорога до Володимера большая, отъ Володимера до Ярославля возьмите отъ губернатора маршрутъ, отъ Ярославля возьмите маршрутъ до Тихвина отъ генералъ-губернатора или отъ губернатора. Но въ Ярославлѣ, слышалъ я, что есть масонская ложа, то во всѣхъ городахъ отъ оныхъ остерегайтесь. Отъ Тихвина также отъ губернатора возьмите маршрутъ до Шлюссельбурга, а тамъ отдайте приложенной здѣсь конвертъ комендантуи къ нему совсѣмъ явитесь и ожидайте отъ него отправленія. Впротчемъ сія ком-

*) Не разобрано.

миссія есть важная для васъ: естли въ должномъ порядкѣ доставите, то можете получить Высочайшую Ея Величества милость, а въ противномъ случаѣ подвергнете себя и съ командой вашей совершенному несчастью. То берегите его крайне отъ утечки и отъ умерщвленія себя.

12.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшаго графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно старое французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ Вашему Императорскому Величеству всенижайше представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ пріобщить къ себѣ людей знатныхъ; но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было? Между самыхъ нужныхъ бумагъ Новикова нашелъ я печатную книжку, которую здѣсь Вашему Величеству подношу. Я оную задержалъ, чтобъ всю прочесть. Содержаніе жь оной, Всемилостивѣйшая Государыня, увидѣть изволите. Я Новикова спрашивалъ: говоритъ ли онъ по французски; но когда онъ отвѣчалъ, что нѣтъ (но онъ и въ томъ потаилъ: онъ, сказываютъ, французскій языкъ разумѣетъ); то я его спросилъ: на что жь онъ сію книжку въ нужныхъ бумагахъ спряталъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, какъ то случилось, а получилъ онъ ее между другихъ книгъ отъ книгопродавцовъ. Я приказалъ губернатору изслѣдовать сіе и подлинно Новиковъ получилъ оную отъ книгопродавца Бибера, который далъ каталогъ отправленнымъ къ нему книгамъ, который я также подношу всеподданнѣйше Вашему Величеству [1]), какъ весьма

---

[1]) *Note des livres, qu'on a vendu à M-r Novikoff:*

Accord de la liberté; Catéchisme moral; Essais sur les préjugés; Manuel pour les amateurs; Nazaréen; Oeuvres d'André; Oeuvres de Jory; Qui peut être un bon citoyen; Amour glorifié; Apologie de petit pierre; Chemin pour aller à Christ; Collection des anciens moralistes; Elemens de la morale universelle; Mystère de la croix; Oeuvres de Holbein; Tieden's Abendstunden; de l'origine; le grand livre de la nature; 2 almanac; 1 encyclopédie; 1 deutsche Bibel; 1 idem Lateinische Volgata; manuel élémentaire; 2 expl. de l'origine; dictionnaire de cuisine.

удивительно, какія Новиковъ книги покупалъ. У Бибера только было тѣхъ книгъ двѣ, изъ коихъ одна найдена у Новикова, а другая имъ продана какому то Мансурову. А у другаго книгопродавца Ридигера найдено 8, которыя всѣ и отобраны и увѣряютъ подъ клятвой, что больше продажи оныхъ не было, какъ выше упомянуто. Но какъ книжка у Новикова другаго формату и бумаги, какъ у Ридигера, то показали они, что то прежняго выходу. Осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просить Вашего Величества, чтобъ повелѣть изволили положить границы симъ книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и разврату людей, не основанныхъ въ правилахъ честности. Я хотя всѣ мѣры къ сему взялъ, Всемилостивѣйшая Государыня, но довольно способовъ недостаетъ совершенно сіе удержать безъ генеральнаго учрежденія паче потому, что они таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ болѣе въ любопытство ихъ покупать и платить гораздо дороже, какъ за публично продаваемыя книги; и безъ ошибки сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно.

Запомнилъ я Вашему Величеству въ предъидущихъ моихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ упомянуть мое замѣчаніе по бумагамъ Новикова. Здѣсь въ Москвѣ пріоратъ и пріоромъ князь Николай Трубецкой, который во всей Россіи надъ ложами имѣетъ начальство, а подъ нимъ здѣсь капитула и въ Петербургѣ другая, а главный пріоратъ въ Брауншвейгѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

Мая 20 дня
1792 года.
Петровскій дворецъ.

13.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По арестѣ Новикова маіоромъ княземъ Жеваховымъ и по прибытіи съ нимъ въ Москву разсудилъ я, Ваше Император-

ское Величество, послать въ деревню одного гусарскаго офицера съ четырьмя рядовыми, которыхъ и приказалъ губернатору туда съ наставленіемъ отправить, дабы оттуда ничего безъ позволенія моего не вывозить. А сей офицеръ по нѣсколько времени пребыванія донесъ, что управляющій деревнею Новикова одинъ отставной лѣкарь (мнится мнѣ, что онъ изъ воспитанниковъ ихъ), Маросcіянинъ сказалъ ему, что въ одномъ кабинетѣ есть у него немалая сумма денегъ, о которыхъ и совѣтникъ Алсуфьевъ сказывалъ, что онъ видѣлъ нѣсколько тысячь ассигнаціями и много банковыхъ билетовъ, принадлежащихъ Походяшину, такъ и разсчеты ихъ по компаніи. Но онъ тогда ихъ, не считая нужными, не взялъ. И сей управитель опасался, чтобы оные деньги не утратилися. То я опять отправилъ туда совѣтниковъ Алсуфьева и Буланина и приказалъ имъ деньги и банковые билеты, ассигнаціи и разсчеты ихъ взять, и оные нашли 11,840 рублей ассигнаціями да разною монетою 25 руб. 66 коп. По позволенію моему оставили на употребленіе по хозяйству 865 руб. 66 коп., а 11,000 руб. доставили ко мнѣ и по секретному свидѣтельству въ здѣшнемъ отдѣленіи ассигнаціоннаго банка оные найдены всѣ дѣйствительно банковыми, которые и отправилъ я на сохраненіе въ кладовую казенной палаты. Билетовъ же банковыхъ болѣе не нашли; то видно, Всемилостивѣйшая Государыня, что оные вывезены секретно племянниками его Хрущовыми, изъ коихъ одинъ имѣетъ лѣтъ 17, а другой гораздо моложе, которые у него воспитывались съ учителемъ россійскимъ же. Думать надо, что и оный учитель также изъ ихъ воспитанниковъ, которыхъ офицеръ изъ деревни выпустилъ, хотя и увѣряетъ онъ, что съ осмотромъ. Но оный офицеръ заболѣлъ, то я не могу изслѣдовать его, для чего онъ ихъ осмѣлился пустить, не сказавъ мнѣ или губернатору о семъ; но въ свое время постараюсь свѣдать. Съ Походяшинымъ положеніе у нихъ было сдѣлано, но не кончено. А въ началѣ сего мая компанія кончила и онъ вноситъ банковыми билетами 80,000 р. въ воспитательный домъ, которыми компанія была должна подъ закладъ дому бывшаго гр. Гендрикова, какъ о семъ совѣтовалъ со мною графъ Минихъ, что нѣтъ ли препятствія оныя принять. Я ему отвѣчалъ, что препятствія быть

не можетъ, хотя сей домъ теперь и запечатанъ, такъ какъ возвратить свою сумму воспитательный домъ непремѣнно долженъ. Разсчеты жь, какіе найдены, ихъ и условія и записку Новикова руки о положеніи его съ Походяшинымъ здѣсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу.

24 Мая.

14.

Разбирая еще бумаги, взятыя изъ дому заведенья ихъ, бывшаго графа Гендрикова, между прочими бумагами Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлась бумага достойная также примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, которую всеподданнѣйше здѣсь и подношу. Есть возраженіе, сочиненное, кажется Кутузовымъ, на одно, какъ видно изъ онаго, сочиненье нѣмецкое, которое было противу ихъ, гдѣ усмотрѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, изволите, какъ и по прочимъ бумагамъ я замѣтилъ, что они іезуитовъ почитаютъ обладающими секретомъ масонскимъ и розовыхъ крестовъ, да безмолвное повиновеніе къ начальству и есть правило іезуитское. Одно сочиненіе, найденное въ бумагахъ Новикова, подъ названіемъ *обнаруженный Вольтеръ* я, Всемилостивѣйшая Государыня, оставлялъ у себя, оное прочесть, а теперь всенижайше здѣсь влагаю: сочиненіе изрядное — въ немъ ничего нѣтъ кромѣ опроверженій вольтеровыхъ сочиненій, относящихся до священнаго писанія. Также между бумагъ Кутузова найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, то я оныя здѣсь и препровождаю. Между бумагъ, взятыхъ также въ домѣ ихъ заведеній, бывшаго гр. Гендрикова, нашлись два нѣмецкія письма, изъ которыхъ по одному видно, что они посредствомъ курляндскихъ ихъ братьевъ могли безъ пашпортовъ отъ правительства за границу людей препровождать. Второе противъ ихъ герцога Бирона; но тутъ то только, Всемилостивѣйшая Государыня, примѣчанія достойно, что они мѣшались, какъ видно, и въ дѣла государственныя.

27 мая.

15.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, протекшаго мѣсяца мая 30-го пущенный, сего іюня 6-го по утру въ 11 часовъ получить удостоился. Сколько взято было бумагъ въ деревнѣ у Новикова и въ домѣ заведеній ихъ, что прежде былъ гр. Гендрикова, знатная часть изъ оныхъ доставлена уже къ Вашему Величеству, а здѣсь по пересматриваніи остались ничего значущія бумаги и то все давнихъ временъ. А кромѣ, что я оставилъ одно нѣмецкое сочиненіе, какъ я всенижайше и доносилъ Вашему Императорскому Величеству, что я оное оставилъ у себя для переводу, но и оное отъ 781 года, которое я при семъ всеподданнѣйше и подношу, а переводъ не успѣли еще на бѣло переписать; а какъ переписанъ будетъ, то всенижайше и оный препровожду къ Вашему Императорскому Величеству. Болѣе же сихъ бумагъ не найдено въ означенныхъ мѣстахъ. Во время жь моего правленія здѣсь открывать начали по повелѣнію гр. Безбородки переписку сей шайки; болѣе оная была съ князь Николаемъ Трубецкимъ, съ Кутузовымъ изъ Берлина, то въ теченіи двухъ лѣтъ ни одного, Всемилостивѣйшая Государыня, пакета не открыли переписки ихъ съ главнымъ пріоратомъ. По бумагамъ ихъ видно, какъ и Ваше Императорское Величество уже замѣтить изволили, что туда они по меньшей мѣрѣ годовыя вѣдомости отправляли, то и надо думать, что они черезъ какія либо конторы оныя доставляли или такъ маскировали, что въ почтамтахъ дойтить до сего не могли. Естьли жь оная переписка, Всемилостивѣйшая Государыня, была, то надо послѣдняго времени бумагамъ быть у князя Николая Трубецкаго, такъ какъ онъ въ Россіи ихъ начальникъ; а еще прежде отправлялъ у нихъ должность секретаря бригадиръ Тургеневъ, то должно онымъ бы быть и у него. Но когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичь Безбородко, то извѣщены ль они были изъ Петербурга или свои сдѣлали догадки, что будто Ваше Императорское Величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, то Иванъ Лопухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись двое,

ночью сожгли множество бумагъ, что мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домѣ Тургенева одинъ человѣкъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи. А по сему судить я долженъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что теперь и князь Николай Трубецкой, естьли были у него бумаги, то онъ ихъ или истребилъ, или такъ спряталъ, что найтить ихъ не можно. Онъ съ братомъ своимъ князь Юрьемъ и Михайла Херасковъ поѣхали въ подмосковную деревню, называемую Очаково, которая у нихъ сказывается общей и у каждаго есть въ ней по домику, о чемъ я прежде всенижайше Вашему Величеству и доносилъ и слухи я чрезъ оберъ-полицмейстера имѣлъ, хотя за вѣрныя почесть ихъ не можно, что они по пріѣздѣ въ деревню разбирали бумаги свои. Естьли осмѣлюсь Вашему Величеству всеподданнѣйше представить мое мнѣніе: не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойтить до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ Ваше Императорское Величество Высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ князю Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что и не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и провезти, куда, Всемилостивѣйшая Государыня, назначить изволите. А такъ какъ князь Н. Трубецкой человѣкъ немудрый и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истинну, а Тургеневъ, хоть и лукавѣе Трубецкаго, и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, но сей не такъ будетъ твердъ, какъ Новиковъ, а онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, Всемилостивѣйшая Государыня, все открыть изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, чего не достаетъ, чрезъ нихъ пояснить.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

князь Александръ Прозоровской.

7 Іюня.

16.

Вопросные пункты князю Николаю Трубецкому.

1-й. Что вы имѣли тайныя сборища въ домѣ своемъ, о томъ правительству не неизвѣстно. А какъ государственными законами таковыя сборища запрещены, то и сказать вамъ: для чего вы таковыя сборища чинить осмѣлились, и какую цѣль въ тѣхъ сборищахъ имѣли, и на какой конецъ другихъ къ тому привлекали?

Отвѣтъ. Признаюсь передъ Богомъ, что я, имѣя собранія въ домѣ своемъ, не думалъ содѣлать какое зло; но, вошедъ изъ любопытства въ масоны и происходя въ градусахъ и не уразумѣя никакого въ пропоказуемомъ оными зла, слѣдовалъ предписаніямъ оныхъ, чтобъ собраніе имѣть, въ чемъ и признаю себя виноватымъ; цѣль же въ оныхъ имѣлъ единую ту, чтобы предписанному въ градусахъ поучать соучаствующихъ въ оныхъ. Что же другихъ принималъ во оные градусы, то причиною оному то, что я думалъ въ нихъ находить доброе и хотѣлъ другихъ во ономъ сдѣлать соучастниками.

2-й. Имѣли вы непозволенную переписку съ герцогомъ брауншвейгскимъ, съ прусскимъ министромъ Велнеромъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ, да еще и въ такое время когда между Россіей и Пруссіей происходили холодности, и именно до начатія и продолженія шведской войны. А чтобъ сію непозволенную переписку скрыть отъ правительства, то выдумали, въ противность законамъ, шифры. А на сіе и отвѣтствовать вамъ: для чего вы въ такую непозволенную и законамъ противную переписку вступать и оную продолжать осмѣлились, и кто съ вами во ономъ были сообщники, какимъ способомъ и чрезъ кого вы письма свои къ показаннымъ людямъ пересылали, такъ какъ и сами получали, и кто имянно о сей перепискѣ, участвующіе въ вашемъ сборищѣ, вѣдали?

От. — Покойникъ профессоръ Шварцъ, ѣздившій въ чужіе краи, былъ отъ масоновъ россійскихъ, или лучше сказать отъ нѣкотораго числа оныхъ, уполномоченъ искать таинства масонскаго, которое, бывъ предлаемо подъ іероглифами, не

могло насъ удовольствовать. Онъ по масонству познакомился съ герцомъ брауншвейгскимъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и, возвратясь оттуда, уговорилъ насъ и присовѣтывалъ намъ писать. Что же касается до Велнера, то онъ же, Шварцъ по розенъ-крейцерству, которое почитается въ масонствѣ высшими степеньми, съ нимъ познакомился, и самъ черезъ посредство Велнера былъ принятъ Шварцомъ въ розенъ-крейцеры. И когда Шварцъ умеръ, то я зачалъ съ Велнеромъ переписываться, и могу передъ Богомъ увѣрить, что кромѣ единыхъ дѣлъ масонскихъ я ни о чемъ и никогда съ нимъ не переписывался, въ чемъ бы послался на самую мою переписку, ежели бы, тоже слѣдуя обычаямъ масонскимъ, не сжегъ я оной переписки по окончаніи каждаго года. Что же касается до того, что я переписывался съ нимъ въ такое время, когда между Россіей и Пруссіей была холодность, то я предъ Богомъ увѣряю, что личной моей съ нимъ переписки уже нѣсколько лѣтъ какъ я не имѣю; но писалъ обо всемъ, до масонства касающемся, черезъ Алексѣя Михайловича Кутузова, который, живучи въ Берлинѣ и бывъ съ нами въ масонской связи, словесно съ нимъ и съ другимъ, называющимся де-Баска, говаривалъ; а при томъ шлюсь на самого Кутузова, у котораго, я думаю, должны быть мои письма, ежели онъ ихъ не сжегъ, что какъ скоро замѣчена мною была холодность между нашимъ и прусскимъ дворомъ, то я къ нему писалъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Берлина и всѣ связи съ Берлинцами разорвалъ. И хотя я могу поклясться, что я при перепискѣ не думалъ сдѣлать преступленія, ибо почиталъ оную ученою перепискою; но, понеже оная подала на меня подозрѣніе, то отъ искренняго сердца, падъ передъ стопы Ея Величества, прошу прощенія, и заклинаюсь никому и ни съ кѣмъ таковой не имѣть во всѣ дни моего живота. Письма, мною писанныя, были посылаемы отъ меня прямо по почтѣ на имя А. М. Кутузова, черезъ котораго я и получалъ отвѣты, такъ какъ сказано выше, словесно принимаемые имъ отъ Велнера и дю-Баска, и ко мнѣ въ его письмахъ объясняемые. Знали же о сей перепискѣ и иногда читывали оную братъ мой, князь Юрій Никитичь Трубецкой, Иванъ Владиміровичь Лопухинъ и Иванъ Петровичь Тургеневъ. — Что же касается до ши-

фровъ, иногда въ письмахъ употребляемыхъ, то мы оныя получили же съ градусами вмѣстѣ, яко принадлежащія до оныхъ, а не сами ихъ выдумывали.

3-й. Извѣстно по взятымъ у Новикова бумагамъ такъ, какъ и по собственному признанію Новикова, что подчинили себя не только въ зависимость, но и въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому и объ ономъ посылали свои прошенія къ нему. На сіе отвѣтствовать вамъ: для чего вы, оставя самодержавнаго своего государя, предали себя въ зависимость и повиновеніе постороннему герцогу? А послѣ сего и приносили свои жалобы, что въ Россіи дѣлаютъ вашему сборищу якобы притѣсненія и подозрѣваютъ васъ, такъ какъ и товарищей вашихъ, въ сектѣ мартинистовъ; а посему и на сіе вамъ объяснить: какъ вы осмѣлились приносить на правительство Россіи такія, да еще и несправедливыя жалобы, и чему вы изъ такихъ вашихъ обязательствъ, весьма непозволенныхъ, быть надѣялись, и кто съ вами въ семъ сдѣланномъ преступленіи были соучастники?

Отвѣтъ. При покойникѣ профессорѣ Шварцѣ была переписка съ герцогомъ брауншвейгскимъ и сему уже прошло, кажется, болѣе семи лѣтъ, такъ что по совѣсти и предъ самимъ Богомъ могу сказать, что я почти ничего не помню, что тогда было писано; да и по неограниченной моей Шварцу довѣренности я тогда многое подписывалъ, не читая бумагъ его. Но чтобъ я подвергъ себя неограниченному повиновенію герцога брауншвейгскаго, то въ томъ могу передъ судомъ божіимъ поклясться, что того не помню; что жь до жалобы принадлежитъ, касающейся до притѣсненія и подозрѣнія насъ, яко мартинистовъ, то я клянусь самимъ Богомъ, что не писалъ сего къ герцогу брауншвейгскому, а признаю себя виноватымъ и, падъ предъ стопы Ея Величества, прошу ея милосердаго прощенія, что я не жалобой, но увѣдомленіемъ извѣщалъ Велнера, что господинъ Новиковъ былъ призываемъ къ архіерею, и что онъ претерпѣлъ разореніе отъ запечатанія типографіи, и сіе дѣлалъ я безо всякаго умысла, въ чемъ клянусь самимъ живымъ Богомъ.

4-й. Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить извѣстную особу,

о коей имѣли вы съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли, и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?

Отвѣтъ. Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я предъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ.

5-й. Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная Новиковымъ изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же, видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали къ Кутузову; чего ради объяснить вамъ: *первое*, для чего о толь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили? *второе*—чего ради таковую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и *третье*: кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ,—ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ, — то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?

Отвѣтъ. Что я читалъ бумагу, писанную архитекторомъ Бажановымъ, и не донесъ объ ономъ правительству, то въ томъ признаю себя виноватымъ; и, падъ предъ престоломъ монаршимъ, прошу милосердаго помилованія, не имѣя инаго къ оправданію своему сказать, что я, бывъ родня и друженъ съ Новиковымъ, по слабости моего сердца усовѣстился объ ономъ доносить, не уразумѣвая притомъ и никакого отъ того вреда. А что я всегда недоволенъ былъ пересказами Бажанова и не имѣлъ никогда намѣренія во оныхъ соучаствовать, то я шлюсь на самого Новикова, съ которымъ я убѣгалъ объ ономъ говорить, и даже отсовѣтывалъ ему съ Бажановымъ входить во оное, а въ доказательство онаго я пере-

сталъ ѣздить въ домъ Бажанова, въ который ѣзжалъ часто. А Новиковъ много разъ говаривалъ, что Бажановъ фанатикъ, которому кажутся небылицы, а что я фанатиковъ во всякомъ случаѣ боюсь болѣе язвы. — Что жь принадлежитъ до пересылки выписки оной бумаги къ Кутузову, то предъ Богомъ клянусь, что не помню послалъ я оную къ нему или сжегъ ее съ другими бумагами. Но ежели послалъ,—о чемъ не смѣю ни утверждать, ни отвергать,—то могу удостовѣрить всѣмъ священнымъ, что сіе сдѣлалъ безо всякаго умысла и намѣренія. — Что жь касается до того, кто сію бумагу читалъ и у кого она есть, то помнится читалъ ее Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. А есть ли она у нихъ или у кого другаго, то самимъ Богомъ клянусь, что не знаю.

Вопросъ 6-й. Въ сборищахъ вашихъ были епископы, епархи, храмы, престолы, жертвенники и миропомазаніе: то объяснить вамъ, съ чьего позволенія такія священныя вещи вы ввели и употребленіе дѣлали, ибо таковые священные обряды инаково употреблены быть не должны какъ съ разрѣшенія правительства?

Отвѣтъ. Понеже все въ масонствѣ преподавалось и преподается іероглифами, то я всѣ учрежденія и обряды градусовъ принималъ за іероглифы, а не за существительныя вещи, а принимая такимъ образомъ, я всѣ сіи учрежденія почиталъ долженствующими быть наконецъ объяснены и потому въ простотѣ сердца не думалъ дѣлать преступленія, употребляя оныя.

Вопросъ 7-й. Въ сборищахъ вашихъ дѣлали вы присягу предъ евангеліемъ и крестомъ, и оные цѣловали, дѣлая при томъ ужасныя клятвы въ томъ, что о тайнѣ ордена, не свѣдомаго правительству Розоваго Креста, будебъ правительство стало требовать, то терпѣть пытки и розыски, даже и самую смерть, и о той тайнѣ не сказывать. Въ уставахъ о вашихъ сборищахъ сказано, чтобъ великому мастеру во всемъ повиноваться и обо всемъ ему открывать; а какъ вы великимъ мастеромъ почитаете герцога брауншвейгскаго, слѣдовательно всѣ тѣ клятвы и присяги дѣлали оному герцогу, вы жь обязаны должны быть своему самодержцу и государству, то какъ

вы осмѣлились присягать, да еще отрицая повиновеніе правительству, то объяснить вамъ, какіе вы имѣли въ сей обязанности виды и намѣренія?

Отвѣтъ. Что по обрядамъ ордена дѣлалась присяга, на сохраненіе тайны онаго, и что я оныя дѣлалъ, то въ томъ признаю себя виноватымъ. Я воззываю къ милосердому монаршества помилованію. Что жь принадлежитъ до устава, касающагося до обязательства повиновенія великому мастеру, и якобы тѣмъ былъ герцогъ брауншвейгскій, то сего признать не могу, ибо яко розенъ-крейцеръ, то таковой признаетъ наиспытныхъ только начальниковъ, то есть таковыхъ, буде которые всѣ таинства ордена имѣютъ и сокрываютъ себя для того, чтобы не быть повсечастно удручаемы просьбами и докуками объ открытіи оныхъ; что жь принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то онъ не есть начальникомъ розенъ-крейцеровъ, а начальникомъ такъ называемыхъ Chevaliers Bien-faisants; и я, съ самой смерти профессора Шварца, ни съ какими чужестранными, окромѣ Велнера и Дюбаска, черезъ Кутузова не имѣлъ по масонству никакого дѣла.

Вопросъ 8-й. Что значитъ орденъ Розоваго Креста; кѣмъ онъ установленъ, и какъ вы и товарищи ваши осмѣлились сей выдуманный орденъ на себя возлагать, безъ воли Самодержицы? Но сверхъ сего есть въ вашемъ сборищѣ орденъ святаго апостола Андрея, который также на себя возлагаете; то и сказать вамъ, для чего вы такія непозволенныя украшенія на себя и на товарищей сборища вашего возлагать дерзали?

Отвѣтъ. Я признавалъ орденъ Розоваго Креста, по градусамъ онаго, не за иное то, какъ за науку сокрытую отъ людей, касательно до познанія таинствъ натуры, или за высшую химію; то есть я признавалъ оный за школу высшихъ таинствъ натуры. А что я въ оный вошелъ безъ воли Самодержицы, то, признавая себя виноватымъ, воззываю къ Ея милосердію. Кѣмъ же оный учрежденъ, то сего до сихъ поръ не знаю; а по ученію ордена, онъ происходитъ отъ самыя древности, но систематическаго происхожденія онаго совсѣмъ не знаю. — Что жь принадлежитъ до ордена святаго апостола Андрея, то оный, какъ мнѣ кажется, и какъ я его принималъ, почитается въ масонствѣ іероглифомъ, такъ какъ и всѣ другія масонскія украшенія, и

потому не почиталъ преступленіемъ оныя надѣвать; но, подавая чрезъ то на себя подозрѣніе, никакого въ томъ оправданія не имѣю, я воззываю только къ милосердому помилованію.

Вопросъ 9-й. Сказать вамъ: кто имянно въ орденѣ Розоваго Креста товарищи вашего сборища находятся, такъ какъ и крестъ Андрея апостола кто же именно имѣетъ, не утая ни единаго человѣка, ибо вы сего сборища есть изъ главныхъ начальниковъ?

Отвѣтъ. Желая отъ искренности сердца повиноваться сему повелѣнію всѣхъ — сколько упомню — здѣсь напишу, прося милосердаго помилованія, ежели кого-либо безъ намѣренія забуду:

1. Князь Юрій Никитичъ Трубецкой.
2. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ.
3. Николай Ивановичъ Новиковъ.
4. Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.
5. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.
6. Иванъ Петровичъ Тургеневъ.
7. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской.
8. Иванъ Ивановичъ Френкель.
9. Василій Васильевичъ Чулковъ.
10. Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
11. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ.
12. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Болѣе же сихъ, принадлежащихъ къ ордену золотаго Розоваго креста не упомню. Что же принадлежитъ до тѣхъ, которые имѣютъ крестъ апостола Андрея, такъ какъ оный принадлежитъ къ такъ называемой екосской степени, то ихъ такъ было много, что упомнить не могу. Да и списки оныхъ находились не у меня, а думаю, что въ деревнѣ и въ домѣ у Новикова.

Вопросъ 10-й. По двумъ сдѣланнымъ сборищу вашему запрещеніямъ, для чего вы осмѣлились запрещенныя книги печатать и продавать, и даже разсылать въ отдаленныя провинціи? А какъ тѣ книги наполнены развратомъ и не могутъ быть терпимы церковію и правительствомъ, то и объяснить вамъ, съ какимъ намѣреніемъ данныя правительствомъ повелѣнія осмѣлились преступить, такъ что когда отъ правительства были осмотры тѣмъ книгамъ, то вы осмѣлились оныя скрыть и отвезти въ деревню князя Черкасскаго?

Отвѣтъ. Что принадлежитъ до печатанія, продаванія и разсыланія книгъ, то признаюсь, что прежде сдѣланныхъ запрещеній я былъ согласенъ оныя печатать и продавать. Но послѣ оныхъ, я шлюсь на самого господина Новикова, что я ни во что касательно до типографскаго дѣла не входилъ, а имѣлъ отъ него отвращеніе, о чемъ не единократно говаривалъ съ господиномъ Новиковымъ и желалъ прекращенія онаго. А что книги оныя отвезены были въ деревню князя Черкасскаго, то признаюсь, что я оное вѣдалъ; а согласовалъ на оное въ надеждѣ, что когда либо оныя продолжать дозволятъ, въ чемъ признавая себя виноватымъ, прошу милосердаго помилованія.

Вопросъ 11-й. Извѣстно, что отъ вашего сборища установлены въ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ таковыя сборища, то и показать вамъ: въ которыхъ оныя губерніяхъ заведены, и кто въ которой начальникомъ, при чемъ дать о всѣхъ тѣхъ начальникахъ, такъ и объ обольщенныхъ, вступившихъ въ тѣ сборища людяхъ списки, ибо вы оныхъ есть начальникъ?

Отвѣтъ. Понеже мнѣ поручено было наипаче правленіе ордена Розоваго Креста, то я подробнаго объясненія и указанія обо всѣхъ учрежденныхъ сборищахъ въ разныхъ губерніяхъ показать не могу, наипаче потому, что господинъ Новиковъ, чрезъ котораго мнѣ всѣ списки доставляемы бывали, въ послѣдніе года жилъ постоянно въ деревнѣ, въ которой я у него не бывалъ; а онъ, пріѣзжая иногда въ Москву, оныя забывалъ, какъ мнѣ кажется, съ собою привозить. Впрочемъ, какъ я думаю, то и онъ многіе списки не предавалъ ли огню, а наипаче въ то время, когда онъ при покойникѣ графѣ Брюсѣ боялся, чтобы не пришли у него отъ правительства оные отбирать. Сколько же упомню, то скажу, что ложа учреждена въ Петербургѣ; но по приказанію моему Осипу Алексѣевичу Поздѣеву, которому она поручена, думаю что не собирается. Другая учреждена въ Орлѣ, подъ надзираніемъ Ивана Владиміровича Лопухина, и оная также не собирается. Третья, какъ кажется, въ Бѣлоруссіи, и поручена надзиранію Андрея Ивановича Веревкина, и также не собирается. — Прочихъ, по совѣсти моей, учрежденныхъ ложъ не помню, окромѣ Ивана Петровича Тургенева, у ко-

тораго самое малое число членовъ, которыхъ хорошенько не упомню.

Вопросъ 12-й. Извѣстно, что вы имѣли переписку въ чужіе краи и именно съ Шварцемъ, барономъ Шредеромъ и Кутузовымъ; то вы должны всю сію переписку открыть и отдать при семъ всѣ ваши и тѣхъ людей бумаги, не утаевая изъ оныхъ ни единой; въ противномъ же сему случаѣ, буде что скроете и утаите, то подвергнете вы себя строгому по законамъ сужденію. А какъ сію переписку имѣли и товарищи ваши, то и оныхъ показать именно.

Отвѣтъ. Что имѣлъ переписку съ покойникомъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ, то въ томъ признаваясь скажу передъ Богомъ, что я переписку съ Шварцемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ какъ сжегъ, равно какъ и переписку съ барономъ Шредеромъ. Но что касается до переписки съ Кутузовымъ, то сколько оной есть, всю оную, не утаевая ничего, равно какъ и всѣ бумаги, которыя у меня есть, не укрывая ничего, по вѣрноподданнической моей должности представляю.

Вопросъ 13-й. Тайную типографію для чего вы завели, и какіе виды въ томъ имѣли? — ибо и сей вашъ вымыселъ явно обличаетъ, что ваши сборища есть въ государствѣ вредныя, потому что еслибъ во оныхъ не существовало никакого противу правительства развращенія и вреда, то бъ ни для чего тайной типографіи заводить было не нужно. Сія типографія столь тайно содержана была, что въ работѣ при оной не употребленъ былъ ни одинъ изъ русскихъ, а производили работу чужестранцы, а посему и открыть вамъ о семъ вашемъ замыслѣ самую истину.

Отвѣтъ. Что до тайной типографіи принадлежитъ, то я предъ Богомъ клянусь, что я объ ней свѣдѣнія не имѣю, а была за нѣсколько лѣтъ предъ симъ типографія подъ именемъ Ивана Владиміровича Лопухина, но которой однакожь онъ не правилъ, но Новиковъ правилъ. То развѣ сію можно почесть за тайную? Окромѣ же оной я ни о какой тайной типографіи понятія не имѣю, да и сія типографія, уже тому нѣсколько лѣтъ, присоединена къ кампанейской типографіи, въ чемъ клянусь, что сказалъ самую истину.

Вопросъ 14-й. Тайной экспедиціи бывшій секретарь Кочубѣевъ кѣмъ уловленъ въ ваше сборище, и изъ какихъ видовъ, и какой данъ ему орденъ?

Отвѣтъ. Что господина Кочубѣева я видалъ въ ложахъ, то истинная правда, и какъ мнѣ кажется, что онъ былъ принятъ господиномъ Новиковымъ или Гамалѣемъ, но достовѣрно о семъ сказать не могу. Что жь принадлежитъ до какихъ либо видовъ касательно до его принятія въ масоны, то я самимъ Богомъ клянусь, что не зналъ и не знаю объ оныхъ ничего. Ордена же, кромѣ екосскаго никакого, какъ мнѣ кажется, онъ не имѣетъ.

Вопросъ 15-й. Неоднократныя посылки въ чужіе краи Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, такъ и отправленіе студентовъ изъ вашего сборища безъ позволенія правительства, навлекли уже правительству подозрѣніе; то и открыть вамъ о причинахъ отправленія тѣхъ людей, и какія отъ сборища вашего даны наставленія, кои вамъ и объявить при семъ, а равно и какія вы получали увѣдомленія отъ оныхъ вашихъ посланниковъ? Также объяснить вамъ о долгой бытности въ Берлинѣ Кутузова и Шредера, и на чьемъ они иждивеніи туда отправлены были, и по скольку денегъ туда переводимо было?

Отвѣтъ. Отправленіе въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова имѣли видомъ своимъ исканіе объясненія на іероглифы масонскія, чего ради и наставляемъ былъ Шварцъ, чтобы онъ вездѣ, такъ называемыхъ тайныхъ братьевъ искалъ и просилъ довѣренности ихъ къ намъ. А баронъ Шредеръ и Кутузовъ были уже прямо посланы къ Велнеру для наученія отъ него всему принадлежащему до масонства Увѣдомленія жь Кутузова усмотрѣны будутъ изъ его писемъ, которыя всѣ, сколько ихъ у меня есть, обязуюся представить. Сіе самое и есть причиною долгаго пребыванія Кутузова въ Берлинѣ. Что жь до содержанія ихъ касается, то они донынѣ содержалися изъ доходовъ типографическихъ, а когда оныхъ не было, то занимались деньги и къ нимъ посылались, сколько жь оныхъ на нихъ издержано, то объ ономъ не знаю. Что жь касается до Карамзина, то онъ отъ насъ посыланъ не былъ, а ѣздилъ вояжиромъ на свои деньги. Ка-

сательно жь до двухъ студентовъ, то ихъ посылалъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ на свой коштъ учиться медицинѣ. Господинъ же Багрянской былъ посыланъ учиться на счетъ компаніи; а сколько на него издержано, того не знаю.

Вопросъ 16-й. Извѣстной особѣ какія именно посылали книги? сколько, когда и чрезъ кого?

Отвѣтъ. Сколько и когда, и черезъ кого именно посылаемы были къ извѣстной особѣ книги, о томъ достовѣрно сказать не могу.

Вопросъ 17-й. Книга *О таинствѣ креста* откуда вами выписана и кѣмъ переведена?

Отвѣтъ. Откуда сія книга выписана, о томъ достовѣрно сказать не могу; а помнится мнѣ, что она привезена Шварцомъ изъ чужихъ краевъ. Что жь до перевода ея касается, то помнится ее переводили двое, съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а именно Кутузовъ и Багрянскій; а потомъ она была съ оригиналами прочитываема Тургеневымъ, Гамалѣемъ, Новиковымъ и прочими — кто бывало тутъ случится.

Вопросъ 18. Печатная книга *О народной гордости* когда печатана въ вашей типографіи, и кто ее цензировалъ, и кто жь ее сочинилъ или переводилъ?

Отвѣтъ. Я могу предъ самимъ Богомъ удостовѣрить, что я о книгѣ *О народной гордости* никогда не слыхивалъ и никакого понятія не имѣю.

Открывъ таковымъ образомъ по всѣмъ предложеннымъ мнѣ пунктамъ все то, что я знаю, остается мнѣ, падъ предъ стопы Ея Величества, изливая сердечныя передъ нею слезы, воззвать: «Помилуй мя и прости, что я по невѣдѣнію и безъ всякаго намѣренія содѣлался передъ тобою подозрительнымъ! Я буду во всю жизнь мою оплакивать мою неосторожность, ибо, что у меня не было никакого злаго и дурнаго намѣренія, въ томъ призываю во свидѣтельство самаго Господа Бога! Я рожденъ съ пытливымъ духомъ, искалъ вездѣ и во всѣхъ книгахъ просвѣщенія, иногда побуждаемъ былъ къ тому любопытствомъ, а иногда истиннымъ усердіемъ, и сіе есть побудительною пружиною самаго вступленія моего въ масонство. Во ономъ я, проходя всѣ степени, не удовольствовалъ своего любопыт-

ства, почему искалъ далѣе; нашелъ барона Рейхеля, тотъ всю мою довѣренность получилъ тѣмъ самымъ, что опровергнулъ мои прежнія заблужденія, почерпнутыя мною изъ Беля, Гельвеція, Вольтера и прочихъ; обратилъ меня на исканіе истины въ евангеліи. Потомъ, когда онъ не могъ моего любопытства удовлетворить въ масонствѣ, гдѣ искалъ какого-то тайнства; то я спознакомился съ покойникомъ Шварцомъ и по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ былъ имъ принятъ въ розенъкрейцеры, гдѣ надѣялся найтить, помощію точнаго исполненія христіанскихъ должностей, великое таинство познанія натуры. Но до сихъ поръ онаго не обрѣлъ. Се суть принципы истинные въ сихъ моихъ дѣйствіяхъ, и я николи никакихъ чуждыхъ сему намѣреній въ исканіи моемъ не имѣлъ; и николи не ожидалъ содѣлаться въ очахъ всемилостивѣйшей моей Государыни подозрительнымъ. Но теперь, видя оное, паки падая предъ стопы Ея, прошу помилованія и удостовѣряю, что я съ сего часа, подавляя въ себѣ толико вредный для меня духъ пытливости, отрекаюсь отъ всѣхъ связей, неугодныхъ моей Монархинѣ, какого бы рода онѣ по масонству не были, и повинуясь Ея волѣ всѣ бумаги, которыя имѣю, предлагаю при семъ, и всякую переписку по масонству съ чужими краями прерываю.

17.

Вопросные пункты статскому совѣтнику Ивану Лопухину *).

Отвѣтъ на 1-й вопросъ. Тайныя сборища въ домѣ своемъ имѣлъ я весьма малочисленныя и, какъ помнится, не болѣе десяти разъ во всѣ годы. Признаюсь однакожь, что сіе не для того, чтобы я не хотѣлъ ихъ имѣть, но потому, что я живу въ домѣ отца моего—девятидесятилѣтняго, зрѣнія неимущаго, старца, отъ котораго я всемѣрно старался скрывать упражненія мои въ масонствѣ: ибо свѣдѣніе о семъ могло бы оскорбить его такъ, какъ нынѣ единъ слухъ о высочайшемъ за то гнѣвѣ можетъ для него быть смертоноснымъ ударомъ. Но я, исполненный вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ, сы-

*) Вопросные пункты всѣмъ были предложены одни и тѣже, потому ихъ не перепечатываемъ.

новнею любовію и усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, увѣренъ въ правосудіи и милосердіи Ея, матери отечество. Тѣмъ свободнѣе отвѣтствовать буду съ полнымъ чистосердечіемъ и откровенностію, въ твердомъ увѣреніи, что Ея мудрость и правосудіе увидятъ невинность, а милосердіе Ея проститъ мнѣ то, гдѣ я могъ погрѣшить по невѣжеству, а не отъ злаго умысла. Что жь сего послѣдняго у меня никогда не было, тому свидѣтель Всевидящій, и сердца и утробы Испытующій. И такъ, по вышесказанной причинѣ, рѣдко имѣлъ я собранія въ своемъ домѣ, но чаще бывалъ въ иныхъ мѣстахъ. Хаживали часто ко мнѣ сотоварищи мои въ ономъ упражненіи, но не тайно, и мы, не съ запертыми дверами и не скрываясь, бесѣдовали. Все сіе пишу для обстоятельственнаго объясненія по сему артикулу, и не въ извиненіе себѣ сказываю, что рѣдко бывали у меня оныя собранія, зная, что это все равно рѣдко или часто. Вѣдаю, что государственными законами запрещены товарищества, братства и проч., черезъ полицію не дозволенныя. Но собранія масонскія, въ разсужденіи столь долговременной терпимости ихъ правительствомъ,— ибо мы имѣли иногда многочисленныя ложи, въ глазахъ, такъ сказать, цѣлаго народа и конечно не невѣдомо правительству онаго,—собранія оныя почиталъ я болѣе позволенными, однакожь пріемля во всей точности и строгости многочтимые мною законы государственные и вышеприведеннымъ мною резономъ не оправдывая себя, и не осмѣливаясь мнимую мною терпимость предпочитать явному и ясному законному предписанію. Въ упражненіяхъ моихъ въ масонствѣ всѣхъ системъ не было иной цѣли кромѣ желанія чрезъ разныя познанія пути содѣлаться просвѣщеннѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ и истиннѣйшимъ христіаниномъ, вѣрнѣйшимъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества и лучшимъ слугою государства Ея: сія одна была цѣль моя. По склонности къ онымъ познаніямъ упражнялся я въ оныхъ и другихъ привлекалъ: самъ почитая оное полезнымъ и другимъ того же желалъ, и въ семъ видѣ чинилъ собранія, по обычаю такихъ обществъ.

На 2-й. Со всѣми вышесказанными я никогда никакой переписки не имѣлъ. Когда я вступилъ въ общество, то связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ и принцемъ гессенъ-кассель-

скимъ не продолжалась, сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторое время, такъ что подлинно можно сказать, нѣсколько только мѣсяцевъ упражнялся я въ той системѣ, гдѣ они участвовались. Не находилъ я въ ней вреднаго, но и полезнаго себѣ не находилъ же; я видѣлъ въ ней одно броженіе, которое, по моему мнѣнію, не могло привести ни къ полезнымъ познаніямъ, ни къ чему доброму, а удобнѣе злоупотреблена быть могла, и могла привести къ видамъ политическимъ и противнымъ благоустройству государственному; чего сообщество наше всегда страшилось и гнушалось. Вся сія система, лѣтъ восемь назадъ, была оставлена всѣми извѣстными мнѣ сотоварищами моими; и принята она единственно была по непохвальному любопытству, по безпрерывной жадности къ познаніямъ и по неискусству. Хотя я не былъ при принятіи оной системы, но вышесказанныя обстоятельства мнѣ извѣстны по короткому знакомству съ принявшими ее и потому, что я, какъ и прежде сказалъ, и самъ короткое время съ ними въ оной упражнялся; но тогда уже переписки по ней не было съ Велнеромъ. Извѣстно мнѣ, что была переписка по системѣ, называемой древняго масонства или Золотаго и Розоваго Креста; переписывался съ нимъ одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Трубецкой. Вся она состояла, думаю, въ пяти или шести письмахъ—ежели не меньше, и прервалась съ того времени, какъ маіоръ Кутузовъ въ чужихъ краяхъ находится, т. е. лѣтъ пять. Переписку князя Трубецкаго съ Велнеромъ я читывалъ — въ ней ничего не было трактовано окромѣ морали и науки о познаніи натуры по системѣ древнихъ и новѣйшихъ, такъ называемыхъ герметическихъ философовъ. Что жь принадлежитъ до отношенія къ политическому обстоятельству, упомянутому въ семъ артикулѣ, то хотя въ оной перепискѣ прусскаго министра никогда не было ни малѣйшаго подозрѣнія на виды политическіе; однакожь мы, вѣдая, сколь легко человѣки по пристрастіямъ и корыстолюбію все во зло употребить могутъ, и ни къ кому лично безъисключительной довѣренности не имѣя, а притомъ въ неизмѣнности священнымъ обѣтамъ вѣрноподданныхъ и сыновъ отечества, особливо и крайне бдительны были въ упомянутое въ семъ артикулѣ время, и ежели бы получили что противное хотя мало ин-

тересамъ Императорскаго Величества и отечества нашего, то конечно бы не только отвергли, но и объявили правительству. Сколько мнѣ извѣстно, то шифрами не скрывали сей переписки отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы оная могла быть найдена преступническою, и по большей части матерію писали обыкновенными литерами; а нѣчто о книгахъ и наукѣ иногда писывали шифрами для того, чтобы въ случаѣ утраты писемъ и открытія ихъ не подвергнуть посмѣянію и прочимъ такого рода оскорбленіямъ лицъ и вещей отъ такихъ, которые оныхъ упражненій не одобряютъ; и въ семъ случаѣ слѣдовали учрежденію помянутаго масонства, въ котораго степеняхъ и шифры находятся, нами же выдуманныхъ шифровъ я не знаю. По симъ только причинамъ паки производилась оная переписка, которую мы и не воображали быть преступательной въ разсужденіи правительства. Не находя въ ней ничего оному вреднаго, не почитали ея недозволенною, а полагали равнообразною со всѣми разныхъ родовъ философскихъ и учебныхъ переписокъ, по разнымъ людей склонностямъ, переписокъ терпимыхъ въ государствѣ. А ежели бы получили отъ страны чужеземной что противно, то поступили бы, какъ выше сказалъ. Иностранныя письма оныя, сколько мнѣ извѣстно, получаемы были съ умершимъ профессоромъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и по почтѣ. А посылались съ Шредеромъ же и съ маіоромъ Кутузовымъ и такъ же по почтѣ чрезъ нихъ; а одинъ разъ, помнится, прямо на имя Велнера черезъ почту писалъ князь Трубецкой, который одинъ и переписывался. Вѣдали же именно о перепискѣ съ Велнеромъ, сколько мнѣ извѣстно, Кутузовъ, Шредеръ, Новиковъ и я. А связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ, думаю, многимъ, такъ называвшимся благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго вильгельмскаго конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ былъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою.

На 3-й. О началѣ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ я, какъ и прежде сказалъ, обстоятельно не знаю; что къ нему

писано было, то мнѣ совсѣмъ неизвѣстно. Его же письма,— два или три коротенькихъ, — читалъ я у Шварца и нашелъ ихъ весьма обыкновенными и ничего не значущими, а содержанія ихъ прямо не помню и кромѣ того, что и помнить онаго нечего. Я къ нему никогда не писывалъ и не только не подписывалъ прошеній, но до сего часа и не слыхалъ объ оныхъ. О подчиненіи же себя въ зависимость, въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому я услышавъ только, трепещу въ сердцѣ, исполненномъ вѣрностію, осмѣлюся сказать, особо сыновнею любовію къ моей монархинѣ. Вездѣсущій—свидѣтель симъ чувствамъ моимъ, и онъ да соблюдетъ меня и отъ помышленія одного вступить въ таковую подчиненность къ кому либо, кромѣ его самаго и поставленной отъ него Императрицы и матери нашей. Въ дополнительное объясненіе по сему артикулу еще донесу, что въ то время, когда выходили указы высочайшаго неудовольствія на общество наше и прещенія на книги, существовалъ у насъ единственно институтъ ордена Златаго и Розоваго Креста, который сообщенъ намъ, какъ мнѣ извѣстно, отъ Велнера: то развѣ писали увѣдомленіе о происшествіяхъ оныхъ къ управляющимъ въ ономъ институтѣ, въ которомъ герцогъ брауншвейгскій, сколько я знаю, не участвовалъ. Но какъ тогда еще не присутствовалъ въ здѣшнемъ правленіи розенкрейцерскомъ, то писанія оныя отсюда мнѣ неизвѣстны, и послѣ я ихъ не читалъ и содержанія ихъ не знаю.

На 4-й. Признаюсь, что когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ естественно было мнѣ желать, чтобы и другія въ томъ же упражнялись, что пристрастіямъ весьма сродно, какъ мнѣ кажется: то особливо неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и драгоцѣнной особѣ. Но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю: Новиковъ со мною мало о семъ и говаривалъ; когда же говаривалъ, то я ему совѣтовалъ осторожность и говорилъ, чтобы для чистоты сердечной наблюдать, чтобы подъ видомъ христіанскаго доброжелательства не вкралась собственность, изъ которой могутъ породиться пожеланія страшныя для христіанъ и подданныхъ и

гнусныя въ очахъ божіихъ и людей добродѣтельныхъ. Рѣдкая посылка отъ Новикова къ той особѣ книгъ чрезъ архитектора Бажанова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія. Слова особы сея, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Бажанова Новикову, изъявляли ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорлялся—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакоже, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣденіе только по немногимъ разговорамъ съ Бажановымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, — когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство,—что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. Однакоже я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала. А только мнѣ извѣстно, что Новиковъ къ ней посылалъ, сколько же именно разъ, того не знаю, книги у насъ печатанныя, какъ то Арндта *о истинномъ христіанствѣ* и подобныя, а какія именно точно, не помню теперь. И она, судя по книгамъ, почитала упражненія наши, какъ я слышалъ, не безполезными; я же лично никакого подвига къ преклоненію той особы не дѣлалъ и никого къ тому не возбуждалъ. А, по вышесказаннымъ причинамъ, радовался только, слыша объ добромъ мнѣніи о нашихъ упражненіяхъ столь важной особы, и кромѣ сего никакого виду и предпріятія не имѣлъ. Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложи.

На 5-й. Бумагу таковую и выписку я не только чтобъ имѣлъ у себя или читалъ, но и вскользь ея не видывалъ; а слышалъ я въ 786 или 87 году, что Бажановъ далъ Новикову какую-то бумагу, въ которой онъ записалъ разговоры свои съ извѣстной особой, коихъ содержанія мнѣ сказывалъ, но точно не помню онаго; предсудительнаго же и такого, о чемъ бы долженъ правительству объявить, увѣренъ, что не слыхалъ. О бумагѣ оной помнится я слышалъ отъ князя Трубецкаго, самъ же ея не видалъ, и чтобъ кто кромѣ Новикова ее у себя имѣлъ, не знаю по истинѣ, такъ же и о томъ, кто ее въ рукахъ имѣлъ, а о выпискѣ я и не слыхалъ: по сему искреннему и вѣрному признанію моему ясно, что я не могъ сію бумагу посылать къ Кутузову, и мнѣ помнится, что сей въ то время еще здѣсь былъ; однакожь того утвердить не могу.

На 6-й. Въ извѣстныхъ мнѣ степеняхъ сановъ епископскихъ нѣтъ, какъ равно и названій таковыхъ. Въ нѣкоторыхъ, помнится, переводахъ нашихъ отъ неисправнаго перевода названо епархіею собраніе нѣсколькихъ круговъ или ложъ розенкрейцерскихъ. И я это всегда почиталъ ошибкою или худымъ выборомъ слова, по каковому мнѣнію никогда и не уважалъ сего; такъ равно престолами и жертвенниками столы предсѣданія давно называются во всемъ масонствѣ, какъ мнѣ помнится. Я сего такъ же не уважалъ, ибо таковыя названія, какъ то престоловъ и жертвенниковъ, даются вещамъ совсѣмъ не священнымъ, и въ мѣстахъ таковыхъ же. Образъ миропомазанія дѣлается въ одной степени, которую я имѣю. Но всего онаго я не почиталъ и, сколько мнѣ извѣстно, въ обществѣ нашемъ все оное не почиталось за священнодѣйственное, а единственно за іероглифы, подобно всѣмъ извѣстнымъ въ масонствѣ разнаго рода и образа іероглифамъ.

На 7-й. Въ разныхъ степеняхъ извѣстнаго мнѣ масонства дѣлались присяги предъ священнымъ писаніемъ, но безъ креста. Ужасныя клятвы, издавна учрежденныя, какъ извѣстно, въ масонствѣ, у насъ уже давно отвержены и, сколько мнѣ извѣстно, не произносилися. Присяги о претерпѣніи пытокъ, розысковъ и даже самой смерти для сокрытія отъ правительства тайны ордена Розоваго Креста не давалъ и не знаю.

Есть, помнится, о семъ въ одномъ наставленіи, которое и напечатано въ Германіи. Но я сего пункта по истинѣ никогда не принималъ, такъ какъ и многаго въ тѣхъ уставахъ сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не принимали. Тайною таковаго ордена я никогда не почиталъ оное, какъ то философское дѣло, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ, и которое, какъ въ нихъ же пишется, обязаны были всегда всѣми мѣрами сокрывать отъ правительства имѣющіе искусство онаго. Дѣла сего я никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго, но никогда и не заботился стяжать оное. Систему же масонства, въ которой не находилъ ничего противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и гражданина, и въ которой упражненія стремятся къ познаніямъ таинствъ творенія, не отвергалъ я по расположенію работъ къ помянутому философскому дѣлу, не бывъ, какъ сказалъ, увѣренъ въ невозможности онаго дѣла, о которомъ однако я и хорошаго понятія не имѣю. Но ежели оно возможно, думалъ я, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло безполезно быть не можетъ. Повиновеніе великому мастеру и откровенность ему я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслящія общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству. Что принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то я въ предыдущихъ артикулахъ сказалъ, что съ нимъ ни въ какой связи и въ подчиненіи у него не былъ. Что жь касается до отрицанія правительства самодержавной власти Ея Императорскаго Величества, то я желаю умереть прежде, нежели даже помыслить сіе сдѣлать. Я непоколебимо преданъ Ей и по долгу вѣрноподданнаго и по любви сыновней; давая же во всѣхъ розенкрейцерскихъ степеняхъ присяги, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ находился, равно и въ такъ называвшемся предверіи онаго или степеняхъ нижнихъ, въ которыхъ, мнѣ помнится, только въ двухъ или въ трехъ съ обрядами принятъ

я былъ. Давая всѣ сіи присяги, никогда я не думалъ, чтобъ они могли простираться на что-нибудь противное обязательствамъ моимъ вѣрноподданнаго Ея Императорскому Величеству и сына отечества моего. И послѣ во всѣхъ актахъ не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оные обѣты учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и, ежели бъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Такъ же если бы изъ членовъ онаго, отъ кого либо, услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалиться, но и правительству открыть должно и полезно. Бывшее здѣсь правленіе наше, такъ называемаго ордена Розоваго Креста, въ вышесказанномъ мною вѣрноподданническомъ расположеніи наипаче бдительно было отъ охраненія управлявшихся онымъ членовъ отъ уловленія въ секту такъ называемыхъ иллюминатовъ, о которыхъ намъ сообщено было изъ главной надъ нашею директоріи, что они не только тщатся подкапывать христіанскій законъ, но и разрушать зависимость отъ государей и отъ церковныхъ и свѣтскихъ властей ихъ, для предписанія на каковой конецъ объ осторожности во всѣ подчиненныя ложи, мнѣніе мое, какъ присутствовашаго въ помянутомъ розенкрейцерскомъ правленіи въ то время поданное въ ономъ, по которому исполнялося, при семъ черное моей руки вручилъ Его Сіятельству, главнокомандующему въ Москвѣ, князю Александру Александровичу Прозоровскому.

На 8-й. Названіе ордена Розоваго Креста почему подлинно здѣлано, я по истинѣ основательно не знаю; а думалъ сходно съ читанными мною въ нѣкоторыхъ ордена сего книгахъ, что оно имѣетъ отношеніе ко кресту Христову, украшенному кровію его. Орденъ сей почитается порожденіемъ герметической школы, которой начало считаютъ философы оной отъ временъ адамовыхъ и древнихъ патріарховъ. Черезъ три или четыре столѣтія онъ извѣстенъ подъ именемъ Золотаго и Розоваго Креста; кѣмъ онъ таковымъ учрежденъ именно, не вѣдаю;—пишутъ въ книгахъ, что однимъ такъ называющимся Розенкрейцеромъ, но подлиннаго извѣстія въ

актахъ, мнѣ свѣдомыхъ, о семъ нѣтъ. Знаки, налагаемые во время собраній, суть разные въ орденѣ семъ, такъ какъ въ масонствѣ нижнихъ степеней. Ордена святаго апостола Андрея никогда на себя не возлагалъ; при ономъ вступленіи моемъ въ масонство, чему теперь около десяти лѣтъ, былъ одинъ, такъ называемый екосской степень, въ которомъ былъ подобный знакъ. По принятіи меня въ оную степень, я его однажды не прилежно читалъ и ничего изъ него по истинѣ не понялъ. Въ самое тоже время и оставленъ степень сей, а на мѣсто его присланъ къ Шварцу другой, по которому я работалъ и другихъ принималъ.

На 9-й. Въ орденѣ Розоваго Креста мнѣ извѣстныхъ здѣсь были (а я долженъ былъ по участію моему въ правленіи здѣшнемъ всѣхъ знать): Шварцъ, умершій, Князь Николай и Юрій Никитичъ Трубецкіе, кураторъ Херасковъ, Николай и Алексѣй Новиковы, бригадиръ Тургеневъ и бригадиръ Чулковъ, надворный совѣтникъ Гамалѣя, полковникъ Поздѣевъ, профессоръ Чеботаревъ, маіоръ Кутузовъ, Шредеръ, докторъ Френкель, полковникъ князь Алексѣй Черкасскій, титулярный совѣтникъ, князь Енгалычевъ, сенаторъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, премьеръ—маіоръ Фреклихъ, Багрянской докторъ и я. Тотъ степень, въ знакѣ котораго находилось изображеніе креста Андрея апостола, какъ я уже прежде сказалъ, лѣтъ уже девять тому назадъ совсѣмъ не въ употребленіи былъ между нами; и съ того времени никто изъ извѣстныхъ мнѣ не имѣетъ онаго. Отмѣна сего степеня и замѣненіе онаго другимъ, такъ называемымъ екосскимъ же, послѣдовала меньше нежели черезъ годъ по вступленіи моемъ въ масоны, и тогда, когда я никакъ въ правленіи здѣшняго масонства не участвовалъ, и потому и не могу я точно именовать имѣвшихъ съ тѣмъ знакомъ степень оную, и удовлетворительнаго донесенія о семъ сдѣлать не могу. Я получилъ екосскій степень по онымъ обрядамъ и послѣ того помню, что находился не болѣе одного раза при употребленіи онаго въ ложѣ. Затѣмъ послѣдовалъ, какъ выше сказалъ я, новый въ замѣну того екосскій градусъ, который и употреблялся во все время участвованія моего въ правленіи и Благотворительнаго Рыцарства, и братства Розоваго Креста.

На 10-й. Я ни одной запрещенной книги не печаталъ и завѣдомо не продавалъ. Въ бывшей типографической компаніи и въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ уничтоженной нами печатаніемъ и продаваніемъ книгъ управлялъ поручикъ Новиковъ; я въ оное не входилъ и совсѣмъ не зналъ, что перепечатываются запрещенныя книги, такъ какъ и теперь по истинѣ не знаю, какія то были. Извѣстно мнѣ только, что послѣ помянутыхъ запрещеній оканчивалось печатаніе книги, называемой *Божественная Метафизика*; и хотя сія книга подъ запрещеніе не подошла, ибо не допечатана и не открыта тогда была, но по содержанію ея, въ силу оныхъ запрещеній, не должна была въ свѣтской типографіи печатаема быть: то я признаю себя виновнымъ въ томъ, что, вѣдая о печатаніи оной книги, не препятствовалъ сему и не старался всѣми возможными мнѣ способами отвратить онаго, въ каковомъ проступкѣ моемъ, уповая на всемилостивѣйшее прощеніе, равно и въ томъ ежели я не завѣдомо, однакожь отъ небреженія продалъ какія либо изъ запрещенныхъ книгъ, по истинѣ не помня, чтобъ когда то дѣлалъ, но могло оное случиться слѣдующимъ образомъ: въ общую продажу изъ компанейскихъ магазейновъ книжныхъ и въ распоряженіе оной я никакъ не входилъ, но отдавалъ въ разныя времена нѣсколько книгъ на продажу въ курскую и орловскую лавки, бравъ тѣ книги на свой счетъ отъ компаніи по реестрамъ, подаваннымъ мнѣ требовавшими оныя продавцами, и которые подписывалъ я, не читая, чѣмъ однако не оправдываюся. Я, подписывая такимъ небрежнымъ образомъ, означалъ только сумму, на которую отпустилъ. И такъ могли вкрадываться въ тѣ подаваемые мнѣ реестры и запрещенныя книги; съ намѣреніемъ же никогда я ихъ въ продажу не выпускалъ и не разсылалъ, такъ же при реестрахъ книгъ я никакихъ не сокрывалъ; а зналъ, что Новиковъ скрываетъ и хотя и не старался всемѣрно препятствовать тому, въ чемъ еще нахожу себя виновнымъ, однако не одобрялъ того поступка и лучше сказать гнушался сокрытіемъ запрещенныхъ книгъ на продажу; о скрытіи въ деревнѣ князя Черкасскаго и свѣдалъ я гораздо позже учиненія онаго. Во время же перваго осмотра книгъ въ концѣ 785 и въ началѣ 786 годовъ былъ

я въ Кромской моей деревнѣ. Въ то время не открыты осмотромъ въ бывшей подъ именемъ моимъ типографіи печатанныя нѣкоторыя книги, какъ-то: *Таинство креста* и проч. Въ отсутствіе мое, равно какъ и всегда оной типографіей распоряжался Новиковъ. Какъ онъ тѣ книги тогда сокрылъ, того обстоятельно не знаю, но увѣренъ, что сіи книги и до осмотру, и послѣ осмотру никогда въ продажу пущены не были. А слышалъ, что ходили украденныхъ какъ то изъ магазейна или при напечатаніи по три или по четыре экземпляра; знакомымъ же нашимъ, до сихъ книгъ охотникамъ, мы ихъ для собственнаго чтенія давали, и я сіе также дѣлалъ.

На 11-й. Мною посредственно или непосредственно управляемыя въ разныхъ губерніяхъ суть: въ Орлѣ, гдѣ главнымъ надзирателемъ вице-губернаторъ Карнѣевъ,—съ нимъ бывшій губернаторъ Неплюевъ числился только, ибо онъ давно отсталъ; совѣтники палатъ Нелѣдинской, Ржевской; ассесоры: меньшой Карнѣевъ и Милоновъ, статскій совѣтникъ Свербѣевъ; въ Вологдѣ главнымъ надзирателемъ — засѣдатель верхняго земскаго суда Остолоповъ, съ нимъ, помнится, человѣка три или четыре малыхъ чиновъ; въ Кременчугѣ года три тому назадъ заводилася ложа ассесоромъ Бѣлоусовичемъ, который былъ со мною въ сношеніи; но оная въ недѣйствіи, и переписка прервана; въ С.-Петербургѣ главнымъ надзирателемъ премьеръ-маіоръ Лѣнивцевъ, съ нимъ также трое или четверо, которыхъ именно теперь показать не помню. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ была ложа, но какъ она не состояла никогда въ моемъ вѣдѣніи, то обстоятельно объ ней показать не могу, и думаю, что она не въ дѣйствіи. Ибо нѣсколько лѣтъ тому, какъ у насъ собранія и упражненія производились только въ степеняхъ розенкрейцерскихъ и въ послѣдней, къ онымъ такъ называемой соломоновыхъ наукъ и теоретическихъ философовъ, въ которой степени управляющіе именуются главными надзирателями. Я управлялъ сими ложами, былъ директоромъ круга розенкрейцерскаго, и участвую въ главномъ правленіи сего братства здѣсь, которое съ помянутыми теоретическими ложами одно и существовало наконецъ. Такъ называемая шотландскія матери ложа уже давно не въ дѣй-

ствіи. Система Благотворнаго Рыцарства, на которой должны быть: главная провинціальная ложа, подъ нею директорія, подъ сею капители, а подъ нею екосскія и трехъ—степенныя ложи. Сія система опять давно оставлена, какъ я прежде показалъ, и изображенное мною рыцарства расположеніе не существуетъ, да и никогда не существовало основательно. Восемь лѣтъ уже тому, какъ никто въ братья Рововаго Креста не принятъ, и находящіеся въ ономъ изъ одного въ другой градусъ не переходили. Въ послѣдніе годы розенкрейцерскихъ собраній болѣе не было, какъ четыре или пять въ годъ, а иногда и меньше. Чаще, однако не часто, собирались въ теоретическихъ ложахъ, и были рѣдки принятія въ сію степень, въ прочихъ же степеняхъ пять или шесть лѣтъ можно сказать не упражнялись или такъ мало, что я въ томъ и отчета дать не могу, и самая большая часть масоновъ оставили и оставлены, и мы наконецъ находилися весьма не въ великомъ числѣ.

На 12-й. Когда я вошелъ въ связи масонскія, тогда Шварцъ уже до смерти своей не выѣзжалъ изъ Россіи; къ барону Шредеру во все время писалъ я одно письмо, пересылая вексель, оставленный у меня княземъ Трубецкимъ, при отъѣздѣ его въ Петербургъ третьяго года,—въ которомъ писалъ только о приложеніи онаго и нѣсколько словъ дружественнаго доброжелательства къ Кутузову. По отъѣздѣ его въ чужіе края, писалъ я въ годъ два или три письма и отъ него получилъ столько же; въ то время когда князь Трубецкой жилъ въ Петербургѣ, писалъ я къ Кутузову, часто и отъ него получалъ. Но всѣ письма сіи, какъ не интересны, ни мало не хранилъ, а потому и не могу оныхъ представить. Я писалъ всегда прямо на бѣло и такъ моихъ писемъ къ нему нѣтъ у меня; о прочихъ перепискахъ съ Кутузовымъ и Шредеромъ ни о чьей обстоятельно не знаю, кромѣ князя Трубецкаго, который къ нимъ нерѣдко писывалъ, особливо къ Кутузову. Ибо когда сей былъ въ чужихъ краяхъ, то къ Шредеру князь Трубецкой писалъ очень рѣдко, какъ думаю, не по дѣламъ общества нашего, ибо послѣдніе годы къ нему довѣренности не имѣлъ. А когда Шредеръ прежде ѣздилъ одинъ въ чужіе краи, тогда князь Тру-

бецкой нерѣдко къ нему писалъ, но я тогда обсто
семъ свѣдѣнія не имѣлъ. Еще знаю, что Тургене
къ Кутузову во все время письма два, и въ моих
махъ иногда приписывалъ. Новиковъ также, помнит
или два къ нему писалъ, но обстоятельно кромѣ в
заннаго ничего не знаю. О времени Шварцева пр
въ чужихъ краяхъ ничего не знаю, но я тогда и в
сей не находился, а вошелъ въ оную, по крайней мѣ
резъ годъ по возвращеніи его въ Россію. И ежели я
показаніи семъ скрылъ или утаилъ, то съ полнымъ п
ніемъ найду себя достойнымъ строгаго по законамъ су

На 13-й. Типографія, бывшая подъ именемъ моимъ,
явлена мною при заведеніи ея здѣшней управѣ благоч
заведена на основаніи высочайшаго указа о вольныхъ
графіяхъ; и даже когда я ее перевелъ, и она вошла в
пографію компанейскую, то и о семъ я объявилъ у
благочинія. Но скрытно и сказанными въ семъ вопросѣ л
ми печатались нѣкоторыя книги, какъ то *Таинство крест*
еще немногія, но ихъ всѣхъ именовать теперь не упомн
Сею типографіею моею управлялъ, какъ уже выше показа
отъ меня, Новиковъ и въ бытность мою въ Москвѣ, и
осьмимѣсячное мое отсутствіе изъ оной. Нѣкоторыя и
оныхъ книгъ я совсѣмъ не читалъ, а иныя знаю и призн
юсь, что по сильной склонности къ мистикѣ находилъ
нихъ удовольствіе; кромѣ склонности сей и во мнѣ и
другихъ, поелику мнѣ извѣстно, никакихъ побужденій къ т
му печатанію и замысла при ономъ не было. Сокрывали
книги сіи единственно для того, что хотя не вышелъ е
тогда запретительный указъ, но были слухи и о томъ, ч
неугодны правительству книги такого рода. Не могли мы о
нако думать, что сіи книги, во многихъ экземплярахъ нап
чатанные, никогда не открылись въ продажу; объявленн
мною въ семъ отчетѣ книги никогда ни тайно, ни явно н
пускаемы не были, развѣ то дѣлалось совсѣмъ невѣдомо м
А любителямъ изъ общества нашего раздавались, какъ я
прежде сказалъ. Хотя сею типографіею, подъ именемъ м
имъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ печатать Нов
ковъ; однако я по склонности къ мистическимъ матеріям

частвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ, и вѣданіемъ. И хотя Богъ тому свидѣтель, что я во всемъ томъ никакого злаго умысла не имѣлъ, но, не сохраня во всей точности чистоты въ отношеніи къ государственнымъ узаконеніямъ, признаю себя достойнымъ строгости ихъ наказанія, яко виновный, и дерзаю испрашивать помилованіи отъ единаго высочайшаго милосердія.

На 14-й. Секретарь сей былъ принятъ Гамалѣею или Тургеневымъ, точно не помню — только кажется, однимъ изъ нихъ; видовъ въ принятіи семъ, кромѣ обыкновенныхъ въ масонствѣ, я не могу предположить никакихъ, а особливо злыхъ, и потому, что сіе дѣлалось во время главнокамандованія покойнаго фельдмаршала графа Чернышева, который имѣлъ гораздо больше довѣренности къ самому Гамалѣе, нежели къ Кочубѣеву. Сей послѣдній часто хаживалъ, и не таясь, въ ложи многочисленныя, которыя тогда и года три или болѣе послѣ весьма нескрытны были. Кочубѣевъ сей находится въ степени, называемомъ теоретическимъ соломоновыхъ наукъ.

На 15-й. Шварцъ, сколько мнѣ извѣстно стало во время моего вступленія въ сообщество, посыланъ былъ для пріисканія лучшаго масонства. Въ какомъ видѣ онъ вошелъ въ связи Благотворнаго Общества и братства Розоваго Креста, всѣ обстоятельства сего происшествія мнѣ неизвѣстны, понеже, какъ я сказывалъ, отправленіе сего и возвращеніе было гораздо прежде вступленія моего въ масонство. Послѣ не интересовался я много развѣдать объ нихъ; и не къ лицамъ токмо имѣя довѣренность, дѣлалъ мои заключенія по бумагамъ, содержащимъ въ себѣ институты обѣихъ системъ, и по мнѣнію моему система братства Розоваго Креста представлялась мнѣ гораздо лучшею. И въ ея актахъ не принималъ я все за безпогрѣшное и за достойное слѣпой вѣры, и безъ размышленнаго послѣдованія не отвергалъ никогда того, чтобъ не могли тутъ быть ошибки, свойственныя недостатку человѣчества, но не находилъ тутъ ничего зловреднаго, ничего, по моему мнѣнію, противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и сына отечества: ибо ежели бы подобное находилъ или когда бы то ни было увидѣлъ

оное, то съ трепетомъ бы удалился отъ онаго. И такъ ненаходя того послѣдняго, находилъ много и полезнаго, особливо относительно къ наукѣ, открывающей вѣдѣніе о натурѣ и твореніи Всемогущаго, каковое вѣдѣніе, какъ я думаю, способствуетъ къ познанію о вездѣсущіи божіемъ; а сіе должно возбуждать страхъ господень, который есть начало премудрости. Въ таковомъ расположеніи духа принялъ я оную науку, яко способствующую, какъ я думалъ, къ преуспѣхамъ въ христіанствѣ, съ чистотою котораго я находилъ согласнымъ и нравоученіе, преподаваемое въ извѣстныхъ мнѣ актахъ онаго ордена Золотаго и Розоваго Креста, и въ книгахъ, въ ономъ рекомендуемыхъ. Поелику мнѣ извѣстно сіе, почелъ я за нужное сказать, яко чистосердечнѣйшее исповѣданіе мое о причинахъ къ тому, что я былъ въ ономъ орденѣ. Возвращаясь къ вопросамъ о баронѣ Шредерѣ и Кутузовѣ, донесу: баронъ Шредеръ, когда ѣздилъ одинъ, то по возвращеніи привезъ, сколько я знаю, нѣкоторыя степени, не бывшія еще здѣсь, ордена Розоваго Креста, и которыя онъ, какъ я слышалъ, получилъ отъ Велнера, яко отъ главнаго берлинской директоріи, отъ которой наша получила первые акты ордена Золотаго и Розоваго Креста; и тогда еще сей Велнеръ задолго не былъ министромъ. А во время его министерства едва ли князь Трубецкой получалъ хотя одно письмо отъ него и къ нему писалъ ли, утвердить сего не могу, но помнится такъ. Въ послѣдній разъ, когда Шредеръ поѣхалъ съ Кутузовымъ, то безъ всякаго порученія и довѣренности; возвращающемуся ему въ отечество свое, дѣлали мы помощи изъ снисхожденія на его недостатокъ и въ удовлетвореніе за капиталъ его въ бывшей компаніи, который, при уничтоженіи ея, возвращенъ какъ ему, такъ и Кутузову, яко бывшими членами въ оной. Кутузовъ отправленъ въ Берлинъ и въ прочія мѣста, гдѣ, мы полагали, нужно быть можетъ для дальнѣйшаго еще успѣха въ наукѣ того ордена и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ; въ каковомъ ожиданіи онъ и живетъ въ Берлинѣ, упражняясь, сколько мнѣ извѣстно, въ химіи по методѣ орденской. И онъ также получалъ отъ насъ знатныя суммы на прожитокъ и на покупку книгъ. Наставленія Шрейдеру и Кутузову долженъ

былъ давать и давалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой; не могу я подлинно сказать и подробно какія, и были ли письменныя, того не знаю. Но по короткому знанію моему сего князя Трубецкаго и по увѣреніи въ его добродушіи и честности, увѣренъ, что онъ не давалъ никакихъ вредныхъ и касающихся до чего либо, кромѣ вышесказанной мною цѣли. Увѣдомленія отъ Кутузова и Шрейдера, когда сей послѣдній имѣлъ довѣренность, получалъ также помянутый князь Трубецкой, а я никогда. Я многія и почти все въ нихъ читалъ, но на память отчета въ нихъ дать не могу. Еще для объясненія недовольно ясно, какъ мнѣ помнится, объясненнаго мною иждивенія для посыланныхъ повторю, что оное было отъ насъ. Употреблялось, думаю, оное прежде, во время посылки Шварца отъ Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. А потомъ для Шредера и Кутузова изъ расходовъ компаніи, Новиковымъ, отъ князя Трубецкаго и отъ меня. Сколько же на сіе употреблено денегъ во все время, того точно и даже около съ нѣкоторою вѣрностію показать не могу; а знаю только, что сумма знатная. Студенты были посыланы сдѣлавшіеся послѣ докторами: Багрянской, Колокольниковъ и Невзоровъ. Багрянскаго отправлялъ Новиковъ, съ нимъ переписывался и на содержаніе ему посылалъ деньги, сколько — то мнѣ неизвѣстно, какъ равно и то, въ чемъ ихъ переписка состояла, и какія Новиковъ давалъ ему наставленія. Колокольникова и Невзорова отправлялъ я. Они были членами бывшей у меня прежде трехъ—степенной ложи и имѣютъ степень екосскихъ мастеровъ, въ который приняты не весьма задолго предъ отправленіемъ ихъ въ чужіе краи, которое учинено въ 1788 году. Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, — что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и протчаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковые при кругахъ бываютъ, и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется. А съ другой стороны думалъ я исполнять долгъ добродѣтели, помоществуя бѣдности и дѣлая имъ состояніе столь выгодное, каковое здѣсь есть докторское. И Багрян-

ской, сколько мнѣ извѣстно, въ таковомъ же намѣреніи посыланъ былъ. Колокольниковъ и Невзоровъ получали отъ меня въ годъ рублей около тысячи на содержаніе и ученіе ихъ. Я съ ними переписывался при отправленіи ихъ; все мое наставленіе въ томъ состояло, что я имъ совѣтовалъ наблюдать добронравіе и прилежно учиться. Кромѣ учебныхъ ихъ книгъ совѣтовалъ я имъ упражняться въ чтеніи во первыхъ священнаго писанія стараго и новаго завѣта, которое есть источникъ и основаніе всѣхъ добрыхъ писаній, потомъ книгъ, относящихся къ наукѣ герметической, составляющей упражненіе масонства древнія системы или ордена Золотаго или Розоваго Креста, къ которой они приуготовлялися; медицинской школѣ обучались въ Лейденѣ и Геттингенѣ. По обыкновенію слѣдовало бы ѣхать для окончательнаго курса въ Парижъ, но я воспретилъ сему, съ одной стороны предохраняя ихъ отъ заразительнаго духа разврата и мятежа, тамъ нынѣ царствующаго, — а съ другой стороны предохраняя и себя, по бывшимъ тогда слухамъ о томъ, что нѣкоторые подозрѣваютъ насъ въ единомысліи со оными возмутителями, законы божественные и царскіе злобно попирающими душами, отъ чего Всевидящій, и незлобіе моихъ и прочихъ изъ насъ, поелику мнѣ извѣстно, намѣреній вѣдущій, да сохранитъ всякаго человѣка! Однакоже прежде нежели мое письмо, удерживающее отъ ѣзды Колокольникова и Невзорова во Францію, могло придти къ нимъ, получилъ я отъ нихъ изъявляющее желаніе, не смотря на обычай медицинской, не ѣхать туда, хотя бы то было и къ недовершенію изученія, и они не были во Франціи. Писывалъ я къ нимъ по два въ годъ, а въ иной и по три письма, а отъ нихъ получалъ столько же или, можетъ быть, однимъ или двумя письмами больше. Содержаніе писемъ моихъ, весьма короткихъ, состояло, при упоминаніяхъ о вложеніи векселей на содержаніе ихъ, въ короткихъ же совѣтахъ христіанскаго нравоученія и въ напоминаніяхъ о чтеніи вышесказанныхъ мною книгъ и прилежнѣйшемъ ученіи въ классахъ. Ихъ письма ко мнѣ состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ, больше не помню, писемъ Невзоровыхъ раскаятель-

ныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ; да еще столькихъ же, помнится, отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находилъ дѣйствіе меланхаліи. Писемъ ихъ я не хранилъ и все тратилъ. И еще вспомнилъ, что при отправленіи ихъ накрѣпко подтверждалъ имъ, не дѣлать въ чужихъ краяхъ никакихъ масонскихъ знакомствъ и сообщеній, а говорилъ имъ, что возвратный путь ихъ сюда можетъ быть учрежденъ черезъ Берлинъ; гдѣ они, можетъ быть, будутъ приведены въ дальнѣйшія степени и нѣсколько будутъ упражняться въ орденской химіи; однакожь, оставя сіе, по окончаніи ихъ курсовъ, а паче по желанію ихъ писалъ, чтобъ они ѣхали возвратно въ отечество, не указывая имъ пути и предоставляя оный ихъ разсужденію, посылая имъ денегъ на дорогу. Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года, точно не помню, получилъ отъ нихъ письмо, извѣщающее меня о готовности ихъ отправиться въ Россію и о томъ, чтобы къ нимъ уже болѣе не писать. И съ того времени не получалъ отъ нихъ ни строчки, не зная, гдѣ они находятся. Симъ искреннѣйшимъ признаніемъ открывъ причины отправленія отъ насъ сказанныхъ въ семъ вопросѣ, сюда донесу, что касательно до формы, учрежденной для выѣзда за границу, то оная при выѣздахъ всѣхъ оныхъ, сколько мнѣ извѣстно, соблюдена. Какъ Шварцъ ѣздилъ, того я обстоятельства не знаю; но Шредеръ получалъ паспорты отъ правленія здѣшняго. Кутузовъ, имѣющій деревни въ Костромѣ, получалъ, помнится, отъ генералъ-губернатора костромскаго и вологодскаго. О студентахъ же публиковано было въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, какъ объ отъѣздѣ, такъ и о мѣстѣ жилищъ ихъ здѣсь въ Москвѣ, и они поѣхали съ надлежащими отъ правительства пассами.

На 16-й. Подтверждая при семъ сказанное мною относительно къ сей особѣ прежде, въ сихъ отвѣтахъ моихъ прибавлю, еще, что о посылкѣ книгъ къ ней черезъ Бажанова Новиковымъ, слышалъ отъ сего послѣдняго. О книгѣ арндтовой вѣрно, о книгѣ самопознанія Іоанна Масона, помнится, также; и еще помню, что въ одно время, когда Баженовъ отъѣзжалъ въ Санктпетербургъ, то Новиковъ, собираяся послать

съ нимъ книгу *Таинство креста*, помнится на французскомъ языкѣ, совѣтовался со мною, можно ли ее послать, по слѣдущей причинѣ: въ книгѣ сей въ одномъ мѣстѣ сказано à peu près такъ: «хотя установленія братьевъ Розоваго Креста и есть хорошее изобрѣтеніе, однакожь истинная школа есть школа существеннаго креста Іисусъ Христова» и проч. — То Новиковъ говорилъ, что де сіе можетъ представить оной извѣстной особѣ институтъ нашъ недостойнымъ уваженія, а потому и къ намъ, когда провѣдаетъ, что мы во ономъ, никогда не будетъ имѣть благоволенія. На сіе отвѣтствовалъ я, что если книга хороша, то причина оная недовольна къ посылкѣ ея: ибо должно желать любви къ истинѣ, а не къ формамъ и лицамъ. Онъ, помнится мнѣ, рѣшился послать, но послалъ ли не помню, какъ и того, какія именно книги посылалъ Новиковъ и когда точно. Также и посредства кромѣ Бажанова никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разъ говоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ, и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобъ когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видъ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнолюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особѣ быть въ возможности, благоволеніемъ оныя, существенно пользовать насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрноподданныхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относитель-

но къ извѣстной оной особѣ. Впрочемъ искренно же и свѣдомое многимъ изъ бывшаго сообщества нашего доиску, что въ послѣдніе годы сей Николай Новиковъ весьма неискренъ былъ со мною, и между нами была, примѣченная многими, холодность, а только по бывшимъ между нами, такъ называющимся, орденскимъ связямъ оставалось нѣкоторое дружелюбіе и благопристойность хранилась.

На 17-й. Книга сія, какъ мнѣ помнится лѣтъ девять или восемь тому назадъ выписана изъ Лейпцига. Переводилъ ее Багрянской, а съ переводомъ читали оригиналъ и исправляли, готова къ печатанію, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутузовъ, Тургеневъ, Новиковъ и я.

На 18-й. Въ типографіи, подъ моимъ именемъ бывшей, печатана книга *о духовной гордости*,— а таковой *о народной* мнѣ неизвѣстно. Вышесказанная знаю, что переведена, а съ какого языка и кѣмъ подлинно не помню; цензировалась же она, конечно, полицейскою цензурою, подъ которою одною тогда всѣ были вольныя типографіи, въ числѣ коихъ и моя была.

Все сіе, сдѣланное въ отвѣтахъ моихъ, чистосердечное признаніе и показаніе дерзаю заключить поверженіемъ себя къ подножію престола Ея Императорскаго Величества съ полною готовностію вѣрнѣйшаго подданнаго всегда благоговѣйно чтить августѣйшую волю Ея. И всеуниженно прошу всемилостивѣйшаго прощенія во всемъ томъ, что имѣлъ несчастіе сдѣлать неугоднаго Ей. Что жь не имѣлъ никогда намѣренія къ тому, сему свидѣтель Всевышній сердцевѣдецъ. Сей Богъ и Спаситель мой да сохранитъ меня и отъ единаго помышленія таковаго до конца дней моихъ!

Не бывъ вчерась въ состояніи на память безъ справки точно именовать всѣхъ членовъ въ прочихъ губерніяхъ теоретическаго градуса ложъ, въ коихъ, какъ я и прежде сказалъ, только на конецъ и производились работы, кромѣ круговъ розенкрейцерскихъ, сегодня вручилъ имянной списокъ членамъ масонъ, мною подписанный, его сіятельству главнокомандующему въ Москвѣ и также представилъ ему и отдалъ всѣ бумаги, сколько у меня ихъ нынѣ было, содержащія въ себѣ упражненія ложъ, состоявшихъ подъ моимъ управленіемъ.

Еще съ сокрушеніемъ сердечнымъ, повергаяся къ освященнымъ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу матерняго помилованія. Обѣщаюсь разрушить всѣ, такъ называемыя, орденскія подчиненности мои, и никогда не входить ни въ какія собранія противныя или неугодныя монаршей волѣ Ея.

На другое утро писанія и подписанія мною послѣдняго вышеписаннаго, собираяся явиться къ его сіятельству г-ну главнокомандующему, по приказанію его, въ тотъ часъ только пришло мнѣ въ память, что есть у меня издавна поставленный сундукъ барона Шредера. Я получилъ оный запечатанный и запертой, какъ мнѣ сказывали, принеся; но я сего не осматривалъ, сундука того не уважалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ получилъ его, велѣлъ поставить въ одну палату изъ кладовыхъ въ домѣ моего отця, и не видалъ его, и что въ немъ находится, совсѣмъ не вѣдалъ; слышалъ же, что онъ интересовался объ томъ сундукѣ. И наипаче чистосердечно и вѣрноподданнически уважая требованіе отдачи мною всѣхъ могущихъ быть у меня бумагъ его, за долгъ почелъ донести его сіятельству и просить позволенія отдать ему сундукъ тотъ. Получивъ оное, привезу сей сундукъ къ нему въ таковомъ состояніи, въ каковомъ найду. При семъ, почитая за нужное, осмѣливаюсь еще сказать, что бумаги упражненій въ бывшихъ, какъ кругѣ розенкрейцерскомъ, такъ и прочихъ ложахъ вѣдомства моего представилъ; ни одной, изъ требуемыхъ отъ меня въ вопрошеніи бумагъ, касающихся до переписки иностранной, не утаилъ, какъ равно никакой важной, по силѣ оныхъ вопрошеній, и забвеніемъ не сокрылъ, въ томъ я увѣренъ. Но неувѣренъ, не можетъ ли найтися гдѣ у меня, въ разныхъ мѣстахъ, чрезъ многіе годы, кладеныхъ небрежно бумагъ, касающихся до разныхъ системъ масонства, въ числѣ коихъ считалъ я всегда и розенкрейцерство, бумагъ подобныхъ, родъ представленныхъ мною. Желая же при распросахъ, симъ чинимыхъ мнѣ именно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества всегда благоговѣйно—чтимой мною волѣ, сохранить всю строгость чистосердечія и откровенности, для полной очистки, просилъ бъ я осмотру, и ежели бы чувство отцелюбія не щадило бы дому отца, на смертномъ почти одрѣ ле-

жащаго, зрѣнія лишеннаго, при девятидесятилѣтней старости, котораго времени большая часть проведена имъ въ вѣрной службѣ Ея Императорскому Величеству, и провождается въ вѣрнѣйшемъ подданствѣ оному,—ежели бы не щадилъ я сего отца моего, котораго угасающая жизнь, жизнь весьма мнѣ драгоцѣнная, можетъ безвременно пресѣчься отъ единаго услышанія о гнѣвѣ на меня Твоемъ, Всемилостивѣйшая Монархиня, Мать, всегда мною не только вѣрноподданнически чтимая, но и любимая искренно! Государыня! я не злодѣй, и не только когда либо обращалось во мнѣ хотя единое помышленіе, противное счастливому подданству Тебѣ, благоутробнѣйшая Монархиня, но никогда ни упражнялся я въ томъ, гдѣ бы находилъ или даже подозрѣвалъ хота тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сего, дерзну сказать, Господь Спаситель и Богъ мой Іисусъ Христосъ, и печатлѣю сіе чистосердечнѣйшее признаніе мое слезами, не ропота и страха,— ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ Государыня, и ежели есть какая неизвѣстность въ числѣ отношеній сего дѣла, производимаго обо мнѣ, или какая клевета на меня существуетъ, то я увѣренъ, что все сіе исчезнетъ при благоутробнѣйшемъ и прозорливѣйшемъ воззрѣніи Твоемъ на все мое подробное и искреннѣйшее признаніе,—не таковыми слезами, Государыня, но слезами чувствительности сердца, не ощущающаго въ себѣ умышленныхъ преступленій противъ Тебя, Великая Государыня,— сердца, всегда исполненнаго вѣрнѣйшимъ подданствомъ къ тебѣ и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

18.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го августа указа, который удостоился я получить въ воскресенье, то есть 8-го августа, 10-го же числа призвавъ къ себѣ князя Николая Трубецкаго, по вложеннымъ отъ Вашего Величества пунктамъ, учинилъ допросъ, прибавя только во оный одного Карамзина, какъ оный былъ въ чужихъ краяхъ, и ихъ прежде общества. Но увидя изъ перваго допроса князя Трубецкаго, что онъ посыланъ былъ не отъ

нихъ, то въ послѣдующихъ исключилъ. А по полудни того же дня призванъ былъ не бригадиръ, а статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ, братъ же его Петръ, бригадиръ, въ отставкѣ; но сей хотя и введенъ былъ въ ихъ общество круговъ или ложъ, но во всѣ гнусные перевороты ихъ, сколько мнѣ извѣстно, не входилъ, а развѣ отъ нѣкоторыхъ былъ свѣдомъ; а посему сей статскій совѣтникъ Лопухинъ тожъ допрашиванъ былъ. За бригадиромъ Тургеневымъ въ среду, августа 11-го, отправилъ въ Симбирскъ, какъ я объ отъѣздѣ его всенижайше Вашему Императорскому Величеству 19-го іюля донесъ, флигель-адъютанта, который, надѣюсь, не замѣшкается пріѣхать прямо ко мнѣ, дабы ни съ кѣмъ прежде онъ не увидѣлся. А сихъ двухъ, спрашиванныхъ мною, допросы всенижайше здѣсь подношу. Кажется, Великая Государыня, отвѣты ихъ довольно искренни, но умалчиваютъ они объ отступленіи въ догматахъ вѣры, проповѣдуемой въ державѣ Вашего Величества. Тожъ не признаются во вредномъ намѣреніи или замыслахъ противу установленнаго въ россійской имперіи правительства, хотя я старался испытать изъ нихъ доказательствомъ тѣмъ, что, когда признаютъ они . . . . . великимъ мастеромъ, и вѣрятъ, что по власти . . . или вдохновенію управляетъ ими главный начальникъ, то какая можетъ власть между сею помѣщаться? Оба они врозь сказали . . . . : Трубецкой: какъ де это вѣрить? — то я сказалъ: на что жь сіе для обману употреблять? А Лопухинъ сказалъ, что де это иногда помѣщается въ письмахъ; а относительно управленія или главнаго начальника умолчалъ. А Трубецкой послѣ нѣкотораго молчанія умиленно сказалъ, что всѣ сіи вообще правила суть наши заблужденія. Спрашивалъ я ихъ также пріемлютъ ли они равенство людей. Трубецкой, отвѣчалъ онъ, шлется на бумаги, которыя я видѣлъ, что сего нѣтъ. То я вопрошалъ ихъ: что подчиненность ихъ неограниченная главному начальнику похожа на орденъ іезуитовъ? Онъ отвѣчалъ, что, читая книги, онъ самъ находитъ великое сходство; Лопухинъ сказалъ, что сему быть не можно, а въ разсужденіи сходности съ іезуитами, онъ этого не знаетъ. Наконецъ вопрошалъ я ихъ: что должны они признавать, что называютъ право человѣка? Оба

одинаково сказали, что до ложъ или круговъ ихъ относится, а не далѣе. И такъ ихъ оставя, болѣе къ отвѣту не принуждалъ, ибо они правды сказать не могли. Впрочемъ, Великая Государыня, судя по нихъ, они въ совершенномъ раскаяніи, а особливо князь Трубецкой, какъ то изъ допросовъ ихъ, Ваше Величество, замѣтить изволите. Относительно до содержанія ужасныхъ ихъ присягъ, какъ Всемилостивѣйшая Государыня увидѣть изволите, что Лопухинъ отрекся оныхъ, а послѣ, сводя отвѣты, призывалъ ихъ обоихъ къ себѣ и сказалъ Лопухину, что его показаніе противорѣчитъ князю Трубецкому, а паче въ семъ пунктѣ, и прочелъ ему отвѣтъ Трубецкаго. Онъ говорилъ Трубецкому: когда жь мы присягали? Сей помолчавъ, сказалъ, что имъ надо не оправдывать себя, но просить прощенья. Я за все таковое признаніе его похваля его, сказалъ, что не оставлю всеподданнѣйше и Вашему Величеству донести. Лопухинъ прибавилъ о присягахъ, съ половины допросу и онъ откровеннѣе отвѣчалъ и въ послѣдующіе дни свиданья со мной просилъ прибавлять объясненій. Пояснялся я, Всемилостивѣйшая Государыня, словесно съ ними и о начальникѣ ихъ герцогѣ брауншвейгскомъ (они не герцога владѣтельнаго признавали, но дядю его фельдмаршала, который не въ давнѣ скончался): какимъ образомъ по ихъ показанію отрекаются они отъ начальства его, а по бумагамъ ихъ подлинно сіе означаетъ? То они показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посыланъ въ Берлинъ, то Вельнеромъ принятъ въ Золото-розовый Крестъ; тогда жъ онъ былъ у герцога брауншвейгскаго, искалъ и принятъ былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти въ свѣтѣ ложъ онъ предсѣдательствовалъ, и на оной, какъ Ваше Величество изъ бумагъ замѣтить изволите, орденъ Тампліеровъ совсѣмъ отмѣненъ, съ прописаніемъ исторіи ихъ истребленья, и что ни одно правительство терпѣть ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отмѣнено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ Chevaliers bienfaisants или благотворительныхъ рыцарей. Вельнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога брауншвейгскаго и между собой не въ согласіи. По возвратѣ

Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институты; они, разсматривая оные, какъ и прежде бывшій орденъ Тампліеровъ, переданный имъ изъ Швеціи, оставили оный и благотворительныхъ рыцарей, а избрали орденъ Золото-розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вельнеру. Въ числѣ ихъ круговъ и Башефсвирдеръ. Князь Трубецкой просилъ у меня позволенія писать въ Берлинъ къ Кутузову о возвращеніи его сюда, но я сказалъ, чтобы онъ взялъ терпѣнье, о чемъ всеподданнѣйше испрашиваю Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія. Черезъ сутки, съ позволенія моего, чтобы собрать бумаги, Трубецкой оныя ко мнѣ привезъ, но я оставилъ ихъ на время у себя, дабы ихъ разобрать и въ порядкѣ доставить къ Вашему Императорскому Величеству. Между ими статуты всѣ оригинальные, въ числѣ оныхъ оригинальный же статутъ изъ Швеціи на орденъ Тампліеровъ, который онъ давно уже получилъ отъ князя Гаврилы Гагарина, и тогда, когда оный отказался отъ ихъ обществъ, а у него тожъ безъ дѣйствія лежалъ, будучи, какъ выше сказано, отмѣненъ. И тутъ же на восьмую степень золото-розовыхъ крестовъ институтъ, который получилъ князь Николай Трубецкой чрезъ барона Шредера, въ которую степень онъ Вельнеромъ признанъ, да онъ принялъ во оной брата своего князя Юрія. Выше жъ сей степени въ Россіи нѣтъ никого, а маговъ и совсѣмъ нѣтъ здѣсь и не было. Тутъ же находится патентъ, данный князь Николаю Трубецкому на здѣшнее начальство, который, какъ онъ сказываетъ, подписанъ имъ, Вельнеромъ, а другой кто подписалъ онъ не знаетъ; какъ и шифровъ въ семъ патентѣ, означающихъ, по ихъ исчисленію, годъ и число, разобрать не умѣетъ, то и считаетъ, что другой подписатель есть девятой уже степени магъ. Письма Кутузова успѣли уже разсмотрѣть, но въ нихъ примѣчанья нѣтъ достойнаго; въ одномъ шифратѣ упоминается о Вельнерѣ и Дебаскѣ, то я ему во ономъ велѣлъ переложить шифры; онъ нашелъ ихъ 7-й степени розоваго креста и переложилъ внизу обыкновеннымъ письмомъ, которыя письма при семъ всенижайше Вашему Величеству и подношу. Оныя всѣ давнія, а писемъ въ правленье мое уже здѣсь, хотя оныя мнѣ извѣстны, не доставилъ. А вчерашній день и Лопухинъ имѣющіяся у него

бумаги доставилъ, которыя также нужно разобрать; а сегодня доставитъ и упоминаемый въ допросахъ сундукъ барона Шредера. Не разсудилъ я ожидать пріѣзда бригадира Тургенева, а, оконча все съ ними и видя ихъ раскаянье, объявилъ имъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, чтобы они во отдаленіи отъ столицъ ѣхали въ деревни, не выѣзжая изъ той губерніи, и впредь бы не отваживались въ расколъ свой кого привлекать, подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія. Князь Трубецкой спрашивалъ меня — кому онъ сдастъ мѣсто своего главноприсутствія при остаточномъ казначействѣ. Я сего рѣшить былъ иначе, Всемилостивѣйшая Государыня, не въ состояніи, какъ о томъ всеподданнѣйше испросить у Вашего Императорскаго Величества указа; а между тѣмъ по просьбѣ его, какъ подлинно жена у него больна, и для учрежденія его дѣлъ, позволилъ я ему остаться, не болѣе однакожь десяти дней.

Статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ назначилъ пребываніе свое въ деревнѣ отца его, о которомъ упоминаетъ и въ отвѣтахъ своихъ, генералъ-поручика Лопухина, въ орловскомъ намѣстничествѣ, кромской округи въ селѣ Воскресенскомъ, Литежи тожъ. И просилъ тожъ пробытія здѣсь нѣсколько дней, болѣе для того, чтобы найтить съ пристойностію отцу его о семъ объявить, какъ извѣстно и Вашему Императорскому Величеству, что онъ около девяноста лѣтъ и потерялъ зрѣнье уже нѣсколько лѣтъ, то чтобъ сохранить его здоровье; паче, что онъ весьма огорчится, что сынъ его могъ быть преступникомъ и заслужить гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, а между тѣмъ и учредить дѣла его; то я также позволилъ для исполненія сего пробыть ему здѣсь въ городѣ не болѣе десяти дней. При допросѣ Лопухина изволите найти, Ваше Величество, черную, писанную его рукой, бумагу, какъ отъ начальства онъ повелѣвалъ въ подчиненные ему круги беречься иллюминатовъ. Я хотя ему сказывалъ, что оная напрасно; ибо какъ тѣ иллюминаты атеисты, а они иллюминаты законники, а притомъ, что я не могу сказать, кому дать преимущество для пользы государственной фанатику или атеисту; но по усильной его просьбѣ позволилъ оное уже приложить.

Осмѣливаюсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству мнѣніе мое сказать о дѣтяхъ малыхъ сихъ мартинистовъ, что они ихъ воспитываютъ въ тѣхъ же правилахъ, что и отношу на Высочайшее Вашего Величества разсмотрѣніе.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

19.

Вопросные пункты бригадиру Тургеневу.

1-е. Хотя и не могу я отговариваться невѣдѣніемъ о запрещеніи всякаго рода сборищъ, братствъ и тому подобнаго, но, почитая по заблужденію своему ихъ исключительными изъ сего названія и не находя ихъ вредными, ходилъ въ нихъ и въ томъ милостиваго дерзаю испрашивать прощенія и отпущенія. Наконецъ сборища сіи были такъ малочисленны, что я не думалъ, чтобъ они могли произвести неудовольствіе; а съ сихъ поръ вѣдая, что и они неугодны, то въ нихъ и ходить не буду, ежели бы они гдѣ и были. Цѣль сихъ сборищъ моя была та, чтобъ быть съ пріятелями вмѣстѣ и говорить о чемъ-нибудь, до учености касающемся; приглашалъ же я весьма немногихъ и то въ томъ же намѣреніи, чтобъ упражняться въ учености, а не въ другомъ какомъ, въ чемъ готовъ дать всевозможное подтвержденіе.

2-е. Особенной переписки я не имѣлъ ни съ кѣмъ, ниже съ симъ герцогомъ и министромъ Вельнеромъ и съ принцомъ гессенъ-кассельскимъ. Что жь принадлежитъ до изобрѣтенія шифровъ, то мы ихъ не выдумывали, а получили вмѣстѣ съ градусами. Для того вступилъ въ сію переписку, что по совѣсти моей не находилъ я противнаго законамъ, для сего самаго и продолжаема нѣсколько она была. Вѣдали о сей перепискѣ князья Юрій Никитичь и Николай Никитичь Трубецкіе, Иванъ Владиміровичь Лопухинъ и прочіе нѣкоторые, а кто именно — теперь не помню, потому что сіе было давно. Письма пересылаемы были большею частію чрезъ почту, а еще, помнится мнѣ, привозилъ ихъ Шварцъ.

3-е. Герцогу брауншвейскому неограниченнаго повиновенія я не обѣщевалъ никогда, а въ зависимости его были на нѣкоторое время и здѣшнія тожь нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, и не была. Мы желали и просили герцога, чтобъ здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе исполнено и здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь, а вошли въ знакомство съ Вельнеромъ чрезъ покойнаго Шварца. Зависимость, въ какой мы были съ герцогомъ, почиталъ я не тою зависимостію и не тѣмъ повиновеніемъ, коимъ я обязанъ законному своему Государю, а просто зависимостію масонскою или дружескою. Правда, что писалъ отсюда князь Трубецкой и я о семъ вѣдалъ, что насъ здѣсь подозрѣваютъ, только о семъ было писано къ Вельнеру, а не къ герцогу. Жалобу сію я не почиталъ жалобою противу правительства Россіи, а извѣщеніемъ, каковое бываетъ отъ пріятеля къ пріятелю о его обстоятельствахъ. Обязательствы, въ коихъ я находился, считалъ я обязательствами такими, какія существуютъ между учеными и учителями, и потому думалъ, что они непозволенными назваться не могутъ. Въ обязательства же политическія я не входилъ, да сего и не требовалось отъ меня никогда. Естьли жь бы когда и потребовались, то бы я вѣрно рѣшительно отказался. О томъ, что здѣсь насъ подозрѣваютъ быть мартинистами, писалъ князь Николай Никитичь Трубецкой, а я и прочіе нѣкоторые о о семъ вѣдали и онъ писалъ съ нашего согласія. Вѣдали о семъ еще князь Юрій Никитичь, Иванъ Владимировичь Лопухинъ, Семенъ Ивановичь Гамалѣя.

4-е. Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобъ всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ и съ Новиковымъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ о перепискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вред-

наго въ семъ дѣлѣ предпріятія я въ душѣ моей не имѣлъ; а въ томъ, для чего мы о семъ и говорить и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною сею особою, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалѣя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи. Посему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли и Новикову отсовѣтывали и потомъ о семъ мы отъ Новикова и Баженова ничего не слыхали.

5-е. Сей бумаги, писанной архитекторомъ Баженовымъ, я не читалъ и выписки, сдѣланной Новиковымъ, я не бралъ и мнѣ ее не давалъ никто. Причиною же тому, что я не видалъ сей бумаги, могло быть мое отсутствіе изъ Москвы въ деревню, продолжавшееся полтора года, а потомъ рѣдкое мое свиданіе съ Новиковымъ, съ которымъ сколь прежде, тому лѣтъ пять, я часто видался, столь въ теченіи нынѣшнихъ двухъ лѣтъ съ половиною я бывалъ съ нимъ рѣдко, а того меньше говаривалъ о какихъ-либо дѣлахъ. Впрочемъ о вредномъ и вымышленномъ враньѣ я не слыхалъ, да и Новиковъ уже со мною, такъ какъ и съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ съ нѣкотораго времени не сталъ откровененъ. Переслана ль была та бумага къ Кутузову, я не знаю; у кого сія бумага была или есть, я не видалъ и у себя не имѣю, и ходила ль она по рукамъ, я не вѣдаю.

6-е. Въ нашихъ сборищахъ епископовъ не было, епархіевъ также у насъ не было. Храмомъ мы разумѣли всякое наше собраніе, слово жертвенникъ также было въ употребленіи. Ввели сіи вещи, принявъ градусы, въ коихъ они употребительны, ибо, работая по градусу, нельзя было не употреблять и словъ, въ немъ принятыхъ. А что мы приняли градусы безъ дозволенія правительства, въ томъ признаю себя виновнымъ и молю о милостивѣйшемъ прощеніи. Что жь касается до міропомазанія, то мы не принимали сіе за то, которое употребляется яко таинство въ нашей православной церкви, а почитали обрядомъ, который означаетъ тотъ рецептъ, по коему приготовляются сіи благовонныя вещи, изъ коихъ миро или масло составлено. Подобно сему и обрядъ омовенія, употребляемый въ нѣкоторыхъ масонскихъ принятіяхъ, я никогда не считалъ крещеніемъ, а обря-

домъ, изображающимъ очищеніе отъ пороковъ, принимая сіе въ аллегорическомъ смыслѣ. У насъ было въ употребленіи слово *капитель* и означало ложу высшую, а слово *епархія* въ употребленіи не было.

7-е. Въ сборищахъ нашихъ дѣлали мы присягу предъ евангеліемъ, а креста не было. Содержаніе сихъ присягъ, понеже они хотя разныя, одинаково; однакожь по своему существу въ нихъ именно требовалось быть повиновеннымъ и вѣрнымъ Государю и потому тѣмъ охотнѣе я на сію присягу соглашался. Говорится у насъ, что тайну ордена не открывать никогда и никому; но какъ я сей тайны еще не получилъ, то и обязательства сего не давалъ. А что въ уставѣ масонскомъ сказано, чтобъ повиноваться великому мастеру во всемъ, то сіе принимаемо было аллегорически, понеже градусы всѣ исполнены аллегоріею и здѣсь великій мастеръ есть тоже, что вселенныя строитель. Мы же надъ собою политическія власти постороннія въ масонствѣ не признавали и не признаемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ принимаемъ власть государскую. Впрочемъ мастеръ или начальникъ въ масонствѣ есть только учитель или наставникъ, а отнюдь не властелинъ. Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, да и связь сію мы не уважали, и я тожь; а держались связи Вельнеровской, считая ея полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ. Повиновеніе правительству мы не отрицали, а подтверждали, вѣря всею душою, что повиновеніе государю важно, свято и необходимо нужно и полезно. Подтвержденіе сей обязанности тѣмъ казалось намъ нужнѣе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ и утверждаетъ ту присягу, которую мы сдѣлали яко граждане. Вотъ виды и намѣренія наши. Хотя же и былъ я принятъ въ 4-ю степень Розоваго Креста, но въ показаніе моего откровеннаго признанія объявляю, что существенныя тайны орденскія я не получилъ, понеже не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ и снискать преподаемое въ нихъ ученіе. Ученіе же сіе состоитъ въ снисканіи великаго таинства или magisterium, кое только тотъ получитъ, кто удостоится чрезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть. А

посему и тайну ордена сей одинъ только въ существѣ ея знать можетъ, а потому и присягу давать на вытерпленіе пытки онъ одинъ въ состояніи, а съ меня такого обязательства не требовалось.

8-е. Орденъ Розоваго Креста, по мнѣнію моему, значитъ сіе: роза означаетъ невинность, а колкость ея ту трудность, которую употреблять должно для сохраненія сей добродѣтели. Крестъ значитъ самую сію трудность и протчія неудобствы, коимъ бываютъ подвержены хотящія сохранить невинность нравственную. Въ томъ, что сей орденъ и орденъ св. апостола Андрея, или шотландской у насъ называемый, мы дерзнули возлагать на себя, на нашихъ товарищей, въ томъ во всемъ прошу милостивѣйшаго прощенія и извиненія. Возлагали же мы украшенія сіи на себя и товарищей нашихъ для того, что такъ предписывалось нашими обрядами.

9-е. Товарищи наши Розоваго Креста, сколько теперь помню: князь Николай Никитичь и князь Юрій Никитичь Трубецкіе, Михайло Матвѣевичь Херасковъ, Семенъ Ивановичь Гамалѣя, Осипъ Алексѣевичь Поздѣевъ, Иванъ Владимеровичь Лопухинъ, Николай и Алексѣй Ивановичи Новиковы, докторъ Френкель, профессоръ Чеботаревъ, Чулковъ, князь Алексѣй Черкасскій, Кутузовъ, докторъ Багрянскій, а прочихъ не упомню, также и кто носитъ крестъ шотландскій, не упомню. И сіе пишу сущую правду и желаю во всемъ искренно признаться.

10-е. На продажу книгъ послѣ запрещенія я согласенъ не былъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны не на продажу, а для тѣхъ, кои были въ нашей связи, да и то такія, кои по мнѣнію моему тогдашнему не были противны правительству и церкви. Но какъ и сіе не извиняетъ, то, признавая вину свою, припадая къ стопамъ милосердія, прошу милостиваго отпущенія. При осмотрѣ я никакихъ книгъ не скрывалъ и въ деревню къ князю Черкасскому отвезены были не тѣ книги, кои были печатаны для продажи, а тѣ, кои для знакомыхъ, но и въ семъ далекъ я себя оправдывать и паки прошу милостиваго прощенія.

11-е Сколько мнѣ извѣстно, установлены были наши сборища въ Орлѣ, гдѣ и нынѣ существуетъ подъ управленіемъ

тамошняго губерватора; въ Симбирскѣ я учредилъ, подъ надзираніемъ бывшаго тамъ вицъ-губернатора Голубцова, но она рушилась и теперь тамъ не собираются. А и собиралась дожа сія только нѣсколько разъ въ нѣсколько лѣтъ. Ежели бъ имѣлъ я списки требуемые, я бы при семъ ихъ представилъ, но у меня ихъ нѣтъ. Есть еще ложа въ Петербургѣ, какъ мнѣ извѣстно, подъ начальствомъ Лѣнивцова, но кто ее составляетъ, списка у меня нѣтъ. Была а, можетъ быть, и теперь есть ложа въ Могилевѣ подъ начальствомъ Веревкина, но, какъ я давно не видалъ директоріальныхъ бумагъ, то и не знаю, существуетъ ли оная. Есть ложа въ Вологдѣ; а есть ли гдѣ еще, то сказать безъ бумагъ не могу. Искренно желалъ бы все сказать, но не помню.

12-е. Особенной переписки въ чужіе краи съ Шварцомъ, барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ я не имѣлъ. Правда, что къ Кутузову въ нѣсколько лѣтъ написалъ и я письма три, но ничего по нашей связи важнаго не писалъ, а только увѣдомлялъ его о своемъ лицѣ и отъ него не получилъ, кромѣ извѣщеній о его здоровьѣ. Буде что скрываю и здѣсь, то подвергаюсь сужденію, сказанному здѣсь. О сей же перепискѣ я вѣдалъ отъ князя Трубецкаго, который и имѣлъ ее.

13-е. Отдѣленіе нѣсколькихъ становъ на печатаніе нѣсколькихъ особенныхъ книгъ не для продажи, а съ тѣмъ, чтобъ давать ихъ читать нашимъ знакомымъ, было дѣлано для того, чтобъ не сдѣлать сіе печатаніе публичнымъ. Книги сіи какъ я, такъ и мои товарищи не почитали вредными, для того ихъ и печатали. Кто именно къ сему отдѣленію печатанія былъ опредѣленъ, я не знаю, понеже сіе возложено отъ насъ было на Новикова. Знаю только, что и иностранцы употребляемы были да и русскіе при семъ отдѣленіи были жь. И въ семъ показаніи сказалъ я самую истинну и во всемъ прочемъ желаю быть и есмь откровененъ.

14-е. Сей секретарь Кочубѣевъ былъ принятъ въ масоны Гамалѣею; при его же принятіи особенныхъ видовъ не было и отнюдь не въ семъ намѣреніи, чтобъ что либо отъ него свѣдать, онъ былъ принятъ. И въ семъ показываю сущую правду.

15-е. Причины отправленія въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова тѣ только, чтобъ они лично были знакомы съ тамошними масонами, дабы яснѣе могли намъ переносить все, касающееся до масонства и учебной онаго части. Отправленіе студентовъ имѣло въ виду ихъ, яко воспитанниковъ нашихъ, пользу и пользу общественную. Отправлено было всѣхъ студентовъ въ разныя времена трое. изъ коихъ одинъ возвратился докторомъ, а тѣ получили тамъ въ университетахъ голландскихъ докторское званіе. Наставленія имъ отъ общества нашего дано не было, и отправляли ихъ не общество, а нѣкоторые изъ насъ на свой коштъ. А именно двухъ: Невзорова и Колокольникова Иванъ Владимеровичь Лопухинъ, а третей, то есть Багрянскаго,—Новиковъ. Увѣдомленіевъ отъ нихъ никакихъ получаемо не было, а писывали они къ тѣмъ, кто ихъ отправлялъ. Выѣзжали изъ государства Шварцъ, баронъ Шредеръ и студенты, получая паспорты по указамъ, гдѣ надлежало. Такъ какъ въ орденѣ происходитъ молчаніе или такъ называемый *силанумъ* и намъ не хотѣлось, чтобъ Кутузовъ, не дождавшись конца сего *силанума*, выѣхалъ и, надѣясь притомъ, что онъ скоро кончится по увѣренію тамошнихъ знакомыхъ, то и рѣшились мы удержать Кутузова въ Берлинѣ. Денегъ пересылалъ князь Николай Никитичь Трубецкой и Иванъ Владимеровичь Лопухинъ, сколько я знаю, свои собственныя.

16-е. Сей особѣ пересланы были книги, какъ мнѣ сказывалъ Новиковъ: *Іоанна Арндта*, О *подражаніи Іисусу Христу*, *Избранная библіотека* и еще какія не знаю, понеже не я отправлялъ. Брался ихъ вести Баженовъ, въ которомъ именно году, не помню.

17-е. О сей книгѣ *) еще мы вѣдали отъ покойнаго барона Рейхеля; переводилъ ее съ французскаго докторъ Багрянскій, а съ нѣмецкимъ сличалъ я съ Кутузовымъ.

18-е. Я не видалъ никогда печатанной въ нашей типографіи книги подъ названіемъ: *О народной гордости*. А была печатана книга: *О гордости духовной*, но кто ее ценсировалъ или переводилъ и сочинилъ, не вѣдаю. Что жь касается до

*) Таинство Креста.

бумагъ, то, слыша уже многія разглашенія о масонствѣ, я ихъ частію сжегъ, частію изодралъ и теперь у меня, кромѣ нѣкоторыхъ масонскихъ разныхъ градусовъ, нѣтъ, которыя я обязуюсь прислать къ его сіятельству господину генералъ — аншефу и главнокомандующему въ Москвѣ. Впрочемъ, дерзая призывать имя божіе въ истиннѣ показаннаго и также и въ томъ, что я никогда не имѣлъ намѣренія дѣлать что-либо неугодное Ея Императорскому Величеству, Всемилосердой нашей Государынѣ, признавая же однако себя неправымъ, но виннымъ, понеже не въ точности исполнилъ то, чтобъ могъ исполнить, ежели бъ былъ осторожнѣе и разсудительнѣе: и для того осмѣливаюсь пасть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и просить милостиваго монаршего прощенія и отпущенія, обѣщаясь впредь отнынѣ ни въ какія ордена сего связи не входить и тѣ, въ кой я вошелъ, оставить, однимъ словомъ: все то исполнить, что по лучшему разумѣнію моему вижу, что есть угодно великой Монархинѣ. Съ полнымъ увѣреніемъ на великія милости и благоутробіе монаршее дерзаю паки просить оставленія.

20.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По времени сколько могъ я разобрать бумаги, изъ нихъ часть всеподданнѣйше представляю здѣсь Вашему Императорскому Величеству: 1-е присланный изъ Швеціи весь обрядъ и исторію тампліеровъ; 2-е осьмую степень золото-розовыхъ крестовъ, которой въ бумагахъ Новикова нѣтъ; въ ней изволите, Всемилостивѣйшая Государыня, усмотрѣть, что тутъ уже употребляется одежда духовная; 3-е патентъ князю Трубецкому на здѣшнее начальство. О сихъ трехъ бумагахъ я Вашему Величеству въ предъидущемъ моемъ отправленіи отъ 14 числа сего мѣсяца упоминалъ, что сіи бумаги получены отъ князя Трубецкаго. Да изъ бумагъ, полученныхъ отъ Ивана Лопухина, большою частію все казаньи, говоренныя въ кругахъ или ложахъ ихъ, въ томъ числѣ и въ Орлѣ. А между сими есть развратное ихъ положеніе или понятіе объ Адамѣ, то оное здѣсь же всенижайше Вашему Величеству подношу,

а по препорціи ихъ разбору буду по частямъ всеподданнѣйше къ Вашему Величеству отправлять; незначущія жь или которыя уже есть въ бумагахъ Новикова оставлю у себя.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

Августа 23 дня 1792 года
Петровскій дворецъ.

21.

По всеподданнѣйшимъ реляціямъ моимъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно объ отобранныхъ книгахъ, по слѣдствію Новикова, въ лавкахъ и въ его деревнѣ, прежде запрещенныхъ 3000, да вновь безъ позволенья по секретнымъ станамъ напечатано 3000. Послѣднія пересматриваются заиконоспасской академіи Ректоромъ и церкви Трехъ Святителей протопопомъ. И хотя не могли они окончить всѣхъ осмотромъ; но между тѣмъ попалась книга подъ названіемъ *Новое начертаніе истинныя теологіи.* Въ первомъ томѣ мистика, но противная проповѣдыванію церкви нашей; во второмъ касается уже до гражданскаго правительства, чтобы по заведеніи новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику. Я при семъ всеподданнѣйше оную книгу и цензорово замѣчаніе подношу. Но любопытенъ я былъ свѣдать, сочиненье то или переводъ. Я спрашивалъ приватно Ивана Лопухина. Онъ меня увѣрилъ, что переводъ съ французской книги князь Николаемъ Трубецкимъ. Когда и прочимъ книгамъ окончится цензура, то я по одному экземпляру отъ каждаго сочиненья съ замѣчаніями цензоровъ всеподданнѣйше поднесу Вашему Величеству, а прочія, какъ и прежде отобранныя, и находящіяся въ конторѣ Св. Синода истребить. Надобностію сіе почиталъ покойный прокуроръ Гурьевъ: «какъ де онѣ лежатъ въ архивѣ и, можетъ, не усмотрится, кто оттуду по нѣскольку экземпляровъ вынетъ». То и просилъ меня, когда о истребленіи книгъ послѣ отобранныхъ, я буду всенижайше докладывать Вашему Императорскому Величеству, чтобы и объ

оныхъ Вашему Величеству доложить. Отобраны у доктора, что съ Новиковымъ, три банковыя облигаціи на 100,000 руб., надлежащія Походяшину. Я въ свое время писалъ къ тайному совѣтнику Шешковскому, чтобъ Вашему Величеству доложилъ, куда мнѣ ихъ отдать; но онъ за болѣзнію не докладывалъ: то всенижайше и испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, куда мнѣ ихъ отдать?

Увѣдомлялъ меня также Шешковскій, что Ваше Величество всемилостивѣйше пожаловали командѣ, бывшей при Новиковѣ, годовое жалованье; но я указу не имѣю. А онъ тожь сказываетъ, что за болѣзнію не имѣлъ случаю Вашему Величеству доложить. А къ тому осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать награжденія за усердіе и вѣрность совѣтнику Уголовной Палаты Олсуфьеву,—который всѣ бумаги отыскалъ, и Новиковъ отдавалъ ему все имѣніе, но онъ пристойно какъ дворянинъ ему отвѣтствовалъ,—владимірскимъ орденомъ 3-го или 4-го класса, какъ въ Сенатъ я по сей матеріи представить не могу.

Домы Новикова запечатаны, какъ о семъ по всеподданническимъ моимъ реляціямъ Ваше Величество извѣстны. А въ одномъ изъ оныхъ двѣ иностранныхъ книгъ библіотеки; хотя каталоги сдѣланы, но неосновательны. То не угодно ли будетъ повелѣть ихъ разсмотрѣть и годныя, принадлежащія до богословіи, отдать въ Заиконоспасскую академію, а прочихъ матерій въ университетъ, а вредныя тожь истребить.

По опраздненіи домовъ отъ библіотекъ не повелите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣ домы продать и куда деньги употребить, или отдать въ вѣдомство опеки надъ дѣтьми и имѣніемъ Новикова, опредѣленнымъ опекунамъ вышеупомянутому совѣтнику Олсуфьеву и брату Новикова?

22.

Князь Александръ Александровичь!

По поданному отъ Васъ представленію повелѣваемъ: 1) хранящіяся въ конторѣ Синодальной забранныя въ деревнѣ Новикова и въ лавкахъ 3000 запрещенныхъ книгъ и вновь секретно напечатанныхъ до трехъ же тысячъ предать огню всѣ

безъ изъятія, не взнося и къ намъ экземпляровъ; 2) равнымъ образомъ по внимательномъ разборѣ и разсмотрѣніи двухъ иностранныхъ библіотекъ, находящихся въ одномъ изъ домовъ Новикова, вредныя во оныхъ книги всѣ истребить, а изъ полезныхъ богословскія отдать въ Заиконоспасскую академію, прочія же въ университетъ; 3) о помянутыхъ домахъ, за Новиковымъ считающихся, справиться достовѣрнѣйшимъ образомъ, собственные ли они его или общественные; въ первомъ случаѣ слѣдуетъ оные отдать въ вѣдомство опеки дѣтей Новикова; но въ послѣднемъ поступить оные должны въ распоряженіе Приказа Общественнаго Призрѣнія; 4) объ отобранныхъ у бывшаго при Новиковѣ доктора облигаціяхъ на 100,000 рублей, Походяшину принадлежащихъ, изслѣдовать съ точностію, когда и на что именно они даны и что окажется, Намъ донести, дабы по тому могли Мы изъявить волю нашу о употребленіи ихъ. 5) Совѣтнику уголовной палаты полковнику Олсуфьеву за службу его Всемилостивѣйше пожаловали мы орденъ св. Владиміра четвертыя степени, а командѣ, при Новиковѣ бывшей, указали выдать годовое жалованье. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

11 февр. 1793 года. С.-Петербургъ.

23.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, собравъ вчерашній день въ уголовную палату московскихъ книгопродавцевъ, принужденныхъ оною къ разнымъ наказаніямъ за продажу и имѣніе въ лавкахъ запрещенныхъ книгъ, въ присутствіи моемъ при собраніи членовъ палаты, при вице-губернаторѣ, оберъ-полиціймейстерѣ и губернскомъ прокурорѣ, приказалъ прочесть имъ, кто къ какому наказанію по законамъ приговоренъ, и потомъ объявилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, что Ваш Величество для рожденія великаго князя Николая Павловича всемилостивѣйше ихъ простить соизволили, что приняли они чувствительнѣйшимъ образомъ и, возсылая со слезами проше-

ніе къ Богу о продолженіи здравія Вашего Императорскаго Величества и Великаго Князя Николая Павловича, просили меня объ ономъ представить Вашему Императорскому Величеству и имъ позволить о здравіи Вашего Императорскаго Величества и В. К. Николая Павловича принести Всевышнему во храмѣ Его молебствіе, что имъ позволивъ, всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ ономъ доношу.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *М. Измайловъ.*

10 Іюля 1796 года

24.

О дѣтяхъ и объ имѣніи порутчика Николая Ивановича Новикова.

Дѣтей онъ имѣетъ: 1-го сына Ивана 10 лѣтъ, который записанъ лейбъ-гвардіи въ измайловскій полкъ сержантомъ и отпущенъ въ домъ для обученія наукъ съ паспортомъ, гдѣ онъ и находится; двухъ дочерей Варвару 9 лѣтъ и Вѣру 5 лѣтъ, которыя также здѣсь въ Москвѣ въ домѣ его находятся.

Имѣніе онъ собственное имѣетъ:

1-е. Въ московской губерніи въ никитскомъ уѣздѣ село Тифинское, Авдотьино тожь, въ коемъ по послѣдней переписи мужеска пола 138 душъ; изъ того числа мнѣ, брату его, принадлежащихъ мужеска пола 8 душъ.

2-е. Въ орловской губерніи мценскаго уѣзда сельцо Вишневецъ, въ коемъ 114 душъ.

Имѣніе съ товарищами вообще:

1-е. У Никольскихъ воротъ домъ каменный, купленный на имя его, Николая Ивановича.

2-е. У Сухаревой башни домъ каменный, купленный на имя бывшихъ членовъ типографической компаніи г. генералъ-поручика и кавалера князя Юрья Никитича Трубецкаго, бригадировъ Петра Владиміровича Лопухина, Василья Васильевича Чулкова, мое и надворнаго совѣтника Семена Ивановича Га-

малѣя, въ коемъ домѣ нынѣ Спасская аптека и типографія компаніи типографической.

Самая оная типографія, со всѣми инструментами, матеріалами и книгами какъ въ семъ домѣ, такъ и въ вышеупоминаемомъ Никольскомъ находящимися. Самая оная Спасская аптека со всѣми матеріалами, посудою и инструментами, къ ней принадлежащими.

Вышесказанное имѣніе съ товарищами общее разумѣю я немногимъ товарищамъ принадлежащее, ибо типографическая компанія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1791 года по общему согласію оной членовъ разрушена; а имѣніе, всѣмъ общее, и долги сданы Николаю Ивановичу, который вступилъ въ особое товарищество съ г. маіоромъ Григорьемъ Максимовичемъ Походяшинымъ, получа отъ него на оплату долговъ нѣкоторую сумму деньги, а сколько именно, то мнѣ неизвѣстно. Но за воспослѣдовавшими обстоятельствами не могъ своей съ нимъ сдѣлки привести къ окончанію.

Надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ.

ЗАПИСКА И. Г. ШВАРЦА

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НЕМУ И. И. МЕЛИССИНО [1]).

Die Härte und Ungerechtigkeit, womit ich schon seit einiger Zeit von Sr. Excellenz dem Hbr. Curator von Melissino behandelt werde hätte mich schon längst genöthiget bey Sr. Excellenz dem Hb. Oberkammerherrn von Schuwalow, als dem ersten Curator und Stifter der Universität, Hülfe zu suchen.

Da ich aber glaubte dadurch mehr Erbitterung zu verursachen und die Ruhe und den für das Beste der Universität so nöthigen Frieden zwischen deren Chefs hiedurch vieleicht mehr zu stöhren so tröstete ich mich mit der Hofnung Unschuld und Wahr-

---

[1]) Печатаемъ эту записку съ черноваго автографа Шварца. Она была писана для представленія И. И. Шувалову. *Ред.*

heit siegt doch zulezt und es ist besser Unrecht leiden, als Unrecht thun.

Da ich aber jetzund sehe, dass man keine Verläumdung zu schwarz, kein unerlaubtes Mittel zu niedrich gefunden, und dass, wenn ich schweige, Seine Excellenz in einem der Universität höchst schändlicherm Irthume verbleiben, auch nicht nur ich entehrt, sondern auch eine ganze Gesellschaft redlicher und wohlthätiger Männer beleidigt und in falsches Licht gesetzt sind: so sehe ich mich gezwungen zu meiner Entschuldigung und Vertheidigung zu schreiben.

Da ich aber so unglücklich bin directe und indirecte von einigen Personen, die ich das Unglück hatte zu beleidigen, bey Sr. Excellenz dem Hbr. Curator Schuwalow so, angeschwärzt zu werden, dass ich voraussehe nicht Glauben zu finden, so wage ich es mich an Euer Excellenz, die selbst Chef von gelehrten Corps waren und sind, zu adressiren und hochdero Intercession zu bitten, indem es mir äusserst schmerzhaft ist bey Hochdessen Excellenz, die sonst so sehr genädige Gesinnungen gegen mich äusserten, in einem falschen Lichte zu erscheinen.

Die gegen mich ausgeübten Beleidigungen betreffen mich in zwei verschiedenen Verhältnissen, erstlich — als Professor, zweitens als Mitglied der freundschaftlichen gelehrten Gesellschaft. Da die einen in die anderen zusammenflissen und aufklähren, so sehe ich mich genöthigt beyde zu durchgehen.

Anno 1779 den 21 Aug. wurde ich zum Prof. Extraord. der deutschen Sprache bey der Moskowischen Kayserl. Universität ernannt. Ich bekam sogleich den Auftrag von der Conferenz der Kays. Universität sowohl die nöthigen Schulbücher zu besorgen, als auch die Mängel anzuzeigen, die ich in der Methode überhaupt fände. Ich ermangelte nicht sogleich diesen Aufträgen eifrigst nachzukommen, und reichte diesem zufolge verschiedene Vorstellungen, die theils die Ordnung der Studien betrafen, theils den Mangel an Lehrern anzeigten und Vorschläge zu diesem Behufe enthielten. Meine Vorschläge wurden mit Lobes-Erhebungen acceptiret; nur fragte man, wem die Execution aufzutragen sey, weil es an den nöthigen Kosten mangelte. Ich erboth mich gleich nicht nur ohnentgeltlich hierinnen

zu dienen, sondern auch von einigen Freunden unterstützt, verschiedene nöthige Auslagen über mich zu nehmen. Es wurde also den 13 November das Seminarium paedagogicum errichtet und ich zum Inspector desselben ernannt. Meine Dienste erregten soviel Zufriedenheit, dass ich anno 1780 den 5 Februar, ohne darum angesucht zu haben, von der Conferenz zum Professor ordinarius philosophiae erhoben wurde, und mir die verbindlichsten Danksagungen abgestattet wurden, wie aus dem Protocolle der Conferenz zu ersehen. Noch herrschten viele schwer abzuändernde Unordnungen im Gymnasio, die dadurch dass das Institut nach und nach grösser und weitläuffiger geworden war, folglich dem ersten Plane nicht mehr conform, eingeschlichen waren. Man fragte mich, ob ich es wohl unternehmen wolle diesen abzuhelfen. Ich,—ohne vorher zu sehen, wieviel mir hieraus Neid und Hass und Verläumdungen zu fliessen würden, wenn ich verjährtern Missbräuchen, die aus Faulheit und Eigennutz entstanden, an die Krone greifen würde, brennend vor Liebe zum gemeinen Besten,—unternahm auch diese mit herculanischer Arbeit verbundene Pflicht ohne Gehalt. Ich sparte keine Mühe und reichte 1781 mit Anfange des Monats Februarii einen vollkommen geänderten Lehr-Plan ein. Diese meine neue Studien-Ordnung wurde in 3 nacheinander folgenden Conferenzen zu wiederhohlten Mahlen vorgelesen, untersucht und mit Lobes-Erhebungen gut befunden, wie es gleichfalls die Conferenz-Protocolle ausweisen. Auch hier war die Schwierigkeit in der Execution, und es war wahr — diese war nicht klein, allein ich liess mich durch nichts abschrecken und executirte in weniger Zeit alle meine vorgeschlagenen Veränderungen.

Hier musste ich unredliche Kränkungen erdulden und da ich die ganzen Tage dies Jahr im Gymnasio zubrachte, so blieben mir nur die Nächte zu nöthigen Ausarbeitengen — und ob ich gleich noch jung und starker körperlicher Constitution, so hatte ich doch mit Ende dieses Schuljahres meine Kräfte ganz erschöpft. Um also sowohl meine Gesundheit wiederherzustellen als auch durch eigene Inspection anderer Schulanstalten über die vorgenommene Veränderungen in der unsrigen mich zu versichern, intentionirte ich eine Reise durch

diejenigen deutsche Länder, wo jetzt die Gelehrsamkeit am meisten florirt.

Ich suchte derowegen bey Euer Excellenz um gnädige Erlaubniss an, die ich nicht nur erhielt, sondern Euer Fxcellenz geruheten mir noch hiezu speciellere Aufträge zu geben.

Ich präsentirte mich bey meiner Durchreise durch Petersburg Höchstdenenselben, und erhielt noch ferneren Auftrag— eine Vorstellung über den Zustand der Universität und die nöthigen vorzunehmenden Veränderungen einzureichen, dem ich auch vor meiner Abreise folgeleistete. Und ich wage es Eurer Excellenz diesen obgleich in der Geschwindigkeit ausgearbeiteten Entwurf, als eine Probe meiner Kenntnisse, zur strengsten Untersuchung vorzulegen, um hieraus zu ersehen, in wie fern mir Charlatanerie oder gründliche Kenntniss zugeschrieben werden kann. Eure Excellenz geruheten mich höchst dero Gnade zu versichern und ich erhielt eine lebhafte Probe derselben dadurch, dass ich während meiner Abwesenheit, ohne darum angesucht zu haben, von Höchstdenenselben dem Regierenden Senate zur Belohnung vorgestellet wurde und den Rang eines Assessors erhielt. Auf meiner Reise sparte ich keine Mühe alles, was zum Besten der Universität diente, zu besorgen und sowohl litterarische Correspondenz zu errichten, als auch Bücher und Methoden zu sammeln. In Berlin werden mir sowohl der durchläutigste Prinz Friedrich von Braunschweig, welcher sich daselbst befand, der Graf Oberkammerherr Sacken, der Geheime Rath und Justiz President Hyren, der Oberste Consistorialrath Büsching, ein grosser Schulmann, und noch viele andere hierüber die nöthigen Zeugnisse geben, und wenn seine Erlaucht der Fürst Dolgoruky Eurer Excellenz berichtet, wie ich die Bekanntschaften, die mir Hochderselbe mit den dasigen Academicis gemacht, negligiert, so gilt diess bloss von den französischen, aber nicht von den deutschen. Ich bin mit dem berühmten Professor Bernouillie, dem mich seine Erlaucht recommendirt, noch bis jetzt in genauer Verbindung, da ich aber deutscher Schulgelehrsamkeit und nicht Französischer Belletristerey wegen reisete, so blieb mir nicht die Zeit mit denen, die nicht in mein Fach schlugen, zu conversiren.

In Braunschweigischen Ländern werden mir nicht nur die Hbrn Curatores, der Herr Vice-Präsident des Consistorii, Jerusalem, die Ehre deutscher Gelehrsamkeit, sondern auch der Durchlautigsten Herzog selbst hierüber die gnädigsten Zeugnisse geben; in Sachsen des Grafen Anhalt Erlaucht, der Conferenz Minister Wurmb und mehrere ansehnliche und gelehrte Männer.

Ich glaubte also durch diese Reise nicht geringe Dienste geleistet zu haben, indem ich nicht nur Deutschland mit dem litterarischen Russland bekannter gemacht, sondern auch sogar an einigen Orten das Studium der Russischen Sprache, als für Historia höchst wichtig, introducirt.

Mit vieler Erwartung der Belohnung und Erkenntlichkeit kehrte ich zurück.

Seit meiner Abwesenheit war der Herr Curator von Melissino zurückgekehrt, ich wartete also erstlich mit Geduld ab, welche Wendung diese Veränderung im Commando der Universität in Ansehung meiner machen würde. Es ahndete mir nichts Gutes: denn während der Abwesenheit dieses Herrn waren sehr viele Veränderungen vorgenommen worden. Eine Pension für 50 Adliche, ein Seminarium paedagogicum gestiftet worden, die ganze Ordnung der Gymnasien als fehlerhaft umgeändert, viele neue Bücher herausgekommen, die Typographie in einen Zustand gesetzt worden, dass wenige dergleichen in Europa, in drey Jahre bey der Universität mehr Bücher gedruckt worden, als seit den 24 Jahren, die sie vorher existirt. Alles dieses nebst dem allgemeinen Rufe dass die Universität jetzt in einem bessern Zustande sey, der Zufluss des Adels, der jetzt in viel grösserer Quantität, Anzahl, in derselben studirte, alles dieses liess mich, — da ich hieran sehr grossen Antheil hatte, — nicht viel gutes erwarten. Sr. Excellenz gelangten etwas nach meiner Zurückkunft hier in Moskau an und traten in das Gouvernement der Universität ein.

Anstatt dass ich geglaubt hatte, Hochdemselben nicht eben am gnädigsten angesehen zu werden, so empfand ich fürs ersten das Gegentheil. Sr. Excellenz waren mit allen meinen vorgeschlagenen Veränderungen vollkommen zufrieden, ver-

sicherten, dass alles mit Ihren schon längst vorhergehabten Ideen vollkommen übereinstimmte und dass es Ihnen nur vorhero an geschickten und eifrigen Subjekten zur Execution gefehlt habe. Hochdieselben beehrten mich zu verschiedenen Mahlen mit dero eigenem Besuch und waren mir mehr Freund als Chef. Ich verhielt denenselben daher nicht selbst die kleinsten Verhältnisse meiner Selbst, zeigte Ihnen, welche von denen Professoren, wie auch einigen anderen, und aus was für Ursache diese meine Feinde wären, und glaubte nicht, dass ein Greis, der noch so sehr durch seinen Stand über mich erhoben, diese meine Offenherzigkeit niedrich missbrauchen würde. Doch ich eile zum Ende meiner Historie, qua Professor, um zu derselben, qua Mitglied der Gesellschaft, zu schreiten und erwähne nur noch den Umstand meines ersten Abganges von der Universität. Durch meine Reise war meine Gesundheit nicht gehörig wiederhergestellt worden, ich hatte mich gleichfalls des kurzen Zeitraums, den ich nur abwesend seyn konnte ebenfalls sehr anstrengen müssen und da ich wusste, dass es die Art ist in dem Universitäts-Collegio die Menschen von Gutem abzuhalten, denselbigen die Execution immer selbst erst zu übertragen, hernach durch *Chicanen* zu erschweren, so hielt ich meine Reise-relationen bis zu völliger Wiederherstellung meiner Gesundheit zurück. Man glaubte aber, ich hätte dieselben gar nicht gemacht, und fertigte mir aus der Conferenz d. d. 18 May die Ordre zu in acht Tagen dieselben einzureichen. Ob ich gleich krank war und Mühe hatte in diesem zu kurzem Zeitraume der Forderung Genüge zu leisten, so that ich doch das mögliche und reichte in die nächste Conferenz meine Relation — 13 Werke über die Erziehung und 8 andere seltene Werke in die Universitätsbibliothek als Geschenk ein. In meiner Relation war gesagt, wie das höchst reiche Elementarwerk von Semler und Schütz, das Ihro Majestät der Kayserin dedicirt ist, auf ausdrücklichen Befehl Hochdero Excellenz angeschaft sey und wie dessen Einführung der Universität höchst nützlich seyn könne. Seine Excellenz der Herr Curator von Melissino waren persönlich in der Conferenz, und ich erstaunte nicht wenig, als meine Relation gar nicht öffentlich vorgelesen und auf die in

derselben geschehene Erwähnung der eigenen Ordre Euer Excellenz nicht die geringste Rücksicht genommen und eine für alle meine Mühe und schwere Geldauslegen nicht der geringste Bescheid ertheilet wurde. Ich fand dieses denen sonst geäusserten Gesinnungen Sr. Excellenz des Herrn von Melissino so ganz contrair gehandelt, dass ich glaubte nach dieser so höchst ungerechten Handlung alles befürchten zu müssen und reichte den folgenden Tag, da ich ohnedem mich gegenwärtig zu Erfüllung aller auf mich genommenen Pflichten zu schwach fühlte, gehorsamste Bittschrift um meine Entlassung ein.

Sr. Excellenz der Herr von Melissino liess mich gleich zu sich kommen und versicherte mich seiner völligen Freundschaft, erboth sich mich auf einige Jahre mit völligem Gehalt zu Restituirung meiner Gesundheit von allen Pflichten zu entlassen mit der Versicherung, dass ich eine dergleichen Belohnung bereits hinlänglich verdienet, und zwang mich fast mein Bittschrift wieder zurückzunehmen. Da ich aber doch zu schwach war meinen Dienst gänzlich vorzusetzen, aber mein Gewissen nicht den Vorwurf ertragen konnte Gehalt nicht gehörig zu verdienen, so gab ich eine zweyte Bittschrift ein, dass ich in Zukunft ohne Gehalt dienen wolle, und nur soviel, als Kraft und Gesundheit erlauben wurden, Dienste leisten wollte. Dieses wurde mir gleichfalls mit vielen Lobes-Erhebungen, wie es ebenfalls das Conferenz Protocoll ausweiset, bewilliget und so blieb ich blosser Professor honorarius, glaubend, jetzund von allen ferneren Ungerechtigkeit und Chicane, qua Professor, völlig befreyet zu seyn. Die Folge zeigt aber dasjenige, was ich, qua Mitglied der Gelehrten Gesellschaft, Euer Excellenz gehorsamst zu berichten habe — zu dem ich jetzo schreite.

Sobald als ich nach Russland kam (im Juny des 1776 Jahres) machte ich es mir zum Geschäfte, mich sowohl mit der Russischen Sprache als auch den Nationalschriftstellern der Nation bekannt zu machen. Unter denselben fand ich in den Schriften meines jetzigen Freundes besondern Eifer und Vaterlandsliebe; auch hatte seine so sehr nützliche *Bibliothek Altrussischer Schriften* Ihn bereits sowohl in Deutschland als Frankreich rühmlichst bekannt gemacht. Sehnlichst wünschte

ich diesen Mann persönlich kennen zu lernen, blieb aber der Erfüllung dieses Wunsches bis zu meinem Eintritt in die Universität an 79. beraubt. Eben damals hatte er die Pacht der Universitäts-Typographie übernommen, und arbeitete mit einem Eifer, wagte sich in ein Feld, wo alles zu risquiren und wenig zu hoffen war, verwendete seyn Vermögen zu einer Entreprise, wo 100 gegen 1 zu setzen waren, dass sie missglücken und ihn ins grösste Armuth stürzten würde, und er trug bey allem diesem die schwärzesten Verläumdungen, denn er hatte einer Menge Krähen ihre Nahrung (Brod) geraubt.

Alles dieses zog mich mit ihm Freundschaft zu stiften, obschon im Uebrigen unsere Charactere ganz verschieden sind. Bald wurde ich gewahr, dass er eine Entreprise unternommen hatte, wobey einzelner Menschen Kraft zu schwach, und doch war der Fortgang derselben für die Aufklärung Russland's äusserst wichtig. Ich fasste also Feuer und lebte ganz zu dessen Hülfe, arbeitete selbst Tag und Nacht und, da ich eine sehr zahlreiche Klasse von Auditoren hatte, so suchte ich auch solche zur Mitarbeit anzufeuern und sie zu Uebersetzern zu bilden. Ich fing damit an, dass ich meine Bibliothek unter den jungen Leuten vertheilte, um Ihnen hiedurch Geschmak beyzubringen, — ich hatte es aus eigener Erfahrung, wie viel ein neues hübsches geschenktes Buch auf eine junge Seele wirkt. Ich reüssirte; die jungen Leute wurden mir geneigt, die Väter kamen mir Dank abstatten, fast täglich wurde ich in neue Familien introducirt und mit Lobes Erhebungen und Danksagungen überhäuft; man consulirte mich auch in Häusern, wo man eigene Lehrer hielt, über die Wahl derselben, über die Studien und so weiter. Alles dieses überhäufte mich mit paradisischen Empfindungen, ich brannte vor Begierde gegen eine solche edle, die Wissenschaften so sehr suchende Nation dankbar zu seyn. Ich wurde indignirt, dass so viele edle Väter und Mütter, die so sehr das Gute Ihrer Kinder wünschten, und nur nicht Aufklärung genug hatten zu wissen, wie sie es anfangen sollten, von nichtswürdigen eigennützigen Ausländern hintergangen wurden. Ich intentionirte dahero sogleich eine Gesellschaft, die diesem Uebel abhülfe; die also 1) im Publico nach Kräften Erziehungsregeln verbreitete,

2) die typographische Unternehmung des Hrn von Nowikow durch Uebersetzung und Verlegung nützlicher Werke beförderte; 3) und entweder Ausländer, die Erziehung zu geben im Stande wären, ins Land zu ziehen suchte, oder — welches noch besser — junge Russen auf eigene Kosten zu Lehrern zu erziehen suchte. Die Connexion, die ich in vielen Familien durch meine Lehrstelle bey der Universität bekam, verschafte mir Gelegenheit meine Projecte und dessen Nützlichkeit tag-täglich predigen zu können. Aber lange waren meine Bemühungen vergebens: man lobte meine Vorschläge, aber rechnete Sie in Platons Ideenreich. Inzwischen reussirte ich doch so weit, dass man anfieng die deutsche Sprache mehr zu treiben und viele wirklich gelehrte Ausländer zu Hauslehrern verschrieb. Aber zum Herschuss eines Capitals wollte sich niemand verstehen. Ich sann auf allerley Mittel, aber die Meisten strandeten, so wie auch die Französischen und Deutschen Zeitungen, die ich blos in dieser Absicht, um Geschmack mehr zu verbreiten, das 1780 Jahr herausgegeben habe.

Endlich glückete es mir doch einige Personnen zu entflammen und zu Herschüssung eines Theils Ihres Vermögens zu persuadiren und so entstand *der Fuss* der jetzigen sogenannten *Gesellschaft gelehrter Freunde*. Die ersten Mitglieder waren nicht sehr bemittelt, man hatte also anfangs bloss nützliche Uebersetzungen zum Zweck, endlich kam ich in Verbindung mit dem jetzigen ersten Wohlthäter der Gesellschaft, dem Hbr. Peter Alexewitsch von Tatischtschew. Dieser Mann hatte lange vergebens allethalben Vergnügen gesucht und in nichts gefunden und wusste nicht, dass seine wahre Wollust im Wohlthun bestehen würde. Oft betrogen, wie es jedem Reichen, um den stets eine Menge Schmeichler herumschwärmen und Etwas von ihm zu erhaschen suchen, war er äusserst misstrauisch worden und deswegen von vielen, denen es nicht reussirt hatte von Ihm Geld zu erhaschen, äusserst als geizig verschrieen worden.

Nachdem er mit mir bekannt wurde und sah, dass ich nicht meinen, sondern allgemeinen Vortheil suchte, so schenkte er mir bald einen Theil seines Zutrauens und überliess mir seinen einzigen Sohn, einen edlen, stillen, tugendhaften Jüngling

zur ferneren Bildung; gewann täglich mehr Geschmack an Litteratur und entschloss sich endlich, einen Theil seines Vermögens zum Besten derselben zu verwenden. Einen gleichen Entschluss fassten noch einige andere, zwar weniger reiche, aber ganz eifrige Männer, als: der Fürst Alexander Alexejewisch Tscherkasky, der Fürst Nicolai Nikitsch Trubetzkoi, der Obrist Bassill Wassiliewitsch Tschulkow und noch einige. Als Columbus zuerst Land erblickte, konnte er nicht froher seyn, als ich es war, da ich mich jetzt an der Spitze eines ansehnlichen Capitals zu Bewirkung meiner Platonischen Idee sahe. Jetzt fehlte es mir an nichts, als an gehöriger Kenntniss gelehrter Mitarbeitern und litterarischer Connexion; um also diese Mittel zu erlangen, schlug ich dem Hr. von Tatischtschew vor, — mich mit seinem Sohne die obbennannte Reise durch Deutschland thun zu lassen, nach deren Beendigung wir zu gänzlicher Erfüllung unseres Planes schreiten wollten.

Durch die Reise bewirkten wir alles das, was zu unsern Absichten nöthig, und nach meiner Zurückkehr schritten wir in Gottes Nahmen zur ferne Ausführung. Hier fangen die nachherigen und unangenehmen Verhältnisse an, in die ich mit des Hbr. Curators v. Melissino (Ezcellenz*) gekommen bin. Ich hatte mir diesen Herrn von jeher als einen eifrigen Liebhaber der Wissenschaften, der Stiftung der freyen Russischen Gesellschaft wegen, vorgestellt. Seine freundschaftliche Gesinnungen erregten mein Zutrauen, und wer sollte den Worten — ja den Schwüren eines solchen angesehenen Greisen nicht trauen? Ich schüttete also alle meine wohlthätigen Absichten in dessen Schooss. Er nahm Theil, trat zu unserer Gesellschaft, beehrte dieselbe mit seiner Gegenwart und war unser eifrigstes Mitglied; innig freuten sich unsere Herzen über diese Acquisition; aber meine Freude wurde bald turbirt und nicht nur die obbenannten Handlungen der Conferenz, sondern auch noch ein hieher gehöriger Umstand gaben unserm Bande einen heftigen Stoss. Ich gab, zu mehrerer Beförderung der Kenntnisse der mir anvertrauten Seminaristen, eine Privat-Lection der philosophischen Histo-

*) Написано было прежде.

rie nach dem bekannten Brucker. Es hatte sich ereignet, dass einige meiner Freunde vom hiesigen Adel während dieser Lection mich besucht hatten und als ich dieselbe in Ihrer Gegenwart fortgesetzt hatte, so hatten Sie Geschmak an selbiger gefunden. Sie erbathen sich die Erlaubniss, im Zukunft wieder zu kommen, ich bewilligte dieses mit innigem Vergnügen (und welcher Professor wird dieses nicht?), sie brachten in Zukunft andere mit sich und so wuchs in kurzem mein Auditorium zu einer sehr ansehnlichen Anzahl an, unter welchen verschiedene Herrn von hohem Range waren. Da ich hierbey Gelegenheit hatte über die Nothwendigkeit des Privat-Eifers zu Verbreitung der Litteratur zu sprechen, so vermehrte dieses den Zuwachs der neuerrichteten gelehrten Gesellschaft.

Einige ältere Professoren sahen diese Lection mit sehr scheelen Augen an, verbreiteten übele Nachrichten hievon; einige wurden so wüthend, insbesondere die Professores Barssow und Schaden, dass Sie insbesondere herumfuhren mich zu lästern, mich bey der Geistlichkeit anschwärzten, als mischte Theologie in meine Lectionen. Es war natürlich, dass, wenn von der Philosophie der alten Völker die Rede ist, natürlich auch von Ihrer Gottesgelehrsamkeit,— da Ihre innere Religion blos Philosophie war,—geredet werden muss. Dieses gab Ihnen herrlichen Stoff zum Lästern, besonders hatte ich damals nach dem bekannten Montfaucon und Romeyn de Hooge die Lehre von den Hieroglyphen der alten. Vielen der philosophischen Historie unkundigen reussirte (es) hier würklich diese meine Lectionen für Maçonnerie auszuschreien. Ich wunderte mich über diese grobe Unverschämtheit und Unwissenheit; denn wer kann jetzt so unwissend seyn zu ignoriren, dass die Maçonnerie gar keine Sache ist, die in öffentliche Lectionen gelehrt werden kann? Sie ist ja fast in allen cultivirten Staaten von Europa beynahe öffentlich, wird von den Kirchen-Vorstehern verschiedener Religionen und selbst von den Monarchen geschützt, nimt in England, daher sie sich in andere Staaten verbreitet, als wie andere Gesellschaften an öffentlichen Angelegenheiten Antheil. Wie kann es jemandem im 18ten Jahrhunderte einkommen zu glauben, sie sey eine religiöse

Gesellschaft und könne von der Catheder gelehrt werden? Es ist wahr, man hat noch nicht längst in Pohlen die Juden beschuldigt, dass Sie Christen Bluth essen. Es ist also vom dummen Fanatismo alles zu erwarten. Aber in Moskau, im Centro des Reichs, wer könnte sich vorstellen, dass dergleichen Nachrichten selbst von Professoren könnten verbreitet werden? Ich klagte also dieses Sr. Excellenz, dem Hbr. Curator v. Melissino, aber anstatt meine Gefühle zu adoptiren, nahm derselbige die Partey der mir feindlichen Professoren und rieth mir meine Lectionen lieber an einem andern Orte zu geben.

Ich gestehe, ich konnte gar nicht begreifen, woher diese Gesinnung rühre. Ich begreife sehr, wie Menschen, die nicht gereiset, fremde Sprachen nicht verstehen, üblen ausgesprengten Nachrichten glauben können; aber wie kenntnissvolle Menschen dergleichen so in die Augen fallende, unwahre Nachrichten fürchten oder favorisiren können, begreife ich nicht. Ich sehe also wohl, dass Sr. Excellenz mich nicht, weil ich Wahrheit und Wissenschaften zu verbreiten suchte, sondern, qua Instrument, zu Nebennabsichten liebten.

Nicht lange nachher, als die Gesellschaft gelehrter Freunde lauter wurde, gefiel es obigen Herrn Professoren nebst noch andern niedrigen auszusprengen, dass auch diese Gesellschaft Maçonnerie sey. Ich gestehe, dieses fieng mir an äusserst empfindlich zu werden, denn wer weiss denn nicht, was für ein Unterschied zwischen einer gelehrten Gesellschaft und einer maçonischen ist? Um also allen diesen Nachrichten aufeinmahl den Mund zu stopfen, beschlossen wir Sr. Excellenz den Grafen von Tschernitschew um die öffentliche Stiftung unserer Gesellschaft auszusuchen, und höchst derselben nebst Sr. Eminenz den Erzbischof von Moskau zu Protectoren zu erbieten. Bis hieher hatte sich die Nebenabsicht seiner Excellenz des Hbr. Curators v. Melissino völlig gedecket. Als ich Ihm aber diesen unsern Entschluss bekannt machte, wurden Sie offen: er wollte Chef und Protector der Gesellschaft seyn und fand sehr übel, dass wir diese beyde obbenannte Herrn gewählt hatten. Doch balancirte Sr. Excellenz noch einige Zeit, in der Hofnung noch zu reüssiren, arbeitete selbst eine Rede aus, die Sie bey Eröfnung der Gesellschaft halten woll-

ten; es kränkte derselben aber doch zu sehr nicht an der Spitze der Gesellschaft zu stehen. Sie liessen mich also einige Tage vor der Eröfnung der Gesellschaft zu sich kommen und befragten mich, ob sich die Gesellschaft nicht mit der bey der Universität gestifteten freyen Russischen Gesellschaft vereinigen wollte. Ich antwortete, dass dieses unmöglich, indem die Zwecke ganz verschieden, indem die freye russische Gesellschaft blos die Cultur der Sprache, die unsrige aber Erziehung, Uebersetzung nützlicher Werke, Verschreibung gelehrter Ausländer etc. zum Endzweck hat, und dass unsere Mitglieder zu grosse Summen verwenden, um nicht die kleine unschuldige Jalousie zu haben Ihr Werk besonders zu treiben. Hier fieng sich der Zorn Sr. Excellenz und dessen Verfolgung gegen mich an. Die feindseligen Professoren wurden gleich höchst dessen Freunde und. . . . doch ich verschweige alles; kurz: keine mir mögliche Kränkung unterblieb. Ich gehe zu dem letzten Vorfalle, der mich an Euer Excellenz zu schreiben zwingt.

Nach vielem Suchen, wie man mir beykommen könnte, fand man endlich, dass es von Seite des Seminarii paedagogici am besten thunlich sey. Man forderte also von mir, ich solle noch eine besondere Lection an die Seminaristen geben. Ich gestehe, es kränkte mich äusserst — die Seminaristen waren alle so wohl gerathen, hatten soviel Fortgang gemacht, verschiedene davon waren die besten Lehrer im Gymnasio. Also wozu deren Verbesserung und Treiben, wo aller mögliche Fortgang ist? Auch hatte ich mich, als ich dem Gehalt und Logis entsagte, bloss zu zwey wöchentlichen Lectionen anheischig gemacht, wie könnte man denn jetzt noch zwey, die meine Umstände gar nicht erlaubten, von mir fordern? Doch ich *verbiss* auch diese Ungerechtigkeit und, da wir durch die Bemühung der Gesellschaft hier einen der gelehrtesten Männer und besten Schriftsteller Deutschlands den Prof. Scholl in diesem Fache besitzen, so schlug ich denselben vor und dieser erboth sich ebenfalls gratis Lectionen zu geben. Ich bat am Ende des Briefes Sr. Excellenz mich von allem Zwange zu befreyen, indem ich ohne dem alles mir mögliche thun würde. Anstatt dass man mir danken sollte, dass ich der Universitet einen so äusserst wichtigen Mann für dieselbe procurire,

so fängt Sr. Excellenz an meine Ausdrücke zu beschuldigen, legt Sinn in denselben, der nicht in denselben ist, droht mit Stockschlägen mich aus der Universität jagen, und handelt auf eine Weise gegen mich, wie wohl nie in einem öffentlichen Collegio gegen jemand gehandelt worden. Nachher fährt Selbiger noch fort gegen alle, die Hochdenselben besuchen, mich bitterst zu verlästern. Ich sehe mich also genöthiget um meine gänzliche Befreyung von dem Dienst der Universität anzuersuchen und reichte eine Bittschrift hierum ein. Anstatt aber meine Bittschrift in öffentlicher Conferenz zu verlesen und etwas hierauf zu resolviren, fängt Sr. Excellenz abermals an gegen mich zu handeln und zu reprochiren, dass ich schon längst nicht Lectionen gebe, ohngeachtet Sr. Excellenz der Hr. Director und die Mitglieder der Conferenz bezeugen, dass ich wirklich krank sey.

Ich überlasse Euer Excellenz gnädigstem Urtheile, ob ich eine solche Behandlung verdienet.

Da es gewöhnlich und also erlaubt ist gegen seine Obern seine Verdienste anzuzeigen, so wage ich es auch hier, das, was ich, wenn Euer Excellenz gnädigst befehlen, strenge beweisen kann, anzuzeigen:

1) Als Professor der Deutschen Sprache, habe ich über hundert Eleven in dieser Sprache gebildet, fast einige zwanzig bis zum fähigen und guten Schreiben in dieser Sprache gebracht und noch mehrere zu Uebersetzern, wovon die meisten schon nützliche Werke dem Publico gedrucket, geliefert haben. das Studium der deutschen Sprache aber überhaupt in Moskau emporgebracht.

2) Als Inspector Seminarii paedagogici habe ich ohne Gehalt gedient, und Lectionen gegeben, 10 Seminaristen zu guten fähigen Lehrern gebildet, und eine ansehnliche Summe Geld *) an Büchern und baarem Gelde zu mehrerem Encouragement von meinen eigenen an selbige verwendet.

3) Als Inspector der Gymnasien umsonst gedient, bessere Lehrmethode eingeführt und die armen Schüler, ebenfalls aus eigenem Fond, mit Büchern und Kleidern versehen.

---

*) Зачеркнуто: fünf tausend Rubel.

4) Durch meine Privat-Lectionen habe ich in vielen angesehenen Personen Liebe zu den Wissenschaften und zu deren Beförderung erregt.

5) Durch die Dienste, die ich bey Stiftung der Gesellschaft gelehrter Freunde geleistet, dem Vaterlande und den Wissenschaften einen sehr reellen Dienst erwiesen. Sollte aber die Verläumdung, als sey die Gesellschaft eine maçonnische. auch zu Euer Excellenz gelangt seyn, so kann ich durch die deutlichsten Beweise und, wenn Euer Excellenz befehlen, publice darthun, dass dieses falsch ist. Ich bin Maçon—das ist wahr, einige der Mitglieder sind es, Sr. Excellenz der Herr v. Melissino ist es selbst, aber die Gesellschaft ist keine maçonische. Auch dürften Euer Excellenz nur geruhen jeden Maçon zu befragen, so wird derselbe gezwungen seyn zu gestehen, dass die Maçons sich gar in Ihren Gesellschaften sich nicht mit Bücherübersetzen, Erziehung etc., wie die genannte gelehrte Gesellschaft, beschäftigen. Ich kann Euer Excellenz heilig versichern, dass in dieser Gesellschaft die wenigsten Glieder nur wissen, was Maçonnerie ist.

6. Durch die Dienste, die ich der Typographie geleistet und durch die Lehrbücher die ich theils selbst herausgegeben und die theils verschiedene meiner Schüler unter meiner Aufsicht herausgegeben haben, habe ich das Studiren der Jugend merklich erleuchtert.

8)*) Viele würdige gelehrte Ausländer ins Land gezogen und selbst der Universität verschiedene sehr nützliche Professores und Docenten procurirt.

---

*) Такъ въ подлинникѣ.

ИСТОРІЯ О ВѢРѢ И ЧЕЛОБИТНАЯ О СТРѢЛЬЦАХЪ

Саввы Романова *).

Во 190-мъ году маія въ 15-й день по смерти государя царя Ѳеодора Алексѣевича бысть чудо преславно: попущеніемъ святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3-й день бысть промежъ ими дума и совѣтъ заедино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ коей россійскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князи и благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настатія Никонова патріаршества пребывали. И поискавше у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній: «за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царѣхъ и пяти россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру, по своей волѣ, а не по божіей сотворенную?»—и не обрѣташеся въ нихъ такова человѣка искусна и читателя божественныхъ писаній, и ктобы челобитную сложилъ и отвѣтъ властемъ далъ. И призваша единаго отъ чернослободцевъ отъ гончарныя слободы, именемъ Симеона Иванова, сына Колашникова, въ Ознобишинъ приказъ, онъ же и Титовъ именовашеся, и начаша его вопрошати: «Есть ли де у васъ въ посадскихъ людехъ или въ иномъ какомъ чину ревнители о старой вѣрѣ, чтобы были искусные люди божественному писанію и умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дати патріарху и властемъ?» И онъ сказалъ: «Слышалъ де отъ своея братіи, посадскихъ людей, обрѣтаются божественныхъ писа-

*) По раскольничьей рукописи настоящаго столѣтія. *Ред.*

ній сказатели и добрѣ вѣдущіе законъ христіанскія правыя вѣры и могутъ отвѣтъ дать патріарху и властемъ». О таковомъ дѣлѣ начаша его моленіемъ молити, чтобы онъ таковыхъ людей къ нимъ въ полкъ привелъ, и онъ, Симеонъ, возвѣстилъ о томъ братіи своей — Никитѣ Борисову, Ивану Иванову сыну Курбатову и Саввѣ Романову, келейнику прежде бывшу въ монастырѣ у архимандрита Макарьевскаго на Желтыхъ Пескахъ, чтобы они о томъ дѣлѣ порадѣли и стрѣльцы де зѣло хотятъ постоять за старую православную вѣру. И они о томъ межъ себя подумали по Апостолу: «аще, братіе, каменіе возопиша, наипаче же намъ не подобаетъ таковаго великаго дѣла въ забвеніе полагати и отрицатися, на сіе бо и звани есмы.» И обрѣтохомъ новаго Илію, ревнителя по отеческихъ преданій и догматахъ, благоговѣйна инока, искусна во ученіи и твердаго адаманта, отца Сергія. И возвѣстиша ему о всемъ, яже сказа намъ Симеонъ. Онъ же, воздохнувъ, прослезися и рече къ нимъ: «Мнѣ мнится, братіе, необратное имъ пришло паденіе, понеже застарѣла въ нихъ ересь и злоба велика въ нихъ возрасте; токмо подвигнемся, писано бо есть: «проповѣди ради благочестію точію да будетъ ти брань»; и паки: «вся твори, кромѣ еже не повредитися благочестію». И поидохомъ въ домъ Никиты Борисова, и положихомъ начало и благословихомся у отца Сергія и начахомъ писати челобитную о старой православной христіанской вѣрѣ отъ божественныхъ писаній отъ лица всѣхъ полковъ и чернослободцевъ. Тутъ же пришелъ и Павелъ Захарьевъ, и въ другій день, Богу помогающу, совершихомъ челобитную. При часѣ 11-мъ того же дня совѣщахомся и пріидохомъ къ вышереченному Симеону Иванову. Онъ же скоростію тече въ Титовъ приказъ и сказа пятисотному, именемъ Ивану: «По вашему де, приказу ходилъ азъ и возвѣстилъ посадскимъ людемъ, и они де съ радостію, написавъ челобитную, пришли ко мнѣ, и вамъ велѣли вѣстно учинить про себя». Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ; взявъ съ собою двоихъ стрѣльцовъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева, пятидесятника, и пріидоша къ нему Симеону на дворъ. Сергій же встрѣтивъ и давъ ему о Христѣ цѣлованіе, и сѣдоша на малъ часъ, таже глагола ему Сергій: «Слышахъ, братіе, доб-

рое ваше произволеніе, еже хощете попещися о старой благочестивой христіанской вѣрѣ, писано бо есть: «изводяй честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть», глаголетъ Господь; и вы Господа ради попецытеся о толико душъ погибающихъ въ мірѣ семъ отъ нынѣшнихъ новыхъ книгъ, понеже вкоренишася въ нихъ многія ереси; а возбраняющаго нѣсть, кромѣ Бога. И вы, братіе, насъ въ поруганіе по прежнему, не дайте, якоже и братію нашу жечь да мучить, но будите готовы обличати ихъ новую вѣру. Аще будетъ, ради мы и кровь свою проліять за старое благочестіе». Пятисотенный же, слышавъ отъ старца глаголемое, радъ бысть, и рече: «Мы, честный отче, ради такоже съ вами заедино помереть за старое благочестіе, а что ты рече—не дайте насъ по прежнему въ поруганіе жечь и мучить, и мы вкратцѣ скажемъ, что̀ будетъ намъ, и то̀ и вамъ». Сергій же поклонися ему до земли, и повелѣ Саввѣ челобитную прочесть предъ ними. Они же, слышавше, удивишася: «мы-де во днѣхъ своихъ не слыхали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». И взяша съ собою челобитную, и, благословившеся у старца, поидоша вси въ приказъ. Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и иніи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ и созваша всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ божественному писанію, чтетъ и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; иного поискавше, и нѣсть такова человѣка и принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начатъ чести и толкомъ ереси разсказывати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочелъ челобитную, тогда вси единогласно возопиша: «Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру, и кровь свою проліяти за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?» И челобитную у насъ взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали.

И возвѣстиша о семъ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло, и вопроси ихъ: «Есть-ли, де, братіе, кому отвѣтъ дать противу властей? Велико дѣло божіе сіе, надобно люди бы ученые были». И они ему сказали: «Есть-де, царскій бояринъ, у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе люди многіе на сіе дѣло тщатся». Онъ же рече имъ: «Приведите ко мнѣ на домъ инока и посадскихъ людей, кои есть, да и сами пріидете съ ними». Они же пріидоша въ домъ ко иноку и братіи и сказаша: «мы-де о семъ дѣлѣ возвѣстихомъ боярину, онъ же радостенъ бысть, и о васъ сказахомъ по именомъ, и повелѣлъ вамъ къ себѣ придти на домъ: я-де самъ съ ними побесѣдую». И послѣ обѣда того же дни пошли выборные проповѣдывать, и бояринъ еще не бывалъ домой. Они же, шедше вверхъ, возвѣстиша ему: «какъ-де государь прикажешь иноку и посадскимъ людемъ къ себѣ пріити?» Онъ же рече: «Въ другой день послѣ обѣда». Они же и на другой день о часѣ 4-мъ, поимши отца Сергія и прочихъ братій, христіанскаго закона ревнителей, и пріидоша къ боярину. Бояринъ же видѣлъ ихъ и велѣлъ людемъ своимъ честно стрѣтити. Они же встрѣтиша ихъ и отведоша во отходную палату, и ждахомъ его тутъ въ палатѣ, яко 3 часа. И бояринъ отпусти гостей, пріиде къ намъ и поклонися отцу Сергію до земли и глагола ему: «Коея ради вины пріиде къ намъ честный отче?» Отецъ же рече ему: «По приказу твоему пріидохомъ возвѣстити тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ нейже мы воскормлены нелестнымъ млекомъ отъ сосецъ матери нашея святыя соборныя и апостольскія восточныя церкве, въ ней же вси святіи наши россійскіе чудотворцы Богу угодили и вси благочестивые цари и святѣйшіе патріархи;—и принесохомъ къ твоему боголюбію челобитную на патріарха и властей, въ нейже описаніе многихъ ересей, что содержатъ въ себѣ новыя книги, и за что они власти насъ, не держащихъ ихъ новую латино-римскую вѣру, проклинаютъ и отъ церкви отлучаютъ, и еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги отриновены сотворили и изъ церкви божіей изринуша, аки непотребни суща, и что въ нихъ ереси и хулы на Бога и Святыхъ Его, иже бы власти въ томъ имъ отвѣтъ дали на письмѣ. Мы же,

Богу поспѣшествующу, ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». Бояринъ же рече: «Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и нематежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицы своемъ крестное знаменіе двѣма персты». И нача чести символъ православныя вѣры: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго». И рече: «Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя никоновы нѣкія вѣры. Самъ бо Господь пречистыми Своими усты рече: «просите и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцыте и отверзется вамъ; всякъ бо просяй пріемлетъ и ищай обрящетъ, и толкущему отверзется: и вся елика просите въ молитвѣ, пріимите». И паки: «живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему»; и паки: «не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». И много изрекъ отъ божественныхъ писаній. Сергій же отвѣща къ нему: «Изволь, царской бояринъ, челобитную послушати». И велѣлъ чести челобитную, и слушающе прилѣжно и чудящеся о множествѣ ересей въ новыхъ книгахъ, и по чтеніи челобитныя вопросилъ: «Кто писалъ сію челобитную?» Сергій же отвѣща: «Азъ съ братіею сей потрудихомся, Богу помогающу намъ». Бояринъ же отвѣща: «Вижу тя инока, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ тя съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому человѣку отвѣтъ держати». Сергій же отвѣща: «Азъ аще и немногословесенъ есмь, и не знаю клюкамъ ихъ и высокоумію, но токмо надѣюся на Сына Божія и вѣрую словесемъ Его, могущая и немудрыя умудрити во спасеніе. Самъ бо рекъ ученикомъ своимъ сице: «предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ; егда же предаютъ вы, не пецытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй съ вами». Бояринъ же рече: «Истинно рекъ еси, невѣдомо, Духъ Святый кѣмъ подѣйствуетъ». Мы же сказахомъ ему и о Никитѣ суздальскомъ, соборномъ священникѣ, на него

же и *Жезлъ* книга сложена. Бояринъ же радостенъ бывъ и рече: «Знаю я того священика гораздо; противу тово имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградитъ, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, но яко листвіе падоша. Я, братіе, радъ вамъ помогати, да мнѣ не за искусъ дѣло, и въ конецъ божественнаго писанія не знаю, и ихъ обличити умъ не осяжетъ; потому что мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному; а намъ сіе дѣло не за искусъ. А того себе не мните, что по прежнему казнить, да вѣшать, да въ срубахъ жечь: я вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представляю, за то радъ стоять». Мы же отвѣщахомъ: «Государь, царской бояринъ! о томъ Бога молимъ и у тебя государя милости просимъ, не дай насъ по прежнему въ наруганіе, и порадѣй, государь, чтобы съ ними цари дали праведный судъ и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ правду, а не по прежнему безвинно осудить да смерти предать: честь царева судъ любитъ, по писанію». Бояринъ же рече: «Да гдѣ вамъ хощется быть собору?» Мы же рѣхомъ: «Молимъ, государь, твое боголюбіе, чтобы быть собору на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ и были бы тутъ цари государи, и благовѣрная царица Наталья Кирилловна и патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ. Буде не изволятъ они на лобномъ мѣстѣ, ино въ кремлѣ промежь соборомъ у Краснаго Крыльца, и повели государь быть собору въ пятокъ». Бояринъ рече: «Послушайте мене въ семъ, не изворотно быть собору въ пятокъ; понеже цари государи станутъ въ недѣлю вѣнчатися царскими вѣнцы, и вы не сдѣлайте великаго смятенія въ народѣ». Сергій же и выборные боярину рѣша: «Намъ, государь, царской бояринъ, то и хочется, чтобы цари государи царскими вѣнцы вѣнчалися во истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ ихъ латино-римской, и мощно ли то дѣло отложить до другаго воскресенья?» Бояринъ же рече: «Невозможно никоимъ дѣломъ отложить, все приготовлено и служивымъ всѣмъ отповѣдь была къ нынѣшнему воскресенью; а въ томъ я вамъ свидѣтеля Бога представляю, что цари государи царскими вѣнцы станутъ по старому вѣнчатися, и служба будетъ по старому, по которой вѣнчали на царство царя Ивана Васильевича и сына его Ѳеодора Ивановича,—тоже вѣнчаніе

и имъ будетъ». Сергій и вси выборные рѣша: «Царской, государь, бояринъ! нестатно то дѣло, что ему патріарху вѣнчать уже по старому. На литургіи станутъ они причащатися государи, а литургію патріархъ станетъ служить по новому своему служебнику, а не по старому, по которому служебнику блаженный патріархъ Филаретъ Никитичь служилъ, и причастіе на пяти просфорахъ, на крыжахъ латинскихъ, а не на истинномъ крестѣ; а въ вѣнчаніи станетъ ихъ государей патріархъ уговаривать, чтобы имъ неизмѣнно стоять за новую вѣру заедино съ нимъ патріархомъ». Бояринъ же рече: «Да вѣдь де ему на царей тѣхъ государей не кабала взять, буди по вашему благому изволенію, что въ пятокъ собору быть». Мы же поклонившеся отъидохомъ во свояси. И въ тоже время пріиде къ намъ инокъ Савватій, житіемъ Волоколамской пустыни. Въ день же пятничный въ 5-й часъ дни поидоша выборные вверхъ и возвѣстиша боярину: «какъ де государь изволитъ отцамъ пріити на соборъ?» Бояринъ же повелѣ пріити въ 7-й часъ тогоже дня, и возвѣстиша о томъ отцамъ. Егда же пріиде 7-й часъ, и тогда призваша отца священника Стефана и молебная совершивше и благословившеся отъ него. И вземъ отецъ Никита честный и животворящій крестъ христовъ, а Сергій — святое евангеліе, а Савватій — страшный судъ и пріидоша къ Красному Крыльцу, и возвѣстиша о нихъ боярину. Бояринъ же повелѣ ихъ вести въ отвѣтную палату. Бѣ же народъ многъ ту собравшеся, мужеска пола и женска, по нихъ пріидоша, видяще таковое дѣло и недоумѣвающеся, глаголаху другъ къ другу: «что хощетъ быти?» Отцы же пріидоша въ палату и, помолившеся святымъ иконамъ, поклонишася ту сущимъ людемъ по обычаю и сѣдоша. По малѣ же времени пріиде ту и бояринъ, князь Иванъ Андреевичь Хованскій; съ нимъ множество пришло дьяковъ и подъячихъ и всѣхъ чиновъ людей. Бояринъ же помолися, цѣлова честный крестъ и святое евангеліе и вопроси ихъ: «Коея ради вины пріидосте, отцы честніи?» Никита же священникъ отвѣтъ даетъ боярину: «Пріидохомъ здѣ великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служити по старымъ служебникамъ, такоже и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ

старыя и служили бы на 7-ми просфорахъ, а къ воображенію святаго Агнца на просфирахъ былъ бы крестъ истинный трисоставный, а не крыжъ двучастный, и да расторгнется хула на Бога и на святыхъ Его, такоже и въ людехъ да не будетъ мятежа, но подастъ Господь тишину велію. А буде патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служити, они бы великіе государи велѣли ему патріарху съ нами, богомольцами своими, дать праведное свое разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній: что онъ патріархъ по тѣмъ старымъ книгамъ не служитъ и инымъ возбраняетъ; а какъ кои богочтецы, ревнуя по отеческихъ догматѣхъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтутъ и поютъ, и онъ патріархъ тѣхъ людей проклятію предаетъ и въ дальняя заточенія засылаетъ, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить, и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить; и за что они тѣ старыя книги отриновенны сотворили и въ церкви божіей аки непотребныя? и есть ли въ нихъ какія ереси, или какая неисправа, и что въ нихъ есть хулы на Вышняго Бога и Пречистую Его Богоматерь и на Святыхъ Его? и благочестивы ли были, кои по нихъ служили и пѣли, прежніе цари и великіе князи и святѣйшіе патріархи, при коихъ печатаны, или не благочестивы были? И онъ бы патріархъ намъ богомольцамъ вашимъ во всемъ томъ отвѣтъ далъ на письмѣ, а мы, богомольцы ваши, въ ихъ новыхъ книгахъ всякіе затѣи и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ». Бояринъ же имъ рече: «Я-де и самъ желаю истину увѣдѣти, и чту и пою и вѣрую по старымъ книгамъ, какъ святая соборная и апостольская церковь содержитъ,» и много изрекъ отъ божественныхъ писаній, и прочте символъ по старому, такоже и слагаше крестное знаменіе по преданію святыхъ отецъ двѣма персты. И вопроси ихъ: «Есть ли у васъ о томъ челобитная?» Они же сказаша ему: «Есть, государь, и двѣ». Онъ же рече: «Приказали де государи цари челобитную взять и прочесть». И рече Никита: «Да какъ, государь, царской бояринъ, возмешь у насъ челобитную, а намъ безъ нихъ что будетъ на соборѣ подать?» Онъ же обѣщася живымъ Богомъ: «Что паки къ вамъ принесу, а не учиню того, что не отдать. Когда же положилися на меня во всемъ, вѣрьте же ми не-

отложно». Они же подумавше промежь себе и даша ему челобитную. Онъ же понесе вверхъ къ царемъ государемъ, тутъ же и патріархъ былъ и слушалъ челобитную, и сошелъ къ намъ бояринъ безъ челобитныя. Отцы же начаша ему говорити: «что-де, государь великій бояринъ, челобитныя къ намъ не принесъ?» Онъ же обѣщася принести. Потомъ въ третій пріиде и челобитную принесе, и рече народу, кои тутъ предстоятъ: «Будетъ, де, противъ тоя челобитныя дѣла недѣли на 3, не токмо еще книги свидѣтельствовать; великое сіе дѣло божіе». Предстоящіи же рѣша: «Подай, Господи, избери что лучшее душамъ нашимъ христіанскимъ.» И сказалъ отцамъ: «Патріархъ де у царей государей упросилъ о семъ дѣлѣ до среды. Въ среду же приходите послѣ обѣдни». И отпустилъ ихъ въ домъ, идѣже пребывающе, и велѣлъ дать караулу 30 человѣкъ стрѣльцовъ ради обережки двора. Отецъ же Никита доложи боярину о преждереченномъ дѣлѣ: «Какъ де государь изволишь царей государей вѣнчать?» И онъ рекъ: «Я де вамъ говорилъ прежде сего, что царей государей станутъ вѣнчать по старому». Никита же: «Хорошо, еслибы патріархъ и литургію служилъ по старому на седми просфирахъ, а крестъ бы воображенъ былъ истинной, а не крыжъ». И бояринъ рече: «И вы-де велите испечи просфиръ воображенія старымъ крестомъ, я-де патріарху самъ поднесу, и велю служить по старому; а ты, отецъ Никита, тутъ же буди». И пріидоша отцы въ домъ, идѣже пребывше, и патріархъ увѣдавъ, зане служивые всѣхъ полковъ заедино хотяху за православіе стоять, убояся, да не будетъ лишенъ славы и сана своего, посылая по выборныхъ служиваго полку, воздавая имъ честь велію, и повелѣлъ поить ихъ разными питьями и подачи посылая имъ, такоже и дары великіе, чтобы не поборники были православію, и тако иныхъ слабоумныхъ улести въ свою волю. И на утріе въ субботу пріидоша отцы, Волоколамскихъ пустынь жители, отецъ Дороѳей и Савватій и Гавріилъ, и бысть радость велія промежъ ими; а посылали по нихъ Савву Бѣлевскаго. По утру рано въ воскресный день бысть голка велія въ Титовѣ приказѣ: пріидоша ко отцамъ служивые люди и сказаша: «Попъ де у нихъ новикъ, споруется отъ писанія, а у насъ де противъ него нѣкому оспорить, и зѣло де хулитъ и поноситъ старую

вѣру». Ревнители же благочестія идоша къ нему, онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замолча, а самъ рекъ: «Время-де мнѣ обѣдня служить». Они же отъ него разыдошася. Никита же отецъ повелѣ нѣкоей вдовѣ искуснѣ просфиры испечи, и понесе ихъ въ соборъ. Народи же московстіи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давляху утѣсненія ради; и не дойде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: «Простите, отцы: никоими мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просфиры назадъ принесъ». Онъ же тѣ просфиры раздаше вѣрнымъ благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ-государемъ вѣнчаніе. Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людіе, яко по улещенію патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣріи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку, и выбраша старыхъ стрѣльцовъ, патидесятника Михаила Артемьева, Ивана Максимова, Егорья да Михайла и пріидоша ко отцемъ и благословившеся у нихъ съ челобитною ходити по приказомъ, руки прикладывать. Они же рекоша: «Богъ васъ благословитъ на такое великое дѣло: потружайтеся ради Сына божія, незабвенны будутъ труды ваши у него свѣта на небесѣхъ, и стопы ногъ вашихъ изочтени будутъ, сирѣчь, въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.» И поищемъ Саву ради прочитанія челобитныя, понеже по приказомъ нѣкому челобитныя честь. И въ той же день приложили руки къ челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказовъ, а десятое пушкари, и бысть между ими пря великая и брань: иніи хотятъ прикладывать, а иніи не хотятъ, обольстившеся патріархомъ, и говорятъ такъ: «Намъ-де за что прикладывать? мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей; а старцамъ умѣть ли противу такова собору отвѣтъ дать? а они смутивъ, — да уйдутъ; а все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее; мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотрить правду, а по старому де не дадимъ жечь да мучить». И на томъ служивые положили, что, и не приложа рукъ къ челобитной, стоять за одно всѣмъ и

дѣлать правду, а къ коей челобитной руки приложили, и ту челобитную положили въ Титовѣ приказѣ, запечатавъ, и велѣли подавать большую челобитную отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, на 20 столпцахъ писана. Потомъ въ среду пріидоша къ нимъ выборные: «Честніи отцы! пойдемъ мы въ городъ и благословите вы насъ доложить боярину о томъ, какъ вамъ пріити на соборъ, въ коемъ часу и отповѣдь вамъ дадимъ, а безъ насъ вы не ходите.» И благословившеся у нихъ, пойдоша въ городъ и доложиша боярину: «Какъ-де государь, царской бояринъ, пріити отцамъ на соборъ и въ коемъ часу?» Бояринъ же, видѣвъ промежъ ими смятеніе и непостоянство, велѣлъ всѣмъ выборнымъ собратися вмѣстѣ и ждать себя въ отвѣтнѣй палатѣ. Они же собравшеся пріидоша въ отвѣтную палату. По малѣ же времени пріиде и бояринъ въ палату и рече имъ: «Приказали мнѣ цари государи васъ вопросить: всѣ ли вы полки заедино хощете стоять за старую христіанскую вѣру?» Они же яко едиными усты рекоша: «Мы, государь, царской бояринъ, вси полки и чернослободцы за едино рады стоять за старую православную христіанскую вѣру». Бояринъ же и во второе такоже вопроси ихъ; они же вси единѣми усты такоже отвѣщаша. Бояринъ же и въ третіе вопроси ихъ: «Что сказать царемъ государемъ, всѣ ли вы за едино хощете за старую вѣру стоять». Они же тоже вси отвѣчаша не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру. Бояринъ пойде вверхъ, и сказа царемъ государемъ, что служивые сказали: «не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру». Цари же послаша его къ патріарху и служивые посадскіе многіе тутъ были. И егда пріидоша къ патріарху, бояринъ же пошелъ въ крестовую, а выборныхъ и посадскихъ оставиша въ сѣнѣхъ; и патріархъ выборныхъ всѣхъ велѣлъ взять на погребъ и приказалъ поить довольно водками и краснымъ питіемъ и медомъ. Они же, напившеся зѣло пьяне, пришли въ сѣни къ патріарху и тутъ кои ревнители православія лукавое смышленіе ихъ вельми непостоянно видятъ, что ничтоже наше успѣваетъ, но паче молва бываетъ. И по малѣ часѣ велѣлъ бояринъ идти выборнымъ и посадскимъ въ крестовую, и выборные, кои пьяны, вѣрнымъ рекоша: «Уже-де-какъ станете отвѣчать патрі-

арху и властемъ?» И вышелъ тутъ патріархъ и власти; и выборные пошли къ рукѣ, изъ правовѣрныхъ же ни одинъ не пошелъ. Бѣ же народу полна палата патріаршая крестовая. Нача патріархъ вопрошати: «Чесо ради, братіе, пріидосте къ нашему смиренію, и чесо отъ насъ требуете?» Бояринъ же отвѣща къ патріарху: «Пришли-де, государь, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословленію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота великихъ государей всѣхъ полковъ, и солдатскаго строю выборнаго полку, и пушкари всѣ, и чернослободцы и посадскіе люди о исправленіи стараго благочестія православныя вѣры христіанскія побить челомъ; и какъ служили при великихъ князехъ россійскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи, по тѣмъ же бы по старымъ книгамъ и нынѣ бы такожде служба была въ соборной и апостольской церкви единогласно и немятежно, по апостолу: «единъ Господь, и едина вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ Отецъ всѣхъ»; и паки: «даждь намъ Владыка едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречистое и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Того ради пріидоша къ твоему благословенію». И молчаніе бѣ не малъ часъ, и повелѣлъ Хованскій стрѣльцамъ говорить. И сталъ говорить выборный Алексѣй Іюдинъ, Воробина приказу: «Мы, государь святѣйшій патріархъ, пришли къ твоему благословенію о свидѣтельствѣ божественныхъ писаній, и за что старыя книги, печатанныя при великихъ государехъ царѣхъ и при святѣйшихъ патріарсѣхъ, отринуты, и какія въ нихъ пріобрѣтаются ереси, и намъ бы про то вѣдомо было.» Патріархъ сталъ говорить: «Чада моя и братія! вамъ не подобаетъ судити и простаго человѣка, колми паче архіерея святыхъ апостолъ правила возбраняютъ и отъ церкви святіи отцы отлучаютъ и вѣчнѣй клятвѣ предаютъ, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія. А вы простаго чину и воинскаго, и вамъ сіе дѣло не за искусъ; но нашею архіерейскою властію разрѣшается и вяжется. Мы на себѣ христовъ образъ носимъ; такоже и азъ пастырь, а не наемникъ, дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ азъ на себя такую великую тяготу восхитилъ и докупилъ на апостольскій престолъ, но избранъ есмь повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя и бла-

гословеніемъ всего освященнаго собора; а не противъ моея силы такую тяготу великую на мя возложиша и съ нуждою на сей архіерейскій престолъ возведоша; и азъ за послушаніе такую великую тяготу на себя восхитилъ, и азъ аще и недостоинъ, но пастырь есмь, и того ради подобаетъ вамъ повиноватися и учителемъ и священникомъ, наипаче же архіереомъ и не судити ихъ, аще и житіе имать укоризное. И паки апостолъ глаголетъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся»; и на се Златоустъ глаголетъ съ прещеніемъ: «А ты ли ниже повиноватися хощеши? Онъ тебе ради бдитъ, тебе ради молитъ, за тебя стоитъ Бога просяй, тебе ради молитвы творитъ во всякомъ прошеніи. Вы же нынѣ намъ прекословцы являетеся не токмо намъ, но господнимъ словесемъ глаголющимъ святымъ Евангеліемъ: «слушаяй васъ Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается». Вы же къ тому глаголете: «у насъ вѣра зла», и Никона бывшаго патріарха называете еретикомъ и сущаго врага святыя соборныя церкви, а онъ не еретикъ былъ и не врагъ святыя соборныя церкви; аще и сана изверженъ, не за вѣру или догматы церковные, но за свое безчиніе и непокорство, згордися самъ оставилъ престолъ свой; а у насъ онъ никакого поврежденія вѣрѣ не учинилъ. А у насъ вѣра православная и святыми апостолы проповѣданная и святыми отцы утвержденная и мученическою кровію запечатлѣнная, стараго православія греческаго закона, въ нейже и святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ россійскихъ харатейныхъ книгъ, и святѣйшіе вселенскіе патріархи повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора на то призвани быша киръ Паисій, александрійскій папа и судія всей вселеннѣй, и Макарій антіохійскій; они же наипаче исправиша и утвердиша и повелѣша православнымъ христіаномъ креститися тремя персты во образъ Святыя Троицы, а не послѣдующихъ ихъ исправленію проклятію предаша. И мы сіе не сами завели отъ себе, но отъ божественныхъ писаній исправихомъ и послѣдуемъ имъ, святѣйшимъ патріархамъ, и сами себѣ погибели не хощемъ и вамъ такоже не совѣтуемъ». И выборные на отвѣтъ поставиша передъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева, и Савву Романова и повелѣша противу

его отвѣщать. Павелъ же Даниловецъ исперва поклонился ему до земли и нача глаголати со смиреніемъ и тихими глаголы: «Въ правду, святѣйшій владыко, рекъ, что вы на себе христовъ образъ носите и вамъ должно есть намъ повиноватися. Спаситель нашъ Христосъ смиренія образъ во всемъ показалъ и Самъ рекъ пречистыми усты: «научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ», а не струбами и огнемъ и мечемъ грозилъ. Яко ты глаголеши: образъ христовъ носите, а житію христову не послѣдуете. И апостолъ рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ». И на се Златоустъ толкуетъ: «что убо, рече, егда золъ, неповинуешилися? золъ како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся, не точію аще человѣкъ былъ бы, но аще ангелъ, съ небеси сшедшій»; рекъ Павелъ: «но аще азъ, или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», сирѣчь, аще и малое что подвигнуть, анаѳема да будетъ. И паки Галатомъ пишетъ: «чуждуся яко тако скоро прелагается отъ звавшаго васъ благодатію христовою во ино благовѣствованіе». И мы таковаго апостольскаго запрещенія и проклятія боимся отъ писанныхъ и малое что подвигнуть и паче мертвыхъ возстающихъ писанія быти достовѣрнѣйша; и достоинство лицъ не пріемлется, егда вѣру превращаютъ, или о истинѣ слово будетъ, сирѣчь, говорить о правдѣ не токмо предъ святители, но и предъ цари: понеже благочестія отступити Бога отступити есть, и ничтоже тако раздражаетъ—Бога, якоже церкви раздѣлятися, аще и безчисленная будемъ содѣлавше благая; что же сіе есть яко ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха». Патріархъ же къ нему рекъ: «Да статное ли дѣло, что вамъ архіерея судить? Вы Никона патріарха называете блудника и прелюбодѣя, будто онъ бабъ блудилъ и дѣвокъ и молодыхъ ребятъ, и тѣмъ въ людѣхъ смущеніе творите и предаете святительскую власть, и тѣмъ чинъ святительскій ругаете. И то не ваше простолюдиновъ—архіерея судити, но нашей архіерейской власти о томъ разсмотряти и по правиломъ святыхъ отецъ отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». Тогда Павелъ отвѣщалъ ему: «Не о семъ намъ, святѣйшій па-

тріархъ, слово; нѣсть намъ о семъ глаголати. Слыши бо самаго Спасителя нашего Христа, глаголющаго: «на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи». Вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите; по дѣломъ же ихъ не творите; имутъ, рече, санъ, но житія нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай: нрава бо ради ничтоже повреждается». И Златоустъ глаголетъ, яко подобаетъ повиноватися учителемъ и священникомъ и не судить, аще и житіе укорное имутъ; аще же о вѣрѣ погрѣшаетъ, тогда не подобаетъ покорятися имъ, но и бѣгати и судити ихъ.» А епископу подобаетъ, рече апостолъ, безпорочну быти, якоже божію строителю, не дерзу, не напрасливу, не піаницѣ, ни убійцѣ, но боголюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержащемуся вѣрнаго словеси во ученіи.» А на се слово Златоустъ рече: «а иже не вѣдый о правомъ учити ученіи, далече да будетъ престола учительска». И паки: «таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверенъ и отлученъ отъ грѣшникъ, сирѣчь, нелукавъ, непронырливъ»; и паки: «пасите еже въ васъ стадо божіе не съ нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающу причту, но образъ бывающе стаду». А что мы, святѣйшій патріархъ, Никона называемъ еретикомъ и сущаго врага святыя апостольскія церкви восточныя: что онъ Никонъ егда исперва на престолъ взыде, то онъ учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоза римскаго костела и повелѣ христіаномъ тремя персты креститися, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣлъ мучити отцевъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати. И то, государь святѣйшій патріархъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститися, исповѣдывать божество и человѣчество, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за тò жечь въ струбахъ да пытать?» И патріархъ рече: «Мы за крестъ и молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ; мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви; а кто какъ хощетъ, такъ и крестится,—двѣма ли персты, трема ли, или всею дланію, то все едино, лише бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не

истязуемъ». Павелъ же рече: «Святѣйшій Владыко! да не едино онъ сіе разрушилъ, но многія ереси ввелъ въ церковь божію, и книги старыя, по коимъ святіи отцы наши Богу угодили, всѣ исказилъ, испревратилъ на свой разумъ и, вкратцѣ молвить, что ни содержала святая соборная и апостольская церковь — преданіе святыхъ отецъ, писанное и неписанное, то все онъ Никонъ нарушилъ и превратилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ Россіи лѣтъ семь сотъ, отъ Владимірова крещенія до него Никона, не бывало. А до того намъ какое дѣло—архіерея судити; а кто какъ живетъ, блудникъ или піяница, или лихоимецъ, кождо отъ своихъ оправдится, или осудится; кто что посѣетъ, тотъ то и пожнетъ; намъ про то скверно говорить ненадобно». Тутъ стало патріарху за великой стыдъ, что не ладно молвилъ. Павелъ же много изрекъ отъ божественныхъ писаній; патріархъ же и власти всѣ стоятъ молча, повѣся головы. Павелъ же рече ко властемъ: «Власти государи! помогайте архіерею тому божію говорить съ нами; видите ли онъ изнемогъ, а вы его не перемѣните». И патріархъ спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?» «Меня, государь, Иваномъ зовутъ». — «Изнемогъ де, Иванушко, потому что дни три не ѣдалъ». И бояринъ Павла зѣло похвалилъ: «Не чаялъ де въ васъ такова человѣка». И спросилъ у Савы, стрѣлецъ ли онъ, или посадской? И я ему сказалъ: «Съ посаду де, государь, овчинныя слободы». Сталъ говорить Крутицкій митрополитъ Варсонофій: «что де все вы говорите, а святѣйшему патріарху не дадите единаго слова выговорить». И Павелъ: «Изволь де государь, говори ты». И сталъ патріархъ тѣ же рѣчи говорити: «и де до меня заведена новая вѣра, по совѣту и благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправили съ греческихъ книгъ: здѣ изъ святыя горы много греческихъ старыхъ книгъ привезено, а я на готовое пришелъ». И Сава противу ему рекъ: «Мы, святѣйшій патріархъ, въ томъ на тебя и не сѣтуемъ, что ты завелъ новую вѣру; испревратилъ вѣру христіанскую Никонъ, бывшій патріархъ, да чернецъ Арсеній еретикъ». «Не еретикъ былъ Арсеній, но истинный православный христіанинъ и сынъ святыя восточныя церкви». Сава же отвѣща: «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ блаженныя памяти при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ

патріархѣ Іосифѣ пріѣзжалъ въ царствующій градъ Москву вселенскій патріархъ Паисій іерусалимскій и привезъ чернца Арсенія, родомъ греченина. И егда поѣха вселенскій патріархъ во свою землю, и тотъ чернецъ утаився и скрывся отъ своего патріарха, хотя здѣ плевелы всѣять въ православную нашу христіанскую вѣру. Той же вселенскій патріархъ Паисій писалъ съ пути блаженныя памяти къ великому государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу и ко святѣйшему Іосифу патріарху про того чернца Арсенія, что онъ еретикъ и въ жидовскомъ обрѣзаніи, и вѣрѣ христіанстѣй конечной врагъ, чтобы ему въ царствующемъ градѣ Москвѣ просто жить не велѣлъ, и держать бы въ крѣпи, потому что онъ многи грады возмутилъ и вѣру христіанскую испревратилъ по своему еретическому умышленію, а не по преданію святыхъ отецъ. И того ради великій государь и святѣйшій патріархъ велѣли того чернца сыскать и сослать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. И по указу великаго государя и святѣйшаго патріарха посыланъ былъ въ Соловецкій монастырь новогородскій митрополитъ, бывшій патріархъ, ради мощей иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго чудотворца. И обхождаше тамо вся службы и больницы, посѣщаше братію, и увидѣвъ его чернецъ Арсеній возопи гласомъ веліимъ: «Святѣйшій патріархъ Іосифъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ успе, а намѣстникомъ де быть послѣ него тебѣ, великому государю». Никонъ же за сіе слово взя его съ собою къ Москвѣ, и егда воспріа патріаршества престолъ, взя его къ себѣ въ келлію, и потомъ въ казначеи; и паки потомъ учини его быть первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по святыхъ отецъ преданію, потомъ октоихъ, евангеліе, и просто молвить, что ни содержитъ соборная и апостольская церковь, то все нарушилъ и исказилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ россійскомъ царствѣ отнюдь до сего не именовалося. А ты что, святѣйшій патріархъ, изволилъ говорить про нынѣшніе вселенскіе патріархи, что де они, къ намъ пріѣхавъ, вѣру испра-

вили съ греческихъ старыхъ книгъ, и у насъ прежде сего въ россійскомъ государствѣ палестинскихъ патріарховъ бывало много, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іереміи цареградскій и Ѳеофанъ іерусалимскій, и ни въ чемъ нашея православныя вѣры не хулили и двоихъ блаженныхъ и присно-памятныхъ отецъ нашихъ, святѣйшихъ патріарховъ Іова и Филарета, государству на архіерейскій престолъ хиротонисаша, глаголюще: «ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію: вторый Римъ, еже есть Константинъ градъ, падеся, отъ агаранскаго насилія изсякло благочестіе; московское же государство третій Римъ именовашеся». И завсегда въ соборнѣй и апостольстѣй церкви у вечерни и заутрени были и чинъ уставъ соборныя церкви видѣли, сами съ нашими патріархи божественную литургію служили; и аще бы было кое прегрѣшеніе и неисправленіе въ книгахъ или въ церковномъ чину и поступкахъ напротивъ ихъ греческаго закона, они бы о семъ святѣйшіи патріархи нашимъ патріархамъ воспретили, исправили, кое непротивъ ихъ печатныхъ книгъ. Да и сами о себѣ свидѣтельствовали, что у нихъ въ Грецѣхъ отъ насилія агаранскаго благочестіе изсякло, и нѣсть нигдѣ, кромѣ московскаго россійскаго государства: и о томъ свидѣтельствуетъ книга коричая. И премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: «Егда плѣненъ бысть Царьградъ отъ Агарянъ, и тогда нѣціи боголюбивіи, собравше вся греческія книги, хотяще цѣло соблюсти благочестіе, отплыша въ Римъ къ папѣ. Папа же съ радостію пріятъ у нихъ книги, бѣ бо отъ многъ лѣтъ ждаше; и повелѣ перевести на свой латино-римскій языкъ; греческія же переведенныя повелѣ огнемъ сожещи; и оттолѣ начаша печатати книги Грекомъ въ Венецѣи и въ Австріи и многія ереси въ нихъ внесоша». А нынѣшнія власти, вселенскіе патріархи, пріѣжжали въ московское государство не вѣры исправлять, но злата и вещи собирати, и учинили лишь раздоръ церкви божіей великій; и не крестящихся трема персты по ихъ мудрованію проклятію предавати, и огнемъ сожигати и всякимъ томленіемъ житія человѣческаго лишати. И отъ того времени и мятежа великаго и до нынѣшняго дне здѣ въ московскомъ государствѣ и по многимъ городамъ христіанская безвинно кровь

проливается; и мы о семъ молимъ твое боголюбіе: разрѣши сомнѣніе и мятежъ душамъ христаінскимъ, и соедини церковь божію, да не проливается напрасно кровь христіанская. Вы мняще за Христа убиваете, а тѣ любители стараго православія души своя Христа ради полагаютъ, да вѣчно съ Нимъ царствуютъ». И тутъ патріархъ отвѣту ничего не далъ и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близь митрополита нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ: «Вы о чемъ стязуетеся? мы никогда за крестъ и молитву не жжемъ, но за ихъ непокорство, что возмущаютъ народомъ въ церкви не ходить и не исповѣдываются у священниковъ, и тѣмъ множество народу отъ церкви отлучили». И Савва противу его рекъ: «Да правду ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? чесоже ради, какъ приведутъ предъ васъ коево христіанина, и въ первыхъ вопрошаете: «какъ крестишься и какъ молитву творишь?» Христіанинъ молвитъ: «я де молитву творю и крещуся по старому, якоже святая соборная и апостольская церковь пріяла отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ седми вселенскихъ соборовъ». И вы за то пытали, да жгли, да его же въ тюрьму. Да у тебя же въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и донынѣ три человѣка за крестъ и молитву. И по твоему приказу пріѣжжалъ Мироносицкій попъ Евѳимей, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ: «повинуетеся ли соборнѣй и апостольстѣй церкви и преосвященному митрополиту и хощете ли исповѣдатися и причаститися?» Они же въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и потомъ рекли: «Мы во всемъ повинуемся соборнѣй церкви и митрополиту и хощемъ повиноватися и причаститися и по прежнему прекословити не станемъ, только де не отметай у насъ креста да молитвы по старому». И попъ Евѳимей тебѣ о томъ возвѣстилъ: «во всемъ де, государь, повинуются и по прежнему прекословить не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ». А ты ихъ въ туже яму велѣлъ бросить». И митрополитъ: «Да то де не я посадилъ: присланы по государскому указу безъ меня, и какъ изволитъ съ ними государь». И я противу ему рекъ: «Да ты чрезъ государской указъ дѣлаешь, а государской указъ: буде кто повинну принесетъ, ино

его выпустятъ или подъ началъ отдадутъ». И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей схоронился въ куть, да искусненько изъ-за властей и выглядываетъ, и Саву опознаваетъ; и велѣлъ новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: «Какъ де тебя зовутъ?» И и ему сказался Васильемъ. И нижегородскій митрополитъ призвалъ стрѣльца Титову приказу, да про него же вопросалъ: «Откуда де у васъ сей человѣкъ?» И онъ ему сказалъ: «Нашего де полку, первыя сотни сотникъ». ««А какъ зовутъ?»» «Зовутъ де его Васильемъ». И нижегородскій митрополитъ: «Знаю и его, бывалъ де у насъ, и нашъ де онъ скормленикъ, да нынѣ намъ врагъ сталъ». А новгородскій митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: «Я де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумлялся о семъ дѣлѣ, да и нынѣ во мнѣ сомнѣніе великое». И въ конецъ онъ о старомъ благочестіи знаетъ; и служивые тутъ стали говорить: «Вотъ де патріархъ противъ двоихъ человѣкъ отвѣту не далъ, лишь только де насъ виномъ да медомъ поить знаетъ, — а намъ де противъ правды стоять будетъ». И Хованскій послѣ тоя бесѣды и выборные пошли къ патріарху къ благословенію, а ревнители правовѣрію ни единъ не пошелъ; единъ лишь Павелъ Даниловецъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ протянулъ руку, хощетъ благословити по новому. Павелъ же сталъ говорить: «Нѣтъ де, государь, святѣйшій патріархъ, буде благословишь ты меня по старому, и я радъ отъ тебя благословеніе воспріять». Патріархъ же рекъ: «Когда де будетъ время, тогда и благословлять буду по старому, а нынѣ еще не почалъ». И тако пойдоша вонъ бояринъ и выборные. Бояринъ же нача Павла во главу цѣловати, и зѣло похвалилъ: «не зналъ де азъ, малой, тебя до сея поры». Патріархъ еще упросилъ сроку до среды собору быть; и въ суботу по утру выслалъ попа Саву, иже искусенъ и школьному ученію, и нача учити народъ по Кириллову Евангелію Транквиліомову и тремя персты креститися, и зѣло на старую вѣру хулу возлагаше. Народи же того попа каменіемъ побиша, еле жива оставиша, и чернца у Москворѣцкихъ воротъ биша довольно. И бысть на всѣхъ властей страхъ и

власти иныя начаша благословляти по старому; а кои по обычаю своему благословляютъ и увидя коихъ ревнителей благочестію и боящеся, отнюдь удерживая себе, и не благословляху народъ. И съ того часа патріархъ и власти жезлы стали носить старые Петра митрополита;—слышаша въ народѣ глаголющихъ: «како де вы сами власти лукавы да и жезлы съ проклятыми и лукавыми зміями носите, прообразующихъ потребленіе нашея православныя христіанскія вѣры»; и того ради оставиша жезлъ съ проклятыми зміями. Народи же имъ чести и поклоненія отнюдь не воздающе и глаголюще: «когда будетъ у нихъ правая вѣра, и они бы о ней подвизалися и жезлы бъ не носили по своему обычаю съ проклятыми зміями; лише вездѣ видно ихъ непостоянство и мятежъ». И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно Парасковью Павловну къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на лобнѣмъ мѣстѣ, и были бъ тутъ цари государи; и меня просили на соборъ, а въ соборную церковь никакъ не ходили бы, хотя и съ великимъ моленіемъ станутъ просити, чтобы шли въ церковь; а буде не пойдутъ на лобное мѣсто, ино промежь соборомъ на площади и о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь не ходили, такоже и въ Грановитую Палату: у нихъ де дьявольской вымыселъ есть надъ вами. И патріархъ разумѣ свое лишеніе и на соборъ не хощетъ идти и говоритъ боярину: «буде де изволятъ, и они бы принесли свои старыя книги—евангеліе и служебникъ, а мы такоже новыя свои, да положили бы въ раку къ Петру митрополиту, и тутъ знать будетъ, кои правы и не правы; заповѣдалъ бы постъ по всей земли, а соборную церковь запечатали бы царевыми печатьми, да патріарша и выборныхъ такоже и старцева печать: и о семъ станемъ молиться, да явятъ намъ святіи чудотворцы». И отцы боярину рѣша: «Буди по глаголу его; мы и тако рады, лишь бы правда была». И пришла сверху отповѣдь къ отцамъ: «Буде де изволитъ патріархъ класть въ раку Петра митрополита, и вы печатайте раки чудотворцовы, а не церковныя двери, а у нихъ такой вымыслъ есть, хотятъ внити потайными дверьми въ церковь и старыя книги изъ раки вонъ выкинуть; и повелите около церкви крѣпкой караулъ поставить человѣкъ по 100 на сутки».

И дошла та вѣсть патріарху, что отцы по его выслу не хотятъ дѣлать. Онъ же и сіе дѣло отложилъ, — не восхотѣлъ книгъ въ раку положити. По утру же рано въ среду пріидоша выборные ко отцамъ и рекоша: «Мы, отцы, по прежнему боярину о семъ дѣлѣ не станемъ докладывать, потому что они паки станутъ сроку просить; и мы вамъ вѣсть учинимъ, такъ и приходите». При часѣ же 6-мъ въ исходѣ пріиде служивой Михайло десятникъ и велѣлъ отцамъ идти на соборъ. Молебная пѣвше и благословившеся у отца Никиты и вземше крестъ и святое евангеліе и страшный судъ, предъ нимиже и свѣщи понесоша, благоговѣйно на соборъ пойдоша; такоже и божественныя книги на свидѣтельство и на обличеніе ересемъ нѣціи боголюбивіи людіе на главахъ своихъ несоша честно, съ благоговѣніемъ и на бережъ дано имъ 50 человѣкъ стрѣльцовъ. И по нихъ идоша множество народа, утѣсняюще другъ друга, видяще иноковъ всюду огражденныхъ смиреніемъ и страхомъ божіимъ, такоже и на главахъ ихъ образъ благоговѣнія—клобуки старые и покрытые очи до вѣждей, якоже ношаху прежніи святіи преподобніи отцы и дивящеся глаголаху: «не толсто де брюхо-то у нихъ, и не какъ нынѣшніи новаго завѣта учители». Егда же пріидоша въ Кремль, отцемъ не возбраниша входъ, народу же воспретиша ни единаго человѣка пустити въ городъ. Народи же устремившеся и распалившеся любовію вси единодушно видѣти бывшее, стрѣльцы же не успѣша вскорѣ вратъ затворити, пройдоша во врата и пріидоша къ соборнѣй церкви. Благочестія же любители близь Архангела поставиша налои и на нихъ разпослаша пелены и положиша честный крестъ, святое евангеліе и страшный судъ христовъ и образъ Пречистыя Богородицы и свѣщи предъ ними возжгоша. Бѣже часъ осьмый; а въ соборѣ еще къ обѣдни звонятъ, а въ мірскихъ давно отпѣли. Патріархъ же спущая время для того, дабы ему не свидѣтельствовать предъ народомъ книгъ: и отошла обѣдня во исходѣ 10 часа. А послѣ обѣдни выслалъ попа съ тетрадьми на обличеніе Никитино; объ одну ночь напечатали 160 тетрадей, какъ онъ, Никита, прежде сего повинную приносилъ, что впредь о старой вѣрѣ не бить челомъ и такова дѣла не вчинять. А самъ пошелъ въ келью хлѣба кушать. Попъ же вы-

шелъ изъ церкви, и самъ весь дрожаше. А послѣ откушанья своего патріархъ со властьми пріиде въ Грановитую Палату, выборные пойдоша вверхъ и доложиша боярину: «какъ де, государь, собору быть?» Бѣ же часъ 11-й. Бояринъ же доложи патріарху; патріархъ же велѣлъ отцамъ идти въ Грановитую Палату: «здѣ де будетъ царица, государи и благовѣрныя царевны: а тамъ имъ быть зазорно предъ всѣмъ народомъ». Выборные же пришли къ отцамъ и сказаша: «Патріархъ де велѣлъ вамъ идти въ Грановитую Палату, тутъ де будетъ царица государыня и царевны». Отцы же возвѣстиша народу о семъ, народъ же воззопи: «Чего ради патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельство дать отъ божественныхъ писаній и старыя книги съ новыми свидѣтельствовать? подобаетъ собору здѣ быть, а въ Палатѣ невозможно никоими мѣрами; потому что много смятенія о томъ въ народѣ: овіи хвалятъ новую вѣру, а иніи старую, и они бы то сомнѣніе и мятежъ въ нашихъ душахъ христіанскихъ разрѣшили и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ Палатѣ гдѣ толику сущу народу вмѣститися? и вы отцы святіи въ Палату не ходите; а царевнамъ государынямъ до сего дѣла нѣсть: достоитъ тутъ быти царемъ государемъ, а не царевнамъ». И отцы выборнымъ рѣша: «Изволь де, государь святѣйшій патріархъ, свидѣтельствовать святыя книги предъ всѣмъ народомъ, а мы въ Палату не идемъ, что невмѣстно будетъ толику народу во едину Палату собратися». Выборные же пойдоша вверхъ. Преждереченный же онъ попъ, иже посланъ патріархомъ изъ соборныя церкви, сталъ противу угла Грановитыя Палаты, и нача чести тетради на обличеніе Никитино; служивые же взяша его и приведоша ко отцамъ, а тетради хотѣли всѣ изодрать и его же такоже смерти предать. Сергій же отецъ возбрани имъ: «За что его бити? онъ де не самъ собою пріиде, но посланъ отъ патріарха»; и взялъ его Сергій къ себѣ и велѣлъ ему тетради дочитать. Народи же вельми возмятошася о семъ, и хотяще попа каменіемъ прибити. И бысть велія голка и не слышать, что чтетъ. Сергій же рече попу: «Что всуе трудишися: видиши ли: никто не слушаетъ, но паче молва бываетъ?» Попъ же отвѣща: «Азъ, отче, не самъ собою пришелъ, но посланъ есмь отъ патріарха». Царевна же

и весь царскій синклитъ и патріархъ со властьми изъ Грановитыя Палаты сквозь окончины смотряху на народъ, многимъ тутъ стѣсненія ради стоящимъ по палатамъ и церквамъ. Царевна же Софія похвали отца Сергія: «знать де сей инокъ Бога боясь живетъ и добродѣтельно житіе проходитъ, что не далъ попа народу убить». Народъ же начаша молить отца Сергія: «Скажи намъ, отче, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, како убѣжати прелести сей Никонскія?» И принесоша скамью. Сергій же взыде на скамью и попа съ собою поставилъ врядъ и рече попу: «Виждь, мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній». И нача чести Соловецкія тетради о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, и о крыжѣ, и о жезлахъ, и о просфирахъ, и о всемъ премѣненіи церковномъ. Въ народѣ же бѣ молчаніе веліе, и согбенными руками слушающе прилѣжно чтенія, и воздыхающе изъ глубины сердечныя и нѣціи же плачуще; отцы же вельми угнѣтающе. Служивые же принесоша 6 скамеекъ и поставиша окрестъ святыхъ иконъ. Сергій же по чтеніи велѣлъ отпустить попа. Народъ же моляше Сергія: «Скажи намъ, Господа ради, еще отъ божественныхъ писаній, дабы намъ душами вѣчно не погибнуть». Сергій же изнемогъ вельми: бѣ же третій день, не ѣдущу ему, и понуди ту чести Савву тетради. Онъ же отрекся: «прости отче, не мое сіе учити, но ваше; вы бо на сіе и звани». Потомъ же пріиде бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій и помолився честному кресту и святому евангелію и прочимъ иконамъ и цѣлова ихъ, также поклонися и отцемъ, и глагола Никитѣ и Сергію: «Поидите вы въ Грановитую Палату, никакоже вамъ никакова худа тамъ не будетъ; потому что царевны государыни хотятъ тутъ же быти, челобитную слушать, а здѣ имъ быти зѣло зазорно. А собору нынѣ и свидѣтельству отъ божественныхъ писаній некогда быти, сіе дѣло великое надобно не прильномъ дѣлать, да и на дворѣ такоже уже поздно; и только лишь хотятъ царевны, государыни и царицы челобитную выслушать, да отпускъ вамъ будетъ». Сергій же отвѣща: «Царской, государь, бояринъ! мы въ Палату идти зѣло опасны, потому чтобы нымыслу и коварства какого не было надъ нами по прежнему; хорошо бы изволилъ патріархъ здѣ быти, и сему роз-

дѣлу предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ Палату гдѣ вмѣститися толику народу? Я вѣдаю, что насъ однѣхъ не пустятъ, народу же ни единаго человѣка не пустятъ; а намъ безъ народу что тамъ дѣлать?» Бояринъ же рече: «Невозбранно будетъ никому идти. Кто хощетъ, тотъ и поди. Когда уже вы, отцы святіи, на мою душу грѣшную во всемъ положилися, вѣрьте же мнѣ и нынѣ. Исперва вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представилъ, что вамъ никакова худа не будетъ, не станутъ ни рубить, ни въ струбахъ жечь по прежнему и ни въ ссылку ссылать, а нынѣ буде не вѣрите, въ томъ цѣлую крестъ христовъ и кленуся Пречистою христовою кровію, что вамъ никакова худа не будетъ; развѣ что будетъ мнѣ, тоже и вамъ». Никита же рече Сергію: «Отецъ Сергій! я ему вѣрю, мнѣ онъ одному клялся такоже, и что больше сея клятвы«? Сергій же отвѣща боярину: «Мы, государь князь Иванъ Андреевичь, во всемъ положилися на Бога и на Пречистую Его Богоматерь и на твое благоутробіе; буди тако по твоему прошенію». Бояринъ же пойде и рекъ имъ: «Вы безъ меня не ходите; я малъ часъ побуду въ Палатѣ, да къ вамъ скоро возвращуся». Народи же зѣло прилежно начаша отъ него молити, какъ бы въ Палату не ходити. Иніи же отъ царскаго двора пріидоша, и въ Палату имъ ходити не велѣли. Они же рекоша намъ: «Братіе! въ Палату не пойти, и они насъ назовутъ гордыми и непокоривыми». И по малѣ времени пріидоша изъ Палаты выборные и рекоша отцемъ: «Приказали де царевны государыни въ Палату идти и бояринъ». Отцы по прежнему взяша честный крестъ и Святое Евангеліе, и иконы и свѣщи предъ ними понесоша; христолюбивіи людіе взяша книги и на главахъ своихъ понесоша, также палои; и много же народу покусишася идти съ ними и приступиша къ красному крыльцу; служивые весь народъ прутьями стали отбивать, которые тутъ приставлены къ караулу. Егда же Никита поступи на первую степень на Красномъ крыльцѣ, тогда изъ Грановитыя Палаты, яко дивіи волцы или бѣшеные пси, приходскіе попы необычно устремишася на красный крылецъ и смяша всѣхъ. Единъ же попъ ухвати Никиту за власы; правовѣрніи же возопиша: «Видите, православніи, какое коварство навели намъ? Ино де гдѣ бить,

да правду дѣлать? а они при царской свѣтлости бьютъ.» Стрѣльцы же устремишася на поповъ и начаша ихъ подъ боки кулаками бить. Попы же устремишася и разбѣгошася и не свѣдашася другъ друга, а иніи же вверхъ поповъ 50 ушло, а всѣхъ было поповъ 300 заведено за Палату. Отцы же возвратишася на свое мѣсто; служивые рѣша: «То ли де правда? обѣщалися праведной судъ сотворити; или для того и въ Палату и звали, чтобы убити занапрасно по прежнему?» И бысть шумъ великъ и крикъ во всѣхъ людехъ: видятъ, что неправедно дѣлаютъ, — все подставомъ, да обманомъ. По малѣ же времени пріиде бояринъ и рече: «Чего ради не изволите идти?» Они же рекоша: «Какъ де государь, царской бояринъ, идти? Ты обѣщался, что по прежнему не будутъ ни бить, ни мучить: а нынѣ при ихъ царской свѣтлости безвинно бьютъ, а индѣ гдѣ и давно станутъ давити и бить». И указали попа, кой за власы дралъ. Бояринъ же того попа повелѣ сковать, да въ стрѣлецкой приказъ сослать; а прочихъ поповъ сверху сбить, только небольшихъ оставить по упрошенію властей, и самъ говоритъ: «Я ничего не знаю.» А ихъ набралось что кабацкихъ ярыжекъ. Потомъ бояринъ пріиде ко отцамъ и рече: «Извольте, отцы святіи, идти». Отцы же отвѣщаша: «Боимся, государь, царской бояринъ, идти, что неправды стало много»; и бояринъ паки цѣлова крестъ христовъ въ правду, что никакого зла не будетъ: «я де сего дѣла не вѣдалъ». Народи же едино кричатъ: «Не ходите въ Палату; аще пойдете, худо будетъ, обманутъ тамо васъ лукавствомъ своимъ». Отцы же, вѣря боярской душѣ и клятвѣ, взяша честныя иконы, такоже и книги по прежнему, и пойдоша въ Палату; много же съ ними посадскихъ людей пойдоша. И егда же внидоша въ Палату, и поставиша среди Палаты предъ царскимъ мѣстомъ палой и положиша честный крестъ христовъ и святое евангеліе и святыя иконы и возжгоша предъ ними свѣщи и поклонишася вси по обычаю царевнамъ и царицѣ до земли; патріарху же никто не поклонися, такоже и властемъ. На царскомъ же мѣстѣ сѣдяше царица Софія Алексѣевна, а на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, а по правую сторону Наталья Кирилловна, а подлѣ царицы царевна Марѳа Алексѣевна, а промежь царскихъ мѣстъ царевна Анна Михайловна, а

подлѣ царевны Софіи одаль въ углу патріархъ сидитъ на мѣстѣ; а подлѣ патріарха новгородскій митрополитъ и прочіи власти, а по лѣвую сторону стоятъ бояре. И началъ вопрошать патріархъ: «Какова ради дѣла пріидосте въ царскія Палаты, и что требуете отъ насъ?» Никита же отвѣтъ даетъ патріарху: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленіи православныя христіанскія вѣры, чтобъ царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежи и раздраніи, и служба была бы въ церкви божіей, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ служебникамъ». И патріархъ рече: «Не на васъ сіе дѣло належитъ и не подобаетъ вамъ простолюдиномъ церковная исправляти и въ томъ архіерея зазирати. Должно есть архіерея архіереемъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ христовъ образъ носимъ и даде намъ Богъ власть такову: «егоже аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небеси, и егоже аще разрѣшите, разрѣшенъ на небеси»; и паки: «слушаяй васъ Мене слушаетъ, отметаяйся васъ Мене отметается». И Апостолъ рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово хотяще воздати». И азъ аще и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ и не разбойнически престолъ и такую сію тяготу на себе восхитилъ, но избраніе благочестивѣйшаго великаго царя, второе и потомъ освященнаго собора, и вамъ должно есть повиноватися матери нашей соборнѣй и апостольстѣй церкви и потомъ всѣмъ архіереомъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. А у насъ вѣра православная стараго православія греческаго закона, въ нейже святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ характейныхъ книгъ по грамматикѣ; и мы отъ себя ничто не внесохомъ въ церковь божію, но все отъ божественныхъ писаній: вы же грамматическаго разума не коснулися и не знаете, какову силу въ себѣ содержитъ». И отвѣща Никита: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматѣхъ и поговоримъ съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чего ради, егда вы литоргію служите и на

выходѣ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь обѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огнь честнѣе креста господня, и что прообразует огнь и свѣща?» Патріархъ же противъ Никитиныхъ рѣчей ничего не отвѣща; и бросился изъ кута холмогорскій епископъ пустобородый, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорить, а рѣчей не слыхать. Никита же воспрети ему: «Что ты нога выше главы ставишися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ»,—и отведе его мало рукою. Царевна же Софія самеуимудтасѧ также и тутъ скочи съ престола и воскрича: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ въ нашихъ очахъ, архіерея бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». И предстоящіи же рѣша: «Нѣтъ де, государыня, онъ не бьетъ, лишь только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде патріарха говорить». Царевна же стала говорить: «Да ты ли, Никита, съ святѣйшимъ патріархомъ говоришь? не довелось тебѣ у насъ и на очахъ быть, не токмо что говорить. Помниши ли ты, Никита, какъ отцу нашему блаженныя памяти, и святѣйшему патріарху и всему освященному собору принесъ повинную и великою клятвою клялся: «аще де впредь стану о вѣрѣ бить челомъ, или вчинять по прежнему, и будетъ де на мнѣ клятва святыхъ отецъ, седми вселенскихъ соборовъ»; а нынѣ ты опять за то дѣло принялся? Никита же отвѣща: «Государыня, не запираюся, поднесъ я повинную челобитную отцу вашему блаженныя памяти царю государю также и всему собору за мечемъ и за струбомъ; и по челобитной моей, кою подавалъ на соборѣ, мнѣ грѣшному отвѣту никто не отдалъ изо властей—а челобитную я писалъ 7 лѣтъ; лишь згибавъ меня, да въ тюрьму, а не вѣдаю, за что. Да на меня же Жезлъ книгу сложилъ Семенъ Полоцкой, а противъ той челобитной и пятой части нѣтъ къ той челобитной мнѣ отвѣту; а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣщати, и я нынѣ ево очищу и, если виноватъ буду, уже воля ваша, якоже хощете, тако и сотворите». И царевна ему молвила: «Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быти». И повелѣ царевна челобитную чести думному дьяку, а имя ему

пропамятовалъ; и читаніе его бѣ зѣло стройно и внятно. Егда же дойде въ челобитной до сея рѣчи, что де «чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзанецъ, и съ Никономъ, бывшимъ патріархомъ, поколебали его царской душею, блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича,»—царевна же Софія, не стерпѣвъ сего слова, скочи съ престола и нача со слезами говорити: «Когда Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, такъ и отецъ нашъ и братъ таковы же стали? ино по семъ нынѣшніе цари не цари, и патріархи не патріархи, и архіереи не архіереи стали? и мы де сея хулы не хощемъ слышати, что отецъ нашъ и братъ еретикъ, и мы де пойдемъ всѣ изъ царства вонъ». И стала съ престола царскаго съ иконою и отошла съ сажень прочее и стала. Хованскій, бояра и выборные вси восплакаша: «За что де царемъ государемъ изъ царства вонъ идти? мы де рады за нихъ, государей, головы своя положить.» А иные стрѣльцы видятъ такую неправду, разгорѣвшеся любовію божіею, стали говорить царевнѣ: «Пора де, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно де царствомъ тѣмъ мутить; намъ бы де здоровы государи были, а и безъ васъ де пусто не будетъ». Она же слышавше сіе, бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ сѣдѣ на царскомъ мѣстѣ, и повелѣ паки челобитную чести. Дьякъ же начавъ челобитную чести о истинномъ тричастномъ крестѣ христовѣ и о крыжѣ латынскомъ, како святіи отцы за едино истинный крестъ христовъ съ крыжемъ латынскимъ не почитали и чести крыжемъ отнюдь не воздавали; и о сложеніи перстномъ приведено много отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, иже невмѣстно здѣ написати, но точію вкратцѣ речемъ — Ѳеодоритово, и Мелетія, и Петра Дамаскина, и премудраго Максима Грека и иныхъ богоносныхъ отцевъ многихъ, ‘како креститися и благословити, также книга Кормчая: «Аще кто не крестится двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ». Она же стала говорить: «Да мы за сложеніе перстное не истязуемъ: кто какъ хощетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя тремя персты, хотя распростертою дланію, — все то равно». И отецъ Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня царевна Софья Алексѣевна, что де воображати крестное знаменіе двѣма персты на лицы своемъ, то древнее преда-

ніе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ»; и сложа лѣвою рукою три персты по новому: «а сіе щепоть преданія римскаго папы Формозы еретика, онъ такъ благословлялъ и повелѣлъ такоже и креститися». Царевна же рече: «Что де, инокъ, боишься сложить правою рукою три персты, но слагаешь лѣвою?» Саватій же отвѣща: «Ей, Государыня, боюся и зѣло страшно нарушити преданіе святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же рече: «Не бойся слагай правою рукою, мы и сами такъ крестимся всяко: тремя персты и всею дланію, да отъ того не будешь осужденъ». Саватій же рекъ: «Не буди намъ, государыня, оставити преданіе святыхъ отецъ; аще и смерть вкусимъ, вѣдаетъ Владыко за что». Царевна же умолча. Дьякъ же нача чести о сложеніи треперстномъ знаменіи и пріиде рѣчь: «а о треперстномъ сложеніи написалъ грекамъ нѣкто Дамаскинъ и Студитъ иподіаконъ, не вѣдаю да что имя ему, не вѣдаю прозваніе». Царевна же начатъ простымъ людемъ внушати: «Уже де Ивана Дамаскина порочатъ и преданія его хулятъ, а его де книгъ церковь божія много пріяла». И Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня, не буди того намъ, что такова велика свѣтильника и церковнаго учителя опорочити и преданіе его хулити, что церковь божія пріяла; мы преданіе его честно пріемлемъ и любезно цѣлуемъ. А то Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ написалъ такъ креститися въ три перста, а не вѣдомо кто, и откуду, и каково его житіе, и въ коемъ градѣ рожденіе, и нигдѣ въ божественномъ писаніи не обрѣтается, только лишь написанъ въ Скрижали въ недѣлю третію великихъ постовъ, слово Дамаскина и Студита иподіакона, а Богъ вѣсть откуда онъ». И тутъ царевна умолчала. И егда дойде во челобитной до сея рѣчи: «да онъ же Дамаскинъ иподіаконъ въ словѣ своемъ въ туже недѣлю третію святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходити по татарски безъ крестовъ и пишетъ сице: кая польза, рече, или какая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамѣ своемъ?» Она же вскочивши съ престола и нача говорити: «Вотъ смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ имъ безъ крестовъ ходити, и стала спрашивать бояръ: есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣщаша: «На насъ де, государыня, на всѣхъ кресты есть».—«А на васъ служивые есть ли кресты?»—И

они тоже отвѣщаша: «На насъ, государыня, на всѣхъ кресты есть,»—и начаша казати другъ другу. Никита же священникъ отвѣща: «Да въ вашей же книгѣ написано, что безъ крестовъ ходити?» Она же велѣла Скрижаль книгу предъ себя принести. Никита же, взявъ Скрыжаль, и хотяше къ ней нести; она же воскричала: «Тебя де, Никита, къ сему дѣлу не спрашиваютъ; я вѣдь тебѣ говорила, что тебѣ у насъ недостоитъ и на очахъ быти, не токмо что говорить,»—и велѣла книгу отцу Сергію къ себѣ принести. Сергій же принесъ къ ней Скрижаль и указа ей слово, идѣже написано, что безъ крестовъ ходити. Она же посмотрѣвши и стала говорить: «Я де сего слова не читала и не знаю, да у насъ де по сей книгѣ и въ церкви не чтутъ». Сергій: «Въ томъ же, государыня, словѣ писано и о сложеніи триперстномъ». Она же паки умолче. Дьякъ же нача челобитную чести и дойде до сего слова: «Да онъ же Дамаскинъ не убояся страха божія, отрыгнулъ отъ злаго сокровища своего: въ томъ же словѣ безгрѣшнаго Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа именовалъ грѣшнымъ, будто онъ Спаситель нашъ распялся за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе и пишетъ тамо сице: «тако да имате смерть вашу предъ собою, яко и Онъ, иже имать распинатися за нѣкое прегрѣшеніе, носитъ крестъ на рамѣ своемъ и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Она же абіе вскочивъ съ престола и рече предстоящимъ: «Видите ли какъ они написали въ челобитной своей, что Спаситель нашъ Христосъ распялся за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе; какъ такъ и помыслить нельзя, какъ они такъ плутаютъ». Сергій же отвѣща: «Да въ той же государыня Скрижали напечатано, въ томъ словѣ въ недѣлю 3-ю постовъ». Она же паки повелѣ принести Сергію книгу. Онъ же, вземъ книгу Скрижаль, и принесе предъ нее и указа ту рѣчь, идѣже написано: «имѣть распятися за нѣкое погрѣшеніе». Она же рече: «Я де сего слова не знаю и не читала», и умолчала. Діакъ же нача паки чести, и пріиде о аллилуіи, какъ Игнатію Богоносцу отъ ангела предано, еже 2-жды глаголати божественная аллилуія, а въ третій «Слава Тебѣ Боже», и какъ преподобный Ефросинъ псковскій ходилъ въ Царьградъ ради увѣренія тоя божественныя аллилуія, и отъ святѣйшаго патріарха вземъ благословеніе и

обхождаше монастыри и пустыни и скиты, и во всей Палестинѣ видѣвъ чинъ глаголющихъ аллилуіа дважды, а въ третій—«Слава Тебѣ Боже»; и како премудрый Максимъ Грекъ въ книгѣ своей написалъ: «еже возчетверяти божественная аллилуія и то де преданіе римскаго костела, аще де не престанете божественная та аллилуіа возчетверяти, и всѣ папины обычаи и преданія воспріяти». И тутъ холмогорскій епископъ, взявъ харатейную книгу въ полдесть, прописаны начальныя слова золотомъ, и въ ней написано аллилуіа 3-жды, а въ четвертый «Слава Тебѣ Боже» и сталъ говорить: «Вотъ де въ хвалительныхъ написано книгахъ аллилуіа четверити, да въ греческихъ такоже, якоже у насъ нынѣ соборная церковь содержитъ». Правовѣрніи же отвѣщаша: «Да та харатейная книга взята либо изъ Великаго Новгорода, либо изъ Пскова, преданіе Іова, роспопа троеженца, а не здѣшнихъ великихъ князей. А что де ты рекъ: и въ греческихъ во всѣхъ книгахъ четверичное аллилуіа, и то ты солгалъ.» И показали ему греческій часословецъ въ осьмушку, и мы ему рекли: «Вѣрите ли сему и греческія ли печати?» Онъ же рече: «Печать греческая и руки греческія». И тутъ напечатано послѣ псалма: «Благослови душе моя Господа»: аллилуіа, аллилуіа, докса си о ѳеосъ, а не четверичная по вашему. А ты лжешь на греческія старыя книги». И тутъ епископъ посрамленъ бысть,— и говорить стало нечего. Дьякъ же сталъ челобитную чести, и множество ересей прочте, и они уже вси молчаша. И при концѣ челобитныя, егда дойде до сея рѣчи, что де они новыя вѣры учители и бывшій патріархъ Никонъ да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латиноримскаго новаго и самомышленнаго преданія и не знаменующихся тремя персты по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предаютъ и по сему знатно: аще мы отъ нихъ прокляти, то и вси наши россійскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичь и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичь всея Россіи и прадѣдъ вашъ государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь, и отецъ вашъ государь блаженныя памяти царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичь до настатія Никонова въ томъ

же благочестія пребылъ, и они по тому же проклятію подлежатъ; якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властьми по тѣмъ старымъ святымъ книгамъ отъ святыя купели крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вмѣстѣ съ нами проклинаютъ. Поистинѣ писано въ правилѣхъ святыхъ апостолъ: «аще святитель не по волѣ божіей проклинаетъ, не послѣдуетъ ему судъ божій». И много отъ божественныхъ писаній писано, яже нелѣть есть вмѣстити продолженія ради. Патріархъ же и вси власти противъ челобитной нимало отвѣта не дали, только сидятъ, повѣся головы. Бояре же, другъ на друга возглядываясь, улыбаются, что власти отвѣта не дадутъ; а иніи зѣло плачутъ, слышавше толикое описаніе многихъ ересей въ новыхъ книгахъ и великую ихъ неправду. Только лишь царевна одна примолвила: «Вижу я, ваше то дѣло подобно сему, якоже сосудъ полнъ полыни, а край же его помазанъ медомъ; такъ то о отцѣ моемъ? когда уже отецъ нашъ еретикъ, на что же его пишете съ полной титлой?» И егда думной прочте челобитную, царица Наталья Кирилловна пойде во свои палаты; патріархъ, взявъ сосуды церковныя, златомъ обложены и подписаны римскими словами преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, зѣло изрядны, и показа всему міру, рече: «Вотъ, государи православные христіане! сіи сосуды преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина принесены моремъ въ бочкѣ и крестъ на потирѣ четверочастный». Сергій и прочіе отцы возопиша: «Да мы сей крестъ: христовъ пріемлемъ и покланяемся; сей крестъ тричастный, а не двочастный якоже крыжъ». Бѣ же на сосудѣ крестъ: прекое древо на подножіи, а дщицы, что титло написано, тое нѣсть; обложено крупнымъ жемчугомъ. И еще патріархъ показа книгу служебникъ и доски пробиты, а говоритъ: «служебникъ преосвященнаго Кипріана митрополита», а на свидѣтельство не далъ, какъ въ ней написано, сходно ли съ старыми служебниками или нѣтъ. Да еще книгу показалъ въ тафтѣ обверчену, а сказываетъ: «соборный свитокъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, присланъ къ благовѣрному царю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи о исправленіи церковномъ», а не покажетъ, что въ ней писано, сходно ли съ нашими старыми книгами, или не сходно. И отцы тутъ рекли: «Изволь

де, святѣйшій патріархъ, показать, что въ ней писано». И онъ лишь только говоритъ: «Мы на себѣ христовъ образъ носимъ и азъ пастырь, а не наемникъ, и вамъ должно есть намъ повиноватися», а не вѣдаю, за что. Да вышелъ попъ, брюхо велико, и сталъ говорить: «Вотъ ваши любимыя-то книги филаретовскія». И отцы рѣша: «И ты скажи намъ, что въ нихъ неисправно печатано». Онъ же нача чести: «во святый и великій четвертокъ и великую субботу и въ день святыя Пасхи и на Рождество Христово и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы причащаемся святыя воды Богоявленіи и тако разрѣшаемъ— ипоцы на сыръ и на масло, міряне же на мясо». Никита отецъ не разсуди о семъ, сталъ говорить: «Такіе же плуты печатали, какъ и вы». И онъ окаянный ненарочно въ простые люди внушилъ, будто въ великій четвертокъ и въ великую субботу въ филаретовскихъ книгахъ напечатано мясо ясти. Царевна же Софія воста съ престола и нача людемъ говорити, да не слушаютъ ревнителей православія, будто лжу на нихъ глаголющихъ. Народи вскричаша, кои въ Палатѣ, веліимъ гласомъ и протянуша руки своя горѣ, сложа персты по преданію святыхъ отецъ: «Мы, государыня царевна Софья Алексѣевна, рады за старой крестъ умереть», и возведоша очи горѣ и видѣша въ Грановитой Палатѣ въ небѣ Саваоѳа написанна, на престолѣ сѣдяща и по обою страну благословяща по старому двѣма персты, и рекоша царевнѣ: «Вонъ, Государыня, мы и простіи видимъ преданія святыхъ отецъ, мы тому и послѣдуемъ»—и указываютъ перстомъ на Саваоѳа. Она же со слезами изрече: «Невѣдомо, что мнѣ съ вами стало дѣлать»,—пойде на другую страну Палаты и ста въ углу; выборнымъ же велѣла за собою идти и рече выборнымъ: «Видите ли, свѣты: какую хулу возлагаютъ на отца нашего: не тотъ-де воръ, кой крадетъ, тотъ воръ, кой пріемлетъ. Они же называютъ Арсенія старца еретикомъ и Никона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ также еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты надобно за это дѣло стоять. Да и въ томъ крестѣ цѣловали великимъ государемъ, что за нашъ царскій домъ стояти». И тутъ выборные ко отвѣту Савву поставили; и онъ ей отвѣщалъ: «Нѣтъ-де государыня, они въ челобитьѣ своемъ не называли блаженныя памяти отца вашего

царя Алексѣя Михайловича и брата вашего Ѳеодора Алексѣевича еретиками, но токмо Никона и Арсенія: что они, по наученію діавольскому, исказили и испревратили всю нашу православную христіанскую вѣру, того ради ихъ называли. Да и прежде сего бывало въ Царѣградѣ: пришелъ чернецъ аріанскія вѣры, да и прельстилъ царя православнаго и во иконоборство ввелъ; да того ради отцы не называли еретикомъ царя, но чернца проклинали и еретикомъ называли: тако и они писали и еретиками называли и Никона называютъ; что на нихъ сіе дѣло лежитъ». Царевна же имъ молвила: «Идите же съ миромъ.» И пойде вонъ изъ полаты, такоже и патріархъ со властьми пойдоша; а собору приговорили быть въ пятницу. Народи же, видѣвше отцевъ, возрадовашася и пойдоша вонъ изъ Кремля. Хованскій же приказалъ дать 100 человѣкъ стрѣльцовъ и проводить ихъ до двора ради обережи. Егда же изыдоша вонъ изъ града, народи же начаша молити отцевъ прилѣжно со слезами, дабы на лобнѣмъ мѣстѣ почли отъ божественныхъ писаній. Отцы же по умоленію ихъ сотвориша: и начаша на лобнѣмъ мѣстѣ чести отъ божественныхъ писаній соловецкія тетради и толкомъ разсказывать ереси и какъ отъ нихъ блюстися, и въ книгѣ правой вѣры прочтоша объ отпаденіи юнитовъ и довольно поучивше въ божественныхъ писаніяхъ. Бѣ же народу многое множество съ женами и съ дѣтьми слушающе прилѣжно и дивящеся Никоновы вѣры ученію, како превратиша всю нашу православную христіанскую вѣру, и колико ересей насѣяша въ божественныя книги, и воздыхающе изъ глубины сердечныя; иніи же плакаху. И по чтеніи взяша честныя иконы и идоша въ Таганскія ворота поюще: «Владычице! пріими молитву рабъ своихъ» (Большую); и «о тебѣ радуется»... и богородиченъ 8 гласа: «царю небесный». Народи же вси по нихъ идуще и другъ другу возвѣщающе съ радостію: «Намъ де цари государи приказали по старому креститися», и показующе всему міру, сложа персты по преданію святыхъ отецъ. И пріидоша за Яузу ко Всемилостивѣйшему Спасу, глаголемое Чигасы, близъ Титова приказу и повелѣша звонити довольно—три часа. И егда внидоша въ церковь и начаша молебная совершати Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи. И послѣ молебна пойдоша въ домъ, идѣже прежде пребы-

вающе; народи же, проводивше ихъ до двора, разыдошася съ міромъ. Царевна же Софія по исхожденіи отецъ изъ Грановитыя Палаты, пойде въ свои царскія полаты и потомъ же пріиде патріархъ къ ней со властьми и поклонишася ей до земли, глаголюще: «Не дай де, государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, въ поносъ и униженіе и въ посмѣхъ таковымъ раскольникамъ»; плачуще и рыдающе и ревуще, яко волы, и слезами ноги ей омывающе. Она же повелѣ призвати выборныхъ всѣхъ полковъ. И егда пріидоша выборные, и нача царевна имъ говорити: «Молятъ васъ благовѣрные цари государи, и мы съ ними же и весь царскій синклитъ, и потомъ святѣйшій патріархъ и преосвященные митрополиты и весь освященный соборъ, не промѣняйте вы насъ и всероссійское государство наше на шестерыхъ чернецовъ, и не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и потомъ всего освященнаго собора.» И поклонишася вси, царевны, патріархъ и власти стрѣльцамъ мало не до земли, вси слезами обливающеся. Выборные же рѣша: «Намъ, государыня благовѣрная царевна, до того дѣла нѣтъ, что стоять за старую вѣру и не наше то дѣло, то дѣло святѣйшаго патріарха и всего освященнаго собора». И обѣщася имъ царевна дать дары и чести великія,— перваго выборнаго Стременнаго приказу пятисотнаго Никифора Силина велѣла помѣтить въ думные дьяки, да боярина пятисотнаго велѣла помѣтить въ дьяки же, а сына вверхъ приказала взять, а инымъ выборнымъ приказала дать по 100 и по 50 руб. и велѣла поить на погребахъ, чего ни хотятъ. Они же наипаче сказаша, что намъ до того дѣла нѣтъ. А Титова полку выборные не пошли вверхъ, и по нихъ сверху царевна посылала, и они вверхъ не пошли и начатъ имъ царевна говорити: «Для чего вы съ полками заодно повинныхъ не хощете дати, что впредь о старой вѣрѣ челобитья не заводить?» И пятидесятникъ Авдей Артемьевъ говоритъ: «Мы де, государыня царевна, безъ братскаго совѣта повинной не смѣемъ дать, прибьютъ де насъ каменіемъ рядовые стрѣльцы, какъ пріидемъ въ полкъ.» И велѣла царевна все оружіе у нихъ отбрать и жалованныя грамоты взять, и отказать имъ отъ царскаго двора, что имъ нѣтъ дѣла до караула, какъ хотятъ, такъ и живутъ; велѣла за караулъ отдать. И какъ ихъ повели

за караулъ и единъ отъ нихъ молвилъ: «Добромъ съ ними не раздѣлаешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». И царевна, то услышавъ, повелѣла ихъ возвратити въ палату. Имъ стали говорить: «Ну цари государи въ непокорствѣ вашемъ прощаютъ, живите по прежнему, а оружія и пороховой казны у васъ не отнимаютъ и жалованныхъ грамотъ, и вы принесите съ своею братіею заодно челобитную, что впредь сего дѣла не вчинять». И выборные къ ней рекли: «Добро де, государыня, и мы пойдемъ да возвѣстимъ братіи своей, что они придумаютъ». И отпускъ сотвори всѣмъ выборнымъ, и пріиде кождо въ полкъ свой. И рядовые стрѣльцы стали за нихъ приниматься: «что де вы о правдѣ посланы говорить, а неправду дѣлаете, пропили вы насъ на водкахъ да на красныхъ пойвахъ?» И посадили перевязавши въ тюрьму, а сами говорятъ: «Утре де вамъ указъ будетъ, ино де вы нынѣ Титовъ приказъ руками выдали безъ нашего вѣдому, а ино де иной также отдадите». И выборные имъ стали говорить: «Дворяне государскіе! подите сами да говорите предъ царевною; всѣ царевны государыни и святѣйшій патріархъ со властьми, а мы при нихъ кто? а они намъ въ поги кланяются, а сами плачуще говорятъ: «не промѣняйте де всего государства нашего на шестерыхъ старцевъ»; и мы слышавъ отъ нихъ, подумавъ да и отказали, а сказокъ безъ вашего вѣдома не дадимъ». И въ вечеру у выборныхъ совѣтъ былъ въ Стремянномъ приказѣ и придумали, что во всемъ отказать старцамъ и посадскимъ: «намъ до того дѣла нѣтъ». И пришли къ царевнѣ и сказали: «Наша де государыня немощь стала и рядовыя насъ хотятъ каменіемъ прибить, а иныхъ де нашу братью въ тюрьму пересажали, и не вѣдаемъ сами себѣ, что будетъ намъ утрѣ,— живы ли будемъ или нѣтъ? и хотятъ росписываться по прежнему приказы и съ барабаны идти, и наша де, государыня, топере стала немощь». И свѣдавше сіе патріархъ, прибѣжалъ къ царевнѣ и началъ плакать, а самъ говоритъ: «Теперь де наша конечная погибель пришла; напрасно де ихъ раздразнили». И царевна молвила: «Не кручинься, батюшко, ты объ этомъ дѣлѣ, я де знаю ихъ уговорить». И велѣла разослать памяти по всѣмъ приказамъ, чтобы со всякаго полку шли на опасной караулъ къ Троицѣ, иже на рву, по 100 человѣкъ и солдатъ

и пушкарей такоже. И сошлися къ вечеру со всякаго приказу по 100 человѣкъ и стали сговариваться: «Худо де, братцы; выборные насъ пропили на водкахъ и красномъ питьѣ и Титовъ приказъ руками хотѣли отдать, а потомъ иной приказъ также отдадутъ». И придумали всѣ полки, что выборныхъ всѣхъ прибить за неправду ихъ, а къ патріарху по прежнему идти съ барабанами. И въ то время пріиде сверху невѣдомо какова чину человѣкъ и сталъ имъ говорить: «Дворяне и вся надворная пѣхота великихъ государей! цари государи жалуютъ васъ погребомъ. На 10 человѣкъ по ушату пива простаго и поддѣльнаго, такоже и мѣра меду». Они же и думать перестали, да и побѣжали всякой десятокъ съ своимъ ушатомъ, да перепилися пьяны. И выборные имъ стали говорить къ томуже, которые почести великія взяли на дворянъ государевыхъ: «Чего намъ больше жалованья отъ великихъ государей? Чѣмъ насъ великіе государи не пожаловали?» Они же перепившись, да правовѣрныхъ нашу братію о Христѣ возми да бей: «Вы де бунтовщики и возмутили всѣмъ царствомъ». Они же правовѣрніи, видѣвше ковъ злохитраго діавола и себѣ великую пакость и убійство, возмятошася и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша. На другой день такоже по сту человѣкъ перепоили, такоже и на третій день да и вси полки такъ перебрали. Они же служивые, злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять. Да сто человѣкъ послали по отцевъ и привели на Лыковъ дворъ, никто не вѣдалъ; отца Никиту единаго оставили на Лыковѣ дворѣ за карауломъ, а прочихъ отцовъ взяли на патріаршій дворъ и разсажали порознь. Во вторникъ на первомъ часу отцу Никитѣ главу отсѣкли, и отца Сергія въ ссылку послали въ Ярославль во Спасской монастырь; а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ. И въ то время не свѣдаху другъ друга, наипаче пріиде гоненіе. И что видѣли своима очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ братіи, сія написахомъ.

ПЛАЧЬ ГОРОДЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ПОСТРОЙКѢ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщено А. С. Павловымъ.

Изданіе Высоковскаго единовѣрческаго монастыря.

Плачь и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
«Настало время отпаденья,
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отяготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ? — Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселяться?
Да и что за благодать —
Вдругъ часовню разорять?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ измѣнникъ, —
Нельзя мыслить тутъ инако:
Злу всему повиненъ Марко,
Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились;
Имѣть церковь восхищались,
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубятъ,
Что деревянну церковь срубятъ.
А потомъ притомъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поповъ у насъ не стало;
Не имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.

Охъ, послѣдни, видно, вѣки,
Что прельстились человѣки
Отъ архерея благословляться
И *единовѣрцами* назваться!
Это нѣсть единовѣрье,
А отъ насъ лишь отдаленье —
Концысторіей заняться,
Ей въ правленіе предаться.
Лучше головы положимъ,
А свое мы не отложимъ.
Неужели мы не въ состояньи
Поповъ судить не въ постояньи?
Судить сами ихъ умѣемъ
И правила разумѣемъ,
Хотя не священныя лицы,
Какъ то бываетъ во столицы.
Поповъ мы сами разбираемъ,
Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
Нынѣ жъ древность всю растлили,
Себѣ церковь испросили!
Нут-ко, мужіе, старайтесь,
Отъ новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте,
Въ Москву, Питеръ поѣзжайте;
Раздавайте, не щадите,
Длительность дѣлу ищите
И всѣ мѣры принимайте,
Церковь строить не пущайте.
Поупрямьтесь, милы братцы,
Часовенны старобрядцы,
И бунтуйте, не сумнитесь,
И начальства не страшитесь;
Къ защищенью всякъ спѣши,
Стой въ одно, хоть колъ теши!
Въ противность же что случится,
То мы должны откупиться.
Пошлемъ въ разныя селенья
Съ повелѣньемъ объявленья,
Что часовню разоряютъ, —
Въ церковь нову претворяютъ.
Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
Помощь сдѣлаютъ прекрасну.

А ревностны богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстанутъ,
Отъ часовни не отстанутъ;
Повѣренныхъ изберутъ,
Тысячь много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся калугеръ,
Варсонофей лицемѣръ:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступаетъ,
Да еще съ брадой сѣдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Чрезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздарили;
Еще бы тысячь двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать —
Такъ вотъ честь ей приписать —
Всѣхъ ревностью удивила,
На собраньи говорила:
«О вы, бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣ приступаетъ.
Вы же, сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперь только и взять,
Что тысячи развязать;
Если будете скупиться,

То часовня претворится
Въ церковь божью, въ новый храмъ.
Охъ, какой же будетъ страмъ!
Чего мы не ожидали,
То почувствовать намъ дали:
Можно-ль было воброжать,
Чтобъ попа Василья взять?
Очевидно отъ насъ взяли,
Руки и ноги перевязали,
Повезли въ вѣчной удѣлъ,
Гдѣ судимъ ему предѣлъ.
Ужъ не даромъ я недавно
Видѣла въ нощи, какъ явно,
На яву и не во снѣ
(Тутъ дрожали всѣ плеснѣ)
Такò дивно откровенье:
Что часовня въ разореньѣ —
Наша мила она мать
Хощетъ въ вѣрѣ пострадать —
Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
Главы нѣтъ, одни палаты».....
Облившись слезой, ушла,
Гдѣ дорога ей пришла;
И такъ спѣшно удалилась,
Что невидно, гдѣ и скрылась.
Вдругъ предсталъ тутъ Меценатъ
Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
Почтеннѣйшій на видъ отецъ,
Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
Собранье обратило взоры
Къ нему и на него укоры.
Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
Сказалъ: «несчастное кладбище!»
А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
Народъ ему многъ закричалъ:
«Умремъ! хоть головы рубите,
Благословеннаго въ часовню не водите,
Попа такого не желаемъ,
Вси слезно просимъ и рыдаемъ.
Довольны мы доднесь и тѣмъ,
Снабдилъ святой Иргизъ насъ чѣмъ.»

ОБЛИЧЕНІЕ НА НИКОНА ПАТРІАРХА, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. [1])

1. Христолюбивый государь, царь і великиі князь Алексѣй Михайловичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ! милостивно послушай и своего государева богомолца, не свою честь гоняща, но о святой соборной и апостольской церкви болящa ко утвержденію царствия твоего. Въ великиі бо страхъ приведе ны преосвященный Паисия, митрополитъ газскиі; сице глаголетъ, яко велми согрѣшаютъ архиереи, что не извѣщаютъ тебѣ, великому государю, о вдовствѣ матери твоея, святыя соборныя и апостольския церкви, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ: болѣ бо трехъ мѣсяцъ вдовствовати правила не повелеваютъ [2]), нерадящихъ же о красотѣ ея запрещаютъ и отлучаютъ. Отрекшагожся убо архиерейскаго престола съ клятвою правдоглаголивый архиерей Паисия жива погребенна нарицаетъ; насъ же, архиереовъ, въ правду порицаетъ, сице глаголя: «Пастыри! для какой притчи небрежете престола патриаршескаго, которая есть обшая паства? Оберегайтеся, чтобъ та ваша неприлежность Бога не возбудила до отмшенія і ярости: серпъ бо вижу, рече Захария [3]), летающь двадесять лакоть длиною, а шириною десять».

Статья 2-я. «Аще бо, рече, (не) вы архиереи о обираниі и поставлениі патриаршескомъ что можете чинити, ктоже іной порадѣетъ чинити? Ваше то дѣло и ваше радѣние. Для чего вы другъ другу тягости не носите по апостолу [4]), ни обша воспомогаете себѣ, презрѣвше заповѣдь божию: *возлюбыши ближ-*

---

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка Въ рукописи статья не имѣетъ заглавія. *Ред.*

[2]) 4-го соб. прав. 25.

[3]) Захар. глав. 5.

[4]) Къ Галат. с. 13.

нято своего, яко самого себе, еже есть—всѣхъ християнъ?» И дивяся преосвященный Паисия рече: «Како единоя есте вѣры, не милуете свой народъ и сродники своя? И есть ли вы сами о своемъ добрѣ и о своей чести не радѣете, кто иной странной будетъ радѣть?» Сего ради и мы молимъ тебе, христолюбиваго государя царя: да по заповѣди благочестиваго Иустиниана царя [1]) избрание сотвориши въ трехъ лицѣхъ, блюдый себе, да не нѣчто праведно постраждеши, по 38 главѣ тогоже благочестиваго Иустиниана царя. Въ правду убо, благочестивый царю, преосвященнаго Паисия митрополита праведное запрещение, — «да не нѣчто отъ Бога постраждемъ, не радяще о сихъ.»

Статия 3-я. Сего ради священный онъ мужъ и тебѣ, великому государю, не стыдяся, праведно рекъ, яко, аще ты, великиі государь, матерь твою, святую соборную и апостольскую церковь, для достойныя притчины и обычаемъ строителскимъ и для причинъ, которыя намъ невѣдомы, о паствѣ царствующаго града не промышляешъ: «великимъ грѣхомъ, рече, не согрѣшаетъ, отъ меньшагожь грѣха нѣси свободенъ»,—потому что многия соблажняются и почитаютъ то дѣло въ лѣность, что ты, великиі государь, не радѣешъ и прилежности о тотъ не имѣешъ. И моля тебе, великаго государя, твое, благочестивый царю, прилѣжное попеченіе о церкви, потому, яко не укрѣпляются дѣла царския, донележе не укрѣпятся дѣла матере твоея, святыя соборныя и апостольския церкви. Мати бо твоя, рече, благочестивый государю,— церкви божия и, якожь долженъ еси почитати матерь свою, которая тебя родила, много паче долженъ еси любити и почитати, духовную твою матерь, святую соборную и апостольскую церковь, которая тебя породила во святѣй купѣли святаго крещения и которая тебя помазала на царство масломъ и хризмою радости.

Статия 4-я. Но, о благочестивый царю, священнаго онаго мужа неухищренная бесѣда, пачеже молба и мы, твои государевы богомолцы, молимъ, да дѣйственна будетъ; воистинну убо никоторое твое царское дѣло крѣпости імѣти не будетъ, донележе мати твоя, святая соборная и апостольская церковь, отъ смущенія не свободится и благъ пастырь той даруется, могиі правѣ промышляти о красотѣ ея и благъ миръ той даровати. Отнеле-

---

[1]) Нов. запов. гл. 28 і 29.

же бо онъ, Никонъ, начатъ вводити смущения догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу; но по извѣстномъ его отверженіі і воистинну странномъ и нелѣпотномъ патриаршескаго престола съ клятвою, преосвященному Паисию, митрополиту газскому, дерзостно пишетъ сице: «Никонъ, божіею милостію патріархъ, въ Духѣ Святѣмъ преосвященному митрополиту Паисіі милость и благословения». Облакъ свидѣтелей имать онъ, Никонъ, отрицанию своему, о благочестивый царю: почто озирается вспять? Али не ползова его Христосъ, рекиі: «Никтожь, возложь руку свою на рало і зря вспять, управленъ есть во царствие божие?»

Статия 5-я. Жена убо Лотова, обратившися вспять, бысть столпъ сланъ, и не дивно: не сохранши бо заповѣдь пострада въ правду. Не сущее бо Никонъ глаголетъ, патриарха себе нарицая и, простъ чернецъ, сущему архиерею благословения дая [1]): не совершивъ бо службы, изъ церкви изшелъ есть и безъ лѣпоты престолъ оставль гнѣвомъ и яростию, презрѣвъ божіі страхъ: прощения бо паче долженъ есть просити таковаго дерзновении и ругателства и многихъ соблазнъ. И гдѣ бо обрѣсти имать въ писаниі таковъ образъ оставления престола? Дерзость бо оного и безсовѣтия обычай правилно сугубо страдати его устроитъ. Иоанъ бо, мнихъ и молчалникъ, и сущия съ нимъ черноризцы Святыя Горы явѣ показати іиутъ сице рекуща [2]): «Своею волею оставльшу кому святительство аще подобаетъ глаголати: *Благословенъ Богъ нашъ* и *Боже ущедри ны и благослови ны* и *Христосъ истинный Богъ нашъ* или кадити, не сущу иному презвитеру, или входити или причащатися внутрь святаго алтаря?» И блаженный патриархъ Николае со всѣми святаго собора отцы сице рекоша: «Никако недостоитъ і на мѣстехъ бо отъ простыхъ людей поставленъ будетъ.»

Статия 6-я. Да аще *Благословенъ Богъ нашъ* и *Боже ущедри ны и благослови ны* и *Христосъ истинный Богъ нашъ* глаголати не подобаетъ оставльшему волею святительство и кадити кадилницею, не сущу иному презвитеру: како убо онъ, Никонъ, паки архиерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ, противяся правилу 28 святыхъ апостолъ? Изверженому по праведнѣй винѣ о

---

[1]) Въ рук. *для.*

[2]) Книг. Корн. вопр. 300, лист. 551.

согрѣшенiи явленнѣ и паки дерзнувшу прикоснутися преже врученныя ему службы, яко гнилъ удъ отъ церкви отсѣщи повелеваютъ. Не явленно ли согрѣшение имать Никонъ, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изшедъ и безчестно святительскiи санъ съ себе сверже предъ многими свидѣтели? И не клевещущiи нань быша, но самъ, свою совѣсть познавъ, съ клятвою престола отвержеся, недостойна себе судивъ святительския власти и чести. Нынѣ дерзая пишетъ, аки и не осудимъ и ни правилъ святыхъ апостолъ i святыхъ отецъ на себѣ имѣя: будто для непрямыя ярости царевы престолъ оставилъ, послушавъ евангельскаго гласа: *егда гонятъ вы, изъ града бѣгайте.*

Статия 7-я. Но и гонитель слышишися, о христолюбивый царю, отъ буяго сего! Никто вѣсть, яко тобою, великимъ государемъ, изгнанъ Никонъ и откуду явленно имать быти гонение твое государево къ Никону? Пишетъ бо, яко святительскiи судъ ты, великiи государь, а у него похитилъ и судятъ священный чинъ мирския твои государевы царевы люди; а тотъ де судъ приняла святая мати церковь, владѣнiи де о судѣ церковнѣмъ противъ предания святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ i иныхъ милостивнѣйшихъ царей. И то де владѣние приняло твое царское величество: ево самово судящъ и преосвященныя митрополиты и архиепископы i епископы, архимариты i игумены и монастыри, освященныя старцы i весь церковный чинъ. Но о сихъ, христолюбивый царю, отъ него, Никона, при отреченiи престола съ клятвою въ церкви нѣсть глаголанно или откуду явленно, яко того ради онъ, Никонъ, оставилъ престолъ i нынѣ дерзая пишетъ къ странному архиерею, гонителя и хишника тя нарицая, презрѣвъ апостольское правило 84, сице глаголющее [1]): «Аще кто досадитъ царю или князю безъ правды, аще епископъ или причетникъ, извержется»: царя бо верховный апостолъ Петръ чтити повелеваетъ; сице рече: «Князю людей своихъ да не речеши зла»;—и молитися повелеваетъ за царя и за вся, сущая въ величествѣ, досаждати убо князю или царю всѣмъ возбранено есть.

Статия 8-я. I паки Никонъ пишетъ, яко ты, великiи государь, учинилъ пиръ болшой для нѣкоторого царя Грузинскаго,

---

[1]) Посл. Пет зач. 58 и 43 и 282.

на котораго пришествия къ твоему царскому величеству единъ нѣкто изъ велможныхъ твой государевъ ударилъ ево патриаршева стряпчева. А какъ де сказался патриаршимъ стряпчимъ и что де бить его не годитца, и тотъ де твой государевъ человѣкъ болшой и болше придалъ ударовъ и слова де безчестныя говорилъ: «Чего велми почитаешъ патриарха?» Не велика досада, благочестивый царю, и немного безчестныхъ словъ болѣзнено Никону, и нищу сущу и ни благородиемъ отъ дѣтства цвѣтущу, но и зѣло отъ худѣйшихъ бывъ, обаче власть и честь принмъ отъ тебе, великаго государя, и, въ самовластиі бывъ, не терпитъ и отъ болярина къ стряпчему своему безчестия и сего, что боляринъ рекъ стряпчему ево: *Для чего велми почитаешъ?* И сихъ ради онъ, Никонъ, къ твоему царскому величеству своею рукою писалъ, чтобъ судъ и управу объ томъ дѣле ты, великиі государь, учинилъ. И ты де, великиі государь, рекся съ нимъ повидать и того не здѣлалъ и болшимъ гнѣвомъ разсѣрдився іюля въ 8 день Богородицы Казанской и празновать не пришелъ, такожъ и въ 10 день на празникъ Ризы Господни обычно приити не изволилъ и въ кѣлью де прислалъ изъ своихъ князя одного со многими не прямыми словесы, и онъ де, ту похвалу и слышавъ, здумалъ мѣсто дать гнѣву.

Статия 9-я. Многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего ли ради и дерзостно послалъ стряпчево своево безобразно въ твою царскую полату чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится? Въ правду твоимъ государевымъ болярином отосланъ со гнѣвомъ, не имый одѣяния брачна и прекословивъ много. А что волю твою государеву боляринъ твой государевъ совершилъ, — не имущаго одежды брачны исъ полаты твоея государевы выслалъ, аще і со скорбію, болея отъ тебе, великаго государя, гнѣву,—не въ лѣпоту тутъ судъ. Аще къ смиренію приводя ево, Никона, на оба торжества ты, великиі государь, празновать не пришолъ, въ лѣпоту—сихъ ради смиритися Никону и болярину миръ и благословение подати, а не престолъ оставити съ клятвою, еще же и безлѣпотно. А что онъ пишетъ о князѣ, которой присланъ отъ тебя, великаго государя, къ нему въ кѣлью, будто со многими непрямыми словесы и безчестиемъ,— и въ сихъ совѣсть его вѣсть, аще не лжа: во многихъ бо бывый

невѣренъ, въ малыхъ кто вѣру иметъ ему? Явѣ бо показа свою лжю, пачеже хулу рекъ при отвержении бо престола съ клятвою, будто ты, великиі государь, въ соборную церковь къ нему, Никону, прислалъ нѣкоторого велможнаго съ тѣмижь позорными словесы, какъ и прежде.

Статия 10-я. Оле дерзости, благочестивый царю, на твое царское величество Никона! и лжа сия извѣстнѣйша всему священному собору і всему причту и множеству сущимъ въ церкви народа, яко въ соборную и апостольскую церковь присланъ отъ тебя, великаго государя, твой государевъ болярин, князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, а не безъ имени нѣкто, и не съ позорными словами, но съ молениемъ отъ тебя, великаго государя, и съ любочестными словами, якоже лѣпо есть священическому чину. И аще сихъ ради Никонъ, поючи святаго Давида пѣснь, отдаленъ и учиненъ есть и бѣгая, розжился въ пустыняхъ, ожидаючи Бога спасителя? Оле буесть! Нареченный отъ него новый Іерусалимъ воистинну реку Никаполимъ, рекше смятение градовомъ. Нынѣ и самъ пишетъ, что бѣгая розжился въ пустыняхъ. Пустыняли? И въ правду, яко пустъ отъ благихъ, исполненый злобъ; въ правду рекъ Никонъ, что отдаленъ нелѣпотнаго ради отхождения святительскаго престола съ клятвою и правилнѣ учиненъ чюждь святительския власти и чести, и бѣгая отъ благихъ нравовъ. Но не въ пустыняхъ розжился вещми вѣка сего: властне взятъ патриаршескаго дому казну и другихъ епископіі и всего царствующаго града Москвы и другихъ градовъ выморныхъ домовъ животы; едва и твоей государевѣ царевѣ казнѣ не коснулся ли. И въ сихъ тому трудившуся, изду трудовъ своихъ восприялъ есть. И не диво рекъ, яко рожжился въ пустыняхъ, великимъ бо обозомъ отъ царствующаго града изыде въ свой Новой Иерусалимъ и урядствомъ дивнымъ и ни неволею гонимъ; разоряя бо и граба пустынныя мѣста, казну тѣхъ къ себѣ присовокупилъ. И въ правду рекъ, яко розжился въ пустыняхъ!

Статия 11-я. О сихъ во истинну дивимся, благочестивый царю, яко, будучи онъ, Никонъ, во своемъ Иерусалимѣ, годъ и два мѣсяца недостатокъ харчевъ терпѣлъ и отъ скудости въ другіі свой монастырь и въ третиі отшедъ, которой на морѣ. Но и въ скудости до трехъ сотъ подводъ запасы имѣлъ и,

естьлибы свидѣтельствовать истинными свидѣтелствы путь оного, имъ же идяше,—подобно рещи, яко огнь—хождение того, убогихъ домы пожигая граблениемъ. И егда тому жившу въ пристанищи годъ, пишетъ, что ты, великиі государь, въ то время собралъ разныя власти, здѣ живущия, и ничево свыше написанныхъ отъ его отходовъ имъ не сказалъ; но то учинилъ, чтобъ лживыя свидѣтельства написаны были на него, Никона, отъ нѣкоторыхъ людей, въ твоихъ царскихъ палатахъ живущихъ. А иныхъ де ты, великиі государь, мучителствы стражаючи, приказалъ говорить, что онъ, Никонъ, доброволно оставилъ престолъ; архиереомъ и прочимъ властемъ будто ты, великиі государь, дары далъ, чтобъ руки свои подписали, чтобъ впредь ему патриархомъ не быть; и будто мы, твои государевы богомолцы, даровъ ради учинилися тебѣ, великому государю, послушны: не изыскавъ противной притчи и не роспрося отвѣту, для чево онъ отъѣхалъ, судъ чинили не прямо по твоему государеву указу и всѣ руки свои противъ ево подписали не по преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, приводя правило одно 16 второперваго собора.

Статья 12. Да еще, благочестивый царю, объ тебѣ, равноапостолномъ помазанникѣ божиі, и о всемъ освященномъ соборѣ таковыя хулы дерзаетъ Никонъ произносити, явно имы отречение престола съ клятвою и безлѣпотно: не судъ убо чинити благоволившу ти, великому государю, о немъ и ни винъ искати, чтобъ ему патриархомъ не быть, но безъ зависти и рвения и кромѣ тщетныя лсти распрашивали властей, которыя прилучилися съ нимъ, Никономъ, въ службѣ въ то время. И свидѣтельствовали о немъ, Никонѣ, праведно бояся праведнаго божия суда, и ни по страсти и гнѣву, ни даровъ ради святители убо извѣстили по архиерейству сице; и архимариты і игумены, протопопы и попы и дияконы сказали по священству и весь причетъ по Христовѣ евангельской непорочной заповѣди сказали: что онъ, Никонъ, самовольно отречеся престола и власти съ клятвою и не пастырь, но пасомая овца звашеся и, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изыде. Свидѣтельствуетъ бо о сихъ писмо ихъ за руками і всего священнаго собора соборное

дѣяние за архиерейскими руками и иеромонашескими, въ немъже не одно 16 правило второперваго собора и 9-е правило третняго вселенскаго собора, 18-е правило сардійскаго собора и святыхъ (апостолъ?) правило 62, облакъ же свидѣтелствъ и правилъ преподобнаго Никона, инока Черныя горы, исъ правилъ Матѳеевыхъ, изъ другихъ божественныхъ писаниихъ. Како лжущи пишетъ Никонъ, яко судъ о немъ чинили не прямой по одному правилу второперваго собора и даровъ ради отъ тебе, великаго государя, учинились послушны и руки свои подписали?

Статия 13. Но и 16 правило второперваго собора нерадившаго епископа о своемъ стаде, ни болѣзни ради, ни царевымъ повелѣниемъ, ни патриарховымъ одержима, вище 6 мѣсяцъ отъ своея церкви отшедша, епископскаго сана и чести чюждь праведно сотворити повелеваетъ. И зри здѣ правилнаго суда: не отрекшагося своея паствы сице осуди, но нерадившаго о своемъ стадѣ. Никонъ же отрекся съ клятвою и безчинно. Пишетъ, что его отъѣздъ не таковъ видится ему быти по евангельскимъ письмамъ, такъ какъ и самъ Христосъ отъ ярости Иродовы и жидовскія многажды, охраняючися, отходилъ. Но и подражатель Христовъ наречеся суесловесный сей: и кого убо Ирода нарекъ или жидовъ буявый? И отъ того съ Москвы побежалъ, подражая Христа! Како не заградятся она хулная уста и невмѣстная глаголющая? Не великимъ бо обозомъ Спаситель нашъ Христосъ бѣгалъ отъ Ирода во Египетъ, да не убиенъ будетъ; но, смотрения таинство совершая, Пречистою Дѣвою носимъ, единому бывшу хранителю Иосифу обручнику, и тому нищу; и нашего ради спасения нищъ на земли былъ, не имѣя гдѣ главы подклонити. И ни о собраніі богатства пеклъся, ни многими вещми, но и уча ученики своя, глаголя [1]): *Блаженни нищіі духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* И свидѣтелствуя о себѣ, рече [2]): *лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческіі не имать, гдѣ главы подклонити* [3]).

---

[1]) Матѳ. зач. 10.
[2]) Зач. 26.
[3]) Мар. зач. 32.

Статия 14. Но и отъ зависти жидовския Христосъ въ пустыню отходилъ единъ со ученики своими, немного съ собою запасовъ имѣлъ, пять бо точию хлѣбовъ и двѣ рыбы. Но и сия народомъ предложити повелѣ и ядоша вси и насытишася и взяша избытки укрухъ 12 коша исполнь; ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящь, развѣ женъ и дѣтей. И паки седмию хлѣбы и малыми рибицами четыре тысящи насыти и избытки укругъ седмь кошь взяша. Но глаголяи, яко подражая Христа, со многимъ богатствомъ изъ царствующаго града изыде. Апостолъ же Павелъ [1]) отъ Июдей, убити его хотящихъ, нощию въ кошницѣ свѣшенъ по стенѣ, не много съ собою взятъ запасовъ и вещей Сице и Петръ [2]) ангеломъ изведенъ исъ темницы, а не ушелъ, и уже желѣзныя на руку имый. Архиереи же и сущая съ ними ересь саддукейская исполнишася зависти і возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюдение обшее, рекше въ темницу; но ангелъ господень нощию отверзе двери темницы і изведе ихъ. И зри, како апостоли исъ темницы изводими бяху отъ святыхъ ангелъ, а не уходили. Но и въ сихъ солгалъ Никонъ: да ни въ темницѣ не сидѣлъ, и оковъ желѣзныхъ на руку и на ногахъ не имѣлъ, і въ кошницѣ по стенѣ не свѣшенъ; но, умъ погубя, оставилъ престолъ и, никимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва остави власть, многа богатства вземъ, отъиде, всуе воистинну рекъ: подобяся апостоломъ.

Статия 15. Но и Григориі Богословъ самоволно оставль престолъ смирения ради, а никимъ гонимъ; въ негоже мѣсто Нектариі скоро поставленъ бысть. Аѳанасиі же великиі отъ Арианъ 6 лѣтъ по Божию извѣщению у дѣвицы крыяшеся еретикъ ради, но не отвержеся престола съ клятвою, остави точию престолъ, повинуся воли Божиі и скрыся, да не, буести ради еретикъ, убиенъ будетъ. Властижь, собранныя отъ тебе, великаго государя, свидѣтельствующия ево, Никоново, отвержение патриаршескаго престола съ клятвою, аще и болши 6 мѣсяцъ прожили на Москвѣ, не суть достойны правилнаго осуждения [3]), зане рождьшиіся во благочестиі

[1]) Зач. 28 і зач. 19.
[2]) Зач. 14.
[3]) Карѳаг. собор. прав. 94.

и въ вѣре воспитани бывше цари руку помощи даяти церквамъ должни суть: благочестивыхъ бо царей пособия и помощи церкви всегда требуетъ. Благочестивиже цари должни суть таковая подавати имъ, яко вѣре суще поборницы, да не отъ еретикъ или отъ безчинныхъ человѣкъ преобидимы бываютъ; всѣ бо седмь вселенстиі собори благочестивыми цари собрани быша, святніже и богоносниі отцы христолюбивымъ царемъ благопослушны быша и волю тѣхъ *Божию* волю непщеваша. Всуе бо рекъ Никонъ, что не надобно было слушать архиереомъ тебе, великаго государя царя, и не приходити безъ его повелѣния.

Статия 16. Но все рекъ Никонъ, возвысився паче мѣры. Въ поставленіі бо святительства во святой соборной і апостольской церкви якова исповѣдь чтена предъ тобою, великимъ государемъ, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и предъ всѣмъ миромъ отъ него, Никона, сицева и отъ насъ, архиереовъ, въ поставленіі святительства. И аще бы ты, великиі государь, противно что церкви сотворилъ, въ лѣпоту бы не слушати и тебе, великаго государя царя, аще и смертию претилъ; но твое, великаго христолюбиваго государя царя, о святой соборной и апостольской церкви, матери твоеі, праведно и правилно попечение. Сего ради и всѣмъ намъ нужно, да не вдовствуетъ мати наша святая церкви: болѣ бо триехъ мѣсяцевъ вдовствовати той правила не повелеваютъ. И како убо преслушны явимся, о благочестивый царю, о нихъ же и молитися должны есмы? Зане въ зазорѣ есмы правилно отъ странныхъ архиереовъ: не мы бо во истинну отъ него отступихомъ, но онъ насъ оставилъ, и молимъ со слезами: безчинно отвержеся престола и власти съ клятвою! Всуе бо поминаетъ правило второперваго собора 13, 14, 15: праведно бо тогоже святаго собора 16 правило епископъскаго сана и чести чюжа его устроеть.

Статия 17. Явлена бо вина Никонова—всѣмъ безчинное его отвержение его престола съ клятвою і всему росціскому государству, пачеже и самой той соборной и апостольской церкви крайнее безчестие, яко, и не совершивъ божественныя службы, не проводивъ обычно Ризы Господни, безчинно изъ церкви изшедъ. Гдѣ бо въ писаніі таково ругателство

отъ православныхъ архиереовъ обрѣсти возможно? Въ правду своя ему сѣть, въ нейже и увязе, и ровъ, егоже самъ себѣ ископа. И туне молвилъ онъ Никонъ, яко безъ его воли мы, архиереи, тебя, великаго государя, слушая, въ царствующій градъ собралися. Не послушание точию мы, твои государевы богомолцы, тебѣ, великому государю, должны творити; но и молимъ тя, равноапостольнаго государя, и со слезами просимъ, да упразнится буесть таковая и безчинна дѣтель: тоимый гнѣвомъ туне, исполненный воистинну неправды и лсти да преданъ будетъ подъ крѣпкия началы въ пречестную которую либо лавру; тремъ же монастыремъ строитель отнюдь да не будетъ на пагубу самому тому и другимъ многимъ, но въ молчаніі по своему обѣщанию да спасетъ свою душу, въ твоейже, великого государя, державѣ пакости да не дѣетъ и обидъ многимъ да не творитъ! Мечь бо обоюдуостръ—своя ему воля. Аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, не презри молбы твоихъ государевыхъ богомолцовъ: да возмется нечестивый сей отъ среды нашея, да Божіі праведный гнѣвъ не постигнетъ насъ и въ правду пострадемъ, не пекущеся о благихъ. Благопослушливу же ти бывшу, государю, и дѣломъ сотворшу, о нихъже тя молимъ, державу царствия твоего исподвиши благихъ и Бога милостива ко всѣмъ намъ сотворши и самого себе радостна узриши.

Статия 18. Слезно, христолюбивый царю, изгнанъ насилствомъ и чрезъ умъ пишется Никонъ, і будто для исповѣдания соборной церкви и для самой его неправды неправду поносити понужденъ дѣлатель. Воистинну неправды и преисполненъ всякия лжи и лсти: приводилъ правило 19 сардийскаго собора, будто для обидъ въ московскихъ своихъ паствахъ живетъ; и паки пишетъ, яко нынѣ въ великое говѣние слышавъ отъ тебе, великаго государя, жестокую грозу чрезъ околничего твоего государева Иродиона Матвѣевича Стрешнева: что ты, великіі государь, буести его не хощешъ болши терпѣти. Праведно, воистинну, то твое государево слово и матери твоей, святой соборной и апостольской церкви, зѣло благопотребно и ко утверженію царствия твоего, аще дѣломъ показати имаши. Но зри, христолюбивый государю, ру-

гателство оного. Пишетъ, будто слово твое государево показалося ему великая гроза; обаче убо явѣ говоритъ, что предъ тобою, великимъ государемъ, никакой вины не знаетъ, опрочѣ того, что пишетъ и говоритъ, постерегаючи неправды твоея; и что, де, ты, великиі государь, святыя божия монастыри до болшаго убожества привелъ и церкви божия силною своею рукою разорилъ, разсердився на него, и безъ его благословения отъ святыхъ церквей и монастырей животы святыя отнимаешъ и безъ суда и повелѣния архиерейскаго подъ власть свою понуждаешъ. Правда ли въ сихъ, христолюбивиі царю, глаголемая тѣмъ? Аще ли ни, воистинну ругателство.

Статия 19. И паки пишетъ Никонъ, что епископы и архимариты і игумены безъ архиерейскаго избрания по твоему государеву повелѣнию и по расмотрению поставляются и посылаются и ево, де, самого і весь пресвященный соборъ нѣкия люди судятъ, и называется де тотъ судъ монастыръской приказъ, и которыхъ, де, онъ, Никонъ, вяжетъ, ты, великиі государь, тѣхъ уволняешъ и ни во что связку и проклятие его почитаешъ и самъ, съ ними соединенъ, на молитву приходишъ, будто преступаючи апостольскую 10 и 11-ю заповѣдь. Десятоеже правило святыхъ апостолъ молящагося со отлученными отъ истинныхъ архиереовъ въ правду отлучаетъ; но онъ, отвергшіся и безчинно престола съ клятвою, нѣсть архиерей; сице і 11 правило святыхъ апостолъ молящагося со изверженными по правиламъ соборнѣ, а не страсти ради и гнѣва, сего отъ церкви и отъ сану извергаетъ. Но зри, христолюбивый царю, правилнаго суда [1]): епископа убо всея области соборомъ по нужде 12 епископы судить повелеваетъ, презвитеражь шестма епископы да судятъ и седмый свой да разсмотряютъ о немъ; дияконаже три епископы, четвертый свой; но и тако по правиламъ *судимымъ* извергати отъ сана или прокляти всея области соборомъ подобаетъ: свидѣтелствуетъ бо о сихъ вся седмь вселенстиі собори и девять помѣстныхъ, по различнымъ временамъ собравшихся еретикъ ради.

Статия 20. На первомъ бо вселенскомъ соборе 318 богоносныхъ отецъ, Ария ради попа собравшиіся, извѣстнаго

[1]) Карѳ. правило 12 і 20.

ради врага Божия и еретика [1]), хуливша того на Сына Божия, тварь глаголюща, а не Бога и необратно того блядуща— соборне клятве того предаша. Единомудрствующаже со Ариемъ нечестиваго Македония, патриарха Царяграда, хуливша Святый Духъ,—тварь, а не Бога того нарицающа, 150 святиі богоносниі отцы втораго вселенскаго соборнѣ прокляша. Несторияже, злочестиваго патриарха Царяграда, и сущихъ съ нимъ еретикъ, о вочеловѣченіі Сына Божия блядущихъ, — два бо сына глаголюща: единаго Бога, отъ Отца рождена, иного отъ Маріі Дѣвы и по любви соединившихся Богу Слову, сего ради и Богородицу Христородицу нарицающе;—но сихъ враговъ третиаго вселенскаго собора [2]) двѣсте святиі богоносниі отцы соборнѣ клятве предаша, не обращающихся отъ злобы. Но и 4-го вселенскаго собора 630 святиі богоносниі отцы вепря дивиаго Диоскора, патриарха александрийскаго, и архимарита Евтиха и прочихъ съ ними соборнѣ прокляша, блядущихъ сице, яко по привидѣнию плоть прия Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Патаго же вселенскаго собора [3]) святиі богоносниі отцы 165 Оригена безбожнаго, Дидима и Евагрия прия (?) злѣ хулящихъ, соборне клятвѣ предаша. 6-го же вселенскаго собора [4]) святиі богоносниі отцы 170, на единоволниковъ собравшеся Сергия и Пира и Павла и Петра, патриарховъ Костантинаграда, и Кирила, патриарха александрийскаго, и сущихъ съ ними еретикъ и иконоборцевъ, соборне прокляша, Господа же нашего Іисуса Христа во единомъ составѣ исповѣдаше, во двоюже естеству—божеставжь і человѣчества. Седмагоже вселенскаго собора [5]) святиі богоносниі отцы 366 иконоборцовъ и христианохулниковъ Лва Исаврянина и единомысленниковъ его Анастасия и Копронима и по нихъ бывшихъ патриарховъ Констянтина града и сущихъ съ ними еретикъ соборне клятвѣ предаша.

Статия 21-я. Онъ убо, Никонъ, безчинно отвергиіся престола съ клятвою, откуду имать власть связати или рѣшити?

---

[1]) Въ Грациогр. въ царство Костян.

[2]) Въ царство Маркиаиово.

[3]) Въ царство Іустиниана.

[4]) Въ царство Костян. Брадатаго і сына его Устиниана

[5]) Въ царство Константина и матере его Ірины.

Не имый же власти вязати или рѣшити, какоимать несудимыхъ правилнѣ и не обличенныхъ соборомъ проклинати? Кого бо отъ архиерей і святыхъ отецъ единомудрьствующихъ съ собою имѣя Никонъ? Ей, никого. Но злобы ради самого себе убивъ, а ихъже прокля безъ ума, сихъ въ правду вѣнча и отъ Бога благодати сподоби. Оружие бо излече Никонъ, по пророку [1]), сострѣляти убогихъ і нищихъ отъ отъ всякия неправды, заклати хотя правыя сердцемъ. Но оружие его впидетъ въ сердце и лукъ его въ правду сокрушися. Хулная же вѣщая на тебе, великаго государя, неопасная уста имѣя, ясно показуяи всѣмъ свою злобу разорителя святыхъ божиихъ монастырей і церквей и тебе, великаго государя, нарицая, свѣтло являя кротость и беззлобие твое государево, въ правду онъ Никонъ святыя божии монастыри до болшаго убожества привелъ: строя свой Новый Іерусалимъ и другия два монастыря, многимъ скорбь и безчисленную пакость содѣя. Нареченный же его Новый Іерусалимъ противенъ древнему, о немъже древле пророки проповѣдаша, і Сынъ Слово Божие пресвятыма своима ногама ходя освяти и безчисленными знамениі и чюдесы онаго прослави і въ немъ волею благоволи о нашемъ спасениі пострадати і пречистую свою кровь излияти. Перваго же епископа Иакова, брата господня, во Иерусалимѣ своима рукама освяти и по воскресениі своемъ божественнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ отъ Иерусалима отлучатися не повелѣ, дондеже облекутся силою свыше; і по вознесениі своемъ на небеса къ Богу и Отцу въ день пятьдесятный низпославъ Святаго і животворящаго Духа въ огненыхъ языцѣхъ во Иерусалимѣ же, і на вселенную проповѣдь отъ святыхъ апостолъ отъ Иерусалима изыде. Свидѣтельствуетъ бо ясно пророкъ Исаія, *яко отъ Сиона*, рече, *изыде законъ і слово господне отъ Иерусалима*.

Статия 22-я. Аще бо во Иерусалимѣ возрастетъ отъ Духа Святаго вѣра и тамо первѣе распространися, вездѣ въ правовѣрныхъ возрасте, а не приде: отъ Иерусалима изшедше, учаху языки, но и паки возвращахуся отъ востоку и до

---

[1]) Псаломъ 36.

полудне и отъ запада во Иерусалимъ апостоли; и таме прибѣжище имъ бѣ, во Иерусалимѣ бо и гробъ господень и пречистыя Богородицы Дѣвы Маріі житие и успение и гробъ ея чюдотворный на мѣсте, нарицаемѣмъ Гевсиманиі, пребываетъ. Но и въ день воскресения на всяко лѣто преславно огнь, съ небеси сходя на гробѣ господни, во Иерусалиме свѣщи вжигая, православному патриарху съ причтомъ поющимъ: *Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ.* Воистинну, *благословенъ Господь отъ Сиона, живый во Иерусалимѣ.* [1]) І святый убо Захариі рече: *Обращуся и вселюся посредѣ Иерусалима.* На Сионъ сниде Іоанъ Дамаскинъ воспѣтъ: *Радуйся, Сионе святый, мати церквамъ, божие жилище!* Въ томъ бо Господь Богъ тайну вечерю апостоломъ подаде, разумѣйже церковь, і нарече ю въ жилище себѣ до вѣка. Аще бо и чрезъ триста лѣтъ истинныя церкви во Иерусалимѣ не бѣ, одержания ради мучителей царей, до великаго Константина; по сихъ ради святая мѣста не погибоша: пуста бо бысть церкви иерусалимская за неистовство Жидовъ, но благодати божия не лишишася. Отъ всея бо земли и моря приходятъ [2]) вси и благословение кипящее отъ Иерусалима взимаютъ, о немъже пишетъ Ѳеодоритъ на псаломъ 101: *Трилюбезенъ бо есть намъ Сионъ, аще и зѣло пустъ бысть, любима же и камения разореная и персть раскопанная ратными: память бо сихъ любезна есть насъ ради содѣянныхъ въ немъ великихъ тайнъ и благодатей.* Но скращу за умноженіе свидѣтелствъ, въ *Кимѣ* бо *о вѣрѣ* въ первомъ словѣ асне узритъ кто.

Статия 23-я. Откуду убо, благочестивый царю, таково дерзновение Никону, яко свое жилище Новый Иерусалимъ нарече? *Всяко бо возненавидѣ и не вѣрова въ Сионѣ бывшимъ тайнамъ, постыдятся отъ Господа и яко трава отъ огня будетъ изсохши*, по пророку бо: Аммосъ претитъ сице лютѣ хулящихъ Сиона. И Давидъ утвержаетъ: Да постыдятся и возвратятся во адъ вси ненавидящіі Сиона. Смѣху же достойно, наче же и плачю: и Истру реку зваше Иор-

---

[1]) Псаломъ 49.

[2]) Въ рук. *преходятъ.*

данъ. И сихъ ради, нехотящихъ звати Іерусалимъ, Іорданъ многимъ скорбь сотвори. Строящіже его обитель несказанны бѣды подъяша отъ приставникъ его. І въ правду священный Паисия, митрополитъ газской, ево, Никоновъ, новый Іерусалимъ *Никаполимъ* нарече, сирѣчь: *градовомъ смятение*, (смятение?) убо по гречески *ванникитасъ*, *никосъ* толкуется смятение, для ради грѣха и смуты, которая прилучилась въ первомъ основаніі его. Никтоже отъ отецъ ни отъ благочестивыхъ царей сиѣя которое жилище или градъ Иерусалимъ нарещи, точию окаянный Мамантъ еретикъ, иже и Параклита себе именова, и двѣ женѣ, съ нимаже блудъ твораше, Прискиллу и Максимиллу пророчицы именоваше; градецъ же нѣкиі во аѳригистѣй области, емуже имя Пепузанъ, Іерусалимомъ нарицаше. Сему подобно сотвори Никонъ, о немъже свидѣтельствуетъ тойже священный Паисия, глаголя сице: «О недостоинствѣ! о неизвыченная новость! Новый Иерусалимникъ, любитель новыхъ речей мужь! не было пророчества о твоемъ непрямомъ Іерусалиме! О Никоне! ново писмо нарицаешъ, зъ жиды единомудрствуя! Жидове бо жалаютъ и дожидаются тебе: что изыдетъ воплотитися и родитися новый Месия въ Новомъ Іерусалиме. На удачю не въ твоемъ ли, о Никоне, антихристова будетъ родителница? Но кинь, человѣче: не шути святыми дѣлы, не играй рѣчьми богоданными. Единъ есть Іерусалимъ на земли, въ немъже и судити будетъ Христосъ вселеннѣй въ правду и воздасть комуждо по дѣломъ его, — о немъже пѣснопѣвецъ вопия глаголетъ: *Въ дому давидовѣ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленомъ судятся всяка племена земная и языцы.* А вторый Іерусалимъ на небеси. Никто не вздумалъ, токмо Мамантъ и Никонъ, но не по достоинству. Блаженный Максимъ Грекъ глаголетъ въ книзѣ своей: *Никоторый градъ*, рече, *называй Іерусалимомъ, аще і всею вселенною обладаетъ: единъ есть Іерусалимъ на земли і едина земля Июдейская, въ нейже родися Христосъ, і во Іордани крестися, і на горѣ ѳаворстѣй преобразися и на Голгоѳѣ распятъ бысть и погребеся нѣде близъ і по воскресеніі со ученики своими 40 дней поживе и отъ горы елеонския на небеса вознесеся.*

Статия 24-я. Никонъ же пишетъ, что крутицкого митрополита проклялъ для того, что онъ, митрополитъ, въ недѣлю цвѣтоносия по обычаю въ великой Росиі всѣлъ на жребя предъ всѣмъ миромъ. И, бѣдно себѣ вмѣнивъ, рекъ: «Крутицкой митрополитъ, что Евза проклятъ: отческое ложе осквернилъ і отеческой престолъ опозорилъ: безо всякаго сомневания всѣлъ на отеческомъ престолѣ со обижениемъ отчимъ. А во святомъ евангелиі пишетъ, что одинъ Христосъ сидѣлъ и того апостоломъ дѣяти никогдаже не приказалъ.» Но всуе рекъ суемудреный; забы пресвятый Спасовъ глаголъ: *Вѣруяй въ мя дѣла, яже творю, и той сотворитъ и болша сихъ сотворитъ.* Да аще въ преестественныхъ божественнымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ власть даде, еже бо болящая исцѣляти, прокаженныя очищати, мертвыя воскрешати, бѣсы изгоняти: смиренное вхождение во Іерусалимъ на жребяти осли Господа нашего Ісуса Христа кто возбрани отъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, да не обновится таинство сие на славу пресвятому имени Его? Но аще Христосъ единъ на жребяти седѣлъ и того апостоломъ дѣлать никогда же не приказалъ, нелѣпо бяше, по его мудрованию, и ему самому дѣйствовати вайя, еще и не отрекшемуся безчинно архиерейскаго престола съ клятвою, зане апостольскиі і онъ былъ намѣстникъ, аще и первый бысть епископъ всего государства росиіскаго: первый бо епископъ не началникъ епископомъ, ни крайниі святитель, но епископъ перваго сѣдалища [1]) наречется, рекше царствующаго многонароднаго града: святительскиі бо санъ единъ есть и тажде на всѣхъ..... [2]) Не наречется сей убо совершенъ, иже несовершенъ, святитель; но вси равни святители, вси епископи, якоже и благодать Святаго Духа равно приемше. Въ правду своя ему хула на свою главу да обратится! И второе самъ себя прокля, отрицаяся престола, и сдѣства ради вайя гнѣвомъ томимъ, не имый власти ничтоже, ради извѣстнаго отречения, простъ чернецъ — хапаетъ, яко звѣрь, внѣ ума бывъ. Аще бо истиннаго архиерея, власть архиерейскую имущаго і священства благодать, проклинаетъ, играя, досадити хотя; но нѣсть се игра по мнѣнию суему-

[1]) Правило Кар.соб. 39. [2]) Въ рукописи пропущено, вѣроятно, слово: *благодать.*

дренаго [1]): воистинну, свой ему мечь его самого гнѣвомъ напыщенное сердце проидетъ. И не туне въ правду проклятъ первѣе самѣмъ собою, отрицаяся престола, не хотя пастырь быти, но окрастованную овцу себе нарицаше; второе — своимъ ему судомъ, имъже безъ вины тщихъ осудилъ, зане и самъ былъ митрополитъ въ Новѣградѣ вайя дѣйствовалъ. Аще бо по того мудрованию ихже (прокля), то и прокляти быша і въ другихъ градѣхъ дѣйствующая вайя, клятвы не отбѣгоша и вси сообшающиіся имъ.

Статия 25-*я*. Но нѣсть тако, благочестивый царю, яко же онъ, Никонъ, суемудреныі, смысли, учимъ воистинну древнимъ человѣкоубиіцею дияволомъ и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣяхъ, ко отчаянию привести тщася и всѣхъ погубити хотя. Забы пресвятый Спасовъ глаголъ: *Миръ мой оставляю вамъ и миръ мой даю вамъ*. Но нѣсть сей сынъ мира, но древняго злодѣя сынъ, ищущаго всѣхъ поглостити,—гнилая воистинну глава, но не церковнаго телесе, своимъ его послѣдующа мудрованиемъ его, прокаженны вся имѣя уды и чюжъ бывъ благодати священства, нелѣпотнаго ради отвержения престола съ клятвою. Внѣ бо ума бывъ, сущеи главѣ церковнаго телесе досаждаетъ, истинныя архиереи сыны себѣ нарицаетъ, недостоинъ воистинну и прага церковнаго, зане, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, еще въ мирскихъ священство приятъ; не къ церкве бо и престолу поставленъ, но на дворянской дворъ въ крестовыя попы, оболгавъ архиерея; мира же отвергиіся не любве ради Христовы, ниже смирения ради, но внѣшнюю честь и славу гоня, нѣкоему рекшу къ нему, яко великъ імать быть, аще пострижется. Не съ волею же подружиі своея, но и кленущиі его, остави ю любоначалия ради и отлучися отъ нея чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Въ правилѣхъ [2]) пишетъ сице: Аще кто дѣйствуетъ или воздержится, мерзокъ творя бракъ і яко гнусно отшедъ, а не доброты ради і святаго дѣвственнаго пребывания, да будетъ проклятъ [3]). Да аще убо проклинаетъ благовѣрия ради отшедшихъ, еже есть іночествовати, то колми паче богатства ради и чести? І святыхъ

[1]) Въ рук. *сувдиномудренаго*. [2]) Гангрского прав. 9. [3]) Корич. 146.

апостолъ правило 15 сице глаголетъ: Аще презвитеръ или дияконъ помощницу свою изженетъ, да отлучится; аще же не введетъ ю паки, да извержется. Богатстважь ради и чести болшия жены своя пущающа не точию отъяти санъ божественное писание велитъ отъ нихъ, но и отнюдъ проклятн и отъ святаго обшения отлучити. Но вѣждь, христолюбивый царю, яко Никонъ не въ сихъ точию увязе, но и сугубо обруґа себе самъ. Еще бо въ царствующемъ градѣ Москве белцемъ, а священноіноческую благословенную грамоту взялъ, оболгавъ преосвященнаго митрополита Антония (Авѳония?) новгородцкаго і Никона себе нарекъ преже пострижения своего волею и, ѣдучи во анзерскую пустыню, на Вологдѣ въ папертѣ церковнѣй Ильинскимъ игуменомъ Павломъ постриженъ, а не въ церкви; приѣдучи въ пустыню, абие священноиноческая дѣйствовалъ и подъ началомъ не бывалъ. Аще всю жизнь ево кто извѣстно вѣдали, преже прия чести и власти, въ правду бы рекъ, яко на прагъ церковный нѣсть достоинъ взыти.

Статия 26-я. Преосвященный же Питиримъ, митрополитъ сарскиі і подонскиі, аще і тремя епископиями владѣетъ, но не похити другихъ престолы; свое ему звание крутицкиі митрополитъ, а не другихъ епископиі По отречениі бо его, Никоновѣ, престола съ клятвою і по презрѣнні молбы тебе, христолюбиваго государя царя, и триехъ архиереовъ і всего освященнаго собору і всего причта, послѣдующу тому своей ему воли и юзою анаѳема себе связавшу, яко ни мыслити ему патриархомъ быти и сице рекшу: *да не уподоблюся псу, возвратившуся на своя блевотины*, и сице тому обругавшу царствующаго града престолъ и святительскую власть, яко, ни божественныя службы совершивъ, безчинно изъ церкви изшедъ, и никимъ гонимъ: обаче ты, христолюбивыі государь царь, і въ другиі день паки молити того послалъ болярина своего государева, князя Алексѣя Микитича Трубецкова, якоже і въ соборную церковь, къ нему на подворы, сице і третицею тогоже болярина въ воскресенской монастырь посылалъ. Но ярости и гнѣва исполненыі трижды отъ тебе, христолюбиваго государя царя, молбы не приемъ и третицею отвержения ни мыслити хотя прияти престолъ. Тогда, христолю-

бивый царю, волею твоею государевою и совѣтомъ архиерей царствующаго града, святыя соборныя и апостольския церкви правление ввѣрено бысть преосвященному Питириму, митрополиту. Не властнѣже взятъ и суздалския архиепископиі правление, но твоеюже волею государевою, оклеветану бо сущу архиепископу і не приемлему грацкими жители. Не противъ же правиломъ содѣя. Во Антиохиі сирстѣй правило 18, аще и чести епископския не отъемлетъ отъ таковыхъ і служити не запрещаетъ, но ожидати велитъ всея области епископъ, да соборнѣ управятъ о немъ, стужающаго же другимъ епископиямъ таковаго отлучити повелеваетъ; хотя же да причтенъ будетъ презвитеры, равну честь приняти ему велитъ; аще же і противу ту сущимъ епископомъ молбу творити начнетъ, и отъ презвитерския чести да изринется и отъ церкви отлученъ. Сихъ ради нужно, благочестивыі царю, другаго архиепископа или, дондеже о немъ соборомъ управится, епископиі той не безъ правления быти.

Статия 27-я. Всуе молвитъ Никонъ, что преосвященныі Питиримъ, митрополитъ сарскиі и подонскиі, отческое ложе осквернилъ и отческиі престолъ опозорилъ, безъ всякаго сомнѣвания всѣлъ на отческомъ престолѣ предъ всѣмъ миромъ со обижениемъ отчимъ. Преосвященный Питиримъ митрополитъ не опозорилъ патриаршескаго престола; но онъ, Никонъ, патриаршескиі престолъ обругая безлѣпотнымъ отречениемъ і ко блевотинѣ песьѣ того приложи: *да не возвращуся*, рече, *яко песъ на своя блевотины*. Обаче безъ всякаго сомневания паки алчетъ престола и, приобидѣвъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, архиерейская властнѣ дѣйствуетъ, отчаявся. Преосвященныі же Питиримъ митрополитъ не безлѣпотно что содѣя и ни своею волею честь приемъ, ниже чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Вси бо епископи, суще по образу Господа нашего Ісуса Христа, — глава церковнаго телеси [1]). Градстиі бо епископи — по образу суще 12 апостолъ вси, на нихъже дуну Господь: *Примите*, рече, *Духъ Святый*, і на нихъже низпославъ пресвятый і животворящиі Духъ во огненныхъ языцѣхъ; и глаголаша странными языки, имъже і благодать Святаго Духа даяти

[1]) Правило святыхъ апостолъ 18, въ Новой Кесар. прав. 14.

ввѣрено бысть. Селстиіже бо епископи по образу суще седмидесяти апостолъ, имъже есть дарованно благодати Духа Святаго раздаяние. Зриже, христолюбивый царю, и равенства градскихъ епископъ: по образу бо суще двоюнадесяте апостолъ вси. Зриже и любомудрия апостолъ, яко, егда Ѳилипъ, иже отъ седмидесяти дияконъ сыі, шедъ въ Самарию, крести многи,—і слышавше апостоли во Іерусалимѣ, послаша верховнѣйшаго Петра і Иоанна, и ти безпрекословно послушавше всѣдше полагаху руцѣ на крестившихся,—і приімаху Духъ Святый. По которому образу Никонъ, будучи на престолѣ, поработилъ свою братию архиереовъ, обругавше патриаршескиі престолъ, и сыны себѣ нарицаетъ и обычно архиерейская дѣйствующихъ проклинаетъ, отъемля царствующаго града красоту и честь? И паки молвитъ, яко преосвященный Питиримъ, митрополитъ, константинопольскаго патриарха паствы, рекше киевския, изволившу ти, государю, и совѣтомъ всѣхъ архиереовъ всея великия Росиі, Меѳодия во Мстиславль и Оршу постави во епископы, не единъ же, но со другима трема архиереома і во время поставления на первомъ мѣсте седѣлъ по чину, сущимъ съ нимъ архиереомъ степенми нижайшимъ. І се—не чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ; по правиломъ бо два или три епископы поставляютъ епископа; і индѣже пишетъ, яко епископъ отъ всѣхъ епископъ, сущихъ во области, поставляется; аще ли ни, обаче отъ триехъ поставляется, прочимъ же писаниемъ сложившимся, власть же митрополит. Аще бо и 6-е правило вселенскаго собора коемуждо патриарху своими предѣлы обладати и никому же ихъ иныя области не возхищати, не бывшия прежде подъ рукою ихъ изначала: се бо есть гордость мирския власти, и кромѣ бо воли старѣйшаго сущаго въ митрополиі епископа, рекше патриарха или митрополита, избраниі 15 поставление не бываетъ. Не епископъ бо, аще и поставленъ будетъ въ правду, но мняйся старѣйшина быти [1]) съ клятвою безчинно отвержеся престола и на мѣсто отъ простыхъ человѣкъ самъ себе сведе и безъ отвѣта долженъ есть о своихъ грѣхъ плакати. Аще бо по симъ правиломъ [2])

---

[1]) 2-го вселенск. соб. прав. [2]) Прав. 3 во Антиохиі.

и не убѣхомъ вины, но должни есмы прощения просити у Костантинополскаго патриарха, зане области его прежде сего та страна была [1]), нынѣже волею божиею подъ рукою тебе, христолюбиваго государя нашего царя; и не чрезъ бо волю твою государеву отъ насъ содѣянно что съ тобою, великимъ государемъ. Къ Костянтинополскому патриарху и прощения просити должны есмы.

Статия 28-я. Во время бо великаго князя Василия Васильевича всея Русиі по Ѳотиі митрополитѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ истиннаго пастыря не бысть 18 лѣтъ. Въ та бо времена прииде Исидоръ митрополитъ къ Москвѣ, родомъ Латыникъ, иже поставленъ во Царѣградѣ отъ патриарха Іосиѳа при царѣ Іване Калуяне. И бывъ Ісидоръ на Москвѣ четыре мѣсяцы, и поиде на Ѳлоренскиі соборъ и прелстившеся съ патриархомъ Іосиѳомъ и со другими епископы златомъ, съ нимижь и царь Іванъ Калуянъ сложися. Точию блаженный Марко, митрополитъ еѳескиі, і Григориі, митрополитъ иверскиі, Исакиі, митрополитъ нитриіскиі, Соѳрониі, митрополитъ гаскиі, и сущиі съ ними, иже латинское злочестие обличаху и соборъ той проклятымъ называху; блаженныі же Марко и чюдеса показа. Цареградскиі же патриархъ Иосиѳъ на томъ проклятомъ соборе умре и погребенъ бысть въ латинскомъ костеле; царь же Іванъ Калуянъ, идый отъ богомерскаго собора, абие умре, егоже и земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ песъ снѣдено бысть. Суемудреный же Исидоръ прииде къ Москвѣ и нача поминати въ первыхъ папино имя; великиі же князь Василиі Васильевичь, аще тогда и младъ сыі, но старыхъ премудрыхъ баше разуменъ,—Исидора, въ прелести суща, обличи его безумие и отъ митрополиі изверже, посла въ Чюдовъ монастырь. Онъ же нощию убѣже бездвериемъ и со ученики своими со Григориемъ и Аѳонасиемъ. Евгениіже папа постави въ Царьградъ на патриаршество отъ Латынъ именемъ Григория, пострижену браду и усъ имуща. Сего ради великиі князь Василиі Васильевичь, совѣтовавъ со архиереи всеа великия Росиі, въ митрополиты резанскаго епископа Іону чюдотворца своими рускими архиепископы і

[1]) Прав. 9.

епископы і всѣмъ священнымъ соборомъ въ лѣто 6956 году (постави). Въ то убо время Исидоровъ ученикъ поставленъ митрополитомъ въ Киевъ отъ Латынника, отъ цареградскаго патриарха Григория, пострижену браду и усъ имуща, отступника православныя вѣры. И егда приіде въ Киевъ Григориі митрополитъ, раздиратель церковныі, Исидоровъ ученикъ, нарицая себе митрополитомъ киевскимъ и всеа Русиі, блаженныіже Іона, митрополитъ московскиі и всеа Русиі, писаше ко кралю—не приімати Григория, раздирателя церковнаго, і не послушанъ бысть, въ лѣта 6961-го. І оттолѣ раздрася киевская митрополия съ московскою всеа Русиі, еретикъ ради, а до того времени одна паства была. По Ионѣ же, митрополитѣ, поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополиты Ѳеодосиі, архиепископъ ростовскиі, рукоположениемъ своихъ рускихъ архиепископовъ і епископовъ. По лѣтѣ же единомъ Ѳеодосиі, митрополитъ московскиі і всеа Русиі, постави на Москвѣ въ митрополиты Іосиѳа въ Кесарию Ѳилиппову, во Иерусалимъ оттуду пришедша. І по сему не новъ обычай каковы любо ради вины поставляти епископы и въ другия паствы.

Статия 29-я. А еже пишетъ Никонъ, что преосвященный Питиримъ, митрополитъ сарскиі і подонскиі, во своей области какъ и поставленъ не бывалъ; но преосвященныі Питиримъ митрополитъ во своей области живетъ, какъ и прочия митрополиты, преже его бывшия. Въ лѣпоту Никонъ сказалъ: «Проходилъ ли онъ своея паствы грады?» Бывъ въ митрополитахъ въ Новѣградѣ такоже і въ патриархахъ своея области градовъ, уча ко благочестию, всяко не проходилъ, точию благочестивыя священноархимариты и игумены і протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, мира сего мудрование имущихъ, любилъ; но і тѣмъ пакости многи творилъ. Прежде его бывшия патриархи въ царствующемъ градѣ Москвѣ и преосвященныя митрополиты, архиепископы і епископы всеа великия Росиі, аще і градовъ своея паствы по правиломъ не проходили далняго ради растояния или тягости ради людей; но учители церковныя благочестивыя архимариты і игумены і протопопы і попы во грады поставили, могущия ползовати вѣрныя люди, отъ нихъ же мнози обрѣтшеся отъ невѣгласъ

и страдалцы, по писанному [1]): *Хотящиі благочестно жити о Христѣ Ісусѣ гоними будутъ.* Сихъ ради, благочестивыі царю, і нынѣ тебе молимъ і, припадая на колѣни, милости просимъ: даждь миръ матери твоей, святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви! Миръ же устроити никако имаши, аще истинныхъ архиереовъ искати не будешь, проходящихъ добродѣтель і въ чернечествѣ свидѣтелствованныхъ: егоже бо избрати волиши во архиереи, чтобъ отнюдь не менши 15 лѣтъ въ чернечествѣ былъ і въ послушаниі у старца искусна бывъ і въ чернечествѣ въ добромъ свидѣтельствованъ. Царствующаго же града перваго сѣдалища епископа, рекше патриарха, избрати благоволи священное писание протолковати могуща и разумѣюща все божественное писание со испытаниемъ и священная правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ извѣстно вѣдуша, въ лѣтѣхъ же совершенна суща и добродѣтелми и крайнимъ смиреномудриемъ цвѣтуща, своеяже воли исправити догматы не имуща, но совѣтомъ, а не дерзостно исправляюща, ревнителя же о благочестиі і не стыдящеся лицъ, многолѣтна въ чернечествѣ суща і въ послушаниі, во еже обрѣзать своя ему воля крѣпко обучившася. Красота бо старецъ — со смиреномудриемъ высокое житие и не своя воля. Архиерею бо совѣтливу быти подобаетъ і ничтоже дерзостию творити, да не многимъ соблазнъ і претыкание будетъ. Во мнозѣ бо совѣтѣ спасение бываетъ, якоже богоотецъ и пророкъ царь Давидъ, вопия, глаголетъ: *Въ совѣтѣхъ правыхъ и сонмѣ велия дѣла господня изыскана во всѣхъ воляхъ Его*; і индѣ пишетъ: *коли великъ еси, толико смиряй себе.* И сице, христолюбецъ, не менши 60 лѣтъ да будетъ, яко присно смерть предъ очима імѣти будетъ, едино мудрствуя, да благолѣпие церкви сохранитъ и не бы зданиі каменныхъ ни о строениі градовъ и селъ, но о спасениі душъ человѣческихъ промышляетъ. Но и о сихъ, христолюбивыі царю, безъ гнѣва послушати благоволи: въ моръ постригшихся и подъ началомъ не бывшихъ, ни своея воли до конца отринувшихъ во епископы поставити блюди себе; і ихъ бо ради не мала бѣда бываетъ въ церкви, еще и мудрствующихъ і свое хотѣние творящихъ. Но і о сихъ, христолю-

[1]) Къ Тимоѳ. 296

бивыі царю, да не сумнишися, яко скудость архиерей имаши въ державѣ царствия твоего: всеа бо области соборомъ безъ сомнѣния судится епископъ, но не отвергиіся престола съ клятвою, якоже и Никона; власть архиерейскую имущаго, обличена бывша о грѣсѣхъ или въ ереси суща, сейже безъ совѣта, самаго себѣ связавъ, безсовѣтиемъ держимъ и дерзостныя ради и не соборны клятвы и дѣйства самъ себѣ убивъ. Како о томъ собор? Великиі князь Василей Васильевичь митрополита Исидора отъ митрополиі властне изверже и въ Чюдовъ монастырь посла; но и Зосима, новогороцкия ереси суща, 6 архиереовъ рускихъ со архимариты и игумены отъ сана извергоша і въ него мѣсто поставиша Симона, игумена Троицкаго монастыря, въ митрополиты. Сие же сотворше, не правиломъ противящеся, но да не вдовствуетъ свята соборная и апостольская церковь. Аще бо и пространно царство благочестивыя державы; но не во мнозѣхъ градѣхъ епископи. Аще бъ воля твоя, мощно бъ быти, якоже і въ прочихъ паствахъ, епископомъ при благочестивыхъ греческихъ царѣхъ, точию уравнение было въ церквахъ и въ вотчинахъ 300 церквей, — 500 крестьянъ — безъ нужи епископия; а гдѣ малыя зборы отъ церквей мощно дать и 400 церквей епископу; и по сей въ ростовскои епископиахъ мощно быти отъ нихъ многимъ епископиямъ, такожде і въ другихъ паствахъ, гдѣ 1000 церквей і крестьянъ.

Статия 30-я. Пишетъ Никонъ, о благочестивыі царю: что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданию православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патриарха: и во святѣй, де, литургіи въ божественныхъ таинствахъ не довѣруютъ и недружбы чинятъ, противъ того, что онъ іправилъ думою и благословениемъ святѣйшихъ вселенскихъ патриархъ, а во благости до своей никогдаже хотѣлъ ни прибавить ни убавить отъ церкве, опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тиснениі печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самыі несогласныі: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Такоже и прочия книги, при патриаршествѣ его тиснениемъ печатнымъ

изданныя, мятежа и смущения исполнены и 6 бо выходовъ служебниковъ мудрования его сами въ себѣ согласия не имутъ. Но и *Скрижаль* духовная сама въ себѣ несогласна: существа перебиты, а толкованиемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патриарха Паисея вѣре научился и исправити потшася: царствующаго града Москвы благочестивиі и христолюбивиі цари і великия князи і князи і боляри и преже его бывшия 5 патриарховъ і преосвященныя митрополиты, и архиепископы и епископы, священноархимариты і игумены, протопопы, іереи і дияконы, і святыхъ великихъ обителей і прочихъ монастырей мнихи, паче же и старцы и христолюбивый православный росиіскиі народъ ушто до него, Никона, не право вѣровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстудия! Не насытився, убивая вѣрныхъ душа; глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованию проклинаетъ. Не ново убо начинающе святиі они старцы, но древнее святыхъ отецъ предание утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущения свободити тщашеся. Глаголяй же, яко не хотѣлъ прибавить ни убавить опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ вселенскихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть толко не по старому. О книгахъ убо, благочестивыі царю: — что извѣщалъ преосвященный Паисия тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны заперты безпожиточно, — пишетъ Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены,—не въ царствующемъ граде Москвѣ. Почто, христолюбивыі царю, попусти сице — не реку, человѣку, но звѣрю, и нимало добра смыслившу святѣі церкви и державѣ царствия твоего?

Сихъ ради молимъ тя, христолибивый царю: даждь пастыря церкви и благочестивую державу царствия твоего отъ крайняго безчестия свободи и вѣрныя люди отъ смущения избави. Даждь миръ церкви, да не предваритъ насъ отъ Бога праведный гнѣвъ; но да, и чисту молитву возславше Вседержителю Богу, предваримъ лице Его исповѣданиемъ и получимъ милость, славяща святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

III.

СМѢСЬ.

изданныя, мятежа и
служебниковъ мудр
Но и *Скрижаль* д
ства перебиты, а
ными служебника
конъ, отъ царег
исправити потш
и христолюбив
преже его бы
политы, и ар
игумены, пр
обителей і
христолюби
Никона, н
всегда п
насытивс
вляя и
нию пр
но дре
души
хотѣ
стол
есті
рю
ст
бе
с

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ *).

(Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ).

1.

Регламентъ академіи наукъ 1725 года.

Божіею милостію мы Екатерина, Императрица и Самодержица Всероссійская

и протчая и протчая и протчая.

Колико блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій супругъ и Государь о обученіи природные склонности народа своего, особливо ко всякимъ художествамъ и наукамъ рожденнаго и способного, всемѣрно трудился и сколь благополучнымъ усиѣяніемъ въ познаніи правительства дѣлъ государственныхъ и въ дѣланіи хитростей воинскихъ мудрымъ своимъ совѣтомъ наставилъ своихъ подданныхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно.

Но якоже блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Августѣйшій Императоръ вся, яже въ войнѣ, исполнити вознамѣрился, тако обычай имѣлъ подвергати жестокому своему испытанію (что никому, развѣ прозорливѣйшему оныхъ намѣреніе явно было); равнымъ образомъ и въ мирѣ состояніе наукъ испытаніемъ изобрѣлъ, провидяще бо преостраго разсужденія Императоръ, яко многая еще оскудѣваютъ къ благополучію народа его и науки въ Имперіи его еще не достигли во оный совершенства градусъ, какъ желалъ, и чюжестранныхъ на увеселеніе сердца своего обрѣталъ: въ семъ единомъ умъ его обращался, како

*) Эти документы списаны съ засвидѣтельствованныхъ копій, коихъ орѳографія по возможности удержана.

бы кратчайшій и способнѣйшій путь изобрѣсти, чтобъ завести науки и онымъ людей своихъ, елико мощно скорѣе, обучити. Аще бы общимъ какъ въ иныхъ странахъ, школами и учеными людьми преисполненныхъ, путемъ итти хотѣлъ отъ настоящаго Имперіи состоянія, предусмотрѣлъ, что къ желанному намѣренію своего концу не достигнетъ: ибо, аще хотѣлъ бы учредити академію наукъ по подражанію французскія и аглинскія, которая о совершенствѣ токмо и умноженіи наукъ, а не о ученіи ихъ тщаніе имѣетъ, славу во правду пріобрѣлъ бы и похвалы отъ ученаго свѣта возимѣлъ бы, понеже отъ щедротъ его науки и художества нѣкое приращеніе воспріяли бъ; но общество кіяже отъ того вскорѣ плоды или хотя поздныя и по долгомъ уже времени явственныя получило бы; аще ли же способомъ уставленія, которое Университетъ нарицаютъ, ученія начаті и хотѣлъ бы, то ученики въ изряднѣйшихъ началахъ наукъ и языковъ наставленныя готовы быти долженствовали бы, но оныхъ число симъ временемъ еще малое обрѣтается.

И того ради Всепресветлѣйшій Императоръ, Имперіи своей славы, народу же явственныя ища ползы, преблаго быти разсуждалъ, аще, совокупя предреченныя образы, соціэтетъ знаменитыхъ ученіемъ людей соберетъ, которыя какъ науки, во оныхъ упражняяся, совершали бы и умножали, такъ и юношество учаще, оныя расплодилибъ, и оной соціэтетъ титуломъ Академіи наукъ, установленію сему зѣло приличнымъ, украсить.

Но понеже немногія нынѣ обрѣлися ученики, которые отъ ихъ наукъ наставлятися и успѣвати въ томъ могли бы, того ради Всепресветлѣйшій Императоръ заблагоразсудилъ нѣсколько добрыя надежды и природы и въ изряднѣйшихъ наукъ и языковъ началахъ уже наставленныхъ студентовъ, которыя виды ученія своего уже показали, изъ чуждыхъ странъ сюда призвать, чтобъ ученія свои за наставленіемъ профессоровъ довершили, тщаливое же юношество въ первыхъ наукъ основаніяхъ обучали, и между тѣмъ, дондеже, умножившуся школъ числу, достойныя ученики произыдутъ, языковъ учили бъ и симъ образомъ коллегію или гимназію нѣкую составили бъ.

Нынѣ же Мы, вся сія изслѣдовавъ и разсмотривъ, егда обрѣли, что оная намѣренію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества, Государству же веліимъ суть приращеніемъ и установленію, въ прошедшемъ 1724 году въ генварѣ мѣсяцѣ 12 дня собственною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорского Величества рукою утвержденному, согласуетъ: того ради постановили и утвердили слѣдующее:

1.

Что мы сію Академію, въ особливое наше пріемше правительство, соизволяемъ, дабы оная кромѣ насъ въ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ никому не подлежала и никакими правами, или персонъ или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостьми обременяема и утѣсняема не была бы, и дабы какъ самая Академія, такъ и подлежащіи ей къ другому суду въ какомъ либо дѣлѣ или юстиціяльномъ, или политическомъ и подъ какимъ либо претекстомъ позываемые безъ вѣдома Академіи ко оному суду явитися не были понуждаемы прежде, пока оная Академія, уразумѣвъ дѣло, виноватыхъ имѣетъ къ суду отослать, куда надлежитъ.

2.

И, дабы сей Академіи чинъ и сей уставленный образъ ненарушимъ и непремененъ пребылъ, уставили мы надъ нею президента, которой совѣтами своими оной да присутствуетъ, благосостояніе же и благополучіе ея да оберегаетъ, и годовые ея доходы съ библіотекаремъ и камисаромъ, которые къ ней опредѣлены, да управляетъ.

3.

Дабы равно чужестранныя, яко и наши подданныя къ раченію ученій вящше возпалялися, мы особливую свою милость къ тѣмъ, которые, въ сей Академіи учившеся, виды ученій своихъ покажутъ, обѣщаемъ и паче всѣхъ протчихъ въ публичныя достоинства производить ихъ повелимъ, а особливо наши подданныя, которыя, учащеся въ оной Академіи, годны будутъ къ вышнимъ наукамъ по свидѣтельству Академіи и къ тому свою склонность имѣть будутъ: оныя по ихъ желанію имѣютъ при наукахъ остатца и никуды къ другому дѣлу ни въ службу принуждаемы да не будутъ.

4.

И понеже науки никакого принужденія и насилія терпѣть не могутъ, любяще свободу, того для нашимъ указомъ опредѣляемъ, дабы какъ наши Росіяне, такъ и чужестранныя, подданствомъ государству не обязанныя, которыя ученіемъ вдатися похотятъ или уже поле ученій претекшіи, безъ всякаго задержанія пріѣзжати и отъѣзжати и, хотя бы какая-либо удержанію притчина сплеталася, гдѣ похотятъ, тамо пребываніе имѣти и фамилію свою содержати могли; тако и вси, колико ни есть, отроцы и юноши публичному сему наставленію послѣдующіи, ни малую свободы своея часть погубятъ.

5.

Изволяемъ къ тому да тѣ, которые паче иныхъ преуспѣютъ во ученіяхъ своихъ, виды оныхъ прежде издавъ, въ градусы академическіе производятся и тако и отъ другихъ да отлучаются. Такоже установляемъ, да Академія имѣетъ свою собственную типографію съ такою привиллегіею, да вся та, яже или ко умноженію ученій служащая, или къ приращенію или славѣ Имперія прислушающая быти, Академія разсудитъ, въ печать издаются и продаются.

6.

И дабы нималого профессорамъ Академіи препятія случитися могло въ писменной съ учеными гдѣ-либо обрѣтающимися людьми коррешподенціи, яко то къ разширенію наукъ премного ползуетъ, мы установили, дабы писма, или академическою печатью запечатанныя или на имя Президента Академіи, или на имя всей Академіи подписанныя, безденежно и приниманы и отдаваны были, токмо бы подъ тѣмъ отнюдь постороннихъ писемъ, Академіи не принадлежащихъ, не было.

7.

Дабы Академія на крѣпчайшихъ пребывала основаніяхъ, мы изволяемъ, дабы оная денегъ сумма, которая опредѣлена на содержаніе Академіи и рукою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества подписано (а имянно двадцать четыре тысячи девятьсотъ двѣнатцать рублевъ, которыя збираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Арензбурха таможенныхъ и лицентныхъ, а потомъ по указу Его Императорскаго Величества ноября 6 дня 1724 году положена та сумма отпускать съ денежныхъ дворовъ и въ штатѣ опредѣлена) въ оную Академію такъ доходила, что ни отъ кого подъ какимъ либо протекстомъ оная взята или на иное дѣло употреблена не была, но дабы по осигнаціи Президента, или кто ему приданъ будетъ, немедленно всегда получаема была.

8.

Въ оной Академіи ученія въ три класса расположены да будутъ, отъ нихъ же первый въ математическихъ, вторый въ физическихъ, третій же въ Исторіи, въ языкахъ и философіи частѣхъ состоять будетъ.

9.

Первый классъ имѣетъ состоятися въ четырехъ профессорахъ, сообщивъ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, которыхъ они каждой въ своей хитрости совершити и къ исполненію того, въ немже сами обрѣ-

таются, званія угодныхъ содѣлати тщатися будутъ. Первый сего класса профессоръ Матезисъ Сублиміоремъ, вышную математику, другій Остроно́мію и Географію, третій механику и протчіе, къ которымъ математика употребляется, части публично учити будутъ; четвертый же и отъ математики практику (самое дѣло) ово приватнымъ остроумiемъ изъяснити, ово же тщаливое юношество къ изобрѣтенію и дѣланію машинъ наставляти и управляти будетъ.

10.

Второму классу пять профессоровъ начальствовать имѣютъ съ причтенными къ нимъ студентами: первый физики генеральныя, вторый физіологіи, къ правиламъ математическимъ припряженныя, третій Анатоміи, четвертый Химіи, пятый Ботаники наставленіе и украшеніе на себѣ воспріиметъ.

11.

Третій классъ четырьмя профессорами съ сообщники своими отправлятися имѣетъ, изъ сихъ первому и Метафизику, и Логику, и моральное ученіе, и Политику, философскимъ образомъ учимую, единому предавати надлежитъ, да не како согласующихъ между собою философскихъ частей естественныхъ и никакоже отставлятися должный союзъ разрѣшилъ бы ся; другій къ элоквенціи, третій ко ученію и изъясненію Исторіи гражданскія древнія и нынѣшнія умъ приложитъ, четвертый въ правѣ натуральномъ и публичномъ, которое есть частію нѣкоторою, и исторіи, трудитися будетъ.

12.

Имѣетъ же быть при сей Академіи секретарь, который вся добрѣ да распоряжаетъ, и та, яже собраніе академическое публикованія достойна быти разсудитъ, въ печать да производитъ, къ томуже и съ надзирателемъ библіотеки о писменной коррешподенціи попеченіе да имѣетъ.

13.

Для вящшія же чести и вящшаго Академіи приращенія заблагоразсуждено во всякій классъ принять по два человѣка коррешподентовъ, доброю славою и дѣлами знатныхъ, которыхъ по принятіи сего предложеннаго званія служба тако да наградится, что каждому изъ нихъ титулъ и честь члена Академіи даватися будетъ, и по прошествіи всякого двулѣтія шесть сотъ рублевъ на всѣхъ шестерыхъ раздѣлены быть имѣютъ, которое раздѣленіе тако будетъ, что чимъ кто достойнѣйшіе и множайшія изданія вышлетъ, тѣмъ вящшій подарокъ воспріиметъ.

14.

Сія о порядкѣ учащихъ и наукъ, въ Академіи сей предаватися имущихъ, уставлена суть, которыхъ обаче впредь не тако держатися надлежитъ, чтобъ онымъ отнюдь по состоянію времени и дѣла не возможно было отмѣнитися; но Академія власть имѣти будетъ въ томъ, которые нынѣ соединены, профессоровъ званія раздѣлити или, аще тако дѣло позоветъ, и сіи начатки, якоже надѣятися есть, благополучное послѣдованіе имѣти будутъ, и число учащихся прибавится, то и множайшихъ учителей въ классы опредѣлити.

15.

И дабы каждый во ономъ ученіи пребывалъ и упражнялся, къ которому, наипаче приложился, и самою натурою и склонностію во первыхъ влечется, уставлено есть, да раздѣленные классы и разныя ученія никоего вводятъ различія чести и достоинства, но каждого достоинство отъ дѣлъ своихъ да почитается.

16.

Профессорамъ между должностьми сіе первое есть: да, яже въ каждыхъ наукахъ понынѣ открыта, изобрѣтена суть, въ свое вземлютъ изслѣдованіе и новыми оная украшеніями и приложеніями умножати да тщатся, а яже отъ иныхъ еще не произведеная изобрящутъ и писанію предадутъ, секретарю да вручаютъ.

17.

Каждый да напишетъ реэстръ книгъ, которыя въ своего ученія родѣ нужны и полезны мнитъ быти; написавъ же да подастъ Академіи, къ сему оная, яже въ древнихъ и новѣйшихъ рѣдчайшая, и къ своей наукѣ или для умноженія, или для изъясненія тоя принадлежати обрящетъ, съ прилежаніемъ да выписываетъ, и своему изслѣдованію да предлагаетъ, о которыхъ попеченіе приложено будетъ, дабы или со изобрѣтенными и вымышленными въ Академіи вещьми купно или особно въ публику произведены были.

18.

Ради иностранныхъ повсягодно три публичныя собранія уставлены быть имѣютъ: первое отправлятися будетъ на день св. Ап. Петра и Павла, второе на день св. Екатерины, третіе же маія 7 числа, то есть въ день коронованія Ея Императорскаго Величества, или вмѣсто того и оной—день прежде или послѣ того, въ которыхъ собраніяхъ изъ трехъ сихъ класовъ единъ отъ профессоровъ по премѣнамъ орацію, къ разумѣнію слышателей устроенную, въ основателю же и покро-

вительницѣ сей Академіи благоприклонное сердце въ прославленіи похвалъ ихъ свидѣтельствующую, имѣти будетъ.

19.

Надъ сими же дважды во всякой недѣлѣ, т. е., во вторникъ и въ пятницу по полудни отъ четвертаго часа до шестаго приватно сходитися имѣютъ, и тогда каждый объ тѣхъ, яже предлагаются, свою скажетъ сентенцію, правыи же совѣтомъ и доводомъ другихъ на среду представленныхъ уступить, и первѣе дома испытанныя эксперименты предъ всѣми ясно доказовати будетъ.

20.

Чтоже къ языку принадлежитъ, которымъ всякъ свои умствованія изъявляти имѣетъ, понеже удобь предусмотряемъ, что разныхъ націй люди въ собраніяхъ присутствовати будутъ: вся та, яже каждый о своей наукѣ мудрованія на среду принесетъ, латинскимъ языкомъ предлагатися имѣютъ, ибо сей наипаче ученымъ свойственный и употребительный языкъ бывати обыче.

21.

Ежели же единъ и другій экспериментъ предъ всѣми въ собраніи ясно доказанъ и отъ всякаго сумнѣнія очищенъ быти не можетъ, тогда имянно нѣкіимъ изъ Академіи членомъ взысканіе истинны вещи тоя вручится.

22.

Но дабы на она, яже въ собраніяхъ предлагаются, гораздо исправнѣе и предъуготованнѣе отвѣщати мощно было, и тѣмъ лучше пользу отъ оныхъ воспріимати, всегда прежде въ собраніи объявлено будетъ, о какомъ дѣлѣ въ послѣдующемъ собранія дни совопрошеніе имѣти и о чемъ прѣніе творити подобаетъ.

23.

Аще когда кто-либо новыя свои изобрѣтенія въ собраніяхъ предложити или письменно сообщити и ихъ разсмотрѣнію предати изволитъ, оная или общественно въ собраніи, или, аще нужда востребуетъ, чрезъ выбранныхъ нѣкіихъ всему потомъ собранію дѣло, якоже есть исправно, донести, имущимъ прилежно да изслѣдуютца, каковыя важности и пользы оная изобрѣтенія будутъ, и да разсмотрятся, могутъ ли оная по достоинству за новая принята быти и тогда множайшихъ голосовъ мнѣніями разсудится.

24.

Аще когда можетъ быти отъ Ея Императорскаго Величества изъ членовъ нѣкоему приказано будетъ о семъ или ономъ вопрошеніи

(предложенными) свою дати сентенцію, тогда во исполненіи того дѣла ни времяни, ни трудовъ пощадѣти имѣетъ.

25.

И всякій профессоръ долженъ будетъ во употребленіе студентовъ своихъ или цѣлую систему нѣкую сочинити, или, аще сіе не весьма нужно быти мнитъ, особливыми толкованіями вымышленія своя изъяснити съ эфемеридами (съ исторіею), которые впредь отъ Академіи публикованныя въ типографіи отнынѣ печатаны быть имѣютъ.

26.

Къ симъ каждый долженъ будетъ объявити, каковую къ изслѣдованію матерію избралъ и какимъ образомъ оную производити намѣрился; тойже паки, до коихъ мѣстъ дошелъ и что достиглъ, или Президенту Академіи приватно или всему собранію извѣстить имѣетъ.

27.

Къ лучшему сихъ дѣлъ изслѣдованію, дабы вся потребная въ готовности были, свободный всѣмъ въ нашу Императорскую библіотеку, равно какъ и въ кунштъ-камору входъ отверстъ будетъ; и какъ древнія такъ и новѣйшія книги паче же и всякія инструменты, сколько къ содѣланію экспериментовъ или приватныхъ или публичныхъ служить будутъ, на казенныя деньги безъ всякаго замедленія куплены быть имѣютъ.

28.

Для переводу знатнѣйшихъ книгъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, какъ чюжестранныхъ такъ и домашнихъ четыре, а ежели потребно будетъ, и множайшіе переводчики разныхъ языковъ искусные академическимъ коштомъ содержаны да будутъ.

29.

Такоже дабы науки не токмо сами въ себѣ въ Россійской Имперіи возращены были, но дабы и ко употребленію и украшенію юношества Россійского служить могли, каждый профессоръ во вся вѣдѣли четыре часа публично (учить) будетъ, или своего система, или иного нѣкотораго автора правиламъ послѣдуя, и тако часы къ ученію юношества опредѣленныя расположатся, да ни единъ другому въ ученіи препятіе сотворитъ.

30.

Профессоръ математики Сублиміорисъ (вышшія) алгебру и геометрію учити будетъ предъ полуднемъ отъ перваго-надесять до втораго-надесять часа.

31.

Профессоръ астрономіи въ остронимическихъ обсерваціяхъ упражнятися будетъ, и въ способной къ дѣланію оныхъ обсерваціи полатѣ начатки сея науки толковать будетъ.

Профессоръ механики механику и, яже къ тому принадлежитъ, въ осмый часъ предъ полуднемъ толкованіями своими изъяснати будетъ.

Профессоръ оныхъ частей, къ которымъ математика употребляется Ѳеатръ Механическій Леопольдовъ лекціями своими отправляти будетъ во вторый часъ пополудни.

И дабы вся математика всегдашнимъ нѣкіимъ союзомъ и непрерывнымъ порядкомъ была предлагаема, единъ изъ приданныхъ математики весь курсъ математическій пройдетъ.

32.

Профессоръ физики генеральные лѣтнимъ временемъ въ четвертый часъ по полудни коллегію физическую экспериментальную отправляти имѣетъ, зимою же физику догматическую по своимъ ея правиламъ толковати будетъ.

Профессоръ физіологіи физіологію, къ правиламъ математическимъ припряженную, въ пятый часъ по полудни предавати будетъ.

Профессоръ анатоміи лѣтнимъ времянемъ наставленія медическія, зимнимъ же сѣченія анатомическія и хирургическія въ первый надесять часъ предъ полуднемъ открывати будетъ.

Профессоръ химіи лѣтнимъ временемъ ботанику, по полудни формоколію, а зимнимъ въ тотъ же часъ химику учити будетъ.

Профессоръ ботаники лѣтнимъ времянемъ ботанику въ медическомъ огородѣ, а зимою въ домѣ отъ осмаго часа Исторію натуральную, и какъ формулы медическія писать надлежитъ, предлагати будетъ.

Къ сему же классу практикъ нѣкій приданъ будетъ, который студентовъ медицыни въ то время, когда нѣкто изъ протчихъ въ классѣ физическомъ учитъ, практикѣ медической научати будетъ.

33.

Для анатоміи въ Академію по ея требованію казненыя, также по требованію Академіи и умершія въ гошпитали отдаваны быть имѣютъ.

Профессоръ логики, метафизики и моральныхъ помянутые философіи части въ осмый часъ по полудни учить и толковать будетъ.

Профессоръ элоквенціи (витійства) въ первыйнадесять часъ предъ полуднемъ училища свои отверзетъ.

Профессоръ исторіи въ часъ вторый по полудни, профессоръ правъ натуральныхъ и публичныхъ въ пятомъ часу по полудни учить будетъ.

34.

И на сія профессоровъ лекціи, публично отправлятися имущіе, каждому безъ всякихъ своихъ иждивеній приходити свободно будетъ, и всякій свое во учительствѣ усердіе и вѣрность неоскудно являти да потщится.

35.

Обаче въ воли и власти всякаго профессора оставлено будетъ имѣти приватные за мзду коллегіи, но къ тому всякъ дѣла свои таке управлять имѣетъ, чтобъ для пріобрѣтенія прибыли не чрезъ мѣру времяни и труда употреблялъ въ приватныхъ коллегіяхъ и себѣ самому въ протчихъ своихъ ученіяхъ размышленіяхъ препятіемъ не былъ.

36.

Каждому профессору единъ или два студента, отъ нихъже преизящнаго чего академія надѣятися можетъ, придадутся, которые къ достиженію наукъ профессора своего всѣми мѣрами да приложатся: въ коллегію его тщательно да приходятъ и безъ важнѣйшихъ притчинъ не быти во оныхъ отнюдь да не дерзаютъ, ибо должность ихъ будетъ оная,—яже профессоръ въ лекціи предложилъ прилежно слушателемъ повторяти, обыкновенно паки надлежитъ быти въ собраніяхъ публичныхъ и приватныхъ всегда имъ присутствовать и тщаливое юношество каждого въ своей наукѣ начатныхъ обучати.

37.

Котораго изъ студентовъ между сими изрядный во отправленіи службы своея трудъ явится и кто сицевыи виды, которыя отъ профессоровъ опробованы, будутъ, покажетъ,—таковый съ прибавленіемъ жалованья титуломъ и честію товарыща или экстраординарнаго профессора почтенъ будетъ, къ тому и лекціи публичные ему отправляти позволится, обаче съ симъ обязательствомъ, да управленію профессора своего себя предъ устроиетъ.

38.

А понеже кромѣ академіи потребно есть и таковыхъ школъ, въ которыхъ бы младые отроки разумы языковъ къ наукъ пріобрѣтенію нужныхъ научалися, и сему дѣлу способствовася, опредѣливъ имянно нѣкіихъ студентовъ и товарищевъ, которые вѣрно и радѣтельно отроковъ да наставляютъ, отъ нихъже каждый въ семъ наставленіи по вся дни четыре часа,—два предъ полуднемъ, два же по полудни, упражнятися будетъ; но дабы сіе дѣло ученіямъ ихъ самихъ не было препятіемъ, никто изъ профессоровъ во оное время учити ихъ имѣетъ.

39.

Къ тому понеже ученикамъ, во единомъ мѣстѣ собраннымъ, не можетъ не случитися, чтобы одни отъ другихъ во успѣяніи ученія не были лучшіе, къ сему недостатку тако пособити заблагоразсуждено, дабы тѣ, которыя въ преуспѣяніяхъ равныи покажутся, особливо учимы были; чего ради пять классовъ уставлены суть, во всякомъ же классѣ по два учительское званіе имѣти будутъ, которыхъ классовъ въ трехъ нижнихъ потребно есть, чтобъ въ каждомъ единъ отъ нихъ зналъ по Русски говорить и писать.

40.

Въ первомъ классѣ ученіе будетъ по латински и по нѣмецки читати и обоихъ языковъ письмена изображати.

41.

Во второмъ классѣ ученіемъ спряженій и склоненій отроческіе разумы изощрятися будутъ, не оставляя и протчихъ, яже къ грамматикѣ принадлежатъ.

42.

Въ третіемъ классѣ учащіяся удобнѣйшихъ къ разумѣнію авторовъ и словесно и письменно на свой языкъ переводити и удобнѣйшія экзерциціи слагати начнутъ.

43.

Въ четвертомъ классѣ къ сочиненію труднѣйшихъ экзерцицій латинскаго языка приложатся, также и Ариѳметики и Географіи отрочата учитися начнутъ.

44.

Въ пятомъ классѣ предаватися будутъ онаго штиля эксерциціи, которыя упражняются въ сочиненіи орацій и эпистолій (грамотокъ), къ тому исторія и первыя Математики начатки, также и Географія, съ глобусомъ соединенная.

45.

Такожде и греческаго и француского и италіанскаго языковъ рачительство да не пренебрежется.

46.

Всѣ сіи классы тѣмъ пройти надлежитъ, которыя умъ свой къ ученіямъ простираютъ и онымъ себя посвящаютъ. Хотящихъ убо родителей въ наученіе сюда отдавати дѣтей своихъ предувѣщати надлежитъ, вышнимъ ли ученіямъ вдати ихъ, или иному коему художеству обучити желаютъ: тако бо сотворится, что предусмотрѣно быти можетъ, да не како нѣцыи, излишнихъ и ненужныхъ науки частей уча-

щеся, время ту не погубятъ; но да скоряе къ сему дѣлу приводятся. Того ради сіе дѣло тако опредѣлено: тотъ, который въ гимназіи надзирательство имѣетъ, приходящихъ спѣянія да вывѣдываетъ, вывѣдавъ же, да записываетъ, и приличныя онымъ классы да назначаетъ, какъ ихъ самихъ, такъ и родителей ихъ имена въ записную книгу прилежно вписавъ. Аще нѣкіе можетъ быть отъ тѣхъ, которыхъ попеченіе родительское вышнимъ ученіямъ посвятило, обрящутся, что или склонности въ себѣ ко онымъ не имѣютъ, или за скудость остроты неспособны быти видятся, оныхъ, изъ классовъ изъемше, къ тѣмъ художествамъ опредѣлять, къ которымъ природную склонность и охоту имѣютъ: ибо коль неразсудно творятъ тѣ, которые отроковъ, нималую остроту и ниже къ вышнимъ наукамъ склонность являющихъ, во оное вдаютъ и съ коликою ово ихъ самихъ, ово же государства тщетою сіе бываетъ, всѣмъ есть извѣсно.

47.

Да будетъ убо о всякаго остротѣ способной ко всякимъ наукамъ свѣдомо, купно же какъ учащихъ такъ и учащихся прилежность и усердіе да усмотрится, дважды же по вся годы уставлены суть испытанія, то есть, единова весною и единова осенью, въ присутствіи собранія академическаго и иныхъ ученыхъ людей, гдѣ слабые и къ вышнимъ наукамъ неспособные разумы отставятся, прилежные же и къ ученіямъ способные производитися будутъ.

48.

Которыхъ отъ ученій удалившимся, или въ воинскую пойти службу, или ко изученію другихъ хитростей приложитися охота будетъ, онымъ къ надлежащему ихъ обученію устроена да будетъ Академія художествъ, четырмя художниками украшенная. Отъ сихъ первый въ 8 часъ предъ полуднемъ, по полудни же во 2 арифметику, геометрію, тригонометрію, начала перспективы и архитектуру воинскую учити будетъ.

Вторый архитектуру гражданскую въ десятый часъ предъ полуднемъ и въ третій по полудни предавать имѣетъ.

Третій живописное художество показывати будетъ. Четвертый изъ ваятельнаго художества и рѣзного и дѣланія разныхъ модѣлей, (которые учащимся Архитектуры во первыхъ нужны суть) юношество обучать имѣетъ.

49.

А понеже и художество рисованія ученымъ хотя не много пользу приноситъ, однакоже великимъ есть украшеніемъ, того ради и тѣ, которые въ науки отдаются, и тому ученію прилежатъ, на сіи часы,

живописному художеству опредѣленныя, приходити будутъ, обаче больше въ томъ упражнятися не имѣютъ, неже елико ученія допустити могутъ.

50.

Хотя въ настоящемъ времяни Академіи наукъ съ гимназіемъ и Академіею художествъ слученіе нѣкако имѣется; однако впредь когда Семинарія и школы добрѣ устроятся и обученыя въ нихъ разумы произведутся, сія отъ оныхъ весьма отдѣлятца, и въ разные собраніи, то есть, нижніе школы составятся: того для расходы, которыи нынѣ на нижніи школы имѣютъ употреблены быть, оныи впредь на употребленіе Академіи возмутся, которыя яко особливо на возращеніе и всемѣрное размноженіе наукъ, сердцамъ юношей всѣятися имущихъ, отъ Державнѣйшаго Императора учреждена есть, всѣмъ извѣстно.

51.

Но да учащихъ и учащихся умы иногда отъ трудовъ опочинутъ и прохладятця, трои повсягодно генеральныи отъ трудовъ вокаціи (престанія) уставлены, въ которыи ни собраніямъ, ни училищнымъ коллегіямъ должность предлежать имѣетъ; тоя-же празностію (гуляніемъ) и въ школахъ какъ учащіи, такъ и учащіися потешены будутъ. Первая ваканція заключатися будетъ страстною, яже предъ Пасхою, и свѣтлою, яже по Пасхѣ, недѣлями; вторая имѣетъ быть въ недѣлю предъ Рожествомъ Христовымъ, и въ недѣлю по Рождествѣ; третія въ каникулярныи дни.

2.

Инструкція, по которой должны поступать профессоры и протчія канцелярскіе служители.

Каждый Академическій членъ долженъ честь и пользу Академіи охранять и ничего того не оставлять, что къ распространенію наукъ служить можетъ.

Сего ради долженъ онъ въ наукахъ прилежно упражняться, о томъ, что въ оныхъ уже найдено, разсуждать, оное свидѣтельствовать и тщатся исправлять. Такоже и о томъ стараніе имѣлъ, чтобъ онъ чрезъ свое прилежаніе, ежели можно, нѣчто новое изобрѣлъ, съ учеными людьми корресподенцію имѣлъ и все бы вѣрно сообщалъ.

Онъ долженъ во всѣхъ еже и отдѣльныхъ конференціяхъ безотлучно присутствовать, какая бы матерія въ оныхъ предложена не была, ежели онъ въ томъ важнаго препятствія имѣть не будетъ.

Конференціи имѣютъ на Академическихъ членовъ раздѣлены быть, и о томъ надлежитъ порядочную роспись имѣть, дабы всякъ зналъ, что и когда кому предлагать надлежитъ.

Понеже всякъ Академическій членъ довольное время имѣетъ, то долженъ онъ свою диссертацію по возможности исправно сочинить, и оную за недѣлю или, ежели можно, то еще и прежде секретарю или, въ его небытность, его адъюнкту отдать, который оную въ надлежащее время членамъ сообщить имѣетъ.

Ежели случится, что какая піеса ради ея пространства на одной конференціи окончена быть не можетъ, то можно оную въ другой конференціи вмѣстѣ съ слѣдующею піесою довершить, или, ежели отъ того въ конексіи помѣшательства не будетъ, надлежитъ оную до другаго времени отложить; однакоже въ семъ осторатно поступать надобно, но дѣлать то, что способно учиниться можетъ.

Какъ по Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу которому-нибудь изъ членовъ дано будетъ какое дѣло, до его науки касающееся, о которомъ членѣ извѣстно будетъ, что онъ то дѣло разумѣетъ или разумѣть долженъ: то имѣетъ онъ оное по своей возможности съ охотою исполнять.

Ежели кто изъ членовъ въ старыхъ или новыхъ книгахъ нѣчто примѣчанія достойное найдетъ, то имѣетъ онъ оное сообщать, чтобъ оно или при коментаріяхъ или особливо напечатано было.

Всякъ изъ членовъ долженъ о своей наукѣ книгу сочинить, или какую особливую матерію описать и оное въ печать производить.

Когда до кого изъ нихъ придетъ порядокъ въ публичной Ассамблеѣ слово имѣть, то долженъ оной заданную ему матерію прилежно и тщательно сочинить.

Секретарь долженъ диссертаціи отъ членовъ принимать, оные въ журналѣ записывать и для переписанія копіи съ оныхъ диссертаціи отдавать, оныя копіи надлежащимъ членамъ сообщать, тѣ разсужденія, которыя въ конференціяхъ о упомянутыхъ диссертаціяхъ учинены будутъ, или самъ или чрезъ своего адъюнкта записывать, сію записку въ слѣдующей конференціи опять прочитывать; ежели за потребно разсуждено будетъ, въ комментарія вносить; еще долженъ онъ посылаемыя къ иностраннымъ ученымъ людемъ писма принимать, оныя въ конференціяхъ прочитывать и вмѣстѣ съ сочиненными на оныя письма примѣчаніями въ тѣ книги вносить, въ которыхъ копіи содержатся, а потомъ, по полученія указа, оныя писма въ надлежащія мѣста отсылать.

Въ небытность секретаря долженъ все сіе отправлять его Адъюнктъ.

Яко профессоръ, долженъ сей секретарь въ касающихся до него наукахъ столько молодыхъ людей обучать, сколько заблагоразсуждено будетъ и ихъ въ оныхъ наукахъ до возможнаго совершенства приводить. Такожде по всякій день кромѣ опредѣленныхъ конференціямъ по ... часовъ, публичныя лекціи имѣть и своихъ учениковъ вѣрно и прилежно обучать.

Императорская библіотека имѣетъ отворена быть по 4 дни въ недѣлю отъ 10 до 12 часа по утру, въ которую всякъ свободно приходить можетъ, а впредь никакія книги изъ оной выданы быть не имѣютъ, выключая обстоятельства, которые того конечно требуютъ, что оныя кому на малое время на домъ дать надлежитъ.

Также имѣетъ и музеумъ содержана быть: ибо, ежелибы то всякому на домъ давать, кто чего требуетъ, тобъ могли въ краткомъ времени многія драгія вещи пропасть, или такъ испорчены быть, что они послѣ весьма негодными учинятся.

Ежели кто или къ приватнымъ или публичнымъ экспериментамъ какихъ вещей требуетъ, или кую нужду имѣетъ, то долженъ Академической канцеляріи предлагать, отъ которой опредѣленіе учинено будетъ, чтобъ ему требованное дано было, или, ежели того скоро учинить или требуемыхъ вещей получить невозможно, то будетъ отъ помянутой канцеляріи оное требующему объявлено; такожде и то показано будетъ, для чего оныхъ вещей получить невозможно, дабы онъ что-нибудь другое дѣлать могъ; а подъ тѣмъ бы видомъ, будто ничего получить не можно, времяни напрасно не тратилъ. Ежели кто имѣетъ такое дѣло, которое онъ же только одному президенту объявить хочетъ, то можетъ онъ съ тѣмъ у него свободно явится.

Трезорье долженъ академическія деньги принимать и оныя по указамъ раздавать, о квартирахъ, дровахъ и свѣчахъ для академическихъ членовъ стараніе имѣть, и оное помянутымъ членамъ промышлять, или деньги за то давать, такожде и чрезъ купчинъ всѣ потребныя вещи покупать и о томъ исправной щетъ содержать.

Россійскимъ и иностраннымъ канцеляристамъ, писарямъ и копіистамъ надлежитъ по публикованому Императорскаго Величества регламенту поступать.

Когда президентъ въ далномъ пути или внѣ города обрѣтатся будетъ, то долженъ въ канцеляріи всегда одинъ изъ профессоровъ засѣданіе имѣть и публичныя дѣла вмѣстѣ съ библіотекаремъ подписывать, что по классамъ и по третямъ раздѣлено быть имѣетъ, а имянно въ первыхъ засѣданіе начнетъ:

Изъ 1 класы Господинъ профессоръ Германъ.
» 2 — » — » — » — » — » Билфингеръ
» 3 — » — » — » — » — » Бекенштейнъ.
Изъ 1 класы — » — » — » — » Делиль.
» 2 — » — » — » — » — » Дувернуа.
» 3 — » — » — » — » — » Байэръ.
Изъ 1 — » — » — » — » — » Лейтманъ.
» 2 — » — » — » — » — » Бернуллій.
» 3 — » — » — » — » — » Элоквенціи.

Что до гимназія и до оныхъ школъ касается, которые заведены, для тѣхъ учениковъ, которые высокимъ наукамъ обучатся не будутъ, то имѣютъ оныя содержаны быть по апробованному прожекту и по даннымъ инструкціямъ.

Переводчики должны все то переводить, что имъ изъ канцеляріи прислано будетъ.

Такожде должны художники, мастеровые и ремесленные люди по употребленію ихъ художества и ремесла, такожде по даннымъ имъ инструкціямъ въ ихъ дѣла поступать и то дѣлать, что имъ приказано будетъ. А ежели они не прилежны или упрямы явятся, то имѣютъ они безъ всякаго изъятія изъ жалованья выключены быть.

3.

Вѣдомость о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ Академической книжной палатѣ къ 1733 году.

1. Комментаріевъ Академическихъ, 3 части, каждая по 2 р.
2. Россійскій переводъ, 1 часть, по 1 р.
3. Буксбаумова описанія травъ не весьма знаемыхъ, 3 части, по 1 р. 16 к.
4. Сокращеніе математическое, 3 части, цѣною 3 р.
5. Переводъ онаго сокращенія на русской языкъ.
6. Сокращеніе древней статской исторіи на нѣмецкомъ языкѣ, по 60 к.
7. Россійскій вексельный уставъ, по 20 к.
8. Морской пошлинный уставъ, по 25 к.
9. Пошлинный тарифъ, по 25 к.
10. Нѣмецкая грамматика для русскихъ, по 60 к.
11. Байера Музеумъ Синикумъ, по 2 р.

12. Россійскій и нѣмецкій лексиконъ, на обыкнов. бумагѣ, по 2 р. 50 к.
На писчей б. въ листъ, по 4 р.
На печатной б. большой руки въ четверть листа, по 2 р. 80 к.
13. Рѣчи академическія, на первомъ собраніи говоренныя, на лат. яз., по 40 к.
14. Рѣчи, на 2 собраніи говоренныя, на лат. яз., по 60 к.
15. Рѣчи, 1732 г. мая 6 говоренныя, по 50 к.
16. Разговоръ о движенія земли, на франц. языкѣ, по 10 к.
17. Мирный трактатъ между Россійскою Имперіей и Персіей, по 5 к.
18. Расположеніе о ученіи Е. И. В. Петра Втораго, на нѣмецк. языкѣ, по 15 к.
19. Русскій переводъ онаго, по 15 к.
20. Ѣзда въ островъ любви, на русскомъ языкѣ, по 50 к.
21. Бекенштейнова геральдика, 2 части, 2 р.
22. Исторія о Японіи на русскомъ языкѣ, по 40 к.
23. Описаніе коронаціи Ея И. В. на нѣмецкомъ языкѣ, по 4 р.
24. Шрейберово разсужденіе о тѣлѣ и о движеніи, по 15 к.
25. Азбуки нѣмецкія и латинскія, по 4 к.
26. Трефуртово поученіе на день коронованія Ея И. В., на нѣмецкомъ языкѣ, по 22 к.
27. Вѣдомости и примѣчаніе 1729, 1730 и 1731 годовъ.

—

Въ этой вѣдомости, подписанной контролеромъ Гоффманномъ, значится всего 16,220 экземпляровъ академическихъ изданій, цѣною на 20,550 р. 66 к.

4.

Реэстръ съ имяннымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждого работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и протчихъ чиновъ служителей на 1737 годъ.

Профессоры: Совѣтникъ Юстицкій *Гольдбахъ* — секретаремъ при конференціахъ, имѣетъ надзираніе надъ Архивомъ, сочиняетъ всякіе до академической корресподенціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, онъ же самъ издаетъ математическія и другія до наукъ касающіяся дѣла и писма, и кромѣ академическихъ дѣлъ въ другія комисіи употребляется.

Делиль, первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи Обсерваторіу, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ стараетца, чтобъ свой 21 генваря 1737 года поданной прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской Имперіи въ дѣйство произвести, и когда сіе начнется, то онъ потребныя къ его намѣренію астрономическія примѣчаніи въ Россійскихъ провинціяхъ дѣлать будетъ.

Байэръ — профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей); его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять, трудится надъ исторіею Его Величества блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, а по окончаніи оныя исторію протчихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ, а, окончавши, Ея Императорскаго Величества въ кабинетъ для опробаціи подастъ, сверхъ академическихъ коментаріевъ дѣлаетъ нынѣ диссертаціу о ....., начатой китайской Лексикоцъ будетъ продолжать; сверхъ того имѣетъ смотрѣніе надъ гимназіею, а въ наступающемъ году имѣетъ публичныя лекціи давать.

Дювернуа, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла, и, что найдетъ, о томъ дѣлаетъ описаніе и читаетъ въ собраніяхъ. Нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ, на будущее лѣто тоже продолжать будетъ.

Крафтъ, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, а дѣлаетъ на всякой день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу, а по учиненномъ собраніи—географіи математики и физики, также по совершеніи математики намѣренъ онъ и другія части физики, то есть: гидростатику, гидравлику, оптику и катоптрику такимъ образомъ дѣлать, и со временемъ совершенную систему о физическихъ экспериментахъ писать; въ настоящемъ году имѣетъ на всякой день по цѣлому часу публично о физикѣ читать и надъ примѣчаніями трудится.

Эйлеръ, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать; трудится съ другими въ сочиненіи географіи Россійскаго государства и дѣлаетъ партикулярныя карты, какія только нынѣ по тому примѣру сдѣлать можно, пишетъ вторую часть арифметики для гимназіи, а начатыя свои труды о статикѣ и анализъ Інфіи уповаетъ на будущей годъ совсѣмъ окончать, потомъ

имѣетъ давать публичныя лекціи о вышней математикѣ и надъ примѣчаніями трудится.

Вейбрехтъ, профессоръ физіологіи такъ же какъ и анатомикъ, разнимаетъ человѣческія и звѣриныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается, какъ бы употребленіе ихъ сыскать, начатую свою десмологію, или описаніе о всѣхъ донынѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лигаментахъ, въ скоромъ времени окончать надѣется, въ будущемъ году намѣренъ публичныя лекціи давать и надъ примѣчаніями трудится.

Аммонъ, профессоръ ботаники и историки, разсматриваетъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ натуры случается, а имянно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ Остъ-Индскія и Вестъ-Индскія семена, а которыя изъ Сибири, и Астрахани, и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаетъ описаніе и рисунки. Нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всеа Россійскія Имперіи будетъ; онъ имѣетъ сію работу на будущій годъ продолжать, и притомъ публичныя лекціи давать и примѣчанія писать.

Юнкеръ — былъ профессоръ политики, а 26 числа августа сего 1737 года отъ Академіи взятъ и употребленъ къ солянымъ дѣламъ.

Лоттеръ — былъ профессоръ элоквенціи, умеръ 1 апрѣля 1737 года.

Винцгеймъ, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на щетѣ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи, и дѣлаетъ потребныя при обсерваторіи таблицы, сочиняетъ С.-Петербурхскія календари, пишетъ политическую географію и капитулъ Россійскаго государства, на будущій годъ имѣетъ тоже дѣлать и притомъ съ другими будетъ стараться о приведеніи въ совершенство Россійскаго географическаго Лексикона, диктовать публичныя лекціи и надъ примѣчаніями трудится.

Гроссъ, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ географическомъ департаментѣ содержитъ протоколъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкой и съ нѣмецкаго на французской языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся писма на французской языкъ переводитъ; впредь будетъ тоже дѣлать, и притомъ съ другими надъ россійскимъ географическимъ лексикономъ трудится, въ гимназіи по французски учитъ, и для оныя французскую граматику пишетъ.

Гензіусъ, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣже обсерваціи, которыя и господинъ Делиль, дѣлаетъ, и одинъ другому взаимно помогаетъ, а когда первой въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляетъ для того, что одному человѣку

сего дѣла исправить не возможно; впредь имѣетъ тоже дѣ
нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ, на ко
гомъ будетъ давать публичныя лекціи, и съ другими инѣмъ пе
ніями трудится.

Тидеманъ, нотаріусъ, содержитъ подъ дирекціею Юстиц
вѣтника господина Гольдбаха въ конференціахъ протоколъ.
етъ въ своемъ храненіи всѣ до наукъ касающіяся писма и дис
ціи, сочиняетъ изъ нихъ экстракты и копіи пишетъ, а врем
при учрежденныхъ отъ Правительствующаго Сената комиссіях
секретаря употребляется, и впредь туже должность отправлять
детъ.

Мессеръ — канцеляристъ } пишутъ на бѣло всѣ входящія и
Иберкамфъ — копіистъ } ходящія диссертаціи и писма, и сек
того означенный канцеляристъ учитъ
гимназіи по французски.

Ѳедоръ Герасимовъ — сторожъ, топитъ печи въ конференціи
въ Архивѣ и на посылку къ профессорамъ употребляется.

Андрей Тупов — сторожъ, топитъ печи въ экспериментальн
полатѣ и въ двух подлѣ оныя обрѣтающихся каморахъ, помогает
профессору физики пнеуматическую антліею воздухъ вытягать, содер
житъ сей инструментъ въ чистотѣ и употребляется на посылки.

Почетные члены: *Вольфъ* — профессоръ математики въ Марбургѣ.

Билфингеръ — тайный совѣтникъ въ службѣ Герцога Виртембергскаго.

Кинъ — профессоръ математики въ Данцигѣ.

Бернуллій — профессоръ анатоміи въ Базелѣ.

Всѣ тѣ почетные члены Академіи имѣютъ съ нею къ большому приращенію наукъ всегдашнюю коресподенцію, сообщаютъ ей всѣ свои въ наукахъ учиненные новые изобрѣтенія, присылаютъ разные книги и всякія до наукъ касающіяся вещи, которыя напередъ въ конференціяхъ читаютъ, а потомъ въ коментаріи печатаютъ.

Адъюнкты и студенты: *Адодуровъ* — адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику докончивать, дабы со временемъ самому профессорскаго чина удостоится; для того онъ нынѣ въ сей наукѣ со всякимъ прилежаніемъ обучается и помогаетъ профессору Крафту въ экспериментахъ, перевелъ сокращенную механику на Россійской языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ россійскомъ собраніи, а притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которыя другія читаютъ, и старается, чтобъ оныя переводы на россійскомъ языкѣ исправно въ печать выходили; впредь будетъ всякія выходящія математическія и

физическія книги и вещи по руски переводить, и притомъ возможное тщаніе прилагать, дабы въ физической наукѣ въ большее совершенство притти, обрѣтающихся при Правительствующемъ Сенатѣ юнкеровъ обучаетъ по дважды въ недѣлѣ въ чтеніи и писаніи россійскаго діалекта.

Вильде, докторъ медицыны, адъюнктъ или помощникъ профессора анатоміи, обучается анатоміи, дѣлаетъ секцію надъ человѣческими тѣлами и звѣрскими трупами, такъ какъ настоящей профессоръ приготовляетъ всякія къ тому вещи, а наипаче въ остеологіи трудится, впредь будетъ публичныя лекціи давать.

Миндъ — былъ адъюнктъ химіи, отошелъ отъ Академіи 10 іюня 1737 г.

Муллсъ, адъюнктъ профессора вышней математики, онъ себя по своей должности въ сей наукѣ въ совершенство производитъ, и для того къ профессорамъ часто ходитъ и съ ними надъ разными диссертаціями трудится, впредь будетъ тоже дѣлать, и сверхъ того въ гимназіи геометріу учитъ.

Штелинъ — упражняется по должности своей во всемъ, что касается до реторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія и до протчихъ къ тому надлежащихъ наукъ; нынѣ переводитъ онъ съ италіанскаго на нѣмецкой языкъ Марселіево: Военное состояніе Оттоманскія Порты, а впредь будетъ писать примѣчанія на вѣдомости.

Тауберть, студентъ, опредѣленъ къ тому, чтобъ элоквенціи и лутчему стилу писемъ учиться; для того приказано ему къ профессору элоквенціи часто ходить и съ нимъ трудиться; содержитъ въ россійскомъ собраніи протоколъ, читаетъ въ ономъ свои собственные переводы, и въ исправленіи отъ другихъ предлагаемыхъ переводовъ свое мнѣніе объявляетъ. Перевелъ древнюю Азовскую исторію на россійской языкъ, а нынѣ переводитъ Жизнь и дѣла принца Евгенія; впредь будетъ всякія до его знанія и науки касающіяся вещи и примѣчанія переводить.

Клейнфелтъ, студентъ, учится анатоміи, и для того на всякихъ секціяхъ присутствуетъ, профессору и адъюнкту анатоміи помогаетъ, и своимъ прилежаніемъ въ такое себя совершенство приводитъ, чтобъ со временемъ на мѣсто одного изъ оныхъ употребленъ быть могъ.

Бремъ — обращается больше въ наукахъ, украшающихъ разумъ, и въ письменной исторіи, трудится въ библіотекѣ и сочиняетъ каталоги, содержитъ журналъ книгамъ, которыя онъ же раздаетъ и назадъ получаетъ, правитъ притомъ должность корректора, и въ настоящемъ году будетъ примѣчаніи писать.

Рикманъ, студентъ, учится математическимъ наукамъ, а особливо механикѣ и физикѣ и ходитъ того ради на лекціи у профессора физики, помогаетъ ему при дѣланіи экспериментовъ, также и самъ разные до оныхъ наукъ надлежащіе опыты дѣлаетъ, кромѣ оныхъ диссертаціи, которыя онъ Академіи подавать имѣетъ, будетъ онъ еще и примѣчаніи на вѣдомости писать.

Россійское собраніе: Каморъ Конторы совѣтникъ *Эмме* — упражняется въ переводахъ, и бываетъ трижды въ недѣлѣ въ россійскомъ собраніи, читаетъ свои труды, или чтенія другихъ переводовъ слушаетъ и въ поправленіи оныхъ помогаетъ; перевелъ математическую и физическую географіу и Шрейдерову шацъ-камору, а нынѣ переводитъ военную книгу, называемую Флеминговъ совершенный солдатъ, которую книгу всѣ въ военныхъ дѣлахъ искусные люди весьма апробуютъ; какъ скоро указы напечатаются, то онъ сдѣлаетъ полной имъ реэстръ и будетъ трудиться надъ примѣчаніями.

Тредіаковскій, секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при россійскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ французского языка Марсиліеву книгу: О военномъ состояніи Порты Оттоманской; нынѣ оканчиваетъ переводъ татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ французского на россійской языкъ трудиться будетъ.

Керв *), профессоръ оріентальныхъ языковъ, при иностранной коллегіи, а въ Академіи всякія на помянутыхъ языкахъ случающіяся дѣла переводитъ, онъ же перевелъ исторію о Албухазинахѣ съ татарскаго оригинала. Нынѣ трудится надъ другимъ изряднымъ татарскимъ манускриптомъ (рукописною книгою) Бабунайметъ, турецкую исторію, которой еще никогда въ печати не бывало, и оную на латинской языкъ переводить; что всѣмъ ученымъ и до оріентальныхъ древнихъ книгъ охоту имѣющимъ людемъ весьма пріятно будетъ; еще сочинилъ онъ каталогъ о 4000 древнихъ татарскихъ монетахъ, которыя изъ земли выкопаны, и нынѣ въ кунстъ-каморѣ хранятся, а впредь тоже дѣлати и въ переводахъ трудится будетъ.

Горлецкій — переводитъ съ латинскаго и французскаго на россійской, а съ русского на оба помянутыя языки, имѣетъ особливую работу при географическомъ департаментѣ, и сверхъ того перево-

---

*) По проекту новаго штата въ 1736 году предположено было къ 3-му классу Академіи приблизить профессора восточныхъ древностей, потому что «ради сосѣдства и великаго союза восточныхъ народовъ съ нами, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стараться надлежитъ».

дитъ нынѣ весьма старую хронику россійской исторіи, которая при другихъ русскихъ книгахъ пріобщена будетъ.

Ильинскій — былъ переводчикомъ. Умеръ 20 марта 1737 году.

Толмачевъ — переводчикъ; всякія изъ Сибири, Казани, Астрахани и другихъ дальныхъ мѣстъ присылаемыя сюда метеорологическія обсерваціи на латинской языкъ переводитъ; онъ же перевелъ Россійскую старую хронику по латыни, и впредь такимъ же образомъ трудиться будетъ.

Волчковъ, секретарь, употребляется въ переводахъ, бываетъ съ вышеозначенными въ Россійскомъ собраніи; по переводѣ Скиѳской исторіи, трудится нынѣ надъ древнею хроникою, которая къ россійскимъ книгамъ впредь присовокуплена быть имѣетъ. Онъ же переводитъ русскія вѣдомости, впредь будетъ тоже дѣлать, и надъ примѣчаніями трудится.

Кононъ Даниловъ — сторожъ, топитъ печь въ Россійскомъ собраніи, употребляется на посылки.

Гимназія: *) *Шмитъ*, танцмейстеръ, поѣхалъ въ свое отечество въ Прусію, на ево мѣсто принятъ Христіанъ Ландъ, которой при гимназіи обрѣтающихся молодыхъ людей шесть часовъ въ недѣлѣ танцовать учитъ.

Фишеръ, ректоръ латинской гимназіи, его должность состоитъ въ надзираніи за учителями латинскихъ классовъ, дабы отъ нихъ чего упущено не было, самъ онъ учитъ молодыхъ людей первого классу въ штилѣ и реторикѣ, толкуетъ имъ наитруднѣйшихъ авторовъ, а имянно Іулія Цесаря, Светона, Цицероновы писма и ораціи, Овидіевы метаморфозы и Виргиліевы дѣла, изъясняетъ имъ греческія и римскія древнія вещи, учитъ ихъ поэзіи, политической исторіи и ге-

*) Въ 1733 году показывались при гимназіи: Фишеръ—проректоромъ; Миллеръ, Швеннвицъ, Шмитъ,—учителями (тѣхъ же предметовъ что и въ 1737 году); Георгъ *Стиксъ* названный «*подмастерьемъ*» нѣмецкаго языка; Декомбель — учитель франц. языка; Лурсеніусъ — шрейбмейстеръ. По новому академическому штату при гимназіи предполагалось имѣть: ректора въ классѣ латинскомъ, нѣмецкаго ректора и вмѣстѣ инспектора надъ семинаріей, проректора, конректора, двухъ учителей латинскаго языка, одного—нѣмецкаго, шпрахмейстера французскаго и итальянскаго, *шпрахмейстера* россійскаго языка, танцмейстера, рисовальщиковъ и 4 префектовъ; «понеже,—сказано въ проектѣ,—при академіи семинаріумъ учреждается, въ которомъ юношество по наилучшимъ средствамъ такъ обучено быть имѣетъ, что оное оттуда до вышнихъ наукъ произойти можетъ, того ради академія принуждена число бывшихъ по нынѣ при гимназіи учениковъ нѣсколькими персонами пріумножить.» Число учениковъ при гимназіи не означено въ штатѣ,—а въ наличности показанъ только одинъ «Кейзеръ при гимназіи дисципулъ». Въ 1741 году показано было двое семинаристовъ и пятеро солдатскихъ дѣтей въ обученіи при гимназіи.

ографіи. Кромѣ своей школьной должности переводитъ съ русскаго на нѣмецкой и латинской языкъ разныя къ русскому собранію принадлежащія вещи. А нынѣ профессоромъ Керомъ переведенную Татарскую Исторію въ чистой нѣмецкой стиль приводитъ, впредь будетъ школьную свою должность исправлять и при другихъ переводахъ надъ примѣчаніями трудится.

Мерлинъ, проректоръ, учитъ молодыхъ людей стилю, толкуетъ имъ латинскихъ авторовъ простою и связною рѣчью, обучаетъ исторіи и географіи и приготовляетъ своихъ учениковъ къ вышнимъ классамъ, кромѣ школьной должности обязанъ онъ переводить съ швецкого и финского на нѣмецкой или латинской языкъ, а ежели что на швецкомъ или финскомъ языкѣ печатается, то онъ дѣлаетъ корректуру, нынѣ переводитъ новой, апробованной швецкой уставъ, которую работу и впредь продолжать будетъ.

Геллертъ, конректоръ, его должность такъ же какъ предъидущаго въ томъ состоитъ, чтобъ исторіи, географіи и сверхъ того логикѣ учить и такъ своихъ учениковъ въ наукахъ приготовлять, что ежели они въ профекторской классъ произведены будутъ, то бы большую пользу отъ него получать могли, кромѣ школьной должности повиненъ онъ изъ старыхъ книгъ экстракты дѣлать, и оные Академіи предлагать, а впредь будетъ надъ примѣчаніями трудиться.

Миллеръ, учитель, обрѣтающимся у него латинскаго языка ученикамъ толкуетъ лехкаго латинскаго автора, приказываетъ и дѣлать эксерциціи, показываетъ имъ начальные регулы въ исторіи и географіи, а и впредь тоже продолжать будетъ, притомъ еще долженъ онъ все то исправлять, что ему приказано будетъ.

Шванвицъ, ректоръ нѣмецкой гимназіи, имѣетъ надзираніе надъ учениками нѣмецкого языка, и самъ какъ по нѣмецки такъ и по руски ихъ учитъ, кромѣ своей школьной должности и къ переводамъ употребляется; по переведеніи Ланговыхъ разговоровъ трудится нынѣ надъ переводомъ школьной книги Сейболди, читаетъ свои дѣла въ Россійскомъ собраніи, а притомъ и другихъ чтенія слушаетъ; впредь будетъ тоже продолжать и надъ семинаріею, которая со временемъ построится, смотрѣніе имѣть.

Германъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, учитъ своихъ учениковъ фундаментнымъ регуламъ латинскаго языка, велитъ имъ съ латинскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на латинскій языкъ переводить, обучаетъ правописанію, арифметикѣ, кромѣ своей ординарной работы учитъ изъ Москвы прибывшихъ сюда учениковъ по нѣмецки, всѣ ему отъ Академіи присылаемыя вещи на бѣло переписываетъ.

Потанскій, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, обучаетъ учениковъ средняго и нижняго класса въ латинскомъ чтеніи, а съ обрѣтающимися въ вышнемъ классѣ повторяетъ нѣмецкую грамматику, твердитъ географію и правописанію учитъ, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Ланзъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, уволенъ отъ Академіи 22 августа 1737 года.

Эстерманъ — четвертой учитель въ нѣмецкой гимназіи; его должность новопришедшихъ учениковъ писать, читать и ариѳметикѣ учить, съ чужестранными катехизмъ читать, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Руйнатъ — учитель, обучаетъ учениковъ французскому языку, а впредь тоже продолжать будетъ.

Степанъ Шишковъ
Михайла Машаровъ } сторожами при гимназіи, содержатъ гимназію въ чистотѣ и каждой изъ нихъ по три печи топитъ.

Шварцъ — сторожъ при гимназіи относитъ приказъ обрѣтающагося при гимназіи директора къ ректорамъ и учителямъ, а отъ нихъ репорты къ помянутому директору носитъ.

Нѣмецкая Типографія: *Кевицъ* — наборщикъ, отшелъ отъ Академіи 24 мая 1737 года.

Розе — наборщикъ, нынѣшній годъ набиралъ Военной Регламентъ, нѣмецкой календарь, стихи иллюминаціямъ и фейеркамъ и всякія вѣдомости военныя.

Герасимъ Ивановъ
Михайла Кондаровъ
Степанъ Воротниковъ
Петръ Гавриловъ
Никита Поляновъ
Яковъ Морозовъ
Никита Савиновъ } У становъ печатныхъ приставленныя батырщики и терегорщики.

Руская Типографія: *Федоръ Степановъ* — корректоръ; его должность набирать, исправлять; только онъ нынѣ за старостію худо видитъ и для того ничего больше дѣлать не можетъ кромѣ того, что за тередорщиками, наборщиками смотритъ, ихъ къ работѣ принуждаетъ.

Иванъ Сидоровъ — наборщикъ, набираетъ нынѣ книгу Истинную Политику знатныхъ и благородныхъ особъ.

Козма Маламаховъ — набираетъ Марселіеву книгу о Военномъ состояніи Порты Оттоманской.

Леонтей Васильевъ — наборщикъ, набиралъ Флоринову генеральную экономію.

Андрей Богдановъ — былъ тередорщикъ, а нынѣ употребляется на посылку ко всѣмъ художникамъ, ремесленнымъ и мастеровымъ людемъ для спрашиванія, какъ называютъ ихъ инструменты и протчіе въ ихъ ремеслахъ употребляемыя вещи, и ради увѣдомленія о ихъ всякимъ художествамъ свойственнымъ рѣчамъ и именованіямъ, которые онъ всѣ записываетъ, также изъ нѣкоторыхъ напечатанныхъ книгъ выбираетъ техническіе термины и другія разнымъ ремесламъ свойственныя имена, дабы оныя въ переводахъ и въ рускомъ лексиконѣ, который со временемъ напечатается, съ пользою употребить.

Яковъ Михаиловъ — батырщикъ.

Галактіонъ Чижевъ — наборщикъ, собираетъ указы съ 722 года.

Петръ Степановъ — наборщикъ отпущенъ нынѣшняго году.

Лука Духановъ
Миронъ Ѳроловъ
Сергѣй Луковниковъ
} Батырщики при станахъ.

Въ нынѣшнемъ году въ обѣихъ типографіяхъ набрано и печатано кромѣ вѣдомостей.

Уложенье	»	»	»	4000 экземпляровъ
Исторія Азовская	»	»	»	500 экземпляровъ
Военный Регламентъ		»	»	1200 экземпляровъ
Замлункъ, Собраніе всякихъ до Россійской исторіи принадлежащихъ извѣстій			»	1200 экземпляровъ
Зигизбекъ программа медико-ботаническая			»	225 »
Опера на рускомъ и итальянскомъ діалектахъ	»	»	»	400 экземпляровъ
Нѣмецкой календарь		»	»	2200 экземпляровъ
Руской календарь	»	»	»	5200 »

Стихи иллюминаціямъ и фейерверкамъ, всякія вѣдомости военныя.

Нынѣ печатается:

Академическихъ комментаріевъ часть 5.

Згизбекъ Скнографія (иконографія?) ботаническая.

Беэръ Гисторія Бактріана.

Ариѳметика на рускомъ діалектѣ.

Разговоры на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ.

Механика въ русскомъ діалектѣ.

Марселіево описаніе о состояніи Оттоманской Имперіи.

Указы отъ 1722 года.

Гисторія Азовская на рускомъ и нѣмецкомъ.

Флоринова генеральная экономія.

Книжная лавка: *Кланкэръ*—факторъ, его должность чтобъ книжную лавку въ добромъ порядкѣ содержать исправно, реэстръ о получаемыхъ изъ чужихъ краевъ и здѣшняго выходу книгахъ имѣть о входящихъ и исходящихъ книгахъ по данной ему формѣ вѣрный щетъ содержать, съ чужестранными книгопродавцами корреспондовать, листы изъ Типографіи принимать и приказывать, чтобы оные порядочно собраны и въ укладку положены были.

Прейсеръ—бухгалтеръ, въ небытность фактора всю его должность отправляетъ, а особливо содержитъ слѣдующія книги: 1) главную, 2) расходную, 3) купеческую, 4) и черную журнальную книгу.

Сервеліусъ—служитель книжной лавки, обрѣтается у приниманія листовъ изъ друкаренъ, складываетъ ихъ въ мѣсто, здѣшняго выходу книги для отправленія въ чужіе края относитъ въ Таможню, а сюда приходящія чужестранныя книги приноситъ изъ Таможни въ книжную лавку, помогаетъ щоты и другія случащіяся дѣла на бѣло писать.

Гербстъ былъ при Академіи купчиною, умеръ.

Нынѣ въ книжной лавкѣ чужестранныхъ книгъ на			8320 р.
Здѣшняго выходу на	»	»	33,958.

Словолитня: *Купій*,—медальеръ, дѣлаетъ понсы и контра-понсы на слова, рѣжетъ математическія и другія фигуры, также виньеты, узлы и протчія къ печатанію книгъ потребныя вещи на мѣди и деревѣ дѣлаетъ, переплетчику стемпели, а постороннимъ людямъ рѣжетъ печати, и за то получаетъ отъ нихъ особливую плату; а нынѣ имѣетъ на рукахъ академическую работу.

Битнеръ — мастеръ всѣ отъ вышеозначеннаго Купіи заготовляемые понсы въ матрицы передѣлываетъ и формы въ такое состояніе приводитъ, чтобъ выливаемые слова ровны и гладки были; при чемъ онъ самъ льетъ и шлейфуетъ, а другихъ словолитцовъ и шлейфовальщиковъ къ работѣ принуждаетъ.

Максимъ Зараевъ
Иванъ Гавриловъ
Гаврила Рудаковъ
Иванъ Дмитріевъ
} Словолитцы.

Въ нынѣшнемъ году сдѣлано:

понсы	»	»	»	179	штукъ.
печатей рѣзано	»	»	»	7	
мѣдныхъ узловъ	»	»	»	45	
литеръ изъ дерева		»	»	174	
разныхъ литеръ литыхъ		»	»	2506 ³/₄ф.	
матрицъ	»	»	»	221	

Переплетная палата: *Кривендорфъ* переплетнаго дѣла мастеръ, его должность не токмо надъ учениками смотрѣть, но и самому работать.

Браунсъ
Пасторъ
Веккебургъ } подмастерья, и притомъ все то дѣлаютъ, что имъ отъ мастера дано и приказано бываетъ.

въ нынѣшномъ году переплетено:

въ французскомъ переплетѣ	»	»	1036	книгъ
въ италіанскомъ переплетѣ	»	»	371	
въ простомъ переплетѣ		»	5209	
въ золотомъ морѐ и тавтѣ	»	»	132	
въ футлярахъ	»	»	12	
круговъ изъ золотой бумаги для стрѣлянія при дворцѣ	»	»	97	

Двѣ ландкарты большихъ положены на полотнѣ.

Фигурная палата: *Кейлеръ* — подмастерье, имѣетъ смотрѣніе надъ работниками; приготовляетъ краску на портреты; когда на пресахъ печатаютъ, то онъ при томъ бываетъ, а въ свободные часы долженъ рисовать или грыдоровать, смотря по времени, что нужнѣе.

Петръ Герасимовъ
Иванъ Тихоновъ
Родіонъ Козминъ
Карпъ Сергѣевъ
Козма Семеновъ
Дорофей Петровъ
Ѳедоръ Кириловъ
Сергѣй Петровъ
Ѳедоръ Погребовъ
Алексѣй Васильевъ
Алексѣй Артемьевъ
Сава Васильевъ
Григорій Матвѣевъ
Иванъ Семеновъ
Осипъ Семеновъ
} работники, которыя доски шлейфуютъ, кладутъ на связки пресъ, тиснятъ и стираютъ.

Въ нынѣшнемъ году печатано при фигурной

палатѣ—портретовъ и протчаго	»	27297	штукъ.
Доски въ разныхъ форматѣ шлифовано	»	192	

Художники и мастеровые люди:

Шеслеръ — архитекторъ, отпущенъ въ нынѣшнемъ году.

Гзель — съ женою — оба живописному мастерству искусны, мужъ рисуетъ и всякія данныя ему живописныя вещи на маслѣ и на водѣ растворенными красками пишетъ и учениковъ въ гимназіи рисовать учитъ.

А жены его должность въ томъ состоитъ, чтобъ всякія въ кунстъ-каморѣ обрѣтающіяся самородныя и куріозныя вещи водяными красками списывать, которую работу оба они нынѣ исправляютъ и впредь тожъ дѣлать будутъ. Гвель за старостію отъ гимназіи уволенъ, а тамошнюю его должность отправляютъ обрѣтающіеся при гимназіи ученики.

Унборцахтъ — грыдоровальный мастеръ, по силѣ своего обязательства, рѣжетъ на мѣдныхъ доскахъ и инструментахъ всякія потребныя слова и письма, а особливо ландкарты, нынѣ грыдоруетъ на мѣди придворной нѣмецкой календарь, а по окончаніи оного будетъ форшрифты (прописи) и ландкарты на мѣди рѣзать.

Коровякъ — слѣсарь, куетъ грыдоровальныя доски, дѣлаетъ литейныя формы, желѣзо на понсы и мѣдь на матрицы, готовитъ жестяныя линіи и всякую починку у пресовъ исправляетъ.

Вортманъ — грыдовальный мастеръ, онъ по своей должности надъ протчими грыдоровальщиками надзираніе имѣетъ, также портреты, проспекты ланшавты и анатомическія фигуры на мѣди рѣжетъ, а ненадобное заглаживаетъ и вычищаетъ; нынѣ грыдоруетъ портретъ Ея Императорскаго Величества вышиною въ 1 аршинъ, а шириною въ полъаршина.

Бруннеръ, механикъ, вымышляетъ и дѣлаетъ всякія модѣли, машины и инструменты, ландкарты и глобусы, рѣжетъ на камнѣ, и учениковъ тому же обучаетъ, нынѣ имѣетъ надзираніе надъ шлейфовальною мельницею въ Петергофѣ, и старается, чтобъ оную въ доброе состояніе привести.

Фричъ, столяръ, дѣлаетъ въ типографіи пресы, ящики, на слова доски, задвижки и другія вещи, а ежели ему свободное время есть, то и въ кунстъ-каморѣ всякую нужную работу исправляетъ; нынѣ дѣлаетъ печатной пресъ и къ тремъ палатамъ кунстъ-каморѣ панель, а зимою будетъ работать достальныя въ кунстъ-каморѣ поставцы.

Гановеръ — подмастерье при ономъ столярѣ, и дѣлаетъ все то, что ему приказано будетъ.

Неэръ — часоваго дѣла мастеръ, работаетъ въ инструментальной палатѣ все, что до его профессіи принадлежитъ, а особливо колесы и шурупы, починиваетъ часы, квадранты и другія астрономическіе инструменты; нынѣ работаетъ на обсерваторіи при астрономическихъ часахъ.

Вейэръ — циркульной мастеръ дѣлаетъ футляры съ математическими инструментами, а въ мастерскихъ палатахъ потребные инструменты и другія вещи; нынѣ отдѣлываетъ математическій футралъ по присланному изъ Англіи модѣли.

Тебингъ — часовой мастеръ, отпущенъ октября 31 числа 1737 года.

Федоръ Самойловъ } Столярные ученики помогаютъ своему мастеру
Федоръ Григорьевъ } всякую работу дѣлать.

Ученики: *Матис-Андрисъ*—при механикѣ шлейфуетъ стекла и починиваетъ математическіе инструменты, а нынѣ надъ сниманіемъ С.-Петербургскаго плана трудится.

Грыдоровальные ученики: *Матерновій*—ученикъ при грыдоровальщикѣ Вортманѣ рѣжетъ, выглаживаетъ на мѣди всякую работу, а имянно, портреты, ланшавты и другія вещи, кромѣ литеръ, нынѣ отдѣлываетъ портретъ блаженныя памяти Его Величества царя Іоанна Алексѣевича, ввечеру срисовываетъ древнія медали и монеты изъ кунстъ-камеры и по порядку учениковъ въ гимназіи обучаетъ.

Григорій Качаловъ — тоже дѣлаетъ; и нынѣ трудится надъ портретомъ блаженныя памяти царя Ѳеодора Алексѣевича.

Иванъ Соколовъ — тоже дѣлаетъ, а нынѣ трудится новый портретъ блаженныя памяти государя царя Алексія Михаиловича, понеже первымъ печатать уже невозможно.

Францъ Беренцъ — все тоже дѣлаетъ, что и вышеписанныя только кромѣ портретовъ, вмѣсто которыхъ грыдоруетъ ландкарты, а по вечерамъ рисуетъ.

Григорей Абумовъ – дѣлаетъ ланшавты, механическія и анатомическія фигуры и трапы, рѣжетъ слова, а нынѣ трудится надъ букв. Б. центурія V.

Андрей Поляновъ — тоже дѣлаетъ.

Друкарня: *Авонасій Кошаровъ*, наборной ученикъ, набираетъ по русски, по нѣмецки, по латыни и по французски, а нынѣ трудится при наборѣ Россійской механики.

Михайла Кошаровъ — тоже умѣетъ, набираетъ нѣмецкія вѣдомости, также латинскія, русскія, нѣмецкія и французскія разговоры.

Михайла Яковлевъ — ученикъ при наборѣ книгъ на россійскомъ и чужестранныхъ языкахъ, а нынѣ набираетъ ариѳметику для гимназіи.

Семенъ Горловъ — набираетъ нѣмецкія вѣдомости и вышепомянутые разговоры.

Артемей Остафьевъ — тоже дѣлаетъ.

Тимофей Петровъ — кромѣ ординарныхъ вѣдомостей всѣ на россійскомъ языкѣ одинъ набираетъ, а нынѣ помогаетъ набирать указы 1722 года.

Михаила Ананинъ, при вѣдомостной работѣ, набираетъ, указы 1714 года.

Переплетнаго дѣла: *Василей Куликовъ* — отпущенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Паладій Ивановъ
Егоръ Мокѣевъ } Ученики планируютъ, то есть намочиваютъ печатные листы съ клѣемъ вареною водою, згибаютъ по нумерамъ, уколачиваютъ, сшиваютъ, обрѣзываютъ и дѣлаютъ связки.

Инструментальная палата: *Василей Ивановъ*, дѣлаетъ геометрическія и физикальные инструменты,—а имянно: остролябіи, цыркули, линіалы, транспотиры, компасы, солнечныя часы, насосныя трубы, дѣлаетъ нынѣ съ другими для отправленія къ тайному совѣтнику господину Татищеву въ Катеринбурхъ геометрическія и протчія инструменты.

Семенъ Суворовъ — былъ прежде сего у инструментальнаго мастера, а понеже понятія и охоты къ тому не имѣлъ, то отданъ въ словолитню, гдѣ онъ нынѣ вылитыя слова шлейфуетъ.

Петръ Балыкинъ — дѣлаетъ всякіе геометрическіе инструменты, а имянно: квадранты, астролябіи, транспотиры, пропорціоналы, цыркули, притомъ знаетъ и раздѣлять.

Александръ Овсянниковъ — изъ молодыхъ, учится часы и принадлежащіе къ тому колесы дѣлать, линіалы, компасы и другія вещи.

Якимъ Терентіевъ — недавно началъ учиться, дѣлаетъ цыркули.

Михайла Махаевъ — рѣжетъ на мѣди и инструментахъ всякія слова, нынѣ дѣлаетъ Россійской придворной календарь, и грыдоруетъ на мѣдной доскѣ къ Марсиліевой книгѣ принадлежащіе слова и надписи.

Иванъ Бѣляевъ — стеклянныхъ дѣлъ шлейфовальщикъ, шлейфуетъ всякія оптическія и катоптрическія стекла, а имянно: очки, зрительныя трубки, микроскопіи, барометры, термометры, и все, что до экспериментовъ физическаго профессора и метеорологическихъ обсервацій касается; нынѣ дѣлаетъ микроскопіи, барометры и термометры для Камчатской экспедиціи.

Андрей Бѣляевъ, шлейфовальный ученикъ, всякія стекла какъ и прежней шлейфуетъ.

Словолитня: *Аѳонасій Власовъ* ученикъ, слова льетъ, гренируетъ и шлейфуетъ.

Александръ Ивановъ — учится словолитному и кузнечному, рѣжетъ большія и начальныя слова на деревѣ.

Ѳедоръ Поляковъ — рѣжетъ и гренируетъ.

Матвѣй Ивановъ — тому же имѣетъ.

Мартинъ Купій — рѣжетъ слова, узлы и виньеты на деревѣ, на зеленой мѣди, дѣлаетъ понсы и контрапонсы.

Николай Купій — рѣжетъ слова на мѣди и на деревѣ.

При гимназіи ученики: *Петръ*—ученикъ, учится латинскому, россійскому и нѣмецкому языку, дабы могъ со временемъ въ переводъ употребленъ быть.

Кохъ—отошелъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Родіонъ Корелинъ — по желанію и склонности своей отданъ учиться переплету книгъ.

Александръ Каламаровъ — отпущенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Андрей Нестеровъ — нынѣ обрѣтается въ русской Типографіи.

Иванъ Барышниковъ — у рисованія, имѣетъ къ сему дѣлу изрядную способность, понятіе и охоту, а нынѣ опредѣленъ къ рѣзанію на камнѣ.

Степанъ Сорокинъ — также у рисованія.

Яковъ Треусовъ — учится книжной комерціи.

Иванъ Васильевъ — въ словолитнѣ.

Алексѣй Грековъ — у рисованія, а нынѣ учится грыдоровать.

Иванъ Лебедевъ — учится книжной комерціи.

Андрей Комбаровъ — при словолитнѣ.

Яковъ Нечаевъ — при живописномъ дѣлѣ.

Библіотека, канцелярія и кунстъ-камора:

Шумахеръ, библіотекарь, имѣетъ смотрѣніе надъ библіотекою и кунстъ-каморою и всему, что во оныхъ находится, содержитъ обстоятельную роспись, также и о томъ старается, чтобъ небреженіемъ какимъ что испорчено не было; показываетъ тѣмъ, которые хотятъ кунстъ-камору видѣть, все, что находится въ ней примѣчанія достойнаго, изъясняетъ въкратцѣ оныя вещи; теперь готовитъ онъ къ печати особливыя катологи, а кромѣ того имѣетъ еще въ канцеляріи надзираніе и помогаетъ во всемъ президенту.

Медеръ, секретарь, при отправленіи своей должности имѣетъ надзираніе надъ приходомъ и расходомъ денежной казны, и смотритъ, чтобъ щоты порядочно и исправно ведены были.

Гофманъ, актуаріусъ, содержитъ нѣмецкую канцелярію, протоколъ въ порядкѣ, а въ отсутствіи секретаря отправляетъ его должность.

Киснеръ, лекарь, пользуетъ больныхъ академическихъ служителей, иногда самъ, а временемъ подъ дирекціею другова доктора или лекаря, а сверхъ того при случающихся анатоміяхъ и секціяхъ присутствуетъ.

Фелтинъ — экономъ, содержитъ у себя столъ для обрѣтающихся при Академіи холостыхъ профессоровъ, Адъюнктовъ и студентовъ и сверхъ того имѣетъ надзираніе надъ магазиномъ.

Соколовъ, канцеляристъ, у прихода и расхода денежной казны и у сочиненія щетовъ.

Паулъ — канцеляристъ у нѣмецкихъ дѣлъ, а притомъ журналъ содержитъ.

Грековъ — канцеляристъ при Россійскихъ дѣлахъ.

Михайло Лебедевъ — подканцеляристъ при русскихъ дѣлахъ.

Иванъ Сухоруковъ — копіистъ у русскихъ дѣлъ.

Ѳедоръ Лебедевъ — копіистъ при Россійской экспедиціи у щетовъ.

Тимофей Ѳедоровъ — копіистъ у щетовъ и употребляется къ покупкѣ разныхъ вещей, и содержитъ журналъ.

Томсонъ — копіистъ при нѣмецкой экспедиціи, пишетъ копіи съ каталоговъ въ Библіотеку.

Бессоновъ — писарь у русскихъ дѣлъ при Географическомъ Департаментѣ.

Краюхинъ — у рисованія грыдоруетъ литеры и ландъкарты.

Брызгаловъ — писарь при русскихъ дѣлахъ.

Пухортъ — переводитъ въ книжной палатѣ реэстры, книги и щеты на русской языкъ, и употребляется для переводу на словахъ.

Дмитрій Тимофѣевъ — копіистъ при русскихъ дѣлахъ.

Сташевскій — списываетъ переводы и другія до наукъ касающія дѣла.

Линдорфъ — канцеляристъ при магазейнѣ, содержитъ магазейныя книги, употребляется на посылку и для собиранія долговъ.

Альбомъ — копіистъ, копируетъ всѣ входящія и исходящія писма, нѣмецкіе, указы и журналъ.

Андрей Грековъ — обрѣтается при кунстъ-каморѣ и дѣлаетъ на инсекты и другія вещи потребно спирту, а на досуги срисовываетъ анатомическія вещи.

Иванъ Федоровъ — содержитъ нижнюю и среднюю книжную палату въ чистотѣ, обметаетъ книги и притомъ на посылку и для нужныхъ дѣлъ употребляется.

Матрена Иванова придана въ помощь госпоже Гзельшѣ для содержанія въ чистотѣ инсектовъ, а особливо папиліоновъ, бабочекъ разныхъ родовъ, къ чему особливаго искуества и великаго прилежанія потребно.

Семенъ Семеновъ дѣлаетъ спиртусъ, и наливаетъ въ кунстъ-камерскія вещи.

Ларіонъ Глуховъ — сторожъ при канцеляріи.

6 человѣкъ гребцовъ — по прошествіи лѣта употребляются во всякую при Академіи потребную работу.

Сухановъ — квартермейстеръ, кромѣ сей должности сторожемъ при академической канцеляріи служитъ.

4 работника при кунстъ-каморѣ — содержатъ кабинетъ и галерію въ чистотѣ, а особливо употребляются на посылку и для показанія пріѣзжающему кунстъ-каморы.

Никита Афонасьевъ — работникъ при анатоміи, содержитъ покровы въ чистотѣ, грѣетъ воду для мертвыхъ тѣлъ.

Исай Зотовъ — истопникъ при обсерваторіи.

Петръ Андреевъ сынъ *Душечкинъ* — топитъ четыре печи: одну въ Географическомъ Департаментѣ, а три въ рисовальныхъ каморахъ.

Василій Родіоновъ — топитъ пять печей и въ инструментальныхъ палатахъ и въ токарнѣ.

Антонъ Спиридоновъ — истопникъ, топитъ пять печей: 1 въ книжной лавкѣ, 1 у цыркульнаго кузнеца, а три въ столярныхъ палатахъ.

Токарня: *Нартовъ* — ассессоръ; ему поручено на время надзираніе надъ инструментальными палатами, а нынѣ трудится въ исправленіи вѣсовъ и мѣры, иногда самъ точитъ, а впредь будетъ тріумфальной столпъ доканчивать.

Иванъ Леонтіевъ—точитъ всякія вещи на и лутчихъ и простыхъ станкахъ, на деревѣ, на кости, на серебрѣ и металлахъ.

Андрей Коровинъ — вертитъ колесо, содержитъ машину въ чистотѣ, а временемъ и самъ простыя вещи точитъ.

Петръ Дмитріевъ — слѣсарь — дѣлаетъ всякіе замки, содержитъ машины въ чистотѣ, попорченное или сломаное прибавляетъ; а нынѣ дѣлаетъ желѣзныя вещи къ мѣднымъ пресамъ.

Григорій Кандарацкій — тоже дѣлаетъ.

Никита Колпаковъ — бывшій столяръ при токарныхъ станкахъ, а по смерти опредѣленъ на сіе мѣсто сынъ его, который всякую при означенныхъ станкахъ потребную работу отдѣлаетъ.

Петръ Ермолаевъ, *Михайло Семеновъ* — Ихъ должность машины срисовывать и описывать, а впредь токарной работѣ учиться будутъ.

Петръ Кондарацкій, *Семенъ Кондарацкій* — Замочнаго дѣла ученики дѣлаютъ и пилютъ замки; а нынѣ работаютъ у печатныхъ пресовъ.

Иванъ Филиповъ токарный ученикъ, точитъ на деревѣ, на зеленой мѣди и на кости на ординарныхъ станкахъ, а нынѣ дѣлаетъ компасы для отправленія въ Катеринбурхъ.

Андрей Спиридоновъ — ученикъ, живетъ въ Петергофѣ, учится на камнѣ рѣзать.

Максимъ Никитинъ, *Семенъ Никитинъ*, *Сидоръ Бабаевъ*, *Козма Плотниковъ* — точильщики на шлейфовальной мельницѣ въ Петергофѣ.

ЭЛЕГІЯ ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ОТВѢТЪ НА НЕЕ АНТІОХА КАНТЕМИРА *).

Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи.

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотяжь малую явитъ отраду
И поманитъ
И будто польготитъ стаду,
Да обманетъ.
Дрожу подъ дубомъ, и крайнимъ гладомъ
Овцы таютъ
И уже весьма мокротнымъ хладомъ
Исчезаютъ.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже! насъ свободити
Отъ печали,—
Наши насъ дѣды къ Тебѣ вопити
Научали.

---

*) Изъ рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библіотеки, Отд. XIV, Q, № 6. *Ред.*

Князь Антіохъ Кантемиръ.

Epodos consolatoria ad oden pastoris Pimini, sortem gregis sub tempestatem deplorantis.

На горахъ нашихъ, Пимине славный
Сѣдинами!
Ни свирѣлію тебѣ кто равный,
Ни стадами.
На рожку ль поешь или на сопѣли
Хвалу Богу,
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу:—
Забывши травы, къ нейже измлада
Наученны,
Стоятъ и овцы, и козлищъ стада
Удивленны.
Сенька и Ѳедька *), когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазанны двери скрипѣли
Ветчиною.
Славному млека и волны зѣло
Когдась вору
Лошадей столько въ мысли не было
И Егору,
Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
Въ лѣтнемъ зною!
Молоко свѣжо при твоемъ стадѣ,
И зимою,
Тыже былъ гораздъ и волковъ бити
Изъ пищали;
Бѣда не могла тебѣ вредити
И печали,
И еще сѣна у тебя много
Вмѣсто травы,
Есть и хлѣвина для дожду злаго,
Ту исправи.—
Сіи запасы—твоему стаду
Въ зиму люту

*) Кантемиръ разумѣетъ здѣсь Симеона Полоцкаго и Ѳедора Поликарпова.

И въ осень мокру дадутъ отраду
И пріюту.
А ты самъ, въ теплой сидя хижинѣ,
Можешь сѣти
Вязать, или что плесть при лучинѣ,
Или пѣти,
Или, милую созвавъ дружину,
Промежь дѣлы
Бражку и винцо подносить *) по чину,
Не унылый.
Они ти за то будутъ при дѣлахъ
Помогати,
Масло и творогъ жирный въ творилахъ
Истискати.
Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
Что ненастье?
На дождь и стужу смотришь уныло,
За несчастье,
Что мокра осень слѣдуетъ лѣту,
Той противо
Отъемлетъ зима останокъ свѣту?
То не диво.
Послыша весну, ужь ластовицы
Появились;
Уже журавли и ины птицы
Возвратились;
Солнце съ барашка ужь на близнята
Преступило:
Съ матерьми юны въ поляхъ агнята
Блевутъ мило,
И славна въ горахъ нашихъ Діана
Благодатна,
Весны дарами—цвѣты вѣнчанна,
Всѣмъ пріятна,
Оставя горы, въ лѣса приходитъ
Съ дружиною
И знатно красныхъ нимфъ превосходитъ
Лишь главою;
За ней черкесскій въ тулѣ сіяетъ
Лукъ; страшливыхъ,

*) Въ рук.: *поднось*

Готова на ловъ, ужь примѣчаетъ
Звѣрей дивыхъ:
Въ коихъ вертепахъ щенковъ выводятъ
Львы ужасны,
Лютый бобръ и барсъ гдѣ дѣтей плодятъ,
Пятномъ красны.
Вскорѣ ловитвы будетъ корысти
Раздѣляти,
Сихъ звѣрей кожи вмѣсто монисты
Раздавати.
Она и тебе и твое стадо
Охраняетъ,
Да не васъ льстивыхъ волковъ зло чадо
Повреждаетъ.
Ты бо ей главу шипковымъ вѣнцомъ
Вѣнчалъ красно,
Да, въ ликѣ богинь, Россіи концемъ
Свѣтитъ ясно.
Ты въ Ея праздникъ въ жертву приносишь
Агнцевъ бѣлыхъ,
Сыченый братьи медокъ подносишь
Съ сотовъ зрѣлыхъ
И Ея похвалъ ты пѣвецъ славный,
На сопѣли:
Такъ пѣть Амфіонъ и Орфей дивный
Не умѣли.
Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
Что ненастье?
Уже сіяетъ шестый день мило
Въ твое счастье!
Скинъ нынѣ ведромъ буди довольный:
Послѣ зноя
Седьмый наступитъ любаго полный
День покоя.
Тогда, богатый Пимине, сидя
Безопасный
Подъ дубомъ или подъ кленомъ, видя
Стада красны,
Висящи отъ горъ, и овецъ кущи
Исполненны,
Вымена млекомъ тяжки имущи

И раздмены:
Не забудь и намъ, пастушкамъ малымъ,
Помогати;
Не дай Егора другомъ на халымъ
Нападати.
У меня было много козлятокъ,—
Ты извѣстенъ,—
Сей былъ моея паствы начатокъ
Некорыстенъ;
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Ужь трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
Я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый;
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы
Межь пастушками брожу единый
Несчастливый.
Ниже въ наймиты кто нанимаетъ,
Ни козлятемъ
На заводъ бѣдну кто помогаетъ,
Ни ягнятемъ.
То праведнѣйше, нежли въ ненастье,
Я скучаю,
Плачущь тяжкаго сего несчастья
И случаю.
Никто не счастливъ, развѣ сравнится
Съ тресчастливымъ,
Или безчастнымъ, когда дивится
И плачливымъ:
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью,
Будешь въ печали имѣть утѣху
И въ ненастью.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ САТИРА ПРОШЛАГО ВѢКА *).

—

Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещенія данное человѣку бремя;
Днесь исполняется пророческое пророченіе
И философское разсужденіе:
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ весельѣ пожить.
А особливо на держащихся новой вѣры
Могу показать многіе примѣры:
Потому что молодой человѣкъ тщится щепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:
На шеѣ чтобъ были подвязаны косынка или платокъ,
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ хохолъ на одинъ бокъ;
Еще чтобъ были панталоны, капотъ, жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ и перчатки бѣлявые.
Если же еще положитъ въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы?
А совершеннолѣтній старается чище бороду обрить,
И еще туто жь многіе любятъ табакомъ носъ набить.
Да говорятъ, что табакъ употреблять грѣшно,
А у насъ давно въ моду взошло.
Естли жь сбросить лѣность, что не хочется писать,
То еще можно нѣсколько о духовномъ дѣлѣ показать:
Во первыхъ пѣвчіе имѣютъ за службою камартонъ
Для того, что онѣ съ него берутъ запѣвательный тонъ;
Ежели жь поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;
И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Якоже Исаакій Далматскій предъ сатаною;

---

*) Изъ раскольничьей тетрадки настоящаго столѣтія. *Ред.*

За обѣдней напереди женщины или дѣвушки стоятъ,
На которыхъ больше иконъ люди глядятъ,
Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружѣ;
Но что сего Богу противнѣе и хуже?
Потому что ихъ больше Бога почитаютъ
А именно, которые съ вожделѣніемъ прилежно взираютъ.
Но какая жь тутъ Богу воздается честь?
Ей ей, друзья, воистину нѣсть!
Теперь посмотримъ на ихъ молитву,
Или, лучше сказать, на удобную ко грѣху ловитву:
Ибо онѣ стоятъ, оттопыря ногу,
И не по подобію молятся Богу:
Крестятся—около рта мотаютъ,
На подобіе какъ на балалайкѣ играютъ;
Еслижь которая вздумаетъ пониже поклониться,
И опять раздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться
И не уподобиться бы деревенскому мужику,
Неученому дураку.
Случается кто кого спроситъ: «что-то я васъ за обѣдней не видалъ?»
На что и отвѣтствуетъ: «да я и не бывалъ,
Потому что мнѣ полимахера не пришлось у себя застать,
И такъ не кому было голову убрать.»
Естли же кто божественную книгу имѣетъ,
Станетъ читать и въ ней мало разумѣетъ:
Сейчасъ ее сложитъ
И на свое мѣсто положитъ,
Скажетъ про себя:
«О! мнѣ не до тебя;
Я вѣдь не монахъ,
Живу въ мірскихъ суетахъ;
У меня есть Адская Почта, исторіи и Арабскія Сказки,
Которыя научатъ, какъ показать обхожденія и ласки.»
Словомъ сказать, что не имѣютъ въ домѣ ладана и кадила,
А имѣютъ табашныя курила,
И всѣ утверждаютъ,
Будто бы отъ ладана кинарейки умираютъ,
А отъ табаку весело воспѣваютъ;
И говорятъ, что академисты всѣ табакъ употребляютъ
И намъ не возбраняютъ.
Изъ такихъ многіе говорятъ:» какъ придутъ къ намъ послѣдніе вѣки,
Будутъ жить въ расслѣнномъ житіи человѣки».

ИЗВѢСТІЕ О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ *).

(Сообщено Д. И. Иловайскимъ).

Высокоблагородный колежскій ассессоръ.

Милостивый мой Государь!

Хотя я не имѣю чести васъ знать, однако чрезвычайно печальный для меня случай принуждаетъ меня васъ обезпокоить моимъ письмомъ. Всячески старался я послѣ отъѣзда моего любезнаго зятя, профес. Мельмана изъ Москвы узнать о его пребываніи, и не могъ понять, по какой причинѣ не получилъ ни малѣйшаго извѣстія; теперь увѣдомляетъ меня одинъ г. Фонъ-Дершау, что мой несчастный родственникъ, отправленъ будучи изъ Россіи съ провожатыми, ему отданъ былъ 28 марта (н. ст.) въ польскомъ городкѣ Старополѣ, но въ печальнѣйшемъ состояніи, въ ужаснѣйшей меланхоліи и въ величайшей слабости. Сей благородный, почтенный человѣкъ, весьма сожалѣя о печальной участи моего несчастнаго любезнаго зятя, все сдѣлалъ, что только въ маломъ городкѣ возможно было, чтобъ возвратить ему здоровье и, думая, что онъ въ рукахъ искуснаго врача, можетъ быть, поправится, отправилъ его подъ самимъ лучшимъ присмотромъ въ Кенигсбергъ; но сожалѣнія достойный зять мой умеръ въ гор. Георгенбургѣ въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Ахъ какого сожалѣнія достойны мы, лишившись сего любезнаго брата, который конечно никого не обидѣлъ, развѣ то было совершенно безъ намѣренія! Моя жена, которая любила его болѣе всѣхъ братьевъ, теперь неутѣшна. Я не знаю точныхъ причинъ сего приключенія, но Богъ да проститъ тѣмъ, которые виною его смерти. Добродушный г. Фонъ-Дершау мнѣ прислалъ списокъ всѣмъ вещамъ,

---

*) Любопытныя подробности о Мельманѣ напечаталъ С. М. Соловьевъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1861, Кн. 4.

находившимся у покойнаго. Но теперь не знаю я, какія учрежденія зять мой предъ отъѣздомъ сдѣлалъ въ разсужденіи своихъ вещей и имѣнія. Я васъ, какъ друга несчастнаго моего зятя, прошу меня увѣдомить, сколько вамъ о томъ извѣстно, что я признаю съ величайшею благодарностію.

Имѣю честь быть,
Милостивый мой государь,
вашимъ покорнымъ слугою.
Грубе.

Въ Любекѣ
6 Мая
1795

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ МАРИНА *).

(*Сообщены А. Н. Аѳанасьевымъ*).

1.

На рожденіе Геракова.

Въ бѣломъ платьѣ полотнаномъ,
Пукъ цвѣтовъ держа въ рукахъ,
Подъ филейнымъ покрываломъ
Вдругъ весна въ нашихъ странахъ
Показалася — и воды
Потекли опять въ рѣкахъ;
Сани бросили народы
И стучатъ на колесахъ:
Горы Охтенски пропали,
Коньки надо покидать,
Чистить улицы ужь стали

---

*) Маринъ извѣстенъ своими сатирическими произведеніями, изъ которыхъ весьма немногія попали въ печать. Краткія свѣдѣнія о немъ сообщены г. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1856 г., № XI, Смѣсь, стр. 42—46. Гераковъ былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ и авторомъ многихъ плохихъ книжонокъ: *О духѣ россіянъ*, *Меншиковъ*, *Совѣты офицерамъ* и пр. Ода Марина на его рожденіе есть пародія извѣстнаго стихотворенія Державина:

Съ бѣлыми Борей власами.

А. А.

И Ивановъ *) не видать;
Полицейски офицеры
Не пускаютъ во рѣкѣ;
Нѐ взялъ кто у насъ квартеры,
Тотъ живетъ какъ вдалекѣ.
Въ сіе время солнце красно
Стало ярче ужь свѣтить,
Родилось дитя прекрасно,
Свѣтъ которо удивитъ.
Не родился онъ въ рубашкѣ;
Нѣтъ, онъ болѣе блаженъ:
Весь обвернутый въ бумажкѣ
Въ свѣтъ онъ матерью рожденъ!
Родился и раскричался,
Голосъ преужасный былъ:
Въ страну мертвыхъ онъ домчался,
Древнихъ грековъ всторгношилъ.
Взбунтовалися ихъ души,
Видѣть всѣ дитя хотятъ;
Крылья подвязавъ подъ туши,
Въ страну русскую летятъ.
Всѣ къ ребенку прилетаютъ,
Видъ его ихъ всѣхъ дивитъ!
Колыбель всѣ окружаютъ
И хотятъ его дарить.
Долго, долго говорили:
Чтò-бъ ему въ подарокъ дать?
Напослѣдокъ положили
Одному за всѣхъ вѣщать.
Жребій Біасу достался,
И совѣтъ то подтвердилъ;
Старецъ кашлялъ, оправлялся,
Такъ ребенку говорилъ:
«Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь — и судьбы гласили —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ.»

---

*) т. е. *Ванекъ* — зимнихъ извощиковъ.

И всѣ старцы подтвердили:
«Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!»
Совершилось предсказанье,
Свѣтъ въ тебѣ поэта зритъ.
О ушей нашихъ терзанье!
Долголь будешь насъ морить?
Ты престань марать бумагу,
Голову престань ломать;
Нѣтъ тебѣ къ Парнасу шагу!
Когда-жъ будешь продолжать,
То напрасно ты порыщешь,
Съ рукъ товаръ твой не сойдетъ;
Добрыхъ [1]) больше ты не сыщешь,
А весь трудъ твой пропадетъ [2]).

2.

Посланіе къ другу.

Служи отечеству, твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
Люби отечество, твердитъ весь бѣлой свѣтъ.
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
И со вредомъ его счастливо поживаютъ;
А службой вѣрною, любовію къ нему
Что можемъ мы найдтить? Найдемъ костыль, суму,
Съ которыми пойдемъ по улицѣ шататься,
И, именемъ Христа прося свой хлѣбъ, питаться.

---

[1]) Намекъ на изданную Гераковымъ книгу «Для добрыхъ».

[2]) Пародія Марина вызвала подражателей; нѣкто Ниловъ вздумалъ ту же самую оду Державина передѣлать на свой ладъ, воспѣвая рожденіе Геракова, но его передѣлка болѣе длинна, нежели остроумна. Она начинается этими стихами:

Съ рыжими Чухна власами
И съ небритой бородой,
Устрашенный небесами
Скачетъ безъ ума домой.

У колыбели будущаго писателя собираются чорные духи и надѣляютъ его всѣми возможными несовершенствами;

Но послѣдній, зла ревнитель,
Въ окончаніи изрекъ:
«Будь ты въ корпусѣ учитель,
Будь плѣшивой человѣкъ!»

«Какъ можетъ это быть»? — Что жъ дѣлать? Свѣтъ таковъ:
Онъ бѣдныхъ почитать привыкъ за дураковъ.
Будь честенъ, будь уменъ, да денегъ нѣтъ въ карманѣ
И ходишь ты всегда въ заношенномъ кафтанѣ —
Не можешь никогда ты царству нужнымъ быть!
Ну можно ли тебя куда опредѣлить?
Въ Сенатъ бы напримѣръ: тамъ люди для наряда,
Расшитъ чтобъ былъ кафтанъ, а голова не нада,
И безъ нее дѣла донынѣ тамъ рѣшатъ;
На чтобъ секретарей туда опредѣлять?
Они бы вовсе тамъ безъ дѣла оставались,
Когдабъ сенаторы дѣлами занимались.
А если плутни всѣ и взятки истребить,
То родъ подъяческой льзя-ль въ бѣдность погрузить?
Такъ честность тутъ твоя, мой другъ, и не годится!
Куда же бы теперь хотѣлъ опредѣлиться,
Отечеству чтобъ быть полезну своему?
Въ совѣтѣ засѣдать ты могъ бы по уму,
Да умъ не надобенъ въ верховномъ семъ совѣтѣ,
А надо пріѣзжать въ двухтысячной каретѣ
И цугомъ правилъ чтобъ съ усищами нѣмчинъ,
Лакей въ басанахъ весь чтобъ означалъ твой чинъ,
Чтобъ были у тебя гайдуки, скороходы
И разные къ тому подобные народы;
А еслибъ ты пѣшкомъ въ собраніе пришелъ,
Тобъ умный твой совѣтъ въ немъ мѣста не нашелъ.
Двѣ службы не по насъ. — Ты мѣтишь въ прокуроры,
Такъ будутъ у тебя въ командѣ сенаторы;
По дудочкѣ своей заставишь ихъ плясать
И станутъ всякой день въ Сенатѣ работать,
Не станутъ взятокъ брать, дѣла пойдутъ въ порядкѣ —
Да мигомъ голову свернутъ такому дядькѣ!
А если хочешь ты на мѣстѣ этомъ быть,
То долженъ всѣхъ своихъ пріятелей забыть,
Поклонами никакъ не долженъ унижаться,
Считать грѣхомъ большимъ дѣлами заниматься;
Къ тебѣ кто съ просьбою, того не принимай,
Слова ты всѣ забудь, лишь *завтра* повторяй;
Такъ тотчасъ наградятъ казною, деревнями,
Обвѣшаютъ тебя портретами, крестами.
А если иначе ты станешь поступать,

Въ отставку выгонятъ и вѣкъ велятъ молчать.
Такъ видишь ли, мой другъ, чтобъ обществу годиться,
Богатымъ дуракомъ въ свѣтъ надобно родиться,
Или къ отечеству любовь всю истребя
И только лишь себя единаго любя,
На счетъ жить ближняго, и честность презирая,
На счетъ его же жить, народъ весь разоряя.
Т.... чтобы служить, карманъ свой набивай
И подати ему и для себя сбирай;
Бывъ страшенъ ты для всѣхъ, окончишь дни спокойно,
И скажутъ «награжденъ за службу ты достойно!»
А съ честностью своей ты бѣдно кончишь вѣкъ,
И скажутъ о тебѣ: «онъ глупый человѣкъ!
Имѣлъ случаевъ тьму, гдѣ могъ бы понажиться,
Да не имѣлъ ума отъ ближняго живиться!»
Вотъ что наградою получишь ты себѣ.
Послушай же совѣтъ мой искренній тебѣ:
Покойную ты жизнь всему предпочитая,
Живи для дружества. Обязанность святая!
Почтеннѣе ты мнѣ и лентъ всѣхъ, и крестовъ.
Вѣрь, счастье не живетъ возлѣ большихъ чиновъ:
Съ чинами искренность изъ сердца исчезаетъ
И честолюбіе всю душу занимаетъ.
Ты въ бѣдности своей будь добрый гражданинъ,
Будь вѣрный своего отечества ты сынъ:
Оплакивай его, не говоря ни слова!
Коль слово скажешь ты, награда въ мигъ готова:
За честность за твою, за вздохъ объ ономъ твой,
Квартира въ крѣпости и черный хлѣбъ съ водой.

ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ІЕРОМОНАХА ЕВѲИМІЯ.*)

Сообщена А. Е. Викторовымъ.

1705 г. іунія въ 8 день по указу Великаго Государя и по приказу боярина Іоанна Алексіевича Мусина—Пушкина, Дьякъ Іванъ Вишняковъ въ Патріаршей Ризницѣ, принесенные изъ Чюдова монастыря изъ кельи монаха Евѳиміа послѣ смерти ево въ трехъ сундукахъ да въ коробкѣ книги печатные и письменные Греческіе и Греколатинскіе и Польскіе и Русскіе и тетради письмянные переписалъ, Патріарша Дому при Ризничемъ Філаретѣ, да Чюдова монастыря при діаконѣ Дамаскѣ, да печатнаго двора при чтецѣ монахѣ Германѣ. А что тѣхъ книгъ по разбору ихъ и по перепискѣ явилось, и то писано ниже сего:

Греческихъ въ десть печатные въ переплетѣ.

Книга Библіа въ бумажныхъ доскахъ, переплету Греческаго, безъ застежекъ.

К. Симеона Ѳессалонитскаго на ереси и о православной вѣрѣ, и о церковныхъ таинствахъ, въ доскахъ бумажныхъ, оболочена кожею, по обрѣзу золото, застежки мѣдные, а на верхней доскѣ наклеено и подписано: «книга сія блаженнаго Симеона Ѳессалоникійскаго, дана изъ келліи Святѣйшаго Іоакима Патріарха Чюдова монастыря монаху Евѳимію ради преведенія на Славенскій діалектъ, яже Божіею помощію и преведеся, и молитвами Пресвятыя Богородицы, и положися — въ книгохранильницѣ Святѣйшія Патріархіи Всероссійскія».

К. Каталлаги противу Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ ветхихъ безъ оболочки.

К. Нектаріа Патріарха Іерусалимскаго противу Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ, держаная, по обрѣзу краснымъ напрыскана.

К. Мелетія Сирига и Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго на Кальвины и Лютеры.

Греческихъ въ полдесть.

Псалтирь, въ переплетѣ въ доскахъ, по обрѣзу красной сурикъ, застежки мѣдные; держаная.

---

*) Изъ описи Патр. Ризницы 1722 г., хранящейся въ Архивѣ Моск. Оружейной Палаты подъ № 123.

К. Исторіи церковныя и гражданскія въ паргаминѣ, держаная.

К. Егхиридіонъ сирѣчь сѣчиво противо Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Григоріа Архіепископа Солунскаго, въ паргаминѣ, ветхая.

Евхологіонъ, въ доскахъ и въ коже красной, по обрѣзу золото, застежки мѣдные, въ малую десть.

Евангеліе харатейное въ малую десть.

Греческія же въ четверть.

К. Псалтирь толковая, въ доскахъ бумажныхъ, прикрыта черною кожею, по обрѣзу киноварь.

К. Грамматіка, въ доскахъ паргаминныхъ, безъ застежекъ.

К. Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ въ доскахъ Русскаго переплету, по обрѣзу золото, безъ застежекъ.

Греческія жъ въ малую четверть.

2 книги орологія, сирѣчь часословы, въ доскахъ, Русскаго переплету, по обрѣзу позолочены, держаные.

Книгъ греколатинскихъ въ десть.

К. Томъ Златоустаго въ доскахъ бумажныхъ, оболоченъ кожею, по обрѣзу золоченъ.

К. Святаго Діонисія Ареопагита, дѣлъ его всѣхъ, переплетъ паргаминной.

Книга Ѳеофилактово толкованіе на Евангелія, въ доскахъ, оболоченыхъ кожею, по верхъ паргаминъ, по обрѣзу было прикрыто киноварь, безъ застежекъ, держаная.

Греколатинскихъ же въ четверть.

К. Латинская Хронологій, сирѣчь лѣтописецъ, въ доскахъ бумажныхъ прикрыта кожею, по обрѣзу зелень.

К. Латинская въ паргаминѣ, по обрѣзу зелень.

Польскихъ книгъ въ десть печатныхъ.

К. Библіа переводу Іеронимова, въ доскахъ Русскаго переплету оболочены черною кожею, по обрѣзу киноварь, безъ застежекъ.

К. Библіа Іакова Вуйка, въ доскахъ ветхихъ, прикрыта кожею, по обрѣзу зелень.

К. Лѣтописецъ Бароніевъ на 1200 лѣтъ, въ доскахъ, прикрытъ бѣлою кожею, по обрѣзу киноварь, ветхъ.

К. Житія Святыхъ различныхъ, въ доскахъ, оболочена бѣлою кожею, одна застежка мѣдная.

К. Зерцало великое, въ доскахъ, прикрыта бѣлою кожею, застежки мѣдные, по обрѣзу киноварь.

К. Разглагольство Любелское о согласіи и несогласіи народа Русскаго, переплетъ бумажный, доски красные, безъ застежекъ.

Библіа Немѣцкая въ доскахъ, кожа спрыскъ, обрѣзъ киноварь спрыскомъ же, застежки мѣдные.

Польскія же полудестовыя.

К. Новый завѣтъ, въ доскахъ, покрыта кожею черною, застежки мѣдные, по обрѣзу зелень.

К. Ліѳосъ, сирѣчь камень, доски бумажные, покрыта кожею, зависки ременные.

К. Рыцарь Православнокаѳоліцкой, переплетъ бумажный черный, ветха.

К. Алкоранъ Махометовъ, доски оболочены хоземъ зеленымъ, по обрѣзу золото.

Польскія жъ въ четверть.

К. Молитвенникъ въ доскахъ черныхъ, ветхъ.

К. Зодіакъ, и Путь къ вѣчности въ доскахъ черныхъ по обрѣзу киноварь, ветха, застежки мѣдные, изъ переплету вышла.

К. О отступленіи Грековъ отъ церкве божія, въ доскахъ бумажныхъ, по обрѣзу зелень.

К. Собраніе краткое ученія о членахъ вѣры, оболочена бумагою, ветха.

Книжица Сумаріумъ, сирѣчь ученіе науки христіанскія, въ черной кожѣ.

К. Польская съ Лат., въ бумажныхъ доскахъ, кожа красная, безъ застежекъ, по обрѣзу кіноварь спрыскомъ.

Книги Лексиконы въ десть.

К. Печатная, Лексіконъ Польско - Латіно - Грецкой Григоріа Кнапіа томъ 1-й, въ доскахъ, оболоченъ кожею, одна застежка мѣдная, по обрѣзу зелень.

Того жъ Григоріа Кнапіа томъ 2-й въ полдесть Латінополскій Лексіконъ, въ доскахъ, оболоченъ кожею, по обрѣзу киноварь, держанъ, ветхъ, корень оклеенъ іархою бѣлою.

К. Лексіконъ Грекославенской списанъ съ Епиѳаніева Лексікона жъ, въ доскахъ, прикрыты кожею, по обрѣзу киноварь, держанъ, корень ветхъ, безъ застежекъ.

Книги рукописныя въ десть.

К. Григоріа Богослова, писана полууставомъ, приправливана и приписывана межъ строкъ, и по полямъ рукою монаха Евѳимія правлена съ Греческихъ, а та де книга была Чудовская, въ доскахъ, стараго переплета, ветха, застежки и жучки мѣдныя.

К. Григоріа Богослова съ той же вышеписанной книги списанная, въ переплетѣ, доски бумажные, въ ней же въ концѣ писаны и иные повѣсти.

К. Діонисія Ареопагита чернена и по полямъ приписывана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, въ доскахъ оболочены бѣлою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Симеона Ѳессалонитскаго писана уставомъ, по полямъ приписана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, была переплетена, а нынѣ расплетена, въ черной кожѣ.

К. Зачиненіе Святыхъ Апостолъ, списана Климентомъ Епископомъ Римскимъ, въ доскахъ, оболочены черною кожею, по

обрѣзу спрыскъ красной, застежки мѣдные.

К. А въ ней сначала написано: Святое Евангеліе и Дѣяніе святыхъ апостолъ, переведена съ Греческихъ книгъ Космою Іеродіакономъ Грекомъ, по полямъ приписывано *Евѳиміевою же рукою*, переплетена въ доскахъ бумажныхъ.

К. Ніла Кавасіла архіепископа Селунскаго о Святѣмъ Дусѣ, 36 тетрадей безъ переплета.

К. На ней на верхней доскѣ бумажной написано: *Кирилла Іерусалимскаго 18* оглашеній и 5 словесъ тайновождственныхъ, въ переплетѣ въ бумажныхъ доскахъ.

К. Въ ней написано сначала катихисісъ іера, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Мелетія Сиріга и Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго на Лютери и Кальвины, черненая и приписываная, въ доскахъ бумажныхъ.

К. А въ ней написано Нікона Черногорскаго, правлена межъ строкъ и по полямъ кіноваремъ, въ доскамъ бумажныхъ.

К. Преподобнаго Нікона нареченная тактіконъ, сирѣчь чиновная, писана на паргаминѣ на два параграфа, въ доскахъ, оболочена кожею, застежки мѣдные, по обрѣзу краскою желтою.

К. Ісаака Сиріна, въ доскахъ, оболочена была черною кожею, ветха, писана полууставомъ, застежка мѣдная одна.

К. Въ переплетѣ безъ досокъ, а въ ней сначала написано *золотомъ* Андріантісъ Іоанна Златоустаго: черѣена и приписывана рукою монаха Евѳиміа.

К. Каталлаги Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго, писана метнымъ писмомъ, безъ досокъ и безъ оболочки.

К. Пинаксъ сирѣчь оглавленіе на три части исповѣданія православныя вѣры, въ доскахъ бумажныхъ.

Да славенскихъ же писменныхъ полудестовыхѣ:

К. А въ ней сначала написано сказаніе о священныхъ и божественныхъ канонѣхъ святыхъ Апостолъ и вселенскихъ помѣстныхъ синодовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, а ничемъ доски и корень не облочены, яже называется кормчая.

К. А на ней подписано на верхней доскѣ, лѣтописецъ, переведеный изъ иныхъ лѣтописцевъ многихъ выписки, а въ книгѣ сначала написано лѣтописаніе православныхъ митрополітовъ Россійскихъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не оболоченъ, писана метнымъ писмомъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: Симеона Ѳессалонікскаго самосущая, преводная съ греческаго діалекта, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ, писана мѣтнымъ писмомъ. Межъ строкъ и по полямъ справа Еѳиміева.

К. На ней на верхней доскѣ

подписано: Зонара четвертая часть правилныхъ книгъ, вся писма Евѳиміевы руки, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ подписано: Властаря пятая часть правилныхъ книгъ; писана рукою Евѳиміевою, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: 1-я часть правилныхъ книгъ, а въ книгѣ написано: завѣщаніе святыхъ Апостолъ чрезъ Климента Римскаго Епископа, черненье и приписка монаха Евѳиміа, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

Второй части правилныхъ книгъ въ тетрадяхъ.

К. А въ ней рукою монаха Евѳиміа написано: книга сія православное исповѣданіе каѳоліческія и Апостольскія церкве и издадена типографскимъ тисненеемъ лѣта 7202-го, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

Другая книжица ево же Евѳиміевы руки письмо, — черная.

К. А въ ней сначала написано: діалоги или мечецъ духовный іеромонаховъ учителей Іоанникія и Софроніа Лихудіевыхъ къ защищенію восточныя церкве; писано 1610-го году, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

Другая черная, а въ ней подписано: діалоги, сирѣчь разглаголство, безъ досокъ, корень оклеенъ.

К. А въ ней написано: Акосъ, или врачеванія, противополагаемая ядовитымъ узрызеніемъ зміевымъ, сочиненіе ихже учителей Іоанникіа и Софроніа іеромонаховъ Лихудовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболоченъ.

К. Другая к. такая жъ, скорописью черненая, въ такихъ же доскахъ.

К. Въ ней написано: книжица глаголемая сѣчивцо, сложенная отъ іеромонаха Максима Пелопонискаго, ученика Папы Александрійскаго Мелетіа, чернена и приписывана, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболочена.

К. Остевъ, состроеный изъ духовѣщанія святыхъ отцевъ, низвергающій, отрѣяющій и прободающій напирающіяся къ нему, въ доскахъ бумажныхъ, не оболочена.

К. Литургіа святаго Апостола Іакова брата Божія, писана уставомъ, а при ней о отрастехъ Господнихъ, писано скорописью, въ доскахъ, оболочена зеленою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Преподобнаго Ѳеодора Студіта оглашеніе о еже въ подвизѣ совершити наше житіе, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболочена.

К. писана уставомъ, а въ ней сначала слово на бывшее чудо въ Хонѣхъ отъ Архістратіга Михаила, и слово о житіи Алексіа Мітро-

політа, и иные слова написаны, перевязана, а корень не заклеенъ.

К. на отлаголющыя священную библію, писана полууставомъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, не оболочена.

К. А на верхней доскѣ написано: Нила Сорскаго, писано метнымъ писмомъ, а въ ней 125 листовъ, въ бумажныхъ доскахъ, корень заклеенъ, ничѣмъ не оболоченъ.

К. во умиленіе и изтязаніе хиротонисуемаго, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболоченъ.

К. Радивилово странство, а въ книгѣ сначала написано: путешествіе, или нахожденіе въ землю святую Ніколая Радивила; писана метнымъ писмомъ; при немъ же изятіе изъ просклинитаріевъ монаха Арсеніа Суханова, ходившаго въ Палестину; писано метью, и собранное описаніе о градѣ Іерусалимѣ; доски бумажные, корень, ирхою бѣлою оболоченъ, зависки шелковые.

Въ тетратехъ 147 листовъ, вынято изъ переплету, Василіа Великаго 11 бесѣдъ на шестодневъ, по обрѣзу было киноваремъ.

К. Лавсаікъ превожена съ греческихъ, черная, въ переплетѣ корень заклеенъ, безъ досокъ.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, черная, *Евѳиміевы руки* писмо; на ней подписано: краткое собрание святѣйшаго Адріана Патріарха о пресуществленіи святыя тайны Евхаристія.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, не заклеены, житія Ефрема Сиріна, слово Григоріа Нисскаго, завѣтъ умирающаго Ефрема.

Тетрадки въ сѣрой бумагѣ 33 страницы изъ діалоговъ Грека учителя со Іисуітами о первородномъ грѣхѣ.

К. въ доскахъ бумажныхъ красныхъ, сначала писано житіе милостиваго мужа Ѳеодора, званіемъ Ртищева, и о милостыни и о иныхъ.

О діаконѣ Петрѣ, что служилъ у Адріана и Наталіи въ мещанской, отступившемъ отъ благочестія, въ трехъ книжицахъ, одна въ синей бумагѣ, другая писана уставомъ, третья обличеніе на него Петра, писма руки Ніколая Сѵмеонова.

Тетради переплетены, корень клеемъ заклеенъ, безъ досокъ и оболочки, сначала символъ православныя вѣры, преведеный іеромонахомъ Епифаніемъ съ греческаго, и иные разные символы и многіе вещи писаны.

Тетради блаженнѣйшаго и мудрѣйшаго Нектаріа патріарха Іерусалимскаго о началствѣ Папы, безъ досокъ.

К. Во святыхъ отца нашего и исповѣдника Германа Патріарха Константинополскаго толкованіе на священную литургію и житіе его вкратцѣ собранное.

Книжица о зачатіи Пресвятыя Богородицы грека учителя съ Іизуитомъ писана бѣлоруски, переплетена въ бумажныхъ ветхихъ доскахъ.

К. Писана уставомъ, по ключевымъ и вруцѣлѣтнимъ словамъ, недѣли, гласы евангельскіе, стихіры утреннія, Апостолы и Евангелія на указъ, въ бумажныхъ доскахъ, кожею оболочена.

Тетради не оболочены на чинъ Божественныя литургіи, Іоанна Златоустаго наблюденіе.

Тетради о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, ничѣмъ не оболочены.

Тетради *о седми тайнахъ церковныхъ* полууставомъ писаны.

Тетради о седми вселенскихъ соборахъ метное писмо; въ концы гречески, римски и славенски приписано.

Тетради соборъ Никейскій 1, писмо полууставъ, въ концѣ приписано Гречески и Римски.

Тетради Блаженнаго Іоанна Дамаскина изданіе опасное православныя вѣры, яко непостижно Божество, писмо метное.

Тетради Аѳанасіа, архіепископа Александрійскаго, посланія окружная на Аріаны, писмо метное.

Тетради связаны, слова на праздники разные.

Тетради житіе Епифанія, епископа Кипрскаго, писмо метное.

А досталные тетради и всякіе писма, которые перемѣшаны, собраныи положены съ теми жъ книгами, въ бѣлой поставъ.

Книги славенскіе въ десть.

К. Уставъ харатейной, безъ начала въ доскахъ, переплетъ ветхъ въ красной коже сысподи 2 жучка, объ одной застежкѣ.

Въ полдесть.

К. Требникъ печатный, изъ переплету вывалился, кожа желтая, въ доскахъ объ одной застежкѣ.

Чиновникъ о благовѣстѣ и звонѣ, въ кожѣ, безъ досокъ.

Служебникъ писанъ на бумагѣ безъ начала, ветхъ велми, верхней полудоски нѣтъ, въ красной ветхой кожѣ.

К. Писменная полууставомъ, за рукою святѣйшаго Никона Патріарха подписана, Воскресенскаго монастыря, въ доскахъ, въ коже красной, безъ застежекъ.

Служебникъ харатейной безъ начала и конца, въ доскахъ, кожа красная, корень ветхъ, по обрѣзу зелень.

К. Симеона Новаго Богослова, писана метью, въ доскахъ, кожа черная съ застежки мѣдными.

Катихисісъ, сирѣчь православное исповѣданіе святыя вѣры, Кіевской печати, въ доскахъ въ коже красной, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Писана полууставомъ, служба пятдесятницы, въ доскахъ, въ коже красной, застежка одна мѣдная.

К. Требникъ Молдовлахійской въ бумажныхъ синихъ доскахъ, корень не оклеенъ.

Чиновникъ писменной, въ коже красной.

К. Отъ лѣтописца собраніе, скоропись, въ доскахъ харатейныхъ.

Въ четверть.

Книжица скорописная, ветха, въ ней писано пути на Флоренской соборъ.

ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ГР. АНДРЕЯ АРТАМОНОВИЧА МАТВѢЕВА И ГРАФИНИ МАТВѢЕВОЙ.

Книги, принятыя отъ графа Андрея Артемоновича Матвѣева.

Латинскихъ въ листъ:

№№ книгъ.

1. Святаго Аѳонасия, архиепископа Александринского, творение въ дву книгахъ.
2. Такая жь книга другаго исдания, въ дву книгахъ.
3. Библиа з греческимъ языкомъ две книги.
4. Сократа схоластика и Гермия Созомена история церковная.
5. Иоанна Златауста творение и беседы, въ шести книгахъ.
6. Новы заветъ на двенатцати языкахъ, вторая книга, первой нетъ.
7. Епиѳаниево творение з греческимъ языкомъ, въ дву книгахъ.
8. Библиа з греческимъ языкомъ книга третья, двухъ нетъ.
9. Деонисия Ареопагита творение книга вторая, первой нетъ.
10. Климента Александриского творение з греческимъ языкомъ.
11. Ѳилипа Лимбурха история инквизиціі Толосанскихъ.
12. Самуила Беснагия, погодное описание политико-церковное, 3 книги.
13. Юния святая Библия съ толкованиемъ.
14. Святаго Иустина творение з греческимъ языкомъ.
15. Тестаментъ по седмидесятному толкованию з греческимъ.
16. Ѳлявия Иосиѳа о древностяхъ Иудейскихъ.
17. Цесаря Боронія погодное описание церковное, книга шестая.
18. Ѳр. Рибера толкование на книгу дванадесятъ пророковъ.
19. Служебникъ римской.
20. Шерлоговы расмышления на песни песней, одна книга.
21. Библия на аглинскомъ языке въ лицахъ.
22. Калидра книга благословения.
23. Мариана о делахъ Гишпанскихъ.
24. Тита Лювия Грютера история римская.
25. Демостена о литарахъ греческихъ з греческимъ языкомъ.
26. Гогоня Гроцыя Епистолиі.
27. Гастелиі трактатъ публичной Еѳропы.
28. Кромера о делахъ полскихъ.
29. Плютарха Херонеского творение з греческимъ, въ дву книгахъ.
30. Устиниана история о делахъ венецкихъ.

31. Маврицция история Бразильская.
32. Гагеина погодное описаніе о делахъ Ѳранцускихъ.
33. Скотовъ курсъ ѳилозовской.
34. Плиния история натуральная всего свѣта.
35. Туана история своихъ времянъ, въ четырехъ книгахъ.
36. Регламенты королей Ѳранцускихъ, две книги.
37. Писатели о делахъ Брунсвицкихъ.
38. Гроция погодное описаніе о делахъ Галанскихъ.
39. Старыя писатели о исторіі Аглинской въ дву книгахъ.
40. Анне Сенеки творение отъ Юста Липсия.
41. Аристотелевы творения з греческимъ, книга вторая, первой нетъ.
42. Коховского погодное описание о Полше, две книги.
43. Алберта Кранца о делахъ немецкой земли.
44. Дидацыя Коваррувиасъ творения.
45. Локция история отъ начала света.
46. Нонтония о дѣлахъ Британскихъ.
47. Самула Пуѳендорѳа о делахъ, чинившихся отъ Карлуса Густава.
48. Того же толкование о делахъ швецкихъ.
49. Того же о делахъ чинившихся Ѳридерика Вилгелма, въ дву книгахъ.
50. Векна исъяснение о школди, две книги.
51. Гоѳъмана лексиконъ, всехъ словъ, надлежащихъ до исторіі священной и свецкой, въ четырехъ книгахъ.
52. Театръ человеческой жизни, въ 6 книгахъ, протчихъ нетъ.
53. Ѳранциска Камарелатъ о послахъ и протчихъ делахъ.
54. Венценция Корония юръиская о награжденияхъ, платахъ и протчаго.
55. Корпусъ правъ гражданскихъ Иустиниановыхъ, две книги.
56. Иосиѳа Маскарда, права духовная и гражданская саразанетская, две книги, вторая и третья, первой нетъ.
57. Зегея правы церковныя общия.
58. Бегера сокровище Брандебурское о медалияхъ съ ѳигурами.
59. Кодексъ правъ народныхъ.
60. Гандреха Пандекты Бралдебурския.
61. Брокели шестая книга сокровища правъ.
62. Устинианова кодекса 12 книгъ въ одной книге.
63. Кирхерово великое художество света и тьмы.
64. Шкотовъ курсъ математической.
65. Якова Грановия сокровище древностей греческихъ 13 книгъ.
66. Иоанна Вальта о греческихъ медаляхъ.
67. Буцелина о наследствахъ дому Аустрийского.
68. Виллгбѣи история о рыбахъ съ ѳигурами.
69. Спигилиева анатомия.

70. Археология о законникахъ Ѳеинскихъ.
71. Представление Імператорское о правахъ и дѣйствахъ публичныхъ о войне и протчаго.
72. Бегера сокровище Бранденбурское о медаляхъ греческихъ.
73. Моверста театръ о несекомыхъ въ лицахъ.
74. Вимюнта история о Птоломѣяхъ.
75. Иоанна Блива театръ всего света съ картами, 6-ть книгъ.
76. Англинской домъ Оксония ѳигура означенная.
77. Сарницыя погодное списание о дѣлахъ Полскихъ.
78. Лебеница театръ о кометахъ съ ѳигурами.
79. Изобрание святыхъ греческихъ і московскихъ.
80. Буцелина топограноограѳия Германиі въ четырехъ книгахъ.
81. Виргилия Марона творение.
82. Гроцыюсъ о войне и мире, третия книга, протчихъ нетъ.
83. Гелмонда хроника погодная словенская.
84. История о помоществахъ божественной благодати.
85. Плютина о жисии и дѣйствахъ папежскихъ.
86. Гретана хронология.
87. Книга математическая старая безъ автора.
88. Хроникъ Полской.
89. Ариана история индеиская з греческимъ.
90. Невговия посольство Батовинское съ ѳигурами.
91. Спенера история о знакахъ славныхъ людей
92. Орнольда таблицы географическая.
93. Похвала надгробная Вилгельма третияго і Мариі второи.
94. Кромера о дѣлахъ Полскихъ.
95. Хроника Полская.
96. Якова Тригланда собрание о Додоне.
97. Казеимира Демоневистъ артилерия.
98. Гелвецыя театръ историчной и хронолоичной.
99. История о делахъ и городе Амъстердаме.
100. Мозолеи о короляхъ и князьяхъ венгерскихъ.
101. Гвангина описание о сарматцкой земли.
102. Преториі о земле готтической.
103. Гамана отласъ Каршиберской.
104. Гревия слово надгробное Вилгелма третиаго Короля Британскаго.
105. Книга уставъ кодекса Юстинианава.

ВЪ ЧЕТВЕРТЬ.

106. Туллиа Цицерона творение.
107. Германа Витсия собрания расная изъ священного писания.
108. Иякова Девитъ о древнихъ медаляхъ.
109. История о законехъ древнихъ персиянъ и іхъ волхвахъ.
110. Петра Поляна история о тридетинскомъ соборе.
111. Петра Пуерета о научениі воспитания закона христи-

анского и таинъ богословскихъ.

112. Иоанна Генденггера Тумулба о тридентинскомъ соборе две книги.

113. Давида Деродона творения ѳилозовская.

114. Новый заветъ з греческимъ.

115. Реинъ Гедиілъ зерцало веры политической.

116. Урлика Губора (или Губера) Уставление исторіі гражданской.

117. Ѳилипа Лимбурха о истиннѣ Христианского закона.

118. Система о верахъ еврейскихъ две книги.

119. Другая такая жъ въ дву книгахъ.

120. Бекню хрониковъ съ переводомъ халдейскимъ две книги.

121. Витриариа Уложенье правъ народныхъ, римскихъ і немецкихъ, книга первая.

122. Августа Ѳеивера метафизиіческая, книга первая.

123. Герарда Деоклитианъ і Максимианъ.

124. Мозиса Монимонида предложение о началехъ божественого устава.

125. Облежение честной горы Ченстоховской.

126. Иоанна Гордвинѣ о высочайшей Пасхѣ.

127. О согласиі мѣстъ священного писания.

128. Спангемилъ о земли Римском.

129. Устиниана всенородныя правы гражданския.

130. Гугена Диоптрика съ ѳигурами.

131. Иоанна Бѣклера толкования академическая.

132. Линѣя, права всенородная римская і немецкая, 5 книгъ.

133. Лебница разныя писатели о делахъ немецкихъ, въ дву книгахъ.

134. Дополнения къ таблицамъ Рисвицкого миру.

135. Камерарія Эмблемы.

136. Леона императора о делахъ воинскихъ з греческимъ.

137. Кандида Курцъ Ѳлюша казание академическая.

138. Евожъ история политическая.

139. Ѳилъ Клювера Географеия.

140. Иоанна Люнигия о публичныхъ негоцыацыяхъ всей Европы отъ 1674 по 1702 годъ.

141. Регенвоция система история хронологическая церкви славенской.

142. Шкота механическая книга съ ѳигурами.

143. Метаѳизика рукописная.

144. Секендорѳа толкованим о лютѣранстве.

145. Собрания италианская о разныхъ вещахъ ученыхъ людей, 4 книги.

146. Казание объ Божественной литоргиі и пощениі.

147. Тучана оглавление собственныхъ іменъ мужескихъ і женскихъ.

148. Изречение Королей Полскихъ.

149. Квапиюсъ лексиконъ с полскимъ.

150. Христиана Гугена околичности о земляхъ і небесныхъ.
151. Иоаннъ Антония Выперана о держаніиПортугали отъ короля Өилипа история.
152. Разсужденія богословская, книга старая.
153. Концея дискурсы о правахъ.
154. Петра Кунея о республике Еврейской.
154. Часы Еврейския на послание первое хъ Коринөянамъ.
155. Петра Либремберка травникъ въ лицахъ.
156. Салмасия о делахъ воинскихъ Римскихъ.
157. Роберта Поркѣя о политѣе Домковской.
158. Повесть о странахъ Индейскихъ отъ Гишпанцовъ разоренныхъ.
159. Диспутация школьная о божественномъ смотреніі.
160. Два поучения о царстве божиі, въ одной книге.
161. Символы исъ өигуръ священного писания въ лицахъ.
162. Гендана о начале преступления.
163. Антона Өондала о началѣ идолатри и суперстициеръ правого и ложного пророчества.
164. Павла Сарпа история Тридентинская.
165. Корнигия о рубежахъ Германской земли, 2 книги.
166. Библиа.
167. Горацыя Өлякцыя Эпистолы.
168. Книга Алеабетъ для обучения писма.
169. Права Князя Гвастями ерацпускимъ языкомъ.

латынския въ осмушку:

170. Грютера Лампада свободныхъ художествъ 5 книгъ. Томы 1, 3, 4, 5, 7, протчихъ нетъ.
171. Плиния Епистоли.
172. Юста Липсия творения 4 книги.
173. Горстия Раи духовный.
174. Библиа Венецкой печати.
175. Люцыана творения з греческимъ языкомъ 2 книги.
176. Арндта о истинномъ христианстве 2 книги.
177. Вилнота о разныхъ случаяхъ Европскихъ.
178. Макария Египецкого книга з греческимъ языкомъ.
179. Комения Дверь языкомъ латынского и голанского.
180. Наставление Еврейского языка.
181. Житие Мартина Лютера.
182. Станигурста о бесмертныхъ историяхъ, нравоучительная.
183. Грамматика руская Лондонской печати.
184. Дапъ Еремита о жизни придворной.
185. Лексиконъ съ немецкимъ языкомъ.
186. Лексиконъ триязычный зъ греческимъ и галанскимъ.
187. Светония история Римъская, 2 книги.
188. Альденбурха сокровище о республикахъ, часть 2, 3, 4, три книги, первой нетъ.
189. Лексиконъ зъ Галанскимъ языкомъ.

190. Воссиа реторика.
191. Гроцыя правы натуральныя и народныя.
192. Служебникъ Римской.
193. Другой такой же.
194. Погодное описание о делахъ Аглинскихъ въ королевство Елисабеты.
195. Ѳ. Аквината теологиі часть 3-я.
196. Читания Академиі Кадмелианской.
197. Стеѳана Меноцыя гіерополитика.
198. Приветсва посдравительная на рождение, браки, протчия.
199. Плаута камедиі.
200. Аристотеля риторика.
201. Альтинга краткое собрание историі священной и светской.
202. Лексиконъ Еѳреиской съ халдейскимъ.
203. Венделика Институцыі политическая.
204. История о бичеване.
205. Аннѣ Люкана о войне Цесаря.
206. Иоаннъ Клерика Ѳилозоѳия.
207. Дискурсъ о правахъ прецеденціі.
208. Житие Скандeнберха.
209. Поучение на празники.
210. Люлия Лактанцыусъ Богословная.
211. Ганелия о королихъ Европскихъ и о ихъ статутахъ.
212. Крагия о республике Лакедемонской.
213. Книга Публия Овидия.
214. Конрингия дискурсъ академическои.
215. Дверь языковъ съ аглинскимъ.
216. Клюверия География.
217. Петра Ѳранка о красноречиі.
218. Горна о улике.
219. Ренегадограѳъ о органахъ женскихъ.
220. Мавритиусъ о войне Галанской.
221. Горна политик историі Географическая.
222. Краткое изъявление греческия церкви.
223. Бетига дискурсы академическия.
224. Саведра Симболы политическия.
225. Королевы Христианнешей о правахъ Брабанскихъ.
226. Изрядства Португальския и Гишпанския.
227. Пуѳендорѳа дискурсы о союзе Шведовъ съ французами.
228. Аристотеля реторика.
229. Клерика Ѳилозоѳия восточная, книга вторая, первой нетъ.
230. Бархугена Сентенціі ѳизикохимическия.
231. Алетоѳиля науки езуитския.
232. История епископовъ и Декановъ Ланъдонскихъ.
233. Геллядия о нынѣшнемъ состояніі Греческия церкви.
234. Цыцероновы орацiи.
235. Аннея Ѳлора о делахъ римскихъ.
236. Гревия писма сладкоречия.
237. Ѳирстенерия о праве и посольстве князей немецкихъ.
238. Еразмия глупости хвала.
239. История устоновленіі творение отъ 1708 до 1713 году.

240. Липсия история Веллея Патеркуля.
241. Арндта примечания о истинномъ христианстве.
242. Палмерия апология палпана.
243. Иніституты катихизическия.
244. Анны Маріи Шурманъ епистолиі и поемы.
245. Манестрерия Өилозоөия.
246. Каноны о Тридентинскомъ соборе.
247. Пуөендорөа дискурсы облигацыи интерегнихъ, республикахъ и прочая политичная.
248. Горацыя Өлякцыя поема.
249. Нормание православное исповедание восточныя церкви з греческимъ.
250. Грановия о делахъ римскихъ.
251. Известие о венгерской земле.
252. Тита Ливия о начале Іудейскомъ.
253. Сононита с полскимъ языкомъ.
254. Өабулы Езоповы з греческимъ.
255. Иоаннъ Боны Гистория симъболическая или согласия пения церковного, въ трехъ книгахъ.
256. Клерика Физика 2 книги.
257. Гроцыя погодное описание, история Галандиі.
258. Петрония Сатирикъ.
259. Браецыя хроникъ обще.
260. Изъявление князя святого Никиөора.
261. О соединениі до утеснения дому Левино Голстиного.
262. Шамбориера политика.
263. Горна политика.
264. Погодное описание света три книги: 1, 4, 6, второй и пятой нетъ.
265. Кепиа о храме Соломонове.
266. Другая такая жь.
267. Горна история универсальная.
268. Кароля Дрелинкурта о зачатіі и рождениі человека.
269. Голтерия нравоучения сладкоречия.
270. Описание греческой жалости.
271. О пещерахъ Киевскихъ.
272. Криспа Салюстия о войне.
273. О старомъ праве пресвитеровъ.
274. Оуноніі Ідѣя всей исторіи.
275. Устина История о Помпеѣ.
276. Петавия расположения времянъ.
277. Гарткноха о республике полской.
278. Книга псалмовъ со еврейскимъ.
279. Пророчества.
280. Псалтырь съ Евангелиемъ избраннымъ.
281. Списокъ Хронологиі.
282. Синопсисъ въ ней историі.
283. Короля Пасхаля посольство.
284. Каталогъ книгамъ Веспесияновымъ.
285. Демокритъ смеющейся.
286. О пременениі складу.
287. Лебенталь собрание политическое.
288. Мартеѣра География.
289. Для уда о мамкахъ и дятькахъ.
290. Театръ изъясненны о Мессіі истинномъ.
291. Горна история Орбисъ инперансъ.
292. Иоаннъ Геронима.

293. Тлука Епиграммы.
294. О скончаніі жизни.
295. Неугаза писма дружелюбныя.
296. Собрания мѣстъ теологическихъ.
297. Разговоръ о вере каталической.
298. Ляктанцыя о смерти гонителей.

Латынские въ полъосмуху:

299. Ѳомы Аквинатисъ о регуле князей.
300. О республике Намурской.
301. Бузбыка эпистоли.
302. Геллиса о Костентиной полицатахъ.
303. О республике Боемской.
304. Валериусъ Максимусъ.
305. Босѳоръ о устье традинскомъ.
306. Венденагера о генеральной республике.
307. Светониусъ история.
308. Политика генеральная.
309. О республике Венецкой две книги.
310. Разсуждения священная.
311. Описание о Галандіи.
312. Книга Овидіева.
313. О княжестве во Италіи.
314. Списание о Венгерской земли.
315. Кемписъ последование Іисуса.
316. Описание Швеціи.
317. Епиктета списокъ.
318. Разсуждение святаго Августина.
319. О монархе еврейской.
320. Старой и новой заветъ две книги.
321. Гороры и обычай восточныхъ.
322. Магия натуральная о секретахъ.
323. Размышление о вечности.
324. Гроцыя о лиари свободномъ.
325. Тайности разума гражданская.
326. О республике греческой.
327. Психология немецкая.
328. Олая Мсгия Готты о дивнихъ вещахъ натуры.
329. Гроция эпистоли.

Ѳранцуские въ листъ:

1. Лексиконъ Рожѳортовъ на ѳранцускомъ языке.
2. Лексиконъ исторической Мореріевъ четыре тома, въ дву книгахъ.
3. Лексиконъ Универсалной, названной трезоръ, въ трехъ книгахъ.
4. Лексиконъ критической Бѣлевъ, въ трехъ книгахъ.
5. Исерсера Инвентарь генералной на историю ѳранцускую.
6. Бѣрнардова история о короле Людовике третьемъ на десять.
8. Театръ исторической въ дву книгахъ въ лицахъ.
9. О начале Ѳранцуского дому.
10. Доматовъ уставъ гражданской по чину натуральному, две книги.
11. Рикарда о диспозициихъ завещательныхъ.
12. Трактаты мирные, четыре книги.
13. Церемоніі Ѳранцуской две книги.
14. О медаляхъ Ладовика четвертого на десятъ съ ѳигурами.

15. Реляция путешествия короля Англинскаго въ Галандию.
16. Описание инвалида дому больныхъ солдатъ въ лицахъ.
18. Первыя пять книгъ Полибовыхъ о разныхъ государъствахъ, переведенные зъ греческаго въ одной книге.
19. Георгия Ѳурникера гидрография и наѳигаци.
20. Путешествие Лебруново въ Персию съ вигурами.
21. Собрание для украшения домовъ.
22. Паула Гостя описание о коробляхъ.
23. Негоцыацыя президента Аннина писания грамотками.
24. Уставъ о полицы книга первая, протчихъ нетъ.
25. Николая Шевалиера изыскание о древностяхъ въ лицахъ.
26. Ларрея история о Англіи.
27. Журналъ посольства Граѳа Портлака во Ѳранцыи, рукописная.
28. Новое изложение о географи исторично.
29. Планы и лицо ратуши амстердамской.
30. Планы и ѳасады домовъ королевскихъ въ Париже и около.
31. Отласъ Сампсоновъ большой бумаги въ двухъ книгахъ.
32. Собрание картъ географическихъ Делилевыхъ.
33. Годевилля отласъ исторической, вторая и третия книга.
34. Коронелля книга корабѣлная съ толкованиемъ частей на италиянскомъ языке.
35. Карусельская книга.

Ѳранцуские въ четверть:

37. Ѳикѳорта должности полской.
38. Лока Ѳилозоѳия о разсуждени человеческомъ.
39. Трактаты мирныя, въ семи книгахъ.
40. Письма Кардинала Доссата, две книги.
41. Кузина история римская.
42. Собрание панегириковъ академи Ѳранцуской.
43. Лянга новая ѳорма по новымъ указомъ.
44. Кузина история, четыре книги.
45. Рикарда о промене по завещанию или договору.
46. Помея лексиконъ трязычной, две книги.
47. Кузина история костентинопольская семь книгъ, второй нетъ.
48. Паравицына девизи и емблемы любовныя на семи языкахъ.
49. Ѳелибиена начала архитектурная, резныя и живописныя.
50. Описание о дворе ѳранцускомъ рукописная.
51. Сентевремонта о разныхъ вещахъ, две книги.
52. Политика дому аглинского.
53. Домъ королевской версальской.
54. Такой же поменше.

Ѳранцуские въ осмушку:

55. Уведомление негоцыатеромъ.
56. О революциі полской.
57. О государстве великобританскомъ книга вторая.

58. О государстве аглинскомъ книга вторая.
59. Регламентъ генеральной восемь книгъ, а четырехъ первыхъ нетъ.
60. Указы военные, книги три: первая, вторая и четвертая.
61. Вояжь Еѳропской три книги: 6, 7, 8, протчихъ нетъ.
62. О мастерствахъ живописцовъ три книги: 2, 4, 5.
63. Наука людей придворныхъ, приказныхъ, военныхъ, две книги.
64. О архитектуре военной, книга вторая.
65. Септевремонта о разныхъ вещахъ книга вторая.
66. История о бунтованіи аглинскомъ две книги 1, 6-я.
67. Случеи Розелля, книга вторая, первой нетъ.
68. Барклая апология въ истинной теологіи христианской.
69. Ѳигуры версальские.
70. Лябиринтъ версальской.
71. Шонебѣрга История о законникахъ въ лицахъ.
72. Евожъ о всехъ ордѣнахъ ковалерскихъ, две книги.
73. О войне Гишпанской.
74. Нодота мемориалы и описани Италіи, две книги.
75. Ѳерриеа уложеніе правъ Ѳранцускихъ две книги.
76. Поучение Ѳлетъводовы.
77. Письма граѳа Естрады три книги: 1, 4, 5.
78. О государстве Ѳранцускомъ книги 1, 3, второй нетъ.
79. Мембурха Исторія о схисме грековъ, книга первая.
80. Садовникъ Ѳранцуской две книги.
81. Поученіе Сорионовы.
82. О княжествахъ Ѳлоренскомъ, Молоденскомъ и Мантуанскомъ.
83. Домъ регулярной.
84. Новыхъ трактатовъ две книги.
85. Письма любовные.
86. Шапуда козмограѳия история, книга первая.
87. История о дворе римскомъ.
88. Уставы морскія короля Людовика четвертогонадесятъ.
89. Собраніе разныхъ трактатовъ мирныхъ, две книги.
90. Межа о государстве великобританскомъ.
91. История Корнелия Иоаннъ Девитъ.
92. Письма Гилтамиля, книга вторая.
93. Мемориалъ маркиза Гилькарда.
94. Комедіи. Шепетълевы, книга вторая, первой нетъ.
95. Примѣчание о нидерлянской земле.
96. Мемориалы о Полше, две книги.
97. Сентреалъ о вещахъ разныхъ критическихъ.
98. Девера совершенной посолъ, книга вторая.
99. Адвокады для Шевереля и противъ евожъ.
100. Манеръ, какъ письма писать.
101. Дѣйства жалостные любви, книга первая.
102. Житие Буелоново.
103. О интересахъ аглинскихъ.
104. Наука, какъ говорить.

105. Проектъ о десятине королевской.
106. Сокровище о молитве душевной съ полскимъ языкомъ.
107. Кордиера разговоры съ латынскимъ.
108. Реляция географическая о Москве на италианскомъ языке.
109. Клеопатра часть третия.
110. Секретарь кабинетной.
111. Защищение вышнихъ альнатовъ, вторая часть.
112. Изрядства испанския две книги, первая и третия.
113. О государстве францускомъ.
114. Книга о канфетахъ и протчихъ приправахъ.
115. Походы Карлуса второго надесятъ, короля швецкого.
116. Новая грамматика француская съ латынскимъ.
117. Краткое описаніе о вере католической съ полскимъ.
118. Жадра история Людовика, короля француского.
119. Разобрание света со тмою.
120. О владеніи папежскомъ, книга первая.
121. Кабинетъ княжской.
122. Грацыана человекъ придворной.
123. Мемориалъ госпожи Х-Х-Х.
124. Гринарета о походахъ Королюса двенатцатого, короля Сведского, книга четвертая, первыхъ нетъ.
125. О делахъ Европскихъ 1709 году.
126. Дискурсъ о скоте учиненномъ въ машину.
127. О житье графа Дегалловея.
128. Введение для обучения языка латынского въ лицахъ.
129. О государстве нынешней имперіи Морока.
130. Мемориалъ Иоаннъ Девита.
131. Бѣллегардъ рефлексіи моральныя, забавныя.
132. Описание двора римского.

Разныхъ языковъ книгъ:

133. Пашквиль Галанской на Французъ въ лицахъ, въ листъ,
134. Книга домъ галанской Клинледдалъ планы и фасады, въ листъ.
135. Атласъ морской галанской.
136. Книга псалмовъ и стиховъ полской.

въ осмушку.

137. Псалтырь съ нотами на галанскомъ языке.
138. Известія о древней церкви западной, Полская.
139. Книга Турецкая или Персидская въ четверть.

Реэстръ Полскимъ книгамъ.

1. Книга история риторовая о монархи Турецкой въ десть.
2. Книга издание Вакланова о зачатіи гербовъ шляхтъ полской и великого княжества литовского, виршами въ десть.
3. Книга поученіе ксенза Томаша Млодяновского въ десть.
4. Книга Економика земская Казимера Гавра, въ десть.
5. Кроникъ полской отъ 1198 году, а чье издание неизвестно, начального листа не имѣетца, въ десть.

6. Книга поучение о пришествіи антихриста, а чье издание неизвестно, начальныхъ листовъ нетъ.
7. Кроникъ полской Мартина Бѣлского въ десть.
8. Книга житие святыхъ ксенза Петра Скарги, въ десть.
9. Книги годовые деяни церковные отъ рождества Христова ксенза Петра Скарги, въ десть.
10. Лексиконъ на латынскомъ, немецкомъ и полскомъ языке, а чье издани, не извѣстно начальныхъ словъ не имѣетца, въ четверть.
11. Книга называемая ноти и пятранъ Христовы Черниговского архіепископа Лазаря Барановича въ четверть.
12. Книга, называемая Люстия Ополонова полскими виршами въ четверть.
13. Книшка жарты дворские, въ четверть.
14. Книга изданіе ксенза Бѣнедикта Павла Болка о древней вере, въ четверть.
15. Книшка названа политика божия или дѣяние Христово, издание Ѳранцушка Виллегаса въ четверть.
16. Книга перегринация князя Миколая Криштоѳа Радивила къ святой земле изданіе ксенза Андречей Варгоцкого въ четверть.
17. Книга гистория о чудотворномъ образе пресвятыя Богородицы Честоховской, въ четверть.
18. Книшка при всякихъ случаяхъ различныхъ приветстве, въ четверть.
19. Книшка, названа смерти или креста Христова, издание архиепископа Черниговского Лазаря Барановича, въ четверть.
20. Книшка Страсти Господни, изданіе Веспѣзиана Кохановскаго, виршами, въ четверть.
21. Книга исправление обычаевъ полскихъ, въ четверть.
23. Книга названа алеабѣтомъ о научени и наврущени геретиковъ къ вере, въ четверть.
24. Книга житие святыхъ вкратце, виршами, въ четверть.
25. Алкоранъ противъ Махометовыхъ наукъ изданъ въ Чернигове, въ четверть.
26. Книшка присловиемъ полскимъ, въ четверть.
27. Книшка собрание краткое ествъ, въ четверть.
28. Тетрадь Економия крестьянская на четыре части года, въ четверть.
29. Книга о уставахъ русскихъ и отпоръ на ѳалшивые вопросы, на латынскомъ и полскомъ языке, начальныхъ листовъ нетъ. въ четверть.
30. Книшка, письма и церемониальные разговоры, издание ксенза Войцела Тылковского, въ осмушку.
31. Книга, называемая Гарѳа духовная, молитвенникъ, въ осмушку.
32. Книшка духовная ежедневного размышления, издания ксенза полскаго, въ осмушку.

33. Книга гистория о Мелюзине, въ осмушку.
34. Книшка воинского благочестия въ которой науки, молитвы и приклады воинскому чину принадлежащие, издание ксенза Петра Скарги, въ осмушку.
35. Книшка, наука о исповеди, въ осмушку.
36. Книшка Псалмовъ полскихъ виршами, въ полъосмушку.
37. Книшка сынонима или дицыонаръ на латынскомъ и полскомъ диолекте въ осмуху.
38. Книга апология, разсуждение Римской церкви о вере, на латинскомъ и полскомъ языке, въ четверть.

Книги немецкого языка и на протчихъ диолектахъ:

1. Книга, называемая театрумъ Прецепцие, одна часть о вражде, вторая о учрежденіи сиятельныхъ ранговъ, издание Еремгарта Цвейбурха, въ десть.
2. Книга магдебурскихъ учрежденей и особливыхъ приказаней, изданіе Магдебурского управителя князя Августа, въ четверть.
3. Книга житие и чюдеса святаго Николая Мирликийского, въ четверть.
6. Книга, описание что имѣетца въ саксонскихъ каморахъ вещей курюзныхъ, на латынскомъ и немецкомъ языке, въ осмушку.
7. Книга Януа на трехъ языкахъ латынского, греческого и немецкого, въ осмушку.
8. Книга новы тестаментъ Армянского языка, въ осмушку.
9. Книга автора Лети, житие Ѳилипа втораго Короля Гишпанского на немецкомъ языке, въ осмушку.
10. Книга Яковя Котса эмблемы съ ѳигурами на галанскомъ языкѣ, въ десть.
11. Книга Христоѳора Мебо практика конская на аглинскомъ языке, въ десть.
12. Книга Корнелия Дебруна путешествие Московского, Персицкого и Индіи, на голанскомъ диалекте, въ десть.
13. Дикцыонаръ аглинской зъ галанскимъ Севейся въ четверть
14. Книга навигацкая на аглинскомъ диолекте, въ четверть.
15. Книга трактаты галанские съ разными потентами, на галанскомъ языкѣ.
16. Книга путешествие Кондрота Ѳонклека, чрезъвычайного посланника къ его Императорскому Величеству всероссійскому, на галанскомъ диалекте, въ четверть.
17. Книга о правахъ морскихъ и корабѣлныхъ на аглинскомъ, въ четверть.
18. Книга трехъ-лѣтнее путешествие Избранта въ Хину съ Москвы, на галанскомъ языке, въ четверть.
19. Книга история о состояни армянскаго народа, на армянскомъ языке, въ осмушку.
20. Книга, называемая камедия Гварика постулверные на га-

ланскомъ, виршами, въ осмушку.

21. Книга церкви армянской стиховъ, на армянскомъ языке, въ осмушку.

22. Книга разговоры ученья на галанскомъ и францускомъ диолекте, въ осмуху.

23. Книга Гистория о великой Британіи, на галанскомъ диолекте, въ осмуху.

24. Книга генеологическая, политическая разныхъ властелиновъ, вторая часть, на галанскомъ языке въ осмуху.

25. Книга такая жъ генеологическая, третья часть, на галанскомъ языке, въ осмуху.

26. Книга вояжъ Нивстадовъ съ Полши въ Москву на галанскомъ языке, въ осмушку.

27. Книга новой заветъ на греческомъ диолекте, въ осмушку.

Книги руские.

1. Собрание картъ географическихъ и протчихъ творению Куприяновов въ большихъ листахъ.
2. Евангелие Московской печати.
3. Симеония Псалмовъ.
4. Служба и житие чюдотворца Сергия.
5. Артикулъ и уставъ военной старой, Московской печати.
6. Другой такой же.
7. Катихисисъ.
8. Православное исповедание веры восточные церкви.
9. Земноводного круга краткое описание.
10. Варлаама и Иосаеа царевича.
11. Регламентъ о управленіи адмиралтейства, Сантъ-Питеръбурской печати.
12. Треодь постная Киевской печати.
13. Разсуждение о войне шведской Сантъ-Питеръбурской печати
14. Ариѳметика творение Магницкого, Московской печати.
15. Уставъ военной, Сантъ-Питеръбурской печати.
16. Введение въ историю чрезъ Самуила Пуѳендорѳа, Сантъ-Питеръбурской печати.
17. Учения и практика артилерії.
18. Требникъ Петра Могилы, Киевской печати.
19. Книга географеия генеральная, Московской печати.
20. Евангелие Кирилла Транквилиона.
21. Кирилла архиепископа Иерусалимского, Московской печати.
22. Венецъ христовъ, Киевской печати.

Книги писменные въ листъ.

23. Глаголемая Козмы, нарицаемого Индикоплова.
24. Нравоучение святаго Антиоха.
25. Житие и подвизи преподобного отца нашего Никиты Столпника, переславского чюдотворца.
26. Житие блаженного Петра царевича и братанича царя Берка.
27. Большая козмографеия славенского языка, древняго писма.
28. Книга глаголемая Деонисия Ореопагита.

29. Семиона блаженного архиепископа Ѳессалонійского.
30. Служба святаго великомученика Андрѣя Стратилата.
31. *Книга списковъ германскихъ на имя Артемона Сергѣевича Матвѣева.*
32. Венецъ веры католические на основаніи символа святыхъ Апостолъ.
33. Регламентъ генеральной.
34. Алкоранъ Магметовъ ученіемъ жидовскимъ исполненый.
35. Преподобного отца нашего Дмитрея Вологоцкого чюдотворца и служба ему.
36. Книга правилная священноинока Матвѣя.
37. Июлия Ѳронтина сенатора римского о случаяхъ военныхъ, на четыре части разделенные.
38. Хранограѳъ.
39. Святаго Василия Амасійского.
40. Книга, глаголемая судопрения святаго Аѳанасия.
41. Собраніе обучательное складамъ и письмамъ съ латинскимъ и полскимъ языкомъ.
42. О разныхъ вещахъ нравоучительная.
43. Уставленія временъ венца, писано летописцомъ.
44. Костентина Арменопола.
45. Книга записная Юстицъ—Колежская, получаемымъ указомъ 1720 году изъ сената.

Книги печатные въ четверть.

46. Мессия, Киево-печерской печати.
47. Апология, Могилевской печати.
48. Диоптра зерцало живота человеческого, Киевской печати.
49. Другая такая жъ.
50. Служба Иоанна войственника, Московской печати.
51. Следованная псалтырь съ канунами, Киевской печати.
52. Новой заветъ, Киевской печати.
53. О житіи святаго Еѳрема Сирина и протчихъ, Московской печати.
54. Синопсисъ, Киевской печати.
55. Лексиконъ триязычны зъ греческимъ и латынскимъ, Московской печати.

Книги писменные въ четверть листа.

56. Козмограѳия малая.
57. Епистоли Цицерона.
58. Житие Никона Патриарха Московского.
59. Всяческого рода предначинание.
60. Меѳодия Епископа Памѳилийского.
61. Брашно действъ различныхъ.
62. Приклады, выписано изъ жития святаго отца нашего Григория Назианзина.
63. Житие и страдалчество святыя великомученицы Екатерины.
64. Служба и чюдеса блаженного Исидора юродиваго, ростовского чюдотворца.
65. О крещеніи и о кропленіи.
66. Служба и чюдеса пресвятые Богородицы, имянуемыя Толския.
67. Поучение Иоанна Златоустого, архиепископа Костентина града.

68. Зерцало богословіи, отъ многихъ книгъ богословскихъ избранное.
69. Иякова жидовина, списано Иосиѳомъ новокрещеныиъ.
70. Летописецъ вкратце списано о двинскихъ жителяхъ, и о наследникахъ и о судьяхъ и воеводскихъ и дьячьихъ приездахъ.
71. Другой такой же.
72. Чиновникъ.
73. Служба пресвятыя Богородицы и приснодевы Маріи Тихѳинские и чюдеса.
74. Служба и чудеса святаго Ѳилипа митрополита.
75. Житие и подвизи преподобного мученика Никиты Столпника Переславского чюдотворца.
76. Служба и житие благовернаго князя Глеба Владимерскаго.
77. Изображение Кириллово Иулиана.
78. Тропникъ.
79. Толкование на некоторы Евангели.
80. Приклады нравоучительныя.
81. Судище отъ Еврей надъ Христомъ отъ пантиского Пилата.
82. Ѳеоѳилакта архиепископа Болгарского предисловие.
83. Беседа Белоцерковная.
84. Святаго Иоанна Домаскина.
85. Поминание прежде отшедшихъ душъ къ Богу.
86. Оглавление повестей, обретающихся въ грановраѳе.
87. Служба преподобнаго и богоносяаго отца нашего Михаила Клопскаго, Новогородскаго чюдотворца.
88. Житие Езопа Ѳригиского.
89. Оглавлѣние статей з государева указу.
90. Святаго Ѳеодора Аѳукара, бывшаго епископа Карискаго.
91. Службы и чюдеса отъ образа пресвятыя Богородицы въ великомъ Нове граде.
92. Чинъ на патриаршески престолъ.
93. Ермология на старыхъ нотахъ.
94. Приклады исъ пророковъ.
95. Книга хлебъ животны.
96. Святыхъ отецъ писание полского немецкого языка.
97. Житие и чюдеса святаго праведнаго и блаженнаго Прокопия иже Христа ради юродиваго, Устюжскаго новаго чюдотворца.
98. Врачевание полагамое противъ ядовитыхъ угрызениевъ.
99. Святаго Иоанна Домаскина.
100. Житие преподобныхъ Зосима и Саватия Соловецкихъ.
101. Проблемы геометрическия.
102. О заповедяхъ и тайнахъ, выписано изъ книгъ разныхъ.
103. Сборникъ, потому что изъ многихъ книгъ выписана.
104. О двою во Христе естеству и единой ипостасие толкование.
105. Описание церквиі Соѳиские.
106. О разбоиническомъ Ѳлоренскомъ соборище.
107. Патерикъ Печерской.
108. Соборникъ малой.
109. Описание воротъ чести въ Га-

ге учиненныхъ ко приезду Вилгельму Аглинскому, Скотскому, Францускому и переводъ исповедания веры ихъ.

Книги печатныя полчетвертныя.

110. Грамматика.
111. Геометрия.
112. Лагориѳма.

Книги писменныя получетвертныя:

113. Деолектика о послани Иоанна Домаскина.
114. Слово на погребение Христово и о иныхъ вещахъ.
115. О сотворени мира зъ бесѣдами.
116. Книга Григория Богослова.

Противъ присланнаго рѣэстру явилось сверхъ во излишестве.

Книга Ѳигуры оптическия въ ней девять листовъ.

Книшка Валерия Максима, приклады нравоучительные, въ четверть.

Книшка Хвальковскаго некоторые полские описание, въ четверть.

Книшка Полская, наука о исповеди покояния, въ осмуху.

Книги, которые приняты отъ Граѳины Матвѣевой.

Русские въ листъ.

1. Книга Вечери душевныя.
2. Книга Обедъ душевны.
2. Псалтырь виршевая.

Въ четверть листа.

4. Книга Слово благодарственное Господу Богу.
5. Книга Лексиконъ имянъ толковая.
6. Книга Лексиконъ треязычный.
7. Книга службы мученице Варваре.
8. Книга тестаментъ, въ полчетверти листа.

Въ листъ писменныя:

9. Книга венецъ веры.
10. Книга Беседословіе.
11. Книга о разнстве.
12. Книга Святаго Антония Сійскаго.
13. Книга псалтырь толковая.
14. Книга святаго Максима Грека.
15. Книга, глаголемая Богословия.
16. Книга святаго Иоанна Златоустаго.
17. Книга святаго Козмы пресвитера.
18. Книга святаго Григория Беседовника.
19. Книга святаго Иоанна Златоуста.
20. Книга Хризмологиа.
21. Книга Исака Сирина.
22. Книга зерцало Богословиі.
23. Книга святаго Кирила Иерусалимскаго.

Въ четверть листа.

25. Книга службы Богородицы Ѳедоровской.
26. Книга толкования на соборное послание Иякова.
27. Книга святаго Юродиваго Андрея.
28. Книга служба Ѳилипу митрополиту.
29. Книга апоѳегматъ или извѣщание.

30. Книга служба Александру Свирскому.
31. Книга приклады духовныя.

Иностранные въ листъ.

1. Земляная и морские карты о понте Евксинскомъ въ большомъ листу.
2. Новой большой атласъ на болшомъ листу.
3. Постия опера архитектоника Хагеномичнива втукта (?), на болшомъ листу.
4. Посца архитектора, томисъ I.
5. Юсти Липса все опера тому 2, 4, две книги.
6. Посольства Ѳридереци Демарселеръ.
7. Спанхеми де Нумисъматибусъ, томи.
8. Уптани десурдно милитарні такоже олиорумъ Пера, страница.
9. Леунклавиі Гисторія Мусулмана.
10. Посевини Московия Этъ алия опера.
11. Берниги Ѳлорусъ даникусъ.
12. Мерси Гисторика данука етъ бельгика.
13. Спесънери Театрумъ нобилататисъ Европе.
14. Магнуса Гисторія Государствъ русскихъ и швецкихъ.
15. Региструмъ хронологикумъ и протчие древние печати, на болшомъ листу.
16. Меибома Германскихь делъ Пасцы, волуменъ I. I.
17. Витрувия архитектора.
18. Маурацениі Гисторія венецкая.
19. Адагие, то есть пословицы собранные.
20. Инеортиатумъ сем Бандеигиарумъ гражданскихъ правъ томусъ (?)
21. Ригаѳека региумсного.
22. Девислѣ лесъ Ѳортиеикацыонъ.
23. Волуменъ Легумъ парвамъ.
24. Эгвинати Баронисъ виринутумъ квестионумъ юрисъ, волуменъ (?)
25. Белумъ доместикумъ косокосъ интеремъ тартаросъ, такожъ Московъ соекососъ Гунтатовъ Полоние.
26. Венеронисъ Лексиконъ на полскомъ языкѣ.
27. Вигеліи дигесторумъ опера.

Въ четверть.

28. Клювери Епитомъ гисториарумъ о всемъ свете.
29. Еманунлисъ Сашания въ Евангели (?)
30. Аѳиандриі четыре Евангелия.
31. Бекманисъ систагматисъ дигнитатумъ парсъ.
32. Аѳиандри которые части второго завета (?)
33. Смети антиквитатесъ Исомагессесъ (?)
34. Вите селѣ игнуромъ аликвотъ виророумъ.
35. Лимнѣ авдицыонесъ адъ юсъ публикумъ.
36. Завадски Гисторія аркана сенъ анналиумъ Полониноруумъ, либри VII.
37. Сегнети хомо христианусъ.
38. Ѳритъсени паксъ русвикеасисъ.

39. Табула Хранология севе дукумъ лотхаригея Брабантие.
40. Мансингерисъ обсервацыумъ юрисъ Кунтурие.
41. Тарновиусъ инъ понамъ проетамъ.
42. Брини Коллегиумъ политико-юридикумъ.
43. Описание разныхъ городовъ.
44. Гартмана и протчее квестионумъ юрисъ либеръ I. I. Инкантакту.
45. Арданансъ Ледовиса XIV.
46. Гарати опера.
47. Вехенъменеръ казанні.
48. Пруская Ѳама.
49. Есаи дас диктионари контентъ и онной Санне Ди монде.
50. Лезусъ этъ коутумесъ де ла меръ.
51. Штиле Уневерзалде тутесъ Деламеръ лесъ курсесъ парме Гауретъ, томи I. I. вторая книга.

Въ осмуху.

52. Престанциумъ Ерудиторумъ виررумъ Епистола.
53. Грутери тесаурусъ критикусъ.
54. Унгерская и турецкая кроника.
55. Годвинъ Моисея Иоарона.
56. Мигестатской презентъ дела Гринтъ бретаніи томъ I. I.
57. Аулусъ Геллиусъ.
58. Марендони комитисъ 'Гисторія дела лебелномъ Англинской тере томусъ I. I. IV. V.
59. Кроеси Гисторія Герреорумъ.
60. Марлиаині та автрумъ политика.
61. Нердени Инитио Академиа Ѳреверенъсисъ.
62. Вестери казанні о страстяхъ Христовыхъ.
63. Летресъ меморесъ редематъ ле коръ тадеестрадесъ, томиусъ I. I. I. I. I. две книги.
64. Мигиря Писциология.
65. Вите етъ мортисъ Ѳрантунде витъ Гисторія Галлице.
66. Реляция Купанисъ де анно 1710 г.
67. Трактатусъ догматикусъ де вокацыоне Гентриумъ.
68. Ѳаутесъ десъ деиксе коеедере.
69. Антони Девера лагатусъ пареектусъ Галлице.
70. Лесъ Консенсъ етъ летъ максимисъ де Писпасъ.
71. Алхенбулгери тесаурусъ ررумъ публикарумъ.
72. Дескриптионъ ноувеллѣ де ла виллѣ де Пари томулусъ. I.
73. Статъ Ѳрацуской I. I. III. две книги.
74. Леттресъ ди мисюри ле хевалесъ Гурьтемпле.
75. Летръ де парлесъ аллемандъ, томулусъ. I. тожъ 10. две книги.
76. Регламентъ ардонансесъ дурoнде ѳомулусъ.
77. Лесъ делицесъ дель Еспагне этъ ду Португаль томулусъ. III. XIII. XIV.
78. Акта регисъ Турниенсисъ э стривигенъсисъ Галлице.
79. Лексиконъ новой съ ѳрацускаго зъ греческимъ.
80. Коде милитаире репаръ деставде.
81. Ла гверре де Италие.
82. Статера белли Парижская, парсъ прима.

83. Шурманъ мелиорисъ партисъ елѣксио.
84. Лебле трактатусъ де Инструкцы Ѳутири Консилиари.
85. Лаутербахи компендиумъ юрисъ имперіи.
86. Кулписъ де легацыонибусъ статумъ.
87. Новообъявлѣнной Европского Стата титулаѳъ.
88. Актесъ книга меморесъ реконъсернантъ ла паиксъ утреръ, томулусъ III.
89. Тимилумъ пацысъ допосциценътиумъ.
90. Ѳрацуской Целлариумъ.
91. Помея индикулусъ универзалисъ латино-галликумъ.
92. Вердъ Миллеръ бекомпедиамское зеркало.
93. Новы заветъ на полскомъ языке.
94. Меркуре гисторикве опускулумъ. I.
95. Псалтырь Давыдовъ.
96. Эспритъ дес курсъ де Европе влумина II. две книги.
97. Ла клевъ ду кабинетъ принца Европскаго.
98. Миллѣринъ летресъ ѳамилиаресъ.
99. Рена дунатъ, латынской съ немецкимъ.
100. Меморесъ дела пуръ девинне.
101. Гисторія о князе Рагоцкомъ.
102. Агрипъпе девини Тити Сентеарамъ.
103. Клеопатре парти премитъ.
104. Таблетесъ Гисторикесъ и протчѣе.
105. Комѣни янъме лиинъгварумъ вистубулумъ.
106. Цецеронисъ Ѳизолоѳиюрумъ, волуменъ.
107. Буксторіи лексиконъ на еврейскомъ языке.
108. Сибери компентариусъ, въ махъ.
109. Кондради лаги мелодусъ псалюрисъ.
110. Гвадзи конверъзасцион цывили.
111. Приме роси деву иилъ Ерлосиусъ вмедицынѣ (?)
112. О мѣсеки медитида конкордия (?)
113. Стерлингесъ медитетоне въ скалигере (?)
114. Моравски деспозиция армортемъ полонице.
115. Светониусъ.
116. Градусъ делинациониумъ геограѳикарумъ Галанской.
117. Сермонесъ инъ анни доминикасъ анонимн.
118. Горатонисъ Икраѳтеимъ консилиорумъ э еспистоларумъ июдианалаумъ либеръ тертиусъ.
119. Томасъ Кемпитъ де имитационѣ кристи.
120. Касели Епистоларумъ кентурия.
121. Веслери Грамматика Греческая.
122. Келлери новая королевская Полская и немецкая Грамматика.
123. Пилатъ асекретаря новаго.
124. Сулпития Северия гисторія.
125. Горати пемата.

126. Тесаурусъ просиумъ петикулурумъ Булери.
127. Ротеродами Эрасми Либеллусъ ауренсъ де сивилитате морумъ ювенилиумъ.
128. Луканусъ.
129. Книга Юлиусъ де белло галлико.
130. Цыцеронисъ Епистоле адъ еамилиаресъ.
131. Псирбихромъ Антиквитатесъ анонимы.
132. Мировски пастрестра Пититисъ.
133. Рацно дискенди лингвамъ латинамъ адмодумъ компендиоса.
134. Сентенция апоеегмата сине инициo, немецкая и латинская словесная книга.
135. Пемата галлика инкомпатиусъ.
136. Либеръ амплиенкацыонесъ вери манусъкриптусъ.
137. Либеръ клесиастикусъ или Исуса Сирахова.
138. Лоси сумма катехетка.
139. Де конскрыбендисъ эпистолисъ синтаксиа институцыонесъ, анонима.
140. Арсъ диалектика.
141. Прецесъ Полонико девметъ санктосъ.
142. Пепаирсъ Граматика лингветолисъ.
143. Лесъ клеменсъ Геометрия манскриптусъ.
144. Летре суръ энтусиме.

Остальныя за росписью приняты: Конха риторская рукописная, въ четверть, Цыцероновы и протчихъ Өилозоеовъ разныя собранія, въ осмуху; псалтырь на немецкомъ языкѣ, въ осьмуху; Европскія увѣдомленія 709 году на Өранцускомъ языкѣ, въ осьмуху.

Въ 1735 году, въ вѣденіи Камеръ-цалмейстерскаго помощника Слизова, хранились слѣдующія книги:

Въ 5 ящикѣ 13 книгъ немецкихъ.

Книга русская скорописная съ персоною Ея Императорскаго Величества Блаженныя памяти Екатерины Алексѣевны, на на верьху написано: *слово похвальное.*

Три книги нотныя.

Книга рисовальная (въ 6-мъ ящикѣ).

Книга немецкая.

1. Книга новый завѣтъ въ полчетверти листа, печати Кіевской.
2. Акаөистъ, въ полчетверти, печатной.
3. Молитвенникъ такой же, писменный.
4. Псалтырь маленькая, Кіевской печати, въ полчетверти, въ серебреной кожѣ.
5. Молитвенникъ, Кіевской печати, маленькой, въ чехлѣ красномъ.
6. Кононникъ Богоматери Тольской.
7. Синопсисъ, въ четверть листа, въ красной кожѣ.
8. Псалтырь, Московской печати, ветхая, въ полчетверти.
9. Лексиконъ Кіевской печати, въ четверть листа, ветхой.

10. Книга письменная о взятіи Сибири, въ четверть листа.
11. Книга письменная объ копяхъ, въ четверть листа.
12. Синопсисъ печатной въ полчетверти.
13. Книжка Архитектурная, печатная, въ полчетверти.
14. Книжка печатная, водохожденіе, въ полчетверть.
15. Книжка печатная, нравоучительная, въ четверть листа.
16. Книжка немецкая, ветхая.
17. Книжка писменная, чертежъ всего свѣта, въ четверть листа.
18. Книжка печатная Троянской исторіи, въ полчетверти.
19. Книга Ѳеатронъ, по краямъ золочена, печати Кіевской, въ четверть.
20. Книга Ѳеатрумъ, такой же печати, въ четверть, кожа серебреная.
21. Лексиконъ треязычный, печатной, въ четверть.
22. Книга Кіевской печати, житіе преподобнаго Дороѳея, въ четворть листа.
23. Псалтырь учебная, въ четверть листа, въ красной кожѣ.

Книги въ десть:

24. Апостолъ, края золоченые, въ красной кожѣ.
25. 13-ть книгъ Минеи мѣсячныхъ.
26. Книга Григорія Назіанзина, по краямъ золочена, ветхая.
27. Патерикъ Печерской.
28. Книга о дворянинѣ добронравномъ, писменная.
29. Книга должность человѣка и гражданина, писменная, по краямъ золочено.
30. Ариѳметикъ печатной.
31. Еограѳія печатная.
32. Хрисологія о пророчествѣ Даниловѣ, письменная.
33. Полидара Виргилія, печатная.
34. Архитектурная, немецкая, ветхая.
35. Книга древняго Словенскаго народа, писменная, края золочены.
36. Книга писменная о покаяніи и о исповѣданіи.
37. Книга о Китаѣ, печатная, ветхая.
38. Книга прахтика алтелерная, печатная.
39. Книга Герба, т. е. травникъ, писменная ветхая.
40. Псалтырь, ветхая, печатная.
41. Книга родословная, писменная.
42. Книга о старинныхъ вещахъ и челобитьяхъ, писменная.
43. Псалтырь толковая.
44. Книжка о вертементахъ, сиречь предосторожностяхъ, въ четверть листа, писменная.
45. Двѣ тетради въ золоченой бумагѣ, немецкія, печатныя.
46. Книга въ десть, на Александровской бумагѣ, о коронахъ иностранныхъ, печатная въ бѣлой кожѣ и два листа писменные поздравительные, съ золотомъ.
47. Книга оклѣена бархатомъ зеленымъ и облажена сѣтною золотою, печатная немецкая, въ ней писменовъ на 2-хъ

листахъ, немецкая и русская, да 2 листа счетовъ писменныхъ русскихъ.

48. Книга оклѣена бархатомъ малиновымъ, писменная немецкая; въ оной же книгѣ листъ немецкой печатной, два листа писменные.

О коронаціи Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, оклѣена бархатомъ зеленымъ, съ сѣткою золотой.

Другая оклѣена бархатомъ малиновымъ.

Книгъ большихъ и малыхъ немецкихъ разныхъ 370 книгъ.

Русскихъ книгъ (въ листъ).

1. Окта четырехъ гласовъ 5, 6, 7, 8, повсядневная.
2. Окта старой писменной: часословъ старой печати съ мѣсяцесловомъ.
3. Минея праздничная сентября мѣсяца.
4. Минея общая годовая.
5. Артикулъ военной, старой, Московской печати.
6. Служба преподобному Алексѣю человѣку Божію.
7. Псалтырь учебная, ветхая.
8. Часословъ ветхой.
9. Бесѣды Апостольскіе толковыя, посланіе къ Коринѳянамъ.
10. Житіе преподобнаго Корнилія Комелскаго чудотворца.
11. Двѣ книги: грамматики печатныя.
12. Соборникъ на 12 мѣсяцевъ, въ немъ же указуетъ Евангели, Апостолы и прокимны.
13. Служба и житіе чудотворца Николая, писменная.
14. Служба ризѣ Господне, писменная; служба святой мучиницѣ Екатеринѣ, письменная.
15. Артикулъ краткой, военной, Князя Александра Меншикова.
16. Книга перло многоцѣнное, печатное.
17. Книга житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ.
18. Въ двухъ ящикахъ книгъ немецкихъ, разбитыхъ въ переплетахъ.
19. Въ двухъ ящикахъ 18-ть тетрадей, обогнуты въ золото и красныхъ бумагахъ.

Всѣ эти книги были спасены во время бывшаго въ Москвѣ, въ 1737 году пожара, ибо изъ описи 1738 года видно, что первыя 19 книгъ хранились въ 1-й палатѣ, идучи съ Кормоваго Дворца на Потѣшной дворъ, на лѣвой рукѣ изъ приходныхъ сеней съ приходу, что называлась Оружейная; а послѣднія 48 книгъ во 2-й палатѣ; гдѣ же хранились остальныя не обозначено.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Сообщены А. С. Павловымъ.

I.

Стихъ св. Ефрема Сирина.

На послѣднее сіе время,
Какъ попуститъ нашъ Владыка
За умноженье злобы нашей,
Народится сынъ нечистый,
Какъ по имени антихристъ.
Онъ распуститъ свою прелесть
Онъ по городамъ, по уѣздамъ,
Онъ по селамъ, по деревнямъ.
Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ,
Преподобный отецъ Ефермей:
«Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣсы,
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами;
Обливайтесь, мои свѣты,
Вы горячими слезами;
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвахъ,
Во всенощномъ частòмъ стояньи:
Тако избудите отъ антихриста».

II.

Стихъ Іоанна Предтечи.

Мы проспали, пролежали,
Проходили, прогуляли;

Мы ни въ чемъ вѣкъ проводили,
Христовскую заутреню просыпали,
Воскресенскую обѣдню проядали.
Сослалъ Господь Богъ три дара:
Ужъ какъ первый даръ — крестъ и молитву,
Второй даръ — любовь и милостыню,
Третій даръ — ночное моленье,
Четвертую заповѣдь — читательную книгу.
Читаетъ Іоаннъ Предотечь,
Самъ слезно плачетъ:
«Вы рабы мои и рабыни,
Вы рабы мои, христолюбцы;
Вы постойте, пострадайте
За истинную вѣру,
За крестъ, за молитву;
Приходитъ на насъ послѣднее время:
Народился антихристъ,
Народился, воцарился.
Не долго свѣту свѣтить,
Не долго солнцу сіять, —
Послѣднее пришло время!
Убирайтесь, мои свѣты,
Во дальныя пустыни,
Во пропасти во земныя,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы хрещами, пепелами,
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвѣ,
Во всенощномъ частомъ моленьи:
Тако избудете отъ антихриста».

III.

Стихъ о послѣднемъ времени.

При концѣ-то жизни вѣку,
Будутъ трусы и мятежи,
Будутъ лживые пророки.
Кто бы, кто бы намъ построилъ
Келью малу, невелику
Не на житейскомъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы Ему, свѣту, угодно,

Гдѣ душамъ нашимъ на пользу,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не видѣлъ
Всего всемірнаго соблазну,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не слышалъ
Человѣческаго гласу?
Самъ Господь Богъ прорицаетъ:
«Вы рабы-ли мои, рабыни,
Правовѣрніи христіяне!
Вы не весело живите,
Вы боясь Бога ходите!
Уже антихристъ народился,
Змій-собака воцарился;
Онъ разсѣялъ свою прелесть
По всей матери-вселеннѣй;
Разметалъ онъ свои сѣти
По всему своему царству;
Онъ и станетъ всѣхъ прельщати,
Въ свои сѣти уловляти:
Кои вы сильніи, боритесь,
А немощніи убирайтесь.
И не будетъ вамъ уходу
Ни во градахъ, ни въ заводахъ,
Вамъ не въ селахъ, и не въ весяхъ,
Не въ лѣсахъ вамъ, не въ пустыняхъ,
Не въ горахъ и не въ вертепахъ.
Уходите вы, мои рабыни,
Во пропасти во земныя
Отъ той прелести отъ злыя.
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами,
Еще мелкими камнями.
Вы постойте, мои рабыни,
Вы за крестъ и за молитву,
Вы за истинную вѣру;
Умирайте, мои рабыни,
Вы голодною смертію.
Азъ прикрыю васъ, рабыни,
Своею рукою христовой,
И подарю Азъ васъ, рабыни,
Своими златыми вѣнцами».

IV.

Убойся Бога, человѣче,
Уже смерть за тобою стоитъ,
Она вострить на тебя криву косу,
Она ждетъ повелѣнія божія:
Егда повелитъ Господь,
Во единый часъ подкоситъ твои ноженьки
И разслабитъ твои рученьки,
И языкъ твои пріумолкнетъ,
И глазыньки твои закроются;
И придутъ къ тебѣ послики божія:
Они вынутъ изъ тебя душеньку безъ милости
И понесутъ ее къ мытарству страшному.
И увидитъ душенька мытаревъ — испугается,
И возмолится къ божіимъ ангеламъ:
«О ангели божіи! Отпустите вы меня
Покаитца во грѣхахъ моихъ тяшкіихъ!»
Отвѣщаютъ душеньки святыя ангели:
«Опоздала ты, душа, каитца:
Топерича торгъ разъѣхался
И двери затворилися,
Здѣся нѣту покаянія,
Ни грѣхамъ твоимъ прощенія».
И приступятъ къ душѣ страшныя мытари
И отъимутъ душу отъ рукъ ангельскихъ,
Понесутъ ее въ мѣсто темное,
И посадятъ душу въ муку вѣчную.
И тогда душа горько всплачется:
«На што-та меня отецъ мать породили?
Горе мнѣ во огни горѣть,
Горче того во смолѣ кипѣть!»
(Изъ раскольничьей рукописи).

V.

А вы гой еси, ангеля крылаты!
Вы небесной рай намъ отверзайте,
А вы праведныя души пропущайте,
А вы грѣшныя души задержайте!
А котора душа тяжко согрѣшила —

Въ утробѣ младенца погубила:
Ей не будетъ во вѣкъ прощенья,
На второмъ суду не бывати,
Самово Христа въ очи не видати [1])!

VI.

Что есть у насъ три печали великія,
Какъ-та намъ тѣ печали миновать будетъ?
Первая печаль: какъ умереть будетъ?
А вторая печаль: не вѣмъ когда?
А третья печаль, что не вѣмъ гдѣ на томъ свѣтѣ обращуся?
И гдѣ я тамъ жить буду?
И кто ми домъ созиждетъ?
Что нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
И нѣтъ у меня чистоты тѣлесныя и душевныя:
Осквернилъ я свое тѣло и душу беззаконіемъ.
Какія мнѣ туда Богу дары принести будетъ?
Принести бы должно три дары великія:
Постъ и молитву и святую милостыню, —
Приметъ Господь паче злата и сребра
И введетъ тебя въ царство небесное
И будеши со Ангелы во вѣки радоватися.
Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ!

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПОВѢСТИ О МУТЬЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

Повѣсть о Дракулѣ, бывшемъ воеводѣ въ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія, была составлена вскорѣ по смерти этого жестокаго воеводы, тогда же перешла въ переводѣ къ намъ на Русь и доселѣ сохранилась въ рукописи того же XV столѣтія (См. въ моей Христоматіи столб. 700 и слѣд.). Вѣроятно, повѣсть эта въ свое время была очень извѣстна; потому что Себастіанъ Мюнстеръ въ своей знаменитой Космографіи, приводя ее въ сокращеніи, свидѣтельствуетъ о своемъ

[1]) Стихи подъ №№ 1, 2, 3 и 5 получены мною въ подлинникахъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова. *А. П.*

источникѣ слѣдующими словами: «Man liszt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit.“ Безъ сомнѣнія, это читалось въ той самой повѣсти, которая извѣстна была нашимъ предкамъ въ упомянутомъ переводѣ, какъ это можно видѣть изъ сокращенія у Себастіана Мюнстера, которое привожу здѣсь сполна. «Zu den zeiten Königs Matthias von Ungern, ist Weywoden in dieser Welachey gewesen, d' streng ja Tyrannisch Mann Dracula, den König Matthias fieng und 10 jar in der Gefengknusz hielt. Man liszt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit. Alsz auff ein zeit der Türck hett ein Bottschafft verordnet zu diesem Dracula, und sie vor ihm stunden, und nach gewohnheit die Schlappen nicht abzugen von dem Haupt, bestetiget d' Dracula ihnen ihren Brauch und liesz ihnen mit dreyn Neglen die Schlappen auff den Kopff naglen, damit sie ihre Hüttlein nimmer dörfften abziehen. Zu einer andern zeit als er viel Türcken hett in Spisz gesteckt, liesz er und' die Spisz zurichten ein wolbereiten Tisch, lebt wol mit seinen Freunden under den armen sterbenden Menschen. Zu einer andern zeit versammlet er alle armutselige Bettler, und liesz ihnen zurichten ein gut Maal, und alsz sie wol gessen und getrunken hetten, zündt er das Hausz an und verbrennt sie alle. Item wann er Türcken gefangen hatt, liesz er ihnen die Haut abschinden under den Füssen, und streich Saltz dareyn, und liesz Geissen herzu führen, die mit ihren rauhen Zungen dz Saltz ableckten, mehret also den arbeitseligen Leuten ihre Marter. Zu einer andern zeit kam ein Kauffmann von Florenz in sein Herlichkeit, der hat viel Gelts, und wuszt nicht wem er es solt vertrawen, da gebote ihm Dracula dasz er es zehlt, und legt es ubernacht auff die Gassen, fand es auch am Morgen ohnversehret. Da ward Wald so ungehewr, es macht ihn jederman mit Gelt und Gut durch wandlen. Alsz nun dieser Dracula zehen jar in der Gefengknusz gewesen, unnd wider in sein Herrschafft ward gelassen, ward er endtlich in einem Türkischen Krieg erschlagen, und sein Haupt für ein Schenke dem Türkischen Keyser gebracht.» Cosmogr. Кн. 4, гл. 82. При этомъ повѣствованіи политипажъ, изображающій троихъ Турокъ, проткнутыхъ кольями.

Судя по теченію разсказа, надобно полагать, что авторъ Космографіи имѣлъ подъ руками источникъ, состоящій изъ отдѣльныхъ эпизодовъ о жестокостяхъ Дракулы, то есть, въ такомъ же видѣ, какъ и извѣстная въ древней Руси повѣсть. Нѣкоторые варіанты, предлагаемые въ Космографіи, могутъ навести на ближайшіе слѣды источника нашей повѣсти; но, судя по древнѣйшей ея редакціи, сохранившейся у насъ, надобно полагать, что это редакція первоначаль-

ная. Себастіанъ Мюнстеръ могъ заимствовать свой разсказъ изъ какой-нибудь Венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи, и, можетъ быть, съ опущеніемъ намека на борьбу православнаго исповѣданія съ католическимъ, между тѣмъ какъ въ редакціи русскаго перевода отступничество Дракулы отъ православія имѣло для нашихъ предковъ интересъ національный. Мутьянскій воевода, прославившійся своимъ тиранствомъ, заключаетъ свои звѣрскіе подвиги отступничествомъ отъ православія. Сверхъ того, эпизодъ о наказанной лести хитраго латинскаго монаха былъ совершенно во вкусѣ древне-русскихъ православныхъ читателей. Со временъ Ивана Грознаго, повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлали между жестокостями обоихъ этихъ правителей. Такъ эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ иностранныхъ пословъ приписывался Ивану Грозному. Замѣчательно, что Мюнстеръ называетъ Валашскихъ правителей по славянски *воеводами* (Weyuoden od'Weywoden); и на оборотъ, въ нашемъ переводѣ встрѣчаются иностранныя слова западнаго происхожденія, именно *дукатъ*, *миля* (смотр. въ моей Христоматіи столб. 704 и 705).

Ѳ. Буслаевъ.

ПОВѢСТИ О МУДРЫХЪ ЖЕНАХЪ *).

Сообщены А. Н. Аѳанасьевымъ.

1. Повѣсть о премудрыхъ женахъ, которая жена медвѣдя грамотѣ научила. Глава 5-я **).

Нѣкій благоплеменитый и честный человѣкъ, имѣя въ селѣ своемъ попа, и по нѣкоему оклеветанію разгнѣвася на него и великую пеню возложи на попа. Попъ милый біяше челомъ, да отпуститъ ему вину; господинъ же ре(че) ему: «Аще не хощеши виновенъ (быти) предо мною, то изучи мед(вѣдя гра)моте». Пришедъ убо ми(лый попъ въ д)омъ свой зило печа(ленъ. Жена же) вопроси его о прилучившейся нашедшія печали; онъ же сказа и ей, како господинъ вину возло-

*) Изъ полууставной рукописи прошлаго вѣка.

**) Заключенное въ скобки поставлено по догадкѣ; въ рукописи эти мѣста вырваны. Рукопись начинается 5-ю главой; предъидущія, по видимому, утрачены.

жилъ: «даде ми во двоемъ на волю или вину дати или медвѣдя грамотѣ изучити; но обое тяжко и неудобно, паче же звѣря грамотѣ учити». Слыша сіе попадья рѣче ему: «Господине мужу! паче удобнѣе грамотѣ звѣря учити, нежели толику скорбь приняти, сирѣчь наказану быти; и азъ ти, сыне, сотворю не во многое время медвѣдя грамотѣ изучити». Попъ бѣдный весьма радъ бы(сть, слы)ша таковые глаголы отъ (жены) и вземъ у господина (медвѣдя), приведе въ домъ (свой. Жена) бѣдная прикормила прежде медвѣдя хлѣбомъ и пріучила къ себѣ и, пріемъ книгу, прокладывала между листовъ писаныхъ блинами и изучила медвѣдя блиновъ искати и листы превращати и мормкотати: и тако его за хлѣбомъ выучила книгу держати и листы превращати. Попъ, видѣвъ сію хитрость жены своей, подивися и приведе медвѣдя къ господину своему и показуя ученіе, посадивши медвѣдя, даде ему книгу. Медвѣдь, яко обычаенъ хлѣба искати, нача листы обращати и говорилъ по книгѣ по своему языку: «мру, мру, мру». Господинъ зѣло увеселися о семъ и вину попову остави. Того ради можеши молвить смѣлѣе: «жена хитрое зеліе, злѣе мужа своего» *).

2. Како жена мужа прелукавила. Глава 6.

Нѣкая жена, имуща мужа своего, и подъдаде себя иному. Прилучися же мужу ея узрѣти и, егда чужій мужъ обня оную жену и поцѣлова; и отъ сего въ сердцѣ его вселися болѣзнь немалая. И въ скоромъ домышленіи родъ женскій, жена, хотя сію скорбь изцѣлити и отвести мужа отъ печали и гнѣва, нача поститися и молитися и исправися, пойде каятися предъ нѣкоего священника; исповѣдася, возвести, яко, отъ мужа своего согрѣшаючи, прижила съ чужимъ сына себѣ. Священникъ, хотя то покаяніе будетъ таинственно, повелѣлъ ей вмѣсто всякаго исправленія сказати сіе мужу и просити прощеніе о своемъ нечестіи. Жена съ радостію заповѣдь прія и доблетвореніе таинству сицевымъ образомъ показа: нача хвалити своя дѣти, а мужу глаголати: «Како бы имъ боязнь дати и плача уняти?» И сіе изглаголавъ пойде испроси у нѣкоего мошкоры, а по нашему хари, съ великою сѣдою брадою и паки раздразня, егда начаша дитя плакати, рече мужу: «Вздѣнь мужъ, харю на ся и постращай дитя, да и впредь боятися будутъ». Мужъ, послуша, харю на себя вздѣлъ; она же, пріемъ дѣтища, принесе близъ мужа, стращая: «Иди прочь, дѣдъ; не дамъ тебѣ, не дамъ: не твое, дѣдушка, дитя, но инаго отца». И тако дитя ухранила, и покаяніе добрѣ

*) Разсказъ подобнаго содержанія въ Pfaffe Amis V, 181—315; въ Eulenspiegel, cap. XXIX и у Поджіо въ его Facetiis. См. Dr. Thomas Murners Ulenspiegel, herausgegeben von Lappenberg, p. 246. *Ред.*

сохранила и мужа отъ великія болѣзни избавила и таинственно показала веліе и дивное потреба науки.

3. Како баба діявола обманула. Глава 7-я.

Неская жена вдова не въ горѣ жила, имѣя домъ богатъ. Въ лѣто же едино бысть умноженіе веліе плодовъ земныхъ и толико у тоя умножися, — невозможно убрати наемники своими домовыми; и хотя еще принаняти, что не возможе убрати наемниками домовыми, и хотя еще принаняти не возможе. О семъ вдова оная впаде въ велію печаль и тако ходя и сѣтуя. По случаю же срете ю дьяволъ, вопроси: «О чесомъ жено печалуешися?» Она же вопроси: «Кто еси ты?» Онъ же отвѣща: «Азъ есмь дьяволъ.» И рече ему жена: «Воистину, дьяволе, въ пользу срется ты со мною, ибо имамъ на поли добра многа и хощу то управити, да все сіе будетъ въ гумнѣ моемъ; но наемниковъ принаняти не обретохъ. Прошу тя: помози ты мнѣ и все ми сіе въ гумно мое свози.» Отвѣща ей демонъ рече: «Аще весьма предаси себе мнѣ, то ни единъ работникъ будетъ ти потребенъ; единъ все сіе и, что восхощеши, сотворю тебѣ.» Жена отвѣща: «Добре глаголеши; на пользу мнѣ отдамся тебѣ, точію сотвори ми три вещи, ихъже ти повелю: первое съ поля безъ убытка пристрой хлѣбъ мой въ гумно мое, и второе грамаду дровъ переноси и переруби и, си сотворшы, пріиди: что третіе повелю сотворити, — повѣмъ.» Діяволъ, слыша отъ жены, сіе все исполни и той имать бо кони вертки и секеру остру: на годъ дровъ великую грамату переруби и переноси. «И сіе сотворишы, пріиди и что третіе творити повелю.» Діяволъ слыша отъ жены сіе все исполни: навозилъ хлѣбъ въ гумно весь свозилъ и пріиде къ женѣ вопросити ея, что третіе повелитъ творити. Жена окаянная зѣло громко п...етъ и рѣче демону: «Поймай тотъ часъ п...ень мой и свей ужище, еще мнѣ съ поля во ометъ сѣно возить; и аще ли сего не сотворишы, то безъ вины я есмъ, въ чесомъ тебѣ обѣщалася: се мое третіе слово исполни.» Діяволъ же весьма опечалился и въ той школѣ не бывалъ, гдѣ бы учили п...ѣнье сбирать и ловить и веревки изъ него вить. Думавъ много, отыде отъ бабы со стыдомъ. Такова то хитрость женъ! ибо самъ діяволъ посрамленъ отъ злой жены: чего демонъ не разумѣетъ, тожъ женская плоть умѣетъ.

4. Какъ жена мужа поминала. Глава 8-я.

Веси единыя житель умирая и завѣща женѣ своей продати вола по смерти своей и, еже за него возметъ что, раздати во имя божіе за душу его. Жена, видя кончину мужа своего, и зело плакася о немъ

и обѣщалася сіе сотворити: «и не точію сіе сотворю, но еще отъ своихъ утварей продамъ и дамъ о душѣ твоей.» И егда умре мужъ и погребѣ его, приведе быка продати во градъ, взяже и съ собою и кота домоваго продати. И пріиде рѣзщикъ, сирѣчь мясникъ, и нача вола торговати и вопроси: «Что дати?» Отвѣща жена: «Дай ми за него, господине, единъ грошъ за вола.» Удивися сему рѣзщикъ онъ; прилежно смотря на ню, вопроси: «Продаеши или глумишися?» Она же паки рѣче: «Истинно отдамъ за единъ грошъ; точію безъ кота не продамъ его, понеже положихъ слово кунно сихъ обоихъ продати во едино время.» И рѣзщикъ вопроси: «Что жь за кота дати?» Отвѣща жена: «Четыре златыхъ, меньше отнюдь не возьму.» Мясникъ размысли: «и аще котъ и дорогъ, но ради вола купити»,—и тако даде за вола грошъ, а за кота четыре златыхъ. Жена, пріемши цѣну, пріиде въ весь, идѣже живаше; и еже взя за кота, во удивленіе положи, а грошъ, иже взя за вола, по завѣщанію мужа отдаде во имя божіе за душу его.

ПОВѢСТЬ О СКВЕРНОМЪ БѢСѢ *).

Сообщена А. С. Павловымъ.

Повѣдаше намъ нѣкій старецъ, яко онъ отъ святыхъ отецъ слыша, глаголющихъ о нѣкоемъ отцѣ велицѣмъ, яко нѣкогда, ходящу ему по пустыни, видѣ бѣса, идуща мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ отъ главы и до ногу. И рече ему старецъ: «Гдѣ былъ еси, діаволе, и чего ради окалянъ гноемъ?» Отвѣща діаволъ: «На блудномъ дворѣ былъ и осквернихся отъ блудныхъ женъ». И рече ему старецъ: «Да почто не омылся еси въ рѣцѣ, или въ источницѣ?» Онъ же рече: «Не велитъ ми вышній Богъ». И паки рече ему старецъ: «Да поне бы въ блатѣ измылся?» Онъ же рече ему: «Запрещаетъ ми Богъ вашъ измытися въ немъ». Глагола старецъ: «Да поне бы въ колесницѣ?» **) Не велитъ намъ сквернити, понеже христіяне піютъ;

---

*) Изъ раскольничьей рукописи.

**) Въ колеѣ послѣ дождя.

повелѣваетъ ангелу водному (Апокал. 16,5) отгонити насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя насъ». Старецъ рече ему: «Да гдѣ можешь измытися?» Бѣсъ рече: «Пойду въ христіянскіе домы, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся. Они же послѣ мене пріимутъ болѣзни тяжки и кашлеве и трясавицы и иныя скорби». И сія рекъ, невидимъ бысть.

ПЯТЬ ДРЕВНЕРУССКИХЪ ПОУЧЕНІЙ *).

1. Повѣсть глаголетъ отъ избранныхъ словъ о праведномъ солнце і не внимающихъ божіихъ заповѣдей, иже людие другъ друга зовуще солнцемъ праведнымъ, льстящи себе.

Невѣденіе бо человѣку бываетъ злое бесогрѣшение, понежь явленъ грѣхъ малу вину творитъ; невѣдениеже отъ покаянія отлучаетъ: отъ невѣдения жь у человѣка ражаетъся непослушание, отъ непослушанияже исходитъ непокорение, отъ непокорения же бываетъ невнимание; непослушаниежь и прекословіе во глубину ада низводитъ; послушаниежь ізъ глубины возводитъ; покорениежь со вниманиемъ близь Бога поставляетъ. Невниманиежь божияго словеси во многия

---

*) Предлагаемыя поученія напечатаны по скорописной рукописи XVII вѣка, находящейся въ моей библіотекѣ. Всѣ они писаны, судя по одинаковости преобладающихъ въ нихъ литературныхъ пріемовъ, по манерѣ изложенія, однимъ лицомъ и, вѣроятно, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. На это указываютъ и содержаніе, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста поученій. Во второй половинѣ XVI вѣка латинскія новизны съ замѣтной силой вторгаются въ русскую жизнь, литературу, искусство и вызываютъ энергическое противодѣйствіе въ приверженцахъ православной старины. Вѣра въ звѣздозаконіе, планеты особенно развилась на Руси со второй половины XVI вѣка; тогда-то появились въ нашей литературѣ и планидники, и альманахи, и звѣздочетцы и другія гадательныя книги астрологическаго содержанія. Въ первомъ поученіи попадается фраза Стоглава (изъ гл. 2-й); въ послѣднемъ поученіи есть мѣсто, буквально сходное съ словами статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Мы напечатали его курсивомъ. *Ред.*

пути грѣховныя приводитъ и въ закоснѣние неподобное устремляетъ; снисканиеже божественнаго писания на пути божественныя возводитъ і самою истинну показуетъ и беззаконныхъ путей отлучаетъ і отъ неведения къ богоразумию привлачаетъ. Мнози бо въ невѣдении, аки во тме, шатаются, отъ неведѣніяжь не могутъ разумѣти грѣховныя совести. На всѣже грѣховныя сѣти далъ намъ Богъ разумѣти божественнымъ писаніемъ; отъ сегожь божественнаго писания показалъ намъ путь милосердый Богъ уклонятися во спасеную благодать. Въ настоящихъ же родехъ отъ невѣдения мнози отъ человѣкъ правду на лжу сводятъ и істину беззакониемъ совокупляютъ і благочестие съ нечестиемъ слагаютъ і многажды прилагаютъ свѣтъ ко тмѣ, понежь бо невѣдениемъ и неразсужениемъ мнози человѣцы благодатное слово въ ласкателныхъ словесехъ возлагаютъ на тлѣннаго человѣка. О сихъ же скажу вамъ, братіе; понежь бо глаголютъ человѣцы во лстивыхъ и въ ласкательныхъ словесехъ и во ономъ нѣкоторомъ прошеніі единъ по другому глаголетъ: «солнце праведное!» Отъ сегоже человѣческаго неразумия велми ужасается душа моя и трепещетъ во мнѣ духъ мой. И паки о семъ же глаголю вамъ, братия, и молю послушати сего со вниманиемъ, да скажу вамъ о семъ извѣстно: понеже бо солнце праведное именуется божие имя. О семъ же имени пророцы провозвѣстиша, праведное солнце Христа, Сына божія, прознаменоваша, і многие отцы святиі въ дохматехъ въ славу и хвалу именуютъ быти солнце праведное Христа Бога нашего: понеже бо самъ Господь о семъ глаголетъ пророкомъ Малахиемъ сице: «возсияетъ вамъ, боящимся имени Моего, солнце праведное». О семъ же Златоустъ глаголетъ во своихъ толкованіихъ: «взыде бо намъ, — рече, — солнце праведное, Христосъ отъ Мария по плоти: востокъ имя ему». Тожь въ тропари глаголетъ: «Звѣздою поучахуся тебе кланятися, солнцу праведному». И во иномъ пишетъ: «Солнце праведное ста въ чину своемъ». І инде глаголетъ: «Иже во тмѣ сѣдящимъ явися, солнце сый праведное, просвѣтити хотя». Индѣ пишетъ: «Вместо столпа огненаго праведное возсия солнце». Тажь Иванъ Дамаскинъ глаголетъ: «Понежь бо Богъ есть разумный свѣтъ, солнце праведное и востокъ въ писаніі именовася Христосъ». О томъ же толкуетъ въ евангеліі и въ неделю пятдесятую глаголетъ: «Богъ есть солнце праведное, якожь пишетъ, всѣмъ просто сияя, заря благости». И что много о семъ глаголати? Понежь бо во всѣхъ дохматехъ божественнаго писания глаголетъ солнца праведнаго Христа, Сына божия, и кроме того праведнаго солнца Христа, истиннаго Бога, не описуетъ быти праведнымъ солнцемъ никоего святаго, но токмо единаго Бога именуетъ быти праведное солнце. Въ настоя-

щемъ же времени мнози тлѣнни і скареднi человѣцы въ ласкателныхъ и во лстивыхъ словесехъ нарицаютъ другъ друга праведнымъ солнцемъ. Оле, оле таковое неудобное неразумие, и превозношение исчезающее и лесть непотребна! Како бо о такомъ словеси возможно помыслити? Или како вместитися нарещи тлѣнаго і скареднаго и грѣшнаго человѣка праведнымъ солнцемъ? Понежь бо таковаго словеси никоімъ святымъ не прилагаетъ быти. О семъ же самъ Господь глаголетъ Исаіемъ пророкомъ: «Во оныи дни взыдетъ солнце и будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный: іному никому славы моея не дамъ». Внимайтежь, любимицы, о семъ: како бо человѣцы скареднiі і смертни славу божию на ся возлагаютъ и христовымъ именемъ, рекше праведнымъ солнцемъ, другъ друга нарицаютъ, или рабъ господина молитъ въ ласкателныхъ словесехъ, въ нихъ же глаголетъ его праведнаго солнца. О Владыко! пощади душа наша за таковое невѣдение і не предаждь насъ окаяныхъ невѣрнымъ на поругание, таковаго ради словеснаго неизправления! Буди же намъ, Господи, славити Тебе, единаго праведнаго солнца, Христа Бога нашего: Ты бо ѐси Богъ нашъ, мыжь людие твои, Тобѣ, единому солнцу праведному, слава въ вѣки аминь.

По семъ же возвратимся на предняя. Понежь бо мнози въ человѣцехъ, отъ неразсужения і невѣдения именуютъ быти солнце праведное нами видимо, стоящее на крузѣ небеснемъ; азъ же вамъ глаголю о семъ: то бо есть никако не праведное солнце, понежь бо есть бездушно и безсловесно: огнено то бо есть существо отъ самаго Бога сотворенно бысть въ невещественномъ огни и наречено бысть самѣмъ же Богомъ свѣтило дневное; понежь сотвори его Богъ и постави его на тверди небесней и повелѣ ему свѣтити во дни на землю. Нарицаютъ же нѣцыі то свѣтило дневное чювьственымъ солнцемъ. Чювьственое бо праведное солнце ко свѣту прилагаютъ по сему: понеже бо чюемъ и видимъ, еже во свѣте дѣется или что сотворится. О семъ бо Спасъ нашъ глаголетъ: «аще кто ходитъ во свѣте, не подкнется; аще кто ходитъ во тмѣ, подкнется». Посему же свѣтило дневное сотвори Богъ и постави его на тверди небесней на просвѣщение дни, человѣческаго ради устроения; понежь человѣцы сами творятъ и видятъ и по тому всякое земное дѣло устроютъ, нощъ же человѣку на покой сотворена бысть. Солнцемъ праведнымъ свѣтила дневнаго никако не именуютъ быти; то бо есть именовано отъ некихъ солнцемъ чювьственымъ, а никакожь праведнымъ. Праведное же солнце по истиннѣ именую быти самаго истиннаго свѣта Христа, Сына божия: понежь самъ свѣтъ истинный, Христосъ, Богъ нашъ, праведный, на землю, взыскати заблудившихъ і спасти погибшихъ, отъ

высокихъ небесныхъ и свѣтлыхъ круговъ пришелъ есть, праведное солнце по истиннѣ: свѣтъ бо еси немерцающиі самъ Христосъ, истинный Богъ нашъ. О семъ же самъ глаголетъ: «Азъ есмь свѣтъ миру всему», отъ негоже источникъ исходитъ свѣту, і отъ того сотворяется всякая благостыня. Разумейтежь о семъ, любовная братия; никакоже не нарицайте другъ друга праведнымъ солнцемь, нижь самого царя земнаго, никогожь отъ властелей земныхъ не мозите нарицати праведнымъ солнцемъ: то бо есть божие имя, а не тлѣннаго человѣка. Царемъ же і всѣмъ властелемъ земнымъ дана бысть отъ Господа держава и сила отъ Вышняго, отъ самого Свѣта истиннаго, Праведнаго Солнца, Христа, Бога нашего. Выжь, земныя власти, накажитесь отъ Господа и работайте Господеви со страхомъ, приімѣтежь наказание о таковѣмъ словеси и велми храните себѣ отъ нарицания праведнаго солнца и простое чади не повелевайте себѣ нарицати праведнымъ солнцемъ, да не сведѣте себѣ гнѣвомъ отъ Господа. Воспомянитежь прежнихъ царей погибель, како страдали отъ Господа: за превозношение велию казнь отъ Господа воспріялъ Новходносоръ царь, понежь отъ человѣкъ отгнася и со звѣрми дивими живяше и траву, аки волъ, ядяше и отъ росы тѣло его обросте и власи ему, аки лву, возвеличаше; и ногти ему, аки птицамъ, возрастоша и изменися сердце его и сердце звѣрино дадесь ему, дондежь позна, яко владѣетъ Вышниі царствомъ человѣческимъ и, емужь хощетъ, тому и дастъ и вся ходящая со превозношениемъ можетъ смирити. По семъ же мнози і иниі цари различными казньми за превозношение такоже отъ Бога пострадаша. Выжь, благочестивиі власти, смирите душа своя и телеса предъ Господемъ нашимъ, Исусъ Христомъ, емужь слава во веки, аминь.

2. *Поучение сказуетъ о златицахъ и сребреницахъ, иже бываютъ у святыхъ иконъ въ прикладъ.*

Мнози бо во человѣцехъ тщатся святыя иконы украшати овіи златомъ, овиі драгимъ каменемъ, іниі жемчюгомъ. І всѣ человѣцы, любящиі Бога, такое дѣло творятъ въ честь и во славу Богу и пречистей его Матери і всѣмъ святымъ Его угодникомъ. Мнозижь человѣцы отъ неразумия прикладываютъ ко святымъ иконамъ златицы, на нихъже бываютъ латынскихъ королей вображение; а на иныхъ златицахъ бываютъ написаны імена бусорманскихъ царей. Такихъ же златицъ съ латынскимъ воображениемъ и зъ бусорманскими имены прикладывати ко святымъ иконамъ и образомъ никакожь не достоитъ; понежь святая соборная и апостольская церковь латыни и бусорманы

отлучаетъ, занежь Латыни бываютъ отметники образа христова, бусорманыжь бываютъ враги креста христова. Разумейтежь сие, како возможно вместити въ церковь господню латынское воображение и отреченное бусорманское имя. О семъ же пишетъ божественно писание, понежь не повелеваетъ случати честнаго съ недостойными. Глаголетъ бо Господь Иеремѣомъ пророкомъ: «Аще отлучиши честнаго отъ недостойнаго, будеши бо, яко уста моя і устрояются въ любимыхъ моихъ». Виждь, любимиче, разумей по сей повести. По сему же и образъ господень и пречистые Богородицы, святъ бо есть и честенъ и прочихъ угодниковъ господнихъ; такожь и каноны по Бозе святи и честни бысть. А латынское воображение и бусорманское имя отречено есть и проклято. А на златицахъ тѣ отреченные имена многажды бываютъ отъ неразсудныхъ человѣкъ въ прикладе у святыхъ иконъ, въ почтение. Како бо возможно такия златицы присовокупляти ко святымъ иконамъ въ почесть и случати честная съ недостойнымъ? Никако не подобаетъ. Въ настоящихъ же родехъ множество случаютъ недостойныя златицы съ честными иконами. О семъ же приведу вамъ свидѣтеля апостола Павла, глаголюща: «кое бо причастие правде и беззаконию или кое обшение свѣту ко тмѣ?» кое согласие Христови и Велиару или кая часть вѣрну съ невѣрными? или кое сложение церкви божиі со идолы? О семъ же непщую быти, понежь съ латынскимъ воображениемъ златицы подобни судь идоломъ: понежь въ древнихъ родехъ такожь храбрыхъ человѣкъ и богатырей дѣливали воображение златые и сребреные,—и то убо суть идоли; нареченижь по сему идолскому воображению златицы съ латынскимъ воображеніемъ и з бусорманскими имяны отнюдь не подобаетъ прикладывати у святыхъ иконъ. О семъ же Спасъ нашъ показалъ во своемъ вочеловѣчениі. Егда принесоша къ нему златицу нѣцыи данную и рече къ нимъ: «Покажите ми златицу, чиі образъ есть и надписание?» О нижь рекоша: «Кесаревъ». Онъ же рече имъ: «Воздадите кесарева кесареви, а яже божие Богови». О томъ же пишетъ въ паторице видѣние отца Евлогия: «понежь ангели господни подаяху исходящимъ изъ церкви мнихомъ отъ пѣния молитвеннаго овымъ. златицы, на нихже воображенъ образъ владыки нашего Христа, на инѣхже крестъ господень». По семуже и намъ, братие, подобаетъ творити. Ащели кому благоволитъ Богъ принести въ церковь господню златицу или сребреницу въ честь и въ славу божию ко образу господню, или богородицыну, или коему святому или святей, подобаетъ же на ней вообразити образъ господень или пречистые Богородицы или крестъ господень, по евлогиеву видѣнию. Съ таковымъ бо спасовымъ воображениемъ довлѣетъ златицы или

сребреницы прикладывати ко святымъ образомъ во украшение. О семъ же пространнее выше рекохомъ и положихомъ писание о томъ отъ различныхъ главъ въ разсуждение и пользу христоименитымъ людемъ.

3. *Отъ избранныхъ словъ о крестномъ знамении.*

Возлюбленніі! не будемъ враги креста христова, не попираемъ крестнаго знамения ногами своими: і многажды бо по путемъ лежитъ на крестъ древцо или иная которая вещь, крестомъ назнаменуетца и по земли лежитъ. О семъ бо человѣкомъ много извѣстно и сея же заповѣди человѣцы отнюдь не тщатся исправити. О семъ же отческая правила велми претятъ, ежь чрезъ крестнаго знамения ходити или буди на чемъ кресты нашиты, отнюдъ на томъ не повелеваютъ сидѣти, или крестомъ какия вещи дѣлати во древцехъ, или въ лычнахъ, или въ чемъ ни буди, вязати на крестъ и метати простоты ради на землю. О семъ же велми запрещаютъ правила 6-го собора глава 73, глаголетъ бо сице: «Иже крестъ на земли написанъ будетъ или сложенъ, да погребенъ будетъ или разверженъ.» Внимайтежь о семъ, любимицы, і не уклоняйтеся на такую простоту, еже ходити кому чрезъ крестное знамение: аще бо видите,—на пути лежитъ древцо на крестъ или какая иная вещь, выжь, избранницы божиі, всѣ православниі християне, потшитеся исправляти по правиломъ святыхъ отецъ, якожь выше писахомъ вамъ. Понежь бо, аще на земли кая вещь на крестъ лежитъ назнаменованна, и то бо мѣсто загладити; аще ли въ простоте что на крестъ лежитъ, ту бо вещь развергни; и не мозите мимо проходити, не исправя такие любо вещи на земли, на крестъ лежащие, да не будетъ крестное знамение неразумнымъ человѣкомъ въ попрание и скоту въ поругание. Молюжь васъ, любимицы, и колѣномъ вашимъ касаюся: Господа ради потшитеся такую вещь исправляти, все бо творимъ божия ради любви и страха ради господня. Аще ли кто учнетъ тако творити и исправляти во истинну, таковый наречется истинный християнинъ и за такое исправление велию себѣ изду восприіметъ отъ Бога. Аще кто видитъ на которомъ неудобномъ мѣсте крестъ начертанъ, или древо на крестъ лежитъ, или какая иная вещь крестнымъ знамениемъ на земли явится воображена,—и кто будетъ чрезъ таковое крестное воображение ходитъ и того крестнаго знамения не исправляетъ, якожь выше писахомъ, таковый убо уподобися невѣрнымъ обычаю и наречется таковый рагатель крестному знамению. Вѣсте ли, братие: понеже крестнаго знамения бѣси трепещутъ и такова мѣста велми отбегаютъ: понеже гдѣ бываетъ мѣсто, крестомъ назнаменовано; о семъ же въ

паторице пишетъ. Глаголетъ бо сице: «Нѣкиі жидовинъ идяше путемъ и нача обнощевати во идолскомъ требищи. І въ то время помысли вѣру християнскую и отъ бесовскаго мечтания прекрести себя крестнымъ знамениемъ. Въ тужь нощь во идолское сошедшеся множество бесовъ, и узрѣша жидовина лежаща, и приступиша къ нему бѣсове, глаголюще о немъ: «сей бо сосудъ нечистъ лежитъ да крестомъ покровенъ». Сегожь ради крестного знамения не могуще ему бѣсове никаковы пакости сотворити. О семъ же во утреннiі день самъ жидовинъ вся подробну сказалъ и сея*) ради вины крестися во имя господне». Выжь, любимцы, разумейте крестную силу и честь, такия жь ради вины не мозите наступати на пути на таковую вещь, что любо крестнымъ воображениемъ на земли лежаще; і въ томъ да не будемъ въ приобщение языкомъ, незнающимъ Бога; и тщитеся всею душею о томъ исправляти, якожь выше рекохомъ. Богу нашему, на крестѣ распятому и воскресшему изъ мертвыхъ, слава во вѣки. Аминь.

4. *Слово учително наказуетъ о въровавшихъ въ стрѣчю и въ чехъ* **).

Подобаетъ же намъ, братие, на всякомъ мѣсте молитву творити; аще ли въ путь идемъ или на мѣстѣ сидимъ, имяжь господне всегда да не исходитъ изъ устъ твоихъ. Глаголи же сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божиі! помилуй мя грѣшнаго». Писано бо есть: «Проклятiи суть уклоняющеися отъ заповедей господнихъ». О сихъ же апостолъ пишетъ: «Не любите мира и яже неподобная въ мире: аще кто неподобная въ мире любитъ, врагъ бываетъ Богу». Сеже и меню быти неподобная въ мире вѣрование въ стрѣчю и въ чехъ и во птичей грай. О томъ же апостолъ глаголетъ «О братие! блюдитесь, да никтожь васъ будетъ прелшая хитростию и тщетною лестию по преданиемъ человѣческимъ, по стихиемъ мира сего, а не по Христе Исусе; никтожь бо себѣ да прелщаетъ, аще кто мнится мудръ быти, тако бо въ вѣце семъ буй да бываетъ. Тѣмъ же да никтожь хвалится въ человѣцехъ: Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. И не бывайте удомъ преложени ко иному ярму, якожь невѣрниі; никтоже васъ льститъ суетными словесы, сихъ бо ради приходитъ гнѣвъ божиі на сыны непокоривыя.» Мыжь, любимцы, покоримся Богу и поидемъ въ слѣдъ святыя его заповеди, отже-

*) Въ рук.: *сия*.

**) Это слово находится также въ полууставной рукописи Новгородской Софійской библіотеки № 1428, л. 520.

немъ отъ себе богомерзкия помыслы; понежь бо есть лучши Бога истиннаго познати и имя святое Его прославляти, нежели въ стречю и въ чехъ вѣровати: сия бо есть прелесть, а не божие предание, нижь святыхъ отецъ повелѣние. Мнози бо человѣцы тщетною прелестию вѣруютъ во стрѣчи, и въ чехъ, и во птичей грай и во всякая мечты бесовския,—и тѣ послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающимъ Бога, отъ нихже такая прелесть во православие преселися. О любимицы! внемлите себѣ о семъ прилѣжно, понеже подобаетъ просити совести благи у Бога, аще хощетъ воля божия быти во всемъ, нежели злотворящимъ совестемъ послѣдовати и вѣровати во стрѣчю и въ чехъ и во птичей грай. Таковажь прелесть и такое неподобное вѣрование никакожь во християнехъ именуется быти. Довлѣетъ же намъ быти по апостолу, — волю невѣрныхъ языкъ отложити: понежь встрѣчная и чеховная прелесть невѣрныхъ языкъ увѣрение, вѣрнымъ же о семъ божественная писания нигдѣ не описуетъ быти. Въ такихъ же прелестехъ невѣрнiи языцы ходятъ и симъ же неподобнымъ похотѣмъ мнози вѣрнiи прилепляются; понежь осуетишася помышлении своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Человѣче! потщися по апостолу себѣ искусна во всемъ поставити предъ Богомъ дѣлателя непостыдна, правяще слово истинное; буихъ же и ненаказанныхъ стязанiи отрицайся. Мнози бо неразумнiи и ненаказаннiи *) человѣцы увѣряютъ себе въ стрѣчю и въ чехъ и тѣмже бесовскимъ помысломъ повинуются; симижь помыслы явственне бесове отводятъ насъ отъ Бога и Духа Святаго отъ насъ удаляютъ, понежь Духъ Святый дѣйствуетъ во священницехъ и въ дьяконехъ и во мнишескомъ чину и во братiи христове, рѣкше въ нищихъ: такiи бо чини отъ Бога всѣ благословени суть. Мыже тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣче гнушаемся, и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣче и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношениемъ. О окаяннiи человѣцы! разумейте о сихъ благословенныхъ чинехъ; азъ вамъ о тѣхъ чинехъ отъ апостола покажу, понежь буя мира, и немощная, и худородная и уничиженная мира избра Богъ, а крѣпкия, и премудрыя и силныя посрами и упраздни и уничижи Богъ, да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ. О священницехъ же апостолъ глаголетъ сице: «Прилежащая попы добре сугубыя чести да сподобляются отъ Бога, отъ нихже по благодати Святаго Духа мы приемлемъ тѣло и кровь христову и покаяниемъ разрѣшение грехомъ нашимъ приемлемъ, отъ нихже обновляемся». Апостолъ же глаголетъ: «Старцу не твори пакости, но утешай, яко

*) Въ рук: *несказанныи*.

отца; старица, яко матере». Разумейже, человѣче, о такихъ чиноѣъ: коль велицы именуются у Бога! Мыжь, окаянствомъ своимъ и встрѣчною прелестию, такихъ чиновъ на первой стрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся, и уничижаемъ и укоряемъ ихъ, яжь самъ Богъ возлюби. Мнози же отъ человѣкъ сему встрѣчному помыслу и прелестному повинуются. Разумей же о сихъ: понежь бо аще кто на первой стрѣче гнушается священническаго чина, той бо божия служителя гнушается, понежь бо иереи образъ господень носятъ въ службе; нарицаютъ же ся иереи плотяні серафими, понежь Господа на главѣ своей носятъ: по сему же иерейская почесть къ Богу восходитъ. По сихъ же аще ли кто въ первое стрѣтение срадитъ мнишескаго чина и образа, той бо посмражаетъ инока, плотнаго ангела божия, понежь мниси подобие носятъ ангелскаго образа. По сихъ же аще кто укоряетъ на первое встрѣтение нищая и худородная, то Бога укоряетъ и братию христову, ихъже самъ Господь нарицаетъ нищихъ—меншую свою братию. По сихъ же всѣхъ аще ли кто первыя ради встрѣчи укоряетъ какова либо богоугодника человѣка, той убо укоряетъ образъ подобия божия, понежь самъ Господь о человѣце глаголетъ: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобию». Внимайтежь, любимицы, о сихъ всѣхъ и не бывайте мудри о себѣ и не прилепляйтесь лукавому и прелестному бѣсу: той бо всѣваетъ въ человѣки на уверение встрѣчныя и чиховныя и всякия злыя помыслы. Тыжь, рабе христовъ, въ то время вооружайся крестнымъ знамениемъ и призывай имя господне и рцы сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божиі! помилуй насъ». Глаголетъ бо апостолъ: «Всякъ, иже призоветъ въ кое аще время имя господне, спасется». По сихъ же молю васъ, любовная братия, блюдитесь творящихъ распря и раздоры, понеже въ тѣхъ неподобная совершается. Посемужь встрѣчныхъ и чиховныхъ и всякихъ злыхъ помыслъ возненавидимъ всякимъ нравомъ,—молюся,—угодимъ же Богу правою вѣрою и чистымъ житиемъ, славяще святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа ныне и присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

5. *Поучение къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ рожение мѣсяца, и въ каполнение, и въ ветохъ и въ преходяя звѣзды, и во злые дни и часы.*

Многажь милость и неизреченны щедроты и человѣколюбие явися на насъ великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, понежь бо свыше отъ небеснаго востока осия насъ Солнце Праведное и показа намъ пресвѣтлую лучу, обоженную плоть, еже есть Сынъ божиі. И родися безъ сѣмени отъ пречистыя матере своея зачатиемъ Святаго

Духа и со человѣки на земли поживе и снабди весь родъ человѣческиі своимъ животочнымъ источникомъ, животворящею кровию и водою, и омый преступление адамле, и насъ избавитъ отъ неправеднаго греха и свободи насъ отъ насилья дьяволя. Насилиниежь дьяволе сотворяется отторгновениемъ отъ Бога и склонениемъ во злочестивыя и богонеугодныя дѣла, еже и бысть во древнихъ родехъ человѣкомъ, по своимъ волемъ ходящимъ и внимающимъ бесовскимъ прелестемъ,— еже бо кумирослужению работаху и тварь паче творца почитаху и служаху небесному движанию и поклоняющеся овиі солнцу, иниі мѣсяцу, иниіже звездамъ внимаху, иниіже камениемъ жруще, иниі ко іточникомъ и ко прочимъ водамъ приходяща и жертву бесомъ творяху. Таковаго же неистоваго дѣла не терпяще зрѣти Неусыпающее Око и воспомяну дѣла руку своею и своего создания, еже человѣческаго существа не остави во гресѣхъ погибающаго и возрѣ на насъ грѣшныхъ своимъ пресвѣтлымъ солнцемъ, и сниде отъ небесныхъ круговъ къ намъ на землю немерцающее Праведное Солнце и показа намъ пресвѣтлую свою лучу, еже есть обоженую и нетлѣнную плоть, и тѣмъ обнови отъ прежняго греха и преступления прадеда нашего Адама и насъ избавляетъ отъ смерти грехопадения и животъ вѣчный намъ даруетъ. И сотре Христосъ Богъ нашъ насилие дьяволе и вся сосуды его лукавыя и сѣти неприязненыя сокруши и себе великаго Бога и единаго Творца во всю вселенную показа Христосъ, истинный Богъ нашъ. Мы видѣхомъ свѣтъ истинный небесный, еже есть, отъ небесъ Бога въ плоть пришедшаго; и родися отъ Духа Свята отъ пресвѣтлыя и браконеискусимыя чистыя Дѣвы, отъ негоже мы обретохомъ вѣру истинну: та бо насъ спасаетъ. По семъ же отъ писания сказую и предлагаю вамъ, любимая братия, неразумныхъ человѣкъ прелесть, понеже воспоминаю древнее человѣческое злонравие, о нихъ же выше рекохомъ. Посемужь и въ нынешнихъ родехъ неистовыя человѣцы забываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злонравному обычаю, понеже нынѣ, въ настоящемъ времени, мнози неразумниі человѣцы оплазивымъ своимъ разумомъ вѣруютъ въ небесное движание, рекше во звѣзды и въ мѣсяцъ, и разчитаютъ гаданиемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, рожение мѣсяцу, рекше, молоду; иниіжь усмотряютъ полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворяютъ; иниіжь изжидаютъ ветхаго мѣсяца; иниіже ущерба, сирѣчь перекроя; иниіжь ходятъ по звѣздному хожению, такоже гаданиемъ исчитаютъ добрыя часы и злыя. И мнози неразумниі человѣцы увѣряютъ себѣ тщетною прелестью и облачаютъ себѣ неистиннымъ разумомъ: понеже бо овиі дворы строятъ въ нароженике

мѣсяца, иниіже храмины созидати начинаютъ въ наполнение мѣсяца; иніі бо въ тажь времена женитвы и посягания учрежаютъ. И инози баснословнемъ своимъ, по томужь мѣсячному гаданию, уверяючи себѣ неистовымъ разумомъ, и земная сѣмена насаждаютъ и многия плоды земныя устрояютъ. И тако неразумніі человѣцы несвершеннымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ преходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хожениі мятутся и гадание творятъ по сему, понеже безумніі людие вѣруютъ въ дванадесять преходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ болшихъ планидъ, въ нихъ же невѣгласи вѣруютъ и волхвуютъ, понеже *ищутъ дней рожениі своихъ и сановъ получение, въ нихъ же ищутъ рока житию и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней* *) *въ службахъ и въ купляхъ, и въ ремеслехъ и выныхъ строениіхъ. Симъ же дѣломъ безумніі человѣцы, оставя божию помощь, и уклоняются въ развращенная, а не вѣдуще, яко нѣсть се божие повелѣние, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ предание, но богопенавистно и мерзко бысть Богу такое окаянное дѣло, второе бо идоловѣрие именуется* **), занеже еретицы отъ бѣсовъ такиі плевель всѣяша невѣгласомъ и неразумнымъ и бунимъ душамъ на пагубу. По семуже окаянному дѣлу безумніі уклоняются на греховную себѣ спону, понеже добрыя дни и злыя часы исчитаютъ по семужь мѣсечному хожению и звѣздному. Сия же человѣцы тѣмъ умъ свой погубиша и въ таковыя прелести себѣ погрузиша и осуетишася умы своими и не познаша истиннымъ разумомъ божественнаго писанія; понеже неизреченная мудрость Сынъ и Слово божие самъ проповѣдуетъ ученикомъ своимъ и глаголетъ: «Нѣсть ваше разумети времена и лѣта, яже Отецъ положи своею областию». О томъ же благовѣщанная уста и Богомъ избранный сосудъ, апостолъ Павелъ вопиетъ и глаголетъ сице: «Тако вы возвращаетеся паки на немошныя и худыя стихия, имъ же паки свыше служити хощете, дни смотряюще, мѣсяцы и времена и лѣта». Внимайтежь, о вселюбовная братия, колико намъ заповѣдуетъ Духъ Святый не уповати на немошныя и худыя стихия и не повелеваетъ вѣры прилагати къ худымъ и немошнымъ стихиямъ, рекше небесному движанию. Небесноежь движание именуется солнце и мѣсяцъ и звѣзды: движими суть отъ ангелъ божиімъ повелѣниемъ за человѣческое спасение, а не сами о себѣ движутся. О семъ же обновляетъ свидѣтель небесному движанию, ижь до третиего небеси

---

*) Въ рук: *казней*.

**) Курсивомъ напечатанное сходно съ однимъ мѣстомъ статьи *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*.

восхищенъ бысть, апостолъ Павелъ и нарицаетъ по своему свидѣтелству солнце и мѣсяцъ, луны и звѣзды худую и немощную тварь. Мыжь да глаголемъ: «по истинне бо есть такъ», и о семъ по благодати Святаго Духа явственне известимъ и въ разумное сказание положимъ: понеже бо солнце и мѣсяцъ и звѣзды бездушны и безсловесны суть и помощи и власти отнюдь никакия не имѣютъ и плода никакова не творитъ ни добраго, ни злаго, понеже бо не воздаютъ добрымъ добраго, ни злымъ злаго. Сотворенымъ бысть солнце и мѣсяцъ и звѣзды великимъ Богомъ отъ невещественаго огня, рекше отъ негасимаго, понеже бо негасимый, рекше невещественный огнь, по божию створению горитъ самъ себѣ, безо всякия вещи и бесъ прикладу: отъ сегожь огня сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды и постави ихъ на тверди небесней своимъ великимъ божіимъ промысломъ и повелѣ имъ свѣтити по земли, солнцежь постави на просвещеніе дню, мѣсяцъ же и звѣзды постави на просвещеніе нощи. І ныне солнце и мѣсяцъ и звѣзды по сотворению создателеву изначала и до сего времени во единомъ огненемъ существѣ пребываютъ, и ничтожь ино светится въ солнце и въ мѣсяце и во звездахъ, токмо огнь единъ; горитъ же и свѣтитъ надъ земнымъ лицемъ беспрестано божіимъ повелѣниемъ. О семъ же во псаломнице глаголетъ: «Ты соверши заря и солнце, луну и звѣзды, яжь ты основа; яко той рече и быша, той повелѣ и создашася». Безумніі же человѣцы осуетишася умы своими и не познаша твари божия истиннымъ разумомъ, понеже вѣруютъ волхованию и еретическому обычаю и нечестию и прилагаютъ вѣру къ бездушному и къ бесловесному огню, занеже смотрятъ на мѣсячная времена и звѣздное хожение потребныхъ ради миролюбныхъ дѣлъ. О семъ же явствение выше рекохомъ. Сегожь божия здания не разумѣша буи человѣцы, о нихже въ подобу притча глаголетъ: «понеже въ лукаву душу не внидетъ премудрость». Слышитежь и ужасайтеся, ангели бо, бесплотнаго словеснаго естества суще, божественными просвещими и осиянні богатнѣ всего наслажаются, но і тиі бо ничтожь боле свѣдуще отъ будущихъ, развѣ елико открыетъ имъ Духъ Святый. И како бо звѣзды, бездушнаго естества и неразумнаго и глухаго суще, предувѣдателныя силы нѣкия сущи причащаются и власти таковыя, яко бо и житія наша жеребствовати і силою влещи къ добродѣтелемъ и къ злобамъ? Но во истину глухи и неразумны отнюдь исповѣдавшаго и приемлюще горшему ослеплѣнию. О чомъ же бо глаголетъ отъ соборнаго послания Петра апостола: «Понеже приидетъ день господень, яко тать въ нощи», вонже убо небеса мимо идутъ съ шумомъ, стихия же сожигаемы разорятся, земляжь и вся, яже на ней, дѣла згорятъ; симъ убо всѣмъ разоряемо

чающе быти пришествия божиего дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихия опаляеми растаются. Внимайтежь о семъ: понеже небеса и свѣтила, рекше солнце и мѣсяцъ и звѣзды, гдѣ тогда обращутся? Нынеже невѣгласи укоряютъ себѣ отъ такихъ прелестей восприяти велие приобрѣтение по внѣшней хитрости, за такую жь прелесть сами геоньскимъ огнемъ осудятся. О нихъ же: кая, рече, звѣзды соблюдающе и мѣсяцы исчитающе, і се быша яко стеблие: огнь сожже ихъ и не избавятъ души своея отъ пламени огненаго. О сихъ же Григорие Богословъ глаголетъ, яко непотребна суть звѣздная плетения і образы, имиже губятся промыслы рождения, и рождение и инна таковая вся оплева. Внимайте, братие, о семъ, понеже намъ прелестнаго разума отнюдь довлѣетъ всякимъ нравомъ удалятися; подобаетъ же намъ, братие, своею истинною и зъ горящею любовию божия помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлехъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати. Творитижь намъ и строити полезно есть и спасено всякое дѣло во имя господне, силенъ бо есть Богъ во всяческихъ и дивенъ Господь во всѣхъ дѣлехъ своихъ и преподобненъ во всѣхъ чюдесехъ своихъ и близь Господь всѣмъ, призывающимъ Его. По семужь, любимцы, намъ всемъ серцемъ Бога славити и благодарити во всякомъ дѣле и призывати на помощь Творца нашего, Бога и Господа Исуса Христа; понеже бо велиі Господь нашъ и велия крѣпость Его и разуму Его нѣсть числа. Всяже тварь небесная и земная трепещетъ единаго владыки Творца небеснаго, Бога Господа нашего Исуса Христа. Намъ же, братие, не буди упование имѣти на немошныя и худыя стихия, ниже имамы вѣру прилагати бездушному и безсловесному огню, рекше солнцу и мѣсяцу и звездамъ, понеже бо они въ существѣ огненомъ пребываютъ, о нихже яснѣе выше писахомъ. Буди же намъ, братие, во всякомъ дѣле славити и величати утро и вечеръ, и въ полудне и во всяко время Творца нашего, въ Троицы единаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. А о днехъ и часехъ злыхъ гдѣ въ которыхъ книгахъ обретается или кая святая повесть о томъ явствено глаголетъ? Псаломницажь глаголетъ сице: «Твой есть день и твоя есть нощь», дни же злаго и часа ни единого не сказуетъ. Такожь и иная святая писания глаголетъ: «На всякъ день благословлю тя, Господи; и день пребывъ, благодарю тя, Господи!» О зломъ же дни и часѣ ни единыя повѣсти не дѣетъ. По семужь мнози святиі отцы на соборехъ кругъ годовой изъяснили, злагожь дни и часа ни единого не показали. Такожь и Иванъ, златоглаголивая уста, духомъ святымъ составиі молитвы по часомъ дневныя и нощныя, і въ тѣхъ молитвяхъ не рекъ злаго ни единаго дне, ни часа. Потомужь святый ангелъ предаде молитвы святому Пахомию

і повелѣ ему творити молитвы на кніждо часъ и не рече злаго ни единого часа. По семужь и во многихъ гранесахъ пишетъ і глаголетъ сице: «на всякъ часъ благодарю тя, Господи!» Злагожь часа нигдѣ не обретаю въ божественыхъ писаніихъ; но токмо баснословцы укоряютъ быти днемъ и часомъ злымъ и добрымъ; насъ же, милосердый. Боже, избави отъ толикия прелести и научи насъ во всякиі день и часъ творити волю Твою! Посемъ же молю васъ, любовная братие: бежимъ и возненавидимъ неудобныя и отреченныя прелести и отвратимся вѣрованія въ небесная движанія, рекше въ мѣсяцъ и звѣзды, и угодимъ Богу чистою и несумненною вѣрію, и дѣлы добрыми и благоудными обрящемъ себѣ вѣчную жизнь и наслѣдие царства небесного, егожь буди всѣмъ намъ получити о Христѣ, Бозе *нашемъ, емуже слава и держава во вѣки векомъ. Аминь* *).

ПУТЕШЕСТВІЕ ИНОКА МИХАИЛА ВО СВ. МѢСТА **).

Сообщено А. С. Павловымъ.

«Путешествіе инока Михаила во св. мѣста, гдѣ святые отеческіе монастыри, патріархи и митрополиты, по Христову словеси: се азъ съ вами есмь до скончанія вѣка. — Ходъ: Отъ Москвы на Казань, на Екатеринбургъ, на Тюмень, на Камскій (?) [1]), на Барнаулъ [2]), на Небенской верхъ, по рѣкѣ [3]) Катунѣ, на Красноярскъ. Тутъ деревня Ай и тутъ часовня [4]). И деревня Устюба къ рѣкѣ, и тутъ въ Устюбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова. И пещеръ тутъ множество; отъ пещеръ снѣговая гора на триста верстъ: отъ Адама ледъ стоитъ въ своемъ виду и никогда не таетъ. За го-

*) Слова, напечатанныя курсивомъ, приписаны позднѣйшею рукою, такъ какъ заключительная строка этого поученія была утрачена.

**) Въ статьѣ П. И. Мельникова *Раскольническіе архіереи* (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., № 4, стр. 624) напечатано это произведеніе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Путьшественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшемъ въ Опоньскомъ царствѣ.*» Списокъ, нами печатаемый, короче списка г. Мельникова и авторомъ путешествія называетъ не Марка, а Михаила. Варіанты, относящіеся къ именамъ мѣстъ, заимствуемъ изъ списка г. Мельникова.

Ред.

[1]) Каменогорскъ.

[2]) Выберяуиъ деревню.

[3]) На Избенскъ вверхъ.

[4]) Этой фразы нѣтъ.

рою деревня Димонская [1]), въ той деревнѣ часовня и обитель, а настоятель инокъ схимникъ Іосифъ. Отъ той обители есть ходъ сорокъ дней со отдыхомъ чрезъ китайскую землю и четыре дни (чрезъ) Куканію [2]), потомъ въ Японское царство. Живутъ въ губѣ окіана-моря, мѣсто, называемое Бѣловодье, и озеровъ много и семдесятъ островов. Острова есть по шести сотъ верстъ, и между ихъ горы. — О Христѣ подражатели соборной Апостольской церкви! Прошу прямымъ образомъ, безо всякой лести: тамо антихристъ не можетъ быть и не будетъ. А лѣса темные, горы высокія, разсѣлины каменныя. А народъ отъ Россіи особенной, а воровства никогда не бываетъ. Аще китайцы были бы всѣ христіане, то ни едина бы душа не погибла. Вѣру ми имите, любители христовы: градите; повѣрьте Іоанну Богослову: За женою змій испусти воду, и разсѣдеся земля и пожре воду, а женѣ Богъ помоглъ: дадеся два крыла и парить въ пустыню, и препитана будетъ время и времена и полвремене, то есть 42 мѣсяца, — вѣдомо есть, — толкуютъ еретицы, но противно Христу. Ассиріяне отъ папы римскаго гонимы были и изъ своей отлучились пять сотъ лѣтъ, а прінсковали мѣста два старца. Церквей христіанскихъ ассирійскихъ до сту, а патріархъ антіохійскій и 4 митрополита и всѣ особы духовныя существуютъ неизмѣнно и нерушимо, а россійскихъ 40 церквей и 4 митрополита занялись отъ патріарха ассирійскаго, отлучились отъ своихъ мѣстъ отъ лѣтъ Никона патріарха. А проходъ ихъ былъ отъ Изосима и Савватія соловецкихъ коряблями чрезъ ледовитое море. Такимъ же образомъ отцы посылали изъ монастыря Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. А сей памятникъ писанъ тѣмъ самымъ, который тамъ самъ былъ, а имя мое многогрѣшный инокъ Михаилъ. Аминь.

---

[1]) Уньменска.

[2]) 44 дни ходу чрезъ Губань.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ УКУШЕНІЯ ЗМѢИ.

Сообщенъ П. П. Барсовымъ [1]).

Святый Боже! ба́словъ! [2]) Святый Боже! ба́словъ! Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, на крутомъ ра́ви, на морѣ-окіанѣ, тамъ стоитъ игруша; на той грушѣ 700 дубцевъ, 700 кокотовъ [3]), на тѣхъ кокотахъ змѣиное гнѣздо, а въ томъ гнѣздѣ змѣя-змѣица, всѣмъ змѣямъ царица, Катерина-Ригатуха. Прихожу я рабъ божій, *имрекъ*, къ тобѣ-змѣѣ, Катеринѣ-Ригатухѣ, отъ Господа Бога, отъ большаго брата, отъ большей сестры: «Собери ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасы, и вынимай ты съ *такого-то* раба свой златъ зубъ маковымъ зерномъ, ховинымъ [4]) перомъ. Коли соберешь ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасы, и вымешь ты свой златъ зубъ съ *такого-то* раба: то я прощу тобѣ со всѣми твоими змѣями, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасъ; а не вымешь ты свого злата зуба, то я тебя закляну со всѣми твоими змѣями, что есть у тебя въ свѣтѣ тридевять покрасы; а не я тебя закляну, заклянетъ тебя Господь Богъ и Михаилъ архангелъ животворящимъ крестомъ. Собирай рѣчныхъ рѣчницъ, озерныхъ озерницъ, земляныхъ земляницъ, травяныхъ травяницъ, боровыхъ боровницъ, лѣсовыхъ лѣсовицъ, кустовыхъ кустовицъ, полевыхъ полевицъ, копныхъ копницъ, межевыхъ межевицъ, дворовыхъ дворовицъ, варковыхъ варковицъ, гноевыхъ гноевицъ и ползучую, и бѣгучую, и летучую, и ярую, и переярую и веретеницу и сереновицу. Святый Боже! ба́словъ! Мать Пречистая! ходи ко мнѣ на́ помо́чь. Ангелъ на радощахъ!» Выползала змѣя съ боло́нья, съ лукоморья, съ зеленой и съ сырой земли и укусила змѣя *такого-то* раба за бѣлое тѣло. Идетъ Мать Пречистая, еверь качаетъ; изъ этого раба змѣиные зубы выбираетъ: «Выпадьте зубы изъ *такого-то* раба изъ бѣлаго тѣла, и утихни есель [5]); а я, Мать Пречистая, стала на́ помо́чь и *такого-то* раба ангелъ на радощахъ!»

---

[1]) Записанъ орловской губ. трубчевскаго уѣзда въ селѣ Котовкѣ. [2]) Благослови. [3]) Сучьевъ. [4]) Совинымъ. [5]) Опухоль.

ДВА РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХА.[1])

Сообщены Н. Н. С-ымъ.

1. Пѣснь умильна Лаврентьева монастыря.

Боже! пріидоша времена до насъ,
О нихъ пророкоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжища;
Нынѣ ужь тамъ нѣтъ прибѣжища.
Разсылаютъ насъ, разлучаютъ насъ...
Ради бъ неразлучно идти за Кавказъ.

---

[1]) Первый изъ напечатанныхъ здѣсь стиховъ взятъ изъ раскольничьяго сборника Моск. Д. Акад. № 431. Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширнѣйшихъ раскольничьихъ монастырей. Онъ находился въ могилевской губерніи, въ бѣлицкомъ (нынѣ гомельскомъ) уѣздѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ имѣніи князя Паскевича. Уничтоженъ въ сороковыхъ годахъ, при настоятелѣ игуменѣ Аркадіѣ. По разореніи монастыря Аркадій ушолъ за границу и тамъ бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы, съ названіемъ брачловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьева монастыря Стихъ этотъ, положенный на голосъ, составляетъ доселѣ любимую канту у раскольниковъ. Другой стихъ взятъ также изъ раскольничьяго сборника Моск. Дух Акад., который носитъ курьозное названіе «собранія разныхъ свѣтскихъ нравственностей». Подъ именемъ этихъ нравственностей внесены въ рукопись частію стихотворенія и изреченія сочинителей-нераскольниковъ,—изъ нихъ нѣкоторыя не цензурнаго содержанія и притомъ далеко не нравственнаго, — частію стихотворенія же произведенія раскольничьяго пера. Опыты раскольничьяго пиитетворенія, какъ можно догадываться, принадлежатъ одному автору—нѣкоему мѣщанину Святославскому. На обертнѣ рукописи есть между прочимъ слѣдующая надпись: „1842 года 31 генваря занимался

Въ сей книгѣ чтеніемъ московской мѣщанинъ,
И за написаніе Святославскаго хвалилъ,
За то, что много рифъ (sic) въ ней написалъ
И любителямъ сатиры показалъ.
Читатели! стихи и эпитафіи прочтите,
А за написаніе Матвѣя Святославскаго хвалите.“

Къ сожалѣнію „критика“ на табакъ не окончена; подъ нею есть приписка: „въ критикѣ еще половины не написано.“

Не противимся божіей воли,
Идемъ во своя мы по неволи.
Оставляемъ храмы, пречудно созданны,
Златомъ и сребромъ богато убранны.
За царя молить и въ поли будемъ,
Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
Пущай владѣютъ чужимъ насильно;
Скоро Судія воздастъ обильно:
Равенъ у него и царь и воинъ,
Богату и нищу судія единъ.
Иргизскія воды въ море утекли;
Его жителей вонъ вытиснили.
Поселили ихъ близь Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана.
Араратъ гора и Араксъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдни вѣка;
Каспійское море ихъ обливаетъ,
Песчаная степь ихъ обливаетъ;
Снѣговыя горы покрываютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождались и мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ насъ безъ всякой вины.
Мы во всемъ власти повинуемся,
За обидящихъ насъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громкихъ пѣній.
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ, при быстрой Узѣ.
Но время быстрѣе сей нашей рѣки;
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ;
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ;
Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего;
Погибло, потлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть, веселыя птицы,
Скоро улетайте за море отъ насъ,
Скажите за моремъ, что ужь насъ тутъ нѣту,
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,

Летучія мыши, воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматривая разны предметы.
Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ;
Онъ, все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? — Его не стало,
Какъ превратное время настало.

II. Справедливая критика на табакъ.

Враждебникъ нашихъ душъ и лжи отецъ
Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
Страшась горѣть въ геенѣ безконечной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
И въ тартарѣ зубами заскрипѣлъ,
Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
«Коль горестно душа моя томится,
«Что фиміамъ Месіи лишь курится!
«Почто распятый Маріинъ сынъ
«Пріемлетъ днесь почтеніе одинъ?
«Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
«Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
«Уже я скверны моды выдавалъ,
«Училъ піянству, драки воздвигалъ;
«Еще душа моя не насытилась,
«И новое желаніе явилось.
«Еще вновь сердце во мнѣ горитъ;
«Я тѣми жертвами весьма не сытъ.
«Пущай издамъ на свѣтъ отличну моду;
«Дай отъиму молитвенну свободу.
«Прелестно ремесло подать хочу,
«Чѣмъ рану нестерпиму залѣчу.
«Пилатъ что, на Голгофѣ водрузилъ,
«Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
«Страдалъ ей тысящу и больше лѣтъ,
«Погибъ мой умъ, къ лѣчьбѣ надежды нѣтъ».
Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
Какъ въ адѣ томъ онъ вѣчно не бывалъ.
Въ бездонный тартаръ съ шумомъ опустился,
И въ размышленье злое погрузился.
И долго думалъ тамъ, какой бы грѣхъ

Поспѣшнѣй могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
Оттолѣ долго бѣси ожидали;
Почто же скрылся, всѣ того не знали.
И выдумалъ премерзко утѣшенье
На нераскаянное прегрѣшенье.
И вдругъ изъ тартара какъ огнь явился,
И съ радостью на тронѣ очутился.
Немедля онъ начальства тьмы собралъ
И планъ обдуманный имъ расказалъ.
Ура! кричали всѣ, тѣмъ честь явили,
И всѣ полки знамена приклонили.
Тутъ князю тмы далъ строго приказанье,
Достать травы чтобъ приложилъ старанье,
Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуцый.
«Сейчасъ!» И полетѣлъ туда бѣсъ куцый,
Слуга на зло послушный и ретивый,
И хватъ, къ дѣламъ не промахъ торопливый:
Какъ молнія въ Америку слеталъ,
Съ папушами діаволу предсталъ.
А онъ его велѣлъ смолоть, подправить,
Но, чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ золы подбавить.
Когда же бѣсъ мололъ, и въ тотъ горшокъ
Подсыпалъ діаволъ адской порошокъ
Разъемистый, приманчивый, куражный,
На вѣкъ волшебной силою преважный.
Князь тьмы сперва отпробовалъ самъ,
Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ.
И коль съ него тогда развеселились!
Играли, прыгали, какъ всѣ взбѣсились.
Тутъ громко всѣ: «виватъ! ура!» кричали,
За выдумку почтенье отдавали.
Тутъ новостію Веелзеулъ занялся,
Всей силою зло вымыслить старался,
Желаемый успѣхъ чтобъ получить,
Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить:
Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выкинуть всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ, и въ чемъ его хранить,
Какъ трубки работать, и какъ курить.
Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ.

И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
Отвергли Божій страхъ, и адъ забыли,
Важнѣй всего къ концу привесть успѣхъ,
И не былъ бы порожній носъ у всѣхъ,
И чтобъ нельзя молитвы сотворить: —
Всѣхъ научили трубки ртомъ курить.
И для такой бѣсовской моды новой
Во адѣ трубки не было готовой;
Діаволъ далъ на вѣчную посмѣшку:
Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю начинилъ.
Велѣлъ, чтобъ бѣсъ больнымъ весь притворился
И хитростью обманщикомъ явился,
И, взявши въ ротъ, по улицѣ ходилъ, —
Держа кисетъ въ рукахъ, ее курилъ.
Кто спроситъ: «что ты дѣлаешь такое?»
— «Лѣчюсь! се есть лекарство дорогое.»
«Но гдѣ ты взялъ толь чудное лекарство?»
— «Скажи, ходилъ за море въ дальне царство,
«Божусь, царемъ кой миръ весь покорястъ,
«Его держава царства устрашаетъ;
«Клянусь! берусь я крѣпко за него,
«Кури! ты здравой будешь отъ него.
«Его курить и нюхать въ носъ способно,
«Всегда оно для всякаго пригодно,
«Табакъ тебѣ неложный исцѣлитель,
«А я наставникъ твой и покровитель;
«Кто нюхаетъ, хоть юнъ иль во сто лѣтъ, —
«Бываетъ здравъ, уменъ и скуки нѣтъ.
«И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
«И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ.»
Вотъ такъ князь тьмы, правитель всей геенной,
Пустилъ се ремесло по всей вселенной.
Коль злой обманъ выдумалъ сатана!
Всѣжь мнятъ,—потѣха отъ Бога дана.
Опомнись ты, табашникъ грѣховодникъ:
Неужели нашъ Богъ—грѣху виновникъ?
Во дни мірозданія создатель всѣхъ
Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ;
Хотя и произвелъ сіе творенье,
Ужель на грѣхъ и скверно утѣшенье?

Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него не могутъ жить никакъ.
Друзья! воззрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ;
Бывали въ старь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы,
Тогда бывали крезы — патріоты,
Любили пить и къ роскошамъ охоты,
Бывали пресвященные владыки
И силою ума зѣло вѣлики.
Изъ тѣхъ, хоть и грѣшникъ кто бывалъ,
Но табаку никто и не знавалъ.
Вотъ такъ премерзкая вошла забава,
Игрушка дьявольска, душамъ отрава.
Какъ море разлилась сія чума;
Лишился міръ духовнаго ума.
Въ немъ кроется магическая сила,
Какъ талисманомъ миръ обворожила,
Какъ злой халдѣйскій хитрый чародѣй
Вовлекъ и пріучилъ къ себѣ людей.
Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ:
Понюхай, какъ магнитомъ привлекаетъ.
Толико протекло ужь тысящь лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ прихоть издалъ въ свѣтъ. ...

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ [1]).

Молитва 1-я.

1. Матушка, пресвятая Богородица! преложи моленія и попеченія рабу божіиму, имркъ, по рабу божіиму, имркъ; чтобы рабъ божій, имркъ, не накла на рукѣ и не на ноги и не отверзалъ языка своего до нынѣ и до вѣку. Аминь.

2. На мори на киянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоятъ 12 дубовъ, у каждова дуба 12 корней; подъ этѣми корнями лежитъ чугунная доска, подъ той доской лежитъ имрекова тоска. И подойдите 12 братовъ и выкиньте тую доску на востокъ солнушка и выкеньте

[1]) Изъ раскольничьей тетрадки новаго письма. *Ред.*

имрекову тоску и вложите такоитому человѣку имрека тоску, чтобы рабъ божій имрекъ I по рабу божіиму имрекъ II тосковалъ и горевалъ, сухотился и печалился, въ никакихъ помыслахъ не замышлялъ въ пиру и въ бесѣдѣ любить донынѣ и до вѣка. Аминь.

3. На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоитъ зеленой садъ, въ томъ саду стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ самъ Господь разсылаетъ ангелей и архангелей: «Пойдите вы въ расійскую землю, такоитою губѣрну и уѣзда и сельца и найдите такойтаго раба имрека I, и разслабите его жилы и мозгъ въ головѣ разрейте понеже, чтобы рабъ божій имрекъ I тосковалъ и горевалъ, печалился и сухатился, ни въ какихъ помыслахъ не замышлялъ и въ пиру и въ бесѣдѣ отнынѣ и до вѣка. Аминь.

4. Есть у Господа Бога на сотвореніе на свѣти 77 земель, 77 птицъ, 77 звѣрей, 77 скорбей, 77 травъ, 77 рыбъ; рыбы же—земныя, въ небуже стоитъ старой Іерусалимъ Христовъ по пределѣнію Господа душамъ христіанскимъ *отнынѣ и до* [1]) вѣка. Аминь. Закрѣплена слава рабу божіиму имрекъ по рабу божіиму имрекъ, на 40 дней; не на 40 дней, но на 40 лѣтъ; не на сорокъ лѣтъ, но на весь вѣкъ. Донынѣ и до вѣку. Аминь.

5. Царскія двери растворяются, судія царской къ рабу божіиму имрекъ приклоняется. Матушка, воску яроваго свѣча и богоявленская вода! утоли раба божіева имрекъ отъ всякаго злодѣйскаго супустата и отъ лихова человѣка 77 именъ отъ (в)сего миру православнаго христіянскаго *отнынѣ и до* [2]) вѣка. Аминь.

Молитва 2-я.

6. Есть у насъ отъ діявола или отъ лихова человѣка три листа и три писанныхъ: первой листъ—мать пресвятая Богородица, второй листъ—Іоаннъ Креститель, третій листъ—самъ Іисусъ Христосъ. Чтобы тебѣ, діяволу и лихому человѣку, не вязаться и не касаться: нѣтъ тебѣ тутъ тѣхи и веселія, не радость и не корысть, а вонъ тебѣ тѣха и радость и корысть—у стараго хозяина. Кто тебе посылаетъ и кто наряжаетъ, тамъ ты тѣшься и веселися, радуйся и корыстуйся, и ты его ломай на вѣчную могилу, на третью кадилу. Вѣка. Аминь.

Когда хочешь идить къ кому о чемъ просить, то три раза прочитай.

Или читать три раза надъ водою крещенской и также единоравно свѣчу богоявленскою и подать ту воду, на каво читаешь.

---

[1]) Эти три слова въ рук. пропущены. [2]) Тоже.

О НАПАСТВОВАНІИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА [1]).

О напаствованіі і терпѣніі новыхъ страдалецъ священнопротопопа Аввакума, священнопротопопа Никиѳора, священноіерѣя Лазаря і инока Епифапия, и како Лазарю со Епиѳаниемъ языки отрѣзаны и въ заточеніе посланы.

Лѣта 7172-го году августа въ 24 день сосланъ былъ въ Пустоозерской острогъ протопопъ Аввакумъ, и во 174-мъ году марта въ 1 день привезли съ Мезени къ Москвѣ, марта въ 9 день послали подъ началъ въ Паѳнутиевъ монастырь и держали на чѣпи. Тогоже лѣта маія въ 13 день привезли изъ монастыря и проклинали і остригли, мая же въ 15 день послали въ Угрѣшеской монастырь съ полуголовою и со стрелцами. І во 175-мъ году сентября въ 5 день взяли съ Угрѣши и перевезли въ Паѳнутиевъ монастырь и держали скована, сентября въ 12-й день ѣздилъ въ Паѳнутиевъ дияконъ вдовой уговаривать и привозилъ выписки въ тетратѣхъ отъ властей изъ пушкарей Василей Васильевъ. Тотъ же дияконъ приѣждалъ генваря въ 30 день отъ Павла и отъ Лариона і приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести ево. Декабря въ 4 день приѣжжалъ съ Москвы игуменъ Паѳнутиевской Парѳеней и морилъ ево три дни і въ стюденой тюрмѣ держалъ ево. Апрѣля въ 30 день привезли изъ Паѳнутьева къ Москвѣ и держали скована. Маия въ 3 день имали къ Чюдовъ монастырь по приказу государеву архимаритъ чюдовской Иоакимъ да Спаса изъ Ярославля Сергіі Волкъ уговаривали и прелщали его. Тогожь мѣсяца въ 11 день по государеву указу і вселенскихъ патриарховъ тѣже архимариты имали уговаривать же. Июня въ 17 день имали на соборъ сребролюбныя патриархи въ крестовую соблажняти і отъ вѣры отвращати и, уговаривая, не одолѣли: послали на Воробьевы горы, предавъ воиномъ полуголовѣ да тридесятимъ стрелцомъ, твердо стрещи заповѣдавъ. И того же мѣсяца въ 26 день посыланъ отъ царя диякъ конюшенного приказу Тимоѳей Семеновъ да старецъ Григории Нероновъ уговаривать же. Въ 30 день перевезли во Андрѣевской монастырь на Конюшенной дворъ. Июля въ 4 день по указу цареву приѣзжалъ отъ тайныхъ дѣлъ диякъ Дементей Баш-

---

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка. *Ред.*

маковъ уговаривати и въ 20 день перевезли на Угрѣшу къ Николѣ чюдатворцу; і въ 22 день приѣзжалъ голова Юрьи Лутохинъ уговариватижь по государеву указу. Со Аввакумомъ же и іини 4 страдалцы: Никиѳоръ протопопъ, Лазарь иерей, Епиѳаніі инокъ, Ѳеодоръ дияконъ. И, яко не возмогоша прелстити ихъ, двема повелѣша, срамоты ради своея, языки урѣзати: Лазарю до вилокъ языкъ отрѣзаша, Епиѳанию такожь, августа въ 27 день. И егда Лазарю языкъ вырезали, явися ему пророкъ божии Илия и повелѣ ему о истиннѣ свидѣтелствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изо рта, и начатъ глаголати ясно и чисто. Но прежде убо, егда провождаху ихъ, коегождо разными необычными съ Москвы дорогами,—у Лазаря, яко глаголютъ, рука десная вся отъ языка обагрена кровию, онъ же благословляше люди, егда его везоша около Москвы въ Калужския ворота, черезъ реку, по Даниловскому мосту, по за Симонову монастырю и Спаса Новаго монастыря и Андронникова по за слободамъ, по полямъ, зъ дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо, паче зло сотворилъ,—укрываяся, бѣгаетъ. Доправився на Переславку по Троицкой дороге, въ Братовшино всѣхъ направили кромѣ Ѳеодора, иже подъ церковию въ Богоявленскомъ вселенъ есть. Лазарь же, егда достигъ Аввакума и братию его, улыскаяся сказывалъ имъ свою побѣду и коварство ихъ мучителское: какъ ихъ казнили, и что имъ выговоръ былъ: «были, де, двѣ плахи да два топора и, посадя на скамьи, языки наши вырезали; но ничто,—рече,—насъ отлучитъ отъ любве христовы.» У Лазаря кровь единымъ временемъ вся и много истече; у Епифаниижь не по многу доволны дни капаше. Сего ради не ядше пребыша, молящеся, яко Епиѳаніі не глаголетъ, плакахуся, Богу тако изволившу. Аввакумъ писаше къ своимъ: «Азъ, грѣшный Аввакумъ, не сподобихся таковаго дара: поплакавъ надъ ними, перецеловавъ ихъ кровавыя уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики въ наша лѣта и зѣло утѣшихся радостию велиею о неизглаголемѣмъ дарѣ, яко Лазарь свѣтло глаголаше и яко отцы и братия моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо такъ и добрѣ запечатлѣли со исповѣданиемъ кровию церковную истинну! Благословенъ Богъ, изволивый тако! Ну, свѣты! молите о насъ, а мы, елико можемъ, о васъ. По семъ отъ насъ вамъ миръ и благословение и мученики вамъ, миръ давъ и благословение, челомъ бьютъ. Егда сию грамоту писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ иныя избы стрелца съ радостию: «Не кручинся, деі, обо мнѣ: и мнѣ, де, дала языкъ пресвятая Богородица; говорю, де, и азъ благодатию божиею.» И я, Аввакумъ, збродилъ къ нему самъ встащася. И егда въ избу къ нему иду, и онъ ясно возопилъ: «Слава Отцу и

Сыну і Святому Духу» и прочая, тако ясно во услышание всѣмъ, якоже и прежде. Азъ же возрадовахся, наченъ *достойно* говорить. Онъ же у меня перехватилъ со усердиемъ великимъ и тако кончали отпустъ. И порадовахся; говоря кое что, разыдохомся; сказывая мнѣ, какъ проглаголахъ и какъ его казнили: «Мылъ, де, образъ пречистые Богородицы и мыслию помыслилъ, чтобъ мнѣ глаголати и дерзати о имени Ісусъ Христовѣ; таже мнѣ отверзла уста и языкъ даде и учалъ говорить ясно.» А до того я у него былъ, онъ же мнѣ ничто не моглъ промолвити, токмо, запечатлѣвъ уста, седѣлъ весь слезенъ: кровию оба изошли, понеже жилы вырезаны. О великое божие милосердие! не вѣмъ, что̀ рещи, но токмо: *Господи! помилуй.* И Дамаскину Иоанну по трехъ днехъ рука приросла, а новымъ симъ мученикамъ христовымъ Лазарю въ той же день языкъ Богъ даровалъ, а старцу во вторый день.» Доздѣ Аввакумъ.

Приложение. Вы же, христолюбцы, судите: Прошали сиі страдалцы суда праведнаго о церковныхъ догматѣхъ, чтобъ всѣмъ собраномъ быти расточеннымъ со всѣхъ странъ и судитися съ еретикомъ Никономъ, или свитки написавъ или книгу старую и новую положивъ къ которому чудотворцу въ раку, постъ людемъ заповѣдавъ, молити Бога, да явитъ знамение и помилуетъ люди и раздоръ утогитъ. Но любители новыхъ сего не восхотѣша сотворити, ослѣпи бо ихъ злоба ихъ; или огнемъ искусити писание, но ни сего помыслиша отнюдь суединомудренні архиерее, боящеся своея ихъ плотской мудрости не твердой, пачежь рещи — бѣсовской. Но ругахуся окаяннім, глаголюще: «Что родъ сей знамения проситъ? Аще дасться ему знамение въ послѣднихъ лѣтехъ сихъ?» Се Христосъ далъ есть знамение рабы своими—вѣрнымъ на подвержение, невѣрнымъ же вамъ на обличение; не мало знамение — до плоти языкомъ вырѣзаномъ свѣтло глаголати. Но еще и чюднѣ творитъ Богъ знамения, обличая вашу злобу и жестосердие: человѣку бо нѣкоему отъ Никоновой ереси наченшейся дважды отрѣзанъ языкъ за церковь христову, — и до днесь свѣтло глаголетъ, обличая вы, якожь предтеча Иоанъ Ирода; имя же человѣку тому — Стефанъ, по прозвищу Черной, а седѣлъ дьякомъ въ Нижнемъ. Женѣ же нѣкоторой, Иустинѣ именемъ, чюдотворецъ Игнатиі Вологоцкой разслабленной и слепой исцѣлѣние тѣла и свѣтъ очию даровалъ и заповѣдалъ вамъ лукавое свое начинание еретическое оставити, яко непотребно и недостойно: повелѣ новой да старой служебники положитъ въ раку Алексѣю митрополиту: «ужь, де, людъ безъ причастия, какъ есть скотъ, гинетъ.» Сеже являючися ей засвидѣтельствоваше. И государь благочестивой ужь тому другое лѣто какъ вамъ отдалъ на соборъ челобитную и до сего

времени ни отказу, ни приказу, христову же рабу саму третью за приставомъ морите голодною смертию и мразомъ. О лицемѣрства вашего! охъ увы мучительству вашему! Который градъ или страну не зацеписте? Или которую пустыню не исполнисте крови? или село? или погостъ? Горы бо и дубравы і дебри и холми плача исполнисте, убиваючи чада свѣтлообразная церковная. Благовременно убо псаломски рещи во истинну о сицевыхъ: «*Положиша трупия рабъ твоихъ звѣремъ земнымъ и пролияша кровь ихъ, яко воду, окрестъ вселенныя и не бѣ погребаяй.*» И быхомъ поношение сосѣдомъ нашимъ зѣло и страхъ знаемымъ, яко по двухъ и третиі уже Римъ падаетъ началными, ополчиша бо ся на истинну, уготоваша стрѣлы въ тулѣ сострѣляти убога и нища, заклати правыя сердцемъ, сынове Еѳремли, наляцающе и спѣюще луки: не сохраниша завѣта божия и въ законѣ Его не изволиша ходити и забыша благодѣяниии его и чюдесъ Его, ихъже яви имъ предъ отцы ихъ, — яже сотвори чюдеса въ земли гречестѣйже и русьстѣй неісповѣдимаже и неизслѣдома, и напита ихъ отъ тука пшенична і вина и елея. И яде и уды утолстѣ и разшири и остави Бога отецъ своихъ и не вѣрова і не упова на спасение Его і не вѣроваша чюдесемъ Его и исчезоша въ суетѣ дние ихъ и лѣта ихъ, со тщаниемъ въ пиянствѣ і въ козногласиі неподобномъ и непреподобномъ, мусикиіскомъ и арганскомъ согласиі, отъ Бога удаленомъ и отъ святыхъ возненавидѣномъ: возлюбиша бо Бога усты своими и языкомъ своимъ солгаша Ему: сердце ихъ не бѣ право съ нимъ, ни увѣришася въ завѣте Его и отвратишася и отвергошася, превратишася въ лукъ развращенъ. Сего ради удержа ихъ гордыни до конца; одѣяшася неправдою и нечестиемъ своимъ. Изыдетъ, яко исъ тука, неправда ихъ; преидоша въ любовъ сердца, помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ неправду, въ высоту глаголаша, положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ прейде по земли. Вскую шаташася языци и людие поучишася тщетнымъ? Предсташа царие земстиі и князи собрашася вкупѣ.

О приѣзде страдалцовъ паки къ Москвѣ. Июля въ 5 день привезли въ ночи отъ Николы съ Угрѣши и приѣзжали 3 архимарита 2-жды уговаривать и въ 8 день приѣждалъ въ ночи Дементей Башмаковъ уговариватиже. И въ 10 день въ ночи приѣждалъ Артамонъ да архимаритъ уговариватижь; тогожь дни имали въ Чюдовъ монастырь прелщати і уговаривати митрополитъ Крутицкой Павелъ да архиепископъ Ризанской Іларионъ, і въ 11 день приеждалъ архимаритъ чюдовской. И августа въ 22 день и въ 24 день Артемонъ былъ отъ царя съ ѳилосоѳомъ съ Симеономъ чернцомъ и зѣло было стязание много: разошлися яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ

мнѣ говорилъ: «Острота, острота тѣлеснаго ума да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки.» И я въ то время плюнулъ, глаголя: «Сердитъ я есмь на диявола, воюющаго въ васъ, понеже со дияволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царьствуетъ несовершенно; равно со дияволомъ и со Еллины исповедуеши во своей вѣре. И Артемонъ, говоря много, учнетъ грозить смертию; і я говорилъ: «Смерть—мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опона; не грози мнѣ смертию; не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя». И паки подпадетъ лестию и, пошедъ, спросилъ: «Что, старъ, сказать государю?» І я ему: «Скажи ему миръ и спасение и тѣлесное здравие». А въ 22 день одинъ былъ; такъ говорилъ мягче отъ царя со слезами, а иное приграживалъ, и я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашей худости, да что съ ними дѣлаешь? А пошедъ Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умилно въ правду; Аввакумъ же говорилъ: «Ты ищешъ въ словопрѣніи высокие науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое обшение? яко свѣту со тмою или Христу съ Велиаромъ!» І ему стыдно стало і противъ тово въсквозь зубовъ молвилъ: «Намъ, де, съ тобою не сообшно.»

О ЗАТОЧЕНІИ ДІЯКОНА ѲЕОДОРА [1]).

О посланіи въ заточение и о нестерпимомъ мучении диякона Ѳеодора за святую церковъ і о еже како іскусилъ властей прелестныхъ.

Возвѣщу вамъ, возлюбленніі мои отцы и матери и братия о Христѣ, да познаете, како мя грѣшнаго диякона Ѳеодора покаряли къ новому нечестию на Угрѣше и чего ради азъ въ малѣ посходилъ имъ, тамо седя въ темницѣ. Егда изгнаша насъ архиерее изъ сонмища своего и священный санъ содраша съ насъ, съ священнымъ протопопомъ Аввакумомъ во единъ день, и егда изведоша мя изъ церкви: і азъ грѣшный и ту, людемъ безчисленнымъ стоящимъ, свѣтлымъ гласомъ проповѣдахъ истинну, сложа въ рукѣ своей (христово) крестное знамение и горѣ то воздвигъ и возопилъ къ народу: «За сию истинну стражду и умираю, братия, и за прочия догматы церковныя!»

---

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка. *Ред.*

І въ ту пору, отведше, посадиша мя въ холодной чюланъ на патриаршѣ дворѣ и тутъ сидѣлъ два дни за сторожами. И на третей по утру за три часа пришедше отъ царя воини взявше і ведоша мя ко красному крылцу. И сверху сошелъ голова и спросилъ: «То ли дьяконъ благовѣщенской?» И они сказаша: «Тотъ.» І повелѣлъ голова (воиномъ) стрелцомъ взявше и посадити за караулъ у каменнова мосту. И егда стало свитать, тогда пришелъ полуголова и велѣлъ за собою вести стрелцомъ безоружнымъ ко Тресвятцкому мосту и тутъ приѣхалъ думной Дементей и сказалъ мнѣ: «Поѣдь, куды повезутъ, и не кручинься: сердце царево въ руцѣ божиі.» Азъ мнѣлъ, яко царь въ Коломенскомъ и къ нему везутъ мя на распросъ, понеже подалъ въ церкви тогда челобитную за печатью,—великия дѣла божиі писаны,—и чаялъ, самъ царь тамъ распрашивать станетъ: и ево дѣла были тутъ писаны. Егда выде за городъ, появилися извощики и стрелцы со оружиемъ и, посадивше на телѣгу, повезли мимо Коломенсково, не вѣмъ, куды, страннымъ путемъ по берегу Москвы реки да по болотамъ, а не прямою дорогою ко Угрѣшескому монастырю, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадятъ. И по семъ, уѣхавши, азъ оглянулся и увидѣхъ: вдаль мене отца Аввакума везутъ. Отъ Москвы повезли на свѣту, а на Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. И какъ привезли къ монастырю насъ, і взяли отца Аввакума два стрелца подъ руки и обвиша главу его япончею и повели на монастырь сторонними враты, что отъ рощи. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотятъ насъ сажать на смерть; начахъ прощатися со женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша. И пришедъ полуголова и велѣлъ стрелцомъ взяти мя такоже, а главу мою со очима рогожею покрыть и до ногъ. И, приведше, посадиша мя въ башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили. И по малѣхъ днехъ сталъ полуголовѣ бить челомъ, чтобъ вѣску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы, чтобъ жена моя, безвѣстнаго ради сослания, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради грѣшнаго: и посулъ давалъ ему, онъ же не восхотѣлъ отнюдъ послати вѣсти: «Царя де не смѣю.» И по трнехъ недѣляхъ помысли окаянный молити всещедраго Бога, дабы известилъ сердцу моему Христосъ: аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни грѣшный не ѣлъ и ни пилъ и не спалъ, токмо плача милости просилъ у Творца своего. И Христосъ, Спасъ мой, паче еще сердце мое утвердилъ, яко умрети за всѣ старые, а новаго совѣсть моя сложилася сердцу отнюдь ни во что не принимати: «все лукавствомъ составлено» — глагола во мнѣ совѣсть.

И не ядши, изнемогъ. И караулники, видѣвше мя изнемогша, сказали полуголовѣ; и онъ, пришедъ, воспросилъ мя: «Что, де, дияконъ старъ, не ѣшъ?» И азъ рекъ: «Изнемогаю.»—«Ино, де, бы призвати отца духовнаго.» И азъ ему рекъ: «Порадѣй, пожалуй.» А исповѣдатся подумахъ: либо какову смерть нощию внезапу сотворятъ и отецъ, реку, духовной скажетъ вѣстку женѣ, гдѣ мы. И паки азъ сталъ просити духовнаго отца и полуголова: «не смѣю, рекъ, безъ царева вѣдома дать.» І о томъ отписалъ къ думному Дементию. И Дементей царя доложилъ, и царь его ко властемъ послалъ, и власти въ монастырь Павелъ съ товарыщи грамоту прислали по государеву указу: «Тако, де, покаряется намъ, повелеваемъ его исповѣдати и причастить.» И допрашивалъ меня игуменъ монастыря того: «Покаряешилися церкви і собору нынѣшнему?» І азъ сказалъ противу: «Покаряюся святой соборной церкви восточной, что пріяла древле и держитъ догматы.» И написавши они скаску мою, велѣли руку приложить. І въ полночь прислали ко мнѣ слугу съ нею; и азъ прочелъ и увидѣлъ: у нихъ написано, чтобъ мнѣ на предния слова не обращатися. И не хотѣлъ руки такъ приложить. «У меня, рекъ, словъ никакихъ худыхъ не бывало.» И слуга мнѣ рекъ: «Да ужь, де, скажутъ они.» И азъ подумахъ: «Ушто, реку, — въ чемъ азъ промолвился гдѣ?» И приложилъ руку, постоявъ. А тово не вѣдахъ, что въ дому моемъ все перепечатали і слова многия собираны были у мене отъ божественныхъ писаній и старца Спиридония на ихъ отступление и на лукавыя догматы ихъ: и то все у меня безъ насъ взяли и нынѣ, не вѣмъ, гдѣ ихъ девали. И после скаски сталъ азъ просити отца духовнаго добраго старца у игумена и полуголовы, и они сказали мнѣ: «Какъ, де, станешь умирать, тогда дадимъ отца духовнаго.» И азъ восталъ здравъ о Христѣ: «Челомъ, реку, бью на милости вашей.» И паки писалъ азъ имъ, что святой соборной и апостольской восточной церкви ни въ чемъ не противлюся. И послѣ того вскорѣ далъ Богъ царю Государю сына Ивана, царевича, и тоя ради радости царь насъ исъ темницы свободилъ и взяли къ Москвѣ. И опять дияки разспрашивали меня въ приказе патриаршѣ и азъ тѣ же слова говорилъ, что восточной церкви и догматомъ ея *древнимъ* [1]) не противлюся. И отдали Павлу краснощокому подъ началъ на дворъ; тотъ врагъ лукавой много надо мною казньствовалъ і всѣмъ, стоящимъ въ вѣре, рыетъ яму и царевымъ сердцемъ мутитъ. И егда стали священнику Никитѣ ругатися, будто онъ за неправду стоялъ, а онъ, не претерпя ихъ томления, далъ повинную и, по площади ходя, про-

---

[1]) Это слово приписано позднѣе.

щался, не согрѣшивъ предъ народомъ: и азъ слышахъ, — такое лукавство надъ нами творити начинаютъ,—мѣсто гнѣву ихъ далъ: взявши жену и чадъ, убѣжавши, скрылся, рекъ въ себѣ: «лутче ми умрети, нежели соблазнити единаго отъ малыхъ, вѣрующихъ правѣ.» И егда услышалъ, яко ищутъ мя прилѣжно и грамоты посылаютъ по градомъ и друговъ моихъ по Христѣ стали истязовати, приводя въ приказъ, и крѣпити во мнѣ: тогда азъ паки пришелъ самъ свою душу за нихъ положити, а ихъ чтобъ свободили пожаловали. Спаметовалъ азъ Спаса своего слово, еже рече: *Болши сея любве никтожь имать, еже кто душу свою положить за други своя.* То мое, свѣты, все повиновение.

ЗАМѢТКА ДЛЯ БІОГРАФІИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семенъ Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ,—но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій;» что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (слѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Шакловитовымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, по простой и очень понятной причинѣ, потому что для ихъ цѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Имъ необходимо было только обличить его въ отступничествѣ отъ православія и въ еретичествѣ.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, невсегда вѣрныя. Митр. Евгеній говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ.» Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдева совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ «вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подьячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ.»

Изъ предположеній позднѣйшихъ біографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма наклонный къ книжному ученію, чтобы сво-

боднѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. М. Евгеній замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи остротою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ.» Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы.» Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ.» Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти оффиціальныя и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденья царевича Симеона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соотвѣтственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ордынцомъ Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. Затѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Ключаревъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцевъ, по 12 руб.; Иванъ Полянскій, Маркелъ Ваталинъ по 10 р.—Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилы Демидова, Порфирья Оловянникова, тогда же получили по 15 р.

что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и, если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служитъ достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особыя дарованія, то испытанный нравъ его вполнѣ оправдывалъ такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственныя дарованія отличили его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ поступаетъ въ *школу, учиться по латинямъ и граматики*, школу, которая, можетъ быть, и основывается при мысли, что есть способные и даровитые ученики, готовые съ особенною охотою отдаться наукѣ.

Въ расходныхъ запискахъ Тайнаго Приказа за этотъ годъ находимъ слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подъячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ Ѳедору Казанцу по указу государеву выдано изъ суммъ Приказа *сто рублей* «къ хоромному строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитуа по латинямъ* подъячимъ: Приказа Тайныхъ Дѣлъ *Семену Медвѣдеву* да *дворцовымъ Семену* да *Ильѣ Казанцамъ.*» 30 іюня выдано еще 70 рублей къ тому же хоромному строенію, при чемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ *для наученья подьячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ*, слѣдов. тому же Медвѣдеву. Хоромы, безъ сомнѣнія, къ осени были построены и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что онъ же былъ и старостою въ новозаведенной школѣ, ибо съ того времени изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ ему выдавались постоянно деньги на отопленіе и освѣщеніе школы.

Такъ 7 декабря онъ получилъ *для ученья граматики* на покупку сальныхъ свѣчъ 20 алтынъ; декабря 19, *для граматичного ученья* на покупку дровъ 2 рубля. Черезъ мѣсяцъ, 14 января 1666 года, онъ получилъ для того же *граматичного* ученья на свѣчи полтину. 19 февраля выдано опять на покупку дровъ 2 рубля, 14 марта на свѣчи 20 алтынъ. Далѣе, въ 1667 г. октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчъ 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 г., января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ.

Затѣмъ мы уже не встрѣчаемъ записокъ о подобныхъ выдачахъ. Онѣ могли прекратиться по случаю перенесенія этихъ расходовъ на другой какой-либо источникъ или даже въ другое завѣдываніе. Между тѣмъ Медвѣдевъ все-таки числился подъячимъ Тайнаго Приказа, и слѣдов. оставался еще ученикомъ школы. 2 февраля 1670 года

онъ находится еще въ числѣ подъячихъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубли *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться по латинямъ и граматики, что школа была вновь построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственныя кабинетныя деньги государя. Кто жь былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя въ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г. т. е., незадолго до учрежденія школы*). Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самаго царя, узнавшаго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексѣю Алексѣевичу, котораго ученіе впервые въ Московскомъ дворцѣ было ведено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія граматичнова*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Для *ученія по латинямъ*, можетъ быть, и избранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными лошадьми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича (а потомъ уже и Ѳедора) можетъ раскрываться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Въ 1667 году царевичу Алексѣю исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наслѣдникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ оффиціальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ*

*) Въ 1666 г. онъ получалъ 20 р. Тогда въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Чорново, получавшіе по 25 р.,; Григорій Ключаревъ, Кирила Деминдовъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Артемій Афанасьевъ по 20 р.; Иванъ Полянскій, Перфирій Оловянниковъ, Петръ Кудрявцовъ по 15 р., Маркелъ Ваталинъ 12 р. — Въ 1670 г. къ этимъ именамъ прибылъ Еремей Полянскій, самый младшій по порядку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Деминдова, котораго въ спискѣ уже не значится.

Симеонъ, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже *въ особомъ столѣ* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царевича, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ оффиціально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полотцкому 10 аршинъ отласу зеленаго по двадцати по шести алтынъ по 4 денги аршинъ; да емужъ велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублевъ; а пожаловалъ государь его по своему государеву имянному указу для того, въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» **). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ *учителю* царевича Ѳедора Алексѣевича *Афонасью Ѳедосѣеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а, можетъ быть, только еще садился учиться, сорокъ соболей въ 50 рублевъ да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ соболей въ туже цѣну и 10 аршинъ камки таусинной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Ѳедора, Посольскаго Приказа подъячему Панфилу Тимофееву ***) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, *какъ царевича посадили учить писать*,—сорокъ соболей въ 60 рублевъ да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*.—Царевичъ Ѳедоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Афонасья Ѳедосѣева, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учи-

*) Записка дневанью, 176 года, въ государственномъ архивѣ М. И. Д.

**) Въ Архивѣ Оруж. Палаты, № 384.

***) По фамиліи *Бѣляниновъ*. Исторія Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.

тель Панфилъ Бѣляниновъ училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старинная каллиграфія процвѣтала, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. Притомъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳедору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотѣ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большею пользою могъ заниматься *по латинямъ* и другими науками съ старшимъ царевичемъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прилежнаго ученья, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳедору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳедору исполнилось 9 лѣтъ—возрастъ, съ котораго граматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенные для школы въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патріархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуетъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстивыйся отъ книгъ и писаній и словесъ устаглаголанныхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *купно бо съ нимъ въ единой келліи живяше...*» Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ—Медвѣдева, какъ и отмѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170 рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было выстроить очень помѣстительные хоромы, какъ на самомъ дѣлѣ эта постройка и названа въ оффиціальныхъ запискахъ. Оставаясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, Медвѣдевъ жилъ въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получа изъ своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и освѣщеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же школѣ, или вообще при посредствѣ учителя впервые завязано было и близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ Полоцкаго, царемъ Ѳедоромъ, который очень расположенъ былъ къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ *).

*) Что касается *Ѳедора Шакловитаго*, то онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдева тамъ не было. Подъячими въ

Окончивъ ученіе, Медвѣдевъ тогда только и почувствовалъ необходимость перейдти въ монашество, ибо, какъ умный и дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія.

Ив. Завѣлинъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА И ЕГО ВРЕМЕНИ.

Можно надѣяться, что по поводу изданій Стоглава въ нашей литературѣ явится не мало замѣчаній, толковъ, а можетъ быть и цѣлыхъ изслѣдованій и о Стоглавѣ и о временахъ Стоглава. Надобно желать только, чтобъ изслѣдованія и разсужденія нашихъ ученыхъ и литераторовъ о Стоглавѣ отличались той серіозностью и обстоятельностью, какихъ именно заслуживаетъ этотъ замѣчательный памятникъ старины, а не походили, напр., на то безобразное и жалкое фразерство, которымъ въ видѣ предисловія г. Кожанчиковъ украсилъ свое не менѣе жалкое, хотя очень благообразное изданіе Стоглава. Говоря же о Стоглавѣ, нельзя будетъ не обратить особеннаго вниманія и на предсѣдателя Стоглавнаго собора митрополита Макарія. Опять нельзя не пожелать, чтобъ было сказано основательное слово о дѣятельности этого знаменитаго пастыря древней Руси. Макарій ждетъ своего историка, которому, нельзя не сознаться, предстоитъ трудъ обширный и нелегкій, потому что дѣятельность Макарія обнимаетъ собою цѣлую эпоху, весьма замѣчательную, особенно въ исторіи русской церкви и духовнаго развитія русскаго народа. Имѣя въ виду эти будущіе труды, какъ любопытный матеріалъ для нихъ, печата-

---

этомъ году были: Гарасимъ Бовыкинъ, Михаилъ Воиновъ, Артемій Волковъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Деревнинъ; взяты вновь: Ѳедоръ *Шокловитой*, Гарасимъ Протасовъ, Иванъ Невѣжинъ, Григорій Гавриловъ. Въ томъ же 1673 году 4 октября государь оказалъ оклады имъ учинить, между прочимъ, Шокловитому: денегъ въ годъ 22 р., хлѣба 22 чети ржи, овса тожъ. Семенъ Медвѣдевъ, какъ выше замѣчено, получалъ тоже 22 р.; это ведетъ къ предположенію, не поступилъ ли Шакловитый на мѣсто выбывшаго тогда Медвѣдева, почему и былъ верстанъ его же окладомъ?

емъ ниже одинъ памятникъ литературной и пастырской дѣятельности митрополита Макарія, памятникъ доселѣ неизвѣстный, — по крайней мѣрѣ намъ не случалось встрѣтить нигдѣ на него указаній. Это—«отвѣтъ» м. Макарія, въ видѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу, «о недвижимыхъ вещахъ церковныхъ».

Когда и по какому поводу писанъ былъ этотъ «отвѣтъ», никакихъ указаній ни въ самой статьѣ, ни въ рукописи, изъ которой ее заимствуемъ (быв. Волок. библ. № 522), не находится. Можно предполагать, что составленіе его было въ связи съ занятіями Стоглавнаго собора. Въ предварительныхъ бесѣдахъ съ м. Макаріемъ о разныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ «поизшатавшихся», о различныхъ чинахъ «порушенныхъ» и требовавшихъ исправленія, или утвержденія, царь Иванъ Васильевичъ, быть можетъ, выразилъ ему мысль и объ отобраніи отъ монастырей имѣній, на дурное управленіе которыми онъ жаловался и на соборѣ. Мысль же о неприличіи монастырямъ владѣть имѣніями была не новою во времена Грознаго. Послѣ Нила Сорскаго и Іосифа Волоколамскаго, вопросъ о имѣніяхъ монастырскихъ поднятъ былъ и рѣшенъ не въ пользу монастырей знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, который во время Стоглавнаго собора былъ еще живъ и съ сочиненіями котораго Иванъ Васильевичъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ хорошо. Митрополитъ Макарій со всею силою пастырской ревности возсталъ противъ мысли Ивана Васильевича о лишеніи монастырей и церквей жалованныхъ имъ разными благотворителями имѣній. Мнѣніе свое онъ изложилъ въ особомъ посланіи къ царю. Быть можетъ, это рѣшительно и твердо выраженное мнѣніе и было причиною, что на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ предложенъ былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ иной, смягченной формѣ. Объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ немъ нѣтъ и рѣчи; царь поставляетъ на видъ собору только дурное управленіе монастырскими имуществами, да неумѣренную заботливость монастырей объ умноженіи имуществъ, чѣмъ докучали и ему (См. въ 5 гл. Стогл. 15 цар. вопр.). Въ отвѣтѣ «о вотчинахъ и купляхъ, которыя боголюбцы давали святымъ церквамъ» соборъ сдѣлалъ постановленіе о прекращеніи безпорядковъ въ управленіи имѣніями и о томъ, чтобъ монастыри, достаточно обезпеченные, «впредь благочестивому царю не стужали и излишнего не просили и угодій не припрашивали: и такъ де у мена царя поимали много по всѣмъ монастырямъ, а братіи во всѣхъ монастырехъ по старому, а нидѣ и стараго менши», и проч. (Стогл. 75 гл.) [1]). Но достойно замѣчанія, что, сдѣлавъ такія распо-

[1]) Приводимъ эти слова по рукописи (быв. Волок. № 517), о которой считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе для занимающихся изслѣдованіями о Стоглавѣ

ряженія, прямо соотвѣтствовавшія царскому вопросу, соборъ въ томъ же самомъ отвѣтѣ гораздо полнѣе и съ особенной силой раскрываетъ мысль о неприкосновенности данныхъ церквамъ и монастырямъ имѣній, за отнятіе и расхищеніе которыхъ угрожается страшнымъ прещеніемъ не только духовнымъ и мірянамъ простымъ, но и *самымъ царемъ и вельможамъ*; еще полнѣе и рѣшительнѣе, съ указаніями церковныхъ правилъ и постановленій, раскрывается тоже мысль въ отвѣтѣ «о святительскомъ судѣ», хотя ни здѣсь ни тамъ вопросы царя къ тому не вызывали. Не было ли все это направлено именно противъ прежде выраженной Иваномъ Васильевичемъ мысли объ отобраніи имуществъ отъ монастырей, хотя на соборѣ онъ уже не дѣлалъ объ ней никакого напоминанія. Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ томъ и другомъ отвѣтѣ соборномъ приводятся тѣже самые доводы въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ, тѣ же соборныя правила, тѣ же заповѣди царскія, и встрѣчаются тѣ же самыя выраженія, что̀ и въ посланіи м. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови». Да и самое заглавіе посланія: «*отвѣтъ* отъ божественныхъ правилъ» и проч., не указываетъ ли именно на связь этого памятника съ дѣяніями Стоглавнаго собора, на которомъ были предложены царемъ вопросы и даны святителями отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ?

Но предлагаемый «отвѣтъ» м. Макарія заслуживаетъ вниманія и самъ по себѣ, независимо отъ отношенія его къ Стоглавному собору. Въ «Днѣ» былъ поднятъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, по поводу пресловутой статьи г. Чистовича о митрополитѣ ростовскомъ Арсеніѣ. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы исторически прослѣдить,

---

Это сборникъ in 4°, несомнѣнно принадлежащій къ XVI в. Кромѣ характера письма, въ этомъ удостовѣряетъ надпись: «книга черица Васьяна Фатѣева ученика, отъ правилъ избраніе»: а Фотій былъ ученикъ Касьяна Босова, современника и сподвижника пр. Іосифа. Послѣдніе листы сборника (187—219) заняты выписками изъ Стоглава,— именно выписаны: гл. 49, 50, 51, 52, 75, 76, 66, 67, 68 и изъ 41 гл. 31 цар. вопр. Такой выборъ не лишенъ значенія. Въ Казанскомъ изд. Стоглава на стр. 258 помѣщена весьма любопытная грамота м. Макарія въ Симоновъ монастырь, отъ іюля 1551 г., извѣщающая о опредѣленіяхъ Стоглавнаго собора. У грамоты приписка: «да съ тою же грамотой послати *по монастыремъ* поученіе *главы истов же соборные книги* выписати, глава 49, гл. 50»... словомъ, тѣ самыя главы, которыя помѣщены въ Волокол. сборникѣ. Надобно думать, что современный Стоглавному собору писецъ внесъ ихъ въ свой сборникъ именно тогда, когда онѣ съ подобной же грамотой м. Макарія были присланы и въ Волоколамскій монастырь. Вотъ новое свидѣтельство о подлинности Стоглава, если только есть еще нужда въ такихъ свидѣтельствахъ.

какъ смотрѣла на этотъ вопросъ русская церковь и какъ рѣшали его въ разное время, мнѣніе столь знаменитаго святителя, какъ м. Макарій, составитъ, безъ сомнѣнія, весьма важный матеріалъ, который между прочимъ показываетъ и то, отступилъ ли Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ протестѣ отъ исконнаго взгляда православной русской церкви на неприкосновенность монастырскихъ и церковныхъ имѣній.

Н. С—нъ.

Іюль 1863 г.

Отвѣтъ Макарія митрополита всея Росіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ седми соборовъ, и помѣстныхъ, и особосущихъ святыхъ отецъ, и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей, къ благочестивому и христолюбивому и боговѣнчанному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ.

Слыши и внеми, о боголюбивый и премудрый царю, и разсудивъ царскы, душеполезная и вѣчная избери; а тлѣнная и мимотекущая мира сего ни въ чтожъ, царю, полагай; зане преходна суть; но едина добродѣтель и правда пребываетъ въ вѣкы.

Отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго царя Константина греческаго, и всѣ благочестивыя цари греческыя, и до послѣдняго благочестиваго царя Константина греческаго, ни единъ отъ нихъ не смѣлъ дрзнути, или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вданныхъ и взложенныхъ Богови и пречистой Богородици, въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, церковнаго имѣніа недвижимыхъ вещей, завѣсъ, и съсудъ, и книгъ, и непродаваемыхъ вещей, рекше: села, нивы, земли, винограды, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, езеро, источници, пажити и прочая вданная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, бояся отъ Бога осуженіа и отъ св. апостолъ, и отъ св. отецъ седми сборовъ, и св. отецъ помѣстныхъ и особь сущихъ страшныя и грозныя и великіа ради заповѣди. Тамо бо святымъ Духомъ взгласиша святіи отци: аще кій царь, или князь, или инъ, въ каковомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей, или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, отъ недвижимыхъ вещей, таковіи бо по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатцы осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть. И того ради всѣ пра-

вославныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. И не токмо не взимаша, но и сами благочестивыя цари святымъ церквамъ и монастыремъ сели, и винограды, и прочая недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ съ писаніемъ и съ великымъ утвреженіемъ и съ златыми печатьми царства своего, бояся Бога и заповѣди святаго и равноапостольнаго прваго благочестиваго великаго царя Констянтина. Тамо бо онъ, святымъ Духомъ просвѣщенъ и наставленъ, духовную заповѣдь, царскою своею рукою подписавъ и страшными и велелѣпными клятвами утвердивъ, въ раку святаго врховнаго апостола Петра положивъ, и тамо взгласи всему тому непоколебиму и недвижиму быти отъ всѣхъ православныхъ царей и отъ всѣхъ князей и вельможъ по всей вселеннѣй и до скончаніа міру. И толико почте блаженнаго папу Селивестра и по немъ всѣхъ святителей почитати по всей вселеннѣй повелѣ.

Понеже бо той блаженный папа на вѣнцѣ главнаго постриженіа знаменіе створи, егоже чести ради блаженнаго Петра имѣетъ, не всхотѣ златымъ вѣнцемъ носити; мы же покрывалу его главному о семъ бѣлымъ видомъ свѣтлое вскресенье господне начертавше, на честную главу его своима рукама положихомъ; браздѣ коня его своима рукама держаще ради чести блаженнаго Петра конюшьскимъ саномъ дахомся ему. Повелѣваемъ того же чина и обычая всѣмъ, иже по немъ, святителемъ всегда творити въ поѣздѣхъ своихъ по подобію царства нашего. Тѣмже ради сего постриженнаго знаменіа врховнаго святительскыя главы, да не мнитъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства саномъ, и славою, и силою украшати подобаетъ. Но и Рымскаго града, и всей Италіи, и западная власти и мѣста и земли и грады сему же, ижъ многажды предреченному, блаженному отцу нашему Селивестру, сборному папѣ предающе и отступающеся ему и всѣмъ иже по немъ бываемымъ святителемъ, и въ всей вселеннѣй, идѣже православная наша вѣра обдержитъ, владѣніе и судъ держитъ, ради божественнаго и нашего сего сдѣланнаго утверженія повелѣваемъ устрояти правду святой сей церкви Римской подлежащей пребываема подаваемъ бывати. Тѣмже пригодно судихомъ, нашего царства причетъ къ восточнымъ странамъ премѣстити града Византійскаго, чуднаго и краснѣйшаго мѣста, въ свое имя градъ сдати и тамо царство свое вдрузити. Идѣже бо священническое начало и власть.... (и т. д. до конца, какъ приводится въ Стогл. гл. 60., по казан. изд., стр. 270—274).

И того ради всѣ православныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди и заповѣди великаго царя Константина, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ; и не токмо не взимаша, но и сами благочестивіи цари святымъ церквамъ и монастыремъ села и винограды и прочіа недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, съ писаніемъ и съ великимъ утверженіемъ и съ златыми печатьми царства своего. И всѣ тѣ православныя цари и до скончанія греческаго царства съ святѣйшими папами и съ пресвятѣйшими патріархы и съ пресвященными митрополиты и съ всѣми святители и съ святыми отцы на всѣхъ седми сборѣхъ сами быша и божественными правилы и царскыми законы утвердиша и страшными и велелѣпными клятвами седмью сборы запечатлѣша, съ царскымъ подписаніемъ, и уставиша всему тому ни отъ когоже неподвижну быти и до скончанія вѣка; и на обидящихъ святыя церкви и святыя монастыри всѣ православныя цари съ святители крѣпко стояху и побораху царскы и мужскы, и никому же попустиша вданныхъ Богови и пречистой Богородици и великымъ чудотворцемъ, освященныхъ и вданныхъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, прикасатися, или поколебати недвижимыхъ вещей и до скончанія міру.

Такоже и въ нашемъ благочестивомъ и христолюбивомъ россійскомъ царствіи, отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго прадѣда твоего, великаго князя Владиміра кіевскаго и всеа Русіи, и сына его благочестиваго великаго князя Ярослава и всѣхъ твоихъ святыхъ прародителей и до твоего христолюбиваго царства, ни единъ же отъ нихъ не смѣлъ дрануги или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вданныхъ и взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великымъ чудотворцемъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ церковнаго имѣніа недвижимыхъ вещей, потому же, якоже и прочіа православныя цари греческыя, бояся отъ Бога осужденіа и отъ св. апостолъ и св. отецъ седми сборовъ, помѣстныхъ и особь сущихъ, страшныя и грозныя и великыя предреченныя заповѣди и клятвы. Тамо бо они святымъ Духомъ возгласиша святіи отци: аще кій царь, или князь, или инъ, въ какомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ отъ недвижимыхъ вещей, таковыи по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатци осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть [1]). И того ради всѣ православніи цари гречестіи и руссные цари, прародители твои, бояся

[1]) Правило это буквально приводится въ 63 гл. Стоглава, въ концѣ завѣщанія в. к. Владиміра. См. по Казан. изд. стр. 285—286.

отъ Бога и отъ св. отецъ заповѣди, не смѣли двигнути отъ святыхъ церквей и отъ св. монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, и до днешняго дни; не токмо отъ св. церквей вданныхъ Богови не взимати, но и сами святымъ церквамъ и монастыремъ недвижимыя вещи, села, и винограды и прочіа недвижимыя вещи безчислено подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Якоже и прадѣдъ твой, святый и равноапостольный князь великій Владимеръ кіевскій и всеа Русіи толику вѣру къ Богу показа и къ святымъ церквамъ веліе тщаніе, изъ всего царства своего по всей руской земли десятую часть даде святѣй церкви и отдѣли святѣйшимъ митрополитомъ кіевскимъ и всеа Русіи. Тамо бо въ своемъ царскомъ завѣщаніи и законоположеніи написа сице: (Слѣдуетъ завѣщаніе Владиміра, составляющее 63 гл. Стоглава, по Казан. изд. стр. 280—285; но здѣсь оно приводится все до конца)... Да будутъ проклятии въ сей вѣкъ и въ будущій отъ седми сборовъ святыхъ отецъ вселенскихъ. А се о десятинахъ. Отъ всего княжа суда десятая вѣкша, и съ торгу десятая недѣля, и отъ даней, отъ виры и изъ всего схода и прибытка, и отъ лова княжа и отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита десятое въ соборную церковь епископу. Царь или князь въ девятихъ частѣхъ, а церкви соборная въ десятой части. Основаніа же инаго никтожъ можетъ положити, паче лежащаго сего, и да вси сужаютъ на семъ основаніи. Иже кто разсыплетъ храмъ божій, разсыплетъ того Богъ, церкви бо божіа свята есть. И аще кто измѣнитъ святый сей уставъ отчскый, грѣхъ и горе себѣ наслѣдуетъ. Аще пообидитъ судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ томуже отвѣтъ вздати на страшнемъ судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла открываются явѣ, благая или злая, идѣже не поможетъ никтоже никомуже, но токмо правда и добрая дѣла; тѣмъ избавитися вторыя смерти, рекше вѣчныя мукы и прещеніа неспасеннаго геоньскаго огня. Сдржаще истину въ неправдѣ, о тѣхъ глаголетъ Господь: огнь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. Створшимъ же благая жизнь вѣчная и радость неизреченная; а створшимъ злая, рекше неправедно судившимъ и лукавно, неизмолимъ судъ обрѣсти. Аще кто уставленіе мое порушаетъ, или сынови мои, или внуци мои, или отъ рода моего, или отъ князь, или отъ бояръ кто аще порушатъ мой рядъ и вступятся въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту отцу своему и епископомъ по правиломъ св. отецъ и по первыхъ православныхъ царей управленію, судивше того казнити по закону. Аще кто иметъ судити, преслушавъ насъ, церковные суды, что преданы митрополиту отцу нашему, той станетъ со мною предъ Богомъ на страшномъ судѣ и да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ.

Такоже и прародитель твой, благочестивый и христолюбивый князь великій Андрей Юрьевичь Боголюбскій заложи въ Володимери и постави церковь Успеніе пресвятыя Богородица о единомъ врсѣ, и вдаде пресвятѣй Богородици и отцу своему Констянтину, митрополиту всеа Русіи, и иже по немъ митрополитомъ до вѣка многы имѣніа и слободы и з даньми (съ данями), и села лучшая и дани, и десятину во всемъ, и въ стадѣхъ своихъ, и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ по томуже, якожъ и прадѣдъ твой святый и равноапостольный князь великій Владиміръ кіевскій и всеа Русіи. И Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ молитвами и святыхъ царей рускихъ, прародителей твоихъ и царскихъ родителей твоихъ святыхъ молитвами и бреженіемъ и твоимъ царскимъ жалованьемъ и бреженіемъ, тѣ всѣ села и слободы и земли съ всѣми угодьи по старинѣ въ дому пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ въ святѣйшей митрополья русстѣй и до днешняго дни никимъже недвижими и невредими бываютъ; аще и на время отъ злыхъ человѣкъ оскрбляются, но божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ молитвами и вашимъ царскымъ жалованьемъ и заступленіемъ, по святыхъ церквахъ поборающихъ, паки наполняются и николиже истощеваются, занежъ вся сія Богови освященна суть и никтожь можетъ церкви божіа оскорбити, или поколебати, или недвижимая отъ церкви божіа двинути, понеже бо церкви божіа небесъ вышше и твердѣйше и земли ширьше и моря глубочайше и солнца свѣтлѣйши и никтоже можетъ ея поколебати, основана бо бѣ на камени, сирѣчь на вѣрѣ христова закона. Аще и мнози невѣрніи покусишася поколебати, то вси погыбше и ни въ чтоже быша; а и иніи же мнози и отъ нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей ничтожь взимаху и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, или поколебати, бояся Бога и заповѣди святыхъ отецъ и царскыхъ уставовъ древнихъ законоположительныхъ, но и зѣло по святыхъ церквахъ побораху. Не токмо въ своихъ странахъ, но и въ русскомъ вашемъ царствіи нѣкогда быша сіа, въ лѣта великыхъ чудотворцевъ Петра, и Алексѣя, и въ лѣта Михаила, и Ивана, Ѳеогнаста, русскыхъ митрополитовъ; но и ярлыкы своя тѣмъ святымъ митрополитомъ подаваху на утвержеіе святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ съ великымъ запрещеніемъ, чтобы ни отъ кого не обидимы и не движимы были до скончаніа царства ихъ. И донынѣ въ русской митропольи тѣхъ святыхъ митрополитъ седмь ярлыковъ написаны пребываютъ, отъ нихъ же единъ нынѣ написахомъ, великаго чудотворца Петра, митрополита кіевскаго и всеа Русіи, имуща сице (приводится вполнѣ ярлыкъ хана Узбека, данный святителю Петру).

Коль же паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣнчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тщаніе ко святымъ божіимъ церквамъ и къ святымъ монастыремъ, — не токмо недвижимая взимати, но и самому ти подобаетъ подавати. Якожъ и вси святіи царскые твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, сице и тебѣ, царю, подобаетъ творити царства ради небеснаго, сущу благочестивому и христолюбивому и велеумному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, пачежъ всѣхъ царей въ вашемъ російскомъ царствіи тебѣ, царю, отъ Бога нынѣ взвышенному и почтенному, единовластному царю, въ всемъ великомъ російскомъ царствіи самодержцу сущу, и вконецъ свѣдущему христовъ законъ евангельскаго ученіа и святыхъ отецъ заповѣди и вся тебѣ божественная писаніа въ конецъ вѣдущу и на языцѣ носящу,—не человѣческымъ бо ученіемъ, но данною ти отъ Бога премудростію. И сего ради, благочестивый царю, подобаетъ тебѣ разсудивъ смотрити и творити полезная и богоугодная. Якожъ и прочіи благочестивіи цари блюди и храни свою царскую душу и свое христолюбивое царство отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. А милость божіа и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиреніа благословеніе да есть съ твоимъ христолюбивымъ царствомъ въ вѣкы аминь.

Такожъ и вси святѣйшіи папы, и пресвятѣйшіи вселенстіи патріарси, и пресвященніи митрополити и боголюбивіи архіепископи и епископы, снастольници и спрестольници святыхъ апостолъ, и честныя архимандриты, и богобоязнивіи игумены, и смиреніи мниси, и мнози отъ тѣхъ великіа чудотворци быша, и никтожъ отъ тѣхъ створи, или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчнымъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати. И на всѣхъ святыхъ седми сборѣхъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ, Святымъ Духомъ наставляеми св. отци утвердиша и заповѣдаша, и грозными и страшными и великыми клятвами о томъ зѣло взгласиша и запечатлѣша седмью сборы, по даннѣй намъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа, и грому подобно возгласиша сице: аще кто отъ церковнаго имѣніа святыхъ завѣсъ, или святыхъ сосудъ, или святыхъ книгъ, или отъ иныхъ вещей, ихже не подобаетъ продати, или отдати, взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, недвижимыя вещи, рекше села, нивы, виногради, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, езера, источници, пажити и прочая, вданная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, аще кій епископъ, или игуменъ отъ церковныхъ недвижимыхъ вещей продастъ, или отдастъ князю земли тоя или инымъ вельможамъ, не

тверду быти проданію, но паки проданная или отданная святѣй церкви въ епископію, или въ монастырь да взвратятся; епископъ же той, или игуменъ, се творя, да изгнанъ будетъ изъ епископьи, а игуменъ изъ монастыря, яко расточивъ злѣ, ихже не сбра; аще ли кто инь отъ священническаго чина суще таковая створитъ, да извергутся; мниси же, или мірстіи человѣцы суще, осуждены отъ Отца и Сына и Св. Духа, да устроени будутъ, идѣже червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, яко гласу господню противятся, глаголющему: не творите Отца моего дому купленаго моего.

Тѣмже и вся пресвященніи митрополити русстіи, отъ праваго пресвященнаго митрополита Леона кіевскаго и всея Русіи и до великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны, и прочіи митрополити русстіи и до твоего христолюбиваго царства и до нашего смиреніа, всѣ боголюбивіи архіепископи и епископи и честныя архимандриты и богобоязливіи игумени, великіе чудотворцы Сергій, и Кириллъ, и Варлаамъ, и Паенутій и прочіи святіи русстіи чудотворцы и смиренніи мниси святыхъ монастырей,—и никтожь отъ тѣхъ створи или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати, по тѣмъ же божественнымъ святымъ правиламъ и по заповѣди всѣхъ святыхъ отецъ седмь сборовъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ.

Коль же паче не подобаетъ мнѣ смиренному, аще и грѣшну и нѣсмь достоинь учительства слову, такого святительскаго сану; но по данѣй намъ благодати отъ Святаго и животворящаго Духа митрополитъ нарицаюся; той же о мнѣ смиреннѣмъ и недостойнѣмъ всещедрый и человѣколюбивый Богъ обычнымъ своимъ человѣколюбіемъ устрои, имяже судьбами вѣсть самъ, дарова и вручи истинное слово правити ми ради пречистыя матере своея, Богородица моя. И сего ради не могу таковая страшная дрзати, или помыслити отъ взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, изъ дому пречистыя Богородици и великихъ чудотворцевъ таковая дати, или продати; не буди того и до послѣдняго нашего издыханіа, и избиви всѣхъ насъ всесильный Боже и схрани насъ отъ таковаго законопреступленіа, и не попусти тому быти нетокмо при насъ, но и по насъ, до скончаніа вѣка, за молитвъ пречистыя твоея Матере, нашея Богородица, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, аминь,

И сего ради не всхитись удивленіемъ о томъ, о боголюбивый царю, нижъ ласканіа вещь помысли. Якожь бо святіи отци Святымъ Духомъ уставиша и заповѣдаша и седмью сборы запечатлѣша намъ

хранити, сице и мы мдрствуемъ и хранимъ и до послѣдняго своего издыханія. Человѣцы бо есмы; плаваемъ въ многомлвенномъ семъ мори; впредь что будетъ намъ, не вѣмы; зане хотящая быти не явлено всѣмъ челсвѣкомъ: но токмо боятися намъ подобаетъ небеснаго серпа, егоже видѣ Захаріа пророкъ сходяща съ небесе, в долготу двадесять саженей, а в широту десять саженъ, на обидящихъ и неправеднѣ судящихъ и кленущихся именемъ Божіимъ во лжу. И сего ради боюся. Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскый санъ, и тогда посреди священнаго сбора въ святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ, и предъ всѣмъ народомъ кляхся судбы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертью претятъ, то никакожъ ни послушати ихъ. И сего ради боях ся, глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величьство, останиси, государь, и не створи такова начинаніа, егоже Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ, таковая творити, но и вся святіи его взбраниша вамъ, православнымъ царемъ, и намъ архіереомъ священными правилы зѣло запретиша и запечатлѣша седмью сборы по даннѣй имъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа. И того ради молимъ твое царское величьство и много съ слезами челомъ біемъ, чтобы еси, царь и государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиломъ у пречистой Богородици и у великыхъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти. А милость божіа и пречистыя Богородица и великыхъ чудотворцевъ молитва и благословеніе да и нашего смиреніа благословеніе да есть всегда съ твоимъ христолюбивымъ царствомъ, въ многые роды и на вѣкы, аминь.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА.

Въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Волоколамскому монастырю (№ 566, л. 218 — 219 об.), а теперь хранящемся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, находится небольшая статья, въ которой неизвѣстный русскій архипастырь намѣтилъ нѣсколько церковныхъ «неисправленій», ставшихъ впослѣдствіи однимъ изъ предметовъ обсужденія на Стоглавомъ соборѣ 1551 года. Статья называетъ 16 «неисправленій» и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно указываютъ, что составитель ея участвовалъ въ Стоглавомъ соборѣ и предложилъ на его усмотрѣніе замѣченные имъ безпорядки. Чтобы видѣть отношеніе этой статьи къ Стоглаву, мы печатаемъ ее буквально и указываемъ въ выноскахъ параллельныя ей мѣста въ Стоглавѣ [1]. Статья не имѣетъ заглавія и читается такимъ образомъ:

Бжьєю блгтию и прчтыѧ бцѧ помощию. ѡбрѣтѡ ко истинѣи ѡвлаѕти многаа неисправлениѧ. ꙗже є неоугоно бгоу и неполезно дши и прьвое въ праксславнеи вѣре, крстное целованіе на крибѣ и на правѣ[2]. второе и в шутка кленоуса имене бжіи[3]. трее ѡбразы бжьи мастеры иконные[4] не по ѡбразу пишоу и поклонаютса и. а на соборѣ не приносѧ[5]. д є. мастеры книные написа книгу не исправливаютъ и слоужа по ни[6]. є. в ве-

[1] Не придавая никакого ученаго значенія Петербургскому изданію Стоглава, переполненному самыми грубыми ошибками, мы будемъ приводить выдержки изъ Стоглава по изданію Казанской Духовной Академіи.

[2] «Такоже бы есте своихъ дѣтей духовныхъ поучали.... чтобы.... на криве бы креста не цѣловали и божіимъ именемъ во лжи не ротилися и не клялися.» гл. 37, стр. 154.

[3] «Кленутся именемъ божіимъ во лжу всякими клятвами». гл. 5, стр. 68.

[4] Въ рук. иконное.

[5] «А святыя и честныя иконы.... по образу и по подобію.... образъ божій написати.» гл. 5, стр. 51.

[6] «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, и написавъ не правятъ же.... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтутъ и поютъ, Гл. 5, стр. 52.

ликий по. и въ апльскій по заповеданое ыдѧ. ѕ.є холопьство рокѧ бес кончины и после животa своего дѣтѧ ской даю а архиепты приписы-каю. з.є дѣти крстѧ до шти недѣ после роженьѧ до очищенье мтрмѧ. и крщмый чтый младенець. нечистую мтрь ссеть[1]. и.є многое кумове и ку-мы единого младеца крстѧ мзы ра[2]. ѧ.є матерны лаю невѣбранно бо сбаре и в шюка[3]. і.є долго не женется а жывоу блоуно[4]. аі.є бороды брею и усы рвоу то образу божию поругаюсѧ и вѣре супротивльесѧ к жес-кый обра превращаются[5]. ві. сщники мнгые о цркве ка мнгы цркве преходѧ и служа невѣзбранно. гі. сщники свои прты оставлаю. а на-имуются уины прголовь служи а сщнику повае единой невѣсте оброучен-ой мужеби быти. ді. шаматы и тавлеемы и ликами[6] играю[7]. еі. свады творѧ и на бракы призыкаю бре со кресты а скоморохо з доудами. и хъмеле в кво обра преобразишѧ[8]. и бѣчаются бе бреженіа а не пос-тается. ѕі. попы вдовъци и другыѧ жены держа а служа. а иныѧ попы вдовци постригаютъ во иноческый чи да слоужать[9]. а все то стыми оци заповѣдано и проклято яко и паве засвидѣтельствуе. проклѧ всѧ иже не пребуде во всѣ писаніи во книзе законей. ы творити и прокъ вѣгла-

---

[1] Съ этимъ пунктомъ можно сблизить 2-й вопросъ 43-й главы: «Дѣти родятся въ сорочкахъ и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ класти на престолъ до шти недѣль». стр. 166.

[2] «А кумъ былъ бы одинъ любо мужескій полъ, а любо женскій; а по два бы кума и мнози кумове не были, какъ у васъ преже сего было». гл. 17, стр. 110.

[3] .... «И лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами и богомерзкими рѣчьми.» гл. 5, стр. 68.

[4] «А которыя ваши дѣти духовные не возмогутъ чистоты хранити, и они бы женилися и бракомъ сочталися». гл. 36, стр. 152. Ср. гл. 33.

[5] Знаменитое заблужденіе Стоглава. «.... Въ тридцать лѣтъ и старые главы брѣютъ и брады и усъ (подкусываютъ)». стр. 67. «Не постригайте брадъ вашихъ, се бо женамъ лѣпо.... Вы же, се творяще, ... противящеся закономъ, ненавидимы отъ Бога будете, создавшаго васъ по образу своему.» стр. 161.

[6] Въ рук. лимилыи.

[7] Ср. 20-й вопросъ 41-й главы.

[8] «Въ мирскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». стр. 178.

[9] См. глав. 78 — 81.

си проклати оуклонаюшиися ѿ заповедей твои и инде пише. законопрестоупници потребатся бкупе. и останци нечестивы потребатся. ѿчима своима смотриши. и воздаиа грешнико оузриши. аще мало и не воудетъ грешника. кзыреши мѣсто его и не ѿбрашеши. ико глмъ гь рекъ.

Статья написана, очевидно, до Стоглаваго собора: иначе зачѣмъ было бы автору ея записывать «неисправленія», противъ которыхъ были уже приняты мѣры соборомъ? Самый сборникъ, изъ котораго заимствована эта статья о церковныхъ «неисправленіяхъ», составленъ былъ въ первой половинѣ XVI вѣка, потому что въ 1576 году онъ отъ употребленія такъ износился, что потребовалъ передѣлки, какъ видно изъ слѣдующей приписки на послѣднемъ листѣ рукописи: сіи соборникъ. ѩки лефинда. резаискаго и мѣромъскагѡ; передѣлалъ лѣта ҂зиѳ мца іюня. и».

Кто былъ составителемъ вышеприведенной замѣтки, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что сборникъ, въ которомъ помѣщена замѣтка, принадлежалъ одному изъ вліятельныхъ членовъ Стоглаваго собора. Въ сборникѣ находится нѣсколько другихъ статей, которыя цѣликомъ или въ извлеченіи вошли въ Стоглавъ. На л. 1 об. помѣщено слово ст҃го ѳеѳрита, внесенное въ Стоглавъ (стр. 135), какъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенія крестнаго знаменія. На л. 341 и слѣдд. читается Никиискаго свора правило ерѣемъ. иже не ѿдалаются къ сиѣныи ризы. или нерахоумиие. или гордостью. или лѣностью, помѣщенное въ Стоглавѣ (стр. 102) безъ приписанія правила Никейскому собору. На л. 341 об. вписано правило іѡа матѣа о томъ же предметѣ, и въ Стоглавѣ (стр. 103) слѣдующее за предъидущимъ правиломъ. На л. 436 находимъ слово ѿ кртащиися, вставленное и въ Стоглавъ (стр. 136). На Стоглавомъ соборѣ возникло сомнѣніе такого рода: «Что въ уставѣ приписано на усѣкновение честныя главы воздержатися въ той день отъ мяса и рыбы повелѣваетъ и всю седмицу поститися, *невѣдомо отколе взято?*» (Стогл. стр. 192). Въ сборникѣ, л. 151, читаемъ объясненіе этого поста обычаемъ, заимствованнымъ у Грековъ: «и на оусеніе стыа бца. и на положеніе поеса. и на ѿкратеніе главы и на всекновеніе главы ма не исти тоже ѿ грекъ пошло ажь оу кого глава болить и ѡуши. а иніи ждать аще не къ срѣ воудеть и к ма. иноже ѿ .кг. ималъ маса исть. Наконецъ на 283 л.

сборника вписаны ѿ ѿмыа книгы, петра и пацѣла ꙗкꙗщаніа о праꙁнокаміи, отрывокъ изъ коихъ есть въ Стоглавѣ (стр. 270). Составитель замѣтки о церковныхъ неисправленіяхъ былъ, вѣроятно, и владѣльцомъ сборника, по крайней мѣрѣ замѣтка пользуется нѣкоторыми статьями и указаніями сборника, какъ ими пользовался и Стоглавый соборъ. Въ замѣткѣ указано, что «многіе кумове и кумы единаго младенца крестятъ мзды ради», и на 5 л. сборника читаемъ: Сего ради коумомъ немногымъ достоить быти. ниже коумоу и коумъ. ꙗко ꙁѣсе в нашей ꙁемли творимо є.

Въ 1577 году сборникъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежалъ рязанскому владыкѣ Леониду и, вѣроятно, достался ему отъ члена Стоглаваго собора Касьяна, предмѣстника его на рязанской каѳедрѣ. Какъ бы то ни было, особенно достойно вниманія то обстоятельство, что этотъ сборникъ, въ который внесенъ наскоро набросанный планъ нѣкоторыхъ частей Стоглава и которымъ несомнѣнно объусловились нѣкоторыя главы онаго, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и Кормчую, составленную Вассіаномъ Патрикѣевымъ [1]. Эта Кормчая осуждена была на соборѣ 1531 года, потому что въ ней приводились доказательства противъ права монастырей владѣть отчинами. Въ разсматриваемомъ сборникѣ это мѣсто Вассіановской Кормчей читается такъ: [2] Аще ли кто къꙁглаєть. прѣ сего монастыри ꙁемлами жили, но нѣ тамо но прѣ сего єси ѿци начальници. селъ оу монастырей не держали, ни пахомей великий. ни лариѳонъ великій. ни ѳомей великый. ни слава ѿсщенный ни ѳесей великии, ни антоній великий. ни симеѡн тоѡтворець. иже на диѣмѣ горѣ. ни афонасій аѳонскій. ни ѳеръ стоудинскій. ни иныа прѣбыє начальници. селъ оу монастырей. не имѣли. августа иеркый ѿ сеиже трй пѡоучениа. Аще кто и даралъ ѝ села. ими не имѣли. но жили безмѣстно по єуѳаліи. и по своемъ ѡбꙗщанію. Такоже и руськыа ꙁемли ꙁдѣшнє начальници и тоѡтворци, антонїи и ѳедосій печерьскій иже в києвѣ тоѡтворци. и серьгій радонежскій. и кирилъ белоꙁерьскій и карадмъ покогорскій. и иакелъ комельскій селъ въ своимъ манастырѣ не имали. но своихъ оутиковъ оутимъ по єуѳаліи жити. и по иноческомоу ѡбꙗщанію. поима ꙁапрещали ѝ ѿ сѣ своимъ писаниемъ, ни в мирьскіє ни в мниа вступатися вещно. ѝ горе оуки. престоупникъ заповеди бжіа, и ѿцъ

[1] Описаніе рукописей Толстова. Отд. I, № 169. Прибавленія къ Творен. св. отцовъ, X, 515.

[2] Ср. Палеограф. снимки къ описанію рукоп. Толстова, № 4.

своей отчинѣ. сеи и манастыреѣ сѣлють и поноучають. и владѣють ими. и иса хлѣб содалаєть ѿ нихъ. иноно спротивна и законодемъ ихи. ѿкъ что коудеть въ дѣ҃ь сѣдный. єдиноу законоуь престоуплить тѣмъ. мьнїи - нарєтся въ цртвїи нєбнѣ; а мнїи. ино нїто моуча вѣчьная и гєєна ѿнєсиа. А къ анѣ и въ ст҃ы ѿць писанїи многаа таковаа запрещенїа не хранаѣ законоуь ихна (л. 210 об. 211). Затѣмъ слѣдуютъ перечень и мѣста изъ писаній противъ владѣнія монастырей отчинами. Постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Вассіанъ не любилъ старцевъ Іосифова монастыря. Іосифъ, какъ извѣстно, отстаивалъ права монастырей на владѣніе отчинами. Касьянъ, епископъ рязанскій, также неблагосклонно смотрѣлъ на Іосифа Волоколамскаго. На соборѣ 1554 года Касьянъ «нача хулити книгу преподобнаго Іосифа, еже сей преподобный списа на ересь новгородскихъ еретиковъ». [1] Воззрѣніе Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей на вопросъ о монастырскихъ имуществахъ одержало верхъ и на Стоглавомъ соборѣ, хотя, конечно, находило сопротивленіе въ нѣкоторыхъ членахъ собора. [2] Авторъ замѣтки (кто бы онъ ни былъ) успѣлъ обратить вниманіе членовъ собора почти на всѣ замѣченныя имъ «въ православной вѣрѣ неисправленія» и выставить противъ нихъ запрещенія собора Стоглаваго; но въ Стоглавѣ нѣтъ ничего противъ важнаго пункта, указаннаго въ замѣткѣ: *холопьствомъ робятъ безъ кончины* и послѣ живота своего дѣтямъ своимъ даютъ, *а архиепископы принимываютъ*. На Стоглавомъ соборѣ получила перевѣсъ партія митрополита Макарія, проводившая убѣжденія Іосифа Волоцкаго о владѣніи монастырей отчинами. Не лишено интереса и то обстоятельство, что престарѣлый Іоасафъ, митрополитъ ростовскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на статьи Стоглаваго собора проситъ уничтожить новый налогъ на крестьянъ, который установленъ былъ соборомъ *для* искупленія плѣнныхъ. Этотъ окупъ Іоасафъ совѣтуетъ брать не съ сохъ, а «изъ митрополичи и изъ архиепископли и изо всѣхъ владычныхъ казнъ и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ.» «Крестьяномъ, государь царь, (объясняетъ Іоасафъ) и такъ твоей много тягли, въ своихъ податехъ, государь, покажи имъ милость.» Печалуясь за крестьянъ и переводя съ нихъ налогъ на монастырь и казну владыкъ, Іоасафъ даетъ проскользнуть

[1] Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древн. IX, отд. IV, стр. 1.

[2] Смотри любопытный отвѣтъ митр. Макарія въ предъидущ. статьѣ.

въ своихъ замѣткахъ недоброжелательству на Іосифа Волоколамскаго. «Написано, государь, въ твоихъ спискахъ: у дѣда твоего, государя нашего, у великаго князя Ивана Васильевича на соборѣ былъ игуменъ Іосифъ Волоцкой, какъ государь соборовалъ дѣдъ твой и государь нашъ о вдовыхъ священникахъ. *И на томъ соборѣ у дѣда твоего были многихъ монастырей честныя архимандриты* и игумены и старцы многіе, тѣхъ же монастырей пустынники, *которые житиемъ были Богу угодны и святое писаніе извѣстно разумѣли*, потому же, государь, какъ нынѣ у тебя, государя, на соборѣ многіе архимандриты і игумены і многие старцы изо всѣхъ монастырей. *И опричь, государь, игумена Іосифа никто не написанъ, кто у дѣда твоего былъ на томъ соборѣ*. И будетъ, государь, тебѣ угодно дѣда твоего, государя нашего, тотъ соборъ, и ты бы, государь, Бога ради и тѣхъ честныхъ монастырей архиманритовъ и игуменовъ і старцовъ велѣлъ написати въ той статьи во своемъ спискѣ». (Стоглавъ, стр. 429).

Рязанскій епископъ Касьянъ, противникъ Іосифа Волоцкаго, въ 1554 году лишенъ былъ епископской каѳедры, которую получилъ Леонидъ, владѣлецъ сборника, изъ котораго заимствована нами замѣтка о церковныхъ «неисправленіяхъ». Касьянъ лишился сана, между прочимъ, за хулу на книгу Іосифа Волоцкаго. Новый рязанскій епископъ Леонидъ былъ постриженникомъ Іосифова монастыря и горячимъ приверженцемъ его основателя. Это видно изъ слѣдующей челобитной Леонида [1]: «Богомъ вѣнчанному и христолюбивому государю царю великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ епископъ Леонидъ Резанской и Муромской. Пожаловалъ еси, государь, меня богомолца своего, велѣлъ мнѣ быти у себя, государь, за столомъ на Рожество Христово. И архиепископъ Государь Ростовской Еуѳимей мнѣ, богомолцу твоему, съ собою ести з блюда не далъ и меня, богомолца твоего, конечно позоровалъ. А прежь того, государь, при отце твоемъ при нашемъ государи при цари великомъ князе Иване Васильевиче всея Русіи *и лѣвъ*, богомолецъ твой, *едалъ со архиепископомъ съ новгородцкимъ с одного блюда*, а въ томъ, государь, дѣле воленъ ты, государь, какъ тебѣ, го-

[1] Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Волоколамскому монастырю (нынѣ Московской Духовной Академіи), № 564, л. 74—об.—75 об., XVI вѣка. Ср. Акты Историч. I, 410.

сударю, Богъ известитъ. А о томъ тебѣ, государю, молю и челомъ бию, что, государь, насъ богомолцовъ твоихъ осиѳовскихъ постриженниковъ называетъ всехъ не осиѳляны, но жидовляны. И преподобнаго, государь, Иосиѳа постригъ Паѳнутей чюдотворецъ Боровской своими руками, а Паѳнутья, государь, постригъ старецъ Никита, ученикъ Сергѣя чудотворца, Иосиѳу, государь, преподобному свидѣтель житию; преподобного Паѳнутия чудотворца по прошенью его и по моленью далъ Богъ дѣду твоему наслѣдника царствию вашему отца твоего, нашего государя царя, великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи, а приемникъ его былъ во святѣи купели Касьянъ Босой, ученикъ Паѳнутия чудотворца и собеседникъ старцу Иосиѳу преподобному, да Данилъ архимандритъ Малой Переславской, ученикъ Паѳнутия чудотворца. И къ тому тебя, государя, молю, что, государь, прежь сего при прадеде из Осифова монастыря [1] были богомолцы ваши власти болшие. Изъ Осифова монастыря при твоемъ государе, при прадеде и при дѣде на Москвѣ былъ Данилъ митрополитъ всеа Русіи, въ Ростове на архиепископье Касьянъ, братъ Иосиѳу чудотворцу, а въ Смоленску Сава Слепушкинъ, а на Коломне Васьянъ Топорковъ, а при отцѣ при твоемъ, при нашемъ государе, въ Новѣгороде на архиепископствѣ былъ Феодосѣи, Иосиѳовъ же постриженикъ, да во Твѣри епископъ Окакѣи, да на Крутицехъ Сава черной, да Ниѳантъ, да Галактионъ, да въ Смоленску епископъ Гурей Заболоцкой, да въ новомъ просвѣщенномъ царствѣ Казани былъ архиепископъ первой Гурей да Германъ да Лаврентей да Тихонъ да Ерѣмея, да на Крутицахъ Семионъ, да въ Полоцку Триѳонъ архиепископъ. И при твоемъ, государь, при отцѣ, при благовѣрномъ цари, великомъ Князи Иване Васильевиче тѣмъ архиепископомъ и епископомъ укоризны никакой не бывало и такова неподобного слова, еже и мирскимъ человѣкомъ гнусна. Милостивый царь государь! покажи милость, вступися; оборони пречистыя домъ отъ такова навѣтного и поносного слова. Милостивый царь государь! смилуйся».

Мѣсто противника Іосифова Касьяна рязанскаго занялъ такимъ образомъ Іосифлянинъ Леонидъ, какъ видно, пользовавшійся покровительствомъ Макарія, ѣдавшій съ нимъ съ одного блюда. Въ вопросѣ о монастырскихъ отчинахъ Макарій

[1] Это слово въ рукописи пропущено.

держался взгляда Іосифа Волоцкаго и этотъ взглядъ восторжествовалъ на Стоглавомъ соборѣ, благодаря съ одной стороны вліянію Макарія, съ другой вліянію другихъ членовъ собора, бывшихъ постриженниковъ Іосифова монастыря: къ послѣднимъ, по свидѣтельству челобитной Леонида, принадлежали изъ засѣдавшихъ на Стоглавомъ соборѣ: Ѳеодосій, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, Гурій, епископъ смоленскій и брянскій, Акакій, епископъ тверской и кашинскій.

Н. Тихонравовъ.

Слово о злыхъ женахъ[1].

Сло́во ст҃ы҃ ѿц҃ь. на соуесло́весниковъ. и҃ гл҃ть по свои҃ мы́слемъ. на непочитающіе ст҃го писаніи҃. и҃ не приничющіе ѿ бг҃одх҃новеныи҃ кнїги. гн҃ бл҃гви ѿче.

Го́ре чл҃вкоу томоу. и҃же всѧко зло́е ст҃ворение приложить къ бг҃оу. а бг҃ъ зла ничтоже не ст҃вори. ни ѡ́бретесѧ лесть ко оустна҃ его. а҃ще кто ѡ́брѣте что рече зло́е ми далъ. а не разоумѣючи ꙗко диꙗволе есть дѣло. а бг҃ъ ни смрти не ст҃вори. ни раоуетсѧ ѿ погивели грѣшны҃ чл҃вкъ. ни на чл҃вка мчнии҃ не ст҃вори. но ст҃ворена бы҃ моука на дьꙗвола. а҃ще кто диꙗволѧ заповѣди творить. съ диꙗволомъ в моукоу ѡ҃соудитсѧ. а҃ще кто гн҃ѧ заповеди творить то съ гм҃ь цр҃твоуетъ в вѣки. мы же есмы в винѣ пре бг҃омъ. и҃ злѡ ѿ на҃ ражлетсѧ ѿ нашего же зла естьваи и҃сходити и҃зноутри телеснаго. в на҃ же есть зима и҃ скрежеть зоубо҃. в на҃ же змии҃ и҃ черви. а кроучины бъ чл҃вцѣ .г҃. желта. зелена. черна. ѿ желтыи҃ и҃сходить огненаи҃ болѣзнь. ѿ зеленыи҃ и҃схо́ть ноутренаи҃ болѣзнь. а ѿ черыи҃ смрть. а кроучина сдѣваютсѧ ѿ лишнии҃ пиꙗньства и҃ спаниꙗ. и҃ женолежнии҃ великаго. а҃ще бы чл҃вкъ пилъ елъ в мѣроу спнъ бы

---

1 Изъ полууставн. сборника первой половины XVI в., принадлежавшаго Іосифову Волоколам. мон., № 566, л. 528 об.—531 об. *Ред.*

былъ и доголѣтенъ вѣкъ его. вѣкъ бо есть коротокъ грѣшникомъ. а моука вѣчилый бес конца. боуди же всякъ чл҃вкъ скоръ на послоушаніе а лѣникъ на гл҃аніе. да приметь жизнь вѣчноую. ѿ гс҃а по дѣломъ своимъ. пчела летить на звонъ. а моудрый на полезное слово идеть. добръ чл҃вкъ оухо преклоняеть како спстися. а лихва оуклоняется. оутла соуна не мочи налити. а безоумнаго не мочи наоучити. како бо оутлѣ соунѣ ѣздити. такоже безоумна наоучити. какъ соудно разломлено составляти. тако и безоумный чл҃вкъ въ адѣ накажется. да не боуде ємоу пользы къ вѣкы. єгда загорится храмина. чимъ гасити; водою. что боле воды; вѣтръ. что горѣ вѣтра; гора вѣтра не радить. что силнѣ горы; чл҃вкъ въ гороу вкопается. и вниде къ ню и походить. что боле можеть чл҃вка хмель. той ѿниметь роука и нога. что злѣе хмелю сонъ; что лютѣе сна; жена зла҃. на моужа. что противно женѣ разнѣе древа бездушнаго; чредніе .в.ро: аще всудеть добра жена боится и послоушаеть. аще боудеть люта и не боится ни моужа ни дрека жена зла҃ не стыдится никогоже ни срамлается ни ѿчию къ бгоу возходить. ни закона знаеть. но вся ѿгоуждаеть. нѣ зловы па҃ змиины зловы разнѣе женьскыи. єретица змины. и скоропины. єхидна. того злѣе жена зла҃. змины оубо идеть къ чл҃вкоу инъ боится єы. бѣжить ѿ неы. а жена зла҃ возлѣ моужа лежить. дышеть змиевымъ дхомъ. черѣь древо иссоушить. а жена зла҃ моужа погоубить. како во оутлѣ лодьѣ ѣздити. тако с безоумною женою жити. лоуче жити со львомъ и змиемъ въ поустыни. нежели с женою лихою. соупостатликою. с проксудливою. первое адама жена погоубила. илию прка жена въ поустыню загнала. іѡа҃ крстла звѣри въ поустыни вопилися. жена зла҃ главоу его оусѣкноула. иѡа҃ злаоустъ рече. азъ видѣ кротимы вовъ медвѣди ногоѣбе. а жена зла҃ некротимый звѣрь єсть. самаго іѡа҃ злаоустаго жена загонила въ поустыню. соломона премоурѣе нѣ на земли. и того жена прельстила. идоломъ са поклонилъ. а жены послоушлеъ. ѿць менедръ рече. аще ли хощеши бес печали жити не женися. єлико ти єсть требѣ сдержати плоть свою. ѿ похотѣніы женьскаго. аще кто хощеть себе не мога оунати женитися претерпѣвъ до конца. что живоуще спсется а подавъ себе волю погоубится. аще ти са поиметь

жена добра то оумъ твой не строится никоудѣ. идеши ли гдѣ плакаеши ли. к поуть шествоуеши. ѿ домоу ся не печеши. оумъ твой цѣлъ. не заболоудется ни в чемъ. а коли дома боудеши ѿбрадоуешися о доброѣ женѣ и о дѣтех своих. на чюжоу радость не ходя. радость твоя дома есть. аще ли комоу жена дасться за грѣ. что ти ити на мертвца плакатися. а ты дома плачешися по вся дни. аще ти слезы не летять. но срце плачеть. а к лю ше оуныбаешь. люди веселятся. а тобѣ срце плачеть. ѿ домоу своемъ печалоуеши. но прольывъ воды не сграбить. безоумнымъ рече. богоу нашемоу слава. всегда и нинѣ и прно.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Отд.	стран.	строка.	Напечат.	читай.
I	8	31	Подъ какимъ то	Подъ какимъ бы
II	144	14	не нарочно	нарочно